ИСТОРИЯ США 4

ИСТОРИЯ США

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

1945–1980

Издательство «НАУКА» Москва 1987

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ США

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Т. 4 1945-1980

Издательство «НАУКА» Москва 1987

ВВЕДЕНИЕ

Четвертый том настоящего издания посвящен важному и сложному этапу в истории США, который хронологически отграничен от прошлого окончанием второй мировой войны, а от будущего — началом 80-х годов нашего столетия. Для человечества в целом это эпоха гигантских всемирно-исторических сдвигов, выявления качественно новых глобальных процессов и явлений, связанных прежде всего с образованием мировой системы социализма, с научно-технической революцией, учащением ритма и темпа общественного прогресса. Расширение и углубление мирового революционного процесса, охватывающего все новые страны и континенты, и обострение всех противоречий капитализма привели к коренному изменению соотношения сил на международной арене в пользу той исторической тенденции, которая олицетворяет собой приближение неизбежного конца последней антагонистической общественно-экономической формации и поворот человечества к социализму, начатый Октябрьской революцией в России в 1917 г.

Диалектика современного общественного развития такова, что любое мало-мальски важное событие или явление в общественно-политической жизни современных США, а также их поведение на мировой арене объективно связаны с переменами, происшедшими в мире после второй мировой войны. Эта связь и зависимость могут выявляться либо прямо, либо опосредовано. Однако то и другое всегда отражали и отражают общие тенденции в эволюции современного государственно-монополистического капитализма с присущим ему всеусиливающимся конфликтом между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Соединенные Штаты не остались в стороне и от обострения классовых антагонизмов (чисто внутренних и глобальных), прежде всего в форме выступающего на первый план антагонизма «интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением» [1].

Вынашиваемые господствующим классом США еще во время второй мировой войны планы устранить классовые противоречия внутри страны и, навязав другим народам свои ценности и модели, обратить революционный процесс вспять не выдержали соприкосновения с действительностью. 1945 год, проложив глубокую межу в судьбах всего человечества, отчетливо выявил ведущую закономерность движения всемирной истории. Важно подчеркнуть, что на всех континентах речь шла не только о надеждах на будущее. Везде по-разному и в то же время неизменно с верой в достижимость перемен народы включались в активные действия ради завоевания права самим решать свою судьбу. В одних ситуациях эти действия перерастали в новую вооруженную борьбу против сил, пытавшихся реставрировать старые порядки, в других — протекали в относительно мирных формах, хотя и в этом случае классовые и политические размежевания достигали крайних пределов. По совокупности же все эти события, конфликты и столкновения свидетельствовали о складывании предпосылок новой революционной ситуации. Она охватила ряд европейских стран и значительную часть Азии, причем собы-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 264.

тия в разных концах мира оказались сближенными во времени, что многократно увеличивало вызываемые ими действие и резонанс. Ведущая роль в антифашистской борьбе страны победившего социализма, Советского Союза, убедительно доказавшая историческое превосходство социализма, вклад коммунистов и левых сил в движение Сопротивления наложили решающий отпечаток на развитие событий внутри многих стран.

Вполне закономерно, что на заключительном этапе второй мировой войны антифашистская и национально-освободительная борьба все теснее переплеталась с борьбой народных масс за радикальное изменение политических и социально-экономических условий их жизни. Всего заметнее этот процесс происходил в ряде восточных и юго-восточных стран Европы, где рабочий класс и его политический авангард — коммунистические и рабочие партии — выступали решающей, а в некоторых случаях и единственной организованной силой в борьбе с фашизмом и реакцией. Уже в ходе войны здесь были созданы предпосылки для перерастания национально-освободительной борьбы народов в революции социальные, победа которых стала первым шагом строительства в этих странах нового общества и формирования мировой системы социализма.

Вступление на путь социализма новых стран, распад и крах колониальной системы, последовательное возрастание общественно-политической роли рабочего класса и его сознательного авангарда, нарастание национально-освободительной, антиимпериалистической борьбы убедительно показывали, что смена вех в социально-экономической эволюции вытекает из объективных условий существования современного общества, делающих неизбежным для человечества в целом выбор в пользу социализма.

Ко всем этим изменениям революционного характера монополистическая буржуазия США, вынашивавшая идею осуществления доктрины «американского века», испытывала непримиримую враждебность. Вот почему с самого начала они были объявлены буржуазной пропагандой США порождением «советского экспансионизма» и результатом узурпации власти «революционным меньшинством». В ход был пущен миф об экспорте революции со стороны социалистических стран, раздуваемый официальным Вашингтоном зачастую до размеров всеобщей истерии, хотя имперским планам американского империализма противостояли не чьи-то тайные усилия, а сама объективная логика истории, реальности нашей эпохи.

Особо зловещий смысл отказа США считаться с историческими константами подчеркивал тот факт, что в верхних эшелонах власти США всегда хорошо сознавали, куда направлены главные токи общественного развития. В секретной переписке различных государственных служб и видных политических деятелей США, относящейся к концу войны, с тревогой констатировалось резкое ослабление позиций буржуазии во многих капиталистических странах (особенно европейских), рост притягательной силы социалистического идеала и усиление тяги народных масс в направлении радикальных изменений общественных структур и политических институтов [2]. Иными словами, именно классовый эгоизм монополи-

---

[2] Joint Chiefs of Staff. Memorandum for Information N 180, Report on Political Conditions in Occupied Europe, January 17, 1944.— Franklin D. Roosevelt Library, Map Room, Box 171, Naval Aid File; Acting Secretary to the Secretary of State, July 13, 1945.— National Archives, General Records of the Department of State, Decimal File,

стической буржуазии США, а не показное желание вернуть народам «украденные» у них свободы толкнул ее к яростному противодействию процессу социально-политических перемен, охватившему бóльшую часть мира.

Хорошо известно, что характер политики, которую проводит то или иное государство внутри и вне страны, определяется прежде всего тем, какой класс стоит в этой стране у рычагов власти. В свою очередь, как подчеркивал В. И. Ленин, самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики государства в конечном итоге лежат в экономических интересах господствующих классов, в их экономическом положении [3].

Политика главной страны империализма, Соединенных Штатов, на протяжении всей их истории — наглядное подтверждение этого вывода марксизма-ленинизма. Если же говорить о послевоенном периоде в истории США, ставшем предметом рассмотрения в настоящем томе, то с точки зрения внутренних условий он характеризуется абсолютным и безраздельным господством американской крупной буржуазии, и прежде всего финансовой олигархии, в структуре власти. Вторая мировая война создала для этого исключительно благоприятные возможности. В ходе ее усилиями пропагандистской машины была проведена операция по моральной реабилитации финансово-промышленной олигархии, чья репутация в связи с критикой за плачевное состояние, в котором оказалась экономика страны в годы «великой депрессии», понесла известный урон. Главное же состояло в том, что война в гигантских размерах содействовала росту экономического могущества монополий. Этому сопутствовало и непрерывное повышение степени централизации капитала и концентрации производства.

Особое значение в этом смысле имели слияния и поглощения 40—50-х годов «горизонтального» и «вертикального» характера и последовавшие вслед за ними слияния конгломератного характера, т. е. образование корпораций, оперирующих в различных отраслях промышленности, торговли, услуг, транспорта и финансов [4]. Создание американских транснациональных компаний (ТНК), длительное время доминирующих в системе экономических связей мирового капитализма, стало продолжением начавшегося еще в годы второй мировой войны процесса изменения организационного строения американского капитала и его интенсивной экспансии за рубежом. О масштабах проникновения капитала США в экономику других стран, и прежде всего западноевропейских, говорит тот факт, что к концу 70-х годов общая стоимость активов американских банков за пределами США достигла 200 млрд. долл.[5]

Сосредоточение экономических ресурсов в руках крупнейших финансово-промышленных империй, которые вершат свои дела, сообразуясь лишь с собственными интересами, привело к тому, что к середине 80-х годов на командных позициях прочно закрепились примерно 200 крупнейших американских транснациональных корпораций и 200 ТНК, базирующихся вне США [6]. Они держат все приводные ремни экономического

1945—49, Record Group 59, Confidential File, 1945—1949, Box 265, 740—00119 (Potsdam), 7—1345.

[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 327.

[4] *Беглов И. И.* США: собственность и власть. М., 1971, с. 236.

[5] Правда, 1983, 9 мая.

[6] Проблемы мира и социализма, 1985, № 4, с. 81.

механизма страны. В 1982 г. доля корпораций-гигантов с капиталом в 1 млрд. долл. и более в суммарных активах всех корпораций составляла 66% (против 17% в 1948 г.) [7]. Неудивительно, что государственный аппарат оказался намертво привязанным к монополистическому капиталу, точнее говоря, в прямой зависимости от него. Личная уния монополий и правительственной бюрократии, осуществляемая посредством заполнения всех ключевых постов в администрациях на федеральном и местном уровнях людьми капитала, типична для послевоенной Америки. Располагая неограниченными возможностями, корпорации идеологически и политически осуществляют эффективный контроль над функционированием двухпартийной системы, законодательной, исполнительной и судебной властями. Разумеется, все они сохраняют относительную самостоятельность, но только в пределах той призрачной свободы, которой располагают клиенты ростовщика, находясь вблизи долговой ямы. В настоящем томе эта важная тема рассматривается в различных аспектах — в государственно-правовом, политическом и духовном.

В системе монополистического капитала стратегические позиции занимают коммерческие банки и инвестиционно-банковские фирмы. Главной же фигурой в ней по-прежнему остается крупный собственник. Вопреки ходячим утверждениям многих американских историков, экономистов и социологов апологетического направления о том, что корпорации покончили с зависимостью от рынка капитала, и об «исчезновении» капиталиста как ведущей тенденции развития капитализма во второй половине XX в. финансовая олигархия США не только не утратила средства контроля над промышленными корпорациями, но, напротив, многократно приумножила их. В целом можно говорить об определенной стабильности состава современной финансовой олигархии США, этих нескольких сотнях богатейших семей и семейных кланов — подлинных правителей Америки (Форды, Гетти, Кайзеры, Диллоны, Лимэны, Люсы, Морганы, Рокфеллеры, Фиппсы, Уорберги, Дюпоны, Меллоны и др.). Однако обогащение на войне и развитие научно-технической революции способствовали появлению и новых богачей, в последние два-три десятилетия весьма энергично и настойчиво оспаривавших у своих более старых соперников право находиться у руля государственной машины, активно влиять на ее курс вне зависимости от того, какая из двух буржуазных партий (республиканцы или демократы) имеет большинство в конгрессе и контролирует Белый дом.

Зловещую роль в этой борьбе за сосредоточение власти в руках отдельных, самых могущественных группировок финансово-промышленного капитала США после второй мировой войны играли те из них, которые представляли военную промышленность и тесно связанные с ней милитаристские круги. Наживающиеся на производстве и продаже оружия, всеми силами стремящиеся не допустить контроля над ним, связанные тесными личными и деловыми узами с военным истэблишментом, более всего заинтересованные в государственных военных заказах, а отсюда и в поддержании международной напряженности, проведении агрессивной внешнеполитической линии, крупные промышленные фирмы США (такие, как «Локхид», «Дженерал дайнэмикс», «Макдоннелл — Дуг-

[7] *Чепраков С. В.* Монополистические объединения в промышленности США. М., 1984, с. 65.

лас», «Боинг», «Бендикс» и др.) сначала исподволь, а затем совершенно открыто на протяжении послевоенных десятилетий шаг за шагом осуществляли программу вытеснения конкурентов в борьбе за влияние в коридорах власти.

Материальной основой этого продвижения к политическому могуществу явилось последовательное увеличение удельного веса бизнеса, непосредственно занятого военными приготовлениями, в экономике страны. Известный американский социолог Р. Миллс писал в 1957 г., что уже в 40-е годы в структуре американского капитализма произошел гигантский сдвиг в сторону создания системы «перманентно военной экономики», базирующейся на частнокапиталистических корпорациях[8]. Позднее Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл дал этому явлению четкую оценку: «„Военно-промышленный комплекс", возможно, не самый точный термин, но он отражает одну из характерных черт нашей сегодняшней действительности. Этот популярный термин, обозначающий определенное явление государственно-монополистического капитализма, характеризует высокий уровень милитаризации, ставший результатом переплетения огромной военной машины с крупными банковскими и промышленно-монополистическими корпорациями. Это — мощный комплекс. Он господствует на каждом участке жизни в Соединенных Штатах и оказывает на нее отнюдь не благотворное влияние. Он деформирует и уродует все процессы. В нем отражается паразитизм и загнивание капитализма»[9].

Вторая мировая война, милитаризм, всегдашний страх перед повторением «великой депрессии»[10] и, разумеется, усложнение внутреннего механизма капиталистического способа производства в эпоху научно-технической революции содействовали складыванию целостной системы государственно-монополистического капитализма США. Роль и значение буржуазного государства, действующего в общеклассовых интересах крупного капитала, неизмеримо выросли. В условиях коренной ломки мировых хозяйственных связей, вызванной соревнованием двух систем и нарастающим воздействием НТР, буржуазное государство, сосредоточившее в своих руках важные рычаги управления общественным воспроизводством, использовало их прежде всего в целях укрепления внутренних и международных позиций монополистического капитала. Оно обеспечивает процветание военно-промышленного комплекса, стимулируя и финансируя непрерывную модернизацию всех видов оружия, что позволяет военному бизнесу с конца второй мировой войны развиваться без заминок и спадов в его динамике. В сущности, тем же было вызвано и расширение социальных функций государственной власти, хотя это расширение время от времени и вызывало критику (подчас напоминающую легкий бунт) со стороны монополий, недовольных по традиции

---

[8] *Миллс Р.* Властвующая элита. М., 1959, с. 379.

[9] *Холл Г.* Революционное рабочее движение и современный империализм. М., 1974, с. 107.

[10] Президент Г. Трумэн в одном из выступлений после окончания второй мировой войны заявил: «В 1932 г. система частного предпринимательства была близка к краху. Существовала реальная угроза того, что американский народ может повернуть к какой-то другой системе. Если мы хотим выиграть битву между „свободой" и коммунизмом, нам следует быть уверенными в том, что впредь не будет допущено повторения подобной депрессии» (цит. по: *Перло В.* Неустойчивая экономика: Бумы и спады в экономике США после 1945 г. М., 1975, с. 18).

отдельными аспектами деятельности «большого правительства», уступками демократическим низам, усилением влияния бюрократии и т. д.

Аксиомой является известное положение марксизма о том, что империализм означает усиление реакционности буржуазии по всем линиям. В предыдущих томах настоящего издания проанализированы начальные стадии этого процесса применительно к США. Раскол мира на две системы, начало общего кризиса капитализма, как и предвидел В. И. Ленин, сделали буржуазию еще более склонной искать спасение на крутых поворотах истории в ущемлении и ликвидации демократических прав трудящихся, конституционных гарантий, в авторитете «сильной власти». История и современный политический опыт подтверждают правильность этого вывода. Классическим примером служат современные США.

Засилье крупного капитала в экономике, политике и идеологии США в условиях дальнейшего обострения внутренних и внешних противоречий современного капитализма в целом пагубно сказалось на состоянии буржуазно-демократических свобод США. Гонения на инакомыслие и инакомыслящих стали непременным атрибутом «американского образа жизни». Умело возбуждаемые и направляемые из-за кулис, нередко с верхних «этажей» государственного здания, они сопровождаются опасным ростом могущества репрессивно-полицейского аппарата, превратившегося в мощный централизованный институт, оказывающий всевозрастающее воздействие на повседневную жизнь общества.

Давно замечено (в том числе и историками США немарксистских направлений), что изначально в основу доводов реакции в пользу усиления политики преследований в отношении левых и прогрессивных элементов, а также всякого рода дискриминационных мер было положено ложное истолкование причин, которые вызывали и вызывают нарастающие внутренние и внешние трудности американского капитализма. Их постоянно приписывали злокозненной, «подрывной» работе радикалов, мировому социализму, якобы намеренно сеющих недоверие к фундаментальным принципам экономической системы буржуазного общества и классовую рознь. Между тем истина состоит в том, что корень противоречий, подтачивающих жизненные устои капитализма США, лежит не *вовне*, а *в нем* самом, прежде всего в господствующей системе отношений собственности и экономическом механизме капиталистического воспроизводства.

Внедрение регулирующего механизма в хозяйственную жизнь США в годы «нового курса» и практика государственного дирижизма в годы войны в сочетании с социально-реформаторской деятельностью придали экономическому развитию США известную устойчивость. Война явилась мощным генератором экономического роста, она способствовала временному решению проблемы занятости. Широкое применение новых видов топлива, синтетических и искусственных материалов, массовая автоматизация, революция в воздушном транспорте и морском судоходстве — все это определило повышенные темпы роста производства, а также изменение отраслевой структуры экономики США в 40—60-х годах. Этому же способствовали и промышленные бумы, вызванные агрессивными войнами в Корее и Вьетнаме. До начала 70-х годов увеличивалась покупательная способность населения [11]. Нельзя не упомянуть и о том,

[11] Механизм экономического цикла в США. М., 1978, с. 91, 92.

что упорная борьба трудящихся США за повышение жизненного уровня принесла определенные плоды [12].

В 40—50-е годы буржуазная наука и пропаганда в один голос возвестили о «чуде» превращения американского капитализма в «народный капитализм», обещая нескончаемое экономическое «процветание» и «революцию доходов». В попытке создать привлекательный образ американского капитализма, «приобщить» его к гигантскому процессу социально-экономического обновления, захватившего весь мир, на свет вновь были извлечены старые концепции, которым всячески стремились придать мнимо новый вид.

Среди множества подобных подделок одна из самых распространенных — миф о радикальной трансформации буржуазного общества в США, которая будто бы сделала его совершенно непохожим на классический капитализм XIX — начала XX в. Эту трансформацию обычно связывали с колоссальной концентрацией экономической мощи в руках акционерного капитала, якобы полностью разрушившего старую экономическую ткань капиталистического общества, с «добровольным» принятием буржуазным государством на себя функций регулятора социально-экономических отношений и признанием юридического статуса за экономическими организациями рабочих — тред-юнионами («теория равновесия»). Диффузия собственности и «революция управляющих», заявляли апологеты «нового капитализма», превратили буржуазное общество в общество «всеобщего благоденствия». Из факта технического прогресса и формального признания классом капиталистов за тред-юнионами права защиты экономических интересов рабочих делался вывод об автоматической ликвидации всех зол капитализма.

Между тем в недрах капиталистического производства происходило постепенное накопление глубоких противоречий. Частично они находили разрешение в циклических кризисах перепроизводства 1948—1949 гг., 1957—1958 гг. и 1960—1961 гг., которые, хотя и не принимали особо разрушительного характера, тем не менее свидетельствовали, что относительная стабильность развития капитализма США покоится на весьма шатких основаниях. В середине 60-х годов наступил перелом в динамике общественного воспроизводства США, наметилось резкое сокращение его эффективности. Механизм государственно-монополистического регулирования явно не справлялся ни со структурными сдвигами, вызываемыми научно-технической революцией, ни с ее социальными последствиями. На фоне быстрого роста инфляции падали реальные доходы трудящихся. Угрожающе росла массовая безработица, принявшая хронический, структурный характер.

70-е и начало 80-х годов стали свидетелем дальнейшего углубления и обострения всех противоречий американского капитализма (и «старых» и «новых»), причем наиболее четко это проявилось в сфере общественного воспроизводства, темпы которого резко снизились в результате двух самых значительных в послевоенный период экономических кризисов — 1973—1975 гг. и 1980—1982 гг. В ряде отношений их воздействие на экономику США было сильнее, чем во многих других развитых капиталистических странах, что отчасти объясняется более тесным, нежели в других странах, переплетением циклических кризисов с действием долго-

[12] Political Affairs, 1984, Mar., p. 6.

временных негативных тенденций, таких, как образование крупных дефицитов торгового баланса, ослабление позиций США на мировых рынках, падение производительности труда, валютная нестабильность, и т. д.[13]

Обещания «оздоровить» капитализм, обеспечив его бескризисное развитие в рамках общества «всеобщего благоденствия», потерпели провал. Это все чаще признают и буржуазные идеологи и политики, вынужденные констатировать, что попытки «оздоровления» экономики предпринимались главным образом за счет трудящихся и в интересах монополистического капитала. На протяжении десятилетий (часто вне зависимости от перепадов экономической конъюнктуры) на одном полюсе продолжали расти прибыли, а на другом — накапливалась социальная обездоленность в силу постоянного обострения проблемы занятости и тенденции к понижению цены рабочей силы, внедрения новых, все более изощренных форм капиталистической эксплуатации, упадка здравоохранения, ухудшения положения с жильем и недостаточности или свертывания социальных программ помощи. Исторический опыт неопровержимо свидетельствует, что принимаемые время от времени буржуазным государством ограниченные меры по «ликвидации» бедности не приносили в конечном счете ожидаемого результата. Сохранение же позорящей Америку дискриминации национальных меньшинств, женщин, рабочих-иммигрантов довершает картину «американского образа жизни» в его реальном воплощении.

Несмотря на огромный рост общественного богатства после второй мировой войны, США, как это было и прежде, а точнее сказать, в еще больших размерах, остаются страной социального неравенства, резких социальных контрастов. Бурный рост научно-технического прогресса придает этому явлению воистину кричащий характер. Рядом с островками взметнувшихся вверх зеркальных небоскребов деловых центров — наступающие на них трущобы «внутреннего города»; рядом с богатыми пригородами — всеумножающиеся «районы бедствия» с голодающими людьми и высокой смертностью; рядом с роскошными отелями для состоятельной публики и кошачьими усыпальницами — огромная армия выброшенных из производственной сферы бездомных, коротающих ночь и день где придется, чаще всего на улицах; рядом с гигантским ростом материальной базы науки — рост неграмотности среди неимущих слоев, кризис общеобразовательной школы; рядом с достижениями медицины — упадок медицинского обслуживания, его невероятное вздорожание и недоступность для многих. Бедность, резюмирует известный американский публицист С. Ленс, проанализировав исторические корни этого «парадокса»,— постоянная часть панорамы американской жизни[14].

В основе этого явления американской действительности всегда был и остается неустранимый в рамках буржуазного общества антагонизм классовых отношений между трудом и капиталом. Отсюда неустранимость и классовой борьбы американского пролетариата, борьбы всех угнетаемых монополистическим капиталом и восстающих против его произвола, внутренней и внешней политики, общественных сил — наиболее обездо-

---

[13] *Boorstein E.* What's Ahead?.. The US Economy. N. Y., 1984.
[14] *Ленс С.* Бедность: неискоренимый парадокс Америки. М., 1976, с. 430.

ленной части американского народа, афро-американцев, фермеров, значительной части молодежи, женщин, средних слоев.

Тема народных масс остается центральной и в IV томе «Истории США». Более того, в определенном смысле она приобретает особое звучание в силу утвердившейся в немарксистской послевоенной историографии США традиции рассматривать движения социального протеста вне рамок политической истории, делая упор на их обособленность [15]. Такой подход приводит к многочисленным искажениям целостной картины общественного развития, не позволяет увидеть и понять взаимосвязь и взаимообусловленность его главных элементов, ведет в тупик узколобого эмпиризма, развивает пристрастие к частностям, затрудняет восприятие внешних форм и внутренней сути явлений и событий, взятых в их единстве и многообразии.

Так, в результате искусственного рассечения национальной истории на самостоятельно существующие и подчас никак не увязанные друг с другом «подыстории» во многих работах немарксистских авторов по истории послевоенной Америки в превратном виде в конечном итоге оказались представленными источники и движущие силы изменения социальных форм: государственно-правовых, партийно-политических и идеологических. Обычным делом стало превознесение «эластичности» политической системы, способной-де автоматически, без давления «извне», самонастраиваться применительно к потребностям времени, текущего момента и снимать любую остроту проблем. Между тем историк, остающийся на почве научного анализа, должен признать, что каждое мало-мальски значительное социальное явление в США, успехи и неуспехи в деле социальной реформы за последние десятилетия находятся в непосредственной связи и зависимости от уровня развития народных движений, их массовой организованности и политической зрелости. Он не может также упускать из виду и то, что Ф. Энгельс называл общей связью мировых событий [16], которая дает возможность правильно понять и уяснить источники политического поведения господствующего класса США, характер его социального маневрирования.

Материалы проделанного исследования показывают, что классовая борьба американских рабочих, другие демократические движения социального протеста развивались и развиваются в США в особо сложных условиях отсутствия независимой массовой политической партии трудящихся, недостаточной организованности, сохранения раскола рабочего класса и разобщенности прогрессивных сил, длительного засилья в рядах рабочего движения концепций профсоюзного экономизма и «классового партнерства» [17], глубоко укоренившейся двухпартийной политической системы и неблагоприятной общей идеологической обстановки с ее искусственно подогреваемыми антикоммунизмом, культом наживы и насилия, национального превосходства и военного могущества, гонениями на инакомыслие. Однако именно народные массы, и прежде всего рабочий класс США, всегда были и остаются главной движущей силой борьбы за социальный прогресс страны, во многих случаях демонстрируя свою верность прогрессивным традициям борцов за независимость, аболиционистов, попу-

[15] *Schatz R. W.* Labor Historians, Labor Economics, and the Question of Synthesis.— Journal of American History, 1984, June, vol. 71, N 1, p. 94.
[16] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 35, с. 216.
[17] Daily World, 1985, Aug. 25.

листов, революционных анархо-синдикалистов конца XIX — начала XX в., участников за обновление профдвижения и антифашистов 30-х годов. Народные массы США еще не сказали своего последнего слова в борьбе за подлинную демократию и за новую внешнюю политику США.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что в реальной жизни передовым общественным силам нации не удалось перебороть негативную и очень опасную тенденцию, выраженную в росте политического могущества наиболее реакционно, шовинистически настроенных кругов правящей олигархии. На разных этапах послевоенной истории США поражения «народного лобби», антимонополистических и антиимпериалистических сил приводили в области внутренней политики к утрате прежних завоеваний, а порой к резким сдвигам вправо, а в области внешней — к усилению по вине США международной напряженности, гонке вооружений, к военным авантюрам в духе агрессивных войн в Корее и во Вьетнаме.

Вопреки подлинным интересам самого американского народа, используя возросшую в годы войны экономическую и военную мощь, а некоторое время и атомную монополию, культивируя в политическом сознании американцев пагубный комплекс непогрешимости и вседозволенности, реакционная буржуазия США активно заявила о своих притязаниях быть гарантом и охранителем международной системы эксплуатации и гнета. Политическая и идеологическая подоплека внешнеполитической экспансии США отчетливо проявилась прежде всего в их послевоенной европейской политике. Курс на «атлантическую солидарность», с помощью которого США привязали буржуазию этих стран к политике антикоммунизма в годы «холодной войны», прикрывал диктат империализма, восстановление довоенных отношений собственности и власти и стремление изолировать трудящихся Западной Европы от воздействия мирового социализма.

Выдвинутая реакционными кругами установка на глобальную гегемонию США в духе Pax Americana с опорой на милитаризм и силовые решения международных проблем была связана также с потрясениями, которые принесли капитализму распад и крах его колониальной системы. Вторая мировая война явилась ускорителем этого исторического процесса. Но в отличие от первой революционной волны, охватившей сравнительно небольшую часть колониального мира, сферой освободительной борьбы на этот раз стала колоссальная территория с сотнями миллионов населения. Самый характер войны, решающая роль Советского Союза в борьбе против фашистского блока, выдвинутая им демократическая, антиимпериалистическая программа послевоенного урегулирования наложили глубокий отпечаток и на масштаб национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, на его характер и формы.

И снова, говоря о движущих силах внешнеполитической экспансии США после второй мировой войны и отмечая значение таких факторов, как стремление американских монополистов воспользоваться ослаблением своих империалистических конкурентов и жаждой установить контроль над природными ресурсами бывших колониальных и зависимых стран, не следует упускать главного — политические соображения, которыми руководствовался Вашингтон, занимая непримиримо враждебную позицию по отношению к революционному движению и его достижениям в Азии, Африке, Латинской Америке. Страх перед цепной реакцией выпадения из сферы влияния империализма все новых и новых молодых государств,

вступающих на путь национального и социального освобождения, перед опасностью сужения подвассальных мировому капитализму территорий побуждал и побуждает США использовать все средства воздействия (вплоть до самых крайних) в целях любой ценой сохранить статус-кво и свое влияние среди ранее порабощенных народов. Представляя себя поборником прогресса и прав человека, Соединенные Штаты на протяжении всей послевоенной истории на деле выступали душителями законного стремления этих народов к освобождению, государственной самостоятельности и свободному развитию.

Исключительно болезненно господствующий класс США реагировал на усиление и углубление революционного процесса на Латиноамериканском континенте, традиционно рассматриваемом им как зона его особых интересов. Отсюда понятно, почему именно здесь, в этих некогда зависимых всецело от американского империализма странах наиболее обнаженно проявилась линия США на подавление борьбы их народов за право самим распоряжаться своей судьбой, своими ресурсами и своим голосом в международном сообществе наций. Более полутора веков Соединенные Штаты «копили» противоречия с Латинской Америкой, но никогда прежде они не наталкивались на такое сильное сопротивление, на такую самоотверженную решимость восставших народов идти до конца в борьбе против империалистического гнета. С победой Кубинской революции (1959 г.) в латиноамериканской истории начался этап борьбы за «вторую независимость». Но на этот раз речь шла не о ликвидации испанского или португальского, английского или французского колониального ига, а о том, чтобы покончить с господством империализма США.

Исторический антагонизм между североамериканским империализмом и народами развивающихся стран носит объективный, неустранимый характер. И хотя, как показывают современные исследования, позиция США по отношению к этим странам на протяжении всех послевоенных десятилетий внешне видоизменялась, тем не менее ее суть оставалась неизменной: она была и остается империалистической политикой социально-экономического угнетения с преимущественным креном в сторону использования силы, шантажа и запугивания в сочетании с насаждением послушных Соединенным Штатам режимов [18]. Однако чем дальше, тем больше политика США в отношении развивающихся стран приходит в противоречие с интересами народов этих стран, их сопротивление неоколониализму США и попыткам диктата растет, принимая форму всенародных повстанческих движений и войн, активного внешнеполитического отпора притязаниям намертво втянуть освободившиеся страны в сферу влияния США.

По вполне понятным причинам внешнеполитическая проблематика в настоящем томе занимает особое место. Во-первых, никогда прежде международные отношения не играли такой важной роли в судьбах человечества, как это произошло после вступления в ядерный век, и, во-вторых, никогда прежде внешняя политика США не приобретала такой глобальный характер в силу сделанной ими заявки на осуществление имперских амбиций. При этом авторский коллектив не стремился к детальному рассмотрению истории современной внешней политики и

---

[18] *Barry T., Wood B., Preusch D.* Dollars and Dictators. A Guide to Central America. L., 1983.

дипломатии США, тем более что в ряде содержательных коллективных и монографических исследований советских авторов это сделано со всей научной добросовестностью и доказательной силой [19]. Свою основную задачу авторы видели в анализе, выявлении классовой сущности и главных тенденций во внешней политике и дипломатии современного американского капитализма, рассматриваемых в тесной связи с гражданской историей.

Разумеется, авторы сознают, что далеко не все поставленные в томе проблемы могли быть ими раскрыты и решены с одинаковой полнотой и аналитической глубиной. Некоторые, особенно те, которые в хронологическом отношении относятся к более близкому нам периоду, к текущей истории, нуждаются в дальнейшем исследовании, уточнении и перепроверке новым эмпирическим материалом.

Ключ к познанию механизма смены «вех» в послевоенной истории США, переходных состояний, противоречивых и сложных явлений в развитии как базисных, так и надстроечных элементов американского капитализма, его роли в современном мире авторский коллектив видел в творческом применении марксистско-ленинской теории исторического процесса к исследованию общественной жизни во всей ее конкретности и многообразии. Все свое непреходящее значение для изучения современных Соединенных Штатов, в особенности всех перипетий их социально-политического развития, сохраняют специальные труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, посвященные истории борьбы классов и партий, американскому рабочему и социалистическому движениям, другим вопросам экономического развития, общественной мысли, науки и культуры США.

Важно также еще раз подчеркнуть общеметодологическое значение творческого наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Раскрытая и научно обоснованная марксистско-ленинской теорией объективная закономерность исторического процесса позволяет глубоко и всесторонне оценить историю и политику США в контексте развития капиталистической общественно-экономической формации на ее современной ступени, нацеливает на сущностное познание явлений. Субъективизму, вульгарной индивидуализации событий и фактов, произволу в их трактовке, внесению искусственного разрыва между диалектически взаимосвязанными отдельными звеньями исторической эволюции, т. е. тому, что свойственно буржуазной историографии, марксистский историзм противопоставляет системный подход к изучению социально-политической проблематики. В основе его лежит объективно-исторический критерий, дающий возможность рассматривать общество как целостный, развивающийся организм, как естественноисторический процесс.

Однако руководствоваться в историческом объяснении теорией общественно-экономических формаций — не значит умалять роль особенного, единичного, национально-специфического, присущего в данном случае преимущественно только тому буржуазному обществу, которое сформировалось и длительное время развивалось в США в своеобразных условиях нетипичной исторической «среды». К. Маркс писал, что «один

[19] Подробнее см.: Современная внешняя политика США: В 2-х т./Отв. ред. Г. А. Трофименко. М., 1984; *Петровский В. Ф.* Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М., 1980; *Громыко Анат А.* Внешняя политика США: уроки и действительность, 60—70-е годы. М., 1978.

и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.— может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» [20].

В ходе осуществления поставленной неординарной задачи — дать комплексную и по возможности многоплановую картину истории США, развития науки, культуры и общественной мысли в этой стране за последние четыре десятилетия (с окончания второй мировой войны) — авторский коллектив стремился также опираться на лучшие достижения современного марксистского обществоведения. В работе широко использованы документы и материалы международного рабочего и коммунистического движений, выводы из содержащегося в них анализа общего кризиса капитализма, мирового революционного процесса, отдельных аспектов социально-политического развития стран развитого капитализма, международных отношений. Важное значение имели труды американских марксистов и прогрессивных авторов, советских американистов — экономистов, историков, социологов, политологов, филологов и искусствоведов. Достигнутый в нашей стране в целом весьма высокий уровень теоретических и конкретных исследований по экономической и социально-политической истории США, а также в области истории общественной мысли и культуры американского народа позволил сосредоточить внимание на диалектике общего и особенного в общественно-политическом развитии США, еще раз подтверждающей историческую обусловленность смены идущего к своему закату капитализма новым, передовым общественным строем — социализмом.

* * *

Авторский коллектив IV тома:

Введение — В. Л. Мальков;

глава I — Н. В. Сивачев (§ 1, 2), В. А. Никитин (§ 3), Ю. Н. Рогулев (§ 4), А. П. Королева (§ 5), М. А. Головина (§ 6);

глава II — Б. И. Марушкин;

глава III — М. А. Головина (§ 1), Г. А. Агафонова (§ 2), Г. И. Святов (§ 3), В. А. Никитин (§ 4, 6), Ю. Н. Рогулев (§ 5);

глава IV — Н. В. Сивачев (§ 1), Н. В. Сивачев, В. И. Терехов (§ 2), Ю. М. Мельников (§ 3), Ю. Н. Рогулев (§ 4), В. И. Терехов, В. О. Печатнов (§ 5);

глава V — В. О. Печатнов (§ 1), Ю. М. Мельников (§ 2), М. И. Лапицкий (§ 3), А. П. Королева (§ 4), М. И. Новинская (§ 5), В. А. Никитин (§ 6);

глава VI — Г. И. Святов (§ 1), В. О. Печатнов (§ 2), Ю. М. Мельников (§ 3);

глава VII — М. И. Лапицкий (§ 1), А. П. Королева, И. А. Геевский (§ 2), М. И. Новинская (§ 3), Е. Н. Ершова (§ 4), Н. В. Мостовец (§ 5), В. П. Золотухин (§ 6);

[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 354.

глава VIII — В. И. Борисюк (§ 1), Е. Н. Ершова (§ 2), М. И. Новинская (§ 3), Н. В. Мостовец (§ 4), В. П. Золотухин (§ 5);

глава IX — Б. И. Марушкин;

глава X — В. И. Борисюк (§ 1), В. П. Золотухин (§ 2, 3), Н. А. Сахаров (§ 4), В. Л. Мальков (§ 5);

глава XI — И. П. Севостьянов;

глава XII — Н. В. Курков (§ 1), В. Л. Мальков, А. М. Мигранян (§ 2), В. Л. Мальков, З. С. Чертина (§ 3), Н. В. Мостовец (§ 4), М. И. Новинская (§ 5), Н. А. Сахаров (§ 6);

глава XIII — Н. С. Иванов (§ 1), Л. Д. Филиппова (§ 2), Б. А. Старостин (§ 3);

глава XIV — А. С. Мулярчик (§ 1), О. Э. Туганова (§ 2—7);

глава XV — В. С. Чибисенков (§ 1), С. Г. Корнеев, В. Л. Мальков (§ 2);

Историография — А. Е. Кунина;

Заключение — В. Л. Мальков.

Составители Библиографии М. А. Головина, Н. С. Иванов. Научно-организационная работа проведена М. А. Головиной, И. В. Крюковой, Т. Ю. Лаврентьевой, М. М. Сиротинской. Иллюстрации подобраны С. В. Листиковым.

I

ПОСЛЕВОЕННАЯ АМЕРИКА

Глава первая

АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО НА ПЕРЕЛОМЕ (1945—1948)

1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНВЕРСИИ

Итоги войны привели к резким сдвигам в соотношении сил в мире капитализма. Закон неравномерного развития проявился со всей определенностью. В отличие от ведущих империалистических держав США не только не пострадали от войны, но, напротив, получили огромные выгоды. Приведем некоторые цифры, иллюстрирующие динамику развития важнейших отраслей экономики Соединенных Штатов за годы войны (1939—1945). Добыча угля возросла с 446,3 млн. т до 632,5 млн., нефти — с 1264,9 млн. баррелей до 1713,6 млн., выработка электроэнергии — с 161 308 млрд. кВт·ч до 271 255 млрд., выплавка стали — с 47,1 млн. т до 71,1 млн., производство алюминия — со 131 тыс. т до 704 тыс. Индекс промышленного производства (1947 г. = 100%) вырос с 57 в 1939 г. до 110 в 1945 г. Благоприятные для американского капитализма изменения произошли и в сельском хозяйстве. Индекс сельскохозяйственного производства в США (1947—1949 гг. = 100) увеличился с 80 в 1939 г. до 96 в 1945 г.[1]

Основу этого экономического подъема составили гигантские военные заказы федерального правительства. Сумма военных подрядов достигла астрономической по тем временам цифры — 175 млрд. долл. В руки 100 крупнейших гигантов военного производства попало 67% этих заказов (на 117 млрд. долл.). Американские монополии получили за годы войны 70 млрд. долл. чистой прибыли[2]. Впервые после экономического кризиса 1929—1933 гг. «большой бизнес» смог прочно встать на ноги. Ясно, что, опираясь на столь солидный экономический фундамент, корпорации США заняли доминирующие позиции в мировом капиталистическом хозяйстве, добившись подавляющего превосходства в сфере экономики над своими главными конкурентами. Кривая роста американских инвестиций за рубежом после войны пошла резко вверх: за первые пять

---

[1] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Wash., 1960, p. 288, 358. 359, 360, 409, 416.

[2] Ibid., p. 580.

послевоенных лет объем американских капиталовложений за границей вырос вдвое. Особенно быстрыми темпами росли государственные инвестиции США: с 2,1 млрд. долл. в 1945 г. до 13,8 млрд. в 1950 г.

Укрепление экономических позиций финансовой олигархии помогло капитанам американской индустрии добиться в известной мере своей социальной реабилитации. Стараниями буржуазной пропаганды был создан образ «ответственного бизнесмена» с широким взглядом на вещи, чутко улавливающим новые веяния, целью которого является не только получение прибыли, но и процветание Америки [3]. Антимонополистические настроения, столь характерные для периода «нового курса», под напором идейных оруженосцев «большого бизнеса» в годы войны явно пошли на спад. Сказались и другие факторы. Так, рабочий класс, выдвигая на первое место интересы антифашистской борьбы, сознательно поддерживал шаги администрации Рузвельта к установлению национального единства. С другой стороны, давала себя знать реформистская линия профсоюзного руководства (особенно АФТ) на достижение «классового сотрудничества». Наконец, нельзя не учитывать общего улучшения материально-экономического положения трудящихся США в годы войны.

Важной чертой экономического развития США после войны стала быстро растущая инфляция. Исполнительный приказ президента от 30 октября 1945 г. открыл каналы для повышения цен в порядке компенсации за увеличение заработной платы [4], которые затем были расширены. И хотя формально контроль за ценами и заработной платой продолжался до ноября 1946 г., победа экономической линии монополий стала совершенно очевидной. Бизнес не допустил повышения ставок заработной платы за счет своих астрономических прибылей, добившись ликвидации потолка цен как обязательного условия любого увеличения заработной платы. Это и было первым мощным толчком послевоенной инфляции. Бизнес, пользуясь огромной экономической и политической властью, переложил на потребителей, в первую очередь на трудящихся, все издержки, связанные с ростом стоимости рабочей силы.

Другим немаловажным источником инфляционных явлений было свертывание контроля за ценами на продовольствие, коммунальные услуги и все виды обслуживания. По примеру сталелитейных магнатов агробизнес и монополии в сфере коммунального обслуживания объявили своего рода забастовку, требуя отмены регулирования цен в качестве условия расширения производства. Нападки на контроль за продовольственными ценами особенно усилились с весны 1946 г. [5] Кампанию за снятие контроля поддерживали министр сельского хозяйства К. Андерсон и многие другие влиятельные члены трумэновской администрации. Контроль цен то отменялся, то вводился заново, но верх явно брала линия на свободную игру цен.

---

[3] Классическим образчиком подобных теорий может служить книга главы Торговой палаты США Э. Джонстона «Неограниченная Америка» (*Johnston E.* America Unlimited. Garden City, 1944).

[4] Termination Report of the National War Labor Board: Vol. 1—3. Wash., 1947, vol. 2, p. 86—88, 91; см. также: *Donovan R.* Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman, 1945—1948. N. Y., 1977, p. 120.

[5] The Truman Administration: A Documentary History/Ed. by B. J. Bernstein, A. J. Matusow. N. Y., 1966, p. 60; *Freidel F.* America in the Twentieth Century. N. Y., 1965, p. 492.

С 1947 г. росту инфляции заметно способствовал еще один фактор — поставки продовольствия и иных товаров в Европу, что было вызвано прежде всего империалистическими расчетами правящих кругов США, рассматривавших эти поставки в качестве инструмента внешнеполитической экспансии. Бизнес и крупное фермерство пошли уже проторенной дорогой, дав понять правительству, что будут участвовать в программе «помощи» Европе лишь при значительном повышении закупочных цен.

На первых порах президент ответил отказом, созвав 17 ноября 1947 г. специальную сессию конгресса с рассмотрением двух вопросов: «помощь» Европе и антиинфляционные меры. Приведя цифры, свидетельствовавшие о резком росте цен, он предложил узаконить антиинфляционную программу из 10 пунктов[6]. Но республиканцы вместе с консервативными демократами без труда торпедировали трумэновский план и приняли беззубый антиинфляционный акт, который президент «нехотя» подписал.

В 1946—1948 гг. возросла роль и такого генератора инфляции, как военные расходы, которые вскоре превратились в ведущий фактор инфляционного процесса. Уже в начале августа 1946 г. «Нью-Йорк таймс» резонно заметила: «Ироничным является тот факт, что федеральное правительство тратило в среднем менее 1 млрд. долл. в год на национальную оборону тогда, когда германская и японская угроза была наиболее серьезной, а сейчас, когда эта угроза отпала, оно планирует израсходовать в текущем году на оборону в 18 раз больше. Здесь находится главный источник возможной экономии средств, хотя бы уже потому, что эта статья составляет почти половину бюджета». И действительно, в 1939 г., когда агрессивные державы грозили порабощением всему миру, прямые военные ассигнования и расходы по международным обязательствам правительства США составляли 1,1 млрд. долл., т. е. около 6% бюджета. А в 1948 г., когда Америке никто не угрожал, расходы по двум указанным статьям поглощали уже 16,3 млрд. долл., или 49% федерального бюджета[7].

Инфляция тяжелым бременем ложилась на плечи трудящихся. Общий индекс потребительских цен (1947—1949 гг.=100) вырос с 59,4 в 1939 г. до 76,9 в 1945 г. и 102,8 в 1948 г., а цен на продовольствие соответственно — с 47,1 до 68,9 и 104,1. Монополии получили баснословные прибыли. За шесть военных лет (1940—1945) чистая прибыль корпораций равнялась около 70 млрд. долл., а лишь за три первых послевоенных года — 59,2 млрд. долл.[8]

На обогащение наиболее состоятельных слоев населения была нацелена и налоговая политика государства. С окончанием войны отменялся налог на сверхприбыль. Победив на выборах в конгресс 1946 г., республиканцы стали добиваться непропорционального снижения налогов, которое дало бы преимущественные льготы тем, кто находился наверху имущественной пирамиды. В 1947 г. конгресс дважды принимал билли о сокращении налогов по консервативным республиканским рецептам. По закону 1948 г. налоговые поступления уменьшались на 4,8 млрд. долл. в год, что создавало бюджетный дефицит в 1,8 млрд. долл.[9]

---

[6] Congress and the Nation, 1945—1964. A Review of Government and Politics. Wash., 1965, p. 33.

[7] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957, p. 719.

[8] Ibid., p. 125, 580.

[9] Congress and the Nation, p. 407.

Военная конъюнктура поставила на ноги американское сельское хозяйство. Большой спрос в мире на продовольствие и сырье создавал благоприятное положение на аграрном рынке и после 1945 г. С 1920 по 1941 г. паритет цен неизменно был не в пользу сельского хозяйства, а в 1942—1948 гг., наоборот, чаша весов перевесила в сторону фермерства: паритет стоял выше черты 100, достигнув рекордного уровня — 115 — в 1947 г. (1910—1914 гг. = 100). Выручка от продажи сельскохозяйственной продукции выросла в 1945—1948 гг. с 22,4 млрд. до 30,5 млрд. долл. Фермерская задолженность, не падавшая в 1921—1932 гг. ниже 9 млрд. долл. и составлявшая 5,4 млрд. долл. в 1944 г., сократилась в 1947 г. до 4,9 млрд. Это, однако, не предотвратило разорения мелких ферм, которое, несколько замедлившись, продолжалось. Число ферм сократилось с 6003 тыс. в 1944 г. до 5803 тыс. в 1948 г.[10]

Наступление мирного времени и демонтаж механизма чрезвычайного регулирования не остановили процесс государственного вмешательства в экономику. Монополии и правящие круги проявляли большую озабоченность по поводу того, как будет функционировать «производственное чудовище» [11], созданное в идеальной для американского капитализма обстановке второй мировой войны. Несмотря на славословия свободному предпринимательству и популярность книги австрийского экономиста Ф. Хайека, написанной с крайне консервативных позиций [12], основная часть буржуазии не мыслила послевоенное экономическое развитие без регулирующего участия государства в процессе воспроизводства. Социальный и политический аспекты возможного спада экономики и повторения «великой депрессии» страшили монополии и государственный аппарат.

В ходе избирательной кампании 1944 г. демократы обещали «гарантировать полную занятость» [13]. Кандидат республиканцев Дж. Дьюи также считал, что «можно и нужно обеспечить работой всех» [14]. В январе 1945 г. сенатор-демократ Д. Мэррэй внес проект закона о полной занятости. Однако билль не стал законом в 1945 г., а когда оказался внесенным в книгу статутов в 1946 г., то уже не мог называться законом о полной занятости.

Принятый в феврале 1946 г. закон о занятости [15] официально провозглашал ответственность государства за состояние экономики. При президенте создавался Совет экономических консультантов (СЭК), обязанный внимательно следить за хозяйственным пульсом страны и представлять ежегодно доклад президенту. Глава государства должен был, в свою очередь, направлять в начале каждой регулярной сессии конгресса собственное экономическое послание вместе с документом СЭК в Капитолий. В этих докладах надлежало анализировать состояние экономики и делать рекомендации для ориентирования и государственных органов, и частных предпринимателей. Конгресс учреждал также объеди-

---

[10] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957, p. 278, 283, 286.
[11] *Phillips C.* The Truman Presidency. The History of a Triumphant Succession. N. Y., 1966, p. 102.
[12] *Hayek F.* Road to Serfdom. Chicago, 1944.
[13] National Party Platforms, 1840—1972/Compl. by D. B. Johnson, K. H. Porter. Urbana, 1973, p. 402.
[14] History of American Presidential Elections, 1789—1968: Vol. 1—4/Ed. by A. Schlesinger, Jr. N. Y., 1971, vol. 4, p. 3074.
[15] Congressional Record, vol. 92, pt 1, p. 975—976.

ненный комитет по изучению экономического послания президента и составлению рекомендаций. Все это означало, что от гарантирования полной занятости конгресс отказался и ограничился провозглашением цели достижения «максимальных или высоких уровней занятости».

Принятие акта о занятости свидетельствовало о глубоком проникновении кейнсианства в экономическую науку и хозяйственную политику США. Большую роль в этом сыграли труды видного буржуазного экономиста Э. Хансена [16]. Благодаря им прикладная роль политизированной буржуазной экономической науки существенно возросла [17].

В декабре 1946 г. СЭК представил первый доклад президенту, вызвавший оживленные отклики в стране. Документ был в основном посвящен формулированию «экономической философии». Обратившись к истории, СЭК обнаружил в ее ходе действие двух главных экономических концепций: «спартанской доктрины laissez faire» и «римской доктрины патернализма», согласно которой народу предоставлялись «хлеб и зрелища». Стараясь без политического ущерба для себя и администрации Трумэна удержаться между этими воззрениями, составители доклада предлагали придерживаться «среднего русла» [18].

Предложенный СЭК «средний» путь, сдвинутый к центру и вправо от того, что было известно в годы «нового курса», вполне устраивал основные круги американской буржуазии. Бизнесу импонировала декларация верности принципу частного предпринимательства, которой был пропитан весь документ [19]. Бизнесмены не испугались этатистской фразеологии доклада, приветствуя его умеренность в социальных вопросах, а также предостережения против больших государственных расходов на социальные нужды [20]. Многие буржуазные газеты выражали особое удовлетворение тем, что доклад осудил стачки как вредное явление и отверг предложение КПП о повышении заработной платы [21].

Несмотря на принимаемые меры, экономика США в 1948 г., исчерпав стимулирующее воздействие военной и послевоенной конъюнктуры, постепенно начала скатываться к очередному кризису. В ежегодном экономическом послании в январе 1948 г. Трумэн заявил, что «первостепенной задачей на 1948 г. должно быть пресечение инфляционной тенденции» [22]. На этом строилась вся официальная экономическая доктрина. Этой линии Трумэн придерживался и в июле 1948 г., когда созвал конгресс на чрезвычайную сессию. Однако к этому времени выдвижение проблемы инфляции на первый план было уже очевидным просчетом. Пик роста цен в послевоенном цикле был пройден в июле 1948 г. Работавшие в правительственных учреждениях экономисты, особенно Э. Нурс, обратили

[16] *Hansen A.* America's Role in the World Economy. N. Y., 1945; *Idem.* Social Planning for Tomorrow.— In: United States After War. Ithaca, 1945; *Idem.* Economic Policy and Full Employment. N. Y., 1947.

[17] *Лихачева И. В.* США: экономическая наука и экономическая политика. Совет экономических консультантов при президенте. М., 1975, с. 13.

[18] Council of Economic Advisers. First Annual Report to the President, 1946, Dec., p. 1, 12, 14—15.

[19] P. Hoffman to E. Nourse, January 2, 1947.— Harry S. Truman Library, Papers of Edwin G. Nourse. (Далее: HSTL); C. Francis to E. Nourse, December 19, 1946.— Ibid.

[20] B. Gross to E. Nourse, February 4, 1947.— Ibid., Office Memorandum.

[21] Baltimore Sun, 1946, Dec. 19; Philadelphia News, 1946, Dec. 18; Washington News, 1946, Dec. 20; Washington Post, 1946, Dec. 19.

[22] Economic Report of the President to the Congress, January 14, 1948. Wash., 1948, p. 5

внимание на замедление темпа инфляции, но своевременно зафиксировать начало спада и приостановить инфляцию оказались не в состоянии. Авторитет СЭК был подорван, чем воспользовались его критики.

В послании Трумэна конгрессу от 6 сентября 1945 г., которое, по словам президента, в сущности, составило платформу его президентства [23], была выдвинута обширная программа действий, включавшая 21 пункт [24]. Видное место в ней занимали социальные проблемы. Белый дом планировал расширить страхование по безработице, повысить минимум заработной платы, принять закон о «полной занятости», развернуть широкое жилищное строительство, пресечь расовую дискриминацию и т. д. Не остановившись на этом, Трумэн в течение следующих двух месяцев выступил с рядом законодательных инициатив, среди которых выделялись предложения о медицинском страховании, федеральной помощи штатам в деле образования, передаче атомного производства в руки государства [25].

Казалось, трумэновская администрация вставала на путь социального реформаторства в духе «нового курса» Ф. Д. Рузвельта. Но уже в конце 1945 г. эта тенденция застопорилась. Тому было много причин. Важнейшие из них — укрепление монополий, начало «холодной войны», усиление позиций реакционных республиканцев и консервативных демократов за счет либералов, разлад между Белым домом и профсоюзами, четко обозначившийся в ноябре-декабре 1945 г. и в полную меру давший себя знать в 1946 г. В результате в 1945—1946 гг., когда демократы имели прочное большинство в обеих палатах, ни один пункт из сентябрьской программы Трумэна не был принят, за исключением выхолощенного в социальном отношении варианта закона о занятости. Из дополнительного трумэновского списка прошло лишь предложение, в соответствии с которым была создана Комиссия по атомной энергии, олицетворявшая собой государственную монополию на производство расщепляющихся материалов.

Выборы 1946 г. сдвинули еще дальше вправо внутриполитический курс Трумэна. Лишь с мая-июня 1947 г. в порядке подготовки к президентским выборам 1948 г. трумэновское окружение «начало наступление на фронте внутренней политики» [26], принявшее форму новой пропагандистской кампании за социальные реформы. В целом же в первые два года пребывания Трумэна у власти буржуазное реформаторство развивалось по затухающей кривой [27]. Между тем для 80-го конгресса даже умеренная программа оказалась чрезмерной.

Правительство Трумэна не могло игнорировать требования о запрещении такого позорного явления, каким является расовая дискриминация. После разгрома фашизма с его расистской идеологией господство расизма в США становилось для афро-американцев и других дискриминируемых групп населения особенно нетерпимым. И тем не менее в годы трумэновского правления в этом вопросе ничего сделано не было. Показа-

---

[23] *Truman H. S.* Memoirs: Vol. 1, 2. Garden City (N. Y.), 1955—1956, vol. 1, p. 481.
[24] Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman, 1945—1953: Vol. 1—8. Wash., 1961—1966, 1945, p. 263—309.
[25] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 1, p. 485.
[26] *Hartmann S.* Truman and the 80th Congress. Columbia, 1971, p. 72.
[27] The Truman Period as a Research Field. A Reappraisal, 1972/Ed. by R. S. Kirkendall. Columbia (Mo), 1974, p. 90.

тельно его отношение к действовавшему с июня 1941 г. временному Комитету по обеспечению справедливой практики найма на работу (ФЕПК). 20 декабря 1945 г. Трумэн подписал исполнительный приказ, предусматривавший свертывание деятельности ФЕПК с 1 июля 1946 г. Это был сильный удар по чаяниям черных. Однако в обстановке подъема национально-освободительного движения во всем мире, вызванного разгромом фашизма, в обстановке роста притягательной силы примера решения национального вопроса в СССР правительство США, заявившее о своих претензиях на «руководство миром», не могло полностью отказаться от некоторых назревших мер по преодолению эксцессов расизма в собственном доме. Вот почему через год, в декабре 1946 г., Трумэн создал президентский комитет по гражданским правам, поставив перед ним задачу вынести рекомендации по улучшению положения в этой сфере [28].

В период реконверсии были осуществлены важные реформы в государственном управлении США. Они были вызваны переменами во внешнеполитической стратегии США, принятием американским империализмом открыто гегемонистского курса в международной политике, его превращением в мирового жандарма, а также необходимостью модернизации государственно-монополистических принципов управления экономикой и социальными процессами.

Прежде всего правящие верхи занялись реорганизацией вооруженных сил. Уже 19 декабря 1945 г. Трумэн предложил унифицировать военные ведомства и вместо двух самостоятельных министерств (военного и военно-морского) создать единое министерство национальной обороны [29]. Особенно ратовали за это генералы ВВС, поскольку реформа обещала вывести авиацию из армейского подчинения и сделать ее одним из трех автономных и равноправных видов вооруженных сил под эгидой министерства обороны. Владельцы авиационных заводов, составлявших важнейшую отрасль созданной в 1941—1945 гг. гигантской военной промышленности, рьяно выступили за унификацию, понимая, какие прибыли это сулит им и в мирное время. Другим компонентом трумэновской реформы органов «национальной безопасности» была идея организации высшего консультативного военно-политического органа при президенте — Совета национальной безопасности (СНБ) [30].

Подписанный 27 июля 1947 г. закон создавал единое национальное военное управление, превращенное в 1949 г. в министерство обороны. Во главе управления был поставлен министр обороны. Лишь он один получил статус члена кабинета. Рангом ниже стояли три министра, возглавлявшие вновь созданные министерства армии (сухопутных сил), флота и авиации. Закон придал статутный характер действовавшему со времен войны органу — Объединенному комитету начальников штабов [31]. Первым министром обороны стал бывший министр военно-морского флота Дж. Форрестол.

---

[28] President's Committee on Civil Rights. To Secure These Rights. Wash., 1947.
[29] Public Papers..., Harry S. Truman, 1945, p. 546—560.
[30] *Агафонова Г. А.* Совет национальной безопасности США: История создания и начальный период деятельности, 1947—1960. М., 1977.
[31] Сначала Объединенный комитет начальников штабов функционировал без номинального председателя, должность которого была введена в 1949 г. См.: *Truman H. S.* Op cit., vol. 2, p. 53.

Тем же самым законом учреждался Совет национальной безопасности, в помощь которому придавалось Центральное разведывательное управление (ЦРУ) [32], которое было призвано координировать и направлять разведывательную деятельность всех государственных министерств и ведомств, обобщать и сопоставлять разведывательные данные, представлять рекомендации СНБ, а также централизованно осуществлять разведывательные функции. С самого начала это ведомство стало осуществлять широкомасштабные операции по вмешательству во внутренние дела иностранных государств, устранению неугодных правящим кругам США деятелей вплоть до их физического уничтожения, по организации военных и политических переворотов. Острие деятельности ЦРУ было направлено против СССР, других социалистических государств и прогрессивных сил.

«Новый курс» и вторая мировая война внесли весьма существенные изменения в соотношение исполнительной, законодательной и судебной властей в США. Резко возросли президентские полномочия. Активизировалась и социально-экономическая деятельность конгресса, но в соотношении функций исполнительной и законодательной властей произошел явный сдвиг в пользу первой. Особенно заметный ущерб претерпели судебные органы, сильно потесненные со своих некогда исключительно прочных позиций. Послевоенное законодательство и политическая практика, в сущности, санкционировали эту трансформацию, более четко определяя прерогативы различных ветвей исполнительной власти. В 1946 г. был принят статут о «законодательной реорганизации», который можно считать согласием конгресса на расширение границ президентского правления. В порядке компенсации за ослабление позиций законодательных органов этот акт предписывал всем постоянным комитетам конгресса усилить в пределах своей компетенции надзор за деятельностью исполнительно-административных служб. Однако возможности такого контроля оказались ограниченными [33].

В период реконверсии в США произошло дальнейшее укоренение государственно-монополистического капитализма, его роль и влияние во всех сферах общественной жизни стали абсолютными, хотя формы в результате войны претерпели заметную модификацию. Как признают буржуазные экономисты, «успешные атаки на программы нового курса привели к ограниченному свертыванию некоторых из них, а не ко всеобщему демонтажу реформаторского законодательства» [34]. Возврата к «добрым старым временам», т. е. на рубежи 1929 г., не получилось. Социально-правовая инфраструктура, заложенная «новым курсом», не была ликвидирована, хотя ее развитие в период реконверсии замедлилось. Сильнее всего это сказалось на трудовых отношениях.

---

[32] В СНБ первоначально входили президент, государственный секретарь, министры обороны, армии, флота и авиации, а также директор Управления ресурсов национальной безопасности. Законом 1949 г. состав СНБ изменился. Его членами стали президент, вице-президенты, государственный секретарь, министр обороны, директор Управления ресурсов национальной безопасности. При этом президент получил право по своему усмотрению вводить в СНБ и глав других правительственных ведомств (Ibid., p. 59).

[33] *Никеров Г. И.* Административное право США. М., 1977, с. 29.

[34] *Hartmann S.* Op. cit., p. 213.

2. НАСТУПЛЕНИЕ НА ПРОФСОЮЗЫ

Поворот вправо в государственной политике по отношению к профсоюзам наметился еще во время войны и был осуществлен в короткий срок после ее окончания [35]. В завершающие недели войны в правящих верхах, предпринимательских кругах и профсоюзной среде популярной была идея созыва представительной конференции по аналогии с декабрьской конференцией 1941 г., которая бы наметила принципы послевоенных трудовых отношений и определила роль государства. Одним из инициаторов проведения такой встречи был сенатор-республиканец А. Ванденберг. В письме министру труда Л. Швеленбаху, заменившему ушедшую в отставку Ф. Перкинс, Ванденберг отмечал, что задача рабочей политики правительства заключается в создании «ответственного профсоюзного руководства» и в пресечении «безответственных стачек и подрывных атак» со стороны профсоюзов [36]. Он мыслил конференцию как антипрофсоюзный форум, на котором предприниматели и правительство предъявят организованным рабочим свои претензии и будет выработана процедура предотвращения забастовок.

Национальная ассоциация промышленников (НАП) ухватилась за идею Ванденберга, недвусмысленно заявив, что ее интересуют лишь два вопроса — запрещение стачек и принятие нового, антипрофсоюзного законодательства взамен закона Вагнера 1935 г. Профсоюзные лидеры дали согласие на конференцию, надеясь, что она поддержит их линию на повышение ставок заработной платы и сделает излишней постановку вопроса о новом трудовом законодательстве, которое при сложившемся осенью 1945 г. соотношении сил могло быть только шагом назад в развитии трудового права.

Трумэн сам открыл конференцию, проходившую с 5 по 30 ноября 1945 г.[37] Ее общий итог был отрицательным для профсоюзов. Единственный плюс, пожалуй, состоял в том, что собравшиеся на ней промышленники нехотя согласились признать принцип коллективно-договорных отношений с рабочими. В целом же конференция ознаменовалась жестокой конфронтацией предпринимателей и профсоюзов, причем наступавшей и побеждавшей стороной были монополии. Они вынудили профлидеров занять оборонительные позиции, отказавшись от обсуждения насущных для рабочего класса проблем заработной платы и протащив идею необходимости нового трудового законодательства. Смысл этого маневра был ясен: речь шла об отмене или коренном изменении закона Вагнера.

Конференция поставила правительство Трумэна в затруднительное положение. Но обращением 3 декабря 1945 г. к конгрессу Трумэн определил свой выбор, сделав важный шаг в антипрофсоюзную сторону. Доложив законодателям, что «конференция не пришла ни к какому согласию», он рекомендовал принять закон о создании так называемых следственных комиссий, согласно которому в случае возникновения трудового

---

[35] *Борисюк В. И., Рогулев Ю. Н.* Формирование рабочей политики правительства США в послевоенные годы (1945—1953).— В кн.: Проблемы американистики. М., 1978.

[36] Monthly Labor Review, 1946, Jan., p. 37.

[37] The President's National Labor-Management Conference, November 5—30, 1945. Wash., 1945.

конфликта обе стороны обязаны были согласиться на принудительный арбитраж в течение «охладительного периода». Главная же угроза профсоюзам коренилась в самом факте обращения президента к конгрессу. Трумэн тем самым сделал то, против чего резко выступали профсоюзные деятели, а именно признал необходимость изменения статутного права в очень неблагоприятный для профсоюзов момент. При этом президент понимал, что наносит удар по профсоюзам.

Отношения между руководством профсоюзов и Белым домом резко обострились. Лидеры КПП впервые вступили в открытый конфликт лично с Трумэном. 5 декабря 1945 г. президент КПП Ф. Мэррей заявил: «Я глубоко обеспокоен тем, какой смысл кроется в предложении президента. Оно означает весьма серьезный отход от политики Рузвельта, которую народ страны одобрял» [38]. Свое недовольство высказала и АФТ. Коммунисты также осудили действия Белого дома. Выступая на большом митинге в Нью-Йорке 15 января 1946 г., У. Фостер указал, что «трумэновская администрация идет шатающимся курсом, который действует в пользу предпринимателей» [39]. И в самом деле, воспользовавшись благоприятной обстановкой, предпринимательские ассоциации, буржуазные средства массовой пропаганды, апологеты бизнеса — все эти силы с конца 1945 — начала 1946 г. развернули активнейшую кампанию за принятие антипрофсоюзного законодательства. На членов конгресса и на президента оказывалось массированное давление справа [40].

Антипрофсоюзная истерия не была необычным делом для политической жизни США, но далеко не всегда из нее черпались идеи, воплощавшиеся в правительственный курс. После же второй мировой войны антипрофсоюзные вымыслы, распространявшиеся средствами массовой информации — радио, телевидением, прессой, оказали большое воздействие на формирование рабочей политики, ибо за всем этим стояли мощные монополии и готовые «защитить» их влиятельные политические деятели, преимущественно из среды республиканцев.

Немалую роль в повороте вправо в рабочей политике правящих кругов сыграли многочисленные исследовательские группы и центры, специализировавшиеся в области трудовых отношений. Они облекали в более пристойные, «академические» формы ту брань и антипрофсоюзные вымыслы, которые генерировали пресса монополий, их рупоры на радио и телевидении. Буржуазные ученые и публицисты нашли «подходящую» формулу, предложив «уравнять» права профсоюзов и предпринимателей, призвав и тех и других, имевших якобы одинаково мощные организации, к порядку во имя интересов общества [41]. Огромный поток писем, поступавших в Белый дом в целях оказания «помощи» президенту в выработке «правильной» рабочей политики, не оставлял ни малейших сомнений, каким видит капитал следующий шаг президентской власти.

Неудивительно, что в ходе стачечных конфликтов 1946 г. произошел дальнейший сдвиг администрации Трумэна вправо в рабочем вопросе.

---

[38] CIO News, 1945, Dec. 10.
[39] Political Affairs, 1946, Febr., p. 123.
[40] F. Reagan to H. Truman, January 5, 1946.— HSTL, Papers of Harry S. Truman, Official File; J. Murphy to H. Truman, January 11, 1946.— Ibid.; G. Stewart Wise to H. Truman, January 7, 1946.— Ibid.
[41] American Management Association. Reconciling Labor and Management Philosophies. N. Y., 1946, p. 21—22.

Ярче всего это обозначилось во время забастовки железнодорожников весной и в дни стачки шахтеров осенью 1946 г. Во время конфликта на транспорте Трумэн явился в конгресс и пригрозил призвать стачечников в армию. «Это были,— писал он в мемуарах,— суровые меры. Они противоречили моим же собственным принципам, но я предложил их лишь в качестве последнего средства в чрезвычайной ситуации, когда лидеры рабочих провокационно толкнули последних на забастовку против правительства» [42].

Трудно найти более лживую версию майских событий 1946 г. На деле Трумэн хотел доказать правым силам свою «твердость», «смыть» с себя клеймо «профсоюзного» президента. Даже сенатор Р. Тафт выступил против крайних шагов, которые глава государства собирался предпринять с санкции конгресса. Билль, предусматривавший в числе других антистачечных средств мобилизацию железнодорожников в армию, не прошел в сенате, что Тафт, торпедировавший этот законопроект, потом не раз ставил себе в заслугу и использовал в политической борьбе против Трумэна [43]. Трумэну вообще незачем было ехать на Капитолийский холм, если бы он думал лишь о том, как разрешить этот трудовой конфликт: Белый дом знал, что руководство профсоюзов вот-вот примет решение о прекращении стачки, что вскоре и произошло на самом деле.

Настоящая судебная расправа была учинена над участниками стачки шахтеров, причем эти меры были предприняты по инициативе самого же президента. Лидер профсоюза горняков Дж. Льюис в данном случае просчитался, когда предположил, что правительство не посмеет нарушить закон Норриса—Лагардиа о неприменимости судебных предписаний в трудовых конфликтах и не станет искать легальных оснований для обращения в суд. Однако правительство, широко толкуя прерогативы главы государства, легко справилось с этой задачей и добилось судебного предписания о прекращении стачки.

Поведение правительства в этих двух крупнейших стачках 1946 г. имело далеко идущие последствия. Во-первых, Трумэн показал готовность пойти на крайние меры против профсоюзов. Во-вторых, правительство демократов в нарушение принципов своей прежней рабочей политики сделало крупный шаг к «возвращению» судов в сферу трудовых отношений. И то и другое сближало позиции республиканцев и демократов, формируя двухпартийную формулу послевоенной рабочей политики, суть которой состояла в ущемлении прав профсоюзов. Итоги выборов в конгресс 1946 г. ускорили сплочение этого антирабочего альянса, создав все необходимые политические предпосылки для коренного пересмотра основ трудового законодательства. Республиканский конгресс играл в этом первую скрипку. «Важно, однако,— подчеркивал американский исследователь А. Макклюр,— что трумэновская администрация выдвигала собственную программу ограничения профсоюзной деятельности. Поэтому призывы к профсоюзам вести себя ответственно не были делом исключительно республиканцев» [44].

Открывшаяся в январе 1947 г. первая сессия 80-го конгресса тотчас же принялась за рассмотрение антипрофсоюзного законодательства. Ко-

---

[42] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 1, p. 501.
[43] Library of Congress, Robert A. Taft Papers, Address of Robert Taft, March 9, 1948.
[44] *McClure A.* The Truman Administration and the Problems of Postwar Labor, 1945—1948. Madison, 1969, p. 166.

митеты по труду в обеих палатах возглавили консервативные республиканцы — сенатор Р. Тафт и конгрессмен от штата Нью-Джерси Ф. Хартли. Уже в первый день работы конгресса лишь в палату представителей было внесено 11 антирабочих биллей. За короткий срок в обоих комитетах по труду скопилось свыше 100 таких законопроектов. В итоге бесконечное множество биллей было сведено в каждом отдельном комитете по труду к единому законопроекту.

К лету 1947 г. в Белом доме не было сомнений в том, что конгресс примет билль Тафта—Хартли. Теперь президенту и его ближайшему окружению предстояло определить свое отношение к антипрофсоюзному законопроекту. Мнения разделились [45]. Что касается Трумэна, то он не собирался заниматься простым подсчетом голосов «за» и «против». Он понимал, как важно для сохранения сложившейся в 30-е годы коалиции демократов и профсоюзов не оттолкнуть последние окончательно от своей партии и удержать двухпартийную систему в состоянии равновесия. Он видел и то, что консерваторы в конгрессе имели достаточно голосов для преодоления президентского вето. Но ему предстояло высказаться официально, а это создавало определенные трудности. Некоторые влиятельные лица из его окружения стояли за вето, другие — против. Председатель Федеральной резервной системы М. Экклес рекомендовал одобрить билль, характеризуя его как «компромисс». Наоборот, национальный комитет демократической партии представил в Белый дом анализ откликов на законопроект явно под углом зрения необходимости вето [46].

Трумэн наложил вето на билль 20 июня 1947 г. и незамедлительно выступил по радио с осуждением законопроекта, назвав его непрактичным и несправедливым по отношению к профсоюзам и обвинив конгресс в том, что его действия «преднамеренно нацелены на ослабление союзов». Однако демократы в конгрессе активно поддержали антипрофсоюзный билль Тафта—Хартли. В палате представителей вето было отклонено голосованием 331 : 83, и среди большинства оказались 106 демократов. Вето поддержала меньшая часть демократической фракции (71). Сенат подтвердил свою позицию также с твердым перевесом в пользу билля — 68 : 23. Здесь в лагере противников вето были 20 демократов; 22 сенатора-демократа предпочли согласиться с Белым домом [47]. Билль стал законом 23 июня 1947 г., когда было отвергнуто президентское вето, а вступил в силу через два месяца — 23 августа 1947 г.

Закон Тафта—Хартли (Национальный закон об отношениях рабочих и предпринимателей) [48] существенно урезал право рабочих на стачку. Забастовки государственных служащих запрещались совсем. В частном секторе уже начавшаяся стачка, создающая «национальное чрезвычайное положение», могла быть отложена через обращение в суд на 80 дней. Кроме того, вводились многочисленные ограничения на проведение вся-

---

[45] *Witte E.* Why I Believe the Taft—Hartley Bill To Be Contrary to the Public Interest, June 11, 1947.— Wisconsin, State Historical Society, Edwin E. Witte Papers; J. Douglas Brown to C. Clifford, June 13, 1947.— HSTL, Papers of Clark M. Clifford; M. Eccles to H. Truman, June 7, 1947.— Ibid., Papers of Harry S. Truman, Official File.

[46] G. Sullivan to C. Clifford, Memorandum, June 14, 1947.— HSTL, Papers of Clark M. Clifford.

[47] Twenty Years of National Labor Legislation. Wash., 1965, p. 18.

[48] Текст закона см.: Twelfth Annual Report of the National Labor Relations Board for the Fiscal Year Ended, June 30, 1947. Wash., 1948, p. 163—176.

кой забастовки. Профсоюзам было запрещено делать взносы в избирательные фонды лиц, добивавшихся избрания на федеральные должности.

Большую угрозу профсоюзному движению несла ст. 14(б), предоставлявшая легислатурам штатов право запрещать любые формы профсоюзных гарантий, включая и те, которые разрешались федеральным законодательством. В годы войны в ряде штатов были приняты статуты и конституционные поправки, которые на основе реакционной доктрины «права на труд» запрещали «закрытый цех»[49]. В 1946 г. легислатуры еще трех штатов (Аризона, Небраска, Южная Дакота) приняли в ходе выборов в конгресс конституционные поправки, поставившие вне закона не только «закрытый цех», но и все прочие формы профсоюзных гарантий.

Принятие закона Тафта—Хартли и серии антипрофсоюзных законов о труде в штатах открывало новую страницу в рабочей политике буржуазного государства в США. Монополии не смирились с неолиберальными принципами регулирования трудовых отношений, воплощенными в законе Вагнера. Прикрываясь риторикой об «индивидуальных правах», они пошли на существенное расширение государственного вмешательства в процесс заключения коллективных договоров, добившись при этом резкого поворота вправо всей правительственной политики. Съезд НАП в декабре 1947 г. дал высокую оценку «новой рабочей политике государства, основанной на фундаментальном принципе об ответственности и обязанности рабочих и предпринимателей друг перед другом и перед обществом»[50].

Реальное воплощение закона Тафта—Хартли в жизнь в немалой степени зависело от президента Трумэна. В ежегодном послании конгрессу 7 января 1948 г. он говорил: «Роль правительства в трудовых отношениях теперь в основном определяется законом 1947 г. о трудовых отношениях. Отношение к этому закону я ясно выразил в вето в июне прошлого года. Ничто с тех пор не изменило мое мнение об этом статуте. Однако, пока он остается законом страны, я должен выполнять свою конституционную обязанность по проведению его в жизнь»[51]. И надо сказать, что Трумэн претворял его в жизнь очень старательно, сведя на нет все свои заявления о несправедливости этого закона по отношению к профсоюзам.

До выборов 1948 г. Трумэн сумел применить ст. 206 о запрещении на 80 дней «чрезвычайных стачек» 6 раз[52]. За 5 лет и 5 месяцев правления в период действия закона Тафта—Хартли Трумэн обращался к этому антистачечному положению статута в 11 случаях[53]. Для сравнения укажем, что следующий президент, республиканец Д. Эйзенхауэр, который в отличие от Трумэна всегда поддерживал этот закон, прибегал к использованию ст. 206 за 8 лет пребывания в Белом доме 8 раз[54].

---

[49] Monthly Labor Review, 1945, Nov., p. 984—991.

[50] NAM, Association Policies Adopted by the Board and Resolutions Passed at the 52nd Annual Congress of American Industry, January, 1948, p. 5.

[51] State of the Union Messages of the Presidents of the United States, 1790—1966: Vol. 1—3/Ed. by F. Israel. N. Y., 1967, vol. 3, p. 2956.

[52] *Lee R. A.* Truman and Taft—Hartley. A Question of Mandate. Lexington, 1966, p. 107.

[53] *Schaefer A.* Presidential Intervention in Labor Disputes During the Truman Administration: A History and Analysis of Experience: Ph. D. University of Pennsylvania. S. l., 1967, p. 183—192.

[54] *Shaffer L.* Presidential Intervention in National Emergency Labor Disputes, 1952—1960: Ph. D. University of Illinois. Urbana, 1963, p. 9.

«Закон Тафта—Хартли,— писал А. Макклюр,— в итоге стал признанной основой федеральной политики регулирования трудовых конфликтов. Несмотря на высказывания Трумэна против этого закона, многое в его рабочей политике в течение первого президентского срока шло параллельно тому, что предусматривал статут Тафта—Хартли»[55].

3. СДВИГ ВПРАВО В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Коренные изменения в соотношении сил на международной арене в результате образования мировой системы социализма, формирования и укрепления социалистического содружества, а также превращение США в экономического и политического лидера ослабевшей в целом капиталистической системы привели к резкому изменению официального курса правительства США и сближению его с позицией реакционных группировок буржуазии. Сильный толчок к консолидации лагеря правых сил США оказали и факторы внутриполитической жизни страны. К ним в первую очередь следует отнести обострение социальных конфликтов и новый подъем экономической борьбы трудящихся, рост численности и организованности рабочего класса. Все это правые силы связывали с последствиями «нового курса». Вот почему сразу же после окончания войны наступление на политику реформ возобновилось с новой силой.

Фактором, облегчившим правящим кругам осуществить поворот вправо, было усиление индивидуалистических настроений в стране. В годы войны значительная часть мелких состояний превратилась в крупные и вместе с тем появилось множество новых небольших состояний[56]. Этим во многом объясняется, почему поворот вправо и политика антикоммунизма, направляемые сверху правящими кругами, получили массовую поддержку консервативно настроенных мелкобуржуазных слоев американского общества, позволив монополиям и правительству обрушить тяжелые удары на демократические силы.

Поворот вправо проявился и в отказе официальных кругов довести до конца борьбу против профашистских элементов внутри страны. Администрация Трумэна прекратила расследования связей американских монополий с германскими картелями в период войны, а некоторые члены конгресса всякое упоминание о таких связях встречали в штыки, рассматривая его как проведение «коммунистической линии». Официальные лица, настаивавшие на продолжении политики денацификации Германии, вскоре же после войны были вынуждены уйти в отставку[57]. 31 июля 1947 г. министерство юстиции с согласия Трумэна прекратило дело против американских нацистов, начатое пять лет назад. Ряд конгрессменов пошли еще дальше и потребовали выплатить сторонникам Гитлера в США денежную компенсацию за причиненный им «моральный и материальный ущерб»[58]. В конгрессе раздавались протестующие голоса, осуждавшие Нюрнбергский трибунал. Республиканец Р. Тафт, например, считал, что

[55] *McClure A.* Op. cit., p. 155.
[56] *Миллс Р.* Властвующая элита. М., 1959, с. 139.
[57] Congressional Record, vol. 91, pt 13, p. A5645; vol. 93, pt 7, p. 8563—8564.
[58] US Congress, House, Lobbying Direct and Indirect, Part 4 of Hearings before the House Select Committee on Lobbying Activities... Wash., 1950, p. 247—249, 317, 318.

процесс над нацистскими военными преступниками станет «позором для Америки» [59]. С точки зрения его сторонников, все члены нюрнбергских судов являлись коммунистами или принадлежали к «организациям коммунистического фронта» [60].

Главным объектом своих атак американская реакция сделала рабочее движение, Компартию, профсоюзы, демократические и миролюбивые силы страны. Конгресс производственных профсоюзов и его Комитет политического действия изображались как инструмент «международного коммунистического заговора», действующего в целях установления контроля над правительством США [61].

Огромное влияние на позицию большинства в конгрессе оказали ведущие организации американского бизнеса. Задолго до окончания второй мировой войны Национальная ассоциация промышленников разработала основные предложения, суть которых сводилась к максимальному ослаблению профсоюзов и ликвидации либеральных реформ, принятых в период «нового курса» [62]. Торговая палата США в своих пропагандистских публикациях призывала изгнать коммунистов из рабочих организаций. Интенсивную антидемократическую и антирабочую кампанию развернул Комитет за конституционное правление (ККП), созданный еще в 30-х годах на деньги семейства Дюпонов, крупных нефтепромышленников и хозяев сталелитейной промышленности. ККП требовал возродить использование антитрестовского законодательства против профсоюзов, запретить систему «закрытого» и «профсоюзного цеха» [63].

Поворот вправо в общественном мнении можно было уже наблюдать по итогам промежуточных выборов 1946 г., приведших к усилению противников профсоюзов в конгрессе и легислатурах штатов. С помощью антикоммунистических лозунгов выиграл свои первые выборы в Калифорнии Ричард Никсон. Сенсационной была победа никому еще не известного Дж. Маккарти в Висконсине над весьма популярным сенатором Р. Лафоллеттом-младшим, лидером прогрессистов в конгрессе. От Южной Дакоты в конгресс пришел К. Мундт, от Индианы — У. Дженнер, Калифорнии — У. Ноуленд. Все они придерживались крайне консервативных взглядов. Число республиканских мест в сенате возросло с 38 до 51, в палате представителей — с 190 до 246 [64]. Собравшийся в начале 1947 г. новый конгресс оказался самым консервативным по своему составу за весь период правления демократов.

Большую услугу реакции оказал принятый конгрессом в 1947 г. закон Тафта—Хартли. Ст. 9 закона обязывала профсоюзы представлять в министерство труда письменные заявления о том, что в их руководстве нет коммунистов и что оно не связано с организациями, сочувствующими коммунистам. Профсоюзы, не выполнившие эти требования, лишались прав, которые они еще сохранили за собой, а предприниматель мог отказаться от ведения переговоров с их представителями.

---

59 Vital Speeches, 1946, Nov., p. 48.
60 Congressional Record, vol. 96, pt 12, p. 16709.
61 Ibid., vol. 90, pt 10, p. A3179.
62 Jobs, Freedom, Opportunity in the Post-War Years. Prepared by the NAM Committee on Postwar Problems. Wash., 1942, p. 13, 22, 23.
63 Congressional Record, vol. 94, pt 11, p. A3860.
64 Politics in America, 1945—1964. Wash., 1965, p. 3.

Закон Тафта—Хартли помог реакции втянуть профсоюзы в антикоммунистическую кампанию, в «холодную войну», посеять раскол в рядах рабочих и отвлечь их от организованного сопротивления наступлению капитала. К маю 1950 г. 206 национальных и 11 830 местных профсоюзов были вынуждены сделать письменные заявления о непричастности их руководства к деятельности Компартии США [65]. В этом же году Верховный суд США поддержал эту практику, признав ст. 9 закона Тафта—Хартли соответствующей конституции. Под давлением сил реакции и соглашательской верхушки профсоюзов 40 рабочих организаций с 6 млн. членов внесли в свои уставы изменения, запрещавшие коммунистам и членам прогрессивных организаций состоять в рядах профсоюзов. Более 50 профсоюзов с числом членов 10 млн. решением своего руководства запретили коммунистам занимать руководящие посты [66].

Другим объектом яростных атак реакции стало коммунистическое движение страны. Для правящих кругов США, стремившихся упрочить положение монополий, идейно и организационно ослабить рабочее движение и настроить американское общественное мнение в пользу военного противоборства со странами социализма, коммунисты и левые становились главным препятствием.

Для разгрома Компартии США правительство Трумэна, опираясь на агентов и платных информаторов ФБР, решило использовать закон Смита (акт о регистрации иностранцев) 1940 г., согласно которому объявлялась преступлением пропаганда насильственного свержения правительства США. В годы войны Верховный суд США признавал, что Коммунистическая партия стремится к достижению своих программных лозунгов мирным путем, в рамках конституционной законности, если таковая будет гарантирована. В 1945 г. Верховный суд, подтверждая занятую им позицию в отношении Компартии, указывал: нет никаких сколько-нибудь серьезных доказательств того, что «Компартия угрожает свергнуть правительство силой и насилием» [67]. Теперь же правительство отказывалось от ранее занятой позиции.

Чтобы дискредитировать Компартию в глазах общественного мнения, официальные круги инсценировали серию сенсационных «разоблачений» с целью показать, что Компартия стоит в центре гигантского антиправительственного заговора, представлявшего непосредственную угрозу безопасности США. С помощью ложных доносов платных осведомителей комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (КРАД) реакции удалось добиться осуждения бывшего чиновника госдепартамента О. Хисса, который якобы был связан с «коммунистическим подпольем» в 30-е годы. Конгрессмен Д. Рэнкин не замедлил представить дело так, будто комиссия конгресса «обнаружила один из величайших шпионских центров в истории» [68]. «Дело Хисса» послужило предлогом для широчайшей кампании травли прогрессивных элементов в стране.

В такой обстановке в здании окружного суда на Фолли-сквер в

---

[65] *Brown E. C.* National Labor Policy. The Taft—Hartley Act after Three Years and the Next Steps. Wash., 1950, p. 44.

[66] *Brown R. S., Jr.* Loyalty and Security. Employment Tests in the United States. New Haven, 1958, p. 141.

[67] *Chase H. W.* Security and Liberty. The Problems of Native Communists, 1947—1955. Garden City (N. Y.), 1955, p. 4, 5.

[68] Congressional Record, vol. 94, pt 12, p. A5351—A5353.

Нью-Йорке 19 января 1949 г. начался процесс над 11 лидерами Компартии США. В ходе судебного разбирательства коммунисты опровергли сфабрикованное официальное обвинение в том, что Коммунистическая партия представляет собой «заговорщическую группу», пропагандирующую идею насильственного свержения правительства США, и показали, что культ силы и насильственного подавления демократии насаждает монополистическая реакция, организовавшая этот позорный процесс. Министерству юстиции не удалось доказать ни одного выдвинутого против них обвинения. Суд вынужден был за неимением других доказательств воспользоваться услугами платных провокаторов ФБР, проникших в ряды Компартии. Наговоры и лжесвидетельства профессиональных доносчиков — вот чем руководствовался суд, вынося обвинительный приговор лидерам Компартии. Весьма характерным в связи с этим процессом явилось заявление члена Верховного суда У. О. Дугласа, обратившего внимание на то, что «в обвинительном заключении не указано ни одного мятежного действия, которое можно бы было инкриминировать коммунистам» [69].

Хотя результаты процесса были предрешены, руководители Компартии США тем не менее одержали большую моральную и политическую победу, сорвав с правящих кругов США маску «поборников демократии» и разоблачив их подлинные намерения. В 1951 г. Верховный суд США, отступив от позиции, занятой им в отношении Компартии в годы войны, поддержал вынесенный приговор. До 1955 г. против Компартии было инспирировано 18 процессов, в результате которых многие ее руководители оказались за решеткой [70].

Закон Смита в его антикоммунистической трактовке послужил образцом для легислатур штатов. В своем антикоммунистическом рвении некоторые из них пошли дальше федерального конгресса. Закон штата Массачусетс, например, объявлял Компартию «подрывной» организацией. В штате Техас принадлежность к Компартии считалась уголовным преступлением. К концу 1950 г. 31 штат принял законы, подобные закону Смита, в 15 штатах Компартию отстранили от участия в выборах.

Осуждение 11 лидеров Компартии США и подтверждение его Верховным судом США в 1951 г. оказались всего лишь начальным звеном длительной, растянувшейся на ряд лет кампании правящих кругов, направленной на подавление оппозиции широких масс американского народа реакционному курсу правительства США в области внешней и внутренней политики. В 1947 г. американский публицист и историк Дж. Моррис писал: «„Красный ужас“ — это ключ к пониманию всей стратегии, направленной против рабочих. Компартия — главная цель, но мишень гораздо шире: рабочие, представители науки, искусства и религии и вообще все те, кто хотя бы отчасти сочувствовал силам прогресса» [71].

Одной из наиболее значительных и зловещих мер, принятых правительством США в этом направлении, была проверка лояльности государственных служащих. Она официально санкционировала невиданно широкую кампанию преследования граждан США по политическим мотивам. Трумэновская чистка государственного аппарата от прогрессивных эле-

[69] Цит. по: *Деннис Ю.* Статьи и речи (1947—1951). М., 1952, с. 190.
[70] Political Affairs, 1969, Sept.-Oct., p. 134; *Chase H. W.* Op. cit., p. 26.
[71] *Morris G.* The Red Baiting Racket and How it Works. N. Y., 1947, p. 7.

ментов, начатая в 1947 г., совпала по времени с походом реакции против коммунистов во Франции, Италии и других странах и представляла собой часть общего фронта наступления на демократию, осуществляемого империалистическими кругами.

Проверка лояльности государственных служащих подхлестывалась постоянным давлением справа. Так, в 1947 г. Торговая палата США в брошюре «Коммунисты внутри правительства» потребовала изгнания из федеральных учреждений всех прогрессивно мыслящих американцев [72]. Сознавая, что принятие конгрессом какой-либо из предложенных мер будет использовано правыми элементами для атак на администрацию, правительство Трумэна 21 марта 1947 г. поспешило издать исполнительный приказ № 9835 о проверке лояльности государственных служащих. Цель приказа, как утверждалось, состояла в том, чтобы обеспечить безопасность США, гарантировать права федеральных служащих и их защиту от необоснованных обвинений в нелояльности [73]. Однако на практике вся система проверки была грубым нарушением прав государственных служащих, вынужденных доказывать свою невиновность, порой в обстановке, когда их увольнение было предрешено на основе клеветнических наветов анонимных осведомителей и применения пресловутого принципа «разумного сомнения» в лояльности очередной жертвы «охоты на ведьм» [74].

Для претворения приказа в жизнь в каждом министерстве или другом самостоятельном административном ведомстве создавались отделы по проверке лояльности, являвшиеся совещательным органом при руководителе департамента. В 1952 г. число таких отделов достигло почти 200, кроме них действовали еще 14 региональных отделов [75]. Общее руководство всей программой чисток федерального аппарата осуществляло Управление по проверке лояльности, являвшееся высшим апелляционным органом. В качестве необходимого источника информации приказ требовал руководствоваться материалами ФБР, комиссии гражданской службы, разведок военных ведомств и комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Приказ официально санкционировал использование сведений, полученных от тайных осведомителей ФБР, роль которого во всей этой процедуре была огромна, а очень часто приобретала даже решающее значение.

Закон о внутренней безопасности, принятый конгрессом 26 августа 1950 г., разрешал главам 11 министерств и ведомств увольнять «неблагонадежных» по мотивам национальной безопасности. Формально служащий не терял права поступить в другое правительственное учреждение, однако принять его на работу могли только после консультаций с комиссией гражданской службы [76]. И хотя правительство в своей практической деятельности, в сущности, реализовало почти все пожелания Торговой палаты США, высказанные в упоминавшемся докладе, правые силы в конгрессе и вне его считали программу проверки лояльности недостаточной и предлагали принять специальный закон по этому вопросу [77].

---

[72] Congressional Record, vol. 93, pt 1, p. 1399.
[73] The Truman Administration. Its Principles and Practice/Ed. by L. W. Koenig. N. Y., 1956, p. 61—62; US Civil Service Commission, 65th Annual Report. Wash., 1948, p. 10.
[74] *Phillips C.* The Truman Presidency, p. 361—362.
[75] Bulletin of the Atomic Scientists, 1951, Dec., p. 365—366.
[76] Congressional Record, vol. 99, pt 4, p. 4519.
[77] Ibid., vol. 93, pt 3, p. 4006.

Уступая давлению, правительство Трумэна пошло еще дальше вправо и распространило преследования на либеральные круги. Наиболее общим предлогом для обвинения в нелояльности была связь с лицами, занимавшимися «подрывной деятельностью», или группами, занесенными в список министерства юстиции в качестве «подрывных организаций». В ряде случаев даже работа в ААА в 1933 г. или в подкомиссии Лафоллетта по гражданским правам считалась актом нелояльности. К приходу в Белый дом республиканцев проверку лояльности прошли около 4,8 млн. правительственных служащих и лиц, желавших поступить на работу в федеральный аппарат[78]. Всего процедуру проверки к этому времени прошли не менее 6,6 млн. американцев[79].

Грубым нарушением конституции становилась практика составления «черных списков» «подрывных организаций», узаконенная правительством Трумэна. Список министра юстиции Кларка в 1948 г. включал почти 100 организаций, а его преемника Макграта — около 200[80]. В него попали главным образом организации, боровшиеся за социальные реформы в интересах трудящихся, за деловое сотрудничество с социалистическими странами, за международную безопасность, за мир, против фашизма. К «коммунистическим организациям» была, например, отнесена Американская лига борьбы за мир и демократию, выступавшая в пользу либерализации рабочего законодательства, в защиту гражданских прав цветных, за отмену избирательного налога, запрещение антисемитской пропаганды, за создание системы коллективной безопасности и обуздание фашизма. Сюда же были включены восемь общественных групп, в свое время поддерживавших республиканскую Испанию и боровшихся с фашистской диктатурой Франко, и ряд организаций, содействовавших взаимопониманию между народами СССР и США.

Принадлежность к этим и многим другим организациям после войны стала считаться признаком нелояльности и являлась достаточным основанием для увольнения с работы. «Черные списки» министерства юстиции являлись грубейшим нарушением конституционного права на организацию. Включение в них той или иной организации становилось равносильно смертному приговору. После этого быстро таяло число членов организации, что почти автоматически вело к ее роспуску. Чистки от «нелояльных» служащих постепенно распространились на органы управления в штатах и местное самоуправление, к началу 1951 г. 18 штатов сделали обязательной проверку лояльности своих служащих[81].

Интенсивную кампанию преследований демократических и либеральных организаций развернули расследовательские комиссии конгресса. Главная роль среди них с самого начала принадлежала комиссии по расследованию антиамериканской деятельности палаты представителей. В 1945 г. она стала постоянной комиссией конгресса. Поддерживая тесные связи с ФБР, КРАД в 1947 г. разработала обширную программу борьбы с «красными» в профсоюзах, в органах образования, религиозных организациях и правительстве США, которая в ряде случаев шла значительно дальше административных мер Белого дома. Был создан гигант-

[78] Joseph R. McCarthy/Ed. by A. J. Matusow. Englewood Cliffs, 1970, p. 5.
[79] *Halperin M. H.* a. o. Lawless State. N. Y., 1978, p. 110.
[80] Congressional Record, vol. 99, pt 12, p. A4389.
[81] *Emerson T. I., Haber D.* Political and Sivil Rights in the United States. N. Y., 1952, p. 576, 577.

ский «черный список», который к началу 60-х годов охватывал свыше 800 организаций «коммунистического фронта», а также около 150 либеральных, демократических и прогрессивных газет и журналов [82]. В 1949 г. КРАД располагала 1 млн. досье на граждан США [83].

Огромную услугу оказала КРАД монополиям, боровшимся с организованным рабочим движением. Все профсоюзы, которые последовательно отстаивали интересы трудящихся, так или иначе становились объектом пристального внимания комиссии. Вмешательство КРАД в промышленные конфликты помогало хозяевам избавиться от наиболее стойких руководителей трудящихся и тем самым подорвать силу и влияние рабочего движения. КРАД принадлежит ведущая роль и в разработке антирабочего и антикоммунистического законодательства. Ее подкомиссия по законодательству во главе с Р. Никсоном в 1947—1948 гг. провела слушание и рассмотрела ряд биллей, имевших целью поставить американскую Компартию вне закона. Основные предложения КРАД по этому вопросу нашли позднее свое выражение в антикоммунистическом законе Маккарэна—Вуда.

В 1946 г. комиссия начала травлю Объединенного антифашистского комитета беженцев, помогавшего борцам против фашистской диктатуры Франко в Испании. Его члены были названы коммунистами и их попутчиками и обвинены в содействии целям советской внешней политики [84]. Всем им предложено было зарегистрироваться в соответствии с законом Вурхиса (1940 г.) в качестве агентов иностранного правительства. Отказ главы комитета Э. Барского и его товарищей от регистрации, нежелание назвать членов организации и отвечать на основе V поправки к конституции на провокационные вопросы расследователей повлекли за собой стандартное обвинение членов комитета в «неуважении конгресса» и тюремное заключение. В мае 1950 г. Верховный суд США отказался рассмотреть апелляцию комитета. Решение Верховного суда, говорил в связи с этим Барский, «подтвердило тезис Рэнкина и Томаса о том, что быть антифранкистом и сторонником Испанской республики — значит быть нелояльным в Соединенных Штатах» [85]. По этому же обвинению комиссией были отправлены в тюрьму Р. Морфорд, директор Национального совета американо-советской дружбы, Джордж Маршалл, председатель Национальной федерации за конституционные свободы, десятки других представителей прогрессивной общественности страны [86].

В 1947 г. КРАД решила осуществить давно задуманный план разгрома группы прогрессивных кинодеятелей Голливуда: было заявлено, что коммунисты избрали кинопромышленность в качестве главного средства «отравления американских умов». При этом расследователи утверждали, что «наиболее опасные коммунистические фильмы были сделаны под непосредственным давлением Белого дома», когда Рузвельт был на посту президента [87]. К ним комиссия отнесла такие ленты, как «Миссия в Моск-

---

[82] US Congress, House, Committee on Un-American Activities, Guide to Subversive Organizations and Publications, Revised and Published, December 1, 1961. Wash., 1961, p. 10.

[83] Anatomy of Anti-Communism. N. Y., 1969, p. 37.

[84] Congressional Record, vol. 94, pt 11, p. A3473.

[85] Daily Worker, 1950, May 30.

[86] Congressional Record. vol. 94, pt 11, p. A3473—A3474.

[87] Ibid., vol. 93, pt 11, 1947, p. A2688.

ву» и «Песнь о России», которые выражали широко распространенные в годы войны дружественные чувства американцев к союзнику США по антигитлеровской коалиции — СССР.

Десять киноработников Голливуда во главе с писателем и драматургом Дж. Г. Лоусоном были обвинены в «неуважении к конгрессу» за отказ отвечать на провокационные вопросы членов комиссии. В мае 1950 г. Верховный суд США отклонил апелляцию «голливудской десятки» и тем самым подтвердил их осуждение. «Впервые за 150 лет истории США,— заявил Лоусон,— писатели идут в тюрьму, потому что комиссии конгресса не нравятся их работа, мысли и поступки как американских граждан»[88]. В 1950 г. запуганные хозяева кинокомпаний ввели присяги о лояльности для принимаемых на работу лиц и распространили их позднее на всех киноработников. В 1951 г. КРАД вновь посетила Голливуд. А вслед за тем опубликовала «черный список», куда были включены 324 работника кино. Все они в конце концов были лишены права работать в кинематографе. В травле прогрессивных деятелей кино участвовал и «Американский легион». Его посты по всей стране пикетировали кинотеатры, добиваясь прекращения демонстрации кинолент Чарли Чаплина. Руководство легиона провело совещание с представителями ведущих киностудий страны и в апреле 1952 г. издало «черный список» на 300 творческих работников кино[89]. Чистки в Голливуде вскоре распространились на артистов театров, радио и телевидения.

Деятельность федерального правительства и конгресса США нашла пылких подражателей в штатах. В Калифорнии местная комиссия по расследованию антиамериканской деятельности во главе с Д. Б. Тенни считала коммунистами и их попутчиками всех, кто, по ее мнению, служил «интересам внешней политики СССР и содействовал разногласиям, раздорам и классовой борьбе в целях подготовки революции» в США[90]. Такое широкое толкование позволяло местным властям обрушиться с репрессиями на демократические и либеральные организации, критиковавшие порядки в США и внешнюю политику правительства, в том числе местные отделения Американского союза за гражданские свободы, «Институт за демократическое образование», «Мобилизация за демократию». К концу 40-х годов в легислатуре штата Калифорния ждали обсуждения 15 биллей, намечавших установление контроля над мыслями[91].

Поистине погромными были действия расследователей в крупнейшем в стране Калифорнийском университете. По требованию местной комиссии по расследованию и с одобрения Торговой палаты штата и многочисленных групп «бдительных» руководство университета в 1949 г. сделало обязательным для всех сотрудников подачу письменных заявлений о лояльности. Летом 1950 г. 32 профессора, отказавшихся принести требуемую присягу, были уволены. Многие преподаватели сами оставили университет в знак протеста. 55 курсов были вычеркнуты из учебного плана за неимением специалистов[92]. Позднее руководство университета

---

[88] Daily Worker, 1950, May 30.
[89] *Cogley J.* Report on Blacklisting: Vol. 1, 2. S. l., 1956, vol. 1, p. 119, 124, 125.
[90] *Barrett E. L., Jr.* The Tenney Committee. Legislative Investigation of Subversive Activities in California. Ithaca (N. Y.), 1951, p. 56.
[91] *McWilliams C.* Witch Hunt. The Revival of Herecy. Boston, 1950, p. 103.
[92] *Caughey J. W.* In Clear and Present Danger. The Crusial State of our Freedom. Chicago, 1958, 149—151.

признало, что ни один из уволенных ведущих профессоров не был коммунистом [93].

В том же духе действовала расследовательская комиссия в штате Вашингтон, созданная местной легислатурой в 1946 г. Ее глава А. Ф. Кэнвелл предлагал считать коммунистами всех, кто утверждал, что в США существуют расовая дискриминация или имущественное неравенство. Самым сенсационным делом, принесшим комиссии громкую известность, была чистка от «нелояльных» лиц в Вашингтонском университете. Расследователи добились увольнения нескольких коммунистов, компетентность которых как преподавателей за все время их работы никогда не подвергалась сомнению, и обвинили в сочувствии идеям коммунизма еще около 150 сотрудников [94].

В августе 1947 г. по инициативе отделения «Американского легиона» в Иллинойсе была создана комиссия по расследованию мятежных действий во главе с П. Бройлесом. Она усматривала коммунистическую пропаганду во всех социальных мероприятиях либерального толка. В феврале 1949 г. комиссия внесла на обсуждение легислатуры штата серию биллей, принятие которых означало бы серьезное ущемление гражданских свобод. Сотни студентов из Чикаго, представлявших либеральные организации, прибыли в Спрингфилд, чтобы протестовать против принятия этих биллей [95]. В ответ законодатели приняли решение о расследовании деятельности Чикагского университета и колледжа им. Рузвельта, студенты которых составляли основную массу участников демонстрации [96].

Комиссии по расследованиям в штатах развязали руки охранителям «порядка» по всей стране, оказывали огромное влияние на формирование общественного мнения и во многих случаях были инициаторами антидемократического законодательства. Наиболее зловещие меры были приняты легислатурами Мэриленда и Нью-Йорка. Закон Обера в штате Мэриленд запрещал деятельность так называемых «подрывных организаций» (имелась в виду прежде всего Компартия) и предписывал обязательное представление всеми сотрудниками административных учреждений письменных подтверждений о том, что они не являлись и не являются их членами. Уличенные в нарушении закона наказывались огромными денежными штрафами и длительным тюремным заключением. Антикоммунистический закон Мэриленда послужил образцом для законодателей Нью-Гэмпшира, Джорджии, Огайо, Пенсильвании, Вашингтона, Алабамы, Мичигана, Техаса, Миссисипи и других штатов, принявших аналогичные законы.

Другой разновидностью репрессивных мер, разработанных в этот период, был закон Фейнберга, принятый в 1949 г. в штате Нью-Йорк. Закон запрещал членам «подрывных организаций» работать в школах и колледжах штата, обязывал руководство органов образования регулярно сообщать властям о деятельности учителей, а советы регентов — составлять списки «подрывных организаций» и увольнять всех лиц, уличенных

---

[93] *Chafee Z., Jr.* The Blessing of Liberty. Philadelphia; New York, 1956, p. 242.
[94] Communism and Academic Freedom. Seattle, 1949, p. 19.
[95] *Harsha E. H.* Illinois. The Broyles Commission.— The States and Subversion/Ed. by W. Gellhorn. Ithaca, 1952, p. 55—65.
[96] *McWilliams C.* Op. cit., p. 222—224, 226.

в принадлежности к ним [97]. Подобное законодательство было принято и в других штатах, которые, сообразуясь с местными условиями, разрабатывали свои критерии лояльности и нелояльности преподавателей. В Джорджии, например, школьные советы лишали работы любого учителя, если он был противником сегрегации в обучении [98]. Характеризуя состояние дел в 72 колледжах страны, «Нью-Йорк таймс» 10 мая 1951 г. писала о ползучем параличе мысли и слова. Атмосфера, создавшаяся в стране, отмечала газета, имела тенденцию приравнять критику к нелояльности, а либерализм — к коммунизму. К концу 1950 г. около $^2/_3$ штатов в той или иной форме установили контроль за политической благонадежностью преподавательских кадров.

К концу 1950 г. во всех штатах действовало свыше 300 законов против «подрывной деятельности» [99]. Страх быть отождествленным с коммунистами стал, пожалуй, в эти годы предметом самого большого беспокойства американцев, ибо такое отождествление почти автоматически вело к лишению средств существования и к общественной изоляции.

Но реакция шла значительно дальше. В свете происшедших в мире революционных изменений все реформистские мероприятия правительства демократов, которые оно в свое время вынуждено было проводить, стали изображаться как сознательное служение целям мирового «коммунистического заговора». Инсценированные КРАД судебные процессы против «подрывной деятельности» лиц, близких к правительственным кругам, получили самую широкую огласку и должны были убедить общественное мнение в подлинности этого мифического заговора внутри американского правительства.

Громадную активность в штатах проявили различные «патриотические» общества и самозванные защитники национальной безопасности. Нередко они были застрельщиками самых реакционных мер, разного рода запрещений и провокационных выступлений. Под их влиянием власти не разрешили в США выставку картин Х. К. Ороско, в г. Провиденсе (штат Род-Айленд) отказались от установки статуи Т. Пейна, как якобы «спорной фигуры» в истории США. Открытым антинегритянским погромом закончилась вылазка расистов в Пикскилле (штат Нью-Йорк) в 1949 г. во время концерта великого негритянского певца и прогрессивного общественного деятеля Поля Робсона.

Необычайную активность в борьбе с «красной опасностью» проявил Комитет за конституционное правление (ККП). В руководство комитета вошли богатейшие промышленники и хозяева ряда издательств [100]. Комитет и его пропагандистский филиал «Будущее Америки» имели могущественных финансовых покровителей, а своим главным врагом они объявили правительство демократов. Концентрированное выражение обвинения в адрес администрации Трумэна нашли в памфлете Дж. Т. Флинна «Дорога вперед». Даже антикоммунистическую кампанию, развязанную правительством Трумэна, его автор охарактеризовал как ложную игру, которая должна была якобы скрыть подлинные цели администрации.

---

[97] US Congress, Senate, Committee on the Judiciary, Subversive Influence in the Educational Process, Hearings before the Subcommittee... pt 13. Wash., 1953, p. 1154.
[98] *Caughey J. W.* Op. cit., p. 101.
[99] The States and Subversion/Ed. by W. Gellhorn. Ithaca, 1952, p. 359.
[100] *Cook F. J.* The Nightmare Decade. The Life and Times of Senator Joe McCarthy. N. Y., 1971, p. 41, 42.

Реальные враги, утверждал он,— это последователи фабианского социализма в США, нашедшие себе приют в правительстве демократов. Памфлет Флинна был с одобрением встречен в деловых кругах. «Нейшнл стил» опубликовал его 5-тысячным тиражом. «Ридерс дайджест» в февральском номере за 1950 г. ознакомил миллионы читателей с основными его положениями. ККП назвал памфлет «самой важной книгой десятилетия» и к середине 50-х годов распространил его по всей стране в количестве 1 млн экземпляров [101].

Разногласия между правыми и правительством начались почти сразу после прихода его в Белый дом. Послание конгрессу от 6 сентября 1945 г., в котором президент, сохраняя преемственность с предыдущей администрацией, предложил ряд социально-экономических мер [102], были встречены правыми в конгрессе в штыки. Они решительно выступали против правительственных предложений о полной занятости, об увеличении минимума заработной платы, о распространении социального страхования на новые группы трудящихся, о расширении жилищного строительства и т. д.

Не менее ожесточенно атаковала правая оппозиция и внешнюю политику правительства, обвиняя администрацию демократов в предательстве верного американского союзника на Дальнем Востоке Чан Кайши, хотя Белый дом и делал все, что было в его силах, ради спасения гоминьдановского режима.

Победа китайской революции вызвала новую вспышку ярости у правых. В пылу нападок на демократов республиканцы договорились даже до обвинения их в «пособничестве коммунизму в Азии».

4. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА РАСПУТЬЕ

Перестройка американской экономики в послевоенные годы имела серьезные последствия в социальной области. Расширение масштабов промышленного производства, торговли, обслуживания вызвало быстрый рост численности рабочей силы США: с 44 220 тыс. в марте 1938 г. до 59 957 тыс. человек в апреле 1950 г. Еще больше возросла численность занятых в несельскохозяйственных сферах экономики: с 34 530 тыс. в 1938 г. до 52 450 тыс. в 1950 г., т. е. более чем на 60%. Этому процессу также способствовал рост численности населения США (даже в годы второй мировой войны), увеличение продолжительности жизни. Значительно изменилось число трудящихся женщин — с 25% в 1940 г. до 28,5% всего состава рабочей силы в 1950 г.[103]

Концентрация производства в промышленности и сельском хозяйстве, образование гигантских корпораций, усиление экономической роли государства и рост государственного аппарата воздействовали на изменение состава рабочего класса и социальной структуры американского общества, в частности на соотношение занятости в промышленности и сельском хозяйстве. Так, в 1950 г. оно составило соответственно 70 и 26% [104].

---

[101] Ibid., p. 71, 72.
[102] Congressional Record, vol. 91, pt 6, p. 8364—8375.
[103] The American Workers' Fact Book, 1956. Wash., 1957, p. 9, 17. (Далее: Workers' Fact Book).
[104] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957, p. 70, 73.

Число занятых в сельском хозяйстве с 1938 по 1950 г. уменьшилось на 2 млн.

Наибольшая часть трудящихся, как и прежде, была занята в фабрично-заводской отрасли хозяйства, в производстве промышленных товаров. Численность этой категории трудящихся, долгое время находившаяся на одном уровне (с 1919 по 1938 г.), стала быстро увеличиваться (с 9253 тыс. в 1938 г. до 14 967 тыс. в 1950 г.). Ускоренными темпами росла численность строительных рабочих, что было вызвано военным бумом и размахом послевоенного строительства. Новым явлением в рассматриваемые годы было увеличение занятости в таких отраслях экономики, как торговля и сфера обслуживания, в государственном аппарате. Эта тенденция наметилась еще в конце 40-х годов, а в послевоенные годы стала определяющей в структурных сдвигах в американском обществе. Число занятых в торговле, например, возросло с 6453 тыс. (1938 г.) до 9645 тыс. (1950 г.), в обслуживании — с 3196 тыс. до 5077 тыс., на государственной службе — с 3876 тыс. до 6026 тыс. человек.

Представление о занятости, численности и структуре рабочего класса в США было бы неверным, если не принять во внимание такое явление, как безработица, которая с окончанием войны стала расти, несмотря на расширение масштабов производства. Уже в 1946 г. число безработных составило 2,3 млн. (4% всей рабочей силы). В 1948 г., когда наметился спад производства в ряде отраслей, безработица поднялась до 5,5%. Это был наихудший показатель с 1941 г. Наметился рост средней продолжительности безработицы: с 8,6 недель в 1948 г. до 12,1 недели в 1950 г. В указанный период из каждых 100 безработных 25—26 искали работу по 15 и более недель [105]. Ухудшение положения рабочего класса в целом в связи с ростом безработицы осложнялось инфляцией и налоговой политикой государства. Увеличение налогов и цен, а также внедрение потогонной системы организации труда в значительной степени «съедали» прибавки к заработной плате, полученные трудящимися в ходе упорной борьбы с капиталом.

Профсоюзы сохраняли некоторое время после войны важные экономические и политические позиции, завоеванные ими в годы «нового курса» [106]. Их численность с середины 30-х годов до 1960 г. более чем утроилась (с 4 млн. в 1936 г. до 15 млн.). Создание массовых профессиональных организаций в ряде отраслей позволило трудящимся более успешно отстаивать свои права. Наиболее юнионизированными оставались старые отрасли промышленности. К ним относились строительная индустрия, транспорт, печатное дело, морской флот и портовые хозяйства. В этих отраслях были традиционно сильны профсоюзы АФТ, насчитывавшие в 1946 г. 7152 тыс. членов. КПП, объединявший в 1946 г. 6 млн. рабочих по производственному признаку, располагал относительно более прочными позициями в таких отраслях, как сталелитейная, автомобильная, резиновая, электромашиностроение, авиационная [107]. В 1946 г. в общей сложности около 20% всей рабочей силы США было объединено в профсоюзы, что, как ожидалось, могло стать важной осно-

---

[105] Workers' Fact Book, p. 89.

[106] *Сивачев Н. В.* США: Государство и рабочий класс: (От образования Соединенных Штатов Америки до окончания второй мировой войны). М., 1982.

[107] Handbook of Labor Statistics, 1968. Wash., 1968, p. 300.

вой для дальнейшего повышения роли организованного рабочего движения в общественной жизни страны.

Однако вторая мировая война наложила глубокий отпечаток на деятельность профсоюзов, усилив позиции соглашательского крыла. Чрезвычайные условия военного времени, необходимость сосредоточения усилий на борьбе с фашизмом ставили на повестку дня вопросы национального единства, непрерывности военных усилий и военного производства. Следствием этого явился официальный отказ профсоюзов от забастовок на период войны. Хотя национальное единство в годы войны было явлением временным, оно породило — и не только в среде профсоюзных руководителей — иллюзии о возможности установления «классового мира», «добровольного сотрудничества бизнеса, рабочих и фермеров» под эгидой государства [108].

Существенное значение в новой ситуации имела позиция капитала. Его воздействие на профсоюзы по линии идеологической и политической увеличилось многократно. Это было связано прежде всего с изменившейся после войны международной обстановкой. Для хозяев промышленности США, пишут авторы труда по истории Компартии США, «стремящихся осуществить свои замыслы глобального экспансионизма, было чрезвычайно важно отбросить профсоюзы к тому состоянию, которое существовало до образования могущественного КПП. Тесный союз между КПП и профсоюзами других стран мог стать препятствием для экспансионистских целей финансовых кругов США. Чтобы этого не произошло, последние стремились подорвать единство в руководстве КПП, с помощью репрессивных законов сковать деятельность профсоюзов и раздуть истерию о „красной опасности“» [109].

Демобилизация из армии, возвращение домой миллионов бывших солдат, нуждавшихся в работе, обусловили повышенное предложение рабочей силы, которое наряду со стремлением бизнеса ограничить права профсоюзов создало опасность профсоюзным гарантиям. И не случайно на коллективных переговорах первых мирных лет профсоюзы придавали такое значение соглашению о «закрытом цехе» [110]. Одной из главных причин развернувшегося забастовочного движения в эти годы была также резкая активизация антипрофсоюзной деятельности бизнеса.

Забастовки, которые в американской историографии получили название «первой послевоенной стачечной войны», начались в феврале 1946 г., когда Национальное управление стабилизации заработной платы позволило сталелитейным компаниям поднять цену на сталь. Рабочие сталелитейной промышленности вскоре после этого решения добились соглашения с предпринимателями об увеличении заработной платы [111]. Но почти одновременно с этой акцией Национального управления стабилизации заработной платы был обнародован исполнительный приказ президента Трумэна, разрешавший для устранения диспропорции повысить цены и в других отраслях производства. Ответ профсоюзов последовал незамедлительно. Всего в 1946 г. произошло 4985 стачек, в которых

---

[108] *Сивачев Н. В.* Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. М., 1974, с. 319.
[109] Вехи боевой истории: 60 лет Коммунистической партии США. М., 1983, с. 176.
[110] US Department of Labor, Bureau of Labor Statistics, Bulletin N 916. Wash., 1947, p. 133.
[111] *Pierson F. C.* Unionism in Postwar America. N. Y., 1967.

участвовало 4,6 млн. рабочих и было потеряно 116 млн. человеко-дней [112]. Это рекордные показатели за всю историю США. Стачки охватили рабочих ведущих отраслей промышленности — металлургов, шахтеров, автомобилестроителей, железнодорожников, электриков, рабочих мясной промышленности и т. д. В ходе забастовочных боев трудящиеся добились значительных прибавок к заработной плате [113].

Такая активность трудящихся в первые послевоенные годы создавала благоприятную обстановку для роста профсоюзов. Вместе с тем многое зависело от того, какие силы возобладают в профсоюзном движении, какими средствами профсоюзы будут решать стоявшие перед ними проблемы. В профсоюзах шла острая борьба между сторонниками «делового» юнионизма АФТ, в основе которого лежал все тот же гомперсизм, и нового, более прогрессивного течения, возникшего в 30-е годы и воплотившегося в деятельности КПП.

В атмосфере усиления реакции и обострения борьбы внутри «рабочего дома» профсоюзы не смогли мобилизовать силы для отпора реакции. Более того, их позиции были ослаблены. «Холодная война» еще более накалила борьбу между демократической и реакционной тенденциями в профсоюзном движении. Уже в конце 1946 г. в профсоюзах началось преследование прогрессивно настроенных активистов, особенно коммунистов. Поэтому в ходе принятия законопроекта Тафта—Хартли профсоюзы АФТ и КПП оказались не готовы к решительным действиям. «В таких условиях, когда ведущие центры уклонились от прямых выступлений против антирабочего законодательства, движение протеста не могло стать организованным и общенациональным. Оно носило локальный и разобщенный характер» [114]. Отрицательное воздействие нового законодательства на рабочее движение США сказалось уже в первые годы его осуществления.

Помимо негативных последствий репрессивного, антирабочего законодательства важным фактором, затруднившим деятельность профсоюзов, стало резкое увеличение дел о «нечестной трудовой практике» рабочих организаций, приобретшее характер злонамеренной кампании, явно инспирированной из одного центра. В 1948/49 финансовом году Национальное управление по трудовым отношениям (НУТО) зарегистрировало 1160 подобных дел [115], возбужденных предпринимателями. Большинство из них обвиняло профсоюзы в «страшных грехах» — вторичных бойкотах, забастовках за право организации профсоюза, а также в том, что тред-юнионы «вынуждают» предпринимателей проводить дискриминационную политику найма и увольнения по отношению к нечленам профсоюзов. Все говорило о начале массированного наступления, предпринятого бизнесом на профсоюзные гарантии. Дорогу этому наступлению прокладывал закон Тафта—Хартли и проводимая на его основе правительственная политика вмешательства в трудовые отношения в интересах капитала.

---

[112] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957, p. 99.
[113] *Morris G.* American Labor. Which Way? N. Y., 1961, p. 44.
[114] История рабочего движения в США в новейшее время: В 2-х т. М., 1970—1971, т. 2, с. 205.
[115] 14th Annual Report of the NLRB, National Labor Relations Board, Annual Reports. N. Y., 1950, vol. 4, p. 2 3.

23 июня 1948 г., чуть менее чем через год после официального вступления закона в силу, «Нью-Йорк таймс» поместила редакционную статью, в которой давались оценки практики применения закона. Газета подчеркивала, что уже за первые месяцы существования закона суды использовали «чрезвычайные предписания» как минимум в 12 случаях. Важнейшими среди них были вынесение судебных постановлений против профсоюза горняков, Международного союза типографских рабочих, стачечников на предприятиях атомной промышленности. За тот же период президент США 5 раз обращался к своему праву использовать «чрезвычайные полномочия». 80-дневное «замораживание» стачек провозглашалось судами по просьбе президента в угольной промышленности, на предприятиях телефонной, атомной, мясоконсервной промышленности, а также во время стачек портовиков.

Поражения некоторых крупных, известных боевыми традициями организаций рабочих в стачках 1948—1949 гг. со всей наглядностью продемонстрировали антипрофсоюзную направленность нового реакционного законодательства. Вряд ли предприниматели выдержали бы мощный натиск профсоюзов типографских рабочих, вряд ли шахтовладельцы устояли бы перед сплоченностью горняков, если бы не опирались на антирабочий закон Тафта — Хартли, а вместе с ним и на весь государственный аппарат. Закон Тафта—Хартли в руках предпринимателей и буржуазного государства оказался действенным орудием борьбы с забастовочным движением. Напуганные угрозой правительственных санкций, реформистские профлидеры ради сохранения своего благополучия сдавали одну позицию за другой [116], следствием чего становилось углубление раскола между левым крылом профдвижения, с одной стороны, центристами и правыми — с другой.

Антипрофсоюзной кампании крупного капитала и правительства в первые послевоенные годы противостояла большая группа прогрессивных профсоюзов, входивших в КПП. Отсюда понятно, почему монополии и правительство так яростно нападали на левые силы в профдвижении. Делалось все, чтобы вызвать обострение внутренних трений в КПП. В частности, с этой целью была затеяна кампания в поддержку внешнеполитического курса Вашингтона. Трумэн использовал все свое влияние на руководство КПП, с тем чтобы добиться безоговорочного одобрения этим объединением политики «холодной войны» и антикоммунизма. Он нашел сторонников в лице У. Рейтера, Э. Рива и некоторых других лидеров КПП. Вопрос ими был поставлен так: либо прогрессивные профсоюзы порывают с традицией интернационализма и международной рабочей солидарности, либо будут исключены из объединения. Давление извне и переход большинства в руководстве КПП на позиции антикоммунизма привели к расколу этой организации в 1949 г. Одиннадцать профсоюзов были исключены и один (союз электриков) сам вышел из состава КПП, что составляло треть всех членов объединения. Раскол затронул многие отраслевые и местные отделения профсоюзов КПП и АФТ.

Конфликт в профдвижении отнял у него много сил, ослабив рабочее движение в условиях наступления реакции на права трудящихся [117].

[116] *Борисюк В. И.* США: у истоков современной антирабочей политики. М., 1982.
[117] *Мостовец Н. В.* Рабочее движение в США после второй мировой войны. М., 1957, с. 24.

События показали, что высшее руководство КПП и его ведущих профсоюзов круто изменило курс и повело дело к сближению с верхушкой АФТ. Таким образом, с конца 40-х годов в рабочем движении произошло укрепление консервативного крыла и резкое ослабление левого, прогрессивного крыла. Многие профсоюзы перешли на позиции «делового» юнионизма в его новой, модернизированной форме, отказавшись от линии на наступательную борьбу с капиталом.

5. НЕГРИТЯНСКИЙ ВОПРОС

В негритянском вопросе, как в фокусе, сконцентрированы особенности исторического развития Соединенных Штатов, специфические черты американского капитализма, «американского образа жизни». В этом вопросе отражены органические пороки американской буржуазной социальной системы, царящие в ней расовое неравноправие, культ насилия и наживы, жестокая капиталистическая эксплуатация трудящихся, особенно небелых американцев; в нем отражена и борьба передовых сил страны за гражданские права и социальную справедливость, против нищеты и угнетения.

Негритянский вопрос не сходит с повестки дня в Соединенных Штатах с момента их образования. Но на разных этапах истории страны он имел различный характер: вплоть до второй Американской революции 1861—1877 гг. он касался главным образом судеб черных рабов, затем, до второй мировой войны,— миллионов черных издольщиков и батраков, а во второй половине XX в. он обернулся в основном специфической проблемой американского рабочего класса, поскольку подавляющее большинство черного населения США в ходе сдвигов в общественном производстве и развития демографических процессов превратилось в наемных рабочих.

Черные американцы никогда не прекращали борьбы за права человека и за гражданские права. Однако только с середины XX в. негритянское движение стало особенно массовым и наступательным. Причины этого кроются прежде всего в объективных условиях, сложившихся в мире после второй мировой войны и породивших мощный подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, а также в обострении внутренних противоречий американского общества по мере дальнейшего углубления общего кризиса капитализма.

Афро-американцы — органическая часть гетерогенной американской нации. Они всегда представляли и до сих пор являют собой сложную во многих отношениях категорию населения: в этническом, социально-классовом, религиозном, политическом и т. д. Приведем некоторые примеры негритянского «плюрализма».

В первые послевоенные годы из 15 млн. афро-американцев, по данным официальной статистики США, 20% были чистокровными неграми, остальные — мулатами, рожденными от браков черных и белых[118].

После второй мировой войны подавляющее большинство черного населения США в городской и сельской местности являлись представителями армии наемного труда. Черные в первые послевоенные годы состав-

[118] *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955; *DuBois W. E. B.* Black Folk. Then and Now. N. Y., 1939, p. 197.

ляли примерно 10% населения США. Но 6219 тыс. афро-американцев (12,1% всех трудящихся страны) были заняты по найму. В 1945 г. в США насчитывалось уже более 700 тыс. негритянских промышленных рабочих (металлистов, автомобилестроителей, сталелитейщиков и др.) [119], 13% сельскохозяйственных рабочих, 30% портовых грузчиков и водителей автомашин и 40% горняков, лесорубов и рабочих мясной промышленности страны [120]. В сельской местности 71% афро-американцев были арендаторами. В 1954 г. 60% всех арендаторов страны составляли черные кропперы, средства и орудия труда которых (земля, скот, сельскохозяйственные машины и т. д.) принадлежали землевладельцам, бесплатно получавшим за аренду от кропперов половину урожая и покупавшим у них за бесценок остальную его часть [121]. Собственники земли среди фермеров в 1954 г. не превышали 10%, причем на Юг приходилось 95% ферм афро-американцев. Разорение мелких фермеров после войны коснулось прежде всего этой категории фермерского населения. Число ферм, принадлежавших черным, сократилось с 1954 по 1959 г. на 41,7% [122].

В 1960 г. черные предприниматели составляли только 2,3% всех афро-американцев. Негритянский бизнес представляла мелкая буржуазия. Согласно переписи населения США, лишь треть небелых предпринимателей в 1959 г. получала доход в 5 тыс. долл. в год и только 8% — 10 тыс. долл. и больше [123].

Черная интеллигенция составляла незначительный процент афро-американцев, а ее возможности и сфера деятельности ограничены. После войны больше половины черных специалистов с высшим и средним образованием были заняты на предприятиях, принадлежавших черным, и лишь треть этих специалистов использовалась в межрасовой экономике; около 10% черных с высшим образованием занимались частной практикой [124].

Социально-классовый состав черного населения сказался на его политической ориентации. С 30-х годов, с периода «нового курса», большинство черных избирателей голосовали за демократов и лишь 10% — за республиканцев [125]. Часть афро-американцев поддерживала различные социалистические группы. Наиболее сознательные представители черного населения страны вступали в ряды Коммунистической партии США.

Черное население США отличалось в силу исторических условий повышенной религиозностью. Подавляющее большинство афро-американцев исповедовали христианство. В 60-х годах, например, 5 млн. из них были баптистами, объединенными в Национальный баптистский конвент — главную церковную организацию черных американцев. 703 тыс. афро-американцев были католиками. По различным данным, ислам испо-

---

[119] Crisis, 1945, Oct., p. 282.
[120] Факты о положении трудящихся в США (1961—1962 гг.). М., 1964, с. 157.
[121] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957; A Statistical Abstract Supplement. Wash., 1960, p. 60.
[122] Факты о положении трудящихся в США (1961—1962 гг.), с. 155.
[123] *Broom L., Glenn N. D.* Transformation of the Negro American. N. Y., etc., 1965, p. 137; Statistical Abstract of the United States, 1960. Wash., 1960, p. 5, 216—217.
[124] *Broom L., Glenn N. D.* Op. cit., p. 144.
[125] Journal of Politics, 1964, N 1, p. 85.

ведовали около четверти миллиона афро-американцев [126]. Незначительную часть черных составляли приверженцы иудаизма. В каждой из основных религиозных групп негритянского населения не было единства, они, в свою очередь, дробились на более мелкие секты.

Неоднородность черного населения отразилась и в разноликости негритянских организаций. Крупнейшими из них были и остаются Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН) и Национальная городская лига (НГЛ), возглавляемые представителями негритянской мелкой буржуазии, буржуазной интеллигенции и отстаивающие главным образом легалистские, т. е. «законные», верхушечные формы борьбы за расовое равноправие. Видную роль в послевоенные десятилетия играл Конгресс расового равенства (КРР), организованный в 1942 г. В отличие от НАСПЦН и НГЛ он порой прибегал и к массовым действиям в защиту тех или иных требований афро-американцев.

В первые послевоенные годы были созданы две новые организации: в 1946 г. в Чикаго появилось Объединение негритянских ветеранов Америки (ОНВА), а позднее в Цинциннати — Национальный негритянский рабочий совет (ННРС). ОНВА ставило своей целью борьбу против расистской антинегритянской деятельности таких реакционных организаций, как «Американский легион» и Ку-клукс-клан. Оно просуществовало только около года. ННРС боролся за право афро-американцев трудиться в промышленности, заниматься квалифицированным трудом, за принятие законов о справедливом найме на работу, предоставление черным права представительства в выборных органах и занятия в них руководящих должностей, против расовой дискриминации в профсоюзах и на промышленных предприятиях, за включение специальных положений, запрещающих расовую дискриминацию, во все коллективные договоры с предпринимателями.

После второй мировой войны афро-американцы в результате упорной борьбы, часто сопряженной с многочисленными жертвами, достигли более высокого, чем прежде, экономического и культурного уровня. Однако они по-прежнему были скованы цепями гражданского неравноправия, расовой сегрегации и дискриминации, являясь, как и столетие назад, объектом наиболее жестокого классового, национального и расового угнетения [127].

Расовой сегрегации и дискриминации в разной степени подвергались представители всех слоев негритянского населения страны, но в особенно тяжелом положении находились чернокожие трудящиеся, прежде всего негритянские рабочие. Их нанимали на работу последними, а увольняли первыми. В США царил принцип «белая работа — белым, черная — черным». Его открыто провозглашали даже официальные представители властей. Ряд профессий вообще был недоступен черным [128]. Процент неквалифицированных рабочих среди них был в 3,5 раза выше, чем среди белых, а среднегодовой доход негритянского рабочего на Юге — на

[126] *Brink W., Harris L.* The Negro Revolution in America. N. Y., 1964, p. 101; *Linkoln C. E.* The Black Muslims in America. Boston (Mass.), 1961, p. 106; *Lomax L.* The Negro Revolt. N. Y., 1962, p. 168.

[127] *Аптекер Г.* История афро-американцев: Современная эпоха. М., 1975, с. 250.

[128] Proceedings of the Third Constitutional Convention of the AFL—CIO, 1959, vol. 1, p. 481. (Далее: Proceedings...).

530 долл. меньше, чем у негритянского рабочего на Севере, составляя лишь 40% денежного дохода белого рабочего[129]. В 1955 г. (в относительно благополучный год) уровень безработицы среди черных составлял 8,7%, а среди белых — 3,9% [130].

Глубокие корни пустила политическая дискриминация черных граждан США. На Юге черные (около четверти всего населения этого региона) не имели в конгрессе США ни одного своего представителя. Однако не только на Юге, но и на Севере черные были фактически лишены возможности занимать ответственные должности в органах власти, в полиции, национальной гвардии, в армии, бюро по найму на работу, в комиссиях по регистрации избирателей и т. д. Даже по неполным официальным данным, в 11 южных штатах примерно 4 млн. негров после второй мировой войны были лишены избирательных прав[131]. Правящие круги при этом действовали по принципу, сформулированному еще в 1938 г. У. Ф. Джорджем, сенатором от штата Джорджия: «Мы очень тщательно соблюдаем букву американской конституции, но у нас хватает ума и хитрости, чтобы не соблюдать дух тех ее поправок и положений, которые могли бы внушить негру убеждение в его равенстве с белым человеком» [132]. Расисты заставляли предпринимателей не брать на работу тех черных, которые пытались зарегистрироваться в списках избирателей. Многим афро-американцам подобные попытки стоили увольнения с работы. Издевательства, а то и просто физическая расправа грозили каждому, кто осмеливался нарушить неписаные законы джимкроуизма — расовой сегрегации.

В первые послевоенные годы более половины черного населения все еще проживало на Юге. Однако уже в 40-е годы по сравнению с предыдущими десятилетиями темпы массового переселения черных с Юга резко ускорились. Например, если за 30 лет (с 1910 по 1940 г.) с Юга переехали 1750 тыс. афро-американцев, то всего за 7 лет — с 1940 по 1947 г.— более 2 млн.[133] С 1940 по 1950 г. активнее стала проявляться и другая историческая тенденция — сокращение черного населения в сельской местности и резкое увеличение его в городах: за это же десятилетие численность афро-американцев в городской сфере возросла на 44,4%, а в сельской местности — сократилась на 3,1% [134]. Если в 1940 г. более половины всех черных американцев жили в сельской местности, то в 1950 г. свыше 60% их стали горожанами [135].

Характерно, что основная масса мигрирующих афро-американцев направлялась в крупные и крупнейшие города США, превратившиеся в очаги небывалой ранее компактной концентрации черного населения страны. В 1950 г., например, более 4,5 млн. черных, или 29,5% всех афро-американцев, проживали в 27 городах страны[136]. Черные гетто крупных городов фактически превратились в концентрационные лагеря для негритянских рабочих и в гигантские резервуары искусственно созда-

---

[129] US News and World Report, 1963, July 3, p. 62.
[130] Monthly Labor Review, 1963, N 7, p. 787; N 8, p. 964; Congressional Digest, 1967, N 1, p. 26.
[131] Факты о положении трудящихся в США (1959—1960 гг.). М., 1962, с. 191.
[132] Цит. по: *Аптекер Г.* Указ. соч., с. 255.
[133] Journal of Negro History, 1950, Jan., p. 35—36.
[134] *Bogue D. I.* The Population of the United States. Glencoe (Ill.), 1959, p. 86.
[135] The Negro Handbook. N. Y., 1949, p. 4.
[136] American Negro Reference Book/Ed. by J. Dawis. Englewood Cliffs, 1966, p. 6, 37.

ваемой и консервируемой существующим строем «лишней» негритянской рабочей силы. «По всей Америке негры заточены, как пленники, в трущобах»,— заявила Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения [137].

Негритянские гетто — характерные придатки современных городов США: в Нью-Йорке — это Гарлем, в Чикаго — Бронзвил, Детройте — «Райская долина», Питтсбурге — Хилсекшн, в Лос-Анджелесе— Сентрал-авеню и т. д. Для черных гетто характерны чрезвычайная скученность населения, отсутствие элементарных санитарных условий, недостаток больниц и школ, высокий уровень заболеваемости и смертности обитателей.

Характеризуя черные гетто, Г. Аптекер писал: «Безработица (в гетто.— *Авт.*) среди негров вдвое или втрое выше средней по США; доход негритянской семьи вдвое ниже среднего по стране; непригодные жилища и школы; плохое, гораздо худшее, чем где-либо еще, коммунальное обслуживание; высокие, выше, чем за пределами гетто, цены; гораздо более высокая, чем у остального населения, заболеваемость и смертность, особенно среди детей; наконец, общая атмосфера, в которой негры чувствуют себя униженными и оскорбленными, осмеянными и забитыми окружающим их обществом. Эту атмосферу создает все перечисленное в отдельности и взятое вместе, и к тому же еще всякие „мелочи“ быта в гетто: отсутствие поблизости почтовых ящиков, освещения улиц ночью, невозможность что-либо купить за чеки, которые нигде в гетто не принимаются к оплате; скопление на улицах гетто мусора, который никто не вывозит; а тут еще эта ненавистная полиция с ее поборами, да этот „благотворитель“, который, криво улыбаясь, дает совет: „Ну, не следует так ожесточаться“» [138].

Даже в официальных документах отмечалось, что жилище на американском рынке не является таким товаром, который можно купить на равных условиях (доллар в черной руке не равен доллару в белой руке, новые дома в США продают только белым [139]), и что большинство негров не имеют возможности арендовать или приобретать в собственность приличные, безопасные и отвечающие санитарным условиям квартиры [140]. В «Петиции в Организацию Объединенных Наций от имени 13 млн. угнетенных граждан Соединенных Штатов Америки», принятой прогрессивной организацией Национальный негритянский конгресс на его 10-й годичной сессии, проходившей с 30 мая по 2 июня 1946 г. в Детройте (штат Мичиган), говорилось, что примерно из 3 млн. квартир, занятых черными, более 1 млн. нуждались в капитальном ремонте и почти 2 млн. не имели водопровода. Причем процент черных, обитавших в таких неблагоустроенных жилищах, был более чем вдвое выше, чем процент белых, имевших подобные жилищные условия.

Черные не смогли добиться пропорциональной занятости в сферах квалифицированного и высокооплачиваемого труда. Так, среди всех американских специалистов с высшим образованием, работавших по специальности, черные составляли в 1950 г. лишь 3,9% (в 1940 г.—

[137] Цит. по: *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки, с. 714.
[138] *Аптекер Г.* Указ. соч., с. 217.
[139] US Commission on Civil Rights Report, Housing. Wash., 1962, p. 1.
[140] Подробнее о негритянских гетто см.: *Нитобург Э. Л.* Черные гетто Америки. М., 1971.

3,7%); среди менеджеров – 2,2% (в 1940 г. – 1,7%). Аналогичная картина наблюдалась и среди высокооплачиваемых групп «синих воротничков». Зато среди лиц, занятых низкооплачиваемым неквалифицированным трудом, доля черных американцев намного превышала их долю в общем населении страны: в 1950 г. афро-американцы составляли более 20% всех чернорабочих в промышленности, свыше 25% – в сельском хозяйстве, более 45% – среди домашней прислуги [141] и т. д. Эта искусственно вызванная и законсервированная под воздействием системы расовой сегрегации и дискриминации сравнительная диспропорция в системе занятости черных и белых была и остается одним из проявлений сверхэксплуатации афро-американцев монополистическим капиталом США.

Жестокой дискриминации подвергалось черное население в сфере образования. Неграмотных среди черных старше 14 лет в 1947 г. было, например, в 6 раз больше, чем среди белых (11% среди черных и лишь 1,8% среди белых). Этот разрыв не только сохранялся, но и в ряде групп населения даже увеличился в 1950 г. по сравнению с 1940 г.[142] В тисках расовой дискриминации и сегрегации находились на «законном основании» все школы Юга. А на Севере господствовала сегрегация де-факто, поддерживаемая расовой сегрегацией в жилищном вопросе, традициями и обычаями не менее прочно, чем законами на Юге. В системе школьного образования США законы 17 южных штатов (Техас, Оклахома, Миссури, Арканзас, Луизиана, Кентукки, Теннесси, Алабама, Миссисипи, Джорджия, Флорида, Виргиния, Западная Виргиния, Мэриленд, Делавер, Северная Каролина и Южная Каролина) требовали расовой сегрегации; законы 4 штатов (Вайоминг, Канзас, Аризона и Нью-Мексико) разрешали сегрегацию в той или иной степени. В 11 штатах (Монтана, Орегон, Калифорния, Невада, Юта, Северная Дакота, Южная Дакота, Небраска, Мэн, Вермонт, Нью-Гэмпшир) закон умалчивал о том, какой должна быть школьная система с точки зрения расовых отношений, что открывало дорогу произволу. Лишь в 16 штатах (Вашингтон, Айдахо, Колорадо, Миннесота, Айова, Мичиган, Висконсин, Иллинойс, Индиана, Огайо, Нью-Йорк, Пенсильвания, Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд, Нью-Джерси) сегрегация была запрещена [143].

Реконверсия открыла полосу жестокого кризиса в системе расовых отношений в США. Сокращение военной промышленности бросило в ряды безработных сотни тысяч американцев, и первыми, как всегда, теряли работу черные. Осенью 1945 г. в Чикаго были уволены 25 тыс. афро-американцев, Детройте – 40 тыс., в Новом Орлеане в феврале 1946 г. насчитывалось 90 тыс. безработных [144]. Армию безработных пополнили сотни тысяч демобилизованных черных ветеранов второй мировой войны. Чрезвычайно тяжелым и ненадежным было положение и тех афро-американцев, кому удалось сохранить работу.

Эксплуатация афро-американцев, особенно негритянских рабочих, резко усилилась. За одинаковый труд черным платили вдвое меньше, чем белым. К концу 40-х годов среднегодовой заработок негритянского рабочего, по официальным данным, составлял лишь 52% заработка белого

[141] The Population of the United States, p. 503, 507.
[142] The Population of the United States, p. 343; Statistical Abstract of the United States, 1954, p. 124.
[143] Crisis, 1954, June—July, p. 343.
[144] Labor Fact Book. N. Y., 1947.

рабочего. Причем в 1945 г. доход черной семьи составлял 57% дохода белой семьи, а в 1950 г.— лишь 53%. Это означает, что в первое послевоенное пятилетие разрыв в доходах белых и черных американцев увеличился [145].

Наиболее тяжелый гнет испытывали в первые послевоенные годы черные труженики на Юге, который в то время переживал бурную индустриализацию. Этот процесс вызвал резкое усиление миграции черного населения из сельских районов в развивающиеся промышленные центры южных штатов. С 1940 по 1947 г. в этом переселенческом движении участвовало более 6,5 млн. афро-американцев. Эта масса дешевой рабочей силы поглощалась бурно растущей промышленностью, принося колоссальные сверхприбыли крупнейшим монополиям США, подчинившим себе экономику Юга: банкирской группе Моргана, которая контролировала черную металлургию, угольную промышленность, железнодорожный транспорт, предприятия связи, хлопкообрабатывающие фабрики и заводы; семействам Рокфеллеров, Дюпонов и Мелонов, в руках которых находилась нефтяная, химическая, лесообрабатывающая и военная промышленность Юга; Кливлендской банкирской группе, господствовавшей в резиновой и отчасти сталелитейной промышленности. Именно эти представители монополистического капитала, используя отсутствие опыта организованной борьбы у нового пополнения рабочего класса, слабость профсоюзного движения на Юге, расистский террор, больше других наживались на сверхэксплуатации и расовой дискриминации черных рабочих.

Уже в первые послевоенные годы всю страну, особенно Юг, захлестнула новая волна антинегритянской истерии. Снова запылали костры и кресты Ку-клукс-клана. Начались негритянские погромы. Только с января 1945 по октябрь 1946 г. по меньшей мере 60 афро-американцев погибли от рук расистских убийц в Джорджии, Флориде, других южных штатах. К концу 1947 г. со времени окончания второй мировой войны, по далеко не полным данным, более 50 черных ветеранов войны подверглись линчеванию [146]. Не только повсеместно в США, но и за пределами страны черные ветераны и военнослужащие были превращены расистами в живые мишени для стрельбы. В этих преступлениях были повинны и представители властей, военных и штатских, и в первую очередь полицейские. «Убийство негров превратилось в Соединенных Штатах в полицейскую практику и... эта полицейская практика полностью отражает правительственную политику»,— говорилось в памфлете Компартии США «Мы обвиняем в геноциде» [147]. Правительство и конгресс США, однако, бездействовали.

Борьба против крайних форм расизма — линчевания, погромов и массового террора, против всеобъемлющей системы расовой дискриминации, сегрегации и сверхэксплуатации, против духовного угнетения афро-американцев стала основной задачей черного населения США. Причины и цели борьбы в принципе не изменились со времен ликвидации рабства в США. Но после 1945 г. другими стали сами афро-американцы и условия, в которых развивалось их освободительное движение, вступившее в новую фазу.

---

[145] *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки, с. 707.
[146] Political Affairs, 1947, Nov., p. 997.
[147] Мы обвиняем в геноциде. М., 1952, с. 38.

Подъем этого движения начался с борьбы против наиболее варварских форм и методов расового угнетения в США — расправ и террора, организованных Ку-клукс-кланом и родственными ему погромными организациями при попустительстве федеральных и местных властей. Зачинателями освободительного движения явились черные ветераны второй мировой войны. Более миллиона афро-американцев служили в вооруженных силах США во время второй мировой войны (в 5 раз больше, чем в первой) [148]. После демобилизации сотни тысяч черных солдат и офицеров американской армии, авиации и флота, принимавших участие в разгроме гитлеризма и японского милитаризма, возвратились на родину (75% из них — на Юг США — в царство негрофобии) со страстным желанием разбить машину расового гнета.

Испытав радость причастности к победе над арийским расизмом, возмужав политически, черные ветераны воспламеняли огнеопасный сектор американского общества — негритянские гетто, пробуждая гнев и надежды черного населения. Тысячи афро-американцев, особенно молодежь, горячо откликнулись на призыв ветеранов к борьбе против расизма в США. Уже в декабре 1945 г. в Атланте (штат Джорджия) был проведен массовый митинг черных ветеранов. На нем была принята резолюция протеста против расистского террора и ущемления гражданских и политических прав афро-американцев.

В начале января 1946 г. был создан Организационный комитет ветеранов для координации деятельности всех существующих в стране организаций черных участников второй мировой войны. Главной целью комитет поставил борьбу за принятие закона о запрещении линчеваний и ликвидации всех форм расовой дискриминации. В апреле 1946 г. возникла новая прогрессивная организация — Объединенные черные и белые ветераны Америки. За короткий срок она создала более 40 местных отделений в 21 штате. В состав руководства организации были избраны ветераны, придерживавшиеся различных политических убеждений, в том числе и коммунисты. Ряд влиятельных организаций афро-американцев (например, Совет негритянских церквей, представлявший более 6 млн. человек) заявил о поддержке Объединенных черных и белых ветеранов. Хотя новая организация существовала недолго — примерно один год,— она содействовала активизации освободительного движения черных. Особенно энергично развернули свою деятельность объединения черных ветеранов в южных штатах — в Джорджии, Алабаме, Миссисипи, Луизиане, Виргинии, Южной Каролине, а также в северных штатах — в Нью-Йорке, Коннектикуте и др.[149]

Сопротивление расистам становилось на Юге все активнее. Афро-американцы вынуждены были порой давать и вооруженный отпор куклуксклановцам. Одним из примеров этого явились события февраля 1946 г. в штате Теннесси, где в г. Колумбия местные расисты пытались линчевать 19-летнего афро-американца Джеймса Стефенсона, участника второй мировой войны. 25 февраля несколько сот вооруженных расистов собрались на городской площади и готовились устроить погром в Минк-Слайде — негритянском районе города. Более 160 черных ветеранов двух мировых войн встали во главе сил самообороны афро-американцев. Оружия

[148] Political Affairs, 1947, May, p. 429.
[149] Ibid., 1946, Apr., p. 278, 357—358.

у них было мало. Удалось собрать лишь 14 охотничьих ружей-дробовиков, две малокалиберные винтовки, несколько пистолетов.

Вместе с расистами в нападении на негритянский квартал участвовали и полицейские. Четверо из них во время перестрелки с черными были ранены. В город перебросили 500 солдат гвардии штата Теннесси, в их составе была пулеметная рота. К ним присоединились 75 полицейских, а также вооруженные отряды расистов. Более тысячи человек во главе с бригадным генералом Дикенсом участвовали в штурме Минк-Слайда. Гетто было разрушено, магазины разграблены, двое черных убиты, 100 афро-американцев арестованы, 31 участник обороны Минк-Слайда привлечен к суду. Вся реакционная печать, игнорируя сообщения о готовившемся линчевании, изображала события в Теннесси как «вооруженное восстание негров» [150].

В 1946 г. в США возникли две организации борцов против линчеваний: Чрезвычайный национальный комитет борьбы против массового насилия, созданный по инициативе НАСПЦН, и «Американский поход против линчеваний», образованный по инициативе Национального негритянского конгресса на конференции, в которой участвовало 4 тыс. черных и белых. Председателем «Американского похода против линчеваний» был избран выдающийся негритянский певец и актер, борец за права черных американцев Поль Робсон. В состав новой организации вошли также всем известный ученый Альберт Эйнштейн, ряд видных профсоюзных руководителей, писателей, деятелей искусства. 23 сентября «Американский поход против линчеваний» направил в Белый дом делегацию во главе с Полем Робсоном. Делегаты выразили протест президенту Трумэну против продолжавшегося кровавого террора в стране и потребовали принять закон против линчеваний. Ту же линию проводил и Чрезвычайный национальный комитет борьбы против массового насилия.

Весьма активно боролась против судов Линча, негритянских погромов и террора Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения. 2 января 1945 г. на очередном годичном съезде этой организации было объявлено, что она насчитывает 400 тыс. членов (в том числе 15 тыс. в вооруженных силах США) и имеет 800 местных отделений по всей стране. С 1940 по 1947 г. численный состав НАСПЦН вырос почти в 8 раз — с 75 тыс. до 590 тыс. В 1949 г. она имела уже 1600 местных отделений в 45 штатах, в федеральном округе Колумбия и на Гавайях. Подавляющее большинство новых членов НАСПЦН (90—95%) составляли негритянские рабочие [151]. В результате местные отделения ассоциации нередко вопреки директивам ее реформистских лидеров стали принимать более активное участие в борьбе негритянских масс против расового гнета. В июне 1946 г. руководство НАСПЦН, учитывая настроения и растущее освободительное движение черного населения, вынуждено было отказаться от традиционного принципа невмешательства в политику.

В 1946 г. на страницах журнала «Крайсис», редактором которого был тогда У. Дюбуа, НАСПЦН выступила с резкой обличительной критикой политики попустительства, проводимой властями по отношению к преступной деятельности Ку-клукс-клана, «Американского легиона», прочих

[150] Daily Worker, 1946, Mar. 8.
[151] Political Affairs, 1946, Apr., p. 358; 1950, Febr., p. 24; Crisis, 1949, Aug.— Sept., p. 246.

реакционных организаций[152]. Там же был опубликован ряд статей, требовавших, чтобы власти немедленно приняли закон против линчеваний.

Однако деятельность НАСПЦН в этом плане, как и в других, ограничивалась все еще лишь просветительскими и пропагандистскими целями и формами. Организовать и поднять массы на решительную борьбу руководители НАСПЦН не хотели да и не могли. В силу этого в движении против террора, погромов и линчеваний участвовали относительно немногочисленные группы черного населения (ветераны второй мировой войны, часть черной интеллигенции и отдельные представители негритянских рабочих). Подавляющее же большинство афро-американцев все еще не было вовлечено в движение.

Эти обстоятельства объясняют, почему негритянское освободительное движение не принесло тогда даже формального решения главного вопроса — закон против линчеваний и погромов так и не был принят. Бездействовали и правительство, и Верховный суд США, хотя под влиянием мирового общественного мнения и под давлением прогрессивных сил внутри страны обе буржуазные партии внесли в свои программы пункты, содержащие требование о запрещении линчеваний черных.

Молодой негритянский пролетариат активно участвовал в забастовочном движении периода реконверсии. В конце 1945 — начале 1946 г. в стране развернулась борьба за принятие федерального закона, на основании которого был бы создан постоянный Комитет по обеспечению справедливой практики найма на работу. Одной из важнейших функций этого комитета должна была стать организация борьбы против расовой дискриминации при найме на работу, оплате труда и т. д. В движении за принятие этого закона энергично участвовали многие негритянские организации и особенно активно НАСПЦН. Ей удалось оказать сильное давление на законодательные органы отдельных штатов страны. Так, 12 марта 1945 г. Томас Дьюи, губернатор штата Нью-Йорк, подписал первый в США закон о запрещении расовой дискриминации при найме на работу. А неделей раньше, 5 марта, сенат штата Нью-Йорк 49 голосами против 6 утвердил этот законопроект, принятый 26 февраля 1945 г. палатой представителей. Вскоре аналогичные законы были приняты в 9 штатах: Нью-Джерси, Массачусетсе, Индиане, Висконсине, Коннектикуте, Вашингтоне, Нью-Мексико, Орегоне и Род-Айленде.

В январе 1946 г. состоялся поход черных на Вашингтон в поддержку законопроекта о Комитете по обеспечению справедливой практики найма на работу. В нем приняли участие 600 делегатов различных негритянских организаций и ряда профсоюзов из 12 штатов. Руководили походом Бенджамин Дэвис — черный ветеран второй мировой войны, один из видных деятелей Коммунистической партии США, Макс Эрген — председатель Национального негритянского конгресса, Джозеф Рейни — глава отделения НАСПЦН в г. Филадельфия и др. В походе приняли участие многие негритянские рабочие, в том числе из южных штатов. Он явился первой в послевоенной истории афро-американцев попыткой преодолеть разобщенность их освободительного движения и создать коалицию различных негритянских организаций для координации действий всех черных борцов.

Во второй половине 40-х годов под воздействием оживления движения

---

[152] См., например: Crisis, 1946, Jan., p. 9; June, p. 169; July, p. 202—203; Oct., p. 299—301.

черных усилилась борьба в отраслевых профсоюзах Конгресса производственных профсоюзов против расовой дискриминации при оплате труда, найме на работу, увольнении и т. д. Некоторые сдвиги в этом направлении произошли в отделениях профсоюзов рабочих автомобильной, электротехнической и радиопромышленности. Однако в этих отраслях процент негритянских рабочих среди всех занятых по найму был тогда гораздо меньше, чем. скажем, в сфере обслуживания. Более того, именно в тех отраслях промышленности, где был велик удельный вес негритянских рабочих, в конце 40-х годов среди масс белых рабочих начали усиливаться расистские настроения, культивируемые реакционными профсоюзными лидерами в обстановке широкого наступления капитала на рабочий класс и усиления внутренней реакции.

Активизировалась борьба за пропорциональное представительство черных в выборных органах управления. Летом и осенью 1945 г. прогрессивные силы Нью-Йорка успешно боролись за переизбрание в состав городского муниципалитета коммуниста Бенджамина Дэвиса, который собрал более 60 тыс. голосов (в 1943 г. он получил почти вдвое меньше) [153]. В палату представителей конгресса США был избран негритянский священник Адам Клейтон Поуэлл. Борьба за расширение представительства афро-американцев в органах управления сочеталась с движением против избирательного налога, против ограничения избирательных прав, за регистрацию черных избирателей.

Энергично действовала в этом плане НАСПЦН. Адвокаты, члены отделений ассоциации, редакторы негритянских газет, черные ветераны войны возглавили специальные лиги негритянских избирателей. Эти лиги возникли и действовали в период, предшествовавший первым послевоенным президентским выборам 1948 г. Наиболее энергично работа лиг развернулась в южных штатах (Техас, Виргиния, Флорида, Арканзас и Южная Каролина). Число черных избирателей на Юге к 1948 г. по сравнению с 1940 г. возросло более чем втрое. Но в промежуточных выборах 1946 г. участвовали лишь 18% афро-американцев, достигших избирательного возраста: сказались террор и запугивание южных расистов [154].

Усилилась борьба против системы исключительно «белых» первичных выборов (праймериз). С этой целью НАСПЦН возбуждала судебные дела на уровне отдельных штатов или в федеральном масштабе. В 1946 г. большому числу афро-американцев удалось добиться разрешения участвовать в первичных выборах в Алабаме, Миссисипи, Луизиане, Флориде и Джорджии, а в 1948 г.— и в Южной Каролине. Ответом противников расового равенства было усиление антинегритянского террора.

Остановить движение черных за гражданские права, однако, было уже невозможно. Черным удалось добиться известного улучшения своих позиций в области избирательных прав на Юге, где афро-американцы до этого почти не участвовали в политической жизни. Например, в 1946 г. в Южной Каролине было зарегистрировано 35 тыс. афро-американцев избирательного возраста, во Флориде в 1948 г.— 40 тыс. Широко развернулась в те годы борьба за избрание черных на различные посты в местных органах власти.

---

153 Political Affairs, 1945, Dec., p. 1079—1080.

154 Negro Year Book. A Review of Events. Tuskegee Institute. Alabama, 1949, p. 281; Negro Handbook, 1949, p. 53.

Возросшая роль афро-американцев в политической жизни США проявилась в период президентских выборов 1948 и 1952 гг. После войны значительная часть черного населения разочаровалась в обеих правящих партиях американского капитала, ничего не предпринявших для борьбы против линчеваний и негритянских погромов. Это разочарование проявилось, в частности, накануне президентских выборов 1948 г., когда негритянская Южная конференция по обеспечению человеческого благосостояния[155] резко осудила «реакционные программы... традиционных партий», т. е. партий крупной буржуазии. И хотя во время президентских выборов 1948 и 1952 гг. руководство НАСПЦН (под влиянием которой тогда находились 45% черных избирателей) отрицательно относилось к Прогрессивной партии Америки (ППА), местные отделения ассоциации активно ее поддержали.

В марте 1948 г. на созванной по предложению НАСПЦН конференции, в работе которой участвовали более 20 негритянских и других общественных организаций страны, была принята декларация избирателей, требующая отмены избирательного налога, принятия закона против линчеваний и учреждения постоянного федерального Комитета по обеспечению справедливой практики найма на работу. Еще одна попытка НАСПЦН создать коалицию борцов за равноправие черных и белых была предпринята в январе 1950 г., когда по инициативе ассоциации в г. Вашингтоне состоялась конференция, названная Национальной чрезвычайной мобилизацией борцов за гражданские права. В работе конференции участвовали 4 тыс. делегатов от 33 штатов — представители Новой Англии, Среднего Запада, Дальнего Запада и Юга. Черные составляли большинство делегатов, главным образом это были члены НАСПЦН. Белых союзников черных представляли члены некоторых профсоюзов, церковных объединений и других организаций. Конференция приняла решение бороться за закон, который обеспечивал бы всем американским гражданам равные экономические и политические права.

Некоторым успехом в юридическом плане увенчалась борьба против расовой сегрегации на общественном транспорте и в жилищном вопросе. 3 июня 1946 г. Верховный суд США шестью голосами против одного принял решение о «неконституционности» сегрегации в общественных автобусах на Юге[156]. В мае 1948 г. Верховный суд объявил незаконными частные ограничительные договоры, дискриминирующие цветных граждан при продаже или сдаче в аренду жилищ. Однако прошло несколько лет и явственно обнаружилось, что все эти решения Верховного суда — всего лишь бумажные декларации, фактически игнорируемые местными властями и частным капиталом.

В конце 1947 г. лидер негритянского профсоюза проводников спальных вагонов Филип Рэндолф и буржуазный негритянский деятель из штата Нью-Йорк Грант Рейнолдс создали Комитет борьбы против расовой дискриминации в армии (в 1948 г. этот комитет был преобразован в Лигу мирного гражданского неповиновения). 22 марта 1948 г. состоялась встреча лидеров этого комитета с президентом Трумэном. Рэндолф под-

[155] Эта организация получила широкую известность среди афро-американцев после того, как организовала в августе 1946 г. поход на Вашингтон — траурное шествие в память четырех жертв линчевания, совершенного в Джорджии. В этой процессии приняли участие более 10 тыс. человек.

[156] Crisis, 1946, July, p. 210—213.

черкнул в ходе встречи, что тысячи черных военнослужащих, находящихся на положении «граждан второго сорта», полны решимости бороться за свои гражданские права. В мае 1948 г. Рэндолф организовал пикетирование Белого дома в знак протеста против расовой дискриминации в вооруженных силах США.

Просветительская и пропагандистская работа НАСПЦН, несмотря на ограниченность задач, которые она перед собой ставила, и однообразие применяемых методов, также не прошла даром: она содействовала в определенной мере росту национального и политического сознания черного населения. Попытки НАСПЦН объединить различные группы борцов за равноправие рас, хотя и не увенчались созданием широкой и прочной коалиции, тем не менее сыграли положительную роль, позволив активистам движения за гражданские права выявить общее в программах и тактике различных организаций и наметить перспективы дальнейшей деятельности в направлении расширения прав черных граждан Америки. Главным оружием НАСПЦН и ее последователей было устное или письменное слово протеста, обращенное к представителям законодательной, судебной и исполнительной властей США, и, естественно, результаты такой борьбы носили, как правило, декларативный, формальный характер.

В авангарде наиболее решительных и последовательных сторонников освобождения страны от расизма и всех проявлений национального угнетения, как это было и в прошлом, находилась Коммунистическая партия США, стремившаяся добиться единения черных и белых трудящихся в совместной борьбе. КП США первой из всех политических партий страны подняла вопрос о немедленном введении полного равноправия черных и белых американцев. Выдвинутый партией лозунг «Черные и белые, объединяйтесь и вместе боритесь!» стал боевым кличем во время крупных забастовок, выступлений против безработицы и линчеваний, за гражданские права негров.

Видный деятель КП США Джеймс Джексон писал: «Раньше (до второй мировой войны.— *Авт.*) Коммунистическая партия США в своих теоретических разработках проблемы черных американцев в США ставила на первое место аграрный вопрос, то есть вопрос об обеспечении земельными наделами неимущих черных фермеров за счет плантаторов, сельскохозяйственных монополий и банков... Такой подход имел смысл в условиях, когда большинство черного населения было занято в сельском хозяйстве и подвергалось экономической эксплуатации главным образом со стороны землевладельцев... Когда массовая миграция населения из сельскохозяйственной сферы разорвала эти связи с землей, подход к решению проблемы стал сложнее. Существенные изменения в классовой структуре черных американцев вследствие массовой урбанизации и перераспределения населения страны по сферам занятости означают, что основное направление освободительного движения — это борьба против монополий, за экономические и социально-политические права черных рабочих» [157].

Учитывая эти объективные факторы, КП США вырабатывала новое понимание негритянского вопроса. Смысл его состоял в том, что был

---

[157] *Джексон Д.* Революционные тенденции в мировой политике и борьба черных американцев. М., 1978, с. 125.

отвергнут как уже не соответствующий действительности тезис «негры в США — это нация в нации». Новый подход к теоретической разработке негритянского вопроса не означал, однако, что КП США игнорировала национальное и расовое угнетение черных американцев. «Хотя Коммунистическая партия с первых дней своего существования видела, что борьба против расистского угнетения является составной частью классовой борьбы, она также понимала, что черные подвергаются национальному угнетению»,— отмечает Национальный председатель КП США Генри Уинстон [158].

6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 1948 Г.

К 1948 г. послевоенная реконверсия в основном была завершена. Уступив нажиму монополий, Трумэн во многих случаях пошел навстречу их требованиям отменить все виды контроля над хозяйственной деятельностью. Это означало, что было сохранено выгодное для них соотношение спроса и предложения. Перестраивая предприятия с военного на мирное производство, монополии не торопились его расширять; они опасались, как бы быстрый поток товаров гражданского потребления при ограниченном платежеспособном спросе не захлестнул рынки, что поставило бы под угрозу систему монопольных цен и монопольных прибылей [159].

В опубликованном в январе 1948 г. докладе Совета экономических консультантов указывалось, что за предыдущие 18 месяцев индекс потребительских цен вырос на 24%, а еженедельная заработная плата — лишь на 18%. Доклад констатировал снижение покупательной способности рабочих: цены на продовольствие выросли на 39,2%, вследствие чего упал спрос на промышленные товары и усилилась угроза очередного спада и роста безработицы. Одновременно произошло сокращение послевоенного отложенного спроса. В течение 1946—1947 гг. сбережения населения уменьшились на 2,1 млрд. долл., сократившись до уровня 1937 г.[160]

Вступая в президентскую кампанию 1948 г., Трумэн не мог не учитывать этих неблагоприятных явлений. Президентское послание о положении страны 7 января 1948 г. и последовавшие за ним экономическое и бюджетное послания были призваны успокоить те слои населения, которые обеспечили приход к власти предшественнику Трумэна Ф. Д. Рузвельту. К ним следует отнести прежде всего рабочий класс, этнические группы, малоимущие слои — словом, тех, кто, по мнению демократов, составлял основу «городского либерализма» «нового курса» и одновременно стал первой жертвой экономических неурядиц.

Выступивший по радио лидер республиканского большинства в конгрессе сенатор Тафт подверг критике методы решения проблем, предлагаемые Трумэном в его посланиях, и заявил, что «новый курс» возрожден в них «в своей наиболее глобальной форме». Однако это было далеко не так. Содержавшаяся в послании внешнеполитическая программа неизбежно подрывала возможности реализации социальных мероприятий, о которых говорил президент. Из бюджета на 1948/49 финансовый год в

[158] *Уинстон Г.* Стратегия борьбы черного населения. М., 1975, с. 291.

[159] *Выгодский С. Л.* Современный капитализм: (Опыт теоретического анализа). М., 1975, с. 275.

[160] New York Times Magazine, 1948, Febr. 29, p. 11.

39,7 млрд. долл. 11,1 млрд. долл. шло на военные нужды, 4 млрд.— на финансирование «плана Маршалла», 0,5 млрд.— на осуществление всеобщей военной подготовки. В то же время на социальные программы — здравоохранение, жилищное строительство, образование, научные исследования в социальной области, помощь сельскому хозяйству, транспорт, связь и развитие природных ресурсов — предусматривалось всего 664 млн. долл. В целом же 79% бюджета страны было направлено на цели, связанные с внешнеполитической экспансией и с военными приготовлениями [161].

Демократам приходилось вести борьбу в сложных условиях. Во-первых, после ноябрьских выборов 1946 г. республиканцы располагали большинством в обеих палатах конгресса. Во-вторых, заметно снизилась поддержка населением администрации Трумэна и лично самого президента. После смерти Рузвельта 82% американцев выражали симпатии Трумэну. Теперь же, когда началась избирательная кампания 1948 г., Трумэна поддерживали лишь 39%. Кроме того, среди избирателей наблюдались большая апатия и абсентеизм.

Конфликт Трумэна со многими известными либеральными деятелями — соратниками Рузвельта, появление в окружении президента людей крайне реакционных взглядов, резкий крен в сторону антисоветизма во внешней политике, преследования за инакомыслие, травля левых, трения с профсоюзами — эти и другие подобные факты заставляли даже умеренных либералов сомневаться в словесном заверении Трумэна о приверженности внутриполитическому курсу Ф. Д. Рузвельта. Поворот же к «холодной войне» во внешней политике привел к тому, что в среде наиболее стойких сторонников продолжения «нового курса» была выдвинута идея создания партии, выступающей за мир, против монополистической реакции. Следствием этого было образование 29 декабря 1947 г. Прогрессивной партии Америки (ППА) во главе с Г. Уоллесом, бывшим вице-президентом США. Как отмечали американские историки, образование Прогрессивной партии Америки было первым случаем, когда третья партия возникла в связи с проблемами внешней политики [162].

Ядром новой партии послужила организация «Прогрессивные граждане Америки» и ряд других возникших после войны прогрессивных групп [163]. В организационном отношении Прогрессивная партия представляла федерацию различных групп и объединений на основе коллективного членства. Ее опорные пункты разместились в крупных городах. Прогрессивная партия опиралась на левые тред-юнионы, организации этнических групп. Возглавляла движение прогрессивная интеллигенция. Основные отряды организованного пролетариата остались вне движения [164].

В печати США образование Прогрессивной партии рассматривалось как альтернатива демократической партии. Уоллес, выразивший согласие стать кандидатом Прогрессивной партии на выборах 1948 г., по дан-

---

[161] New York Times, 1948, Jan. 13, 18.

[162] *Rosenstone S. J., Behr R. L., Lazarus E. H.* Third Parties in America. Citizen Response to Major Party Failure. Princeton, 1984, p. 106.

[163] *Висков С. И.* Генри Э. Уоллес: страницы жизни американского политического деятеля.— Новая и новейшая история, 1985, № 1, с. 119—122.

[164] *Минасян Г. Е.* Прогрессивная партия Генри Уоллеса в избирательной кампании 1948 г.— В кн.: Тезисы докладов к конференции по итогам научно-исследовательской работы Северо-Осетинского гос. ун-та за 1978 г. Орджоникидзе, 1979, с. 7—9.

ным опроса общественного мнения, имел шансы получить 11% всех голосов, главным образом за счет избирателей, ранее голосовавших за демократическую партию.

Принятая на съезде в Филадельфии 23—25 июля платформа Прогрессивной партии призывала к осуществлению общей программы разоружения США, нормализации отношений с Советским Союзом, прекращению всякой дискриминации, к национализации основных отраслей промышленности, отмене закона Тафта—Хартли, сохранению уровня цен на фермерскую продукцию. Центральным положением платформы прогрессистов был призыв к международному миру. Американский народ хочет мира, говорилось в ней, но «старые партии» предают его интересы и готовятся к войне, отказываясь урегулировать разногласия с Советским Союзом путем переговоров. Капиталистические Соединенные Штаты и коммунистическая Россия должны установить добрососедские отношения и работать вместе во имя мира — таким был ведущий лозунг Прогрессивной партии [165].

Вставшие на позиции антикоммунизма лидеры АФТ и КПП в 1948 г. объявили о своей оппозиции к Прогрессивной партии и о поддержке «плана Маршалла», но левое крыло рабочего движения и некоторые профсоюзные объединения в штатах и на местах заняли иную позицию. В поддержку Уоллеса выступила также Коммунистическая партия США. Этот факт и осуждение Уоллесом преследования коммунистов послужили его противникам поводом для утверждений, якобы Прогрессивная партия находится под контролем Компартии. Ярость, с которой умеренные и консервативные круги буржуазного политического спектра нападали на ППА и Г. Уоллеса, объяснялась их опасениями ослабления двухпартийной системы в результате разброда в лагере либералов [166].

В этих сложных условиях лидеры демократов считали необходимым сохранить тех сторонников партии, которые, разочаровавшись в администрации Трумэна, склонялись оказать поддержку Уоллесу. Предвыборные лозунги Трумэна, как писал американский историк Филлипс, были составлены из идей и предложений членов так называемой «дворцовой гвардии», действовавшей за кулисами в течение 1947 и 1948 гг. и вырабатывавшей позитивную программу, которая «способствовала бы тому, чтобы президентство Трумэна имело свое собственное лицо» [167]. Ядро этой группы составляли О. Ивинг, директор ведомства федерального страхования, К. Клиффорд, специальный советник президента, Л. Кайзерлинг, член Совета экономических консультантов и др. Заботясь об укреплении и сохранении позиций правящего класса, «дворцовая гвардия» вместе с тем пыталась удержать Трумэна от таких действий, которые могли бы серьезно подорвать доверие к нему широких масс избирателей.

По мнению «дворцовой гвардии», одним из главных промахов в политике Трумэна, оттолкнувших от него многих сторонников либерального курса, была его неверная тактика в отношении забастовочного движения. Между тем позиция профсоюзов имела для демократов особое значение, так как организованные рабочие составляли значительную

---

[165] National Party Platforms (1840—1972), p. 437, 438.
[166] *McAuliffe M. S.* Crisis on the Left. Cold War Politics and American Liberals, 1947—1954. Amherst, 1978, p. 31—32.
[167] *Phillips C.* The Truman Presidency, p. 162.

часть избирателей США и играли решающую роль в победе демократической партии на последних четырех выборах. В 1947 г. насчитывалось приблизительно 15 млн. членов профсоюзов, в том числе в АФТ — около 7 млн., в КПП — около 6 млн., в независимых профсоюзах — почти 2 млн. Вместе со взрослыми членами семей это составляло 30 млн. потенциальных голосов [168]. Чтобы обеспечить Трумэну поддержку со стороны рабочего класса, «мозговой трест» демократов считал необходимым добиться от президента согласия наложить вето на закон Тафта—Хартли. По мнению Кайзерлинга, «исходя из чисто политических соображений, это был наиболее верный путь, которым следовало идти президенту» [169].

Политические концепции «дворцовой гвардии» наиболее четко проявились в представленном Трумэну 19 ноября 1947 г. меморандуме Клиффорда. Составленный для внутреннего пользования документ цинично раскрывал цели демократов в политической борьбе с республиканской партией за право находиться у власти. Так, чтобы нанести поражение Уоллесу, Клиффорд прямо советовал связать его фигуру в сознании публики с деятельностью коммунистов [170]. Решающая роль в деле обеспечения победы отводилась чистой риторике, хотя и звучащей порой весьма многообещающе.

Вот почему, когда профсоюзы усилили политическую деятельность с целью добиться отмены закона Тафта—Хартли, Трумэн в полном соответствии с рекомендациями комитета Ивинга—Клиффорда заявил, что демократы стоят за отмену этого закона. Его не смутило очевидное противоречие между таким заявлением и фактами активного применения правительством закона.

Следующим шагом президента по осуществлению замыслов его «мозгового треста» было специальное послание конгрессу 2 февраля 1948 г. по гражданским правам. Оно содержало программу из 10 пунктов, в которой предлагалось усилить существующие законы о гражданских правах черного населения США, создать постоянный Комитет по обеспечению справедливой практики найма на работу (ФЕПК), обеспечить более надежную защиту права голоса, а также запретить дискриминацию на транспорте и в сфере обслуживания [171]. Послание было основано на рекомендациях Комитета по гражданским правам, созданного год назад согласно директиве президента. Как подсчитали историки, предложения Трумэна включили 15 из 41 рекомендации доклада [172]. Так было положено начало «тактике упреждающих уступок» [173]. Эта весьма скромная программа при условии ее осуществления могла бы явиться шагом вперед в деле смягчения расового неравенства, хотя, выдвигая ее, Трумэн заранее знал, что она будет отвергнута конгрессом. По признанию К. Филлипса, Трумэн предложил эту программу, чтобы «подорвать пози-

---

168 *Lee R. A.* Op. cit., p. 4.
169 *Phillips C.* The Truman Presidency, p. 164.
170 *Yarnell A.* Democrats and Progressives. The 1948 Presidential Elections as a Test of Postwar Liberalism. Los Angeles; London, 1974, p. 32, 37, 39, 40.
171 Special Message to the Congress on Civil Rights, February 2, 1948.— In: Public Papers..., Harry S. Truman, 1948, p. 121—126.
172 *Heard A.* A Two Party South? Chapel Hill, 1952, p. 298.
173 *Геевский И. А.* США: негритянская проблема. Политика Вашингтона в негритянском вопросе (1945—1972 гг.). М., 1973, с. 83.

ции Уоллеса среди негритянских избирателей и белых либералов на Севере» [174].

Теоретический орган Компартии США журнал «Политикал афферс» писал, что у Трумэна «нет ни малейшего намерения действительно сражаться за права негров» [175], но при этом следовало учесть, что его слова оказывали определенное воздействие на политический климат. Выступления Трумэна позволили НАСПЦН одобрить «смелость президента Трумэна в вопросе о гражданских правах» и оценить доклад президентского Комитета по гражданским правам как «почти полное дублирование программы ассоциации» [176]. Такая оценка была явным преувеличением, но так или иначе речь президента содействовала новой перегруппировке сил в рядах демократов, которая в конечном счете помогла Трумэну одержать верх [177].

Трумэн сделал ставку на поддержку афро-американцев, хотя его послание вызвало бунт южного крыла демократической партии. Играя на расовых предрассудках белого населения Юга, оно выступило против принятия программы Трумэна конгрессом. Южные губернаторы-демократы единодушно объявили себя противниками выдвижения кандидатуры президента. Вслед за тем, убедившись в отрицательной реакции демократов-южан на послание президента от 2 февраля, лидер демократического меньшинства в сенате О. Баркли, которому было поручено внести билль по гражданским правам на обсуждение в конгресс, отказался это сделать [178]. Встревоженные расколом партии, боссы демократов начали рассматривать возможность замены Трумэна другим кандидатом, который мог бы собрать необходимое для победы на выборах 1948 г. число голосов.

Те либералы, кто не поддержал Г. Уоллеса и Прогрессивную партию, высказались за выдвижение кандидатом от демократической партии верховного судьи У. Дугласа. Было создано 192 «Клуба Дугласа» и организация «Демократы за Дугласа». Когда стало ясно, что Дуглас не сможет

---

174 *Phillips C.* The Truman Presidency, p. 206. Американские историки придерживаются различных точек зрения, насколько сильно повлияла программа Уоллеса на определение Трумэном его позиции в вопросе о гражданских правах и других проблемах внутренней политики. А. Ярнелл считал, например, что это влияние было минимальным (*Yarnell A.* Op, cit., p. XI), но Б. Бернстайн и У. Берман писали, что именно наличие третьей партии заставило президента занять более определенную позицию в этих вопросах. Такое мнение представляется обоснованным. Лишь на словах заняв более либеральные позиции, Трумэн сумел удержать негритянское городское население и белых либералов в рамках непрочной коалиции демократов (*Bernstein B. J.* The Ambiguous Legacy: The Truman Administration and Civil Rights.— In: Politics and Policies of the Truman Administration/Ed. with an Introd. by B. Bernstein. Chicago, 1970, p. 282; *Berman W. C.* The Politics of Civil Rights in the Truman Administration. Columbus (O.), 1970, p. 83). Другие историки шли в своих оценках еще дальше. Они писали, что, навесив на Уоллеса ярлык «красного», демократы не постеснялись «украсть» некоторые его лозунги в области внутренней политики (*Caute D.* The Great Fear. The Anti-Communist Purge under Truman and Eisenhower. N. Y., 1978, p. 32) и что под влиянием Уоллеса «риторика администрации Трумэна становилась более либеральной» (*Rosenstone S. J., Behr R. L., Lazarus E. H.* Op. cit., p. 105; см. также: *Schmidt K. M.* Henry A. Wallace: Quixotic Crusade, 1948. N. Y., 1960, p. 224).

175 Political Affairs, 1948, Sept., p. 889.

176 Crisis, 1948, Aug., p. 245.

177 *Sundquist J. L.* Dynamics of the Party System. Alighment and Realighment of Political Parties in the United States. Wash., 1973, p. 315.

178 *Berman W. C.* Op. cit. p. 87.

возглавить оппозицию, в роли лидера антитрумэновских сил некоторое время выступал сенатор К. Пеппер. Но его не поддержала та фракция демократов, в которую входили организация «Американцы — сторонники демократических действий» (АДА) и Комитет политических действий КПП. Они предложили выдвинуть генерала Эйзенхауэра, хотя никто толком не знал о его взглядах. За Эйзенхауэра высказались также оба сына Ф. Д. Рузвельта. Лишь за два дня до съезда демократов, когда Эйзенхауэр в специальной телеграмме категорически заявил об отказе баллотироваться, стало ясно, что первым в списке кандидатов останется Трумэн.

Все эти обстоятельства заставили Трумэна и его сторонников активизироваться. Для начала президент отправился в «неполитическое» инспекционное турне по западным штатам, продлившееся с 3 по 18 июня. Его целью было «встретиться с народом». Коньком выступлений, направленных против республиканцев, Трумэн сделал вопрос об отмене закона Тафта—Хартли. Он с жаром убеждал своих слушателей, что закон Тафта—Хартли якобы — дело рук его политических противников, и утверждал, что закон был принят потому, что в 1946 г. только треть тех, кто должен был голосовать, пришли к избирательным урнам.

Большое внимание президент уделял также вопросу о ценах. Выступая в Бьютте (штат Монтана), Трумэн обвинил 80-й конгресс в сокращении почти всех ассигнований на Бюро рабочей статистики. Таким образом был уничтожен не только контроль над ценами, но также и «спидометр», который сообщал, с какой скоростью растут цены [179]. В другом месте Трумэн говорил, что высокий уровень стоимости жизни в стране сохраняется из-за отмены контроля над ценами летом 1946 г., а позднее заявил, что подобный контроль должен быть восстановлен немедленно. Трумэн высказался за принятие конгрессом билля о жилищном строительстве, в котором бы содержалось положение о возведении дешевого жилья для малоимущих семей за счет федерального бюджета.

Останавливаясь на вопросе о социальном страховании, Трумэн напомнил о своем специальном послании конгрессу. В нем намечалось дополнительно охватить этой системой еще 20 млн. рабочих, увеличить пособия для престарелых и иждивенцев, увеличить пенсии рабочим на 25%. В послании предлагалось также сократить возрастной предел с 65 до 60 лет женщинам, имеющим право на получение пенсии, и установить новый минимум доходов, подлежащих обложению налогом, повысив его с 3 тыс. до 4800 долл. в год. Трумэн обвинил конгресс в том, что его специальное послание по вопросам здравоохранения и медицинского страхования не было одобрено. Он всячески рекламировал свою долгосрочную фермерскую программу, билль об электроэнергии и мелиорации, а также предложения о федеральной помощи образованию и увеличении минимума заработной платы до 75 ц. в час. Настойчиво и непрестанно Трумэн внушал избирателям, что, пока в конгрессе доминируют республиканцы, избиратели не могут надеяться на осуществление этих предложений.

Между тем республиканцы не торопились включаться в полемику. Сказалась их уверенность в легкой достижимости победы. Большинство на съезде республиканской партии, начавшем работу 21 июня в Филадельфии, высказалось за выдвижение кандидатом в президенты губерна-

[179] *Lee R. A.* Op. cit., p. 114.

тора Нью-Йорка Т. Дьюи. Губернатор Калифорнии Э. Уоррен был избран кандидатом в вице-президенты. Раздор в среде противника настраивал республиканцев на благодушный лад. Это отразилось на предвыборных обещаниях «великой старой партии».

В платформе республиканцев вообще не упоминалось о законе Тафта—Хартли. Однако и они отдали дань идеям буржуазного реформизма. В программе предусматривалась федеральная помощь жилищному строительству, подчеркивалась необходимость принятия долгосрочных программ помощи фермерам и различных мер по обеспечению гражданских прав [180]. Однако в угоду южанам пункт о ФЕПК был опущен, как был опущен и пункт о федеральной помощи образованию. Внешнеполитический раздел содержал общие положения о сохранении «свободной Америки в свободном мире», о поддержке ООН и необходимости утверждения панамериканизма в духе доктрины Монро. В нем указывалось также на провалы и некомпетентность демократов в жизненно важной для США внешнеполитической сфере. Республиканцы заявляли, что внешняя политика США недостаточно активна, понимая под этим курс на утверждение мирового лидерства и право на осуществление полицейских функций в глобальном масштабе. Резким нападкам были подвергнуты решения Тегеранской и Ялтинской конференций [181].

Через три недели, 12 июля, в Филадельфии открылся съезд демократической партии. Вначале настроение делегатов было унылым в силу того, что перспектива видеть Трумэна кандидатом вызывала разочарование очень многих, но иного выхода не было. Несмотря на падение популярности, Трумэн, оставаясь в Белом доме и лидером демократов, полностью контролировал партийный механизм, а следовательно, и деятельность съезда. Кроме того, исполненная пафоса и традиционных ораторских приемов речь сенатора Баркли, в которой он сделал особый упор на преемственность политики демократов с «новым курсом», подняла настроение делегатов, хотя, как показали дальнейшие события, партия оказалась на грани раскола. Камнем преткновения стала выработка курса в области гражданских прав.

Последний день съезда был ознаменован бунтом делегаций из штатов Миссисипи и Алабама, которые покинули съезд, протестуя против того, что наряду с перечнем ряда социальных мероприятий, призванных несколько улучшить положение малоимущих слоев, в программу демократов по инициативе мэра Миннеаполиса Г. Хэмфри и других представителей либерального крыла был включен «сильный пункт» по гражданским правам.

Поглощенные распрями по вопросам внутренней политики, делегаты съезда меньше внимания уделили внешнеполитическим аспектам. Посвященный им раздел платформы содержал хвалебный перечень главных мероприятий правительства, включая «доктрину Трумэна» и «план Маршалла», превозносил жесткий курс в отношении Советского Союза и стран народной демократии.

Съезд избрал Трумэна кандидатом в президенты, а сенатора О. Баркли — в вице-президенты. Часть южан, покинувших съезд, собралась 17 июля в Бирмингеме на собственный съезд, объявив об образовании

---

[180] National Party Platforms, 1840—1972, p. 452.

[181] *Лан В. И.* США в военные и послевоенные годы. М., 1978, с. 272.

«партии борцов за права штатов». Они назвали губернатора Южной Каролины С. Тэрмонда кандидатом на пост президента и губернатора Миссисипи Ф. Райта — кандидатом в вице-президенты. Съезд одобрил платформу, в которой пункт о гражданских правах, принятый демократической партией, был охарактеризован как «позорная и беззаконная программа». В платформе южан говорилось: «Мы отстаиваем сегрегацию рас и единство внутри каждой расы» [182].

В ходе избирательной кампании Трумэн счел необходимым демонстративно отмежеваться от ультраправого движения в демократической партии, группировавшегося вокруг диксикратов. Первым таким шагом была его попытка продемонстрировать, хотя бы в пропагандистском плане, решимость осуществить меры по десегрегации. 26 июля 1948 г. он издал директиву № 9980, требовавшую покончить с дискриминацией при найме на государственную службу. Одновременно была обнародована директива № 9981, которая ставила задачу подготовить почву для десегрегации в вооруженных силах, в связи с чем создавался комитет из семи человек, назначаемых президентом. Комитет должен был определить, в каком отношении могут быть изменены и улучшены существующие правила и практика формирования воинских частей из лиц различных национальностей и рас [183]. Немного раньше, 3 мая 1948 г., Верховный суд США принял решение, запрещавшее судам издавать постановления о соблюдении ограничительных соглашений [184].

Вторым практическим шагом, предпринятым для нанесения удара по республиканцам, было решение Трумэна созвать специальную сессию конгресса 26 июля главным образом для того, чтобы доказать, что республиканцы, хотя и включили в свою программу ряд социальных мер, на деле не поддерживают либеральное законодательство. Как подчеркивал К. Филлипс, решение Трумэна было явным злоупотреблением президентскими полномочиями и одновременно мастерским ударом по противнику, ибо отвечало тактическим целям демократов, каким бы ни был исход сессии [185].

В послании, направленном специальной сессии конгресса, Трумэн предложил принять решения по 10 пунктам. Важнейшим среди них он считал билль о восстановлении контроля над ценами, утверждая, что этот вопрос был главной причиной того, почему президент созвал специальную сессию конгресса. Другим крупным вопросом, по мнению президента, был жилищный, и первоочередной задачей специальной сессии, полагал он, было утвердить жилищный билль, который должен был обеспечить строительство 15 млн. новых домов в течение 10 лет с помощью государственного жилищного строительства, расчистки трущоб и помощи частному строительству. Следующим серьезным моментом были гражданские права. В послании предлагалось принять законы против линчевания, о запрещении дискриминации и сегрегации в вооруженных силах, а также отменить избирательный налог.

---

182 National Party Platforms, p. 468.

183 The Truman Administration: A Documentary History, p. 110—111; The Truman Period as a Research Field/Ed. by R. S. Kirkendall. Columbia (Mo), 1967, p. 192.

184 Prejudice and Property. An Historic Brief against Racial Covenants. Submitted to the Supreme Court by Clark T. E. and Perlman P. B. Wash., 1948, p. 39.

185 *Phillips C.* The 1940s. Decade of Triumph and Trouble. N. Y., 1975, p. 334.

Республиканцы решительно отвергли почти все предложения президента. Таким образом, Трумэн достиг цели: избирательная платформа республиканцев была скомпрометирована. Президент же вновь возобновил атаки на 80-й конгресс, называя специальную сессию конгресса ничего не сделавшей.

Стремясь вызвать симпатии демократической общественности, Трумэн в одном из выступлений заявил, что комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности является «более антиамериканской, чем та деятельность, которую она расследует» [186], и одновременно назвал начатые конгрессом расследования «охотой на ведьм». Правительство постаралось отмежеваться от наиболее крайних проявлений развертывавшейся в стране антикоммунистической истерии, хотя в действительности было одним из ее главных инициаторов [187].

Главное, что характеризовало тактику Трумэна,— это изощренная демагогия и нарочитое изображение своих политических противников виновными в реакционной направленности всей законодательной деятельности конгресса. Демократы, по существу, устроили политический маскарад, выдавая себя за парламентскую оппозицию, хотя таковой не были. Однако их расчет оправдался. Когда были подсчитаны голоса на состоявшихся 2 ноября выборах, выяснилось, что Трумэн повел за собой 30 крупнейших штатов, где голоса рабочих и негров, поданные за демократов, сыграли решающую роль в победе их кандидата.

В итоге голоса избирателей распределились следующим образом: Трумэн — 24,1 млн., Дьюи — 21,9 млн., Тэрмонд — 1,1 млн., Уоллес — 1,1 млн. Трумэн победил большинством всего в 2,2 млн. из относительно небольшого общего числа участников голосования в 48,7 млн.[188] Учитывая примерное равенство полученных обоими главными кандидатами голосов, можно также считать, что республиканцы были наказаны за самоуверенность, внушенную им регулярно поступавшими в пользу Дьюи данными об опросах общественного мнения. Даже за день до выборов опрос Гэллапа свидетельствовал о том, что Дьюи идет впереди Трумэна [189]. Наблюдатели отмечали, что победу Трумэну обеспечили организованные рабочие, черные и фермеры. Бунт диксикратов, которого так опасался президент, привлек голоса афро-американцев на сторону Трумэна, ибо создавал ложное впечатление о его пылкой приверженности программе гражданских прав.

Результаты голосования по выборам в конгресс также были в пользу демократов. В новом, 81-м конгрессе у республиканцев уже не было большинства, оно перешло к демократам: в сенате теперь было 54 демократа и 42 республиканца, в палате представителей соответственно — 263 и 171 [190].

Обе главные буржуазные партии на выборах 1948 г. стремились поставить внешнюю политику вне партийных разногласий. Они отвергли предложение Уоллеса широко обсудить международные вопросы и критически проанализировать внешнеполитический курс правительства. «Я всегда

---

[186] New York Times, 1948, Sept. 23.
[187] *Никитин В. А.* США: правый экстремизм — угроза демократии. М., 1971, с. 36.
[188] Congress and the Nation, p. 8.
[189] *Борисюк В. И.* Указ. соч., с. 144.
[190] Политические партии США в новейшее время/Под ред. Н. В. Сивачева. М., 1982, с. 272.

стремился обеспечить внешней политике двухпартийную поддержку»,— писал впоследствии Трумэн [191]. Между тем время выборов совпало с обострением «холодной войны». Поскольку со второй половины 40-х годов поддержанный обеими буржуазными партиями антисоветизм стал ключевым элементом внешней политики США [192], постольку его внутренней проекцией могла быть только поддержка ультраправых, начавших поход против всех прогрессивных и либеральных сил под флагом борьбы с «красной опасностью». Ни для кого не было секретом, что ведущая роль в осуществлении этого общего курса и его обосновании принадлежала Трумэну, поэтому критика им правых и консерваторов в ходе избирательной кампании, отдельные заявления о миролюбивой направленности внешнеполитического курса США не могли выглядеть ни убедительными, ни искренними.

Отношение организованных рабочих к кандидатуре Трумэна было неоднозначным. Президент Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности У. Рейтер заявил, например, что обеспокоен разрывом между программой Трумэна и тем, как она проводится в жизнь. Дж. Льюис охарактеризовал Трумэна как человека, «полного злобной ненависти», чье пребывание на посту президента «опасно для страны... У него нет принципов, и он беззаботен в отношении правды. У него нет специальных знаний ни в одной области. Он не только опасен для объединенных рабочих угольной промышленности, но опасен для всей страны» [193].

В целом же АФТ и КПП высказывались в пользу демократов. Вето Трумэна на закон Тафта—Хартли и его воинственные выступления против антирабочего законодательства, рассчитанные, в сущности, на обман масс, сыграли свою роль. Главное — Трумэн сумел использовать политический капитал, нажитый демократами в период «нового курса».

Как указывал Генеральный секретарь Коммунистической партии США Ю. Деннис, «избиратели вернули к власти администрацию, которая обещала широкую программу социальных реформ, но которая продолжает находиться под контролем монополистов Уолл-стрит, приверженных двухпартийной империалистической политике и военной программе... На этих выборах массы отвергли партию, которую рассматривали как инструмент крайней реакции, крупного капитала. Действуя главным образом в рамках двухпартийной системы, они выразили свою сохраняющуюся приверженность новому курсу и традиции Рузвельта». Компартия отмечала также, что массы «проголосовали за отмену закона Тафта—Хартли, обуздание инфляции, решение жилищной проблемы, обеспечение гражданских прав негритянского народа. И хотя они прямо не отвергли план Маршалла и доктрину Трумэна... они выразили надежду на возможность дружеского соглашения с Советским Союзом» [194].

---

[191] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 2, p. 246.
[192] *Загладин Н. В.* Антисоветизм в глобальной стратегии империализма. М., 1981, с. 33.
[193] New York Times, 1948, Oct. 6.
[194] Political Affairs, 1948, Dec., p. 1048.

Глава вторая

ПОЛИТИКА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» И «АТОМНАЯ ДИПЛОМАТИЯ»

1. ИЛЛЮЗИЯ ВСЕМОГУЩЕСТВА

В сентябре 1945 г., подводя итоги участию Соединенных Штатов во второй мировой войне, президент Г. Трумэн заявил в очередном обращении к нации: американцы обладают «величайшей силой и мощью, которых человечество когда-либо достигало» [1]. В контексте всемирной истории это было прямым преувеличением, в рамках же истории США соответствовало действительности. Никогда в прошлом Соединенные Штаты не достигали такого уровня экономических и военных потенций, никогда их «присутствие» не распространялось так далеко за пределами своих границ, как к концу второй мировой войны. США вышли из войны практически другой страной, их международные позиции кардинально изменились по сравнению с предвоенным периодом, резко возросли имперские амбиции американского правящего класса. Но еще радикальнее изменился мир, в который Соединенные Штаты вступили в 1945 г.[2]

Война обошла стороной американскую территорию. Единственная из великих держав, участвовавших в войне, Соединенные Штаты не только не пострадали в результате военных действий, но и фактически разбогатели на войне, приумножили свою экономическую и военную мощь. В 1945 г. их валовой национальный доход возрос более чем в 2 раза по сравнению с 1940 г., общие промышленные мощности увеличились на 40%, свыше $^3/_4$ мировых запасов золота (без СССР) оказались сосредоточенными в США. К концу войны Соединенные Штаты стали сильнейшей военной державой в капиталистическом мире. На 1 сентября 1945 г. американские вооруженные силы насчитывали почти 12 млн. человек. Соединенные Штаты монопольно владели новым оружием колоссальной разрушительной силы — атомной бомбой. Мир опоясали сотни американских военных баз, под контролем американской военной машины оказались важнейшие мировые стратегические коммуникации.

Усиление позиций США в капиталистическом мире в конце войны — проявление закона неравномерности развития капитализма, особенно на его империалистической стадии. Эскалация американской мощи шла в значительной степени за счет ослабления других капиталистических стран — как победителей, так и побежденных, резкого снижения их экономических и военных возможностей, их влияния на международной арене. В итоге второй мировой войны рухнул предвоенный баланс сил между великими империалистическими державами. Экономический, а следовательно, политический и военный центр империализма переместился из Европы в Америку. С окончанием второй мировой войны завершился процесс превращения США в главную страну капитализма, занявшую доми-

---

[1] *Hodgson G.* America in Our Time. N. Y., 1978, p. 181.

[2] История второй мировой войны, 1939—1945: В 12-ти т. М., 1973—1982. Т. 12.

нирующее положение в капиталистическом мире. Все это и способствовало тому, что на исходе войны правящая элита США пребывала в состоянии своего рода эйфории имперского величия. У нее создалось преувеличенное представление о ресурсах и возможностях страны — психологический комплекс «самонадеянности силы», иллюзия всемогущества [3].

Взрывы атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки, осуществленные под занавес войны, явились открытой демонстрацией возросшей мощи США, усиления их гегемонистских притязаний. Экстремистские круги господствующего класса Соединенных Штатов открыто требовали осуществления широкой внешнеполитической экспансии, проведения жесткого курса в отношении революционно-демократических и национально-освободительных сил в мировом масштабе. Быстро набирала силу идеологическая концепция, обозначившая XX век «американским веком». В обстановке укоренившихся представлений о безграничных возможностях США эта концепция стала восприниматься в Вашингтоне как конкретная внешнеполитическая программа [4].

Однако уже в начале послевоенного периода возникло постоянно усиливающееся противоречие между имперскими устремлениями Соединенных Штатов и возможностями их реализации в стремительно развивающемся мире. Столкнувшись с подобной ситуацией и намереваясь преодолеть это противоречие, американский империализм сделал ставку на антикоммунизм и политику с «позиции силы». Реакционные круги США стремились ревизовать итоги второй мировой войны, ослабить Советский Союз, остановить развитие мирового революционного процесса.

Вследствие влияния на внешнюю политику страны военных кругов у правящей элиты возникла милитаристская психология, имеющая тенденцию искать силовые, а не политические решения международных проблем. В результате дипломатия Вашингтона все чаще стала подменяться «демонстрацией мощи», а внешняя политика сводиться к сколачиванию военных блоков. В то же время под влиянием милитаризации мышления в столице США укоренилось ставшее затем привычным нежелание видеть на международной арене равных партнеров.

Формирование внешнеполитического курса США в послевоенные годы совпало со сменой вахты в Вашингтоне. В сложный период перехода от войны к миру у руля государственного корабля оказался новый президент — Г. Трумэн, деятельность которого означала ревизию политики Рузвельта в ряде ее важных аспектов.

Начиная с весны 1945 г. маятник политического механизма США медленно, но неудержимо клонился вправо. Либеральные деятели, окружавшие Ф. Д. Рузвельта, довольно быстро исчезли из вашингтонских «коридоров власти». 1 июля 1945 г. вместо Э. Стеттиниуса на пост государственного секретаря был назначен бывший сенатор, член Верховного суда Дж. Бирнс. Новая администрация отличалась от предшествующей прежде всего своими внешнеполитическими взглядами. Представление Трумэна о месте и роли США в окружающем мире сводилось к месси-

---

[3] *Фулбрайт Дж. У.* Самонадеянность силы. М., 1967.

[4] США: политическая мысль и история/Отв. ред. Н. Н. Яковлев. М., 1976; *Яковлев А. Н.* От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века. М., 1985; *Swomley J., Jr.* American Empire. The Political Ethics of Twentieth-Century Conquest. L., 1970.

анско-гегемонистской концепции в духе Pax Americana. «Хотим мы этого или не хотим, мы обязаны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром»,— заявил новый президент 19 декабря 1945 г.[5] Рядом акций администрация Трумэна стремилась приспособить внешнеполитический курс к этой доктрине. Развертывание антикоммунистической кампании, шовинистическая ориентация на «мировое лидерство» должны были, по ее расчетам, обеспечить достаточную степень внутренней стабильности для осуществления широкой экспансионистской внешнеполитической программы.

2. ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Стремление разговаривать с Советским Союзом языком силы существовало в антикоммунистических кругах «большого бизнеса», среди газетных магнатов типа Херста, консервативных политиков, прямых антисоветчиков и профашистов в течение всей войны, но активно стало проявляться к ее концу, когда исход борьбы против фашистских держав благодаря победам СССР не вызывал сомнения. В самом рузвельтовском окружении имелись лица (У. Леги, Дж. Форрестол и др.), поддерживавшие проведение политики «жесткости» по отношению к военному союзнику США.

Характерно, что уже летом 1944 г. посольство США в Москве сообщало в Вашингтон о якобы произошедшем «изменении» отношения советского руководства к сотрудничеству с США, что в правительстве СССР наметилась «тенденция против сотрудничества». Посольство настаивало на изменении американской политики, подчеркивая, что Советский Союз «неверно интерпретирует» ее как «знак слабости» США[6]. Советник посольства Дж. Кеннан в письме своему коллеге Ч. Болену риторически вопрошал: почему американцы должны ассоциировать себя с советской внешнеполитической программой, «столь враждебной интересам атлантического содружества в целом... и всему, что мы должны сохранить в Европе?»[7].

Позднее, на склоне лет, Дж. Кеннан не раз и не два сетовал на опрометчивость решений Вашингтона в политике относительно СССР в сложный период перехода от войны к миру и на свою роль в этом вопросе. Но тогда (после 1944 г.) он, по собственному свидетельству, считал, что «не только наша политика по отношению к России, но и наши планы и обязательства в целом, касавшиеся создания послевоенного мира, базировались на опасном непонимании личных качеств, намерений и политического положения советских лидеров»[8]. В сущности, так оно и было, но не в том смысле, как это понимал Кеннан.

Характерно, что сторонники ревизии внешней политики США в отношении СССР, делая упор на будто бы «изменившийся курс» СССР, руководствовались вполне практическим мотивом: доказать, что у Америки де нет иной альтернативы, кроме «жесткости». Несомненно, этот пропа-

---

[5] Congressional Record, vol. 91, p. 12398—12399.
[6] Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1945: Vol. 1—9. Wash., 1960—1969, vol. 4, p. 998. (Далее: FRUS).
[7] *Bohlen Ch.* Witness to History, 1929—1969. N. Y., 1973, p. 175—176.
[8] *Kennan G. F.* Memoirs: Vol. 1, 2. Boston; London, 1967, 1972, vol. 1, p. 224.

гандистский маневр оказывал влияние, в том числе и на многих сторонников сотрудничества с СССР.

Однако нельзя забывать, что весной 1945 г. вашингтонская администрация ввиду продолжавшейся войны не только в Европе, но и в Азии настоятельно нуждалась в советской военной помощи и потому не была готова осуществить в полном объеме рекомендации сторонников «жесткого» курса. Весьма важно и то, что в рассматриваемый период на всех уровнях американского общества — и в политических кругах, и в кругах общественности, и особенно в самой гуще народа США — существовало сильное, подкрепленное совместным участием в антифашистской войне стремление к сотрудничеству с СССР. Смерть Рузвельта изменила ситуацию лишь в небольшом сегменте социально-политической структуры страны. Но это был нервный центр власти — правительство военного времени, обладавшее большими возможностями для оказания влияния на общественное мнение.

Говоря о переходе США от сотрудничества к конфронтации с СССР, видный американский специалист по международным отношениям Г. Моргентау сводил проблему к «отказу от традиционной дипломатии». После смерти Рузвельта, писал он, в США «не осталось ни личности, ни группы, способной создавать и поддерживать тот сложный и деликатный механизм, с помощью которого традиционная дипломатия обеспечивала мирную защиту и реализацию национальных интересов» [9]. Кеннан (уже в мемуарах) отмечал, что беда заключалась в чрезмерной милитаризации внешней политики США (и Запада в целом) [10]. Все эти факторы, несомненно, имели место. Но главное состояло в том, что при такой постановке вопроса причины и следствия поменялись местами. Гораздо ближе к истине американский историк Д. Флеминг, который, связывая возникновение «холодной войны» с политическими решениями Вашингтона, писал, что действия Трумэна «перечеркнули годы работы Рузвельта... когда были заложены основы взаимопонимания с советскими руководителями» [11].

Определенное влияние на изменение политического климата в Вашингтоне оказал У. Черчилль, взявший на себя роль внешнеполитического наставника «новичка» Трумэна. Черчилль убеждал Трумэна не ослаблять военной мощи страны в целях укрепления «позиции силы» в отношении СССР. Во время переговоров представителя Трумэна Дж. Дэвиса с У. Черчиллем в Лондоне в мае 1945 г. британский премьер-министр настойчиво проводил мысль о том, чтобы войска США не уходили из Европы, считая, что их присутствие может быть использовано для дипломатического торга с СССР [12].

В отличие от Рузвельта Трумэн с готовностью выслушивал советы о необходимости «твердости» по отношению к советскому союзнику. Он заявлял, что «не боится» (?!) русских, поскольку, как он считал, Советский Союз «нуждается в нас больше, чем мы в нем», подчеркивая, что

---

[9] *Morgenthau H.* Politics among Nations. N. Y., 1973, p. 529.
[10] *Kennan G. F.* Memoirs, vol. 2, p. 139.
[11] *Fleming D. F.* The Cold War and Its Origins, 1917—1960: Vol. 1, 2. Garden City (N. Y.), 1961, vol. 2, p. 268. Подобную точку зрения высказывают Д. Клеменс и А. Верт. См.: *Clemens D.* Yalta. N. Y., 1970, p. 268—274; *Werth A.* Russia. The Post-war Years. N. Y., 1971, p. 56—61, 117—118.
[12] FRUS, Diplomatic Papers, 1945, vol. 1. p. 64—78.

его администрация рассчитывает на 85-процентное удовлетворение своих требований к СССР.

20 апреля 1945 г. на совещании в Белом доме Трумэн подчеркнул: «Я намереваюсь быть твердым в моих отношениях с Советским правительством» [13]. Гегемонистский подход в решении международных проблем быстро набирал силу в американской столице.

Следует отметить, что на совещании 23 апреля военный министр Г. Стимсон рекомендовал проявить осмотрительность относительно перехода к «жесткому курсу». Он напомнил присутствующим членам кабинета, что по «большинству военных вопросов... Советское правительство выполняло свои обязательства и что военные власти Соединенных Штатов привыкли полагаться на него». В действительности, говорил Стимсон, советские руководители «делали больше, чем обещали». До того как принимать окончательное решение, он предлагал выяснить мотивы советской политики в Восточной Европе: «...возможно, русские более реалистически, чем мы, относятся к своей безопасности». Без понимания мотивов СССР, подчеркивал Стимсон, «мы встанем на опасный путь» [14]. Генерал Маршалл со своей стороны заявил, что «возможность разрыва с Россией очень серьезна», в то время как Соединенные Штаты «рассчитывают на советское участие в войне с Японией в удобное для нас время» [15]. Однако верх взяла противоположная точка зрения. Дж. Форрестол высказался за немедленный «разговор без обиняков» с СССР. Трумэн поддержал эту линию [16].

Сразу после этого совещания Трумэн встретился с народным комиссаром по иностранным делам СССР В. М. Молотовым. Президент в резких словах выразил неудовольствие политикой СССР в Восточной Европе, прежде всего в Польше, требуя создания там правительства, угодного США [17]. Как позднее свидетельствовал У. Леги, присутствовавший на встрече, «прямой язык (Трумэна.— *Авт.*) не был смягчен вежливыми дипломатическими выражениями» [18].

Этот «прямой язык» — точнее, полная бесцеремонность и цинизм — становится одной из характерных черт «трумэновской дипломатии». Беседуя 19 мая 1945 г. с Г. Гопкинсом перед поездкой последнего в Москву в качестве личного представителя президента в связи с подготовкой Берлинской (Потсдамской) конференции, Трумэн заметил, что Гопкинс волен употреблять в разговорах с советскими руководителями либо дипломатический язык, либо «бейсбольную биту» [19]. Внимательно следивший за переменами в Белом доме сенатор-республиканец А. Ванденберг, выразитель настроений реакционных кругов, зафиксировал в дневнике 24 апреля: «Умиротворение России, проводившееся Ф. Д. Рузвельтом, закончилось» [20]. Под «умиротворением» Ванденберг понимал взаимовы-

---

[13] *Truman H. S.* Memoirs: Vol. 1, 2. Garden City (N. Y.), 1955—1956, vol. 1, p. 72.
[14] Цит. по: Ibid., p. 77—78.
[15] Ibid., p. 79. Дж. Дэвис в письме Дж. Бирнсу назвал политику давления на СССР трагичной. См.: Новая и новейшая история, 1985, № 6, с. 131.
[16] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 1, p. 77.
[17] *Yergin D.* Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977, p. 81—83.
[18] *Leahy W.* I was There. N. Y., 1950, p. 351—352.
[19] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 1, p. 258.
[20] Цит. по: *Graebner N.* Cold War Diplomacy. Princeton, 1962, p. 22.

годное сотрудничество в войне с фашизмом. Именно от сотрудничества в Вашингтоне решили отказаться в пользу политики с «позиции силы» и военного шантажа.

Едва завершилась война в Европе, как Трумэн без каких-либо объяснений распорядился прекратить поставки Советскому Союзу по ленд-лизу, что противоречило предварительной договоренности о поставках на следующий год на сумму около 1 млрд. долл. Это было демонстративным актом экономического давления на союзника [21]. Однако попытки разговаривать с СССР «языком силы» натолкнулись на решительную и твердую позицию СССР. Вместе с тем Советское правительство продолжало линию на сотрудничество с США, подтвержденную на встрече И. В. Сталина и Г. Гопкинса в Москве, на конференциях в Сан-Франциско, в Потсдаме. Несмотря на прекращение поставок по ленд-лизу, Советское правительство в послании Г. Трумэну от 11 июня 1945 г. выразило благодарность за эти поставки в годы войны и уверенность, что «упрочившиеся за время совместной борьбы связи между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки будут и дальше успешно развиваться на благо наших народов и в интересах прочного сотрудничества между всеми свободолюбивыми народами» [22].

Заняв жесткую позицию в отношении СССР, правительство Трумэна явно переоценивало свои возможности и недооценивало возможности Советского Союза. В правящих кругах Вашингтона господствовало убеждение, что в результате огромных разрушений и значительных людских потерь во время войны Советская страна не сможет противостоять американскому диктату. По словам американского историка У. Уильямса, внешнеполитические эксперты США считали, что «возможности, открывавшиеся... в связи с опустошенностью России, можно и должно использовать, дабы обеспечить Америке доминирующую роль во всех решениях, касающихся послевоенного мира» [23]. На совещании в Белом доме 20 апреля 1945 г. настойчиво подчеркивали, что «позиция твердости» не слишком рискованна, поскольку-де Советский Союз «нуждается в нашей помощи в своей программе реконструкции» [24]. Заблуждение, что «русские нуждаются в нас более, чем мы в них», разделяли многие члены кабинета. Отсюда — стремление строить отношения с СССР не на основе взаимной договоренности, компромисса, а на основе силового давления.

Информация о подходящих к концу работах по созданию атомной бомбы оказывала серьезное влияние на внешнеполитический курс Белого дома. 25 апреля на приеме у президента Стимсон назвал приблизительную дату, когда атомная бомба будет готова,— 1 августа 1945 г. При этом военный министр рекомендовал «отложить любое обострение отношений с Россией до тех пор, пока атомная бомба не станет реальностью и пока мощь ее не будет наглядно продемонстрирована... Страшно вступать в игру с такими высокими ставками в дипломатии без козырной карты в руках»,— подчеркивал он. Не отвергая в принципе «атомной дипломатии», Стимсон вместе с тем не верил, что новое оружие может вы-

[21] *Cochran B.* Harry Truman and the Crisis Presidency. N. Y., 1973, p. 149.
[22] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Т. 1, 2. М., 1957, т. 2, с. 241.
[23] *Williams W. A.* The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1959, p. 221.
[24] Цит. по: *Truman H. S.* Op. cit., vol. 1, p. 70.

нудить Советский Союз принять американские условия при решении спорных международных проблем. К тому же он считал и сообщил об этом Трумэну, что США не смогут долго «удержать монополию на бомбу» [25].

Показательно, что придерживавшийся в целом той же позиции советник Стимсона Г. Дорр в меморандуме от 8 июня 1945 г. поставил под сомнение тезис о «советской угрозе», выдвинутый буржуазной печатью. Отметив, что «характер социалистической экономики представляется менее агрессивным, чем капиталистической», Дорр писал: предлагаемая политика в отношении СССР будет рассматриваться советским народом сквозь призму опыта интервенции и «санитарного кордона», что не может не осложнить советско-американских отношений [26]. И другие здравомыслящие американцы, причастные к работе правительственных ведомств, с тревогой отнеслись к перспективе серьезного кризиса в отношениях между СССР и США в связи с намерением воинствующих противников «духа Ялты» прибегнуть к атомному шантажу. Важно подчеркнуть также, что ряд ведущих американских ученых, вошедших в Комитет по изучению последствий использования атомного оружия, обратились 11 июня 1945 г. к правительству США с призывом проявить благоразумие — отказаться от планируемого внезапного атомного удара по японским городам или же дать возможность японцам эвакуировать население из соответствующих районов [27].

Однако в правительственных кругах «атомное мышление» возобладало еще до испытания атомной бомбы. Новое оружие рассматривалось ими не только в плане применения его против Японии, но и как средство давления на СССР, установления глобального преобладания США в послевоенном мире [28]. В апреле 1945 г., в период принятия важнейших решений о политике США в отношении СССР, Дж. Бирнс сообщил президенту, что новое оружие «будет столь мощным, что потенциально сможет смести с лица земли целые города и убивать людей в беспрецедентных масштабах». Он также добавил, что, по его мнению, «бомба создаст нам возможность диктовать условия мира в конце войны» [29]. Со своей стороны Трумэн рассматривал бомбу как «атомную дубинку» против СССР [30].

После демонстрации американской ядерной мощи в Хиросиме и Нагасаки атомная карта становится одним из «аргументов» американских политиков. 6 августа 1945 г. президент Трумэн подчеркнул намерение

---

[25] *Алпровиц Г.* Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968, с. 5, 56—57.

[26] Цит. по: *Sherry M.* Preparing for the Next War. American Plans for Postwar Defense, 1941—1945. New Haven, 1977, p. 184—185, 208.

[27] *Bernstein B.* Roosevelt, Truman and the Bomb.— Political Science Quarterly, 1975, Spring, p. 23—69.

[28] *Thorn Ch.* Allies of a Kind. The United States, Britain and the War against Japan, 1941—1945. N. Y., 1978, p. 500. Весть об успешном испытании атомной бомбы в Аламогордо застала Трумэна на Берлинской (Потсдамской) конференции 16 июля 1945 г. Стремясь произвести впечатление на советскую сторону, Г. Трумэн сообщил И. В. Сталину о наличии у США бомбы небывалой разрушительной силы, не назвав ее атомным оружием. По свидетельству маршала Г. К. Жукова, Сталин после разговора с Трумэном сказал: «Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы» (*Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 713).

[29] Цит. по: *Truman H. S.* Op. cit., vol. 1, p. 87.

[30] *Hodgson G.* Op. cit., p. 20; *Truman M.* Harry S. Truman. N. Y., 1973, p. 252.

США единолично сохранять контроль над атомным оружием в целях «поддержания всеобщего мира». 30 октября того же года генерал Дж. Паттон подтвердил, что Соединенные Штаты должны оставаться «вооруженными и в полной готовности» [31]. Против кого? В условиях военного поражения фашистской Германии и милитаристской Японии ответ напрашивался сам собой.

В кулуарах американской столицы высшие должностные лица без тени смущения называли будущего противника в «третьей мировой войне». Уже 18 сентября 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов одобрил директиву 1496/2 «Основа формулирования военной политики», где СССР был назван в качестве противника США. При этом директива исходила из положения о нанесении Соединенными Штатами «первого удара» в возможной войне против СССР. Директива Объединенного комитета военного планирования 432/Д от 14 декабря 1945 г. гласила: «Единственным оружием, которое США могут эффективно применить для решающего удара по основным центрам СССР, является атомная бомба» [32]. Американские военные в качестве первостепенной задачи выдвигали достижение абсолютного военного превосходства над СССР [33].

Милитаристские настроения в Вашингтоне, прорываясь наружу, принимали характер откровенного шантажа СССР. В конгрессе США раздавались заявления о способности американской авиации «сбросить атомные бомбы на любую точку земной поверхности и вернуться на базы» [34], хотя реальные возможности США далеко не соответствовали этим расчетам. Английские исследователи послевоенной истории Соединенных Штатов подчеркивали: «Ядерному мифу широко верили, но в действительности атомных бомб было слишком мало, они были неточны, чересчур слабы и неудобны, чтобы дать возможность США доминировать над Советским Союзом» [35].

Разумеется, психическая атака на СССР не имела успеха. Но «атомная дипломатия» оказала отрицательное воздействие на международную обстановку в целом. Она вызвала, как и следовало ожидать, гонку вооружений. В меморандуме президенту от 11 сентября 1945 г. военный министр Г. Стимсон подчеркивал: при отсутствии партнерства с СССР на базе сотрудничества и доверия неизбежно соперничество в области вооружений, в особенности из-за недоверия, вызываемого подходом США к решению проблемы атомной бомбы. «Ибо, если мы не обратимся к русским (в целях решения проблемы атомного оружия.— *Авт.*), а просто будем вести с ними переговоры, самодовольно придерживая в руках это оружие, их подозрения и недоверие относительно наших намерений усилятся» [36]. Этим предупреждениям не вняли в ближайшем окружении Трумэна. Предложения Стимсона были отвергнуты под предлогом, что США не должны «делиться бомбой» с СССР. Кое-кто осторожно высказал согласие с Г. Стимсоном. Но обсуждение ни к чему не привело.

---

[31] Цит. по: *Fleming D. F.* Op. cit., vol. 2, p. 317, 323.
[32] Цит. по: *Яковлев Н. Н.* Силуэты Вашингтона. М., 1983, с. 48—49.
[33] FRUS, Diplomatic Papers, 1946: Vol. 1—11. Wash., 1969—1972, vol. 1, p. 1166.
[34] Congressional Record, vol. 91, pt 8, p. 1085—1087.
[35] *Mooney P., Bown C.* Truman to Carter. A Post-War History of the United States of America. L., 1979, p. 34.
[36] Цит. по: *Acheson D.* Present at the Creation. My Years in the State Department. N. Y., 1969, p. 123.

Искаженная информация, «просочившаяся» в прессу и представившая дело таким образом, будто президент обсуждает возможность «поделиться секретами о бомбе» с СССР, вызвала бурю в конгрессе, где преобладали реакционные настроения. «Улаживая ситуацию», Трумэн специально встретился с лидерами сената, успокаивая их на этот счет. 21 сентября Стимсон ушел в отставку. Объединенный комитет начальников штабов вынес рекомендацию о сохранении правительством США «всех существующих секретов относительно атомного оружия»[37]. В 1946 г. конгресс принял закон Мак-Магона о создании объединенной комиссии по контролю над атомной энергией. Процесс производства атомной бомбы объявлялся государственной тайной, обмен атомной информацией с другими странами запрещался.

В стремлении сохранить монополию в области ядерного оружия американское правительство пыталось поставить под свой контроль основные природные источники урановой руды, лишить другие государства (в первую очередь СССР) их законных прав использовать атомную энергию по своему усмотрению. Такова была одна из главных целей плана Ачесона — Лилиенталя — Баруха («план Баруха»), внесенного США 14 июня 1946 г. на рассмотрение Комиссии ООН по атомной энергии. Вместе с тем правительство США не считало себя связанным в производстве, накоплении и совершенствовании атомного оружия[38].

19 июня 1946 г. Советский Союз предложил на рассмотрение Комиссии ООН по атомной энергии проект международной конвенции «О запрещении производства и применения оружия, основанного на использовании атомной энергии, в целях массового уничтожения». Конвенция предусматривала обязательство ни при каких обстоятельствах не применять атомного оружия, запретить его производство и хранение, уничтожить все запасы такого оружия. Одновременно СССР предложил установить контроль за использованием ядерной энергии лишь в мирных целях. Предложение СССР открывало пути для решения проблемы ядерного оружия, его запрет избавлял человечество от страшной угрозы. Однако Соединенные Штаты, используя имевшееся в то время у них большинство голосов в органах ООН, сорвали принятие советского предложения[39].

Столь же негативную позицию заняли Соединенные Штаты и по вопросу о прекращении гонки вооружений, о разоружении, к чему призывал Советский Союз. На I сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1946 г. советская делегация выдвинула предложение о всеобщем сокращении вооружений и вооруженных сил. В советском проекте резолюции указывалось, что «осуществление решения о сокращении вооружений должно включать в качестве первоочередной задачи запрещение производства и использования атомной энергии в военных целях»[40]. Принятие советского предложения позволило бы укрепить международную безопасность, исключить войну из жизни общества. Американская дипломатия блокировала решение этой первостепенной задачи.

Пытаясь продвинуть дело разоружения, правительство СССР осенью 1948 г. предложило на III сессии Генеральной Ассамблеи ООН в каче-

[37] *Fleming D. F.* Op. cit., vol. 2, p. 320.
[38] Современная внешняя политика США: В 2-х т./Отв. ред. Г. А. Трофименко. М., 1984, т. 1, с. 393—394, 420.
[39] История внешней политики СССР, 1917—1980: В 2-х т. М., 1981, т. 2, с. 94—95.
[40] Там же, с. 98.

стве первого шага сократить на треть в течение года все сухопутные, морские и воздушные силы пяти держав — постоянных членов Совета Безопасности: СССР, США, Китая, Великобритании и Франции. Предлагалось одновременно запретить атомное оружие как оружие агрессии. Предусматривалось также учредить международный контрольный орган в рамках Совета Безопасности [41]. Однако занятая наращиванием силового (ядерного) превосходства, администрация Трумэна не пожелала связывать себе руки в эскалации новейших вооружений.

Развязывая гонку вооружений, правительство США рассчитывало ее выиграть. 19 октября 1945 г. президент заявил журналистам, что лишь Соединенные Штаты обладают материальными ресурсами и организационными способностями производить атомную бомбу и в случае соперничества «останутся впереди» [42]. «Мы должны считаться опекунами этой новой силы»,— подчеркивал Трумэн [43]. Однако, как признавалось в американских официальных документах, даже в период монополии на атомное оружие США никогда не достигали такого уровня, который «обеспечивал бы наверняка победу» с помощью только лишь атомной бомбы [44].

И все же вопреки здравому смыслу влиятельные представители военных и политических кругов в Вашингтоне не исключали идеи превентивной войны против СССР. Американское военное командование приступило к составлению планов такой (по существу, третьей мировой) войны практически еще до окончания второй мировой войны. В ноябре 1945 г. Объединенный разведывательный комитет США наметил 20 советских городов в качестве объектов, пригодных для атомной бомбардировки. По свидетельству американского исследователя М. Шерри, тщательно изучившего документы военного ведомства США, комитет рекомендовал предпринять атомную атаку против СССР даже в случае, «если успехи противника в области промышленного развития или науки дадут основание предположить приобретение им способности к нападению в конечном итоге на США или же к обороне против нашего нападения» [45].

То, что превентивная ядерная война мыслилась в Вашингтоне как «приемлемое средство политики», показывает секретный документ Объединенного комитета начальников штабов от 27 марта 1946 г. «Наше правительство,— декларировалось в документе,— должно оказывать давление, чтобы возникающий спорный вопрос мог быть быстро решен политическими средствами, осуществляя в то же время все приготовления, чтобы при необходимости нанести первый удар» [46]. Всего до 1948 г. в Соединенных Штатах было разработано более 10 планов военного нападения на СССР с использованием ядерного оружия (под кодовыми названиями «Тоталити», «Чариотир», «Когвилл», «Ганпаудер», «Даблстар», «АВС-101», «Дуализм» и др.). Планы первого удара, внезапного атомного нападения на СССР разрабатывались под аккомпанемент шовинистических пропагандистских кампаний [47], хотя, как писал тот же

[41] Там же, с. 102.
[42] Цит. по: *Fleming D. F.* Op. cit., vol. 2, p. 322.
[43] Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman, 1945—1953: Vol. 1—8. Wash., 1961—1966, 1945, p. 213.
[44] Developments in Military Technology and Their Impact on United States Strategy and Foreign Policy... Wash., 1959, p. 26.
[45] *Sherry M.* Op. cit., p. 213.
[46] FRUS, Diplomatic Papers, 1946, vol. 1, p. 1163.
[47] *Яковлев А. Н.* Указ. соч., с. 205.

М. Шерри, командование вооруженных сил США признавало, что «Советский Союз не представляет собой непосредственной угрозы» [48].

До конца 40-х годов американская стратегия, питаемая иллюзиями о «неуязвимости» США, исходила из представления о возможности победы над СССР в глобальной войне и была сориентирована на создание военно-воздушного и ядерного превосходства. Это означало, что внешнеполитические доктрины Соединенных Штатов в послевоенный период приняли характер военных доктрин.

3. ПЕРВЫЕ ШАГИ К «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ»

«К концу 40-х годов,— писал американский историк Г. Ходжсон,— Соединенные Штаты приняли на себя ответственность „лидера свободного мира", иными словами, оказания влияния на политическую эволюцию как можно большей части земного шара, насколько позволит их гигантская мощь. В результате... Америка стала имперской державой, конечно, нового типа, но тем не менее ориентированной на интервенцию» [49].

Заявка Вашингтона на «руководящую роль» в мире — своего рода «тотальный глобализм» — требовала мобилизации огромных ресурсов, использования широкого спектра военных и политических мер: стратегических баз, военных союзов, экономической и военной помощи входящим в орбиту США государствам, политической, идеологической и военной интервенции, пропаганды. И тем не менее при всей кажущейся безграничности возможностей США в 1945 г. бремя «руководства» миром с самого начала оказалось для Вашингтона непосильным грузом. Цели политики не соответствовали имевшимся в наличии возможностям. Динамичные силы создавали преграду курсу США на глобальную гегемонию. Ей противостояло могущество Советского Союза, революционная и национально-освободительная борьба народов, сопротивление демократических кругов общественности США.

Общее настроение американского народа также мало благоприятствовало агрессивному курсу Вашингтона. По словам Дж. Бирнса, «в результате страданий и жертв в общем деле Советский Союз имел тогда в США депозит доброй воли, равный, если не превышающий, депозита любой другой страны» [50]. По данным общественного опроса в сентябре 1945 г., 54% американцев высказались в пользу сотрудничества с СССР и лишь 30% — против [51]. Экспансионистская программа США наталкивалась на препятствия и за рубежом.

Большое влияние на мировое общественное мнение, в том числе на общественное мнение в США, оказывала миролюбивая внешняя политика СССР. Советское правительство выступало за продолжение и развитие сотрудничества с США в деле послевоенного устройства мира исходя из решений Крымской (Ялтинской) и Берлинской (Потсдамской) конференций. Советский Союз добивался того, чтобы обеспечить всем народам прочный, справедливый и демократический мир. После окончания войны перед СССР и США, как и другими участниками антигитлеровской коалиции, встала задача мирного урегулирования с бывшими союзниками

[48] *Sherry M.* Op. cit., p. 215.
[49] *Hodgson G.* Op. cit., p. 17.
[50] *Byrnes J.* Speaking Frankly. N. Y., 1947, p. 81.
[51] *Fleming D. F.* Op. cit., vol. 2, p. 283.

гитлеровской Германии — Италией, Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией. Согласно решению Потсдамской конференции составление проектов договоров с этими странами было возложено на Совет министров иностранных дел (СМИД) СССР, США, Великобритании и Франции. Уже на 1-й сессии СМИД в Лондоне (11 сентября — 2 октября 1945 г.) проявились противоположные позиции СССР и западных держав в подходе к проблеме послевоенного устройства Европы.

Советский Союз стремился к тому, чтобы мирные договоры с бывшими союзниками Германии способствовали укреплению европейской безопасности и в то же время обеспечили этим странам возможность демократического развития. США и другие западные державы пытались затормозить социально-политические процессы, повернуть вспять народно-демократические революции в Болгарии, Венгрии и Румынии. Представители США и Англии использовали мирные переговоры в целях вмешательства во внутренние дела указанных стран, устранения демократических правительств, восстановления отвергнутых народами этих стран порядков. Советский Союз твердо выступал в защиту их суверенитета, против посягательств на независимое развитие народов. Работа Лондонской сессии СМИД была фактически сорвана США. Правительство Трумэна решило перенести обсуждение договоров на мирную конференцию со значительным числом участников, где оно располагало большинством голосов.

Придерживаясь принципа согласованной политики великих держав — участниц антигитлеровской коалиции, правительство СССР выступило с конструктивной инициативой. Во время встречи И. В. Сталина с А. Гарриманом 24 и 25 октября 1945 г. советская сторона предложила вновь созвать Совет министров иностранных дел для выработки проектов мирных договоров до созыва мирной конференции. Советская сторона подчеркнула, что после такой конференции текст мирных договоров должны определить державы, подписавшие условия перемирия с соответствующими государствами [52]. США и Англии пришлось уступить. Саботаж мирного урегулирования не удался.

С 16 по 26 декабря 1945 г. в Москве состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Было достигнуто соглашение о прекращении гражданской войны в Китае, объединении и демократизации этой страны под руководством национального правительства и выводе советских и американских войск из Китая в возможно кратчайший срок. Решения Московской конференции предусматривали также создание временного демократического правительства Кореи и учреждение Дальневосточной комиссии из представителей 11 стран для определения политической линии в отношении Японии. Учреждался Союзный совет для Японии из представителей США, СССР, Китая, одного члена совета, представляющего одновременно Англию, Австралию, Новую Зеландию и Индию [53].

На совещании в Москве были обсуждены также вопросы подготовки мирных договоров с пятью бывшими союзниками Германии. Во время переговоров представители США и Англии продолжили попытки вмешиваться во внутренние дела Румынии и Болгарии, требуя реорганизации

[52] История внешней политики СССР, т. 2, с. 31—32.
[53] Внешняя политика Советского Союза, 1945 год: Документы и материалы. М., 1949, с. 161—163.

правительств в этих странах путем включения деятелей из реакционных партий. Советское правительство отклонило эти домогательства. Вместе с тем благодаря усилиям советской стороны была найдена основа для компромисса. В результате США и Англия сняли возражения относительно проектов мирных договоров с Румынией и Болгарией. Советская сторона пошла навстречу США в вопросе о составе мирной конференции [54]. В период переговоров в Москве Советское правительство в послании президенту США от 23 декабря подчеркнуло, что в общем оно смотрит оптимистически на результаты происходящего обмена мнениями по актуальным международным проблемам и надеется, что это откроет дальнейшие возможности в деле согласования политики обеих стран по другим вопросам [55].

Договоренность в Москве шла вразрез с желаниями тех кругов в США, которые ратовали за «жесткий» курс. Часть буржуазной прессы США охарактеризовала позицию американской делегации в Москве как «умиротворение» СССР [56]. Нападкам тогдашних «ястребов» подвергся глава делегации Дж. Бирнс. Дж. Форрестол, Д. Ачесон и другие считали выработанные им инструкции по некоторым вопросам «более либеральными, чем принятая президентом линия» [57]. В сущности, данный эпизод говорил об обострившемся соперничестве в правительственных кругах в условиях, когда проявление «большей твердости» по отношению к СССР стало мерилом политической благонадежности. При встрече с государственным секретарем Трумэн объявил, что тот не информировал его достаточно полно о переговорах в Москве [58]. В специальном меморандуме президент подчеркнул, что «устал нянчиться с Советами» и что в делах с СССР необходимы «железный кулак и решительный язык» [59].

На Парижской мирной конференции (29 июля — 15 октября 1946 г.) американская делегация вновь предприняла попытки вмешиваться во внутренние дела восточноевропейских стран. 27 августа Дж. Бирнс в беседе с представителями Болгарии потребовал изменения состава правительства страны. Западными делегатами было внесено предложение о создании некоего «европейского суда прав человека», что, по существу, было направлено на легализацию вмешательства Запада в дела других стран. Все эти домогательства были отвергнуты СССР.

10 февраля 1947 г. в Париже были подписаны мирные договоры с Италией, Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией. Условия договоров, не навязывая этим странам какого-либо определенного общественного и политического устройства, открывали возможности для их развития по демократическому пути. В конечном счете проблемы мирного урегулирования были решены согласованно, хотя и после упорной борьбы, на основе сотрудничества держав антигитлеровской коалиции, учета интересов европейской безопасности и в духе принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

---

[54] История внешней политики СССР, т. 2, с. 33—34.
[55] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 2, с. 278.
[56] *Byrnes J.* Op. cit., p. 122.
[57] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 135.
[58] Ibid., p. 136.
[59] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 1, p. 548—552.

В ряде выступлений и заявлений руководителей Советского правительства была изложена развернутая программа мирных отношений между государствами на основе равноправия и сотрудничества, которая сопровождалась конкретными действиями СССР в духе выдвинутых им предложений. Принятый Верховным Советом СССР пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946—1950 гг. красноречиво говорил о миролюбии Советской страны, ее стремлении поддерживать дружественные, взаимовыгодные отношения со всеми странами, в том числе, естественно, и с союзниками по антигитлеровской коалиции.

Возможности продолжения сотрудничества между СССР и США были налицо. Но устремления Вашингтона были иными. В американской столице дули ветры «холодной войны». Стремясь воздействовать в нужном им русле на общественное мнение страны, правящие круги интенсивно применяли пропаганду в качестве инструмента внешней политики. Частично раскрывая смысл использования средств массовой информации в интересах «холодной войны», влиятельный журналист С. Сульцбергер писал 21 марта 1946 г. в «Нью-Йорк таймс»: «Инерция просоветских настроений, возникших в ходе войны в целях поддержки Великого Союза, продолжала упорно действовать и с наступлением мира. Это обстоятельство затрудняло для администрации проведение жесткой политики, требуемой в настоящее время. Поэтому... и была начата кампания в целях достижения подходящего психологического баланса общественного мнения, что позволило бы правительству занять более твердую линию».

Идеям мира, социального прогресса и сотрудничества американская реакция противопоставила свою контридеологию — антикоммунизм. После окончания второй мировой войны эта «эрзац-идеология» заняла доминирующее положение во внутри- и внешнеполитической жизни США. Культивируя миф о «советской угрозе», нагнетая атмосферу международной напряженности, антикоммунистическая пропаганда была рассчитана на то, чтобы убедить общественное мнение примириться с внешнеполитическими авантюрами правительства якобы во имя «национальной безопасности». В то же время лидеры США нуждались в «идеологии на экспорт» для маскировки экспансионистского внешнеполитического курса.

Центральной мишенью «психологической войны», развязанной сторонниками политики с «позиции силы», стал Советский Союз. Характерно, что еще в военные годы важные секторы американского пропагандистского аппарата (газеты Херста, Маккормика, Паттерсона, Скрипс-Горварда, журналы «Сэтердей ивнинг пост», «Ридерс дайджест» и др.) не прекращали кампанию по раздуванию ненависти к СССР. После войны кампания нагнетания напряженности в отношениях с СССР проходила под лозунгом «Прекратить умиротворение России»[60]. Сенатор Дж. Истленд 4 декабря 1945 г. объявил, что Германия была защитницей Запада от «восточных орд» в течение 2 тыс. лет. Теперь, когда преграда пала, они беспрепятственно «шествуют по дорогам западной цивилизации». Американский народ, продолжал он, «должен понять, что Россия является... агрессивной нацией»[61].

Политическая атмосфера в США менялась молниеносно. Антикоммунистическая кампания быстро набирала темп и, захватив ведущие сред-

---

[60] Congressional Record, vol. 91, pt 8, p. 11013—11036.
[61] Ibid., pt 9, p. 11, 371—381.

ства массовой информации, способствовала формированию в американском обществе своего рода «психологического антикоммунистического комплекса». Население подвергалось «облучению» антикоммунизмом не только со страниц реакционной прессы, но и по радио, телевидению. В ход была пущена продукция Голливуда, массовая «популярная» литература. Началось создание специальных отраслей буржуазного обществоведения — «советологии», «марксологии» и других, обслуживавших антисоветскую пропаганду.

5 марта 1946 г. в Фултоне (штат Миссури) в присутствии президента США Г. Трумэна находившийся уже в отставке У. Черчилль произнес речь о «железном занавесе», вызвавшую новую волну антикоммунистической кампании в США. Объявив, что на страны Восточной и Юго-Восточной Европы якобы опустился «железный занавес» и что «христианская цивилизация» оказалась под угрозой со стороны СССР, Черчилль призвал к военному союзу между США и Великобританией. Фултоновская речь, по сути дела, была призывом развернуть «крестовый поход» против социализма, интенсифицировать борьбу против прогрессивных сил во имя «спасения западной демократии» [62].

Тезисы Черчилля были созвучны взглядам Трумэна, хотя последний категорически отрицал, что предварительно ознакомился с речью. Сторонники «жесткого» курса настойчиво требовали использовать монополию США на атомную бомбу для давления на СССР. Бывший американский посланник в Болгарии Дж. Эрл заявил в марте 1946 г., что Советскому Союзу необходимо предъявить ультиматум: «Отойти к своей территории (?!) — и в случае отказа применить атомную бомбу, пока он еще не создал ее» [63]. 10 июля 1946 г. на атолле Бикини были осуществлены первые послевоенные испытания атомных бомб.

23 июля 1946 г. вице-президент Г. Уоллес писал президенту о своей озабоченности в связи с растущей в США «уверенностью о начале новой войны» и гонкой вооружений [64]. В сентябре 1946 г. он выступил с речью в Мэдисон-сквер гарден в Нью-Йорке, предварительно показав ее Трумэну, который, не читая, одобрил ее. В выступлении Уоллес подчеркнул: «„Позиция твердости“ ничего не даст, поскольку, если мы станем тверже, русские ответят тем же... Действительный мирный договор, в котором мы нуждаемся,— это мирный договор между Соединенными Штатами и Россией». На следующий день журналисты спросили Трумэна, отражает ли речь Уоллеса политику администрации. Ничего не подозревавший Трумэн ответил утвердительно. Комментируя ситуацию, известный журналист Дж. Рестон писал в «Нью-Йорк таймс»: «М-р Трумэн, кажется, единственное лицо в столице, которое думает, что предложения м-ра Уоллеса „соответствуют“ точке зрения м-ра Трумэна и м-ра Бирнса». Находившийся в Париже государственный секретарь Бирнс потребовал отставки Уоллеса [65]. Так считал и сам президент. Отставка Уоллеса 20 сентября 1946 г. подвела окончательную черту, отделившую «эру Рузвельта» от «эры Трумэна».

---

[62] New York Times, 1946, Mar. 6.
[63] New York Herald Tribune, 1946, Mar. 24.
[64] Цит. по: *Truman H. S.* Op. cit., vol. 1, p. 556.
[65] Цит. по: *Acheson D.* Present at the Creation, p. 191—192.

4. «ДОКТРИНА ТРУМЭНА» И «ПЛАН МАРШАЛЛА»

Оказавшись перед лицом быстро развивающегося процесса революционных перемен в мире, лидеры США избрали стратегическую внешнеполитическую линию, направленную на слом сложившегося в результате войны соотношения сил, на «оттеснение» Советского Союза, прогрессивных сил с занимаемых ими позиций и установление мировой гегемонии США. Эта линия получила название политики «сдерживания коммунизма» и стала официальным внешнеполитическим курсом трумэновской администрации, найдя свое наиболее известное выражение в «доктрине Трумэна» и «плане Маршалла». В теоретическом плане стратегия «сдерживания» строилась на геополитических тезисах, постулирующих «традиционную борьбу» континентальных и морских держав[66]. В идеологическом отношении «сдерживание» опиралось на антикоммунизм и антисоветизм. Выдвижение концепции «сдерживания» определялось стремлением Вашингтона применить комплексный метод давления на СССР — военного, экономического и идеологического.

Стратегия «сдерживания» была предложена советником посольства США в Москве Дж. Кеннаном. 22 февраля 1946 г. он направил в Вашингтон «длинную телеграмму» в 8 тыс. слов, в которой рекомендовал «сдерживать советское давление» применением «контрсилы» в различных «постоянно перемещающихся географических и политических точках».

Концепция Кеннана исходила из ошибочного понимания сущности и целей Советской страны и серьезной недооценки ее возможностей. Кеннан приписывал внешнеполитическому курсу СССР совершенно несвойственные ему агрессивные мотивы. В частности, он утверждал, будто Советский Союз «фанатически» стремится к уничтожению «нашего традиционного образа жизни». Поэтому, заявлял Кеннан, Соединенные Штаты не могут надеяться на «политическую интимность» с советским строем. Они должны рассматривать Советский Союз не как партнера, а как соперника на внешнеполитической арене. «Советская власть,— утверждал американский дипломат,— непроницаема для логики разума, но очень чувствительна к логике силы». Поэтому, делался вывод, чтобы заставить СССР отступить, необходимо осуществлять давление с «позиции силы». В целом, как считал тогда Кеннан, СССР «в сравнении с Западом — все еще слабейшая сторона», советское общество «экономически уязвимо», а также «имеет некоторые врожденные пороки», которые в конце концов приведут к ослаблению общего потенциала СССР. Отсюда следовало, что США могут без особых опасений проводить политику «твердого сдерживания»[67].

Идея «сдерживания» не мыслилась Кеннаном в категориях пассивной политики «удерживания рубежей», как пытались представить критики его концепции, находившиеся на крайне правом фланге политического спектра. «Соединенные Штаты,— утверждал Кеннан,— вполне способны

---

[66] *Kennan G. F.* Realities of American Foreign Policy. L., 1954, p. 65; *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М., 1976, с. 153—159.

[67] *Kennan G. F.* The Sources of Soviet Conduct.— Foreign Affairs, 1947, July, p. 575; *Idem.* Memoirs, vol. 1, p. 547—559.

своими действиями повлиять на внутреннее развитие как России, так и всего международного коммунистического движения». Конечно, было бы преувеличением считать, развивал он свою мысль, что американская политика единолично может «решать вопрос о жизни и смерти коммунистического движения и привести к быстрому падению Советской власти в России». Но Соединенные Штаты, по его мнению, могут усиливать давление на внутренние процессы в СССР и таким путем «содействовать тенденциям, которые в конечном счете приведут либо к распаду, либо к постепенному размягчению советской мощи»[68].

Внешнеполитический диагноз и рецепты Кеннана имели головокружительный успех в Вашингтоне, поскольку совпали с преобладавшим политическим настроением в столице. Заместитель государственного секретаря Д. Ачесон приветствовал послание Кеннана «как великолепное»[69]. Высшие должностные лица Вашингтона, начиная с президента, так же как и сотни офицеров вооруженных сил (последние по особому приказу Дж. Форрестола, вскоре ставшего министром обороны), тщательно изучали меморандум Кеннана.

Год спустя «анализ» Кеннана, переработанный в статью «Истоки советского поведения», был анонимно опубликован в журнале «Форин афферс». Позднее автор пытался снять с себя ответственность за рекомендованный курс. В мемуарах он писал: то, что «я подразумевал, говоря о сдерживании советской мощи, было не сдерживание военными средствами военной угрозы, а политическое сдерживание политической угрозы»[70]. В конце 70-х годов Дж. Кеннан вновь заявил: статья в «Форин афферс» «приобрела некую прискорбную известность и с тех пор преследует меня по пятам, как верное, но нежелательное и даже определенно затрудняющее мою жизнь животное»[71]. Однако в 1946 г., разъясняя свою позицию, Кеннан говорил о необходимости «сдерживать (СССР.— *Авт.*) как в военном, так и в политическом отношениях на протяжении длительного времени в будущем»[72]. В результате «сдерживание» стало расхожим термином в устах тех политиков и военных, которые стояли за конфронтацию с СССР.

Популярность идеи «сдерживания» среди тогдашних «ястребов» объясняется в первую очередь тем, что доктрина Кеннана политически и идеологически «рационализировала», иными словами, «оправдывала» и обосновывала «жесткую» политику относительно социалистических стран. Игнорируя исторический опыт сотрудничества с СССР, концепция «сдерживания» изображала Советский Союз как государство, «ориентированное на достижение безопасности только в упорной, смертельной борьбе

---

[68] Containment and the Cold War. American Foreign Policy since 1945/Ed. by T. Paterson. Reading (Mass.), 1973, p. 18—33. При этом Дж. Кеннан не считал, что советские руководители «испытывали желание в конце второй мировой войны быть втянутыми в другую большую войну в обозримом будущем» (*Kennan G. F.* Memoirs, vol. 1, p. 291, 563—564; vol. 2, p. 335). Позднее Г. Киссинджер признал, что подлинная цель «сдерживания» состояла в том, чтобы «вызвать внутреннюю трансформацию Советского Союза» (*Kissinger H.* Central Issues of American Foreign Policy.— In: Agenda for the Nation/Ed. by K. Gordon. Wash., 1968, p. 607).

[69] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 151.

[70] *Kennan G. F.* Memoirs, vol. 1, p. 358.

[71] *Kennan G. F.* Needed: A New American View of the USSR.— In: Common Sence in US — Soviet Relations. Wash., 1978, p. 27.

[72] *Kennan G. F.* Memoirs, vol. 1, p. 304.

за тотальное уничтожение соперничающей державы, и никогда — путем соглашения или компромиссов с ней»[73]. Как писал американский исследователь Э. Марк, доктрина «сдерживания» постулировала не только военную конфронтацию с СССР, но и «уничтожение Советской власти»[74].

Касаясь стратегии «сдерживания», нельзя, однако, сказать, что теория здесь опередила практику. Скорее, наоборот. Как уже отмечалось, еще в 1945 г. в Вашингтоне разрабатывались планы атомной войны против СССР. Идеологически-пропагандистский смысл концепции «сдерживания» заключался в том, чтобы запугать население США «коммунистической угрозой» и тем предотвратить критику глобально-гегемонистского курса администрации. Как подчеркивал американский политолог Дж. Суомли, «холодная война и мнимая угроза советского контроля над миром создавали политическую и „моральную" возможность для Соединенных Штатов направлять свою мощь в различные части планеты под предлогом „опережения" коммунистической мощи». С помощью мифа о «советской угрозе» американскому народу навязали «воинскую повинность в мирное время, НАТО и другие военные союзы, военно-промышленный комплекс и огромные налоги для удовлетворения его требований»[75].

Стратегия «сдерживания» придавала внешней политике США характер «крестового похода» не только против СССР, но и социального прогресса в целом. Избрав своей целью применение идеологического, политического, экономического и в конечном счете военного давления в тех регионах, которые будут сочтены в Вашингтоне «коммунистически уязвимыми», правительство США, по существу, присваивало себе функции мирового жандарма. Политика «сдерживания» означала реставрацию старой империалистической идеи «санитарного кордона», в ней проявилось стремление США к диктату и гегемонизму, замаскированное лозунгом борьбы против мнимой «советской угрозы».

24 сентября 1946 г. специальный помощник президента К. Клиффорд после совещания с государственными деятелями США подготовил доклад «Американская политика в отношении Советского Союза». В докладе подчеркивалась «необходимость» указать Советскому правительству, что Соединенные Штаты располагают достаточной мощью «для быстрого сокрушения СССР в войне». Война против СССР, разъяснялось в документе, будет «тотальной» в куда «более страшном смысле, чем любая прежняя война, и поэтому должна вестись постоянная разработка как наступательных, так и оборонительных видов вооружений». В докладе предлагалось, чтобы любые переговоры с СССР о разоружении велись «медленно и осторожно, постоянно имея в виду, что предложения о запрещении применения атомного оружия и наступательных видов вооружения дальнего действия значительно ограничат мощь Соединенных Штатов»[76].

6 марта 1947 г. президент Трумэн объявил, что конфликт с коммунизмом непримирим и что «американская система сможет выжить, лишь

[73] Ibid., p. 550.
[74] *Mark E.* The Question of Containment.— Foreign Affairs, 1978, Jan., p. 438.
[75] *Swomley J., Jr.* Op. cit., p. 115—116.
[76] Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945—1950/Ed. by T. Etzold, J. Gaddis. N. Y., 1978, p. 66—68.

став мировой системой»[77]. Эта линия была поддержана консервативными силами в обеих партиях, превратившись в «двухпартийную политику». 10 марта в речи в Чикаго видный деятель республиканцев Дж. Ф. Даллес потребовал принятия «энергичных мер», чтобы «сдержать в терпимых рамках советский динамизм»[78]. В качестве важной политической акции в подготовке системы антисоветских военных блоков в Вашингтоне была провозглашена «доктрина Трумэна».

Поводом для объявления новой доктрины было формальное уведомление (21 февраля 1947 г.) британским министерством иностранных дел государственного департамента о неспособности Англии осуществлять «свою долю ответственности» в Греции и Турции. В ответ на это правительство США заявило о своей заинтересованности в стратегическом положении Турции и Греции и предприняло ряд дипломатических и военных мер.

Для осуществления крупномасштабной внешнеполитической акции США в ход был пущен тот же миф о «коммунистической угрозе». 27 февраля 1947 г. лидеры конгресса, приглашенные в Белый дом, были информированы Трумэном и государственным секретарем Дж. Маршаллом, что в случае бездействия США влияние СССР «распространится на Европу, Средний Восток и Азию»[79]. Выступивший на заседании заместитель госсекретаря Д. Ачесон патетически воскликнул: «Времени нет для сдержанной оценки», поскольку «весьма вероятный прорыв Советов (на Ближний Восток.— *Авт.*) откроет для советского проникновения целых три континента. Как гнилое яблоко в корзине заражает все остальные, так и Греция заразит Иран и весь Восток... Африку... Италию и Францию... Со времен древнего Рима и Карфагена мир не видел такой поляризации сил»[80].

Поддержка конгрессом идеи экспорта контрреволюции была полной. Греция стала экспериментальным полем для апробирования универсального принципа глобального интервенционизма США[81]. Но чтобы повлиять на общественное мнение, требовались более сильные средства воздействия, чем декларация Белого дома. По словам председателя сенатской комиссии по иностранным делам сенатора Ванденберга, у президента не имелось иной альтернативы, как «напугать страну»[82].

Объявление «доктрины Трумэна» осуществлялось по всем правилам психологического воздействия на общественное мнение. 12 марта 1947 г. на объединенном заседании конгресса президент потребовал принять «быстрые и решительные меры», чтобы воспрепятствовать «расширению» коммунизма на Ближнем Востоке, и в частности ассигновать 400 млн. долл. для военной и экономической «помощи» Греции и Тур-

---

[77] Цит. по: *Fleming D. F.* Op. cit., p. 436.
[78] Ibid., p. 434.
[79] The Private Papers of Senator Vandenberg/Ed. by A. H. Vandenberg, Jr. Boston, 1952, p. 338.
[80] *Acheson D.* Present at the Greation, p. 219, 293.
[81] «Мы выбрали Турцию и Грецию,— писал в 1949 г. У. Липпман,— не потому, что они так уж нуждаются в помощи, и не потому, что они — блестящий образец демократии, а потому, что они представляют собой стратегические ворота, ведущие в Черное море, к сердцу Советского Союза» (*Lippman W.* The Cold War. N. Y., 1947, p. 29—30).
[82] The Truman Period as a Research Field/Ed. by R. S. Kirkendall. Columbia (Mo), 1967, p. 56.

ции, а также направить в эти страны американские военные и иные миссии. До апреля 1948 г. США израсходовали в Греции и Турции 337 млн. долл., бóльшую часть — на военные цели. Американская военная миссия в Греции насчитывала 527 человек, в Турции — 410 [83].

«Доктрина Трумэна» не исчерпывалась этими конкретными мерами. Многозначительно подчеркнув, что в нынешний момент мировой истории «каждый народ должен выбрать между двумя противоположными образами жизни», президент США официально объявил: политикой Соединенных Штатов должна быть политика поддержки «свободных народов», оказывающих «сопротивление попыткам подчинения вооруженному меньшинству или внешнему давлению» [84]. По сути дела, под «вооруженным меньшинством» в Белом доме подразумевали прогрессивные силы, боровшиеся порой с оружием в руках в послевоенные годы против попыток реакции восстановить свои поколебленные или разгромленные в ходе войны позиции. Иными словами, США произвольно присваивали себе «право» поддерживать реакцию против прогрессивных сил, где бы ни возникло столкновение между ними, т. е. в мировом масштабе, «право» вмешиваться во внутренние дела других стран [85].

Давая оценку действиям правительства в Восточном Средиземноморье, министр обороны Дж. Форрестол заявлял, что американская «поддержка Греции и Турции явится пробным подготовительным шагом к осуществлению других, гораздо более важных экономических и политических актов в различных зонах земного шара» [86]. Уже во время обсуждения в Белом доме «доктрины Трумэна» были сделаны предложения (Д. Эйзенхауэром и др.) о необходимости оказания «помощи» другим странам, «сопротивляющимся коммунистическому проникновению» [87]. Следующим за «доктриной Трумэна» наиболее серьезным шагом в практическом осуществлении стратегии «сдерживания» был «план Маршалла» для Европы.

Западноевропейский регион занимал первостепенное место в военно-стратегических и политических планах Вашингтона. Правительство Трумэна унаследовало «приоритет Европы» от предшествующей администрации. Политический и военный контроль над Западной Европой открывал двери для американской экономической экспансии в данном регионе. Эта часть континента представлялась также важным плацдармом в военно-экономическом противоборстве с СССР. Практическим результатом многих планов и расчетов администрации Трумэна была политика «стабилизации» Европы, под которой понималось укрепление позиций капиталистической системы, буржуазных порядков, блокирование радикальных социальных сдвигов на континенте. Характерно, что уже в мае 1945 г. в Белом доме рассматривалась задача предохранения западноевропейских стран «от революции или коммунизма». 5 июня того же года

---

83 *Яковлев Н. Н.* Новейшая история США, 1917—1960. М., 1961, с. 491.

84 81st Congress, 1st Session, Senate Document N 123, A Decade of American Foreign Policy, Basic Documents, 1945—1949. Wash., 1950, p. 1253—1261.

85 «Куда в большей степени, чем любой другой фактор, — писал в 1972 г. сенатор У. Фулбрайт, — антикоммунизм „доктрины Трумэна" стал руководящим принципом американской внешней политики со второй мировой войны» (Containment and the Cold War, p. 212).

86 The Forrestal Diaries/Ed. by W. Millis, E. Dufield. N. Y., 1951, p. 263.

87 *Acheson D.* Present at the Creation, p. 226.

Трумэн заявил, что не намеревается выводить американские войска из Европы. «Мы заинтересованы в восстановлении Европы, и на этот раз не последует никакого отказа от наших обязательств» [88].

Одним из первых мероприятий «помощи» Европе был 3750-миллионный долларовый заем Великобритании в 1946 г. Другие европейские страны также получали те или иные займы по различным каналам. Так, по статье «управление и помощь в зонах оккупации» Западной Германии было выделено 2 млрд. долл. [89] Однако экономическое положение в странах Западной Европы неуклонно ухудшалось (частично из-за военной разрухи, частично из-за систематического сокращения их золотых и валютных резервов). В этих условиях в апреле 1947 г. государственный секретарь Дж. Маршалл объявил, что «восстановление Европы происходит медленнее, чем ожидалось. Дезинтеграционные силы становятся все очевиднее. Больной гибнет в то время, как доктора раздумывают...». 8 мая заместитель госсекретаря Ачесон, выступая в Кливленде, утверждал: одной из главных целей политики Соединенных Штатов является стремление использовать свои экономические и финансовые ресурсы для укрепления политических институтов «свободного мира». «Это необходимо,— заявил он,— для нашей национальной безопасности» [90].

5 июня 1947 г. государственный секретарь выступил в Гарвардском университете. Дж. Маршалл нарисовал мрачную картину «расстройства всей структуры европейской экономической жизни». Краски были достаточно сгущены, чтобы оттенить «спасительный» характер американской акции. Маршалл предложил оказать европейским странам помощь «с целью восстановить экономику во всем мире так, чтобы возникли политические и социальные условия», при которых могут существовать «свободные нации». Государственный секретарь особо подчеркнул, что политика США не направлена против какой-либо страны или доктрины и что программа американской «помощи» должна быть согласованной рядом, если не всеми европейскими нациями [91]. Это заявление было тактическим маневром, предпринятым после критики общественным мнением многих стран откровенно антикоммунистического характера «доктрины Трумэна» [92].

Главный вопрос, который дебатировался в Вашингтоне, заключался в том, как, исключив СССР, втянуть в «план Маршалла» страны Восточной Европы. «Это был рассчитанный риск,— свидетельствовал участник политических совещаний по „плану Маршалла“ П. Нитце,— поскольку на той стадии мы действительно не знали, что делать, если бы русские присоединились» [93]. Правительство Трумэна стремилось изолировать от СССР и вернуть на капиталистический путь развития ряд государств Восточной и Юго-Восточной Европы.

19 июня 1947 г. Советскому правительству было адресовано предложение принять участие в совещании министров иностранных дел СССР, Великобритании и Франции в связи с «планом Маршалла». Расчет США

[88] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 1, p. 236, 262.
[89] *Grosser A.* The Western Alliance. European-American Relations since 1945. N. Y., 1980. p. 35.
[90] Цит. по: *Acheson D.* Present at the Creation, p. 228, 229.
[91] Department of State Bulletin, 1947, June 15, p. 1159—1160.
[92] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 233.
[93] Цит. по: *Phillips C.* The Truman Presidency. The History of a Triumphant Succession. N. Y., 1966, p. 138.

на то, что Советский Союз отклонит приглашение и тем продемонстрирует свое «нежелание» сотрудничать, обернулся просчетом. 22 июня правительство СССР выразило согласие принять участие в совещании трех держав. В директивах Советского правительства своей делегации указывалось: «При обсуждении любых конкретных предложений, касающихся американской помощи Европе, советская делегация должна возражать против таких условий помощи, которые могли бы повлечь за собой ущемление суверенитета европейских стран или нарушение их экономической самостоятельности» [94].

На совещании в Париже (27 июня—2 июля 1947 г.) предложения министров иностранных дел Великобритании и Франции сводились к попыткам способствовать установлению контроля США над развитием национальных экономик европейских стран. Советская делегация подчеркнула, что осуществление англо-французских предложений приведет к тому, что американские кредиты будут служить не экономическому восстановлению Европы, а использованию одних европейских стран против других во имя выгоды держав, стремящихся к господству. Предложения СССР были основаны на уважении суверенитета всех европейских государств [95].

Тактическая линия американской дипломатии не имела успеха: кроме СССР, в «плане Маршалла» на предложенных условиях отказались участвовать Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия и Финляндия. Американская программа охватила 16 западноевропейских государств, представлявших лишь половину населения Европы. США навязали такой порядок, что каждая страна—получатель «помощи» должна была представлять подробные отчеты о состоянии экономики, о валютных резервах и т. п. Западноевропейские правительства 22 сентября 1947 г. сообщили США о своих нуждах: 29 млрд. долл. на период 1948—1952 гг. В Вашингтоне эту цифру сочли чрезмерной. В послании конгрессу о «помощи» «свободным нациям» Европы 19 декабря 1947 г. Трумэн просил об ассигнованиях 17 млрд. долл. Призывая конгресс одобрить ассигнования, президент прямо связал проблему «восстановления Европы» с сохранением «цивилизации, на которой основывается американский образ жизни» [96].

Монополии США поддержали «план Маршалла». Промышленники и бизнесмены, выступившие в качестве «свидетелей» в комиссиях конгресса, подтвердили, что «план Маршалла» поможет не только Европе, но и американской экономике, даст ей необходимый «толчок». Представитель ультраправых сенатор Дж. Маккарти требовал, чтобы на каждый потраченный доллар Соединенные Штаты получали его эквивалент в виде стратегических материалов и военных баз [97]. В обстановке антикоммунистической кампании, развернувшейся в США после февральских событий 1948 г. в Чехословакии, конгресс 3 апреля принял «план Маршалла». Комментируя этот акт, «Нью-Йорк таймс» 4 апреля писала: «То, что предполагалось как мера по экономической помощи Европе, незаметно превратилось почти что в военную меру в целях противодействия русскому влиянию».

[94] История внешней политики СССР, т. 2, с. 134.
[95] Там же, с. 135.
[96] Цит. по: *Phillips C.* The Truman Presidency, p. 191.
[97] Ibid., p. 192.

Подписав «закон о помощи иностранным государствам», Трумэн назначил администратором по его осуществлению крупного промышленника П. Гоффмана. Американский администратор получил полномочия прекратить «помощь», если государство-получатель будет вести торговлю с СССР и с государствами народной демократии сырьем и товарами, признанными в США «стратегическими». «Маршаллизованные» страны включались в замкнутую экономическую сферу, где преобладание США было неоспоримым. Американскому экспорту открывались широкие возможности на западноевропейских рынках.

Помощь США по «плану Маршалла» была обставлена тяжелыми условиями. Экономические и политические дивиденды, полученные США, были весьма значительны. Еще в ноябре 1947 г. на заседании кабинета Дж. Маршалл заявил, что цели американского плана «с этого момента будут заключаться в восстановлении баланса сил как в Европе, так и в Азии». В этой связи присутствовавший на заседании Дж. Форрестол повторил «свою просьбу пересмотреть уровни промышленного производства в Японии и Германии». Позднее Форрестол отмечал, что при осуществлении американской политики «следует действовать примерно в следующем порядке: достичь экономической стабильности, затем политической и после этого — военной» [98].

Убеждая конгресс вотировать суммы по «плану Маршалла», Дж. Форрестол и его коллега К. Ройялл в качестве неотразимого аргумента привели следующее соображение: «Если Соединенные Штаты не осуществят план Маршалла, им придется потратить столько же или даже больше денег на усиление своей военной готовности» [99]. «План Маршалла» закладывал экономические основы для восстановления военного потенциала в Западной Германии. В конце декабря 1951 г. «план Маршалла» был заменен законом о взаимном обеспечении безопасности. В отношении Японии правительство США приняло отдельную программу «помощи».

Вскрывая истинные цели «плана Маршалла», делегация СССР в сентябре 1947 г. на II сессии Генеральной Ассамблеи ООН указала: «Становится все более очевидным для всех, что проведение в жизнь ,,плана Маршалла" будет означать подчинение европейских стран экономическому и политическому контролю со стороны США и прямое вмешательство последних во внутренние дела этих стран. Вместе с тем этот план являлся попыткой расколоть Европу на два лагеря и завершить с помощью Великобритании и Франции образование блока ряда европейских стран, враждебного интересам демократических стран Восточной Европы, и в первую очередь Советского Союза» [100].

Так оно и получилось. В результате осуществления «плана Маршалла» весь механизм американо-западноевропейских отношений чрезвычайно упростился. «Маршаллизованные» страны практически стали превращаться в клиентов США. Дипломатия была заменена инструкциями из Вашингтона, а американские послы стали напоминать не то римских проконсулов, не то надсмотрщиков над правительствами, при которых они

---

[98] The Forrestal Diaries, p. 341, 380.
[99] *Swomley J., Jr.* Op. cit., p. 106.
[100] Внешняя политика Советского Союза, 1947 год: Документы и материалы. М., 1952, ч. 2, с. 132.

были аккредитованы. Ослабление экономических, политических и морально-психологических барьеров против американской экономической и политической экспансии вело к «американизации» Западной Европы, а это, в свою очередь, к нарушению традиционных исторических и географических связей между европейскими странами, во многих случаях в ущерб развитию национальных культур. Западная Европа все больше привязывалась к США в целях более полного использования ее экономического и военного потенциала в глобальной стратегии Вашингтона.

5. «ГЛОБАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ». НАТО

В русле усилий по осуществлению политики «глобальной ответственности» в США создавался военно-политический истэблишмент, приспособленный к ведению «холодной войны» в целях, как формулировалось в правительственных документах США, достижения «фундаментальных изменений в советской системе»[101]. В 1946—1948 гг. в Вашингтоне прошла серия политических реорганизаций, оказавших воздействие на изменение традиционных американских институтов и процессов управления страной. Переориентация на «глобальную ответственность» изменила механизм выработки внешнеполитического курса.

Вторжение военных в сферу внешней политики усиливалось. Генералы в военной форме и без нее становились главами американских посольств и миссий. Они оказывали значительное влияние на оккупационную политику США в Германии, Японии и Австрии. Боссы обеих главных партий пристально приглядывались к известным военным деятелям в поисках перспективных кандидатов на предстоящих выборах.

Активизация роли военных во внешней политике символически подчеркивала милитаризацию подхода США к международным делам. Профессиональная ориентация военных на силу способствовала созданию у руководящих кадров дипломатического ведомства особой милитаристской психологии, что в условиях международной напряженности приводило к весьма опасной ситуации: грань между «холодной» и «горячей» войной становилась чрезвычайно зыбкой. Характерно, что весной 1948 г. проявились симптомы серьезного психического расстройства у министра обороны Форрестола. Недуг министра не был секретом для его сослуживцев и президента. Но 1948 год был годом президентских выборов, и мотивы отставки одного из видных деятелей правительства могли бы неблагоприятно повлиять на шансы Трумэна. Вплоть до 1 марта 1949 г. психически неполноценный человек руководил одним из наиболее важных министерств страны[102].

В директиве Совета национальной безопасности 20/1 от 18 августа 1948 г. констатировалось наличие «политической войны» между Соединенными Штатами и Советским Союзом. При этом правительству рекомендовалось выдвинуть в отношении СССР «даже сейчас, во время мира», цели более воинственные и определенные, чем те, которые ему «когда-либо приходилось формулировать даже в отношении Германии

---

[101] FRUS, Diplomatic Papers, 1950: Vol. 1—7. Wash., 1976—1980, vol. 1, p. 241—242.
[102] *Курагин В. М.* Взлет и падение Форрестола.— Вопр. истории, 1971, № 12, с. 112.

или Японии в предвидении реальной войны с этими странами». Цели, как они формулировались в документе, были следующими: «уменьшить мощь и влияние Москвы» и «осуществить коренные изменения в теории и практике советской внешней политики». И далее: «Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях». В директиве СНБ 20/4 выдвигалась задача ликвидации Советской власти в интересах «безопасности» США[103]. Параллельно в США шло наращивание военной мощи и разрабатывались варианты массированного атомного удара против СССР[104].

Антикоммунизм стал главной статьей американского идеологического экспорта. Поскольку США не удалось предотвратить переход ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы на позиции социализма, была активизирована политика, направленная на искусственное создание трудностей для социалистического строительства в этих странах и на реставрацию в них капитализма. После провала попыток повернуть вспять развитие социального прогресса в Чехословакии в феврале 1948 г., спровоцированных и поддержанных Западом, конгресс США 1 марта 1948 г. принял решение о запрещении экспорта «стратегических товаров» в Чехословакию и ряд других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а Международный банк реконструкции и развития отказался предоставить Чехословакии заем[105].

В мае 1949 г. в целях активизации идеологических и иных диверсий против социалистических государств на средства, предоставленные американскими монополиями, был создан так называемый Комитет Свободной Европы. На совещании глав представительств США в странах Восточной и Юго-Восточной Европы в октябре 1949 г. была выдвинута задача поощрения любых раскольнических движений в этих странах[106]. Намного усилились меры экономического давления, а также психологической войны против социалистических государств. В докладе СНБ президенту от 8 декабря 1949 г. подчеркивалась необходимость «устранения советского влияния в Восточной Европе»[107].

Огромные ресурсы широко использовались Соединенными Штатами для вмешательства во внутренние дела капиталистических стран в целях предотвратить в них радикальные перемены. «Есть одна вещь, которой Соединенные Штаты придают большее значение, чем сохранение мира,— это свобода предпринимательства»,— объявил еще в апреле 1946 г. Трумэн[108]. Прибегая к экономическому и политическому давлению, различным видам идеологических диверсий, используя ЦРУ, реакционную верхушку АФТ—КПП, другие каналы, Вашингтон повсюду поддерживал правые, антикоммунистические силы. Эти методы широко применялись во время всеобщих выборов 1948 г. в Италии, когда в американской столице практически не скрывали, что в случае победы в этой стране ле-

---

[103] Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945—1950, p. 174, 176, 180—181, 190—203, 210—211.
[104] «Dropshot». The United States Plan for War with Soviet Union in 1957/Ed. by A. Brown. N. Y., 1978, p. 6—7.
[105] *Янин А. А.* Решающее сражение: Февральская победа трудящихся Чехословакии в 1948 г. М., 1978, с. 125.
[106] FRUS, Diplomatic Papers, 1949: Vol. 1—9. Wash., 1974—1978, vol. 5, p. 10.
[107] Ibid., p. 30—34, 43.
[108] Цит. по: Современная внешняя политика США, т. 1, с. 229.

вых сил последует государственный переворот, а ЦРУ пустило в ход все средства психологического давления, чтобы добиться желаемого для США исхода голосования [109]. Большие усилия прилагались для раскола международного профсоюзного движения. В 1949 г. руководство американских профсоюзов разорвало связи со Всемирной федерацией профсоюзов, активно поддержало «план Маршалла» и создание Североатлантического союза (НАТО) [110].

Взяв на себя роль гаранта и охранителя капиталистической системы, США в этих целях приступили к созданию военно-политических пактов, охватывавших важнейшие стратегические зоны земного шара. Первым звеном в осуществлении этих планов было «наведение порядка» в регионе, который американский империализм издавна рассматривал как свою вотчину,— в Латинской Америке.

Еще в мае 1946 г. Трумэн призвал страны Западного полушария к военному сотрудничеству. 2 сентября следующего года на конференции министров иностранных дел американских государств в Рио-де-Жанейро был подписан Договор об обороне Западного полушария, обязывающий стороны оказывать взаимную помощь в целях отражения «угрозы международного коммунизма». 30 апреля 1948 г. в результате реорганизации Панамериканского союза была создана политическая группировка стран Западного полушария — Организация американских государств (ОАГ).

Распространение стратегии «сдерживания» на Латинскую Америку привело к активизации антикоммунистической кампании и к серии карательных акций против национально-освободительного движения в странах региона. США поощряли приход к власти проамериканских диктаторских режимов (в Перу, Венесуэле, Колумбии и т. д.). В то же время участилась традиционная для Соединенных Штатов практика вооруженных интервенций. В 1947 г. американская пехота была переброшена в Парагвай для подавления восставшего народа. В результате в стране была установлена военная диктатура. В послевоенный период усилилось экономическое проникновение США в латиноамериканские страны. В 1948 г. частные инвестиции США в Латинской Америке достигли 4,7 млрд. долл.

Политика Вашингтона по сколачиванию военно-политического блока в Европе прошла несколько этапов. Основная идея заключалась в «атлантизации» Западной Европы, т. е. изоляции ее от восточной части континента и установлении в ней американской гегемонии, закрепленной экономически «планом Маршалла» и в военном отношении — пактом с США. Одним из неизменных элементов этого плана было настойчивое стремление использовать военно-экономический потенциал Западной Германии как опору предполагаемого пакта. «Без Германии,— разъяснял в мемуарах Трумэн,— оборона Европы являлась бы арьергардной операцией на берегах Атлантического океана» [111]. Говоря об обороне, президент прибегал к обычному словесному камуфляжу. Цели США были совсем иные.

---

[109] *Powers T.* The Man who Kept the Secrets. Richard Helms and the CIA. N. Y., 1979, p. 30.
[110] *Lens S.* Labour Lieutenants and the Cold War.— In: Autocracy and Insurgency in Organized Labour/Ed. by B. Hall. New Brunswick (N. J.), 1972, p. 338.
[111] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 2, p. 253.

Параллельно с «атлантизацией» Западной Европы осуществлялась «атлантизация» Западной Германии, направленная на срыв совместной союзнической политики в Германии, изъятие западных зон оккупации из-под четырехстороннего союзнического контроля. Эта акция Вашингтона первоначально имела и антифранцузскую направленность. 2 октября 1945 г. американский генерал Л. Клей говорил начальнику Советской военной администрации в Германии (СВАГ) генералу В. Д. Соколовскому: «Если французы будут слишком... противиться созданию центральных немецких департаментов, он предложит... создать такие департаменты для двух зон — американской и советской, тогда другим волей-неволей придется присоединиться» [112].

Предложение об образовании центральных административных департаментов для трех или двух зон было внесено США в Контрольный Совет в ноябре 1945 г. Советская сторона высказалась против, поскольку это противоречило принципу четырехстороннего управления Германией, обращения с ней как единым целым. На 2-й сессии СМИД в Париже (май—июль 1946 г.) СССР предложил создать общегерманское правительство, а в качестве переходной меры — центральную администрацию Германии. Это предложение было отвергнуто западными державами. 2 декабря 1946 г. правительства США и Великобритании подписали соглашение об объединении своих зон оккупации Германии (Бизония).

Созданию Бизонии сопутствовали действия западных оккупационных властей, направленные на срыв Потсдамских соглашений о демилитаризации и демократизации Германии. На заседаниях Контрольного Совета, сессиях Совета министров иностранных дел четырех держав СССР неоднократно указывал на конкретные акты саботажа правительствами США, Великобритании и Франции согласованных в Потсдаме мероприятий. По предложению Советского Союза проблема выполнения решений о демилитаризации Германии была рассмотрена на Московской сессии СМИД в марте-апреле 1947 г., где министры западных держав признали «медлительность» реализации этих решений в своих зонах. Контрольному Совету была дана директива завершить демилитаризацию в кратчайшие сроки. Однако в западных оккупационных зонах данная директива не выполнялась, так же как остались без последствий дальнейшие настойчивые попытки Советского правительства добиться полного осуществления союзнических соглашений о демилитаризации Германии. Причина заключалась в стремлении США и их западных партнеров сохранить материально-техническую базу возрождения германского милитаризма. Вместе с тем военные администрации США, Англии и Франции в своих зонах ставили препоны подлинной демократизации, поддерживая правые, консервативные силы.

В начале 1947 г. США и Великобритания перевели расчеты торговли Бизонии с другими зонами с марок на доллары, иными словами, поставили внутригерманскую торговлю на межгосударственный уровень. В середине этого же года для двух зон был образован обособленный немецкий административный аппарат. Советский Союз выступил против этих сепаратных действий. На сессии СМИД в Москве (март-апрель 1947 г.) Советское правительство предложило немедленно учредить общегерманские административные департаменты, разработать временную

---

112 История внешней политики СССР, т. 2, с. 74.

демократическую конституцию, провести во всех зонах свободные выборы и на этой основе сформировать временное общегерманское правительство. США, а также Англия и Франция отклонили данные предложения. К этому времени в Вашингтоне усилились тенденции к созданию отдельного германского государства из трех западных зон, что выразилось в публикации 18 марта 1947 г. доклада Г. Гувера с рекомендацией осуществить указанную акцию. На Московской сессии СМИД государственный секретарь Маршалл объявил, что США «не считают необходимым проведение выборов для образования временного правительства» Германии [113].

Советская сторона на Лондонской сессии СМИД в ноябре-декабре 1947 г. вновь попыталась убедить западные державы придерживаться согласованных соглашений относительно Германии, предложив совместно принять меры к созданию центрального германского правительства и ускорить процесс мирного урегулирования с Германией на основе решений Ялтинской и Потсдамской конференций. Позиция правительств США, Великобритании и Франции сорвала достижение соглашения по обсуждавшимся проблемам. Более того, по инициативе США в первой половине 1948 г. западные державы приняли решение о создании Федеративной Республики Германии. В июне 1948 г. в Западной Германии и Западном Берлине была осуществлена сепаратная денежная реформа. Это был запланированный удар по экономическому единству Германии. В августе 1948 г. французская зона была включена в Бизонию. Темп оформления западного германского государства, форсируемого Вашингтоном, стремительно возрос. С сентября 1948 г. в Бонне начал действовать Парламентский совет для выработки конституции. 8 мая 1949 г. конституция была принята, а затем одобрена главнокомандующими войск трех западных держав в Германии.

Сепаратные действия США и их союзников, нарушавшие соглашения, принятые в Ялте и Потсдаме, вызвали обострение обстановки в Европе. Используя в качестве предлога меры, принятые Советской военной администрацией для защиты интересов жителей Восточной Германии, Соединенные Штаты и их союзники занялись нагнетанием военной истерии.

Стремясь к смягчению международной напряженности, правительство СССР всемерно содействовало заключению соглашения по Западному Берлину. Оно было достигнуто 5 мая 1949 г. в результате переговоров между правительствами четырех держав в Нью-Йорке. На 6-й сессии СМИД в Париже в конце мая 1949 г. переговоры были продолжены. Советская сторона предложила создать Общегерманский государственный совет, а также восстановить единство Берлина, нарушенное сепаратными действиями Запада. В результате последовательной позиции СССР, направленной на выработку согласованных решений, была достигнута договоренность о расширении экономических отношений и нормализации транспортного сообщения между восточной и западными зонами оккупации.

Появившиеся возможности решения одного из кардинальных вопросов европейской и международной безопасности были отброшены западными державами. Вашингтон и его партнеры развернули курс на создание атлантического военного блока с участием Западной Германии.

---

[113] Там же, с. 76.

19 января 1948 г. директор отдела по европейским делам госдепартамента США Дж. Хикерсон выдвинул предложение о создании странами Западной Европы пакта, по образцу Договора Рио-де-Жанейро, к которому присоединились бы США. 11 марта британский министр иностранных дел Бевин предложил Вашингтону план создания «европейской системы безопасности» с американским участием. 12 марта последовал позитивный ответ Маршалла относительно создания «системы атлантической безопасности» [114].

17 марта 1948 г. в Брюсселе был подписан Договор об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве и коллективной самообороне между Великобританией, Францией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом (Западный союз). В тот же день президент Трумэн официально обещал Западному союзу полную поддержку США [115]. Несколько ранее, в ноте от 6 марта 1948 г., Советское правительство предупреждало, что наряду с «планом Маршалла» Брюссельский пакт противопоставляет Западную Европу Восточной и ведет к политическому расколу континента. В ноте подчеркивалось, что политика Западного союза «заключает в себе опасность превращения западной части Германии в стратегическую базу для будущей агрессии в Европе» [116].

4 мая 1948 г. американское правительство через своего посла в Москве У. Б. Смита заявило правительству СССР, что действия Вашингтона по сколачиванию пактов являются политикой «самозащиты» и «ответом» на установление народно-демократического строя в ряде восточноевропейских стран. В заявлении содержалось предложение об обсуждении и урегулировании разногласий между СССР и США. Советское правительство отвело «объяснение» Вашингтоном американской политики, подчеркнув, что именно она порождает международную напряженность. Вместе с тем правительство СССР выразило согласие приступить к переговорам с целью улучшить советско-американские отношения [117].

Советское правительство положительно оценило обращение Г. Уоллеса к И. В. Сталину, в котором высказывалось пожелание о достижении договоренности между СССР и США в области всеобщего сокращения вооружений и запрещения всех средств массового уничтожения, о ликвидации иностранных военных баз, о невмешательстве во внутренние дела других государств, о заключении мирных договоров с Германией и Японией, о выводе войск из Китая и Кореи, о развитии международной торговли и др. В советском ответе на обращение Уоллеса указывалось, что «программа Г. Уоллеса могла бы послужить хорошей и плодотворной базой» для соглашения между СССР и США, и подчеркивалась убежденность Советского правительства в возможности и необходимости мирного сосуществования стран с различными общественными системами [118].

Американское правительство вскоре фактически дезавуировало собственное предложение о переговорах. Касаясь предложений Уоллеса, госдепартамент объявил, что они не могут служить предметом двусторонне-

---

114 FRUS, Diplomatic Papers, 1948: Vol. 1—9. Wash., 1972—1976, vol. 3, p. 7, 46—47, 48.
115 Public Papers..., Harry S. Truman, 1948, p. 184.
116 Внешняя политика Советского Союза, 1948 год: Документы и материалы. М., 1950, ч. 1, с. 144—145.
117 Правда, 1948, 11 мая.
118 Там же, 18 мая.

го обсуждения между СССР и США [119]. Тем временем правительство США включило своих наблюдателей во все органы Западного союза и установило непосредственную связь с его военным комитетом.

Вашингтон рассматривал Западный союз как зародыш более широкой военно-политической организации, включающей США. Уже 23 марта 1948 г. был рассмотрен вопрос о присоединении к Брюссельскому договору Западной Германии, ряда других европейских стран [120]. Оставалось обойти препятствие — глубоко укоренившуюся в стране со времен Вашингтона, Джефферсона и Линкольна традицию неучастия Соединенных Штатов в постоянных военных и политических союзах с государствами Европы. Для подготовки общественного мнения к изменению одного из кардинальных принципов американской внешней политики 11 июня 1948 г. сенатом была принята «резолюция Ванденберга», ратующая за участие Соединенных Штатов «в региональных и других коллективных соглашениях» [121].

Идея Североатлантического пакта была реализована на двухпартийной основе. Вскоре после этого заместитель государственного секретаря Р. Ловетт начал секретные переговоры с послами стран Брюссельского пакта и с Канадой [122]. К сентябрю 1948 г. было выработано соглашение о включении в будущий блок не только «североатлантических» государств, но также Италии и Португалии. Военно-политическая группировка создавалась не на региональной, «атлантической», как утверждала западная пропаганда, а на социально-классовой основе.

4 апреля 1949 г. в Вашингтоне представители 12 стран (США, Канады, Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Норвегии, Дании, Португалии и Исландии) подписали Североатлантический пакт [123].

Несмотря на демагогические заявления о «чисто оборонительном» характере нового блока, он был направлен против СССР, других стран, ставших на путь строительства новой жизни. НАТО, по существу, закрепляла раскол Европы, опутывала своих членов узами зависимости от США, превращала их в плацдарм для американских военных баз, для подрывной деятельности против стран социализма. Обязательства сторон были сформулированы таким образом, что предоставляли Вашингтону практически свободу действовать по своему усмотрению в случае возникновения военного конфликта. Как подчеркнул государственный секретарь Ачесон, «решение вопроса о том, какая мера необходима, естественно, будет приниматься в соответствии с положениями нашей конституции» [124].

Давая оценку НАТО в период ее подготовки, Советское правительство подчеркивало: «Североатлантический договор не имеет ничего общего с целями обороны государств — участников договора, которым никто не угрожает и на которые никто не собирается нападать. Наоборот, этот договор имеет явно агрессивный характер и направлен против СССР» [125].

---

[119] Там же, 20 мая.
[120] *Ireland T.* Creating the Entangling Alliance. S. l., 1981, p. 84—86.
[121] American Foreign Policy, 1941—1949: Basic Documents. Wash., 1950, p. 197.
[122] FRUS, Diplomatic Papers, 1948, vol. 3, p. 66.
[123] Позднее к пакту присоединились Турция и Греция (1952 г.), ФРГ (1955 г.), Испания (1982 г.).
[124] Strengthening the Forces of Freedom, Selected Speeches and Statements of Secretary of State Acheson, February 1949 — April 1950. Wash., 1950, p. 85.
[125] Правда, 1949, 1 апр.

Во время обсуждения пакта в конгрессе некоторые сенаторы высказывали опасения, что ратификация НАТО передаст право объявления войны из рук конгресса в руки президента. Сенатор-республиканец Р. Тафт заявил: «Я пришел к выводу, что не могу голосовать в пользу ратификации договора, поскольку, полагаю, в нем имеется обязательство оказать за наш счет помощь в вооружении стран Западной Европы. Считаю, что с этим обязательством договор скорее приведет к войне, чем к миру»[126]. Однако агрессивный внешнеполитический курс поддерживало большинство членов конгресса, принадлежавших к обеим партиям. 21 июня 1949 г. сенат ратифицировал НАТО. Вскоре после этого был завершен процесс раскола Германии. 14 августа 1949 г. в западных зонах были проведены выборы в парламент, а 20 сентября с формированием правительства ФРГ Германия как единое целое перестала существовать.

Создание НАТО подхлестнуло гонку вооружений. 1 июля 1949 г. Трумэн созвал специальный комитет Совета национальной безопасности, чтобы рассмотреть состояние атомного вооружения США. «В результате моих запросов,— писал он,— специальный комитет сделал весьма важный вывод: производство атомных бомб должно быть стремительно расширено». Одновременно рекомендовалось строительство новых бомбардировщиков Б-36, «способных доставить атомные бомбы к любой цели в мире». В Вашингтоне принимали меры, чтобы удержать перевес в области атомного вооружения. «Мы должны сохранять свое первенство»,— подчеркнул президент на заседании СНБ[127].

После ратификации НАТО Трумэн направил в конгресс билль о взаимной военной помощи. Президент потребовал от законодателей ассигновать 1,45 млрд. долл. на военную «помощь» нациям, объединившимся с Соединенными Штатами в «коллективной обороне», а также другим странам, «чья возросшая способность защищаться от агрессии имеет важное значение для национальных интересов Соединенных Штатов»[128]. Этими другими странами, как указал президент, были Греция, Турция, Иран, а также Филиппины и Южная Корея. При этом снова был использован миф о «советской угрозе». Конгресс принял предложенный президентом закон, а в 1951 г.— закон о взаимной безопасности, который закрепил приоритет военной помощи как главного фактора в американской политике по отношению к развивающимся странам.

Стремясь остановить гонку вооружений и способствовать созданию атмосферы доверия, Советский Союз осенью 1949 г. на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложил, чтобы США, СССР, Китай, Англия и Франция заключили между собой пакт по укреплению мира. В проекте резолюции советской делегации на VI сессии Генеральной Ассамблеи (осень 1951 г.) предлагалось объявить несовместимым с членством в ООН участие в агрессивном Североатлантическом блоке, а также «создание некоторыми государствами, и в первую очередь Соединенными Штатами Америки, военных, военно-морских и военно-воздушных баз на чужих территориях»[129].

---

[126] Цит. по: *Phillips C.* The Truman Presidency, p. 269.
[127] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 2, p. 348—349.
[128] Цит. по: *Phillips C.* The Truman Presidency, p. 269.
[129] История внешней политики СССР, т. 2, с. 103.

6. ПОЛИТИКА «СДЕРЖИВАНИЯ» И ЭКСПОРТ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Создание НАТО было осуществлением стратегии «сдерживания» в огромном географическом регионе: от Атлантики до Восточного Средиземноморья. Однако приоритет Европы в военно-стратегических планах администрации Трумэна вовсе не означал «отказа» от других направлений имперской экспансии. В плане «сдерживания коммунизма» строилась политика США и в отношении развернувшейся после второй мировой войны антиколониальной революции. Цель, которую ставил себе Вашингтон в странах, охваченных национально-освободительным движением, заключалась в стремлении сохранить эти страны в орбите капиталистической системы, обеспечить рынки сбыта и сырьевую базу. По мере усиления освободительной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки развивающиеся страны все больше стали рассматриваться в Вашингтоне в качестве важного поля борьбы с мировым социализмом.

Восточная часть Азиатского континента, Тихоокеанский бассейн в целом — традиционный объект экспансионистских устремлений США. Здесь были сконцентрированы значительные экономические (торговые и сырьевые) интересы американской буржуазии. Влиятельные представители господствующего класса издавна смотрели на Азию как на «новую границу» экспансионистского «движения на Запад», пронизывающего всю историю страны. Отсюда пришла для Соединенных Штатов вторая мировая война, и здесь же она была официально завершена. Тезис «Азия прежде всего» отстаивали экономические и политические круги Западного побережья США, выражающая их интересы сильная группировка в конгрессе и значительное число военных деятелей, чьи взгляды олицетворял командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур.

С характерным высокомерием Вашингтон считал капитулировавшую Японию, а также освобожденный от японской оккупации обширный регион по западному периметру Тихого океана исключительно своей «зоной ответственности». Решение сбросить атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки в значительной степени объяснялось стремлением «отстранить» СССР от послевоенного урегулирования в Восточной Азии, и в частности не допустить его участия в оккупации Японии [130]. Соединенные Штаты существенно потеснили Англию и Францию в Восточной и Юго-Восточной Азии. Вместе с тем в Вашингтоне не могли не понимать, что в результате войны в этом регионе происходят перемены, не благоприятствующие гегемонистским планам США.

Разгром фашистских агрессоров в Европе, вступление Советского Союза в войну против милитаристской Японии дали мощный импульс развитию национально-освободительной борьбы народов Азии. В Китае, где шла гражданская война, крепли силы революционного переустройства общества. В Бирме, Индонезии, на Филиппинах в ходе национально-

---

[130] Ряд американских авторов отмечают, что единоличной оккупацией Японии и занятием Южной Кореи правительство США стремилось подчеркнуть свою исключительную роль в послевоенных делах на Дальнем Востоке. См.: *Feis H.* Contest over Japan. N. Y., 1967, p. 19—20; *Schnabel J.* Policy and Direction. The First Year. Wash., 1972, p. 9—10.

освободительной борьбы были образованы народные комитеты, осуществлявшие демократические преобразования. 17 августа 1945 г. была провозглашена независимая Республика Индонезия. 2 сентября создана Демократическая Республика Вьетнам. В октябре объявлена независимость Лаоса. Борьба за независимость развертывалась в Индии, на Филиппинах, в других странах Азии[131]. В условиях начавшегося распада колониальной системы, осуществления революционных перемен в ряде стран региона Соединенные Штаты обратились к стратегии «сдерживания», чтобы остановить развернувшиеся процессы.

Вопреки своим «антиколониалистским» декларациям Вашингтон начал оказывать поддержку колониальным державам в их борьбе против национально-освободительного движения. Соединенные Штаты активно выступили против освободительной борьбы вьетнамского народа[132]. В феврале 1947 г., когда Франция вела колониальную войну против ДРВ, американское правительство довело до сведения Парижа, что США полностью признают «суверенные позиции Франции» в Индокитае[133]. В дальнейшем в связи с успехом борьбы вьетнамского народа Вашингтон в секретном обращении к правительству Франции в 1949 г. призвал к объединению сил западных государств для противодействия освободительному движению[134]. По рекомендации СНБ президент Трумэн в 1950 г. одобрил программу экономической и военной помощи Франции в ее войне против ДРВ. Французскому правительству, в частности, было предоставлено 30 бомбардировщиков Б-26[135].

В то же время Соединенные Штаты предпринимали активные меры, чтобы закрепиться в стратегически важных и богатых сырьем странах Юго-Восточной Азии. Предоставив 4 июля 1946 г. Филиппинам формальную независимость, США обеспечили себе сохранение экономических и военных позиций в этой стране. По американо-филиппинскому соглашению 1947 г. Соединенные Штаты получили право разместить там ряд военных баз сроком на 99 лет. В 1948—1953 гг. 90-тысячная группировка вооруженных сил США оказывала помощь реакционному правительству Филиппин в подавлении вооруженного восстания трудящихся в этой стране. Во второй половине 40-х годов США энергично действовали в целях усиления своих позиций в Индонезии и Таиланде.

В Южной Корее, куда американские оккупационные войска вступили после капитуляции Японии, Соединенные Штаты стремились создать свою стратегическую базу в Восточной Азии. В этих целях Вашингтон противился восстановлению независимости Кореи, что было зафиксировано в Каирской и Потсдамской декларациях, саботировал решение Московского совещания министров иностранных дел в декабре 1945 г. о сформировании временного корейского демократического правительства. США взяли курс на продление своей оккупации Южной Кореи, создание там марионеточного режима. Неоднократные предложения СССР об одновременном выводе советских и американских войск из Кореи были отклонены. 10 мая в условиях оккупации и преследования демократических

---

[131] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 12, с. 380—386.
[132] Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке после второй мировой войны (1945—1955). М., 1975, с. 228—229.
[133] Современная внешняя политика США, т. 2, с. 281.
[134] FRUS, Diplomatic Papers, 1949, vol. 7, pt 1, p. 42.
[135] Современная внешняя политика США, т. 2, с. 281.

сил в Южной Корее были проведены выборы и образовано южнокорейское правительство во главе с реакционером Ли Сын Маном. Южная Корея, по существу, превратилась в военную базу США.

Центральное место в гегемонистских расчетах США занимал Китай, которому отводилась роль «стабилизирующего фактора» в Восточной Азии [136]. В этих целях США оказывали значительную помощь гоминьдану — дипломатическую, экономическую и военную. За последние четыре месяца 1945 г. американское правительство предоставило Чан Кайши больше оружия и военных материалов, чем за весь период японо-китайской войны [137].

«Стабилизация» самого Китая в условиях ожесточенной гражданской войны, как это прекрасно понимали в Вашингтоне, была нелегкой задачей. «Проблема коммунизма в Китае,— писал Трумэн,— значительно отличается от политических проблем в других районах». Чан Кайши противостояло «соперничающее правительство, которое контролировало определенную часть территории с четвертью общего населения страны». В этих условиях, считал Трумэн, у США не было альтернативы. «Мы не могли просто умыть руки», но и предложение «бросить в Китай неограниченные ресурсы и крупные вооруженные силы было также непрактично». Поэтому, заключил Трумэн, было решено оказать Чан Кайши «политическую, экономическую и в известных рамках военную» помощь, однако не ввязываться в гражданскую войну [138]. На деле Соединенные Штаты прямо и активно ввязались в нее. В американской интервенции в Китае в 1945—1949 гг. с целью не допустить победы народной революции и сохранить свое присутствие в этой стране участвовали 113 тыс. американских военнослужащих, до 600 самолетов, более 150 кораблей.

27 ноября 1945 г. представители госдепартамента и вооруженных сил приняли решение оказать содействие в переброске гоминьдановских армий в стратегически важные районы Северо-Восточного Китая [139]. Чан Кайши была предоставлена экономическая и военная помощь. К концу 1945 г. американцы вооружили 39 гоминьдановских дивизий [140]. Однако в высших военных кругах США господствовал пессимистический взгляд на шансы Чан Кайши «удержать Китай» [141]. В Вашингтоне хорошо знали о коррупции и некомпетентности гоминьдановской верхушки, о потере ею массовой поддержки.

В Вашингтоне учитывалась и другая возможность. Поскольку неспособность чанкайшистского режима обеспечить «стабильность» Китая даже при американской экономической и военной помощи была очевидна, правительство США решило перенести акцент на политическое урегулирование между КПК и гоминьданом, под которым подразумевалось установление контроля гоминьдана над освобожденными районами. В декабре 1945 г. в Китай прибыл личный представитель Трумэна генерал Дж. Маршалл, предложивший свое посредничество для переговоров о коалиционном правительстве.

---

[136] *Воронцов В. Б.* Тихоокеанская политика США, 1941—1950. М., 1967.
[137] *Яковлев Н. Н.* Новейшая история США, с. 461.
[138] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 2, p. 63.
[139] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 140.
[140] United States Relations with China. Wash., 1950, p. 311—312.
[141] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 140.

В инструкциях президента Маршаллу отмечалось, что генерал должен добиваться от Чан Кайши осуществления ряда реформ и включения представителей коммунистов в коалиционное правительство. Вместе с тем в них подчеркивалось: ни при каких обстоятельствах (исключая прямое участие в военных действиях) Соединенные Штаты не оставят Чан Кайши. Безоговорочная поддержка одной стороны заранее обрекала посредничество на неудачу. Уверенные в помощи США, гоминьдановцы не стремились к компромиссу. Достигнутое в начале 1946 г. перемирие с коммунистами было ими сорвано. 4 ноября 1946 г. союз США с Чан Кайши был скреплен договором о дружбе, торговле и мореплавании. Все альтернативные подходы к проблеме Китая, хотя они и обсуждались, были практически отвергнуты. К этому времени политика в отношении Китая превратилась в США в объект ожесточенной полемики. Китайское лобби развернуло активную деятельность в пользу увеличения поддержки Чан Кайши, а оппозиция обвинила правительство Трумэна в подготовке «выдачи Китая коммунистам».

В январе 1947 г. миссия Маршалла была отозвана. Посланный в июле 1947 г. в Китай генерал Ведемейер констатировал: «Военная сила сама по себе не уничтожит коммунизма». В памятной записке, составленной американским посольством в Китае в июле 1947 г., подчеркивалось, что у гоминьдановского правительства сохранились лишь две возможности: либо компромисс с коммунистами, либо коммунисты овладеют Маньчжурией и Северным Китаем [142]. Ведемейер рекомендовал увеличить экономическую и военную помощь гоминьдану. Республиканская партия усилила нажим на администрацию, выдвинув тезис о ее мнимой «мягкости» по отношению к коммунизму. 11 марта 1947 г. Трумэн объявил, что США «не хотят иметь ни одного коммуниста ни в правительстве Китая, ни в другом месте» [143]. Идея компромисса между гоминьданом и Компартией Китая была похоронена, а помощь Чан Кайши увеличена.

Помимо прямой военной поддержки, Соединенные Штаты Америки оказали гоминьдану военную и экономическую помощь на 6 млрд. долл. В действительности американский вклад в дело сохранения режима Чан Кайши был значительно выше (по некоторым данным, 18 млрд. долл.). При вооруженных силах Чан Кайши находилось около 6 тыс. американских военных инструкторов. Эти усилия не изменили хода событий в Китае. В официальном издании госдепартамента указывалось: «Исход войны в Китае достигнут действиями внутренних китайских сил, на которые мы пытались повлиять, но безуспешно» [144]. В 1952 г. Трумэн писал: «Чан Кайши пал по собственной вине. Его генералы сдали посланное нами вооружение коммунистам, его свергли собственным оружием и боеприпасами. Чан Кайши могла бы спасти только 2-миллионная американская армия, а это означало бы начало третьей мировой войны» [145].

В последние месяцы существования режима Чан Кайши оживились американские расчеты, связанные с открытием диалога с КПК. 26 января 1949 г., практически накануне эвакуации гоминьдановского правитель-

[142] FRUS, Diplomatic Papers, 1947: Vol. 1—7. Wash., 1971—1973, vol. 7, p. 223.
[143] Ibid., p. 172.
[144] United States Relations with China, p. XVI.
[145] Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman/Ed. by R. Perrel. N. Y., 1980, p. 276.

ства из Нанкина, Белый дом подтвердил решение госдепартамента о том, что американское посольство останется в Нанкине. В марте 1949 г. посол США Л. Стюарт получил санкцию госдепартамента на переговоры с лидерами КПК по проблемам американо-китайских отношений.

Переговоры начались в мае, сразу после освобождения Нанкина. Вскоре американский посол получил приглашение руководства КПК посетить Пекин [146]. Однако открытые контакты официального представителя США с КПК не входили в план Белого дома, поскольку могли подлить масла в огонь нарастающей правой оппозиции администрации с ее демагогическими обвинениями президента в проявлении «мягкости к коммунизму». 2 августа 1949 г. Стюарт покинул Нанкин «для консультаций» [147]. Новый американский посол появился в КНР лишь в марте 1979 г.

После провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай официально уведомил правительство США через американского генерального консула в Пекине Э. Клабба о готовности КНР установить дипломатические отношения с США [148]. По-видимому, крах режима Чан Кайши не перечеркнул полностью надежды Вашингтона, связанные с Китаем. 30 декабря 1949 г. президент утвердил директиву СНБ 48/2, в которой отмечалось, что «США должны использовать всеми подходящими политическими, психологическими и экономическими мерами любое расхождение между китайскими коммунистами и СССР» [149]. Во всяком случае, определенные маневры с целью повлиять на внешнеполитические позиции КНР американцами предпринимались. 5 января 1950 г. Трумэн заявил, что «правительство Соединенных Штатов не будет осуществлять курс, который привел бы к вмешательству в гражданский конфликт в Китае. Правительство Соединенных Штатов не будет также предоставлять военную помощь или советы китайским силам на Формозе (Тайване.— *Авт.*)» [150].

Однако шумное развертывание антикоммунистической кампании в США делало политически невозможными даже эти умеренные жесты. Выражая мнение правой оппозиции Белому дому, сенатор У. Ноуленд обвинял администрацию в «ускорении распространения коммунизма в Китае» [151]. Сенатор Дж. Маккарти, чье влияние в Вашингтоне к этому времени достигло пика, утверждал, что администрация Трумэна потеряла Китай, находясь под контролем коммунистов. Но главное заключалось в том, что сама внешняя политика США уже приобрела жесткую антикоммунистическую направленность, исключающую какую бы то ни было гибкость.

14 февраля 1950 г. в Москве был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. В условиях возрастающей агрессивности империализма США договор был важной гарантией безопасности КНР. Расчеты противопоставить Китайскую Народную Республику Советскому Союзу провалились. Напуганная развитием мирового

---

[146] FRUS, Diplomatic Papers, 1949, vol. 8, p. 174, 230—231, 766—767.
[147] *Topping S.* Journey Between Two Chinas. N. Y., 1972, p. 89.
[148] *Бухаров Б. И.* Политика США в отношении Китайской Народной Республики (1949—1953). М., 1958, с. 12.
[149] FRUS, Diplomatic Papers, 1949, vol. 7, p. 1219.
[150] Цит. по: Современная внешняя политика США, т. 2, с. 309.
[151] China and US Far Eastern Policy, 1945—1967. Wash., 1967, p. 48.

революционного процесса, американская и международная реакция предпринимала все усилия, чтобы остановить национально-освободительный поток, отбросить прогрессивные силы с занимаемых ими позиций. 25 июня 1950 г. агрессией южнокорейских войск против КНДР началась корейская война, в которую включились США.

«Потеря» Китая, сломав первоначальные планы, оказала важное влияние на дальневосточную политику США в целом. Она способствовала процессу переориентации администрации Трумэна на нового главного внешнеполитического партнера в этом регионе, которым стала Япония. Однако уже со времени капитуляции последней политика США в отношении поверженной Японии исходила из стремления установить и сохранить безраздельное преобладание в этой стране. Цель США, как она была сформулирована Г. Трумэном 5 января 1946 г., состояла в «необходимости удержать полный контроль над Японией и Тихим океаном» [152].

Оккупация Японии, по существу, была единоличной — небольшой английский контингент войск находился в полном подчинении генерала Макартура. 2 сентября 1946 г. приказом Макартура на территории Японии была установлена власть военной администрации США. Вашингтон рассчитывал монопольно решать судьбу Японии, исходя из задач своего глобального внешнеполитического курса.

Однако позиция СССР, требования прогрессивных сил оказали воздействие на осуществление в Японии мероприятий демократического характера. К тому же в первые послевоенные годы опасения быстрого восстановления Японии как экономического и военного конкурента Соединенных Штатов способствовали проведению оккупационными властями ряда буржуазно-демократических реформ по американскому образцу, которые должны были создать основу для «американизации» страны, образования социальной прослойки, ориентированной на США. В результате были распущены правые националистические организации, частично ограничена деятельность крупных концернов, принят закон о профсоюзах и труде, гарантировавший трудящимся определенные права, осуществлена аграрная реформа и т. д. В принятой в 1947 г. конституции ограничивалась императорская власть и содержалась статья об отказе Японии от войны как суверенного права нации и от применения вооруженной силы как средства разрешения международных конфликтов, а также о запрещении иметь вооруженные силы.

Усиление антикоммунистической направленности внешнеполитического курса Вашингтона сказалось и на его японской политике. Барометром изменений были новые тенденции в американской оккупационной практике. С конца 40-х годов в политике США в Японии наступил перелом: сворачивалась декартелизация монополий, усиливались позиции реакционных сил. Политика «сдерживания коммунизма» ускоряла превращение бывшего противника в «младшего партнера», по сути дела, в опору США для борьбы с революционными, национально-освободительными силами в Восточной Азии.

В документе, подготовленном СНБ в 1949 г., подчеркивалось, что возможности Японии в случае глобальной войны могут оказать «огром-

---

[152] The Truman Administration: A Documentary History/Ed. B. J. Bernstein, A. J. Matusow. N. Y., 1966, p. 98.

ное положительное или негативное влияние в зависимости от того, в чьих интересах они будут использованы»[153]. За 1945—1951 гг. Япония получила от Соединенных Штатов своего рода «восточный план Маршалла» — 2 млрд. долл. Ее экономика и внешняя торговля оказались тесно связанными с США. Страна была покрыта сетью американских военных баз. Курс на «партнерство» с Японией завершился подписанием 8 сентября 1951 г. Сан-Францисского мирного договора, создавшего юридическую основу японо-американского союза.

Фиаско в Китае усилило также внимание Вашингтона к другим странам Азии, где были сильны позиции национально-освободительного движения. Среди этих стран и по стратегическому положению, и по потенциальным возможностям первостепенное значение имела Индия. Как констатировалось в секретном докладе СНБ в 1951 г., «потеря Индии... означала бы потерю всей Азии, что представляло бы серьезную угрозу для безопасности Соединенных Штатов»[154]. Однако настойчивые попытки Вашингтона пристегнуть Индию к своей стратегии в Южной Азии, вовлечь ее наряду с Пакистаном в военно-политический блок под эгидой США не увенчались успехом. Индия твердо придерживалась независимой политики, основанной на принципах нейтрализма и неприсоединения.

В 1949 г. во время конфликта Индии и Пакистана из-за Кашмира США отказались предоставить Индии экономическую помощь[155]. Однако американское давление не привело к желаемым в Вашингтоне результатам. Позиция Индии, а также Цейлона, Бирмы и Индонезии привела к срыву реализацию проекта создания военного блока стран Южной и Юго-Восточной Азии, предложенного в мае 1950 г. на конференции в Багио (Филиппины)[156].

Политика США на Ближнем Востоке в первые послевоенные годы была направлена в соответствии с «доктриной Трумэна» на организацию антисоветских военно-стратегических плацдармов в странах, граничащих непосредственно с СССР, в первую очередь в Турции и Иране. В дальнейшем проникновение США в стратегически важный и богатый нефтью ближневосточный регион стремительно возрастало. С образованием в мае 1948 г. Израиля это государство превратилось в один из наиболее важных опорных пунктов и союзника США на Ближнем Востоке. В то же время полная поддержка экспансионистской политики Израиля, в значительной степени обеспеченная влиянием сионистского лобби в США, стала постоянной чертой американской ближневосточной политики. Исключительное предпочтение, отдаваемое Израилю, предопределило их антиарабскую линию на Ближнем Востоке. Активная поддержка Соединенными Штатами Израиля привела к срыву решения Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. о создании Палестинского арабского государства. Во время первой арабо-израильской войны 1948—1949 гг. США помогали Израилю деньгами и оружием, а в 1949 г. предоставили ему заем на сумму 100 млн. долл. Декларацией от 25 мая 1950 г. США совместно с Англией и Францией в обход ООН взяли на

---

153 FRUS. Diplomatic Papers, 1949, vol. 7, pt 2. p. 774.
154 Ibid., 1951: Vol. 1, 3, 5, 6. Wash., 1977—1982, vol. 6, p. 1651.
155 Ibid., 1949, vol. 6, p. 1727.
156 Современная внешняя политика США, т. 2, с. 368.

себя роль «гарантов» перемирия между арабскими странами и Израилем [157].

Экономическое и политическое вторжение Соединенных Штатов в Африку значительно усилилось в результате второй мировой войны. Пользуясь общим ослаблением позиций Англии и Франции, американские монополии устремились на Африканский континент. Значительные экономические позиции Соединенные Штаты заняли в странах Северной Африки (Марокко, Алжир, Тунис), где получили концессии на разведку нефти.

В программном заявлении администрации Трумэна в мае 1950 г. относительно ее африканской политики отмечалось, что США «не намерены нести прямую ответственность за Африку» и стремятся сотрудничать с метрополиями. В заявлении также подчеркивалось желание США помогать «ответственным африканским лидерам создать общество... предпочтительное альтернативе, предлагаемой коммунистами» [158]. Вместе с тем, демагогически декларируя свой «исторический антиколониализм», правящие круги США активно стремились заполнить «вакуум», будто бы образовавшийся в связи с началом распада колониальных империй, иными словами, прибрать к рукам освободившиеся страны.

Неоколониалистский курс американского империализма был внутренне противоречив. «Соединенные Штаты,— отмечал американский политолог Дж. Стессингер,— пытаясь вовлечь колониальные и антиколониальные страны в свою оборонительную антикоммунистическую систему, оказались в двусмысленном положении, потому что слишком тесная поддержка стран, ведущих борьбу против колониализма, поставила бы под угрозу их союз с колониальными державами в НАТО. И наоборот, этот союз с колониальными державами вызвал недоверие и враждебность со стороны бывших колониальных стран» [159].

Чтобы рассеять недоверие развивающихся стран, привлечь их на свою сторону, американское правительство пошло на следующий маневр. 20 января 1949 г. президент Трумэн назвал четвертой по порядку внешнеполитической задачей США (так называемый «пункт 4-й») начать программу по оказанию научно-технической помощи и привлечению капиталовложений для «оздоровления и роста слаборазвитых стран». На осуществление «четвертого пункта» в 1949—1959 гг. было израсходовано 3 млрд. долл. Значительный и возраставший удельный вес в этой сумме составляла военная помощь. Наибольшее число средств (88%) было выделено странам Восточной и Юго-Восточной Азии, прежде всего Южной Корее, Филиппинам и Таиланду [160].

Весь комплекс мероприятий по осуществлению стратегии «сдерживания» опирался на преувеличенное представление американских лидеров о возможностях США — на представление о превосходстве в области экономического и научно-технического развития, о длительной монополии на ядерное оружие и способности его доставки к цели. Это были иллюзии. Еще весной 1946 г. Совету национальной безопасности был представ-

---

[157] Политика США на Арабском Востоке. М., 1961, с. 27.

[158] *McGhee G.* United States Interests in Africa.— Department of State Bulletin, 1950, June 19, p. 1000, 1001; *Idem.* Africa's Role in the Free World Today.— Ibid., 1951, July 16, p. 99.

[159] *Stoessinger J.* The Might of Nations. World Politics of our Time. N. Y., 1969, p. 102.

[160] Современная внешняя политика США, т. 2, с. 260.

лен доклад Ачесона—Лилиенталя, в котором отмечалось, что «исключительно благоприятное положение США относительно атомных установок является временным»[161]. В ноябре 1947 г. Советское правительство официально объявило, что секрета атомной бомбы уже не существует. Но в Вашингтоне упорно отказывались считаться с реальностью, пока 25 сентября 1949 г. не последовало сообщение ТАСС об испытании в СССР атомной бомбы.

Ликвидация атомной монополии произвела в США ошеломляющее впечатление. Американский историк Дж. Гэддис писал: «...взрыв в СССР произошел на три года раньше, чем предсказывали правительственные эксперты. Сообщение о нем разбило в прах основополагающие посылки 1945—1947 гг. о том, что, если начнется война с Россией, физическая безопасность США не будет поставлена на карту»[162]. В Вашингтоне стали понимать, что время военной неуязвимости США осталось позади. Председатель объединенной комиссии конгресса по контролю над атомной энергией сенатор Макмагон и председатель сенатского комитета по делам вооружений Тайдингс выступили с заявлениями о целесообразности переговоров с СССР. При этом Тайдингс подчеркнул, что США «более уязвимы» для атомного нападения, чем Советский Союз[163]. Администрация Трумэна предпочла пойти по другому пути.

В конце января 1950 г. президент Трумэн отдал приказ начать работу по созданию водородной бомбы. Однако даже в Белом доме почувствовали, что ситуация критически изменилась. Соотношение сил на международной арене складывалось не в пользу империализма. Многие предпосылки внешнеполитического курса США оказались под вопросом. Тем не менее нагнетание Вашингтоном международной напряженности усиливалось. Осенью 1949 г. по указанию президента Объединенный комитет начальников штабов подготовил зловещий план войны против СССР, которую предполагалось начать в 1957 г. План «Дропшот» был ориентирован на нанесение первого атомного удара по СССР и его оккупацию американскими войсками[164].

В январе 1950 г. президент поручил СНБ рассмотреть в полном объеме американскую внешнеполитическую стратегию. Результатом работы вашингтонских стратегов был секретный меморандум СНБ-68 «Цели Соединенных Штатов и программы национальной обороноспособности». Документ исходил из констатации перманентной кризисной конфронтации США и СССР, которая, по мнению авторов меморандума, могла быть смягчена лишь при условии изменений в «характере советской системы». Вопреки фактам Советский Союз был представлен в меморандуме как «наиболее серьезная угроза» Соединенным Штатам якобы ввиду советского «стремления» достичь господства над «Евроазиатским материком». Переговоры с СССР мыслились в документе лишь с «позиции силы» и на американских условиях.

В меморандуме ставилась далеко идущая цель — «ускорение разложения советской системы», достижение «фундаментального изменения» ее характера, иными словами, уничтожение социалистического строя в

[161] *Hodgson G.* Op. cit., p. 25.
[162] *Gaddis J.* Harry S. Truman and the Origins of Containment.— In Makers of American Diplomacy/Ed. by F. Marli, T. Wilson. N. Y., 1974, p. 515.
[163] Congressional Record, vol. 96, p. 2276.
[164] «Dropshot»..., p. 20, 74—78, 241.

СССР. Для выполнения этой задачи рекомендовалось наращивание военной, экономической и политической мощи Соединенными Штатами и Западом в целом. При этом в документе отмечалось: суть политики «сдерживания» — в обладании Соединенными Штатами либо единолично, либо вместе с союзниками «общим перевесом сил». «Без превосходящей совокупной военной силы, находящейся в состоянии боевой готовности и быстро мобилизуемой, политика „сдерживания“, которая в действительности представляет собой политику спланированного и постоянного принуждения, будет не более чем блеф».

Помимо наращивания военной мощи, меморандум рекомендовал расширение экономической и военной помощи союзным США странам и в то же время интенсификацию подрывных действий против социалистических стран в «сферах экономической, политической и психологической войн, с тем чтобы вызвать и поддержать недовольство и восстания» в странах социализма[165]. По мысли вашингтонских стратегов, Соединенные Штаты должны были занять место «политического и военного центра», вокруг которого группируются на различных орбитах другие «свободные нации». Иными словами, подчеркивалось в меморандуме, США должны «отказаться делать различие между национальной и глобальной безопасностью». Принятие этого принципа имело следствием отказ от «ограничения бюджетных возможностей», поскольку «безопасность должна стать доминирующим элементом в национальном бюджете». Меморандум рекомендовал тратить ежегодно на вооружение 20% национального дохода[166].

В апреле 1950 г. Трумэн одобрил меморандум СНБ. Это означало, что изложенные в нем положения стали руководящими для внешнеполитического курса США. Меморандум оказал значительное влияние на последующие действия США на международной арене. Он исходил из «биполярного» разделения мира и необходимости для США «иметь волю и готовность воевать» во имя защиты, сохранения и процветания «концепций и целей» американского образа жизни. Так было положено начало гонке вооружений, в том числе ядерных.

---

[165] FRUS, Diplomatic Papers, 1950, vol. 1, p. 240—241, 252, 253, 285.

[166] *Hammond P.* NSC-68: Prologue to Rearmament. N. Y., 1962; *Phillips C.* The Truman Presidency, p. 307—308.

Глава третья

УСИЛЕНИЕ РЕАКЦИИ. МАККАРТИЗМ (1949—1954)

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1948—1949 ГГ.

К концу 40-х годов в международной обстановке появились новые явления, оказавшие существенное влияние на Соединенные Штаты и весь капиталистический мир. Быстро возрастало экономическое и оборонное могущество реального социализма, усиливалось его революционизирующее воздействие, происходило дальнейшее ослабление позиций капитализма в соревновании с социализмом. Уже в 1950 г. мир социализма охватывал 26% территории и 32% населения земного шара и на его долю приходилось примерно 20% мирового промышленного производства [1].

К 1949—1950 гг. Советский Союз и страны народной демократии, в основном завершив восстановление народного хозяйства, приступили к укреплению и дальнейшему развитию материально-технической базы социализма [2]. В 1949 г. был создан коллективный орган экономического сотрудничества — Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), в который вошли социалистические страны Европы; к этому времени были заключены двусторонние договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, а также многочисленные долгосрочные и годичные соглашения между социалистическими странами. Все эти меры должны были способствовать дальнейшему развитию и укреплению экономики социалистического содружества. Как же на фоне успехов социализма выглядело экономическое положение США — лидера капитализма?

В 1948 г. доля США в мировом капиталистическом промышленном производстве составляла 54,6% против 34,9% в 1938 г. США обладали в это время $^{2}/_{3}$ производственных мощностей капиталистического мира, в их распоряжении находилось почти 75% золотого запаса капиталистических стран [3]. Тем не менее состояние экономики главной страны капитализма нельзя было считать стабильным.

Подъем промышленного производства, наступивший после сокращения в результате реконверсии, был кратковременным. Он продолжался до осени 1948 г. К этому моменту промышленная продукция выросла на 16,5% по сравнению с 1945 г. [4] Одним из главных факторов, способствовавших экономическому росту, была потребность в обновлении основного капитала, устаревшего и износившегося за годы войны. Однако увеличение производственных мощностей значительно обгоняло возможности и

---

[1] Социализм и международные отношения. М., 1975, с. 26.
[2] Мировая социалистическая система хозяйства: В 4-х т. М., 1966—1967, т. 1, с. 98—99.
[3] Современный капитализм и углубление его общего кризиса: Т. 1, 2. М., 1979, т. 2, с. 161—162.
[4] Механизм экономического цикла в США. М., 1978, с. 81.

потребности внутреннего рынка[5]. Об этом, в частности, свидетельствовало снижение темпов жилищного строительства: в 1948 г. на возведение нового жилья было израсходовано 11 208 млн. долл., а в 1949 г.— 10 726 млн. долл.[6] Население страны к этому времени в значительной мере израсходовало сбережения, накопившиеся за время войны[7]. Американцы все более стали прибегать к покупке товаров в кредит. Сумма потребительского кредита к концу 1948 г. составляла 14,4 млрд. долл.[8]

Президент Трумэн в начале 1948 г. в ежегодном послании констатировал: «Сегодня многие семьи страдают от высокой стоимости жизни. Тем временем прибыли корпораций достигли рекордного уровня, в 1947 г.— 17 млрд. долл. после уплаты налогов»[9]. В данном случае президент не покривил душой: к концу 1947 г. одна из каждых четырех американских семей исчерпала все свои сбережения и залезла в долги, реальная заработная плата миллионов американских семей продолжала падать[10].

Опираясь на данные Бюро рабочей статистики, профсоюзы КПП указывали на неуклонный рост стоимости жизни. На 15 июня 1948 г. индекс стоимости жизни, по данным бюро, поднялся до 171,7% (1935—1939 гг.=100). Средние цены на товары и услуги, потребляемые семьей со средним доходом в больших городах, были на 9,7% выше, чем год назад, на 30,3% выше уровня июня 1946 г., когда был снят контроль над ценами, и на 76,2% выше, чем в августе 1939 г. Несмотря на увеличение заработной платы, покупательная способность рабочих упала до уровня февраля 1943 г.[11]

Все это говорило о том, что противоречие между ростом производства и покупательной способностью населения достигло такого предела, за которым неминуемо должно было последовать кризисное падение производства. И действительно, во второй половине 1948 г. производство многих товаров стало снижаться. «Простое, но неприятное объяснение этому факту состоит в том,— писал журнал „Нью рипаблик",— что мы достигли точки, при которой бизнесмены находят более выгодным сократить выпуск, чем снизить цены»[12]. Худшие опасения вскоре подтвердились. Осенью 1948 г. в США разразился очередной экономический кризис. Он поразил преобладающую часть промышленности. Через пять месяцев после начала кризиса наблюдалось падение физического объема выпускаемой продукции в 83% всех отраслей[13].

По уточненным данным ИМЭМО АН СССР, за 12 месяцев кризиса среднемесячное падение промышленного производства составило 9,2%, валовые частные капиталовложения в целом по всем отраслям сокращались в среднем в месяц на 10,6%. Кризис особенно поразил угледобы-

---

[5] *Выгодский С. Л.* Современный капитализм: (Опыт теоретического анализа). М., 1975, с. 428.
[6] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, pt 2, p. 618.
[7] *Варга Е. С.* Избранные произведения: Капитализм после второй мировой войны. М., 1974, с. 382.
[8] Факты о положении трудящихся в США (1949—1950 гг.). М., 1952, с. 17.
[9] Цит. по: New York Times, 1948, Jan. 11.
[10] New Republic, 1949, Jan. 10, p. 15.
[11] New York Times, 1948, July 24, 30, Aug. 25.
[12] New Republic, 1948, Aug. 3, p. 7.
[13] Механизм экономического цикла в США, с. 37, 60.

вающую промышленность. Здесь сокращение производства составило 27%. Большая недогрузка производственных мощностей стала почти повсеместным явлением. Все это тяжело отразилось прежде всего на положении трудящихся. С мая 1948 по июль 1949 г. общая численность безработных увеличилась с 1761 тыс. до 4095 тыс., т. е. выросла на 139,5% и составила 6,4% общей численности работающих. Это без учета многомиллионной армии работавших неполный рабочий день или неполную рабочую неделю. Кризис 1948—1949 гг. был последним, который сопровождался падением цен. Так, цены на продукты питания упали за 17 месяцев на 32,1%, но по истечении этого срока они вновь стали расти [14].

Обострение социальных проблем, рост недовольства трудящихся настоятельно требовали вмешательства со стороны правительства. С этой целью 5 января 1949 г. Трумэн выступил с посланием, которое явилось логическим продолжением всей его политической стратегии. Отдав дань восхвалению возможностей, будто бы предоставляемых капиталистическим обществом каждому из его членов, президент остановился на трудностях, переживаемых страной. И хотя он старался представить их временными и преходящими, нарисованная им весьма мрачная картина приглушала радужные тона первой части послания. Трумэн отметил, что инфляция остается серьезной проблемой, так же как низкий уровень доходов широких слоев трудящихся. Президент указал на растущую монополизацию, угрожающую мелкому бизнесу, неустойчивое положение фермеров, продолжающееся расхищение природных богатств, нехватку электроэнергии. «5 миллионов семей все еще живут в трущобах и бараках. 3 миллиона семей делят свой кров с другими»,— сказал он. В послании также указывалось на явное отставание медицинского обслуживания от потребностей населения, на недоступность его для большинства граждан. Отмечались тревожные симптомы упадка школьного образования, вновь обострившаяся проблема занятости [15].

Как писал советский историк В. И. Лан, в экономической программе, предложенной конгрессу в январе 1949 г., Трумэн «объявил войну циклическому развитию капиталистического производства» [16]. В порядке осуществления этого несбыточного плана президент рекомендовал конгрессу принять соответствующее законодательство, которое позволило бы усилить правительственный контроль над производством и распределением и способствовало бы, по его мнению, решению острых социальных проблем. В области финансовой политики, в частности, ставилась задача сократить государственный долг, который достиг 252,3 млрд. долл., и сбалансировать бюджет. Трумэн предложил утвердить новые налоги на сумму 4 млрд. долл.

Остановившись на вопросе о трудовых отношениях, президент повторил выдвинутое им еще в ходе избирательной кампании 1948 г. требование об отмене закона Тафта—Хартли, но при этом предложил создать механизм, не допускающий забастовки в жизненно важных отраслях промышленности, затрагивающих интересы всего общества. Это означало,

---

[14] Мировая экономика и междунар. отношения, 1977, № 5, с. 154.
[15] Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman, 1945—1953: Vol. 1—8. Wash., 1961—1966, 1949, p. 1—3.
[16] *Лан В. И.* США в военные и послевоенные годы. М., 1978, с. 291—293.

что фактически Трумэн настаивал на ревизии закона Вагнера и сохранении ключевых положений закона Тафта—Хартли. Президент рекомендовал также провести перестройку деятельности министерства труда. Ряд предложений касался жизненного уровня большинства населения: увеличение минимума заработной платы до 75 ц. в час, помощь фермерам, содействие развитию и сохранению природных ресурсов и распространение опыта государственного строительства гидросооружений в долине реки Теннесси, которые давали потребителям дешевую электроэнергию [17].

В послании Трумэн предложил расширить охват населения социальным страхованием. В частности, была выдвинута в общей форме идея реализации системы медицинского обслуживания, услуги которого были бы оплачены за счет населения. Трумэн высказался за срочное предоставление помощи штатам в деле поддержания и управления школьной системой.

Говоря о жилищной проблеме, Трумэн отметил, что «жилищный кризис продолжает оставаться острым» [18], и сообщил, что в ближайшее время конгресс должен утвердить рекомендованные им предложения о жилищном строительстве и о научных исследованиях в жилищном вопросе. Трумэн также повторил свои прежние предложения в области гражданских прав, адресованные 80-му конгрессу. Среди них предусматривались меры защиты черного населения от линчеваний, отмена избирательного налога, создание постоянного Комитета по обеспечению справедливой практики найма на работу, запрещение дискриминации на транспорте и в сфере обслуживания.

Трумэн выдвинул тезис, который дал название всей его внутриполитической программе. «Каждая часть нашего населения и каждый американец имеют право ожидать от нашего правительства *справедливого курса*»,— сказал он [19]. Либеральная печать тотчас подхватила это чисто рекламное заявление, сделав из него вывеску ко всей социальной программе 33-го президента США. Если же говорить по существу, то программа Трумэна ставила целью дальнейшее усиление механизма правительственного регулирования социально-экономических процессов, начало которому было положено Ф. Д. Рузвельтом. Она затрагивала ряд острых социальных проблем, таких, как фермерская, гражданские права негров, жилищная, здравоохранения, образования, трудовых отношений и др.

Однако программа несла на себе печать новых, послевоенных условий. Ставилась задача удовлетворить возросшие консервативные устремления буржуазии и в то же время не оттолкнуть от демократической партии широкие массы, выступившие в защиту лозунга продолжения и углубления социальных реформ. В силу этого предлагаемые меры, отражая воззрения либеральной буржуазии, сильно поправевшей после войны, носили ограниченный, крайне противоречивый и чисто прагматический характер. Многие обозреватели сразу же обнаружили в «справедливом курсе» Трумэна лишь стремление решать сиюминутные задачи без попытки заглянуть в завтрашний день [20].

---

[17] Public Papers..., Harry S. Truman, 1949, p. 4.
[18] Ibid., p. 6.
[19] Ibid., p. 7 (подчеркнуто нами.— *Авт.*).
[20] *Leuchtenburg W. E.* In the Shadow of FDR. From Harry Truman to Ronald Reagan. Ithaca, 1983, p. 35.

Американские историки уделяют «справедливому курсу» подчас непомерно большое внимание, объединяя под этим названием всю внутреннюю политику правительства в первые послевоенные годы. Однако оценка итогов этих усилий единодушна: большая их часть потерпела сокрушительное поражение [21]. И с этим нельзя не согласиться.

Возьмем, к примеру, вопрос о создании постоянного Комитета по обеспечению справедливой практики найма на работу (ФЕПК). Напомним, что еще в сентябре 1945 г. Трумэн высказался в пользу создания этого органа с широкими полномочиями. Соответствующий законопроект после долгих дебатов получил одобрение в палате представителей (причем из билля была изъята статья об обязательности выполнения постановлений ФЕПК), но затем, как писал Б. Бернстайн, он «погиб в результате действий флибустьеров в сенате» [22]. Вся эта процедура была названа в американской печати «парламентским позором» [23], и Трумэн был сам повинен в таком исходе, так как в апреле 1950 г. он решил отложить вопрос о вынесении сенатом решения о рассмотренном комитетом билле о ФЕПК «для того, чтобы добиться быстрого голосования в сенате об ассигнованиях по плану Маршалла» [24].

20 июня 1949 г. в письме сотруднику аппарата Белого дома Найлсу исполнительный директор НАСПЦН Р. Уилкинс писал о «значительном изменении в настроении цветных», которое объяснялось малодушием и открытым отступничеством либеральных демократов в конгрессе. Последние допустили «катастрофу 17 марта» [25], когда в результате голосования в сенате была провалена попытка изменить процедурное правило и ограничить флибустьерство южан [26]. Сделано это было ради того, чтобы поставить неприступный заслон либеральному законодательству. Президент и поддерживавшие его демократы со своей стороны не приложили усилий к тому, чтобы позорное флибустьерство в сенате было прекращено. Их бездеятельность сказалась и на обсуждении вопроса о законе Тафта—Хартли: предложение о его отмене было провалено [27].

Более повезло другому законодательному предложению Трумэна — акту о жилищном строительстве 1949 г. Несмотря на специальное президентское послание от 23 февраля 1948 г. по жилищному вопросу, конгресс не торопился с принятием предложенного билля, который предусматривал оказание государственной помощи жилищному строительству и смягчение острой жилищной проблемы. Утвержденный сенатом 22 апреля 1947 г. [28] билль Тафта—Эллендера—Вагнера был блокирован в комитете палаты представителей по делам банков и денежного обращения. Причиной были статьи билля о государственном жилищном строительстве и расчистке трущоб. Этот билль воплощал идею Трумэна о том,

---

[21] *Hamby A. L.* The Vital Center...— In: Harry S. Truman and the Fair Deal/Ed. with an Introd. by A. L. Hamby. Lexington, 1974, p. 155.

[22] *Bernstein B. J.* The Ambiguous Legacy: the Truman Administration and Civil Rights.— In: Politics and Policies of the Truman Administration/Ed. with an Introd. by B. Bernstein. Chicago, 1970, p. 295.

[23] New York Times, 1950, May 8.

[24] *Berman W. C.* The Politics of Civil Rights in the Truman Administration. Columbus (O.) 1970, p. 173.

[25] Ibid., p. 159.

[26] Congressional Record, vol. 95, pt 2, p. 2720—2724.

[27] Факты о положении трудящихся в США (1951—1952 гг.). М., 1954, с. 165.

[28] Congressional Record, vol. 94, pt 4, p. 4738.

что «правительство должно быть инструментом социального усовершенствования»[29]. Лобби владельцев недвижимости приложило максимум усилий, чтобы не допустить принятия этой статьи, грозившей нарушить монополию частного предпринимательства на рынке жилья. Вместо этого был принят другой жилищный билль, предусматривавший лишь участие правительства в покупке закладных, обеспеченных Федеральной жилищной администрацией или гарантированных актом о помощи ветеранам.

Контроль над квартирной платой, ограничивавший ее рост, хотя и был продлен в конце 1947 г. на 14 месяцев, не предусматривал серьезных наказаний для его нарушителей. В послании конгрессу 23 февраля 1948 г. Трумэн отметил, что, несмотря на острую потребность в жилье, в 1947 г. его строительство составило менее 15% новых строительных работ. В американской прессе отмечалось, что возведенное жилье оставалось вне досягаемости для 80% американцев.

Одновременно с посланием Трумэна о положении страны в январе 1949 г. демократы внесли в сенат билль, содержавший предложения о строительстве в течение семи лет 1050 тыс. жилых единиц с помощью государства, об ассигновании 1 млрд. долл. в виде ссуд и 500 млн. долл. в виде капитальных затрат городам и штатам на расчистку трущоб, городскую реконструкцию, а также программу научных исследований в области жилищного строительства[30]. Лоббисты владельцев недвижимым имуществом немедленно повели ожесточенную кампанию против билля, обвиняя его авторов в «социалистических устремлениях»[31]. Тем не менее после острых дебатов и проволочек был одобрен билль, в котором предусматривалось строительство с помощью государства 810 тыс. жилых единиц в течение шести лет.

Акту о жилищном строительстве американские историки всегда отводят особое место как самому важному и единственному мероприятию «справедливого курса», одобренному 81-м конгрессом. Между тем к моменту истечения срока пребывания Трумэна на своем посту государством было построено менее 60 тыс. из предусмотренных законом 810 тыс. жилых единиц. Еще более жалкая участь ждала проекты расчистки трущоб[32]. Практический результат этой деятельности был равен нулю. Трущобные районы продолжали расти, превращая целые районы крупных промышленных центров в скопище полуразрушенных домов.

Несколько более положительным был итог весьма острой борьбы по вопросу о повышении минимума заработной платы. После обсуждения конгресс одобрил билль об увеличении минимума заработной платы до 75 ц. в час, что с учетом возросшей стоимости жизни фактически лишь восстанавливало минимум 1938 г. Конгресс пошел также на некоторые уступки в деле расширения системы социального страхования. По закону 1950 г. она была распространена на 45 млн. человек вместо 35 млн., как было раньше. Незначительно увеличивался минимум выплат.

Важное место во внутренней политике правительства Трумэна занимал аграрный вопрос. К концу 1948 г. обозначились первые симптомы

---

[29] *Davies R. O.* Housing Reform: A Fair Deal Case Study.— In: Harry S. Truman and the Fair Deal, p. 163.
[30] Congressional Record, vol. 95, pt 1, p. 48—55.
[31] New York Times, 1949, July 1.
[32] *Davies R. O.* Housing Reform during the Truman Administration. Columbia, 1966, p. 112, 125.

нового обострения аграрного кризиса. Вследствие накопившихся запасов нереализованной продукции цены на зерно резко упали: на кукурузу — с 2,25 долл. за бушель в июле до 1,26 долл. в конце октября, что было ниже гарантированного уровня цен (1,53 долл.)[33]. Сильнее всего от аграрного кризиса страдали малоимущие фермеры с доходом ниже 2 тыс. долл. в год. Они составляли свыше половины всех фермеров[34]. Однако подписанный Трумэном 3 июля 1948 г. сельскохозяйственный закон шел навстречу предложениям, высказанным Американской федерацией фермерских бюро и Нэшнл Грейндж, представлявших крупных фермеров. Закон вводил новую формулу поддержания цен. С 1950 г. твердая поддержка цен на уровне 90% паритета заменялась гибкой — от 60 до 90% в зависимости от объема производства данного вида фермерской продукции.

За закон 1948 г. проголосовали представители обеих партий в конгрессе. Однако демократы, осознав, что крупные фермеры поддерживали республиканскую партию, направили главные усилия на укрепление своего влияния среди основной массы мелкого и среднего фермерства. Поэтому правительство заявило о готовности выступить в поддержку так называемых «семейных ферм»[35]. Наиболее полное выражение политика «семейной фермы» получила в так называемом плане Брэннана, которого Трумэн в мае 1948 г. назначил министром сельского хозяйства. Этот план был обнародован на совместном заседании сельскохозяйственных комитетов обеих палат конгресса 7 апреля 1949 г.[36]

План Брэннана предполагал заменить паритет цен, выгодный в условиях аграрного кризиса крупным фермерам, паритетом доходов, при котором должна была оказываться поддержка более мелким, «семейным фермам», и предусматривал систему производственных платежей, распространявшихся дополнительно на ряд товаров, непригодных для длительного хранения. Это было выгодно не только фермерам (которые должны были получать от государства доплату к средствам, полученным ими после реализации продукции на рынке по свободным ценам), но и потребителям (которые не должны были платить специально поддерживаемые высокие цены). Наиболее оживленные дискуссии по плану Брэннана развернулись в период между апрелем 1949 г. и ноябрем 1950 г. Национальный фермерский союз, представлявший средних и мелких фермеров, высказался в пользу плана Брэннана[37]. Поскольку в плане Брэннана говорилось об удовлетворении нужд потребителя, он получил поддержку и КПП, в частности на его съезде в декабре 1948 г.[38]

Однако крупнокапиталистические фермеры и выражавшая их интересы Американская федерация фермерских бюро, а также лидеры республиканской партии выступили против плана Брэннана. В пылу дискуссии

---

[33] Harry S. Truman and the Fair Deal, p. 115.

[34] *Золотухин В. П.* Фермеры и Вашингтон. М., 1968, с. 174—176, 183—185, 190.

[35] Широко рекламируемая «семейная ферма» представляла собой хозяйство среднего фермера (от 120 до 200 акров), пользующегося наемной рабочей силой до 1,5 человека в среднем за год.

[36] *Christenson R. M.* The Brannan Plan. Farm Politics and Policy. Ann Arbor, 1959, p. 54.

[37] *Block W. J.* The Separation of the Farm Bureau and the Extention Service. Political Issue in a Federal System. Urbana, 1960, p. 247.

[38] *Matusow A. J.* Farm Policies and Politics in the Truman Years. Cambridge (Mass.), 1967, p. 200.

они упрекали Брэннана в «социализации» сельского хозяйства. Абсурдность этих доводов была очевидна всем, тем не менее план не был внесен в конгресс в качестве законопроекта, а та его часть, которая была рассмотрена в конечном счете конгрессом, оказалась отвергнутой. План Брэннана постигла общая судьба «справедливого курса», вызванного к жизни чисто политическими мотивами — желанием обеспечить демократам поддержку малоимущего большинства населения.

Вместо плана Брэннана осенью 1949 г. был принят новый сельскохозяйственный закон, который преследовал цель оказать существенную поддержку прежде всего крупному, а не среднему и мелкому фермерству, как это декларировалось политикой «семейной фермы». Согласно этому закону Торгово-кредитная корпорация получила из государственного бюджета огромные средства на закупку образовавшихся в ходе аграрного кризиса излишков сельскохозяйственной продукции, которую поставляли в основном крупные фермеры.

Аграрный кризис, а вкупе с ним и аграрная политика Трумэна содействовали укреплению позиций крупнокапиталистических хозяйств за счет интересов мелкого и среднего фермерства. В 1949 г. крупные хозяйства составляли лишь 22,4% всех ферм, но производили 73,5% всей товарной продукции. Что же касается мелких и средних ферм, то их численность с 1945 по 1950 г. неуклонно сокращалась. Число мелких ферм (до 100 акров) уменьшилось на 10%, а средних (100—220 акров) — на 7%. Обрабатываемая мелкими и средними фермерами площадь сократилась на 24 млн. акров, обрабатываемая же крупными фермерами (свыше 220 акров) — увеличилась на 42 млн. акров [39].

В январе 1951 г., после того как началась агрессия США в Корее, Трумэн выступил с посланием, посвященным мобилизации экономических и военных ресурсов страны на нужды войны. Из содержавшейся в послании законодательной программы, состоявшей из 10 пунктов, лишь один имел отношение к программе «справедливого курса». В нем речь шла о финансировании медицинского образования, поскольку в связи с войной увеличилась потребность в медицинском персонале [40].

Комментируя плачевный итог социальной деятельности правительства вскоре после закрытия первой сессии 82-го конгресса, печатный орган КПП «СИО ньюс» писал 29 октября 1951 г.: «Снова коалиция противников „справедливого курса" в обеих партиях отвергла все прогрессивные мероприятия, находившие широкую поддержку в народных массах, и в то же время продемонстрировала поразительную готовность служить крупному капиталу и монополиям» [41]. Среди причин, обусловивших провал внутриполитической программы Трумэна, основными являлись нежелание самого правительства отстаивать ее и отсутствие доверия к нему со стороны общественности. Этому способствовали многие факторы. Важную роль, в частности, сыграли так называемые «трумэновские скандалы» [42], получившие самый неблагоприятный резонанс и нанесшие серьезный удар по репутации демократической администрации.

В начале 50-х годов конгресс провел несколько громких расследований, вскрывших темные дела ряда официальных лиц, близких к Белому

[39] *Золотухин В. П.* Указ. соч., с. 175—176.
[40] Harry S. Truman and the Fair Deal, p. 35.
[41] Цит. по: Факты о положении трудящихся в США (1951—1952 гг.), с. 185.
[42] *Abels J.* The Truman Scandals. Chicago, 1956.

лому. В августе 1949 г. специальный сенатский комитет расследовал деятельность «торговцев влиянием», лоббистов и других лиц, которые за солидные взятки организовывали льготы для бизнесменов, жаждущих получить прибыльные правительственные контракты. В этом оказался замешанным военный помощник Трумэна и его ближайший друг генерал Вогэн [43]. Затем разразился новый скандал, в который была вовлечена Реконструктивная финансовая корпорация (РФК): в феврале 1950 г. сенатский комитет по делам банков и денежного обращения обнаружил на своих слушаниях, что займы, предоставляемые РФК, оговаривались политическими условиями. Кроме того, много шума вызвало разоблачение коррупции среди чиновников Службы внутреннего налогообложения. На слушаниях в конгрессе также вскрывались связи политического аппарата демократической партии с подпольным миром организованной преступности в некоторых крупных городах, где она контролировала механизм власти.

Подводя итоги работы 82-го конгресса, законодательный отдел КПП констатировал: «В истории страны очень немногие конгрессмены отличались столь неприглядным прислужничеством перед монополиями и полным безразличием к нуждам американского народа» [44]. В докладе Исполнительного совета АФТ отмечалось, что «в течение всей работы конгресса 82-го созыва было внесено 35 законопроектов, охватывающих широкий круг вопросов: установление практики справедливого найма рабочей силы, запрещение линчевания, устранение сегрегации, отмена избирательного налога и др. Однако ни один из них не привлек внимания конгресса» [45].

Реформистские лидеры профсоюзов, сетуя на поражение либеральной инициативы, в сущности, выносили обвинительный приговор и самим себе. Положившись на лоббистские методы агитации за реформы, отказавшись от решительной, бескомпромиссной борьбы с применением арсенала внепарламентских средств, ослабленное внутренним расколом, организованное рабочее движение утратило многие из завоеванных им в 30-е годы позиций, предопределив тем самым резкое снижение «сочувствия» к нему в правительственных сферах.

2. АГРЕССИЯ США В КОРЕЕ

Вступление 9 августа 1945 г. Советского Союза в войну с Японией привело к разгрому Квантунской армии, освобождению всей территории Кореи советскими войсками и долгожданному избавлению корейского народа от чужеземного гнета. 2 сентября 1945 г. японское правительство подписало акт о безоговорочной капитуляции. Уничтожение японского господства вызвало большой подъем политической активности корейского народа, приведшей к глубоким социально-экономическим переменам. По всей стране создавались народные комитеты как органы подлинно народной власти, представлявшей различные слои корейского народа. Руководящей и организующей силой в демократическом строительстве новой Кореи выступали коммунисты [46].

[43] Congress Investigates: A Documented History, 1792—1974/Ed. by A. M. Schlesinger, Jr. N. Y.; L., 1975, p. 3441.
[44] Факты о положении трудящихся в США (1951—1952 гг.), с. 185.
[45] Там же, с. 186.
[46] История Кореи: В 2-х т. М., 1974, т. 2, с. 164.

В соответствии с договоренностью правительств СССР и США в целях принятия капитуляции японских войск, находившихся на территории Кореи, к северу от 38-й параллели была установлена зона военной ответственности СССР, к югу — зона военной ответственности США[47]. Эта мера вызывалась также необходимостью подготовки условий для предоставления Корее независимости и обеспечения ее развития как единого демократического государства. Разделение страны должно было носить временный характер и окончиться с провозглашением независимого корейского государства[48]. Однако США воспрепятствовали решению корейского вопроса в духе, отвечающем интересам народа этой страны.

Корея, освобожденная от японского господства, занимала во внешнеполитических планах США особое место, прежде всего вследствие ее чрезвычайно выгодного стратегического положения и близости к границам социалистических стран. Монополии США стремились использовать свое военное присутствие в Корее в качестве базы для расширения экономической экспансии в Азии. Показательно, что американские войска высадились в порту Инчхон 8 сентября 1945 г., т. е. уже после капитуляции Японии и окончания войны. И уже первые месяцы их пребывания показали стремление правящих кругов США к закреплению расчленения Кореи и установлению своего военного и политического контроля на юге страны.

Положение в Корее было предметом обсуждения на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г. Государственный секретарь США Бирнс фактически предложил установить над Кореей опеку четырех держав: США, СССР, Англии и гоминьдановского Китая сроком на пять лет с возможным продлением ее в дальнейшем на такой же период. Американский проект послевоенного устройства Кореи не предусматривал образования общекорейского правительства. Предлагалось создать лишь союзническую администрацию во главе с двумя командующими, от СССР и США, которая должна была функционировать до установления гражданского административного управления Кореи[49].

Советский Союз, напротив, исходил из необходимости создания временного демократического правительства как реального органа осуществления корейским народом своих суверенных прав. Советский проект не отвергал опеку четырех держав, но подчеркивал, что такая опека должна осуществляться посредством временного корейского демократического правительства, призванного обеспечить национальные интересы корейского народа. Срок опеки ограничивался пятью годами[50].

В результате острой дискуссии было достигнуто соглашение, согласно которому Корея должна была развиваться как единое независимое демо-

---

[47] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: В 2-х т. М., 1976, т. 2, с. 281—282.

[48] Международные отношения после второй мировой войны: В 3-х т. М., 1962—1965, т. 1, с. 186.

[49] История дипломатии: В 5-ти т. М., 1959—1979, т. 5, кн. 1, с. 140; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1945: Vol. 1—9. Wash., 1960—1969, vol. 7, p. 642—643. (Далее: FRUS).

[50] Советский Союз и корейский вопрос: Документы. М., 1948, с. 5—7, 12.

кратическое государство[51]. Для оказания содействия образованию временного корейского демократического правительства и предварительной разработки соответствующих мероприятий решением Московского совещания создавалась совместная комиссия из представителей командования американских войск в Южной Корее и командования советских войск в Северной Корее[52].

20 марта 1946 г. в Сеуле совместная Советско-американская комиссия приступила к подготовке рекомендаций относительно состава временного демократического правительства путем консультаций с демократическими организациями Кореи и к разработке мер помощи и содействия политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа[53]. Трудности в работе комиссии возникли сразу же, как только встал вопрос о выборе конкретных организаций для консультаций. Позиции СССР и США в этом вопросе были различными. Американская сторона всячески уклонялась от консультаций с демократическими организациями и политическими партиями юга страны, поддерживавшими решения Московского совещания[54]. Она ориентировалась в основном на консервативные группы и партии, отвергавшие совместно выработанные соглашения, что создавало серьезные препятствия в работе комиссии. Одновременно на юге страны все более усиливалось наступление на прогрессивные силы. В течение февраля—апреля 1947 г. было арестовано более 2 тыс. представителей демократических партий и организаций[55].

Правящие круги США всячески содействовали возвращению в Южную Корею наиболее реакционной части корейской эмиграции, которая стала послушным орудием военной администрации США. В октябре 1945 г. на американском самолете в Южную Корею был доставлен Ли Сын Ман, вставший во главе раскольнических сил. Опираясь на эти элементы, Соединенные Штаты стремились обойти решение Московского совещания и закрепить раскол Кореи. В этих условиях, несмотря на усилия СССР, совместная Советско-американская комиссия не смогла прийти к соглашению ни по одному вопросу. США блокировали все предложения советской стороны и, прервав работу комиссии, вынесли корейский вопрос на рассмотрение ООН[56].

Использовав механическое большинство в ООН, находившееся под контролем США, американской дипломатии удалось добиться решения Генеральной Ассамблеи о передаче вопроса о Корее на рассмотрение вновь созданной Временной комиссии ООН по Корее, в состав которой вошли представители Австралии, Индии, Канады, Сальвадора, Сирии, Филиппин, Франции и Китая. Делегация СССР в голосовании не участвовала. Под наблюдением этой комиссии не позже 31 марта 1948 г. должны были состояться выборы в Национальное собрание, которое впо-

---

[51] Московское совещание министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства. М., 1946, с. 10.

[52] Внешняя политика Советского Союза, 1945 год: Документы и материалы. М., 1949, с. 160—161.

[53] *Самсонов Г. Е.* Борьба за мирное демократическое решение корейского вопроса. М., 1960, с. 28.

[54] Советский Союз и корейский вопрос, с. 18, 19.

[55] Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы, 1945—1957: В 2-х т. М., 1978, т. 1, с. 83.

[56] История дипломатии, т. 5, кн. 1, с. 163.

следствии сформировало бы единое для всей Кореи правительство [57].

Временная комиссия ООН прибыла в Сеул в начале 1948 г., но не нашла поддержки демократических сил Кореи. По всей стране развернулось широкое движение против иностранного вмешательства. В апреле 1948 г. в Пхеньяне состоялось совместное совещание представителей 56 политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, объединявших около 10 млн. человек. Совещание обратилось к правительствам США и СССР с требованием об одновременном выводе их войск и предоставления возможности провести всеобщие свободные выборы в целях создания единого демократического государства [58]. Положение в стране становилось крайне тревожным. В этих условиях члены Временной комиссии ООН открыто выражали сомнение относительно возможности проведения свободных выборов, которые смогли бы привести к объединению Кореи и созданию подлинно национального правительства [59].

Тем не менее 10 мая 1948 г. в обстановке преследования демократических сил в Южной Корее были проведены сепаратные выборы в Национальное собрание, которое провозгласило создание Корейской республики во главе с Ли Сын Маном. Тем самым с санкции США раскол страны был конституционно закреплен. Секретный бюллетень Управления разведки госдепартамента отмечал, что «путем создания прочного и дружественного правительства в Корее США обеспечили частичную стабилизацию положения на Дальнем Востоке и компенсировали свои дипломатические неудачи в других частях Азии» [60].

В ответ на эти раскольнические действия 25 августа 1948 г. патриотические силы Кореи приняли решение провести выборы в Верховное народное собрание в обеих частях страны. На юге они проходили нелегально. В Верховное народное собрание были выбраны представители всех основных партий и социальных слоев Северной и Южной Кореи. Из 572 депутатов 360 были избраны в Южной Корее [61]. 8 сентября Верховное народное собрание приняло конституцию, политически закрепившую создание Корейской Народно-Демократической Республики. Провозглашая единство страны, свободу и независимость народа своей главной целью, правительство КНДР обратилось к СССР и США с просьбой об одновременном выводе всех войск. Советский Союз положительно откликнулся на этот призыв и к концу 1948 г. вывел свои войска из Кореи.

Вашингтон игнорировал рождение нового демократического государства и его требования и лишь «принял к сведению» решение Советского правительства об отводе войск. Под нажимом США Генеральная Ассамблея ООН признала правительство Южной Кореи законным, созданным на основе «свободных выборов» [62]. Таким образом, в результате раскольнических, антидемократических действий Соединенных Штатов 38-я параллель надолго осталась линией раскола Кореи, по обе стороны которой

[57] ООН. Официальный отчет второй сессии Генеральной Ассамблеи: Резолюции, 1947, 16 сентября — 29 ноября 1947 г. Нью-Йорк, 1947, с. 13, 14.
[58] Советский Союз и корейский вопрос, с. 89.
[59] Международные отношения после второй мировой войны, т. 1, с. 192.
[60] Documents and Materials Exposing the Instigators of the Civil War in Korea. Documents from the archives of the Lhee Sungman government. Pyongyang, 1950, p. 210.
[61] История Кореи, т. 2, с. 203.
[62] *Rees D.* Korea: The Limited War. Baltimore, 1964, p. 13.

были созданы и развивались разные по своим политическим и социально-экономическим основам государства.

Летом 1949 г. Единый демократический национальный фронт Кореи обратился к генеральному секретарю ООН Трюгве Ли с требованием вывода американских войск из Южной Кореи и предоставления корейскому народу права самостоятельно решать судьбу своей страны. Под давлением общественного мнения США вынуждены были в июне 1949 г. вывести войска. Сразу же после отвода американских войск положение лисынмановского режима, никогда не пользовавшегося поддержкой народа, стало критическим. Население все настойчивее требовало проведения демократических преобразований. Активизировалось партизанское движение в горах. По мнению Ли Сын Мана, в создавшейся ситуации только начало военных действий против Севера и возвращение американских войск могли спасти от гибели антинародный режим Южной Кореи.

Положение в Корее неоднократно являлось предметом обсуждения на заседаниях Совета национальной безопасности США. Еще весной 1948 г. СНБ представил на рассмотрение президента ряд предложений о политике США в отношении Кореи. Президенту было рекомендовано всемерно поддерживать южнокорейский режим, обучая и оснащая его национальные военные силы и предоставляя экономическую помощь [63].

Рассматривая в течение 1949—1950 гг. проблемы, связанные с политикой США в странах Азии, СНБ и Объединенный комитет начальников штабов во всех докладах и меморандумах президенту, министру обороны и государственному секретарю прежде всего отмечали, что «Азия стратегически важна для Соединенных Штатов» [64]. В связи с этим указывалось, что, «помогая» решению политических, экономических, социальных и культурных проблем в этих странах, США «должны учитывать собственные интересы» и «оказывать помощь в таких вопросах, которые способствуют усилению влияния и престижа США в этом регионе» [65]. Для достижения указанных целей правительству рекомендовалось опираться на антикоммунистические силы и реакционных политических деятелей этих стран. Политика Великобритании и Франции в Азии объявлялась ошибочной, вследствие чего США надлежало, как заявлялось, «взять на себя руководство западными партнерами в их политике в Азии, координируя планы и военные усилия» [66].

Особое значение в этом отношении имела директива СНБ-68, официально объявлявшая намерение США единолично решать судьбы народов и бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела государств под предлогом защиты «свободного мира» [67]. Меморандум СНБ 48/2 предлагал президенту продолжать оказывать всемерную политическую, экономическую, техническую, военную и иную помощь режиму Ли Сын Мана [68].

---

[63] Подробнее см.: *Агафонова Г. А.* Совет национальной безопасности США, 1947—1960. М., 1973, с. 63.
[64] US — Vietnam Relations, 1945—1967. Study Prepared by the Department of Defense, Book 8. Wash., 1971, p. 218, 226, 265, 282, 328, 341, 399.
[65] Ibid., NSC 48/1, p. 269.
[66] Ibid. JCS Memorandum, p. 315—317.
[67] FRUS, Diplomatic Papers, 1950: Vol. 1—7. Wash., 1976—1980, vol. 1, p. 237—292.
[68] US — Vietnam Relations, Book 8. Memorandum, NSC 48/2, p. 269.

Следуя этим рекомендациям, правительство Соединенных Штатов заключило с Южной Кореей ряд соглашений. Важнейшим среди них было соглашение 1950 г. «О взаимной помощи и обороне», ставшее своеобразной охранной грамотой режима Ли Сын Мана и подогревавшее его стремление начать «поход на Север» [69].

Опираясь на положения этого документа, американская военная миссия в Южной Корее во главе с генералом У. Робертсом занялась усиленной подготовкой лисынмановской армии. Обучение и идеологическая обработка личного состава проводились под руководством американских советников и инструкторов, численность которых достигала 500 человек [70]. После вывода войск из Кореи США передали Ли Сын Ману оружия на сумму 190 млн. долл.[71] Срочно строились аэродромы в Йонджу и Вонджу. Военно-морские порты Инчхон, Пусан, Йосу, Мокпхо и военно-морская база в Чинхэ предоставлялись в распоряжение американского командования [72]. Восстанавливались старые и строились новые укрепления, стратегические дороги, фортификационные сооружения. Особенно интенсивное строительство велось вдоль 38-й параллели. К началу 1949 г. здесь было сосредоточено пять южнокорейских дивизий, вооруженных и обученных американцами, две полицейские дивизии и нерегулярные воинские формирования. Американский посол в Сеуле Дж. Муччо в беседе с министрами лисынмановского правительства говорил: «За вашей спиной стоят США. Надеюсь, вы будете добросовестно выполнять все наши советы и указания, доверяя нам во всем... Не сомневаюсь, что вы уделите все внимание делу подготовки, чтобы приблизить время всеобщего наступления на территорию севернее 38-й параллели, учитывая конкретную обстановку и наши намерения» [73].

Заручившись поддержкой Соединенных Штатов, Ли Сын Ман провозгласил «поход на Север» первейшей задачей [74]. По мнению южнокорейского командования, армия была готова к началу военных действий. Однако американское правительство не решалось предоставить марионеточным войскам самостоятельность в действиях. В октябре 1949 г. генерал Робертс подчеркивал, что вторжение южнокорейской армии за 38-ю параллель будет осуществляться только по приказу военной миссии США [75].

Развертывая военные приготовления, лисынмановские войска провоцировали многочисленные вооруженные инциденты в пограничном районе. С января 1949 по апрель 1950 г. было совершено 1407 вторжений на территорию Северной Кореи с суши, воздуха и моря [76]. Генерал Робертс считал такие действия «прекрасной попыткой разжечь внутри страны междоусобную войну, живой проверкой сил в непосредственном столк-

---

[69] American Foreign Policy, 1950—1955. Basic Documents: Vol. 1, 2. Wash., 1957, vol. 2, p. 2529—2530.
[70] Вооруженная борьба народов Азии за свободу и независимость. М., 1984, с. 129.
[71] Documents and Materials Exposing the Instigators of the Civil War in Korea, p. 217. Подробнее см.: *Кравцов Н.* Агрессия американского империализма в Корее (1945—1951). М., 1951, с. 296—301.
[72] Ibid., p. 33, 111.
[73] Ibid., p. 111.
[74] *Pritt D. N.* New Light on Korea. L., 1951, p. 6; *Пак М. Н.* Как подготовлялась американская агрессия в Корее. М., 1951, с. 19.
[75] *Pritt D. N.* Op. cit., p. 9.
[76] История дипломатии, т. 5, кн. 1, с. 276.

новении с врагом»[77]. По существу, это был призыв к ведению необъявленной войны южнокорейских регулярных войск против КНДР. Было проведено несколько операций. Наиболее крупной явилась кэсонская операция 25 июля 1949 г., планируя которую лисынмановское командование намеревалось захватить часть территории Северной Кореи. Однако операция окончилась полным провалом, после чего по настоянию американцев началось спешное переформирование армии Южной Кореи и пополнение ее путем насильственной мобилизации. Усилился приток военного снаряжения и военной техники из США[78].

В мае 1950 г. переподготовка лисынмановской армии была завершена. Руководитель американского управления экономической помощи Южной Корее Джонсон, выступая в комиссии палаты представителей, заявил, что стотысячная южнокорейская армия, оснащенная американским снаряжением и обученная американскими советниками, готова в любой момент начать войну[79]. Ход событий показал, что это заявление не было случайным. Оно отражало состояние политического и экономического хаоса в Южной Корее, начавшегося с весны 1950 г.

Кэсонская операция с новой силой всколыхнула антилисынмановские выступления народных масс в тылу, активизировалось партизанское движение, особенно в горных районах. Все это побуждало правительство Ли Сын Мана и его покровителей форсировать нападение на КНДР. Войну рассматривали как выход из создавшегося положения. Именно в это критическое время в Японию прибыли военный министр США Л. Джонсон, начальник генерального штаба вооруженных сил США генерал О. Брэдли и советник госдепартамента Дж. Ф. Даллес, которые провели секретное совещание с генералом Д. Макартуром, командующим американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке. Посетив затем Южную Корею, Даллес выступил 19 июня 1950 г. на заседании Национального собрания, заверив корейское правительство в том, что Соединенные Штаты окажут лисынмановцам необходимую моральную и материальную поддержку в их борьбе против коммунизма[80]. В ответной речи Ли Сын Ман обещал защищать «демократию», «если не в холодной, то в горячей войне»[81].

В сопровождении представителей командного состава южнокорейской армии Даллес предпринял инспекционную поездку в район 38-й параллели, где обратился к войскам с речью. «Еще в Америке,— говорил он,— я слышал о мужестве и боевой мощи вашей армии. Я увидел гораздо больше, чем слышал ранее. Вам не может противостоять даже самый сильный противник. Не долго ждать того момента, когда вы сможете проявить свою силу»[82]. В интервью представителям агентства Ассошиэйтед Пресс 21 июня Даллес заявил, что вскоре следует ожидать «позитивных действий»[83]. Спустя три дня, 25 июня, на корейской земле

[77] Documents and Materials Exposing the Instigators of the Civil War in Korea, p. 112.
[78] Ibid., p. 118.
[79] Истинная история того, как США развязали агрессивную войну в Корее. Пхеньян, 1967, с. 4.
[80] *Stone I. F.* The Hidden History of the Korean War. N. Y.; L., 1952, p. 17.
[81] Цит. по: Внешняя политика Советского Союза, 1950 год: Документы и материалы. М., 1953, с. 195.
[82] Цит. по: *Пак М. Н.* Указ. соч., с. 24.
[83] *Stone I. F.* Op. cit., p. 27.

вспыхнуло пламя войны. Лисынмановская армия начала вероломное наступление на территорию Северной Кореи по всей линии 38-й параллели.

Командование корейской Народной армии (КНА) и правительство КНДР, имевшие достаточную информацию о подготовке вторжения на Север, не дали застать себя врасплох и отбили наступление [84]. Тем не менее сразу после начала военных действий правительство Корейской Народно-Демократической Республики обратилось к Ли Сын Ману с требованием прекратить агрессию [85]. Однако вторжение с юга продолжалось, что вынудило Народную армию КНДР перейти в контрнаступление. 26 июля, выступая по радио, председатель кабинета министров КНДР Ким Ир Сен призвал народ защитить свою Родину [86]. В течение двух месяцев Народная армия при широкой поддержке населения победоносно продвигалась на юг и вышла к излучине р. Нактонган. В ожесточенных боях за Сеул, Тэджон, Мокпхо лисынмановцы понесли большие потери. Южнокорейская армия была деморализована и, по определению генерала Макартура, «не проявила способности к сопротивлению или желания вести борьбу» [87]. Население Южной Кореи оказало Народной армии содействие.

Лисынмановский режим начал быстро разваливаться. На помощь ему Соединенные Штаты спешно перебросили из Японии четыре армейские дивизии, пять бронетанковых батальонов и другие части и подразделения [88]. Военно-воздушные силы США, базировавшиеся в Японии, наносили бомбовые удары по частям корейской Народной армии. Однако это не могло сдержать наступления. К концу августа была освобождена почти вся Южная Корея, за исключением Пусанского плацдарма.

Спровоцировав и поддержав вооруженное нападение сеульского режима на КНДР, американские правящие круги не предполагали, что военные действия примут столь катастрофический оборот. Паническое бегство южнокорейских войск поставило под удар казавшиеся такими прочными позиции США в Корее. Потеря Корейского полуострова грозила серьезно поколебать позиции Вашингтона и на Тайване, и в Японии, являвшихся основными звеньями военно-политической стратегии США на Дальнем Востоке. Стремясь спасти положение и получив 25 июня сообщение американского посла в Сеуле Дж. Муччо о «вторжении северокорейских войск на территорию Южной Кореи» [89], США в тот же день настояли на созыве заседания Совета Безопасности ООН. Под нажимом Вашингтона Совет Безопасности в отсутствие советского делегата принял резолюцию, объявлявшую Северную Корею агрессором и требовавшую прекращения огня и отвода войск за 38-ю параллель под наблюдением Комиссии ООН [90].

---

[84] Локальные войны: История и современность. М., 1981, с. 109—110.
[85] Заявление министра внутренних дел КНДР от 25 июня 1950 г.— Правда, 1950, 26 июня.
[86] *Ким Ир Сен.* Справедливая отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость. Пхеньян, 1955, с. 13.
[87] Цит. по: *Truman H. S.* Memoirs: Vol. 1, 2. Garden City (N. Y.), 1955–1956, vol. 2, p. 337.
[88] *Мазуров В. М.* Южная Корея и США. М., 1971, с. 13, 14.
[89] American Foreign Policy, 1950—1955, vol. 2, p. 2536—2538.
[90] Доклад Совета Безопасности Генеральной Ассамблеи за период времени с 16 июля 1949 г. по 15 июля 1950 г. Нью-Йорк, 1950, с. 24.

27 июня 1950 г. американские вооруженные силы на Дальнем Востоке получили приказ президента Трумэна обеспечить прикрытие и поддержку войскам Южной Кореи, т. е. начать открытую вооруженную интервенцию. Одновременно США увеличили вооруженные силы на Филиппинах, ускорили оказание военной помощи Франции в Индокитае. Американскому военно-морскому флоту предписывалось «предотвратить нападение на Формозу» [91]. Таким образом, правительство США перешло к прямым актам агрессии не только в Корее, но и в ряде стран Азии. Открытое вооруженное вмешательство США во внутренний конфликт в Корее изменило характер войны. Если вначале столкновение Севера и Юга можно было рассматривать как гражданскую войну, то с вмешательством США она переросла в борьбу за освобождение страны от иностранных интервентов и их пособников на Юге Кореи.

Совет Безопасности, собравшийся на заседание 27 июня во второй половине дня, был поставлен перед свершившимся фактом военного вмешательства США в корейский конфликт. Не проведя никакого расследования, не заслушав мнения Северной Кореи, Совет Безопасности под нажимом США одобрил военное вмешательство США в Корее и рекомендовал членам ООН предоставить Южной Корее военную помощь [92].

Действия Совета Безопасности шли вразрез с Уставом ООН, согласно которому решения по важным вопросам принимаются не менее чем семью голосами, включая голоса всех пяти постоянных членов Совета Безопасности (СССР, США, Китай, Великобритания, Франция). За принятую резолюцию проголосовали только шесть делегатов в отсутствие представителя СССР. Таким образом, резолюция ООН, в сущности одобряющая военную интервенцию США в Корее, не имела законной силы. Советский Союз возражал против принятия подобной резолюции, указав на ее незаконность в ноте генеральному секретарю ООН Трюгве Ли от 29 июня и в заявлении заместителя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко от 4 июля 1950 г.[93]

30 июня Трумэн, не дожидаясь присоединения союзников к навязанным им «коллективным санкциям», отдал приказ о начале бомбардировки отдельных военных объектов в Северной Корее и установлении морской блокады всего корейского побережья, введя в действие американские морские и наземные силы, что лишало Народную армию КНДР возможности использовать морские коммуникации для переброски войск и снаряжения [94].

Применяя тактику «свершившегося факта», Соединенные Штаты протащили в Совете Безопасности 7 июля резолюцию о создании «объединенного командования войсками ООН», которая предписывала всем членам ООН, выделявшим вооруженные силы или оказывавшим иную помощь Южной Корее, предоставлять ее в распоряжение «объединенного командования», возглавляемого Соединенными Штатами [95]. Главнокомандующим «войсками ООН» был назначен генерал Д. Макартур. $^{2}/_{3}$ войск,

---

[91] US — Vietnam Relations, 1945—1967, Book 8, p. 336.
[92] Документ S/1511. Резолюция от 27 июня 1950 г.— В кн.: ООН. Резолюция и решения Совета Безопасности за 1950 г.: Официальные отчеты. Нью-Йорк, 1965, с. 3.
[93] Внешняя политика Советского Союза, 1950 год, с. 190, 203.
[94] FRUS, Diplomatic Papers, 1950, vol. 7, p. 158, 159.
[95] Документ S/1588. Резолюция от 7 июля 1950 г.— В кн.: ООН. Резолюции и решения Совета Безопасности за 1950 г., с. 4.

участвовавших в войне против корейского народа, составляли американские части [96]. Лишь позже под нажимом США в агрессивной войне приняли участие незначительные контингенты еще 15 государств. Из общей численности войск на долю союзников США пришлось около 10% сухопутных, 7% военно-морских и 1% военно-воздушных сил. В состав «войск ООН» вошла вся армия Южной Кореи [97]. Р. Мэрфи, получивший в 1952 г. пост посла США в Японии, впоследствии писал: «Хотя некоторые члены ООН послали войска в Корею и некоторые правительства предоставили невоенную помощь, корейская война была главным образом американо-корейским предприятием» [98].

Став главнокомандующим «войсками ООН», генерал Макартур получил полную свободу действий. Ярый сторонник вооруженного подавления национально-освободительного движения в Азии, Макартур постоянно стремился расширить корейский конфликт, открыто выступая за внешнеполитический курс, который мог привести только к третьей мировой войне.

15—16 сентября 1950 г. 50-тысячный десант «войск ООН» с танками и артиллерией высадился в Инчхоне под прикрытием 500 самолетов и 300 военных кораблей и оказался в тылу главных сил КНДР [99]. Американское командование придавало этой операции исключительно важное значение. Захват Инчхона и находившегося в 24 км от него Сеула давал возможность Макартуру перерезать растянувшиеся линии коммуникации корейской Народной армии, парализовав тем самым ее действия на юге.

Операция вторжения непрерывно поддерживалась свежими воинскими контингентами, боеприпасами, снаряжением и всеми необходимыми материалами, доставлявшимися из Японии, ставшей основной военной базой США и их союзников в корейской войне. Для подготовки и проведения интервенции правительство США в полной мере использовало не только разветвленную сеть своих баз на территории Японии, но и ее военный и промышленный потенциал. Власть Ли Сын Мана в Южной Корее была восстановлена штыками армии Макартура. 38-я параллель вновь разделила Корею на две части.

Вопрос о том, перейдут войска Макартура 38-ю параллель или начнутся переговоры с правительством Северной Кореи, был политическим, а не военным. Следовало ожидать, что решение его будет принято с учетом необходимости урегулирования дипломатическим путем возникшей чрезвычайно опасной для дела всеобщего мира ситуации. Однако события показали, что подобный подход к решению вопроса не соответствовал стратегическим замыслам США. 1 октября 1950 г. Макартур передал по радио обращение к командующему КНА с ультимативным требованием безоговорочной капитуляции [100].

В тот же день, действуя в соответствии с санкцией Объединенного комитета начальников штабов и президента Трумэна, армия Макартура перешла 38-ю параллель и вступила на территорию Корейской Народно-Демократической Республики, нарушив тем самым решение Совета

---

[96] Вооруженная борьба народов Азии за свободу и независимость, с. 134.
[97] *Goodrich L. M.* Korea. A Study of US Policy in the United Nation. N. Y., 1956, p. 117.
[98] *Murphy R.* Diplomat Among Warriors. N. Y., 1964, p. 349.
[99] *Монтросс Л., Кэнзона Н.* Иньчхонь-сеульская операция. М., 1959, с. 10.
[100] *Spanier J. W.* The Truman—MacArthur Controversy and the Korean War. N. Y., 1965, p. 91.

Безопасности, ограничивающее военные действия «войск ООН» только территорией Южной Кореи [101]. 7 октября, опять задним числом, Соединенные Штаты провели в ООН резолюцию, разрешавшую ради «объединения Кореи» применение силы севернее 38-й параллели. V сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций санкционировала оккупацию Северной Кореи «войсками ООН» для установления «устойчивого положения» [102].

В условиях военной оккупации вновь созданной Комиссии ООН надлежало наблюдать за проведением общекорейских выборов на основе южнокорейской конституции. Была учреждена также Комиссия ООН по объединению и восстановлению Кореи, которая должна была взять на себя «всю ответственность за управление и гражданскую администрацию Северной Кореи» [103]. Данная резолюция была принята в нарушение Устава ООН и также не имела законной силы, поскольку Генеральная Ассамблея не имеет права принимать решения о начале военных действий. Прикрываясь этим незаконным решением, войска Макартура форсировали наступление, захватив Пхеньян, Анджу, Хыннам, и в районах рек Ялуцзян и Тумыньцзян вышли непосредственно к корейско-китайской границе. Американские военно-воздушные силы начали совершать налеты на северо-восточные провинции КНР. За два с половиной осенних месяца 1950 г. самолеты США 90 раз нарушили границы Китая [104].

Переход войсками Макартура 38-й параллели и их продвижение к границам Китая и Советского Союза коренным образом меняли стратегическую обстановку в этом важном районе. Защищая свою безопасность, обе страны могли быть втянуты в военные действия. Вашингтон пытался выяснить позиции и намерения СССР и Китая [105]. Учитывая возможность вступления КНР в военные действия, американское правительство категорически предупредило Китайскую Народную Республику «избегать вмешательства в вооруженный конфликт в Корее» [106]. В случае вступления Китая в военные действия Объединенный комитет начальников штабов США планировал быстрый и полный разгром китайских войск, направленных в Корею, поскольку их численность, по данным штаба Макартура, не могла превысить 50—60 тыс. человек [107]. Исходя из этого, главнокомандующий «войсками ООН» заверял президента, что китайское правительство не решится начать военные действия.

Встреча президента Трумэна с Макартуром на о-ве Уэйк 15 октября показала, что Вашингтон одобряет план ведения войны, рекомендуя главнокомандующему «войсками ООН» лишь ограничить военные действия территорией Кореи [108]. Между тем приказы Макартура по войскам

---

[101] *Ridgway M. B.* The Korean War. N. Y., 1967, p. 45.
[102] Military Situation in the Far East, Hearing before the Committee on Armed Services and the Committee on Foreign Relations. US Senate, 82nd Congress, 1st Session, pt 3. Wash., 1951, p. 2258.
[103] American Foreign Policy, 1950—1955, vol. 2, p. 2576—2578.
[104] *Капица М. С.* КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979, с. 53.
[105] *Acheson D.* Present at the Creation. My Years in the State Department. N. Y., 1969, p. 452.
[106] FRUS, Diplomatic Papers, 1950, vol. 7, p. 733.
[107] American Foreign Policy, 1950—1955, vol. 2, p. 2619.
[108] Политика США в странах Дальнего Востока. М., 1964, с. 122.

ни у кого не вызывали сомнений, что любая граница для него не преграда «в священной борьбе за свободу»[109].

Во избежание международного конфликта по решению Организации Объединенных Наций вдоль северной границы КНДР была создана «буферная зона» шириной в 40 км. «Войска ООН» не должны были вторгаться в ее пределы. На пресс-конференции в Вашингтоне 26 октября Трумэн подтвердил, что на заключительном этапе наступления район, прилегающий к северной границе Кореи, займут только южнокорейские войска[110]. Однако штаб Макартура пренебрег и решением ООН, и заявлением президента. «Войска ООН» вошли в «буферную зону», сосредоточив главный удар в районах гидростанций на р. Ялуцзян, снабжавших электроэнергией как КНДР, так и пограничные районы Китайской Народной Республики. На северо-востоке интервенты захватили г. Чхонджин, расположенный недалеко от советской границы. Американские самолеты появились в 40 км от Владивостока. Выход «войск ООН» на этот рубеж создал угрозу для безопасности СССР и КНР.

Правительство Китайской Народной Республики через посла Индии в Пекине К. Паниккара неоднократно предупреждало Вашингтон, что не останется равнодушным к судьбе корейского народа[111]. 25 октября первые отряды китайских добровольцев вступили на территорию Кореи в целях оказания помощи освободительной борьбе корейского народа. Советский Союз, верный своему интернациональному долгу, оказывал помощь борющейся Корее оружием, боеприпасами, транспортными средствами, горючим, продовольствием, медикаментами. По просьбе китайского правительства в северо-восточных районах Китая было дислоцировано несколько советских авиационных дивизий. В боевых операциях участвовали опытные советские летчики, прикрывая северо-восточные районы Китая от воздушных нападений американской авиации[112]. Советское правительство было готово отправить на помощь Корее пять дивизий в случае ухудшения обстановки[113]. Одновременно СССР оказывал всемерную моральную и политическую помощь КНДР и КНР на международной арене.

С вступлением в военные действия китайских добровольцев ситуация на фронте изменилась. Даже Макартур вынужден был признать, что Соединенные Штаты стоят перед лицом совершенно новой войны[114]. В 20-х числах октября 1950 г. корейская Народная армия совместно с китайскими добровольцами задержали наступление интервентов на северо-западном направлении в районе Анджу, а также севернее Хамхына и Сонджина. В результате 15-дневных ожесточенных боев «войска ООН» были отброшены на юг, потеряв при этом более 19 тыс. солдат и офицеров.

Американское командование спешно подтянуло все резервы и предприняло новое, «решающее» наступление сразу на нескольких направлениях. В этих боях участвовали американские, британские, австралийские, турецкие, французские, голландские и лисынмановские войска, общей чис-

[109] *Stone I. F.* Op. cit., p. 154, 155.
[110] Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы, т. 1, с. 146.
[111] *Whitting A. S.* China Crosses the Yalu. The Decision to Enter the Korean War. N. Y., 1960, p. 108.
[112] *Капица М. С.* Указ. соч., с. 53.
[113] История внешней политики СССР, 1917—1980: В 2-х т. М., 1981, т. 2, с. 161; Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы, т. 1, с. 146.
[114] FRUS, Diplomatic Papers, 1950, vol. 7, p. 1255, 1257.

ленностью 100 тыс. человек. Макартур был уверен в победе. В беседе с американскими корреспондентами он хвастливо заявлял: «Скажите ребятам, если они достигнут реки Ялуцзян, то будут сидеть дома за рождественским столом» [115].

Однако и это наступление провалилось. Под стремительным натиском освободительной армии «войска ООН» поспешно отступали, оставляя тяжелое вооружение, автомашины, склады боеприпасов и горючего. Обозреватель газеты «Крисчен сайенс монитор» сообщал с места событий: «Американские войска отступают к Сеулу с такой быстротой, какую только позволяют развить транспортные средства» [116]. К концу декабря вся территория КНДР была вновь освобождена. Народно-освободительная армия, преследуя врага, перешла 38-ю параллель и 4 января 1951 г. освободила Сеул.

На заседании Объединенного комитета начальников штабов Макартур заявил, что создавшееся положение угрожает полным уничтожением войскам, находящимся под его командованием [117]. Армию интервентов охватила паника. В США было объявлено чрезвычайное положение. Еще 30 ноября президент Трумэн заявил, что США готовы использовать все военные средства, которыми располагают, включая атомную бомбу, чтобы «освободить Корею» [118]. Макартур предлагал сбросить 30—50 атомных бомб на военно-воздушные базы Китая и Кореи и создать зараженную радиоактивным кобальтом зону от Японского до Желтого моря [119]. Он был готов даже пойти на риск «всеобщей войны» [120].

Генерал был не одинок в своих стремлениях. Его поддерживали многие члены правительства, министерства обороны, сторонники так называемой азиатской ориентации во внешней политике в конгрессе, считавшие, что судьба капитализма решается в Азии. Однако президент Трумэн и стоявшая за ним часть демократической партии, придерживавшиеся европейской ориентации, главную задачу внешнеполитического курса США видели в сохранении капитализма в Западной Европе и упрочении связей между союзниками по НАТО. В связи с этим развязывание большой войны на Дальнем Востоке могло бы отвлечь силы США из Европы и тем самым ослабить там их позиции [121].

Конфликт в правящих кругах вылился в острую борьбу по внешнеполитическим вопросам, получившую название «великие дебаты». Генерал О. Брэдли, бывший в то время председателем Объединенного комитета начальников штабов, оценивая создавшееся положение, говорил, что распространение войны на весь Азиатский материк вовлекло бы США «не в ту войну, не в том месте, не в тот момент и не с тем противником» [122].

Угроза применения в корейской войне атомного оружия напугала союзников США. Заручившись поддержкой французского правительства и установив «тождественность стремлений двух правительств в данной

[115] Цит. по: *Phillips C.* The Truman Presidency. The History of a Triumphant Succession. N. Y., 1966, p. 326.
[116] Цит. по: Труд, 1950, 15 дек.
[117] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 2, p. 427.
[118] *Spanier J. W.* Op. cit., p. 166.
[119] История внешней политики СССР, т. 2, с. 162.
[120] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 2, p. 416.
[121] *Мазуров В. М.* Указ. соч., с. 40.
[122] Military Situation in the Far East, pt 2, p. 732.

ситуации»[123], в начале декабря 1950 г. в Вашингтон прибыл премьер-министр Великобритании К. Эттли. В переговорах с президентом Трумэном он категорически возражал против расширения военных действий в Корее, которые могли бы повлечь за собой официальное вступление в войну Китая и СССР[124]. От имени союзников Эттли выразил неудовлетворение руководством «войсками ООН» и предложил отстранить Макартура от командования, заменив его объединенным военным комитетом. Трумэн отказался это сделать, согласившись лишь на консультации с союзниками по вопросам, касавшимся атомного оружия.

Встреча на высшем уровне проходила в напряженной для США обстановке. Постоянные неудачи американских войск в Корее усиливали противоречия между странами, воевавшими под флагом ООН. Союзники все решительнее уклонялись от отправки в Корею дополнительных воинских контингентов. Политика расширения конфликта натолкнулась на явное противодействие военных партнеров США, что ставило под угрозу саму идею «коллективных действий» — главного козыря в обосновании вооруженного американского вмешательства в корейскую войну. Перед Вашингтоном вырисовывалась перспектива внешнеполитической изоляции, если война не будет прекращена или в ближайшее время выиграна. Трумэну во время встречи с Эттли потребовался максимум усилий, чтобы найти компромиссное решение и не довести Североатлантический союз до раскола. В коммюнике, опубликованном после встречи, американская сторона вынуждена была одобрить идею урегулирования корейского конфликта путем переговоров и выразить надежду, что международная обстановка никогда не потребует применения атомной бомбы[125].

Официально заявляя о стремлении к переговорам с КНДР, США вместе с тем не прекращали военные действия, и генерал Макартур — сторонник «решительных действий» и «расширения конфликта» — предпринял очередное наступление. Используя все доступные средства пропаганды, главнокомандующий «войсками ООН» распространял заведомо ложные сведения о «несметных полчищах китайцев, наводнивших Корею», их численности и военной активности, разжигая у американцев военный психоз и страх перед «коммунистическим нашествием». В начале апреля 1951 г. «войска ООН» вновь перешли 38-ю параллель, сея смерть и разрушения[126].

Однако расчеты США на успех в новом наступлении не оправдались. Народная армия и отряды китайских добровольцев остановили интервентов по всему фронту. Это подействовало отрезвляющим образом на правящие круги США. Все настойчивее стали раздаваться голоса против расширения войны на Дальнем Востоке, которая могла перерасти во всеобщую войну с Советским Союзом и Китаем, к чему США не были готовы.

Учитывая создавшуюся ситуацию и стремясь произвести впечатление заинтересованности в окончании военных действий, правительство рекомендовало Макартуру предпринять определенные шаги к мирному урегулированию конфликта. 24 марта Макартур опубликовал заявление, в ко-

---

123 *Spanier J. W.* Op. cit., p. 166.
124 *Attlee C. R.* As it Happened. Melbourne, 1954, p. 201; *Truman H. S.* Op. cit., vol. 2, p. 395, 402, 411.
125 US — Vietnam Relations, Book 8, p. 398; FRUS, Diplomatic Papers, 1950, vol. 7, p. 1431.
126 Факты говорят. Пхеньян, 1960, с. 219—260.

тором выразил готовность встретиться с главнокомандующим вооруженными силами Народной армии Кореи, чтобы обсудить вопрос о перемирии. В том случае, если КНДР откажется от переговоров, генерал пригрозил перенести военные операции на береговые районы и внутренние базы Китая, что, по его мнению, приведет Китай к неминуемому военному краху. Заявление Макартура создавало впечатление, что вопрос о распространении военных действий на территорию Китайской Народной Республики зависит исключительно от решения американского военного командования. Это вызвало протест ряда стран — членов ООН. Д. Ачесон вынужден был официально заявить, что Макартур затронул политические вопросы, не входящие в его компетенцию.

Не получив поддержки Белого дома, Макартур обратился к конгрессу, направив письмо лидеру республиканцев в палате представителей Дж. Мартину, в котором критически отозвался о внешнеполитическом курсе правительства, обвиняя его в непоследовательности. Он заявил, что сейчас именно в Азии решается вопрос о завоевании мира, и «если мы проиграем войну с коммунизмом в Азии, падение Европы станет неизбежным» [127]. Письмо Макартура лидеру оппозиции вызвало явное неудовольствие Трумэна. Принимая во внимание неоднократно высказанное союзниками США неудовлетворение создавшимся военным положением в Корее [128] и возложив ответственность за военные неудачи на генерала Макартура, 11 апреля Трумэн отстранил его от должности верховного главнокомандующего американскими войсками на Дальнем Востоке и «войсками ООН» [129].

Занявший его пост генерал М. Риджуэй предпринял ряд новых наступлений, но ни одно из них не было успешным. Командование Народной армии Кореи после нескольких удачных операций отвело свои войска к 38-й параллели и перешло к активным оборонительным действиям.

Международная демократическая общественность все решительнее выступала в поддержку освободительной войны корейского народа. Огромную работу по мобилизации масс на борьбу с американской агрессией провела Всемирная федерация профсоюзов. Второй Всемирный конгресс сторонников мира, состоявшийся в Варшаве в ноябре 1950 г., гневно осудил агрессивную политику США в Корее. Манифест к народам мира, выпущенный конгрессом, призывал: «Мира не ждут — мир завоевывают. Объединим наши усилия и потребуем прекращения войны, которая сегодня опустошает Корею, а завтра будет угрожать пожаром всему миру!» [130]. Призывы конгресса нашли горячий отклик в сердцах всех народов, борющихся за мир, демократию, социализм.

Корейская война становилась все более непопулярной в Соединенных Штатах. В стране развернулось широкое движение под лозунгом «Руки прочь от Кореи!». 29 июня 1950 г. секретариат Национального комитета Компартии США опубликовал воззвание к американскому народу, в котором характеризовал приказ Трумэна о посылке бомбардировщиков и военных кораблей для участия в операциях против корейского народа «авантюристическим, жестоким, агрессивным империалистическим пла-

---

[127] *MacArthur D.* Reminiscences. N. Y. etc., 1964, p. 27.
[128] *Miller A.* Plain Speaking. An Oral Biography of Harry Truman. N. Y., 1974, p. 287.
[129] Military Situation in the Far East, pt 5, p. 3179.
[130] Цит. по: Правда, 1950, 23 нояб.

ном Уолл-стрит», рассчитанным на установление американского господства над всей Азией и Тихим океаном [131]. Компартия США называла политику Трумэна «губительной, приносящей бесчисленные бедствия для американского народа, народа Кореи и других стран Азии, создающей угрозу для всего мира» [132].

Под руководством Компартии прошли митинги во многих городах страны. С призывами: «Прекратить необъявленную войну», «Дать возможность корейскому народу решать свою судьбу», «Немедленно вывести американские войска из Кореи» — выступили многие политические, профсоюзные и общественные деятели страны. Лозунг «Руки прочь от Кореи!» стал знаменем борьбы прогрессивной Америки против интервенции.

Корейский вопрос стал предметом ожесточенных дебатов в конгрессе США. Его реакционное крыло считало решение президента об отправке войск в Южную Корею необходимым не только с точки зрения интересов нации, но и в «интересах международного мира» [133]. Это решение рассматривалось как «начало сильной политики на Дальнем Востоке», которую следует поддерживать всеми возможными средствами, не допуская, однако, вовлечения США в большую войну [134].

Противники восточной ориентации, в частности члены комиссии по ассигнованиям палаты представителей, обсуждая предложенный президентом в августе 1950 г. законопроект о «чрезвычайных ассигнованиях», резко критиковали правительство. Председатель комиссии заявил: «События последних недель с полной ясностью показали, что основные военные концепции и военные планы не являются такими определенными, как это можно было бы пожелать» [135]. В феврале 1951 г. член палаты представителей Л. Смит от имени 118 республиканцев огласил заявление, в котором говорилось, что народ потерял доверие к президенту и конгрессу и требует принятия необходимых мер для спасения американцев от катастрофы [136]. 17 мая 1951 г. в конгресс была внесена резолюция о прекращении военных действий в Корее [137].

Основываясь на опросе общественного мнения, Дж. Гэллап в начале 1951 г. приходил к следующему выводу: «Если американские военные и дипломатические лидеры убеждены, что мы должны остаться в Корее, им предстоит трудная кампания, чтобы „продать“ этот план американской общественности. Сила мнений в настоящее время решительно за то, чтобы уйти из Кореи как можно скорее» [138]. Для американцев становилось все более ясно, что назревал кризис «дипломатии силы» в корейском вопросе.

Интервенция США на Дальнем Востоке создала чрезвычайно напряженную обстановку во всем мире, и особенно в Азии. В этих условиях ряд государств, в частности Индия, призвали к решению острой международной проблемы мирным путем в рамках Совета Безопасности с

---

[131] Daily Worker, 1950, 29 June.
[132] Ibid.
[133] Congressional Record, vol. 96, pt 7, p. 9266.
[134] Ibid., p. 9227, 9267, 9541, 9542.
[135] Ibid., pt 10, p. 13015, 13352, 13968, 13969.
[136] Ibid., vol. 97, pt 2, p. 1457.
[137] История дипломатии, т. 5, кн. 1, с. 288.
[138] Public Opinion News Service, 1951, Jan. 21.

участием пяти великих держав, включая КНР, или же путем неофициальных контактов между СССР, США и КНР и других государств [139]. Эти предложения были отклонены США.

В деле мирного урегулирования корейского конфликта большое значение имели миролюбивые усилия Советского Союза. Еще 1 августа 1950 г., возобновив участие в работе ООН, Советское правительство внесло предложение о немедленном прекращении военных действий и выводе из Кореи иностранных войск [140]. 2 октября на рассмотрение Генеральной Ассамблеи делегациями СССР, УССР, БССР, Польши и Чехословакии был внесен проект трех резолюций по корейскому вопросу: о независимости Кореи; о роспуске Комиссии ООН по Корее; о прекращении варварских бомбардировок американскими вооруженными силами мирного населения городов и населенных пунктов в Корее. Наряду с первоочередными задачами прекращения военных действий проект предусматривал ряд практических мер, направленных на обеспечение демократического развития Кореи: проведения общекорейских свободных выборов в Национальное собрание, создания для наблюдения за выборами комиссии из представителей обеих частей Кореи, разработки планов помощи корейскому народу через ООН для восстановления народного хозяйства и т. д.[141]

23 июня 1951 г. советский представитель в ООН выступил с предложением о начале переговоров между воюющими сторонами о прекращении огня и перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели. Советский Союз не связывал прекращение огня с выводом иностранных войск из Кореи и урегулированием политических проблем, что содействовало созданию единой позиции всех стран, заинтересованных в мире [142].

Оказавшиеся в тупике и искавшие выхода из создавшегося положения, Соединенные Штаты приняли предложение СССР. В условиях военного поражения, обострения противоречий между союзниками, не желавшими продолжать войну, самоотверженной борьбы корейского народа и осуждения экспансионистской политики США общественным мнением как внутри страны, так и за рубежом правительство Трумэна было вынуждено пойти на переговоры о перемирии в Корее.

10 июля 1951 г. переговоры начались в Кэсоне, а затем были перенесены в Пханмунджом. Переговоры проходили в трудной, напряженной атмосфере. США стремились навязать КНДР неравноправные условия перемирия, желая под видом «контроля» за выполнением соглашения узаконить вмешательство во внутренние дела КНДР. При рассмотрении вопроса о демаркационной линии американская делегация настаивала установить ее не по 38-й параллели, как предлагала корейско-китайская сторона, а по линии фронта, отторгая тем самым часть территории КНДР. Нарушая Женевскую конвенцию 1949 г., американская дипломатия оказывала большое давление на корейскую делегацию и в вопросе о военнопленных [143].

---

[139] Внешняя политика Советского Союза, 1950 год, с. 27.
[140] История дипломатии, т. 5, кн. 1, с. 281.
[141] Внешняя политика Советского Союза, 1950 год, с. 419—420.
[142] Правда, 1951, 24 июня.
[143] Женевская конвенция о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. М., 1954, с. 118; *Капица М. С.* Указ. соч., с. 56.

Начав переговоры о перемирии, США в то же время продолжали военные действия. Большие надежды американское командование возлагало на массированное использование авиации, подвергавшей планомерной бомбардировке районы севернее линии фронта, разрушая электростанции, ирригационные системы, коммуникации и промышленные центры. Стратеги Вашингтона стремились нанести максимальный ущерб народному хозяйству Кореи и сломить волю ее народа к сопротивлению. По мнению полковника ВВС США Дж. Стюарта, эти наиболее жестокие удары преследовали одну цель — «вынудить северокорейцев принять условия перемирия» [144]. Даже американская буржуазная печать расценивала бомбардировку гидроэлектростанций как средство военного давления на корейско-китайскую сторону в переговорах [145]. Однако чем больше в самих Соединенных Штатах узнавали о жестокостях, творимых военщиной в далекой Корее, тем выше поднимался протест против этих варварских действий.

Вопрос о прекращении войны в Корее был одним из центральных в избирательной кампании 1952 г. Республиканская партия в предвыборной программе провозгласила целью внешней политики «бороться за мир и выиграть его» [146]. Используя недовольство американцев военной политикой Трумэна, республиканцы обвиняли правительство в отсутствии гибкости и инициативы, подвергали сомнению законность его решения отправить американские войска в Корею без одобрения конгресса [147].

Кандидат на пост президента от республиканской партии генерал Д. Эйзенхауэр в предвыборных выступлениях резко критиковал правительство в связи с войной в Корее и заверял избирателей, что, будучи избранным, немедленно отправится в Корею, чтобы добиться быстрого и почетного окончания войны. В ноябре 1952 г. Эйзенхауэр был избран президентом и уже в начале декабря предпринял поездку в Южную Корею, где посетил части «войск ООН». Он имел встречи с Ли Сын Маном, членами южнокорейского правительства, военными и советниками. По возвращении в Нью-Йорк Эйзенхауэр, не упомянув о переговорах о перемирии, которые США неоднократно срывали, заявил, что не имеет простой формулы для достижения быстрого и победоносного окончания корейской войны [148]. США требовали все новых уступок со стороны корейско-китайской делегации.

Между тем правители Южной Кореи еще раз попытались сорвать заключение соглашения, выступив за продолжение войны «до победного конца» собственными силами, без поддержки союзников. В апреле 1953 г. южнокорейский посол в Вашингтоне вручил американскому правительству послание, в котором выражалось намерение Ли Сын Мана вывести свои войска из-под «командования ООН» в случае заключения соглашения, допускавшего пребывание китайских войск в какой-либо части Кореи [149]. Американскому правительству пришлось задобрить Сеул обещанием заключить договор о военной и экономической помощи, который рассматривался Соединенными Штатами как дальнейший шаг в

---

[144] *Стюарт Дж.* Воздушная мощь — решающая сила в Корее. М., 1959, с. 94.
[145] New York Times, 1952, June 26.
[146] Ibid., 12 July.
[147] *Taft R. A.* A Foreign Policy for Americans. N. Y., 1951, p. 109.
[148] New York Times, 1952, July 15, Nov. 4.
[149] United States in World Affairs, 1953. N. Y., 1955, p. 225.

организации широкой системы военных союзов в бассейне Тихого океана [150].

27 июля 1953 г. соглашение о перемирии в Корее было подписано. В преамбуле соглашения отмечалось, что целью перемирия является полное прекращение военных действий в Корее до окончательного мирного урегулирования [151]. Это означало, что соглашение о перемирии остается в силе независимо от срока урегулирования корейского вопроса. Определялась демаркационная линия в основном по 38-й параллели с демилитаризованной зоной в 2 км по обе стороны линии. Был установлен порядок замены вооружений и воинского персонала в зоне, утверждены функции и состав комиссий по перемирию из представителей нейтральных стран.

Подписание соглашения о перемирии знаменовало собой большую победу миролюбивых сил и серьезное поражение политики США. Оно показало возможность урегулирования острых международных конфликтов путем мирных переговоров, к чему всегда стремились Советский Союз и другие социалистические страны.

Перемирие означало окончание войны и начало урегулирования корейского вопроса дипломатическим путем. Однако правящие круги США продолжали добиваться в процессе переговоров того, чего не смогли добиться оружием. Так, в день заключения перемирия США и их союзники подписали декларацию, в которой заявляли, что «в случае возобновления вооруженного нападения» «войска ООН» вновь начнут военные действия и уже не ограничатся территорией Кореи [152].

На Женевской конференции, созванной согласно условиям перемирия и проходившей 26 апреля — 15 июня 1954 г., представители США настаивали на объединении Кореи на основе сеульского режима, надеясь тем самым укрепить свое влияние на территории всей Кореи. Они отвергли предложение правительства КНДР дать возможность корейскому народу решить свою судьбу без иностранного вмешательства, путем проведения всеобщих свободных выборов в Национальное собрание и последующего создания общекорейского правительства [153]. Конструктивные предложения СССР, открывавшие путь к мирному воссоединению Кореи и образованию единого демократического государства, были также отклонены представителями США и их союзниками, стремившимися навязать свою программу решения корейского вопроса. Женевская конференция прервала работу, не выполнив поставленных перед ней задач. Корея осталась разделенной на две части — Северную и Южную.

Потерпев поражение в войне с КНДР, Соединенные Штаты стали укреплять Южную Корею как плацдарм для осуществления своих внешнеполитических планов в Азии. В полном соответствии с этими намерениями администрация Эйзенхауэра предприняла максимум усилий для скорейшего наращивания вооруженных сил Южной Кореи [154]. Этой цели способствовал «Договор о взаимной обороне между Корейской Респуб-

---

150 Department of State Bulletin, 1953, June 15, p. 835—836.
151 Документ S/3079. ООН. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Восьмой год. Дополнение за июль, август и сентябрь 1953 г. Нью-Йорк, 1967, с. 5, 13.
152 American Foreign Policy, 1950—1955, vol. 2, p. 2662.
153 Материалы по Женевскому совещанию. Пхеньян, 1954, с. 44; Korean Problem at the Geneva Conference, 26 April — 15 June, 1954. Wash., 1954.
154 United States in World Affairs, 1953, p. 23.

ликой и Соединенными Штатами», заключенный 1 октября 1953 г.[155] Он предоставлял право США без всяких предварительных условий размещать свои сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы на территории Южной Кореи. Юридически оформляя военный союз США и Южной Кореи, договор отражал стремление Сеула к установлению господства над территорией всей Кореи, причем американское правительство обязывалось согласно договору признать юрисдикцию южнокорейских властей над теми территориями, которые в дальнейшем могут оказаться под их администрацией. Одновременно за Вашингтоном сохранялся контроль над южнокорейскими вооруженными силами через «командование ООН» [156].

Размещение американских войск и строительство баз на территории Южной Кореи закрепили ее военно-политическую зависимость от Вашингтона и превратили в опорный пункт стратегической системы США в Азии.

3. МИЛИТАРИЗМ И МИЛИТАРИЗАЦИЯ

Агрессивная война в Корее привела к тому, что влияние милитаризма и милитаристских настроений на всю линию поведения правящих кругов страны стало преобладающим. Этому сопутствовала и милитаризация сознания американцев [157]. Ведущий американский политический обозреватель У. Липпман в 1950 г. отмечал, что государственный департамент находится под контролем Пентагона и что «в стране развился милитаризм, а внешняя политика направляется военными» [158].

И в самом деле, роль военных в процессе принятия политических решений, касавшихся внешнеполитической стратегии, военной политики, многократно увеличилась. Известный американский социолог Р. Миллс в книге «Властвующая элита» писал, что «люди, стоящие на высших ступенях военной иерархии, проникли непосредственно в дипломатические и политические круги» [159]. Планы достижения мирового господства вырабатывались Вашингтоном из расчета использования в международных кризисах американской военной мощи, включая атомное оружие. В сущности, война негласно признавалась главным средством государственной политики, причем приоритет отдавался оружию массового уничтожения [160].

Во второй половине 40-х и в 50-е годы во внешней и военной политике правящих кругов США важнейшее место занимала так называемая стратегия «обороны передовых рубежей», или «базовая стратегия», преследовавшая цель окружить социалистические страны системой военно-политических группировок и блоков капиталистических государств. Эта стратегия проявилась и в организации многочисленных военных (сухопутных, авиационных и морских) баз в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке. Задача облегчалась тем, что после второй мировой войны

---

155 История дипломатии, т. 5, кн. 1, с. 298.
156 *Мазуров В. М.* Указ. соч., с. 221.
157 *Кунина А. Е.* Идеологические основы внешней политики США. М., 1973, с. 40—41.
158 *Cook F.* The Warfare State. L., 1960. p. 195—196.
159 *Миллс Р.* Властвующая элита. М., 1959, с. 277.
160 *Rosenberg D. A.* American Atomic Strategy and the Hydrogen Bomb Decision.— Journal of American History, 1979, June, p. 62—87.

США продолжали пользоваться 434 военно-морскими базами и 1333 базами ВВС и сухопутных войск [161].

Создание военных баз по всему миру Соединенные Штаты продолжили в рамках лихорадочной деятельности по сколачиванию под их эгидой военных блоков. В начале 50-х годов в систему военных союзов с США входили 70 стран. В 1952 г., когда численность вооруженных сил США возросла до 3,6 млн. военнослужащих, из которых 1,2 млн. были развернуты за пределами США, в распоряжении их вооруженных сил имелось свыше 400 крупных военных баз и до 3 тыс. более мелких баз и военных объектов [162]. Соединенные Штаты использовали территории стран, подписавших с ними «оборонительные» договоры, в качестве военных плацдармов. Они также взяли под контроль почти весь военно-экономический потенциал этих стран, включая строительство, подготовку и возможное использование их вооруженных сил.

В соответствии с утвержденной 23 сентября 1950 г. президентом Г. Трумэном секретной директивой СНБ-68 США приступили к осуществлению плана достижения решающего военного превосходства в мире путем переключения ресурсов страны на удовлетворение военных нужд. В директиве утверждалось, что в случае чрезвычайного положения Соединенные Штаты могут выделить до 50% валового национального продукта на эти цели (как было во время второй мировой войны), и провозглашалось намерение США первыми применить в случае необходимости атомное оружие в стратегических и оперативно-тактических целях [163].

В 1953 г. военные расходы США составили уже 14% валового национального продукта (в 1949 г.— около 4%) [164]. Военное производство в несколько раз возросло. В разгар корейской войны, когда военные расходы США достигли своего пика, они составляли $^2/_3$ федерального бюджета и почти половину всех государственных расходов — федеральных, штатных, местных. С 1950 по 1953 г. военные расходы США увеличились на 38 млрд. долл. [165] Всего через войну в Корее прошли сотни тысяч американских военнослужащих, а численность американских сухопутных войск в Западной Европе увеличилась в 3 раза. В 1952 г. в Азии и зоне Тихого океана США имели более 620 тыс. военнослужащих, а в Европе и Северной Атлантике — более 420 тыс.[166]

Американский империализм решительно встал на путь тотальной перестройки своей экономической стратегии под знаком наращивания военной мощи. Об этом свидетельствуют следующие данные. Соотношение военных и невоенных государственных расходов (федеральных, а также штатов и местных органов управления) в 1953 г. составляло в ценах 1958 г. 58,5 млрд. и 48 млрд. долл., в то время как в 1950 г. соответственно — 16,7 и 43,3, а в 1939 г.— 2,7 млрд. и 40,4 млрд. долл.[167]

---

161 Милитаризм США: военная машина, блоки, базы и акты агрессии. М., 1985, с. 205.

162 Военная стратегия. М., 1968, с. 67; Откуда исходит угроза миру. М., 1982, с. 28; *Зинн Г.* США после второй мировой войны. М., 1977, с. 94; *Raymond J.* Power at the Pentagon. N. Y., 1964, p. 108.

163 FRUS, Diplomatic Papers, 1950, vol. 1, p. 237—292.

164 *Фарамазян Р. А.* США: милитаризм и экономика. М., 1970, с. 41.

165 *Катасонов Ю. В.* США: военная политика и бюджет. М., 1984, с. 168.

166 US Forces in Europe, Hearings 93rd Congress, 1st Session, July 25 and 27, 1973. Wash., 1973, p. 149; US News and World Report, 1974, Dec. 30, p. 24—25.

167 The Economics of Defense Spending, Wash., 1972, p. 30.

Монополии США с восторгом поддержали этот курс, видя в нем выход из кризисного состояния, в котором оказалась экономика страны в 1948—1949 гг. Усилился нажим на правительство со стороны крупного капитала с целью добиться возобновления государственных заказов на вооружения и другое военное снаряжение на уровне военного времени. Приобретение федеральным правительством товаров и услуг до начала американской агрессии в Корее составляло 8% ВНП — в 8 раз больше, чем в 1929 г., но в 5 раз меньше уровня второй мировой войны, когда оно равнялось 40% [168]. Именно в послевоенном свертывании правительственных заказов многие представители деловых кругов усматривали причины кризисных явлений. С этим связано и высказывание государственного секретаря Д. Ачесона, который в Детройте в июне 1951 г. откровенно заявил, что причины перевооружения США кроются не только в войне в Корее.

Компартия США дала этим явлениям четкую оценку: «В поисках выхода из углубляющегося кризиса капиталистической экономики США,— говорил в 1951 г. на XV съезде Коммунистической партии США Гэс Холл,— Уолл-стрит начал еще быстрее действовать в направлении создания военной экономики. Стремясь к мировому господству, американский империализм перешел к прямым актам агрессии в Корее и Китае и ускорил подготовку к нападению на Советский Союз. Это привело к тому, что создание военной экономики стало определяющей чертой экономического развития США, которая изменила и придала иные черты путям и формам экономического кризиса, начавшегося осенью 1948 г.» [169].

Действительно, с конца 1949 г. под прямым воздействием милитаризации экономики и в связи с войной в Корее началось расширение производства в США. Достигнутое повышение уровня промышленного производства составило в 1953 г. 11%, а по сравнению с 1949 г. объем продукции увеличился на 37%. Это оказалось возможным благодаря значительному увеличению государственных расходов, большая часть которых направлялась на военные цели [170].

В сентябре 1950 г. Трумэн подписал закон о военном производстве, расширивший вторжение федерального правительства в экономику и социальные отношения. Он давал президенту право устанавливать очередность решения производственных проблем, распределять ресурсы, строить новые заводы, предоставлять налоговые льготы для капитала в целях поощрения военного производства, вводить контроль над ценами, заработной платой и кредитами. Были увеличены налоги на население.

Во главе управления военным производством США была поставлена служба оборонной мобилизации, а ее руководителем назначен президент корпорации «Дженерал электрик» Ч. Вильсон. В декабре 1950 г. Трумэн объявил чрезвычайное положение в стране, и уже в течение первого года войны в Корее численность вооруженных сил США увеличилась более чем в 2 раза, производство военных самолетов — в 5 раз, танков, бронетранспортеров и других видов вооружения — в 4,5 раза и т. д.[171]

[168] Business Week, 1954, Sept. 4, p. 78.
[169] Цит. по: Вехи боевой истории: 60 лет Коммунистической партии США. М., 1983, с. 206.
[170] Economic Almanac, 1956, p. 455.
[171] *Фарамазян Р. А.* Указ. соч., с. 41.

Число военных кораблей и судов к середине 1954 г. выросло с 2344 до 3200. Началось строительство ударных авианосцев типа «Форрестол» водоизмещением 60 тыс. т. Расходы на производство атомного и разработку термоядерного оружия в 1950—1953 гг. составили 5 млрд. долл., что более чем в 3 раза превышало затраты предыдущих лет. Число гражданских служащих Пентагона увеличилось почти на 1 млн [172].

Влияние военной конъюнктуры на повышение прибылей военно-промышленного комплекса побудило заинтересованную часть правящих кругов США потребовать еще больших расходов на вооруженные силы и военное производство. В первые месяцы агрессии в Корее милитаристы предлагали довести военные расходы США до 85 млрд. долл. в год, т. е. до уровня, близкого к периоду второй мировой войны. На принятии всеобъемлющей программы вооружения настаивали крайне реакционные политические деятели, доказывавшие, что якобы СССР вот-вот обрушится на США. Однако эта линия была реализована правительством лишь частично из опасения вызвать диспропорцию в экономике, свертывание невоенного производства и уменьшение занятости в этом секторе.

Несмотря на частичную неудачу в попытках добиться согласия правительства на неограниченный рост военных расходов, капитал, связанный с военным производством, добился значительного усиления своих позиций. Уже в первый год войны в Корее прибыли монополий до уплаты налогов составили 40,2 млрд. долл., увеличившись на 45% по сравнению с 1949 г.[173] Прибыли крупнейших монополий превзошли уровни второй мировой войны. Так, прибыли корпорации «Боинг» после уплаты налогов в 1953 г. составляли 20,3 млн. долл. (в 1945 г.— 6,5 млн. долл.) [174].

За время войны в Корее в промышленность США было инвестировано до 30 млрд. долл., т. е. больше, чем за всю вторую мировую войну. Право ускоренной амортизации было распространено на новые промышленные предприятия и оборудование стоимостью до 18 млрд. долл. (в годы второй мировой войны — до 7,3 млрд. долл.) [175]. Это означало, что в полную собственность монополий через пять лет перешло в 2,5 раза больше предприятий, чем в первые послевоенные годы, хотя новые заводы строились в расчете на смешанное (военное и гражданское) производство в основном на государственные средства. Один из руководителей военного бизнеса США, Г. Фаулер, откровенно заявил в январе 1952 г., что конечная цель перестройки промышленности — обеспечить возможность выпуска в год 50 тыс. самолетов, 35 тыс. танков и необходимого количества другого вооружения, что «достаточно для первого года всеобщей войны, в течение которого будет произведена полная мобилизация промышленности» [176].

Война в Корее дала возможность реакции преодолеть сопротивление введению в США всеобщей воинской повинности. 30 июля 1950 г. Г. Трумэн подписал приказ, отменивший ранее установленный предел численности вооруженных сил. Максимальная численность вооруженных

---

[172] Statistical Abstract of the United States, 1956. Wash., 1956, p. 235, 238, 234, 414.
[173] Economic Report of the President, 1951. Wash., 1951, p. 24.
[174] Business Week, 1955, Febr. 19, p. 41.
[175] *Lincoln G.* Economics of National Security. N. Y., 1954, p. 345.
[176] Ibid., p. 337.

сил устанавливалась в 5 млн человек. В июне 1951 г. был принят закон об обязательной военной службе юношей с 18 лет.

Воспользовавшись шовинистическими настроениями, которые преобладали в американском обществе на первых этапах войны в Корее, милитаристы потребовали увеличения численности американских войск в Европе. В начале 1951 г. конгресс приступил к обсуждению этого вопроса, продолжавшемуся три месяца. В итоге в апреле 1951 г. 69 голосами против 21 была одобрена резолюция об увеличении численности американской армии в Западной Европе с 2 до 6 дивизий. Одновременно были одобрены поправки о снятии ограничений на вооруженные силы Италии и об использовании людских и материальных ресурсов Западной Германии [177]. И после подписания соглашения о перемирии в Корее Вашингтон продолжал делать упор на увеличение военного потенциала США и их союзников по НАТО. Еще в конце февраля 1952 г. в Лиссабоне была принята программа НАТО, предусматривавшая усиление гонки вооружений западноевропейских союзников США, а также вооружение Западной Германии и последующее включение ее в НАТО.

Администрация Д. Эйзенхауэра начала общую переоценку военной политики и военно-политической стратегии США и их союзников по военным блокам. Основы новой военно-политической стратегии, пришедшей на смену доктрине «сдерживания коммунизма», были сформулированы в документе, разработанном комитетом начальников штабов во главе с его председателем адмиралом Рэдфордом. Суть его раскрывалась в следующем положении: «...военное командование может рассчитывать на использование ядерного оружия, тактического и стратегического, когда в этом возникнет военная необходимость» [178].

Каждому было понятно, что стратегия «балансирования» на грани термоядерной войны имела провокационный, агрессивный характер в условиях, когда мощность термоядерного оружия уже в сотни раз превышала разрушительный потенциал атомных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки. В США в этот период началось серийное производство новых тяжелых реактивных стратегических бомбардировщиков Б-52, предназначенных для нанесения ядерных ударов по административно-промышленным центрам Советского Союза, и развернута стратегическая система ПВО Североамериканского континента «Норад». Милитаристы США строили безумные планы нанесения первого ядерного удара по СССР в расчете на собственную неуязвимость, особенно с учетом того, что основные базы стратегической авиации США находились на территориях их союзников по военно-политическим блокам. Говоря современным языком, милитаристы США считали, что они приблизились к тому, что именуется способностью к нанесению «уничтожающего первого стратегического ядерного удара», а это означало возникновение крайне опасной стратегической нестабильности, особенно в кризисных ситуациях.

Следует отметить, что переход к стратегии «массированного возмездия» был начат еще администрацией Г. Трумэна. В октябре 1951 г. Совет национальной безопасности США принял решение об ускорении работ по производству термоядерного оружия, которое было создано в 1954 г., и об увеличении уровней вооруженных сил с упором на страте-

[177] Editorial Research Reports, 1952, vol. 1, p. 14.
[178] Цит. по: *Brown S.* The Fases of Power. Constancy and Change in United States Foreign Policy from Truman to Johnson. N. Y.; L., 1969, p. 71—73.

гическую авиацию. К концу 1954 финансового года планировалось иметь 21 армейскую дивизию, 409 крупных кораблей ВМС, 3 дивизии и 3 авиакрыла [179] морской пехоты и 143 авиакрыла ВВС США. Эти силы представляли относительно небольшое увеличение в процентном отношении армии, ВМС и морской пехоты, но означали расширение ВВС более чем в 2 раза [180]. Правительство Эйзенхауэра перенесло срок реализации этой программы на 1957 г., в связи с чем общие военные расходы и численность вооруженных сил США были несколько снижены (численность уменьшилась до 3,3 млн. в 1955 г. и до 2,9 млн. в 1957 г.). К середине 1958 г. ВВС США состояли из 128 авиакрыльев, в их составе было до 600 тяжелых бомбардировщиков Б-52. Было начато создание баллистических ракет среднего и межконтинентального радиуса действия [181].

Несмотря на относительное сокращение военных расходов в валовом национальном продукте после окончания войны в Корее с 14 до 8% и некоторое уменьшение численности вооруженных сил США, степень милитаризации военно-политических блоков, созданных США, не понизилась, так как союзники США, и в первую очередь Англия, Западная Германия и Япония, начали наращивать свои военные расходы и численность вооруженных сил. В самих США был взят курс на ядерный шантаж стран социалистической системы и резкое наращивание стратегической авиации, вооруженной ядерными и термоядерными бомбами.

Многие американские политики понимали пагубность такого курса для самих Соединенных Штатов. Если США начнут войну, предупреждал Дж. Кеннан в книге, вышедшей в 1954 г., возникнет серьезная угроза внутри страны, так как «миллионы американцев в таком случае будут испытывать величайшие сомнения — необходима ли была катастрофа для человечества и разве не существовало путей для ее предотвращения. И это случится, не говоря уже о том, что использование атомного оружия нанесет разрушения самой Америке» [182]. Д. Ачесон в 1955 г. высказал еще более глубокие сомнения в отношении концепции превентивной войны против социалистических стран: «При планировании политики мы должны считаться с вероятностью того, что превентивная война с нашей стороны не предотвратит возмездия, а вызовет его. Что же произойдет тогда? Разве наш народ, выбравшийся из-под развалин своих городов, будет вести длительную войну до победного конца? Ответит ли он на это, как ответил на Пёрл-Харбор? Возможно. Но Пёрл-Харбор был предательским нападением на нас, а не возмездием за наше предательское нападение... Разве не может случиться так, что все они — наш народ и другие народы мира — категорически осудят руководителей, развязавших такую войну?» [183].

Однако такого рода высказывания не оказывали сколько-нибудь существенного влияния на реальный политический курс США в рассматриваемый период. В 1958 г. американский историк Р. Миллс в книге «Причины третьей мировой войны» писал, что «внешняя политика Ва-

---

[179] Авиакрыло — основное соединение ВВС США, примерно соответствующее авиационной дивизии.
[180] *Strauss-Hupé R., Possony S. T.* Air Power and National Security.— The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1955, May, vol. 299, p. 70.
[181] *Яковлев Н. Н.* Новейшая история США. М., 1961, с. 569.
[182] *Kennan G. F.* Realities of American Foreign Policy. Princeton, 1954, p. 79.
[183] *Acheson D.* A Democrat Looks at his Party. N. Y., 1955, p. 73.

шингтона всегда исходила из теории военного превосходства Запада и основывалась на „доктрине насилия", которая была и остается главной опорой обанкротившейся политики США» [184].

4. МАККАРТИЗМ

9 февраля 1950 г. никому не известный до того сенатор от штата Висконсин Джозеф Маккарти, потрясая листом бумаги, заявил на митинге в г. Уилинге (Западная Виргиния): «Я держу в руках список 205 лиц, которые известны государственному секретарю как члены коммунистической партии и которые, однако, продолжают работать и формулировать политику госдепартамента» [185]. С аналогичными заявлениями он выступил и в других городах страны. Правая печать и другие средства массовой информации подхватили эти обвинения. Имя сенатора вскоре стало знаменем политической реакции и олицетворением самого позорного и мрачного периода в истории США, а понятие «маккартизм» прочно вошло в политическую лексику для обозначения усиливающегося кризиса буржуазной демократии в США, методов насильственного подавления рабочего и демократического движения.

Маккартистская истерия была логическим завершением поворота вправо, который осуществили правящие круги США в первые послевоенные годы. Действие факторов, определивших этот сдвиг в период маккартизма, еще более усилилось. Процесс революционной ломки старых порядков в ряде стран Европы и Азии, начавшийся сразу после разгрома фашизма, приобрел необратимый характер. Укрепление оборонно-экономического потенциала СССР, образование и успешное развитие мировой системы социализма, рост международного рабочего и коммунистического движения, распад колониальной системы ослабили капитализм, сузили сферу его влияния.

Резко негативное отношение правящего класса США к коренным изменениям в соотношении сил на мировой арене в пользу мира, демократии и социализма явилось исходным и важнейшим фактором формирования климата маккартизма. В орбиту своего влияния маккартизм втянул и значительную часть либеральных кругов.

Из внутренних факторов, стимулировавших маккартизм, важнейшую роль по-прежнему играло «новое богатство». Влияние этого фактора в 50-х годах еще более усилилось: рост крупных состояний привел к образованию новых центров финансово-экономической мощи на Юге и Западе страны [186]. Появление новых региональных группировок монополистического и немонополистического капитала обострило противоречия внутри господствующего класса. В США в силу особенностей экономического развития страны, характеризующихся сравнительно более поздней индустриализацией Юга и Запада, союз крупного капитала и государства складывался изначально как блок финансово-промышленных кругов северо-восточных штатов, олицетворяемый Уолл-стрит и правительством. Молодые региональные группировки крупного капитала оказались за пределами сложившейся структуры государственно-монополистического ме-

[184] *Mills W.* The Causes of World War Three. N. Y., 1958, p. 5—6.
[185] *Caughey J. M.* In Clear and Present Danger: The Crucial State of Our Freedoms. Chicago, 1958, p. 68.
[186] *Цаголов Г. Н.* Миллиарды из провинции. М., 1968, с. 3.

ханизма власти и составили серьезную оппозицию Уолл-стрит. Начиная с 50-х годов противоречия между старыми и новыми группами монополий приняли ярко выраженный политический характер [187].

Старые, «аристократические» группы монополий в 30—40-е годы вели ожесточенную борьбу против рабочего движения, социально-экономической политики Рузвельта, а несколько позднее — и «справедливого курса» Трумэна. Однако уже в годы войны некоторые представители старых монополий, получившие благодаря правительственным заказам огромные прибыли, стали менять отношение к государственному регулированию экономики и реформам в социальной области.

В послевоенные годы в условиях начавшейся научно-технической революции, с одной стороны, и усиления экономического, политического и идеологического соревнования с мировой социалистической системой — с другой, вопрос о целесообразности вмешательства правительства в экономическую и социальную сферы для многих монополий приобрел еще большее значение. В 50-е годы наиболее влиятельные монополистические круги — прежде всего это относится к старой северо-восточной группировке — по-прежнему оставались на позициях антикоммунизма, но, приспосабливаясь к обстановке, признали за рабочим классом и его организациями какой-то минимум социально-экономических и политических прав и поэтому перестали быть активной силой в движении, которое ассоциировалось с правыми и ультраправыми. В результате в начале 50-х годов постепенно утрачивают свое былое значение и свертывают деятельность такие крайне правые организации, как Комитет за конституционное правление и Национальный экономический совет, содержавшиеся на деньги финансово-промышленных кругов Северо-Востока.

Иную позицию заняли соперничавшие с Уолл-стрит молодые региональные группировки капитала. Их развитие в основном было обусловлено индустриализацией Юга и Юго-Запада, особенно в военные и послевоенные годы. В силу объективных обстоятельств для «нового богатства» в целом характерна была та же индивидуалистическая идеология свободного предпринимательства, присущая капитализму в целом на ранних ступенях его развития. Именно поэтому, бросая вызов влиянию Уолл-стрит, новые финансово-экономические группы выступили под крайне консервативными лозунгами. Для них «справедливый курс» Трумэна был примерно тем же, чем «новый курс» Рузвельта для Американской лиги свободы и ее многочисленных сторонников в мире бизнеса.

В отличие от старых групп монополий новые богачи Юга и Запада обосновались в регионах с неразвитым профдвижением или там, где рабочие организации вообще отсутствовали. И если первые из них до определенной степени примирились с существованием профсоюзов, то для новых богачей такое признание в большинстве случаев было неприемлемым. Не обладая опытом политического маневрирования и не желая прибегать к нему, представители «нового богатства» сплошь и рядом были склонны использовать против рабочих тактику грубого давления и репрессий. Такой же линии поведения они требовали и от федерального правительства. Разумеется, и среди представителей старых промышленных и финансовых групп было немало тех, кто от начала до конца неизмен-

[187] Political Affairs, 1951, June, p. 14.

но боролся с реформистскими тенденциями и не изменил этим убеждениям в послевоенные годы. Однако становой хребет антилиберальной оппозиции составляли сильные, напористые и неразборчивые в средствах группы, объединявшие вновь возникшие и быстро развивавшиеся группировки финансово-промышленного капитала.

Таким образом, мощный всплеск антикоммунизма, порожденный углублением общего кризиса капитализма после второй мировой войны, совпал в США со все более усиливавшимся в течение последних десятилетий подъемом антиреформистских настроений в господствующем классе. Слияние этих двух потоков реакции — антикоммунизма и антиреформизма — и породило то зловещее явление, которое в начале 50-х годов получило название «маккартизм».

Для периода маккартизма было характерным дальнейшее наступление на социальные и экономические права трудящихся и фактический отказ от демократических положений конституции и Билля о правах, наиболее четко проявившиеся в деятельности многочисленных расследовательских комиссий и антиконституционном законодательстве конгресса, шпиономании, разнузданной кампании против левых и прогрессивных сил, профсоюзов, видных деятелей культуры, пропаганде шовинизма и расизма, апелляции к предубеждениям, страхам, невежеству.

Маккартизм был неотделим от политического климата, созданного внутри страны с конца войны влиятельными организациями крупного бизнеса, правительством, конгрессом, обеими буржуазными партиями. То, что называется «маккартизмом», писал американский историк и дипломат Дж. Кеннан, имело место до Маккарти и продолжалось после него [188]. Однако обязанный своим появлением на политической авансцене антикоммунизму, ставшему знаменем официального Вашингтона, маккартизм шел значительно дальше, отождествляя даже умеренный буржуазный либерализм с «подрывной» деятельностью левых сил.

В год, когда Маккарти выступил с сенсационными «разоблачениями», влиятельные организации американского бизнеса активизировали атаки на рабочее движение и либерализм. «В нашем мышлении, в нашем законодательстве и в нашей политике проявляется четко выраженное сползание к целям, которые ставят перед собой социалисты»,— говорилось в брошюре Торговой палаты США, опубликованной в 1950 г. Палата усматривала социализм в правительственном контроле над ценами, в регулирующих мероприятиях государства, в прогрессивном подоходном налоге и налоге на наследство, в законах о минимуме заработной платы, контроле над рентой, в государственном жилищном строительстве и социальном страховании [189].

В другой брошюре Торговая палата с гордостью назвала себя «пионером» в предупреждении нации об «угрозе коммунизма». В брошюре с удовлетворением отмечалось, что с 1946 г., когда Торговая палата начала антикоммунистическую кампанию, много было сделано по борьбе с коммунистическим «проникновением» в различные сферы американской жизни и предлагалось шире распространить эту практику [190].

---

188 *Kennan G. F.* Memoirs: Vol. 1, 2. Boston; London, 1967, 1972, vol. 2, p. 190.

189 Socialism in America: A Study by the Committee on Economic Policy, Chamber of Commerce of the USA. Wash., 1950, Introd., p. 7, 16—18.

190 Communism: Where do We Stand Today. A Report of the Committee on Communism. Chamber of Commerce of the United States. Wash., 1952, Introd., p. 20, 25, 41.

Следуя рекомендациям Торговой палаты, юридическая комиссия сената во главе с П. Маккарэном и ее подкомиссия по вопросам внутренней безопасности в 1950—1952 гг. провели ряд громких политических расследований о «проникновении» коммунизма в молодежные организации, органы массовой информации и образования, крупные профсоюзы. Не менее активно действовала и комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (КРАД), сосредоточившая в эти годы внимание на деятельности коммунистов в профсоюзах, расследовании «подрывных» элементов в фермерских организациях, среди ветеранов войны, в кинопромышленности и органах образования [191].

Атака администрации Трумэна на движение сторонников мира резко подтолкнула развитие маккартизма. Правительство, комиссии конгресса и судебные органы начали травлю руководителей «Конференции работников науки и культуры за мир», «Национальной конференции рабочих за мир» и других демократических организаций. Движение за мир КРАД рассматривала как «психологическую войну» коммунистов, как «органическую и стратегическую часть коммунистической программы завоевания мира» [192].

24 августа 1950 г. министерство юстиции США объявило «подрывной организацией» Лигу рабочей молодежи, возникшую в мае 1949 г. в Чикаго. Эта акция была предпринята после того, как лига начала сбор подписей под Стокгольмским воззванием Постоянного комитета сторонников мира в пользу запрещения атомного оружия. Цели, провозглашенные Постоянным комитетом,— прекращение гонки вооружений, военных интервенций, ликвидация угрозы атомной войны, и др.— с точки зрения правительства и конгресса США заслуживали самого сурового осуждения и пресечения. В 1951 г. сенатская подкомиссия по вопросам внутренней безопасности расследовала деятельность Института стран бассейна Тихого океана. Подкомиссия объявила деятельность института «заговором», руководимым из Москвы [193]. То обстоятельство, что подавляющая часть средств института поступала от фондов Рокфеллера и Карнеги, нисколько не смущало расследователей конгресса. Эта же подкомиссия в 1952 г. начала чистку среди американских граждан — сотрудников ООН [194].

Маккартистской по своему характеру была деятельность конгресса в первой половине 50-х годов. Законодатели стремились ликвидировать Коммунистическую партию, подавить демократическое движение, ужесточить правительственный контроль над профсоюзами, фактически отменить провозглашенные американской конституцией политические права, изолировать страну от прогрессивных веяний извне. Разработка антидемократических законов правящими кругами США стала излюбленным приемом «исправления» конституции, когда те или иные ее статьи переставали отвечать требованиям монополистического капитала. Такая практика создавала параллельно действовавшую правовую систему,

---

[191] Congressional Investigations of Communism and Subversive Activities. Summary-Index, 1918—1956. Wash., 1956, p. III—V, 181.

[192] Report on the Communist «Peace» Offencive... Prepared and Released by the Committee on Un-American Activities. Wash., 1951, p. 1, 2, 34, 42, 47—48, 81.

[193] Truth and Fancy about the Institute of Pacific Relations. N. Y., 1953, p. 14.

[194] *Brown R. S., Jr.* Loyalty and Security: Employment Tests in the United States. New Haven, 1958, c. 366; Nation, 1952, Dec. 6, p. 517.

предоставлявшую простор для репрессивных акций против неугодных лиц и организаций.

В 1950 г. конгресс подавляющим большинством принял закон Маккарэна—Вуда о внутренней безопасности. В отличие от закона Смита 1940 г. он был направлен исключительно против коммунистов и прогрессивных организаций, само существование которых рассматривалось теперь конгрессом как «явная и непосредственная угроза безопасности США»[195]. Компартия США была отнесена к «организациям коммунистического действия»[196]. Все другие группы, цели которых в чем-то совпадали с требованиями Компартии, характеризовались как «организации коммунистического фронта»[197]. Такое определение позволило министерству юстиции и комиссиям конгресса объявить незаконной деятельность сотен общественных организаций и групп, выступавших за мир, против фашизма, за социальные реформы, против гонки вооружений, за улучшение системы государственного образования, против дискриминации и за гражданские права. Все они, как и Компартия, должны были зарегистрироваться в качестве агентов иностранной державы. Отказ от регистрации карался штрафом до 10 тыс. долл. и тюремным заключением до пяти лет за каждый просроченный день регистрации.

В соответствии с новым законом учреждалось Управление по контролю за подрывной деятельностью, занимавшееся всей практической работой по претворению в жизнь основных его положений. Оно располагало значительными средствами, выделяемыми из федерального бюджета, и содержало большой штат расследователей и «экспертов по коммунизму». Под сенью этого учреждения пышным цветом расцвел институт осведомителей, работавших на ФБР и рекрутируемых из разного рода профессиональных доносчиков и провокаторов. Помимо этого, закон по предложению сенаторов Килгора, Хэмфри и других либералов наделял президента правом вводить чрезвычайное положение и в связи с этим приостанавливать действие конституции и Билля о правах.

В соответствии с законом Маккарэна—Вуда правительство создало шесть концентрационных лагерей, а ФБР подготовило списки почти 12 тыс. коммунистов и 17,8 тыс. других «подозрительных» лиц, которые в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств подлежали заключению в эти лагеря[198]. Закон рассматривал преступлением замещение членами организаций «коммунистического действия» и «фронта» каких-либо должностей в государственном аппарате, работу на предприятиях военного значения. Компартия и организации «коммунистического фронта» должны были периодически представлять министерству юстиции для проверки финансовые документы, а все материалы пересылать по почте только под своим грифом. То же самое относилось к радио- и телепередачам[199].

Деятельность маккартистских законодателей находила полную под-

---

[195] *Chafee Z., Jr.* The Blessings of Liberty. Philadelphia; New York, 1956, p. 117—118.
[196] Подробнее см.: *Каленский В. Г.* Билль о правах в конституционной истории США: Историко-критическое исследование. М., 1983, с. 155—162.
[197] Congressional Record, vol. 96, pt 18, p. A7125.
[198] *Halperin M. N.* a. o. The Lawless State. The Crimes of the US Intelligence Agencies. S. l., 1978, p.111; *Goldstein R. J.* Political Repression in Modern America. 1870 to the Present. Cambridge (Mass.), 1978, p. 324.
[199] Congressional Record, vol. 96, pt 18, p. A7125.

держку правых организаций. В октябре 1950 г. «Американский легион» принял две резолюции, требовавшие расправы с коммунистами как «изменниками» и введения смертной казни для лиц, обвиненных в шпионаже, саботаже и подрывной деятельности как в мирное, так и в военное время[200]. Эти и подобные призывы подхлестывали антикоммунистическую истерию.

В ноябре 1950 г. министерство юстиции возбудило дело о регистрации Компартии, а Управление по контролю за подрывной деятельностью начало в связи с этим соответствующее расследование, длившееся больше года. 20 апреля 1953 г. оно признало Компартию «организацией коммунистического действия» и потребовало от нее зарегистрироваться в министерстве юстиции[201].

Началась драматическая, растянувшаяся почти на полтора десятка лет мужественная борьба американских коммунистов за легальное существование, в ходе которой Компартия разоблачила официальную версию о коммунистическом движении как заговорщической деятельности и показала антидемократические и антиконституционные цели зачинщиков этой позорной травли. Правительство и его главный политический полицейский Дж. Эдгар Гувер, шеф ФБР, говорится в документальной истории Компартии США, старались максимально ослабить активность партии и заставить ее заниматься лишь своей собственной юридической защитой. Но их заговор провалился. Партия успешно защищалась и продолжала вести самую разнообразную работу[202].

Преследования по закону Маккарэна—Вуда были распространены и на возглавляемый видным прогрессивным деятелем У. Дюбуа «Информационный центр борьбы за мир», занимавшийся сбором подписей под Стокгольмским воззванием. В феврале 1951 г. Большое жюри Нью-Йорка потребовало от руководства центра зарегистрироваться в министерстве юстиции. Репрессии против центра в конце концов привели к его роспуску. Преследованиям на основе этого закона в 1951—1955 гг. подверглись 14 организаций так называемого «коммунистического фронта», в том числе Школа социальных наук им. Джефферсона, Лига рабочей молодежи, Совет американо-советской дружбы. Ветераны бригады Линкольна, Американский комитет защиты лиц, родившихся за границей, и другие демократические организации. Одновременно готовились материалы для использования закона Маккарэна—Вуда еще против 25 демократических организаций и групп.

Маккартизм привел к ужесточению иммиграционной политики правительства США. После второй мировой войны конгресс и правительство США, учитывая прошлый опыт борьбы с «иностранным радикализмом», разработали систему дискриминационных квот, запрещавших въезд в США из стран, политические порядки в которых почему-либо не нравились американским властям. Закон Маккарэна—Вуда запрещал въезд в страну иностранцам, которые были или являются членами коммунистических партий, и другим лицам, представляющим, как указывалось в законе, «угрозу» безопасности США. Все коммунисты, ненатурализованные в США, но уже проживавшие в стране, подлежали высылке. Закон

---

[200] New Republic, 1950, Oct. 23, p. 9.
[201] Congressional Record, vol. 100, N 180, p. A6901.
[202] Вехи боевой истории, с. 201.

предусматривал также депортацию любого ненатурализованного лица, которое защищает и распространяет экономические и политические концепции, несовместимые с официально принятыми в стране и представлявшие «тоталитарную» пропаганду. Аналогичные наказания налагались и за связь с лицами и организациями, занимавшимися распространением печатных материалов подобного рода.

Конгресс уполномочил министерство юстиции держать под надзором или даже под стражей ненатурализованных граждан, подлежащих депортации. Если лица, прошедшие натурализацию после 1 января 1951 г., в течение первых пяти лет вступали в Компартию или какую-либо организацию «коммунистического фронта», в соответствии с новым законом они могли быть лишены гражданства и высланы из страны [203].

Правительство Трумэна с самого начала высказывало несогласие со статьями закона, касавшимися ненатурализованных граждан США. Его беспокоило, что закон будет препятствовать въезду в США лиц из франкистской Испании, которая именно и являлась страной с «тоталитарным режимом». Оно также опасалось, что закон лишит правительство права предоставлять политическое убежище разного рода контрреволюционным элементам из социалистических стран.

В практическом применении закона это обстоятельство было учтено, и в отношении к представителям фашистских и фалангистских организаций министерство юстиции и госдепартамент стали руководствоваться принципом «номинального» или «недобровольного членства», под которым подразумевалась принадлежность к молодежным фашистским организациям до 16 лет, а также членство как средство получения работы, продовольственных талонов и пр. Считалось извинительным также вступление в прошлом в нацистскую или фашистскую организацию в армии.

Принятый конгрессом в 1952 г. закон Маккарэна—Уолтера об иммиграции и натурализации распространял положения о депортации на тех граждан, которые обвинялись в неуважении к конгрессу за отказ на основе V поправки к конституции отвечать на вопросы членов конгресса. Закон 1952 г. модифицировал также положения акта Маккарэна — Вуда 1950 г. об иммиграции. В частности, гражданство могли теперь получить лица, которые порвали связи с компартиями и в течение последних пяти лет активно выступали против идей коммунизма. Новое законодательство об иммиграции, таким образом, широко раскрывало двери перед нацистскими преступниками и вместе с тем стало средством запугивания радикальных и демократически настроенных слоев населения и общественных организаций внутри страны, выступавших против маккартизма и реакционных мероприятий правительства в области внутренней и внешней политики. В апреле 1953 г. правительство объявило, что 12 тыс. ненатурализованных и 10 тыс. натурализованных граждан США находятся под угрозой высылки из страны [204].

Иммиграционная политика 50-х годов воздвигла почти непреодолимые препятствия выезду коммунистов и представителей демократической общественности за пределы страны. В выезде из США было отказано негритянскому прогрессивному общественному деятелю и певцу П. Робсону, видному ученому-химику Р. Спитцеру, профессору Колумбийского

---

[203] Congressional Record, vol. 96, pt 18, p. A7125.
[204] Ibid., vol. 100, p. A161.

университета К. Ламонту, профессору Калифорнийского технологического института и президенту Американского общества химиков Л. Полингу и многим другим. В свою очередь, по данным Федерации американских ученых, в 1952 г. свыше 200 иностранных ученых не могли приехать в США из-за трудностей получения въездных виз [205]. Во въезде в страну было отказано перуанской певице Имме Сумак, всемирно известному художнику П. Пикассо, дирижеру Венской государственной оперы Д. Крипсу и другим выдающимся деятелям культуры и искусства ряда стран. Жертвой этой политики стал и Чарли Чаплин, английский подданный, проживавший в США. В октябре 1952 г. он выехал за границу, и министерство юстиции не позволило ему вернуться в страну.

Маккартизм, развитие которого совпало с началом войны в Корее, оказал значительное влияние на распространение милитаристских настроений в стране. Маккартисты навязывали правительству вариант победоносного окончания непопулярной войны. Они требовали расширения очага войны, распространения бомбардировок на территорию КНР, морской блокады ее побережья. Генерал Д. Кенни, руководивший военно-воздушными операциями США во время второй мировой войны на Тихом океане, призывал пересечь р. Ялуцзян и бомбить военные базы КНР в Маньчжурии [206]. Сенатор Тафт высказался в пользу блокады КНР 7-м флотом США [207]. В феврале 1951 г. конгрессмен Дж. Мартин требовал силами Чан Кайши открыть второй фронт против КНР, с тем чтобы облегчить положение американских войск в Корее [208]. Командующий американской армией на Дальнем Востоке генерал Макартур полностью разделял точку зрения правых и заверял правительство, что, если оно будет действовать без колебаний, война закончится победой США.

Объединенный комитет начальников штабов и многие военные весьма скептически относились к планам Макартура. Соглашаясь с ними, правительство Трумэна считало, что реализация предложений генерала могла втянуть США в большую войну без каких-либо шансов на победу и ослабить стратегические позиции американского империализма в других регионах мира, и особенно в Западной Европе. Предложения Макартура, к негодованию маккартистов, были отклонены, а сам генерал за несоблюдение субординации был освобожден от занимаемого поста главнокомандующего вооруженными силами США на Дальнем Востоке.

В 1950—1951 гг. маккартистские репрессии обрушились на самые различные слои американского населения. Серьезный удар был нанесен и по престижу правящей демократической администрации. Все попытки Трумэна и его сторонников перехватить инициативу в борьбе с «красной опасностью» не дали демократам никакого политического выигрыша. Маккартизм «работал» на республиканцев, у которых впервые за последние 20 лет появилась реальная возможность одержать победу на предстоящих президентских выборах.

---

[205] New York Times, 1952, Apr. 30.
[206] Congressional Record, vol. 99, pt 9, p. A475.
[207] *Donovan R. J.* Eisenhower. The Inside Story. N. Y., 1956, p. 130.
[208] The Truman Administration: A Documentary History/Ed. by B. J. Bernstein, A. J. Matusow. N. Y., 1966, p. 454.

5. РАБОЧЕЕ И ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

В конце 40-х — начале 50-х годов рабочее движение в США испытывало серьезные трудности, связанные с усилением реакционных тенденций в общественной жизни страны. Американские коммунисты прямо указывали тогда на изменения условий классовой борьбы в неблагоприятную для рабочих сторону. Против профсоюзов в период агрессии в Корее использовались дубинка «чрезвычайного положения», подрывные положения закона Тафта—Хартли, судебные предписания, запугивания со стороны ФБР и других государственных органов, раскол, саботаж и в ряде случаев — штрейкбрехерство консервативных лидеров профсоюзов[209].

В конце 1952 г. министр труда М. Тобин выделяет три главных «достижения» администрации Трумэна в социальной области: принятие закона о занятости в 1946 г.; увеличение минимума заработной платы до 75 ц. в час в 1949 г. и расширение системы социального страхования в 1950 и 1952 гг.[210] Вряд ли можно считать эти меры значительными, особенно в сравнении с преобразованиями «нового курса». По существу, это вынужден был признать и сам министр труда, который констатировал: «Еще многие не имеют удовлетворительного жилья. Соответствующее современным требованиям медицинское обслуживание еще не достижимо для миллионов граждан. Идея равного и справедливого отношения ко всем трудящимся при найме на работу, которой мы себя посвятили, еще не осуществлена полностью. Многие с трудом завоеванные права трудящихся находятся под угрозой в результате принятия закона Тафта—Хартли. Программа страхования по безработице нуждается в расширении, увеличении пособий и продолжительности их выплат. Система социального страхования еще не распространяется на всех работающих»[211].

Если учесть, что подобное признание было сделано официальным лицом, стремившимся представить дела демократической администрации не в самом худшем свете, то станет понятным действительный характер проблем, стоявших перед рабочим движением США в этот период. Кроме того, раскол Конгресса производственных профсоюзов и исключение из него 11 прогрессивных организаций нанесли сильный удар по всему рабочему движению в США. Эти события привели к резкому снижению общественного веса профсоюзного движения, что выразилось в уменьшении популярности профсоюзов, ослаблении их возможностей вести кампании рекрутирования новых членов по типу 30-х годов. В АФТ и КПП вновь возобладали консервативные настроения ухода «из политики», что было шагом назад по сравнению с деятельностью профсоюзов в период «нового курса» Рузвельта.

Антикоммунизм многих профсоюзных лидеров помешал профсоюзам организовать действенное сопротивление наступлению консерваторов и правых. Их критика правой опасности носила непоследовательный и поверхностный характер. Между тем деятельность многочисленных правых организаций в лице всевозможных фондов и ассоциаций наносила рабо-

---

209 Political Affairs, 1952, Nov., p. 48.
210 *Tobin M.* Report. What the Department of Labor Has Done for Working People.— Eisenhower Library, J. P. Mitchell Papers, Box WN-1, p. 2.
211 Ibid., p. 5.

чему движению огромный политический и экономический ущерб. Они развернули мощную и хорошо скоординированную антипрофсоюзную кампанию. Широко используя средства массовой информации, правые активно пропагандировали свои взгляды. Только один «Фонд экономического образования» за четыре года существования распространил около 4 млн. копий различных материалов, которые были опубликованы по меньшей мере 389 газетами и журналами[212]. В публикациях содержались призывы ограничить права профсоюзов, сократить государственные расходы на социальные нужды, упразднить систему социального страхования и законодательство в защиту гражданских прав, отказаться от участия США в ООН и т. д. и т. п.

Еще большую угрозу для рабочего и профсоюзного движения США в эти годы представлял маккартизм. Профсоюзы в целом оказались плохо подготовленными к его натиску, к тому же первая реакция двух крупнейших профсоюзных объединений – КПП и АФТ на это явление в политической жизни была неодинаковой. В дальнейшем различия сгладились, но не исчезли совсем.

КПП осудил маккартизм с момента его возникновения. Уже в марте-апреле 1950 г. Комитет политических действий этой организации начал распространять многочисленные материалы с критикой Маккарти. Большую пропагандистскую деятельность проводили печатные органы КПП. На страницах еженедельника «СИО ньюс» регулярно появлялись статьи, разоблачавшие лживый характер «патриотического» похода Маккарти и маккартистов[213]. В целом же для позиции руководства КПП в отношении маккартизма было характерно отождествление деятельности сенатора Маккарти с деятельностью группы реакционно настроенных сенаторов и членов палаты представителей, куда входили Тафт, Хартли и др. Это означало, что КПП выступал главным образом против антипрофсоюзной платформы сенатора из Висконсина[214]. Однако при всей политической ограниченности антимаккартистской кампании, которую вели профсоюзы КПП, они делали большую и важную работу, способствуя активизации борьбы трудящихся за их насущные права, против наступления правых сил.

Роль АФТ по сравнению с КПП в борьбе против маккартизма выглядит скромнее. АФТ в этот период представляла собой консервативную профсоюзную организацию. Во главе АФТ стояли лидеры, политическим кредо которых был антикоммунизм. Вот почему все основные печатные органы АФТ на первых порах хранили молчание в вопросе о маккартизме, боясь вызвать раскол федерации. Закулисная борьба между сторонниками консервативной и умеренной линий в АФТ завершилась к концу 1951 г. победой последних. Сторонникам умеренной линии удалось настоять на поддержке демократической партии на президентских выборах 1952 г. Это предопределило отношение АФТ к деятельности Маккарти. Первое официальное осуждение маккартизма имело место на съезде АФТ в 1953 г. (хотя имя сенатора названо не было). И только на съез-

---

[212] State Historical Society of Wisconsin, Textile Workers Union of America Papers, William Pollock File, Memorandum to Union Political Action Workers from J. Ebelman, p. 5.

[213] CIO News, 1950, Mar. 27; May 1; Aug. 3.

[214] *Oshinsky D.* Senator Joseph MacCarthy and the American Labor Movement: Ph. D. Brandeis University, 1971, p. 18.

де АФТ в 1954 г. коалиции умеренных и прогрессистов удалось добиться полного и решительного осуждения деятельности Маккарти. Однако руководство и АФТ, и КПП, вместо того чтобы сплотиться и организовать решительный отпор проискам монополистических кругов, отказалось от сотрудничества с левым крылом рабочего движения, ограничившись лишь формальным, чисто риторическим осуждением реакции.

Рабочее движение перешло к обороне, следствием чего явилось сокращение членов профсоюзов среди всех занятых вне сельского хозяйства с 35% в 1945 г. до 31,5% в 1950 г.[215] В этой связи даже министр труда М. Тобин, к тому времени вышедший в отставку, высказал прямое беспокойство за будущее профсоюзов США. Выступая на 14-м съезде КПП, он сказал: «За пять лет с момента принятия закона Тафта—Хартли профсоюзное движение не сумело обеспечить сколько-нибудь значительного прироста членства», а тот небольшой прирост, который и имел место, происходил «гораздо более медленными темпами, чем рост численности рабочей силы Америки»[216].

Хотя руководство АФТ и КПП не желало признать порочность своей линии и критически оценить тяжелую ситуацию, в которой оказалось профсоюзное движение, тем не менее опасения растерять влияние в рабочей среде заставили профлидеров предпринять кое-какие шаги в политической области. Это были робкие, нерешительные шаги, так как профлидеры в новых условиях делали все, чтобы изменить представление о профсоюзах как о боевом, независимом от капитала движении. «Крестовый поход» Маккарти и его воинства против «подрывной деятельности» левых и прогрессистов ускорил переход консервативной профсоюзной верхушки США на позиции безудержного восхваления «американского образа жизни» и внешней политики США.

Несмотря на урон, который понесли в конце 40-х—начале 50-х годов профсоюзы, они все еще располагали большими потенциальными возможностями в политической сфере. Являясь в первую очередь экономическими организациями, профсоюзы спорадически участвовали и в политической борьбе. Особенно богатые традиции в этой области имели профсоюзы КПП, по инициативе которых в 1943 г. был создан Комитет политических действий. К деятельности этого комитета часто подключались и некоторые профсоюзы АФТ, особенно на Тихоокеанском побережье «Беспартийность» политической организации КПП была лишь видимостью. С момента возникновения она традиционно поддерживала демократическую партию, программу неолибералов и их кандидатов на выборах в конгресс и президентских выборах.

В 1947 г., после принятия закона Тафта—Хартли, АФТ также создала Рабочую лигу политического образования (Labor's League for Political Education — ЛЛПЕ). Предвыборные лозунги и структура этой организации, соответствовавшая избирательным округам, были практически идентичны с принципами Комитета политических действий. Фактически лига в 1948 г., так же как и Комитет политических действий, поддерживала демократическую партию, хотя в решениях съезда АФТ это официально зарегистрировано не было.

---

[215] Handbook of Labor Statistics, 1968. Wash., 1968, p. 300.

[216] Daily Proceedings of the Fourteenth Constitutional Convention of the Congress of Industrial Organizations, December 1, 1952. Atlantic City, p. 31.

Комитет политических действий и Рабочая лига политического образования осуществляли тесное сотрудничество и кооперацию в ряде штатов и на национальном уровне с 1950 г. Представители АФТ, КПП и братств железнодорожников 14 декабря 1950 г. образовали Объединенный профсоюзный политический комитет для координации действий профсоюзов. Эти шаги несколько усилили позиции профсоюзов и расширили их возможности для оказания давления на администрацию и отпора антирабочим силам.

Профсоюзы, образовавшие Объединенный комитет, оказались вовлечены в острый классовый и политический конфликт, вызванный антирабочей политикой государства и монополий в первой половине 1951 г. Он был ознаменован тем, что впервые за много лет господства демократов профсоюзы АФТ и КПП и их руководство не только решились выразить протест, но и пошли на открытый конфликт с администрацией, отказавшись участвовать в разработке такой политики, которая вела к замораживанию заработной платы и ограничению свободы забастовок[217]. Вслед за тем рабочие организации развернули широкую кампанию критики администрации Трумэна и программы военной мобилизации. Кульминацией этого движения явилась конференция профсоюзов в Вашингтоне 20 марта 1951 г., на которой присутствовало свыше тысячи делегатов.

Агрессия в Корее создала неблагоприятную обстановку для деятельности профсоюзов и в то же время поставила их лицом к лицу с проблемами американской внешней политики, вопросами войны и мира. Лидеры АФТ и КПП в самом начале конфликта пошли на весьма непопулярный в рабочей среде маневр: открыто поддержали решение президента Трумэна вмешаться в события в Корее. Ф. Мэррей послал телеграмму президенту, уведомляя о своей поддержке[218]. У. Грин сделал это не так официально, но не менее определенно[219]. И все же демонстрация лояльности и приверженности антикоммунизму не принесла особых выгод АФТ и КПП: в Вашингтоне к их голосу прислушивались не более, чем раньше. Зато для рабочих со временем война стала синонимом инфляции, роста налогов, усиления антирабочего характера политики администрации и монополий. Противоречия по экономическим вопросам, ограничение прав трудящихся, вызванные войной, привели к усилению экономической борьбы рабочего класса.

В 1952 г., после некоторого спада в конце 40-х — начале 50-х годов, наблюдался значительный подъем забастовочного движения: произошли 5117 забастовок, в которых участвовало свыше 3,5 млн. трудящихся (на 60% больше, чем в предыдущем, 1951 г.). В результате было потеряно 59 100 тыс. человеко-дней (вдвое больше, чем в 1951 г.). В 34 забастовках приняли участие по 10 тыс. и более рабочих. Эти показатели были выше, чем за любой другой предыдущий год, кроме 1919 и 1946 гг.[220]

В 1952 г. бастовали водители грузовых машин, железнодорожники, телеграфисты и телефонисты, рабочие нефтеперерабатывающих заводов. Но самой крупной забастовкой этого года стала 59-дневная национальная забастовка 650 тыс. сталелитейщиков. Это был один из крупнейших тру-

[217] American Federationist, 1951, Mar., p. 3.
[218] CIO News, 1950, July 3.
[219] American Federationist, 1950, Aug. 14.
[220] Monthly Labor Review, 1953, Febr., p. 119.

довых конфликтов в истории США. Борьба за повышение заработной платы в ходе забастовки, как отмечали американские коммунисты, постепенно переросла в «политическую борьбу по важнейшим проблемам, затрагивавшим интересы рабочего класса в целом»[221].

Массовые забастовки в 1952 г. были успешными и вынудили предпринимателей пойти на определенные уступки. В результате забастовочной борьбы была фактически сорвана программа «экономической стабилизации» правительства Трумэна, которая предусматривала ограничения роста благосостояния трудящихся и перекладывала на их плечи финансовое бремя агрессивной войны в Корее. Недовольство этой политикой было столь велико, что руководство и АФТ, и КПП не смогло сдержать рост стачечного движения и вынуждено было санкционировать забастовки.

Все шире стало распространяться движение протеста против самой войны. Если профбоссы боялись открыто выступать против войны, то отраслевые, местные отделения профсоюзов АФТ и КПП и особенно независимые национальные профсоюзы делали это систематически, высказываясь негативно в отношении внутренней и внешней политики Трумэна. Многие профсоюзы проводили опросы и референдумы, как, к примеру, союз сталелитейщиков в 1951 г., в Кливленде, Детройте, Нью-Йорке, Чикаго, в ходе которых подавляющее большинство рабочих высказывалось за немедленное прекращение огня и вывод американских войск из Кореи[222].

Одними из первых борьбу против агрессии начали члены профсоюза портовых грузчиков и складских рабочих Тихоокеанского побережья в Сан-Франциско. В июле 1950 г. они пытались воспрепятствовать погрузке военного снаряжения для отправки в Корею. За эти действия председатель профсоюза Гарри Бриджес был подвергнут тюремному заключению. Репрессии со стороны властей не заставили членов этого профсоюза и его руководство отказаться от своих убеждений. На съезде в апреле 1951 г. делегаты союза портовых грузчиков и складских рабочих вновь подвергли резкой критике внутреннюю и внешнюю политику администрации Трумэна[223].

Активно выступали против внутренней и внешней политики администрации Трумэна руководители и печать профсоюза горняков, одного из крупнейших в США. Журнал профсоюза писал: «Именно наша бестолковая дипломатия втянула нас в конфликт в Корее, который, как сейчас стало очевидно, не может быть решен на полях сражений... И теперь администрация обязана найти выход для окончания этого несправедливого кровопролития»[224]. В редакционной статье, опубликованной в другом номере журнала, еще определеннее говорилось о том, что «война — это дело рук богачей, с помощью которой богатые становятся еще богаче, а бедные — еще беднее... Мы, простые люди, должны работать и воевать, идти на жертвы, сносить лишения и платить за всю тяжесть ошибок, безрассудства и спекуляции, которые являются частью войны и полити-

[221] Political Affairs, 1952, June, p. 38.
[222] История рабочего движения в США в новейшее время: В 2-х т. М., 1970—1971, т. 2, с. 263.
[223] Report of the Officers to the Ninth Biannual Convention of the International Longshoremen's and Warehousemen's Union. Honolulu, April 2, 1951. San Francisco, 1951, pt 1, p. 74.
[224] United Mine Workers Journal, 1951, Apr. 7, p. 9.

ки вооружения»[225]. Антивоенную позицию занимал и независимый профсоюз электриков.

С течением времени стали все более активно выступать в защиту мира, против военной истерии и многие крупные профсоюзы КПП, которые в первые месяцы вооруженной агрессии США послушно шли за руководством КПП в Вашингтоне либо опасались открыто высказать свое мнение. Проблеме мирного решения корейского конфликта была, например, посвящена новогодняя редакционнная статья в декабре 1952 г. журнала союза рабочих упаковочной промышленности[226].

О наличии в США «партии войны», которая стремится втянуть страну в глобальный военный конфликт, говорил на митинге рабочих Объединенного союза швейников в январе 1952 г. в Миннеаполисе секретарь-казначей профсоюза Ф. Розенблюм. Он предупреждал, что наступление на гражданские свободы и права рабочих является частью широкой кампании, развязанной «поджигателями войны»[227]. Президент этого союза Л. Холлэндер еще в начале сентября 1951 г. на 12-й ежегодной конференции КПП штата Нью-Йорк выразил надежду на «быстрейшее окончание» военных действий в Корее. А уже следующая ежегодная конференция КПП штата Нью-Йорк в Буффало приняла специальную резолюцию, поддерживавшую шаги, направленные на заключение «почетного прекращения огня» в Корее, и осуждавшую попытки втянуть страну в более «широкую дальневосточную войну»[228].

На 35-тысячном митинге рабочих Детройта в конце июня 1951 г. по случаю 10-летия со дня подписания единого контракта с компанией Форда многие ораторы, в том числе и ветеран профсоюзного движения США Джон Льюис, призывали к «пробуждению» рабочего движения, активизации антивоенной и экономической борьбы, к объединению профсоюзных рядов[229]. Эти выступления свидетельствовали о постепенном росте в рабочем движении оппозиции реакционной внутренней и внешней политике правящих кругов в США.

В январе 1952 г. в г. Эри (штат Пенсильвания) собрались представители 14 местных отделений АФТ, КПП и независимых профсоюзов из нескольких штатов. На этой конференции суровой критике подверглась внутренняя политика администрации Трумэна. Участники конференции образовали Объединенный профсоюзный комитет за прекращение замораживания заработной платы. Подобные объединенные комитеты были созданы во многих штатах (Делавэр, Миссури и др.). В июле 1952 г. в Нью-Йорке 175 делегатов из 32 местных отделений АФТ, КПП и независимых профсоюзов собрались, чтобы выразить протест против наступления реакции на гражданские свободы. Они утвердили открытое письмо к профсоюзам с призывом объединить усилия в борьбе против реакционных законов Смита, Маккарэна и т. д.

В преддверии президентских выборов левоцентристские силы в профдвижении активизировались. Когда журнал «Нейшн» организовал в июле симпозиум «Что хотят профсоюзы в 1952 году», в нем приняли участие представители всех основных отрядов профсоюзного движения. Выражая

---

225 Ibid., Apr. 12, p. 8.
226 Packinghouse Worker, 1952, Dec., p. 5.
227 Advance, 1952, Jan. 21, p. 3.
228 Ibid., Sept. 15, p. 3.
229 UE News, 1951, July 23, p. 3.

мнение большинства присутствовавших, Ф. Розенблюм заявил: «Профсоюзы хотят эффективного контроля над ценами... отмены закона Тафта—Хартли и восстановления закона Вагнера, отмены законов Маккарэна и Смита и других актов, урезывающих основные права личности и предусматривающих „контроль над мыслями", они хотят также позитивных усилий, направленных на решение основных проблем, вызвавших международную напряженность, чтобы уничтожить угрозу мировой войны и не допустить ее последствий»[230].

Предвыборные лозунги Комитета политических действий и Рабочей лиги политического образования носили более умеренный характер. Лишь дальнейшее ухудшение политической ситуации для рабочего движения вынудило руководство американских профсоюзов искать новые пути для того, чтобы отстоять достигнутое. На повестку дня во весь рост стал вопрос об объединении АФТ и КПП.

6. «КРЕСТОВЫЙ ПОХОД» ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ

США подошли к выборам 1952 г. в обстановке разгула маккартизма, наложившего отпечаток на тактику и стратегию предвыборной борьбы главных буржуазных партий. Маккартизм ассоциировался с крайне правым крылом республиканской партии, которое на протяжении последних 20 лет отождествляло «новый курс», а позднее и «справедливый курс» с социализмом и коммунизмом. Но в силу того что атаки маккартистов на правительство Трумэна полностью вписывались в политику республиканского руководства, они и были использованы им для дискредитации демократической партии[231].

В начале 50-х годов «неистовый сенатор из Висконсина» пользовался особым вниманием республиканских лидеров. Тафт и другие деятели партии оказывали ему широкую поддержку. Съезд республиканцев в штате Висконсин в июне 1950 г. отметил его «неустанные усилия в искоренении коммунистических элементов из администрации Трумэна — Ачесона»[232]. Для самого Маккарти 1952 год был годом переизбрания в сенат. Его кампания щедро финансировалась республиканской партией. В Висконсине на него работала организация «Клуб Маккарти», внесшая в его избирательный фонд 160 тыс. долл.

Сложную комбинацию сил представляла в эти годы республиканская партия. В ней были и умеренные элементы, убеждавшие руководство партии занять более реалистические позиции в вопросах социально-экономической политики. Однако основной тон в партии задавали деятели правого толка. Комиссия по выработке стратегии республиканской партии отвергла предложения умеренных и единодушно объявила, что является непримиримым противником политики социального реформаторства[233]. Кандидатом консервативных республиканцев в президенты был сенатор Р. А. Тафт. Свою платформу — «Республиканская программа» —

[230] Advance, 1952, July 1, p. 2.
[231] Joseph R. McCarthy/Ed. by A. J. Matusow. Englewood Cliffs (N. J.), 1970, p. 9.
[232] *Hart H.* McCarthy versus the State Department. Durham, 1952, p. 1.
[233] *Joyner C.* The Republican Dilemma. Conservatism or Progressivism. Tucson, 1963, p. 77, 78.

он сформулировал в первые послевоенные годы и неоднократно подтверждал ее в последующий период. Главным, заявлял он, является «восстановление свободы», которую он отождествлял с «исключением или ослаблением вмешательства профсоюзов и правительства в частную жизнь и в дела бизнеса». Первоочередной задачей он считал пересмотр законов «нового курса» [234].

Ему противостоял другой кандидат в президенты от республиканцев, Дуайт Д. Эйзенхауэр, выступавший под более умеренными лозунгами. В отличие от Тафта генерал не имел большого опыта в политике, однако его огромная популярность как главнокомандующего войсками союзников в Западной Европе на заключительном этапе войны делала его кандидатуру весьма привлекательной в глазах республиканских лидеров. При оценке реальных возможностей каждого кандидата на победу большинство делегатов республиканского съезда, открывшегося 7 июля 1952 г. в Чикаго, отдало предпочтение Эйзенхауэру, с которым связывались надежды республиканцев на преодоление традиционных барьеров партийной лояльности, что позволяло им повести за собой большинство избирателей. В результате за Эйзенхауэра на съезде высказались 845 делегатов. Тафт получил поддержку только 280 голосов.

Однако правое крыло республиканцев, соглашаясь поддержать Эйзенхауэра, навязало партии ряд требований. 12 сентября генерал достиг соглашения с Тафтом о единой предвыборной платформе. Он обещал бороться с явлением, которое консерваторы называли «ползучим социализмом»: сократить правительственные расходы в течение ближайших двух лет с 80 млрд. до 60 млрд. долл. за счет главным образом социальных программ, снизить налоги, сбалансировать бюджет, сохранить основные положения закона Тафта—Хартли, поощрять частное предпринимательство, ослабить прерогативы исполнительной власти и расширить права штатов.

Выдвижение кандидатуры Р. Никсона на пост вице-президента также соответствовало замыслам правого крыла партии. Все это позволяло консерваторам связывать с приходом к власти Эйзенхауэра надежды на осуществление своих планов — ликвидацию наследия «нового курса». После встречи с генералом Тафт выразил надежду, что консерваторы не видят никаких трудностей в разработке такой законодательной программы, которая вернет страну на путь, оставленный ею 20 лет назад [235].

Под влиянием правых республиканцев кандидат в президенты отказался отмежеваться от маккартизма. Более того, в пропагандистских целях Эйзенхауэр сам неоднократно использовал маккартистскую фразеологию, обвиняя демократов в терпимом отношении к изменникам и шпионам. В случае избрания он обещал полностью очистить правительственный аппарат от коммунистов и их «попутчиков» [236]. В одном из выступлений Эйзенхауэр, в сущности, поддержал Маккарти, заявив, что цели их совпадают, а различия между ним и сенатором состоят только в методах [237]. Маккарти со своей стороны также внес вклад в избирательную кампанию Эйзенхауэра, обвинив его оппонента Э. Стивенсона в «прокоммунистических» симпатиях. В избирательной платформе республикан-

[234] Congressional Record, vol. 93, pt 10, p. 47, A7.
[235] *Parmet H. S.* Eisenhower and the American Crusades. N. Y., 1972, p. 169.
[236] *Eisenhower D. D.* Mandate for Change, 1953—1956. L., 1963, p. 317.
[237] *Donovan R. J.* Eisenhower, p. 244.

цы утверждали, что демократы «укрывают изменников нации на ответственных постах» в правительстве, «подрывают основы американской республики» и «угрожают ее существованию»[238].

К моменту выборов 1952 г. престиж демократической партии был основательно подорван. Это было расплатой за непоследовательность в проведении внутренней политики. Недоверие к правительству еще более возросло, когда Трумэн в год выборов в целях предотвращения забастовки сталелитейщиков распорядился взять под контроль правительства металлургические заводы. Широкое недовольство во всех слоях населения вызывала инфляция. Все попытки обуздать ее оказались безрезультатными. Своими поисками «подрывных элементов» среди федеральных служащих, смыкавшимися с маккартистской «охотой на ведьм», администрация оттолкнула от демократической партии либеральные элементы, лишившись тем самым поддержки многих бывших сторонников.

Ослаблению популярности демократов содействовали и скандальные разоблачения близких к официальным кругам лиц, использовавших свое положение в корыстных целях. В ряде городов сенатская комиссия Кефовера раскрыла связи боссов демократической партии с уголовным миром, злоупотребления были обнаружены и в Финансово-налоговом управлении. И хотя в большинстве случаев правительство не препятствовало этим разоблачениям, республиканцы сделали вопрос о коррупции в правительственных сферах одним из главных пунктов своей избирательной кампании.

Растущее негодование общественности вызывала агрессивная война в Корее. Недовольство было настолько широко распространено, что республиканцы решили воспользоваться этим. Обещание найти почетную для американцев возможность покончить с бесперспективной войной, высказанное Эйзенхауэром во время предвыборной поездки в Детройт, вызвало огромный резонанс и послужило одним из важных моментов, обеспечивших массовую поддержку кандидату республиканской партии.

Трезво оценив ситуацию, Трумэн 29 марта 1952 г. официально объявил, что не будет баллотироваться на пост президента на новый срок. Но подыскать достойную замену в условиях резкого ослабления доверия к правительству было для демократов нелегким делом. Только 24 июля, в дни работы съезда демократической партии, после длительных колебаний согласие на выдвижение своей кандидатуры на пост президента дал губернатор от штата Иллинойс Э. Стивенсон.

Стремясь нейтрализовать критику в адрес демократов, Стивенсон отмежевался от Трумэна. Он перевел штаб избирательной кампании демократов из Вашингтона в Спрингфилд, добился прихода новых лиц в руководство партии. В программных выступлениях и избирательной платформе сторонники Стивенсона попытались опереться на авторитет покойного президента Ф. Д. Рузвельта. Своей заслугой они считали и то, что в послевоенные годы США избежали серьезных экономических потрясений. Демократы обещали отменить закон Тафта—Хартли и провести ряд других мер в интересах трудящихся. В области международных отношений они изображали себя сторонниками более гибкого курса, учитывавшего новые факторы международной обстановки.

---

[238] *Parmet H. S.* Op. cit., p. 97.

Стивенсон провел энергичную избирательную кампанию. Его выступления были тщательно продуманы и производили известное впечатление. Однако популярность Эйзенхауэра была столь значительной, что Стивенсону при всем старании не удалось переломить ход избирательной борьбы в свою пользу. Он также не смог преодолеть годами накапливавшееся недовольство демократической администрацией, которое к тому же постоянно подогревалось их политическими оппонентами. Все это принесло определенные политические дивиденды соперникам демократов — республиканцам, одержавшим в конечном итоге внушительную победу.

На выборах 1952 г. в голосовании участвовало свыше 60 млн. человек — самое большое число избирателей за всю предшествующую историю США. Эйзенхауэр собрал почти 34 млн., его оппонент — немногим более 27 млн. голосов. Республиканцы обеспечили себе большинство в сенате и палате представителей. Огромным влиянием в новом, 83-го созыва конгрессе США пользовались маккартисты, которые вместе со своими консервативными сторонниками составляли $^2/_3$ конгрессменов-республиканцев. Значительную поддержку правым республиканцам в конгрессе оказывала и консервативная группировка демократов, представлявшая в основном южные штаты. В сенате эта группа составляла 46,7% демократов и направлялась в своей деятельности сенатором из Джорджии Дж. Расселом [239].

В выборах 1952 г. принимала участие и Прогрессивная партия, поддерживаемая коммунистами. Возможности партии в обстановке разгула маккартизма еще более сократились. Ее кандидат в президенты юрист из Калифорнии Винсент Холлинэн баллотировался лишь в 28 штатах по сравнению с 45 штатами в 1948 г. Партия выступала под лозунгами борьбы за мир, за восстановление деловых отношений с СССР и другими социалистическими странами. Она требовала запрещения атомного оружия, отмены закона Тафта—Хартли, репрессивных актов Смита и Маккарэна, аннулирования всех форм расовой дискриминации. Однако смелый голос лидеров Прогрессивной партии и коммунистов, многие из которых сидели в тюрьмах за свои убеждения, был заглушен антикоммунистической и антисоветской истерией, развернутой монополизированными средствами массовой пропаганды, и в целом не дошел до широких масс американцев.

Правительство Эйзенхауэра, осуществляя данные правым силам на выборах 1952 г. обещания, с самого начала развернуло кампанию по искоренению так называемых «подрывных элементов» из правительства. Республиканская администрация подвергла резкой критике приказ президента Трумэна от 21 марта 1947 г. о проверке лояльности государственных служащих как совершенно неудовлетворительный с точки зрения обеспечения «национальной безопасности». Вместо старого принципа «разумного сомнения» в лояльности служащего, являвшегося основой трумэновской программы, правительство вводило более «надежный» критерий неблагонадежности — «несовместимость нахождения того или иного лица на государственной службе с интересами национальной безопасности» [240], который позволял администрации использовать его против любого неугодного государственного чиновника.

---

[239] *Mooney B.* The Politicians: 1945—1960. Philadelphia; New York, 1970, p. 172.
[240] *Donovan R. J.* Eisenhower, p. 286.

27 апреля 1953 г. Эйзенхауэр издал исполнительный приказ № 10450. Новая система проверок ускоряла и упрощала процедуру расследований. Она упраздняла Управление по проверке лояльности и региональные советы. Прекратили свое существование в том виде, в каком они функционировали ранее, и департаментские советы по проверке лояльности. Теперь они состояли из членов, не являвшихся сотрудниками данного министерства. Этим самым правительство пошло навстречу пожеланиям Торговой палаты США, которая считала советы при департаментах, созданные Трумэном, наиболее слабым звеном всей системы проверки лояльности государственных служащих.

Приказ Эйзенхауэра распространял действие закона от 26 августа 1950 г., позволявшего 11 правительственным ведомствам увольнять служащих по соображениям государственной безопасности, на все учреждения и агентства. Глава министерства получил право по своему усмотрению определять перечень ответственных должностей, претенденты на которые должны пройти полную проверку благонадежности через Комиссию гражданской службы и ФБР.

Система проверки, введенная республиканцами, оказывала более жесткое давление на всех служащих, во взглядах которых проявлялся хотя бы малейший признак неортодоксальности. Она лишила их права апелляции, видимость которого сохранялась прежней администрацией. Лица, ответственные за проверку, получили полномочия прокурора, следователя и судьи и имели почти стопроцентную возможность опорочить доброе имя человека, изгнать неугодных им сотрудников с работы или лишить их перспектив на продвижение по службе. Особый упор в приказе делался на то, что работа в федеральном аппарате является привилегией, а не правом. Правительство брало под свою особую защиту институт тайного доноса, считая его краеугольной основой всей системы мер по обеспечению государственной безопасности. О степени достоверности поступавшей от платных осведомителей информации подчас не могли судить даже департаментские советы.

13 октября 1953 г. приказ № 10450 был дополнен еще одним критерием нелояльности: в праве на работу в государственном аппарате отказывалось всем, кто на основе V поправки к конституции не отвечал на вопросы членов расследовательских комиссий. Одним из результатов принятых правительством мер явилось дальнейшее увеличение министерством юстиции «черного списка» «подрывных организаций», число которых в годы президентства Эйзенхауэра возросло до 279. Через три месяца пребывания у власти правительство объявило об отстранении от работы 1456 служащих. К 1955 г. число уволенных из государственных учреждений достигло уже свыше 8 тыс. Наиболее показательной была проверка лояльности почти 1700 американцев, работавших в ООН. В январе 1953 г. все они были вынуждены пройти через унизительную процедуру снятия отпечатков пальцев.

Проверки и чистки вскоре охватили более широкий круг лиц. Военное ведомство и Комиссия по атомной энергии распространили их на несколько миллионов рабочих и служащих тех отраслей частной промышленности, которые были заняты выполнением правительственных заказов. Самым громким делом, проведенным правительством Эйзенхауэра, было увольнение выдающегося ученого-физика Р. Оппенгеймера. Его отказ участвовать в разработке термоядерного оружия насторожил официаль-

ный Вашингтон. Однако отсутствие каких-либо компрометирующих фактов позволило ученому благополучно пройти проверку лояльности, когда у власти были демократы. Новое расследование по «делу Оппенгеймера», проведенное в соответствии с приказом Эйзенхауэра № 10450, также не обнаружило ничего предосудительного в его поведении, тем не менее большинство совета, занимавшегося расследованием его деятельности, сочло возможным утверждать, что работа Оппенгеймера в Комиссии по атомной энергии несовместима с интересами национальной безопасности. «Дело Оппенгеймера» повлекло за собой отказ в доверии многим лицам, с которыми общался ученый.

По некоторым данным, в 50-е годы проверку лояльности прошли 10 млн. американцев. На реализацию этой маккартистской затеи было истрачено не менее 350 млн. долл., однако, по признанию официальных лиц, политической инквизиции не удалось обнаружить ни одного шпиона [241]. А ведь чистка правительственного аппарата от «иностранных агентов» была одним из важнейших аргументов правящих кругов в пользу проверки лояльности!

Одним из таких недоказанных дел была расправа с прогрессивно настроенными американцами — супругами Э. и Ю. Розенберг. Обвиненные по ложному доносу в атомном шпионаже, они были в январе 1951 г. приговорены к смертной казни на электрическом стуле. «Дело Розенбергов» получило огромный международный резонанс. Внутри США и за границей началась кампания за пересмотр приговора. Видные ученые открыто ставили под сомнение выдвинутые против Розенбергов необоснованные обвинения [242]. В адрес президента еженедельно поступало до 15 тыс. писем и телеграмм от общественных организаций, выдающихся ученых и крупных политических деятелей многих стран мира с просьбой использовать право помилования и предотвратить физическую расправу над Розенбергами. Однако все было тщетно. Апелляционный суд, Верховный суд США и президент Эйзенхауэр отказались пересмотреть вынесенное решение. 19 июня 1953 г. смертный приговор Розенбергам был приведен в исполнение.

Соревнование администрации с маккартистами в разжигании антикоммунистического психоза привело к новым абсурдным утверждениям. 6 ноября 1953 г. министр юстиции Браунелл обвинил в измене Трумэна, а комиссия по расследованию антиамериканской деятельности в связи с заявлением министра вызвала бывшего президента США на свое заседание для дачи показаний. Поводом для такого обвинения послужило назначение в 1945 г. помощника министра финансов Г. Уайта (который, согласно версии ФБР, был связан с организациями «коммунистического фронта») главой Международного валютного фонда. Не желая никому уступать пальму первенства, Маккарти в начале 1954 г. обвинил в измене всю демократическую партию. Главной темой его многочисленных выступлений в это время были рассуждения о «двадцати годах предательства демократов» [243].

Выступления республиканцев по внешнеполитическим вопросам также несли в себе значительный груз маккартистской истерии. Наиболее реак-

---

[241] *Dorman M.* Witch Hunt. The Underside of American Democracy. N. Y., 1976, p. 224; *Goldstein R. J.* Op. cit., p. 374.
[242] *Lyon R.* Eisenhower. Portrait of the Hero. Boston; Toronto, 1974, p. 493.
[243] *Caughey J. M.* Op. cit., p. 85.

ционные из них в конгрессе подвергли ожесточенным нападкам политику «сдерживания коммунизма», считая ее недостаточной. По их мнению, эта доктрина парализовала американскую волю, благодаря чему капитализм потерял ряд стран в Европе и Азии. На автора доктрины «сдерживания» Дж. Кеннана был навешен ярлык «самого крупного защитника дела Кремля в Америке» [244].

Другим объектом постоянных атак правых были соглашения с СССР, заключенные США в годы второй мировой войны. Отражая настроения правых республиканцев, избирательная платформа Эйзенхауэра 1952 г. включала пункт об отказе от «секретных соглашений» в Ялте и Потсдаме, которые якобы обрекли на «порабощение» народы ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы. 2 февраля 1953 г. глава специальной комиссии конгресса Г. Д. Керстен внес резолюцию, провозглашавшую Ялтинские соглашения недействительными и необязательными для США. Комиссия потребовала разрыва дипломатических отношений с СССР и другими социалистическими странами, прекращения с ними торговли, создания специальных воинских формирований из контрреволюционных эмигрантов в целях реставрации капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Политику мирного сосуществования комиссия характеризовала как опиум, с помощью которого коммунисты пытаются усыпить бдительность народов и подорвать «свободные», т. е. буржуазные, институты [245].

В начале декабря 1953 г. в Вашингтоне была проведена национальная конференция под девизом «Освобождение порабощенных народов». Конференция оказала полную поддержку комиссии Керстена. Ее участники обратились к администрации и конгрессу с требованием создать объединенную комиссию по ведению «холодной войны», которая бы возглавила действия, нацеленные на ослабление и ниспровержение правительств социалистических стран. Организаторы этого сборища в телеграмме Эйзенхауэру убеждали президента отказаться от признания сложившегося статус-кво на международной арене и оказать всемерную поддержку сторонникам реставрации капитализма в социалистических странах [246]. Логическим итогом такого развития событий была маккартистская резолюция Дженнера — Маккарэна, внесенная в конгресс летом 1954 г. о разрыве дипломатических отношений с социалистическими странами [247].

С точки зрения правых в США документы, подписанные правительствами Рузвельта и Трумэна в Ялте и Потсдаме, были символами национального «предательства». Победившие революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы реакционные силы изображали не как результат развития внутреннего революционного процесса, развившегося в ходе антифашистской борьбы, а как итог «тайного сговора» правительства Рузвельта с СССР. На практике осуждение так называемых «секретных соглашений» правыми республиканцами да и самим президентом означало не что иное, как покушение на согласованную странами антигитлеровской коалиции политику военных лет, попытку пересмотра военно-политических итогов второй мировой войны.

---

[244] Congressional Record, vol. 100, pt 10, p. 13822—13823.
[245] Ibid., N 163, p. A6235.
[246] Ibid., N 29, p. A1248, A1249.
[247] Ibid., pt 7, p. 9755.

Преследования и гонения на инакомыслие внутри страны, с одной стороны, и разжигание «холодной войны» на международной арене — с другой, стимулировали антикоммунистическое законодательство конгресса США. Считая положения закона Маккарэна — Вуда 1950 г. недостаточными для борьбы с коммунистами, конгресс разрабатывал новые репрессивные меры, направленные на фактическое запрещение Компартии США. В начале 1954 г. конгрессмен Р. Бирд из Западной Виргинии внес петицию об объявлении Компартии вне закона[248]. В антикоммунистическом рвении правым не уступали некоторые видные либералы. Сенаторы Хэмфри, Килгор, Лемен предложили законопроект, объявлявший деятельность Компартии США «заговором», контролируемым извне и направленным на свержение американского правительства. Однако в правительстве и конгрессе широкое распространение получила другая точка зрения, согласно которой запрещение Компартии заставит коммунистов уйти в подполье, что затруднит борьбу с ней.

В ходе парламентских дебатов были разработаны компромиссные меры, нашедшие воплощение в законе о контроле над коммунистической деятельностью и принятые почти единогласно в конце 1954 г. Новый закон был логическим развитием репрессивного законодательства 40—50-х годов. Он фактически запрещал деятельность Компартии, лишая ее прав, признаваемых буржуазным обществом за всеми другими политическими партиями и организациями. Компартия отстранялась от участия в политических кампаниях, включая президентские выборы, выборы в конгресс и местные органы власти.

Закон 1954 г. вводил в оборот новое понятие: «организация, засоренная коммунистами», которое могло быть распространено на любую прогрессивную группу, и в частности на профсоюзы. Рабочая организация, помеченная таким ярлыком, лишалась права представлять рабочих на переговорах при заключении коллективных договоров. Законодатели поощряли лидеров организаций, в том числе и профсоюзов, исключать коммунистов из своих рядов. Организация, отмежевавшаяся от коммунистов, могла ходатайствовать о снятии с нее ярлыка «засоренной коммунистами». Закон также давал право 20% состава профсоюза требовать от Национального управления по трудовым отношениям проведения выборов для избрания новых представителей для ведения переговоров о заключении коллективного договора. Все члены «организаций, засоренных коммунистами», лишались права работать в военных отраслях промышленности и других предприятиях, заключивших с правительством контракты[249].

Атаки на конституционные свободы граждан США в эти годы нашли отражение и в других законодательных актах конгресса США. Ожесточенным нападкам маккартистов подвергалась, например, V поправка Билля о правах, предоставлявшая лицам, вызванным в суд, право не отвечать на вопросы, если их ответы могли быть использованы против них. В глазах конгрессменов-реакционеров все, кто использовал V поправку в интересах своей защиты, считались «подрывными элементами». Расследовательские комиссии составили полный список лиц, использовавших V поправку, в котором указывались их место работы и домашний адрес,

---

[248] Ibid., N 117, p. 4642.
[249] Ibid., pt 11, p. 14639—14641.

и опубликовали его в протоколах конгресса[250]. Этот своеобразный «черный список» послужил руководством для различных «патриотических» групп, занимавшихся травлей всех, кто был неугоден маккартистам.

Министр юстиции Браунелл и сенатор Маккарэн, указывая на то, что ссылки на V поправку якобы лишают правительство сведений, «жизненно важных для национальной безопасности», предложили принять специальный закон, который санкционировал бы нарушение V поправки к конституции. Суть их предложений сводилась к тому, чтобы в ряде случаев гарантировать лицам защиту от преследований за действия и поступки, в которых они могут признаться. В соответствии с этими предложениями конгресс принял билль, который после подписания его президентом 20 августа 1954 г. стал законом, получившим название акта об иммунитете. Правящие круги старались представить дело так, будто конгресс, не нарушая Билля о правах, достиг разумного компромисса между индивидуальными свободами и интересами национальной безопасности.

Победа республиканцев на выборах 1952 г. и усиление в связи с этим позиций маккартистов позволили последним занять ведущее положение в конгрессе. Во главе комиссии по расследованию антиамериканской деятельности стал бывший агент ФБР, реакционер Г. Вельде. Юридическую комиссию сената возглавил защитник американских фашистов У. Лангер, ее подкомиссию по вопросам внутренней безопасности — У. Дженнер. Сам Маккарти по предложению сенатора Р. Тафта стал председателем комиссии по правительственным операциям и ее подкомиссии по расследованиям, располагавших широкими возможностями для контроля за деятельностью любого органа исполнительной власти в Вашингтоне.

Наряду с этими постоянными расследовательскими комиссиями в годы маккартизма функционировали несколько специальных комиссий маккартистского толка, значительно расширивших сферу поисков «подрывных элементов». В 1945—1946 гг. конгресс провел четыре расследования «коммунистического влияния» в различных сферах американской жизни, а в 1953—1954 гг.— 51[251]. Объектами атак маккартистов стали благотворительные фонды, а также священнослужители, придерживавшиеся либеральных взглядов.

Весной 1952 г. по инициативе члена палаты представителей Э. Э. Кокса была создана специальная комиссия по расследованию «подрывной деятельности» в руководстве фондов Форда, Рокфеллера, Гугенгейма и некоторых других подобных им организаций. Попечителям и администраторам фондов был учинен допрос на предмет выяснения их политических убеждений и связей. В отчете комиссии, опубликованном в 1953 г., либеральные фонды были изображены как орудие «красной пропаганды». Фонды обвинялись в том, что они финансировали работу профессора Йелской школы права Т. И. Эмерсона, композитора А. Копленда и многих других, объявленных членами так называемых организаций «коммунистического фронта». Комиссия рекомендовала фондам отказаться от финансирования лиц, чьи взгляды не отвечали понятиям маккартистов о патриотизме[252].

---

[250] Ibid., pt 3, p. 4279.
[251] *Goldstein R. J.* Op. cit., p. 343.
[252] *Barth A.* Government by Investigation. N. Y., 1955, p. 143—146.

Не менее абсурдный характер носили поиски «коммунистического заговора» среди либеральных деятелей протестантских церквей. Недовольство маккартистов вызывали социальные аспекты либерального протестантизма, теория и практика социального христианства, связанные с признанием прав профсоюзов, поддержкой антивоенной деятельности и т. п. Опорой официальных расследований конгресса были реакционные фундаменталистские группировки, выступившие с обвинениями либерального духовенства в «подрывной» деятельности.

Серьезной поддержкой маккартизм пользовался среди католического духовенства: 58% католиков США поддерживали Маккарти. Подавляющая часть материалов, опубликованных в католической прессе в 1950—1954 гг., отражала сочувствие маккартистским обвинениям. Кардинал Спеллман также неоднократно выражал свое расположение сенатору из Висконсина. Через журналы и памфлеты, распространяемые по всей стране, радио и телевидение ультраправые фундаменталисты и часть католического духовенства помогали реакционерам конгресса в организации травли либеральных деятелей церкви. Они яростно атаковали социальные аспекты правительственной политики, либеральные и демократические организации. Сенатора из Висконсина приветствовало множество ультраконсервативных церковных групп [253].

Логика развития событий неминуемо вела к столкновению сторонников маккартизма с правительством Эйзенхауэра как по вопросам внутренней, так и особенно внешней политики. Несмотря на то что республиканская администрация сменила «доктрину сдерживания» Трумэна—Ачесона на более агрессивные внешнеполитические концепции «освобождения», «массированного возмездия» и «балансирования на грани войны», имевшие целью задержать и обратить вспять развитие мирового революционного процесса, их общий итог оказался не менее обескураживающим для маккартистов, чем внешняя политика демократов. Вслед за перемирием в Корее правительство Эйзенхауэра сделало несколько робких шагов навстречу мирным инициативам Советского Союза, с чем маккартисты никак не могли согласиться.

Столкновения неистового сенатора с правительством Эйзенхауэра начались в первые же месяцы 1953 г. В феврале-марте Маккарти расследовал деятельность радиостанции «Голос Америки». Радиопередачи ее были охарактеризованы как недостаточно «патриотические» и даже как сознательное очернение американской действительности [254]. В марте маккартисты предприняли атаки против Ч. Болена, назначенного Эйзенхауэром послом в Москву. Сенатор-маккартист С. Бриджес назвал Болена «символом Ялты» (Болен входил в состав американской делегации на Ялтинской конференции глав правительств трех союзных держав), что на языке маккартистов было равносильно национальной измене.

В августе 1953 г. началось расследование «подрывной деятельности» в армии. Высшие военные чины предстали перед подкомиссией Маккарти, члены которой выступили с публичными заявлениями о «признаках крайне опасного заговора» в вооруженных силах США [255].

---

[253] *Cook F. J.* The Nightmare Decade. The Life and Times of Senator Joe McCarthy. N. Y., 1971, p. 290; *Clabaugh G. K.* Thunder on the Right. The Protestant Fundamentalists. Chicago, 1974, p. 86, 87.

[254] *Rorty J., Decter M.* McCarthy and the Communists. Boston, 1954, p. 21—23.

[255] *Taylor T.* Grand Inquest. The Story of Congressional Investigation. N. Y., 1955, p. 114.

Особо яростно маккартисты атаковали дальневосточную политику правительства. 14 мая Маккарти потребовал топить английские корабли, торгующие с «красным Китаем», и принудить капиталистические страны отказаться от торговли с другими социалистическими странами. Заявления Маккарти в адрес западных союзников США были настолько грубыми, что вызвали негодование и единодушный протест за океаном, поставившие под угрозу единство в рамках Североатлантического пакта. Опасаясь раскола, государственный секретарь США Даллес с согласия президента 1 декабря заявил, что атаки Маккарти направлены «в самое сердце американской политики». Даллесу пришлось еще раз заверить союзников по НАТО в том, что США считают для себя сотрудничество с ними жизненно важным [256].

Логическим следствием маккартистских атак на госдепартамент явилось выступление в конгрессе за ограничение внешнеполитических полномочий президента. На Капитолии была внесена «поправка Бриккера», предоставлявшая законодателям право контролировать все соглашения Белого дома с другими державами и международными организациями. Тем самым маккартисты стремились исключить возможность использования правительством любых позитивных мер, принятых под давлением миролюбивых сил и направленных на ослабление международной напряженности. Вместе с тем они не хотели, чтобы документы о правах человека, принятые ООН, оказывали какое-либо влияние на политику правительства в отношении черных и других этнических групп в США. После провала этой затеи (поправка не собрала нужного числа голосов) правые стали угрожать расколом республиканской партии. В связи с этим в прессе появились сообщения о намерении консервативных кругов выдвинуть на очередных выборах Маккарти кандидатом на пост президента.

Первые столкновения республиканской администрации с Маккарти вызвали отклик в либеральных кругах. Противники маккартизма постепенно выходили из состояния апатии и растерянности. Усилились антимаккартистские настроения и среди организованных рабочих. И хотя руководство АФТ и КПП было увлечено борьбой против левых элементов в своих собственных рядах, в силу чего оказалось не в состоянии создать общенациональное движение организованных рабочих против маккартизма, тем не менее многие профсоюзы приняли антимаккартистские резолюции и включились в активную борьбу за восстановление попранных демократических норм. «Все расследования так называемого коммунизма,— говорил президент рабочих электротехнической промышленности Дж. Кэри в Гарвардском университете,— фактически проводятся людьми, которые являются не просто антикоммунистами. Они представляют реакционные антирабочие силы» [257].

Атаки Маккарти на администрацию Эйзенхауэра оттолкнули от сенатора тех лидеров республиканской партии, которые с готовностью использовали маккартизм против своих политических оппонентов, но отнюдь не были намерены подрывать престиж правительства Эйзенхауэра. Злой джинн, выпущенный на свободу республиканцами, теперь стал причинять им серьезное беспокойство. Продолжение маккартистских нападок на Бе-

---

[256] Progressive, 1954, Apr., p. 76, 83, 85.
[257] Daily Worker, 1953, Apr. 12.

лый дом могло со временем привести к возникновению внутри партии мощной ультраправой коалиции, которая, бросив вызов эйзенхауэровскому руководству, была бы в состоянии парализовать его деятельность и создать реальную угрозу партийному единству. Впервые влиятельные республиканцы в частных разговорах стали осторожно говорить, что Маккарти становится обузой для своей партии[258]. Обвинения в измене правительства Эйзенхауэра, с которыми Маккарти выступил во время расследования «подрывной деятельности» в военном ведомстве, обескуражили многих верных сторонников сенатора. Опросы Гэллапа свидетельствовали о значительном падении популярности Маккарти среди различных слоев населения страны.

В марте 1953 г. с критикой Маккарти выступил сенатор-республиканец Р. Фландерс, пытавшийся отмежеваться от маккартизма. 30 июля 1954 г. Фландерс внес резолюцию № 301, требовавшую отстранения Маккарти от руководства комиссией по правительственным операциям и ее расследовательской подкомиссией и осуждения его деятельности как недостойной для сенатора. 2 декабря, уже после выборов, лишивших республиканцев контроля в обеих палатах конгресса, сенат 67 голосами против 22 высказался за резолюцию, осуждавшую «поведение» Маккарти[259].

По интенсивности, длительности и размаху маккартизм представлял собой самый мощный всплеск американской реакции за всю предшествовавшую историю США. Разумеется, было бы грубым упрощением сводить феномен маккартизма только к личности Маккарти, а с осуждением сенатора связывать конец маккартизма, как это либо по наивности, либо сознательно пытались делать многие либералы[260]. В этом еще раз убеждает тот факт, что кампания за осуждение Маккарти натолкнулась на сопротивление мощных консервативных сил, которые представляли, как справедливо заметила 21 ноября 1954 г. газета «Нью-Йорк таймс», самое значительное возрождение правых групп со времен 30-х годов. Сердцевину движения, олицетворяемого сенатором Маккарти, составляли многочисленные «патриотические» организации и военщина. Промаккартистские манифестации проводились бесчисленными организациями, начиная от «Американского легиона» и кончая духовенством[261]. За две недели маккартистская организация «Десять миллионов американцев за справедливость» собрала свыше 1 млн. подписей под петицией в защиту Маккарти и передала ее в конгресс. Однако после спада маккартистской истерии потребовалось несколько лет, прежде чем сторонники Маккарти смогли организоваться и выступить в новый «крестовый поход» за «спасение» Америки.

---

[258] *Thomas L.* When Even Angels Wept. The Senator Joseph McCarthy Affairs — A Story without a Hero. N. Y., 1973, p. 491.
[259] Joseph R. McCarthy, p. 88.
[260] Political Affairs, 1976, Nov., p. 35.
[261] *Watkins A. V.* Enough Rope. The Inside Story of the Censure of Senator Joe McCarthy... Englewood Cliffs (N. J.), 1969, p. 119; *Potter C. E.* Days of Shame. N. Y., 1965, p. 290.

Глава четвертая

«КОНСЕРВАТИВНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ» (1955—1960)

1. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Вступление США во вторую половину XX в. ознаменовалось сдвигами в экономическом развитии и в социально-классовой структуре американского общества, протекавшими на фоне углубляющегося общего кризиса капитализма и во многих отношениях ускоренными началом (со второй половины 50-х годов) научно-технической революции.

Говоря о социально-экономической обстановке и внутренней политике США в 50-е годы, необходимо прежде всего отметить некоторые важные демографические сдвиги, среди которых выделялись быстрый рост населения и дальнейшее усиление и углубление процесса урбанизации. С 1950 до 1960 г. население США выросло на 19% — с 151,7 млн. до 180,9 млн. В течение того же периода городское население увеличилось на 30% — с 96,5 млн. до 125,3 млн. Несмотря на естественный прирост, число жителей, проживавших на фермах и в мелких поселках, за это десятилетие не возросло, а даже несколько уменьшилось (соответственно 54,2 млн. и 54,1 млн.). Что же касается собственно фермерского населения, то оно резко сократилось: в 1950 г. на фермах проживало 23 млн. человек (15,3%), а в 1960 г.— 15,6 млн. (8,7% населения страны)[1].

Число городов, в которых проживало свыше 1 млн. человек, за 50-е годы не изменилось (5), а с населением от 500 тыс. до 1 млн выросло с 13 до 16, с населением от 250 тыс. до 500 тыс.— с 23 до 30, от 100 тыс. до 250 тыс.— с 65 до 81, от 50 тыс. до 100 тыс.— с 126 до 201[2]. Существенно изменилась и география урбанизации: ее наивысшие темпы наблюдались в районах Юга и особенно Юго-Запада. Именно в эти годы Лос-Анджелес как символ возвышения Юго-Запада обошел по числу жителей Филадельфию и занял третье место — после Нью-Йорка и Чикаго. Проблема городов с их перенаселением, упадком городского хозяйства, ростом трущоб, ухудшением экологической обстановки в еще более явной степени превратилась из региональной в национальную.

Соревнование двух систем, вызов, брошенный миру капитала реальным социализмом, стремление империализма США любой ценой обеспечить за собой мировое лидерство должны быть названы в числе ведущих факторов, стимулировавших научно-технический прогресс в США 50-х годов. Известие об успешном запуске первого искусственного спутника Земли, осуществленном Советским Союзом 4 октября 1957 г., заставило верхушку общества в США более критически оценить состояние научных исследований, а также подготовку научно-технических и преподавательских кадров. Разумеется, милитаристские круги США использовали сложившуюся ситуацию сообразно целям, которые они преследовали в рам-

---

[1] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, pt 2, p. 8, 11, 457.

[2] Ibid., p. 11.

ках разработанной ими глобальной стратегии. Однако объективно ревизия научного потенциала страны дала толчок перестройке системы образования. То, что правящие круги связывали милитаристские задачи с делом улучшения системы образования, подчеркивается в самом названии принятого в 1958 г. Национального акта об образовании в целях обороны (The National Defense Education Act) [3].

Важным стимулом развития научно-технического прогресса в США была усилившаяся конкуренция со стороны других капиталистических стран. Начавшаяся во второй половине 50-х годов империалистическая интеграция в Европе и возрождение на новой основе промышленного потенциала Японии впервые после второй мировой войны поставили перед американскими монополиями проблему серьезной конкуренции на международных рынках, а вскоре и на собственном, внутреннем рынке. Проблема эта обострилась по мере того, как США по темпам роста валового национального продукта (ВНП) в 1950—1960 гг. стали отставать от большинства других, наиболее развитых в промышленном отношении капиталистических стран. Если в США средний ежегодный прирост ВНП в этом десятилетии равнялся 3,2% (в Великобритании еще ниже — 2,7%), то в Канаде — 4, во Франции — 4,9, в Италии — 5,6, в Японии — 8,2, в Западной Германии — 8,6% [4]. Постепенно начало уходить в прошлое абсолютное господство американского доллара на мировых рынках, сокращались валютные фонды США. В ноябре 1960 г. было официально объявлено, что золотые запасы США равнялись 18 млрд. долл., т. е. оказались на низшей отметке после 1940 г.[5]

И хотя в 50-е годы объемы производства основных отраслей американской промышленности были достаточно высокими, тем не менее этот уровень не был постоянным, участились спады. Так, производство стали в 1953 г. достигало 105 млн. т, а на следующий год упало до 80 млн. т. За новым подъемом до 106 млн. т в 1955 г. последовал спад до 77 млн. т в 1958 г., и к 1960 г. годовая выплавка стали в США составила 90 млн. т. На протяжении 50-х годов постоянно росла добыча нефти (с 270 млн. т в 1950 г. до 340 млн. т в 1960 г.), но падала добыча каменного угля (соответственно 500 млн. и 400 млн. т). Более чем в 2 раза выросло производство электроэнергии — с 388,7 млрд. кВт·ч в 1950 г. до 844,2 млрд. кВт·ч в 1960 г.[6]

Таким образом, техническая база американской экономики, и особенно ее энергетика, все еще позволяла Соединенным Штатам сохранять лидерство в капиталистическом мире, хотя вопрос о том, удержат ли они это лидерство, встал на повестку дня, заставляя владельцев корпораций прилагать дополнительные усилия в использовании достижений науки в различных сферах хозяйственной деятельности.

Одним из решающих инструментов ускорения научно-технического прогресса было изменение темпов, объемов, направленности и структуры капиталовложений. В 1929—1945 гг. общий объем частных капиталовло-

---

[3] *Alexander C.* Holding the Line: The Eisenhower Era, 1952—1961. Bloomington, 1975, p. 132.

[4] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970, p. 225.

[5] A Chronological Encyclopedia of American History/Ed. by M. and I. Kull. N. Y., 1969, p. 474.

[6] Рассчитано по: Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970, p. 688, 693.

жений (исключая жилищное строительство) увеличился с 26,5 млрд. до 30,2 млрд. долл. (в неизменных ценах 1958 г.), а с 1946 по 1966 г. он вырос с 30,2 млрд. до 72,8 млрд. долл. Эти огромные финансовые вложения привели к полной модернизации ряда отраслей американской экономики. Промышленность, а вслед за ней и сельское хозяйство США стали функционировать на существенно новой технической основе. С помощью электрификации и химизации производственных процессов не только повысилась производительность труда, но и изменился подход к проблеме сырья, что раздвинуло географию индустрии, стимулировало развитие новых отраслей.

Еще более значимым фактором НТР стала автоматизация производства. Широкое внедрение автоматических систем осуществлялось повсеместно. Примечательной чертой времени стало создание и использование в производстве, банковском деле, сфере обслуживания электронно-вычислительной техники. Коммерческое использование ЭВМ в США относится к началу 50-х годов, в 1960 г. было установлено уже 4267 электронно-вычислительных машин [7].

Быстро возрастала наукоемкость производства, а вместе с ней и в еще большей степени поднялась роль крупных монополий и государства в финансировании научных исследований и контроле этой деятельности. Монополии поспешили активно воспользоваться плодами разворачивавшейся НТР, которая временно заменила им ослабивший во второй половине 40-х годов свое действие военный фактор. Чистые прибыли монополий, несколько сократившиеся в связи с наступлением мира, а вслед за ним и экономического кризиса (1950 г.— 25,4 млрд. долл., 1952 г.— 19,5 млрд., 1953 г.— 19,9 млрд., 1954 г.— 19,8 млрд. долл.), в 1955 г. достигли 26 млрд. долл.[8] Это позволило корпорациям в меньшей степени зависеть от фондовых бирж и шире прибегать к использованию собственных, внутренних источников финансирования.

Поскольку крупным корпорациям было легче решать задачу капиталовложений, необходимость расширения которых усилилась благодаря НТР, с середины 50-х годов ускорился процесс концентрации производства, а вместе с ним еще более усилилось могущество монополий. За 1949—1955 гг. статистика зарегистрировала 1550 крупных слияний, причем ни за один год это число не достигло 400. За следующие шесть лет (1955—1960 гг.) число поглощений почти удвоилось: оно равнялось 3300 и не опускалось ниже 400 в год. Важно отметить, что среди поглощавших корпораций (а таковыми за 1948—1959 гг. оказались 4438) наиболее активно действовали крупные монополии. И наоборот, разорения и банкротство были в основном уделом мелких корпораций.

При практически неизменном числе корпораций, действовавших в экономике США (в 1951—1955 гг. в среднем 2635 тыс., в 1956—1960 гг. в среднем 2674 тыс.), число банкротств на 10 тыс. выросло с 35 до 53. За 1951—1955 гг. прекратили существование 9317 корпораций со средней задолженностью 39,3 тыс., а за 1956—1960 гг. разорились 14 177, задолженность каждой из которых составляла 49,6 тыс. долл.[9] В начале 1956 г. сенатский комитет по делам мелкого бизнеса сообщил, что, несмотря на

[7] *Гаузнер Н. Д.* Научно-технический прогресс и рабочий класс США. М., 1968, с. 17, 30.
[8] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970, p. 924—925.
[9] Statistical Abstract of the United States, 1963. Wash., 1963, p. 503—505.

общее «процветание» экономики, темпы разорения мелких компаний в обрабатывающей промышленности были самыми высокими в истории США. В итоге оказалось, что за 1947—1958 гг. 200 крупнейших индустриальных корпораций сумели поднять свою долю в промышленном производстве с 30 до 38%, а 50 наиболее крупных из них — с 17 до 23%. В 1960 г. 100 монополий-гигантов держали в своих руках 31% промышленного капитала страны[10].

В 50-е годы возникла новая, более высокая форма концентрации и централизации капитала в виде конгломератов, устанавливающих монопольный контроль за совершенно не связанными по производственно-технологическому принципу фирмами. Концерны-конгломераты выступали наиболее активными поглотителями разорявшихся, а иногда и успешно, прибыльно действовавших, но более мелких корпораций.

НТР внесла крупные изменения в структуру рабочей силы. В традиционных отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности, а также на транспорте происходило сокращение занятости, в то время как в наиболее передовых наукоемких производствах, в сфере обслуживания, контроля и учета, а также в государственном секторе расширение числа рабочих и служащих шло быстрыми темпами. США стали первой капиталистической страной, в которой число рабочих непроизводственной сферы превысило цифру занятых непосредственно физическим производственным трудом. Статистика зарегистрировала это в середине 50-х годов, а точнее — в 1956 г. Доля рабочих, занятых в сельском хозяйстве, горнодобывающей промышленности и в строительстве, снизилась с 51% всей рабочей силы в 1947 г. до 46% в 1957 г. и 42% в 1962 г. Если исключить сельское хозяйство, то в 1950 г. физическим трудом были заняты 23,7 млн. рабочих, а «белые воротнички» (техники, клерки, работники торговли и др.) составляли 21,3 млн. Через 10 лет указанные категории наемной рабочей силы насчитывали соответственно 25,5 млн. и 27 млн. человек.

Все это имело далеко идущие последствия для экономики США. Монополии получили больше возможностей для производственного маневра. Технически хорошо оснащенные отрасли промышленности, использующие относительно небольшую по численности рабочую силу, значительно легче открывали новые предприятия в ранее относительно слабо развитых в промышленном отношении районах на Юге и на Западе. Более того, в связи с диверсификацией производства монополистический контроль за экономикой стал в известной мере скрадываться, ибо понятие «крупное производство» теперь существенно менялось по содержанию.

Среди наиболее важных сдвигов в структуре занятости было расширение числа работников, непосредственно нанимаемых органами государственной власти. За 1950—1960 гг. число государственных служащих возросло с 6,4 млн. до 8,8 млн. При этом особенно заметно увеличивался наем рабочей силы властями штатов и муниципалитетами — с 4,3 млн. до 6,4 млн.[11] Это означало, что наряду с монополиями и государство расширяло масштабы своего воздействия на экономику. Еще раз было убедительно доказано, что налоги и бюджет перестали играть лишь свою традиционную роль финансирования деятельности органов государства.

---

[10] *Alexander C.* Op. ci., p. 107.

[11] Manpower Report of the President. Wash., 1963, p. 5; Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970, p. 139, 1100.

В условиях ГМК они превратились в средство финансирования воспроизводства, осуществляемого монополиями, особенно в сфере военного производства.

Воздействие капиталистического государства на производство в интересах монополий и тесно связанная с этим гонка вооружений были важнейшими причинами продолжавшегося роста бюджета и в мирное время. Расходы всех органов власти (муниципалитетов, штатов и федерального правительства), составляя в 1950 г. 70,3 млрд. долл., поднялись до 110,1 млрд. в 1953 г. и 151,3 млрд. долл. в 1960 г. Федеральный бюджет в те же годы сохранялся на уровне сооответственно 44,8 млрд., 80 млрд. и 97,3 млрд. долл., при этом военные расходы середины 50-х годов существенно превосходили соответствующие затраты периода до корейской войны. Самый низкий их уровень в 1955 г. (39,9 млрд. долл.) более чем в 3 раза превышал уровень 1950 г.[12] В 1948 г. общие военные расходы (прямые ассигнования военным ведомствам плюс «помощь» другим государствам, имевшая военное предназначение) составляли 45,3% бюджета, в 1955 г.— 59,3, в 1960 г.— 50,3% [13]. Иными словами, так называемые бюджеты мирного времени были фактически бюджетами гонки вооружений и дальнейшей милитаризации экономики.

Развитие ГМК в США имело свои отличия от аналогичного процесса в европейских капиталистических странах. Наиболее важная особенность заключается в отсутствии в США национализированного сектора экономики. Однако и в США 50-х годов государственная собственность имелась во внушительных размерах, только ее формирование шло не путем национализации, а посредством прямого государственного хозяйствования и приобретения недвижимого имущества за счет бюджета. В 1960 г. государственная собственность измерялась 276 млрд. долл., что далеко превосходило по стоимости объем ВНП всего «Общего рынка», который равнялся в 1960 г. 182 млрд. долл.[14]

Несмотря на наличие множества «встроенных стабилизаторов» государственно-монополистического характера, вмонтированных в американскую экономику за 20-летнее правление демократов, она так и не смогла преодолеть цикличного характера своего развития. Начиная с 1953 г. экономика США прошла три цикла, низшими фазами которых были кризисы 1953—1954 гг., 1957—1958 гг. и 1960—1961 гг. В первом случае спад продолжался с июля 1953 г. по август 1954 г., во втором — с июля 1957 г. по апрель 1958 г., в третьем — с мая 1960 г. по февраль 1961 г.[15]

Таким образом, объективный закон цикличного развития капиталистической экономики продолжал действовать и в условиях ГМК. Однако активное вторжение буржуазного государства в хозяйственную жизнь, умножение его регулирующих функций и другие формы воздействия на механизм воспроизводства вызывали определенную деформацию цикла. Кризисы рассматриваемого периода были менее продолжительными и не столь глубокими, как экономические потрясения до второй мировой вой-

---

[12] *Катасонов Ю. В.* США: военная политика и бюджет. М., 1984, с. 36.

[13] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970, p. 1119—1120. Нужно иметь в виду при этом, что действительные размеры военных расходов США превышают официальные до 50% и более. См.: *Катасонов Ю. В.* Указ. соч., с. 24.

[14] Statistical Abstract of the United States, 1963, p. 235, 915.

[15] *Хансен Э.* Послевоенная экономика США. М., 1966, с. 40; *Бельчук А. И.* Экономические кризисы современного капитализма. М., 1981, с. 95—101.

ны. В качестве непосредственных, конкретных причин спадов были: в 1953 г.— временное сокращение военных расходов; в 1957 г.— замедленность роста спроса на конечный продукт в условиях экономического бума; в 1960 г. повторилось (только в меньшей мере) то же явление. Самое сильное падение производства и деловой активности имело место в 1957—1958 гг.

В целом темп экономического роста в 50-е годы был очень скромным, безработица же хронически сохранялась на высоком уровне. Официальная экономическая доктрина послевоенных США считала «нормальным» уровень безработицы до отметки 4%. Даже исходя из такого вольного определения «нормальной» занятости, правящие круги должны были признать, что после 1953 г. за все последующие годы вплоть до 1956 г. «нормальность» так и не была достигнута.

Все это означало, что две из трех главных целей, поставленных перед экономикой США законом о занятости 1946 г.,— обеспечение устойчивого экономического роста, высокого уровня занятости и недопущение инфляции — не были реализованы. Относительно инфляции в свете экономического развития США с конца 60-х годов следует заметить, что ее поступь была, действительно, по стандартам 70-х годов медленной. Потребительские цены с 1953 по 1960 г. выросли на 10,7%. Однако, как видим, проблема инфляции отнюдь не была снята с повестки дня. Более того, в период кризиса 1957—1958 гг. дало себя знать необычное явление, которое экономисты 50-х — начала 60-х годов называли «новой инфляцией»[16]. Речь шла о росте цен на ряд товаров и в условиях спада. За этим феноменом было, если можно так выразиться, «большое будущее», хотя в условиях 50-х годов его воспринимали как необъяснимую аномалию. Непосредственным «виновником» инфляции были непомерно высокие военные расходы и засилье монополий в экономике, осуществляемое ими манипулирование кредитом и ценообразованием.

2. ПРАВЛЕНИЕ НЕОКОНСЕРВАТОРОВ

Экономическая политика правительства Дуайта Эйзенхауэра шла в основном в том же русле, которое сложилось за предыдущее 20-летнее правление демократов[17]. Однако были и заметные отклонения. Эйзенхауэр подобрал себе консервативный кабинет. В определении экономической политики ключевую роль играли министр финансов Дж. Хэмфри и министр сельского хозяйства Э. Бенсон. Крупные бизнесмены, представители корпораций плотным кольцом окружили президента. В целом же анализ внутренней политики республиканцев в 50-х годах показывает, что государственное вмешательство в решение экономических проблем стало двухпартийным принципом, хотя республиканцы внесли в него свое, еще более реакционное содержание.

Уже в ходе кампании 1952 г. республиканцы обвинили демократов в разрушении свободного предпринимательства путем усиления правительственного вмешательства. Оказавшись у кормила власти, республиканцы отменили контроль за ценами и заработной платой, введенный в период

[16] *Keyserling L.* The Toll of Rising Interest Rates. Wash., 1964, p. 56.
[17] Подробнее см.: *Иванов Р. Ф.* Дуайт Эйзенхауэр. М., 1983; *Терехов В. И.* Республиканцы у власти: (Социально-экономическая политика правительства Д. Эйзенхауэра, 1953—1960). М., 1984.

корейской войны. Вслед за тем под предлогом борьбы с бюрократией в госаппарате была упразднена Реконструктивная финансовая корпорация, учрежденная еще президентом-республиканцем Г. Гувером. Однако в целом никакого возвращения к гуверовским принципам «твердого индивидуализма» (о нем много говорилось в предвыборные месяцы) не произошло.

Наиболее четко это проявилось в определении роли государственной власти в борьбе с экономическими кризисами. Поначалу министерство финансов взяло курс на ограничение доступа к кредиту, боясь, что «перегрев» экономики усилит инфляцию в связи с отменой контроля за ценами. Это вызвало бескойство среди значительной части делового мира, указывавшей правительству, что окончание войны и без того лишило предпринимателей важных стимулов. Известный банкир А. Гарриман писал в июне 1953 г. экс-президенту Г. Трумэну, что его «республиканские друзья — банкиры» высказывали неодобрение в отношении правительственного курса на «жесткие деньги», т. е. на ограничение кредита завышенными процентными ставками. Сам Гарриман считал, что такая политика приведет к «рецессии» [18]. Спад в экономике действительно вскоре наступил, хотя осложнение доступа к кредиту было не главной его причиной. Нестабильность экономики заставила республиканцев модернизировать принципы экономической политики, отступить от догм «твердого индивидуализма» и прибегнуть к мерам, аналогичным тем, которые использовались их предшественниками для искусственного «оздоровления» хозяйственной жизни.

Прежде всего республиканцам пришлось отказаться от приверженности идее сбалансированного бюджета и санкционировать дальнейший рост государственного долга. Дефицит в бюджете возникал тогда, когда экономика оказывалась в кризисном состоянии, когда она нуждалась в дополнительном взбадривании. Особенно значительным дефицитом отмечен был 1958/59 финансовый год — 12,9 млрд. долл. Это был рекорд бюджетного дефицита мирного времени за всю историю США [19]. Так отреагировало правительство Д. Эйзенхауэра на кризис 1957—1958 гг.

Как уже отмечалось, бюджеты администрации Эйзенхауэра были бюджетами милитаризации экономики. Правительство открыто рассматривало большие военные расходы в качестве важного средства «оздоровления» экономики. В экономическом послании конгрессу в январе 1959 г. Эйзенхауэр, напуганный очередным (1957—1958 гг.) кризисом, откровенно признал, что «ускорение выполнения военных заказов, предпринимаемое в соответствии с политикой национальной обороны, имело стимулирующее воздействие на экономику» [20]. Тем самым Д. Эйзенхауэр лицемерил в последнем президентском выступлении: сетуя на засилье «военно-промышленного комплекса» [21], он жаловался в значительной мере сам на себя.

Наряду с расширением бюджетных расходов правительство республиканцев прибегло и к методам кредитного манипулирования на разных фазах экономического цикла путем понижения или повышения учетного процента. Будучи поначалу сторонниками «твердых денег», республи-

[18] W. Averell Harriman to H. Truman, June 2, 1953.— Harry S. Truman Library, Post-Presidential Name File, Box 37. (Далее: HSTL).
[19] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970, p. 1105.
[20] Economic Report of the President. Wash., 1959, p. IV.
[21] Annals of America: Vol. 1—18. Chicago, 1968, vol. 18, p. 3.

канцы на горьком опыте политики Дж. Хэмфри в 1953 г. убедились, что затруднение доступа к кредиту может ускорить наступление спада в экономике. Уже в 1953—1954 гг. в порядке антикризисной защиты правительство использовало все три главных инструмента монетарной политики — предписание уровня резерва в банках Федеральной резервной системы (в данном случае — более низкого уровня, с тем чтобы высвободить больше денег для поощрения займов во имя оживления деловой активности), снижение ссудного процента и прямые операции с правительственными ценными бумагами на денежном рынке.

Конечно, использование фискальных и кредитных рычагов в период правления Эйзенхауэра носило характер «пожарной стратегии», как выразился А. Окэн, один из тех экономистов, кто дал теоретическое обоснование дефицитной политики демократов в следующем десятилетии[22]. Правительство Эйзенхауэра прибегало к дефициту, так сказать, в пассивном варианте в силу крайней необходимости, а его финансово-экономическая политика носила откровенно антидемократический характер, будучи целиком подчинена интересам крупного капитала. Но это дела не меняет: фактически государственно-монополистический принцип активного вмешательства государства в экономическое развитие был взят на вооружение и республиканцами.

Откровенно реакционную сущность принципов экономического регулирования правительства Эйзенхауэра очень убедительно выявила его налоговая политика. С 1 января 1954 г. оно похоронило налоги на сверхприбыль. В 1954 г. был принят ряд налоговых законов, в том числе общий закон о снижении налоговых ставок. Это был акт государственного фаворитизма по отношению к бизнесу. По этому закону налог на корпорации был снижен на 536 млн. долл. Уменьшилась и сумма индивидуального подоходного налога — на 827 млн. долл., но значительная часть сокращения (204 млн. долл.) и здесь приходилась на бизнесменов. Лица с низкими доходами получали непропорционально малую налоговую скидку[23]. Эта линия продолжалась и в последующие годы. Добавим, что состоятельные слои широко пользовались всевозможными лазейками для уклонения от налогообложения, а сплошь и рядом и вообще безнаказанно нарушали законы.

Аграрная политика республиканского правительства служила интересам крупного фермерства и агропромышленного бизнеса, связанного с закупками, переработкой и продажей сельскохозяйственной продукции. Как известно, во время второй мировой войны в условиях острого недостатка продовольствия демократы проводили курс на поддержание относительно высоких цен на фермерские продукты в целях поощрения их производства. В годы послевоенной реконверсии, а затем в условиях еще одной, корейской войны эта линия нашла продолжение. В итоге благодаря искусственному поддержанию цен сотни тысяч ферм смогли удержаться в строю действующих хозяйств, находивших рынок сбыта, хотя процесс разорения фермерства, конечно, продолжался и в этих условиях.

Республиканцы унаследовали от правительства демократов аграрный закон 1949 г.. согласно которому на шесть базовых сельскохозяйственных

---

[22] *Okun A.* Political Economy of Prosperity. N. Y., 1970, p. 37.

[23] *Reichard G.* The Reaffirmation of Republicanism. Eisenhower and the Eighty-Third Congress. Knoxville, 1975, p. 117—118.

продуктов (хлопок, кукурузу, пшеницу, рис, табак и арахис) государство поддерживало цены на уровне 90% паритета. Срок действия закона истекал в 1954 г., и по рекомендации министра сельского хозяйства Э. Бенсона Эйзенхауэр предложил идею «гибкого паритета», что позволяло снижать уровень государственного поддержания цен. По новому статуту цены поддерживались государственными субсидиями в пределах 82,5—90% паритета на 1955 г. и от 75 до 90% в последующие годы[24]. Преследовалась цель «свободной» игрой рыночных сил экономически уничтожить «непроизводительные» фермы, удешевить производство и освободить бюджет от затрат на поддержание фермерских цен. Но программа Бенсона не сработала. Нереализованных запасов стало гораздо больше, и вместо 1,3 млрд. в год правительство тратило теперь на поддержание цен 2,3 млрд. долл. в год.

Поскольку обстановка в сельском хозяйстве продолжала ухудшаться, конгресс принял в 1956 г. по инициативе Эйзенхауэра при двухпартийной поддержке закон о создании Земельного банка. В соответствии с этим планом создавались два фонда — по оплате сокращения посевных площадей и для финансирования консервации земельного массива, изымаемого из-под обработки на длительный срок. И то и другое должно было разгрузить от сельскохозяйственной продукции рынок сбыта, содействовать рассасыванию запасов продукции и затем расширить производство при более нормальных ценах. Министерство сельского хозяйства получало 750 млн. долл. в год для проведения сокращения производственных площадей и еще 450 млн. долл. ежегодно для консервации земель, изъятых из обработки[25].

Ослабление республиканским правительством усилий в сфере поддержания цен на сельскохозяйственную продукцию привело к тому, что паритет стал неуклонно снижаться: 1951 г.— 107, 1953 г.— 92, 1960 г.— 80 (1967 г.=100). Как следствие этого задолженность фермеров выросла с 9,1 млрд. в 1953 г. до 12,3 млрд. долл. в 1960 г., а ипотечная соответственно — с 7,7 млрд. до 12,8 млрд. долл. Чистые доходы фермерства снизились за те же годы с 13,1 млрд. до 12,1 млрд. долл. Это ускорило процесс разорения ферм. Так, за 1946—1953 гг. число ферм сократилось с 5926 тыс. до 4984 тыс. (на 17,6%), а за 1953—1960 гг.— до 3962 тыс. (на 20,5%).

Процесс вытеснения и разорения мелких ферм, ускоренный аграрной политикой правительства Эйзенхауэра, усилил концентрацию производства в сельском хозяйстве. Средняя площадь фермы увеличилась с 242 акров в 1953 г. до 297 акров в 1960 г., а средняя стоимость — с 19,4 тыс. до 32,9 тыс. долл.[26] Таковы были итоги технической революции в сельском хозяйстве, результаты действия законов концентрации капитала и промонополистической аграрной политики правительства республиканцев.

Вопреки индивидуалистической риторике и нападкам на социальные мероприятия «нового курса» Ф. Рузвельта и «справедливого курса» Г. Трумэна, столь характерным для республиканской платформы 1952 г., правительство Эйзенхауэра и республиканцы в конгрессе не решились на пересмотр основ социальной политики демократов, если не считать неко-

---

[24] *Золотухин В. П.* Фермеры и Вашингтон. М., 1968, с. 230.
[25] *Alexander C.* Op. cit., p. 164.
[26] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970, p. 457, 483, 488—489, 989.

торых аспектов трудового законодательства. Это, однако, не значит, что республиканцы не внесли ничего своего в социальную политику. Но, восприняв общие принципы социальной стратегии монополистической буржуазии, нашедшей воплощение в признании новой роли государства в регулировании трудовых отношений, республиканцы послевоенного образца повернули руль социальной политики заметно вправо, что отвечало интересам определенной, очень влиятельной группировки финансово-промышленного капитала. Это наложило заметный отпечаток на политику администрации Эйзенхауэра в рабочем вопросе.

Капиталисты, прежде всего промышленники и торговцы, ставили перед республиканским правительством двоякую цель: подорвать позиции профсоюзов при одновременном сужении вмешательства государственной власти в трудовые отношения и предоставлении капиталу еще большей свободы рук в деле эксплуатации трудящихся. Торговая палата США в принятой в 1955 г. декларации об индустриальных отношениях настаивала, чтобы правительство сохранило за собой лишь «минимум контроля» за трудовыми отношениями и «поощряло добровольное, а не принудительное урегулирование трудовых конфликтов». Это не помешало почитателям системы свободного предпринимательства потребовать запрещения сверху некоторых видов стачек, якобы несущих угрозу «безопасности, здоровью и благосостоянию народа», стачек солидарности, забастовок государственных служащих и т. д., а также всяких остановок производственного процесса в нарушение заключенного договора[27]. Под стать этим требованиям была и программа Национальной ассоциации промышленников. НАП требовала резкого ограничения прав профсоюзов, договорные позиции которых и без того были подорваны законом Тафта—Хартли 1947 г. и фронтальной атакой маккартистов на рабочее движение[28].

Маккартисты, вдохновленные ослаблением позиций профсоюзов, поражением либералов на выборах 1952 г. и общим сдвигом вправо, развернули настоящий поход против профсоюзного движения под лозунгом защиты «индивидуальных свобод» от «профсоюзной монополии» и «диктатуры рабочего движения». Эта кампания в середине 50-х годов приняла характер общенационального натиска. Она лишний раз показала, что идеология консервативного республиканизма на практике служит в первую очередь орудием монополий в борьбе с профсоюзами как коллективными защитниками насущных интересов трудящихся. Поводом к усилению этой кампании послужило, в частности, объединение АФТ и КПП в единую федерацию (1955 г.). Поднятая шумиха против профсоюзной «монополии» и «захвата» профсоюзами демократической партии[29] была не чем иным, как ширмой для прикрытия общего наступления на организованное рабочее движение.

Большинство членов кабинета Эйзенхауэра и лидеры республиканской партии в конгрессе полагали, что закон Тафта—Хартли следует оставить без изменений. Однако многие из них ратовали за то, чтобы штаты, опи-

---

[27] Policy Declarations. Adopted by Members of the Chamber of Commerce of the United States. Wash., 1956, p. 74.

[28] Industry Believes. Policies on Current Problems as Adopted by the Board. National Association of Manufacturers 1960. S. l., s. a., p. 13—14.

[29] State Historical Society of Wisconsin, D. Richberg Papers, Speeches, An Address, April 14, 1955.

раясь на антипрофсоюзные статьи федерального закона, вводили новые законодательные ограничения профсоюзной деятельности [30]. С такой «профсоюзной философией» эйзенхауэровской администрации республиканцам трудно было рассчитывать на отрыв профсоюзов от демократов. Не помогло и назначение министром труда консервативного лидера профсоюза водопроводчиков, демократа по партийной принадлежности М. Даркина [31]. С самого начала Даркин чувствовал себя неуютно в кабинете миллионеров. Через восемь месяцев он счел за благо уйти в отставку. Министерство труда с осени 1953 г. и до истечения президентского срока Эйзенхауэра возглавил Дж. Митчелл, в прошлом один из руководителей крупной торговой фирмы. На первых порах он также пытался убедить профсоюзы в дружественных чувствах правительства.

Однако на практике республиканцы гораздо чаще и откровеннее, чем их предшественники, вставали на сторону предпринимателей [32]. Особенно наглядно антипрофсоюзная линия правительства Эйзенхауэра проявилась в период крупной стачки сталелитейщиков в 1959 г. Сначала оно заняло позицию «невмешательства»; когда же стало ясно, что профсоюз сталелитейщиков устоит в этом противоборстве и может добиться победы, нанесло по рабочим удар, обратившись 9 октября 1959 г. в суды с предложением запретить стачку судебным предписанием на 80 дней, что и было сделано.

В ответ на настойчивые требования профсоюзов отменить закон Тафта—Хартли 11 января 1954 г. Эйзенхауэр сделал туманный намек, что этот вопрос может возникнуть в будущем [33]. Однако трактовка этого законодательства правительственными органами приобретала с каждым разом все более жесткую антирабочую направленность. Более того, с приходом республиканцев к власти, как отмечалось уже в резолюции первого съезда АФТ—КПП, накатилась «новая волна антипрофсоюзных законов в штатах». В 1953—1955 гг. появились еще пять законов о так называемом «праве на труд», и их общее число было доведено до 18.

Кампания в защиту антипрофсоюзных законов о «праве на труд» показала истинное социальное предназначение концепции крайнего индивидуализма в трудовых отношениях как разновидности буржуазной идеологии. Она была прежде всего формой идеологического обоснования нового наступления на рабочий класс. При этом ее апологеты и проповедники забывали о своей приверженности к «свободам» и настойчиво апеллировали к государственной власти с требованиями ввести новые ограничительные меры, ущемляющие права профсоюзов.

Об этом ясно и недвусмысленно говорило принятие закона Лэндрема—Гриффина в 1959 г. Появлению нового антирабочего статута предшествовала многолетняя кампания по дискредитации профсоюзных организаций. Для этого был использован и специальный комитет сената по

---

[30] Dwight D. Eisenhower Library, Political Series, Box PS-5, Address by A. Summerfield, October 15, 1958. (Далее: DDEL).

[31] Biographical Dictionary of American Labor Leaders/Ed. by G. Fink. Westport, 1974, p. 89.

[32] *Shaffer L.* Presidential Intervention in National Emergency Labor Disputes, 1952—1960: Ph. D. University of Illinois. Urbana, 1963, p. 9.

[33] DDEL, J. Mitchell Papers, Box WH-7, Message from the President of the United States, January 11, 1954, p. 1.

расследованию коррупции в профсоюзах во главе с реакционно настроенным демократом из Арканзаса Дж. Маклелланом, юридическим консультантом которого был другой демократ — молодой Р. Кеннеди. Но эта антипрофсоюзная атака опять-таки была двухпартийным начинанием, к которому подключились буржуазные политики всех оттенков — от умеренных демократов, среди которых был и сенатор от штата Массачусетс Дж. Кеннеди, до крайне правых в республиканской партии типа Б. Голдуотера, сенатора от Аризоны.

Эйзенхауэр подписал закон Лэндрема—Гриффина 14 сентября 1959 г. Это означало, что была перевернута еще одна страница в истории антирабочего законодательства. Профсоюзы потерпели еще одно тяжелое поражение.

Нововведения в сфере трудовых отношений шли в двух главных направлениях. Прежде всего в направлении ограничения прав профсоюзных организаций. Главные дополнения заключались в следующем: расширялась юрисдикция штатов за счет ограничения прав федеральных властей в регулировании трудовых отношений, чего усиленно и добивались наиболее консервативно настроенные предпринимательские круги; ограничивалось право профсоюзов на проведение вторичных бойкотов (т. е. бойкотов предпринимателей, не являющихся непосредственными нанимателями бастующих рабочих); запрещалось вносить в коллективные договоры ранее имевшие широкое распространение положения, согласно которым предприниматель обязывался прекращать деловые связи с фирмами, прибегавшими к «несправедливой трудовой практике» и тем самым порождавшими трудовые конфликты; практически делались невозможными некоторые формы пикетирования (они заносились в разряд «несправедливой трудовой практики» профсоюзов, что, как известно, закон Тафта—Хартли обязывает НУТО пресекать), в том числе пикетирование в целях вовлечения рабочих предприятия в профсоюз или признания профсоюза.

Особо также следует сказать о поправках, касавшихся деятельности коммунистов в профсоюзах. Положение закона Тафта—Хартли о подаче профсоюзами заявлений о непринадлежности их функционеров к Коммунистической партии как условии обращения к услугам НУТО отменялось. Но антикоммунистическая направленность трудового права США усиливалась, ибо взамен вводилось прямое и абсолютное запрещение коммунистам (а бывшим членам Компартии — в течение пяти лет после выхода из партии) занимать какие-либо должности в профсоюзах. Нарушение этого антикоммунистического предписания наказывалось в уголовном порядке.

Второе, и основное, направление нового закона состояло в декретировании мер по усилению государственного контроля за деятельностью профсоюзных организаций. «Защита» личных прав и ущемление прав рабочих организаций стали лейтмотивом этого реакционного закона. Конгресс оказался исключительно щедрым на провозглашение «прав» индивидуальных рабочих. Первый раздел закона даже был назван «биллем о правах членов рабочих организаций». Но на деле здесь содержались не положения о реальных правах рабочих, а пункты, ограничивавшие деятельность профсоюзов. Закон 1959 г. поставил под жесткий государственный контроль процедуру выборов должностных лиц профсоюзов, порядок вынесения профсоюзами дисциплинарных мер по отношению к своим чле-

нам, устанавливал регламентацию финансовой деятельности профсоюзов, предписывал особые правила отчетности и т. д.[34]

Республиканцы, стремясь не вызывать резкого усиления недовольства со стороны широких слоев трудящихся, согласились с рядом мер, несколько улучшающих их материальное положение. Так, в 1955 г. был принят закон о повышении начиная с 1956 г. минимума оплаты труда с 75 ц. до 1 долл. в час. Им воспользовались 2,1 млн. рабочих [35].

Правительство Эйзенхауэра, столкнувшись в первые же годы деятельности с острой проблемой безработицы, в 1954 г. внесло одно из наиболее весомых дополнений к структуре страховых выплат по безработице. Этим актом было осуществлено первое заметное расширение круга лиц, получавших пособие по безработице по закону 1935 г. Одновременно и штаты впервые за 20 лет внесли поправки в свои законы о страховании по безработице. В целом некоторое увеличение пособий и расширение числа их получателей были осуществлены в 40 штатах [36]. Кризис 1957—1958 гг. подтолкнул республиканскую администрацию и контролируемый демократами конгресс на некоторое расширение программы страхования по безработице. Правительство, в частности, предложило временно продлить сроки получения пособий с 26 недель до 39 [37].

Кризис 1957—1958 гг. и рост безработицы, более значительной, чем за все предыдущие послевоенные спады, вынудили многих в правящих кругах страны вернуться к ненавистной для правых идее общественных работ. В сентябре 1959 г. конгресс ассигновал 1,2 млрд. долл. на эти цели. Эйзенхауэр немедленно наложил вето на билль. Попытка генерала-президента удержать законодателей от уступки «чуждым» взглядам ни к чему не привела: в конгрессе было собрано достаточно голосов для преодоления президентского вето. Наряду с этим через две недели был принят закон об ассигновании 1 млрд. долл. на жилищное строительство, включая 650 млн. долл. для ликвидации в течение двух лет трущоб в ряде городов. Он так и остался на бумаге.

Несмотря на известное расширение социальных выплат населению, в 50-е годы проблема бедности и нищеты не утратила своего значения и остроты. Бюро трудовой статистики установило в 1960 г. минимум ежегодного дохода, ниже которого, даже по официальным критериям, начиналось состояние нищеты: для семьи из четырех человек на уровне 3 тыс. долл., а для семьи из шести человек — 4 тыс. Оказалось, что 40 млн. американцев. т. е. свыше 22% населения, проживали в условиях бедности и нищеты [38]. Неудивительно, что социальная поляризация в стране в 50-е годы еще более углубилась [39]. Этот вывод подтверждают следующие данные. Между 1954 и 1957 гг. прибыли корпораций с учетом нало-

---

[34] Подробнее о законе Лэндрема — Гриффина см.: *Попов А. А.* США: государство и профсоюзы. М., 1974; *Сивачев Н. В.* Правовое регулирование трудовых отношений в США. М., 1972.

[35] Twenty Years of National Labor Legislation. A Publication of Congressional Quarterly's Service. Wash., 1965, p. 77, 81.

[36] DDEL, Central Files, OF-6, Box 137, The Accomplishments of the Eisenhower Administration in the Labor-Management Area, p. 1—2; Box 138, An Address by J. Mitchell, October 29, 1956.

[37] Ibid., Box 136, Statement of J. Mitchell, March 28, 1958.

[38] *Alexander C.* Op. cit., p. 111.

[39] *Morison S., Commager H., Leuchtenburg W.* The Growth of American Republic: Vol. 1, 2. L., 1969, vol. 2, p. 727.

гов выросли на 32%, а доходы населения — всего на 18%. К этому надо добавить, что безработица к весне 1958 г., по данным профсоюзов, достигла 7% всей рабочей силы.

Еще во второй половине 30-х годов в борьбе с неолиберальными принципами «нового курса» Ф. Рузвельта началась известная модификация республиканской доктрины «твердого индивидуализма». В середине 50-х годов она в своей основе была завершена. В период правления республиканцев, пишут советские историки, «идея буржуазного государства как постоянного фактора в регулировании экономики в интересах капиталистического класса, в целом прочно утвердившаяся в мировоззрении демократов со времен „нового курса" и представлявшаяся анафемой для республиканской старой гвардии, нашла ограниченное признание как в некоторых теоретических установках, так и в практической деятельности Эйзенхауэра» [40].

И в самом деле идеология неоконсерватизма наложила свой отпечаток на внутреннюю политику республиканцев 1953—1960 гг. И президент, и преобладающая часть республиканцев в Капитолии, несмотря на свою индивидуалистическую риторику, действовали «именно в духе неоконсервативной философии» [41]. В работах неоконсерваторов 50-х годов [42] государству неизменно отводилась важная роль. Один из теоретиков неоконсерватизма, К. Росситер, подчеркивал, что «современный консерватизм отошел от крайнего антистейтизма», а среди факторов, определивших трансформацию консерватизма в духе признания ограниченной роли государственного вмешательства в хозяйственную деятельность, он назвал «угрозу коммунизма» [43].

Настоящей кодификацией принципов республиканского неоконсерватизма и наиболее популярной публикацией на эту тему оказалась книга заместителя министра труда А. Ларсона «Республиканец смотрит на свою партию». Ларсон противопоставил «новому республиканизму», т. е. неоконсерватизму, две идеологии: «одна, можно сказать, носит марку 1896 г., а другая — марку 1936 г.». Имелось в виду, что неоконсерватизм противостоит старому, традиционному республиканизму эпохи laissez faire, процветавшему в момент прихода У. Маккинли к власти в 1896 г. и господствовавшему до 1932 г., а также неолиберализму «нового курса», одержавшему триумфальную победу на выборах 1936 г.[44]

С начала «нового курса» и до окончания войны в Корее в 1953 г. в функционировании двухпартийной системы США существовали значительные различия между главными буржуазными партиями, хотя они и не носили принципиального характера. К середине 50-х годов в их взаимоотношениях выявилась наибольшая степень согласия после кризиса 1929—1933 гг. Этот своего рода консенсус образовался на почве усвоения и демократами и республиканцами государственно-монополистических принципов в социально-экономической политике и выдвижения ими экспансионистской концепции «глобальной ответственности» американ-

[40] США: политическая мысль и история/Отв. ред. Н. Н. Яковлев. М., 1976, с. 496.
[41] *Маныкин А. С.* История двухпартийной системы США. М., 1981, с. 225.
[42] *Donovan R. J.* Eisenhower. The Inside Story. N. Y,. 1956; *Larson A.* A Republican Looks at His Party. N. Y., 1956; *Pusey M.* Eisenhower the President. N. Y., 1956; *Rossiter C.* Conservatism in America. N. Y., 1955.
[43] *Rossiter C.* Op. cit, p. 194, 200.
[44] *Larson A.* Op. cit., p. 1—2.

ского империализма за положение дел в мире. Благодаря этому в спектре сил, действовавших на политической арене США в рамках двухпартийной системы, сложился широкий сдвоенный центр, в котором демократы, условно говоря, занимали положение левее от центра, а республиканцы — правее. Таким путем между ними возникло большее взаимопонимание, чем в любое время после кризиса 1929—1933 гг. Общие интересы различных группировок правящего класса, продиктованные внутренней и внешней обстановкой, как бы еще сильнее сблизили обе партии друг с другом, выявив принципиальное согласие по главным вопросам [45].

Закон Лэндрема—Гриффина стал своего рода мрачным памятником консенсусу. Он прошел через обе палаты с редким для законодательной практики США согласием: 352 — за и 52 — против в палате представителей и 95 : 2 в сенате [46]. Интересно, что в течение нескольких дней билль носил три имени — демократа Дж. Кеннеди и республиканцев Ф. Лэндрема и И. Гриффина. Но очень скоро сенатор Кэннеди, метя в президентское кресло, счел политически выгодным незаметно отказаться от соавторства и связанной с этим «славы», которая могла оказаться обременительной в избирательной кампании 1960 г.

Сближение между демократами-неолибералами и республиканцами-неоконсерваторами не означало прекращения межпартийной и внутрипартийной борьбы. Нужно иметь в виду, что консервативная консолидация середины 50-х годов была достигнута в значительной мере за счет ухода обеих партий, особенно республиканской, от решения многих насущных проблем в экономике и в сфере социальных отношений [47]. Новое обострение внутренних противоречий американского капитализма привело постепенно и к новому усилению конфликтов внутри двухпартийной системы. Катализатором этого процесса стал ряд факторов объективного и субъективного характера.

3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ЭЙЗЕНХАУЭРА—ДАЛЛЕСА

Провал агрессии американского империализма против КНДР и ряд других внешнеполитических поражений США, высокая цена в людях, долларах, материальных ценностях и моральном престиже, которую им приходилось платить за глобальную интервенционистскую стратегию, вызвали серьезный рост недовольства внутри страны. Одновременно критика этой стратегии мировой общественностью, «традиционный консерватизм» республиканцев в экономических, бюджетных и военных вопросах, борьба с демократами за лидерство в «двухпартийной» внешней политике побуждали правительство Эйзенхауэра — Даллеса к разработке «новых», более эффективных военно-политических доктрин.

В подготовленном Дж. Ф. Даллесом внешнеполитическом разделе избирательной программы республиканской партии на выборах 1952 г.

---

[45] *Гэлбрейт Дж.* Наступление консерваторов.— Мировая экономика и междунар. отношения, 1982, № 5, с. 64—65.
[46] Twenty Years of National Labor Legislation, p. 46.
[47] Подробнее см.: *Дементьев И. П., Маныкин А. С., Сивачев Н. В., Согрин В. В., Язьков Е. Ф.* О некоторых принципах функционирования двухпартийной системы США.— Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1981, № 6, с. 38—45.

правительство Трумэна обвинялось в том, что за семь лет пребывания у власти оно не только не использовало должным образом «беспрецедентную мощь и престиж» США в конце второй мировой войны, но и в значительной мере растратило их. Даллес назвал «оборонительной» политику «сдерживания коммунизма», которая, по его словам, не сдержала его, а, напротив, предоставила СССР «военную и пропагандистскую инициативу» [48].

Провозглашенная правительством Эйзенхауэра — Даллеса после прихода к власти в январе 1953 г. новая внешнеполитическая доктрина «освобождения» от коммунизма явилась выражением «более решительного» курса республиканцев на борьбу с «мировым коммунизмом», с СССР и его союзниками. Это была линия на организацию экспорта контрреволюции, на бесцеремонное вмешательство во внутренние дела социалистических и других стран [49]. Один из ближайших помощников Эйзенхауэра, Э. Хьюз, отмечал какое-то «легкомысленное убеждение» Даллеса, что «в своей собственной исторической борьбе (с коммунизмом.— *Авт.*) он может апеллировать к силе и войне». Хьюз, имевший возможность в течение ряда лет наблюдать «кабинет миллионеров» Эйзенхауэра «изнутри», признает, однако, что подобным «легкомыслием» страдал не один Даллес. «Люди, составившие руководящее ядро новой администрации,— писал он,— ... думали, будто всемирная угроза коммунизма была столь явно поощрена американской нерешительностью, что некоторая демонстрация решимости, сдобренная определенным специфическим, но не слишком дорогим показом силы, существенно поправит дело» [50].

Публичное принятие на себя Вашингтоном обязательств по «освобождению» социалистических стран, «отбрасыванию коммунизма» во всем мире стало одним из факторов, толкавших внешнюю политику США в сторону еще большей агрессивности и авантюристичности.

Особый упор был сделан на подкрепление доктрины и политики «освобождения» соответствующей военной силой и стратегией. Выработанный республиканской администрацией, изложенный в директиве СНБ-162/2 и одобренный Эйзенхауэром 30 октября 1953 г. так называемый «новый взгляд» на оборону предусматривал ускоренную подготовку США к развязыванию «большой войны» против СССР и других социалистических государств [51].

---

[48] New York Times, 1952, July 11.

[49] «Говоря об „освобождении", — писал о взглядах государственного секретаря США известный американский обозреватель С. Сульцбергер, — он (Даллес.— *Авт.*) имел в виду, что Соединенные Штаты готовы, если необходимо, силой поддержать любую контрреволюцию в Восточной Европе» (*Sulzberger C.* What's Wrong with US Foreign Policy. N. Y., 1959, p. 101). Подробнее о доктрине «освобождения» см.: *Орлик И. И.* Империалистические державы и Восточная Европа. М., 1968, с. 127—133.

[50] *Hughes E. J.* The Ordeal of Power. A Political Memoir of the Eisenhower Years. N. Y., 1963, p. 60. Подробнее о кабинете Эйзенхауэра см.: *Яковлев А. Н.* От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века. М., 1984, с. 116—118.

[51] «Наша страна...— писал об этом „достижении" Эйзенхауэр, — сделала очередной и исторический поворот. Она признала, что не может положить на землю свой меч и щит и вернуться к мирному состоянию, при котором не было бы больше войн. Она взглянула в лицо тому факту, что не может сбросить с себя тяжесть расходов на вооружение в масштабах военного времени. Она осознала, что должна научиться жить, возможно на протяжении целого поколения или дольше, сжимая в руках оружие, с миллионами людей, одетыми в униформу» (*Eisenhower D. D.* Mandate for Change, 1953—1956. L., 1963, p. 573).

Отличительной чертой «нового взгляда» на оборону стало сосредоточение основного внимания на атомном оружии. Оно отразилось в зловещей доктрине «массированного возмездия». «Мы живем в мире, в котором всегда возможны критические ситуации, и наше выживание может зависеть от нашей способности встретить эти кризисы,— излагал суть этой доктрины Дж. Ф. Даллес 12 января 1954 г. в Совете по международным отношениям,— ...Оборона в местных условиях должна быть подкреплена устрашающей силой массированного возмездия... Нам нужно быть готовыми сражаться в Арктике и в Тропиках, в Азии, на Ближнем Востоке и в Европе; на море и в воздухе; как старыми, так и новыми видами оружия. Основное решение состоит в том, чтобы зависеть в первую очередь от огромной способности к возмездию, мгновенно, средствами и в районах по нашему собственному выбору» [52].

Все это означало, что правительство Эйзенхауэра на деле выдвигало «атомную силу» на ведущее место в арсенале орудий военной и внешней политики США, утверждая принцип «первого использования атомного оружия», приравнивая это оружие к обычному, распространяя сферу его применения на все виды конфликтов по всему земному шару.

В декабре 1953 г. президент Эйзенхауэр заявил: «Атомное оружие фактически достигло статуса обычного в наших вооруженных силах...». Позднее, в 1957 г., министр обороны Ч. Вильсон засвидетельствовал перед конгрессом: «Менее мощное атомное оружие... в определенном смысле стало теперь обычным оружием». И «районом, где планы и приготовления к тактической ядерной войне были наиболее серьезны», стал «центральный фронт Организации Североатлантического договора (НАТО) в Германии» [53].

Воинствующие заявления ведущих деятелей правительства Эйзенхауэра — Даллеса вызвали серьезную тревогу и возмущение во многих странах, в том числе даже ближайших союзников США. Несмотря на то что доктрина «массированного возмездия» была принята под американским давлением в качестве официальной военной установки НАТО, именно она заставила Западную Европу серьезно задуматься о той судьбе, которая отводится ей в планах Вашингтона. Вызывающее агрессивное значение, приданное доктрине «массированного возмездия», по более позднему признанию видных американских и английских ученых, «породило в Европе мысль о том, что Соединенные Штаты — опасная сила, способная уничтожить человеческую расу, защищая свои собственные интересы и предрассудки и не уделяя особого внимания кому-либо еще» [54].

Разумеется, ни Советский Союз, ни другие социалистические страны, ни мировое коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение не могли оставить без внимания столь откровенные угрозы и шантаж. Мобилизация материальных и духовных ресурсов социалистических стран, укрепление единого фронта всех отрядов мирового революционного движения, активные, решительные и вместе с тем гибкие действия советской дипломатии — все это приобретало особенно важное

---

[52] Documents on American Foreign Relations, 1954/Ed. by P. V. Curl. N. Y., 1955, p. 8—10. Подробнее о генезисе доктрины «массированного возмездия» см.: *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М., 1976, с. 182—215.

[53] The United States in the 1980's/Ed. by P. Duiguan, A. Rabushka. Stanford, 1980, p. 427.

[54] The Troubled Alliance/Ed. by L. Freedman. L., 1983, p. 34.

значение перед фактом дальнейшего усиления агрессивности американского империализма.

Внешнеполитические и военные установки правительства Эйзенхауэра – Даллеса были нацелены на укрепление господствующих позиций США в капиталистическом мире, на вовлечение многих стран «свободного мира» в «крестовый поход против коммунизма». Направленная на некоторое сокращение численности при повышении «ударной силы» и решающей роли собственно американских вооруженных сил, доктрина «массированного возмездия» предусматривала в то же время возложение «бремени» непосредственных боевых действий на армии союзников США, вовлечение все новых стран, помимо членов НАТО и пакта Рио-де-Жанейро, в сеть военно-политических блоков под эгидой американского империализма.

Одна из главных целей дипломатии Даллеса состояла в том, чтобы, не считаясь с их желаниями, связать неприсоединившиеся, развивающиеся государства Ближнего Востока и Азии военными обязательствами с США, завершить окружение СССР, всего социалистического содружества кольцом агрессивных блоков и баз, замкнуть это кольцо на его южных и восточных границах. В ходе кампании за военную организацию «свободного мира для борьбы с коммунизмом» клевета в адрес СССР и восхваление США были дополнены грубыми нападками на политику неприсоединившихся стран, на их антиимпериалистическую позицию на международной арене, нашедшую выражение в решениях Бандунгской конференции в апреле 1955 г.

Апогеем этих нападок явилось заявление государственного секретаря США об «аморальности нейтралитета». Даллес провозгласил его «несовместимым» с долгом каждой «свободной» страны занять свое место в «борьбе с коммунизмом». Нейтралитет, объявил он, является «устаревшей и, за исключением некоторых совершенно особых случаев, аморальной и близорукой концепцией» [55].

Доктрины «освобождения», «массированного возмездия» и «аморальности нейтралитета» явились одним из наиболее зловещих проявлений агрессивности и антикоммунизма официальной американской политики после второй мировой войны. Само их провозглашение было беспрецедентной в истории международных отношений попыткой поставить «вне закона» социалистические и неприсоединившиеся страны и, наоборот, «узаконить» политику кризисов и интервенции, «устрашения» и «балансирования на грани войны». Но новые внешнеполитические доктрины и планы республиканского правительства не могли расширить рамки реальных возможностей политики США, магически превратить ее поражения в успехи. На практике основная активность даллесовской стратегии по «отбрасыванию коммунизма» оказалась в ряде моментов обращенной внутрь капиталистического мира, потрясаемого все новыми освободительными и социальными революциями.

В числе «побед» своей политики «освобождения» Эйзенхауэр и Даллес называли свержение в августе 1953 г. правительства Мосаддыка в Иране, стремившегося защитить национальные интересы и богатства страны (прежде всего нефть) от неограниченной эксплуатации и разграбления иностранными монополиями. «Любое иранское правительство, кро-

---

[55] *La Feber W.* America, Russia, and the Cold War, 1945—1971. N. Y., 1972, p. 173.

ме коммунистического,— заявил 12 июля 1953 г. государственный секретарь США,— было бы для нас лучше, чем нынешнее правительство. Мы сочли невозможным иметь дело с Мосаддыком» [56].

Еще с осени 1952 г. США начали организацию заговора против законного правительства Ирана под названием «Операция Аякс». Решение осуществить переворот было принято 22 июня 1953 г. в кабинете Дж. Ф. Даллеса на совещании, в котором участвовали директор ЦРУ А. Даллес, посол США в Тегеране Л. Хендерсон и др. Оперативное руководство возлагалось на руководителя ЦРУ в Иране Кермита Рузвельта, внука Теодора Рузвельта, которому был выделен на операцию 1 млн долл. [57] В результате переворота к власти пришло проамериканское правительство генерала Захеди, и в страну вернулся изгнанный ранее народом шах Реза Пехлеви.

Нанеся удар по патриотическим силам, США заодно потеснили английские нефтяные монополии, протащили в жизнь свой план создания вместо национализированной правительством Мосаддыка Англо-иранской нефтяной компании (АИНК) Международного нефтяного консорциума, в котором главенствовали американские корпорации, стремившиеся к господствующим позициям в нефтяной промышленности Ближнего и Среднего Востока. Американские дипломаты, по сообщению газеты «Уолл-стрит джорнэл» от 4 августа 1954 г., полагали, что «соглашение консорциума с иранским правительством — урок не только для Ирана, но и для других стран, которые, возможно, замышляют национализацию иностранных нефтяных концессий». Свержение Мосаддыка открыло дорогу для втягивания Ирана в антисоветские военные союзы, для подготовки Багдадского пакта.

В Латинской Америке американские империалисты организовали в 1954 г. блокаду, заговор и военный переворот против демократического правительства президента Арбенса в Гватемале, которое осмелилось посягнуть на собственность «Юнайтед фрут компани», провести аграрную и другие демократические реформы. Если бы эти подрывные меры не сработали, правительство США готовило прямую военную интервенцию. «Американские морские пехотинцы,— писал американский историк Н. Бейли,— были переброшены из Пуэрто-Рико в район Ямайки для оказания помощи силам вторжения (т. е. гватемальским «контрас» на территории Гондураса.—*Авт.*). Им был отдан приказ высадиться в Пуэрто-Барриос, если Кастильо Армас (ставленник ЦРУ — *Авт.*) и Перифуа (посол США в Гватемале.— *Авт.*) потерпят неудачу» [58].

К другим «успехам», достигнутым с помощью «балансирования на грани войны», правительство Эйзенхауэра — Даллеса относило достигнутое им якобы «отбрасывание коммунизма» в Азии, в частности в Индокитае. Здесь политика правящих кругов США состояла, с одной стороны, в том, чтобы руками французов нанести решающее поражение нарастающему национально-освободительному движению в Индокитае,

---

[56] New York Times, 1953, July 13.

[57] О роли ЦРУ в иранской и других подобных «операциях» американского империализма (гватемальской, кубинской, доминиканской и т. д.) см.: *Сергеев Ф.* Если сорвать маску... М., 1983.

[58] *Bailey N. A.* Latin America in World Politics. N. Y., 1967, p. 97. О дипломатическом аспекте подготовки и осуществления интервенции США в Гватемале см.: История дипломатии: В 5-ти т. М., 1959—1979, т. 5, кн. 1, с. 592—600.

а с другой — самим занять место «старых» колонизаторов, присоединить еще одну богатую и важную в стратегическом отношении область к своей «невидимой империи». Поэтому наряду с требованием усиления военных действий Соединенные Штаты добивались от Франции предоставления «независимости» странам Индокитая.

В связи со все новыми поражениями во Вьетнаме Франция вынуждена была поставить вопрос о созыве мирной конференции по Индокитаю. Она рассчитывала таким образом спасти хоть часть своих привилегий в Юго-Восточной Азии.

Правительство США, настаивая на продолжении войны, активно выступало против организации такой конференции. Вашингтон увеличил военные поставки Франции, обещал выделить дополнительные средства. Когда вопреки сопротивлению Вашингтона решение о созыве Женевской конференции было все-таки принято, Совет национальной безопасности в конце апреля 1954 г. в документе о позиции США в Женеве предложил президенту информировать Париж о том, что в случае приостановления военных действий «помощь США Франции будет автоматически прекращена». Одновременно СНБ рекомендовал рассмотреть возможность вступления самих США в войну для достижения «военной победы» в этом регионе [59]. Даллес и ряд военных руководителей США предложил сделать весьма опасный и провокационный шаг — организовать массированный, возможно даже атомный, удар с воздуха с использованием сотен самолетов с американских баз на Филиппинах и с авианосцев, крейсировавших в Китайском море, по вьетнамской Народной армии, которая к этому времени нанесла поражение крупному французскому гарнизону в Дьенбьенфу.

Вашингтон развернул активную психологическую подготовку планируемой им новой интервенции. Для воздействия на американских союзников, общественность и конгресс была пущена в ход теория «падающего домино». Впервые Даллес изложил ее на секретном совещании 3 апреля 1954 г. с лидерами конгресса, которых он убеждал дать санкцию президенту на «использование воздушной и морской силы в Индокитае... Если Индокитай падет и если его падение приведет к потере всей Юго-Восточной Азии...— запугивал конгрессменов государственный секретарь,— тогда Соединенные Штаты могут в конце концов оказаться вынужденными отступить обратно на Гавайи, где они находились перед второй мировой войной» [60].

Спустя четыре дня уже сам президент публично сравнил всю Азию с домиком, построенным из косточек домино! «Вы имеете,— заявил он своим слушателям,— ряд поставленных домино и выбиваете первое из них... То, что случится с последующими, весьма очевидно — они очень быстро опрокинутся. Итак, вы получите начало процесса распада, который будет иметь самые глубокие последствия». Если коммунисты «захватят Индокитай», утверждал президент США, то «следующими могут рухнуть Бирма, Таиланд, Малайя и Индонезия. Падающие домино способны также опрокинуться на островную оборонительную цепь США, состоящую из Японии, Формозы (Тайваня), Филиппин, и дальше на юг, угрожая Австралии и Новой Зеландии». Многочисленные последствия

[59] The Pentagon Papers, as publ. by New York Times. N. Y., 1971, p. 11.
[60] The Shaping of American Diplomacy. Readings and Documents in American Foreign Relations, 1750—1955/Ed. by W. A. Williams. Chicago, 1956, p. 1088—1089.

этого будут включать «не только потерю незаменимых источников сырья, но и распространение коммунистической гегемонии на новые десятки миллионов людей» [61].

Теория «падающего домино», как и другие доктрины правительства Эйзенхауэра—Даллеса, таила в себе опасный зародыш мировой термоядерной конфронтации. В то же время в отличие от них она фактически признавала, что американский империализм стоит на пути неудержимого поступательного хода исторического процесса, пытаясь изо всех сил сохранить «целостность» капиталистической системы.

Руководствуясь подобными установками, американская дипломатия пыталась не только сорвать мирные переговоры по Индокитаю, но и организовать вооруженную интервенцию США в Юго-Восточной Азии, придав ей коллективный характер. Эти усилия не увенчались, однако, успехом. Твердая позиция СССР и других социалистических стран в поддержку героической борьбы народов Индокитая, дипломатический нажим в пользу мирного урегулирования со стороны большинства нейтральных стран Азии и даже некоторых союзников США позволили состоявшейся в Женеве в апреле—июле 1954 г. международной конференции выработать соглашения об установлении мира в Юго-Восточной Азии.

Женевские соглашения по Индокитаю 1954 г. предусматривали предоставление независимости народам Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, гарантировали их нейтралитет, запрещали ввод на их территорию иностранных войск, создание военных баз, ввоз новых вооружений. В отношении Вьетнама, кроме того, было предусмотрено установление временно демаркационной линии несколько южнее 17-й параллели. Не позднее июля 1956 г. должны были быть проведены всеобщие свободные выборы в целях мирного воссоединения страны.

Правительство США отказалось присоединиться к Женевским соглашениям, которые представляли собой сокрушительный удар по планам американских правящих кругов в отношении Индокитая и всей Юго-Восточной Азии. Правда, под давлением мирового общественного мнения оно согласилось сделать 21 июля одностороннюю декларацию о готовности соблюдать Женевские соглашения. Однако в тот же день президент Эйзенхауэр откровенно заявил: США «не считают себя связанными решениями, принятыми на конференции» в Женеве [62].

Уже на первом заседании после окончания конференции в Женеве — 3 августа 1954 г.— Совет национальной безопасности принял одобренную затем президентом срочную программу экономической и военной помощи марионеточному сайгонскому режиму Нго Динь Дьема, основной задачей которой было «сохранить дружественный некоммунистический Южный Вьетнам» и «предотвратить коммунистическую победу путем общевьетнамских выборов» [63]. По признанию составителей документов Пентагона, секретные решения правительства Эйзенхауэра означали, что именно США сыграли прямую роль в конечном срыве женевского урегулирования, что «Южный Вьетнам (т. е. сайгонский режим.— *Авт.*) был создан Соединенными Штатами» [64].

---

[61] *Donovan R. J.* Eisenhower, p. 261.
[62] Documents on American Foreign Relations, 1954, p. 316—317.
[63] The Pentagon Papers, p. 1.
[64] Ibid., p. 24—25.

8 сентября 1954 г. американская дипломатия добилась подписания в Маниле так называемого Договора об обороне Юго-Восточной Азии (СЕАТО), в который вместе с США вошли Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд и Филиппины. Вашингтон игнорировал то, что против этого договора резко выступили крупнейшие азиатские страны — Индия, Индонезия, Бирма, Цейлон (с 1972 г.— Шри Ланка). Государственный секретарь США открыто пошел на нарушение только что заключенных Женевских соглашений, объявив о распространении сферы действия СЕАТО на страны Индокитая. Новый пакт СЕАТО должен был продолжить линию на «окружение» социалистических стран и поддержку неоколониализма, подготовить почву для ликвидации Женевских соглашений, для «отбрасывания коммунизма», для установления американского господства над всем Вьетнамом и Юго-Восточной Азией.

О наличии у США отнюдь не «оборонительных», а агрессивных планов свидетельствовал тот факт, что правительство Эйзенхауэра—Даллеса с самого начала не ограничилось поддержкой марионеточного режима в Южном Вьетнаме. Оно пошло на беспрецедентный шаг развязывания «тайной войны» против Демократической Республики Вьетнам, что шло вразрез не только с Женевскими соглашениями, но и вообще с нормами международного права. Еще в июне 1954 г. правительство США организовало и заслало в Северный Вьетнам специальный диверсионный отряд во главе с известным «тихим американцем» полковником Лэнсдейлом. В задачу этого отряда входили «организация парамилитаристских операций против врага и ведение политико-психологической войны» [65].

Наряду с организацией нового военного союза американская дипломатия в Азии пошла на двусторонние соглашения с теми странами, которые ей не удалось включить в СЕАТО из-за возражений со стороны остальных членов этого блока. США подписали пакты о «взаимном обеспечении безопасности» в марте 1954 с Японией, которая обязалась содействовать «созданию и поддержанию собственных оборонительных сил», т. е. встать на путь ремилитаризации, в ноябре — с Ли Сын Маном, в декабре — с Чан Кайши.

В результате действий американской дипломатии обстановка в Азии становилась все более напряженной. Очередной международный кризис — на этот раз в районе Тайваня — возник осенью 1954 г. в результате официально объявленного Вашингтоном курса на «освобождение» Китайской Народной Республики (путем «возвращения» Чан Кайши на материк). Правительство Эйзенхауэра всячески поддерживало попытки гоминьдановцев использовать не только Тайвань, но и прибрежные о-ва Цзиньмыньдао (Куэмой) и Мацзу в качестве трамплина для такого «возвращения».

Американские правящие круги жаждали взять реванш за провалы политики США в Китае в 1949 г., в Корее —в 1953 г. и в Индокитае — в 1954 г. Высокопоставленные чины Пентагона ратовали за «превентивную» войну, «пока не поздно», против КНР. На заседании Совета национальной безопасности 12 сентября 1954 г. адмирал Рэдфорд, генерал Туайнинг и адмирал Кэрни предложили Эйзенхауэру, чтобы «аме-

[65] Ibid., p. 16.

риканские самолеты помогли националистам в бомбардировках континента» якобы «для предотвращения высадки коммунистов на Куэмой»[66].

В начале декабря 1954 г. между США и режимом Чан Кайши был подписан договор, который, как подчеркивал Даллес в выступлении перед сенатской комиссией по иностранным делам, призван был «округлить систему безопасности» США в западной части Тихого океана[67]. 24 января 1955 г. конгресс принял так называемую формозскую резолюцию, которая уполномочивала президента применять вооруженные силы США для «защиты» Тайваня и других «жизненно важных» территорий в любом месте и в любое время целиком по его собственному усмотрению в качестве главнокомандующего этих сил. Формозская резолюция, таким образом, давала Белому дому карт-бланш для использования войны или угрозы ею в затеянной им опасной «игре» на Дальнем Востоке.

В конце марта 1955 г. слухи о «неизбежности атомной войны» из-за прибрежных китайских островов просочились в американскую печать и вызвали волну возмущения в США и за их пределами. Ряд видных американских политических деятелей осудили позицию правительства Эйзенхауэра—Даллеса как «безответственную». Министр иностранных дел Канады Л. Пирсон публично заявил, что его страна не будет воевать вместе с США из-за Куэмоя и Мацзу. Позиция, занятая СССР, не оставляла у Вашингтона сомнений в том, что нападение США на КНР будет равносильно вступлению в военный конфликт также и с Советским Союзом.

Выявившаяся международная изоляция США вынудила Вашингтон срочно начать поиски выхода из той опасной ситуации, которая возникла в результате его собственной политики. Даллесовской дипломатии пришлось сделать поворот и выступить с предложением об «отказе от использования силы» для разрешения проблемы Тайваня и прибрежных островов. Это предложение стало одной из основ для последующих переговоров на уровне послов США и КНР в Варшаве, на которых рассматривались вопросы о прекращении огня в Тайваньском проливе, о мирном урегулировании положения дел на Дальнем Востоке и ряд других. Тем не менее правительство Эйзенхауэра не оставляло надежд на «освобождение» КНР. Оно продолжало по-прежнему поддерживать режим Чан Кайши, проводить агрессивный курс на Дальнем Востоке, что вело к сохранению взрывоопасной ситуации в регионе.

Центральным районом, где правительство Эйзенхауэра—Даллеса пыталось создать «позицию силы» по отношению к СССР, оставалась Европа. Найдя себе надежного партнера в лице правительства Аденауэра, правящие круги США рассчитывали, что в союзе с Западной Германией сумеют резко изменить в свою пользу европейский и мировой баланс сил[68]. Даллес требовал скорейшей ратификации договора об образовании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), подписанного

---

[66] *Donovan R. J.* Eisenhower, p. 302.

[67] Documents on American Foreign Relations, 1955/Ed. by P. E. Zinner. N. Y., 1956, p. 302—303.

[68] «Возрожденная Германия, — заявлял Даллес, — может также быть огромным активом для Запада. Путем вовлечения (т. е. захвата.— *Авт*). Восточной Германии в свою орбиту Запад способен приобрести передовые стратегические позиции в Центральной Европе, которые будут подрывать военное и политическое положение советского коммунизма в Польше, Чехословакии, Венгрии и остальных соседних странах» (*Dulles J. F.* War or Peace. N. Y., 1957, p. 156).

27 мая 1952 г., который предусматривал создание «европейской армии» шести стран с участием войск ФРГ.

В Западной Европе оппозиция проектам ремилитаризации ФРГ и включения ее в ЕОС оставалась очень сильной. Представители западноевропейских стран указывали, что, прежде чем решать вопрос о ратификации договора об ЕОС, необходимо попытаться достичь урегулирования спорных вопросов с Советским Союзом. Однако эта позиция диаметрально отличалась от точки зрения правительства Эйзенхауэра, которое фактически выступало против переговоров с СССР, считая их пустой «тратой времени». Чтобы переговоры были успешными, заявил Даллес, им должны предшествовать ремилитаризация ФРГ, включение ее в единый антисоветский фронт.

Раздувая миф о «советской опасности» и спекулируя на заинтересованности определенных западноевропейских кругов в связях с США и их «присутствии» в Европе, Даллес открыто шантажировал эти круги угрозой «мучительной переоценки» европейской политики Вашингтона в случае провала ЕОС, перспективой восстановления западногерманского империализма помимо их согласия, создания «оси Вашингтон — Бонн». Летом 1954 г. госдепартамент огласил планы проведения в жизнь «общего договора» об окончании оккупационного режима в Западной Германии независимо от позиции Парижа.

Несмотря на все это, французский парламент 30 августа 1954 г. отклонил проект договора о создании ЕОС. Это событие означало серьезный провал политики США. Оно было расценено в Вашингтоне как «бунт», нетерпимое проявление «своеволия» одного из союзников. Из Вашингтона вновь посыпались угрозы: если западноевропейские государства не согласятся в какой-либо форме на ремилитаризацию ФРГ, США откажутся от всех обязательств по «коллективной обороне» и должны будут «пересмотреть свою внешнюю политику, особенно отношение к Европе».

В критический момент на помощь американской дипломатии пришли правящие круги Великобритании. По предложению Черчилля для включения Западной Германии в систему империалистических союзов вместо ЕОС был использован Брюссельский пакт, который, как отмечал Эйзенхауэр, «был официально направлен на предотвращение возрождения германского милитаризма»[69]. Что и говорить, более злую иронию трудно было себе представить.

В конце октября 1954 г. в Париже были подписаны согласованные предварительно в Лондоне протоколы об «окончании оккупационного режима» в Западной Германии, о включении ее в Западноевропейский союз и о приглашении ее в НАТО. 29 октября США подписали с ФРГ Договор о дружбе, торговле и навигации, явившийся, по существу, шагом к созданию двустороннего, американо-западногерманского союза.

Государственный секретарь США Даллес неизменно расценивал Лондонские и Парижские соглашения как большую «победу в борьбе с коммунизмом». Американская пропаганда утверждала, что эта «победа» должна привести к усилению «свободного мира», его сплочению, предотвращению возрождения опасного национализма и т. п. На деле же она способствовала лишь новому осложнению международной обстановки вообще и германской проблемы в частности, поощрению западногерман-

[69] *Eisenhower D. D.* Mandate for Change, p. 405.

ских реваншистов и милитаристов, углублению раскола между двумя немецкими государствами, между Западной и Восточной Европой.

Включение ФРГ в НАТО встретило резкое осуждение и противодействие со стороны СССР и других социалистических государств, которые в целях укрепления своей безопасности 14 мая 1955 г. подписали оборонительный Варшавский Договор, ставший важнейшим оружием в борьбе за мир в Европе и во всем мире.

Несостоятельность глобальной антикоммунистической интервенционистской стратегии США стала проявляться особенно наглядно по мере дальнейшего углубления противоречий капиталистической системы и изменения мирового соотношения сил в пользу социализма с середины 50-х годов. Рост военной и экономической мощи Советского Союза и всего социалистического содружества, активная деятельность советской дипломатии в защиту мира и против империалистической агрессии, ускорение распада колониальной системы и проведение растущим числом молодых освободившихся государств политики позитивного нейтралитета, имеющей демократическую и миролюбивую направленность, усиление борьбы широких народных масс против военных авантюр, обострение межимпериалистических противоречий — все это вынуждало Вашингтон не только воздерживаться от перехода через «грань войны», но и все чаще отступать от этой грани, на словах заверять общественность в своем миролюбии.

Продолжая заниматься атомным шантажом, правительство Эйзенхауэра—Даллеса вместе с тем оказывалось вынужденным искать более гибкие средства проведения своей линии в международных отношениях, прибегать к более «нормальной» дипломатии, в том числе контактам и переговорам со своими противниками, и прежде всего с Советским Союзом. Наиболее значительным шагом в этом направлении явилась встреча на высшем уровне 18—23 июля 1955 г. в Женеве глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции, вопрос об организации которой был поставлен советской делегацией при подписании Государственного договора с Австрией в Вене в мае 1955 г.

Соглашаясь на встречу «большой четверки», правительство Эйзенхауэра в то же время стремилось взять под свой контроль растущие тенденции среди американских союзников к мирным переговорам и соглашениям с СССР. Оно рассчитывало или придать этим переговорам желаемый для себя характер, или сорвать их, но «коллективными усилиями», сохранив, таким образом, в любом случае единый фронт Запада под собственной эгидой и скоординировав его политику в отношении Востока.

Наконец, большое место в американской дипломатической стратегии занимали тогда планы перехвата инициативы «мирного наступления» у СССР. Учитывая раздуваемую американской пропагандой репутацию Эйзенхауэра как «миротворца» (в противовес Даллесу — стороннику силового подхода), именно совещание на высшем уровне с участием президента должно было, по мнению Вашингтона, послужить наиболее надежным трамплином для перехода США в новую контратаку против Советского Союза в «мирном аспекте».

Преимущественно разведывательно-пропагандистский подход правящих кругов США, разумеется, не мог не сказаться на подготовке, ходе и результатах встречи глав правительств СССР, США, Англии и Фран-

ции в Женеве в июле 1955 г. Правительство Эйзенхауэра пыталось, например, включить в программу переговоров такие «вопросы», как «положение порабощенных народов за железным занавесом и цели международного коммунизма». Однако ему пришлось отказаться от этих притязаний перед лицом не только непреклонной позиции социалистических государств, но и соответствующего давления на него внутри самого капиталистического мира, включая и США. В то же время правительство США отказалось обсуждать в Женеве такие пункты повестки дня, предложенные советской делегацией, как проблемы Дальнего Востока, нейтралитета, прекращения «холодной войны». Американская делегация упорно добивалась собственных целей: чтобы германскому вопросу был отдан приоритет перед проблемой европейской и всемирной безопасности, чтобы действительное разоружение под строгим международным контролем было подменено видимостью контроля над вооружениями без какого-либо их ограничения (план «открытого неба» Эйзенхауэра), чтобы Советский Союз и другие социалистические страны широко раскрыли свои границы для «свободного и неограниченного потока» западных идей и т. д.

Стремясь отстоять интересы советского и других народов и достичь максимально возможных и благоприятных для дела мира результатов, советская делегация не только внесла собственные проекты создания эффективной системы европейской безопасности, разоружения, запрещения атомного оружия и смягчения международной обстановки, но и пошла по некоторым вопросам навстречу предложениям западных держав. Именно позиция СССР более всего содействовала как самому созыву совещания на высшем уровне летом 1955 г., так и его частичному успеху. В Женеве снова был четко подтвержден ленинский курс советской внешней политики на возможность и необходимость мирного сосуществования государств с различным социальным строем, разрешения спорных международных проблем путем переговоров.

Американская дипломатия не искала и не хотела, однако, заключать какие-либо реальные взаимоприемлемые соглашения с СССР[70]. Когда в конце октября — ноябре 1955 г. министры иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции собрались снова в Женеве, чтобы попытаться воплотить в жизнь директивы, принятые на высшем уровне, американская делегация заняла крайне жесткую позицию как по германскому вопросу, так и по проблеме разоружения. Даллес потребовал, в частности, чтобы СССР в обмен на «гарантии безопасности» со стороны Запада фактически согласился, во-первых, на «освобождение» ГДР, т. е. на поглощение ее Западной Германией, и, во-вторых, на включение

[70] Государственный секретарь Даллес откровенно говорил своим сотрудникам, что он заинтересован в сохранении международной напряженности в качестве одного из необходимых условий для продолжения гонки вооружений и политики силы. «Если нет никакой очевидной угрозы со стороны советского блока, — говорил он, — наша воля сохранять единство и силу может ослабнуть... При проведении наших программ в конгрессе мы должны демонстрировать наличие угрозы международного коммунизма. Иначе такие программы, как взаимное обеспечение безопасности, были бы ликвидированы. Точно такое же положение сложилось бы, вероятно, среди наших союзников. Они могут почувствовать, что опасность миновала и, следовательно, для них нет необходимости продолжать тратить огромные суммы денег на оборону» (цит. по: *Berding A. H.* Dulles on Diplomacy. Princeton, 1965, p. 24).

«воссоединенной» таким путем Германии в систему западных империалистических союзов. Отклонение Советским Союзом подобных совершенно неприемлемых условий было тут же использовано американской дипломатией для срыва дальнейших переговоров между Западом и Востоком и для возложения вины за это (а заодно и за «развеяние духа Женевы») на СССР.

Одним из наиболее серьезных источников опасной напряженности оставалась в 50-е годы доктрина «освобождения». Пытаясь представить вопрос о внутреннем строе социалистических государств международной проблемой, заявляя о «солидарности с порабощенными народами», правящие круги США ставили своей целью вызвать беспорядки в восточноевропейских странах с тем, чтобы попытаться экспортировать контрреволюцию, ликвидировать социалистические завоевания народов этих стран и «оторвать» их от Советского Союза. Соответствующая идеологическая кампания и конкретные действия против этих стран велись Западом в течение многих лет изо дня в день. Даже в период встреч в Женеве и непосредственно после них Эйзенхауэр и Даллес продолжали призывать к «освобождению» Восточной Европы от социализма [71].

Осенью 1956 г. при получении первых же сведений о временных трудностях, возникших в Польше и Венгрии, руководители внешней политики США, расценив их как повод для активизации попыток воплощения в жизнь доктрины «освобождения», еще более усилили вмешательство во внутренние дела этих стран. Основное внимание ими было сосредоточено на призывах к «продолжению борьбы», переведению ее на «более высокую ступень» вооруженной контрреволюции, на подготовке к оказанию ей возможной помощи извне. Особенно значительные масштабы и опасный характер приобрела «психологическая война» американского империализма против Венгрии.

Воспользовавшись тем, что правооппортунистические элементы в Венгрии, которым удалось временно оказаться у власти, стали все явственнее скатываться на путь предательства дела социализма, империалистические круги Запада начали спешно организовывать переброску в страну вооруженных контрреволюционных групп, подстрекать к кровавому террору против коммунистов, к «повороту фронта» против СССР. Именно это подстрекательство послужило одной из главных причин того, что октябрьские события 1956 г. в Венгрии приняли весьма драматический оборот. «Призывы американской радиостанции к венграм,— признавал видный американский дипломат Р. Мэрфи,— помогли вызвать выступление некоторых националистических повстанцев... Впечатление, что наше правительство организовало венгерский мятеж, было, к несчастью, усилено призывом президента Эйзенхауэра» (к борьбе за «освобождение» Венгрии) [72].

Американское вмешательство продолжалось и после того, как созданное социалистическими силами Венгрии рабоче-крестьянское правительство Яноша Кадара вступило в беспощадную борьбу с контрреволюцией и обратилось в связи с этим за поддержкой к Советскому Союзу, связанному с ВНР договором о взаимной помощи. Более того, в Вашингтоне подумывали о том, не попытаться ли пойти на военную интервенцию

---

[71] America and Russia. From Cold War Confrontation to Coexistence/Ed. by G. R. Hess. N. Y., 1973, p. 87.

[72] *Murphy R.* Diplomat among Warriors. N. Y., 1964, p. 429.

США в Восточной Европе, даже с риском вызвать большую войну. Но в конце концов в Белом доме были вынуждены признать, что, учитывая географическое положение Венгрии и наличие у СССР ядерных бомб и средств доставки их через океан, такая авантюра не сулит никаких выгод. Правительство Эйзенхауэра фактически отказалось от доктрины «освобождения» как не соответствующей сложившемуся соотношению сил. Сделать что-либо большее, чем ввести в бой свои подпольно-подрывные кадры, снабдить их оружием и всячески подстрекать к «решительным действиям», американские империалисты не смогли. Австрия и некоторые другие государства прямо предостерегали Вашингтон против любых акций, которые превратили бы венгерские события в международный конфликт. Главное же — решительная помощь Советского Союза народной Венгрии показала, что он не оставит на произвол судьбы своих союзников и сделает все необходимое для защиты социалистических завоеваний венгерских трудящихся.

Все отчетливее проявлялась также авантюристичность даллесовской политики неоколониализма. Особенно острый характер принял кризис этой политики на Ближнем Востоке.

Усиливая 6-й американский флот в Средиземном море, поощряя поставки оружия в Израиль из других стран НАТО и поддерживая Багдадский пакт (но не участвуя непосредственно в нем), правительство Эйзенхауэра вместе с тем пыталось использовать обещания «защиты» и экономической «помощи», в частности Египту, для постройки Асуанской плотины на Ниле, чтобы вовлечь все страны Ближнего Востока в русло своей политики «вооруженного окружения» СССР, его «изоляции» от арабских государств. Но все усилия правящих кругов США подчинить неприсоединившиеся страны Ближнего Востока своему экономическому и стратегическому господству, разорвать их растущие связи с СССР и другими социалистическими государствами оказались тщетными. Египет, Сирия и некоторые другие страны Ближнего и Среднего Востока, продолжая борьбу против старого европейского колониализма, не собирались подчиняться и американскому неоколониализму.

Убедившись в неэффективности прежнего подхода к арабским странам, Вашингтон резко изменил тактику, отказавшись от участия в обещанном ранее финансировании асуанского строительства. Крутой поворот США от обещаний о предоставлении экономической помощи Египту к попытке фактического подрыва основных его хозяйственных планов задел косвенным образом и западноевропейских союзников США, которые владели Суэцким каналом, нефтепромыслами и другими активами на Ближнем Востоке и с которыми Даллес не нашел нужным даже проконсультироваться. В Вашингтоне явно рассчитывали, что если арабские страны вместо капитуляции перед американским шантажом предпримут какие-либо ответные меры, то это в первую очередь затронет Англию и Францию, главных акционеров иностранных предприятий, расположенных в Египте или по соседству с ним. Такие меры подорвали бы в основном позиции западноевропейских держав на Ближнем Востоке и неизбежно втянули бы их в конфликт с арабами, принудили к «совместным действиям» с США, а следовательно, и к значительным уступкам американским империалистам. Иными словами, нанося удар по Египту, правящие круги США при всех возможных поворотах событий и последствиях рассчитывали остаться в выигрыше.

Лишь только правительство Насера в Египте объявило о национализации компании Суэцкого канала (26 июля 1956 г.), Англия и Франция приняли решение, как сообщил об этом Эйзенхауэру британский премьер-министр А. Иден, «быть готовыми в качестве последнего средства к использованию силы». Будучи, таким образом, осведомленными о подготовке военного нападения на Египет, правящие круги США не только не выступили против подобного акта, но с самого начала Суэцкого кризиса действовали, исходя из того, что такое нападение будет осуществлено. Причем, как это видно из письма Эйзенхауэра Идену от 31 июля 1956 г., в предстоящей «быстрой военной акции» не исключалось участие и американских войск. «Мы признаем,— писал президент США,— чрезвычайную важность канала для свободного (читай: капиталистического) мира и возможность того, что в конце концов применение силы может стать необходимым» [73].

Несомненно, что своего рода «двойная игра» даллесовской дипломатии в период Суэцкого кризиса явилась одной из причин, подтолкнувших Англию, Францию и Израиль в конце октября 1956 г. к открытому нападению на Египет в точном соответствии с планами, с которыми американские представители были ознакомлены за несколько месяцев до начала военных действий. Но англо-французские правящие круги просчитались в другом — в позиции СССР, в предположении, что Советский Союз в разгар венгерских событий не окажет эффективной поддержки египетскому народу в его борьбе против интервентов.

Решительное выступление Советского Союза 31 октября в защиту Египта, его предупреждения агрессорам спутали все планы империалистов не только в Лондоне и Париже, но и в Вашингтоне. Сразу сделались беспредметными все их надежды на быстрое и успешное проведение «полицейской карательной экспедиции», ограниченной зоной Суэца. Ободренный поддержкой и помощью со стороны социалистических, арабских и других миролюбивых государств, египетский народ продолжил борьбу против агрессоров. Пламя разожженного империалистами конфликта грозило теперь охватить весь Ближний Восток и уничтожить не только англо-французские, но и американские нефтяные и прочие предприятия в этом районе. «Нам следует остановить это прежде, чем все мы будем сожжены дотла»,— откровенно заявил один из высокопоставленных деятелей госдепартамента, предвидя неизбежные катастрофические последствия вооруженного вмешательства США в события [74].

Недовольство Вашингтона тем, что его западноевропейские союзники увязли в суэцкой авантюре вместо более активной поддержки вмешательства США в дела Восточной Европы, оказалось, очевидно, еще одним важным фактором, побудившим его публично выступить против дальнейшего продолжения войны на Ближнем Востоке. «Я очень бы желал,— откровенно пояснял государственный секретарь,— сконцентрировать внимание мирового общественного мнения исключительно на том, что произошло в Венгрии» [75].

Сперва в Совете Безопасности, а затем на Генеральной Ассамблее ООН представители США «осудили» в начале ноября 1956 г. англо-франко-

[73] *Eisenhower D. D.* Waging Peace, 1956—1961. Garden City, 1965, p. 664.
[74] *Murphy R.* Op. cit., p. 391.
[75] *Berding A. H.* Op. cit., p. 110—111.

израильскую агрессию против Египта[76]. Это осуждение было, однако, лишь вынужденным тактическим ходом даллесовской дипломатии, сделанным в момент, когда провал тройственной интервенции уже был предрешен в результате сопротивления арабов, решительных действий СССР и других свободолюбивых народов. Оно носило чисто декларативный характер и не было подкреплено какими-либо конкретными мерами со стороны США против агрессоров. Более того, оно было использовано для их отказа от таких мер, предложенных СССР. Публичное отмежевание от военных акций Англии и Франции со стороны США сопровождалось тайным заверением в понимании их «обид» на президента Насера, в стремлении сохранить сотрудничество со своими друзьями по НАТО. В доказательство этого американские монополии проявили, в частности, особую заботу о бесперебойном снабжении их нефтью в обход блокированного в результате войны Суэцкого канала.

Разгром контрреволюционного мятежа в Венгрии и крах тройственной агрессии против Египта показали прежде всего, что попытки международного империализма предпринять открытое контрнаступление против сил социализма и национального освобождения обречены на поражение, что доктрины «освобождения» и «массированного возмездия» все больше разоблачают себя в глазах миллионов людей, что разрыв между официальными целями и реальными возможностями американской внешней политики становится все глубже. Однако правительство США предпочитало игнорировать эти уроки.

5 января 1957 г. президент США обратился со специальным и срочным посланием к конгрессу, в котором подробно изложил намерения и методы действий правящих кругов США в отношении Ближнего и Среднего Востока. Новая доктрина вошла в историю под именем ее автора — Эйзенхауэра. По существу, она излагала под региональной вывеской основы намеченной глобальной американской политики на второй срок пребывания Эйзенхауэра в Белом доме.

Исходным пунктом послания Д. Эйзенхауэра явились стандартные обвинения в адрес СССР в стремлении добиться господства в районе Ближнего Востока, имеющем жизненно важное значение для стратегических, торговых, транспортных, энергетических, сырьевых и даже религиозных интересов США и их союзников. «Этот район,— говорил американский президент,— всегда был перекрестком континентов Восточного полушария. Суэцкий канал дает возможность странам Азии и Европы вести торговлю, которая необходима, чтобы эти страны сохранили свою уравновешенную и процветающую экономику. Ближний Восток обеспечивает сообщение между Евразией и Африкой. Он содержит около $^2/_3$ известных в настоящее время мировых запасов нефти и обычно покрывает потребности в ней многих государств Европы, Азии и Африки...» С целью «спасения» стран Ближнего Востока от угрозы «советского коммунизма» Эйзенхауэр просил конгресс разрешить действовать по трем основным направлениям: сотрудничать с арабскими государствами «в развитии экономической силы для сохранения национальной независимости», «предпринять программы военной помощи и сотрудничества» и, самое важное, использовать «вооруженные силы Соединенных Штатов, чтобы

---

[76] Подробнее см.: *Барышев А. П.* Стратегия Белого дома и ООН. М., 1972, с. 95 и сл.

обеспечить и защитить территориальную целостность и политическую независимость» ближневосточных стран [77].

В Заявлении ТАСС в связи с новой «доктриной Эйзенхауэра» указывалось: «США обещают странам Ближнего и Среднего Востока в 1958 и 1959 бюджетных годах 200 миллионов долларов, тогда как только за один 1955 год американские и английские нефтяные монополии добыли на Ближнем Востоке 150 миллионов тонн нефти, и обошлась она им всего в 240 миллионов долларов, а чистой прибыли они получили на этой нефти 1900 миллионов долларов. Так выглядит на деле американская „благотворительность"» [78].

«Доктрина Эйзенхауэра» была призвана сыграть важную роль в осуществлении антисоветских планов даллесовской дипломатии «окружения» и оказания военного давления на СССР [79]. В какой-то мере «доктрина Эйзенхауэра» была призвана также преодолеть «барьер нейтрализма», возникший перед американской политикой на Ближнем Востоке. Поскольку большинство арабских стран или категорически отказывалось, или просто опасалось вступать в создаваемые Даллесом военно-политические союзы, постольку США теперь выражали готовность взять их односторонним образом под свое «военное покровительство» без каких-либо «формальностей».

Подавляющее большинство арабских стран отвергли «доктрину Эйзенхауэра». Лишь некоторые из них, находившиеся либо под властью реакционно-феодальных правителей, либо в большой военно-политической и финансово-экономической зависимости от США, согласились на получение «помощи» на условиях «доктрины Эйзенхауэра». В то же время независимые арабские правительства и народы усилили свою борьбу как против империализма, так и его агентуры на Ближнем Востоке.

Когда в Ливане проамерикански настроенный президент Шамун попытался сохранить свой пост дольше, чем это было предусмотрено конституцией, большинство ливанского народа выступило против этого и в стране создалась фактически обстановка гражданской войны. Оказавшись в безнадежном положении, реакционное правительство Ливана 14 июля 1958 г. обратилось в Вашингтон с просьбой об американской военной помощи, с тем чтобы попытаться удержаться у власти на штыках интервентов. Непосредственным поводом для высадки американских войск в Ливане (15 июля) и английских в Иордании (17 июля) явилась

---

[77] American Foreign Policy: Current Documents, 1957. Wash., 1961, p. 784—785, 798.

[78] Правда, 1957, 13 янв.

[79] «Глобальная система периферийной безопасности, которую создали США, — писал авторитетный американский военный обозреватель X. Болдуин, — ...предоставляет базы для стратегической воздушной силы, чтобы действовать вплотную к советской территории, и... окружает эту территорию». В этой системе теперь с помощью «доктрины Эйзенхауэра» должен быть прочно закреплен и Ближний Восток, предоставляющий подход морем или по воздуху к центральной России. «Военно-воздушные операции со средневосточных баз или с кораблей 6-го флота, — продолжал Болдуин, — легко (без заправки горючим в воздухе) охватывают Дарданеллы, кавказские нефтяные промыслы... промышленный комплекс Дон—Волга—Южный Урал... В тотальной ядерной войне это преимущество может быть использовано только в течение нескольких часов, но, возможно, они окажутся жизненно решающими. В ограниченной войне эта позиция дает так много стратегических выгод, что будут оправданы интенсивные усилия удержать и защитить ее... Доктрина Эйзенхауэра фактически означает, что наша граница находится ныне на Кавказе» (Foreign Affairs, 1957, July, p. 658—659, 665).

революция 14 июля 1958 г. в Ираке, где восставший народ сверг кровавый монархический прозападный режим Нури Саида и новое правительство генерала Касема объявило о выходе из Багдадского пакта.

Быстрота и скоординированность англо-американской интервенции на Ближнем Востоке говорили о ее тщательно подготовленном характере. На этот раз в отличие от Суэцкого кризиса 1956 г. правящие круги США и Англии полностью согласовали свои действия против национально-освободительного движения арабских народов, по спасению своих позиций на Ближнем Востоке. Американский неоколониализм открыто объединился с британским имперским колониализмом. Как Эйзенхауэр сам объяснял Мэрфи, посылаемому с чрезвычайной миссией в Ливан, морская пехота США должна была продемонстрировать американскую силу народам Ближнего Востока и готовность использовать ее [80].

Открытое вмешательство США во внутренние дела арабских стран и вызванное им новое обострение международной обстановки подняли, однако, бурную волну возмущения во всем мире. Англо-американская интервенция подверглась осуждению со стороны подавляющего большинства развивающихся стран. С решительным предупреждением против ее продолжения выступили СССР и другие социалистические государства. Срочно созванная 8 августа 1958 г. 3-я чрезвычайная сессия ГА ООН потребовала скорейшего вывода всех иностранных войск с Ближнего Востока. В конце октября 1958 г. последние американские части вынуждены были эвакуироваться с территории Ливана, где было достигнуто соглашение между основными политическими партиями о будущей власти в стране и нейтральном внешнеполитическом курсе. Основа даллесовской дипломатии на Ближнем Востоке — «доктрина Эйзенхауэра» с ее ставкой на силу — оказалась, таким образом, основательно дискредитированной.

Острый кризис возник и во взаимоотношениях между США и Латинской Америкой. Все заявления правительства Эйзенхауэра об «успокоении» этого района после интервенции в Гватемале, об установлении «доброго партнерства» между США и их южными соседями оказались обманом общественности и в какой-то мере, очевидно, самообманом. Когда в апреле 1958 г. вице-президент США Р. Никсон отправился в турне по Западному полушарию, в Вашингтоне надеялись, что оно выльется в демонстрацию успеха латиноамериканской политики республиканского правительства. Вместо этого визит вице-президента вызвал серию бурных антиамериканских выступлений, требований радикального пересмотра этой политики, всей системы межамериканских отношений [81].

Встревоженные открытым и резким ухудшением взаимоотношений США с Латинской Америкой видные политики в Вашингтоне прежде всего прибегли к избитой антикоммунистической пропаганде, пытаясь предста-

---

[80] *Murphy R.* Op. cit., p. 363—364.

[81] «Развитие событий в Западном полушарии в 1958 г.,— писал видный американский историк-международник Р. Стеббинс, — оказалось для США наиболее неожиданным сюрпризом со времени запуска „спутника". Общеизвестная американская тенденция „считать гарантированными" понимание и поддержку наших друзей в Канаде и странах к югу от нас была встряхнута негативными манифестациями в обоих этих районах». Все это «были только наиболее острые симптомы того, что оказалось глубоко укоренившимся и всеобщим недовольством политикой США как в экономических, так и в политических вопросах» (*Stebbins R. P.* The United States in World Affairs, 1958. N. Y., 1959, p. 350).

вить это ухудшение результатом... «происков Москвы». Одновременно они попробовали пригрозить латиноамериканцам различными, в том числе военными, санкциями за их выступления против империализма янки. Государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес объяснил причину бурных манифестаций «слабостью» военно-полицейского аппарата в Венесуэле и других латиноамериканских странах. «Существовал своего рода вакуум силы,— заявил он на своем излюбленном языке 20 мая 1958 г.,— который всегда поощряет хулиганствующие элементы (!) к выступлению на передний план» [82].

Но дело было отнюдь не в происках «хулиганствующих элементов»: американские империалисты не могли уже диктовать свою волю латиноамериканским народам. Они оказались не в состоянии, в частности, помешать развертыванию и победе народно-революционной борьбы на Кубе, появлению первой подлинно свободной территории в Западном полушарии. В Вашингтоне предпринимали все возможные меры для спасения кровавого режима Батисты. В одном случае, используя факт временного задержания кубинскими революционерами американских морских пехотинцев, участвовавших в маневрах на Кубе, военные круги США высказались даже за организацию открытой вооруженной интервенции [83].

Военно-интервенционистское «разрешение» гражданской войны на Кубе в пользу своего ставленника, каким бы прогнившим ни являлся его режим, импонировало милитаристским кругам в Вашингтоне. Тем не менее в конкретных условиях 1958 г. они вынуждены были воздержаться от этого. Во-первых, правительство Эйзенхауэра не могло не видеть, что на борьбу против диктатуры Батисты поднялся фактически весь кубинский народ; во-вторых, оно понимало, что у него нет под рукой других сил для организации интервенции, кроме собственно американских войск; в-третьих, оно сознавало, что такая интервенция рискует стать весьма длительным и дорогостоящим во всех отношениях мероприятием; в-четвертых, открытая агрессия США на Кубу грозила довести и так уже большую напряженность в их отношениях с Латинской Америкой до открытого взрыва; наконец, в-пятых, правящие круги США опасались развязывать очередной «горячий» конфликт в момент очевидного изменения соотношения сил в мире в неблагоприятную для них сторону.

Одним из наиболее ярких свидетельств происходящих в целом изменений в мировом соотношении сил в пользу социализма в этот период явился запуск первого советского спутника Земли 4 октября 1957 г.

Прорыв Советского Союза в космос нанес сокрушительный удар по американской глобальной стратегии и имперской идеологии. Успешный запуск советских спутников показал, что неуязвимое стратегическое положение США стало делом прошлого. Важнейший постулат военно-политического мышления американских правящих кругов рухнул. Угрожая теперь кому-либо «массированным возмездием», руководители США волей-неволей должны были считаться, что такое же «возмездие» может обрушиться и на американскую территорию. Той историко-географической

---

[82] American Foreign Policy: Current Documents, 1958. Wash., 1962, p. 372.

[83] «Пентагону, — писал Мэрфи, — так или иначе не нравился ход событий на Кубе. Возрастающая смелость партизан, казалось, задевала американскую безопасность (?) в Карибском районе, и флот рекомендовал немедленную интервенцию на Кубу» (*Murphy R.* Op. cit., p. 369—370).

«традиции», согласно которой вооруженные силы США могли воевать везде, где угодно, за исключением собственной страны, остававшейся неприкосновенной для военных действий, пришел конец. А вместе с ним неизбежно должно было начаться определенное отрезвление от одурманивающего «величия и безнаказанности американской силы».

Сведя послевоенную политику преимущественно к военным категориям, сделав силу в ее наиболее осязаемых выражениях основным символом международного влияния, правящие круги США в известной мере сами подготовили одно из наиболее драматических собственных поражений в области внешней политики, дипломатии и пропаганды. «Запуск двух искусственных спутников Земли Советским Союзом 4 октября и 3 ноября 1957 г.,— признавал Р. Стеббинс,— явился крутым поворотным пунктом в международных отношениях, так же как и важным достижением в постепенном покорении человеком его физического окружения. Столь изумительная демонстрация научной и инженерной доблести со стороны державы, в общем расценивавшейся как далеко отставшей от Запада в технологических достижениях, обеспечила СССР и международному коммунизму всемирно широкую психологическую победу первого ранга. Вдобавок она вызвала серьезные сомнения относительно адекватности военных, политических и экономических приготовлений, на которые западные державы до сих пор полагались» [84].

Первая реакция правящих кругов США на запуски советских межконтинентальных ракет и спутников сводилась к попыткам рассматривать их как чисто военные достижения и доказать, якобы они не означают никакого изменения в соотношении сил между СССР и США. Однако, противореча самому себе, правительство Эйзенхауэра поспешило принять ряд мер, направленных на ускоренное развитие ракетных и других военных программ, а также на улучшение всей постановки дела образования и научных исследований в стране. В то же время оно срочно форсировало различные мероприятия по «укреплению обороны свободного мира» и утверждению в нем так называемого «принципа взаимозависимости», обозначавшего на деле новую попытку мобилизовать и поставить на службу американскому империализму ресурсы других капиталистических стран. Как подчеркивалось в совместной англо-американской «Декларации об общей цели», подписанной на встрече Эйзенхауэра с премьер-министром Великобритании Макмилланом в конце октября 1957 г., «страны свободного (т. е. капиталистического.— *Авт.*) мира взаимосвязаны, и только в подлинном партнерстве, объединяя свои ресурсы и разделяя задачи во многих областях, они могут обеспечить для себя прогресс и безопасность» [85].

В конце 1957 г. американская дипломатия добилась в рамках НАТО вслед за Англией согласия также Италии и Турции на размещение на

---

[84] *Stebbins R. P.* The United States in World Affairs, 1957. N. Y., 1958, p. 1. Как раз незадолго до запуска первых советских спутников группой американских ученых во главе с помощником президента по вопросам науки и техники Киллианом был подготовлен доклад, который рекомендовал, в частности, «с помощью технологических нововведений продолжать наращивать нашу (т. е. США.— *Авт.*) мощь возмездия...» (*Killian J. R., Jr.* Sputnik, Scientists, and Eisenhower. A Memoir of the First Special Assistant to the President for the Science and Technology. Cambridge (Mass.), 1977, p. 71—75).

[85] American Foreign Policy: Current Documents, 1957, p. 6.

их территории атомных ракет средней дальности «Тор» и «Юпитер», которое она начала планировать еще в 1954—1955 гг.[86] Далее она заключила соглашения со своими союзниками об установлении между ними и США тесного научно-технического сотрудничества, пообещав со своей стороны поделиться атомными секретами и оружием.

В условиях изменившегося соотношения сил, в том числе военных, в пользу социализма западноевропейские страны стали, однако, опасаться не столько мифической «советской», сколько реальной американской угрозы. Авантюристические действия Вашингтона, в том числе далеко за пределами Европы, могли бы втянуть их в конфликт, грозящий всеобщей войной. Это означало, что новые изменения в соотношении сил между СССР, США и Западной Европой, утрата Соединенными Штатами стратегической неуязвимости побудили западноевропейские страны к проведению более маневренной и независимой от США политики, к выдвижению встречных предложений и контрпретензий к своему американскому партнеру, обладавшему столь большой и опасной властью над ними.

Правительство генерала де Голля, в частности, не только отказалось от предоставления территории Франции под американские ракетные базы, но и направило 24 сентября 1958 г. специальный меморандум Эйзенхауэру и Макмиллану, в котором требовало создания своего рода директората трех держав — США, Великобритании и Франции — внутри НАТО для координации политики Запада в глобальных масштабах, а также для принятия решений о применении атомного оружия в случае войны. Не довольствуясь этим, Франция осуществляла ряд мер для вывода своих вооруженных сил из-под командования НАТО и для создания собственного атомного оружия. Правительство Эйзенхауэра отклонило предложения де Голля и открыто выступило против проводимых им военно-политических мероприятий.

Растущую критику в Западной Европе вызывала политика США в отношении ГДР. Реальным путем к укреплению безопасности и мира в центре Европы могло стать только признание факта существования наряду с ФРГ и другого суверенного германского государства — ГДР, установление равноправных отношений между ними и всеми остальными странами, признание установленных после второй мировой войны европейских границ, обуздание роста притязаний западногерманских милитаристов и реваншистов. Нормализации требовала и ситуация в Берлине, восточная часть которого является столицей ГДР, а западная, расположенная на ее территории, стала центром подрывной деятельности империалистов против социалистических стран.

Не желая пассивно смотреть на опасное развитие событий в Европе, правительство СССР в ноябре 1958 г. выступило с предложением о нормализации положения в Западном Берлине, а затем и о заключении германского мирного договора [87].

Правительство Эйзенхауэра вначале резко отрицательно реагировало на советскую инициативу. Более того, Вашингтон вновь попытался прибегнуть к угрозе термоядерной войны, чтобы подкрепить «жесткость» американской позиции по германскому, берлинскому и другим острым

[86] *Killiam J. R., Jr.* Op. cit., p. 67—79.
[87] Правда, 1958, 28 нояб.; см. также: История дипломатии, т. 5, кн. 2, с. 493—498.

международным вопросам. Однако это была попытка, заранее обреченная на неудачу. Она не только привела к очередному обострению всей международной обстановки, и прежде всего американо-советских отношений, но и вызвала столь мощное противодействие самых различных сил — социалистических государств, многих неприсоединившихся стран, некоторых союзников США, мировой и части американской общественности, наконец, даже отдельных группировок в самих правящих кругах США, что определенное изменение американской дипломатии и тактики по ряду важнейших международных вопросов стало неизбежным.

Летом 1959 г. после долгого перерыва в Женеве были возобновлены переговоры министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции по германскому вопросу. Тогда же была достигнута договоренность об обмене первыми после второй мировой войны визитами на высшем уровне между государственными деятелями Советского Союза и Соединенных Штатов. Эти переговоры и состоявшиеся обмены визитами сами по себе способствовали известному улучшению международной обстановки, усилению надежд народов на упрочение мира. В ходе их с советской стороны было сделано немало практических предложений об урегулировании спорных проблем, препятствовавших установлению нормальных, мирных и равноправных отношений между СССР и Соединенными Штатами.

1 декабря 1959 г. между СССР, США, Англией, Францией, Австралией, Аргентиной и другими заинтересованными странами был подписан Договор об Антарктике, согласно которому шестой ледовый континент земного шара мог быть использован только в мирных целях. На какие-либо другие соглашения правительство Эйзенхауэра не пошло. Более того, оно сделало все, чтобы подорвать возможность признания принципа мирного сосуществования как основы американо-советских отношений. Как это стало вскоре ясным, ответ правительства Эйзенхауэра на мирное наступление Советского Союза, начатое после XX съезда КПСС, свелся, по существу, к тактическому курсу на создание видимости какой-то «активности», перемен и «новизны». На деле сохранялись в неприкосновенности почти все основные цели и позиции США в международных отношениях.

Одним из маневров, предпринятых Вашингтоном, явилась своего рода «личная дипломатия» Эйзенхауэра в 1959—1960 гг. (после смерти государственного секретаря Даллеса). Она сопровождалась усиленной пропагандой «миролюбия» США. На деле турне Эйзенхауэра в 1959—1960 гг. по Западной Европе и Азии, а затем Латинской Америке были использованы не только для «психологического контрнаступления», но и для различных закулисных переговоров, предназначенных поддержать «холодную войну». Свои встречи в Италии, например, президент США использовал для дальнейшего втягивания этой страны в гонку вооружений, пообещав в обмен за размещение на ее территории ракет «Юпитер» рассмотреть вопрос об увеличении военной помощи.

Под давлением Пентагона и Комиссии по атомной энергии 29 декабря 1959 г. Эйзенхауэр объявил, что после Нового года США будут считать себя свободными от обязательства не проводить атомных испытаний. 18 февраля 1960 г. новый государственный секретарь США К. Гертер подчеркнул, что, несмотря на все угрозы, которые влечет за собой гонка вооружений, особенно атомных, США все же считают их «меньшими,

чем опасности, которые возникли бы, если бы мы вступили в ненадежное соглашение о контроле над вооружениями» [88].

Для предстоящего совещания в верхах в Париже правящие круги США начали готовить «пакет», который содержал в себе буквально все заведомо неприемлемые для другой стороны американские предложения по разоружению, германскому вопросу и т. д. 2 мая 1960 г. конгресс принял резолюцию о «порабощенных народах», призывавшую Эйзенхауэра добиваться благоприятных для капитализма изменений в европейских социалистических странах. Наконец, американское правительство продолжало засылку в небо над Советским Союзом шпионских самолетов. 1 мая 1960 г. один из таких самолетов, пилотируемый летчиком Пауэрсом, был сбит в воздушном пространстве над Свердловском.

После того как лицемерные и путаные заявления американских властей о якобы «научно-исследовательской миссии» самолета-разведчика У-2 были разоблачены, президент Эйзенхауэр взял на себя всю ответственность за шпионские полеты над СССР и заявил, что они проводились и будут проводиться в интересах «безопасности США», поскольку-де Советский Союз отклонил американский план «открытого неба». Вместо того чтобы осудить практику нарушения суверенных прав СССР, Вашингтон накануне открытия конференции в Париже 15 мая 1960 г. объявил состояние тревоги в вооруженных силах США и на их базах за границей. Предприняв все эти действия, правительство Эйзенхауэра, по признанию видного деятеля демократической партии Э. Стивенсона, «сделало успешные переговоры с русскими, имеющие жизненно важное значение для нашего существования, невозможными, пока оно находится у власти» [89].

Неудача «личной дипломатии» Эйзенхауэра была отнюдь не случайной. Слишком велико было несоответствие между «миролюбивой» формой и старым содержанием внешней политики США. Само по себе смягчение воинствующей риторики и авантюристических лозунгов предшествующих лет было очевидным симптомом нарастающего кризиса американской дипломатии. Но лавирование президента не могло скрыть новых провалов американской политики весной 1960 г. в самых различных районах земного шара — от Южной Кореи, где была свергнута диктатура Ли Сын Мана, до Турции, в которой пало правительство Мендереса — другого верного союзника США.

В Японии ушло в отставку правительство Киси, только что протащившее через парламент еще один договор о предоставлении США права содержать свои войска и базы на японской территории. Размах борьбы японского народа против этого договора оказался столь мощным, что правительство Киси вынуждено было просить президента Эйзенхауэра, уже прибывшего на Филиппины, отменить свой визит в Японию. В августе 1960 г. во Вьетнаме и Лаосе вспыхнуло восстание, направленное против посаженных у власти американцами реакционных кругов. В Южном Вьетнаме к концу 1960 г. был сформирован Национальный фронт освобождения (НФОЮВ), возглавивший борьбу широких народных масс против кровавого режима Нго Динь Дьема и американского неоколониализма.

---

[88] Documents on American Foreign Relations, 1960/Ed. by R. P. Stebbins. N. Y., 1961, p. 188.

[89] New York Times, 1960, May 20.

Раздраженное своими неудачами, правительство Эйзенхауэра попыталось снова прибегнуть к силе и «кризисной дипломатии». Оно форсировало наращивание ракетно-ядерного арсенала США, усилило свое вмешательство во внутренние дела стран Индокитая, Латинской Америки и Африки. Была начата подготовка вооруженного нападения на Кубу. Американская дипломатия сделала все, чтобы придать проимпериалистический характер миссии ООН в Конго, первоначально предпринятой по просьбе законного правительства этой страны и с одобрения Совета Безопасности с целью положить конец агрессии бельгийских колонизаторов. Использовав агентуру ЦРУ и захватив с помощью тогдашнего генерального секретаря ООН Хаммаршельда руководство этой миссией, правящие круги США добились того, что она стала осуществляться в полном соответствии с их империалистическими устремлениями, а не просьбами премьер-министра Конго Патриса Лумумбы. Это привело в конце концов к свержению его правительства и злодейскому убийству самого Лумумбы, к новому вторжению в страну колонизаторов.

Стремясь удержаться везде, где только можно, на старых рубежах «холодной войны», правительство республиканцев не смогло избегнуть многочисленных поражений в своей внешней политике. Это сыграло определенную роль в том, что шансы демократической партии накануне выборов 1960 г. оказались несколько предпочтительнее.

4. ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ. ОБЪЕДИНЕНИЕ АФТ И КПП

Развитие рабочего движения в 50-е годы происходило в условиях обостряющихся противоречий мирового капитализма. Советские исследователи отмечали: «Для капиталистической системы вторая половина 50-х — начало 60-х годов стали периодом глубоких внутренних и внешних потрясений. Заметные изменения произошли и в соотношении сил, во взаимоотношениях внутри системы капитализма, наметилось долговременное снижение удельного веса США в экономике империализма в пользу западноевропейского и японского империалистических центров при сохранении, однако, места США в политике империализма и даже одновременном усилении их военной роли в капиталистической системе... Превращение социализма в ведущий и необратимый фактор мирового развития, другие позитивные перемены в мире изменили соотношение классовых сил не только в международном масштабе, но и через эту сферу также и внутри капиталистических стран. Оно породило глубокие сдвиги в социальной политике буржуазии, вынудило ее приспосабливать отношения со „своим“ рабочим классом к новой ситуации в мире..» [90].

Темпы роста промышленного производства в США со второй половины 50-х годов значительно замедлились. Сказывалось снижение воздействия высокой военной конъюнктуры в годы войны в Корее, а также начавшиеся процессы технического перевооружения американской промышленности. Главным фактором социально-экономического развития США стала научно-техническая революция, которая проявилась в автоматиза-

[90] Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1981, т. 6, с. 121—122, 123.

ции промышленных процессов, в расширенной замене ручного труда машинным, появлении новых технологий, первых ЭВМ и т. д. Научно-техническая революция повлекла за собой изменения характера труда и отношений в процессе производства [91]. Она вызвала быстрый рост инженерно-технических кадров и заметно сократила потребность в неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих.

Другим важным фактом стал рост занятости в сфере торговли, услуг, в финансовых и страховых учреждениях и на государственной службе. В 1955 г. в несельскохозяйственных отраслях были заняты 49,4 млн. человек. Из них самую большую часть составлял фабрично-заводской пролетариат — 16,6 млн. Следующую по численности группу представляли трудящиеся, занятые в сфере торговли,— 10,7 млн. На государственной службе находились 6,9 млн. человек, в сфере обслуживания — 5,6 млн., на транспорте — 4 млн., в строительстве — 2,5 млн., в финансовых учреждениях — 2 млн.[92] Таким образом, торгово-конторский пролетариат превысил численность фабрично-заводского пролетариата. Это ставило перед рабочим движением нетрадиционные проблемы в плане вовлечения в профсоюзы новых отрядов рабочего класса и развития соответствующих форм и методов борьбы за насущные интересы трудящихся.

Прямым последствием автоматизации промышленности США в 50-е годы стало обострение проблемы занятости, тесно связанной с вопросами изменения квалификационной структуры рабочей силы. Так, в автомобильной промышленности за 1947—1960 гг. продукция возросла в 1,5 раза, а число рабочих сократилось на 3%. Резкое сокращение занятости произошло в угольной промышленности. В электронной промышленности в 1947—1956 гг. производство возросло на 325%, а занятость — только на 50% [93]. Уменьшение занятости в традиционных отраслях промышленности (угольная, сталелитейная и др.) не покрывалось ростом числа трудящихся в новейших отраслях. Выросла безработица, которая в период кризиса 1957—1958 гг. достигла 6% рабочей силы [94].

Профсоюзное движение оказалось неподготовленным к динамическому развитию в условиях начавшегося технологического переворота. Уже в конце 40-х годов резко сократился рост его численности. Правда, в годы американской агрессии в Корее число членов профсоюзов увеличилось почти на 2,5 млн., составив к концу 1953 г. 16 948 тыс. (исключая Канаду), но затем до 1960 г. уже не происходило никакого существенного прироста и даже началось сокращение их численности [95]. Положение усугублялось тем, что отношения между АФТ и КПП характеризовались долголетним соперничеством, переходившим временами в открытую вражду, ослаблявшую силу и моральный авторитет рабочего движения. Это соперничество двух профцентров отвлекало внимание рабочих от борьбы с классовым противником.

Попытки объединить оба профцентра предпринимались еще в 30-е годы. Первая из серии конференций, обсуждавших возможность объединения, состоялась в 1937 г., еще до формального образования КПП. Затем, уже в 1939 г. и в 1941—1943 гг., проводились встречи предста-

---

[91] *Гаузнер Н. Д.* Указ. соч., с. 22.
[92] The American Workers' Fact Book, 1956. Wash., 1957, p. 18.
[93] *Шишкин П. А.* Классовая борьба в США, 1955—1968 гг. М., 1972, с. 92.
[94] AFL—CIO News, 1960, Nov. 12.
[95] Handbook of Labor Statistics, 1968. Wash., 1968, p. 300.

вителей АФТ и КПП [96]. Однако они заканчивались безрезультатно и не возобновлялись вплоть до окончания второй мировой войны. В самом конце 1946 г. президент КПП Мэррей в письме к президенту АФТ Грину обратился с предложением провести конференцию для рассмотрения вопроса о сотрудничестве двух организаций [97]. Исполнительный совет АФТ ответил положительно. Выступая на заседании комитета, У. Грин подчеркнул, что необходимость достижения единства «велика, как никогда прежде, из-за антирабочего движения в конгрессе, в законодательных собраниях штатов», которое поддерживается «Национальной ассоциацией предпринимателей и другими реакционными группами» [98].

Бесспорно, складывалась благоприятная возможность для объединения АФТ и КПП. Решение этой задачи в такой ответственный момент могло бы внести существенные коррективы в соотношение классовых сил в стране. Однако состоявшиеся 2 мая 1947 г. переговоры представителей АФТ и КПП во главе с У. Грином и Ф. Мэрреем показали, что организации по-разному понимают процесс объединения. Если АФТ предлагала прямое «безоговорочное» присоединение профсоюзов КПП к АФТ, то КПП считал, что объединение должно носить постепенный характер с предварительным решением ряда вопросов. Так, представители КПП предлагали сначала разработать соглашение «о прекращении рейдов» одних профсоюзов против других, создать систему арбитража для решения конфликтов в области юрисдикции профсоюзов, полностью признать законность производственного принципа организации профсоюзов, создать специальный объединенный комитет политических действий и т. д.

АФТ отвергла все эти предложения КПП и отказалась даже от того, чтобы в качестве первого шага к единству предпринять совместные действия против реакционного антирабочего законодательства [99]. Не удивительно, что новая попытка возобновить переговоры об объединении АФТ и КПП, предпринятая по инициативе Мэррея весной 1950 г., как и предыдущие, закончилась неудачей. В то же время на этой встрече был сделан значительный шаг вперед в отношении сотрудничества и сближения АФТ и КПП. Объединительный комитет представителей АФТ и КПП, созданный на переговорах, в заявлении для печати подчеркнул, что обе федерации будут сотрудничать на международной арене, а также в области политических действий и законодательства внутри страны. Было подтверждено взаимное желание продолжать переговоры и консультации для достижения единства [100]. Сами события способствовали ускорению процесса сближения между АФТ и КПП.

Известную роль сыграл приход к власти нового руководства в АФТ и КПП после смерти в ноябре 1952 г. Грина и Мэррея. Впрочем, более существенное значение имели факторы и процессы, затронувшие профсоюзное движение в целом.

В первую очередь изменилось соотношение сил между федерациями. В 1947 г. АФТ и КПП представляли собой примерно равные по численности организации (7578 тыс. и 6 тыс. членов соответственно), однако

[96] Industrial and Labor Relations Review, 1956, Apr., vol. 9, N 3.
[97] M. P. Catherwood Library. Cornell University, Philip Taft Papers, Collection N 541, Box N 5.
[98] Ibid., Philip Taft Papers, Minutes of the Executive Council, AFL, March 22, 1947.
[99] W. Green to Ph. Murray, Letter, July 17, 1947.— Ibid., Philip Taft Papers.
[100] AFL—CIO Statement, July 25, 1950.— Ibid.

в 1953 г. АФТ уже более чем вдвое превышала КПП [101]. Поддавшись нажиму извне, со стороны реакционных сил, ослабленный внутренними конфликтами, Конгресс производственных профсоюзов не только не смог увеличить ряды, но еще и потерял значительное число членов. Это произошло в конце 40-х годов, в период усиления политической реакции в США и начала «холодной войны».

АФТ воспользовалась ослаблением активной роли КПП. При этом необходимо отметить, что уже в годы второй мировой войны и в послевоенный период АФТ усилила кампанию за организацию профсоюзов и на базе производственного принципа. В 1955 г. в АФТ из 123 профсоюзов 88 были чисто цеховыми профсоюзами. Но их численность (5201 тыс.) составляла лишь 49% общего числа членов федерации. В основном это были небольшие организации (от 5 тыс. до 10 тыс. членов) или же совсем маленькие.

Многие старые цеховые профсоюзы АФТ с развитием массового машинного производства и превращением ранее квалифицированных специальностей в массовые стали привлекать в свои ряды полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих по отраслевому принципу. Так было в Межнациональной ассоциации механиков, в профсоюзах электриков, кузнецов и т. д. Восемь профсоюзов этой категории в рассматриваемый период объединяли 2316 тыс., или 21% численности АФТ [102].

Таким образом, к середине 50-х годов АФТ по своему организационному строению приблизилась к КПП. Споры и конфликты вокруг вопроса, какой быть организационной структуре профдвижения, утратили остроту. Следует добавить, что поправение лидеров КПП, изгнание ими прогрессивных профсоюзов, усиление антикоммунизма в идеологии и практике этой организации, ее выход в 1949 г. из Всемирной федерации профсоюзов и образование совместно с АФТ и другими реформистскими профсоюзами так называемой Всемирной конфедерации свободных профсоюзов делали консервативных вождей АФТ более восприимчивыми к идее объединения профцентров под эгидой правого крыла профдвижения и его новой генерации гомперсистских вождей.

Решение возобновить переговоры об объединении руководство АФТ и КПП приняло уже в конце 1952 г. Тогда же были назначены члены делегаций от обеих федераций для участия в работе объединительного комитета АФТ—КПП. Первое заседание этого комитета состоялось в Вашингтоне 7 апреля 1953 г., а вскоре было подготовлено и подписано Соглашение о предотвращении рейдов [103], в котором содержалось обязательство АФТ и КПП не участвовать «в рейдах» друг против друга, а все конфликты решать при помощи беспристрастного третейского судьи.

Быстрый прогресс в решении проблемы «рейдов» позволил сразу же приступить к разработке и обсуждению Соглашения об объединении, которое было достигнуто 9 февраля 1955 г.[104] В соглашении подробно

---

[101] Handbook of Labor Statistics, 1968, p. 300.
[102] *Bambrick J., Jr., Haas G.* Handbook of Union Government, Structure and Procedures National Industrial Conference Board. N. Y., 1956, p. 23.
[103] Industrial and Labor Relations Review, 1954, Oct., vol. 8, N 1, p. 19.
[104] Ibid., 1956, Apr., vol. 9, N 3.

излагались условия объединения АФТ и КПП, принципы управления и структура объединенной федерации, финансовые вопросы и т. п.

Важным шагом на пути объединения стало принятие устава объединенной федерации. В соответствии с этим документом единая организация приняла наименование Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов (АФТ—КПП). Объединенный комитет АФТ и КПП представил проект нового устава уже 2 мая 1955 г. Исполнительный совет АФТ утвердил проект 4 мая, а 7 мая Исполком КПП принял аналогичное решение. Результаты работы объединенного комитета и документы, выработанные в ходе его работы, были одобрены съездами АФТ и КПП соответственно 1 и 2 декабря 1955 г.[105] Официальное объединение состоялось на первом Учредительном съезде АФТ и КПП 5 декабря 1955 г. в Нью-Йорке. Съезд утвердил устав и другие документы и избрал руководящие органы федерации. Более многочисленная по составу АФТ получила пропорционально большую долю в руководстве АФТ—КПП. Президентом и секретарем-казначеем были избраны Дж. Мини и У. Шнитцлер. Согласно уставу был создан Исполнительный совет АФТ—КПП, в который вошли президент, секретарь-казначей и 27 вице-президентов [106].

Создание АФТ—КПП и принятые Учредительным съездом основные документы федерации зафиксировали изменения, произошедшие в профсоюзном движении США к середине 50-х годов. Примером в этом смысле является преамбула устава АФТ—КПП, где сформулированы цели и задачи организации. Она значительно отличалась от аналогичных документов АФТ и КПП, принятых ранее.

Самая ранняя редакция преамбулы устава АФТ, принятая в 1878 г. и сохранившаяся до середины 50-х годов XX в., носила ярко выраженный классовый характер. В ней говорилось о борьбе во всех странах «между угнетателями и угнетенными»... «между капиталистом и рабочим, интенсивность которой растет из года в год и которая принесет гибельные результаты миллионам трудящихся, если они не объединятся для взаимной защиты и выгоды» [107]. В новом уставе объединенной организации АФТ—КПП не нашлось места классовым формулировкам. К 50-м годам нашего века реформистские, соглашательские принципы стали основой деятельности и АФТ, и КПП. Вместе с тем в преамбуле нового устава АФТ—КПП содержалось признание широкой социальной ответственности профсоюзов и их важной общественной роли. Это положение преамбулы имело позитивное значение. Оно символизировало отход от узкой, сектантской позиции «чистого и делового» тред-юнионизма. Даже консервативное руководство АФТ вынуждено было пойти на более широкую трактовку целей и задач профсоюзов, их роли и места в американском обществе.

После объединения с точки зрения решения внутренних проблем профдвижения на первый план выдвинулись вопросы этической практики и расовой дискриминации. Коррупция, злоупотребления профсоюзными фондами со стороны отдельных лидеров были не новой и далеко не

---

[105] Daily Labor Report, 1955, Dec. 3.
[106] Industrial and Labor Relations Review, 1956, Apr., vol. 9, N 3.
[107] Constitution of the American Federation of Labor as Adopted at the Seventy-Third Convention Held at Los Angeles (Cal.), September 20—27, 1954.

простой проблемой. И само по себе стремление очистить профсоюзное движение от рэкетиров и уголовных элементов было похвальным. Оно говорило об определенной демократизации массового профсоюзного движения в США. Никогда прежде профсоюзное движение в таких масштабах и так резко не выступало против этого зла. Однако руководство АФТ—КПП повело дело таким образом, что вскоре профсоюзное движение попало в ловушку, расставленную ему реакционными, антипрофсоюзными силами.

Воспользовавшись промахами пропагандистской кампании профсоюзов, реакция ловко использовала проблему коррупции для дискредитации и ослабления профсоюзного движения. В послевоенные годы конгрессом США и другими органами власти неоднократно проводились различные «расследования» нарушений законности в профсоюзах. Но после объединения АФТ—КПП сначала сенатский комитет по труду, затем специальный комитет во главе с сенатором Маклелланом развязали настоящую психологическую войну против профсоюзов. В течение четырех лет реакционеры раздували антипрофсоюзные настроения в стране. Антирабочий закон Лэндрема—Гриффина еще более усилил вмешательство государства во внутренние дела профсоюзов [108].

Вместо того чтобы дать отпор проискам реакции, разобраться в обстановке и предпринять самостоятельные действия, не нанося ущерба профсоюзному движению, Исполком АФТ—КПП поспешно согласился с огульными выводами комитета Маклеллана [109] и объявил об исключении из профобъединения союзов булочников и кондитеров, рабочих прачечных, химической чистки и окраски и профсоюза водителей грузовых машин, крупнейшего в АФТ—КПП. Общая численность исключенных профсоюзов составила более 1,7 млн., или свыше 10% численности АФТ—КПП. Эта акция не решила проблемы коррупции, но серьезно ослабила профсоюзное движение, нанеся ему большой моральный урон.

Более того, руководство АФТ—КПП под нажимом реакционных кругов под флагом похода за высокие этические принципы тред-юнионизма развернуло широкую кампанию против прогрессивных сил в профсоюзном движении, поставив на одну доску коммунистов и рэкетиров. В порыве показного «патриотизма» федерация придала своей антикоммунистической деятельности глобальный характер. Эмиссары АФТ—КПП, выполняя задания ЦРУ, разъезжали по странам Европы, Азии и Африки, добиваясь раскола зарубежных профцентров, исключения из них левых прогрессивных профсоюзов и т. д.[110] Особую активность в этом направлении АФТ—КПП проявляла в странах Латинской Америки [111].

Антикоммунизм и соглашательство лидеров профобъединения уводили профсоюзы в сторону от решения реальных и сложных социально-экономических проблем, стоявших перед профсоюзным движением. Например, в первые четыре года деятельности АФТ—КПП очень мало уделяла внимания вопросам социальных последствий научно-технической революции в условиях капиталистического производства, в частности автомати-

---

[108] *Андросов В. П.* Профсоюзы США в условиях государственно-монополистического капитализма. М., 1971, с. 91.
[109] Report of the Executive-Council of the AFL—CIO. Second Convention, Atlantic City (N. Y.), December 5, 1957, p. 94—96.
[110] Проблемы современного профсоюзного движения в США. М., 1970, с. 128.
[111] *Radosh R.* American Labor and United States Foreign Policy. N. Y., 1969.

зации. Между тем эти проблемы прямым образом сказывались на состоянии профсоюзного движения, на его численности. В этой области дела обстояли явно неблагополучно. Профсоюзное движение в конце 50-х годов находилось в состоянии застоя. Достигнув пика в начале 50-х годов, численность профсоюзов перестала расти. В 1956 г. численность профсоюзов в США составляла 17 490 тыс., но в 1958 г. она сократилась до 17 029 тыс., а в 1961 г.— до 16 303 тыс. Бóльшая часть членов профсоюзов была сосредоточена в старых отраслях, которые развивались в меньшей степени, чем новые, где профсоюзы были очень слабы.

Одним из самых перспективных региональных направлений для распространения влияния профсоюзов был Юг США. Однако создание профсоюзов в этом районе требовало решения многочисленных проблем, и в первую очередь искоренения расовых предрассудков и дискриминации в самом профдвижении. Проблема в полный рост встала перед профсоюзами еще в начале 50-х годов, но они не были готовы к ее решению.

Вместе с массовым перемещением черных из южных штатов в промышленные центры Севера и Северо-Востока и других районов страны раздвинулись и географические границы переносимых с Юга расовых предрассудков и расовой дискриминации. Черные находились в самом бедственном положении в северных индустриальных центрах. Вместе с тем повышение удельного веса негритянского пролетариата, усиление борьбы черных за гражданские права способствовали тому, что негритянская проблема переросла рамки сугубо расовой проблемы и стала острым вопросом для всего рабочего и профсоюзного движения США.

Столкнувшись с этой проблемой в ходе объединения АФТ и КПП, лидеры обоих профцентров вынуждены были уделить ей специальное внимание. Однако в уставе АФТ—КПП этот вопрос был упомянут лишь вскользь. Там говорилось о том, что целью и принципами федерации является «поощрять всех рабочих независимо от расы, вероисповедания, цвета кожи, национальности или происхождения пользоваться в равной мере всеми выгодами, которые дает профсоюзная организация...» [112]. Таким образом, устав не осуждал расовую дискриминацию, в нем не предусматривались никакие санкции против тех профсоюзов, которые отказывались принимать в свои ряды черных. А такие профсоюзы имелись в составе АФТ—КПП.

Хотя в федерации был создан специальный комитет по гражданским правам, его деятельность на первых порах оказалась малоэффективной. Например, в 1958 г. Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения представила в АФТ—КПП обстоятельный доклад о положении негров в профсоюзах. Этот документ сопровождался длинным списком профсоюзов, где практиковалась дискриминация, которая «создавала серьезную угрозу экономическому положению черных. В большинстве своем это были профсоюзы строителей, рабочих бумажной промышленности, связи, электриков и др.» [113] Только в одном братстве железнодорожных клерков имелось 150 местных организаций, которые не принимали в свои ряды черных и цветных [114], хотя президент этого

[112] AFL—CIO Constitution, art II.
[113] Worker, 1959, Sept. 6.
[114] New Leader, 1960, June 20.

братства Дж. Гаррисон являлся членом комитета гражданских прав АФТ—КПП.

Не снимая ответственности с отдельных профсоюзов США за нарушения гражданских прав расово-этнических групп, можно с уверенностью сказать, что они оказались в гораздо меньшей степени подвержены этому злу, чем американское общество в целом. Как и в случае с коррупцией, профсоюзы были, в сущности, не рассадником расовой дискриминации, а ее жертвой. Многие профсоюзные деятели в этот период неоднократно указывали на факты сознательного культивирования предпринимателями расовых предрассудков. Вице-президент АФТ—КПП Дж. Кэри прямо заявил в 1957 г.: «... в последние два-три года предприниматели разработали новые приемы ведения войны против профсоюзов, которые гораздо более порочны, гораздо более бесчеловечны, гораздо более варварские, чем что-либо изобретенное в прошлом... Бизнесмены начали использовать расовую ненависть как средство подавления профсоюзов» [115].

К концу 50-х годов профсоюзы стали активнее проводить борьбу против дискриминации. В 1959 г. уже свыше десятка крупных национальных и межнациональных профсоюзов имели комитеты гражданских прав. 30 мая 1960 г. по инициативе негров — членов профсоюзов в Детройте был создан Американский негритянский рабочий совет, который возглавил вице-президент АФТ—КПП Ф. Рэндолф. Все эти мероприятия способствовали постепенному вовлечению профсоюзов в движение за гражданские права, которое широко развернулось в США в 60-е годы.

Главным инструментом участия АФТ—КПП в политической деятельности во второй половине 50-х годов стал Комитет политического просвещения (КОПЕ), созданный на базе соответствующих органов АФТ и КПП. Возглавили комитет Дж. Макдевитт из АФТ и Дж. Кролл из КПП. Комитет политического просвещения имел аппарат постоянных работников, а также отделения во многих штатах, избирательных округах и во многих местных организациях профсоюзов.

Профсоюзы принимали довольно активное участие в избирательных кампаниях 1956, 1958 и 1960 гг. Но их расчеты редко оправдывались. Значительно чаще итоги политического флирта АФТ—КПП с буржуазными партиями были плачевными. Так, КОПЕ положительно оценил участие профсоюзов и итоги избирательной кампании 1956 г., мотивируя тем, что несмотря на избрание президента-республиканца, большинство в конгрессе завоевали представители оппозиционной партии (демократы) [116]. Это давало профсоюзам надежду (как оказалось, чисто иллюзорную) на удовлетворение части их требований. Однако именно конгресс США, избранный в 1956 г., стал инициатором антипрофсоюзной кампании в связи с работой комитета Маклеллана. В 1958 г. профсоюзы содействовали избранию еще большего числа «своих» кандидатов в конгресс. Из 30 сенаторов, которых поддерживала АФТ—КПП, было избрано 23, а в палате представителей соответственно — 293 и 182 [117]. Но уже в следующем, 1959 г. конгресс принял один из самых реакционных актов — закон Лэндрема—Гриффина. Выборы 1960 г. КОПЕ считал

---

[115] *Carey J.* Democratic Unionism and Social Change.— State Historical Society of Wisconsin, United Packing House Workers of America Papers, Box N 136, p. 10.
[116] Political Memo from COPE, 1956, Nov. 9.
[117] Ibid., 1958, Nov. 17.

полной победой профсоюзов. Дальнейшее же развитие событий показало всю сложность и противоречивость взаимоотношений между профсоюзами и администрацией Кеннеди.

Антикоммунистическая и реформистская идеология и практика лидеров АФТ—КПП, их ошибочные действия в решении внутренних проблем, непоследовательность, инертность, стремление решать все дела путем сговора с предпринимателями, игнорируя массы, поставили профсоюзное движение в конце 50-х годов в исключительно сложное и трудное положение и воспрепятствовали более полному и существенному использованию тех преимуществ, которые давало профсоюзному движению объединение АФТ и КПП. «Характерной чертой объединения АФТ—КПП являлась его двойственность и противоречивость, что отражает, с одной стороны, политическую отсталость рабочего и профсоюзного движения в США, а с другой — говорит об имеющихся потенциальных возможностях для усиления борьбы против монополий» [118].

Американские коммунисты, все прогрессивные силы приветствовали объединение АФТ и КПП как позитивный итог развития событий, но вместе с тем подчеркивали, что новые возможности не могут реализоваться автоматически. Для этого необходима активная борьба. Коммунисты выражали надежду, что рабочие США, почувствовав себя едиными и усилившимися, «потребуют прекращения застоя и развернут наступление по всем фронтам» [119]. Однако эти надежды оправдались лишь частично. Кризис в целом не был преодолен [120]. Профсоюзам так и не удалось достичь подлинного единства. Внутренняя борьба и раздоры продолжались и после объединения. Поэтому проблема единства и возрождения профсоюзного движения на принципиально новых основах оставалась актуальной и в последующие годы.

5. ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ОБОСТРЯЕТСЯ

Образованию межпартийного консенсуса в середине 50-х годов способствовало то, что лидеры демократической партии, прошедшие чистилище маккартизма, всячески подчеркивали лояльность своей партии капиталу. Политическим выражением временного преодоления разногласий в господствующем классе после выборов в конгресс 1954 г. явилось сотрудничество демократов и «эйзенхауэровских республиканцев». Администрация установила прочные связи с лидерами демократов в конгрессе — спикером палаты представителей С. Рейберном и лидером большинства в сенате Л. Джонсоном. Опираясь на их поддержку, Эйзенхауэр стал своего рода «лидером центристского коалиционного правительства» [121]. Эта поддержка до поры до времени позволяла сторонникам «нового республиканизма», и в первую очередь самому правительству, сдерживать напор крайне правого крыла собственной партии.

---

[118] История рабочего движения в США в новейшее время: В 2-х т. М., 1970—1971, т. 2, с. 319.
[119] *Morris G.* American Labor. Which Way? N. Y., 1961, p. 115.
[120] *Green G.* What's Happening to Labor? N. Y., 1976, p. 118.
[121] History of the US Political Parties: Vol. 1—4/Ed. by A. M. Schlesinger, Jr. N. Y., 1973, vol. 4, p. 2996.

Раздоры внутри республиканской партии несколько поутихли, а ее предвыборная платформа 1956 г. представляла по большей части славословие деятельности Эйзенхауэра на посту президента. «Новый республиканизм» президент объявил своим знаменем, посвятив этому специальное выступление в ночь после выборов, когда победа стала очевидной. Президент заявил, что «„новый республиканизм“ показал себя с наилучшей стороны» [122]. Между тем результаты выборов не давали основания для такого оптимизма. В 1956 г. Д. Эйзенхауэр взял верх в 43 штатах, получив 35,6 млн. голосов (457 выборщиков), а Э. Стивенсон — чуть более 26 млн. (соответственно 73 голоса). Однако на выборах в конгресс демократы опять потеснили республиканцев, в палате их перевес достигал теперь 33, а в сенате — 2 мест. Разделенное правление было закреплено. Республиканцы потеряли еще один пост губернатора.

Успех «нового республиканизма» на выборах вовсе не означал, что вся республиканская партия оставалась монолитной. Усиление роли сторонников государственного регулирования вызывало ответную реакцию последователей «твердого индивидуализма». Эти два течения, прежде относительно мирно уживавшиеся внутри одной партии, все дальше расходились между собой. Катализатором зреющего конфликта было обострение экономических проблем. Весной 1957 г. стало очевидным наступление очередного экономического кризиса, принявшего глубокий характер. Кризис означал, что действие благоприятных для американской экономики факторов, прежде всего выгодной конъюнктуры, созданной отложенным спросом и отложенными инвестициями 30-х и 40-х годов, в основном иссякло. С одной стороны, это был типичный циклический кризис, неизбежный при капитализме, с другой — кризис 1957—1958 гг. был в немалой степени спровоцирован политикой правительства в середине 50-х годов.

Достижение сбалансированных бюджетов в 1956 и 1957 финансовых годах привело к образованию свободных средств, которые было решено использовать для сокращения — в целях борьбы с инфляцией — государственного долга. На практике это означало передачу этих средств в руки крупнейших банков — основных держателей правительственных обязательств. Предполагалось прежде всего создать благоприятную психологическую обстановку для частных инвестиций, которые и должны были обеспечить устойчивое развитие американской экономики [123]. Призывы к «нейтральному», «более справедливому распределению налогового бремени», в сущности, означали стремление сократить ставки прогрессивно-подоходного налога на прибыли корпораций.

В результате такой политики с конца 1955—начала 1956 г. постепенно стал увеличиваться разрыв между возраставшими инвестициями предпринимателей, направленными на расширение производства, и уровнем потребления, причем в первую очередь сокращались покупки предметов длительного пользования и жилищное строительство [124]. В полной мере сказались и последствия налоговой политики правительства. Стремление к «твердым деньгам» не остановило роста цен на продукцию крупных

---

[122] Ibid., p. 2994.

[123] Federal Tax Policy for Economic Growth and Stability, Report of the Joint Committee... Wash., 1956, p. 4, 7.

[124] Fiscal Policy Implications of the Current Economic Outlook, Hearings before the Subcommittee on the Fiscal Policy. Wash., 1958, p. 17.

корпораций. Деловая же активность средних и мелких предприятий сократилась. Упали и расходы властей штатов. Создались все предпосылки для особо тяжелого кризиса.

Необходимость борьбы с кризисом заставила республиканцев обратиться к тому же комплексу мер, которые были опробованы в 1953—1954 гг.,— понижению обязательного уровня резервов в банках ФРС, либерализации кредита, понижению учетных ставок. Но теперь все эти меры пришлось применять в гораздо большем масштабе, они требовали более крупных правительственных расходов. Кризис и возвращение к дефицитному финансированию означали поражение всей экономической политики правительства.

Назревавшие в республиканской партии разногласия обострились. Шаткое равновесие, с трудом сохраняемое после президентских выборов, начало рушиться уже весной 1957 г. Поводом послужили дебаты вокруг проекта бюджета, предложенного администрацией. Выступление министра финансов Дж. Хэмфри, в конце концов вышедшего в отставку в знак несогласия с политикой правительства, послужило сигналом для массированной атаки сторонников «твердого индивидуализма» на администрацию и ее концепции. Для начала был подвергнут критике термин «новый республиканизм». Это вынудило Эйзенхауэра заявить новому председателю национального комитета республиканской партии М. Алкорну о готовности отказаться от этого термина, поскольку собственные взгляды президента — это прежде всего «твердый здравый смысл» [125]. С критикой администрации выступал и рупор республиканцев Среднего Запада — газета «Чикаго дейли трибюн», представив ее политику в виде «все того же старого нового курса, требующего от избирателя все новых и новых расходов» [126]. Чикагские республиканцы сочли возможным солидаризироваться в своих нападках на политику правительства с южным демократом, председателем сенатского финансового комитета сенатором Г. Бёрдом, предлагавшим существенно урезать правительственный проект бюджета. Консервативное крыло партии с энтузиазмом приветствовало нападки Б. Голдуотера, призывавшего «выполнять обещания» и продолжать свертывание правительственных расходов, в особенности на социальные нужды. Голдуотер предрекал, что в случае, если курс правительства не изменится, верные республиканским традициям избиратели отойдут от партии, обрекая ее на поражение. Борьба вокруг финансовой политики грозила затянуться и ввергнуть республиканскую партию в нескончаемые распри.

Осень 1957 г. принесла другой кризис политики «согласия». Господствующий класс в угоду созданной его идеологами пропагандистской модели США, якобы олицетворявшей собой некий социальный рай, до поры до времени не принимал в расчет растущего движения протеста черных американцев. Между тем именно оно первым нарушило атмосферу застоя в общественно-политической жизни страны, став предвестником нового подъема демократического движения, в полную силу развернувшегося уже в 60-е годы. Движение последовательно набирало темп и размах. Все еще разрозненные выступления черных уже к 1954 г. приобрели характер приливной волны. В верхах заговорили об уступках.

[125] History of the US Political Parties, vol. 4, p. 2991; US News and World Report, 1957, May 3, p. 126.
[126] Chicago Daily Tribune, 1957, Apr. 1.

Инициативу в этом деле тогда взял на себя Верховный суд, возглавляемый Э. Уорреном. Его решение 17 мая 1954 г., признавшее незаконной сегрегацию в школах, было нацелено на то, чтобы направить развивающееся негритянское движение в спокойное русло, безопасное для существующих порядков. Признав, что сегрегация черных учащихся в общественных учебных заведениях противоречит конституции, высший судебный орган страны рассчитывал этим и ограничиться, но уже через два года движение афро-американцев заставило его признать нарушением конституции и сегрегацию в автобусах, курсирующих между штатами[127].

Правительство Эйзенхауэра с неудовольствием встретило все эти нововведения, тем более что давление на него со стороны расистского блока в конгрессе все возрастало. Однако весной 1957 г. движение негритянского народа поднялось на новую ступень. Началось знаменитое паломничество под лозунгом «пробуждение сознания нации», в котором приняли участие множество черных американцев, выступавших с требованием о предоставлении им равных со всеми гражданских прав и с протестом против преследований и террора в отношении борцов за свободу. И все же по всему чувствовалось, что эти события были всего лишь предвестником бури[128]. Среди черного населения зрело убеждение, что освобождение от расистского гнета не придет сверху и что добиться осуществления тех прав, которые были подтверждены решениями Верховного суда, оно сможет только путем борьбы. Красноречивыми подтверждениями тому были игнорирование местными властями решения Верховного суда о десегрегации школ и отказ президента выступить с осуждением суда Линча, использования насилия в отношении борцов за свободу и других проявлений произвола и беззакония.

В условиях нарастающего кризиса в межрасовых отношениях и роста движения солидарности с борьбой черного населения (как внутри страны, так и за рубежом) расизм вынужден был кое-где и кое в чем отступить, но это отступление носило тактический характер. Примером может служить принятый 9 сентября 1957 г. закон о гражданских и избирательных правах, предусматривавший уголовную ответственность за действия частных лиц, направленные на запугивание или принуждение избирателей на выборах разного рода — федеральных, местных. За то, чтобы попасть в списки избирателей, черным гражданам США необходимо было вести длительную и упорную борьбу, сопряженную с опасностями и большим риском, ибо в противном случае статьи закона 1957 г. остались бы пустым звуком. Бросалось в глаза, что к этому моменту террор расистов, пользовавшихся покровительством местных властей, даже усилился, особенно на Юге[129].

Об обострении борьбы свидетельствовали события в г. Литл-Рок (штат Арканзас), где попытки провести в самых скромных масштабах десегрегацию учебных заведений натолкнулись на отчаянное сопротивление расистов, возглавляемых губернатором штата О. Фобусом. Все по-

---

[127] *Лан В. И.* США в военные и послевоенные годы. М., 1978, с. 438.
[128] Вехи боевой истории: 60 лет Коммунистической партии США. М., 1983, с. 242.
[129] *Нитобург Э. Л.* Черные гетто Америки. М., 1971, с. 77. Закон 1957 г. в дальнейшем был несколько изменен в сторону его усиления, что нашло отражение в законе о гражданских правах 1960 г. Д. Эйзенхауэр считал его главным достижением своей администрации.

пытки Эйзенхауэра достичь соглашения с ним потерпели неудачу. Для проведения решения федеральных органов в жизнь правительство подчинило национальную гвардию Арканзаса военному командованию и ввело в город парашютно-десантную дивизию [130].

Этот конфликт стал для администрации и для самого Эйзенхауэра серьезным испытанием, болезненным и опасным [131]. И в теории, и на практике правительство стремилось к органическому сочетанию деятельности федеральных органов и властей штатов. Идея ограничения «большого правительства», столь любимая республиканцами, подразумевала передачу части его полномочий властям штатов. События же в Литл-Роке, по мнению Эйзенхауэра, показали, что власти Арканзаса не смогли ни правильно оценить ситуацию, ни справиться с ней.

В октябре 1957 г. выявилась шаткость и другой основы всей экономической политики США в послевоенные годы. В число важнейших вопросов всей социально-экономической политики вошли новая проблема роста американской экономики и, следовательно, выбор путей и методов стимулирования этого роста. Экономический кризис, Литл-Рок, советский спутник — все это ставило перед республиканцами новые проблемы и углубляло раскол между «эйзенхауэровскими республиканцами» и «твердыми индивидуалистами». Сторонники правого крыла, влияние которых в республиканской партии в результате «битвы за бюджет» окрепло, решив дать на предстоящих в 1958 г. выборах в конгресс бой своим противникам на всех основных направлениях, выдвинули реакционную внутриполитическую платформу. Важное место в ней занимали вопросы трудовых отношений и расовые проблемы, трактуемые в духе реакционной доктрины «прав штатов».

Апеллируя к консервативным настроениям, республиканцы рассчитывали вызвать прилив энергии у своих сторонников. Однако исход выборов для республиканской партии был равносилен провалу: таких резких изменений в конгрессе США не знали с 1936 г. Демократы отняли у республиканцев 15 мест в сенате, 49 — в палате представителей. Они победили на выборах губернаторов в 35 штатах, отобрав у республиканцев 6 мест. Почти на треть упало представительство республиканцев в законодательных собраниях штатов. Были поколеблены позиции на Среднем Западе, традиционно шедшем за республиканцами. В сенат не попали такие столпы республиканской партии, как Дж. Брикер, У. Дженнер и др.

Борьба за принятие законов о «праве на труд» стоила республиканцам поражения в Огайо и Калифорнии, где впервые с 1888 г. демократы победили одновременно на выборах губернатора и на выборах в сенат. В Калифорнии потерпел поражение У. Ноуленд, причем спешно бросившийся ему на помощь Эйзенхауэр ничем не мог повлиять на ход событий в этом стратегически важном для республиканцев штате. Одним из немногих достижений республиканцев на этих выборах стало избрание известного своей либеральной ориентацией Н. Рокфеллера губернатором штата Нью-Йорк. Его уверенная победа, особенно на фоне сокрушительного поражения сторонников консервативного курса, способствовала укреплению положения «эйзенхауэровских республиканцев».

---

[130] *Manchester W.* The Glory and the Dream. A Narrative History of America, 1932—1972. N. Y., 1975, p. 805.

[131] Подробнее см.: *Геевский И. А.* США: негритянская проблема: Политика Вашингтона в негритянском вопросе (1945—1972 гг.). М., 1973, гл. III.

Хотя лозунг «нового республиканизма» был снят, его принципы получили дальнейшее развитие в ряде документов республиканской партии. В целом же в условиях ослабления политических позиций партии все больший упор ее лидеры стали делать на прославление внешнеполитического курса правительства, особенно самого Эйзенхауэра, его «личной дипломатии». Осенью 1959 г. деятели либерального крыла республиканской партии предприняли «политическую рекогносцировку», стремясь определить прочность позиций Н. Рокфеллера и возможности выдвижения его кандидатуры на предстоящих президентских выборах. Результаты оказались весьма плачевными — как отдельные представители крупного бизнеса, так и предпринимательские организации, связанные с республиканцами, в целом отвергли предложенную им умеренно либеральную платформу. Со своей стороны Н. Рокфеллер сделал заявление, что профессиональные политики и бизнесмены настроены против него, потому что считают его «слишком либеральным» [132]. Это окончательно определило выдвижение кандидатуры Р. Никсона, прочно связанного с руководством партии, а со времен маккартизма — и с ее правым крылом и одновременно устраивавшего те могущественные силы, которые поддерживали партию и контролировали ее действия.

Для оппозиционной демократической партии вторая половина 50-х годов стала периодом настойчивых поисков обновленной идейно-политической позиции, по возможности учитывавшей изменения во внутреннем и международном положении США, запросы избирателей. Росло ощущение, что одних старых «заслуг» недостаточно для того, чтобы обойти республиканцев. «Трудно сказать, за что сейчас стоит демократическая партия,— писал в 1953 г. видный идеолог демократов Дж. Гэлбрейт новому лидеру партии Э. Стивенсону,— ... по существу, мы до сих пор живем за счет интеллектуального багажа рузвельтовской эры, но этот капитал иссякает... Для того чтобы привлечь к себе молодых избирателей и усиленно противостоять нажиму республиканцев, нам нужны новые идеи» [133].

В этом же направлении поиска «новых идей» подталкивала демократов и необходимость приспособления к настроениям социальной критики и недовольства, вызываемым обострением внутренних противоречий американского капитализма в 50-х годах, выразившихся в неблагоприятных для трудящихся социальных последствиях НТР, кризисных явлениях в системе образования и медицинского обслуживания, росте бедствующих районов, загрязнении окружающей среды и др. Все сильнее сказывалась борьба вокруг проблемы гражданских свобод, положения национальных меньшинств, женщин, молодежи.

С середины 50-х годов процесс идейно-политических поисков концентрировался в основном вокруг официального лидера партии Э. Стивенсона и его окружения: Ч. Боулса, Дж. Гэлбрейта, А. Шлезингера-младшего, Элеоноры Рузвельт, Дж. Болла, С. Харриса, Л. Кайзерлинга, Т. Финлетера и некоторых других. Уже в 1954—1955 гг. в ходе напряженной внутрипартийной дискуссии наметились основные направления переориентации партии в рамках общей борьбы за возрождение лидирующей роли в двухпартийной системе.

[132] New York Times, 1959, Dec. 2.

[133] J. Galbraight to A. Stevenson, September 23, 1953.— Princeton University, Mudd Library, Adlai E. Stevenson Papers, Selected Correspondence. (Далее: ML, ASP).

Исходя из того, что повестка дня «нового курса» в основном была исчерпана, а доля обеспеченных слоев в общем электорате партии возросла, советники Стивенсона предлагали расширить «политический охват партии» путем привлечения бизнеса и средних слоев при сохранении традиционных связей с непривилегированными группами населения — рабочим классом, расовыми и этническими меньшинствами и т. д. Наилучший для этого способ усматривался в переносе акцента с чисто экономических проблем на такие злободневные вопросы «качества жизни», как улучшение системы образования, медицинского обслуживания, охраны окружающей среды, а также поддержание высоких темпов экономического роста. Именно в лозунге «растущей экономики» идеологи демократов усмотрели спасительный выход из создавшегося положения, который, освобождая ресурсы для нового расширения социальной активности государства, сможет сохранить за ними репутацию «партии прогресса» [134].

Такого рода комбинирование отдельных, все еще популярных лозунгов рузвельтовской «эры реформ» и новых черт «ответственности» и составляло основу идейно-политического перевооружения демократов в конце 50-х годов. Оно отражало общую эволюцию либерализма от политики «чуть-чуть левее центра» времен «нового курса» к респектабельной «умеренности» 50—60-х годов с ее апологетикой основ существующего порядка, упованием на технократизм, социально-экономическую доктрину неокейнсианства. Провозглашенный Э. Стивенсоном курс «качественного» либерализма полностью соответствовал этим установкам.

В области внешней политики демократическая партия также пыталась предложить альтернативу платформе республиканцев, что отражало не только конъюнктурные моменты межпартийной борьбы, но и существенные разногласия внутри правящих кругов США относительно методов и средств реализации внешнеполитических целей американского империализма. Вызревание новых внешнеполитических установок демократов происходило в процессе критики политики Эйзенхауэра—Даллеса.

Первой мишенью оппозиции стал экстремизм и авантюризм даллесовского курса «массированного возмездия» и «балансирования на грани войны», ставящего США, по словам Э. Стивенсона, «перед мрачным выбором между бездействием и термоядерной гибелью» [135]. Оппоненты Даллеса ясно понимали, что с ликвидацией ядерной монополии США «массированное возмездие» грозило обернуться катастрофой для самих США. «Мы все лучше осознаем,— писал в этой связи Л. Джонсону видный сенатор-демократ Э. Кефовер,— что в случае следующей большой войны нас тоже постигнет всеобщее разрушение...» [136] Одновременно с этим демократы критиковали военно-стратегический курс республиканцев за разрыв между чрезмерно воинственной риторикой и якобы выявившимся «ослаблением военной мощи», под которым подразумевалась главным образом скупость администрации (как это представлялось оппозиции) в вопросе о военных расходах, и прежде всего в части расходов на обычные вооружения. Предлагалось усиленное наращивание военных рас-

[134] L. Keyserling to A. Stevenson, January 25, 1954.— Ibid., Adlai E. Stevenson Papers, Selected Correspondence; Some Observations on the Democratic Party Coalition.— Ibid., 1954.

[135] Congressional Record, vol. 100, N 44, p. A1818.

[136] E. Kefauver to L. Johnson, December 24, 1953.— ML, ASP.

ходов, более активное использование обычных вооружений в рамках стратегии «ограниченной войны», всемерное укрепление превосходства над СССР в средствах доставки ядерного оружия [137]. При самом активном участии сенаторов-демократов Г. Джексона и С. Саймингтона в начале 1956 г. была развернута первая шумная кампания о «советском военном превосходстве», вокруг мнимого «отставания» США от СССР в стратегических бомбардировщиках [138].

Демократы критиковали внешнеполитический курс республиканцев и за его неприкрытую враждебность по отношению к развивающимся странам. «Коммунисты,— писал, например, Ч. Боулс,— говорят на магическом языке социальной революции, поддерживают борьбу колоний за независимость, ведут темнокожее большинство человечества к борьбе против всякой дискриминации со стороны белого меньшинства, предлагают научную и техническую помощь для ускорения экономического развития — и все это в то время, когда мы, завязнув в сомнениях и разногласиях, прикованы к презираемому, обреченному статус-кво» [139]. Наряду с Боулсом наиболее активную роль в разработке новой линии в отношении развивающихся стран играли сенаторы-демократы Г. Хэмфри, Дж. У. Фулбрайт, Дж. Кеннеди, ряд представителей академических кругов, связанных с демократами. Их рецепты сводились к расширению экономического, технологического, идеологического воздействия на развивающиеся страны в целях укрепления позиций США и удержания их в русле капитализма.

Первое воплощение новые установки демократов получили в избирательной кампании Стивенсона 1956 г., главной темой которой стал призыв к более полному использованию потенциальных возможностей страны за счет государственного стимулирования экономического роста и модернизации всей сферы общественных услуг путем расширения государственного вмешательства в области медицинского обслуживания, образования, охраны окружающей среды. В предвыборных выступлениях Стивенсона содержалось немало нападок на республиканцев за «увеличение диспропорции между частным благополучием и общественными нуждами» [140]. Это был прямой отзвук растущего недовольства неспособностью системы частного предпринимательства, ориентированной на рыночный спрос и прибыль, удовлетворять важнейшие общественные потребности страны. Критикуя республиканцев за «узость взгляда», демократы стремились представить себя главным стражем общенациональных интересов, с помощью сильного руководства способным «двинуть страну вперед», к «новой Америке», как гласил главный лозунг кампании Стивенсона.

Однако надежды либерального крыла демократов на выдвижение уже к выборам 1956 г. альтернативной республиканцам законодательной программы не оправдались. В результате новый «образ» партии оставался еще настолько аморфным, что избиратели не усматривали существенных различий между подходами двух буржуазных партий к внутриполити-

---

[137] *Finletter T.* United States Foreign Policy and Military Power in the Hydrogen Age. N. Y., 1954, p. 228—230; *Nitze P.* Atoms, Strategy and Policy.— Foreign Affairs, 1956, Jan., p. 195.

[138] Orbis, 1972, Spring, p. 255—266.

[139] New York Times Magazine, 1956, May 20, p. 63.

[140] *Stevenson A.* The New America. L., 1957, p. 89.

ческим проблемам, если не считать отдельных нюансов[141]. Несколько больший успех имела критика внешней политики республиканцев, в которой демократы, учитывая заметное потепление международной обстановки, перенесли основной упор на мирные аспекты «советского вызова». Тем не менее, несмотря на энергичные усилия, демократам не удалось преодолеть барьера высокой личной популярности Эйзенхауэра на фоне благоприятной экономической конъюнктуры, хотя в целом позиции партии улучшились.

Но уже со следующего, 1957 г. ситуация стала меняться. Экономический спад, ухудшение положения с занятостью в сочетании с успехами Советского Союза и провалами внешнеполитического курса Эйзенхауэра—Даллеса стимулировали общественное недовольство политикой республиканцев. В обстановке, когда экономические проблемы, и прежде всего безработица, выдвинулись на первый план, надежды большинства избирателей по традиции вновь обращались к «партии реформ». К весне 1958 г.— периоду максимального уровня безработицы— вдвое больше американцев, согласно опросам общественного мнения, считали демократов, а не республиканцев более способными вызволить экономику из кризиса[142].

Демократы не замедлили воспользоваться изменениями в обстановке и настроениях избирателей. В избирательной кампании 1958 г. по выборам в конгресс они сделали упор на лозунге «Хлеба и масла», выступая за значительное увеличение ассигнований на социальные нужды и принятие чрезвычайных мер по борьбе с экономическим кризисом. 80 конгрессменов-демократов подписали к этому времени так называемый «Северный манифест», явившийся первой серьезной попыткой либерального крыла партии выработать единую партийную программу, включавшую предложения о повышении уровня минимальной заработной платы, об увеличении пособий по безработице, о федеральной помощи образованию и бедствующим районам[143].

И хотя ни эти предложения, ни значительная часть более ограниченной программы борьбы с кризисом, предложенной сенатором Л. Джонсоном от имени руководства партийной фракции демократов в конгрессе, не стали законом, активность демократов в этой области способствовала росту популярности партии среди рядовых избирателей, особенно на фоне бездействия республиканцев: выборы 1958 г. в конгресс и местные органы власти стали самым крупным успехом партии со времени выборов 1936 г.

Принимая во внимание уроки предыдущей президентской избирательной кампании, демократы активизировали усилия по разработке конкретной программы как во внутренней, так и во внешней политике. В области экономической политики они в отличие от республиканцев, считавших главной проблемой инфляцию, сосредоточили внимание на способах ускорения экономического роста и снижения уровня безработицы.

Общие установки первой половины 50-х годов на «растущую экономику» под воздействием идей неокейнсианства стали воплощаться в

---

[141] *Schlesinger A., Jr.* Congressional Strategy and 1956 Election (Memo to W. Blair. 1955).— ML, ASP; *Idem.* The Political Problem: 1956.— Ibid.

[142] *Sundquist J. L.* Politics and Policy. Eisenhower, Kennedy and Johnson Years. Wash., 1969, p. 457—458.

[143] Congressional Record, vol. 103, pt 6, p. 7459; vol. 104, pt 11, p. 1872.

конкретные рецепты фискальных и бюджетных мероприятий по стимулированию экономического роста: снижение налогов на корпорации и потребителей, снижение уровня учетной ставки, другие меры по стимулированию инвестиционного процесса [144]. В 1958—1959 гг. эти идеи нашли отражение в программных заявлениях, а также в ряде законодательных инициатив демократов в конгрессе [145]. Учитывая в какой-то мере требования профсоюзов в свете развития автоматизации и других последствий НТР, демократы выдвинули комплекс «структурных» мер борьбы с безработицей: были внесены предложения по оказанию помощи бедствующим районам, возобновлению общественных работ и программ переподготовки рабочей силы (законопроект сенатора П. Дугласа) и др.

В сфере высшего и среднего образования, переживавшего серьезный финансовый кризис, главными пунктами программы демократов стали предложения об оказании федеральной помощи в строительстве школ и оплате труда учителей (законопроект Дж. Меррея—Л. Меткалфа) и о предоставлении колледжам льготных займов на строительство учебных помещений (законопроект Дж. Кларка). В сфере медицинского обслуживания на требования профсоюзов и пенсионеров демократы откликнулись законопроектом конгрессмена А. Форанда (демократ от штата Род-Айленд) об оказании медицинской помощи престарелым в виде оплаты за счет общественных фондов части стоимости госпитализации и ухода на дому. Наконец в сфере охраны окружающей среды демократы выдвинули ряд предложений, направленных на сохранение рекреационных ресурсов — лесных массивов, морского побережья и т. д.

В целом демократы признавали необходимость усилить активность государства в решении насущных и все обостряющихся внутренних проблем, модернизации всей системы социального обеспечения, в которой США заметно отставали от ряда развитых капиталистических стран, не говоря уже о странах социализма. Показательно вместе с тем, что в вопросе о гражданских правах черного населения южное крыло партии отбило попытки либералов сделать робкие шаги навстречу движению афроамериканцев за равноправие.

Перед лицом обострившихся внутренних проблем и вызова мирового социализма демократы проявляли бо́льшую гибкость, нежели республиканцы. И хотя администрации Эйзенхауэра, опираясь на консервативную коалицию в конгрессе и широкое использование президентского вето, удавалось блокировать либеральные инициативы, это лишь усугубляло остроту нерешенных внутренних проблем и порождаемое ими социальное недовольство. Большинство американцев, как показывали опросы общественного мнения, поддерживали меры по борьбе с безработицей, курс на реформу системы образования, медицинского обслуживания и т. д. [146]

К избирательной кампании 1960 г. все основные инициативы демократов в области экономической и социальной политики нашли отражение в предвыборной платформе партии и заявлениях Демократического совещательного совета. Бо́льшая часть из них, поддержанная руководством партийной фракции в конгрессе, стала предметом ожесточенной полити-

[144] Подробнее см.: *Шамберг В. М.* США: проблемы и противоречия государственно-монополистического регулирования экономического роста. М., 1974, с. 57—64.
[145] Democratic Advisory Council Policy Statements. Democratic Task in the Next Two Years.— HSTL, Ch. Murphy Papers.
[146] *Sundquist J. L.* Politics and Policy, p. 442—451.

ческой борьбы на Капитолийском холме. В итоге впервые за многие годы демократическая партия пришла к президентским выборам с подобием внутриполитической платформы, которая не только помогла им взять верх над республиканцами, но и стала основой будущего курса в области внутренней политики 60-х годов.

По мере приближения выборов все ожесточеннее становилась и полемика двух ведущих буржуазных партий вокруг вопросов внешней политики. Запуск первого советского спутника был использован правым крылом демократической партии как довод в пользу тезиса о необходимости усиления гонки вооружений. По инициативе Л. Джонсона подкомитет по боеготовности сенатского комитета по вооруженным силам в конце 1957 г. провел экстренное расследование состояния американских стратегических сил, результаты которого были изложены в виде плана наращивания ракетно-ядерного потенциала и ускорения реализации космической программы. Демократический совещательный совет в своих программных внешнеполитических заявлениях также призвал к форсированию стратегических и обычных вооруженных сил, более полной мобилизации всего военно-экономического потенциала США за счет ускорения экономического роста и использования достижений научно-технической революции [147]. Эти предложения были поддержаны лидерами партии.

Демократы в вопросе военной политики ухватились за возможность выполнять роль рупора тех влиятельных слоев правящего класса США, которые настаивали на необходимости преодоления обозначившегося «ядерного тупика» за счет достижения многократного военного превосходства США над СССР. К этому сводились и рекомендации секретного доклада «комитета Гейтера», включавшего в себя многих представителей руководящей верхушки обеих партий, сведения о котором просочились в печать в начале 1958 г. Воспользовавшись антисоветской шумихой в прессе, военно-промышленный комплекс усилил критику военной политики администрации Эйзенхауэра, который, с точки зрения тогдашних «ястребов», медлил с увеличением военных программ и ассигнований [148].

По мере приближения выборов 1960 г. демократы намеренно усиливали панический тон кампании о «советской военной угрозе», превращая тему пресловутого «отступления» США в «холодной войне» в один из основных вопросов предвыборной борьбы. Особую активность в этом проявил сенатор Дж. Кеннеди, неустанно призывавший к преодолению мифических «разрывов» между СССР и США в военной области, главным из которых объявлялось «отставание в ракетах», основанное на заведомо неверной оценке советского ракетного арсенала.

В то же время под воздействием растущей активизации национально-освободительного движения в Африке, Азии и Латинской Америке у части лидеров демократов усиливалась озабоченность в отношении общей ориентации развивающихся стран. Отвергая «фатально навязчивую» (по выражению Фулбрайта) [149] одержимость даллесовского курса анти-

---

[147] America's Present Danger and What We Must Do about It, February, 1958.— HSTL, Ch. Murphy Papers, Democratic Advisory Council Policy Statements; Can American Afford Increased Federal Expenditures for Essential National Purposes? February, 1958.— Ibid.

[148] *Aliano R.* American Defense Policy from Eisenhower to Kennedy. The Politics of Changing Military Requirements, 1957—1961. Athens, 1975, p. 52.

[149] Progressive, 1958, Sept., p. 16.

коммунизмом, сводящим все к «козням Москвы», они признавали необратимый характер социальных перемен в мире, но только для того, чтобы, используя весь арсенал средств и методов воздействия, направить их в нужное для США русло и тем самым поставить освободившиеся страны в зависимость от американского империализма. Наряду с усилением экономического проникновения для борьбы с национально-освободительным движением предлагалось широко применять специально подготовленные военные формирования, дипломатию «плаща и кинжала», подкуп, разжигание «психологической войны» и т. п.[150]

Свое итоговое выражение эта общая внешнеполитическая линия получила в предвыборной платформе демократов, в других документах «переходного периода», подготовленных руководством партии в качестве ориентиров для следующей демократической администрации[151]. Смысл новых установок партии состоял в пропаганде более активной и в то же время более гибкой интервенционистской внешней политики, в попытке любыми средствами приостановить революционный процесс в мире, рост влияния реального социализма, добиться подрыва его позиций.

Кандидатом в президенты от демократической партии на выборах 1960 г. был выдвинут сенатор от штата Массачусетс Дж. Ф. Кеннеди, который в 43 года уже успел завоевать известность в стране. Решающим обстоятельством послужила приемлемость кандидатуры Кеннеди — политика центристского толка — для всех основных группировок партийной верхушки, в том числе и демократов Юга, успокоенных его выбором сенатора-техасца Л. Джонсона в качестве кандидата в вице-президенты. Сыграло роль и то, что Кеннеди в силу личных качеств больше других кандидатов соответствовал содержанию и духу установок демократов, получивших в его предвыборных выступлениях звонкое название «новых рубежей».

Соперник Кеннеди на выборах от республиканской партии вице-президент Р. Никсон был вынужден отстаивать курс своей администрации, в то время как Кеннеди обещал покончить с наиболее острыми внутренними проблемами и провалами во внешней политике. Результаты голосования показали, что именно благодаря своей более популярной внутриполитической программе демократам удалось вернуть себе приверженность традиционных отрядов той партийной коалиции, которую они сумели создать в 30-х годах,— рабочего класса, расовых и национальных меньшинств, малообеспеченных слоев. И хотя перевес, полученный Дж. Кеннеди, оказался крайне незначительным — 34 221 344 против 34 106 671 голосов[152],— это позволило демократам вновь вернуться в Белый дом после восьмилетнего перерыва.

Чисто символическая победа, одержанная оппозицией над правящей партией, выражавшей в своей политике и идеологии тенденцию к сдвигу вправо, не могла заслонить того факта, что Соединенные Штаты вступали в новую фазу социально-политического развития, обусловленного объективными процессами как внутреннего, так и глобального характера.

---

[150] *Ли В. Ф.* Стратегия и политика неоколониализма США: (Дипломатия «новых рубежей» и страны Южной и Юго-Восточной Азии). М., 1971, с. 24—40.

[151] Подробнее см.: *Печатнов В. О.* Демократическая партия США: Избиратели и политика. М., 1980, с. 137—139.

[152] Guide to US Elections. Wash., 1975, p. 296.

II

УГЛУБЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Глава пятая

«НОВЫЕ РУБЕЖИ» (1961—1963)

1. ПРОГРАММА «НОВЫХ РУБЕЖЕЙ»

В начале 60-х годов Америка столкнулась с растущими трудностями. Многие из них были связаны с последствиями научно-технической революции. С одной стороны, она создавала новые возможности для развития производства, а с другой — порождала новые проблемы, еще более усугубляя социальные противоречия капитализма. Особенно серьезные перемены происходили в экономике[1]. Развитие автоматизации, внедрение новых методов управления производством, поднимая производительность труда, в условиях современного капитализма сопровождалось ускоренным выталкиванием рабочей силы за ворота предприятий, еженедельно «съедая», по оценкам американских профсоюзов, около 51 тыс. рабочих мест[2]. Неконтролируемое внедрение технологических новшеств, хищническая эксплуатация природных ресурсов губительно сказывались на окружающей среде.

Повышение наукоемкости производства стимулировало процесс дальнейшей концентрации производства и централизации капитала. Так, доля 100 крупных корпораций в суммарных активах корпораций обрабатывающей промышленности возросла с 44,3% в 1955 г. до 46,4% в 1960 г. и до 46,5% в 1965 г., а доля 100 крупнейших компаний в условно чистой продукции обрабатывающей промышленности за 1958—1963 гг. поднялась с 30 до 33%[3]. Интенсификация и концентрация производства в сельском хозяйстве, где за 50-е годы объем производства возрос на 27%, а количество затраченных рабочих часов сократилось на 36%[4],

---

[1] Экономическая политика правительства Кеннеди (1961—1963)/Отв. ред. С. М. Меньшиков. М., 1964, с. 295.

[2] *Мкртчян А. А.* Рабочее движение в США: современные проблемы и тенденции. М., 1970, с. 32—33.

[3] *Чепраков С. В.* Монополистические объединения в промышленности США. М., 1984, с. 66, 67.

[4] Экономическое положение капиталистических стран: Конъюнктурный обзор за 1960 и начало 1961 г. (Прилож. к журналу: Мировая экономика и междунар. отношения, 1961, № 7, с. 23.)

оборачивались разорением огромной массы мелкотоварных производителей, пополнявших рынок труда. Общее число ферм за тот же период сократилось с 5,38 млн. до 3,7 млн. [5]

Развитие научно-технического прогресса, концентрация производства оказывали все более серьезное воздействие на структуру самодеятельного населения, увеличивая в нем долю лиц наемного труда и высококвалифицированных работников. Удельный вес специалистов высшей и средней квалификации в самодеятельном населении США за 1950—1960 гг. вырос с 7,5 до 11,2%, а доля рабочих физического труда (в несельскохозяйственных отраслях) сократилась с 39,1 до 36,3% [6].

Вопреки ожиданиям и пророчествам буржуазных экономистов и социологов научно-техническая революция оказалась не в состоянии избавить американскую экономику от неизлечимых недугов капиталистического способа производства. Администрация Кеннеди, по словам самого президента, пришла к власти в 1961 г. «после семи месяцев экономического спада, трех с половиной лет застоя, семи лет падения темпов экономического роста и девяти лет сокращения доходов фермеров...» [7]. Острой проблемой становилась безработица, уровень которой к февралю 1961 г. подскочил до рекордной с 1958 г. отметки 6,8%, или 5,7 млн. полностью безработных [8]. По темпам роста экономики в 50—60-х годах США стали заметно отставать от промышленных стран Западной Европы и Японии, не говоря уже о Советском Союзе, развивавшемся в те годы в несколько раз более высокими темпами [9].

Все еще занимая ведущее место среди капиталистических стран по многим абсолютным показателям экономического развития, США оставались отсталой (даже по критериям капиталистического Запада) страной, если иметь в виду состояние системы социального обеспечения. Объективные потребности развития производства, усиление интенсивности потребления капиталом рабочей силы требовали увеличения расходов на образование, социальное обеспечение и других затрат на воспроизводство рабочей силы. Однако к 1960 г. в стране, по данным официальной статистики, насчитывалось более 3 млн. полностью неграмотных, недоставало 600 тыс. классных комнат, а строительство новых школ шло на убыль. В области здравоохранения не хватало 1,2 млн. больничных коек, число врачей в пересчете на 1 тыс. человек стало сокращаться. Вызванный послевоенным демографическим «взрывом» стремительный прирост населения — почти на 30 млн. человек за одно десятилетие 50-х годов — и бурное развитие урбанизации резко увеличили разрыв между существующей реальностью и потребностями общества в жилье, общественном транспорте, медицинском обслуживании, образовании [10].

Однако, несмотря на остроту стоящих перед страной внутренних проблем и наличие программы социального маневрирования, разработанной демократами еще во время пребывания в оппозиции, администрация

---

[5] Statistical History of the United States. N. Y., 1976, p. 467.
[6] Соединенные Штаты Америки/Под ред. А. В. Аникина. М., 1972, с. 47.
[7] Public Papers of the Presidents of the United States, John F. Kennedy, 1961—1963: Vol. 1—3. Wash., 1962—1964, 1961, p. 19—20.
[8] Экономическое положение капиталистических стран, с. 20—21.
[9] *Шамберг В. М.* США: проблемы и противоречия государственно-монополистического регулирования экономического роста. М., 1974, с. 18.
[10] Economic Report of the President, 1962. Wash., 1962, p. 119.

Дж. Кеннеди, особенно на первых порах, не спешила с ее осуществлением. Это объяснялось многими причинами. Вот главные из них.

Львиная доля ресурсов была брошена новой администрацией на наращивание военной мощи и расширение мировых позиций американского империализма; внутренние проблемы рассматривались ею преимущественно в плане обеспечения прочного «тыла» в процессе реализации планов глобальной экспансии. Уже сама дорогостоящая программа гонки вооружений, начатая администрацией под фальшивым предлогом «военного отставания» США от СССР, серьезно ограничивала финансовые возможности существенного расширения социальной активности государства, особенно в условиях ухудшения платежного баланса и ослабления позиций доллара к началу 60-х годов. Около 70% общего прироста реальных федеральных расходов в 1961—1964 гг. прямо или косвенно пришлось на военные и космические цели [11], а это означало, что внешнеполитические амбиции «новых рубежей» явно подавляли их социально-реформистские аспекты. При этом растущим военным расходам отводилась еще и важная роль стимулятора экономики. Как в частном порядке признавал один из ведущих экономических консультантов президента, крупнейший американский экономист П. Самуэльсон, бóльшая часть «сознательных усилий» администрации в области стимулирования экономики сосредоточилась в «сфере обороны», что, в свою очередь, имело негативные последствия [12].

В политическом плане администрация вынуждена была также учитывать стойкость консервативных настроений в вопросах социальных программ среди крупной буржуазии, усиленных традиционно более настороженным отношением «большого бизнеса» к демократической партии. Над президентом довлела также ничтожность перевеса в голосах избирателей, полученного им на выборах 1960 г. Положение администрации осложнялось и расстановкой политических сил в конгрессе, где, несмотря на формальное большинство правящей партии, инициатива по-прежнему принадлежала консервативной коалиции республиканцев и южных демократов.

На примере ряда законодательных предложений, выдвинутых администрацией в 1961 г. (о федеральной помощи средней и высшей школе, об оказании медицинской помощи престарелым, о принятии серии мер по снижению безработицы среди молодежи, а также по охране природы), она скоро убедилась, что сопротивление оппозиции будет трудно преодолеть. Все билли, предусматривавшие значительное расширение социальной активности государства и самих гражданских расходов, были провалены консерваторами в конгрессе при весьма нерешительном противодействии со стороны администрации. «Большие нововведения,— объяснял президент, вспоминая слова Т. Джефферсона,— не делаются мизерным большинством» [13].

В экономической стратегии администрация Кеннеди в соответствии с рекомендациями П. Самуэльсона и других советников исходила не только

---

[11] Экономическая политика правительства Кеннеди, с. 55.

[12] P. Samuelson to D. Dillon, June 24, 1964.— John F. Kennedy Library. Boston (Mass.), W. Heller Papers, Kennedy—Johnson Files (John F. Kennedy). (Далее: JFKL).

[13] Цит. по: *Schlesinger A. M., Jr.* A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston, 1965, p. 709.

из необходимости преодоления продолжавшегося спада, но и долгосрочного курса стимулирования экономического роста. Для решения первой задачи уже в феврале 1961 г. была выдвинута программа «экономического оздоровления и роста», которая в развитие предвыборных обещаний демократов предусматривала повышение минимума почасовой заработной платы, временное увеличение сроков выплаты пособий по безработице, ряд мер помощи бедствующим фермерам, а также небольшое увеличение пенсионных выплат и расширение жилищного строительства. Кроме того, предлагалась комплексная система мер по «преобразованию» районов хронической депрессии, в которую входили субсидии частным фирмам и муниципалитетам, увеличение помощи для переустройства городов, оказание технического содействия в целях экономического развития этих районов, программа профессиональной переподготовки безработных[14]. Конгресс под давлением ухудшавшихся показателей экономического развития согласился с предложением Белого дома.

Однако в отличие от своих предшественников администрация Кеннеди сознавала недостаточность чисто антициклических мероприятий для ускорения экономического развития и необходимость в этих целях специальной «политики стимулирования роста». Проблема по своему значению далеко выходила за рамки собственно экономики и представляла в глазах администрации ключ не только к решению острых внутренних проблем, но и к успеху в соревновании со стремительно растущим мировым социализмом[15].

В соответствии с рекомендациями так называемой «новой экономической теории», представители которой доминировали среди экономических советников Кеннеди, администрация взяла курс на активное воздействие на основные факторы экономического роста — капиталовложения, научно-технический прогресс, образование и квалификацию рабочей силы, уровень занятости и др. Эта задача потребовала обновления и пополнения арсенала средств государственно-монополистического регулирования, широкого использования рычагов государственной бюджетной, налоговой и кредитно-денежной политики[16].

В этих целях уже в 1961 г. администрация предложила сокращение сроков амортизации основного капитала для всех корпораций, а также 7%-ную налоговую скидку на капиталовложения на строительство новых заводов и закупку нового оборудования, которые были приняты конгрессом в 1962 г. Такие меры существенно стимулировали рост капиталовложений. Заметно увеличились также государственные ассигнования на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, прежде всего в военной области. В марте 1962 г. конгресс по законопроекту администрации принял закон о развитии и подготовке людских ресурсов, который распространил государственное вмешательство и на сферу профессионально-технического обучения. Стремясь одновременно не допустить раскручивания инфляционной спирали, администрация Кеннеди впервые в обстановке мирного времени пошла на введение косвенного контроля над ценами и заработной платой в виде так называемых «ориентиров»

---

[14] Public Papers..., John F. Kennedy, 1961, p. 12—19.
[15] *Heller W.* Comparative US—USSR Growth Rates. Memo for the President, June 27, 1961.— JFKL, W. Heller Papers, Kennedy—Johnson Files (Heller and J. F. Kennedy).
[16] США: государство и экономика/Отв. ред. Ю. И. Бобраков, В. А. Федорович. М., 1976, с. 551.

для предпринимателей и профсоюзов. Они предполагали ограничение роста заработной платы и цен уровнем достигнутого прироста производительности труда.

Начало президентства Кеннеди совпало с фазой циклического подъема в экономике. Однако уже к весне 1962 г. экономическая ситуация заметно осложнилась: темпы роста замедлились, уровень начавшей было сокращаться безработицы замер на отметке 5,5%, уменьшился и объем новых капиталовложений. В мае к этому добавилось падение курса акций на бирже — самое резкое с 1929 г. Отчасти это отражало обострение отношений между администрацией и верхушкой крупного капитала, с неприязнью относившейся к «ориентирам» в области цен и социальной политике администрации. Кульминацией такого обострения стало столкновение администрации со сталелитейными компаниями во главе с «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», которые, несмотря на настояния администрации, заставившей перед этим профсоюз сталелитейщиков ограничить свои требования о повышении заработной платы рамками «ориентиров», пошли на демонстративно резкое повышение цен на сталь. Только пустив в ход все рычаги давления, Белому дому удалось добиться отмены этого решения ценой ухудшения отношений с монополиями [17].

Администрация в своей экономической политике оказалась перед трудным выбором. Советники предупреждали президента о том, что при сохранении существующего положения дел в экономике стране грозит «спад Кеннеди», а сам он может «прийти к выборам 1964 г. с наивысшим средним уровнем безработицы из послевоенных администраций» [18]. Экономике требовались срочные дополнительные стимулы. Группа либеральных экономистов (среди них Дж. Гэлбрейт, Л. Кайзерлинг), а также профсоюзы поддерживали путь стимулирования платежеспособного спроса населения за счет значительного увеличения государственных расходов на социальные нужды.

Тем не менее по политическим мотивам предпочтение было отдано линии на сокращение налогов на корпорации и частных лиц, поскольку оно избавляло администрацию от обвинений в «финансовой безответственности» и вторжении государства в новые сферы. Подобные обвинения исходили от промышленно-финансовых кругов [19]. Их позиция в этих вопросах исправно доводилась до президента как публично, включая адресованное ему открытое письмо Дж. Рокфеллера, так и через конфиденциальные каналы. Крупный капитал, сообщали советники президента о своих переговорах с членами влиятельного «Совета бизнеса» и других контактах с представителями деловых кругов, стоял не просто за снижение налогов на корпорации и высокие доходы (считая одновременно распространение этой меры на менее обеспеченные слои «политически неизбежным злом»), но и требовал от администрации проведения линии на замораживание социальных расходов, отказа от поддержки программы медицинской помощи престарелым («Медикэр»), от федеральной помощи

---

[17] *McQuaid K.* The Big Business and Presidential Power. From F. D. R. to Reagan. N. Y., 1982, p. 208—210.

[18] *Samuelson P., Solow R.* The Changed Mid-Year Outlook. Memo for the President, 6 June, 1962.— JFKL, W. Heller Papers, Kennedy—Johnson Files (Heller and J. F. Kennedy).

[19] *Heller W.* Memo for the President, December 16, 1962.— Ibid., T. Sorensen Papers, Legislative Files, 1961—1964, Legislative Program 1963.

образованию и налоговой реформы [20]. Таким путем капитал рассчитывал не допустить увеличения дефицита федерального бюджета, опасность чего нетрудно было предвидеть в случае снижения налогов при сохранении и повышении военных расходов.

Ультиматум монополий возымел действие. Кеннеди пошел на уступки, тем более что главной причиной замедления экономического роста в 1962 г. в администрации считали недостаток частных инвестиций, вызванный неуверенностью бизнеса в экономической конъюнктуре и политике правительства [21]. По указанию президента администрация развернула массированную разъяснительную кампанию по «умиротворению» бизнеса», но главным средством «восстановления доверия» стали ее дела. В январе 1963 г. Кеннеди направил конгрессу программу сокращения налогов с прибылей корпораций (с 52 до 47%) и снижения ставок подоходного налога с граждан (с 20—91 до 14—65%) на общую сумму около 10 млрд. долл. при фактическом отказе от налоговой реформы [22]. Одновременно он обещал сократить расходы государства на социальные нужды и сбалансировать федеральный бюджет. Общий объем расходов государства на социальные нужды в 1963—1964 гг. был практически заморожен на уровне 1962 г. Такова была, по словам одного из советников Кеннеди, «цена проведения билля о сокращении налогов» [23].

Беспрецедентное для условий циклического подъема массированное сокращение налогов, утвержденное конгрессом лишь в феврале 1964 г., явилось первой в истории США крупной мерой стимулирования экономического роста средствами налоговой политики. Однако триумф новых экономических доктрин «фискального активизма» и дефицитного финансирования стал возможен, как это признают и некоторые американские экономисты [24], только в результате слияния с политическим консерватизмом, налагавшим жесткие пределы на возможности расширения в этих же целях социальных расходов государства.

Экономической стратегии администрации во многом подчинялась и ее рабочая политика. Профсоюзы активно поддержали демократов на выборах 1960 г. и внесли большой вклад в победу самого Дж. Кеннеди. После восьми лет жесткого антирабочего курса республиканцев они ждали от новой, считавшейся более «дружественной» администрации удовлетворения своих насущных требований: принятия активных мер по борьбе с безработицей, особенно в районах хронической депрессии, увеличения пособий по безработице и минимума заработной платы с распространением его на все категории низкооплачиваемых работников, увеличения государственных ассигнований на строительство жилищ, школ и больниц, расширения социального обеспечения и пересмотра налоговой системы в интересах низкооплачиваемых категорий трудящихся, сокращения продолжительности рабочей недели, отмены антирабочего законодательства, в том числе ст. 14(б) закона Тафта—Хартли, позволяющей штатам вводить законы о «праве на работу» [25]. Почти все эти требова-

---

[20] Meeting with Members of Business Council, July 14, 1962.— Ibid., W. Heller Papers, Kennedy—Johnson Files (Heller and J. F. Kennedy).
[21] W. Heller to the President, July 12, 1962.— Ibid.
[22] Economic Report of the President, 1963. Wash., 1963, p. XVIII.
[23] *Harris S.* Economics of the Kennedy Years and a Look Ahead. N. Y., 1964, p. 90.
[24] *Stein H.* The Fiscal Revolution in America. Chicago, 1969, p. 421.
[25] Monthly Labor Review, 1961, Apr., p. 412—413.

ния нашли отражение в избирательной платформе демократов и предвыборных обещаниях самого Кеннеди. Однако после прихода демократов к власти в Белом доме о них вспоминали не часто.

Главное назначение рабочей политики демократов, определяемое социальным наказом монополий и политическими расчетами самой администрации, состояло в снижении издержек на рабочую силу (или по крайней мере их стабилизации) для стимулирования монополий к расширению производства, в ослаблении остроты конфликта между трудом и капиталом. Интересы ведения «холодной войны» с социализмом, как цинично заявлял министр труда в кабинете Кеннеди А. Голдберг, требовали прекращения «холодной войны» между предпринимателями и профсоюзами в духе 50-х годов [26]. В этих целях администрация стала на путь активизации вмешательства государства в трудовые отношения, особенно в сфере коллективных договоров, проводя линию на сочетание более тесного сотрудничества с профбюрократией и отдельных уступок рабочему движению с жесткими методами подавления недовольства в рабочих низах.

Реформы, проведенные администрацией в сфере занятости, профессионального обучения и заработной платы, далеко не полностью удовлетворяли требованиям профсоюзов и реальным масштабам самих проблем. Так, продление срока выплат пособий по безработице в 1961—1962 гг. оставило за бортом более 3 млн. безработных; повышение минимума почасовой заработной платы (до 1,15 долл. в 1961 г. и 1,25 долл. в 1963 г.) коснулось лишь 3,6 млн. из 26,6 млн. низкооплачиваемых рабочих. Весьма незначительный эффект с точки зрения повышения занятости дали и такие меры, как законы о «преобразовании районов», о развитии и подготовке людских ресурсов, а также некоторое расширение общественных работ в 1962—1963 гг. [27] Однако и это было заметным сдвигом по сравнению с политикой правительства Эйзенхауэра.

В то же время администрация Кеннеди полностью отвергла требование профсоюзов о сокращении рабочей недели до 35 часов и пересмотре антирабочего законодательства, ссылаясь на «несговорчивость» конгресса и «общенациональные» интересы оздоровления экономики. В своих контактах с руководством АФТ—КПП администрация активно использовала посулы грядущих плодов экономического роста в обмен на «сдержанность» профсоюзов в своих требованиях. Выступая в марте 1961 г. перед Национальным советом промышленных конференций, президент призвал к «полному сотрудничеству рабочих и предпринимателей» на основе «общих интересов в повышении темпов экономического роста, плановой модернизации производства и стабильности цен» [28]. В соответствии с провозглашенной им политикой «ориентиров» правительство потребовало от профсоюзов умеренности в вопросах заработной платы. При всей ее внешней беспристрастности эта политика острием своим была направлена против интересов организованного рабочего движения [29].

В целях ослабления накала трудовых конфликтов администрация Кеннеди заметно расширила и усовершенствовала механизм «сотрудничества» между государством, предпринимателями и профсоюзами. Были

[26] *Моррис Дж.* Основные проблемы рабочего движения США. М., 1961, с. 65.
[27] Экономическая политика правительства Кеннеди, с. 298—299.
[28] Public Papers.... John F. Kennedy, 1961, p. 98—99.
[29] *Керемецкий Я. Н.* США: профсоюзы в борьбе с капиталом. М., 1970, с. 244—245.

восстановлены разорванные республиканцами «дружественные» узы между правительством и профбюрократией, олицетворением чего стало назначение главного юрисконсульта АФТ—КПП А. Голдберга министром труда. При президенте был создан Консультативный комитет по вопросам взаимоотношений между профсоюзами и предпринимателями, в состав которого, помимо министров труда и торговли, вошли руководители корпораций и ряда профсоюзов. Главной задачей комитета стало содействие правительству в предотвращении крупных трудовых конфликтов. Администрация всемерно поощряла создание так называемых «комитетов человеческих отношений» и «исследовательских комитетов» в различных отраслях промышленности, в рамках которых планировались и осуществлялись тайные соглашения профлидеров и предпринимателей той или иной отрасли в целях улаживания трудовых конфликтов за спиной рабочих и вопреки их интересам [30].

Администрация умело использовала свои «особые отношения» с профбюрократией и отдельные уступки рабочему движению для воспитания ее в духе послушания и примирения с капиталом. Однако коренного изменения ситуации на главном фронте классовой борьбы ей достигнуть не удалось. Вот почему в тех случаях, когда отказывали рычаги «полюбовного» урегулирования трудовых конфликтов, администрация Кеннеди не останавливалась перед применением жестких мер. Так, в 1961 г. против бастующих моряков был использован закон Тафта—Хартли.

И в этой области администрация пошла дальше своих предшественников в расширении традиционного набора средств и приемов для срыва или предотвращения трудовых конфликтов. В соответствии с рекомендациями Консультативного комитета по вопросам взаимоотношений между профсоюзами и предпринимателями расширялись полномочия государственных органов по вмешательству в трудовые конфликты без принятия нового законодательства. Была облегчена процедура создания «чрезвычайных комиссий» для вмешательства в трудовые споры, «угрожающие национальным интересам», и расширены права этих комиссий; санкционировано в «развитие» закона Тафта—Хартли введение так называемых «охладительных» периодов без обращения к суду. Правительство применило эту процедуру в 1962 г. в конфликте между авиационными компаниями и Объединенным профсоюзом рабочих автомобильной и авиационной промышленности, создав тем самым прецедент внесудебного вмешательства государства в трудовые конфликты.

Особое место в политике «новых рубежей» занимал негритянский вопрос. По остроте и глубине это была, по признанию советника президента А. Шлезингера-младшего, «самая трудная проблема для президента» [31]. Черные американцы, составившие важную часть избирательной коалиции Кеннеди на выборах 1960 г., ждали от новой администрации решительных действий по ликвидации расовой дискриминации, обещанных предвыборной платформой демократов и их кандидатом. В самой же администрации негритянская проблема рассматривалась прежде всего сквозь призму поддержания политической стабильности в стране и сохранения опоры в массах избирателей. Основы стратегии и тактики администрации в негритянском вопросе, намеченные еще в период ее

[30] *Мкртчян А. А.* Указ. соч., с. 77—78.
[31] *Schlesinger A. M., Jr.* A Thousand Days, p. 430.

формирования, сводились к тому, чтобы не дать движению за гражданские права выйти за ограниченные рамки верхушечной кампании и приемлемых для правящих кругов требований, сохранив в то же время за собой необходимые для удержания у власти голоса черных избирателей. С этой целью осуществлялась поддержка «умеренных» и изоляция «экстремистов» как в самом негритянском движении, так и на «белом Юге».

Во избежание открытой конфронтации с расистами, чреватой осложнением отношений с конгрессом, планировалась активизация менее заметных усилий исполнительной и судебной властей при «минимуме законодательных действий». На Юге эти усилия намечалось сосредоточить на постепенном обеспечении избирательных прав для негритянского населения, с тем чтобы ввести его борьбу в русло традиционных политических норм и процедур, укрепить позиции умеренных южных политиков и демократической партии в целом. В северных штатах эти планы предусматривали лишь некоторое ограничение расовой дискриминации в аренде жилья и при найме на работу в сочетании с программами социальной помощи [32].

Эти исходные установки и были положены в основу практической программы администрации в негритянском вопросе [33]. Она отказалась от выдвижения и даже поддержки какого-либо нового законодательства о гражданских правах, включая и законопроект Кларка—Селлера (1961), составленный по запросу Дж. Кеннеди. Президент отмежевался от попыток либералов в сенате добиться отмены процедурного правила, активно использовавшегося диксикратами для блокировки законопроектов о гражданских правах путем бесконечных дебатов, игнорировал законодательные предложения собственной комиссии по гражданским правам. В законодательной области администрация ограничилась рекомендацией отменить проверки грамотности при регистрации избирателей (этот законопроект был провален в сенате) и поддержкой конституционной поправки об отмене избирательного налога, одобренной конгрессом в 1962 г. Свое бездействие в этой важной сфере администрация пыталась компенсировать в глазах негритянской общины расширением назначений афроамериканцев на посты в государственном аппарате, поддержанием постоянных контактов с ее лидерами и другими чисто символическими жестами.

Невзирая на растущую критику со стороны движения за гражданские права и сомнения негритянских советников в самой администрации относительно способности такой политики «умиротворить или хотя бы смягчить негритянских и либеральных лидеров» [34], президент в 1961—1962 гг. продолжал считать, что избранный им курс «градуализма» и балансирования обладает определенными преимуществами. Президент и министр юстиции Р. Кеннеди предпочитали воздерживаться от федерального вмешательства в многочисленные случаи нарушения прав черных и расправ с активистами движения за гражданские права [35].

---

[32] *Wofford H., Jr.* Memo to President-Elect Kennedy on Civil Rights, December 30, 1960.— JFKL, Pre-Presidential Files Task Force Reports.
[33] *White L.* Memo for the President: Civil Rights Program, November 13, 1961.— Ibid., T. Sorensen Papers, Subject Files (Civil Rights).
[34] L. Martin to T. Sorensen, May 10, 1961.— Ibid.
[35] *Navasky V.* Kennedy Justice. N. Y., 1971, p. 220—221.

и лишь давление обстоятельств вынуждало их идти на более решительные меры, например использование федеральных войск для обеспечения доступа в университет штата Миссисипи черному студенту Дж. Мередиту в сентябре 1962 г.

Стремясь поддерживать курс на частичные уступки, достаточный, как ему казалось, для предотвращения открытого взрыва возмущения негритянского городского населения (способного, словами одного из его советников, «прорваться как лезвие в глубину гетто» [36]), президент в ноябре 1962 г. подписал долго откладывавшийся исполнительный указ о мерах против дискриминации в жилищном строительстве, осуществляемом с федеральной помощью. Хотя действенность этого шага была явно ограниченной, Кеннеди счел за благо объявить о нем после выборов в конгресс, в разгар урегулирования Карибского кризиса, когда внимание страны было приковано к более важным и драматически развивавшимся событиям. В феврале следующего года президент направил в конгресс ряд законодательных предложений, предусматривавших увеличение помощи школам, проводящим десегрегацию, и незначительные меры по обеспечению избирательных прав черных [37]. Но даже при всей ограниченности предлагавшихся уступок президент не собирался форсировать их проведение через конгресс — вплоть до мая 1963 г. эти инициативы стояли на последнем, шестом по счету месте в рабочем плане законодательных инициатив администрации [38].

Однако стремительный рост негритянского протеста имел свой собственный график. Как показали майские события в Бирмингеме, движение за гражданские права явно сбивалось с предначертанного ему администрацией «упорядоченного», эволюционного пути, угрожая создать, по словам главного посредника между правительством и негритянской общиной Л. Мартина, «самое критическое состояние расовых отношений в стране со времен гражданской войны» [39]. Конгресс засыпали десятки законопроектов о гражданских правах. «Впервые в нашей стране,— писал президенту видный деятель демократической партии, бывший губернатор Мичигана Г. Уильямс,— решимость черных добиться своих конституционных прав по крайней мере сравнялась с решимостью тех, которые хотят лишить их этих прав, а ответственное мнение белого населения оказалось в основном на стороне первых» [40]. Уильямс и другие советники президента в один голос высказывались за принятие срочных мер для сохранения контроля над обстановкой и предотвращения стихийного революционного взрыва [41].

Новая программа в области гражданских прав, подготовленная администрацией к середине июня, перекочевала в ее планах уже на первое

[36] L. Martin to T. Sorensen, May 10, 1961.— JFKL, T. Sorensen Papers, Sobject Files (Civil Rights).

[37] Public Papers..., John F. Kennedy, 1963. Wash., 1964, p. 222—228.

[38] The White House, Workload of Pending Legislation, March 15, April 5, May 3, 1963.— JFKL, T. Sorensen Papers, Subject Files (Civil Rights), Legislative Leaders, 1963 (Meetings).

[39] *Martin L.* Memo for the Attorney General, May 13, 1963.— Ibid., Robert F. Kennedy Papers, Attorney General's Personal Correspondence (Democratic National Committee).

[40] *Williams G.* Memo for the President, June 13, 1963.— Ibid., T. Sorensen Papers, Subject Files (Civil Rights).

[41] *Galbraith J.* Memo for the Attorney General, June 11, 1963.— Ibid., R. Kennedy Papers, Attorney General's Personal Correspondence (Civil Rights).

место[42]. Сам президент, объясняя конгрессу и стране смысл новых предложений, говорил о необходимости превращения «негритянской революции» в «мирную и конструктивную»[43]. Однако реальное содержание президентского послания, направленного в конгресс 19 июня, было выдержано в весьма умеренном, компромиссном духе. Тем не менее это была самая далеко идущая к тому времени программа в области гражданских прав, принятие которой в 1964 г. стало большим успехом борьбы негритянского народа. Уступки со стороны администрации вызвали озлобленную реакцию крайне правых, особенно на расистском Юге. В ходе закулисных контактов техасского нефтяного магната Г. Л. Ханта, физика-милитариста Э. Теллера и их единомышленников стали обсуждаться планы, как покончить с «угрозой Кеннеди»[44].

Между тем негритянское движение поднималось на новый уровень борьбы за экономическое равенство, ее центр тяжести перемещался в крупные промышленные города за пределами Юга. Угроза расовых конфликтов в ключевых районах страны заставила администрацию обратиться к срочным упреждающим мерам по смягчению бедственного положения жителей негритянских гетто. Уже в начале июня Кеннеди запросил рекомендации членов кабинета о путях улучшения экономического положения негритянской бедноты (в первую очередь безработной молодежи). Ответ соответствующих министров был единодушен — существующих программ явно недостаточно, необходимы новые чрезвычайные меры по повышению занятости, улучшению и расширению профессионально-технического обучения и общеобразовательной подготовки[45]. Так было положено начало разработке законодательной программы «войны с бедностью». Окончательное решение о ее выдвижении в следующем году было принято президентом после грандиозного «похода на Вашингтон», проведенного негритянскими, профсоюзными и студенческими организациями в августе 1963 г. под лозунгом достижения расового и экономического равенства[46].

Заметное улучшение экономической конъюнктуры с конца 1962 г., предчувствия «военного бума», сопровождаемые ускоренным ростом прибылей монополий, добившихся от администрации уступок в ряде вопросов, способствовали укреплению ее позиций. Очередные выборы 1962 г. в конгресс и местные органы власти подтвердили это. Популярность президента в стране существенно выросла в результате наметившегося после Карибского кризиса поворота администрации в сторону ослабления напряженности в отношениях с СССР.

Все это создавало более благоприятные условия для проведения застопорившейся было внутриполитической программы демократов, от которой администрация Кеннеди в долгосрочном плане не собиралась отказываться. Она постепенно усиливала давление на конгресс, планируя главный «прорыв» к окончанию срока полномочий 88-го конгрес-

---

[42] The White House, Workload of Pending Legislation, June 11, 1963.— Ibid., T. Sorensen Papers, Subject Files (Civil Rights), Legislative Leaders, 1963 (Meetings).
[43] Public Papers..., John F. Kennedy, 1963, p. 469.
[44] *Parmet H.* JFK. The Presidency of John F. Kennedy. N. Y., 1984, p. 273—274.
[45] *Cohen W.* Memo for the President, June 10, 1963; *Wirtz W.* Memo for the President, June 10, 1963.— JFKL, T. Sorensen Papers, Subject Files (Civil Rights).
[46] *Sorensen T.* Memo for K. Gordon, W. Heller, L. O'Brien, M. Fieldman, L. White, October 23, 1963.— Ibid., Subject Files (Legislative Program 1964).

са[47]. Растущий затор из законодательных инициатив администрации начал рассасываться еще до выстрелов в Далласе, летом—осенью 1963 г. Именно тогда обе палаты конгресса прошел законопроект о федеральной помощи колледжам (часть комплексного билля администрации в области высшего и среднего образования, выдвинутого в начале 1963 г.), на полпути к утверждению находилась программа сокращения налогов, законодательство о гражданских правах и законопроект об охране природы; появились шансы и у биллей о медицинской помощи престарелым, увеличении занятости молодежи, развитии общественного транспорта и ряда других.

По свидетельству советников Кеннеди, дальнейшие планы президента связывались с повышением значения внутриполитических проблем[48]. Обсуждались планы стабилизации военных расходов на 1964 финансовый год и даже развертывания строго засекреченных исследований возможности и перспектив реконверсии военной экономики на случай серьезного прогресса в области ограничения вооружений[49]. Помимо «фронтальной атаки на бедность», положенной в основу внутриполитической программы администрации на 1964 г., велись разговоры о программе реконструкции городов и жилищного строительства[50]. Бо́льшая часть «великого общества», по выражению А. Шлезингера-младшего, уже находилась в «трубопроводе» «новых рубежей»[51].

2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА КЕННЕДИ

Президент Дж. Кеннеди, особенно в первое время пребывания в Белом доме, в значительной мере сохранял преемственность во внешней политике США, несмотря на критику многих аспектов этой политики в недавнем прошлом, когда он был сенатором и кандидатом на пост президента. Предложенная им «новизна» касалась в первую очередь тактики и стиля американской дипломатии и меньше всего затрагивала ее содержание и стратегию. Дж. Кеннеди не скрывал своего намерения «повернуть поток», т. е. добиваться «обратного изменения» в соотношении сил между социализмом и капитализмом, между СССР и США. Для достижения подобной цели он считал необходимым произвести определенную переоценку внешнеполитического арсенала США, особенно его военного и идеологического оснащения[52].

Встревоженное успехами национально-освободительных сил, прави-

---

[47] *Sorensen T.* Memo for the President, May 6, 1963.— Ibid., T. Sorensen Papers, Legislative Files, 1961—1964, Legislative Leaders, 1963 (Meetings).

[48] *Sorensen T.* Kennedy N. Y., 1965, p. 869; *Schlesinger A. M., Jr.* A Thousand Days, p. 1009.

[49] Establishing an Interagency Committee on Economic Impact of Defense and Disarmament, December 6, 1963.— Ibid., W. Heller Papers, Kennedy—Johnson Files (Heller and L. B. Johnson).

[50] *Sorensen T.* Memo for K. Gordon, W. Heller, L. O'Brien, M. Fieldman, L. White. October 23, 1963.— Ibid., T. Sorensen Papers, Subject Files (Legislative Program 1964).

[51] Washington Post Book Review, 1966, Oct. 16, p. 3.

[52] *Громыко Анат. А.* 1036 дней президента Кеннеди. М., 1968; *Мельников Ю. М.* Внешнеполитические доктрины США: Происхождение и сущность программы «новых рубежей» президента Д. Кеннеди. М., 1970.

тельство Кеннеди обратило первоочередное внимание на вопросы, относящиеся к развивающимся странам. К концу 50-х—началу 60-х годов в американских правящих кругах все больше распространялось убеждение, что именно в эти страны, охваченные движением за политическую и экономическую независимость, переместился решающий фронт «борьбы с коммунизмом» и что как раз на этом фронте американская дипломатия действует наиболее неумело и безуспешно. «Великим полем битвы в защиту и распространение свободы (т. е. капиталистической системы.— *Авт.*) сегодня являются ... Азия, Латинская Америка и Ближний Восток, земли пробуждающихся народов»,— заявил Дж. Кеннеди в послании конгрессу 22 мая 1961 г.[53]

Подход правительства Кеннеди к проблемам развивающихся стран представлял сложную смесь старых догм и новых идей, реализма и авантюризма, сочетание мирных и военных методов для защиты интересов американского империализма в Азии, Африке и Латинской Америке. С одной стороны, эти страны все еще рассматривались правящими кругами США преимущественно как пассивный объект борьбы между Востоком и Западом. Крупные победы национально-освободительных сил чаще всего публично расценивались как «поражения и отступление» США, как «подрывная деятельность» СССР, а советские заявления о солидарности с этими силами — как организация извне восстаний «на периферии свободного мира».

С другой стороны, Дж. Кеннеди и ряд его советников (Ч. Боулс, Э. Стивенсон, А. Шлезингер-младший) сознавали, что бывший колониальный мир охвачен революционным подъемом, что его народы переживают «революцию ожиданий» новой, лучшей жизни. Представители новой администрации видели безуспешность усилий Даллеса вовлечь развивающиеся страны в военные блоки, сознавали авантюристичность попыток запугать освободительные движения термоядерной войной. Исходя из этого, они стремились всеми мерами удержать эти страны в экономической и политической системе капитализма. Помимо опоры на реакционные, полуфеодальные режимы, они пытались расширить социальную базу для неоколониализма путем вовлечения национальной буржуазии в орбиту своего влияния, путем заигрывания с мелкой буржуазией[54]. Короче говоря, речь шла о стратегии «перехвата» революционных, освободительных движений, попытке направить их по пути верхушечных преобразований, который не затрагивал бы основных интересов американского империализма, был бы приемлем для него.

Важнейшее значение дипломатия «новых рубежей» придавала изоляции борющихся за свою независимость стран и народов от мирового социализма, от Советского Союза. Не допустить перехода этих стран на некапиталистический путь развития и проведения ими антиимпериалистической политики неприсоединения, помешать установлению и развитию тесных и дружественных отношений между ними и социалистическими государствами, «нейтрализовать» советскую политику поддержки борьбы народов за национальное и социальное освобождение — такие задачи ставило перед собой правительство демократов. Дилемма, стоявшая

---

[53] Public Papers..., J. F. Kennedy, 1961, p. 397.

[54] См., например: *Ли В. Ф.* Стратегия и политика неоколониализма США: (Дипломатия «новых рубежей» и страны Южной и Юго-Восточной Азии). М., 1971.

перед Кеннеди, писал один из помощников президента, Т. Соренсен, «была, по существу, одна и та же: как разъединить русских с „освободительным"... движением, не вызывая большого советско-американского столкновения» [55].

После прихода Кеннеди в Белый дом американская дипломатия начала заметно больше, чем раньше, считаться (по крайней мере на словах) с позицией развивающихся стран. Это выразилось и в увеличении объема, разнообразия и гибкости различных американских программ экономической, технической и военной «помощи», и в широком использовании таких неоколониалистских нововведений, как «корпус мира», «продовольствие для дела мира», и в большем внимании к ООН и другим международным организациям, и в тщательном подборе дипломатов для работы в Азии, Африке и Латинской Америке, и в весьма активной «личной дипломатии» президента, его брата министра юстиции Р. Кеннеди и других высокопоставленных деятелей администрации «новых рубежей». Пропаганда «родства» Американской революции XVIII в. и современных национально-освободительных революций, словесная демонстрация «понимания и сочувствия» США «растущим ожиданиям» народов развивающихся стран стали неотъемлемыми атрибутами политики Кеннеди.

Но программа «новых рубежей» обновляла и расширяла диапазон не только «мирных» — экономических, дипломатических, идеологических, культурных,— но и военных методов защиты интересов американского империализма. Президент Кеннеди считал, что даллесовская доктрина «массированного возмездия» в значительной мере лишила США возможности использовать военную силу. В условиях, когда СССР стал обладателем ракетно-ядерного оружия, а США потеряли свою стратегическую неуязвимость, угроза применить атомную бомбу против социалистических стран в ответ на новые революционные прорывы в капиталистическом мире превратилась в явный анахронизм. Не менее опасными для самих США стали и угрозы применить атомное оружие в «локальных» войнах против национально-освободительных сил. Таким образом, делали вывод в Белом доме, вооруженные силы США оказались мало подготовленными к выполнению в странах Азии, Африки и Латинской Америки миссии «защиты американских интересов» как раз в то время, когда необходимость в этом стала особенно настоятельной.

Стремясь подтянуть военный потенциал и вооруженные силы США к потребностям их глобальной политики, правительство демократов разработало и стало осуществлять на практике новую военную доктрину — «гибкого реагирования». Эта доктрина предусматривала при сохранении в качестве одного из ее элементов «массированного возмездия» и гонки ракетно-ядерных вооружений ускоренное развитие также обычных вооруженных и так называемых парамилитаристских сил, готовых вести любые виды «обычных» военных действий, начиная от антипартизанских диверсий и кончая «локальными войнами».

При помощи такой перестройки вооруженных сил Дж. Кеннеди и его советники надеялись более «рационально» и с меньшим риском для самих США использовать военную силу в борьбе против революционных, национально-освободительных движений. При этом, однако, не исключалась и возможность термоядерной войны в качестве «крайнего средства» при

[55] *Sorensen T.* Kennedy, p. 634.

конфронтации с СССР. «Стратегическая ядерная сила Америки,— откровенничал журнал „Тайм“,— по-прежнему остается ключевым моментом национальной безопасности, но дополнения Кеннеди доводят ее точно до требований сегодняшнего дня... Плановики Кеннеди размышляют более четко о ядерном нападении, чем их предшественники. Планируется не только выживание, но и способность действовать в кромешном аде послеатаковой атмосферы!» [56].

Одним из практических результатов принятия новой доктрины «гибкого реагирования» стало развязывание Вашингтоном очередного раунда гонки вооружений, как обычных, так и ракетно-ядерных. Для «стимулирования» этой гонки использовались любые методы, начиная от заявлений Кеннеди о существовании якобы «ракетного разрыва» между СССР и США и кончая раздуванием различных международных кризисов и военной истерии внутри страны с призывами строить убежища на случай термоядерной войны и т. п.

Наряду со стремлением подвести достаточную материально-стратегическую базу под глобальную экспансионистскую политику США правительство Кеннеди, как это вскоре стало ясно, лелеяло надежды «истощить» СССР с помощью навязывания ему нового этапа в гонке вооружений. В специальном исследовании «О национальной безопасности и экономике в 60-е годы» заместитель помощника министра обороны Г. Рауэн предложил ежегодно увеличивать военные расходы США на 10 млрд. долл. «Доводы Рауэна представляют собой,— сообщал „Ньюсуик“,— новую форму геополитической стратегии. Советский Союз,— утверждает он,— был бы вынужден состязаться с ускоренным увеличением в оборонительных расходах США, а советская экономика менее способна, чем американская, нести подобную тяжесть... Фактически администрация уже сделала один пробный шаг по пути, изложенному „прожектами Рауэна“... Мышление и планы Пентагона носят сильный отпечаток стратегии Рауэна, хотя бы только потому... что США в этом случае смогут воспользоваться большой свободой действий в холодной войне» [57].

Подобные надежды Вашингтон питал и питает и до и после использования администрацией Кеннеди «стратегии Рауэна» [58]. Они были и остаются, однако, не только весьма опасными, но и иллюзорными. Как и все другие, очередной тур гонки вооружений, развязанный США в начале 60-х годов, увеличил материально-технический потенциал для возникновения войны, но не привел ни к «истощению» СССР, ни к его капитуляции перед американским империализмом, а лишь побудил советский народ принять необходимые дополнительные меры для обеспечения своей безопасности.

Одним из первых острых военно-политических кризисов, с которым столкнулось правительство Кеннеди, был лаосский. В то время как большинство народа и политических группировок Лаоса стремились к соблюдению Женевских соглашений 1954 г. и не желали превращения своей страны в полуколонию США, правительство Эйзенхауэра, пытаясь

[56] Time, 1961, Apr. 7, p. 13. См. также: *Ball D. J.* Politics and Force Levels: the Strategic Missile Programm of the Kennedy Administration. Berkeley (Cal.), 1980, p. 131 a. o.
[57] Newsweek, 1961, Oct. 2, p. 48—50.
[58] *Gaddis J. L.* Strategies of Containment: a Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N. Y.; L., 1982, p. 93—94.

удержать у власти во Вьентьяне правых проамериканских деятелей, пошло на развязывание в конце 1960 г. в Лаосе гражданской войны. Уже к началу 1961 г., однако, эта война приняла весьма неблагоприятный для американского империализма и его ставленников оборот. Как обычно в таких случаях, американская дипломатия поставила вопрос о необходимости военной интервенции. 19 января 1960 г. при передаче своих полномочий администрации демократов Эйзенхауэр заявил: «Лаос — ключ ко всей Юго-Восточной Азии». Если союзники США откажутся поддержать их, то он готов «прибегнуть к одностороннему вмешательству»[59].

Не отказываясь от подготовки американской интервенции, Кеннеди рассматривал в качестве возможной альтернативы курс на возвращение к Женевским соглашениям 1954 г., на нейтрализацию Лаоса и создание коалиционного правительства, представляющего все основные политические группировки страны. По расчетам президента, перспектива мирного компромисса в Лаосе не только избавила бы США от бремени слишком тяжелых для них «обязательств», но и могла бы продемонстрировать бо́льшую реалистичность и «миролюбие» программы «новых рубежей». С другой стороны, угроза интервенции должна была успокоить реакционные элементы и «устрашить» прогрессивные силы Лаоса, одерживавшие одну победу за другой над проамериканскими генералами.

На деле, однако, демонстративные приготовления США к интервенции в Лаосе в апреле-мае 1961 г. не оказали существенного влияния на положение в стране. В то же время союзники США не проявляли никакого желания поддержать планируемую американскую интервенцию. В таких условиях Кеннеди непосредственно обратился ко всем заинтересованным сторонам, и в первую очередь к Советскому правительству, с просьбой о сотрудничестве в установлении мира в Лаосе, в дипломатическом разрешении конфликта.

Победа компромиссного подхода и здравого смысла в лаосском вопросе не означала, однако, что курс США по отношению к Юго-Восточной Азии переводился на новые рельсы. В июле 1962 г. правительство Кеннеди подписало Женевские соглашения о нейтрализации и мире в Лаосе. Но одновременно оно усилило подрывные действия против патриотических сил, а главное — приняло решение о дальнейшем расширении вмешательства и «борьбы против коммунизма» во Вьетнаме.

Еще в начале 1961 г. Дж. Кеннеди одобрил «контрпартизанский план», предусматривавший нанесение в течение 18 месяцев «полного поражения коммунистам» в Южном Вьетнаме путем оказания военной и экономической поддержки Нго Динь Дьему при условии проведения его режимом некоторых «социальных реформ».

В мае в Сайгон прибыл вице-президент США Л. Джонсон. Его задача заключалась в том, чтобы заверить Чан Кайши, Дьема и таиландского премьер-министра Сарита в том, что «новая американская политика (в Лаосе) не означает общего намерения (США) уйти из данного района»[60]. Одним из доказательств этого стало соглашение о значительном увеличении помощи США режиму Дьема, в том числе об оснащении дополнительных южновьетнамских дивизий и о посылке в Сайгон американ-

---

[59] Цит. по: *Schlesinger A. M., Jr.* A Thousand Days, p. 163—164.
[60] Ibid., p. 541.

ских «советников и специалистов». За этими мерами по «увеличению и ускорению содействия США республике Вьетнам», многозначительно отмечалось в коммюнике от 13 мая 1961 г. о переговорах Джонсона и Дьема, «могут последовать еще более далеко идущие мероприятия, если ситуация, по мнению обоих правительств, даст основания для этого»[61].

Вернувшись 24 мая в Вашингтон, Л. Джонсон решительно высказался против «ухода» США из Вьетнама, заявил об отсутствии «альтернативы лидерству Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии». В качестве опоры для такого «лидерства» Джонсон предложил создать союз «всех свободных наций Тихого океана и Азии», т. е. фактически азиатский вариант НАТО. Настаивая на том, чтобы США всеми средствами «встретили вызов коммунизма» в Юго-Восточной Азии, он не исключал возможности вовлечения и собственно американских боевых сил в войну на Азиатском континенте[62].

Под влиянием подобных рекомендаций вопрос об американской вооруженной интервенции во Вьетнаме постепенно переходил из области обсуждений в сферу практической политики. В частности, для поднятия боевого духа сайгонских марионеток правительство демократов уже в мае 1961 г. решило помочь им в организации подрывных диверсионных действий против ДРВ и послать в Сайгон первый отряд американских контрповстанческих сил специального назначения[63].

В других районах Азии, на Ближнем и Среднем Востоке правительство Кеннеди проводило более «мирную» неоколониалистскую политику. Оно, в частности, приложило немало усилий, чтобы улучшить отношения с такими ключевыми странами этих регионов, как Египет и Индия. Особые надежды в отношении последней у него вызвал конфликт на индийско-китайской границе осенью 1962 г. Однако, несмотря на дипломатические маневры, увеличение экономической, продовольственной, а в период этого конфликта и военной помощи Индии, правительству Кеннеди не удалось заставить отойти эту великую азиатскую страну от политики позитивного неприсоединения.

Правительство Кеннеди активизировало политику США на Африканском континенте, ставя своей задачей удержать освобождающиеся одну за другой страны Африки под своим влиянием. Оно предприняло, в частности, серьезные усилия, чтобы продолжить и придать новые специфические аспекты «миссии ООН» в Конго, которая после злодейского убийства Лумумбы 17 января 1961 г. и откола Катанги приобрела для США весьма важное значение, позволяя маскировать их растущее вмешательство в дела Конго. Вашингтон использовал силы ООН и против бельгийских колонизаторов с их ставленниками в Катанге. Именно подобный поворот в конголезской «операции ООН» позволил правительству Кеннеди заручиться поддержкой со стороны ряда развивающихся стран.

Особое внимание правительство Кеннеди уделяло Латинской Америке. Прежде всего оно стремилось ликвидировать острую напряженность, которая возникла в отношениях с этим ближайшим к США районом. Именно здесь деятели «новых рубежей» желали разработать «образцовую модель» отношений США с развивающимися странами. Наконец,

[61] American Foreign Policy: Current Documents, 1961. Wash., 1965, p. 1044.
[62] *Geyelin P. L.* Lyndon B. Johnson and the World. L., 1966, p. 40—42.
[63] The Pentagon Papers, as publ. by New York Times. N. Y., 1971, p. 91.

Вашингтон стремился срочно погасить маяк Кубинской революции, не дать ему осветить путь к подлинной национальной независимости и социальному прогрессу другим латиноамериканским странам.

Еще до избрания на пост президента Дж. Кеннеди и его советники много говорили о необходимости проведения «новой» латиноамериканской политики, которая не только подтверждала бы в духе «добрососедства» формальное политико-юридическое «равноправие» американских стран, но и предусматривала определенные социально-экономические реформы, призванные несколько разрядить как внутреннюю ситуацию, так и растущую отчужденность Латинской Америки от США. Эта политика, получившая пышное наименование «Союз ради прогресса», была официально провозглашена Дж. Кеннеди в его выступлении 13 марта 1961 г. в Белом доме перед латиноамериканскими дипломатами и членами конгресса. В качестве конкретной программы действий она была принята на специальной сессии Экономического и Социального совета Организации американских государств (ОАГ) в уругвайском городе Пунта-дель-Эсте в августе того же года.

Согласно программе «Союза ради прогресса» США обещали предоставлять Латинской Америке ежегодно в течение 10 лет примерно по 2 млрд. долл. (1,1 млрд.— правительственная «помощь», 0,9 млрд.— частные капиталовложения, в том числе западноевропейские, и займы международных финансовых организаций). Латиноамериканские же страны обязывались предоставлять на одобрение ОАГ, а главное — США, свои планы «экономического и социального развития», которые включали ряд обязательств: добиваться темпов роста экономики в 2,5% в год, проведения «демократических» реформ и т. д.

Выдвигая программу «Союз ради прогресса», правительство Кеннеди постаралось представить ее (как в свое время «план Маршалла») чисто экономическим «благотворительным» мероприятием США[64]. Однако, если отбросить демагогические обещания, реальное содержание этой программы сводилось к тому, чтобы путем определенных уступок смягчить противоречия и расширить местную социальную опору для латиноамериканской политики США. С одной стороны, американские империалисты должны были пересмотреть ряд своих «жестких» взглядов на Латинскую Америку (подозрительное отношение ко всем местным «радикалам», отказ помогать государственному сектору) и увеличить свою экономическую помощь, с другой — правящие олигархии латиноамериканских стран должны были отказаться от некоторых привилегий и провести ряд реформ, с тем чтобы отвлечь трудящиеся массы от революционной, антиимпериалистической борьбы. Минимум уступок с собственной стороны, максимум — со стороны своих «друзей» и союзников (колониальных держав в Африке, помещичьих диктатур в Латинской Америке) при максимальном выигрыше для себя — такова была тактика правительства Кеннеди.

Разработка и официальное провозглашение «Союза ради прогресса» были вызваны реакцией правящих кругов США на Кубинскую революцию, в результате которой к власти в этой стране пришел народ. Этот «Союз» призван был не только воспрепятствовать появлению в Латинской Америке новых революционных очагов, но и создать благоприятные

---

[64] American Foreign Policy: Current Documents, 1961, p. 344 a. o.

условия для попытки ликвидировать первое социалистическое государство в Западном полушарии.

Еще до официального вступления на пост президента, во время встреч с директором ЦРУ А. Даллесом 18 и 29 ноября 1960 г., Кеннеди был информирован о подготовке контрреволюционных банд к нападению на Кубу и дал им свое «осторожное одобрение». Оно было подтверждено на заседании правительства 26 января 1961 г.[65] Только месяц понадобился правительству Кеннеди для того, чтобы «уравновесить» свои обещания «прогресса» всем народам Латинской Америки организацией прямого вооруженного нападения на революционную Кубу.

3 апреля 1961 г. госдепартамент опубликовал пространный документ (так называемую «Белую книгу») по кубинскому вопросу, исполненный клеветы по отношению к правительству Кубы, о котором говорилось как об угрозе «для подлинной революции в Америке» и для межамериканской системы. Государственный департамент призывал кубинцев «разорвать связи с международным коммунизмом». В противном случае, как подчеркивалось, «кубинцы возьмут дело в свои собственные руки»[66]. В то же время, пока публиковались подобные ультиматумы и делались дезинформирующие заявления о «невмешательстве» США во внутренние дела кубинского народа, американские корабли с десантами контрреволюционеров и необходимым снаряжением для них уже готовились к отплытию на Кубу, а американские самолеты под видом «кубинских», пилотируемых якобы «восставшими летчиками», пытались вывести из строя молодую авиацию республики[67]. Прямое вторжение на Кубу в заливе Кочинос на Плая-Хирон началось 17 апреля 1961 г.

Однако с самого начала произошли две крупные осечки. Во-первых, высадившиеся контрреволюционеры столкнулись с героическим сопротивлением кубинского народа, решительно поддержанного СССР, другими социалистическими странами, всей прогрессивной общественностью; во-вторых, была установлена американская принадлежность самолетов, бомбивших Кубу. Правительство Кеннеди оказалось перед выбором: либо открыто принять дальнейшее участие в интервенции, либо бросить своих наемников на произвол судьбы, что оно и вынуждено было в конечном счете сделать.

Опозорившая США и потерпевшая провал в заливе Кочинос антикубинская акция, однако отнюдь не рассматривалась в Вашингтоне как финальный эпизод борьбы. Роль своего рода прикрытия для организации подрывных враждебных действий против Кубы и других революционных сил в Западном полушарии, для вовлечения в эти действия остальных латиноамериканских государств сохранялась за «Союзом ради прогресса».

Путем грубого давления и шантажа американской дипломатии удалось добиться на второй конференции в Пунта-дель-Эсте в январе 1962 г. наряду с разработкой пышной программы «либеральных, прогрессивных и мирных» реформ в Латинской Америке принятия серии антикубинских

---

[65] *Thomas H.* Cuba or the Pursuit of Freedom. L., 1971, p. 1303—1305.

[66] «Те же выражения и тон, — комментировал сей провокационный документ Стеббинс, — государственный секретарь Даллес употреблял накануне гватемальского мятежа в 1954 г.» (*Stebbins R. P.* The United States in World Affairs, 1961. N. Y., 1962, p. 313—314).

[67] *Phillips D.* The Night Watch. N. Y., 1977, p. 105.

резолюций. Одна из них провозглашала «несовместимость» правительства Кастро с межамериканской системой, другая формально исключала из нее Кубу, третья создавала специальное бюро для борьбы с «подрывной кубинской деятельностью», четвертая вела дело к торговой войне против кубинского народа. Но если антикубинская направленность политики Кеннеди еще могла удовлетворить реакционные круги в США и Латинской Америке, то либерально-реформистская программа «Союза ради прогресса», а также его неспособность разрешить экономические проблемы американских стран вызывали их откровенное недовольство.

Озлобленные перспективой даже малейших ущемлений своих привилегий и отдельных уступок трудящимся, опасавшиеся дальнейшего революционного воздействия Кубы, военно-помещичьи олигархии ряда латиноамериканских стран (Аргентины, Гондураса и др.) в течение 1963 г. организовали государственные перевороты, приведшие к установлению полуфашистских диктатур. На этом фоне заигрывания с «Союзом ради прогресса» выглядели уже фарсом. Точно так же объединенное сопротивление реакционных военных режимов, западноевропейских колониалистских кругов и солидарных с ними правых сил в самих США фактически свело к чистой демагогии большинство мероприятий дипломатии «новых рубежей» по отношению к развивающимся странам в целом.

Первостепенное значение американская дипломатия по-прежнему придавала Европе, где, по оценке Вашингтона, объединение западноевропейских государств составляло второй после США «силовой центр» капиталистического мира, где непосредственно противостояли друг другу две противоположные социально-экономические системы и два главных военных союза — НАТО и ОВД. Особую тревогу правящих кругов США вызывали активность социалистической дипломатии, направленная на мирное разрешение неурегулированных европейских проблем, положительная реакция все большего числа стран Европы на советские инициативы, наконец, углубляющиеся противоречия между США и их западноевропейскими союзниками-конкурентами.

Стремясь продемонстрировать свою «твердость», нейтрализовать мирные инициативы СССР, правительство Кеннеди сознательно пошло на обострение обстановки вокруг Западного Берлина. В конце мая 1961 г., во время визита в Париж и Вену для переговоров с руководителями Франции и СССР, Кеннеди дал понять своим собеседникам, что не собирается идти ни на какие компромиссы с Советским Союзом по германскому вопросу.

Во время встречи в Париже президент Франции де Голль согласился с Кеннеди о необходимости «жесткой» позиции Запада в берлинском вопросе. По остальным пунктам повестки переговоров (положение в Юго-Восточной Азии, в НАТО и др.) мнения Франции и США разошлись и весьма основательно. Все попытки президента США убедить де Голля отказаться от проводимого им курса на укрепление независимости Франции в рамках Атлантического союза и вне их, на создание самостоятельной ядерной ударной силы потерпели неудачу. Генерал де Голль откровенно выразил недоверие американским «гарантиям» Западной Европе. Интерпретируя слова де Голля как сомнения в готовности США «защищать Европу», Дж. Кеннеди постарался рассеять их. «Соединенные Штаты могут с большим успехом нанести первый удар в ядерной войне,— сказал он.— Если бы это было необходимо, если бы наши силы

оказались в опасности... США не поколебались бы действовать первыми»[68].

Это заявление не только еще раз продемонстрировало лицемерие официальных американских деклараций о том, что США «никогда не начнут первыми» термоядерную войну, но и подтвердило наихудшие предположения Франции и других западноевропейских государств об опасности американского «покровительства», чреватого термоядерной катастрофой.

Из Парижа Дж. Кеннеди в первых числах июня 1961 г. направился в Вену для встречи с Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым. В состоявшихся беседах президент категорически отверг не только предложения советской стороны по урегулированию вопроса о Западном Берлине, но, по существу, вообще отказался от его обсуждения. Искусственно вызвав обострение разногласий, правящие круги США вновь вступали на крайне опасный путь, и это сыграло весьма отрицательную роль в развитии американо-советских отношений.

13 августа 1961 г. правительство ГДР при поддержке остальных социалистических стран взяло под строгий контроль границу между Восточным и Западным Берлином. Очевидный провал всех попыток проведения «жесткого курса на устрашение», на подрыв Советского Союза и других социалистических стран вызвал не только замешательство в Вашингтоне, но и усиление трений между США и их союзниками по НАТО. Столкнувшись с этим, деятели «новых рубежей» вынуждены были заняться поисками новых путей и средств для того, чтобы восстановить пошатнувшееся единство капиталистического мира.

В конце 1961 г. правительство США выступило с так называемым «Великим проектом» создания «атлантического сообщества». В качестве первого шага для организации под подобной вывеской союза капиталистических государств оно выдвинуло задачу заключения широкого экономического соглашения между США, Западной Европой и остальными странами капитализма[69]. Фактически американский империализм пытался одновременно укрепить фронт против своего главного противника (социалистической системы и всех революционных сил), ликвидировать раскол, ослабить конкуренцию и экономические трудности в собственном тылу (среди империалистических держав) и спасти положение на своих флангах.

Подрыв гегемонии США в мировой капиталистической экономике зашел уже настолько далеко, что в Вашингтоне его не могли больше игнорировать. Американские монополии должны были вести ожесточенную борьбу за мировые рынки, прежде всего со странами Западной Европы и Японией. Введение единого высокого внешнего тарифа при снижении внутренних давало определенные преимущества над американцами участникам создаваемого в Европе интегрированного «Общего рынка», а также усиливало их позиции для конкуренции в других районах мира. «Дни раннего периода после второй мировой войны, когда товары, сделанные в США, господствовали на мировых рынках, отошли в прошлое,— констатировала с горечью „Нью-Йорк таймс“.— Сегодня мы сталкиваемся с очень жесткой и напряженной конкуренцией на многих

---

[68] *Sidey H.* John Kennedy, President. N. Y., 1964, p. 184.
[69] Department of State Bulletin, 1961, Dec. 25, p. 1040 a. o.

фронтах. В Западной Европе — потенциально наиболее богатом крупном рынке мира — эта конкуренция ныне обещает стать непреодолимой для многих американских экспортеров» [70].

В таких условиях правительство Кеннеди было заинтересовано в скорейшем улучшении внешнеэкономического положения США не меньше, чем в преодолении всех остальных трудностей американской политики. Более того, оно отдавало себе отчет в том, что именно ухудшение экономического положения США на мировой арене в значительной мере препятствовало успеху их военных и дипломатических акций.

25 января 1962 г. Дж. Кеннеди обратился к конгрессу с посланием о «новой внешнеторговой программе». Он просил в первую очередь полномочий на сокращение на взаимной основе тарифов до 50% стоимости на целые товарные категории и на полную их отмену в торговле со странами «Общего рынка» на те группы продукции, по которым совместная торговля США и ЕЭС составляет 80% или больше мирового обмена [71].

Дальнейшая программа действий правящих кругов США выглядела примерно так. Во-первых, пока конгресс рассматривает и принимает акт о расширении торговли 1962 г., Великобритания вступает в «Общий рынок», в результате чего пресекаются тенденции к экономической обособленности и протекционизму отдельных районов капиталистического мира — в наибольшей степени Британского Содружества и Западной Европы с ассоциированными с нею странами Африки, в наименьшей — самих США. Во-вторых, создается «внутреннее» экономическое «атлантическое сообщество», своего рода «хозяйственное НАТО». В-третьих, устанавливаются аналогичные торговые и другие узы между «внутренним» «атлантическим сообществом» и «внешним», т. е. периферией капиталистического мира. И, наконец, в-четвертых, весь капиталистический мир постепенно интегрируется экономически, а затем и в других областях жизни под эгидой американского империализма, после чего не просто отбивает «вызов», а переходит в решительную контратаку против мирового социализма.

Таким образом, сразу выявлялись не только экономические, но и далеко идущие политические и военно-стратегические цели «атлантического сообщества». В послании конгрессу от 25 января 1962 г. Дж. Кеннеди подчеркивал: «Успех нашей внешней политики зависит в большой мере от успеха нашей внешней торговли, а поддержание нами политического единства Запада в такой же мере зависит от степени западного экономического единства. Интегрированная Западная Европа, объединившаяся в торговом партнерстве с Соединенными Штатами, будет содействовать дальнейшему перемещению широкого баланса силы в сторону свободы. Наши усилия сохранить лидерство в свободном мире зависят... от нашего успеха в этом предприятии. Экономическая изоляция и политическое лидерство совершенно несовместимы» [72].

Представляя политику «атлантического сообщества» как единую по отношению к «внешнему» миру, правительство Кеннеди стремилось поставить перед ним такие проблемы, которые способствовали бы координации действий западных держав в основных вопросах мировой полити-

[70] New York Times, 1962, Jan. 26.
[71] Department of State Bulletin, 1962, Febr. 12, p. 231 a. o.
[72] Ibid., p. 233.

ки. Но при этом оно опять-таки предлагало, во-первых, осуществлять эту координацию прежде всего по проблемам, представлявшим особый интерес для США, во-вторых, класть в основу их решения цели, преследуемые США, и, в-третьих, как-то попытаться добиться единства «атлантического сообщества» за счет реальных или словесных уступок остальных западных держав Соединенным Штатам.

В течение осени и зимы 1961/62 г. в Вашингтоне был подготовлен и представлен другим западным державам, прежде всего ФРГ, ряд новых предложений по германскому вопросу. В них правительство Кеннеди охарактеризовало как «мертвую» политику, призывавшую к «освобождению» Восточной Германии. В Вашингтоне считали возможным для правительства Аденауэра отказаться от ряда догм «жесткой» политики, в частности от доктрины Хальштейна, и взять иной курс в отношении ГДР: ставилась задача мирно «включить» ГДР в состав Западной Германии.

Подобные положения в какой-то мере ревизовали старые концепции политики Аденауэра и Даллеса, но они, разумеется, не означали отказа от давних агрессивных целей в отношении ГДР, представляя собой замаскированную попытку подорвать взятый народом ГДР курс на строительство социализма в своем государстве, внести раскол в социалистическое содружество и оторвать от него отдельные страны.

По замыслам правительства Кеннеди новая политика «мирного проникновения» должна была явиться одним из средств сплочения «атлантического сообщества». Однако, вместо того чтобы послужить этой цели, она привела к созданию очередных трудностей для осуществления программы «новых рубежей». С одной стороны, правительство Аденауэра всячески саботировало ее, с другой — когда позднее ФРГ стала развивать торговые отношения с СССР и некоторыми восточноевропейскими социалистическими странами, то против этого выступили влиятельные реакционные круги в США, обвинившие Бонн в нелояльности.

Правительство демократов приложило большие усилия к согласованию позиций членов «атлантического сообщества» и на «периферии» капиталистического мира. В частности, в конце 1961 — начале 1962 г. оно предприняло ряд попыток вовлечь в войну во Вьетнаме участников как СЕАТО, так и НАТО, заставить их принять на себя больше экономических и морально-политических издержек по «борьбе с коммунизмом». Оно оказало сильнейший нажим на своих западноевропейских партнеров, с тем чтобы побудить их не только принять участие в финансировании «Союза ради прогресса», но и примкнуть к реакционному антикубинскому фронту.

Пытаясь сперва скоординировать под американским руководством позицию по отдельным международным проблемам, а затем и продвинуть вперед организацию политического единства «атлантического сообщества», правительство Кеннеди тем самым, однако, существенно ограничивало свободу собственного маневрирования в мировой политике. В одних случаях (с Вьетнамом, Кубой) отказ многих американских партнеров от поддержки более воинствующего курса США играл определенную положительную роль, в какой-то мере тормозил их агрессивные поползновения. В других же (переговоры с СССР по германскому вопросу, проблема разоружения) стремление правительства США прежде достичь единства со своими союзниками, а затем уже вести диалог с социалисти-

ческими странами фактически давало право «вето» на любую инициативу в этом направлении таким противникам разрядки международной напряженности, как правительство Аденауэра. В то же время сами США стремились сдержать попытки их партнеров проводить какие-либо международные акции, не согласованные предварительно в Атлантическом союзе.

После некоторых колебаний и оттяжек правительство Кеннеди решило предпринять ради развития «атлантического сообщества» определенные шаги в НАТО, которые, с его точки зрения, создавали бы видимость разделения атомной мощи и ответственности США с их союзниками. С этой целью вместо прямолинейного плана генерала Норстэда о превращении НАТО в «четвертую атомную державу» весной 1962 г. была выдвинута идея создания так называемого «ядерного товарищества» между США и западноевропейскими странами.

Согласно этой идее американцы на первых порах должны были предоставить европейским участникам НАТО подробную информацию о своих ядерных силах и стратегии, о дислокации американского ядерного оружия. Западноевропейские страны приглашались участвовать в выборе целей для американских атомных бомб, а те государства, на территории которых эти бомбы хранились, должны были получить право принимать участие и в решении вопроса относительно их применения на практике. Помимо обещаний «совместных консультаций и контроля», правительство Кеннеди подтвердило также свое намерение передать в распоряжение НАТО пять подводных лодок, оснащенных ракетами «Поларис», и согласилось продолжить разработку проекта создания так называемых многосторонних ядерных сил, выдвинутого еще правительством Эйзенхауэра[73].

Кульминационным моментом американской кампании за создание «атлантического сообщества», или «партнерства», явилась речь президента, произнесенная по случаю национального праздника США 4 июля 1962 г. в Филадельфии, в том самом здании, где в 1776 г. была провозглашена Декларация независимости. В этой речи Джон Ф. Кеннеди постарался пообещать всем и каждому исполнение их сокровенных чаяний, если только они... последуют за Соединенными Штатами в осуществлении их «Великого проекта».

Посулив и независимость, и «взаимозависимость» другим капиталистическим странам, «равенство» и одинаковый «прогресс и благосостояние» как США, так и Западной Европе, как империалистическим, так и развивающимся государствам, Кеннеди в то же время еще раз изложил подлинные цели американского проекта «атлантического сообщества», или «партнерства». Он признал, что США не могут одновременно нести основную тяжесть «борьбы с коммунизмом», «защиты» всех остальных капиталистических стран, помощи развивающимся государствам и растущей конкуренции со своими западноевропейскими союзниками. Именно поэтому США соглашались и, более того, настаивали на разделении с Западной Европой их «глобального бремени и ответственности», обещая в обмен на это предоставление ей также и большего равенства и выгоды в отношениях с самими США, статута «равноправного партнера». Призыв к классовой солидарности империалистических государств под американским лидерством, к их совместным действиям в отношении как социа-

[73] *Schwartz D. N.* NATO's Nuclear Dilemmas. Wash., 1983, p. 82 a. o.

листических, так и развивающихся стран прозвучал особенно навязчиво, лишний раз раскрывая гегемонистскую и антикоммунистическую направленность всего «Великого проекта» «атлантического сообщества», несмотря на всю его «экономическую», «мирную», «либеральную» и прочую видимость [74].

Наибольшие надежды на помощь в создании « атлантического сообщества» правящие круги США возлагали на своего ближайшего партнера — Великобританию. Правительство Кеннеди упорно добивалось от нее наряду со вступлением в «Общий рынок» отказа от самостоятельной политики, от притязаний на «особую посредническую роль» во взаимоотношениях между Западом и Востоком, США и Европой, Британским Содружеством и остальным миром, от попыток сохранить собственные ядерные силы.

На очередной встрече с британским премьер-министром Макмилланом в Нассау на Багамских островах, состоявшейся 18—21 декабря 1962 г., американский президент фактически добился принятия таких решений, которые должны были поставить Великобританию в один ряд с другими западноевропейскими державами и объединить их всех в качестве «единого партнера» Америки. США обещали теперь предоставить Англии ракеты «Поларис» для атомных подводных лодок, которые еще только строились. К тому же Англия обязывалась приписать эти подлодки к планируемым объединенным ядерным силам НАТО и могла взять их назад для самостоятельного использования лишь в случае, если «на карту будут поставлены высшие национальные интересы». В результате самостоятельность британского ядерного «устрашения» становилась в значительной мере фикцией.

В то время как США усилили маневры, направленные на закрепление американской гегемонии в капиталистическом мире, среди многих стран возрастало нежелание оставаться в подчинении США. В этих условиях не Великобритания, послушно принявшая все условия США, а Франция, отвергавшая их, стала выразителем настроений значительной части правящих кругов и общественного мнения Западной Европы. «Бунт европейцев» против американского лидерства и попыток диктата вылился в январе 1963 г. в официальный отказ правительства де Голля согласиться на вступление Англии в «Общий рынок» и участвовать в создании в любой форме ядерных сил НАТО. Этот «бунт» выразился также в заключении двустороннего франко-западногерманского договора, в затяжках с переговорами о расширении торговли между США и Западной Европой Весь «Великий проект» «атлантического сообщества» оказался подорванным самым серьезным образом [75].

Кризис «Великого проекта», поведение некоторых союзников США ясно показали Вашингтону, что если одни западноевропейские государства прямо выступают против «атлантического партнерства», то другие намереваются использовать его в собственных, часто расходящихся с американскими интересах.

Правительство Кеннеди, разумеется, не желало просто отказываться от борьбы за осуществление «Великого проекта», в котором оно видело

---

[74] Department of State Bulletin, 1962, July 23, p. 131—133.

[75] «Де Голль,— признавал журнал „Ньюсуик",— бросил вызов, который подсек под корень Западный союз и угрожает уничтожить концепцию Атлантического партнерства президента Кеннеди» (Newsweek, 1963, Febr. 11, p. 12).

средство к сохранению лидерства США в «свободном мире». Кроме того, оно было связано определенными обязательствами по отношению к НАТО, к проамериканским силам в Западной Европе, к определенным кругам внутри страны, которые ратовали за расширение «атлантического сотрудничества». Наконец, в Вашингтоне опасались, что резкое ухудшение отношений между двумя основными «центрами силы» капиталистического мира приведет к ослаблению его позиций в «борьбе против коммунизма».

Все эти обстоятельства предопределили новую тактическую линию США в борьбе за реализацию проекта «атлантического сообщества». Она состояла в том, чтобы скорее обходить, чем пытаться сломить сопротивление других стран проекту, изолировать «бунтовщиков», играть на противоречиях между ними, достигать отдельных соглашений по различным вопросам с разными западноевропейскими странами, постепенно усиливать экономическое, идеологическое и прочее проникновение США в Западную Европу. Вместе с тем наметилась активизация других направлений политики «новых рубежей», в том числе в отношении Советского Союза.

Одной из главных установок правительства Кеннеди в его отношениях с СССР и другими социалистическими странами был лозунг сохранения «баланса сил». Согласно ей американская политика призвана была не допустить, чтобы в результате каких-либо международных или внутренних событий «равновесие сил» в мире между СССР и США нарушилось в пользу социализма. Подобная установка, с одной стороны, открывала для дипломатии «новых рубежей» возможность приспособления к некоторым преобразовательным процессам и сдвигам, происходящим в мире. Объявляя их «самостоятельными», не затрагивающими мирового «баланса сил», она не требовала от США автоматической конфронтации с Советским Союзом и враждебной реакции в ответ на любые изменения обстановки в тех или иных странах под воздействием внутренних факторов. С другой — эта же установка давала американскому империализму повод для организации враждебных действий как против СССР и других социалистических стран, так и против борьбы народов за свое национальное и социальное освобождение в тех случаях, когда эта борьба, по оценке Вашингтона, вела к неприемлемому для него изменению мирового «равновесия сил», а точнее, когда затрагивала его важные экономические, политические или стратегические интересы и когда имелись необходимые средства и условия для защиты этих интересов.

Характерно, однако, что по замыслам деятелей «новых рубежей» мировое «равновесие сил» не должно было нарушаться только в одну сторону — к невыгоде США. Что же касалось изменения соотношения сил в их пользу, то такое нарушение не только допускалось, но и его всячески добивались с помощью всех доступных методов, начиная от гонки вооружений, организации вооруженных интервенций и международных кризисов и кончая попытками реализации планов «атлантического сообщества». В самом деле, «Великий проект» Кеннеди в конечном счете был направлен не только на создание перевеса сил капиталистического мира над социалистическим, но и на «перетягивание» на сторону США отдельных социалистических стран, на раскол социалистического содружества [76].

[76] American Foreign Policy: Current Documents, 1962. Wash., 1966, p. 28—29.

Постепенно пересматривая прежний даллесовский подход к социалистическим странам как к «монолиту», «мозговой трест» Кеннеди разрабатывал стратегию «дифференцированного подхода» к каждой из этих стран или к их отдельным группам. Руководители внешней политики США стали усиленно изыскивать «противоречия» и «непереходимые грани» в политике социалистических стран, возлагать расчеты на то, что национализм, особенно в кризисных ситуациях, возобладает над интернационализмом, будет играть решающую роль в их поведении. При этом если против большинства социалистических государств правительство Кеннеди стремилось проводить борьбу методами, исключающими прямое военное нападение и термоядерную войну, то по отношению к некоторым из этих государств оно скатывалось на позиции воинствующего авантюризма, вплоть до подготовки агрессии против них. Такова была его политика в отношении ГДР в 1961 г. и особенно в отношении ДРВ и Кубы.

После провала попытки вторжения на Кубу в апреле 1961 г. президент Кеннеди объявил, что, с одной стороны, США якобы не намереваются организовывать интервенции против Острова Свободы, но с другой — не станут бездействовать, если члены ОАГ будут пассивны перед лицом «роста коммунистической угрозы» в Западном полушарии. Действительно, в Вашингтоне не оставляли мысли о взятии реванша за поражение в заливе Кочинос и ликвидации первого государства, вставшего на путь построения социализма в Латинской Америке. На юге США, во Флориде, активизировались бежавшие с Кубы контрреволюционеры, которые под руководством ЦРУ занимались организацией диверсий против кубинского народа, покушений на его лидеров во главе с Фиделем Кастро. «Неизвестные» корабли и самолеты совершали пиратские нападения на побережье Кубы, на ее промышленные предприятия и сахарные плантации, на иностранные суда, направлявшиеся в кубинские порты.

В начале сентября 1962 г. Вашингтон открыто провозгласил, что уничтожение социалистического правительства на Кубе является его официальной политикой. Заявление сопровождалось полетами разведывательных самолетов У-2 над кубинской территорией, усиленными военными приготовлениями, мобилизацией резервистов [77]. Опираясь на инспирированные США решения ОАГ, американские правящие круги развернули против революционной Кубы «психологическую войну». Одновременно Вашингтон всячески уходил от сделанных ему предложений урегулировать создавшуюся вокруг Кубы острую ситуацию путем переговоров между заинтересованными сторонами, которые выдвигал, например, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко в ходе своих встреч с президентом Кеннеди и государственным секретарем США Раском 18 октября 1962 г. Белый дом отклонил и советское предложение о встрече в верхах для урегулирования спорных международных проблем [78].

Правящие круги США явно выжидали наиболее благоприятного момента для нанесения «решающего удара» по Острову Свободы и намеренно создавали опаснейший кризис. В этих условиях между правительствами СССР и Кубы была достигнута и стала осуществляться договорен-

---

[77] История дипломатии: В 5-ти т. М., 1959—1979, т. 5, кн. 1, с. 617.
[78] Там же, с. 623—628.

ность об укреплении обороноспособности Кубы, в том числе о поставках и развертывании на ее территории советских ракет средней дальности.

Получив сведения об этом, воинствующие круги в Вашингтоне использовали их для развязывания острейшего международного кризиса. К 22 октября 1962 г. американское правительство сконцентрировало вокруг Кубы крупные соединения военно-морского флота (183 корабля), военно-воздушных сил, парашютистов и морских пехотинцев. В полную боевую готовность были приведены войска США и Западной Европы. Сигнал боевой тревоги прозвучал на кораблях 6-го и 7-го флотов в Средиземном море и в районе о-ва Тайвань.

Однако Карибский кризис развертывался далеко не в той обстановке, на которую рассчитывал Вашингтон. Опрокидывались все надежды американских империалистов на то, что Советский Союз останется в стороне в случае их вооруженного нападения на Остров Свободы, что военные действия будут «ограничены» территорией Кубы и Карибским бассейном. Следуя агрессивному курсу против Кубы, Вашингтон втягивался теперь в опасную конфронтацию с СССР, грозящую термоядерной катастрофой для самих США.

В результате этого стал быстро меняться весь подход президента Кеннеди к проблеме. После многочасовых бурных обсуждений в Белом доме различных вариантов действий, в том числе прямого вторжения на Кубу и бомбардировок ее территории (на чем настаивали начальники штабов вооруженных сил США), Кеннеди отверг в итоге те из них, которые могли привести к немедленному развязыванию войны, и решил действовать более осмотрительно и «постепенно». Вместо свержения кубинского правительства в Вашингтоне решили ограничиться блокированием дальнейшего доступа советских ракет на Кубу, требованием их демонтажа и вывоза с ее территории.

Объявив 23 октября 1962 г. об установлении морской блокады Кубы и подчеркнув, что «строгий карантин на все наступательное военное снаряжение» — лишь первый шаг планируемых мероприятий США и что их вооруженным силам отдан приказ «приготовиться к любой возможности», президент Кеннеди одновременно заявил о стремлении своего правительства к поискам мирного разрешения возникшего кризиса на взаимоприемлемой основе. Чем более напряженной становилась обстановка вокруг Кубы, чем упорнее рвался Пентагон к «испытанию оружием» с Советским Союзом, тем сильнее становилось убеждение Дж. Кеннеди и его ближайшего окружения в необходимости быстрейшего мирного урегулирования Карибского кризиса.

В беседе с советским послом в США А. Ф. Добрыниным 27 октября 1962 г. брат президента Р. Кеннеди признал, что из-за сбитого над Кубой американского самолета-разведчика усилилось давление на Белый дом со стороны Пентагона, требовавшего немедленно начать военные действия, но что президент Кеннеди не хочет войны, в которой погибнут миллионы американцев. Он заявил далее, что в интересах скорейшего разрешения кризиса Вашингтон готов дать заверения, на которых настаивали советское и кубинское правительства, о том, что ни США, ни другие страны Западного полушария не будут вторгаться на Кубу. Более того, по словам Р. Кеннеди, президент, желая дальнейшей нормализации отношений с Советским Союзом, намерен осуществить «после окончания ны-

нешнего кризиса» запланированное им ранее удаление американских ядерных ракет средней дальности из Турции и Италии [79].

Учитывая всю сложность и остроту складывавшейся обстановки, выраженное Вашингтоном официально стремление к мирному разрешению Карибского кризиса и конфиденциальные заявления Р. Кеннеди и других близких к президенту лиц о его стремлении к компромиссной договоренности с СССР, Советское правительство со своей стороны согласилось пойти в обмен на американские уступки на удовлетворение важного, но, по существу, единственного требования США о контролируемом вывозе с Кубы советских ракет, которые они рассматривали как «наступательное оружие».

Сообщение об этом с огромным облегчением было воспринято всеми, кто стремился избежать войны, к грани которой снова привела весь мир антикоммунистическая агрессивная политика американского империализма. «Я дал моим представителям в Нью-Йорке инструкции,— телеграфировал 27 октября 1962 г. президент США Председателю Совета Министров СССР,— которые позволят им выработать в конце этой недели — в сотрудничестве с исполняющим обязанности генерального секретаря ООН и Вашим представителем — соглашение о долговременном разрешении кубинской проблемы... 1) Вы согласитесь устранить эти системы оружия с Кубы под соответствующим наблюдением и контролем ООН и обязуетесь при соответствующих гарантиях воздержаться от дальнейших поставок таких систем оружия на Кубу. 2) Со своей стороны, мы согласимся... а) быстро отменить меры действующего ныне карантина и б) дать заверения в отказе от вторжения на Кубу... Результат такого урегулирования по уменьшению мировой напряженности даст нам возможность работать над достижением более общего соглашения» [80].

Таким образом, опаснейший Карибский кризис осенью 1962 г. был разрешен путем приемлемого для обеих сторон компромисса, в результате обращения со стороны Вашингтона к политическому, а не военному решению проблемы. Фактически правительство Кеннеди, во-первых, признало незаконность любых действий против Кубы, продиктованных недовольством правящих кругов США ее строем; во-вторых, ограничило свои требования демонтажом советских ракет средней дальности на Кубе; в-третьих, предпочло мир с сохранением революционной республики у своих берегов термоядерной войне с неизвестным исходом; в-четвертых, обещало в случае мирного решения Карибского кризиса пойти в дальнейшем на более широкие соглашения с СССР и другими социалистическими странами относительно сдерживания гонки вооружений, уменьшения угрозы войны, ослабления международной напряженности.

Карибский кризис стал, по существу, отправным пунктом для некоторой переориентации внешней политики администрации Кеннеди. Хотя осознание «немыслимости» термоядерной войны с СССР давно уже возникло в Вашингтоне, тем не менее именно в октябрьские дни 1962 г., когда смертельное дыхание такой войны, пожалуй, впервые непосредственно повеяло над США, здравомыслящие американские политики наконец поняли, что одних деклараций о ее «немыслимости» мало, что нужны

---

[79] *Kennedy R. F.* Thirteen Days, A Memoir of the Cuban Crisis. N. Y., 1969, p. 108—109; История дипломатии, т. 5, кн. 1, с. 640.
[80] American Foreign Policy: Current Documents, 1962, p. 441—442.

какие-то более реальные и серьезные, чем поддержание «баланса ужаса», меры для ее предотвращения, и в первую очередь — ослабление «холодной войны» против СССР.

Выдвижение подобной задачи, разумеется, не означало и не могло означать отказа американского империализма, правящих кругов США от проведения экспансионистской, антикоммунистической глобальной политики. Но в то же время оно свидетельствовало о том, что в данный момент отчетливо проявилась умеренно реалистическая тенденция при разработке дальнейшего внешнеполитического курса США в обстановке, сложившейся в ядерный век. Определенную роль в этом сыграли также и надежды деятелей «новых рубежей» на «эволюцию» или «эрозию» социалистических стран, на рост национализма и возникновение разногласий между ними, на эффективность пропаганды «американского образа жизни», на преобладание США над СССР в военной области и т. д.

Одним из свидетельств новых веяний во внешней политике США может служить известное выступление Дж. Кеннеди 10 июня 1963 г. в Американском университете в Вашингтоне. «Я буду говорить о мире,— заявил президент,— имея в виду не Pax Americana, навязанный человечеству американским оружием... не мир могилы или безопасность раба... Я говорю о подлинном мире... потому что у войны новое лицо. Тотальная война не имеет никакого смысла в век, когда великие державы имеют в своем распоряжении большие и сравнительно неуязвимые ядерные силы...» Кеннеди, по существу, отверг излюбленный тезис реакционной пропаганды о Советском Союзе как «естественном, вечном, непримиримом» враге Соединенных Штатов. «История учит нас,— говорил он,— что вражда между странами, так же как и между отдельными лицами, не длится вечно. Сколь бы установившимися ни казались наши симпатии и антипатии, ход времени и событий часто приносит удивительные изменения в отношениях между странами и соседями».

Президент отклонил и другой важнейший постулат «холодной войны» — о «неправомерности» социалистического строя в СССР и других государствах. Он выдвинул на первый план положение о наличии у СССР и США наряду с существенными противоречиями общих непреходящих интересов, создающих почву для дипломатического урегулирования и развития мирных взаимоотношений между ними. Кеннеди не ограничил эти общие интересы желанием избежать термоядерной катастрофы. Добиваться существенного, если не полного, прекращения «холодной войны» между СССР и США, договориться о взаимном сокращении военных расходов, о совместных мероприятиях в деле развития науки и техники, повышения жизненного уровня собственных народов — вот к чему призывал президент США своих соотечественников.

«Почти уникальным в отношениях между крупнейшими державами мира явился тот факт,— говорил он,— что наши страны никогда не воевали друг с другом. И ни одна страна за всю историю войны не пострадала больше, чем пострадала русская страна в ходе второй мировой войны... Если сегодня снова начнется тотальная война — независимо от того, как бы она ни началась,— первыми ее объектами станут наши две страны. Кажется иронией, но это действительный факт: двум сильнейшим державам мира грозит наибольшая опасность опустошения... И даже в холодной войне, которая несет с собой бремя и опасности многим странам, в том числе и нашим самым близким союзникам, наши две

страны несут самое тяжелое бремя. Ведь обе наши страны выделяют огромные суммы на создание оружия массового уничтожения, и эти суммы можно было бы лучше использовать для борьбы с невежеством, нищетой и болезнями»[81].

В выступлении Кеннеди в Американском университете не обошлось без вымыслов об «ответственности» коммунистов за существующую международную напряженность, о том, что они якобы пытаются навязать другим свою политическую и экономическую систему. Однако главный мотив этого выступления состоял в призыве к поискам мира, в изъявлении готовности США внести свой вклад в эти поиски, отказавшись от целого ряда догм и притязаний, идя на переговоры и соглашения с СССР.

Параллельно с провозглашением курса на улучшение отношений между СССР и США президент Кеннеди согласился с советскими предложениями предпринять ряд конкретных шагов в этом направлении. Первыми среди них были установление летом 1963 г. прямой линии связи между Москвой и Вашингтоном с целью избежать с каждой стороны опасных задержек, неправильного понимания и толкования действий другой стороны, особенно во время возможного кризиса, и заключение Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой.

Подписанный 5 августа 1963 г. СССР, США и Великобританией Московский договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах (в атмосфере, космическом пространстве и под водой) не охватывал всех видов ядерных взрывов и оставлял незапрещенными подземные испытания. В то же время этот договор представлял собой важную победу курса на мирное сосуществование над политикой «холодной войны». Президент Кеннеди и его ближайшее окружение рассматривали Московский договор не только как важное соглашение о сдерживании гонки ядерных вооружений и очистке атмосферы от радиоактивных осадков, но и как отправной пункт для проведения дальнейших мероприятий в направлении смягчения международной напряженности[82].

Подписание Московского договора отражало определенное изменение подхода правительства Кеннеди ко всей проблеме разоружения. Если раньше правящие круги США изображали любые предложения СССР в области разоружения как пропаганду или стремление «ослабить Запад», а собственные проекты составляли таким образом, чтобы сорвать всякую возможность договориться о прекращении гонки вооружений либо получить максимальные односторонние преимущества, то теперь деятели «новых рубежей» начали склоняться к мысли о том, что реальные меры в направлении уменьшения риска войны, ее материально-технической базы необходимы и для Советского Союза, и для Соединенных Штатов.

В повестку дня американской дипломатии были поставлены такие вопросы, как заключение нового соглашения о воздушном сообщении и консульской конвенции между СССР и США, переговоры о пакте ненападения между странами — участницами Варшавского Договора и НАТО, о создании инспекционных постов вдоль границы между Востоком и

[81] Department of State Bulletin, 1963, July 1, p. 2—6.
[82] *Sorensen T.* Kennedy, p. 740.

Западом для предотвращения неожиданного нападения или случайного возникновения войны и т. д.[83]

В целом наметившиеся перемены в стратегии правительства Кеннеди как в отношении СССР, так и остального мира не выходили за рамки умеренно реалистической тенденции в империалистической политике. Более того, они во многих случаях носили непоследовательный характер. Так, беря курс на улучшение отношений с СССР, правительство Кеннеди одновременно продолжало цепляться за всю систему американских военно-политических союзов и баз за границей. Пытаясь уменьшить опасность термоядерного конфликта, оно в то же время наращивало ядерный потенциал американских вооруженных сил, расположенных в Европе и Азии. Когда под влиянием трудностей с платежным балансом правительство США стало, в частности, проводить некоторые меры по сокращению численности американских войск в Западной Германии (операция «большой мост»), оно тут же поспешило «уравновесить» их ввозом дополнительного числа ядерных боеголовок на территорию ФРГ. Ликвидируя базы с ракетами «Юпитер» в Турции и Италии, оно одновременно направило в Средиземное море атомные подводные лодки, продлило еще на пять лет соглашение с генералом Франко о военных базах на испанской территории.

Не менее противоречивой были и торговая политика правительства Кеннеди в отношении социалистических стран. Выступая за расширение торговли между США, с одной стороны, СССР и странами Восточной Европы — с другой, оно в то же время продолжало настаивать на соблюдении всеми капиталистическими державами запрета на экспорт так называемых «стратегических товаров», возражало против предоставления долгосрочных кредитов СССР.

Противоречивость и непоследовательность нового курса правительства Кеннеди в отношении СССР и других стран объяснялись несколькими причинами. Прежде всего, какими бы методами ни проводилась эта политика, она всегда носит классовый характер, служит интересам правящей олигархии США и направлена в первую очередь на борьбу с мировой социалистической системой. Далее, нельзя не видеть, что, хотя президент Кеннеди предпринял некоторые меры по приспособлению внешней политики США к действительности, тем не менее его правительство не порвало со многими доктринами «холодной войны» и антисоветизма и не намеревалось отказываться от притязаний на мировое лидерство Соединенных Штатов.

Каждый шаг правительства Кеннеди, направленный на смягчение международной напряженности, наталкивался, однако, на острое недовольство влиятельных реакционных кругов в правящей элите США, делав-

---

[83] «Стратегия США во взаимоотношениях с Советской Россией, — сообщал всего за четыре дня до убийства президента Кеннеди один из обычно хорошо осведомленных американских журналов, — находится в процессе крутых изменений. Эти изменения направлены в сторону более обширных контактов и сделок с СССР. Они отходят прочь от старых целей холодной войны. В основе новой стратегии лежит следующий план: искать ослабления напряженности — периода передышки или неофициального перемирия, в течение которого может быть установлена „взаимозависимость" между США и СССР. Акценты должны быть перенесены на „совместный опыт". Будет приложено больше усилий по части бизнеса, в плане осуществления общих мероприятий и поисков сферы сотрудничества, в плане ограничения числа конфликтов» (US News and World Report, 1963, Nov. 18, p. 64).

ших ставку на злобный антикоммунизм и гонку вооружений. Стремление этих кругов покончить со всякими проявлениями реализма во внешней политике нарастало.

3. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ: НОВЫЕ ИМПУЛЬСЫ И НОВЫЕ ВЕЯНИЯ

В американской буржуазной литературе первая половина 60-х годов нередко характеризуется как «золотой век» в промышленности, эпоха «классового мира». Однако анализ тенденций развития рабочего движения США на этом этапе не дает оснований для такого вывода.

Перемены в рабочем движении происходили на фоне значительных изменений в профессиональном составе наемных работников США. Научно-техническая революция усложняла структуру рабочего класса. В 50—60-х годах в профсоюзы приток новых членов проходил главным образом за счет средней и даже «высшей» прослойки наемных работников инженерно-технического труда [84]. Это было связано с тем, что все большая часть инженерно-технического персонала, служащих, работников сферы услуг по своему социально-экономическому положению сближалась с промышленными рабочими. Усиление гнета монополий, интенсификация и обесчеловечивание процесса труда приводили к тому, что профсоюзы, уже не ограничиваясь традиционными требованиями, выдвигали качественно новые, включая и такие, которые предусматривали их участие в управлении производством.

По данным на 1961 г., в стране было 134 профсоюза с 18 117 тыс. членов. Это составляло более 20% общего числа самодеятельного населения. В АФТ—КПП входили 15 072 тыс. членов [85]. В профсоюзах не состояла основная масса заметно увеличивавшейся армии «белых воротничков». Не было охвачено профсоюзами и подавляющее большинство неквалифицированных рабочих, особенно афро-американцев; оставались неорганизованными многочисленные отряды сельскохозяйственных рабочих.

В первой половине 60-х годов доля организованных трудящихся продолжала сокращаться. После слияния АФТ и КПП в 1955 г. американские профсоюзы ежегодно теряли больше членов, чем принимали в свои ряды. С этого времени наряду с абсолютным сокращением численности членов профсоюзов происходило и сокращение доли организованных трудящихся в самодеятельном населении страны. С 1956 по 1964 г. доля членов профсоюзов среди всех занятых в стране уменьшилась с 24,8 до 21,9%; характерно, что за тот же период среди наиболее организованной части трудящихся, работающих в несельскохозяйственных отраслях, снижение числа членов профсоюзов было еще большим — с 33,4 до 28,9% [86]. Больше всего в этом отношении пострадали профсоюзы в таких отраслях промышленности, как угольная, горнодобывающая, текстильная, металлообрабатывающая, железнодорожный транспорт и др.[87]

Уменьшение численности профсоюзов в эти годы объяснялось рядом

[84] Стачки: история и современность. М., 1978, с. 288.

[85] Statistical Abstract of the United States, 1966. Wash., 1966, p. 246.

[86] Ibid.

[87] *Barbash J.* American Unions. Structure, Government and Politics. N. Y., 1967, p. 5.

причин: увольнениями рабочих в результате внедрения автоматизации и иных технологических новшеств, антирабочими законами, препятствовавшими росту профсоюзных рядов, политикой многих профлидеров, не предпринимавших действенных мер по вовлечению трудящихся в профсоюзы, и некоторыми другими.

Профсоюзная бюрократия тормозила не только увеличение численного состава профсоюзов, активно включившись в пропаганду «классового мира» и «новых отношений в промышленности», создавая видимость ненужности массовых действий, отождествляя все достижения профсоюзов с успехами переговоров по коллективным договорам за круглым столом согласительных комиссий. Она сдерживала развитие всего рабочего движения в стране. Следует учитывать, что в начале 60-х годов американские профсоюзы располагали 450 тыс. профсоюзных функционеров, из которых группа примерно в 50 тыс. получала доходы в 10—20 раз большие, чем средняя заработная плата рядовых членов профсоюзов [88]. Все сильнее давал о себе знать процесс превращения выборных должностей в профсоюзах в доходные местечки, владельцы которых охотно шли на сделки с предпринимателями за счет интересов рабочих.

Новые условия развития государственно-монополистического капитализма, совершавшего в первой половине 60-х годов дальнейшие шаги по пути концентрации и монополизации капитала, образование транснациональных корпораций, сдвиги в области науки и техники и их неоднозначные социальные последствия отразились на характере экономической борьбы трудящихся США.

Забастовочную борьбу в определенной степени сдерживала массовая безработица, образовавшаяся в результате развернувшейся в широких масштабах автоматизации производства. В 1953—1962 гг. внедрение автоматизации привело к сокращению числа производственных рабочих на 13%, в то время как прибыли корпораций за этот период выросли на 31% [89]. В 1961 г. в стране насчитывалось 4,7 млн. безработных, в 1965 г.— 4,1 млн. Кроме того, в эти годы велико было и число частично безработных. Известно, например, что в 1964 г. было 2,5 млн. человек, относящихся к этой категории [90].

Принимавшиеся правительством меры по борьбе с безработицей — закон 1961 г. о помощи районам депрессии, закон 1962 г. о переобучении уволенных рабочих, ассигнования на общественные работы и т. д.— не привели к существенным сдвигам к лучшему в области занятости. В связи с обострением проблемы занятости в программах действий профсоюзов, объединявших работников ведущих отраслей промышленности, наряду с традиционными требованиями, относящимися к оплате труда, важное место стали занимать и такие, как сохранение общей численности рабочих мест при изменениях в характере производства, участие представителей профсоюзов в решении вопросов занятости, соблюдение прав старшинства, оплаты предпринимателями переобучения рабочих, создание специальных комиссий, которые планировали бы темпы перевооружения производства с учетом интересов членов профсоюзов, и т. д.

Одним из важнейших направлений борьбы рабочего класса против

---

[88] *Андросов В.* Роль правительства США в отношениях между трудом и капиталом.— Мировая экономика и междунар. отношения, 1964, № 5, с. 37.

[89] UE News, 1963, Jan. 1, p. 7.

[90] Политическая жизнь в США: (Проблемы внутренней политики). М., 1966, с. 18.

негативных последствий автоматизации для наемного рабочего становилось движение за сокращение рабочей недели. В августе 1962 г. под давлением профсоюзных масс Исполком АФТ—КПП принял решение о развертывании национальной кампании за переход на 35-часовую рабочую неделю без снижения заработной платы. Руководство федерации призвало профсоюзы добиваться сокращения рабочей недели как путем принятия национального закона, так и при заключении новых коллективных соглашений.

Принимая резолюцию, поддерживавшую на словах сокращение рабочей недели, лидеры АФТ—КПП мало что предпринимали на деле для организации массового движения трудящихся в поддержку этого требования. Проявляя узкоцеховой подход, они препятствовали развитию широкой, сплоченной борьбы трудящихся против безработицы, за право на труд [91]. Неудивительно, что главная инициатива в развертывании борьбы за 35-часовую неделю в эти годы исходила снизу, от рядовой массы. Но ввиду отсутствия организованного общенационального движения за сокращение рабочей недели профсоюзы в начале 60-х годов добились в этом направлении лишь незначительных результатов. Тем не менее в ряде отраслей, главным образом в Нью-Йорке, некоторые категории рабочих (швейники, электрики и др.) сумели в течение 1962—1963 гг. добиться реализации своих требований.

В первой половине 60-х годов в динамике забастовочного движения наблюдались определенные изменения: после некоторого снижения числа их участников в середине периода (в 1964 г.) вновь наметилось увеличение числа забастовщиков (1640 тыс.) [92].

В 1963 г. было лишь 7 забастовок с участием 10 тыс. человек, а в следующем году — уже 19. Крупнейшей и наиболее значимой среди них была забастовка рабочих-автомобилестроителей. Забастовка охватила большинство рабочих, занятых на предприятиях крупнейшей автомобильной компании «Дженерал моторз» [93]. Боевая забастовка рабочих — такого выступления автомобилестроителей не наблюдалось со времен 30-х годов — началась под нажимом рядовых членов и руководителей местных отделений профсоюзов. Бастующие автомобилестроители в 1964 г. добивались принятия и строгого выполнения администрацией «трудовых правил», что позволило профсоюзам играть бóльшую роль в решении вопросов, связанных с установлением производственных норм, улучшением условий труда, с распределением сверхурочных работ и др.[94]

Автомобилестроители явно задавали тон в забастовочных битвах 1964 г.: примерно треть всех человеко-дней, «потерянных» в забастовках этого года, приходилась на выступления рабочих компаний «Дженерал моторз» и «Форд мотор». Именно автомобилестроители в 1964 г. заключили с предпринимателями соглашение, которое зафиксировало повышение заработной платы в среднем на 5% для 275 тыс. человек [95]. Таким образом, было отвергнуто требование правительства об ограничении роста заработной платы, определяемое максимум в 3,2%. Повышения заработ-

[91] *Михайлов М.* Основные проблемы борьбы пролетариата США.— Мировая экономика и междунар. отношения, 1963, № 9, с. 85—86.
[92] Work Stoppages in 1964—1965. Wash., 1965, p. 3.
[93] New York Times, 1964, Sept. 26.
[94] *Мкртчян А. А.* Указ. соч., с. 126.
[95] New York Times, 1964, Sept. 10.

ной платы сверх правительственной нормы добились также рабочие горнорудной и резиновой промышленности и некоторые другие категории рабочих.

Усилились тенденции к единству действий профсоюзов. Оно проявилось, в частности, в соглашениях о сотрудничестве между профсоюзами, в том числе и между теми, которые некогда соперничали друг с другом, в координации действий при заключении коллективных договоров, в материальной и другой взаимопомощи во время забастовок и т. п. Свидетельством растущего стремления к единству действий явилось успешное сотрудничество между союзами портовых грузчиков и водителей грузовых машин, различными профсоюзами рабочих полиграфической промышленности, воздушного транспорта, моряков и др.[96] Подспудно шел процесс, приведший в последующие годы к объединению ряда профсоюзов.

В начале 60-х годов усилилась борьба и за достижение единства белых и черных рабочих в профсоюзах. Многие ведущие профсоюзы США в таких отраслях, как автомобильная, сталелитейная, электрохимическая, резиновая, а также портовых грузчиков, транспортных рабочих, муниципальных служащих и другие заявили о поддержке движения за гражданские права и содействовали борьбе против расовой дискриминации.

В борьбе за упрочение союза между белыми и черными трудящимися важную роль сыграл Американский негритянский профсоюзный совет (АНПС), созданный в мае 1960 г. по инициативе председателя профсоюза проводников спальных вагонов Ф. Рэндолфа. АНПС внес большой вклад в организацию черных рабочих в профсоюз, в борьбу против дискриминации черных в промышленности и профсоюзах. Важным аспектом деятельности новой организации явилась борьба за широкое представительство черных рабочих во всех руководящих звеньях профдвижения. Эта деятельность имела принципиальное значение, поскольку была направлена на подрыв позиций реформистских лидеров, подчас насаждавших расовую дискриминацию в профсоюзах.

Широкое движение за права черных и растущая его поддержка со стороны профсоюзов заставили руководство АФТ—КПП принять в 1963 г. специальное решение, запрещавшее расовую дискриминацию в профсоюзах. Немало подобных резолюций принималось и на съездах отраслевых союзов. Однако чаще всего это являлось лишь видимостью активности, которая призвана была служить лишь оправданием бездеятельности профсоюзных лидеров в решении расовой проблемы. Как отмечалось на V съезде АФТ—КПП (ноябрь 1963 г.), руководство 19 профсоюзов, входящих в федерацию, продолжало на практике осуществлять политику сегрегации в ряде местных отделений, и это несмотря на формальную отмену статей уставов профсоюзов, допускавших дискриминацию черных[97].

Политика консервативной верхушки АФТ—КПП, направленная на сдерживание развития американского рабочего движения, встречала растущее противодействие не только со стороны рядовых членов профсоюзов и местного профсоюзного руководства, но и некоторых представите-

[96] Dispatcher, 1967, July 7.
[97] История рабочего движения в США в новейшее время: В 2-х т. М., 1970—1971, т. 2, с. 468—469.

лей высшего звена в руководстве федерации. В частности, в начале 60-х годов стали проявляться признаки разногласий, вылившиеся впоследствии в открытый конфликт между «старой гвардией» бывшей АФТ во главе с Дж. Мини и группой У. Рейтера. Противоречия обозначились и на более низком уровне профсоюзного руководства.

Примерно с середины 1964 г. в верхушке профсоюзов произошли существенные изменения. Так, в 1964—1965 гг. ожесточенная борьба за контроль в руководстве, приведшая к замене старых лидеров новыми, происходила в Объединенном профсоюзе рабочих металлургической промышленности, Межнациональном профсоюзе рабочих электро-, радио- и машиностроительной промышленности, Американской федерации служащих штатов, графств и общин и в некоторых других профсоюзах [98]. Обновление руководства в профсоюзах, несмотря на некоторые противоречивые явления, подчас сопровождавшие этот процесс, свидетельствовало о росте здоровых сил в рабочем движении США, способных бросить вызов соглашательской политике профсоюзной верхушки [99].

В начале 60-х годов наметились тенденции, приведшие в последующие годы к известной радикализации организованного рабочего движения. Среди позитивных факторов можно отметить также оживление выступлений в пользу мирного сосуществования, против «холодной войны». Если раньше проблемы внешней политики крайне редко обсуждались на съездах большинства американских профсоюзов, то с начала 60-х годов положение, хотя и медленно, начало меняться. Показательной в этом отношении была региональная профсоюзная конференция в Сан-Франциско по проблемам борьбы рабочего класса, состоявшаяся летом 1964 г. и призвавшая профсоюзы предпринять решительные действия в поддержку политики мирного сосуществования и разоружения [100]. С 1964 г. движение за мир в профсоюзах заметно активизировалось и расширилось, вовлекая все новых участников. Сказывалось растущее недовольство агрессией США во Вьетнаме, принимавшей все более опасные размеры.

В первой половине 60-х годов в связи с оживлением деятельности ультраправых сил профсоюзы, как входящие в АФТ—КПП, так и независимые, активно выступали против реакции. Борьба против ультраправых поднялась на новую ступень в 1964 г., после выдвижения ими кандидатом на пост президента воинственного расиста, непримиримого врага профсоюзов Барри Голдуотера, обвинившего профсоюзы в «тоталитаризме», «ущемлении интересов личности», открыто нападавшего на организованное рабочее движение за «саботаж на предприятиях», призывавшего к крайним мерам борьбы против забастовок [101]. Весьма знаменательно, что профсоюзы в борьбе с ультраправыми выступали в союзе с негритянским, студенческим и другими потоками общедемократического движения. Комитет политического просвещения АФТ—КПП и его местные отделения большими тиражами издавали литературу, разоблачавшую антирабочий, антипрофсоюзный характер платформы Голдуотера. Профсоюзы в значительной степени способствовали поражению ставленника ультраправых сил.

---

[98] Подробнее см.: *Мкртчян А. А.* Указ. соч., с. 147—151.
[99] Об этом процессе см.: *Tyler G.* The Labor Revolution. N. Y., 1967.
[100] Labor Today, 1964, June—July, p. 21.
[101] Goldwater from A to Z: A Critical Handbook/Compl. by A. Frommer. N. Y., 1964, p. 37—38.

Избирательная кампания 1964 г. способствовала развитию политической активности профсоюзов. Демократическая партия с ее широковещательной программой мероприятий в социально-экономической области, с лозунгом «создания взаимопонимания» на внутреннем фронте и обещанием поисков «путей к миру» привлекла на свою сторону подавляющую часть организованных рабочих, которые отдали демократам 83% голосов [102]. Однако политическая активность профсоюзов в этой кампании [103] объяснялась не только соблазном взамен за поддержку Джонсона и его партии добиться осязаемых результатов. Настроения организованных рабочих в значительной степени определялись тогда осознанием той опасности, которую представляла воинственная программа республиканского кандидата на пост президента сенатора Голдуотера. Компартия США, подчеркивая это обстоятельство, отмечала, что «поддержка Джонсона была... условной. Безусловной была оппозиция голдуотеризму» [104].

Таким образом, в политической области первая половина 60-х годов была отмечена тесным сотрудничеством профсоюзов с демократической партией. В более широких масштабах, чем прежде, профсоюзы участвовали в предвыборной кампании демократов. Однако плоды этой деятельности доставались буржуазным партиям, точнее, одной из них — демократической. По общему признанию, победе на президентских выборах 1960 и 1964 гг. демократы были обязаны главным образом профсоюзам[105].

Руководители АФТ—КПП по-прежнему выступали против независимой политической деятельности рабочих. Еще не будучи председателем АФТ — КПП Дж. Мини заявил: «В Америке нет места для партии, созданной на классовой основе... Мы будем продолжать политику, которую проводил Гомперс»[106]. Мини и его сторонники в федерации пытались оправдать свою позицию ссылками на «аполитичность» американских рабочих, «бездуховность» рабочего движения в США, якобы отличающие его от подобных движений в европейских странах, на превращение американских рабочих в «средний класс», и т. д.[107]

Однако, несмотря на резко негативное отношение к идее независимой политической деятельности со стороны руководства АФТ—КПП, эта идея продолжала привлекать к себе многих рабочих. Так, профсоюзы Нью-Йорка, насчитывавшие 1 млн членов, создали в августе 1962 г. Рабочую партию братства. В поддержку рабочей партии высказывались некоторые местные отделения профсоюза рабочих автомобильной и авиационной промышленности. Призыв к созданию такой партии прозвучал с трибуны съезда этого профсоюза в 1962 гг.; годом раньше ряд делегатов профсоюза водителей грузовых машин выступили с таким же призывом.

Размах забастовочной борьбы, нарастание недовольства политикой профсоюзной бюрократии, укрепление единства белых и черных рабочих, ак-

---

[102] American Federationist, 1965, Jan., p. 1.
[103] Для сравнения укажем, что в 1956 г. демократическую партию поддерживали 57% организованных рабочих, в 1960 г.— 65%.
[104] Political Affairs, 1964, Dec., p. 15.
[105] US News and World Report, 1965, June 7, p. 51.
[106] Labor and American Politics/Ed. by Ch. Rehmus, D. McLaughlin. Ann Arbor (Mich), 1967, p. 161.
[107] Ibid., p. 13.

тивизация борьбы против ультраправой опасности и милитаризма, наконец, известное усиление политической деятельности профсоюзов — все это вновь продемонстрировало огромную роль рабочего класса в общественной жизни страны.

4. ПОДЪЕМ БОРЬБЫ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА ЧЕРНЫХ

Во втором послевоенном десятилетии происходили дальнейшие сдвиги в расселении, социально-классовой структуре и положении черного населения США, истоки которых берут начало в годы войны. Массовые миграции афро-американцев в условиях промышленного роста и интенсификации сельского хозяйства 60-х годов отличались более широкими масштабами и быстрыми темпами. По проценту мигрантов в этот период черные опередили не только других цветных, но и белых американцев [108]. По-прежнему черные переселялись преимущественно с Юга в другие районы страны и из сельской местности в город. Мигрировали в основном массы черных батраков и издольщиков. Но, помимо такого важнейшего «выталкивателя», как бедность, первостепенное значение приобретал теперь и расовый гнет, все еще более сильный на Юге, чем в других регионах страны. Существенную роль играла «цепная миграция» — переселение в места, где уже осела значительная масса черного населения [109]. Важным фактором притяжения черных мигрантов на Север и Запад США являлись также значительные различия (не в пользу Юга) в средней почасовой оплате промышленных рабочих, среднегодовом денежном доходе семьи, размерах социальных пособий, продолжительности рабочего дня.

Основная масса черных мигрантов покидала те штаты, где расовая дискриминация при найме на работу и оплате труда принимала особенно острые формы (Северная и Южная Каролина, Джорджия, Алабама, Миссисипи, Арканзас, Луизиана), и, как правило, направлялась в штаты, где расовый гнет был менее жесток (Нью-Йорк, Нью-Джерси, Мичиган, Иллинойс, Огайо, Пенсильвания, Коннектикут, Калифорния). Отставание Юга от других районов страны в области трудового законодательства также было одним из важнейших факторов массового переселения черных на Север и Запад, крупные города которых являются не только центрами промышленного производства, но и торговли, науки, образования, культуры.

Массовые миграции черного населения США привели к высвобождению более половины всех афро-американцев из территориальных границ отстававшего долгое время в экономическом и социально-политическом отношениях Юга. Урбанизация черного населения страны шла очень быстро: в 1966 г., например, уже свыше 70% афро-американцев проживали в крупных городах страны, более половины всех черных южан стали горожанами [110]. С 1950 по 1960 г. в 10 крупнейших городах США

[108] Statistical Abstract of the United States. Wash., 1974, p. 99.
[109] A Decent Home, The Report of the President's Committee on Urban Housing. Wash., 1968, p. 8.
[110] Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders. N. Y., 1968, p. 246.

черное население увеличилось в общей сложности на 1,8 млн. человек (58%) [111]. Треть всего черного населения оказалась сконцентрированной в 15 городах страны. Причем в шести из них (в том числе в Вашингтоне), по данным переписи 1970 г., афро-американцы составляли большинство населения [112].

Массовая урбанизация черного населения США привела к почти сплошной пролетаризации. Удельный вес афро-американцев среди всех рабочих США стал вдвое больше удельного веса черных в общем населении страны: в 60-х годах, например, все черные американцы составляли около 10% населения, а черные рабочие — более 20% всех американских рабочих [113]. Афро-американцы составляли 40% всех горняков, лесорубов, рабочих мясной промышленности; 30% портовых грузчиков и рабочих автотранспорта; более 20% рабочих сталелитейной, швейной и строительной промышленности [114].

Попытки миллионов черных переселенцев из сельских районов Юга найти в городах работу и достойное человека жилище, наталкиваясь на сознательное сопротивление одних и предубеждение, предрассудки других, терпели чаще всего крах, в результате чего подавляющее большинство черных мигрантов оседало на социальном дне старых и новых индустриальных центров, увеличивая районы трущоб — исторически сложившуюся базу сверхэксплуатации. Это означало, что борьба за свои жизненные интересы, гражданские и человеческие права, против расовой дискриминации, сегрегации, расистского террора и преступлений захлестнувших в первую очередь и сильнее всего Юг США, стала для миллионов афро-американцев общим кровным делом.

Выдающийся руководитель негритянского движения Мартин Лютер Кинг с горечью писал в 1963 г.: «Негры живут на одиноком острове бедности среди океана материального процветания и чувствуют себя изгнанниками на своей земле» [115]. Это вынуждены были признать и политические лидеры буржуазии. А президент Дж. Кеннеди в специальном послании конгрессу в 1963 г. отметил: «Негритянский ребенок, родившийся в США, имеет в два раза меньше шансов получить специальность, но вдвое больше шансов стать безработным; жизнь его будет на семь лет короче, чем жизнь белого, а доход вдвое меньше» [116].

От расовой сегрегации и дискриминации страдали не только черные рабочие. Семья черного земледельца получала доход вдвое меньший, нежели семья белого фермера. Черные фермеры разорялись вдвое быстрее белых. Черный с высшим образованием, работая по специальности, получал в США ежегодно в среднем почти в 1,5 раза меньше, чем белый специалист такой же квалификации. Сфера деятельности негритянских врачей, учителей, юристов и других представителей черной интеллигенции по-прежнему была сжата границами черных гетто и черной клиентурой. Негритянская буржуазия, как правило, не допускалась в сферу крупного промышленного производства. В целом же в 1962 г. средний до-

---

[111] *Dutton F. G.* Changing Sources of Power. American Politics in the 1970s. N. Y., 1971, p. 100.
[112] Ibid., p. 99.
[113] Проблемы мира и социализма, 1963, № 9.
[114] Там же.
[115] Time, 1963, Sept. 6, p. 13.
[116] Congressional Record, vol. 109, pt 5, p. 9348.

ход черной семьи составлял чуть больше половины дохода белой семьи [117].

В условиях маккартизма и наступления на прогрессивные силы, ставших характерной чертой послевоенной внутренней политики американского монополистического капитала, в обстановке усиления милитаризма в США росли, как грибы после дождя, фашистские, расистские и другие реакционные организации. Все они яростно отстаивали расизм, стремясь с помощью террора блокировать поднимающееся освободительное движение черных. Ставка делалась на физическое уничтожение наиболее активных борцов против расизма. В стране сохранялась кровавая традиция «умиротворения» черных — суд Линча. В 1956 г. блоку диксикратов и правых республиканцев в конгрессе США удалось провалить законопроект о запрещении линчевания негров. Весной 1963 г. негритянские организации представили в ООН десятки свидетельских показаний о случаях линчевания черных на Юге США [118].

Жертвами расистов становились не только черные, но и белые борцы против американского расизма. В июне 1964 г. близ Филадельфии (штат Миссисипи) были, например, зверски убиты три молодых борца за гражданские права — двое белых и их чернокожий товарищ. В марте 1965 г. расисты застрелили двух белых сторонников расового равноправия афроамериканцев: Виолу Лиуззо — мать пятерых детей и священника Джеймса Риба.

На Юге по-прежнему была узаконена политическая дискриминация черных. Пять южных штатов (Алабама, Арканзас, Миссисипи, Виргиния и Техас) сохраняли в своем законодательстве соответствующее положение, требующее в качестве обязательного условия для участия в выборах ежегодную уплату избирательного налога, причем новые избиратели должны были заплатить этот налог за 2—3 года вперед. Во всех южных штатах (за исключением Арканзаса, Флориды, Теннесси и Техаса) закон, как и раньше, требовал, чтобы избиратели сдавали специальный проверочный экзамен (так называемые тесты грамотности). Но даже сами регистраторы признавали, что эти тесты были составлены так, чтобы черные не могли их одолеть [119].

Расистские законы Юга были нацелены на сохранение и закрепление расовой и этнической розни между американскими трудящимися. Например, §1272 кодекса Южной Каролины гласил: «Будут считаться незаконными действия какого-либо лица, фирмы или корпорации... разрешающие, помогающие или содействующие... пребыванию или работе представителей различных рас в одной и той же комнате или пользованию одним и тем же входом...» [120]. Закон южных штатов под угрозой штрафа от 100 до 200 долл. или 6-месячного тюремного заключения запрещал черным и белым общаться в местах отдыха, развлечений, на занятиях спортом, а также создавать совместные предприятия. Во многих штатах страны, особенно на Юге, уголовный кодекс содержал различное определение степени виновности и наказания для черных и белых за одно и то же преступление. «Преступление негра по отношению к негру на

[117] *Перло В.* Расизм в экономике США. М., 1978, с. 71.
[118] Правда, 1963, 12 мая.
[119] American Political Science Review, 1963, N 2, p. 357, 358.
[120] Цит. по: *Бойченко Г. Г.* Конституция Соединенных Штатов Америки: Толкование и применение в эпоху империализма. М., 1959, с. 181.

Юге не вызывает особой озабоченности, а преступление белого против негра обычно оправдывается»,—писал в 1961 г. профессор кафедры государства и права университета в штате Флорида М. Б. Парсонс[121].

Афро-американцы продолжали жить в условиях жесточайшего полицейского террора, преследований и издевательств. Это в равной степени относилось ко всем штатам. Вопросом о преступлениях местной полиции по отношению к негритянскому населению страны вынужден был заняться конгресс[122]. Но не только местные органы власти и полиция отдельных штатов были повинны в жестокостях и беззаконии по отношению к негритянскому населению США. Само федеральное правительство прямо или косвенно способствовало сохранению расовой дискриминации и сегрегации черных. Расовая дискриминация процветала в федеральных учреждениях, а также в больницах, школах, на транспорте, на объектах жилищного строительства, построенных на средства казны, т. е., в сущности, на средства налогоплательщиков, как белых, так и цветных[123]. Частные фирмы, грубо попиравшие конституционные права черных граждан США, получали от федерального правительства ежегодно по контрактам миллионы долларов[124].

Все отмеченные обстоятельства показывают, что в 50—60-х годах перед афро-американцами во весь рост встала общедемократическая задача — необходимость борьбы против расового угнетения во всех сферах общественной жизни. Мириться с ним черное население больше не хотело и не могло, причем не только внутренняя, но и международная обстановка способствовала подъему освободительной борьбы черных в США. К числу важнейших факторов в этом отношении следует прежде всего отнести победоносные национально-освободительные движения в странах Африки и Азии, а также успехи национального строительства в СССР и других социалистических странах. «Негритянское движение протеста испытывало воздействие процессов, происходящих во всем мире, особенно африканской революции»,—писал в 1968 г. видный деятель Компартии США К. Лайтфут[125].

Подъем движения черных в 1955—1968 гг., получивший в американской литературе название «негритянской революции», последовательно прошел два этапа: борьбы за принятие конгрессом США законов о гражданских правах и борьбы за осуществление этих законов. На каждом этапе афро-американцы действовали в трех основных направлениях: против социальной сегрегации рас, против политической изоляции цветного населения и против экономической дискриминации, практикуемой в отношении черных. Все три направления в той или иной степени переплетались, но каждое из них в названной последовательности выдвигалось на передний план по мере расширения и углубления освободительного движения черных.

Движению за равноправие, как уже говорилось, непосредственно предшествовала в основном легалистская борьба НАСПЦН против расовой сегрегации в школах, жилищном вопросе, в области медицинского об-

---

[121] South Atlantic Quarterly, 1961, N 4, p. 455, 459.
[122] Congressional Record, vol. 109, pt 5, p. 10988.
[123] Nation, 1963, July 27, p. 36.
[124] Ibid., 1961, Febr. 4, p. 93—94.
[125] Цит. по: Вехи боевой истории: 60 лет Коммунистической партии США. М., 1983, с. 254.

служивания и, что особенно важно, в сфере найма на работу. Несмотря на свой во многом верхушечный и ограниченный характер, эта борьба еще в 50-е годы принесла отдельные успехи, содействуя сплочению черного населения и помогая ему преодолеть чувство беспомощности и апатии. Первым сигналом к активизации борьбы против расовой сегрегации послужило яркое выступление в начале февраля 1955 г. черного конгрессмена А. К. Поуэлла в палате представителей конгресса США. Поуэлл потребовал тогда принять закон против линчеваний, отмены избирательного налога, системы пеоната и расовой сегрегации в жилищной сфере. Вслед за тем в столице США, а потом и в других городах страны развернулось движение черных против расовой сегрегации в различных сферах общественной жизни.

В связи с тем что в сфере обслуживания расовая сегрегация почти в равной мере ущемляла гражданские права всех афро-американцев независимо от их социально-классовой принадлежности, борьба против сегрегации в этой области позволяла с предельной быстротой и в максимальных масштабах объединить психологически и организационно все черное население, особенно на Юге, где расовый гнет всегда был сильнее, чем в других регионах США. Понятно почему лидеры движения за равноправие во второй половине 50-х годов сосредоточили основное внимание именно здесь.

Однако подлинным толчком к «негритянской революции» явилось малоприметное вначале событие: 5 декабря 1955 г. скромная черная швея Роза Паркс из г. Монтгомери (штат Алабама) отказалась подчиниться расистским правилам пользования городским автобусом. Мужественный поступок женщины вскоре повлек за собой организованный массовый бойкот местного городского транспорта, который явился одной из форм тактики прямых ненасильственных массовых действий, разработанной молодым негритянским священником Мартином Лютером Кингом. Эта тактика оказалась гораздо эффективнее легализма, который, как правило, стремился избегать вовлечения широких масс в борьбу. В бойкоте автобусов в Монтгомери участвовали представители разных классов и практически все черное население города: рабочие, служащие, студенты, школьники, домохозяйки, предприниматели, священники [126].

Г. Уинстон подчеркивал: «Рабочие сыграли особую роль в Монтгомери, превратив бойкот в исторический поворотный момент» [127]. В стране и за рубежом развернулось массовое движение цветного и белого населения в поддержку бойкота городского транспорта в Монтгомери. Все попытки расколоть движение черных, оклеветать или подкупить его руководителей, ослабить массовыми арестами и расистским террором провалились. Бойкот в Монтгомери, в свою очередь, привел к широкому, охватившему весь Юг движению экономического бойкота против расовой сегрегации в сфере общественных услуг в целом. А в мае 1956 г. на массовом митинге в Нью-Йорке, созванном по инициативе НАСПЦН и Ф. Рэндолфа, было объявлено о начале общенациональной кампании против сегрегации. Подобный же митинг состоялся летом того же года в Сан-Франциско.

---

[126] Подробнее о бойкоте см.: *King M. L.* Stride toward Freedom. The Montgomery Story. N. Y., 1958.

[127] *Уинстон Г.* Стратегия борьбы черного населения. М., 1975, с. 257.

Уже во время первой кампании бойкотов дала о себе знать тенденция к объединению организаций и движений противников сегрегации Юга, Севера и Запада. Эту линию отстаивала созданная под руководством М. Л. Кинга в 1957 г. Южная конференция христианского руководства (ЮКХР). В 1957—1959 гг. М. Л. Кинг явился одним из инициаторов и организаторов других массовых выступлений борцов против расовой сегрегации. 17 мая 1957 г. состоялось «Паломничество свободы»; 26 октября 1958 г.— марш молодежи в поддержку десегрегации школьного образования (в этом марше приняли участие более 10 тыс. человек из штатов Восточного побережья и Среднего Запада США); 1 января 1959 г.— массовый (2 тыс. человек) поход в Ричмонд (штат Виргиния) с той же целью; 11 апреля 1959 г.— массовый (более 26 тыс. участников) поход молодежи на Вашингтон, поддержанный не только ведущими организациями интеграционистов (ЮКХР, НАСПЦН, НГЛ, Братство проводников спальных вагонов), но также Национальной ассоциацией студентов, насчитывавшей около 1,5 млн. членов, профсоюзами (рабочих транспорта, мебельной промышленности, портных женской одежды и др.) и церковными организациями. На этот раз участники похода требовали не только десегрегации учебных заведений, но и справедливого найма на работу, а также ликвидации безработицы среди черных. Это расширение программы борьбы отражало возраставшую роль рабочих (черных и белых) в движении за гражданские права.

В 1960—1961 гг. всю страну охватили массовые «сидячие демонстрации», участники которых требовали покончить с расовой сегрегацией в сфере услуг. Они были поддержаны отдельными профсоюзными и церковными организациями страны. Движение началось стихийно, но затем его возглавила новая массовая радикальная в то время организация — Студенческий координационный комитет ненасильственных действий (СКННД)[128]. Главную силу «сидячих демонстраций» составляли представители черного студенчества, демократической интеллигенции, служащих, рабочей молодежи. Только за первые шесть месяцев в этих выступлениях на Юге участвовало около 200 тыс. человек. Местные власти и расистские организации пытались подавить движение силой. Но оно прекратилось лишь после того, как на Юге фактически была десегрегирована значительная часть сферы услуг. «Сидячие демонстрации» положили начало широкому межрасовому движению против расовой сегрегации и привели к сближению ведущих организаций, выступавших под лозунгами расового равенства.

В 1961 г. в движении против расовой сегрегации на передний план выдвинулась другая форма борьбы: «рейсы свободы», основное руководство которыми взял на себя Конгресс расового равенства (КРР) при поддержке ЮКХР, СКННД и НАСПЦН. «Рейсы свободы» начались 4 мая 1961 г., когда группа черных и белых двинулась на автобусах из Вашингтона в Новый Орлеан через южные штаты Виргиния, Северная Каролина, Джорджия, Алабама. Участники рейсов добивались, чтобы черных обслуживали наравне с белыми в местных ресторанах, автовокзалах, станционных буфетах, на бензозаправочных станциях, в мотелях и т. д. «Рейсы свободы» по плану КРР должны были закончиться 17 мая 1961 г. Но движение продолжало развиваться стихийно. Со временем его возг-

[128] С 1969 г.— СКК.

лавили четыре организации: Южная конференция христианского руководства, Студенческий координационный комитет ненасильственных действий, Студенческое движение Нашвилла и Конгресс расового равенства [129].

Национальный комитет КП США обратился с открытым письмом к американскому народу, в котором говорилось: «Мы гордимся такими американскими традициями, как аболиционизм, профсоюзное и негритянское движения, которые внесли огромный вклад в борьбу за демократию... „Рейсы свободы" продолжают эти славные традиции» [130]. Коммунисты активно и мужественно включились в движение, помогая ему правильно понять условия борьбы, ее непосредственные и долговременные цели. В ответ на «рейсы свободы» расисты решили подавить это движение силой. Главарь американской нацистской партии Рокуэлл направил на Юг «автобусы ненависти» для борьбы с участниками «рейсов свободы», многие из которых уже пострадали в жестоких схватках с куклуксклановцами и полицией. В этот ответственный момент в условиях нависшей опасности над силами демократии со стороны крайней реакции правительство Дж. Кеннеди заняло позицию невмешательства, а министр юстиции Р. Кеннеди призвал борцов против расизма воздержаться от дальнейших поездок до «охлаждения» накалившейся обстановки.

Убедившись в том, что федеральное правительство ограничивается лишь призывами к властям южных штатов соблюдать порядок, но не предпринимает никаких конкретных мер против расистских сил, черные борцы за свободу решили продолжать наступление на силы расизма и укреплять единство своих рядов. С этой целью в Атланте (штат Джорджия) 27 мая 1961 г. был создан Координационный комитет «рейсов свободы», в который вошли представители Южной конференции христианского руководства, Студенческого координационного комитета ненасильственных действий и Студенческого движения Нашвилла.

«Рейсы свободы», закончившиеся во второй половине августа 1961 г., явились силой, которая пробила значительную брешь в стене расизма на Юге. Крупным предпринимателям, которые понесли большой ущерб в результате этих «рейсов», а также организованных в их поддержку массовых демонстраций, пикетов и экономических бойкотов предприятий, практикующих расизм, пришлось пойти на некоторые уступки. Многие частные предприниматели вынуждены были отказаться от дискриминационной практики в отношении черных.

«Рейсы свободы» послужили запалом для воспламенения социальной активности черного населения, годами и десятилетиями подавляемого террором и запугиваниями. Чрезвычайной остроты достигла массовая борьба черных против расовой сегрегации в сфере услуг и против расистской практики найма на работу в Бирмингеме (штат Алабама) в апреле 1963 г. В ходе подавления демонстраций черных в Бирмингеме многие лидеры и активисты их движения были убиты, тюрьмы переполнены арестованными участниками борьбы за равноправие. В таких условиях в рядах черных борцов усилились настроения в пользу организации вооруженного сопротивления расистам. События могли вылиться в кровопролитное столкновение, в национальный кризис.

---

[129] *Lomax L.* The Negro Revolt. N. Y., 1963, p. 137.
[130] People's World, 1961, July 1.

Президент Кеннеди заявил, что события в Бирмингеме создали в стране «угрожающую ситуацию». 13 мая 1963 г. по приказу президента туда срочно были направлены 3 тыс. солдат регулярной армии [131]. Немедленно против вмешательства правительства в события в Бирмингеме выступил губернатор Алабамы расист Уоллес. Он назвал президента «военным диктатором». Это означало, что в рядах американской буржуазии под влиянием усиливающегося движения черных обострилась борьба между либерально-реформистской и реакционно-консервативной группировками.

События в Бирмингеме повлекли за собой расширение и обострение борьбы против расизма во всей стране. В мае-июне 1963 г. массовыми демонстрациями и митингами солидарности с борцами Бирмингема были охвачены весь Юг, важнейшие промышленные районы Севера и отдельные штаты Запада. Многие лидеры черных, боясь оказаться изолированными от массового движения, а также учитывая изменения в настроениях и действиях его рядовых участников, вынуждены были действовать решительнее. Они заявили, что при дальнейшем бездействии местных властей и Белого дома по отношению к преступлениям расистов будет проведена широкая кампания массового неповиновения.

Под нажимом движения черных, а также учитывая реакцию протеста против расистского террора в США со стороны международной общественности, президент Кеннеди 19 июня 1963 г. (год 100-летия подписания Прокламации об освобождении черных рабов в США) внес в конгресс законопроект о гражданских правах. Он был направлен главным образом против дискриминации в системе школьного образования, в области избирательных прав и сфере обслуживания. Это выступление Кеннеди и сильная оппозиция в конгрессе по отношению к его биллю привели к дальнейшему усилению борьбы черных. Главным лозунгом движения стало требование принятия нового закона о гражданских правах. Началось общенациональное движение в поддержку этого законопроекта, против реакционного блока диксикратов и правых республиканцев в конгрессе. Лидеры афро-американцев предупредили конгресс о том, что они организуют массовый «поход на Вашингтон», «сидячую забастовку» в Капитолии и национальную кампанию гражданского неповиновения, если будет предпринята обструкция в отношении предложения президента. М. Л. Кинг заявил, что черные поднимутся на «национальный бунт», если конгресс не примет закон о гражданских правах.

Президент Кеннеди призвал черных борцов прекратить демонстрации на время, пока конгресс будет решать вопрос о новом законе. Однако движение за гражданские права нарастало по всей стране. К лету 1963 г. движением за гражданские права прямо или косвенно были охвачены уже около 50 млн. человек [132]. В борьбе участвовали представители различных групп черного населения (рабочих, фермеров, служащих, интеллигенции, буржуазии, духовенства), а также массы белых американцев, и прежде всего значительная часть организованных рабочих, учащейся молодежи, интеллигенции, духовенства.

Широкий размах борьбы, охватившей почти все районы Соединенных Штатов (различные массовые выступления борцов за равноправие были

---

[131] US News and World Report, 1963, May 20, p. 38; May 27, p. 41.
[132] Political Affairs, 1963, Dec., p. 8.

зарегистрированы в 30 штатах), свидетельствовал о том, что движение за гражданские права приняло подлинно массовый характер[133]. Но организационно оно еще не было оформлено. Первостепенное значение поэтому приобрел вопрос о едином руководстве этим движением. Несмотря на проявленное стремление к единству действий, соединению финансовых ресурсов и сходство программ отдельных негритянских организаций в период «сидячих демонстраций» в 1960 г., «рейсов свободы» 1961 г., «бирмингемского кризиса» 1963 г., в отношении стратегии и тактики движения, его организационных принципов между их лидерами по-прежнему не было согласия.

Наиболее заметную роль в движении начинал играть Кинг и руководимая им Южная конференция христианского руководства. География деятельности этой организации расширилась: в конце 1960 г. был создан северный филиал ЮКХР, а в начале 1961 г. организована Западная конференция христианского руководства[134].

На развитие общественно-политических взглядов Кинга и эволюцию разрабатываемой им программы движения черных оказали влияние различные факторы: обострение и углубление кризиса расовых отношений в США по мере дальнейшего усиления общего кризиса капитализма, стихийное нарастание массового движения против ужесточения расового гнета и усиления капиталистической эксплуатации цветных американцев монополиями, расширение географии этого движения, переросшего региональные рамки и превратившегося в общенациональное движение всего черного населения США, антидемократическая политика правящих кругов в национальном вопросе, сдвиги в экономике США, принципиально новое соотношение сил на международной арене.

Разнообразными и порой противоречивыми были идейные источники мировоззрения М. Л. Кинга. Он опирался на социально-философские и этические догматы христианского вероучения, а также на идеи американских буржуазных революций; на принципы ненасилия, выдвинутые американским писателем, философом и публицистом прошлого века Г. Д. Торо и М. К. Ганди, общественным деятелем Индии; на труды и выступления крупнейших представителей демократической и радикальной мысли — афро-американцев Ф. Дугласа, Т. Фортьюна, У. Дюбуа, П. Робсона; на элементы антирасизма и антиколониализма в трудах и выступлениях черных националистов Букера Т. Вашингтона и Маркуса Гарви; на толстовский принцип непротивления злу насилием; на отдельные положения научного социализма.

Одной из наиболее сильных сторон общественно-политических взглядов М. Л. Кинга являлась его критика «американской системы», идеологии, внутренней и внешней политики правящих кругов страны. Анализируя процесс имущественной поляризации и углубления социальных антагонизмов в стране, Кинг подчеркивал, что «весь социальный строй США трещит по швам», и заявлял, что «общество, порождающее нищих, нуждается в переустройстве»[135]. Выступая в защиту прежде всего масс городской и сельской бедноты США, Кинг резко критиковал совершенно неудовлетворительное состояние системы социального обеспечения в стране. «Государство,— писал он,— которое из года в год тратит на военные

[133] Political Affairs, 1963, Dec., p. 8; Freedomways, 1964, vol. 4, N 3, p. 49.
[134] *Митрохин Л. Н.* Негритянское движение в США: идеология и практика. М., 1974.
[135] *King M. L.* Showdown for Nonviolence.— Look, 1968, Apr. 16, p. 23—25.

нужды больше денег, чем на программы социального благосостояния, приближается к духовной гибели» [136]. Американцы, считал он, должны произвести радикальную переоценку ценностей и как можно скорее превратить общество, «ориентирующееся на вещи», в общество, «ориентирующееся на человека».

Разумеется, наиболее сильной стороной выступлений Кинга было обличение им расистских порядков, царящих в США. Правда, первоначально он недооценивал классовую природу расовых отношений в США. Подобная неверная установка приводила Кинга к ошибочному утверждению о вине всех белых американцев [137] за сохранение расистских порядков. Но по мере дальнейшего развития социальных конфликтов в США Мартин Лютер Кинг приблизился к осознанию классовой природы американского расизма.

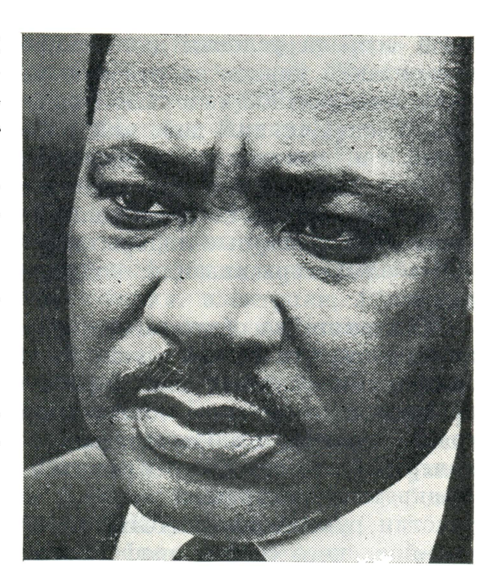
Если в начале своей деятельности, которое совпало по времени с «холодной войной», Кинг в определенной мере отдавал дань антикоммунизму, то по мере своего роста как идеолога и руководителя массового движения за гражданские права он сумел преодолеть свои заблуждения. Незадолго до гибели М. Л. Кинг уже открыто отвергал пагубные принципы антикоммунизма, культивируемые наиболее реакционными силами США. Он писал: «Иррациональный антикоммунизм, которым мы одержимы, слишком часто заводил нас в трясину, и едва ли следует стараться сохранить его, как если бы это был один из видов научного мышления» [138].

Важной составной частью общественно-политических взглядов М. Л. Кинга, а также разрабатываемых им программ, стратегии и тактики освободительного движения черных являлся вопрос о внутренних и внешних союзниках афро-американцев. Стратегия Кинга ориентировалась прежде всего на боевой союз белых и цветных трудящихся (в отличие от стратегии лидеров НАСПЦН, НЛГ и Ф. Рэндолфа, стремившихся лишь к интеграции верхушек черного и белого населения страны). Кинг в новых исторических условиях развивал выдвинутую еще в прошлом веке основоположниками научного социализма, а также Ф. Дугласом концепцию народной коалиции в борьбе против расового угнетения и неравноправия. Стремясь максимально расширить лагерь белых союзников движения черных в США, Кинг заявлял, что приветствует помощь всех организаций, борющихся за гражданские права.

В подходе к проблеме внешних союзников движения черных Кинг выражал традиции демократического интеграционизма, ориентируя черных борцов в США на союз с передовыми силами на международной арене независимо от их расовой или национальной принадлежности. «Наше время,— писал Кинг,— это революционное время. На всем земном шаре люди восстают против... эксплуатации и угнетения, и из чрева неустойчивого мира появляются новые системы, девиз которых — справедливость и равенство» [139]. С полным основанием Кинг считал, что движение черных в США является составной частью всемирного процесса перемен, и в этом состоит источник его силы и долговечности [140].

---

136 *King M. L.* A Time to Break Silence.— Freedomways, 1967, vol. 7, N 2, p. 114.
137 *King M. L.* Who Is Their God? — Nation, 1962, Oct. 13, p. 209—213.
138 *Кинг М. Л.* Есть у меня мечта... М., 1970, с. 164.
139 Freedomways, 1967, vol. 7, N 2.
140 *King M. L.* The Hammer of the Civil Rights.— Nation, 1964, Mar. 9, c. 230—234.

МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ

Большое значение Кинг придавал укреплению уз солидарности негритянского движения в США с национально-освободительными движениями в Африке, Азии и Латинской Америке. Он утверждал, что афро-американцы должны быть «непримиримыми, пока их братья... в Азии, Африке и Латинской Америке не перестанут быть жертвами империалистической эксплуатации» [141].

Председатель КП США Г. Уинстон писал, что, хотя Кинг не был марксистом, тем не менее он постепенно приближался к такой стратегии, которая в основных чертах совпадала с марксистско-ленинской концепцией антимонополистической борьбы, подразумевающей совместное участие черных и белых рабочих, пуэрториканцев, чиканос (сельскохозяйственных рабочих мексиканского происхождения) в борьбе против войны, бедности, расового и национального гнета и унижений. В то же время Уинстон отмечал, что взгляды Кинга не совпадали с марксистским пониманием роли рабочего класса не только как главной социальной силы, но и как руководящей силы антимонополистической борьбы, хотя Кинг постепенно подходил к такому пониманию [142].

Рост влияния новых организаций афро-американских борцов за свободу (ЮКХР, СККНД и КРР) привел к кризису старых (НАСПЦН и НГЛ): расколу в руководстве, вынужденному отказу их лидеров от традиционных, только легалистских методов. Борьба внутри НАСПЦН и НГЛ между сторонниками и противниками тактики прямых ненасильственных действий в конечном итоге завершилась победой сторонников М. Л. Кинга. Она была одержана на 54-м ежегодном съезде НАСПЦН в начале июля 1963 г. в Чикаго. Съезд принял резолюцию о расширении прямых действий в форме массовых демонстраций, походов протеста, митингов и т. п. Это решение организационно подкреплялось предоставлением национальному руководству ассоциации полномочий не только корректировать действия местных руководителей, но и отстранять их от руководства, если они тормозили или недостаточно активно поддерживали прямые действия. На съезде также было принято решение о создании специальных молодежных групп, которые должны были направляться в центр массовой борьбы для организации демонстраций и руководства экономическими бойкотами предприятий, практикующих расовую дискриминацию.

И в Национальной городской лиге к этому времени также одержала верх линия Кинга [143]. После победы сторонников Кинга в НАСПЦН и

[141] *Кинг М. Л.* Указ. соч., с. 165.
[142] *Уинстон Г.* Стратегия борьбы черного населения, с. 222, 259.
[143] *Lomax L.* Op. cit., p. 116.

НГЛ созрели условия для совместного выступления всех влиятельных организаций борцов за расовую интеграцию. Их представители встретились 2 июля 1963 г. в Нью-Йорке и достигли первого важного соглашения о координации действий в борьбе за закон о гражданских правах. Было, в частности, принято решение учредить общий фонд в 1,5 млн. долл., чтобы финансировать демонстрации за гражданские права, и составлен план проведения массового «похода на Вашингтон» 28 августа 1963 г. Черные лидеры встретились также с представителями более 100 «белых» организаций, поддерживавших законопроект о гражданских правах [144].

Так возникло объединение организаций, получившее название «Большая шестерка». В него вошли шесть организаций: ЮКХР, КРР, СККНД, Американский совет негров-рабочих (АСНР), НАСПЦН и НГЛ. Ближайшей задачей этого объединенного руководства стала подготовка массового «похода на Вашингтон» с целью потребовать от американского конгресса немедленного принятия нового закона о гражданских правах. Конкретная программа «похода на Вашингтон» была разработана при участии руководителя АСНР Ф. Рэндолфа, Г. Ван Арсдейла (президент нью-йоркского совета профсоюзов АФТ—КПП), Б. Растина, главы Подготовительного комитета по организации «похода на Вашингтон», и некоторых других общественных деятелей, как черных, так и белых.

Президент Кеннеди принял лидеров предстоящего похода. Они изложили ему выработанную ими программу, в которой значительное место отводилось требованиям, касавшимся интересов рабочего класса США в целом и особенно черных рабочих: широкая федеральная программа по обучению и трудоустройству безработных, повышение минимума заработной платы, распространение закона о почасовой заработной плате на миллионы не охваченных его действием рабочих, федеральный закон о справедливом найме на работу, запрещавший расовую дискриминацию в сфере трудоустройства; изъятие федеральных фондов из всех программ и мероприятий, допускающих расовую сегрегацию и дискриминацию; сокращение мест в конгрессе США для тех районов, где граждане лишены избирательных прав; нормализация жилищных условий, десегрегация сферы услуг и школьной системы [145].

28 августа 1963 г. более четверти миллиона американцев — черных и белых — вышли в поход. С 6 часов утра каждые 10 минут к перрону вашингтонского вокзала с разных концов страны подходили «поезда свободы». Тысячи пассажиров строились в колонны и направлялись к главному сборному пункту — памятнику первому президенту страны Джорджу Вашингтону. В центр города устремились и десятки тысяч афро-американцев, живущих в Вашингтоне. Значительная часть правительственных учреждений, банков, магазинов и деловых контор была закрыта. Вокзал, автостоянки патрулировались усиленными отрядами полиции, национальной гвардии, регулярных войск. Неподалеку от центра города стояли два армейских полка.

С утра у министерства юстиции появились пикеты. Плакаты пикетчиков гласили: «Прекратите убийства и издевательства над неграми в южных штатах!», «Министерство юстиции защищает только белых».

---

[144] US News and World Report, 1963, July 15, p. 19.
[145] AFL—CIO News, 1963, July, 31.

К 2 часам дня зеленое поле перед монументом Вашингтону было до отказа заполнено людьми. Собралось более 200 тыс. человек. Они организованно двинулись к памятнику президенту Линкольну. Там начался массовый митинг. Среди выступавших был и Мартин Лютер Кинг. На всю страну прозвучала тогда его знаменитая программная речь «Есть у меня мечта...».

Несмотря на отказ официального руководства АФТ—КПП участвовать в этом походе, значительная часть белых рабочих (более 50 тыс.) и профлидеров, в том числе и У. Рейтер, приняли в нем активное участие. Это были автомобилестроители, сталелитейщики, электрики, швейники, рабочие мясной промышленности, транспорта, торговли. Плакаты, которые несли организованные рабочие 28 августа 1963 г., отражали общие цели черных и белых трудящихся: «Работы!», «Сократить рабочий день!», «Повысить минимум заработной платы!». Одним из главных требований участников похода было расовое равноправие в трудоустройстве и ликвидация безработицы: 40% черных и 28% белых демонстрантов считали это первостепенной задачей[146]. Участники похода требовали также немедленного утверждения закона о гражданских правах.

Но еще почти год пришлось афро-американцам и их белым союзникам бороться за этот закон, который вступил в силу лишь 22 июля 1964 г. В нем частично нашли отражение основные социальные, политические и экономические требования борцов за гражданские права. Но запрещение расовой сегрегации предусматривалось лишь в сфере услуг и в школьной системе. К тому же закон носил преимущественно декларативный характер. Самое же главное состояло в том, что даже в урезанном (после длительных дебатов в конгрессе) виде этот закон, как и предыдущие акты по гражданским правам, остался на бумаге. Именно это и вызвало резкое обострение расовых отношений, усиление радикальных течений в освободительном движении черных (а вместе с ними и левацких тенденций) и распространение такой формы социального протеста, как расовые бунты и индивидуальный террор.

С учетом изменившейся ситуации как в стране в целом, так и в самом освободительном движении черных, вступившем (по мере расширения его социальной базы и усиления в нем роли рабочих) в новую фазу развития и выдвинувшем на первый план социально-экономические проблемы, решение которых требует изменений коренных устоев существующего строя, в качестве альтернативы левацкому экстремизму Кинг и его соратники выдвинули два новых направления движения: во-первых, борьбу за ликвидацию системы черных гетто и, во-вторых, сближение движения черных с массовым рабочим и общедемократическим движениями. Штаб-квартира ЮКХР была перенесена с Юга на Север, в Чикаго — «северный центр расовой сегрегации», по определению Кинга.

Изменение географического центра возглавляемого Кингом движения было обусловлено сдвигом в его социальной базе, в которой основную роль стала играть беднота крупнейших городов США и особенно Севера при отливе попутчиков (либеральной буржуазии, студенчества, буржуазной интеллигенции, верхушки организованных рабочих) из движения. Изменение географического центра этого движения было связано и с установкой Кинга на сближение борьбы черных с массовым рабочим дви-

[146] Congressional Record, vol. 109, pt 5, p. 5903.

жением страны, более организованным и сильным на Севере, чем на Юге.

По предложению Кинга в Чикаго в 1966 г. состоялась встреча 168 местных негритянских, профсоюзных, церковных и других организаций, которая утвердила программу борьбы за ликвидацию черных гетто. Важно, что Кингу удалось при этом заручиться поддержкой (в том числе и финансовой) со стороны некоторых профсоюзов. Движение за ликвидацию трущоб охватило не только Чикаго, но и Вашингтон, Балтимор и многие другие города страны. Основными формами этой борьбы были бойкоты школ и предприятий, находившихся вне трущоб и практиковавших расовую сегрегацию в отношении черных, массовые митинги, уличные демонстрации, «марши протеста» и т. п. Ставилась задача покончить с расовой сегрегацией и в жилищном вопросе.

Кроме борьбы против расовой сегрегации, важнейшее место в движении под руководством Кинга занимала борьба против политической изоляции черного населения США. Она велась главным образом на Юге и носила широкий характер. Наиболее активную роль в ней играли массы студенчества, а также интеллигенция и отдельные представители либеральной буржуазии.

Еще в ноябре 1957 г. в Атланте (штат Джорджия) на конференции южных борцов за равноправие, возглавленной М. Л. Кингом и Р. Уилкинсом, был выработан план конкретных действий в борьбе за претворение в жизнь закона 1957 г. об избирательных правах. Кинг предложил лидерам НАСПЦН кооперироваться с Южной конференцией христианского руководства в борьбе за регистрацию черных избирателей. С этой целью НАСПЦН и ЮКХР создали Ассоциацию по координации действий при регистрации и голосовании [147]. В 1960 г. был принят новый закон по гражданским правам, уделивший главное внимание вопросу об избирательных правах афро-американцев.

В связи с тщетными попытками афро-американцев добиться осуществления этого закона, а также в связи с предстоящими в 1962 г. выборами в конгресс борьба черных за избирательные права в 1961 г. усилилась, а в 1962 г. предоставление гарантированных избирательных прав стало главным политическим требованием движения черных на Юге. Наиболее массовые и влиятельные организации (в том числе и ЮКХР) создали Южный региональный совет во главе с Дж. М. Дэббсом, членом Союза южных церквей. Главной задачей совета явилось проведение регистрационной кампании среди черного населения южных штатов. Борцы за избирательные права стремились довести к выборам 1964 г. число черных избирателей до 2 млн.[148]

Одним из крупных событий борьбы за избирательные права черных, в которой лидирующую роль играл Кинг, явился массовый поход из Селмы в Монтгомери, состоявшийся в феврале-марте 1965 г. В нем участвовали несколько тысяч представителей разных социальных слоев черного и белого населения. В походе приняли участие 40% черного населения Селмы [149]. Главной целью этого движения было обеспечение на

---

[147] Crisis, 1958, N 1, p. 6.

[148] *Уинстон Г.* Негры США: опыт борьбы и его уроки.— Мировая экономика и междунар. отношения, 1963, № 9, с. 65.

[149] *King M. L.* Where Do We Go from Here: Chaos or Community? N. Y., 1967.

Юге, в частности в штате Алабама, возможностей беспрепятственной регистрации черных избирателей и их участия в выборах. Против масс безоружных участников похода местные власти Алабамы направили конную полицию. Тысячи афро-американцев (в том числе и М. Л. Кинг) были арестованы и брошены в тюрьму. В стране состоялись многотысячные демонстрации и митинги в знак солидарности с участниками похода. Правительство в таких условиях вынуждено было передать национальную гвардию Алабамы в распоряжение министра обороны США и послать федеральных чиновников для обеспечения регистрации черных избирателей.

Логика борьбы черных, развивавшейся параллельно с другими формами демократического движения масс в США в 60-х годах, неизбежно должна была привести и в определенной мере действительно привела Кинга к выводу, во-первых, о необходимости дополнить борьбу против расовой сегрегации и политической изоляции цветных массовым движением против экономического бесправия и сверхэксплуатации и, во-вторых, о необходимости боевого объединения негритянского и рабочего движений в борьбе за социальный прогресс страны. Важным шагом в этом направлении стала проходившая 17—18 февраля 1961 г. конференция 700 профсоюзных лидеров, в которой участвовали представители Южной конференции христианского руководства, НАСПЦН, Национальной городской лиги, женских и церковных организаций. Эта конференция приняла программу борьбы против расовых предубеждений и дискриминации при найме на работу (включая правительственные учреждения) и приеме в профсоюзы. Обсуждался также вопрос о возросшей безработице среди негров [150].

Большое значение Кинг придавал идее организации весной и летом 1968 г. массового похода цветных и белых бедняков на Вашингтон. Согласно плану Кинга в столицу США предполагалось направить по 200 бедняков из 10 городов и 5 сельских округов страны. Участники похода должны были потребовать от федеральных властей положить конец безработице и нищете среди черных и принять билль об экономических правах граждан. Этот законопроект, разработанный Кингом и его ближайшими помощниками, был нацелен на то, чтобы гарантировать работу всем, кто хочет и может работать, и пособия тем, кто не в состоянии трудиться (детям, старикам и больным). Для реализации билля Кинг предлагал выделить значительные средства за счет сокращения военных расходов.

Важной составной частью стратегии и тактики Кинга и его сторонников во второй половине 60-х годов становилась ориентация на боевой союз негритянского и антивоенного движений в стране. Кинг понимал, что их сближение усилило бы оба движения, а при объединении с организованными рабочими явилось бы основой народной антимонополистической коалиции, направленной против реакционной внутренней и агрессивной внешней политики монополистического капитала США. С самого начала энергично выступая против войны США во Вьетнаме, Кинг подчеркивал, что она является несправедливой, незаконной и аморальной с американской стороны, а со стороны вьетнамского народа — освободительной, справедливой.

---

[150] Daily Worker, 1961, Apr. 30.

Поддержка, которую Кинг оказал движению за прекращение агрессивной войны США во Вьетнаме, вызвала взрыв ярости у его врагов. Сам Кинг однажды сказал, что «хотя вопрос о том, кто убил президента Кеннеди, важен, еще более важен вопрос, что убило его». Он не мог знать, что такие же слова будут произнесены и в связи с его гибелью. 4 апреля 1968 г. в Мемфисе Кинг был сражен пулей убийцы.

5. ЗАРОЖДЕНИЕ ЛЕВОРАДИКАЛЬНОГО ПРОТЕСТА МОЛОДЕЖИ

Бурное десятилетие 60-х годов было ознаменовано подъемом массового движения американской молодежи. Феномен так называемого «студенческого бунта» во многом определил своеобразие социально-политического и в еще большей степени — культурно-идеологического климата Соединенных Штатов 60-х годов.

Протест против расового неравенства и агрессивной войны в Индокитае вызвал к жизни широкое демократическое движение и привел впервые после 30-х годов к серьезной политической поляризации в стране, в которой студенчество наряду с негритянским населением выступило как наиболее массовая оппозиционная системе государственно-монополистического капитализма сила. Отсутствие массовых политических организаций рабочего класса обусловило особую роль и влияние молодежного движения в США по сравнению с другими развитыми капиталистическими странами, также охваченными протестом молодых. В США политические выступления молодежи начались в первой половине 60-х годов и достигли апогея к 1970 г., тогда как в Западной Европе они приходятся на самый конец десятилетия.

Молодежный протест 60-х годов, в котором преобладал леворадикальный политический активизм, отразил обострение общего кризиса капитализма не только в социально-политической области, но и в сфере общественного сознания и культуры. Он был направлен против современной буржуазной цивилизации в целом — ее экономики и политики, образа жизни и этики, религии, идеологии, искусства.

В социальном отношении бунт молодежи 60-х годов представлял собой реакцию на острейшие противоречия между новыми процессами, порожденными научно-технической революцией, и общественной системой капитализма в ее совокупности — от отношений собственности и власти до всей сферы духовной культуры. Отсюда характерная особенность леворадикального молодежного движения 60-х годов — органическое переплетение социально-политических и культурных аспектов. Эта особенность проявилась наиболее отчетливо в главной стране капиталистического мира — Соединенных Штатах. На протяжении всей истории движения 60-х годов молодые американцы связывали свои самые острые политические выступления с протестом против «системы деперсонализации, превращающей молодежь в толпу роботов», и противопоставляли свои этические установки официальной морали.

Противоречия, вызванные к жизни НТР в условиях государственно-монополистического капитализма, драматически переживались в тот период интеллигенцией, социальная роль которой существенно изменилась: к началу 60-х годов она стала важной производительной силой и

из узкой привилегированной прослойки капиталистического общества превратилась в массовый слой наемных тружеников. Утратившая прежнюю относительную свободу, интеллигенция особенно остро реагировала на рост авторитарно-бюрократических тенденций государственно-монополистического капитализма, направленных на жесткую регламентацию и подавление личности. Это создало предпосылки для развития антимонополистических настроений в ее среде.

На практике подобные настроения ярче всего проявляла молодая интеллигенция, и в первую очередь студенчество. Помимо чисто возрастной психологической особенности, активизм студенчества 60-х годов также обусловливался изменением его социальной роли (аналогичным тому, которое претерпела интеллигенция) в результате расширения высшего образования в середине XX в., получившего название «бума высшего образования», и превращения высших учебных заведений из обеспечивавших привилегированный статус учреждений в фабрики по массовому изготовлению специалистов. Однако недовольство студентов было вызвано не столько их неудовлетворенностью своим положением в настоящем, сколько неприятием открывавшихся перед ними перспектив будущего[151]. Это обстоятельство было связано с присущим студенческому протесту 60-х годов подчинением специфических студенческих проблем критике системы современного монополистического капитализма в целом[152].

Студенческое движение 60-х годов остро поставило насущные проблемы всего американского общества, такие, как отчуждение личности при капитализме и бездуховность буржуазной «этики потребления», бедность и расовое неравенство, задачи демократизации общественной жизни и выработки моральных критериев внешней политики. Весь этот сложный комплекс духовных, политических и социально-экономических проблем, объединяемых понятием «качество жизни», в 60-х годах становится в США в центре общественного внимания в значительной мере благодаря движению молодежного протеста.

Взрыв леворадикального политического протеста молодых (антирасистские и антивоенные демонстрации, политические марши, «сидячие» забастовки в университетских зданиях, создание леворадикальных политических организаций и группировок) оказался неожиданным для большинства американских исследователей и наблюдателей. Казалось, ничто в поведении «молчаливого поколения» 50-х годов не предвещало его бурной политической активности, свидетелями которой стали 60-е годы[153]. Лишь со временем стало очевидно, что этот протест постепенно вызревал в недрах массовой психологии и был подготовлен, говоря словами В. И. Ленина, «глубокими изменениями... во всем психическом укладе»[154] молодого поколения 60-х годов. Суть этих изменений состояла в

[151] Подробнее о социальной природе американского студенческого движения см.: *Новинская М. И.* Студенчество США: Социально-психологический очерк. М., 1977.

[152] В период наивысшего подъема движения в конце 60-х годов более 80% студенческих выступлений были связаны с общими идейно-политическими и мировоззренческими проблемами. См.: Students Protest. The Annals of the Academy of Political and Social Science, 1971, p. 41.

[153] Более того, ведущие американские специалисты по проблемам молодежи пытались теоретически обосновать свои предсказания неизбежности дальнейшего роста конформизма в массовом сознании. См., например: *Eisenstadt S. N.* From Generation to Generation. Age Groups and Social Structure. Glencoe; London, 1956; Change and Challenge/Ed. by E. Erikson. N. Y., 1963, a. o.

[154] *Ленин В. И.* Полн собр. соч., т. 9, с. 294.

духовном кризисе американского общества и вместе с тем в более или менее четком осознании передовой молодежью связи этого кризиса со всей общественной системой капитализма. В Соединенных Штатах, где «общество массового потребления» выступило в наиболее бездуховной и примитивной форме, а маккартизм и «холодная война» создали к концу 50-х годов атмосферу политического удушья, внезапный взрыв молодежного протеста прозвучал особенно внушительно.

Непосредственной причиной такого взрыва послужило обострение социально-политических противоречий американского капитализма под воздействием расовых конфликтов, и особенно агрессии в Юго-Восточной Азии. Военная авантюра Соединенных Штатов в этом регионе углубила кризис доверия не только по отношению к правительству, но и ко всей социально-политической системе американского капитализма, обнаружившей как политическую и военно-стратегическую, так и моральную несостоятельность в связи с неоправданностью в глазах американцев целей и средств этой войны. Бессмысленный характер войны в сочетании с традициями изоляционизма в массовом сознании американцев обусловил размах антивоенного движения в США и поддержку антивоенных выступлений молодежи значительной частью населения страны. Для молодежи США, помимо общих причин неприятия этой войны, существовали и более специфические, поскольку призыв в армию и принудительное участие в непопулярной войне затрагивали в первую очередь эту категорию населения.

В 1960 г. создаются основные леворадикальные молодежные организации — Студенческий координационный комитет ненасильственных действий (СККНД) и Студенты за демократическое общество (СДО). СККНД, первоначально межрасовый по составу, к середине 60-х годов превратился в чисто негритянскую организацию. Усиление национализма и отстранение от руководства белых активистов постепенно привели СККНД к изоляции от растущей борьбы белой молодежи, что способствовало его упадку.

Деятельность СДО, организации также в принципе межрасовой, но состоявшей главным образом из белой молодежи, была более продолжительной (до 1969 г.). Первым президентом СДО стал Т. Хейден; в числе ее активных деятелей были студенты, молодые университетские преподаватели и другие представители левой интеллигенции. На протяжении 60-х годов СДО создавала ячейки во многих учебных центрах США, в том числе в таких крупнейших университетах, как Колумбийский, Принстонский, Йельский, Мичиганский, Калифорнийский и др. Превращение СДО в боевую политическую организацию радикальной молодежи датируется июнем 1962 г., когда на конгрессе в Порт-Гуроне (штат Мичиган) была принята декларация СДО, в значительной мере воплотившая программные установки левых радикалов [155].

Ряд теоретически слабых и ошибочных представлений (в частности, недооценка прогрессивной роли американского рабочего класса), отсутствие четкой позитивной программы, пренебрежение организационной стороной движения сочетались в деятельности новых радикалов с убедительной и достаточно глубокой критикой пороков современного амери-

[155] Программные документы студенческих радикалов в США: см.: The New Left. A Documentary History/Ed. by M. Teodory. N. Y., 1969; The New Radicals. A Report with Documents/Ed. by P. Jacobs, S. Landau. N. Y., 1966.

канского общества. В числе положительных сторон политической программы СДО следует отметить ее отказ от антикоммунизма и провозглашение межрасового принципа социально-политической борьбы.

Первые массовые выступления леворадикальной молодежи датируются 1960 г. Поводом для них послужили эксцессы расовой дискриминации, которые протестующая молодежь связывала с широким кругом общественно-политических вопросов.

РАЗГОН СТУДЕНЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ

Принятие Порт-Гуронской декларации произошло в момент дальнейшего подъема движения, когда наряду с протестом против расизма начались антивоенные выступления молодежи. Основной формой деятельности радикалов в этот период была просветительная работа в трущобах среди негритянской бедноты. Заканчивается этот этап «движением за свободу слова» в студенческом городке Калифорнийского университета в Беркли (осень 1964 г.) — первым массовым выступлением в университетском кампусе, показавшим стране серьезность студенческого движения и положившим начало новой тактической форме борьбы студентов — «сит-ин» (sit in) — разновидность «сидячей» стачки, сопровождавшейся захватом учебных помещений протестующими студентами[156].

[156] Подробнее о событиях в Беркли, а также последующей истории молодежного движения 60-х годов см.: США: студенты и политика/Отв. ред. В. С. Зорин, Л. А. Салычева. М., 1974; *Фурсенко А. А.* Критическое десятилетие Америки: 60-е годы. Л., 1971.

Чисто университетские проблемы также занимали определенное место в требованиях студенческих радикалов-активистов, хотя, как уже отмечалось, они были подчинены общеполитической и общекультурной проблематике. Радикалы выступали за введение студенческого самоуправления в университетах, за либерализацию учебного процесса и быта студентов и т. п. Резкой критике подверглось само содержание высшего образования, его оторванность от важнейших социальных и морально-этических проблем американского общества. Особенно острая борьба развернулась против подчинения университетов военно-промышленному комплексу США.

В начале 60-х годов появились и первые коммуны хиппи[157] — молодых людей, избравших неполитические, пассивные формы социального протеста, тщетно рассчитывавших на то, что именно этот путь приведет их к «тотальному» разрыву с ненавистным «обществом потребления». Радикалы-активисты и пассивные хиппи в идейном отношении имели много общего между собой, они преследовали одинаковые цели, отвергая господствующую социальную систему. Однако методы достижения этих целей были противоположными. Одни видели выход в активном вмешательстве в политическую борьбу, другие — в духовной и физической изоляции от окружающего их буржуазного мира.

В целом американское молодежное движение 60-х годов характеризовалось традиционными для США формами непролетарского радикализма с присущими ему надклассовыми иллюзиями, тактикой ненасильственных действий и морализаторскими тенденциями.

6. РОСТ ПРАВОЙ ОПАСНОСТИ И ВЫБОРЫ 1964 Г.

В начале 60-х годов, после некоторого спада антикоммунистической истерии, связанного с отступлением маккартизма, в стране стало быстро набирать силы движение американских ультраправых. Социальному маневрированию правые силы противопоставили требования «закона и порядка», усиление полицейских репрессий. Нежелание идти по пути социальных реформ, враждебное отношение к борцам за гражданские права, к рабочему движению, яростное сопротивление каким бы то ни было регулирующим мерам, ограничивающим произвол предпринимателей, проповедь святости и неприкосновенности частнособственнических интересов — такова была общая внутриполитическая платформа американских правых. В области внешней политики они выступили решительными противниками разрядки международной напряженности, мирного сосуществования и делового сотрудничества с социалистическими странами. В риторике более «респектабельных» политиков и идеологов правого крыла прямолинейные требования ультра нередко звучали в виде лозунгов защиты прав штатов, децентрализации федеральной власти и борьбы с правительственной бюрократией, усиления роли индивидуальной ответственности, патриотизма, уважения к законам, традициям и религии.

Говоря об истоках правого движения 60-х годов, следует прежде всего иметь в виду факторы, которые определили общий сдвиг вправо в поли-

[157] Hippie (*англ.*) на молодежном жаргоне — «вихляющие», «развинченные».

тике правящих кругов США после второй мировой войны, а несколько позже обусловили и возникновение маккартизма. В международном плане действие этих факторов в условиях 60-х годов определялись дальнейшим упрочением экономического и политического могущества мировой системы социализма, нарастанием классовой и общедемократической борьбы в странах капитала, победой национально-освободительных революций и крахом колониальной системы, ослаблением экономических и финансовых позиций американского империализма в системе мирового капиталистического хозяйства и возникновением новых центров индустриальной мощи в Западной Европе и Японии.

Одним из проявлений дальнейшего углубления общего кризиса капитализма была победа Кубинской революции. Свержение режима Батисты в начале 1959 г. вызвало новый приступ ярости в правых кругах США и было использовано ими для нагнетания шовинистических настроений среди американцев и для спекулятивных обвинений в «измене» высших должностных лиц в Вашингтоне. Начиная с середины 60-х годов рост ультраправых тенденций определялся и подъемом негритянского и антивоенного демократического молодежного движения. Из внутренних факторов, способствовавших консолидации правых сил, следует указать также на приход в Белый дом в 1961 г. сторонника активизации роли государства в социально-экономической сфере Дж. Ф. Кеннеди. Его победа на президентских выборах ускорила консолидацию сил консерватизма во всех регионах страны. Особенно болезненную и бурную реакцию она вызвала в политических и деловых кругах Юга и Запада США. Одним из важных политических последствий острых противоречий между администрацией Кеннеди и консервативными интересами деловых кругов Юга явилось укрепление здесь влияния республиканской партии.

Важным фактором, стимулировавшим правое движение, явился экономический бум 60-х годов [158], упрочивший веру в индивидуальные возможности и индивидуальный успех. Множество людей были вовлечены в водоворот предпринимательской горячки. В эти и последующие годы в США ежегодно появлялись примерно 350—400 тыс. новых фирм [159]. Бурный рост новых состояний стимулировал дальнейшее развитие консервативных настроений. Особенно характерным это было для южного региона страны: возникновение здесь новых предприятий усиливало традиционный консерватизм деловых кругов и превращало его в мощный оплот политической реакции.

Социальные силы, питавшие в 60-е годы правоэкстремистское движение в США, представляли собой пестрый конгломерат различных общественных групп. Сюда входили традиционно консервативные круги американского бизнеса. В 30-х годах они оказали ожесточенное сопротивление «новому курсу», за что получили меткое название «экономических роялистов», и продолжали упорно придерживаться этой линии в последующие десятилетия. Наиболее типичным представителем этих закоренелых ненавистников социального законодательства являлся глава нефтяной компании «Сан ойл» Г. Пью, щедро субсидировавший экстремистов как в 30-х, так и в 60-х годах.

---

[158] Политическая жизнь в США, с. 5, 8.

[159] *Rosenblatt S. B., Bonnington R. L., Needler B. E., Jr.* Modern Business. Atlanta, 1977, p. 363, 367, 370.

Рядом с этой «железнобокой» гвардией консерватизма шло многочисленное племя богачей новой формации. Особую активность по уже упомянутым причинам проявляли владельцы крупных состояний Юга и Запада страны. Самой заметной фигурой среди них был техасский нефтепромышленник Г. Л. Хант. Он и ему подобные предприняли после войны «крестовый поход» против федеральных социально-экономических программ и поддержали политических деятелей, атаковавших правительство справа. Они оказали огромную материальную поддержку Маккарти.

Щедрую финансовую поддержку правым оказали такие представители «нового богатства», как семейство П. Фроули-младшего (штат Калифорния), разбогатевшее после второй мировой войны на производстве шариковых ручек, электрических и безопасных бритв и цветной кинопленки; династия промышленника из Колорадо Дж. Курса (пивоваренное производство, изготовление алюминиевой посуды, химического стекла и фарфора), и многие другие. И Фроули, и Курс создавали на свои средства пропагандистские организации, которые популяризировали идеи правых, оказывали непосредственное влияние на ход избирательных кампаний. Постоянную поддержку правым оказывали некоторые владельцы сталелитейных предприятий, заводов тяжелого машино- и моторостроения, химических, текстильных и табачных компаний. Значительные средства поступали от агробизнеса Калифорнии, Техаса и Флориды.

Огромную роль в укоренении ультраправого движения сыграл военно-промышленный комплекс. Значительная часть высокопоставленных военных США всегда придерживалась крайне консервативных воззрений. Аналогичную позицию занимали и многие военные промышленники. На формирование их политических взглядов оказали влияние по меньшей мере три фактора. Один из них — специфический характер продукции, создаваемой на их предприятиях (военное снаряжение и оружие, используемые правительством США после второй мировой войны в целях борьбы с национально-освободительным движением, с силами мира и демократии). Другой фактор — сравнительно позднее развитие военного производства в стране. Военные промышленники, как и другие представители относительно молодого бизнеса, проявляли определенное тяготение к консервативной идеологии, особенно в сфере социальных отношений. Третий, весьма важный фактор связан с размещением военного производства, которое в своем подавляющем большинстве располагалось на Юге и на Западе, где в буржуазных слоях традиционно господствовали реакционные настроения. В лице такого мощного союзника, как военно-промышленный комплекс, ультра располагали не только важнейшим каналом связи с правительством, но и мощным рычагом давления на него. Военно-промышленные круги были одним из важнейших источников финансирования правых организаций.

При анализе социальных сил, поддерживавших ультраправое движение, необходимо иметь в виду, что взгляды, которых придерживались крайне правые, составляют неотъемлемый элемент идеологии всего класса буржуазии. Однако далеко не все его представители возводят эти взгляды в абсолют и руководствуются ими в повседневной практике. Помимо идейно-классовых убеждений, существует еще и историческая реальность: американский пролетариат с его классовыми требованиями, влияние достижений мировой системы социализма и мирового революционного и национально-освободительного движения, с которыми буржуазии

приходится считаться. Вот почему признание многими представителями правящего класса социальной политики правительства и реформизма совсем еще не означает, что они осуждают или не разделяют консервативную идеологию. Подобное признание — всего лишь вынужденная уступка определенной ситуации и духу времени. Поэтому совсем не случайно, что множество компаний оказывают тайную поддержку правым силам [160]. В этом — источник их огромного общественного влияния.

Массовую базу правоэкстремистского движения составляли многочисленные слои мелкой буржуазии небольших городов и сельских округов [161]. Для мелкого бизнеса требования свободного предпринимательства и свободной конкуренции и по сей день остаются объективным выражением его устремлений и чаяний. Эти требования в первую очередь обращены против гнета крупного капитала, его партнерства с правительственной бюрократией.

Государственные субсидии и контракты, разного рода финансовые и налоговые льготы обеспечивали монополиям огромные прибыли, которые, в свою очередь, представляли им широкие возможности для социального маневра. Будучи лишенной поддержки государства, подавляющая часть хозяев мелких и средних предприятий связывали свои беды не только с наличием действительного сговора монополий с правительственным аппаратом за их счет, но и, как им представлялось, с участием в этом сговоре рабочих организаций. Признание правительством и крупными корпорациями профсоюзов, практика заключения коллективных договоров в масштабе целых отраслей промышленности, законы о минимуме заработной платы и максимуме рабочего времени, наличие разного рода социальных программ — все это в глазах мелкого бизнеса являлось более чем убедительным доказательством того, что интересы правительства и монополий, с одной стороны, и профсоюзов — с другой являются тождественными. Такая позиция объективно представляла собой не что иное, как отрицание государственно-монополистического регулирования справа, протест против расширения социальной функции государственной власти.

Активное включение современного правого движения в политическую борьбу относится к началу 60-х годов. В предшествующее десятилетие число подобных групп непрерывно росло и к середине 60-х годов достигло 3406 [162]. Щедрые пожертвования от крупных финансовых покровителей в фонд правых группировок за десять лет возросли по меньшей мере в 3—4 раза и к концу десятилетия достигли 30—40 млн. долл.[163] О числе членов ультраправых организаций и их сторонников за неимением точной статистики можно судить весьма приблизительно. Так, по некоторым неофициальным данным, в середине 60-х годов около 20% американских избирателей разделяли идеологию правого экстремизма.

В целом в начале 60-х годов правые являли серьезную политическую силу, располагавшую своими представителями в центральных и местных органах власти. По опубликованным в США данным, 162 члена палаты

---

[160] *Sutton F. X., Harris S. E., Kausen C., Tobin J.* The American Business Creed. Cambridge, 1956, p. 293, 294.

[161] *Hofstadter R.* The Paranoid Style in American Politics. N. Y., 1967, p. 74.

[162] *Clabaugh G. K.* Thunder on the Right. The Protestant Fundamentalists. Chicago, 1974, p. 21.

[163] Progressive, 1967, Jan., p. 7.

представителей (37%) и 25 сенаторов (25%) конгресса США 87-го созыва стояли на позициях правых и ультраправых организаций. Для противодействия либеральному законодательству 50 правых групп имели представительства в Вашингтоне [164]. «Угроза со стороны крайне правых,— писал в июле 1961 г. Г. Холл,— серьезна». В мире существуют две альтернативы. Одна из них прекращение «холодной войны» и курс на мирное сосуществование, другая — стремление изменить общую тенденцию мирового развития любыми средствами, включая и ядерную войну. Необходимо признать, что наиболее агрессивное и крайнее выражение этой самоубийственной политики исходит от ультраправых [165], подчеркивал руководитель Компартии США.

В великом множестве разнообразных по составу и непосредственным целям реакционных групп наиболее влиятельной и крупной являлось «Общество Джона Берча» (ОДБ). Оно было основано в конце 1958 — начале 1959 г. бывшим членом совета директоров Национальной ассоциации промышленников, кондитерским фабрикантом из Бостона Р. Уэлчем. В совет, руководящий орган ОДБ, вошли главным образом преуспевающие бизнесмены и финансисты средней руки, бывшие президенты НАП и местных ассоциаций промышленников и торговых палат. В подавляющем большинстве они представляли молодые группировки американского капитала Среднего Запада, Запада и Юга страны [166].

Основную массу членов ОДБ составляли представители средних слоев, проживавшие в западных и южных штатах страны. Здесь было много священнослужителей фундаменталистского толка, выражавших свою враждебность социальному христианству; медиков, обеспокоенных за судьбу своей частной практики; мелких и средних бизнесменов, негодующих на налоговую политику федеральных властей. Кроме того, в обществе состояло немало тех, кто связывал коррупцию, наркоманию, порнографию, проституцию, организованную преступность и другие пороки современного буржуазного общества с засильем федеральной бюрократии, с политикой либералов и с «коммунистическим заговором». К 1965 г. общество имело несколько тысяч отделений и около 100 тыс. членов [167]. Если в 1962 г. ему сочувствовали 5% американцев, то в 1964 г. уже 11% населения разделяли взгляды ОДБ [168].

Под лозунгом «Поддерживайте свою местную полицию» берчисты повели за собой десятки тысяч людей, напуганных размахом негритянского, молодежного и антивоенного движения. Решение Верховного суда США в 1963 г. о запрещении отправления религиозных церемоний в общественных школах, точно так же как и берчистская кампания за «восстановление приличия», направленная против полового воспитания в школах, и выступления правых сил против абортов, позволило ОДБ привлечь много новых сторонников.

В области международных отношений «коммунистический заговор» связывался берчистами со всеми революционными переменами, происшедшими в мире после Октября 1917 г. Правительство США, не сумевшее

---

[164] *Cook F. J.* The Ultras.— Nation, 1962, June 30, p. 571.
[165] Worker, 1961, July 16.
[166] Congressional Record, vol. 107, pt 4, p. 4606. См. также: *Lipset S. M., Raab E.* The Politics of Unreason. N. Y., 1970, p. 295—297, 309—310.
[167] Congressional Record, vol. 111, pt 15, p. 19769—19772.
[168] *Lipset S. M., Raab E.* Op. cit., p. 325.

предотвратить развитие мирового революционного процесса, обвинялось в пособничестве заговорщикам. Большое место в пропаганде ОДБ занимала в связи с этим критика так называемого «восточного» истэблишмента. К нему берчисты прежде всего относили частную весьма известную организацию — Совет по международным отношениям, представителей финансовых и промышленных кругов Уолл-стрит, многонациональные корпорации, крупнейшие благотворительные фонды и университеты северо-восточных штатов, влиятельные органы средств массовой информации.

Видное место в лагере ультра занимали весьма воинственные и крикливые религиозные фанатики — ультраправые фундаменталисты. Реакционные протестантские проповедники разделяли все важнейшие установки берчистов по вопросам внутренней и внешней политики и проявляли крайнюю нетерпимость к тем, кто не следовал за ними. Фанатизм фундаменталистов буквально пронизывал всю деятельность ультраправых групп и составлял главный стержень их идеологии [169].

Становление и развитие современного фундаментализма ультраправого толка относятся к началу 40-х годов, когда экстремистски настроенные протестантские лидеры во главе с К. Макинтайром основали воинственную федерацию — Американский совет христианских церквей (АСХЦ), претендовавший на представление всех протестантских групп фундаменталистской ориентации. АСХЦ подверг яростным нападкам социальные аспекты правительственной политики, либеральные и демократические организации, модернистские тенденции в богослужении, экуменизм. Реакционные церковники считали, что модернизм и социальное евангелие представляют огромную опасность для христианства, бьют в самое сердце «американского образа жизни», а потому по своей сути являются антиамериканскими и изменническими. Предавая анафеме социально-экономические реформы, рабочее и негритянское движение, они утверждали, в сущности, один тезис: христианство — это капитализм без реформ.

В 1948 г. в противовес Всемирному совету христианских церквей, отражавшему либеральные и экуменические тенденции, Макинтайр основал Международный совет христианских церквей — объединение фундаменталистских сект. В 50-е годы возникла еще одна организация Макинтайра — «Реформация XX века», которая в 1955 г. начала ежедневные 30-минутные радиопередачи, получившие название «Час реформации XX века». Денежные поступления организации к 1969 г. достигли 3 млн. долл. Пропагандистский аппарат Макинтайра в 60-х годах располагал сотнями радиостанций, периодическими изданиями и охватывал не менее 20 млн. слушателей [170].

Влиятельными фигурами в ультраправых кругах были быстро преуспевший в 60-х годах пастор из Талсы (штат Оклахома) Б. Д. Харджис, глава «Христианского крестового похода», утверждавший, что все, кто верит в Библию, должны быть консерваторами в политике; Ф. Ч. Шварц с его организацией «Христианский антикоммунистический крестовый поход»; лидер «Церковной лиги Америки» Э. Банди и некоторые другие церковники-фундаменталисты.

Крайне экстремистскую позицию занимали правые фундаменталисты

---

[169] *Hofstadter R.* The Paranoid Style..., p. 73.
[170] *Clabaugh G. K.* Op. cit., p. 3, 79, 82, 91.

по вопросам внешней политики. Торговлю со странами социализма они расценивали как «помощь врагу» и «национальное самоубийство». Политика мирного сосуществования изображалась ими как «тактический маневр, используемый коммунистами для установления своего контроля над миром» [171]. В 1948 г., когда Соединенные Штаты располагали монополией в ядерном вооружении, Американский совет христианских церквей опубликовал письмо, в котором призвал правительство использовать атомную бомбу для уничтожения СССР.

Вызовом мировому общественному мнению стала их позиция по вопросу о войне во Вьетнаме. В то время как в стране развертывалось массовое антивоенное движение, фундаменталистские группы проводили многотысячные демонстрации в пользу дальнейшего расширения агрессии США в Юго-Восточной Азии. Что касается освободительного движения черных в США, то для его разгрома фундаменталисты-ультра советовали направить регулярные воинские подразделения и полицию. Шовинизм, воинственный национализм сближали лидеров крайне правого фундаментализма с расистскими погромщиками.

Американский расизм является составным элементом ультраправой идеологии, а его носители всегда представляли собой важное звено правоэкстремистского движения. Расисты разделяли основные установки правых по внутренним и международным проблемам и были едины с ними в борьбе за увековечение господства белой расы и консервацию зависимого и неравноправного положения черных. Однако современная эпоха крушения колониализма и мощный подъем освободительного негритянского движения в самих США наложили известный отпечаток на характер проявления расизма в США. Наряду с традиционными для страны террористическими группами возникли и новые объединения расистов, претендующих на респектабельность. Расхождения между ними — это расхождения тактического порядка, но именно в силу этого обстоятельства наиболее экстремистские группы, открыто исповедующие насилие, по уже упомянутым причинам перестали пользоваться былой поддержкой даже среди враждебно настроенных к черным социальных групп белого населения.

Крайне правый фланг расистов США в 60-х годах составляла американская нацистская партия. Она возникла в 1959 г. в Арлингтоне (штат Виргиния) и как в теории, так и в практической деятельности копировала гитлеровскую партию. Расистский фанатизм ее лидера Рокуэлла был настолько беспредельным, что даже фаворит американских правых сенатор Б. Голдуотер оказался объектом его нападок [172]. Такая позиция нацистов США, так же как и их человеконенавистническая программа, афиширующая свою преемственную связь с гитлеризмом, не могла не оттолкнуть от них даже самые консервативные слои американского общества. В 1965 г. глава американских нацистов баллотировался в губернаторы Виргинии и собрал всего 1,2% голоса.

Значительные трудности в 60-х годах переживала старейшая террористическая организация — Ку-клукс-клан. Некоторое оживление его деятельности в эти годы было связано с попытками расистов задушить

---

[171] Christian Anti-Communism Grusade, 1976, Aug. 15, p. 1.

[172] New York Times, 1964, May 24, p. 76; July 21, p. 21; *Kolkey J. M.* The New Right, 1960—1968. N. Y. etc., 1983, p. 204.

движение негров за гражданские права. Активизация клана дала о себе знать возобновлением факельных шествий, зловещими сполохами огней сжигаемых ночью крестов, взрывами в синагогах, церквах и школах, убийствами и истязаниями негров. От рук расистских убийц погибли выдающиеся лидеры негритянского освободительного движения М. Л. Кинг, Малькольм Икс и множество других борцов за гражданские права [173], хотя официально клан и пытался отмежеваться от террористических актов и других форм физического насилия.

В эти годы клан фактически не представлял собой единой общенациональной организации, хотя глава «Объединенных кланов Америки» Р. Шелтон номинально и носил высший титул в руководящей иерархии Ку-клукс-клана. Помимо его организации, в различных штатах страны действовало независимо друг от друга до полутора десятков несколько меньших организаций. По максимальным оценкам некоторых американских авторов, общее число членов клана в 60-х годах колебалось между 50 тыс. и 100 тыс., а число сочувствовавших достигало 1 млн.[174] Эти цифры, разумеется, далеко не исчерпывали имевшихся резервов дальнейшего роста клана, так как расизм в США имеет глубокие корни во всех слоях общества.

В условиях 60-х годов, когда страна была охвачена мощными выступлениями борцов за гражданские права, а официальный Вашингтон вел лихорадочные поиски выхода из создавшейся ситуации, погромные действия клана оказывали правительству медвежью услугу. В этой обстановке правящие круги были вынуждены начать расследование его деятельности, имевшее целью сбить накал освободительной борьбы негров. Но даже такое расследование, проведенное в конце 1966 — начале 1967 г., выявило наличие тесных связей Ку-клукс-клана с властями ряда штатов и муниципалитетов, с полицией. Выяснилось также, что в некоторых местах клан фигурировал под вывесками спортивных и стрелковых клубов и занимался обучением своих членов обращению с различными видами стрелкового оружия [175].

В условиях подъема массового демократического движения более широкое распространение получил «респектабельный» расизм, представленный «Советами белых граждан» (они известны были также под названием «Гражданских советов»). Первый такой совет возник в 1954 г. в Индианоле (штат Миссисипи) как ответ расистов на решение Верховного суда США о десегрегации обучения в государственных школах. К 1956 г. эти организации распространились по всему Югу. Их цели были теми же, что и у Ку-клукс-клана: увековечение бесправного положения черных в США. Однако в отличие от скомпрометировавшего себя клана руководство «Советов белых граждан» с самого начала заявило, что выступает против насилия. Официальные декларации тем не менее не мешали некоторым из них занимать такую экстремистскую позицию, которая, в сущности, ничем не отличается от позиции клана старого образца. Такое сходство не случайно, так как в советы влилось много бывших куклуксклановцев. «Советы белых граждан» пользовались большой поддержкой состоятельных слоев общества: бизнесменов, крупных землевла-

---

[173] *Геевский И.* Черная сотня Америки. М., 1970, с. 24—26.
[174] *Thayer G.* The Farther Shores of Politics. L., p. 85, 95.
[175] Подробнее см.: The Present-Day Ku Klux Klan Movement. Report. Wash., 1967.

дельцев, юристов и политических деятелей и объединяли около 1 млн. членов [176].

Ударную силу ультраправого движения составляла военизированная секретная организация минитменов. На скрытых полигонах, расположенных в глухих местах, минитмены обучали своих членов владению оружием, которое они получали через Национальную стрелковую ассоциацию, и ведению современной партизанской войны на тот случай, если в США победит «коммунистический заговор». В досье минитменов были занесены имена видных политических деятелей, выступавших за диалог с СССР и другими социалистическими странами, за демократические реформы и либерализацию политической жизни в США, против антикоммунистической истерии и правой опасности. Многим из них они угрожали физической расправой.

Роль идеологов в лагере правых принадлежала сравнительно немногочисленным представителям академических кругов и политическим деятелям, занятым теоретическим обоснованием тех лозунгов, на платформе которых развивалось все ультраправое движение. Видное место среди них занимали экономисты старшего поколения, такие, как Л. фон Мизес и Ф. Хайек, придерживавшиеся крайне консервативной точки зрения в отношении экономической и социальной политики буржуазного государства и возглавлявшие так называемое «неоклассическое» направление в буржуазной политэкономии.

Значительные силы идеологов и теоретиков правых сосредоточены были вокруг журнала «Нейшнл ревью». Он был основан в 1955 г. сыном крупного нефтяного дельца и миллионера У. Бакли. Журнал вел и ведет непрерывную борьбу с идеологией современного либерализма, атакует неокейнсианство и базирующуюся на его принципах правительственную экономическую политику. С либерализмом они связывали подъем борьбы черных за свои права, высокие налоги, мощный всплеск преступности в стране и поражения США в Юго-Восточной Азии. Политика либерализма, утверждал журнал,— это «самоубийство Запада» [177]. «Нейшнл ревью» проповедовал ненависть к миру социализма, призывая испепелить его с помощью атомного оружия [178]. В этом пункте позиция правоконсервативных идеологов ничем не отличалась от требований экстремистских групп, от которых на словах они пытались отмежеваться.

Особое место в рядах «респектабельных» правых занимали организации, ориентировавшиеся на молодежь. В 1953 г. возник «Межуниверситетский институт исследований», имевший целью распространение идеологии воинствующего индивидуализма среди молодых американцев. Под влиянием его пропаганды во многих университетах возникли «консервативные клубы», число которых к 1968 г. достигло 100, и налажено издание ряда студенческих крайне консервативных бюллетеней и журналов. Начиная с 1960 г. институт ежегодно организовывал «летние школы» для студентов, перед которыми выступали экономисты, философы, социологи и политики, придерживавшиеся крайне правой ориентации.

На праворадикальной платформе стояла крупнейшая организация «Молодые американцы за свободу» (МАС). Ее возникновение относится

176 *Lipset S. M., Raab E.* Op. cit., p. 277.
177 National Review, 1975, May 23, p. 531.
178 American Radical Thought. The Libertarian Tradition/Ed. H. J. Silverman. Lexington (Mass.), 1970, p. 295.

к 1960 г. и связано с именами таких деятелей правого движения, как Б. Голдуотер и У. Бакли. Идеологическая платформа «молодых американцев» целиком совпадала с выводами экономистов «неоклассической школы». МАС активно участвовала в политике, стремясь обеспечить массовую поддержку полицейским репрессиям правительства внутри страны и агрессивным акциям правящих кругов на международной арене [179].

Особо следует сказать об Американском совете безопасности (АСБ), выступившем в 60-х годах в качестве лобби военно-промышленного комплекса. Совет был создан агентами ФБР как частная организация по проверке лояльности рабочих и служащих промышленных предприятий. За годы существования АСБ составил обширное досье, которое включало, как считали некоторые американские авторы, не менее 1 млн. «подозрительных» лиц [180]. Совет пользовался доверием и поддержкой крупнейших американских компаний и объединял в середине 60-х годов 3,5 тыс. представителей делового мира [181]. Стандарты «благонадежности», выработанные советом, ничем не отличаются от тех, что использовались в свое время комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, с которой совет был тесно связан. Сохраняя свои полицейские функции, АСБ стал уделять большое внимание вопросам внешней политики, специализируясь на разжигании ненависти к СССР и популяризации тезиса о достижении победы над мировой системой социализма в «холодной войне» [182].

В начале 60-х годов предпринимались неоднократные попытки консолидировать разрозненные выступления правых в рамках третьей партии. Так, в марте 1962 г. в Вашингтоне состоялась конференция, на которой присутствовали представители 75 групп. Однако идея создания консервативной партии, противостоящей республиканцам и демократам, была отвергнута большинством участников конференции. Там же было принято решение добиваться поддержки кандидатуры сенатора из Аризоны Б. Голдуотера от республиканской партии на президентских выборах 1964 г.

Избирательная кампания 1964 г. и выдвижение республиканцами в качестве своего кандидата Б. Голдуотера позволили объединить в национальном масштабе энергию многих правых групп, не выходивших ранее в своих действиях за пределы местных общин. Консервативное движение, писал ультраправый публицист У. Рашер, нашло сенатора Голдуотера, а сенатор Голдуотер нашел свое движение [183]. Основную силу сторонников Голдуотера составляли богачи Юга и Запада страны, процветающие бизнесмены и крупные провинциальные банкиры и нефтепромышленники. В орбиту движения Голдуотера были вовлечены также владельцы клиник, врачи, занимавшиеся частной практикой, издатели и редакторы мелких газет и множество других представителей преуспевавших средних слоев населения. Сюда же вошли и те, кто связывал с господством «либерального» истэблишмента упадок патриархального уклада жизни в сельских округах и мелких городах, ослабление семейных связей, моральных

---

[179] Studient Polities/Ed. by S. M. Lipset. N. Y., 1967, p. 206.
[180] *Dudman R.* Men of the Far Right. N. Y., 1962, p. 126.
[181] Congressional Record, vol. 112, pt 18, p. 24528.
[182] Homefront, 1973, June, p. 25.
[183] Цит. по: *Kolkey J. M.* Op. cit., p. 181.

устоев общества и традиционных форм религиозных верований, преступность и т. д.[184]

Внешнеполитическая программа Голдуотера отвечала духу важнейших установок правых и военно-промышленного комплекса. В книге «Почему не победа?», вышедшей в 1962 г., он решительно высказался против разоружения и требовал провозгласить «победу над коммунизмом» «ближайшей и доминирующей целью» американской политики[185]. Голдуотер предлагал порвать дипломатические отношения с социалистическими странами и развернуть против них экономическую, политическую и психологическую войну, поощрять народы стран социализма на вооруженную борьбу против их правительств. В дни Карибского кризиса Голдуотер требовал поддержать кубинских контрреволюционеров и, если потребуется, силой подавить правительство Ф. Кастро.

В начале 60-х годов влияние сторонников сенатора из Аризоны неуклонно росло, но Голдуотер решительно отверг предложение своих друзей из числа правых выступить на выборах под знаменем третьей партии. Взамен этого он разработал план превращения республиканской партии в оплот консервативных сил[186].

Щедрую финансовую помощь Голдуотеру оказали «короли нефти» Юга и Запада. Мало в чем уступали им владельцы предприятий ракетной промышленности и другие поставщики Пентагона, чьи заводы и лаборатории протянулись через весь Юг и Запад страны. Громадную роль в финансировании избирательной кампании Голдуотера сыграли промышленники и финансовые короли штата Калифорния, передавшие в кассу сенатора 1,5 млн. долл. Всего же по стране в фонд сенатора поступило 19,3 млн. долл.[187] Вместе с тем некоторые традиционно консервативные источники финансирования республиканцев оказались закрытыми для Голдуотера[188]. Ему не удалось повести за собой такие центры республиканского консерватизма, как сельские округа Новой Англии. Часть голосов республиканских штатов «пшеничного пояса» оказались также для него потерянными. Газеты Херста и некоторые другие консервативные издания поддержали кандидата демократов[189]. Голдуотер пользовался финансовой помощью некоторых промышленников Востока, но не зависел от них. Сенатор представлял новую силу — сравнительно молодые финансово-промышленные круги Юга, Запада и Юго-Запада, а также интересы военно-промышленного комплекса и расистских групп.

Крупнейшей организацией, ставшей под знамя Голдуотера, была Национальная федерация молодых республиканцев, насчитывавшая, по некоторым оценкам, до 600 тыс. членов. На съезде в Вашингтоне в 1957 г. «молодые республиканцы» выступили против федеральной помощи образованию, культурного обмена с СССР и торговли с социалистическими странами. В 1963 г. на очередном съезде в Сан-Франциско руководство федерацией перешло в руки голдуотеровцев. Съезд высказался против Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах. Бурно приветствуемый делегатами Голдуотер выступил с нападка-

---

[184] *Mailer N.* Some Honorable Men. Boston; Toronto, 1976, p. 61.
[185] *Goldwater B. M.* Why Not Victory? N. Y. etc., 1962, p. 28, 39, 45, 88, 113, 121, 122.
[186] Goldwater from A to Z, p. 25—26.
[187] *Hepburn J.* Farewell America. S. l., 1968, p. 114.
[188] Republican Politics. The 1964 Campaign... N. Y., 1968, 117, 118.
[189] *Hofstadter R.* The Paranoid Style..., p. 101.

ми на правительство Кеннеди и с подстрекательскими заявлениями в адрес правительства Кубы[190]. Активная поддержка сенатора молодыми консерваторами придала движению «Голдуотер — в президенты» необычайную напористость и крикливость.

Тесную связь сторонники Голдуотера поддерживали и с консервативными женскими организациями. На конференции в апреле 1963 г. в Нью-Йорке Национальная федерация женщин-республиканок выразила солидарность с позицией Голдуотера по основным проблемам внутренней и внешней политики США. Однако наиболее фанатичную когорту последователей сенатора составили многочисленные ультраправые группы, благодаря которым в стране возникло множество комитетов, начавших агитацию за его кандидатуру.

В борьбе за Белый дом Голдуотер отошел от традиционной политики республиканцев, опиравшихся на блок штатов Среднего Запада и Востока. Его стратегия была рассчитана на сохранение за республиканцами влияния на Западе и Среднем Западе и обеспечение себе поддержки в южных штатах, бывших до того безраздельной вотчиной демократов. «Операция дикси» уже давно была предметом внимания республиканцев, однако только с приходом Голдуотера она стала давать особенно ощутимые результаты. Апеллируя к откровенному расизму, она обеспечила республиканцам поддержку в сельских округах Юга[191].

Заигрывание Голдуотера с расизмом, его консервативный подход к внутренним проблемам в целом и неустанные выступления в защиту прав штатов сделали движение Голдуотера естественным центром притяжения для расистов и молодой промышленной буржуазии Юга, решительно отвергавшей социально-экономическую политику демократов. Так, председатель демократической партии штата Джорджия Д. Грей возглавил группу «Демократы — за Голдуотера», развернувшую агитационную работу в пользу сенатора из Аризоны. Глубокий Юг, где ни Эйзенхауэр, ни Никсон не добились поддержки, оказал полное доверие Голдуотеру. Законопроект правительства Кеннеди о гражданских правах еще более сблизил Голдуотера с расистами.

Социальный состав делегаций штатов Юга на съезде республиканцев в Сан-Франциско летом 1964 г. дает представление о сторонниках Голдуотера в этом регионе. Почти 3/4 делегатов Юга представляли деловые круги и лица свободных профессий: частно практикующие враги, юристы и пр., 20% — домохозяйки и 6% — фермеры. 43% делегатов имели годовой доход в размере 20 тыс. долл. и выше, 17% — 15—20 тыс. долл., 29% — 10—15 тыс., 11% — до 10 тыс. Ни один из них не представлял рабочий класс[192].

К лету 1963 г. молодые и агрессивно настроенные консерваторы в результате «тихой революции» оттеснили умеренные элементы, захватили руководство партии в центре и на местах и блокировали выдвижение кандидата либеральных оппонентов своего ставленника. За Голдуотера высказался 71% председателей партии в штатах, а из 1404 опрошенных республиканских лидеров ему отдали предпочтение 1192.

Однако для победы на выборах требовалась поддержка большинства

[190] *Evans M. S.* The Future of Conservatism. N. Y., 1966, p. 113—114.
[191] *Brook E. W.* The Challenge of Change. Boston, 1966, p. 13, 15.
[192] Republican Politics. The 1964 Campaign..., p. 84, 85.

американцев. Перед теми, кто направлял предвыборную кампанию Голдуотера, стояла трудная задача — сделать приемлемым для массового избирателя образ своего кандидата. Для них не было секретом, что его антипрофсоюзная позиция, тесные связи с ультраправыми кругами и требования «победы над коммунизмом» многих отпугивают. Аппарат избирательной кампании сенатора приложил титанические усилия, чтобы представить Голдуотера умеренным, трезвомыслящим политиком, и кое в чем он в этом преуспел. В публичных выступлениях сенатор стал более сдержан и осмотрителен. Сильное демагогическое звучание в его речах получила тема «простого человека» и критика федеральной бюрократии, которая, по его словам, «довлеет над правительствами штатов и органами местного самоуправления» [193].

Голдуотеру пришлось приглушить и свое резко негативное отношение к профсоюзам, социальным программам правительства, налоговой системе. Он стал больше подчеркивать, что никогда не был противником рабочих организаций, что готов заново изучить систему социального страхования и налоговую политику. Неопределенно и туманно высказывался он по вопросу о гражданских правах. С одной стороны, Голдуотер в целом как будто осуждал расовую дискриминацию, с другой — решительно выступал против какого-либо вмешательства федеральных властей в дела Юга [194]. Такая неопределенность вполне устраивала расистов. В результате организаторы избирательной кампании сенатора заговорили о «новом» Голдуотере, о его «новом» подходе к разрешению внутренних и международных проблем, который они формулировали как «прогрессивный консерватизм».

Однако в целом попытки перекрасить кандидата правых в умеренного политика не удались. В принципиальных вопросах его позиция осталась неизменной. 19 сентября 1963 г. Голдуотер высказался против Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, а 24 сентября — против его ратификации в сенате. В январе 1964 г. в речи в Манчестере он отстаивал право командующего силами НАТО в Европе на самостоятельное использование ядерного оружия. В этот же день в Конкорде он предложил организовать новое вторжение на Кубу. 23 мая Голдуотер признал возможным использование атомного оружия во Вьетнаме, 18 июня — голосовал против закона о гражданских правах.

Предвыборная платформа республиканской партии отвечала основным установкам Голдуотера. Комитет по выработке избирательной программы во главе с М. Лейрдом осудил «федеральный экстремизм» (т. е. правительственные расходы на социальные нужды) во внутренней политике, призвал к «ограниченному, экономному и эффективному правлению» и потребовал проведения «динамичной стратегии, нацеленной на победу» во внешних делах [195]. Попытки умеренных делегатов внести поправки в избирательную платформу — отвергнуть ОДБ, одобрить закон о гражданских правах и др.— успеха не имели. Основной костяк сторонников Голдуотера на съезде питал жгучую ненависть к либерализму [196].

---

[193] *Kessel J. H.* The Goldwater Coalition. Republican Strategies in 1964. Indianapolis, 1968, p. 196.
[194] Progressive, 1963, Nov., p. 6.
[195] Politics in America, 1945—1964. Wash., 1965, p. 55.
[196] *Mailer N.* Op. cit., p. 66, 67.

Победа Голдуотера на съезде республиканцев в Сан-Франциско в июле 1964 г. была подавляющей. Из 1308 голосов выборщиков он получил 883. Делегации 19 штатов отдали ему все, а 13 штатов почти все голоса. И только делегации 13 штатов, в том числе 9 штатов Северо-Востока, выступили против него и поддержали кандидатуру Н. Рокфеллера, выдвинутого умеренными и либеральными кругами республиканцев. Слова Голдуотера: «Я хочу напомнить, что экстремизм в защиту свободы не является пороком», точно так же как «умеренность в поисках справедливости не составляет добродетель»,[197] — были встречены съездом ревом одобрения. Победа Голдуотера на съезде расценивалась правыми как поражение восточного «либерального» истэблишмента и победа консервативной коалиции Среднего Запада, Запада и Юга [198].

Кандидатом на пост президента от демократической партии вновь стал Дж. Ф. Кеннеди. Основные контуры его предвыборной платформы стали вырисовываться уже в 1963 г. К этому времени правительство постепенно начинало отходить от политики конфронтации во взаимоотношениях с социалистическими странами. В предвыборной кампании Кеннеди призывал начать новую эру в отношениях США и СССР и к достижению взаимопонимания между ними. В сфере внутренней политики Кеннеди обещал поднять минимум заработной платы, восстановить деловую активность в районах хронической депрессии, провести законы о помощи престарелым, демократизировать систему образования и осуществить другие преобразования. Возвращаясь к предвыборным обещаниям 1960 г., Кеннеди настаивал на принятии закона о гражданских правах.

Сдвиги во внешней политике и обещания новых социально-экономических реформ вызвали переполох в стане ультраправых. Выступление Кеннеди за диалог с Советским Союзом было охарактеризовано ими как «бедствие» для США. Только «тотальная победа над коммунизмом», по их мнению, была «единственной патриотической целью», которую США могут поставить перед собой [199]. Предложения правительства, идущие навстречу некоторым требованиям трудящихся, и особенно законопроект о гражданских правах, внесенный в конгресс в соответствии с пожеланиями Белого дома, окончательно подорвали доверие наиболее консервативных кругов бизнеса к администрации демократов. Ряд влиятельных лидеров диксикратов, такие, как сенаторы С. Тэрмонд (штат Северная Каролина) и Дж. Тауэр (Техас), порвали связи с демократической партией и перекочевали в лагерь республиканцев [200].

Негодование расистов в связи с действиями правительства было беспредельным. Одно упоминание имени Кеннеди вызывало у многих из них прилив бешенства. Администрацию обвиняли в «капитуляции перед коммунизмом». В устах расистов имя Кеннеди стало синонимом измены. На почве сопротивления внешней и внутренней политике Белого дома произошло ускорение сближения позиций военно-промышленных кругов и расистов с разномастными группировками ультра. В адрес президента посыпались анонимные угрозы физической расправы.

---

[197] History of US Political Parties: Vol. 1—4/Ed. by A. M. Schlesinger, Jr. N. Y.; L., 1973, vol. 4, p. 3107.
[198] *Kolkey J. M.* Op. cit., p. 215.
[199] Progressive, 1963, Sept., p. 4.
[200] Политическая жизнь в США, с. 65.

Правительство Кеннеди заняло примирительную позицию в отношении разбушевавшихся консерваторов и расистов. В целях умиротворения Юга президент задумал совершить поездку в Техас. Он рассчитывал остудить наиболее разгоряченные головы и разумными доводами доказать необходимость предпринятых правительством мер. 22 ноября 1964 г. самолет президента совершил посадку в аэропорту Далласа. Через несколько часов, когда кортеж президента проезжал по улицам города, Кеннеди был убит несколькими выстрелами.

Покушение на президента и его смерть потрясли Америку и весь мир, открыли глаза многим американцам и показали подлинную природу движения Голдуотера. Было очевидно, что Кеннеди пал жертвой истерии, нетерпимости и фанатизма, насаждаемых правыми кругами. Опросы общественного мнения, проведенные в стране, свидетельствовали о резком падении престижа Голдуотера [201]. Вместе с тем гибель президента обнажила перед всем миром один из величайших пороков буржуазного общества США — культ силы, который беззастенчиво использовался американскими правящими кругами против демократии внутри страны и за рубежом. Сила, физическое устранение конкурента подменили собой доводы разума и превратились в важнейшее средство политической борьбы.

Комиссия Уоррена, созданная правительством для расследования обстоятельств покушения на Дж. Кеннеди, пыталась сгладить негативную реакцию во всем мире на убийство президента, больно ударившую по престижу США. Игнорируя многие достоверные факты, комиссия отобрала и опубликовала только те материалы, которые должны были показать, что президент США был убит маньяком-одиночкой Ли Харви Освальдом. Она стремилась затушевать значение того факта, что убийство произошло в обстановке нагнетания реакционной истерии, подхлестываемой правыми кругами, создавая впечатление, что президент погиб в результате случайного стечения обстоятельств. Однако множество расследований, проведенных позднее, установили один несомненный факт: Кеннеди погиб в результате заговора правых, пользовавшихся покровительством секретных служб.

Предвыборная борьба, внезапно оборвавшаяся в связи с гибелью президента, вскоре разгорелась с новой силой. Съезд демократической партии, собравшийся в 1964 г. в Атлантик-Сити (штат Нью-Джерси), избрал своим кандидатом на пост президента Линдона Б. Джонсона, а на пост вице-президента — Губерта Хэмфри. Накаленная обстановка в стране, активизация правых, так же как и смена лидеров в команде демократов, не могли не сказаться на характере их избирательной платформы. Уступая давлению справа, демократы заявляли, что намерены и впредь поддерживать превосходство США над социалистическими странами в ракетно-ядерных и других видах вооружения. Они обещали поощрять «всеми мирными средствами» выступления против социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы [202], нисколько не смущаясь, что такие действия являются грубейшим вмешательством во внутренние дела суверенных государств.

---

[201] Некоторые лидеры правых склонны считать, что поворот в общественном мнении, связанный с гибелью президента, оказался фатальным для всей последующей избирательной кампании Голдуотера. См.: *Kolkey J. M.* Op. cit., p. 245—246.

[202] National Party Platforms, 1840—1976: Vol. 1, 2/Compl. by D. B. Johnson. Urbana etc., 1978, vol. 2, p. 642, 643, 649, 650.

Однако преобладающее место в программе демократов занимали положения, расходившиеся с политическими установками правых. Съезд в Атлантик-Сити осудил «силы невежества, ненависти и страха», подстрекавшие к насилию, и их главных носителей — Ку-клукс-клан и «Общество Джона Берча». Отдавая должное пониманию необходимости поисков мирного урегулирования возникающих международных конфликтов, демократы внесли в программу такие правильные слова: «Одно опрометчивое действие, одно необдуманное решение, одна неконтролируемая реакция — и города могут превратиться в дымящиеся развалины, а фермы — в выжженную пустыню ... Мы полны решимости,— говорилось в программе,— приложить все усилия... чтобы остановить гонку вооружений и положить конец эре ядерного террора» [203].

Поправка к закону о справедливых условиях занятости 1938 г., принятая демократами, позволила поднять минимум заработной платы до 1,25 долл. в час и распространить действие этого закона еще на 3,6 млн. рабочих. Теперь демократы обещали дальнейший рост минимума заработной платы и распространение его еще на 2,6 млн. лиц. Среди других важнейших обещаний демократов были: отмена антипрофсоюзной статьи 14(б) закона Тафта—Хартли; защита экономических и юридических прав сельскохозяйственных рабочих и рабочих-мигрантов; снятие всяких ограничений на право организации, забастовки и пикетирования; расширение и совершенствование системы здравоохранения, различных программ социального страхования, дошкольного, школьного и высшего образования, помощь индейцам; проведение закона о гражданских правах. Полная занятость, утверждалось в программе демократов, должна стать одним из ведущих направлений национальной политики [204].

Президентские выборы 1964 г. принесли победу демократам и поражение Б. Голдуотеру. Л. Джонсон добился преимущества в подавляющем большинстве штатов, собрав 43,1 млн. голосов. Б. Голдуотер одержал победу только в 6 штатах Юга и Аризоне, получил поддержку 27,2 млн. избирателей. Демократам в новом конгрессе принадлежало 68 мест в сенате и 295 мест в палате представителей, республиканцам соответственно — 32 и 140. Последние потеряли также 530 мест в легислатурах штатов.

Огромную роль в поражении Голдуотера и стоящих за ним реакционных сил сыграла позиция многомиллионного рабочего класса США. Несмотря на заигрывания руководства АФТ—КПП с силами реакции, в целом оно поддержало кандидатуру Л. Джонсона и призвало рабочих к борьбе против правой опасности. На съездах, конференциях, в печати многие профсоюзы сталелитейной, автомобильной, электротехнической и других отраслей промышленности с тревогой отмечали растущую угрозу демократии справа и требовали дать решительный отпор правым экстремистам [205].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что президентские выборы 1964 г.

---

[203] Ibid., p. 641, 643, 649. Как показывают документы Пентагона, опубликованные в 1971 г., правительство Джонсона, обещая продолжать курс Дж. Кеннеди на разрядку, именно в это время приняло принципиальное решение об эскалации войны во Вьетнаме. См.: *Фурсенко А. А.* Критическое десятилетие Америки: 60-е годы. Л., 1971, с. 75.

[204] National Party Platforms, vol. 2, p. 644—646, 655, 659.

[205] История рабочего движения в США в новейшее время, т. 2, с. 473—475.

явились внушительной демонстрацией возросшего влияния правых сил в США. Впервые за всю послевоенную историю страны они вышли за узкие рамки отдельных регионов, объединили под своим знаменем все консервативные и расистские элементы, заручились поддержкой могущественных сил в американском обществе, обзавелись влиятельными союзниками в конгрессе США, Пентагоне и других официальных ведомствах и консолидировались в единое многомиллионное движение общенационального масштаба, бросившее в борьбе за власть открытый вызов всем демократическим и либеральным силам страны.

Поражение на выборах Голдуотера привело к размежеванию внутри консервативного лагеря. Руководство республиканской партии сразу после выборов призвало своих членов выйти из всех праворадикальных организаций, пытающихся использовать партию в своих целях. В свою очередь, консерваторы, группировавшиеся вокруг «Нейшнл ревью», отмежевались от ОДБ, которое, по их мнению, обрекло на поражение правые силы. В декабре 1964 г. они учредили «Американский консервативный союз» (АКС). Новая организация ставила целью расширить агитацию в пользу консервативных кандидатов в центральные и местные органы власти и расширить базу консервативного движения «через унифицированное руководство и действие». Председатель АКС Д. К. Брус подчеркнул, что союз не имеет ничего общего с ОДБ [206].

Поражение правых на выборах оказало влияние и на берчистов. Были предприняты попытки придать ОДБ более респектабельный характер. Часть берчистов и связанных с ними групп заявили о намерении и впредь работать внутри республиканской партии. Такая линия нашла подтверждение на очередном слете лидеров правых организаций в Чикаго в апреле 1965 г.[207] Намерение добиваться установления своего контроля над республиканской партией высказало, в частности, руководство влиятельной крайне правой организации расистов «Лобби свободы» [208].

Уже на промежуточных выборах 1966 г. правые восстановили позиции в отдельных организациях республиканской партии. На первичных выборах в ряде штатов сторонники Голдуотера нанесли поражение своим либеральным оппонентам. Консервативные республиканцы победили в Висконсине, Мичигане, Колорадо, Нью-Гэмпшире, Вашингтоне. Внушительную победу на выборах губернаторов в Калифорнии одержал Р. Рейган — «восходящая звезда» консерваторов. Его поддержали ОДБ, «Солдаты креста» и другие организации ультра. Победа Рейгана в Калифорнии явилась прологом к борьбе за Белый дом.

Вместе с тем в лагере правых проявилась и другая тенденция — создание своей особой политической партии. Было решено начать с учреждения таких партий на местах. Во второй половине 60-х годов сторонники независимых действий создали под разными названиями свои партии в различных штатах страны. Несколько позднее они стали базой, на которой возникла Американская независимая партия. Ее кандидатом на выборах 1968 г. стал бывший губернатор Алабамы расист Дж. Уоллес.

Итак, короткий период «новых рубежей», начавшийся под мажорные

---

[206] Progressive, 1965, Febr., p. 12—13.
[207] The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1965, Mar., p. 81.
[208] Congressional Record, vol. 112, pt 20, p. 27351.

звуки либеральных призывов и оборвавшийся на трагической ноте, отложился в летописи истории США как время несбывшихся ожиданий, глубоких, подспудно созревавших социально-классовых и политических конфликтов, первых шагов в сторону осознания реальностей сегодняшнего мира и одновременно сложных маневров, а порой и опасных акций в попытке вернуть утраченные американским капитализмом позиции, прибегая к военной силе и шантажу. Оптимистические прогнозы в отношении возможностей либерального крыла монополистической буржуазии дать новый импульс политическому процессу, снять нараставшие кризисные явления не оправдались. Правые силы, временно уступив, оказались тем не менее достаточно влиятельными, чтобы не только удержать свои позиции, но и нанести чувствительные удары политическим противникам. «Не в последнюю очередь,— писал А. Н. Яковлев,— правые определили „кризисный менталитет" демократической администрации в 1962 г. Правые шли напролом, они толкали администрацию Дж. Кеннеди к ядерному авантюризму. Когда же лидеры правых обнаружили, что Дж. Кеннеди склоняется к взвешенным действиям, обнаруживает склонность вести переговоры с СССР, президента убрали „старым американским способом"» [209].

[209] *Яковлев А. Н.* От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века. М., 1985, с. 136.

Глава шестая
ВОЙНА ВО ВЬЕТНАМЕ И КРАХ «ВЕЛИКОГО ОБЩЕСТВА» (1964—1968)

1. ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Период пребывания у власти администрации Л. Джонсона был ознаменован новым ростом экспансионизма и милитаризма в американской внешней и внутренней политике. Численность вооруженных сил и доля военных расходов в валовом национальном продукте в этот период вновь сильно возросли (с 2,5 млн. до 3,6 млн. военнослужащих и с 8 до 10% валового национального продукта) [1]. Особенно большой импульс милитаризму в США придала война во Вьетнаме, в которой, как и в войне в Корее и даже в еще больших размерах, принимали участие американские вооруженные силы.

Однако при анализе процесса милитаризации в рассматриваемый период вряд ли было бы правильно связывать его лишь с расширением агрессивной войны во Вьетнаме. Его истоки лежат в более широких внешнеполитических замыслах доктрины «новых рубежей» [2]. На милитаризацию США повлиял также переход от стратегии «массированного возмездия» к стратегии «гибкого реагирования». Для первой при некотором сокращении военных расходов и численности вооруженных сил были характерны ядерный шантаж, балансирование на грани термоядерной войны, упор на возможность «первого удара», наносимого стратегической авиацией, ударными авианосцами и ядерными силами передового базирования. Вторая же исходила из концепции «гарантированного уничтожения» противника «вторым» ракетно-ядерным ударом при значительном «стратегическом ядерном превосходстве» и готовности сил общего назначения США и их союзников к ведению войн с СССР и КНР и еще одной локальной войны.

Следуя этой военной доктрине и спровоцировав тонкинский инцидент (август 1964 г.), правительство Джонсона открыло зеленую улицу для увеличения темпов военного производства США. Все дальнейшие шаги администрации и военщины были тесно связаны с наращиванием военных расходов и расширением государственного субсидирования военной промышленности. Нагнеталась военная истерия. Населению внушалась мысль о необходимости все новых военных ассигнований. При этом, для того чтобы успокоить страну, Комитет начальников штабов, командующий американскими войсками во Вьетнаме генерал У. Уэстморленд и министр обороны США Р. Макнамара утверждали, что увеличение в 1965 г. численности американских войск во Вьетнаме до 200 тыс. будет

---

[1] *Фарамазян Р. А.* США: милитаризм и экономика. М., 1970, с. 44. 316.

[2] *Громыко Анат. А.* Внешняя политика США: уроки и действительность, 60—70-е годы. М., 1978, с. 35—42.

носить лишь временный характер, однако в 1968 г. она возросла до 550 тыс.[3] Общая же численность вооруженных сил США увеличилась с 1965 по 1969 г. почти в 1,5 раза[4].

Если обратиться к общим оценкам экономического развития США в 60-е годы, картина выглядит следующим образом. С середины 1961 г. в США начался экономический подъем, который продолжался до 1969 г., хотя в последние годы этого периода темпы его снизились главным образом в связи с повышением налогов и ужесточением кредитной политики — прямым следствием расширения агрессии во Вьетнаме. Индекс промышленного производства в США (1957—1959 гг. = 100) вырос с 108,7 в 1960 г. до 172,8 в 1969 г.[5]

Относительно высокие темпы роста экономики США в 60-е годы были обусловлены рядом причин, о многих из которых уже говорилось. Наряду с таким долговременным фактором, как дальнейшее развитие научно-технического прогресса, на рост американской экономики немалое влияние оказали и факторы иного порядка. Среди них — значительное увеличение потребительского спроса, вызванное в немалой степени угрозой нарастания инфляции, и искусственно стимулированный рост государственных расходов и частных капиталовложений.

В рассматриваемый период частные капиталовложения в американскую экономику росли темпами, почти в 1,5 раза опережавшими темпы роста валового национального продукта. Особенно высокий уровень был достигнут в 1966 г., когда они составили (в ценах 1958 г.) более 109 млрд. долл., что на 40 млрд. долл. превышало уровень 1961 г. Характерной особенностью инвестиционной политики в американской промышленности 60-х годов было преимущественное стимулирование развития новых отраслей промышленности и новых видов производства. К их числу в первую очередь относились производство ЭВМ, полупроводниковая и лазерная промышленность, производство станков с программным управлением, авиационной, ракетной и космической техники, пластических материалов и некоторых других видов продукции. Одним из наиболее важных последствий притока капитала в обрабатывающую промышленность США явилось значительно ускорившееся развитие этой отрасли, и в особенности производство товаров длительного пользования[6].

Развитие сельского хозяйства США во второй половине 60-х годов шло по пути роста сельскохозяйственного производства при достаточно интенсивном государственном регулировании[7]. Были значительно увеличены субсидии и кредиты федерального правительства фермерам для поддержания более низких цен. Только в 1968 г. на эти цели было израсходовано около 3,5 млрд. долл. Быстрыми темпами развивался процесс концентрации сельскохозяйственного производства. Уже к середине 60-х годов более 63% сельскохозяйственной продукции производилось на наиболее крупных фермах (12% всех фермерских хозяйств) с ежегодным объемом ее реализации не менее чем на 20 тыс. долл. Все это обеспечило

---

[3] *Овинников Р. С.* Уолл-стрит и внешняя политика. М., 1980, с. 189.

[4] *Donovan J. A., Shoup D. M.* Militarism, USA. N. Y., 1970, p. 152, 229.

[5] Handbook of Basic Economic Statistics, 1970, Aug., p. 73; Survey of Current Business, 1970, July, p. 4.

[6] Handbook of Basic Economic Statistics, 1970, Aug., p. 227.

[7] Подробнее см.: *Мартынов В. А.* Сельское хозяйство США и его проблемы. М., 1971.

дальнейший рост сельскохозяйственного производства и увеличение его доли в экспорте США [8].

На базе роста основного капитала в экономике США в 60-х годах было достигнуто повышение ее эффективности. Если оценивать развитие американской экономики в категориях валового национального продукта, 60-е годы в целом характеризовались ускорением темпов экономического роста [9]. Однако экономический подъем второй половины 60-х годов, так же как и последовавший вслед за ним спад, не может быть правильно понят, если в полной мере не учитывать того, что развитие экономики США в этот период носило резко выраженные черты военно-инфляционного бума. Государственный спрос на товарную продукцию был искусственно подхлестнут именно потому, что в его основе лежали военные потребности, обусловленные прежде всего эскалацией американской агрессии во Вьетнаме. Рост военных заказов приводил к усиленному развитию прежде всего тех отраслей обрабатывающей промышленности, которые прямо или косвенно обслуживали потребности военной машины США. К числу таких отраслей в первую очередь относились авиаракетостроение, кораблестроение, а также отчасти черная и цветная металлургия, металлообрабатывающая промышленность, производство транспортного оборудования и средств связи. В 60-е годы общая сумма прямых военных расходов США составила около 600 млрд. долл. и была почти на 60% больше, чем в предыдущее десятилетие. По словам сенатора Фулбрайта, военно-промышленный комплекс стал «новой мощной силой, содействующей сохранению навсегда военных обязательств Америки за границей, внедрению и расширению дорогостоящих систем оружия и в результате этого милитаризации больших областей национальной жизни США» [10]. К 1969 г. собственность, находившаяся в распоряжении Пентагона, оценивалась суммой более 200 млрд. долл.

По мнению сенатора У. Проксмайера, во второй половине 60-х годов влияние милитаризма в США вышло за пределы того, что президент Д. Эйзенхауэр в прощальной речи (1961 г.) называл военно-промышленным комплексом. «Мы сталкиваемся с более широкой концентрацией силы и влияния,— писал Проксмайер.— В действительности — это коалиция всех видов вооруженных сил, их ассоциаций, аппарата Пентагона, гигантской авиационно-космической промышленности, торговых ассоциаций и фирм, занятых производством вооружений, и соответствующих профсоюзов, большая часть научных и технических талантов страны, университетов, субсидируемых Пентагоном, государственные и частные исследовательские организации, бизнес и население на местах, где процветание зависит от контрактов Пентагона, политические деятели местного, штатного и федерального уровня, чье выживание зависит от их активной деятельности по поддержке этих сил в их штатах и округах. Этот комплекс имеет больше щупалец, чем осьминог. Его размеры почти безграничны» [11].

---

[8] *Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф.* Новейшая история США. М., 1980, с. 262.

[9] См., например: США: государство и экономика/Под ред. Ю. И. Бобракова, В. А. Федоровича. М., 1976, с. 551.

[10] Цит. по: *Бугров Е. В.* Военно-промышленный комплекс.— В кн.: Соединенные Штаты Америки/Под ред. А. В. Аникина. М., 1972, с. 221.

[11] *Proxmire W.* Report from Wasteland. N. Y.; Wash.; L., 1970, p. 8, 9.

Понятно, что в росте милитаризма в США были заинтересованы в первую очередь Пентагон и крупнейшие монополии военно-промышленного комплекса. В книге Р. Лэппа «Культивирование оружия» [12] приведены данные, показывающие, что в 1961—1967 гг. 15 крупнейших корпораций США, занятых производством оружия, получили государственных заказов на сумму около 64 млрд. долл., а их производственные мощности в среднем более чем на 3/4 были заняты военным производством. По оценкам американских экономистов, военные расходы США, связанные только с войной во Вьетнаме, составили 111 млрд. долл., что вдвое превысило затраты на войну в Корее [13].

Преступная вьетнамская война обеспечила резкое увеличение многомиллионных прибылей военных корпораций. В 1965—1968 гг. военные прибыли постоянно превышали средние показатели доходности 500 крупнейших корпораций США. Профессор Вашингтонского университета М. Вейденбаум выделил фирмы, занятые преимущественно военным производством, и подсчитал, что в 1962—1965 гг. они получили в среднем 17,5% прибыли на инвестированный капитал по сравнению с 10,6% прибылей компаний, занятых гражданским производством [14].

На базе выгод от ускоренного роста милитаризма происходило более тесное сращивание интересов военно-политических звеньев государственного аппарата и корпораций, занятых производством оружия. «Военный комплекс,— отмечал Дж. Гэлбрейт,— представляет собой коалицию генералов и потворствующих им промышленников. Цель — взаимное обогащение: они помогают друг другу набивать карманы. Промышленники всегда тут как тут, их агенты в столице не скупятся на расходы» [15].

Во второй половине 60-х годов прибыли военно-промышленных корпораций возросли и от международной продажи оружия. В 1961 г. стоимость экспорта основных систем оружия из США составляла 160 млн. долл., в 1964 г.— 290 млн., а в 1965 г. она увеличилась до 500 млн. долл. Всего же с 1945 по 1968 г. США продали или передали другим странам оружие на сумму 50 млрд. долл.[16]

Если говорить о собственно военных результатах милитаризации экономики США и о направлениях, в которых велось наращивание американского военного потенциала в 1961—1968 гг., т. е. в период действия военно-политической стратегии «гибкого реагирования», то здесь прежде всего следует отметить оснащение американских сил новейшим оружием массового уничтожения. Его целью являлось сохранение стратегического превосходства над Советским Союзом. Министр обороны Макнамара, возглавлявший в эти годы Пентагон, уходя с этого поста, писал, что получил от президентов Кеннеди и Джонсона инструкции обеспечить все необходимое для реализации стратегических планов США «без каких-либо определенных бюджетных ограничений, но с максимальной экономической эффективностью» [17].

Главным в развитии вооруженных сил США в этот период было резкое наращивание стратегических ракетно-ядерных сил при некотором

---

[12] *Lapp R. E.* The Weapons Culture. N. Y., 1969, p. 186—187.
[13] Милитаризм. Цифры и факты/Под ред. Р. А. Фарамазяна. М., 1983, с. 82.
[14] Цит. по: *Melman S.* Pentagon Capitalism. N. Y., 1971, p. 63.
[15] *Galbraith J.* How to Control the Military. N. Y., 1969, p. 19.
[16] *Thayer G.* The War Business. N. Y., 1969, p. 161.
[17] *MacNamara R.* The Essence of Security. N. Y., 1968, p. 87.

сокращении стратегической авиации, создание, по существу, двух новых компонентов: баллистических ракет на атомных подводных лодках и межконтинентальных баллистических ракет во взрывостойких подземных шахтах, увеличение в 3 раза количества ядерных зарядов оперативно-тактического назначения и почти в 1,5 раза — численность обычных американских вооруженных сил [18].

Жизнь показала, что администрация Л. Джонсона ставила перед собой невыполнимую задачу одновременного наращивания милитаризма, ведения войны во Вьетнаме и «войны с бедностью». В январе 1966 г. Л. Джонсон патетически заявил в конгрессе США: «Я считаю, что мы можем строить великое общество, продолжая воевать во Вьетнаме» [19]. Первое время у президента было много единомышленников, но к концу пребывания его в Белом доме большинство американцев придерживались уже иного мнения. Как отмечал в 1968 г. Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл, «в стране возникло глубокое убеждение, что ресурсы и силы Соединенных Штатов не безграничны. Для некоторых эта мысль была как горькое, тяжелое пробуждение. Поэтому вопрос о том, чему отдать предпочтение — пушкам или маслу,— стал сейчас кардинальным вопросом, и вокруг него развертываются широчайшие массовые движения, так как политика войны фактически ставит большинство народа перед выбором: либо пушки, либо масло, а если и то и другое, то масло в самом конце списка. Борьба масс направлена на то, чтобы решить проблему в своих интересах» [20].

Милитаризация экономики, дававшая временные преимущества отдельным ее отраслям, в более долговременном отношении наносила ей прямой ущерб. Видный американский экономист профессор С. Мелман отмечал, что в 60-е годы все большее число отраслей американской промышленности снижали свои технические и экономические показатели становились неконкурентоспособными не только на мировом, но даже на внутреннем рынке. Это относилось к сталелитейной промышленности, обувной, к производству металлорежущих станков, гражданской электронике, судостроению, производству пишущих машинок и даже автомобилей. «В течение более 100 лет американские технические знания и умение обеспечивали лучшие проектные и технологические решения,— говорил он.— Высокий уровень заработной платы перекрывался эффективностью производства, качеством продукции и высокой производительностью. Эта жизненно важная способность снизилась в результате продолжительной и расточительной концентрации талантов исследователей и средств на военной технике, где минимизация стоимости не является основным критерием» [21]. Именно отрицательные последствия войны во Вьетнаме для экономики США в целом вызвали в 1967 г. заявления со стороны ряда видных представителей финансово-промышленного капитала в поддержку требований о ее прекращении [22–24].

---

[18] *Gray C.* Strategic Studies and Public Policy, the American Experience. Lexington (Ky), 1982, p. 106.

[19] *Johnson L.* The Vantage Point, Perspectives of the Presidency, 1963—1969. N. Y., 1971, p. 327.

[20] Цит. по: *Иванян Э. А.* Белый дом: президенты и политика. М., 1975, с. 404.

[21] Senate Committee on Appropriations, Hearings on the Budget of the United States, Fiscal Year 1973. Wash., 1972, p. 291—292.

[22–24] *Овинников Р. С.* Указ. соч., с. 191.

2. ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ

8 января 1964 г. в первом послании о положении страны президент Л. Джонсон торжественно провозгласил начало «бескомпромиссной войны с бедностью в Америке»; 16 марта того же года он направил в конгресс специальное послание «О войне с бедностью», на основании которого 20 августа был принят закон об экономических возможностях, определивший основные направления деятельности правительства в данной области. «Война с бедностью» стала центральным и наиболее претенциозным звеном всей программы «великого общества», полностью оформившейся в 1965 г. Столь беспрецедентный со времен 30-х годов интерес правящих кругов США к положению беднейших слоев, обычно толкуемый в американской историографии как яркий пример либерального альтруизма, в действительности был вызван сложным комплексом объективных социально-экономических и политических причин.

Бедность в начале 60-х годов в США приобрела характер подлинно массового явления. Даже согласно явно заниженным официальным расчетам, в 1964 г. в стране насчитывалось 36,4 млн. бедняков (около 20% населения страны) [25], чьи реальные доходы были ниже «уровня бедности». К их числу прежде всего были отнесены цветные американцы, престарелые, не имеющая постоянной работы молодежь, низкоквалифицированные и сельскохозяйственные рабочие, многодетные семьи и семьи без отца. Зелигман, говоря об этой категории американцев, писал, что к армии самых обездоленных принадлежали «безработные, осаждающие засиженные мухами биржи труда; уволенные шахтеры, слоняющиеся по перекресткам или пивным; низкооплачиваемые мойщики посуды, чьи жалкие заработки приходилось дополнять общественной помощью; служащие мясобоен, выброшенные за дверь автоматизацией и ищущие другую работу; неудачники с нью-йоркской Бауэри-стрит, мелкие фермеры — последние из американских фригольдеров; черные — давнишние обитатели «культуры бедности», в лучшем случае занятые на самой низкооплачиваемой работе; старики, заполнявшие перед смертью дешевые меблированные комнаты и приюты» [26].

Как оказалось, внутри самой сильной и богатой страны капиталистического мира существовала «другая Америка» — нищеты и отчаяния, как назвал ее М. Харрингтон в своей яркой книге, способствовавшей «открытию» бедности общественным мнением США в начале 60-х годов [27]. Иными словами, пауперизация или ее реальная угроза являлись уделом широких масс американских трудящихся. Однако ее превращение в острую проблему для правящих кругов стало возможным только благодаря обострению социальных противоречий американского общества в новых условиях мирового развития, когда социализм продемонстрировал решающие преимущества в историческом соревновании с капитализмом.

В стремлении «двинуть страну вперед» по пути модернизации общества администрации демократов в 60-х годах взяли курс на широкое использование всех рычагов государственно-монополистического регулиро-

[25] Current Population Reports, Series P-60, N 68, Poverty in the United States: 1959 to 1968. Wash., 1969, p. 21.
[26] *Seligman B.* Permanent Poverty. An American Syndrome. Chicago, 1968, p. 16.
[27] *Harrington M.* The Other America. Poverty in the United States. N. Y., 1962, p. 158.

вания для ускорения темпов экономического роста и стимулирования процесса капиталистического воспроизводства. «В начале 60-х годов,— по свидетельству видного американского экономиста Л. Туроу,— программы войны с бедностью рассматривались как часть усилий по повышению производительности труда и обеспечению отрыва в экономическом соревновании с Россией» [28]. В рамках этой общей экономической стратегии массовая бедность стала расцениваться как серьезный тормоз для воспроизводства рабочей силы и обеспечения уровня потребления, необходимых для ускорения преодоления опасных тенденций, вызывающих ослабление глобальных позиций американского капитализма [29].

Традиционное со времен «нового курса» средство борьбы с бедностью — программы государственного вспомоществования для нетрудоспособных и социального страхования для безработных и пенсионеров не охватывали значительной массы трудоспособных малоимущих американцев и оказались в целом малоэффективными. В свою очередь, даже в условиях растущей экономики начала 60-х годов положение бедноты, изолированной от рынка труда в силу семейных обстоятельств, возраста, отсутствия квалификации или проживания в бедствующих районах, не улучшилось. В ежегодном докладе Совета экономических консультантов 1964 г. констатировалось ослабевающее воздействие экономического роста на сокращение бедности и подчеркивалась необходимость специальных мер по повышению конкурентоспособности трудоспособных бедняков на рынке труда [30]. Теоретическим обоснованием этих мер стал переход от идей «социальной благотворительности», лежавших в основе социальной помощи в 30—50-х годах, к концепциям «вложений в человеческий капитал», рассматривавшим расходы на обучение и переподготовку рабочей силы как производительные [31].

Но если общие экономические и идеологические предпосылки «наступления» на проблему бедности были подготовлены объективным ходом развития капиталистического воспроизводства, научно-технической революции и отрицательно складывавшимся для капитализма балансом в ходе соревнования с социализмом, то не меньшую роль в его практической реализации сыграл социально-политический климат 60-х годов в США и в мире в целом, когда бурные социальные потрясения и подъем массовых демократических движений вынуждали правящие круги идти на уступки, порой даже упреждающие, чтобы сбить накал социального недовольства. Непосредственное политическое давление в пользу активизации борьбы с бедностью США пришло прежде всего со стороны движения за гражданские права черных.

Хотя черные американцы составляли в 1963 г. лишь около четверти всей бедноты, они являлись наиболее обездоленной и решительно настроенной ее частью. Распространение бедноты среди цветного населения, даже по официальным данным, в первой половине 60-х годов было почти

[28] A Decade of Federal Antipoverty Programs. Achievements, Failures, and Lessons/ Ed. by R. Haveman. N. Y., 1977, p. 118.

[29] *Heller W.* The Economy in 1963. Memorandum for the President and the Cabinet, July 1, 1963.— John F. Kennedy Library, Theodore Sorensen Papers, Subject Files (Congress).

[30] Economic Report of the President Together with the Annual Report of the Council of Economic Advisers, January, 1964. Wash., 1964, p. 72.

[31] Буржуазные экономические теории и экономическая политика империалистических стран/Под ред. А. Г. Милейковского. М., 1971, с. 223.

в 3 раза выше, чем у белых, охватывая 43% негритянских семей. Особое значение имело территориальное распределение негритянской бедноты: к 1964 г. в крупнейших городах с населением свыше 100 тыс., ставших к середине десятилетия главной ареной расовых волнений, проживали 41,7% всех черных бедняков (23,8% бедных белых). «Крайне маловероятно,— отмечал в этой связи крупный американский экономист Дж. Тобин,— чтобы в 60-х годах началась война с бедностью, если бы бедность среди черных была столь же редкой и рассредоточенной, как среди белых»[32]. Бедность среди черного населения и растущее на ее основе массовое возмущение черных представляли особую политическую проблему для правительства демократов, традиционно опиравшихся на избирателей крупных промышленных центров.

Сама идея и основные контуры программы «наступления на бедность» наметились еще при Дж. Кеннеди[33]. Л. Джонсон, став президентом, распорядился об ускорении разработки этой программы, чему способствовало и приближение очередных президентских выборов. Особая «рабочая группа» под руководством директора «корпуса мира» С. Шрайвера, назначенного специальным помощником президента по борьбе с бедностью, к марту 1964 г. подготовила проект закона об экономических возможностях, который был одобрен конгрессом без существенных изменений. Хотя, по широкому официальному толкованию, к «войне с бедностью» впоследствии причислялась большая часть всех социальных мероприятий администрации Джонсона, именно закон 1964 г. и созданная на его основании структура программ стали главным нововведением администрации в этой области, символом всей «войны с бедностью».

В соответствии с законом 1964 г. в составе исполнительного управления президента учреждалось Управление экономических возможностей (ОЕО), наделенное оперативными функциями по реализации большей части предлагаемых программ. Первым главой ОЕО по назначению президента стал С. Шрайвер. Закон об экономических возможностях включал четыре вида мероприятий по борьбе с бедностью: профессиональная подготовка и обучение, программы так называемых «общинных действий», осуществляемых под эгидой местных властей, специальные программы помощи для сельской местности и мелкого бизнеса, а также деятельность организаций миссионерского типа «Добровольцы на службе Америки».

Главный упор делался на профессиональную подготовку и обучение, прежде всего среди молодежи, особенно страдавшей от безработицы. Наиболее значительной программой такого рода стали так называемые «трудовые корпуса», поглотившие в 1965—1968 гг. 18,9% всех ассигнований по линии Управления экономических возможностей[34]. Однако «трудовые корпуса» смогли охватить крайне незначительную часть молодежи, нуждавшейся в обучении. Даже в период наивысшего подъема своей деятельности (лето 1967 г.) в 123 центрах «трудовых корпусов» проходили подготовку лишь 42 тыс. человек, хотя в стране к тому времени насчитывалось около миллиона подростков, лишенных возможности учить-

---

[32] *Tobin J.* Raising the Incomes of the Poor.— In: Agenda for the Nation/Ed. by K. Gordon. N. Y., 1968, p. 78.

[33] *Печатнов В. О.* Белый дом и программы «войны с бедностью».— Новая и новейшая история, 1984, № 4, с. 47—49.

[34] Подсчитано по: *Levitan S.* The Great Society's Poor Law. A New Approach to Poverty. Baltimore, 1969, p. 95.

ся в школе или работать[35]. Всего за 1965—1968 гг. через «трудовые корпуса» прошли 195 тыс. человек, из них более половины — негры[36].

Другая программа, начатая в 1964 г.,— «молодежные корпуса по месту жительства» — предусматривала систему мер по трудоустройству подростков из нуждающихся семей по месту жительства. Для приобретения минимума образования и квалификации взрослыми безработными бедняками была разработана специальная программа под названием «работа — опыт». Она предназначалась для глав семей, получавших пособия, и сводилась к содействию в приобретении специальности (связанной, как правило, со сферой обслуживания, дорожными работами и т. п.) на импровизированных курсах, организуемых местным аппаратом социального обеспечения на средства ОЕО. Намечалась и организация общеобразовательного обучения для лиц, имевших образование ниже 6 классов и неспособных поэтому получить работу. Ко времени прекращения этой программы летом 1969 г. через нее прошли 225 тыс. человек, а расходы на эти цели в 1965—1968 гг. составили 7% совокупного бюджета ОЕО. По имеющимся неполным данным, лишь менее половины участников программы оказывались в состоянии получить работу[37].

Закон об экономических возможностях вводил и специальные мероприятия по борьбе с бедностью в сельских районах: выдачу льготных займов бедствующим фермерам и сельскохозяйственным рабочим, а также оказание медицинской и юридической помощи, обучение грамотности и самым неквалифицированным профессиям мигрирующих и сезонных сельскохозяйственных рабочих. Наиболее обездоленную и многочисленную профессиональную группу американской бедноты составляли 7 млн. таких рабочих и членов их семей, но им выделялись мизерные средства, составлявшие 1,9% всех ассигнований ОЕО в 1965—1968 гг., или менее 4 долл. на человека ежегодно[38].

Особая роль в законодательстве по борьбе с бедностью отводилась программам и тактике «общинных действий» (Community action programs — CAP), ставших основным организационным принципом значительной части социальных мероприятий в рамках «войны с бедностью». Замысел этого нововведения заключался в усилении эффективности и улучшении координации различных программ «помощи бедным» на местном уровне путем подключения местной общественности (в том числе и представителей самих получателей помощи) к разработке и осуществлению этих программ. Концепция «общинных действий», апробированная в ряде местных экспериментов под эгидой президентской комиссии по преступности среди малолетних[39] в 1961—1963 гг., была подхвачена авторами закона об экономических возможностях, поскольку она создавала необходимое впечатление новизны и комплексного характера подхода к борьбе с бедностью, опиравшегося на популярные среди демократических масс в 60-х годах идеи самоуправления и «демократии участия».

Основной административной ячейкой этой структуры являлись

[35] The Tide of Progress, 3rd Annual Report of the Office of Economic Opportunity. Wash., 1967, p. 7.

[36] As the Seed Is Sawn, 4th Annual Report of the Office of Economic Opportunity. Wash., 1968, p. 54.

[37] *Kershaw J.* Government against Poverty. Wash., 1970, p. 32—33.

[38] Ibid., p. 38.

[39] *Knapp D., Polk K.* Scouting the War on Poverty. Social Reform Politics in the Kennedy Administration. Lexington, 1971, p. 138—139.

агентства общинных действий, создаваемые на местах из представителей общественности и местных властей при (согласно формулировке закона) «максимально возможном участии жителей данных районов и получателей помощи». Далеко идущие последствия такого участия, вызвавшие затем острую политическую борьбу, оказались явно недооцененными авторами законодательства[40]. В задачи агентств входила разработка и осуществление собственных мероприятий по борьбе с бедностью, а также организация и контроль за реализацией ряда федеральных программ. В качестве базы использовались уже существующие на местах учреждения и организации (школы, больницы, университеты и т. д.), а 90% расходов на эти мероприятия брало на себя ОЕО. В 1966—1968 гг. во всех штатах страны насчитывалось около 1 тыс. таких агентств, каждое из которых обычно охватывало часть большого города или несколько графств в сельской местности. На долю программ «общинных действий» в 1965—1968 гг. пришлось почти 2,5 млрд. долл., или 45,8% всех расходов ОЕО. Около половины ассигнований приходилось на федеральные программы и около 40% — на инициативные мероприятия самих агентств общинных действий[41].

Из федеральных программ, осуществлявшихся в рамках САР, важное место принадлежало программе дошкольной подготовки детей бедняков под названием «Хед старт» («Операция начало»). Хотя в 1965—1968 гг. на нее было выделено 38% всех ассигнований по линии САР, по расчетам самого ОЕО, для обеспечения годичной подготовки всех детей бедняков потребовалось бы около 6,5 млрд. долл. ежегодно, или в 33 раза больше, чем выделялось для этой программы в 1966 г.[42] Другая федеральная образовательная программа в рамках САР — «Апуорд баунд» («Скачок вперед») предназначалась для подготовки к колледжу детей-школьников из бедных семей. Однако из-за явной нехватки средств она распространялась лишь на 20 с небольшим тысяч школьников[43].

Предполагалось, что осуществлявшиеся в рамках САР программы «местной инициативы» будут охватывать широкий круг задач: помощь в обеспечении работой и медицинским обслуживанием, борьба с неграмотностью, ремонт и строительство жилищ, помощь кооперативам в сельской местности, мероприятия по контролю над рождаемостью и др. Эта деятельность, как правило, концентрировалась в так называемых «местных центрах услуг» — своего рода опорных пунктах «войны с бедностью». Непосредственный эффект этих мероприятий не был заметным, учитывая огромный разрыв между мизерностью выделяемых ресурсов и масштабом проблем самой бедноты. Этот разрыв в полной мере характерен для ассигнований по линии САР в целом.

Помимо закона об экономических возможностях, мероприятия против бедности проводились и в рамках других социальных программ «великого общества». В области обучения и профессиональной подготовки это был закон о развитии и подготовке людских ресурсов (1962 г.), переориентированный с 1967 г. в первую очередь на подготовку бедняков,

---

[40] *Yarmolinsky A.* The Beginnings of OEO.— In: On Fighting Poverty. Perspectives from Experience/Ed. by J. Sundquist. N. Y., 1969, p. 49.
[41] Подсчитано по: *Levitan S.* Op. cit., p. 95, 123.
[42] Ibid., p. 139, 140.
[43] The Quiet Revolution, 2nd Annual Report of the Office of Economic Opportunity. Wash., 1966, p. 42.

а также начатая в 1968 г. программа увеличения занятости в сфере бизнеса, представляющая собой систему государственных субсидий предпринимателям на подготовку квалифицированной рабочей силы для своих предприятий. Воздействие этих программ на сокращение бедности, по оценкам большинства специалистов, оказалось ограниченным [44].

В области образования наиболее значительными реформами стали закон о начальном и среднем школьном образовании и закон о высшем образовании, принятые конгрессом в 1965 г. И тот и другой явились ответом на вызов реального социализма, убедительно продемонстрировавшего к тому времени превосходство и огромные успехи социалистической системы образования. Первый в рамках общего расширения федеральной помощи школам предусматривал выделение специальных средств для учебных округов со значительной прослойкой учащихся из нуждающихся семей. Ввиду ограниченности ассигнований (менее 1 млрд. долл. в 1966 г.) декларируемая в первом разделе закона цель — обеспечить 50%-ное увеличение расходов на каждого нуждающегося учащегося — осталась недостигнутой. При всей ограниченности (в 1966 г. ассигновано лишь 58 млн. долл.) эти шаги в определенной степени способствовали повышению образовательного уровня малообеспеченной молодежи.

В области медицинского обслуживания наиболее нуждающихся с большой помпой была введена специальная программа «Медикейд», принятая конгрессом в 1965 г. в виде поправки к закону о социальном страховании. Она предусматривала прямую материальную помощь в оплате медицинских счетов получателей пособия по бедности на смешанной федерально-штатной основе [45]. За ее бортом оставались бедняки, не имеющие права на пособие и составляющие не менее трети всей бедноты, не говоря уже о явной недостаточности и низком качестве медицинского обслуживания, особенно в сельской местности. Достаточно сказать, что к концу 60-х годов в среднем на одного ребенка из бедной семьи, проживавшей в сельской местности, приходилось всего лишь 5 долл. ассигнований по линии «Медикейд» [46].

Смягчению отчаянного положения в области питания американской бедноты была призвана служить программа государственного субсидирования части расходов бедняков на продукты питания в виде продовольственных купонов, обмениваемых в магазинах на небольшое количество самых дешевых продуктов. По специальному закону 1964 г. на эти цели в 1965 г. выделялось 36 млн. долл., а число получателей этой помощи составляло немногим более 600 тыс. человек [47].

Кроме того, во второй половине 60-х годов были приняты некоторые меры по оказанию помощи малообеспеченным семьям в аренде квартир в частных жилых домах и по ограниченному расширению программ федерального финансирования строительства дешевых жилищ в рамках законов о жилищном строительстве и городском развитии 1965 и 1968 гг., а также по борьбе с расовой дискриминацией при продаже и найме жилищ (раздел VIII закона о гражданских правах 1968 г.).

---

[44] Studies in Public Welfare, Paper N 3. The Effectiveness of Manpower Training Programs: A Review of Research on the Impact on the Poor. Wash., 1972, p. 40, 60.

[45] *Кассирова Е. П.* США: кризис социальной политики: (Государство и социальное обеспечение). М., 1978, с. 236—237.

[46] A Decade of Federal Antipoverty Programs, p. 203.

[47] *Plotnick R., Skidmore F.* Program against Poverty. N. Y., 1975, table 6, 9.

Таким образом, для достижения внешне радикальных целей («полная ликвидация бедности») предлагались в целом весьма традиционные и совершенно недостаточные средства [48]. Это соответствовало общему концептуальному подходу администрации демократов к проблемам бедности. Социальные мероприятия демократов претендовали, по словам президента Джонсона, на устранение «причин бедности, а не просто ее последствий» [49], но причины эти усматривались отнюдь не в существующей экономической системе с ее хронической безработицей, вопиющим неравенством в распределении доходов, а в самих бедных — их недостаточной образовательной и профессиональной подготовке, отсутствии необходимых навыков и мотивации к труду, самом образе жизни и т. п. Соответственно и пути решения этой проблемы виделись не в перераспределении доходов, создании достаточных общественных фондов потребления, а в приспособлении самих бедняков к существующему капиталистическому производству путем повышения их потенциальной «используемости» на рынке труда [50]. Сама фразеология нового законодательства с ее акцентированием «возможностей» вместо «помощи» была призвана оттенить его «конструктивно-производительную» направленность. При этом упускалась из виду органическая неспособность капиталистического хозяйства обеспечить работой всех трудоспособных, включая и квалифицированных.

Это был явно упрощенческий подход, игнорирующий подлинную суть и классовую природу проблемы бедности, неразрывно переплетенной со всеми сторонами капиталистической действительности — экономическим укладом, социальным неравенством, расизмом и другими формами дискриминации и угнетения, культом индивидуализма. Просчет этот, таким образом, имел не столько технический, сколько социально-классовый характер, поскольку устранение подлинных причин бедности невозможно в рамках капитализма. «Основная причина безработицы и бедности,— подчеркивали американские коммунисты в своей экономической программе,— не автоматизация производства, не личные недостатки или отсутствие удачи. Напротив, причина этого — экономическая система, при которой производство подчинено удовлетворению максимальных личных прибылей вместо максимального общественного блага...» [51].

К тому же весь замысел «войны с бедностью», навязываемой бедноте сверху, предполагал чисто бюрократическое ее воплощение, что и подтвердилось на практике созданием дорогостоящего административного аппарата, оторванного от подлинных нужд и интересов беднейших слоев.

Важнейшим условием «войны с бедностью», как и всей программы «великого общества», считался неуклонный экономический рост. Приращение экономического «пирога» рассматривалось как безболезненная альтернатива перераспределению национального дохода, как главный источник финансирования новых социальных программ, не ущемляющий ни интересов монополий, ни рядовых налогоплательщиков [52]. Не случайно выделение первых ассигнований на «войну с бедностью» сопровож-

---

[48] Подробнее см.: *Васильев В. С.* Федеральный бюджет и малоимущие слои США. М., 1981, с. 98—99.
[49] Congressional Record, vol. 110, pt 4, p. H5287.
[50] American Economic Review, 1965, May, vol. 55, p. 528—529.
[51] Worker, 1964, May 3.
[52] American Economic Review, 1965, Mar., vol. 55, p. 122—130.

далось крупным сокращением налогов с населения и промышленных компаний. Кроме того, ожидалось, что именно экономический бум создаст новые рабочие места для прошедших обучение и подготовку бедняков. Показательно, что альтернативные планы увеличения занятости — за счет широкомасштабных общественных работ по образцу «нового курса», неоднократно выдвигавшиеся в 60-х годах в конгрессе и за его пределами, так и не стали частью «великого общества».

Эти самонадеянные расчеты на приобщение беднейших слоев к капиталистическому производству с минимальными финансовыми и политическими издержками для самих правящих кругов были типичным порождением неолиберальной политики 60-х годов с ее упованием на всесилие государственного вмешательства и уверенностью в неограниченных возможностях американской экономики. Последующая история «войны с бедностью» в полной мере выявила внутреннюю противоречивость и неэффективность такого подхода.

Старт «войны с бедностью» был многообещающим. Впечатляющая победа Л. Джонсона под лозунгом «великого общества» над Б. Голдуотером, посягнувшим на основы «государства благосостояния», завоевание демократами на выборах 1964 г. явного большинства в конгрессе — все это, казалось, свидетельствовало о популярности реформистского курса демократов и сулило ему прочную поддержку в будущем. Конгресс 89-го созыва — самый либерально настроенный за все послевоенные годы — на первой сессии (январь—июль 1965 г.) принял рекордное по объему со времен «ста дней» Ф. Д. Рузвельта социальное законодательство, среди которого, помимо уже упомянутых реформ, был закон о медицинской помощи престарелым («Медикэр»). Продолжая тактику Дж. Кеннеди, администрация Джонсона добивалась поддержки своей социальной политики при помощи лозунга «большого согласия» всех классов и социальных групп американского общества, в чем сказывалось и ее стремление к созданию подобия национального единства в целях укрепления внутреннего «тыла» разворачивавшейся агрессии во Вьетнаме.

В отличие от периода «нового курса» монополистический капитал в целом встретил социальные мероприятия демократов по борьбе с бедностью довольно благосклонно, несмотря на формальную оппозицию Торговой палаты и Национальной ассоциации промышленников законопроекту об ОЕО. Такая позиция объяснялась прежде всего растущим в монополистических кругах сознанием необходимости ослабления волнений в гетто промышленных центров, приносящих, кроме всего прочего, значительные экономические убытки. Вместе с тем контракты с ОЕО в области обучения и профессиональной подготовки предоставляли фирмам выгодную возможность экспериментирования за государственный счет в этой перспективной экономической сфере [53]. Но все эти факторы сохраняли свою силу до тех пор, пока в стране поддерживались высокая экономическая конъюнктура и рост прибылей монополий.

Организованное рабочее движение с самого начала активно поддерживало мероприятия против бедности, причем, если официальное руководство АФТ—КПП солидаризовалось с деятельностью администрации, левоцентристские профсоюзы шли дальше в своих требованиях. Многие профсоюзы на местах приняли активное участие в реализации программ

[53] *McHale J.* Big Business Enlists for the War on Poverty.— Trans-Action, 1965, May—June, p. 3—9.

ОЕО (особенно в рамках «общинных действий»), их политическое давление на конгресс сыграло важнейшую роль в принятии большей части законодательства «великого общества» [54].

Совместно с профсоюзами в этом же направлении действовали многочисленные негритянские, либеральные и религиозные организации. Опросы общественного мнения показывали, что ко времени прохождения через конгресс основных мероприятий программы «великого общества» (конец 1965 г.) они пользовались поддержкой большинства избирателей, в том числе «война с бедностью» одобрялась 73% опрошенных службой Л. Харриса. Личная популярность президента Джонсона также достигла рекордного уровня — 67% [55].

В основе такой общественной реакции лежало общее убеждение в том, что различные групповые интересы при всем их разнообразии и расхождениях могут быть удовлетворены без ущерба друг для друга — за счет экономического роста и подъема общего благосостояния. Хотя прибыли корпораций в 1961—1965 гг. росли гораздо быстрее, чем заработная плата рабочих, общая тенденция к повышению уровня доходов способствовала распространению этого иллюзорного представления. В условиях экономического бума 1964—1965 гг., стимулированного государственной финансовой и кредитно-денежной политикой и характеризовавшегося рекордно высоким уровнем занятости и стабильностью цен, правительственные экономисты даже стали всерьез задумываться о проблеме «бюджетных излишков». По предварительным прогнозам Совета экономических консультантов, сделанным в 1965 г., дополнительные поступления в казну в 1965—1970 гг. должны были составить около 50 млрд. долл.[56]

Неудивительно, что в ожидании этих бюджетных излишков архитекторы «войны с бедностью» рассматривали первоначальные, очень скромные ассигнования на эти цели лишь как первый прорыв, за которым должно последовать подлинно массированное наступление. Перспективные планы ОЕО предусматривали неуклонное наращивание ассигнований на борьбу с бедностью (до 16,9 млрд. в 1970 финансовом году) и в том числе своего собственного бюджета за тот же период (до 10,46 млрд. долл.) [57] При этом условии, обещал С. Шрайвер конгрессу, с бедностью в стране будет полностью покончено к 1976 г.— к 200-летию образования США. Однако прошло немного времени, и все эти расчеты на сохранение политической и расширение финансовой базы «войны с бедностью» и «великого общества» оказались перечеркнуты действительностью.

Очень скоро на фоне громогласных обещаний правительства покончить с бедностью и неравенством стало выявляться отсутствие существенного прогресса в улучшении материального положения социальных низов [58]. Растущий разрыв между «большими ожиданиями» бедноты и ограниченностью государственных программ, как вынужден был конста-

---

[54] *Greenstone J.* Labor in American Politics. N. Y., 1969, p. 336—343.
[55] Washington Post, 1966, Jan. 9.
[56] New York Times Magazine, Nov. 7, 1965, p. 32—33.
[57] Lyndon B. Johnson Library, The Office of Economic Opportunity during the Administration of President Lyndon B. Johnson, Administrative History, vol. 1, pt 2 p. 622. (Далее: LBJL).
[58] *Маклярский Б. И.* «Великое общество»: декларация и действительность. М., 1969, с. 144—145.

тировать директор бюджетного управления Ч. Шульце в докладе президенту, неизбежно приводил к «дискредитации» этих программ и осуществлявших их органов[59]. Это ярко подтвердил первый съезд организации «Крестовый поход граждан против бедности», собравшийся в апреле 1966 г. в Вашингтоне. Первое общенациональное собрание представителей бедноты, от которого администрация ожидала одних восхвалений своей деятельности, вылилось в открытую конфронтацию представителей Белого дома с делегатами. Выступивший С. Шрайвер был освистан делегатами и вынужден срочно покинуть съезд. В том же 1966 г. в стране было зарегистрировано 21 крупное расовое волнение, также имевшее основой широкое недовольство негритянской бедноты своим по-прежнему бедственным положением. Таким образом, вместо умиротворения социальных низов «война с бедностью» подтолкнула их политическую активность и еще более усилила недовольство.

В то же время в обстановке стремительного нарастания расовых волнений и резкого усиления инфляции, начавшегося в 1966 г., главным образом в связи с ростом военных расходов, менялось отношение к «войне с бедностью» и со стороны более обеспеченных слоев населения. Закрытые обзоры политического климата в стране, проведенные по заказу Белого дома в преддверии выборов 1966 г., показали, что стоимость жизни и расовый вопрос стали самыми «больными» для большинства избирателей, принадлежавших к состоятельным слоям[60].

Озабоченность этих слоев ростом инфляции и вспышками расовых волнений в городах приводила к растущей популярности демагогии правых, отождествлявших «войну с бедностью» с «эгоистическими» интересами цветного населения. Поэтому в восприятии значительной части средних слоев и даже белого рабочего класса рост инфляции все больше увязывался с расширением социальных программ помощи цветной бедноте, имевших своим результатом якобы лишь усиление ее «мятежного духа». В результате, как подтверждалось в сообщениях местных политиков-демократов в Белый дом, падала популярность программ «великого общества» среди состоятельных групп населения. «Многие считают, что они осуществляются для других за их счет»,— писал, например, губернатор Калифорнии Э. Браун президенту[61]. Шаткий «консенсус» вокруг «великого общества» рассыпался на глазах. Это было закономерным проявлением глубокой внутренней противоречивости либерального реформизма, основанного на сочетании курса подачек, оплачиваемых из кармана рядового налогоплательщика, с сохранением существующей системы распределения доходов и привилегий монополий.

Красноречивым индикатором нарастания консервативных настроений стали результаты выборов 1966 г. в конгресс и местные органы власти. Демократы понесли тяжелые потери: 47 мест в палате представителей, 3 — в сенате, 8 постов губернаторов, концентрировавшиеся в крупнейших промышленных штатах Северо-Востока и Среднего Запада, где размах негритянских волнений был особенно велик. Соотношение сил в конгрессе существенно изменилось в пользу консервативной оппозиции республиканцев и демократов Юга, сопротивление которой программам

[59] Ch. Schultze to the President, November, 7, 1966.— LBJL, White House Central Files (Далее: WHCF), Welfare (Executive), Box 28.
[60] A Survey of Political Climate... June 2, 1966.— Ibid., Public Relations (Confidential).
[61] E. Brown to L. Johnson, December 30, 1966.— Ibid., Political Affairs (California).

«великого общества», и в частности «войны с бедностью», заметно возросло[62]. Конгресс начал не только урезать ассигнования Управлению экономических возможностей, но и пошел по пути ограничения свободы действий ОЕО на местах. Доля средств в свободном распоряжении агентств общинных действий, предназначенная для «программ местной инициативы», была сокращена. В том же 1967 г. конгресс принял поправку которая предусматривала усиление контроля местных властей над деятельностью агентств общинных действий.

Однако основной вклад в свертывание «войны с бедностью» внесла сама администрация Джонсона. С самого начала она явно не торопилась подкреплять свои торжественные обещания делами. Даже в 1965 г., в условиях благоприятной экономической конъюнктуры и имея дело с либерально настроенным конгрессом 89-го созыва, администрация сократила запрошенный ОЕО бюджет на 1966 финансовый год вдвое — с 3,4 млрд. до 1,75 млрд. долл., что в годовом исчислении не превышало куцых «пробных» ассигнований первого года «войны с бедностью». По мере эскалации войны во Вьетнаме, осложнения экономической ситуации и обострения политической борьбы вокруг своей внутренней и внешней политики президент утрачивал остатки интереса к собственному претенциозному проекту, следуя рекомендациям советников о необходимости «перенести акцент с новаторства и перемен на стабилизацию и ощущение безопасности... превратив либеральное законодательство последних лет в статус-кво»[63].

Важнейшим фактором этого сдвига к консерватизму в социальной сфере стало также серьезное сокращение финансовых возможностей государства в связи с эскалацией агрессии во Вьетнаме и усилением инфляции в стране. Вместо ожидавшихся «бюджетных излишков» администрацию ожидал стремительный рост дефицита федерального бюджета, подстегиваемого расходами на войну во Вьетнаме, которые уже к концу 1966 г. составили около 20 млрд. долл. в год. «Проблема состоит в том,— докладывал президенту Ч. Шульце в ноябре 1966 г.,— что мы простонапросто не в состоянии обеспечить финансирование новых программ великого общества ... Даже финансирование уже имеющихся программ в неизменном объеме будет чрезвычайно трудным делом»[64]. Резко усилилось и закулисное давление на администрацию со стороны монополистического капитала, требовавшего значительных сокращений социальных расходов ввиду роста инфляции и бюджетного дефицита[65].

В итоге уже с 1966 г. администрация демократов взяла курс на сокращение гражданских ассигнований в целях компенсации растущих военных расходов. В системе государственных приоритетов «война с бедностью» окончательно отошла на задний план. В конце концов, «какая из этих войн важнее? — доказывал председатель комитета по ассигнованиям палаты представителей Дж. Мэхон С. Шрайверу необходимость сокращения ассигнований ведомству последнего.— А бедность у нас всег-

[62] *Donovan J.* The Politics of Poverty. N. Y., 1967, p. 131.
[63] J. Roche to L. Johnson, July 6, 1967.— LBJL, WHCF, Political Affairs (Platforms); D. Cater, B. Wattenberg, E. Duggan to the President, August 10, 1967.— Ibid., Political Affairs (Elections, Campaigns).
[64] Ch. Schultze to the President, November, 7, 1966.— Ibid., Welfare (Executive), Box 28.
[65] *McQuaid K.* The Big Business and Presidential Power. From F. D. R. to Reagan. N. Y., 1982, p. 249—251.

да была и будет...»[66] Ассигнования по линии ОЕО совместными усилиями администрации и конгресса были так основательно заморожены на исходном уровне, что даже сам «штаб» «войны с бедностью» оставил попытки изменить создавшееся положение. «Вместо расширения программ борьбы с бедностью,— отмечается в авторитетном исследовании этих программ,— ОЕО боролось уже просто за свое существование»[67]. Постепенно «война с бедностью» исчезала из списка новых законодательных инициатив и самого лексикона Белого дома.

Ее закономерным эпилогом стал многотысячный поход бедняков на Вашингтон в мае-июне 1968 г. Организованный широкой коалицией негритянских, профсоюзных и студенческих организаций, он превратился в мощную демонстрацию недовольства социальной политикой правительства, сохраняющейся массовой бедностью, голодом, безработицей. После безуспешных попыток умиротворить участников похода ссылками на прошлые достижения и туманными обещаниями на будущее Белый дом прибегнул к насильственной ликвидации лагеря бедняков в Вашингтоне. «„Война с бедностью“ превращалась в войну с бедняками»[68]. За усилением социального протеста стояло массовое разочарование в итогах социальных программ «великого общества», и в особенности «бескомпромиссной войны с бедностью».

Хотя, по официальной статистике бедности, число бедняков к 1968 г. сократилось до 25 389 тыс.[69], это сокращение вызывалось не столько государственными программами помощи, сколько высокой экономической конъюнктурой 60-х годов, а главное— оно вовсе не означало реального, серьезного улучшения положения американской бедноты. При явно заниженном официальном уровне бедности формальное и зачастую минимальное его превышение отнюдь не гарантировало выхода из зоны бедности. Показательно, что разрыв в уровне доходов между средней и «другой» Америкой в 1964—1968 гг. еще более увеличился[70].

В структуре неимущих слоев населения произошли серьезные изменения, приведшие к увеличению доли хронически безработных групп, испытывавших наибольшие лишения и не имевших практически никаких шансов выбраться из бедности[71]. Бедность стала еще более безысходной и не поддающейся врачеванию традиционными либерально-буржуазными методами. По данным опубликованного в 1968 г. исследования «Голод, США», к тому времени по прошествии нескольких лет осуществления программы «великого общества» и «войны с бедностью» в США продолжали хронически голодать 10—14 млн. человек[72].

Специальная президентская комиссия под председательством крупного бизнесмена Б. Хайнемана, исследовавшая в 1968—1969 гг. положение бедноты и эффективность государственной политики в этой области, констатировала в заключительном докладе: «Мы обнаружили крайнюю

---

[66] US House of Representatives, Hearings before the Subcommittee of the Committee on Approriations: Supplemental Aprorpiation Bill of 1967. Wash., 1967, p. 267.
[67] *Levitan S.* Op. cit., p. 69.
[68] *Геевский И. А.* Поход бедняков на Вашингтон и политика Белого дома.— Новая и новейшая история, 1977, № 3, с. 77.
[69] Current Population Reports, Series P-60, N 98. Wash., 1975, table 1.
[70] A Decade of Federal Antipoverty Programs, p. 89, 90.
[71] *Levitan S., Taggart R.* The Promise of Greatness. The Social Programs of the Last Decade and Their Major Accomplishments. Cambridge, 1976, p. 198—199.
[72] Political Affairs, 1968, Aug., p. 7.

бедность и ее последствия во всех районах страны и среди всех этнических групп. Эта бедность не только относительная в сравнении с растущим общеамериканским уровнем жизни, но и очень часто абсолютна и всеобъемлюща. Слишком многие американские семьи лишены соответствующего жилища и одежды, живут в условиях абсолютного голода и крайне нездоровой обстановки ... Для многих бедность является не временным обстоятельством, а извечным условием жизни» [73].

Итоги «войны с бедностью» и «великого общества» в целом выявили несостоятельность установок «социальной инженерии», которых придерживались их организаторы. И не только ввиду явно недостаточного охвата и низкой эффективности этих программ, но и потому, что главный упор «войны с бедностью» на «переделку бедных», повышение их образовательного и квалификационного уровня сам по себе был не способен устранить подлинные корни массового пауперизма. Как показали многочисленные специальные исследования, и в том числе проводимые объединенным экономическим комитетом конгресса, профессиональная подготовка трудоспособных бедняков оказывала очень незначительное влияние на увеличение их средних доходов [74]. Главная причина такого положения, как отмечают и сами американские специалисты, состоит в том, что «капитализм США не способен поддерживать достаточно высокий спрос на адекватно оплачиваемую рабочую силу для того, чтобы обеспечить занятость всем желающим...» [75]. Аналогичным образом обстояло дело и в области образования.

Подлинные причины бедности, таким образом, коренились не в самих бедных, как это изображалось стратегами программы «великого общества», а в общественном строе капитализма. Это вынуждена была признать даже буржуазно-респектабельная комиссия Б. Хайнемана. «Наша экономическая и социальная структура,— констатировалось в ее отчете,— по существу, гарантирует бедность для миллионов американцев» [76]. Признав неадекватность существующих федеральных программ борьбы с бедностью, комиссия рекомендовала перенести основной упор на прямые трансфертные (денежные и неденежные) выплаты. Под влиянием неудач «войны с бедностью» именно в этом направлении отказа от прежних претенциозных установок на «трансформацию» бедности, «устранение корней бедности» и перехода к залатанию ее наиболее крайних проявлений пошло все дальнейшее развитие буржуазной экономической мысли и государственной политики в этой сфере [77].

Провал «войны с бедностью» и неутешительные итоги «великого общества» в целом свидетельствовали о кризисе всего неолиберального реформизма — его идейно-политических установок на всесилие государственного вмешательства в стиле неокейнсианских моделей, технократическое регулирование экономического роста как панацеи от всех бед капитализма и его социальной базы в виде пестрой коалиции социальных сил, группировавшихся вокруг демократической партии. Партия пришла к выборам 1968 г. в состоянии серьезных внутренних конфликтов.

---

[73] Poverty Amid Plenty: The American Paradox. Wash., 1969, p. 2, 13.
[74] Studies in Public Welfare, Paper N 3, p. III—IV.
[75] A Decade of Federal Antipoverty Programs, p. 183.
[76] Poverty Amid Plenty..., p. 23.
[77] *Aaron H.* Politics and Professors. The Great Society in Perspective. Wash., 1978, p. 27.

3. АГРЕССИЯ ВО ВЬЕТНАМЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ДЖОНСОНА

Во внешней политике страны вступление Линдона Б. Джонсона на пост президента ознаменовалось сперва малозаметными сдвигами, а потом довольно крутым поворотом к открытому глобальному интервенционизму, кульминацией которого явилась агрессия США во Вьетнаме. Начав с перенесения акцента на бо́льшую «жесткость» во взаимоотношениях с Советским Союзом, другими социалистическими и многими развивающимися странами, правительство Л. Джонсона затем полностью дезавуировало или изменило содержание ряда внешнеполитических установок политики «новых рубежей» Дж. Кеннеди, сделав крен вправо, от реализма к авантюризму. Новый президент, например, прервал переписку с главой Советского правительства, налаженную его предшественником, и попытался предпринять другие акции «давления» на СССР, занял угрожающую позицию в отношении революционной Кубы и «поощрительную» по отношению к военным диктатурам Латинской Америки и расистским режимам Африки.

Принимая важнейшие внешнеполитические решения, признавался президент, он проводил «исторические параллели» между событиями кануна второй мировой войны и послевоенным развитием. То были злонамеренные и фальшивые параллели, изобретенные и широко пущенные в ход в США в начале «холодной войны». Революционная и национально-освободительная борьба народов выдавалась за «мировую коммунистическую экспансию» и отождествлялась с действиями фашистских агрессоров. Политика же поощрения агрессии, сознательно проводившаяся западными державами, изображалась как «наивная пассивность», недопустимая, дескать, теперь, если США хотят учесть «уроки истории» и предотвратить третью мировую войну. Не случайно одним из главных наставников Джонсона был, по его же словам, инициатор «холодной войны» Г. Трумэн, который дал ему «много дельных предложений и мудрых советов», в том числе относительно Вьетнама [78].

Наряду с воинствующим антикоммунизмом вера в «историческую миссию» и во «всемогущество» Соединенных Штатов оказывала большое воздействие на внешнеполитический курс правительства демократов при Джонсоне. Унаследовав от Дж. Кеннеди все проекты мирового лидерства США, в том числе «великий проект для Европы», «усиления НАТО» и др., президент Джонсон пытался собственными методами добиться их осуществления. Правительство Джонсона, в частности, отдало приказ приступить к созданию надводного «атлантического флота», вооруженного ракетами «Поларис», т. е. к осуществлению одного из вариантов многосторонних ядерных сил НАТО. Чтобы доказать «практичность» подобного проекта, был построен и пущен в плавание ракетоносный эсминец «Риккетс» с многонациональным экипажем. Особое внимание президент Джонсон проявил к ядерным притязаниям ФРГ.

На очередной сессии Совета НАТО в декабре 1963 г. правительство

---

[78] *Johnson L. B.* The Vantage Point. Perspectives of the Presidency, 1963—1969. N. Y., 1971, p. 31, also p. 46—48 a. o.

США, подтвердив намерение держать в Западной Европе пять американских дивизий, потребовало от своих европейских союзников дальнейшего наращивания обычных вооружений и создания «сбалансированных» ядерных сил. Такая политика, как и в прошлом, натолкнулась на непримиримую позицию СССР, стран—участниц Варшавского Договора, прогрессивных, миролюбивых сил Европы. Советский Союз, братские страны социализма неоднократно обращали внимание на опасность разрабатывавшихся в недрах НАТО планов более или менее замаскированного допуска западногерманских реваншистов к ядерному оружию. Тогда правительство Джонсона предложило своим ближайшим союзникам образовать так называемый директорат, или комитет, по ядерному планированию. Этот комитет должен был приобщить ФРГ и некоторые другие страны НАТО к коллективной разработке ядерной стратегии Запада — изучению новых систем вооружений, определению целей для ядерных боеголовок, их размещению, не передавая в то же время в руки самих этих стран ядерного оружия. Это был своего рода компромиссный вариант, призванный в какой-то мере подменить проект многосторонних ядерных сил, дать определенное удовлетворение милитаристским кругам ФРГ и в то же время устранить препятствия к заключению международного договора о нераспространении ядерного оружия. После длительных переговоров Вашингтону удалось в 1967 г. осуществить свой план создания группы ядерного планирования НАТО.

Наращивая элементы силы, нацеленные против СССР, правительство Джонсона одновременно активизировало свою антисоветскую дипломатическую игру в районе, который правящие круги США рассматривали как наиболее «чувствительное, уязвимое место вдоль советского периметра» — в Восточной Европе. Делая ставку на «дифференцированный подход» к социалистическим странам, президент Джонсон весной 1964 г. выдвинул так называемую доктрину «наведения мостов». Эта доктрина и соответствующая ей политика были призваны путем развития отношений между империалистическими державами во главе с США и отдельными социалистическими странами способствовать разобщению последних, росту в каждой из них национализма, изоляции их друг от друга, и прежде всего от Советского Союза.

Стремясь к разъединению социалистического содружества и «мирной эволюции» отдельных его членов в направлении к капитализму, джонсоновская дипломатия облачала политику «наведения мостов» в пышные фразы о преодолении «холодной войны» и раскола Европы, об экономическом сотрудничестве, взаимном обогащении культурными ценностями и идеями. «В целях создания „единой и процветающей“ Европы,— заявил президент Джонсон, выступая в Виргинском военном институте 23 мая 1964 г.,— мы будем продолжать строить мосты через пропасть, которая отделяет нас от Восточной Европы. Это будут мосты возрастающей торговли, идей, визитов и гуманитарной помощи». Заодно Джонсон подчеркнул свою веру в то, что «искусное развитие отношений с Восточной Европой может ускорить наступление того дня, когда будет воссоединена Германия», т. е., иными словами, когда будет ликвидирована ГДР — единственная из восточноевропейских социалистических стран, на которую не распространялась доктрина «наведения мостов» [79].

---

[79] Department of State Bulletin, 1964, June 15, p. 922—924.

Делая упор в риторике на приверженность «мягким» методам (торговля, культурный обмен и т. д.) и на поддержку «национальной самобытности», правительство Джонсона в своей политике по отношению к освободившимся странам быстро переходило от признания новых революционных правительств к организации заговоров против них и их свержения, от конкуренции из-за прибылей к совместным действиям со старыми колонизаторами для вооруженной борьбы против национально-освободительных сил, от заигрываний с «африканским национализмом» к сговору и явному или тайному сотрудничеству с белыми расистскими режимами. Так, заметно усилилась со стороны США и НАТО поддержка карательных действий Португалии против восставших народов Анголы и Мозамбика, поощрение южноафриканских и родезийских расистов, стремившихся отстоять «белый плацдарм» на юге «черного континента». Вместе с другими империалистами правящие круги США предприняли в середине 60-х годов активные происки против Организации африканского единства и Лиги арабских государств. В частности, Вашингтон одобрил решение Великобритании проводить активную империалистическую политику «присутствия к востоку от Суэца», принятую в 1964 г. Он оказывал Лондону всестороннюю помощь в борьбе против народов Адена и совместно с ним начал создавать цепь военных баз в Индийском океане, которые стали бы связующим звеном между атлантическими и тихоокеанскими опорными пунктами глобальной политики Соединенных Штатов.

Определенные изменения были внесены новым президентом и в американскую политику по отношению к Латинской Америке. Официально программа «Союз ради прогресса» была сохранена в силе, и словесные заверения в верности ее «либерально-прогрессивному» духу составляли неотъемлемую часть многих выступлений Л. Джонсона и членов его администрации. Но, во-первых, к этой программе был сделан ряд весьма существенных поправок, а во-вторых, под ее прикрытием еще более усилилась агрессивная тенденция в латиноамериканской политике Соединенных Штатов.

Уже в конце 1963 г. помощник государственного секретаря США по делам Латинской Америки Т. Манн сформулировал очередную доктрину (названную его именем) об отношении США к диктаторским режимам. Согласно этой доктрине США отказывались от прежней линии «Союза ради прогресса» на осуждение таких режимов и поддержку лишь «представительной демократии». Теперь Манн открыто объявил о том, что единственным критерием для признания Соединенными Штатами какого-либо латиноамериканского правительства будет служить его отрицательное отношение к коммунизму и положительное — к американским монополиям. Является такое правительство «демократией» или военной, олигархической диктатурой — это его «внутреннее дело», не касающееся США.

Одновременно администрация Джонсона активизировала враждебную деятельность против Кубы и национально-освободительных сил в Латинской Америке. Стремясь усилить блокаду Острова Свободы, правительство и конгресс США, а также ряд частных американских монополий пригрозили в начале 1964 г. разрывом деловых контактов со своими западноевропейскими партнерами, если те не поддержат торговое эмбарго против Кубы. Как признает один из биографов Л. Джонсона, лишь опасе-

ния крайне неблагоприятной реакции в мире, и прежде всего ответных действий со стороны Советского Союза, удерживали Вашингтон от организации каких-либо открытых агрессивных антикубинских акций [80].

В январе 1964 г. правительство Джонсона отвергло справедливые требования Панамы о пересмотре неравноправного американо-панамского договора 1903 г., отдав приказ о расстреле демонстрации панамских патриотов в зоне Панамского канала. Весной того же года оно приняло участие в подготовке и проведении военного переворота в Бразилии.

В конце апреля — начале мая 1965 г. морская пехота США (42 тыс. солдат), воскрешая худшие страницы из истории империализма янки в Латинской Америке, высадилась в Доминиканской Республике. Эта открытая интервенция была вызвана тем, что доминиканский народ пытался отстоять свое право быть хозяином в собственном доме.

В 1961 г. после свержения кровавой диктатуры американского ставленника Трухильо, правившего страной в течение 30 лет, доминиканцы на первых за много десятилетий свободных выборах избрали на пост президента Хуана Боша, патриотически настроенного и честного буржуазного деятеля. На церемонии вступления его в должность президента в начале 1963 г. присутствовал тогдашний вице-президент США Л. Джонсон. Однако, как только Бош аннулировал привилегии американских компаний вроде «Стардард ойл оф Нью-Джерси», против него был организован заговор, в результате которого к власти в стране пришла военная хунта. Признание этой хунты и предоставление ей военной и экономической помощи явились одними из первых внешнеполитических актов президента Джонсона.

Доминиканский народ, однако, не желал примириться с новой диктатурой и требовал восстановления правления Хуана Боша. 24 апреля 1965 г. в результате выступления масс и патриотически настроенных военных правящая проамериканская хунта была свергнута и создано Временное революционное правительство. Убедившись в том, что местные реакционные силы не в состоянии справиться с восставшим народом, Соединенные Штаты обратились к политике «большой дубинки».

Правительство Джонсона не только пошло на открытые агрессивные действия против малой страны с целью помешать развитию в ней национально-освободительного движения, но и сделало попытку возвести подобные действия в ранг особой привилегии Соединенных Штатов по поддержанию «закона и порядка» в Западном полушарии. Вашингтон в мае 1965 г. провозгласил новую, так называемую «доктрину Джонсона» для Латинской Америки, которая декларировала «право» США на вооруженную интервенцию в любую из латиноамериканских стран в случае возникновения «угрозы ее перехода под коммунистическое господство». Выступая 3 мая 1965 г., президент Джонсон заявил: «Мы не намерены сидеть сложа руки в кресле-качалке (явный намек на президента Кеннеди.— *Авт.*) и позволять коммунистам создать какое-либо правительство в Западном полушарии... Если они собираются подвергать опасности жизнь американцев, то там, куда направляются американские граждане, вместе с ними идет этот флаг (звездно-полосатое знамя.— *Авт.*), чтобы защитить их» [81].

---

[80] *Geyelin P. L.* Lyndon B. Johnson and the World. L., 1966, p. 89.
[81] New York Times (International ed.), 1965, May 7.

Кульминационным пунктом интервенционистской политики США, попыток американского империализма играть роль «мирового жандарма» стала агрессия во Вьетнаме, резко усилившаяся после прихода Л. Джонсона в Белый дом. Уже 26 ноября 1963 г. новый президент в своей первой директиве по Вьетнаму одобрил самые жесткие рекомендации только что состоявшегося в Гонолулу (Гавайи) совещания высших военных и дипломатических деятелей США, предусматривавшие подготовку нарастающих ударов по ДРВ, а также по Лаосу в целях «обеспечения победы над коммунистами» в Южном Вьетнаме.

1 февраля 1964 г. программа секретных военных операций против Демократической Республики Вьетнам была введена в действие под названием Оперативный план 34А. Эта беспрецедентная программа коварного нападения большой империалистической державы на небольшую суверенную страну, как свидетельствуют документы, предусматривала широкий диапазон военных действий, начиная «с полетов над Северным Вьетнамом шпионских самолетов У-2 и похищений северовьетнамских граждан для получения разведывательной информации и кончая высадкой на Севере парашютных десантов для осуществления саботажа и психологической войны, рейдами коммандос с моря для взрывов железнодорожных и автомобильных мостов и бомбардировками северовьетнамских береговых сооружений с боевых катеров».

Составной частью американской необъявленной войны в Индокитае стали также широкие воздушные операции в Лаосе, осуществляемые американскими и таиландскими летчиками на истребителях-бомбардировщиках США, но с опознавательными знаками лаосских ВВС. Патрулирование эсминцев в Тонкинском заливе, получившее кодовое название «патрули Де Сото», было еще одним из важных элементов этой войны [82].

Правительство США отклонило все предложения о мирных переговорах по Вьетнаму, игнорируя предупреждения о том, что усиление американской агрессии против народов Индокитая приведет лишь к более упорному сопротивлению американскому империализму, к большей поддержке национально-освободительной борьбы со стороны Советского Союза, социалистического содружества, всех прогрессивных и миролюбивых сил. В марте 1964 г. президент Джонсон одобрил рекомендации министра обороны Макнамары в отношении дальнейшей эскалации войны против ДРВ.

Параллельно с военной шла тщательная идейно-политическая и дипломатическая подготовка к началу открытой войны США против вьетнамского народа. Еще в феврале 1964 г. госдепартамент занялся составлением и к маю окончательно отработал проект резолюции конгресса, вошедшей позднее в историю под названием «тонкинской», которая заранее давала президенту право использовать по его усмотрению все средства, включая вооруженные силы США, для борьбы против «коммунистической агрессии» в Индокитае. Разумеется, как отмечалось в документах Пентагона, «масштабы этой (американской.— *Авт.*) угрозы Ханою, характер и размах тайных военных операций и намерений администрации использовать резолюцию, чтобы втянуть страну в открытую

---

[82] The Pentagon Papers, as publ. by New York Times. N. Y., 1971, p. 238—239.

войну, если она окажется позднее желательной,— все это держалось в секрете» [83].

Новые успехи сил национального освобождения Южного Вьетнама и Лаоса побудили правительство Джонсона в начале августа 1964 г. в соответствии с ранее разработанными «сценариями» перейти грань от «тайной» к открытой войне США против вьетнамского народа. В условиях резко усилившихся рейдов сайгонской военщины с воздуха и моря против территории ДРВ Вашингтон распорядился ввести патрулирование американских эсминцев в Тонкинском заливе, омывающем берега ДРВ, т. е. в районе непосредственных боевых операций. По утверждениям американской стороны (как выяснилось позднее, попросту вымышленным), один из этих эсминцев, «Мэддокс», 2 августа был атакован торпедными катерами ДРВ. В ночь на 4 августа тот же «Мэддокс» вместе с эсминцем «Тэрнер Джой» снова был послан «патрулировать» воды Тонкинского залива, отстоявшие на тысячи километров от территории самих США [84].

Далее события развертывались с драматической, но очень тщательно подготовленной последовательностью. В 9 час. 20 мин. по вашингтонскому времени (в середине ночи — по тихоокеанскому) Пентагон получил сообщение с эсминцев о том, что им «грозит нападение», а в 11 час.— что оно свершилось. К 13 час. 25 мин. в Вашингтоне были определены цели для «ответного удара» американской авиации по ДРВ. Президент Джонсон отдал приказ о репрессалиях. В 16 час. министр обороны США Р. Макнамара получил от командующего Тихоокеанским флотом США адмирала Шарпа сообщение о том, что неясно, «имела ли в действительности место атака на миноносцы». Министр обороны заявил Шарпу, что тот должен разобраться в случившемся, но приказ об «ответных» бомбардировках остается в силе. Неудивительно, что через час с небольшим адмирал «убедился... в подлинности атаки». Самолеты с американских авианосцев взяли курс на северовьетнамские города и порты [85].

Сделав ставку на прямую вооруженную агрессию в борьбе со странами социализма и освободительными движениями в Азии, Вашингтон нуждался в каком-то правовом обосновании этой агрессии. Отсутствие соглашения между США и Южным Вьетнамом, по которому Вашингтон мог бы направить свои войска в помощь сайгонскому режиму, стесняло интервентов. Юридически недостаточными выглядели ссылки администрации на договор СЕАТО и протокол к нему от 1955 г., который в одностороннем порядке распространял действия этого договора на страны Индокитая, а также на официальное заявление государственного секретаря Дж. Ф. Даллеса от 4 декабря 1958 г., подтверждавшее готовность США оказать «военную помощь» Южному Вьетнаму [86].

Поэтому важнейшим правовым аргументом в пользу «законности» военной интервенции стала так называемая «тонкинская резолюция»

[83] Ibid., p. 234.

[84] Как показал более поздний анализ документов американских военно-морских сил, проведенный сенатским комитетом по иностранным делам, вопреки объяснениям президента Джонсона эсминец «Мэддокс» занимался не «будничным патрулированием», а сбором разведывательной информации на расстоянии 4—8 миль от берегов ДРВ. См.: *Crabb G., Holt P.* Invitation to Struggle. Wash., 1982, p. 125.

[85] The Pentagon Papers, p. 259 a. o.

[86] *Кременюк В. А.* США и конфликты в странах Азии (70-е годы XX в.). М., 1979, с. 63, 208.

конгресса США, принятая 7 августа 1964 г. В ней говорилось, что конгресс поддерживает «все необходимые меры для отражения любого вооруженного нападения против военных сил Соединенных Штатов и предотвращения дальнейшей агрессии»[87]. Соединенные Штаты готовы также, отмечалось в резолюции, «в соответствии с решением президента предпринять все необходимые меры, включая использование вооруженной силы, чтобы оказать помощь любому члену СЕАТО или государству, включенному в протокол к договору о СЕАТО, которое попросит о помощи для защиты своей свободы»[88]. Результаты голосования по этой совместной резолюции были таковы: в палате представителей — 414 : 0, в сенате — 88 : 2. Лишь два сенатора, демократ от штата Орегон У. Морзе и демократ от Аляски Э. Грюнинг, оказались достаточно прозорливыми в отношении истинного положения дел и проголосовали против санкции конгресса на военное вмешательство США в Индокитае.

10 августа президент Джонсон подписал «тонкинскую резолюцию», которая приобрела силу закона. Она давала президенту США, по существу, неограниченные права для ведения развернутых военных действий в Юго-Восточной Азии. Ее принятие фактически означало объявление войны.

Широкое осуществление заблаговременно разработанных Вашингтоном планов войны против вьетнамского и других народов Индокитая началось 6—13 февраля 1965 г. В ответ на удары вооруженных сил национального освобождения Южного Вьетнама по американским военным лагерям в Плейку и Кванчхоне президент Джонсон отдал приказы сперва о «репрессивных», а затем о систематических бомбардировках американской авиацией Демократической Республики Вьетнам. Бомбардировки военных и промышленных объектов сопровождались использованием напалма, химического оружия, минированием рек на территории ДРВ. В 1965 г. американская авиация совершила 55 тыс. самолето-вылетов против ДРВ, в 1966 г.— 148 тыс., росло и число сбитых американских самолетов — 171 в 1965 г. и 318 в 1966 г.[89].

Однако варварские бомбардировки ДРВ не могли предотвратить ни дальнейшего нарастания национально-освободительной борьбы, ни прогрессирующего разложения марионеточного режима в Южном Вьетнаме. Поэтому 8 марта 1965 г. в Дананге была высажена бригада морской пехоты США (3,5 тыс. человек), а 1 апреля 1965 г. правительство Джонсона официально приняло решение об использовании сухопутных войск США для операций против южновьетнамских патриотов. Когда в июле 1965 г. Белый дом решил отправить во Вьетнам 44 американских батальона, то это решение, как отмечают авторы доклада Пентагона, «было воспринято как рубеж — вступление в азиатскую сухопутную войну»[90].

Принимая одно за другим важнейшие военно-политические решения по расширению американской агрессии в Индокитае, правительство Джонсона сначала скрывало многие из этих решений от конгресса и общественности, а затем всячески пыталось замаскировать их подлинное значение, представить как простое продолжение или чисто «количествен-

---

[87] История дипломатии: В 5-ти т. М., 1959—1979, т. 5, кн. 2, с. 255.
[88] Legislation on Foreign Relations Through 1979. Wash., 1980, vol. 3, p. 548.
[89] The Pentagon Papers, p. 522—523.
[90] Ibid., p. 416—417.

ное», но не «качественное» изменение прежней политики США во Вьетнаме, диктуемое якобы интересами «демократии, безопасности, свободы» и т. д. Большую роль здесь сыграла теория «эскалации» [91].

Поворот к более «жесткому» агрессивному и авантюристическому курсу в американской политике в 1964—1965 гг. был настолько очевиден, что этого, несмотря на все «успокоительные» речи президента и его помощников, не могли не заметить как в самих США, так и в других странах. Все говорило за то, что американский империализм решил в середине 60-х годов предпринять новую попытку повернуть в свою пользу ход событий на мировой арене. Уже в течение ряда лет правящие круги США рассматривали развивающиеся страны как главное поле битвы между силами капитализма и социализма, концентрируя здесь значительную часть своего внимания и ресурсов, в том числе и военных. Теперь они перешли к активным действиям [92]. Опасаясь непосредственной конфронтации с СССР, социалистическим содружеством — главной силой и опорой мирового революционного движения, правящие круги США пытались подорвать и ослабить это движение с помощью «периферийной стратегии», нанося удары по отрядам национального освобождения.

Выступая 28 мая 1965 г. в Байлорском университете, президент Джонсон заявил, якобы «старое различие между гражданской войной и международным конфликтом потеряло бо́льшую часть своего смысла», что сохранение международного мира будто бы невозможно без установления «классового мира». Иными словами, американские империалисты снова пытались ультимативно, под угрозой войны, заставить прогрессивные и революционные силы отказаться от борьбы против капитализма и колониализма. Ставя все точки над «i», Джонсон объявил далее, что национально-освободительные движения — это якобы «современный вид агрессии, практикуемый коммунистами», с которыми США обязаны и будут бороться совместно со своими союзниками или без них.

---

[91] Как отмечал журнал «Нейшн» в статье под характерным названием «Идиотская логика эскалации», ее придумали теоретики военных игр, расплодившиеся в США в небывалых масштабах в 60-е годы. Тем самым они дали в руки администрации Джонсона «прекрасное изобретение для незаметного втягивания страны в неограниченную войну без полного осознания общественностью того, что делается. Под этим термином подразумевается, что каждый шаг в интенсификации войны предпринимается сознательно и по расчету, что все находится под контролем. Президент периодически заверяет страну, что его цели „ограниченны", и рисует себя сторонником мира, стремящимся всеми средствами побудить противника к разумным переговорам». Однако, продолжал журнал, «действительный механизм эскалации мало похож на эту успокоительную картину. Эскалация имеет собственную логику, как военную, так и политическую. В военном отношении... когда одна сторона эскалирует свои действия, другая ищет соответствующие средства для ответного возмездия. В политическом — эскалирующая сторона должна оправдывать надежды и обещания, которые предшествуют каждому акту эскалации... [а] так как данный акт эскалации не дает сколько-нибудь значительного результата, за ним должен последовать другой. Президент стал пленником собственной „логики" и должен бежать все быстрее и быстрее в своем беличьем колесе» (Nation, 1966, Sept. 5, p. 170).

[92] «Там, где мы... оказывали очевидное воздействие на события в третьем мире, — писал американский исследователь С. Браун, — наши интервенции носили военный характер... Доминиканская интервенция и вьетнамская война, как они были организованы джонсоновской администрацией, указывают на возрождение... ставки на орудия физического насилия для оказания влияния на ход событий» (*Brown S.* The Faces of Power. Constancy and Change in United States Foreign Policy from Truman to Johnson. N. Y., 1969, p. 371).

Аргументируя решение правительства Джонсона начать открытую агрессивную войну во Вьетнаме и переводя на язык военной стратегии идеологические формулы политического руководства, генерал Тейлор (в меморандуме от 22 января 1964 г.) выразил мнение Комитета начальников штабов, повторявшее основные положения теории «падающего домино»: «Если программа США достигнет своих целей в Южном Вьетнаме, она продвинется далеко вперед в направлении стабилизации ситуации во всей Юго-Восточной Азии». И наоборот: поражение США поведет за собой потерю для них Лаоса, Камбоджи, Таиланда, «окажет серьезное влияние на суждения Бирмы, Индии, Индонезии, Малайзии, Японии, Тайваня, Республики Корея (т. е. Южной Кореи.— *Авт.*) и Филиппин относительно стойкости, решительности и надежности США».

Более того, поскольку столкновение во Вьетнаме является «первым реальным испытанием нашей решимости нанести поражение коммунистам, ведущим войны в форме национального освобождения, разумно сделать вывод о возможности падения нашего престижа в Африке и Латинской Америке. Все это свидетельствует о центральной позиции, которую занимает ныне Южный Вьетнам в нашей глобальной конфронтации с коммунистами, и необходимости того, чтобы конфликт здесь был доведен до благоприятного завершения как можно скорее». Формулировки Тейлора были почти слово в слово повторены в меморандуме № 288 Совета национальной безопасности «Цели США в Южном Вьетнаме» от 17 марта 1964 г. с добавлением вывода о том, что «с точки зрения внешнеполитических условий ставки являются высокими» [93].

Одной из главных причин возобладания агрессивной линии во внешней политике США во второй половине 60-х годов было сильное недовольство правых кругов США — военно-промышленного комплекса и голдуотеровского крыла республиканской партии, антикоммунистов и расистов — той политикой признания некоторых прогрессивных процессов и сдвигов на мировой арене и попыток приспособления к ним, которую начал проводить Дж. Кеннеди в отношении ряда социалистических и развивающихся стран. Американские «ультра» не понимали и не желали признавать такую политику, они требовали «открытой и бескомпромиссной» борьбы со всеми «антиамериканскими силами», насильственного их подавления и разгрома.

Давление правых оказывало сильное влияние на правительственные круги, которые и без того все больше склонялись к мысли о том, что внутреннее и внешнее положение страны в середине 60-х годов складывается благоприятно для попытки восстановить утраченные позиции США на мировой арене. При этом Джонсон весьма произвольно расценил успешные для него результаты выборов в конце 1964 г. как вотум доверия, как своего рода карт-бланш на проведение любой политики по собственному усмотрению.

Значительно усилив с начала 60-х годов гонку вооружений, руководители Пентагона ставили перед собой иллюзорную задачу достижения военного превосходства над всеми остальными странами для проведения как политики «устрашения» Советского Союза и других социалистических государств, так и «локальных» войн против национально-освободительных движений. Верхушке вооруженных сил США удалось навязать

[93] The Pentagon Papers, p. 274—275, 284.

Вашингтону свои авантюристические взгляды относительно использования «модернизированной» военной силы в качестве «рационального» орудия внешней политики, о способности обычных войск эффективно подавлять партизанские движения, а ракетно-ядерных вооружений — парализовать возможности других государств к оказанию помощи жертвам агрессии США [94].

Еще одной причиной, способствовавшей усилению экспансионистских тенденций США в середине 60-х годов, явилась высокая экономическая конъюнктура в стране, получившая искаженное отражение в сознании правящих кругов США. Она еще больше стимулировала их внешнеэкономическую, «технологическую» и военную экспансию, а главное — способствовала возрождению мифов о «всемогуществе» и «исключительности» американского империализма, о его способности производить одновременно «и масло и пушки», быть «мировым полицейским» и в то же время служить «образцом» для всех остальных стран и народов.

Иллюзии об «американском мире» снова захватывали воображение влиятельных руководителей американской политики. Президент Джонсон, выступая с амбициозной программой построения «великого общества», недвусмысленно дал понять, что эта программа имеет не только внутриполитические, но и важные внешнеполитические цели — служить «примером» для переустройства всего остального мира по образу и подобию Соединенных Штатов и под их руководством [95]. Сочинителями и разносчиками новой теории о вступлении Америки, и только Америки, в «технотронный послеиндустриальный век», что якобы обеспечивало ей силу и «право» быть вершителем судеб всего человечества, выступили руководитель отдела планирования госдепартамента, а затем помощник президента Джонсона по вопросам национальной безопасности У. Ростоу, один из влиятельных внешнеполитических советников правительства демократов, профессор Колумбийского университета З. Бжезинский и другие апологеты американского империализма [96].

Немаловажную роль в решении правительства Джонсона избрать Вьетнам в качестве объекта для демонстрации силы США сыграла и их особая заинтересованность в Азии.

Укрепление и развитие молодых азиатских государств — Индии, Цейлона, Бирмы, идущих по самостоятельному пути и проводящих антиимпериалистический курс, рост влияния СССР и других социалистических

---

[94] См.: Правда, 1965, 5 апр.

[95] Department of State Bulletin, 1965, Oct. 4, p. 551. «Проекция великого общества на международную сцену...— писал в связи с этим известный буржуазный исследователь Г. Моргентау, — является миссионерством в теории и крестовым походом на практике», попыткой «остановить распространение коммунизма в мировом масштабе силой оружия... под воздействием доктрины, которая утверждает временное верховенство американской военной мощи» (*Morgenthau H. J.* A New Foreign Policy of the United States. N. Y., 1969, p. 18).

[96] Именно «эти люди в Вашингтоне», как свидетельствовал тесно сотрудничавший с ними в 1961—1966 гг. Дж. Томпсон, «дали новую жизнь миссионерскому импульсу в американской внешней политике, поверив, что наша страна в эту эпоху обрела тройной дар, который может трансформировать мир. По их мнению, этот дар состоит, во-первых, из нашей непревзойденной военной мощи, во-вторых, из нашего очевидного технологического превосходства, в-третьих, из приписываемой нам непреклонной доброй воли... В целом этот тройной дар, как утверждается, дает нам благоприятную возможность и обязывает нас вести страны мира к модернизации и стабильности, к совершенному „Pax Americana Technocratica"» (*Donovan J. C.* The Cold Warriors, A Policy-making Elite. Lexington, 1974, p. 153).

стран, оказывающих большую помощь национально-освободительным силам, активизация борьбы народов за полное избавление от иностранного господства, быстрый экономический подъем Японии, становящейся все более серьезным конкурентом,— все это сужало сферу влияния американского империализма в Азии. Не желая мириться с этой тенденцией, Вашингтон счел необходимым в середине 60-х годов усилить азиатское направление своей глобальной экспансии с тем, чтобы не только предотвратить дальнейшее ослабление своих позиций в этом регионе, но и попытаться укрепить их и расширить. Это решение Вашингтона нашло отражение в провозглашенной в июле 1966 г. так называемой «азиатской доктрине» Джонсона, согласно которой США брали на себя обязательство добиться «умиротворения, порядка и процветания» Азии [97].

Расширяя агрессию во Вьетнаме, правительство США продолжало твердить о приверженности «мирному решению» конфликта. В конце марта 1965 г. Белый дом опубликовал заявление о том, что президент Джонсон «готов поехать куда угодно в любое время и встретиться с кем угодно, когда бы ни появилось обещание сдвига в направлении почетного мира» [98]. Новое громогласное предложение начать переговоры о мире во Вьетнаме «без каких-либо предварительных условий» было сделано президентом США в его выступлении в университете Джонса Гопкинса в Балтиморе 7 апреля 1965 г.

Лицемерие подобных заявлений определялось прежде всего тем, что в них выдвигались (и подкреплялись военными угрозами) заведомо неприемлемые требования: прекращение оборонительных действий ДРВ, ликвидация Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, сохранение в неприкосновенности сайгонского марионеточного режима и американского господства в Индокитае. Столь же неискренний характер носили и объявлявшиеся несколько раз в 1965—1967 гг. американским правительством «паузы» в бомбардировках Северного Вьетнама. Официальной целью этих «пауз» (первая была сделана на пять дней в апреле 1965 г.) являлось продемонстрировать «готовность» США к мирным переговорам. В действительности же Вашингтон пытался таким путем сбить возмущение общественного мнения, обеспечить условия для перегруппировки американских вооруженных сил, воюющих в Индокитае.

Натолкнувшись на нежелание многих участников СЕАТО, АНЗЮС, СЕНТО, НАТО и некоторых партнеров США по двусторонним военным соглашениям участвовать в их вьетнамской авантюре, правительство США попыталось сколотить в Азии новый союз капиталистических государств, которые примкнули бы к их агрессивной политике в этом регионе. Этот союз, с одной стороны, должен был носить более широкоохватывающий, а главное — «эффективный» с американской точки зрения характер, чем разваливающийся блок СЕАТО. Но, с другой стороны, для вовлечения в него большего числа стран и маскировки его подлинных военных целей он проектировался и в качестве некоего орудия социально-экономического, технического и прочего «сотрудничества и прогресса».

Активные переговоры о создании обширного проамериканского союза стран Тихого и Индийского океанов джонсоновская дипломатия развер-

---

[97] Подробнее см.: *Мельников Ю. М.* «Азиатская доктрина» президента Л. Джонсона.— Новая и новейшая история, 1974, № 1, 2.

[98] New York Times (International ed.), 1965, Mar 26.

нула в конце 1965 — начале 1966 г. Возможные меры по осуществлению этого плана обсуждались, в частности, во время пребывания вице-президента Г. Хэмфри в Австралии в феврале 1966 г., когда он сделал заявление о необходимости создания «партнерства» США с другими странами Азии и Австралией.

Определенным шагом в этом направлении явилась конференция министров иностранных дел Японии, Австралии, Новой Зеландии, Таиланда, Филиппин, Малайзии, Тайваня, Южной Кореи и Южного Вьетнама, созванная в июле 1966 г. в Сеуле. Формально на повестке дня этой конференции стояли вопросы экономического и культурного сотрудничества стран Азии и Океании. Но на деле, как отмечалось в Заявлении ТАСС по поводу данной встречи, «предпринимая закулисную игру с созданием сеульского блока, правящие круги США стремятся укрепить американские военно-политические позиции в Азии и в западной части Тихого океана, пристегнуть в одну упряжку своих партнеров по двусторонним военным договорам, союзников по СЕАТО и АНЗЮС, а также марионеточные режимы. Такой союз явно преследует цель борьбы против национально-освободительного и демократического движения, нажима на миролюбивые независимые страны» [99].

Между тем возрастающее вмешательство США во внутренние дела Юго-Восточной Азии оказывало все большее влияние на их глобальную политику. Согласно новой джонсоновской программе, представленной конгрессу в феврале 1966 г., поддержка в той или иной мере американской агрессии во Вьетнаме стала одним из главных условий получения американской помощи другими странами [100].

Агрессия США во Вьетнаме, их притязания на роль «мирового полицейского», вмешательство в дела других государств вызывали, однако, растущее недовольство. Все больше членов конгресса США, например, выступало за пересмотр приоритетов американской политики, за большее внимание к внутренним проблемам страны, чем к выполнению «международных обязательств». Они оспаривали утверждение правительства Джонсона, что предоставляемая США «помощь» другим странам якобы поможет в успешном завершении вьетнамской авантюры и в предотвращении «будущих Вьетнамов». Сенатор Фулбрайт, в частности, заявил: нельзя «отделить то, что мы делаем во Вьетнаме [и] что мы сделали в Доминиканской Республике, от нашего стремления организовывать интервенции по малейшему поводу на основе программы помощи». По словам сенатора Морзе, значительная часть американской помощи, особенно военной, «ведет к войне, а не к миру...» [101].

Вашингтон рассчитывал, что демонстрация американской «решимости и силы» во Вьетнаме поможет поднять международный престиж США. Однако эффект от американской агрессии в Индокитае оказывался прямо противоположным. Чем шире разворачивалась война, тем значительнее сокращались возможности американской дипломатии в других районах мира, тем заметнее становился повсеместный рост антиамериканских настроений, центробежных тенденций в лагере империализма, сопротивления других стран диктату и расчетам Вашингтона. «В 60-е годы...—

---

[99] Правда, 1966, 29 мая.
[100] *Geyelin P. L.* Op. cit., p. 261.
[101] *Berkowitz M., Bock P. G., Fuccillo V. J.* The Politics of American Foreign Policy: The Social Context of Decisions. Englewood Cliffs, 1977, p. 206.

писал известный американский историк внешней политики США Крабб,— Соединенные Штаты неоднократно терпели неудачу в попытках получить поддержку своего вмешательства во Вьетнаме со стороны НАТО. Отказываясь рассматривать вьетнамский конфликт в качестве проблемы, требующей их участия, большинство западных союзников Америки считало войну в Юго-Восточной Азии не только как периферийную для их интересов, но и как угрожающую единству и безопасности натовского региона...»[102]

Испытывая возрастающее противодействие со стороны многих других государств своей агрессивно-авантюристической политике, правительство Джонсона попыталось сделать американскую дипломатию несколько более «уравновешенной» и многосторонней. Оно активизировало, в частности, выступления в пользу улучшения отношений и «либерализации» торговли между Востоком и Западом, за переговоры об ограничении стратегических вооружений, за предоставление бóльших прав своим европейским союзникам по НАТО (заодно пытаясь переложить на их плечи часть американских военных обязательств и расходов). Значительная доля «миротворческой» деятельности джонсоновской администрации носила, однако, показной характер, преследуя цель смягчить критику американской агрессии во Вьетнаме.

Вместе с тем провал многих первоначальных планов «жесткой» дипломатии вынуждал Вашингтон менять тактику: все больше переходить от попыток глобального контрнаступления против сил социализма и национального освобождения к более сложному маневрированию и даже к вынужденному отступлению на отдельных участках. В Европе правительство Джонсона должно было не только отказаться от американских проектов создания многосторонних сил НАТО, но и выступить в пользу общей тенденции к смягчению обстановки на Европейском континенте.

В речи 7 октября 1966 г. президент Джонсон наряду со стандартными фразами об укреплении НАТО и верности США их атлантическим обязательствам впервые недвусмысленно признал необходимость «мер по устранению территориальных и пограничных споров как источников трений в Европе», выразил стремление к «установлению здоровых экономических и культурных отношений с коммунистическими государствами». Он заявил также о возможности обсуждения вопроса о взаимном сокращении вооруженных сил США, СССР и их союзников в Центральной Европе[103].

В июне 1967 г., во время пребывания в США на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в связи с нападением Израиля на арабские страны, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин дважды встретился с президентом Л. Джонсоном в Гласборо (в окрестностях Нью-Йорка). Обмен мнениями между ними касался как двусторонних советско-американских отношений, так и ряда международных проблем. При этом снова выявились принципиальные разногласия сторон в связи с американской агрессией против Вьетнама и израильской — против арабов. Советский Союз решительно потребовал прекратить агрессию, и прежде всего бомбардировки ДРВ, вывести войска США и их союзников из Вьетнама и уважать право вьетнамского народа самому

---

[102] *Crabb C. V., Jr.* American Foreign Policy in the Nuclear Age. N. Y., 1983, p. 367.
[103] Правда, 1966, 9 окт.

решать свои дела, без вмешательства извне. В то же время в целом встречи дали возможность правительствам Советского Союза и США сопоставить свои позиции по обсуждавшимся вопросам, что, по мнению обеих сторон, «являлось полезным» [104].

В течение 1966—1968 гг. правительство Джонсона пошло на заключение ряда соглашений с СССР и другими социалистическими странами, призванных несколько нормализовать отношения с ними. Были подписаны консульская конвенция, вступившая в силу в июне 1968 г., соглашения о культурном обмене и об установлении прямого воздушного сообщения между СССР и США. Путем взаимных консультаций были подготовлены и подписаны странами-депозитариями — СССР, США и Великобританией — 27 января 1967 г. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, и 22 апреля 1968 г.— Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство [105]. Был согласован по дипломатическим каналам текст Договора о нераспространении ядерного оружия, одобренный Генеральной Ассамблеей ООН и открытый для подписания 1 июля 1968 г.

Нарастающий кризис внешнеполитической стратегии США подталкивал дипломатию Вашингтона к выступлениям с широковещательными планами развития сотрудничества между США, СССР и другими странами, проведение которых в жизнь на практике торпедировалось самим Вашингтоном из-за продолжавшейся американской эскалации войны во Вьетнаме.

В Латинской Америке «успех» американского империализма в Доминиканской Республике оказался поистине пирровой победой. Большинство латиноамериканских стран решительно осудили возрождение «дипломатии канонерок» и, несмотря на все усилия Вашингтона, отказались от участия в каких-либо организуемых им «коллективных» интервенциях. Начавшееся в Латинской Америке движение в направлении региональной экономической интеграции, создания различных таможенных и других объединений стало принимать все более независимый характер. В отдельных странах в разных формах усиливалось национально-освободительное движение.

Когда в апреле 1967 г. в Пунта-дель-Эсте собралось совещание стран Латинской Америки и США, город, по существу, был превращен в крепость, охраняемую не только полицией и армией, но и ВВС и ВМС США и Уругвая. На этом совещании главы латиноамериканских государств категорически отказались в какой-либо форме солидаризироваться как с агрессией США во Вьетнаме, так и с проектом создания «межамериканских вооруженных сил». Одобрив 14 апреля 1967 г. в «Декларации американских президентов» планы экономической интеграции и создания к 1985 г. «Общего рынка» латиноамериканских стран, они в то же время предъявили США длинный список претензий относительно эксплуатации Латинской Америки североамериканскими монополиями, роста ее внешней задолженности, непрерывного снижения цен на предметы экспорта в США. Американская делегация во главе с Джонсоном отказалась,

[104] Там же, 1967, 27 июня.
[105] История дипломатии, т. 5, кн. 2, с. 199.

однако, от обсуждения и решения этих наболевших вопросов, что, конечно, еще больше усилило в Латинской Америке антиимпериалистические настроения.

Неутешительными оказались итоги деятельности американской дипломатии в 1964—1967 гг. и на Ближнем Востоке. Возвращение США к «жесткой» политике в этом регионе, попытки остановить рост национально-освободительных сил и прогрессивных режимов, а также укрепить положение американских нефтяных монополий вели к прямо противоположным результатам. Усиление борьбы за независимость арабских племен на юге Аравийского полуострова, успехи патриотических сил Йемена и Сирии в проведении прогрессивных преобразований в своих странах, рост влияния независимого Египта на всем Ближнем Востоке, наконец, развитие связей между многими арабскими государствами с СССР, другими социалистическими странами — все это вызывало острое недовольство и сопротивление правящих кругов США.

С середины 60-х годов с целью изменить положение в свою пользу Вашингтон стал в небывалой еще до того степени делать главную ставку на антиарабскую политику Израиля. США форсировали поставки ему новых партий оружия, демонстративно поддерживали провокационные выступления Израиля против Сирии и других арабских стран. Эта политика способствовала развязыванию Израилем так называемой «шестидневной войны» в июне 1967 г.— его внезапному нападению на Египет, Сирию и Иорданию. Воспользовавшись поддержкой США, своими преимуществами в военном отношении и фактором внезапности, израильские агрессоры нанесли поражение арабским странам, оккупировали значительную часть их территории.

Однако Израилю и тем кругам в США, которые его поддерживали, не удалось достигнуть главной цели — уничтожить прогрессивные арабские режимы, подорвать сотрудничество между арабскими и социалистическими государствами. В то же время открытая поддержка Израиля со стороны Соединенных Штатов способствовала дальнейшему падению их престижа среди арабских народов. Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ООН приняли решения о необходимости вывода израильских войск со всех захваченных ими в июне 1967 г. территорий в качестве обязательного условия мирного урегулирования на Ближнем Востоке (резолюция № 242 от 22 ноября 1967 г.) [106]. Упорный отказ Израиля при поощрении США от выполнения этого условия привел к сохранению на Ближнем Востоке опасного очага международной напряженности.

Не принесла ожидаемых успехов американской дипломатии и ее линия на «наведение мостов» в отношении отдельных восточноевропейских социалистических стран, на отрыв их и изоляцию друг от друга и главным образом от СССР, на их «перерождение». Активная подрывная деятельность западных держав вызвала, правда, обострение положения в Чехословакии к лету 1968 г. Однако оказанная братскими социалистическими странами помощь позволила чехословацкому народу отстоять свои социалистические завоевания и сохранить Чехословакию как прочное звено социалистического содружества в Европе.

Факт быстрого и неудержимого ухудшения международного престижа и позиций США во всем мире не могли больше отрицать даже те аме-

---

[106] Подробнее см.: Там же, с. 484, 485.

рикакские деятели, идеологи и пропагандисты, которые еще совсем недавно с восторгом писали о «мировой миссии» и «всемогуществе» Америки. «Ныне на творцов политики в Вашингтоне начало находить озарение, что времена изменились, что мир 1967 года — это не мир 1947 года и что Соединенные Штаты, как они ни могущественны, не могут больше выполнять в одиночку свою прежнюю роль...— констатировал еженедельник „ЮС ньюс энд Уорлд рипорт".— Во Вьетнаме вся мощь

АМЕРИКАНСКИЕ СОЛДАТЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

огромной американской военной машины встретила эффективное противодействие маленькой азиатской страны... Это вызвало шок среди высокопоставленных творцов политики» [107].

Таким образом, в последние годы пребывания у власти правительства Джонсона в Вашингтоне медленно и не без мучительных колебаний стали приходить к выводу о невозможности в современных условиях проводить прежнюю стратегию, о необходимости ее пересмотра. И главным толчком к этому послужил крах джонсоновской политики, проводившейся в «техасском стиле» скоропалительного хватания за оружие. Опыт и уроки Вьетнама показали, что ни 100-, ни 550-тысячная американская армия не в силах погасить пламя народной войны даже в одной, сравнительно небольшой стране. Начавшийся в конце 60-х годов новый экономический спад в США и развернувшаяся параллельно с ним инфляция, а также увеличившийся дефицит платежного баланса, сокращение резервов золота и валюты, обесценивание доллара и другие неу-

[107] US News and World Report, 1967, July 3, p. 32—34.

рядицы в американской экономике показали, что глобальная экспансионистская политика и гонка вооружений не только не способны стимулировать устойчивый подъем капиталистической экономики, но, наоборот, содействуют углублению ее всестороннего кризиса [108].

Длившаяся много лет американская агрессия во Вьетнаме принесла неисчислимые бедствия вьетнамскому народу. В результате военных действий США $^{2}/_{3}$ всех деревень и поселков в Южном Вьетнаме были либо полностью уничтожены, либо серьезно разрушены. 10 млн. человек покинули родные места, вынуждены были перебраться в города или центры для беженцев.

Своеобразным символом чудовищных злодеяний американской военщины во Вьетнаме стала резня, учиненная в южновьетнамской общине Сонгми (Милай) 16 марта 1968 г. Личный состав проводившего там «операцию по умиротворению» воинского подразделения армии США без малейшей на то необходимости истребил все мирное население — свыше 500 человек. Особенно зверствовал командир одного из взводов, лейтенант У. Колли, собственноручно застреливший 109 человек. По рассказу участника этой бойни корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс», «большинство жителей деревни были женщины, дети, немного стариков. Всех их собрали в группы, а затем расстреляли из автоматов и пулеметов. На все это потребовалось минут 15—20, не больше. Позднее, проходя по сожженной дотла деревне, я видел горы трупов» [109].

Американская военщина осуществляла на территории Южного Вьетнама широкомасштабную химическую войну. Ее цель заключалась в том, чтобы уничтожить леса и заросли, которые могли служить укрытием для партизан, а также истребить посевы продовольственных культур. Дефолиация считалась одной из основ стратегии «насильственной урбанизации», направленной на то, чтобы опустошить деревни и подорвать тем самым базу национального сопротивления интервенции. По подсчетам американского биолога А. Уэстинга, было распылено 47 млн. кг так называемого «оранжевого реактива» («эйджнт орэндж»), содержащего диоксин — сильнейшее токсическое вещество. Уже в 1970 г. вьетнамские врачи констатировали наличие хромосомных аберраций у лиц, подвергшихся воздействию диоксина, и тревожный рост числа заболеваний первичным раком печени. От воздействия диоксина пострадали и несколько тысяч американских участников войны. В их семьях до сего дня рождаются неполноценные дети.

Жертвы и тяготы войны во Вьетнаме, возмущение преступным характером этой войны, недоверие к правительству и всей его внешнеполитической линии привели к возникновению наиболее сильной, хотя и разнородной, оппозиции внешней и военной политике США после второй мировой войны. Значительную часть этой оппозиции составляли «ястребы», требовавшие от правительства Джонсона более решительных действий для достижения «победы над коммунистами» в Индокитае. Эти шумные требования позволяли правящим кругам США оправдывать — до

---

[108] «Война во Вьетнаме и „кризис доллара"», — писал еженедельник „ЮС ньюс энд Уорлд рипорт", — ясно показали, что Соединенные Штаты, будучи еще... „сверхдержавой", испытывают острую нехватку экономической и военной силы, необходимой для роли мирового полицейского и всемирного банкира» (US News and World Report, 1968, Apr. 15, p. 60).

[109] Цит. по: *Белащенко Т. К.* США: 200 лет — 200 войн. М., 1976, с. 197.

поры до времени — эскалацию войны во Вьетнаме «давлением справа». Но основное и все растущее число недовольных правительственной политикой подвергало ее критике с антивоенных позиций.

В ходе развертывания американской агрессии против Вьетнама возник также широкий международный фронт противников этой агрессии, в который вошли самые различные круги мировой общественности. Правительства многих стран, включая даже союзных США, требовали ее прекращения.

Однако основную роль в срыве военно-политических планов США во Вьетнаме, во всем Индокитае и Юго-Восточной Азии сыграли освободительные, патриотические силы вьетнамского народа, опирающиеся на огромную военную, экономическую, дипломатическую и моральную братскую помощь СССР и других социалистических стран, всех прогрессивных и миролюбивых кругов. Мужественные вьетнамские патриоты и в самые трудные моменты удерживали в своих руках инициативу как на поле боя, так и в тылу, в военной, а затем и в дипломатической сфере.

После нескольких лет успешного сопротивления вьетнамские патриоты нанесли в январе 1968 г. сокрушительный удар по американским агрессорам и их сайгонским союзникам на территории Южного Вьетнама. Они атаковали центры почти всех 44 южновьетнамских провинций, 64 районных города, отбили древнюю столицу Вьетнама город Гуэ, а 31 января на некоторое время заняли даже часть посольства США в Сайгоне. Именно эти атаки, хотя они и не принесли решающей военной победы, оказались тем толчком, который потряс до основания внешнеполитическую стратегию правительства Джонсона.

Еще в конце 1966 г. один из главных организаторов интервенции во Вьетнаме — министр обороны США Р. Макнамара стал выражать президенту и начальникам штабов вооруженных сил США свои сомнения в отношении дальнейшей эскалации войны и высказываться против посылки новых американских войск в помощь Сайгону, за ограничение бомбардировок ДРВ. Когда в ноябре 1967 г. эти разногласия прорвались наружу — в конгрессе и в прессе, Джонсон заменил Роберта Макнамару Кларком Клиффордом, опасаясь, что «другие члены администрации последуют его (Макнамары.— *Авт.*) примеру» [110]. Однако новый министр обороны быстро пришел к тому же выводу, что и Макнамара,— о бесперспективности продолжения американской агрессии в Индокитае.

25—26 марта 1968 г. Клиффорд изложил свою точку зрения на положение во Вьетнаме так называемой группе старших советников, или «мудрецов», при Белом доме, в которую входили такие видные деятели, как Джон Макклой, Дуглас Диллон, Дин Ачесон, Сайрус Вэнс, Макджордж Банди, Генри Кабот Лодж, Артур Голдберг, генералы Бредли и Риджуэй, и которая вплоть до конца 1967 г. почти единодушно (за исключением заместителя государственного секретаря США Джорджа Болла) высказывалась в поддержку политики правительства Джонсона. Теперь же, выслушав нового министра обороны и ряд экспертов из госдепартамента, ЦРУ, других ведомств и посовещавшись, «мудрецы»

[110] *Kalb M. Abel E.* Roots of Involvement: The US in Asia, 1784—1971. N. Y., 1971, p. 199.

в своем подавляющем большинстве выступили за изменение этой политики.

Американские исследователи писали: «Во-первых, они осознали, что проводившийся курс терпит провал ввиду сопротивления вьетнамцев. Военное решение, влекущее за собой эскалацию, больше не представлялось возможным. Во-вторых, разочарование и волнения внутри самих Соединенных Штатов угрожали долговременному контролю господствующего класса над страной. В-третьих, экономические последствия — внутренние и международные — продолжавшейся эскалации были тяжелыми. И, наконец, отношения США с другими государствами оказывались серьезно затронутыми войной». Сайрус Вэнс сформулировал это так: «Мы взвешивали не только случившееся во Вьетнаме, но и социальные и политические последствия в Соединенных Штатах, воздействие на американскую экономику, позицию других стран. Раскол в стране рос с такой быстротой, что угрожал разрушить Соединенные Штаты» [111]. Со своей стороны министр обороны Клиффорд (имея в виду руководителей «большого бизнеса», финансов и торговли, с которыми он был тесно связан), заявил: «Истэблишмент повернулся против войны» [112]. И это решало дело.

По рекомендации К. Клиффорда и «мудрецов» Белый дом отклонил требование главнокомандующего американскими вооруженными силами в Индокитае генерала Уэстморленда, поддерживавшееся Комитетом начальников штабов, о дальнейшем увеличении численности американских войск во Вьетнаме до 750 тыс. человек. Взяв курс на «деамериканизацию», или «вьетнамизацию», войны (нашедший вскоре свое окончательное воплощение в так называемой «Гуамской доктрине» президента Никсона), правительство Джонсона потребовало от Сайгона роста численности его собственной армии, с тем чтобы она «увеличила свой вклад в военные операции». Со своей стороны американцы обещали ускорить ее обучение и перевооружение.

Не отказываясь от дальнейших попыток военным путем решить в свою пользу исход борьбы в Южном Вьетнаме, Вашингтон вынужден был согласиться на переговоры о возможности политического урегулирования в Индокитае. Выступив 31 марта 1968 г. по американскому радио и телевидению, президент Джонсон сообщил, что отдал приказ об ограничении бомбардировок ДРВ районами, расположенными южнее 20-й параллели, и выразил готовность послать своих представителей для встречи с представителями ДРВ [113]. Он объявил также, что не будет добиваться сам и не примет выдвижения его кандидатуры демократической партией еще на один срок на пост президента США.

В мае 1968 г. в Париже начались переговоры между представителями ДРВ и США. До 30 октября стороны провели 28 бесед в целях достижения договоренности о полном прекращении американских бомбардировок и других актов войны против ДРВ. Лишь после этого, как справедливо указывала делегация ДРВ, можно было приступать к обсуждению прочих вопросов политического урегулирования во Вьетнаме. После многих маневров и проволочек американское правительство 31 ок-

---

[111] *Shoup L. H., Minter M.* Imperial Braintrust. The Council of Foreign Relations and United States Foreign Policy. N. Y.; L., 1977, p. 243.

[112] *Berkowitz M., Bock P. G., Fuccillo V. J.* Op. cit., p. 244.

[113] История дипломатии, т. 5, кн. 2, с. 262.

тября 1968 г. наконец объявило о полном прекращении бомбардировок и артобстрела территории ДРВ с 1 ноября 1968 г. Представители ДРВ и США договорились о начале четырехсторонней конференции в составе ДРВ, Фронта национального освобождения Южного Вьетнама, США и сайгонской администрации. Это вынужденное для США решение знаменовало начало нового этапа войны во Вьетнаме, когда Вашингтон, отказавшись от чисто военных методов, перешел к военно-политическим. Начало этого этапа совпало также со сменой президента в Белом доме.

Таким образом, агрессия во Вьетнаме, ставшая в середине 60-х годов главным проявлением глобальной антикоммунистической интервенционистской политики США, не только не принесла успеха американскому империализму, но, наоборот, усилила процесс подрыва его военно-стратегических, финансово-экономических, дипломатических и моральных позиций на мировой арене, вызвала резкое обострение внутренних противоречий в «больном» американском обществе, привела к политическому и личному краху главных ее организаторов во главе с президентом Джонсоном. Необходимость и настоятельность прекращения этой агрессии, общих серьезных изменений во внешней политике США стали предельно очевидны.

Глава седьмая
ПОДЪЕМ ДВИЖЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

1. РОСТ ЗАБАСТОВОК. «ДВИЖЕНИЕ РЯДОВЫХ»

Нарастание экономических трудностей и социально-политических противоречий, резкое усиление движения против агрессии во Вьетнаме и расизма во второй половине 60-х годов привели к активизации борьбы рабочего класса, еще большей поляризации в его рядах, организационному оформлению сил, выступающих против косности и застоя, против политики соглашательства и подчинения интересов трудящихся целям и задачам господствующего класса. Все более широкие массы рабочего класса, самые различные отряды трудящихся ощущали, какие отрицательные последствия несет с собой научно-техническая революция в условиях капитализма. Сокращение численности рабочих мест и трудности с переквалификацией и освоением новых профессий, возросшая угроза резкого снижения реальных доходов в связи с инфляцией, усиление интенсификации труда при незначительных сокращениях рабочей недели, ухудшение условий труда на производстве, обострение жилищной проблемы и ряд других факторов, а также нарастание движения против агрессии во Вьетнаме определили отношения между трудом и капиталом.

По данным официальной статистики, к началу 1970 г. численность «синих воротничков» составляла 27 452 тыс. (23 336 тыс. в 1950 г.). К этой цифре следует добавить рабочих, занятых в сфере услуг,— 8139 тыс. (4652 тыс. в 1950 г.). Таким образом, можно считать, что общая численность рабочих к началу 1970 г. составляла 35 591 тыс. Вся же численность лиц, занятых наемным трудом, равнялась 78 408 тыс. Изменения в материально-технической базе производства требовали более высокого уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки рабочих. Доля квалифицированных рабочих возросла до 35,8% в 1969 г. против 33,1% в 1947 г.; доля неквалифицированных рабочих снизилась за тот же период с 14,8 до 12,9%. На социальный облик американского рабочего класса влиял такой фактор, как увеличение доли молодежи и национальных меньшинств в его составе. В 60-х годах увеличился удельный вес квалифицированных и полуквалифицированных черных рабочих. Выросло число черных рабочих в автомобильной, авиационной, химической, строительной и других отраслях промышленности [1].

Изменения в структуре рабочего класса, снижение удельного веса тех категорий трудящихся, которые ранее составляли ядро профдвижения и

---

[1] Политическая жизнь в США: (Проблемы внутренней политики). М., 1966, с. 166—168; Employment and Earnings, 1969, N 3, p. 52; Statistical Abstract of the US, 1970. Wash., 1970, p. 225.

были в нем особенно влиятельны,— производственных рабочих («синих воротничков») за счет увеличения доли «белых воротничков» и работников сферы обслуживания повлекли за собой определенные перемены. Со второй половины 60-х годов наметился некоторый рост численности членов профсоюзов. К концу 60-х годов наибольшее увеличение новых членов профсоюзов было среди служащих государственных и муниципальных учреждений[2]. В целом же в 1968 г. в состав организованных трудящихся входили 20 258 тыс., т. е. 23% занятого населения. Основная масса членов профсоюзов концентрировалась в ключевых отраслях экономики. Более 40% всех организованных трудящихся приходилось на четыре отрасли: транспорт, металлургию, машиностроение и строительство. Так, к 1969 г. в профсоюзах обрабатывающей промышленности состояли 45,6% работающих, в горнорудной — 51,8, в строительстве — 75%[3].

Приметной чертой второй половины 60-х годов стал процесс вовлечения все более широких масс трудящихся США в борьбу за свои права. Росло забастовочное движение, в которое включались многочисленные отряды трудящихся; стачки становились продолжительнее, борьба — упорнее[4]. История США не знала другого такого десятилетия, когда число стачек и их средняя продолжительность (три недели и более) превысили бы данные 60-х годов. Средняя продолжительность забастовок второй половины 60-х годов была исключительно высокой — не менее 22 дней. Заметно возросло и число участников забастовок. В 1966 г., например, число крупных стачек (с числом бастующих 1 тыс. и более человек) составило 321, на них приходилось $^2/_3$ всех забастовщиков и примерно столько же потерянного рабочего времени[5]. В 1966—1967 гг. число массовых забастовок еще более увеличилось.

В деятельности профсоюзов в этот период одно из ведущих мест занимала борьба за прогрессивное социальное законодательство, за отмену закона Тафта—Хартли. Профсоюзы особенно настаивали на отмене статьи 14(б) этого закона.

Расширился круг требований бастующих. Наряду с борьбой профсоюзов за сохранение работы и рабочих мест, в защиту рабочих от опасности, порождаемой автоматизацией и внедрением новой техники, на первый план выдвигались требования, связанные с вопросами заработной платы, что было связано с повышением стоимости жизни и увеличением налогов, вызванных эскалацией войны во Вьетнаме[6]. 1965—1968 годы ознаменовались рядом значительных выступлений американских трудящихся. Как и неоднократно в прошлом, своеобразным ориентиром для организованных рабочих служили выступления автомобилестроителей, добившихся немалых успехов в забастовочной борьбе. Двухмесячная борьба автомобилестроителей в 1967 г. явилась 10-й общенациональной забастовкой в этой отрасли за три последних десятилетия. В ней участвовали 160 тыс. работающих на 94 заводах «Форд мотор» в 26 штатах.

---

[2] Подробнее см.: *Freeman R., Medoff J.* What Do Unions Do? N. Y., 1984.

[3] Labor Relations Yearbook. Wash., 1969, p. 527, 528.

[4] Подробнее о забастовочной борьбе, в том числе и этого периода, см.: *Машезерская Л. Я.* Забастовки и коллективные договоры в США. М., 1981.

[5] Monthly Labor Review, 1967, Aug., p. 39.

[6] История рабочего движения в США в новейшее время, 1965—1980. М., 1983, с. 100—146.

Мощным выступлением рабочих явилась 9-месячная (июль 1967—апрель 1968 г.) забастовка 60 тыс. рабочих медеплавильной промышленности, охватившая 22 штата и ставшая самой длинной в истории страны в масштабе целой отрасли промышленности. Она парализовала около 90% всех медных шахт и все обогатительные и медеплавильные предприятия. Рабочие добивались повышения заработной платы, увеличения пенсий и других пособий. В конечном счете стачечники добились победы и, прежде всего благодаря тому, что против мощных компаний единым фронтом выступили шесть профсоюзов — автомобилестроителей, сталелитейщиков, механиков, водителей грузовых машин, горняков, электриков. Никогда еще в истории гражданской авиации, резиновой промышленности, издательского и газетного дела, телевидения и радио не было столь мощных забастовочных выступлений, какими они были в 1966—1968 гг. Большинство из них закончилось успешно для трудящихся.

В борьбу за социальные и политические права вливалось все большее число служащих. Особо надо отметить стачки государственных служащих, пользовавшихся в прошлом репутацией «благонадежных»,— забастовки учителей, медицинских работников, служащих органов социального обеспечения и правительственных учреждений, работников издательств и журналистов, работников радио и телевидения [7].

Определенного успеха добились сельскохозяйственные рабочие в борьбе за право организации в профсоюз. Примером может служить 18-месячная (1966—1967 гг.) забастовка виноградарей Калифорнии против крупной винодельческой компании «Ди Джорджо». Победа бастующих в апреле 1967 г. открыла дорогу в профсоюз многим сельскохозяйственным рабочим. Своими боевыми действиями они подтвердили, что составляют неотъемлемую часть организованного рабочего движения США. Однако забастовки так и не привели к отмене пункта закона Вагнера, исключавшего некоторые отряды трудящихся (государственные служащие и работники государственных предприятий, сельскохозяйственные рабочие, инспекторский персонал и др.) из категории «наемный рабочий», что фактически означало непризнание их права на организацию.

Право на забастовку было еще больше ограничено: в 1967 г. был принят закон об обязательном арбитраже, направленный против стачек, и правительство не раз прибегало к этому закону для того, чтобы сорвать забастовочную борьбу, что вызывало недовольство даже у консервативных руководителей профсоюзов. Новым ударом по рабочему движению явился и антистачечный закон Тейлора, принятый 1 сентября 1967 г. Закон запрещал забастовки государственных служащих в штате Нью-Йорк под угрозой штрафа в 10 тыс. долл. за каждый день забастовки. За нарушение закона профсоюзным руководителям угрожали арест и другие меры наказания.

Вскоре после провозглашения программы «великого общества» стало ясно, что важнейшие требования профсоюзов не будут затронуты программой. Требования организованного рабочего движения, включавшие принятие закона о сокращенной рабочей неделе при сохранении прежней заработной платы, повышение минимума почасовой оплаты с 1 долл. 60 ц. до 2 долл. в час, установление сельскохозяйственным рабочим рав-

---

[7] Подробнее см.: *Тарасова Н. Н.* Государственные работники США. М., 1982.

ного с промышленными рабочими минимума заработной платы и некоторые другие, так и не были удовлетворены. Профсоюзы оставались недовольными и ограничениями, которые ввело правительство на повышение заработной платы. И хотя рабочие ряда отраслей промышленности в упорной борьбе достигли определенных успехов, ограничительный барьер являлся значительным препятствием на пути роста заработной платы большой категории трудящихся[8]. Не были удовлетворены требования организованных в профсоюзы рабочих в области пенсионного обеспечения, социального страхования и т. д.

Таким образом, результаты политического соглашения, заключенного между демократами и руководством АФТ—КПП накануне президентских выборов 1964 г., когда успех демократической партии во многом был обеспечен организованными рабочими, оказались односторонними.

По мере приближения выборов 1968 г. в рядах рабочего движения вновь развернулась полемика по вопросу о создании самостоятельной массовой партии рабочего класса. Активизировались сторонники независимых политических действий. Опросы рабочих ряда отраслей промышленности показали, что среди металлургов, например, каждый пятый хотел, чтобы идея «третьей» партии воплотилась в реальность, а среди горняков — каждый десятый[9]. Основываясь на опросах, проведенных на предприятиях Детройта в середине 60-х годов, социолог Дж. Леггетт пришел к выводу, что значительная часть рабочих выступала за независимые политические действия[10].

Идея «третьей» партии встречала сочувствие не только со стороны рядовых членов и руководителей низшего звена профсоюзов. За независимую политическую организацию выступали руководители ряда крупных профсоюзных объединений. Профсоюз транспортников на съездах в 1961 и 1965 гг. принял резолюции с призывом к объединению местных профсоюзов с другими рабочими организациями, к сплочению всех сил, заинтересованных в создании массовой «третьей» партии трудящихся[11].

Во второй половине 60-х годов значительные отряды трудящихся начали лучше осознавать бесперспективность политического хвостизма: одни открыто предлагали разорвать с двухпартийной системой, другие, чувствуя необходимость перемен, становились на позиции абсентеизма, бойкотировали выборы, третьи предлагали более решительно использовать общественный вес профсоюзов для изменения политического курса демократической партии. Так или иначе, консерватизм и коррупция в среде профсоюзных вождей, их тесное сотрудничество с предпринимателями и правительством вызывали все большее недовольство в рабочей среде, а усиление брожения среди рядовых членов профсоюзов становилось важной особенностью развития организованного рабочего движения этого периода.

---

[8] *Керемецкий Я. Н.* США: Профсоюзы в борьбе с капиталом. М., 1970, с. 237—252.

[9] Labor and American Politics/Ed. by Ch. Rehmus, D. McLaughlin. Ann Arbor (Mich), 1967, p. 408—409.

[10] *Leggett J.* Class, Race and Labor, N. Y., 1968, p. 121.

[11] Report of the President to the 11th Constitutional Convention. Transport Workers Union of America, AFL—CIO, October 2, 1961. S. l., s. a., p. 19; Report of the President to the 12th Constitutional Convention. Transport Workers Union of America, AFL—CIO, October 11—15, 1965. S. l., s. a., p. 19.

Формы конфликта «массы — руководство» были многообразны. В программе Компартии США, опубликованной в 1970 г., указывались некоторые из них: «Рабочие все чаще отказываются дать свое согласие на урегулирование, выработанное консервативно настроенными профсоюзными руководителями, и отвергают их призывы к сдержанности. Возникают движения рядовых членов профсоюзов, требующих большей демократии в профсоюзном движении, восстановления системы цеховых старост, большей автономии в урегулировании конфликтов непосредственно на месте работы с объявлением забастовки, когда это необходимо» [12]. Частым явлением стали так называемые «дикие» стачки, т. е. не санкционированные профсоюзным руководством и, по существу, направленные не только против предпринимателей, но и против политики профсоюзной верхушки.

Сопротивление соглашательской политике профсоюзного руководства, требования активных действий в целях решения важнейших социально-экономических и политических проблем вылились в середине 60-х годов в массовое движение за смену руководства в профсоюзах. В результате некоторым профсоюзным лидерам пришлось уйти со своих постов. Смена руководства произошла в таких крупных объединениях, как Межнациональный профсоюз рабочих электро-, радио- и машиностроительной промышленности, профсоюзах моряков, текстильщиков, механиков и некоторых других.

С середины и до конца десятилетия не прекращалась борьба в руководстве профсоюза горняков [13]. В 1969 г. один из местных руководителей этого профсоюза в штате Пенсильвания, Дж. Яблонски, бросил смелый вызов председателю союза горняков У. Бойлу, обвинив руководство в сотрудничестве с предпринимателями, коррупции, взяточничестве, других злоупотреблениях. Яблонски продолжал борьбу против руководства профсоюза и после того, как путем фальсификации избирательных бюллетеней, шантажа и других махинаций Бойлу удалось одержать победу на выборах. 5 января 1970 г. мужественный профсоюзный деятель Яблонски был зверски убит вместе с женой и дочерью в своем доме в г. Кларксвилле подручными Бойла и с его ведома. Это была откровенная политическая расправа с боевым лидером профсоюза горняков.

Стремление разобраться и выразить свое отношение к острым социальным и политическим проблемам страны охватило значительную часть рабочего класса. Оно стало столь заметным явлением, что его нельзя было уже игнорировать. Чтобы не оказаться в хвосте событий, не потерять доверия рядовых членов, наиболее дальновидные профсоюзные руководители сочли необходимым приспособиться к этому идущему из низов движению за обновление профдвижения и даже возглавить его.

Одним из самых серьезных проявлений углублявшегося кризиса в профсоюзном движении страны, кризиса руководства АФТ—КПП, не учитывавшего объективного характера хода событий и растущего боевого духа рядовых членов, их усиливавшегося недовольства основными принципами внутренней, и особенно внешней, политики правительства стало создание Объединения профсоюзных действий (ОПД). Рождение новой

---

[12] Новая программа Коммунистической партии США.— США — экономика, политика, идеология, 1970, № 12, с. 79.

[13] Autocracy and Insurgency in Organized Labor. New Brunswick (N. J.), 1972.

организации произошло не случайно, этому предшествовала длительная и упорная борьба двух направлений, двух тенденций в профсоюзном движении США, и это еще раз показало, что слияние профсоюзных центров в 1955 г. приглушило, но не устранило разногласий в объединенной АФТ—КПП. Борьбу против рутины и застоя в профсоюзном движении возглавил профсоюз автомобилестроителей.

В июле 1968 г. Объединенный профсоюз рабочих автомобильной и авиационной промышленности (1,6 млн. членов) и Объединенный профсоюз водителей грузовых машин и складских рабочих (2 млн. членов) официально объявили о создании ОПД. Позднее к нему присоединились, хотя и ненадолго, профсоюз нефтяной, химической и атомной промышленности (110 тыс. членов) и Национальный совет работников распределительной сети Америки (68 тыс. членов) [14]. В мае 1969 г. на учредительном съезде ОПД произошло организационное оформление нового профцентра. 500 делегатов единогласно одобрили «Декларацию целей», определявшую направление деятельности нового объединения, а также ряд программных резолюций и устав. Несмотря на формальные заявления руководителей нового профцентра о том, что они не собираются соперничать и бороться с АФТ—КПП, программа ОПД содержала вызов лидерам федерации по ряду существенных вопросов.

Основной задачей ОПД, отмечалось в декларации, является «поиск нового направления профсоюзного движения США, которое отвечало бы требованиям решения внутренних и внешних проблем страны и излечения болезней общества» [15]. Руководители ОПД высказали свое отрицательное отношение к внешней политике правительства, осудив агрессию США во Вьетнаме и потребовав ее прекращения. Критике была подвергнута позиция Мини, безоговорочно поддерживавшего внешнеполитический курс правительства.

Особое внимание лидеры ОПД уделяли проблеме вовлечения неорганизованных рабочих в профсоюзы. «Может ли АФТ—КПП,— говорилось в одном из заявлений профсоюза автомобилестроителей,— считаться современным, динамичным профобъединением, если оно не в состоянии организовать миллионы неорганизованных рабочих и сегодня в процентном отношении охватывает меньше трудящихся, чем в 1955 г., когда оно было создано?» [16]. Стремясь делом ответить на поставленный им самим вопрос, ОПД на первых порах провело значительную работу по вовлечению неорганизованных рабочих в профсоюзы, особенно на Юге страны.

Ведущую роль в ОПД играл У. Рейтер — председатель профсоюза рабочих автомобильной промышленности. Энергичный и инициативный лидер, он прошел путь от рядового рабочего до руководителя одного из самых многочисленных и боевых отрядов американского пролетариата [17]. В течение многих лет он возглавлял Конгресс производственных профсоюзов. Однако реформистская ограниченность, дань, которую он порой отдавал антикоммунизму, непоследовательность его действий во многом снижали положительный вклад, внесенный им в американское организованное рабочее движение. Буржуазная печать старалась представить

[14] *Hero A., Starr E.* The Reuther—Meany Foreign Policy Dispute. N. Y., 1970, p. 223.
[15] UAW Solidarity, 1968, Aug., p. 3.
[16] Daily World, 1969, Apr. 15.
[17] О жизни и деятельности У. Рейтера см.: *Reuther V.* The Brothers Reuther and the Story of the UAW. A Memoir. Boston, 1976.

разногласия в АФТ—КПП как результат личной вражды Мини и Рейтера. Однако причины их коренились гораздо глубже, чем просто личная неприязнь двух лидеров.

В последние годы жизни У. Рейтер активно выступал против реакционного консервативного курса руководства АФТ—КПП во главе с Мини, неоднократно обвинял его в недооценке политических действий. «Проблемы современного общества,— отмечал Рейтер,— становятся все более сложными, все более взаимосвязанными, поэтому их решение не может быть либо экономическим, либо политическим,— решение должно быть и экономическим и политическим» [18].

Создание ОПД в какой-то мере активизировало деятельность профсоюзов, дало толчок развертыванию антивоенного движения среди рабочих, оживило работу по вовлечению новых сил, главным образом «белых воротничков», в профсоюзы. Однако Компартия США с первых же дней существования ОПД справедливо указывала на ограниченный характер его деятельности. События последующих лет показали правоту коммунистов: надежды, возлагавшиеся левыми силами на ОПД, не оправдались. Боязнь массового движения «низов», непоследовательность, реформистская ограниченность мировоззрения его лидеров — вот те основные причины, которые привели к быстрому упадку Объединения профсоюзных действий. Сказалась также гибель в авиационной катастрофе при невыясненных обстоятельствах У. Рейтера в мае 1970 г. Уже к 1972 г. ОПД фактически прекратило существование, хотя формально о его роспуске не было объявлено.

Оживление организованного рабочего движения в 60-х годах было частью общего процесса освобождения из состояния застоя. Рабочий класс США не остался в стороне от мощного подъема социальной активности демократических слоев, роста оппозиционных настроений в стране. Неудивительно, что во второй половине 60-х годов расширились возможности для установления контактов между профсоюзным, негритянским, антивоенным и молодежным движениями. Особенно знаменательным был сдвиг в сторону укрепления сотрудничества между рабочим и негритянским движениями.

Во второй половине 60-х годов борьба негритянских рабочих, составлявших более 80% всего черного населения страны, поднялась на новую ступень. Резкое усиление борьбы за гражданские права привело к определенным сдвигам в положении черных трудящихся внутри профсоюзов [19]. В ряде случаев черным и сознательным белым рабочим удалось сломить сопротивление профлидеров и рабочих, зараженных расовыми предрассудками, что привело к некоторому увеличению представительства черных и цветных в руководящих профсоюзных органах (например, у металлистов, водителей автобусов, учителей и др.) [20].

Активные группы черных рабочих создавали организации, призванные защищать права чернокожих трудящихся на предприятиях и в профсоюзах (Американский негритянский профсоюзный совет, Лига за-

---

[18] Labor and American Politics, p. 441.

[19] *Perlo V.* Economics of Fascism USA. Roots of Black Inequality. N. Y., 1975, p. 85.

[20] Dissent, 1970, Mar.-Apr., p. 125. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на отмену ряда дискриминационных положений в уставах многих профсоюзов, в некоторых из них дискриминационная практика сохранялась (у строителей, печатников, водопроводчиков, транспортников и др.).

щиты черных рабочих, «Коалиция черных членов профсоюзов» и др.). Важным направлением в борьбе организованных негритянских рабочих явилось появление в 60-х годах (особенно во второй половине) на предприятиях и в профсоюзах так называемых «групп черных» (кокусы), ставивших целью достижение полного равноправия черных на всех стадиях производственного процесса, во всех звеньях профсоюзного руководства. Наибольшей активностью «группы черных» отличались на автомобилестроительных предприятиях, в сталеплавильной промышленности, на транспорте.

Необходимость единства действий движения за гражданские права и рабочего движения осознавалась прогрессивными деятелями негритянского движения. Много сделавший для сближения негритянского и рабочего движений Мартин Лютер Кинг говорил: «Почти все черные — это рабочий народ. Лишь маленькая горстка черных — миллионеры и работодатели. Наши интересы и интересы профсоюзов совпадают: приличное жалованье, приемлемые условия труда, дома, в которых можно жить, пенсия престарелым, меры по улучшению медицинского обслуживания, условия, при которых семья может нормально существовать, давать образование своим детям и иметь уважение в обществе. Поэтому черные поддерживают требования профсоюзов и выступают против законов, ущемляющих их, а те, кто ненавидит и травит профсоюзы, одновременно ненавидят и травят черных» [21].

Агрессия США во Вьетнаме стянула в тугой узел социально-экономические и международные проблемы уже только потому, что наиболее враждебно к профсоюзам относились именно те круги буржуазии, которые рьяно поддерживали и защищали официальную внешнюю политику Вашингтона. Однако активной борьбе широких слоев рабочего класса против вьетнамской авантюры американского империализма мешало противодействие со стороны реакционной клики профсоюзных вождей во главе с Мини. На протяжении всего периода агрессии США во Вьетнаме, проповедуя идеи «национального сплочения» и поддержки внешней политики правительства, группа Мини использовала шовинистические настроения и заблуждения одной части трудящихся и политическую апатию другой.

Но рядовые члены профсоюзов по мере усиления агрессии США все чаще становились на сторону антивоенных сил. Рост антивоенных настроений среди американских профсоюзов ярко продемонстрировала Ассамблея профсоюзного руководства за мир, проходившая в Чикаго в ноябре 1967 г. В истории профсоюзов США, пожалуй, не было подобной представительной конференции, посвященной проблемам внешней политики, которая бы так резко высказалась против официального руководства АФТ—КПП. Инициатором созыва ассамблеи выступили руководители Объединенного профсоюза рабочих автомобильной и авиационной промышленности, Объединенного профсоюза швейников, профсоюза работников мясоконсервной промышленности и рабочих скотобоен, рабочих деревообрабатывающей промышленности. На ассамблее присутствовали 523 делегата, представлявших 50 различных профсоюзов 38 штатов [22].

---

[21] American Federationist, 1968, May, p. 4.

[22] *Foner Ph.* American Labor and the Indochina War. The Growth of Union Opposition. N. Y., 1971, p. 49.

Главная мысль, пронизывавшая все выступления на ассамблее, сводилась к признанию бесперспективности вьетнамской авантюры для Соединенных Штатов, необходимости прекратить бомбардировки ДРВ и начать переговоры о мире. В единогласно одобренном политическом заявлении ассамблеи говорилось: «Несмотря на неизменную поддержку политики правительства во Вьетнаме официальными профсоюзными органами, наша ассамблея показала, что в профсоюзах на всех уровнях существует беспокойство, разочарование и оппозиция, характерные для всего американского народа. Хранить молчание в этот критический период было бы равноценно предательству лучших традиций американского рабочего движения. Профсоюзы США должны сыграть свою роль в достижении быстрого и справедливого прекращения этой жестокой войны, с тем чтобы мы могли посвятить наши ресурсы и энергию борьбе против бедности, болезней, голода и невежества» [23].

Борьба против агрессии США в Юго-Восточной Азии сближала профсоюзное движение с другими массовыми демократическими движениями, в том числе молодежным. В конце 60-х годов промышленные рабочие в ряде случаев брали на себя инициативную роль в организации совместных действий с другими демократическими силами. ОПД призвало всемерно содействовать «ликвидации враждебного отношения либеральной интеллигенции, учащейся молодежи к идее совместных действий с рабочим классом». Особо подчеркивался тот факт, что социально-политические задачи, которые ставят перед собой профсоюзы и радикально настроенная интеллигенция, имеют много общего [24].

Известную положительную роль в сближении прогрессивного крыла организованного рабочего движения с демократической университетской общественностью сыграли их совместные конференции, на которых обсуждались важнейшие внутренние и внешнеполитические проблемы современных США. Такие конференции в конце 60-х—начале 70-х годов состоялись в Кэмбридже (штат Массачусетс), в Миссурийском, Вашингтонском университетах, Уэбстерском колледже и некоторых других учебных заведениях. Проходившие во многих районах страны подобного рода профсоюзно-студенческие конференции дали основания говорить о начале более тесного взаимодействия между рабочим и общедемократическим (особенно молодежным) движениями в стране на базе общих интересов и требований [25].

Шестидесятые годы, особенно их вторая половина, явились периодом, когда борьба трудящихся вновь приобрела определенно выраженную политическую окраску. Это сказалось в укреплении левого течения в профсоюзном движении, в более тесных контактах этого течения с другими прогрессивными силами страны, в усилении оппозиции «низов» консервативной верхушке АФТ—КПП, в дальнейшем размежевании в руководстве федерации.

[23] Labor Today, 1967—1968, Winter, p. 22—23.
[24] UAW Solidarity, 1968, Aug., p. 9; Dissent, 1971, Febr., p. 47.
[25] *Hall G.* Our Country in Crisis — The People Must Act. N. Y., 1970, p. 22.

2. ВОССТАНИЯ В ЧЕРНЫХ ГЕТТО: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Во второй половине 60-х годов произошли качественные сдвиги в стратегии и тактике негритянского освободительного движения. Это проявилось в развитии тенденции к совместным действиям с миллионами белых бедняков и безработных, с движениями индейцев, американцев пуэрториканского и мексиканского происхождения и другими дискриминируемыми категориями населения США, а также в сближении с нараставшим по всей стране антивоенным движением. В условиях наступления реакционных, расистских сил важное значение приобрел метод вооруженной самозащиты. Наиболее драматический характер события приняли в ходе восстаний («черных бунтов», «черных мятежей») в негритянских гетто, охвативших все крупные города страны. Волнения в негритянских гетто представляли собой новый этап в развитии освободительного движения негров [26].

Статистика раскрывает картину нараставшего накала борьбы, развертывавшейся в кварталах, населенных черной беднотой. В 1964 г. произошло 5 восстаний, в 1965 г.— 9, в 1966 г.— 38, в 1967 г.— 230. В апреле 1968 г. в ответ на убийство Мартина Лютера Кинга взрывы народного гнева сотрясали страну 202 раза. В 1964 г. были убиты пятеро и ранено около 1 тыс., в 1965 г. соответственно — 36 и 200, в 1966 г.— 11 и 500, в 1967 г.— 117 и 2000, в первой половине 1968 г.— 46 и 3500 человек, в основном черных [27].

Вооруженные выступления черных против преступлений полиции начались 18 июля 1964 г. в г. Нью-Йорке, в трущобах Гарлема. Непосредственной причиной этих событий послужила трагическая гибель 15-летнего негритянского мальчика Джеймса Пауэлла, застреленного лейтенантом нью-йоркской полиции Т. Джелигеном. В ту же ночь начались столкновения черных с полицейскими: 140 человек были ранены, 520 арестованы. Через год после этих событий, в июле 1965 г., в Гарлеме снова вспыхнули волнения, также из-за того, что полицейский застрелил ни в чем не повинного черного. И опять жители вышли на улицы, требуя прекращения террора полиции.

В августе 1965 г. страну потряс социальный взрыв невиданной силы — восстание черных в Уоттсе — черном гетто Лос-Анджелеса, до этого сравнительно «благополучного» крупнейшего города на Западе США с точки зрения расовых отношений. Толчком к взрыву и здесь послужил полицейский произвол. В ходе столкновений в Уоттсе возникло более тысячи пожаров, 15 кварталов были полностью сожжены. Ущерб составил 175 млн. долл. Власти закрыли учебные заведения, биржи труда, прекратили выплаты пособий по безработице. 15 тыс. полицейских и национальных гвардейцев были срочно переброшены в Уоттс. 6 дней продолжался неравный бой. Восстание черных обитателей гетто было потоплено в крови. Однако «черные бунты» охватили и другие калифорнийские города — Лонг-Бич, Сан-Бернардино, Сан-Диего, Голливуд, Пасадену, а на Севере и Северо-Востоке — Чикаго, Спрингфилд (штат Массачусетс), Кливленд, Филадельфию.

---

[26] *Лайтфут К. М.* Восстания в гетто за освобождение негров. М., 1972, с. 13.
[27] US News and World Report, 1968, July 15, p. 31.

Полицейский террор, фактическое бездействие федеральных властей, стремившихся любой ценой сохранить социальное и политическое бесправие черных,— все это привело к радикализации массового сознания черного населения Соединенных Штатов.

«Долгое жаркое лето» 1967 г. по масштабу и силе негритянских восстаний превзошло все предыдущие: 120 городов были охвачены негритянскими восстаниями. «Расовые мятежи ... приобрели в 1967 г. масштабы партизанской войны»,— писал журнал «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт»[28]. Самое крупное восстание произошло в июле 1967 г. в Детройте, столице автомобильной империи Форда. Страна заговорила о «малой гражданской войне». Председатель сенатской комиссии по иностранным делам сенатор У. Фулбрайт отмечал тогда, что только «за одну неделю июля 1967 г. во Вьетнаме было убито 146 и ранено 1442 американца; за это же время в городских восстаниях в Соединенных Штатах было убито 65 и ранено 2100 американцев»[29].

Восстание черных в Детройте подавляли 20 тыс. полицейских и национальных гвардейцев, а также около 5 тыс. солдат парашютно-десантной дивизии «Кричащий орел», действовавшей до этого во Вьетнаме и располагавшей 26-тонными танками и транспортными вертолетами. По официальным данным, за неделю волнений в городе были убиты 43 человека, а по свидетельствам очевидцев — около 300, и почти все — черные. Свыше тысячи было ранено, около 3 тыс. брошено в тюрьмы. Среди убитых были женщины, старики, дети.

Убийство Мартина Лютера Кинга поставило страну на грань гражданской войны. За одну неделю — с 4 по 11 апреля 1968 г.— восстания черных охватили столько же городов, сколько за весь предыдущий год. На подавление «расовых беспорядков» власти бросили 100 тыс. полицейских, национальных гвардейцев и солдат. 43 человека были убиты, 3500 — ранены, 26 тыс.— арестованы. Всего во время «черных бунтов» в 1964—1969 гг. погибли 250 человек, а ранено было почти 11 тыс. американцев, в подавляющем большинстве черных[30]. За этот же период в США произошло, по официальным данным, около 150 крупных выступлений черных, сопровождавшихся перестрелкой, поджогами и убийствами. Между тем за всю первую половину XX в. (с 1900 по 1949 г.) в стране было зарегистрировано лишь 33 подобных выступления[31]. Таким образом, во второй половине 60-х годов в среднем приходилось по 25 бунтов в год. Полем битвы для этих «малых гражданских войн», как правило, становились негритянские кварталы. На это были свои причины.

В обстановке «кризиса городов» в США приток в крупнейшие из них новых масс черных переселенцев до предела обострил все городские проблемы, и прежде всего приобретение жилища и трудоустройство. Положение особенно ухудшилось в связи с резким сокращением традиционных сфер занятости афро-американцев, ростом безработицы, особенно среди молодежи, абсолютного и относительного обнищания черного населения при одновременном усилении сверхэксплуатации черных рабочих. Даже по официальным данным, число полностью или частично безработ-

---

[28] Цит. по: *Нитобург Э. Л.* Черные гетто Америки. М., 1971, с. 101.
[29] Там же.
[30] Подсчитано по: US News and World Report, 1967, Aug. 14, p. 44; Sept. 25, p. 42; 1968, July 15, p. 1; Statistical Abstract of the United States, 1969. Wash., 1969, p. 138.
[31] Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States, 1970. Wash., 1970, p. 143.

ных во многих негритянских гетто достигло во второй половине 60-х годов 33% работоспособного населения. В 1960—1966 гг. в городах с населением свыше 1 млн. человек 34% цветных семей жили в условиях ниже официальной границы бедности [32].

Одним из тягчайших социальных последствий скопления афро-американцев в трущобах гетто была и остается массовая пауперизация. Крайне высокий уровень безработицы, бедность, скученность и антисанитария, связанный с невыносимыми условиями жизни распад семей, недоступность образования и культуры содействовали распространению самых тяжелых социальных болезней. Вот как рисовали жизнь в черном гетто Бэдфорд-Стьювенсант (район нью-йоркского Бруклина) два белых участника борьбы за гражданские права черных: «Большинство негров, среди которых мы жили,— это несчастные люди... Широко распространены алкоголизм, наркомания, азартные игры, проституция, драки, шумные семейные скандалы, поножовщина, кражи... Обычным считается, когда негритянские девочки 14—16 лет, не имеющие образования, профессии и работы, обзаводятся детьми, не будучи замужем. Мальчики в 13—14 лет бросают школу... беспризорничают» [33].

Немаловажной причиной обращения черных в гетто к методу вооруженной самозащиты явилось разочарование различных социальных групп афро-американцев в ненасильственном движении за гражданские права в конце 50-х — начале 60-х годов. Принятые в то время в спешном порядке федеральные законы и решения оставались неэффективными: местные власти и предприниматели либо игнорировали это законодательство, либо противопоставляли ему контрмеры расистского характера. Существенную роль сыграл также сдвиг в моральном климате негритянской общины, наметившийся под влиянием изменений в ее социальной структуре, подъема массовой демократической борьбы в США, поддержки ее со стороны всех передовых сил мировой общественности, вдохновляющего примера успехов национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах, особенно в Африке, мужественной борьбы вьетнамского народа [34]. Сказалась и агитация многочисленных групп черных радикалов. Как правило, такие группы складывались на базе наиболее решительно настроенной части освободительного движения черных. К их числу принадлежала и партия «Черные пантеры», созданная негритянскими студентами в 1966 г. Ее штаб-квартира находилась в г. Окленде (штат Калифорния). В период негритянских волнений партия активно проповедовала необходимость вооруженной борьбы черных с полицией [35].

Отношение черных лидеров к восстаниям в гетто было неодинаковым. Реформистские мелкобуржуазные организации — Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения и Национальная городская лига — не только осудили бунты в черных гетто, но и открыто выска-

[32] *Allen R. L.* Black Awakening in Capitalist America. An Analytic History. Garden City, 1970, p. 27.
[33] *Etzkowitz H., Schaflander G. M.* Ghetto Crisis. Riots or Reconciliation? Boston, 1969, p. 10—11.
[34] См. об этом: *Дэвис А.* Автобиография. М., 1978.
[35] См., например: The Black Panther, 1969, May 4, p. 7; Sept. 20, p. 6, 16. С начала 70-х годов партия, сделавшая серьезные уступки черному национализму и сектантству, была поражена кризисом, а затем распалась. См.: *Уинстон Г.* Кризис партии «Черные пантеры».— Проблемы мира и социализма, 1971, № 12.

зались в поддержку тех методов, которые власти применяли в целях их подавления. Исполнительный директор НАСПЦН Р. Уилкинс, например, выступая 16 июля 1967 г. по телевидению, одобрительно отозвался о подавлении восстания черных в Детройте. Повторяя вслед за наиболее реакционными элементами бездоказательные обвинения в адрес коммунистов в «подстрекательстве» черных к бунтам в гетто, Уилкинс обратился тогда к 1500 отделениям НАСПЦН с провокационным посланием относительно «красной угрозы»[36].

Напротив, лидеры мелкобуржуазных реформистских организаций типа Института Ф. Рэндолфа, осуждая в принципе насильственную тактику, оправдывали вместе с тем действия черных радикалов тяжелыми условиями их жизни. А такие организации, как Студенческий координационный комитет ненасильственных действий, некоторые отделения Конгресса расового равенства, «Нация ислама» («Черные мусульмане»), занимали в разгар черных бунтов позицию их безоговорочной поддержки. В ряде случаев они становились во главе этих выступлений, выдвигая лозунг партизанской войны черных против «белого капитализма».

В период «черных бунтов» в гетто коммунисты США продемонстрировали верность своей принципиальной позиции по негритянскому вопросу. Они оказывали действенную помощь населению черных гетто, организуя кампании по обеспечению восставших продовольствием и предметами первой необходимости, широко освещая события в гетто на страницах коммунистической прессы, мобилизуя левые силы страны на поддержку борющихся масс и разоблачая клеветническую кампанию буржуазной прессы, радио и телевидения против участников выступлений.

События этого десятилетия вызвали сочувственный отклик в широких демократических слоях американского народа и мировой общественности. Нельзя не видеть вместе с тем, что «черные бунты» 60-х годов, особенно выдвинутый многими радикальными организациями лозунг «Власть черным!», побудили к переходу значительной части белого населения, занимавшей промежуточные, часто колеблющиеся позиции между расистами и их противниками, в лагерь сторонников расовой сегрегации (это явление в дальнейшем получило название «белого бумеранга»). Влиятельная часть правящих кругов США и «умеренных» черных лидеров видела противоядие боевому духу масс афро-американцев и клапан для выхода энергии мелкобуржуазных революционеров в «черном капитализме».

«Черные бунты» 60-х годов имели неоднозначные последствия. Они стимулировали подъем широкого движения демократических низов в США и подтолкнули либеральное крыло в правящих кругах к выдвижению программы реформ. В самом негритянском движении «черные бунты» обострили идейно-политическую борьбу между различными течениями. Это привело к открытому расколу и угасанию воинственного духа многих руководителей и идеологов в движении черного национализма, после первых же неудач зачастую скатывавшихся на позиции оппортунизма или попадавших в ловушки антикоммунизма, а то и совершавших прямую измену делу борьбы за подлинное равноправие черных американцев.

---

[36] Facts on File 1967, p. 315, 461.

Важное значение для осмысления опыта и уроков «черных бунтов» имели выводы, сделанные Компартией США. В заявлениях Компартии восстания черных характеризовались как «восстания бедноты». Г. Холл писал: «Массовые действия (черных.— *Авт.*) не были битвой между черными и белыми» [37]. Коммунисты неоднократно подчеркивали, что «черные бунты» в гетто являлись «войной между богатыми и бедными, между угнетателями и угнетенными» [38]. Г. Уинстон отмечал, что восстания в черных гетто были одной из форм борьбы афро-американцев против расизма и социального угнетения, тесно связанной с победоносным антиимпериалистическим национально-освободительным движением в Африке, Азии и Латинской Америке, неотъемлемой частью мирового революционного процесса [39].

Однако одновременно Коммунистическая партия США отвергла точку зрения черных националистов, придававших выступлениям в гетто самодовлеющее значение, абсолютизировавших и считавших их единственно эффективным методом борьбы. «Вооруженные восстания будут обречены на провал, если черное население станет предпринимать их лишь собственными силами, как бы смело оно ни действовало...» — писал Г. Уинстон. Далее он подчеркнул, что тактика индивидуального террора, подменяющая продуманную программу борьбы за улучшение всей совокупности условий жизни масс и не опирающаяся на поддержку со стороны народа, является политически безответственной деятельностью, которая способна спровоцировать жестокие репрессии в отношении черного народа и вызвать раскол в общедемократическом движении [40].

Период бунтов в черных гетто был подвергнут серьезному анализу и в Новой программе КП США (1970 г.). В ней подчеркнуто, что «взрывы» в гетто явились одним из звеньев в общей цепи движений протеста 60-х годов, одним из проявлений «духа мятежа», охватившего страну и выразившегося в различных социальных сферах по-разному [41]. Программа четко сформулировала отношение коммунистов к этим формам борьбы. В ней говорилось:

«Мы, коммунисты, не относимся к числу пацифистов. Не являемся мы и террористами. Мы рассматриваем насилие с классовой точки зрения. Исходя из этой точки зрения, мы усматриваем в отказе от насильственных действий тактику борьбы, применяемую при определенных обстоятельствах. Но мы не придерживаемся этой тактики как принципа или философского учения. До тех пор, пока расисты, будь то в штатском или полицейской форме, сохраняют возможность безнаказанно избивать и убивать, борьба черного народа в собственную защиту будет не только его правом, но и обязанностью. Все белые, и белые коммунисты особенно, должны плечом к плечу встать рядом со своими чернокожими братьями, применяя те средства защиты для противодействия таким проявлениям насилия, которые будут необходимы» [42].

---

[37] *Hall G.* The Roots of Negro Oppression.— Political Affairs, 1967, Oct., p. 1.
[38] Political Affairs, 1965, Oct., p. 21.
[39] *Winston H.* Unity and Militancy for Freedom and Equality. N. Y., 1969, p. 2—4.
[40] Ibid., p. 5.
[41] Новая программа Коммунистической партии США.— США — экономика, политика, идеология, 1970, № 12, с. 70, 78, 85.
[42] Там же, с. 82.

Вооруженные выступления в черных гетто показали лидерам монополистической буржуазии, что расовые отношения в стране стали выходить из-под контроля властей. В «черных бунтах» они увидели реальную угрозу существующему порядку. Это заставило крупный капитал изменить стратегию, направив ее на создание и укрепление новых групп черной городской буржуазии, а также менеджеров, тесно связанных с монополиями и играющих роль их уполномоченных по регулированию расовых отношений. Крупная буржуазия, выдвинув задачу насаждения «черного капитализма», начала финансировать отдельные коммерческие предприятия афро-американцев.

В ряде случаев монополии включали наиболее послушных лидеров негритянских организаций в состав советов директоров компаний. Расширилось применение методов дезорганизации и деморализации борьбы черных посредством буржуазной пропаганды, шантажа, запугивания и дезинформации. Уже в ходе первых крупных выступлений черных средства массовой информации прибегли к отравленному оружию антикоммунизма, пытаясь настроить общественное мнение против демократического движения [43]. Негритянские бунты изображались как выступления уголовников, аморальных элементов, пользующихся якобы попустительством властей [44].

Однако в целом реакция властей США, федеральных и местных, на подъем негритянского движения и волнения в гетто развивалась по двум главным линиям — по линии ужесточения репрессий с использованием всего арсенала средств подавления и по линии частичных временных уступок, формального признания за черными элементарных прав и свобод.

Еще в 1961 г. пришедшее к власти правительство демократов, столкнувшись с первыми вспышками бунтарских настроений в гетто, решило сделать ряд робких шагов навстречу требованиям освободительного движения черных. Но они не в состоянии были устранить недовольство. Негритянский вопрос быстро превращался в острейшую проблему внутренней политики.

Разные мотивы побудили Джонсона занять подчеркнуто положительную позицию в отношении билля о гражданских правах. Немаловажное значение имели обстоятельства, связанные с предстоящей в 1964 г. избирательной кампанией. Но главной причиной по-прежнему оставалась нараставшая борьба негритянских масс и их союзников. В этих условиях республиканцы и демократы не захотели брать на себя ответственность за провал билля. 10 июня сенат 71 голосом против 29 принял решение о прекращении затянувшихся дебатов. Подобное решение сенат принимал второй раз за последние 29 лет и впервые по вопросу о гражданских правах. 19 июня билль был принят сенатом 73 голосами против 27.

Закон о гражданских правах 1964 г. запрещал дискриминацию при регистрации избирателей, расовую и иную дискриминацию в общественных местах, ресторанах, кафе, кинотеатрах, спортивных сооружениях, концертных залах, парках, плавательных бассейнах, библиотеках и т. д.; закон уполномочил министерство юстиции возбуждать судебные иски по поводу сегрегации в школах, а также предусматривал предоставление

[43] Facts on File 1967, p. 312, 313.
[44] US News and World Report, 1966, Dec. 5, p. 10.

школьным округам финансовой и технической помощи в проведении десегрегации. В программах, осуществляемых с федеральной финансовой помощью, запрещалась расовая дискриминация на предприятиях с числом работников не менее 100. (В течение четырех лет действие этого положения должно было распространиться на предприятия с числом работников не менее 50.) Учреждалась двухпартийная Комиссия по обеспечению равных возможностей при найме.

Будучи шагом вперед на пути к признанию формального равноправия негритянского населения, закон 1964 г. носил половинчатый характер, что отражалось в большом числе оговорок и ограничений. Например, в вопросе об избирательных правах черных закон не отменял в принципе проверки грамотности, он запрещал лишь устные испытания. Поэтому при низком образовательном уровне негритянского населения на Юге, особенно среди пожилых негров, закон давал расистам юридические основания отстранять тысячи негров от участия в выборах. Кроме того, закон касался только выборов президента и членов конгресса США, выборы же в штатах и на местах по-прежнему должны были проводиться на основе существовавших там законов, многие из которых носили явно дискриминационный характер. Дискриминация в ресторанах, отелях, кинотеатрах и других местах общественного пользования запрещалась только в случаях, когда основная масса товаров и большая часть развлечений были связаны с торговлей между штатами, а жилье сдавалось транзитным пассажирам или лицам, совершавшим поездки между штатами. Добавим, что закон не распространялся на парикмахерские, магазины розничной торговли, бары, кегельбаны и пр.

Закон запрещал Комиссии по гражданским правам заниматься расследованиями практики приема в члены различного рода «братств», клубов, религиозных и некоторых других общественных организаций и их деятельности, если она касалась только их членов. Раздел закона «О равных возможностях при найме и работе» оговаривал, что его положения не распространяются на членов Коммунистической партии США или других организаций «коммунистического действия или коммунистического фронта». Это еще раз показывает, что закон ставил равноправие черного американца в прямую зависимость от его политической благонадежности, как ее понимали правящие круги. Хочешь быть формально приравненным к гражданам первого сорта — откажись от критики социальной несправедливости при капитализме, будь верноподданным; в противном случае — пеняй на себя.

Закон в значительной степени носил декларативный характер. Он несколько расширил полномочия министерства юстиции по возбуждению судебных дел в случае нарушения статей, запрещавших дискриминацию. Однако закон устанавливал весьма сложную и длительную процедуру обжалования исков в связи с расовой дискриминацией. От лиц, решивших начать такую тяжбу, требовалось немало усилий, времени, средств, не говоря уже об умении разбираться в сложной юридической казуистике. Наконец, закон не предусматривал строгого наказания лиц, виновных в дискриминационной практике.

Воспользовавшись «недомолвками» закона 1964 г., местные власти и расистские банды развернули против борцов за гражданские права настоящую войну, пытаясь сорвать их кампанию за реализацию избирательных прав негритянского населения. Каждый день приносил сообщения об

убийствах борцов за гражданские права, взрывах в негритянских церквах, о погромах и т. д. В этих условиях первоочередным требованием движения за гражданские права стало принятие нового законодательства, которое обеспечило бы негритянскому населению реальную возможность участия в выборах на всех уровнях и по всей стране.

В Белом доме нарастало беспокойство по поводу дальнейшей радикализации движения черных. В меморандуме на имя президента США от 10 июня 1965 г. вице-президент Г. Хэмфри, дав обзор некоторых временных мер, принятых правительством, сделал следующие выводы: «Хотя эти и другие мероприятия федеральных ведомств предусматривают проведение важной, конструктивной деятельности, нельзя сделать оптимистических предсказаний относительно нынешнего лета. Проблемы городских трущоб являются столь большими и глубокими, а гнев, отчуждение, фрустрация и разочарование негров, живущих в них, столь велики, что нельзя рассматривать эти аварийные программы в качестве надежного средства, страхующего от беспорядков... В свете данных о безработице среди негритянской молодежи и в городских районах, недавно сообщенных министром (труда.— *Авт.*) Уиртцем, необходимо немедленно предпринять чрезвычайные меры для предоставления этим сотням тысяч молодых людей какой-либо работы нынешним летом. Эти усилия необходимо предпринять в масштабах, абсолютно несравнимых с тем, что делалось до сих пор» [45].

Прилив тревожных настроений в связи с накалявшейся обстановкой в негритянских гетто наложил отпечаток на деятельности конгресса. Большинство его членов считали целесообразным в создавшихся условиях ускорить принятие нового законопроекта о гражданских правах. Республиканцы и демократы подготовили совместный билль. Он был принят сенатом 26 мая 77 голосами против 19 («за» голосовала коалиция — 47 демократов и 30 республиканцев, «против» — 17 демократов и 2 республиканца). Палата представителей утвердила билль 9 июля 333 голосами против 85 («за» — 221 демократ и 112 республиканцев, в том числе 3 южанина-республиканца и 33 южанина-демократа). 6 августа президент подписал билль, ставший законом об избирательных правах 1965 г.

Закон отменял дискриминационную практику так называемых проверок грамотности избирателей, наделил министерство юстиции правом направлять в штаты федеральных инспекторов, уполномоченных вносить в избирательные списки лиц, которым незаконно отказывается в регистрации или которые незаконно вычеркиваются из этих списков. Предусматривалась также посылка специальных ревизоров для наблюдения во время выборов за тем, чтобы все зарегистрированные избиратели были допущены к участию в голосовании и их голоса были зачтены при общем подсчете. В соответствии с новым законом лица, допускавшие расовую дискриминацию при составлении избирательных списков или же пытавшиеся препятствовать черным осуществлять свои избирательные права, должны привлекаться к судебной ответственности.

Но и этот закон носил ограниченный характер. Он распространялся лишь на те штаты, где в 1964 г. в выборах участвовало менее 50% избирателей (Миссисипи, Алабама, Южная Каролина, Джорджия, Луизиа-

[45] Lyndon B. Johnson Library, The Office of Economic Opportunity during the Administration of President Lindon B. Johnson, Executive, HU-2, Memorandum to The President from The Vice President, June 10, 1965.

на, Виргиния, часть округов Северной Каролины). Между тем и в других штатах значительная часть черных была практически отстранена от участия в выборах.

Завоеванный в упорной борьбе закон 1965 г. способствовал расширению участия негритянского населения в избирательных кампаниях, избранию черных в органы власти на всех уровнях. Но он не затрагивал социально-экономических проблем негритянского населения, и после принятия законов 1964 и 1965 гг. негритянским организациям пришлось продолжить борьбу за запрещение расовой дискриминации в жилищном вопросе.

В 1966 г. выдвинутый либералами соответствующий законопроект был заблокирован в сенате южанами, прибегшими к флибустьерской тактике. Закон был принят только в апреле 1968 г. В эти дни десятки городов были охвачены мятежами и волнениями негритянского населения. В разделе о жилищных правах закон 1968 г. запрещал дискриминацию по признаку расы или национального происхождения при продаже или сдаче в наем жилищ. Банкам и другим финансовым учреждениям запрещалось включать в соглашения о предоставлении займов, связанных с недвижимым имуществом, какие-либо дискриминационные условия. Закон распространялся на 80% жилищного фонда страны. Многие негритянские деятели сразу же отметили ограниченный характер закона, который ничего не давал негритянской бедноте. «Это,— заявил Р. Абернети, один из сподвижников М. Л. Кинга,— едва ли шаг вперед для черной Америки. В Нью-Йорке подобный закон действует уже 10 лет, но там по-прежнему существует гетто» [46].

Террор в отношении активных борцов за гражданские права афроамериканцев, а также принятие запоздалых законодательных реформ сочетались с показными жестами, призванными засвидетельствовать серьезную озабоченность правящих кругов выяснением истоков социальных волнений в черных гетто Америки.

25 июля 1967 г. лидеры обеих партийных групп конгресса США призвали федеральное правительство расследовать гражданские беспорядки в городах страны, и в частности выяснить, каковы их причины, может ли полиция справиться с ними своими силами, нельзя ли обнаружить какие-либо свидетельства о существовании «заговорщической деятельности» с участием «подрывных организаций» [47]. Идя навстречу этому пожеланию, президент Джонсон учредил Национальную совещательную комиссию по расследованию гражданских беспорядков во главе с губернатором Иллинойса Кернером. Комиссия изучила положение дел в 23 городах, опросила 1200 человек, привлекла тысячи документов, собранных федеральными ведомствами и комиссиями конгресса, и пришла к выводу, что США «движутся к расколу на два общества: черное и белое, изолированные друг от друга и неравноправные». Федеральному правительству было рекомендовано провести ряд мероприятий социально-экономического характера для предотвращения подобных выступлений черных в будущем.

Однако последующие события показали, что все эти рекомендации остались благими пожеланиями, подтвердив, что борьба против расизма и

---

[46] Congressional Quarterly Weekly Report, 1968, Apr. 12, p. 792.
[47] Facts on File 1967, p. 313.

других форм национального угнетения была и остается острейшей и первоочередной задачей всех прогрессивных сил США. Говоря словами В. И. Ленина, капитализм еще раз продемонстрировал свою неспособность «вместить» иное освобождение, кроме правового, но урезанного[48].

3. МОЛОДЕЖЬ — ПРОТИВ «СИСТЕМЫ». «НОВАЯ ЛЕВАЯ» КАК ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ТЕЧЕНИЕ

В 1965—1970 гг. эскалация агрессии в Юго-Восточной Азии вызвала ответную реакцию — подъем леворадикального политического движения. Антивоенный протест охватывал все более широкие массы молодежи, вызывая растущее сочувствие и среди взрослого населения США. Динамику студенческих выступлений во второй половине 60-х годов отражают внушительные данные об увеличении числа университетов, охваченных волнениями: от 50 в середине 60-х годов до 437 в мае 1970 г.[49] С 1965 по 1968 г. удвоилось число университетских городков (кампусов), в которых существовали леворадикальные организации. Расширилась социальная база движения за счет вовлечения выходцев из менее обеспеченных слоев [50].

Кроме прежних методов борьбы (демонстрации, марши и т. п.), возникла новая форма — «тич-ин» (teach in) — массовые семинары по антивоенным проблемам. В глазах студентов «тич-ин» стали воплощением того сближения высшего образования с общественной практикой, которого недоставало университетскому обучению. В повседневной политической деятельности радикально настроенного студенчества наряду с просветительской и агитационной работой среди негритянской бедноты проявилось стремление к контактам и с промышленными рабочими. Студенты нанимались в качестве временных рабочих на предприятия, где изучали положение, психологию и нужды рабочих, пропагандировали свои политические взгляды. В 1969 г. резолюция конференции СДО в Анн-Арборе (штат Мичиган) признавала: «Студенты в одиночку, без союза с рабочим классом не могут и не смогут добиться падения капитализма» [51].

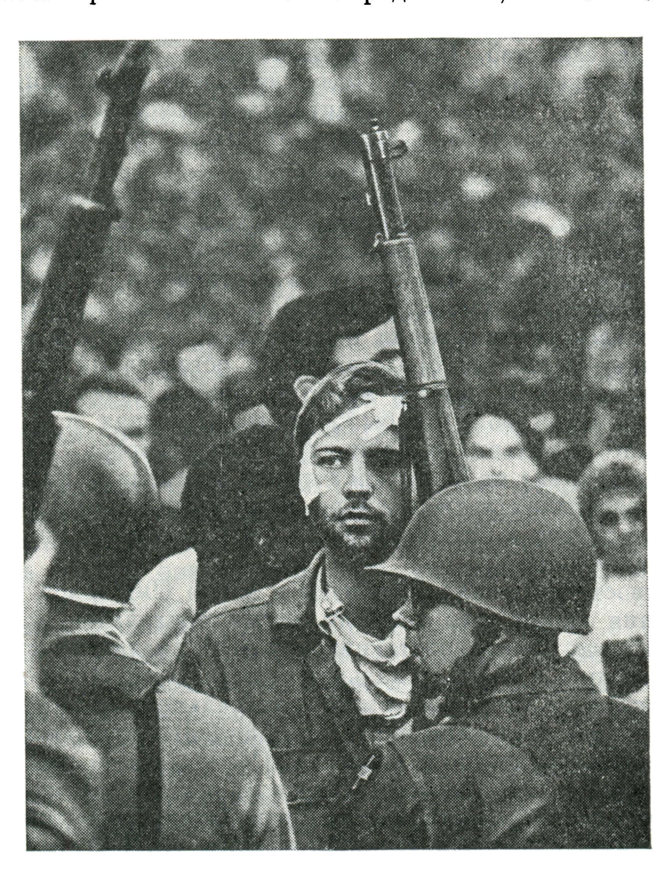
Наиболее массовые и боевые выступления молодежи, благодаря которым движение получило в американской печати название «студенческой революции», произошли в 1966—1970 гг.: сидячая забастовка в Чикагском университете (май 1966 г.), кампания против войны во Вьетнаме (лето 1967 г.), волнения в Принстонском и особенно в Колумбийском университетах (1968 г.), демонстрация в студенческом кампусе г. Кента против агрессии в Камбодже (май 1970 г.), закончившаяся ее расстрелом солдатами национальной гвардии.

Расширение политической борьбы в этот период сопровождалось радикализацией массового сознания студенчества. Опросы показали, что

---

[48] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 345.
[49] Students Protest. Annals of the Academy of Political and Social Science/Ed. by G. A. Altbach, R. S. Laufer. Philadelphia, 1971, p. 17; New York Times, 1970, May 1.
[50] Students Protest, p. 54—67.
[51] Цит. по: *Фурсенко А. А.* Критическое десятилетие Америки: 60-е годы. Л., 1974, с. 251.

политические и жизненные ценности, еще в середине 60-х годов свойственные узкому кругу радикальной молодежи, стали быстро распространяться в студенческой среде. Причем влияние радикалов-активистов на студенчество страны во много раз превосходило их численность. «Могущественное меньшинство» — так в американской социологической литературе называли эту группу молодежи. В конце 60-х годов лишь 10—12% студентов причисляли себя к радикалам; в то же время 68%

МОЛОДЕЖЬ — ПРОТИВ «СИСТЕМЫ»

студентов и молодых людей до 25 лет с высшим и незаконченным высшим образованием заявили о своей поддержке деятельности радикалов[52]. Через год — в мае 1970 г.— радикальные выступления в студенческих городках приобрели поистине массовые масштабы: по данным службы Харриса, 80% высших учебных заведений были затронуты движением протеста, причем 58% студентов этих вузов участвовали в протестах, а 75% сочувствовали им[53].

[52] *Yankelovich D.* The Changing Values on Campus. N. Y., 1972, p. 79, 81, 112.
[53] Campus Unrest. The Report of the President's Commission on Campus Unrest. Wash., 1970, p. 49.

Майско-июньские выступления 1970 г. стали наиболее массовыми за всю историю движения студенчества США. Главным лозунгом выступлений было требование прекращения войны в Юго-Восточной Азии. О размахе движения говорит тот факт, что занятия были прекращены более чем в 500 учебных заведениях [54].

Однако лидеры движения не смогли решить задач, вызванных размахом стихийного недовольства студенческих масс, они оказались неготовыми придать всему движению четкую политическую направленность и организационное единство. Возрастающий накал стихийной борьбы сопровождался организационным кризисом движения, приведшим к распаду СДО в 1969 г. В движении негритянской молодежи заметную роль приобрела созданная в 1966 г. леворадикальная организация «Черные пантеры».

В идеологическом отношении молодежное движение претерпело заметные изменения. Рост насилия со стороны правящих кругов США послужил причиной пересмотра леворадикальными студентами их концепции ненасильственных действий как главного тактического принципа движения. Это вызвало острые дискуссии в радикальных студенческих группах и ускорило процесс размежевания в движении, в котором обозначились три направления. Часть его представителей осталась на прежних левореформистских позициях, другая, наиболее зрелая — обратилась к марксистской теории классовой борьбы [55], третья перешла к анархистским методам «прямого действия» и индивидуального террора [56]. Следует подчеркнуть, что в отличие от Западной Европы экстремизм не играл сколько-нибудь существенной роли в американском леворадикальном движении на всех его этапах и экстремисты не пользовались влиянием в среде американской молодежи [57].

Раздробленность движения молодежи в конце 60-х годов усиливалась ростом движения хиппи, пик которого также приходится на это время. В «откровениях» духовных наставников хиппи аполитичность и богемный стиль сочетались с леворадикальной фразеологией. Проповедуя «наркотический экстаз» в качестве самого радикального средства борьбы с «системой» [58], хиппи отвлекали часть оппозиционно настроенной молодежи от активного политического протеста. Предлагаемые ими пути социального и духовного освобождения (через наркотики, «секс-революцию» и приспособленные для американского потребителя восточные религиозные культы) лишь следовали гедонистическим установкам буржуазной культуры и вели к новой зависимости от нее. Не случайно феномен хип-

---

[54] США: Студенты и политика/Отв. ред. В. С. Зорин, Л. А. Салычева. М., 1974, с. 199.

[55] См., например: *Lerner M.* The New Socialist Revolution. An Introduction to Its Theory and Strategy. N. Y., 1973.

[56] Речь идет о мелких группировках маоистско-троцкистского типа, таких, как «йиппи» (от сокращенного названия группы «IYP» — International Youth Party), «везермены» — экстремистская группа, образовавшаяся в результате раскола СДО, и др.

[57] В 1969/70 учебном году из 9400 инцидентов в кампусах лишь в 9% имели место акты насилия со стороны студентов. Даже в мае 1970 г., после расстрела в Кенте студенческой демонстрации, из 1800 колледжей, охваченных волнениями, лишь 4% выступлений сопровождались актами насилия. См.: Students Protest, p. 2.

[58] См., например, книгу популярного среди молодежи проповедника «религии наркотиков» Т. Лири (*Leary Th.* The Politics of Extasy. N. Y., 1968).

пи широко рекламировался средствами массовых коммуникаций и вскоре стал элементом буржуазной моды.

1970 год был переломным в движении политического протеста молодежи США. Достигнув зенита в мае-июне, оно во второй половине года пошло на спад. В числе причин кризиса, коренящихся в характере самого движения, следует прежде всего указать на то, что оно не смогло установить серьезные контакты с рабочим классом, хотя определенная работа в этом направлении проводилась. Несмотря на то что расовая проблема занимала одно из центральных мест в борьбе леворадикального белого студенчества, не было осуществлено подлинного единства действий и с растущим негритянским движением.

Решающую роль в сокращении массовых политических выступлений сыграл вынужденный уход американских интервентов из Юго-Восточной Азии. Многими участниками движения окончание грязной войны во Вьетнаме воспринималось как удовлетворение их основного требования. Другие факторы, оказавшие влияние на спад молодежного протеста, связаны с тактикой правящих кругов, широко использовавших сочетание самых разнообразных методов воздействия — от прямых репрессий (расстрелы демонстраций, провокации, аресты студентов) [59], экономического давления (лишение субсидий и т. п.) и дискредитации движения в общественном мнении [60] до наиболее изощренных его форм, в частности включения в официальную культуру наименее опасных для существующего строя идей протестующей молодежи.

Позицию правящих кругов США в целом по отношению к массовым движениям протеста 70-х годов выразил президент Йелского университета К. Брюстер: «Энергия, направленная на перемены, существует; она будет искать выход; она должна быть канализирована на достижение приемлемых целей» [61].

Подъем молодежного движения 60-х годов привел в США, так же как и в других странах Запада, к изменению представлений о роли молодежи в современном мире. Буржуазные концепции, прогнозировавшие рост конформизма и пассивности будущих поколений, сменил миф об «исключительности молодежи», которой якобы дано покончить со070 скернами старого мира. В этом смысле высказывались представители различных идеологических течений Запада — английский историк А. Тойнби, американский этнограф и культуролог М. Мид, американская журналистка С. Зонтаг, философ и социолог Г. Маркузе и многие другие [62]. Бунт молодых стал рассматриваться не только с позиций соци-

---

[59] В 1968/69 учебном году полиция задержала 5% студентов, а в 1969/70 учебном году — 12%. См.: Students Protest, p. 41.

[60] Американское телевидение, кинохроника, пресса смаковали немногочисленные террористические акты радикалов, в то время как наиболее важная повседневная политическая работа молодежных активистов совсем не освещалась средствами массовой информации. См.: Dissent, 1971, N 1, p. 44. Это же отмечали К. Кенистон и М. Лернер: «Массовые коммуникации передают драматические столкновения, а не куда более типичные мирные демонстрации... Террористические акты бесконечно малой группы молодежи используются для осуждения большинства студентов» (Students Protest, p. 42—43).

[61] Newsweek, 1969, Mar. 10, p. 71.

[62] *Toynbee A.* Surviving the Future. L., 1971; *Mead M.* Culture and Commitment. A Study of Generation Gap. Garden City, 1970; *Marcuse H.* The Question of Revolution.— New Left Review, 1967, N 45; *Sontag S.* Against Interpretation. N. Y., 1966.

ально-политических и культурных, но и с антропологических — как некий феномен антропологического скачка.

Творцы «мифа о молодежи» поощряли развитие мессианских тенденций в молодежном движении протеста. В их выступлениях реальные черты психологии и поведения молодежи приобретали превращенную, мифологизированную форму и в таком виде как бы заново овладевали ее сознанием. Принадлежность к возрастной группе, участие в «конфликте поколений» для многих молодых людей стало основным критерием при выяснении своего места и своей роли в обществе. Подобные умонастроения были сформулированы в лозунге молодых американских диссидентов «Не верить никому старше 30 лет». «Миф о молодежи» получил широкое распространение в кругах оппозиционно настроенной американской интеллигенции, где молодежь большей частью стала рассматриваться как новая «очистительная» общественная сила, как лидер движения, призванного сокрушить бездушную власть технократии.

Политическим вариантом этих представлений явились популярные в 60-х годах в США концепции о переходе к молодежи ведущей роли в революционной борьбе, изложенные в работах Г. Маркузе, Ч. Р. Миллса и др. и ставшие одним из основных элементов «новой левой» — идейного течения, под влиянием которого формировались мировоззренческие установки леворадикальной молодежи. Острая критика «новыми левыми» современных авторитарно-бюрократических тенденций государственно-монополистического капитализма, его общественно-политических институтов, культуры и внешней политики, акцентирование ими проблематики личности и гражданских свобод питались теми же социальными и идейно-психологическими источниками, что и молодежный протест 60-х годов. Отрицание «новыми левыми» буржуазной цивилизации в целом, равно как признание исключительной роли молодежи в борьбе за социальный прогресс, импонировало сознанию радикально настроенного студенчества, заставляя его видеть в идеях «новых левых» опору для своей общественной деятельности.

Как идейно-политическое течение «новая левая» возникла в 50-х годах вокруг издававшегося в Лондоне журнала «Нью лефт ревью» и на первых порах объединяла узкую группу оппозиционно настроенных интеллигентов. В Соединенных Штатах зарождение «новой левой» датируется рубежом 50—60-х годов и связано с деятельностью теоретического журнала «Стадиз он зе лефт». Сам термин «новые левые» получил в США распространение после опубликования «Письма к новым левым» Ч. Р. Миллса. Поскольку идеи «новых левых» были созвучны настроениям молодого поколения 60-х годов, развитие массового молодежного протеста резко изменило общественную роль «новой левой»: оно обрело широкую социальную базу, его идеологи превратились из изолированной группировки интеллигентов во влиятельных наставников протестующей молодежи.

«Новые левые» не ограничивались критикой различных сторон капиталистической действительности. Улавливая новые тенденции общественного развития, они пытались создать свою ценностную альтернативу буржуазному обществу. Однако, несмотря на ряд выдвинутых ими в общей форме конструктивных идей, таких, как гуманистические приоритеты производственной и политической деятельности, привлечение масс к управлению в политике и на производстве («демократия участия»),

социальное равенство, постановка экологической проблематики, в целом «новые левые» оказались не в состоянии предложить конкретный путь осуществления их на практике. Претендуя на абсолютную новизну своей политической философии и на исключительное обладание истиной, «новые левые» декларировали разрыв со всеми предшествующими прогрессивными идейно-политическими течениями, которые они относили к «старым левым». По существу, эти претензии были безосновательны, однако выражаемая ими идейная позиция, по справедливому замечанию американского коммуниста Дж. Проктора, «сама по себе может быть признана частью политического мировоззрения „новых левых"»[63].

«Новая левая» не представляла однородного идейно-политического явления. В ее теоретических истоках обнаруживается причудливое смешение некоторых марксистских положений с фрейдизмом (концепции репрессивного характера цивилизации и культуры), экзистенциализмом (проблематика отчуждения личности), интуитивизмом и мистическим иррационализмом. Отрицательно оценивая научно-технический прогресс независимо от его социально-политического контекста, отдельные группировки «новых левых» выступили против рационалистической традиции буржуазного сознания. В соответствии с подобными установками выдвигаемая «новыми левыми» актуальная экологическая проблематика часто приобретала в их воззрениях характер романтической идеализации стихийных сил первобытной природы.

Непосредственное влияние на формирование «новой левой» оказали теории возникшей в 20-х — начале 30-х годов в Германии Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе, Ю. Хабермас и др.), в частности концепция так называемой «диалектики отрицания», которая упрощенно толковала противоречия общественного развития, абсолютизируя борьбу противоположностей и отвергая их единство[64].

Концепция интеграции рабочего класса в структуру буржуазного общества была одной из основополагающих в идейно-политическом арсенале «новой левой». Эту концепцию развивал Маркузе.

Следует подчеркнуть, что положение об утрате рабочим классом Запада революционного потенциала не являлось изобретением Г. Маркузе и других идеологов «новой левой». Этот тезис выдвигали в США в конце 50-х годов такие буржуазные идеологи либерального толка, как Д. Белл в работе «Конец идеологии» и С. М. Липсет в книге «Человек политизированный», а также ревизионистские теоретики П. Баран и П. Сюизи. Концепция «конца» революционной идеологии была теоретически связана с социально-философской проблематикой «массового общества» и отчуждения личности в экзистенциалистской трактовке, развившейся в 40—50-х годах Х. Ортегой-и-Гассетом, Х. Арендт, Э. Фроммом, Д. Макдональдом и др. На основе этих господствовавших тогда в США течений буржуазной мысли и вместе с тем как бы в противовес им «новые левые» пытались разработать комплекс идей о так называемых «новых революционных слоях». На практике настойчиво пропагандируемое ими противопоставление спонтанной революционности молодежи, и прежде всего студенчества, «консервативности» рабочего класса, якобы утратившего навсегда свои революционные потенции в условиях со-

---

[63] Цит. по: Проблемы рабочего движения. М., 1968, с. 345.

[64] *Давыдов Ю. Н.* Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977.

временного капитализма, было использовано буржуазными и ревизионистскими идеологами в качестве одного из центральных аргументов в атаках на марксизм.

Специфика национальных условий предопределила существенные различия «новой левой» в разных странах. В частности, идейные различия между американским и западноевропейским вариантами этого течения в целом определялись противоположностью этического принципа, лежавшего в основе протеста подавляющего большинства американских радикалов, левацкому экстремизму, доминировавшему в леворадикальном бунтарстве европейской молодежи. Пересмотр в конце 60-х годов американским молодежным движением принципа ненасильственных действий в качестве единственного метода радикальных изменений социальной системы и признание необходимости революционного насилия не были тождественными левоэкстремистской абсолютизации индивидуального террора. На всех этапах движения наиболее характерным для «новой левой» США оставалось направление, связанное с национальной традицией социального прогрессизма (популизма конца XIX в., движения макрейкеров начала XX в. и др.). Это направление «новой левой» было сильно своей критикой (хотя и не всегда последовательной) современного капитализма с гуманистических, демократических позиций и постановкой ряда назревших кардинальных проблем американского общества[65].

В Соединенных Штатах влияние «новой левой» усиливалось историческими особенностями классовых конфликтов в этой стране, в частности большим, чем в Западной Европе, удельным весом непролетарских слоев в истории борьбы против крупного капитала. Вследствие этого многие компоненты «новой левой» выступают на американской почве в качестве непосредственного развития традиционных для США типов радикально-демократического сознания. В первую очередь речь идет о таких его специфических формах, как социальный утопизм и коммунитаризм, которые занимали ведущее место в идеологии американского левого радикализма 60-х годов[66].

Социальная утопия имеет на американской почве не только литературно-теоретическую традицию. Достаточно, например, вспомнить, что в XIX в. именно в США осуществлялись разного рода попытки реализовать идеи европейских утопистов в создании производственно-бытовых общин (с различной степенью обобществления, вплоть до коммун) как модели идеального общества. Общинно-коммунитарная практика в США связана и с особенностью их религиозной жизни, которая выражается в распространенном и в новейшее время феномене сект-коммун. В послевоенной Америке кризис буржуазного сознания привел к активизации общинно-коммунитарных традиций и вызвал значительное оживление коммунитарных экспериментов. Для молодежи они стали наиболее популярной формой альтернативного современному капитализму образа жизни[67].

---

[65] Критику идеологии «новых левых» см.: *Баталов Э. Я.* Философия бунта. М., 1974; *Замошкин Ю. А., Мотрошилова Н. В.* Новые левые: их мысли и настроения.— Вопр. философии, 1971, № 4; *Новинская М. И.* Национальные традиции и леворадикальное сознание.— Там же, 1975, № 5, и др.

[66] Анализ утопического сознания в США см.: *Баталов Э. Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982.

[67] В 1971 г. 36% студентов заявили о желании хотя бы временно пожить в любой коммуне, а в коммуне сельскохозяйственного типа — 49% студентов и 41% не-

Коммунитарно-утопические черты леворадикальной идеологии дополнялись сильно выраженным в ней анархическим креном.

Относительно большая, чем в Западной Европе, общественная значимость леворадикального движения 60-х годов обусловила и бо́льшую последовательность и разносторонность в постановке американскими «новыми левыми» ряда коренных проблем общественного развития. Это можно видеть на примере важного компонента идеологии «новых левых» — проблематике развивающихся стран, к которым они обращались в поисках идейно-ценностных ориентиров. Там они искали и идеал современного революционера. Однако в идеологии западноевропейской «новой левой» реалистический анализ судеб и путей развития освободившихся стран часто уступал место сложной символике, используемой в соответствии с традицией западной буржуазной мысли для противопоставления Востока Западу, для критики пороков западной цивилизации. Американские «новые левые» относились к этой проблематике не столь абстрактно, поскольку она затрагивала такие важные аспекты социально-политической жизни США, как положение черных и агрессия во Вьетнаме. Осмысление американскими левыми радикалами расовых проблем развивалось в духе демократических традиций аболиционизма.

Верность американских «новых левых» национальной демократической традиции, воплощенной в Декларации независимости и Билле о правах, прослеживается в их идеологии и практике на всех этапах. В этой связи характерен пристальный интерес американских «новых левых» к отечественной истории, которой они дали свою радикальную интерпретацию [68].

В американском молодежном движении идеи «новых левых» наиболее последовательно представляла влиятельная леворадикальная организация Студенты за демократическое общество. В программных документах СДО центральное место занимали проблемы, связанные с положением личности в современном обществе, выдвигались гуманистические приоритеты социально-политического и экономического развития.

Идеей непосредственного участия рядовых людей в решении своих судеб было проникнуто центральное положение политической программы СДО о «демократии участия», зафиксированное в его Порт-Гуронской декларации (1962). Содержание этого понятия, связанного с традицией популизма конца XIX в., лидеры СДО трактовали по-своему, подразумевая некую идеальную «систему управления, основанную на участии каждого индивида в принятии решений, затрагивающих жизненно важные для него вопросы» [69]. На практике развитие «демократии участия» должно было, по мысли молодых радикалов, происходить путем организации «контркоммун» — очагов новой морали и нового общественно-по-

---

студенческой молодежи (данные 1973 г.). См.: *Yankelovich D.* The New Morality. A Profile of American Youth in the 70's. N. Y., 1974, p. 71, 92.

[68] Обращает внимание значительное число профессиональных историков среди видных активистов движения: С. Линд, Г. Колко, Н. Поллак, Г. Зинн и др. Ряд фундаментальных исторических исследований положил начало «новой левой» историографии. Подробнее см.: *Болховитинов Н. Н.* США: Проблемы истории и современная историография. М., 1980; *Гаджиев К. С.* Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии. М., 1982.

[69] The New Radicals. A Report with Documents/Ed. by P. Jacobs, S. Landau. N. Y., 1966, p. 4.

литического устройства. Такую задачу председатель организации Студенты за демократическое общество Т. Хейден определил как «создание свободных территорий в метрополии» [70].

Следует отметить, что эта сторона политической философии радикального студенчества при всем ее утопическом характере содержала ряд положений, использующих исторический опыт местного самоуправления в США. Социальная концепция СДО базировалась на признании человеческой личности как высшей ценности и необходимости строгого подчинения не только конечных целей, но и способов их достижения принципам гуманизма. В Порт-Гуронской декларации подчеркивалось, что провозглашаемые ею коллективистские идеалы братства и тесного неформального сотрудничества членов общества не должны вступать в противоречие с принципом «уникальности индивидуальных качеств личности» [71]. Мотив свободного, спонтанного развития «естественного человека» настойчиво звучал в требованиях молодых радикалов. Буржуазная культура и господствующая мораль американского общества рассматривались ими как главные средства отчуждения и подавления личности.

Идейное содержание «новой левой» обнаруживало очевидное сходство с мелкобуржуазными мировоззренческими установками. Лежащий в их основе мелкобуржуазный идеал безграничной индивидуальной свободы со всеми сопутствующими ему социальными представлениями и способами действия оказался весьма созвучным массовым слоям интеллигенции и студенчества, в настроениях которых ностальгия по ушедшему в прошлое относительно независимому существованию мира свободных профессий сочетается с протестом против новых условий подчинения и жесткой регламентации. Однако было бы упрощением определять социальную сущность течения «новой левой» как мелкобуржуазную, поскольку, являясь идеологическим выражением социальных устремлений современной интеллигенции, она в целом представляла интересы новых общественных групп, порожденных научно-технической революцией и связанных с прогрессивными методами производства.

Молодежный протест 60-х годов в США, так же как и аналогичные движения в других развитых капиталистических странах, отражал углубление антагонизма между монополистической олигархией и большинством населения страны. Программа КПСС отмечает: «В борьбу против засилья монополий, реакционной политики правящих классов все активнее включаются интеллигенция, служащие, фермерство, представители городской мелкой буржуазии, национальных меньшинств, женские организации, молодежь и студенчество. Люди различной политической ориентации требуют положить конец милитаризации общества, политике агрессии и войны, покончить с расовой и национальной дискриминацией, ущемлением прав женщин, ухудшением положения молодого поколения, с коррупцией, хищническим отношением монополий к использованию природных ресурсов и окружающей среды» [72].

Молодежному движению в США, выступившему с этими требованиями, принадлежала заслуга в том, что оно смогло, действуя бок о бок с

[70] Dissent, 1971, N 1, p. 38.
[71] The New Radicals, p. 12—13.
[72] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 134.

движением афро-американцев за гражданские права и антивоенным движением, нанести чувствительные удары по застойной атмосфере в стране и содействовать активизации прогрессивных сил общества.

4. ДВИЖЕНИЕ ЗА МИР, ЗА ПРЕКРАЩЕНИЕ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

Подъем массового движения за мир, против агрессивной войны во Вьетнаме стал одним из серьезных факторов, вынудивших Вашингтон пойти на мирные переговоры, а затем и на полный вывод своих войск из Индокитая, оказал значительную помощь народам Индокитая в их борьбе за национальное освобождение [73].

Своими корнями движение за мир 60-х годов уходит в давние традиции антивоенной борьбы, сложившиеся в США. В конце 50-х—начале 60-х годов в ответ на новый виток в гонке вооружений, который военно-промышленный комплекс США сумел начать под фальшивым предлогом ракетного отставания от СССР, организации американских сторонников мира активизировали свою деятельность. Они выступили с требованием прекратить гонку вооружений, запретить ядерные испытания, положить конец милитаристской пропаганде.

В движение протеста включился ряд либерально настроенных общественных деятелей, создавших в 1957 г. Национальный комитет за разумную ядерную политику [74]. В 1961 г. группа женщин из состоятельных слоев Вашингтона обратилась ко всем американкам с призывом «бросить свои кухни и свою работу, поднять жителей своих кварталов на действия против угрозы ядерной войны, против заражения молока, воды и воздуха ядерными осадками, против обмана, будто можно выжить в противоатомных убежищах, расположенных на задних дворах наших домов» [75]. Более 100 тыс. женщин из 25 штатов откликнулись на этот призыв, образовав одну из наиболее активных и стабильных антивоенных организаций — «Женщины, боритесь за мир».

Уже в начале 60-х годов сторонники ненасильственных действий пытались проникнуть в зоны испытаний ядерного оружия в штате Невада и в Тихом океане (экспедиция на яхте «Феникс»), на базы атомных подводных лодок. Они организовали «сидячую демонстрацию» в помещении Комиссии по атомной энергии, направляли письма и телеграммы протеста представителям властей, вели сбор подписей под петициями, проводили демонстрации и митинги, число участников которых доходило иногда до 5—10 тыс.

В тот период слабостью движения за мир были антикоммунистические предрассудки большинства участников, их предубежденность в отношении контактов с общественностью социалистических стран, с международными организациями сторонников мира. Постепенно в ходе борьбы за прекращение агрессии во Вьетнаме (в этой борьбе активное участие принимали американские коммунисты) антивоенные организации прихо-

[73] Подробнее см.: *Ершова Е. Н.* Движение за мир, против милитаризма и войны в США. М., 1980.

[74] С 1969 г.— «Организация граждан за разумный мир» (СЕЙН).

[75] Memo. A Quarterly Publication of Women Strike for Peace, Special Commemorative Issue, 1970, Apr., p. 3.

дили к выводу о необходимости сотрудничать со всеми, в том числе и советскими, сторонниками мира.

Важной предпосылкой подъема массовой борьбы против агрессии во Вьетнаме явилась широкая дискуссия по вопросам внешней политики США, милитаризации американского общества. В начале 60-х годов был опубликован ряд работ, авторы которых выражали глубокую озабоченность по поводу возросшей опасности возникновения международного ядерного конфликта в связи с появлением все более разрушительных видов оружия массового уничтожения и совершенствования средств его доставки[76], а также сомнение в правомерности и практической целесообразности военного вмешательства США в Юго-Восточной Азии.

Движение за мир 60-х годов возникло и развивалось в неразрывной связи с общим ростом настроений социального протеста, с демократической борьбой, которой было отмечено это десятилетие, с деятельностью молодежных, женских, негритянских организаций, сыгравших заметную роль в его идеологической и моральной, а также организационной и материальной подготовке. Именно поэтому оно смогло очень быстро обрести широкий размах, успешно используя разнообразный арсенал средств и форм борьбы, накопленный другими отрядами демократического движения.

Массовые протесты против интервенции во Вьетнаме начались сразу после начала массированных бомбардировок территории ДРВ военно-воздушными силами США в феврале 1965 г. и отправки первых регулярных частей американской армии в Юго-Восточную Азию (в марте того же года). Уже в марте прошли первые антивоенные выступления. В апреле в Вашингтоне по инициативе организации Студенты за демократическое общество состоялась 25-тысячная демонстрация.

На первом этапе антивоенного движения основную роль в придании ему массового характера сыграло участие студенческой молодежи: СДО, Студенческого координационного комитета ненасильственных действий, организации «Молодежь против войны и фашизма» и др. Была создана широкая коалиция — Студенческий мобилизационный комитет за прекращение войны во Вьетнаме. Почти во всех университетах и колледжах действовали антивоенные группы. Молодежь внесла в антивоенные выступления страстность и напористость, придала им яркий эмоциональный характер.

Первой нетрадиционной акцией, которая привлекла внимание общественности, был «тич-ин», организованный 24 марта 1965 г. студентами и преподавателями Мичиганского университета в Анн-Арборе. Выступавшие перед 2,5 тыс. участников студенты и профессора вскрыли незаконный, захватнический характер вмешательства США во Вьетнаме. «Тич-ин» в Анн-Арборе послужил сигналом к началу диспутов, которые, «как пожар, охватили кампусы по всей стране»[77]. В мае они состоялись в 50 университетах и колледжах[78]. Их общие результаты, по свидетельству одного из лидеров антивоенного движения — Д. Деллинджера, наводили ужас на апологетов войны.

---

[76] *Etzioni A.* The Hard Way to Peace. A New Strategy. N. Y., 1963, и др.
[77] The Anti-Vietnam Agitation and the Teach-In Movement. Wash., 1965, p. 17.
[78] *Dellinger D.* More Power Than We Know: The People's Movement Toward Democracy. N. Y., 1975, p. 39.

15 мая 1965 г. в Вашингтоне был проведен общенациональный «тичин», в котором приняли участие несколько тысяч человек. Его заседания транслировались по телевидению более чем в 100 университетах, их передавали 30 радиостанций. Хотя на этот раз правительство направило для участия в диспуте таких опытных адвокатов своей политики, как З. Бжезинский и У. Ростоу (первый был директором Исследовательского института по проблемам коммунизма при Колумбийском университете, второй — председателем Совета госдепартамента по планированию политики), диспут вылился в демонстрацию протеста против политики Вашингтона [79].

Протест студенческой молодежи против войны во Вьетнаме носил по преимуществу морально-этический характер. Тем не менее именно молодежный протест объективно стал первым шагом на пути создания массового антивоенного движения, «он стал школой и источником радикализации для целого поколения студентов и более широких кругов обеспокоенной общественности» [80].

Недовольство вооруженным вмешательством США в дела далекой страны ширилось и среди других групп населения. При этом поражения во Вьетнаме заставляли переходить на антивоенные позиции даже часть консервативно настроенных американцев. Но эти слои не могли быть последовательными ни в своих требованиях, ни в методах их реализации.

На последовательных антиимпериалистических позициях стояла Коммунистическая партия США. С первых выступлений против войны во Вьетнаме и вплоть до окончательной победы вьетнамского народа «каждый коммунист каким-либо образом участвовал в какой-либо фазе этой борьбы» [81]. Коммунисты сумели правильно оценить вопрос о войне в комплексе других национальных проблем США. Вопреки широко распространенному среди американцев мнению, что следствием войны якобы будут всеобщая занятость, высокие заработки и новые возможности для мелких предпринимателей, коммунисты подчеркивали, что агрессия во Вьетнаме принесет «военно-экономический спад, а не военно-экономический бум» [82]. Коммунисты правильно предвидели, что антивоенный протест будет шириться, что в него вольются разные социальные слои. И действительно, уже в 1966 г. «агрессия США во Вьетнаме превратилась в критический фактор, определяющий положение на внутреннем фронте» [83]. Коммунисты требовали полного и немедленного прекращения американского вмешательства во Вьетнаме, последовательно выступали в поддержку национально-освободительной борьбы вьетнамского народа.

С точки зрения организационной антивоенное движение представляло собой пеструю и неоднородную картину. Организационная аморфность движения усугублялась влиянием «новых левых», которые возводили отсутствие единства, сплоченности и централизованного руководства в принцип, считая, что только на этом пути может быть обеспечено «прямое участие» масс в принятии и осуществлении решений. На первых порах такая позиция не мешала развитию движения вширь, однако

---

[79] The Anti-Vietnam Agitation and the Teach-In Movement, p. XIII.
[80] *Dellinger D.* Op. cit., p. 93.
[81] *Hall G.* For a Radical Change. The Communist View. N. Y., 1966, p. 41.
[82] *Hall G.* For a Meaningful Alternative. N. Y., 1967, p. 21.
[83] *Hall G.* Labor: Key Force for Peace, Civil Rights and Economic Security. N. Y., 1966, p. 15.

в дальнейшем стало ясно, что без организационного оформления и четкой идейной направленности даже самые мощные спонтанные вспышки массовой борьбы не могут превратиться в долговременный политический фактор. Серьезно затрудняли деятельность антивоенных сил ультралевые организации и группы, которые в вопросе о войне во Вьетнаме стояли на сектантских позициях.

Идейная пестрота и организационная раздробленность антивоенного движения неизбежно порождали многочисленные трудности. Стремясь преодолеть их и сделать борьбу более эффективной, руководители ряда организаций неоднократно пытались сплотить все антивоенные силы, скоординировать их деятельность.

Первая такая попытка была предпринята в августе 1965 г., когда в Вашингтоне был образован Национальный координационный комитет за прекращение войны во Вьетнаме, в состав которого вошли представители 150 местных антивоенных комитетов, религиозных и пацифистских организаций, а также СДО, Студенческого координационного комитета ненасильственных действий, СЕЙН, Союза студентов за мир, организации «Молодежь против войны и фашизма» и др. Принципиальное значение имело участие в нем членов Коммунистической партии США и «Клубов Дюбуа». Координационный комитет действовал до конца 1966 г. и был инициатором большинства антивоенных выступлений, в том числе 40-тысячной демонстрации в Вашингтоне в ноябре 1965 г.[84] В октябре 1965 и марте 1966 г. комитет провел дни протеста против войны во Вьетнаме, в которых участвовало около 100 тыс. человек[85].

1967 год был отмечен еще более массовыми и представительными выступлениями, организатором которых стал созданный в конце 1966 г. Весенний мобилизационный комитет за прекращение войны во Вьетнаме и ставший его преемником с середины 1967 г. Национальный мобилизационный комитет за прекращение войны во Вьетнаме, который, подобно своему предшественнику, объединял около 150 различных демократических организаций, но в то же время имел серьезные отличия: в нем участвовали местные отделения профсоюзов. Пиком весенних выступлений стали массовые демонстрации в Нью-Йорке в Сан-Франциско, которые показали резкий рост антивоенного протеста и по размаху, глубине, и по характеру. Число участников демонстрации в Нью-Йорке превысило 100 тыс. (по некоторым данным, 300 тыс.), в Сан-Франциско — 20 тыс. На смену весенним демонстрациям пришло «вьетнамское лето» 1967 г., когда около 30 тыс. студентов-добровольцев посвятили каникулярные месяцы антивоенной работе в более чем 700 городах США[86].

Впервые за многие годы коммунисты получили возможность открыто участвовать в массовых уличных манифестациях. По словам видного деятеля КП США Арнольда Джонсона, это знаменовало возобновление открытого участия партии в политической жизни страны.

Продолжала расширяться социальная база движения — в него активнее стали включаться представители национальных меньшинств и рабочего класса. В марте 1967 г. съезд Южной конференции христианского

[84] The New Left. A Documentary History/Ed. by M. Teodori. N. Y., 1969, p. 480.
[85] Circular Letter of the National Coordinating Committee to End the War in Vietnam, January 1966. S. l., s. a.; Peace and Freedom. 1966, Mar. 7, p. 1.
[86] The New Left. A Documentary History, p. 480—481.

руководства принял резолюцию, требующую остановить войну во Вьетнаме. В июле того же года съезд Конгресса расового равенства осудил эту войну как геноцид. В антивоенных выступлениях активно участвовали члены партии «Черные пантеры», пуэрториканской организации «Молодые боги», мексиканской «Коричневые береты».

Исключительно важное значение имело присоединение к антивоенному протесту М. Л. Кинга, отразившее рост антивоенных настроений среди негритянского населения. Выступая в Риверсайдской церкви Нью-Йорка через 10 дней после апрельских антивоенных демонстраций, Кинг провозгласил знаменитую «Декларацию независимости от вьетнамской войны», предприняв тем самым попытку слить воедино движение за гражданские права с другими потоками демократической борьбы, что в случае успеха имело бы огромное значение для судеб демократических сил США. Не без основания, как писал Деллинджер, ряд лидеров антивоенного движения считали, что, «если бы Кинг ограничился в своей деятельности борьбой за гражданские права и подтвердил веру в либерально-демократический истэблишмент, он, возможно, был бы жив и сегодня. Но его союз с антивоенным движением и растущий интерес к движению масс за экономическую справедливость вызвали панику в правительственных кругах и теневых центрах власти, действующих как внутри, так и вне официального, видимого правительства» [87].

Качественным сдвигом в развитии антивоенной борьбы стал активный протест против призыва в вооруженные силы, а затем и сопротивление ему. В прогрессивной американской литературе он получил название перехода «от протеста к сопротивлению». Отказ от службы в армии не по религиозным, а по моральным или политическим мотивам соединял в себе протест против конкретной империалистической войны и против милитаристской машины в целом.

В 1966 г. прошел ряд конференций, посвященных борьбе против призыва. Наиболее значительной была конференция «Студенчество, университет и призыв», состоявшаяся в октябре в Нью-Йорке. Крупнейшие молодежные организации заявили об «оппозиции любой форме обязательного призыва... который используется Соединенными Штатами для угнетения людей в США и во всем мире» [88]. Как бы откликаясь на это обращение, в 1967 г. (в апреле, октябре и декабре) в ходе многих массовых антивоенных демонстраций молодые люди публично сжигали свои призывные карточки или возвращали их властям [89]. Они подвергали себя серьезной опасности, так как еще в августе 1965 г. был принят закон, в соответствии с которым виновные в таких действиях или в подстрекательстве к ним приговаривались к тюремному заключению до 5 лет. К лету 1967 г. в различных районах страны активно действовало более 40 антипризывных организаций [90].

К 1966 г. относятся и первые случаи антивоенного протеста в рядах вооруженных сил США. Наибольшую известность получило «дело троих из Форт-Худа» — отказ пуэрториканца Д. Моры, черного Д. Джонсона и белого Д. Самаса, служивших на военной базе Форт-Худ (штат Техас),

---

[87] *Dellinger D.* Op. cit., p. 7.
[88] New Left Notes, 1967, Jan. 13.
[89] *Useem M.* Conscription. Protest and Social Conflict. The Life and Death of a Draft Resistance Movement. N. Y., 1973, p. 3.
[90] *Feber M., Lynd S.* The Resistance. Boston, 1971, p. 64.

подчиниться приказу об отправке во Вьетнам. Они публично заявили, что не будут «воевать ради грязных денег военных промышленников... ради того, чтобы корпорации США могли превратить народ и ресурсы Вьетнама в свою собственность» [91], и обратились к антивоенным организациям за поддержкой. Их выступление помогло многим солдатам американского экспедиционного корпуса во Вьетнаме понять свое место в антивоенном движении, его подлинный смысл и значение.

Антивоенные выступления «вьетнамского лета» 1967 г. разворачивались на фоне бурных событий, которыми был отмечен подъем массовых движений социального протеста. Бунты, взрывы возмущения против расового гнета и полицейского террора сотрясали гетто американских городов. Они переплетались с подъемом гражданской активности молодежи. Кульминацией стал так называемый «поход на Пентагон» 21 октября 1967 г., в котором приняло участие около 200 тыс. человек [92]. Инициатором и организатором похода был Национальный мобилизационный комитет за прекращение войны во Вьетнаме.

«Поход на Пентагон» был одной из высших точек антивоенной борьбы как по масштабам, так и по своему влиянию на широкую общественность. Демонстранты призывали солдат, оцепивших здание, брататься, девушки вставляли цветы в дула их ружей. В ответ были пущены в ход газ и дубинки, несколько десятков человек были ранены, более 600 арестованы, в том числе известные общественные деятели доктор Бенджамин Спок, писатель Норман Мейлер, католический священник Дэниэл Берриган. У стен Пентагона антивоенное движение продемонстрировало возросшую массовость и организованность, а главное — готовность к использованию более решительных средств борьбы. Впервые применив метод массового гражданского неповиновения, оно пошло по пути «решительного сопротивления, а не пассивного несогласия или подачи петиций» [93].

Из опубликованных впоследствии секретных документов Пентагона стало известно, что уже в 1967 г. правительство боялось, что дальнейшая эскалация военных действий во Вьетнаме может привести к массовому гражданскому неповиновению, особенно ввиду «оппозиции войне со стороны молодежи, непривилегированных, интеллигенции и женщин» [94]. В результате впервые за все годы войны президент Л. Джонсон отказался удовлетворить просьбу военных о посылке дополнительных контингентов во Вьетнам.

«Поход на Пентагон» стимулировал антивоенные выступления по всей стране, в первую очередь в университетах. По данным Национальной студенческой ассоциации, за последующие 6 месяцев в 110 университетах и колледжах состоялась 221 демонстрация, всего же за 1967/ /68 учебный год было 3463 антивоенных протеста в кампусах [95].

Сложившаяся в 1966—1967 гг. обстановка свидетельствовала о резком углублении политической поляризации во всех слоях общества по

---

[91] Fort Hood Three. N. Y., 1966, p. 15.
[92] Worker, 1967, Oct. 24.
[93] *Dellinger D.* Op. cit., p. 53.
[94] US — Vietnam Relations, 1945—1967. Study Prepared by the Department of Defense, Book 5 of 12. Wash., 1971, vol. 2. p. 147.
[95] *Dellinger D.* Op. cit., p. 54.

вопросу о войне во Вьетнаме. Антивоенное движение 1965—1967 гг. показало силу и возможности массового протеста против политики эскалации агрессии, оно привлекло внимание всего народа к скрытым пружинам и подлинным мотивам этой политики.

1968 год начался для американцев с психологического шока, когда в конце января они увидели на экранах своих телевизоров бойцов Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, ведущих бои на территории посольства США в Сайгоне. Восклицание популярного телекомментатора Уолтера Кронкайта: «Что же это делается? А я-то думал, мы побеждаем!» — отражало умонастроения миллионов американцев, которые верили победным заявлениям президента Джонсона. Именно после этого наступления, как свидетельствуют данные опросов общественного мнения, против продолжения войны высказалось уже более 50% американцев, и с тех пор этот процент неуклонно рос.

К концу 60-х годов на экономике страны начали сказываться негативные последствия войны. Ускорился рост инфляции, возросли валютно-финансовые трудности. Становилось очевидным, что подъем экономической конъюнктуры, основанный на военном производстве, не может быть ни прочным, ни длительным. Растущее понимание антивоенными активистами неразрывной связи между войной во Вьетнаме и внутренними кризисными проблемами американского общества проявлялось уже не только в заявлениях и требованиях, но и в конкретной деятельности демократических сил. Летом 1968 г. Национальный мобилизационный комитет принял активное участие в подготовке и проведении похода бедноты на Вашингтон.

В военных действиях во Вьетнаме участвовала уже полумиллионная американская армия. Общие ее потери только убитыми превысили 20 тыс. Ширилась наркомания среди солдат и офицеров. Росло число военных преступлений. Мировое общественное мнение заклеймило позором американский империализм. Престиж страны в глазах мирового сообщества резко упал.

С середины 60-х годов недовольство войной, ее последствиями все шире распространялось и в рядах рабочего класса, однако эти настроения не всегда бросались в глаза. Вплоть до 1967 г. американская общественность судила о позиции рабочего класса в основном по воинственно шовинистическим заявлениям Дж. Мини и других профбюрократов. К тому же и официальная пропаганда прилагала немалые усилия, чтобы убедить публику, будто рабочие в первую очередь составляют то самое «молчаливое большинство», на поддержку которого и опирается правительство главным образом.

В 1967 г. положение меняется. Резолюции, осуждающие войну и призывающие к переговорам с участием представителей НФО Южного Вьетнама, были приняты съездами ряда крупных профсоюзов. Несогласие с позицией клики Мини в вопросе о войне, об отношении к политике правительства в Юго-Восточной Азии побудило один из крупнейших профсоюзов — рабочих автомобильной и аэрокосмической промышленности — не посылать свою делегацию на съезд АФТ—КПП в 1967 г., а затем и выйти из этого профобъединения. У. Рейтер и другие лидеры этого профсоюза исходили не из недопустимости империалистических захватнических войн, а упирали на отрицательное влияние данной — вьетнамской — войны на положение американских трудящихся. Позиция

этой группы профлидеров способствовала включению рабочего класса в антивоенное движение.

В том же направлении действовали комитеты «Члены профсоюзов за мир» и профсоюзное отделение СЕЙН, созданные еще в 1966 г. В 1967 г. по их инициативе была созвана Ассамблея профсоюзного руководства в защиту мира. Более 500 представителей от 50 профсоюзов, в том числе профсоюзов рабочих автомобильной промышленности, швейников, рабочих мясной и консервной промышленности, заявили о своем разрыве с курсом руководства АФТ—КПП в вопросе о войне, потребовали от правительства начать переговоры о ее прекращении и наметили программу антивоенных действий.

Хотя созданная этой ассамблеей сеть местных отделений так и не смогла в дальнейшем превратиться в постоянно действующую организующую антивоенную силу в рабочем классе, тем не менее ассамблея нанесла серьезный удар по фальшивой пропаганде, утверждавшей, будто рабочие — самые большие «ястребы» среди всех слоев общества и что руководство профсоюзов единодушно поддерживает войну во Вьетнаме. Разбив монолитную промилитаристскую позицию руководства АФТ—КПП, ассамблея, по словам американского историка Ф. Фонера, ознаменовала начало нового этапа в рабочем движении и в борьбе за мир. Этот этап был отмечен стремлением к «союзу рабочего движения с силами, борющимися за прекращение войны во Вьетнаме» [96].

Учредительная конференция Объединения профсоюзных действий (ОПД) выступила за немедленное прекращение войны во Вьетнаме, а также выдвинула ряд антивоенных и антимилитаристских требований: приступить к эффективному ведению переговоров с Советским Союзом по вопросу о сокращении вооружений, объявить мораторий на испытание и распространение стратегического ядерного оружия, начать перевод американской экономики на рельсы гражданского производства при гарантии обеспечения занятости рабочим, заработки которых зависят от производства военной продукции, сократить инфляционный «военный» бюджет на 20 млрд. долл. ОПД участвовал во всех основных антивоенных выступлениях 1969 г. Это профобъединение сделало серьезный шаг на пути сотрудничества рабочего движения США с организациями сторонников мира.

Нарастала антивоенная активность и студенческой молодежи. В Колумбийском, Стэнфордском, Корнеллском, Гарвардском, Йелском, Денверском, Чикагском и других университетах студенты наряду с общедемократическими и антирасистскими выдвигали антивоенные и антимилитаристские требования. Молодежь не только требовала прекращения войны во Вьетнаме, прекращения призыва в армию, отмены программы подготовки офицеров запаса в университетах, но и настаивала на разрыве связей университетов с военно-промышленным комплексом и запрещении деятельности вербовщиков из армии и ЦРУ в кампусах. Рядовое студенчество горячо поддержало требование положить конец кабальной зависимости высшей школы США от военной машины, предать гласности секретные исследования университетов, ведущиеся по военным контрактам, настаивало на их разрыве.

Антивоенные настроения росли не только среди молодежи, но и ох-

---

[96] *Foner Ph.* American Labor and the Indochina War, p. 21.

ватывали все возрастные категории. Опросы Гэллапа показывают, что уже в середине 1967 г. более 50% людей старше 50 лет считали войну во Вьетнаме ошибкой [97]. Подобные настроения начали распространяться и среди части буржуазии. Раскол в правящих кругах по вопросу о войне во Вьетнаме свидетельствовал о серьезном политическом кризисе, переживаемом страной. Ряд деятелей, принимавших активное участие в планировании и проведении агрессии в Юго-Восточной Азии, именно в эти годы пришли к выводу о бесперспективности продолжения войны, слишком дорогой ее цене для Соединенных Штатов. С призывом к переоценке американской внешней политики выступил видный деятель администрации Кеннеди М. Банди. Серьезные сомнения в целесообразности продолжать войну во Вьетнаме сыграли немалую роль в решении Макнамары уйти в отставку. Да и в стенах конгресса все чаще стали раздаваться антивоенные речи [98].

Либеральные круги, боясь активных действий масс, старались придать движению антивоенного протеста в какой-то мере «респектабельный» характер. Тысячи «средних американцев», осуждавших войну, но не решавшихся открыто высказывать свои взгляды, также включились в антивоенное движение. Однако их позиция не была последовательной. Осуждая правительство за затягивание войны, они все еще возлагали на него надежды, рассчитывая, что именно администрация внемлет здравому смыслу. Вот почему настроения этой массы отличались двойственностью, постоянными колебаниями в зависимости от военных сводок и политических зигзагов Белого дома.

Часть либеральных деятелей стремились использовать массовый антивоенный протест в своих целях и не дать ему превратиться в самостоятельную политическую силу. Сенатор Ю. Маккарти откровенно признавал, что видит свою роль в том, чтобы помочь американцам «преодолеть растущее чувство отчуждения» [99], найти выход из положения в рамках двухпартийной системы.

Антивоенные настроения сказались в ходе избирательной кампании 1968 г. Подтвердилась правота КП США, которая предсказывала, что «любое мнение, будто можно проводить выборы, игнорируя вопрос войны, любая тактика, основанная на предположении, что другие вопросы заслонят войну, или любая идея, будто можно вступать в политические соглашения, не принимая во внимание центрального вопроса о войне, не реальны» [100].

В августе 1968 г., когда в Чикаго проходил национальный съезд демократической партии, в городе состоялись многочисленные антивоенные демонстрации. В них приняли участие как либерально настроенные сторонники сенатора Маккарти, так и радикалы, которые считали, что подобные выступления должны показать самостоятельность антивоенного движения, его независимость от так называемых «кандидатов мира» [101]. В эти августовские дни власти широко применили полицейские репрессии, продемонстрировав весь арсенал средств борьбы с демократической оппозицией. В состояние боевой готовности были приведены 12 тыс. чикаг-

---

[97] Public Opinion, 1980, Dec.— 1981, Jan., p. 10.
[98] The Vietnam Legacy/Ed. by A. Lake. N. Y., 1976, p. 199.
[99] New York Times, 1967, Dec. 1.
[100] *Hall G.* Toward a Peace Ticket in 1968. N. Y., 1967, p. 14.
[101] The Politics of Protest. A Report Submitted by J. H. Skolnick. N. Y., 1969.

ских полицейских, пожарные команды и агенты секретных служб, в Чикаго были стянуты 6 тыс. национальных гвардейцев и 6 тыс. солдат регулярных воинских частей. Между тем число демонстрантов, даже по официальным данным, не превышало 10 тыс. Хотя на проведение демонстраций антивоенные организации получили разрешение городских властей, полиция разгоняла их участников, применяя дубинки и слезоточивый газ.

Демонстрации в Чикаго и реакция на них общественности показали, что протест против агрессии во Вьетнаме принял действительно массовый характер. Расширилась социальная база движения, охватив представителей всех классов и социальных групп. В США в эти годы «сложилась необычная ситуация, когда несостоятельность курса империалистической политики... начала становиться очевидной и многим представителям правящего класса этой страны» [102]. Антивоенное движение в процессе этого прозрения сыграло очень важную роль.

5. ЗА ЕДИНСТВО И СПЛОЧЕННОСТЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ

Для Коммунистической партии США вторая половина 60-х годов явилась переломным периодом. Вопреки полицейским преследованиям ей удалось противостоять наступлению реакции. Она сохранила организационное единство, окрепла идеологически. В 1964 г. Верховный суд США признал противоречащей конституции статью закона Маккарена, запрещавшую выдачу заграничных паспортов коммунистам, а также отменил статью закона Лэндрема — Гриффина, лишавшую коммунистов права занимать выборные должности в профсоюзах. В связи с этим Г. Холл заявил: «Коммунисты — члены профсоюзов имеют за своими плечами долгую и славную историю честного и боевого служения своим профсоюзам на многих руководящих постах. Члены профсоюзов могут снова без страха наказания выбирать коммунистов тогда, когда они будут убеждены, что это наилучшим образом будет служить их собственным интересам. Это является победой демократии» [103].

Активная деятельность партии, ее открытые смелые выступления в защиту интересов трудящихся, участие в движении против войны во Вьетнаме, против наступления правых сил в стране, поддерживавших кандидата на пост президента сенатора-республиканца Б. Голдуотера, привлекли внимание передовой американской общественности. Интерес к партии и ее деятельности неуклонно рос.

Руководители КП США стали получать все больше приглашений выступить на открытых форумах с изложением позиции партии по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики. Выход партии из изоляции, в которой она находилась много лет, потребовал от нее четко определить свои задачи. Нужна была программа, отражающая происшедшие за послевоенный период перемены, особенности переживаемого стра-

---

[102] *Арбатов Г.* Внешняя политика США и научно-техническая революция.— США — экономика, политика, идеология, 1973, № 10, с. 9.

[103] Цит. по: Вехи боевой истории: 60 лет Коммунистической партии США. М., 1983, с. 285.

ной момента, научная оценка главных тенденций социально-экономического и политического развития страны.

Проект такой программы, разработанный специальной комиссией Национального комитета КП США, был представлен XVIII съезду партии, состоявшемуся 22—26 июня 1966 г. в Нью-Йорке. Это был первый легальный съезд за последнее 20-летие. Съезд проходил под лозунгом «За радикальные изменения». Рассматривался представленный комиссией НК

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ КОМПАРТИИ США ГЭС ХОЛЛ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМПАРТИИ США ГЕНРИ УИНСТОН

проект новой Программы партии. В качестве одной из главных задач партии выдвигалось расширение фронта борьбы против агрессивной политики американского империализма, в частности против продолжавшейся войны во Вьетнаме. Съезд в целом одобрил проект Программы, рассмотрел критические замечания и принял решение провести широкую дискуссию в партии.

Партия решила также использовать предстоящую избирательную кампанию 1968 г. для того, чтобы сделать первые шаги по пути претворения в жизнь идеи создания единого фронта демократических сил. В этой связи особое внимание XVIII съезд Компартии уделил организационному и идеологическому укреплению партийных рядов. Г. Холл, в частности, в отчетном докладе подчеркнул важность самой решительной, бескомпромиссной борьбы против всякого отхода от марксизма-ленинизма.

Съезд принял новый Устав партии. В нем было записано, что Коммунистическая партия является политической организацией рабочего класса, теория которой основывается на принципах научного социализма —

принципах марксизма-ленинизма. Главная задача партии, говорилось в Уставе,— борьба за непосредственные интересы рабочих, фермеров, черного населения и всех трудящихся. В Уставе подчеркивалось, что ликвидация эксплуатации человека человеком, нищеты, войн, расизма может быть достигнута только при социализме. Компартия заявила, что считает возможным мирный демократический путь к социализму путем развертывания массовой политической и экономической борьбы народа.

Съезд выразил солидарность с вьетнамским народом и подчеркнул, что Компартия будет усиливать борьбу против преступной агрессии США во Вьетнаме и вовлекать в эту борьбу различные слои американского народа. В резолюции о положении в Латинской Америке выражался протест против американской вооруженной интервенции в Доминиканскую Республику и вмешательства американского империализма в дела других латиноамериканских стран. Решительно осуждалась провокация против Кубы, и выдвигалось требование ликвидации военной базы США в Гуантанамо.

На съезде было принято решение переименовать орган Компартии газету «Уоркер» в «Дейли уорлд» и в целях усиления идеологической работы преобразовать ее в ежедневный орган. В составе избранного Национального комитета партии почти треть были недавно пришедшие в партию молодые люди. Национальным председателем Компартии был избран Генри Уинстон, Генеральным секретарем — Гэс Холл.

Говоря о новом этапе деятельности КП США, Г. Холл заявил: «Партия вырвалась из своей политической изоляции... Мы являемся определенным фактором в левом крыле каждого массового течения в стране. Общая политика и тактическая линия, намеченные партией, являются правильными» [104].

Съезд мобилизовал партию на активное участие в политической борьбе: в антивоенном движении, в борьбе черных. Коммунисты были в первых рядах манифестаций, проходивших весной 1968 г. в связи с убийством Мартина Лютера Кинга. Они призывали всех белых американцев, обеспокоенных судьбой страны, задуматься о своей ответственности за преступления расизма. Компартия предлагала руководителям профсоюзов критически отнестись к проводимой ими политике в расовом вопросе и включиться в решительную борьбу за гражданские свободы, против джимкроуизма.

На выборах 1968 г. Компартия принимала участие как самостоятельная политическая организация, выдвинувшая собственных кандидатов на посты президента и вице-президента. Для обсуждения вопроса об участии в президентской избирательной кампании и о выработке предвыборной программы был созван внеочередной съезд Компартии США, который состоялся 4—7 июля 1968 г. в Нью-Йорке. В центре внимания этого съезда был доклад Генерального секретаря партии Г. Холла, в котором он подвел первые итоги дискуссии по проекту Программы партии. Дискуссия по Программе шла уже почти 2,5 года. Хотя в целом большинство членов партии, отметил Г. Холл, признавали, что проект Программы отражал реальное положение вещей, что это «революционный марксистско-ленинский документ» [105], в партии существовало мне-

---

[104] *Hall G.* For a Radical Change, p. 66.
[105] *Hall G.* The Path to Revolution. The Communist Programm. N. Y., 1968, p. 8.

ние, что дискуссию необходимо продолжать. Такие важные проблемы, как проблема антимонополистической коалиции, освободительное движение черных и роль рабочего класса, требовали дальнейшего обсуждения.

Г. Холл подверг самой резкой критике антимарксистские взгляды тех, кто принижал роль рабочего класса в борьбе за демократию и социализм, против расизма и войны. Он подчеркнул, что Программа партии отводит рабочему классу в борьбе за интересы трудящихся главную роль и партия отвергает теорию о каком-то «новом рабочем классе», означавшую, что рабочий класс якобы утратил способность осуществить свою историческую миссию. Необходимо четко уяснить, подчеркнул Г. Холл, что «всякое предположение, что борьба против монополистического капитализма может быть успешной без активной роли в ней рабочего класса, является роковой ошибкой» [106].

Доклад о предстоящей избирательной кампании сделал Генри Уинстон. Он отметил, что неотложная задача коммунистов состоит в том, чтобы объединить усилия самых широких масс, всех, кто заинтересован в предотвращении новой войны. Особое внимание Г. Уинстон уделил также проблеме создания антимонополистической коалиции, выдвинутой и в проекте Программы партии, и в отчетном докладе Г. Холла.

Съезд принял решение выдвинуть кандидатом на пост президента члена руководства партии Шарлин Митчел, на пост вице-президента — руководителя нью-йоркской организации Майкла Загарелла. В ходе избирательной кампании предполагалось проведение предвыборных митингов, выступлений кандидатов Компартии по радио и телевидению. Это должно было стать первым открытым общением коммунистов с массами.

Встревоженная активизацией деятельности Компартии, реакция усилила нападки на нее. Пресса была полна самых невероятных измышлений, не прекращались и террористические акты против членов руководства. Тем не менее предвыборные митинги Компартии всюду собирали тысячи людей.

В ходе избирательной кампании Компартии пришлось выдержать натиск врагов как извне, так и изнутри. Реакция подняла шумную антисоветскую кампанию в связи с ликвидацией контрреволюционной вылазки в Чехословакии летом 1968 г. Компартия США в первые же дни этих событий с марксистско-ленинских классовых позиций дала оценку этим событиям и высоко оценила интернациональную помощь СССР и других социалистических стран с целью предотвратить кровавую трагедию в этой стране.

Компартия проводила кампанию во всех штатах страны, но право зарегистрировать своих кандидатов в избирательные бюллетени она смогла получить только в двух штатах и федеральном округе Колумбии, т. е. в столице. Участвуя в выборах президента со своим кандидатом впервые после 28 лет, Компартия не питала никаких иллюзий относительно результатов голосований. Коммунисты считали важным использовать представившуюся возможность для широкой пропаганды своей Программы, своих взглядов. Была развернута широкая пропаганда борьбы против ультраправых сил, которые представляли серьезную опасность. Как отмечал Г. Холл, проявление расистского ультраправого движения было новым опасным признаком в этой избирательной кампании. «Это гораздо

---

[106] Ibid., p. 18.

больше, чем просто кампания Уоллеса,— говорил Г. Холл на XIX съезде Компартии США в мае 1969 г.— это, как можно было легко видеть, открытое, близкое к фашистскому по своему характеру движение, которое не исчезло после выборов. Девять миллионов голосов, полученных Уоллесом, сигнализируют о серьезной опасности. Они показывают, как можно ввести в заблуждение некоторые слои нашего народа, включая слои рабочего класса, путем пропаганды расизма, джингоизма и чудовищной демагогии» [107].

Говоря об участии Коммунистической партии США в избирательной кампании 1968 г., Г. Холл заявил: «Президентская кампания Коммунистической партии положила конец прошлой изоляции. Несмотря на все недочеты кампании коммунистов, она была событием первостепенной важности... Борьба за избрание коммунистических кандидатов должна продолжаться, и она должна быть объединена с легальной и массовой борьбой против антикоммунистических избирательных законов» [108].

XIX съезд Компартии, состоявшийся 30 апреля — 4 мая 1969 г., стал крупной вехой в деле укрепления позиции партии и усиления влияния в массах. В центре внимания съезда были вопросы единства демократических сил и роли рабочего класса в борьбе за него. На съезде отмечалось, что в стране идет процесс радикализации рабочего класса и одним из важных показателей этого процесса является быстрый рост организованного движения рядовых членов профсоюзов. Г. Холл в отчетном докладе высоко оценил сам этот факт. Он подчеркнул, что это движение «демократизирует и возрождает к жизни профсоюзное движение, делая его боевым инструментом рабочих против монополий и выдвигая руководство, которое отвергает политику классового сотрудничества и борется за основные требования трудящихся» [109].

Процесс радикализации американского пролетариата получил наибольшее развитие в рядах черных рабочих. Это был самый активный сектор как в своем классе, так и в негритянском народе. Продолжая борьбу за уничтожение расовой сегрегации и дискриминации, они перешли к борьбе за экономическое и политическое равенство. Появилась тенденция координации этого движения с борьбой всего рабочего класса.

Компартия США ставила своей целью освободить движение черных от влияния анархизма и националистических предрассудков. Одновременно съезд призвал к бескомпромиссной борьбе против белого шовинизма и расизма как среди промышленных рабочих, так и в самой партии.

На предыдущем, внеочередном съезде, как это было уже отмечено, правые и «левые», отрицавшие значение антимонополистической борьбы в качестве необходимого этапа в борьбе за демократию и социализм, получили должный отпор, всякая фракционность была решительно осуждена. Но на XIX съезде фракционеры вновь решили атаковать политическую линию партии. Съезд абсолютным большинством голосов решительно отверг предложенные оппозицией резолюции. Делегаты в своих выступлениях требовали принятия мер против тех, кто вносит в ряды партии дезорганизацию, нарушает ее единство.

---

[107] *Hall G.* The Revolutionary Process. Report to 19th National Convention, April 30 — May 4, 1969. N. Y.. 1969, p. 69.
[108] Ibid., p. 70.
[109] Ibid., p. 39.

Главная политическая резолюция четко и ясно излагала позицию партии по международным и внутренним проблемам. Съезд принял новую Программу партии, завершив таким образом дискуссию, продолжавшуюся более трех лет. В новом Уставе партии было дано более четкое, чем в предыдущем, определение сущности демократического централизма[110], внесены некоторые изменения, касающиеся организационных вопросов. Так, было признано необходимым проводить съезды партии раз в четыре года, а не в два, как было прежде. Национальный комитет переименовывался в Центральный Комитет. Создавался также Национальный совет с правом совещательного голоса. В его состав избирались как ветераны Компартии, члены НК и провинциальных комитетов партии, имеющие большой опыт работы, так и молодые коммунисты, для которых участие в работе Совета должно было стать школой подготовки к руководящей деятельности. Среди членов ЦК 45% составляли рабочие новых отраслей промышленности, свыше 30% — лица моложе 35 лет, 48% — представители национальных меньшинств. Вновь коммунисты доверили пост Генерального секретаря партии Г. Холлу, пост Национального председателя — Г. Уинстону.

Сразу после съезда Гэс Холл, Генри Уинстон, Джеймс Джексон, Хелен Уинтер вылетели в Москву на Международную конференцию коммунистических и рабочих партий, которая состоялась 5—17 июня 1969 г. Г. Холл выступил на ней с горячей речью в защиту принципов пролетарского интернационализма, против опасности оппортунизма и происков классового противника, направленных на подрыв единства стран социализма с другими силами, выступающими против империализма.

Первые же месяцы после XIX съезда показали рост влияния Коммунистической партии США в массовых движениях социального протеста. Ее участие в качестве ведущей политической силы в борьбе против войны во Вьетнаме, за права негритянского, мексиканского, пуэрториканского народов, спасение жертв полицейских репрессий, за экономические права рабочего класса заметно способствовало укреплению связей коммунистов с массами.

Важным событием стало создание марксистской молодежной организации. В феврале 1970 г. в Чикаго по инициативе Компартии был созван съезд прогрессивных групп молодежи, той ее части, которая разочаровалась в «новых левых» и стремилась сблизиться с марксизмом, чтобы найти ответы на волнующие ее проблемы. Здесь и была учреждена марксистская молодежная организация — Союз молодых рабочих за освобождение.

В деятельности Компартии в этот период большое значение играла кампания за спасение одного из видных деятелей освободительного движения черных, крупного американского ученого-марксиста, философа Анджелы Дэвис. «Дело Анджелы Дэвис», сфабрикованное ФБР, напоминало то, что случилось с Томом Муни, юношами из Скотсборо, супругами Розенберг. Оно превратилось в международное событие огромной важности. Благодаря мужественной борьбе коммунистов и других прогрессивно настроенных американцев, благодаря международной солидарности

---

[110] *Winston H.* Build the Communist Party. The Party of the Working Class. N. Y., 1969, p. 23.

демократических сил жизнь А. Дэвис была спасена. Ее освобождение из рук тюремщиков символизировало тот факт, что борьба народных сил против реакции поднялась на новую ступень.

6. НАРАСТАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Заключительный период пребывания администрации Джонсона у власти проходил в обстановке нарастания социально-политической нестабильности, вызванной переплетением различных факторов. Сложные и многообразные внутренние проблемы — расовые конфликты, «кризис городов», проблемы молодежи, рост преступности и т. д.— достигли невиданной остроты. Однако главным катализатором общественного недовольства была агрессия США во Вьетнаме. Известный американский исследователь Т. Уайт, останавливаясь на особенностях политической обстановки в США конца 60-х годов, отмечал, что если ранее американцы полагали, что их страна обладает неограниченной мощью, то «в 1968 г. эта вера была разрушена, миф об американской мощи разбит, доверие американского народа к своему правительству, институтам, руководству было подорвано, как никогда с 1860 г.» [111].

Разочарование в буржуазной системе ценностей, в государственных институтах, двухпартийной системе достигло таких масштабов, что американские специалисты по изучению общественного мнения вынуждены были констатировать углубляющийся кризис доверия к правительственным институтам [112]. Служба Л. Харриса свидетельствовала, что в марте 1968 г. 39% опрошенных считали, что со страной происходит что-то неладное и что это не очередная кризисная ситуация, подобная тем, какие бывали в прошлом. А еще через три месяца, отмеченные политическими убийствами М. Л. Кинга, Р. Кеннеди, новыми взрывами массового возмущения и протеста, процент аналогичных ответов поднялся до 66 [113].

Атмосфера кризиса не могла не сказаться на ходе предвыборной кампании 1968 г. и результатах выборов. Уже на начальной стадии предвыборного марафона, во время первичных выборов (праймериз) в Нью-Гэмпшире сенатор-демократ Ю. Маккарти, поставивший во главу угла своей предвыборной кампании лозунг прекращения войны во Вьетнаме, добился значительного успеха [114]. И хотя в абсолютных цифрах президент Л. Джонсон получил большее число голосов, результаты праймериз в Нью-Гэмпшире были расценены как неоспоримое свидетельство растущего недовольства политикой Джонсона, особенно его курсом во Вьетнаме. Державшийся до того в тени Р. Кеннеди вскоре после этого выдвинул свою кандидатуру. Затем последовало еще более сенсационное событие:

---

[111] *White T. H.* The Making of the President, 1968, N. Y., 1970, p. 4.

[112] США: социально-политический кризис: Проблемы рабочего и демократического движения/Под ред. Н. В. Мостовца, Г. А. Трофименко, О. Э. Тугановой. М., 1972, с. 5—9; *Shachtman T.* Decade of Shocks. Dallas to Watergate, 1963—1974. N. Y., 1983.

[113] Confidence and Concern: Citizens View American Government. US Senate. Wash., 1973, pt 1, p. 212.

[114] *Chester L. e. a.* An American Melodrama. The Presidential Campaign of 1968. L., 1969, p. 79—80.

Л. Джонсон, чувствуя, что буквально на глазах теряет популярность, отказался баллотироваться на второй срок, уступив это право вице-президенту Г. Хэмфри. Развернувший энергичную кампанию в поддержку собственной кандидатуры сенатор Р. Кеннеди имел реальные шансы одержать верх над вице-президентом. Однако 4 июня 1968 г. перечеркнуло эти шансы. Р. Кеннеди умер от ран, полученных в результате покушения на его жизнь в Лос-Анджелесе.

ПОКУШЕНИЕ НА РОБЕРТА КЕННЕДИ
В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ

Съезд демократов, происходивший в Чикаго 26—28 августа 1968 г., не устранил глубокого раскола в партии. Он проходил в обстановке острой борьбы между партийными группировками на фоне кровавой расправы над молодежью в Чикаго и потрясений, связанных с волной политических убийств [115]. Хотя вице-президент Г. Хэмфри в первом туре и получил большинство голосов делегатов, разногласия в партии продолжались и после съезда. Если такие видные деятели демократов, как Д. Макговерн и Э. Кеннеди вскоре после съезда объявили о своей поддержке

[115] History of American Presidential Elections, 1789—1968: Vol. 1—4/Ed. by A. M. Schlesinger, Jr. N. Y., 1971, vol. 4, p. 3731—3739.

кандидатуры Г. Хэмфри, то сенатор Ю. Маккарти лишь на самой завершающей стадии кампании поддержал Г. Хэмфри.

В предвыборной платформе демократов превозносились достижения правительств Джона Кеннеди и Линдона Джонсона в экономической, социальной и политической сферах. В программе делался особый упор на то, что в годы двух последних администраций демократов не было экономических спадов, что США уже 90 месяцев переживают «период процветания». Однако оптимистические заявления демократов не могли скрыть того факта, что эта партия столкнулась с немалыми трудностями. Резко ослабли позиции демократов на юге страны. Изменилась в неблагоприятную сторону для демократов и ситуация на севере.

Именно здесь, в крупных индустриальных центрах, начиная с 30-х годов находилась основная опора старой «демократической коалиции», включавшей профсоюзы, черных американцев и другие этнические меньшинства, городские либеральные круги. В ходе избирательной кампании 1968 г. эта коалиция подверглась серьезному испытанию. Известная часть либеральных кругов, прежде всего среди интеллигенции, была недовольна выдвижением кандидатуры Хэмфри, личность которого ассоциировалась у них с обанкротившейся политикой Джонсона. Однако к моменту выборов многие либеральные критики администрации все же поддержали Хэмфри.

Что касается этнических меньшинств, то сложилась следующая ситуация: сторонники движения «Власть черным» призывали бойкотировать выборы, но такие влиятельные организации черных, как Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, Южная конференция христианского руководства, Институт Ф. Рэндолфа, энергично поддерживали демократов. Подавляющее большинство черных избирателей готовы были проголосовать за Хэмфри. Демократов поддерживали также большинство граждан еврейского происхождения, испаноязычные группы и т. д.

Со времен «нового курса» Ф. Д. Рузвельта профсоюзы оказывали демократической партии на выборах существенную поддержку. В ходе кампании 1968 г. в буржуазной печати много говорилось об имеющем якобы место поправении большого числа членов профсоюзов. Предпринимались попытки подвести под это даже теоретическую базу: американский рабочий-де резко изменился по сравнению с кризисными 30-ми годами, его материальное положение улучшилось, он живет зачастую в благополучном пригородном районе, в консервативной среде, тяготеющей больше к республиканской партии. На этом основании заключали, что на выборах в 1968 г. демократы потеряют большое число голосов членов профсоюзов в сравнении с выборами предыдущих лет.

Однако те, кто предсказывал резкое ухудшение позиций демократов среди избирателей — членов профсоюзов, оказались плохими пророками. Республиканцам и правым действительно удалось перехватить известное число голосов рабочих, главным образом на Юге, но в меньших масштабах, чем ожидалось. В большинстве своем, особенно в крупных индустриальных центрах, члены профсоюзов отдали голоса демократической партии. Они последовали призывам руководства профсоюзов, активно поддержавшего Хэмфри. Кандидатура последнего вполне устраивала лидеров АФТ—КПП.

Между тем в целом республиканцы в кампании 1968 г. выступили

значительно более сплоченно, чем демократы. Правда, и в их рядах имелись известные расхождения. К моменту съезда партии, который проходил в Майами-Бич в начале августа, главными претендентами на выдвижение кандидатом в президенты от республиканской партии были Р. Никсон, Р. Рейган и Н. Рокфеллер. Опираясь на свои большие политические связи, поддержку партийного аппарата и могущественных финансовых и деловых кругов, Никсон одержал победу на съезде. Он получил 692 голоса делегатов съезда из 1333, Рокфеллер — 277, Рейган — 182, остальные голоса достались другим претендентам [116]. Кандидатом в вице-президенты был избран губернатор штата Мэриленд С. Г. Агню.

В течение ряда лет республиканцы находились на положении партии меньшинства. Поэтому в кампании 1968 г. первоочередной задачей, стоявшей перед ними, было расширение своей политической и социальной базы. С этим и была связана важнейшая установка предвыборной стратегии республиканцев — завоевание на свою сторону так называемого «среднего класса». Неопределенность понятия «средний класс» не только не мешала, но даже помогала буржуазным политикам обыгрывать версию о том, что представитель «среднего класса» — «забытый человек», что в политических дебатах и в государственной политике слишком много внимания уделяется проблемам, касающимся черных и других слоев населения, находящихся на нижних ступенях социальной лестницы, что «зреет революция среднего класса». Особое ударение на этом делал Р. Никсон. Так, в речи на съезде республиканцев 8 августа 1968 г. по поводу выдвижения его кандидатом в президенты Никсон апеллировал к «огромному большинству американцев, к забытым американцам, к тем, кто „не кричит, не участвует в демонстрациях“» [117].

Главную ставку республиканская партия сделала на недовольство значительной части избирателей политикой демократов, не без основания полагая, что американцы, уставшие от вьетнамской войны и внутренней смуты, выскажутся на выборах за смену руководства в Вашингтоне [118]. Никсон, в частности, говорил: «...когда могущественнейшая страна мира оказывается связанной на четыре года с войной во Вьетнаме без всякой перспективы на ее завершение, когда богатейшая страна мира не может управиться со своей экономикой, когда страна с богатейшей традицией в деле поддержания закона охвачена беспрецедентным беззаконием, когда страна, известная в течение века равенством возможностей, раздирается невиданным расовым насилием и когда президент Соединенных Штатов не может выехать за рубеж или посетить какой-либо крупный город внутри страны, не опасаясь враждебных демонстраций, то настало время для нового руководства в Соединенных Штатах Америки» [119].

Основные моменты выступления Никсона перекликались с главными положениями предвыборной программы республиканской партии, касавшейся многих проблем: «кризиса городов», преступности, занятости, положения молодежи и т. д. В программе можно было найти трафаретные республиканские лозунги о защите частной инициативы, нежелательности усиления государственного вмешательства в экономику и т. п.

---

[116] *White T. H.* The Making of the President, 1968, p. 307.
[117] History of American Presidential Elections, 1789—1968, vol. 4, p. 3833.
[118] *Freidel F., Brinkley A.* America in the Twentieth Century. N. Y., 1982, p. 493.
[119] History of American Presidential Elections, 1789—1968, vol. 4, p. 3833—3834.

В сфере внешней политики республиканцы постарались извлечь для себя максимальную выгоду из провалов администрации Джонсона и роста недовольства американцев в связи с агрессией во Вьетнаме. Выступая на съезде республиканской партии, Р. Никсон возложил на демократов ответственность за неудачи во Вьетнаме, отметив, что «никогда еще столь большая военная, экономическая и дипломатическая сила не использовалась столь неэффективно», и обещал сделать главной целью внешней политики будущей республиканской администрации «почетное окончание войны во Вьетнаме». Обращаясь к «лидерам коммунистического мира», Р. Никсон заявил, что «после эры конфронтации настало время для эры переговоров», что в отношениях между «сверхдержавами» нет приемлемой альтернативы мирным переговорам [120].

Особенностью выборов 1968 г. явилось выступление на политической арене новой ультраправой Американской независимой партии, кандидатами от которой были Дж. Уоллес и К. Лимэй. Ее оплотом являлись расистски настроенные белые южане, но она была включена в избирательные списки большинства штатов. Уоллес апеллировал прежде всего к белому «среднему классу» и пытался представить себя единственным кандидатом, способным обеспечить «закон и порядок». При этом Уоллес ловко использовал явление «белого бумеранга» — враждебную реакцию части белого населения на подъем движения черных американцев [121]. Для Уоллеса также был характерен откровенный антикоммунизм, ненависть к прогрессивным движениям. Получая щедрую политическую и финансовую поддержку от наиболее реакционных кругов монополистического капитала, Уоллес сумел создать себе определенную массовую базу. Его поддерживали не только представители средних слоев, но и часть оказавшихся под влиянием расистской пропаганды рабочих.

Новые моменты имели место в ходе избирательной кампании 1968 г. и на левом фланге политического спектра США. После длительного перерыва в предвыборной кампании выступила Компартия США. Был создан также ряд партий и группировок леволиберального толка в штатах Нью-Йорк, Калифорния, Миннесота, Висконсин, Орегон и др. Однако в общенациональном масштабе их усилия не были объединены. Следует отметить, что созданию независимого общенационального объединения на левом фланге политического спектра в немалой степени воспрепятствовала кампания сенатора Ю. Маккарти, выступившего под антивоенными лозунгами в рамках демократической партии и тем самым удержавшего в сфере влияния этой партии, а в более широком плане — в орбите двухпартийной системы многие оппозиционно настроенные к ней общественные силы, в особенности молодежь [122].

В результате состоявшихся 5 ноября 1968 г. выборов за Никсона было подано 43,4% общего числа голосов, за Хэмфри — 42,72%, за Уоллеса — 13,53%, за остальных кандидатов — 0,35%. Хотя президентом был избран республиканец, демократы сохранили большинство в обеих палатах конгресса. При этом в сенате демократы потеряли пять мест, а в палате представителей — всего четыре. Таким образом, в результате выборов

---

[120] Ibid., p. 3834—3835.
[121] *Freidel F., Brinkley A.* Op. cit., p. 469—470.
[122] *Линник В. А.* Президентская кампания Ю. Маккарти 1968 г.— В кн.: Американский ежегодник, 1972. М., 1972.

1968 г. США вступили в новый период «разделенного правления». Недоверие к ведущим буржуазным партиям, охватившее США в 1968 г., проявилось во время выборов, в частности в таком явлении, как «сплит тикет» (разделенное голосование), когда один и тот же избиратель поддерживает представителей разных партий на выборах президента и в конгресс. Процент таких избирателей в 1968 г. составил 54 общего числа. Другим признаком разочарования в двухпартийной системе был высокий уровень абсентеизма: только 61% потенциальных избирателей приняли участие в голосовании [123].

Несмотря на победу кандидата республиканцев, в личном плане давно зарекомендовавшего себя в качестве представителя консервативных сил, объективное развитие событий (международных и внутренних) привело не к укреплению, а к ослаблению позиций тех, кто рассчитывал справиться с нараставшими противоречиями путем усиления «твердости» и принятия жестких мер в духе программы правых.

[123] *White T. H.* The Making of the President, 1968, p. 492—494.

Глава восьмая

НА ПОРОГЕ 70-х ГОДОВ: ПОЛЯРИЗАЦИЯ СИЛ

1. ОБОСТРЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА И США

В январе 1969 г., незадолго до того как покинуть Белый дом, президент Л. Джонсон в экономическом послании конгрессу заявил: «Я рассматриваю неуклонный и быстрый рост занятости и производства как наш величайший экономический успех... Мы полностью освободились от тех спадов в циклах деловой активности, которые на протяжении жизни многих поколений неоднократно сталкивали нас с пути роста и прогресса. В 60-е годы мы выработали новую стратегию, направленную на предотвращение циклических пожаров, на поддержание процветания и пресечение спадов и серьезной инфляции в самом зародыше» [1].

Уверенность правящих кругов США в том, что экономические кризисы ушли в прошлое, была порождена длительным, на протяжении почти десятилетия, экономическим ростом, во многом связанным с развитием НТР, углублением процесса интернационализации производства и капитала и неоколониальным грабежом природных и сырьевых ресурсов развивающихся стран, главным образом в рамках деятельности американских ТНК. Немалую роль сыграло и увеличение государственных расходов, особенно в связи с финансированием агрессивной войны во Вьетнаме [2]. Однако долгосрочные тенденции развития экономики США, как и начавшийся в конце того же, 1969 г. экономический спад, не только опровергли оптимистические прогнозы Джонсона, но и поставили перед новой республиканской администрацией ряд острых, неотложных проблем. Сами по себе они свидетельствовали о развивающихся структурных кризисах капиталистической экономики. Механизм государственно-монополистического регулирования оказался не в состоянии замедлить, а тем более предотвратить их. Последнее обстоятельство крайне примечательно, поскольку кризисные явления в социально-экономической жизни США этих лет, по существу, впервые со времени «нового курса» наглядно выявили несоответствие укоренившейся с послевоенных годов неокейнсианской системы государственно-монополистического регулирования меняющимся условиям капиталистического воспроизводства.

Поиски выхода из нараставших экономических трудностей конца 60-х — начала 70-х годов, попытки республиканской администрации модернизировать механизм государственно-монополистического регулирования сопровождались обострением борьбы внутри правящих кругов США, углублением противоречий и конфликтов между отдельными группировками буржуазии.

[1] Economic Report of the President, January, 1969. Wash., 1969, p. 3—4.

[2] Экономический рост в условиях монополистического капитализма: проблемы и противоречия/Отв. ред. А. Г. Милейковский, С. М. Никитин. М., 1975, с. 17.

Предпосылки спада 1969—1970 гг. созревали по мере накопления диспропорций в экономике США в ходе предшествовавшего циклического подъема [3]. Специфические черты спада определялись в первую очередь следующими обстоятельствами: выявилась неэффективность «антициклического» регулирования в условиях замедления темпов экономического роста и утраты устойчивости валютно-финансовой системы; усилилось противоречивое воздействие НТР на американскую экономику, повлекшее, в свою очередь, к существенным сдвигам в социальной структуре страны, увеличению армии «лишних людей», резкому ухудшению положения в традиционных отраслях промышленности; сказывались экономические последствия войны во Вьетнаме, прежде всего в финансовой сфере, что дало о себе знать, в частности в форме «перегрева» экономической конъюнктуры, уже в 1968—1969 гг.; ухудшились внешнеэкономические позиции США, упала роль США в промышленном производстве стран капитала, ослабла былая мощь доллара, снизилась конкурентоспособность американской продукции.

Одной из главных особенностей спада 1969—1970 гг. и всей социально-экономической ситуации в стране стал безудержный рост инфляции. Нездоровое расширение совокупного спроса в результате стремительного роста расходов на войну во Вьетнаме, увеличения военных расходов [4] привело к значительному ускорению темпов роста цен, остававшихся на протяжении первой половины 60-х годов довольно стабильными. Так, в 1961—1965 гг. среднегодовые темпы прироста розничных и оптовых цен составляли соответственно 1,25 и 0,4%, а в 1966—1969 гг. розничные цены возрастали в год уже в среднем на 3,1%, а оптовые — на 1,6%. Лишь на протяжении 1970 г. розничные цены выросли на 5,9% (по сравнению с ростом на 5,4% в 1969 г.), а оптовые — на 3,7% (3,2% — в 1969 г.) [5]. Наиболее стремительно в эти годы росли цены на продовольствие (в 1960—1969 гг. они увеличились на 2,3%, в 1970 г.— на 7,8%) [6].

Резко усилившийся в годы агрессии во Вьетнаме рост цен, лихорадочно возраставший спрос на кредиты и увеличение в связи с этим процентных ставок, интенсификация капиталовложений в основные фонды, наконец, ажиотаж в области потребительских расходов, связанный не в последнюю очередь с опасением дальнейшего роста цен и стремлением населения материализовать обесценивающиеся сбережения,— все эти факторы, набрав инерцию, подвели страну в конце 60-х годов к порогу финансового кризиса.

Помимо инфляционной вакханалии, этому способствовала также катастрофически растущая финансовая задолженность компаний и частных лиц, постоянно увеличивающийся объем долгов, частных и государственных, долгосрочных и краткосрочных. Долги достигли такого уровня, что стали подтачивать бюджет миллионов американских семей и препятствовать реализации товарной массы, а следовательно, и росту производства.

[3] Экономическое положение Соединенных Штатов: (Материалы научной конференции).— США — экономика, политика, идеология, 1975, № 10, с. 52—60.

[4] Военные расходы США, равнявшиеся 47,5 млрд. долл. в 1965 г., достигли 78,8 млрд. долл. в 1968 г. В 1969 г. они составляли 44% общих федеральных расходов. См.: *Катасонов Ю. В.* США: военная политика и бюджет. М., 1984, с. 168.

[5] Newsweek, 1970, Sept. 14, p. 45.

[6] Handbook of Basic Economic Statistics. Wash., 1978, vol. 32, N 10, p. 101—105, 122—131.

Динамика задолженности населения за 1960—1970 гг. выразилась в следующих цифрах: фермерский долг вырос с 25,1 млрд. долл. до 61 млрд., потребительский — с 56 млрд. до 129 млрд. долл. Среднегодовой прирост задолженности американских корпораций повысился с 22 млрд. в 1958—1961 гг. до 70 млрд. долл. в 1968—1970 гг.[7]

Возникла реальная угроза массовых банкротств. Несмотря на помощь, оказанную правительством ряду крупнейших корпораций, число банкростств неуклонно росло. Сумма текущих обязательств только промышленных и торговых фирм (исключая железные дороги, экспедиторские и финансовые организации, банки, компании по торговле недвижимостью и т. д.), потерпевших банкротство, выросла с 1142 млн. долл. в 1969 г. до 1916,9 млн. в 1971 г.

В 1970 г. обанкротилось 10 тыс. фирм. К мрачным рекордам этого периода принадлежит и крупнейшее за всю историю США банкротство — финансовый крах гигантской железнодорожной компании «Пенн-Сентрал» с активами в 7,2 млрд. долл. На грани краха оказалась «Локхид эйркрафт», которую спасло лишь одобрение сенатом дотации фирме в сумме 200 млн. долл.[8] В начале июля 1970 г. казалось, что в стране вот-вот разразится финансовая паника, порожденная резким падением доверия вкладчиков к коммерческим обязательствам компаний.

Представители финансово-промышленных кругов и республиканской администрации сами вынуждены были признать несостоятельность традиционных методов регулирования экономики. В одном из выступлений Р. Никсон заметил, что «методы, унаследованные от 30-х годов, оказались в 60-х годах устаревшими. Здание, воздвигнутое в 30-х годах, рухнуло под бременем 60-х годов» [9]. С этим согласился и глава Федеральной резервной системы А. Бернс, который заявил в Лос-Анджелесе 7 декабря 1970 г.: «Мы имеем дело с новой проблемой, а именно с устойчивой инфляцией при высоком уровне безработицы, и классические лекарства не могут действовать в этом случае достаточно хорошо и достаточно быстро» [10]. Важно отметить, что неконтролируемость и непредсказуемость капиталистической экономики в конце 60-х—начале 70-х годов проявили себя вопреки попыткам новой администрации сдержать инфляцию, упорядочить дела в кредитно-финансовой области, притормозить экономический рост.

Правительство Р. Никсона в 1969—1970 гг. действовало, исходя из убеждения, что ограничение денежной массы за счет резкого повышения процентных ставок, снижение деловой активности частного сектора и увеличение безработицы не только обуздают инфляцию, но и, «охладив» конъюнктуру, позволят решить многие кредитно-финансовые проблемы.

Еще в 1968 г. Федеральная резервная система повысила учетную ставку с 4,5 до 5,5% ради ограничения банковского кредита. В ноябре 1969 г. на специальном совещании представителей деловых кругов и правительства министр финансов республиканского кабинета Дэвид Кеннеди заявил, что администрация «преисполнена решимости продолжать

[7] Economic Report of the President, 1971. Wash., 1971, p. 268, 270.
[8] Economic Report of the President, 1972. Wash., 1972, p. 288; International Herald Tribune, 1970, July 3, p. 9; July 7, p. 9.
[9] International Herald Tribune, 1969, Sept. 3, p. 3.
[10] US News and World Report, 1970, Dec. 21, p. 68.

политику денежно-финансовых ограничений, пока не восстановится устойчивость экономики»[11]. В 1969 г. учетная ставка повысилась до 6% — столь высокий процент под предоставляемые банками кредиты взимался лишь во время кризиса 1929—1933 гг. Одновременно были повышены нормы обязательных банковских резервов. Ограничение капиталовложений, «сжатие» кредита, снижение деловой активности и другие цели на этом же направлении достигались и с помощью измененной налоговой политики[12].

Решимость и последовательность республиканской администрации в проведении не раз апробированных в прошлом «охладительных» мер на этот раз не дали ожидаемого результата. Сумев существенно ограничить находившуюся в обращении денежную массу и даже добившись положительного бюджета (дефицит которого при Джонсоне равнялся 25 млрд. долл.), правительство республиканцев потерпело поражение в главном: в попытке приостановить нарастание инфляционных процессов посредством искусственного снижения частнопредпринимательской активности. К тому же со второй половины 1969 г. начался общий экономический спад. Среди его непосредственных причин (помимо отмеченных выше) главная заключалась в том, что на фоне внешнего благополучия 60-х годов особенно резко выглядело растущее несоответствие между значительно возросшими производственными мощностями и реальными доходами населения страны. Данные, приведенные в докладе экономических советников при президенте США за 1975 г., показывают, что при росте производственных мощностей в обрабатывающей промышленности за 1965—1969 гг. в среднем на 35% реальные доходы увеличились в среднем лишь на 26%. Ослабление потребительского спроса под влиянием роста цен и исчерпания возможностей по покупкам в кредит создало классическую ситуацию кризиса перепроизводства. Недогрузка производственных мощностей в четвертом квартале 1970 г. составила почти 28%[13].

В течение 1969—1970 гг. промышленное производство в США сократилось на 5,6%, капиталовложения компаний в нежилищное строительство и оборудование — на 8, потребительские расходы на товары длительного пользования — на 8,4%. На 1,1% уменьшился ВНП. Прибыли корпораций сократились на 13%, 1970/71 финансовый год был сведен с бюджетным дефицитом.

Как и всегда во время ухудшения экономической конъюнктуры, увеличилось число увольнений, существенно сократился наем новых рабочих. Число безработных, равнявшееся 2,9 млн. (3,5% всей рабочей силы) перед началом спада, в конце 1970 г. достигло 5,1 млн. (6,1%)[14]. В 1971 г. произошло дальнейшее увеличение армии безработных (на 905 тыс.), их доля в рабочей силе достигла почти 7%. Снизилась реальная заработная плата трудящихся, что дало основание двум американским авторам, подытоживавшим последствия экономического спада начала

---

[11] New York Times, 1969, Nov. 21, p. 8.

[12] Подробнее о финансовых мероприятиях правительства Никсона в 1969—1971 гг. см.: *Bach G.* The New Inflation: Causes, Effects, Cures. Providence, 1973.

[13] США — экономика, политика, идеология, 1971, № 11, с. 6.

[14] Handbook of Cyclical Indicators. Wash., 1977, p. 91, 149, 152; Employment and Earnings, 1970, Aug., p. 13.

70-х годов, заявить, что среднего заработка рабочего хватает лишь для того, «чтобы не пускать в дом нужду» [15].

Таким образом, главной особенностью экономического положения США в начале 70-х годов стало сочетание застоя в промышленном производстве, роста безработицы с продолжавшейся инфляцией и падением реальных доходов значительных категорий занятого населения. Нельзя не отметить, что улучшение экономического положения происходило крайне медленно во многом по причине интенсивного роста цен. Промышленное производство в 1971 г. возросло лишь на 1,7%, причем исключительно за счет некоторого увеличения выпуска потребительских товаров. Производство оборудования продолжало сокращаться. Процент занятых увеличился в 1971 г. на 0,6 [16].

Еще в марте 1970 г., рассматривая возможные перспективы выхода из кризисной ситуации, объединенная экономическая комиссия конгресса США высказалась за то, чтобы «правительство разработало чрезвычайные программы на случай, если антиинфляционная экономическая политика вызовет дальнейший рост безработицы и кризисных явлений» [17]. Тогда же правительство Никсона, убедившись в том, что оно не смогло выдержать оптимальный режим «охлаждения» экономики, начало ослаблять политику кредитно-финансовых ограничений, а к лету 1970 г. перешло к стимулированию спроса, который всячески сдерживался практически весь 1969 г. и часть 1970 г. Отменялся введенный в 1968 г. сверхналог на доходы, проводилось увеличение заработной платы государственным служащим, повышались выплаты в рамках систем социального страхования и обеспечения, резко увеличивались статьи расхода федерального бюджета. Начиная с 1971 г. правительство несколько раз снижало учетную ставку. Все эти меры, проводившиеся до середины 1971 г., преподносились как чуть ли не продолжение «нового курса». «Реформы — лозунг нашего правительства»,— заявлял президент [18].

Однако на деле акции, предпринятые летом 1970 г., были по сути и значению весьма далеки от мероприятий рузвельтовского «нового курса». Они вполне укладывались в рамки традиционных для республиканцев политэкономических представлений: Р. Никсон делал ставку на использование налоговой и кредитно-денежной политики в качестве главного рычага воздействия на экономическую активность.

В начале 70-х годов серьезно ухудшилось внешнеэкономическое положение США. В 1971 г. впервые после 1893 г. Соединенные Штаты свели с дефицитом свой внешнеторговый баланс. Это увеличило дефицит платежного баланса, который в 1971 г. превысил 9 млрд. долл. Авторы доклада правительственного Совета по проблемам внешнеэкономической политики констатировали, что подрыв доверия к доллару, вызванный его оттоком за границу, привел к кризису не только американской, но и мировой капиталистической валютных систем [19]. Стала очевидной зависи-

---

[15] *Passel P., Ross L.* The Retreat from Riches. Affluency and Enemies. N. Y., 1973, p. 7.
[16] Economic Report of the President, 1975. Wash., 1975, p. 278, 279.
[17] Joint Economic Report 1970, March 25. Wash., 1970, p. VII.
[18] The Budget of the US Government. Fiscal Year 1971. Wash., 1970, p. 30.
[19] International Economic Report of the President: Transmitted to the Congress together with the Annual Report of the Council on International Economic Policy. Wash., 1973, p. 4, 82.

мость общехозяйственной конъюнктуры в США от состояния дел во внешней торговле. Стремление укрепить позиции доллара, подорванные как внутри страны, так и вне ее [20], сыграло важную роль в решении правительства Никсона об изменении курса экономической политики летом 1971 г.

Весной и летом 1971 г. недоверие к американской валюте приняло беспрецедентные масштабы. Объектом массовых долларовых спекуляций стали валюты ряда капиталистических стран. Временное закрытие валютных бирж и другие меры не спасли положение. В июле и августе 1971 г. валютная лихорадка вспыхнула с новой силой. В начале августа ряд капиталистических государств, в том числе ФРГ, Швейцария, Франция, Италия, вынуждены были ввести ограничения на операции с долларом.

Администрация Никсона сознавала, что дальнейшее промедление способно вызвать панику. В этой обстановке на секретном совещании президента и его экономических советников 13 августа 1971 г. (без обсуждения в конгрессе и без консультаций со своими торговыми и финансовыми партнерами) было принято решение о проведении серии чрезвычайных мер, получивших название «новой экономической политики». 15 августа в выступлении по радио и телевидению Никсон обнародовал это решение.

В целях спасти доллар, ускорить темпы роста экономики и при этом не допустить дальнейшего усиления инфляционных процессов правительство прибегло к беспрецедентным за послевоенный период мерам. Президентским декретом в стране было введено «чрезвычайное положение». Пытаясь стимулировать капиталовложения и потребительский спрос, правительство предоставило компаниям значительные налоговые льготы, сократило подоходный налог, отменило акцизный налог на продажу легковых автомобилей, но одновременно установило государственный контроль над ценами и заработной платой. В этом видели единственный путь сдерживания инфляции. Временно была отменена конверсия доллара в золото и введен дополнительный 10%-ный налог на подавляющую часть импорта. Было объявлено также о сокращении помощи иностранным государствам.

Обострение положения в экономике и явственно обнаружившаяся недостаточность всех принимаемых мер вызвали изменения и в экономических представлениях президента, и в целом в идейно-политических позициях республиканской партии [21]. Известный американский политолог Т. Уайт писал даже в этой связи, что «предложение ввести правительственный контроль над заработной платой и ценами явилось разрывом со всей прежней республиканской философией» [22].

Перемены действительно произошли, хотя они и не отличались столь уж радикальным характером. Трехмесячное «замораживание» заработной платы и цен (август—ноябрь 1971 г.) было дополнено в рамках второй

[20] О существенном подрыве международных позиций доллара говорило и следующее обстоятельство: золотой запас США за последние 20 лет сократился с 24,6 млрд. долл. до 10,8 млрд., а задолженность иностранным центральным банкам возросла за тот же период с 7 млрд. до 35 млрд. долл. См.: The Military Budget and National Economic Priorities, Hearings before the Subcommittee on Economy in Government of the Joint Economic Committee, pt 1, June 1969. Wash., 1969, p. 140.

[21] США — экономика, политика, идеология, 1974, № 9, с. 42—52; № 10, с. 18—28.

[22] *White T. H.* The Making of the President, 1972. N. Y., 1973, p. 69.

фазы «новой экономической политики» государственным контролем над доходами и ценами. В 1972—1973 гг. контроль над ценами и заработной платой постепенно ослаблялся, но после очередного скачка инфляции вводился вновь (сроком на два месяца) в июне 1973 г. В этот период был жестко зафиксирован допустимый предел роста номинальной заработной платы в год (включая все дополнительные выплаты) сначала на уровне 3,2%, а затем в размере 5,5%. Итог в целом был неутешительным: правительственный контроль над ценами не смог приостановить дальнейшей инфляции, и это в условиях, когда меры, принятые правительством в целях замораживания заработной платы, повлияли на замедление ее роста.

Для проведения в жизнь «новой экономической политики» администрацией были созданы несколько новых органов. В состав некоторых из них наряду с представителями правительства и бизнеса входили представители профсоюзов. Внешне деятельность этих органов напоминала то, что практиковалось правительствами Кеннеди и Джонсона, которые также прибегали к установлению нормативов в области цен и заработной платы. однако органы, созданные правительством Р. Никсона, отличались куда более широкими полномочиями. Особую роль в новой политике республиканцев призван был играть Совет при президенте США по стабилизации цен и заработной платы, функции которого окончательно определились в 1974 г.

К концу 1971 г. выявилось намерение республиканской администрации произвести общий пересмотр методов государственного регулирования экономической и социальной жизни США. Об этом шла речь в докладах экономических советников президента за 1970 и 1971 гг. С марта 1970 по январь 1971 г. были обнародованы четыре плана реорганизации. В эти же годы и с этой же целью были созданы: президентский консультативный комитет по организации исполнительной власти, который возглавил Р. Эш («Совет Эша»); президентский консультативный комитет по проблемам улучшения управления; комиссия по реорганизации государственного департамента; комиссия по реорганизации структуры министерства обороны [23].

Центральная идея никсоновских предложений сводилась к замене «программного» подхода к различным социально-экономическим проблемам вновь создаваемыми «целевыми» департаментами, полностью отвечающими за вверенные им проблемы и обладающими широкими полномочиями и средствами для их решения. Среди таких департаментов, предусмотренных планами президента,— министерство экономики, ответственное за разработку долгосрочных программ экономического развития страны и обеспечение их выполнения; министерство людских ресурсов и министерство местного развития.

Нарастание экономических и социальных трудностей в стране в конце 60-х— начале 70-х годов, стремление республиканской администрации искать выход из них за счет дальнейшего наступления на жизненный уровень трудящихся усугубляли внутриполитическую напряженность, что, в свою очередь, вело к обострению идейно-политических размежеваний внутри господствующего класса.

---

[23] Подробнее см.: *Четвериков С. Б.* Кто и как делает политику США. М., 1974, с. 128—145.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В ходе избирательной кампании 1968 г. Никсон неоднократно заявлял о намерении покончить с войной во Вьетнаме. Но шел месяц за месяцем, а никакие практические шаги для выполнения предвыборных обещаний не предпринимались. Становилось очевидным, что Р. Никсон сделал ставку на военное решение вьетнамской проблемы. Он неоднократно пытался принудить патриотические силы Вьетнама к капитуляции: в этих целях были предприняты вторжение в Камбоджу весной 1970 г., операция против Лаоса зимой 1971 г., массированные бомбардировки территории ДРВ и минирование ее портов в мае и декабре 1972 г.

В Белом доме рассматривался вопрос об использовании тактического ядерного оружия [24]. В мемуарах Никсон писал, что видел две возможности закончить войну «нокаутирующими ударами». Первая состояла в разрушении системы плотин, что повлекло бы за собой «гибель сотен тысяч гражданских лиц», вторая — в «использовании тактического ядерного оружия». И если он не пошел ни по одному из вышеозначенных путей, то лишь потому, что понимал, что «не сможет заручиться поддержкой общественности» [25]. Никсон признавал, что его удержал «внутренний и международный взрыв возмущения, который сопровождал бы любой из этих нокаутирующих ударов» [26], т. е. он был вынужден учитывать массовый антивоенный протест как реальный политический фактор.

Пока продолжалась война, росли военные потери, все сильнее сказывались другие ее последствия в виде роста инфляции, повышения цен, роста безработицы, сокращения государственных ассигнований на социальные нужды и т. п. Даже в правящей верхушке росло понимание того, что проблемы американского общества невозможно решить, не покончив с войной в Юго-Восточной Азии.

После победы республиканцев на выборах 1968 г. антивоенные настроения среди либеральных и умеренно-консервативных представителей демократической партии (не связанных теперь партийной лояльностью) начали выявляться с большей определенностью. В значительной мере это было вызвано стремлением перехватить руководство антивоенным движением, ограничить его деятельность и, более того, превратить в массовую опору демократической партии.

Антивоенные организации вскоре убедились в отсутствии у республиканской администрации реальных планов окончания войны и возобновили свою деятельность уже в июле 1969 г., когда в Вашингтоне не проходило ни одной недели без демонстраций, маршей, актов гражданского неповиновения. Но особенно активизировались антивоенные выступления осенью, в пору начала занятий в университетах. Настроения студенчества и академических кругов отразились и в письме, направленном Р. Никсону 79 президентами частных университетов и колледжей, в котором они требовали от правительства установить твердые сроки вывода американских войск из Вьетнама.

Растущее недовольство сказалось и в конгрессе, возобновившем работу после летнего перерыва. С критикой политики правительства во Вьетна-

[24] *Nixon R.* Memoirs. N. Y., 1978, p. 347.
[25] *Kissinger H.* White House Years. Boston, 1979, p. 289.
[26] *Nixon R.* Memoirs, p. 347.

ме выступили сенаторы Э. Маски, Дж. Купер, Г. Нелсон, лидер демократического большинства в сенате М. Мэнсфилд. Заявив 19 сентября о решении начать поэтапный вывод наземных войск, Никсон, как он писал впоследствии, рассчитывал «успокоить общественное мнение внутри страны, наглядно продемонстрировав, что начинается сворачивание военных действий» [27].

Но обещания президента уже не могли остановить волну критики. Сразу после его выступления С. Вэнс призвал к прекращению огня. С осуждением индокитайской политики администрации выступили как демократы, так и республиканцы — сенаторы Э. Кеннеди, Ю. Маккарти, Ч. Перси, М. Хэтфилд, Ф. Черч, Дж. Джавитс, К. Пелл. В палате представителей критические голоса были не такими громкими — из 455 конгрессменов лишь около 20 были противниками войны. В целом можно сказать, что осенью 1969 г. в конгрессе уже существовала антивоенная оппозиция. Менее чем за месяц, с 24 сентября по 15 октября, ее члены внесли 11 антивоенных предложений. И хотя ни одно из них не было принято, сам факт присоединения многих членов высшего законодательного органа США к антивоенному протесту был весьма симптоматичен. Никсон признавал, что в 1969 г. он еще располагал большинством голосов в конгрессе при голосовании вопросов, связанных с войной, но уже не был уверен, насколько оно прочно и как долго сохранится [28].

Особое место в истории антивоенного движения занимает осенняя 1969 г. кампания протеста: она была одним из кульминационных моментов движения. Подготовка велась под руководством новой организации — Комитета вьетнамского моратория (КВМ), созданного по инициативе конгрессмена А. Лоуэнстейна (демократ от штата Нью-Йорк) при поддержке многих влиятельных деятелей демократической партии в начале 1969 г. Комитет опирался на сеть активистов, сложившуюся в период предвыборной кампании Ю. Маккарти, и располагал значительной финансовой поддержкой влиятельных либеральных кругов. Первоначально цель КВМ состояла в проведении общенациональной антивоенной студенческой забастовки, но затем было решено привлечь к движению возможно более широкие круги населения и заменить термин «забастовка», как слишком радикальный, выражением «мораторий», понимая под ним отказ от обычной деятельности («no business as usual») в дни протеста, которые предполагалось проводить ежемесячно начиная с октября 1969 г., каждый раз увеличивая продолжительность выступлений (в октябре предполагалось провести однодневный «мораторий», в ноябре — двухдневный, в декабре — трехдневный и т. д. до тех пор, пока президент не положит конец войне).

Усилия КВМ были поддержаны остальными антивоенными организациями и коалициями. В подготовке «моратория» участвовали созданный в качестве преемника Национального мобилизационного комитета Новый мобилизационный комитет (НМК) за прекращение войны во Вьетнаме, Студенческий мобилизационный комитет за прекращение войны во Вьетнаме и многочисленные независимые антивоенные группы, большинство негритянских организаций — от Южной конференции христианского руководства до Конгресса расового равенства и Национальной городской

[27] Ibid., p. 392.
[28] Ibid., p. 350.

лиги. Большое значение имело участие в «моратории» многих профсоюзов, как входящих в АФТ—КПП, так и независимых.

В ходе подготовки «моратория» удалось преодолеть разногласия в антивоенном движении, которое выступило единым фронтом. В этом была большая заслуга НМК. В рядах антивоенных сил постепенно складывалось ядро опытных руководителей. Некоторые из них, в первую очередь коммунисты, ясно видели, какую роль могла бы сыграть широкая антивоенная коалиция в создании фронта демократических сил.

В поддержку «моратория» наряду с лидерами антивоенного, негритянского, студенческого движений выступили многие видные политические и общественные деятели — 17 сенаторов и 47 членов палаты представителей, в том числе У. Фулбрайт, Дж. Макговерн, Ю. Маккарти, Ф. Черч, Дж. Купер, М. Хэтфилд, Э. Кеннеди, губернаторы штатов Мэн, Массачусетс, Род-Айленд, мэры многих больших и малых городов, включая мэра Нью-Йорка. Их поддержка повлияла на настроение тех американцев, которые были против войны, но сначала не принимали активного участия в антивоенном движении.

В день «моратория», 15 октября 1969 г., состоялись грандиозные демонстрации во многих городах. В Бостоне прошла 100-тысячная манифестация, в Нью-Йорке в различных акциях протеста против войны участвовало более 250 тыс. человек, в Вашингтоне — более 45 тыс. Никсон оценивал впоследствии число прибывших в Вашингтон антивоенных демонстрантов в четверть миллиона [29]. В отличие от предыдущих кампаний в этот день антивоенные выступления состоялись не только в крупных городах и университетских центрах, они охватили и провинциальную Америку. В школах, колледжах, церквах, на улицах и площадях небольших городков собирались простые американцы, чтобы заявить о своем стремлении к миру, к прекращению войны. Привлекли к себе внимание выступления военнослужащих, государственных чиновников, бизнесменов. Общее число американцев, которые в этот день приняли непосредственное участие в различных манифестациях и митингах, приблизилось к 2 млн.

Хотя Никсон и в 1969 г., и в последующие годы неоднократно утверждал, что «ни при каких условиях уличные демонстрации не повлияют на политику» [30], проводимую администрацией, тем не менее его политические маневры свидетельствовали о том, что администрации приходилось считаться с массовым антивоенным движением. За неделю до октябрьского «моратория» было объявлено, что 3 ноября президент выступит с важным обращением к народу, получившим название речи о «молчаливом большинстве». Это обращение было явно рассчитано на подрыв антивоенного протеста, как и выступления в начале ноября в сенате и палате представителей.

Ноябрьский «мораторий» по массовости и психологическому воздействию на страну не уступал событиям 15 октября. КВМ наметил проведение очередных выступлений на 13 и 14 ноября, НМК объявил об антивоенной демонстрации в Вашингтоне и Сан-Франциско 15 ноября. Несмотря на расхождения в оценке вьетнамской агрессии, антивоенного движения, задач и методов борьбы, несмотря на то что ряд видных либе-

---

[29] Ibid., p. 403.
[30] Ibid., p. 409.

ральных политиков отказались поддержать деятельность НМК как слишком, по их мнению, радикальную, руководители двух антивоенных коалиций на данном этапе вновь сумели договориться о единстве действий.

Ноябрьские антивоенные демонстрации продолжались в течение трех дней и стали одной из самых крупных и ярких политических демонстраций в истории Соединенных Штатов. Они начались с «мессы мира», организованной религиозными пацифистами у стен Пентагона. Ее служили одновременно 150 священников различных вероисповеданий. Поздно вечером в тот же день начался «Поход против смерти». От Арлингтонского кладбища под траурную дробь обтянутых черным крепом барабанов бесконечная вереница людей с зажженными свечами в руках направилась к Белому дому, а оттуда к Капитолию. Траурное шествие началось в 6 часов вечера в четверг и длилось непрерывно до субботнего утра — более 38 часов.

Утром 15 ноября, после траурной службы в память о погибших во Вьетнаме американских солдатах, началась демонстрация. Ее возглавили доктор Б. Спок, К. Кинг, один из лидеров движения, священник У. Коффин, сенаторы Дж. Макговерн, Ю. Маккарти и Ч. Гуделл. За ними по 17 человек в ряд бесконечной лентой шли демонстранты, съехавшиеся со всех концов страны. Число участников этого марша, по одним оценкам, превысило 400 тыс., по другим — приближалось к 800 тыс. Еще 350 тыс. американцев, требовавших прекращения войны, собрались на другом конце страны — в Сан-Франциско.

Выступления на октябрьском «моратории» и ноябрьских демонстрациях еще раз показали, насколько различны были побудительные мотивы, приведшие в антивоенное движение представителей разных классов и социальных слоев американского общества, как подчас неодинаковы были их цели. Прогрессивные силы видели в антивоенной борьбе важный инструмент преобразования американского общества или по крайней мере его «морального оздоровления». Либеральная буржуазия добивалась окончания войны для того, чтобы преодолеть растущую политическую нестабильность, спасти буржуазный строй от разрушительных социальных катаклизмов.

Массовые выступления в США вызвали положительный отклик со стороны международной общественности, требовавшей прекращения американской агрессии в Юго-Восточной Азии. К участникам антивоенных выступлений обратился со специальным посланием премьер-министр Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Донг. Он высоко оценил борьбу всех «миролюбивых и стремящихся к справедливости» американцев, которые «спасают честь своей страны», и выразил уверенность, что «благодаря солидарности и храбрости народов наших двух стран, благодаря одобрению и поддержке со стороны миролюбивых людей всего мира борьба вьетнамского народа и прогрессивных американцев против агрессии США увенчается полной победой»[31]. Послание Фам Ван Донга было использовано реакцией как повод для обвинения участников антивоенных выступлений в «оказании помощи врагу». В конгрессе «ястребы» даже попытались протащить резолюцию, которая приравнивала участие в демонстрациях к государственной измене. Но времена изменились — это предложение поддержки не получило.

---

[31] Цит. по: Congressional Record, vol. 115, N 168, S 12625.

Осенние выступления 1969 г. продемонстрировали важность единства действий, организационной сплоченности участников трех антивоенных коалиций — Нового мобилизационного комитета, Комитета вьетнамского моратория и Студенческого мобилизационного комитета. Стихийные настроения недовольства переросли в организованное массовое движение, которое приобрело действительно народный, демократический характер. Даже КВМ вынужден был поддержать «прямые действия» на улицах, принцип «всеобщего участия», сотрудничество со всеми антивоенными силами вплоть до членов Коммунистической партии, присоединился наконец к требованию о немедленном выводе американских войск из Вьетнама.

Октябрьские и ноябрьские демонстрации 1969 г. были наиболее массовыми, крупномасштабными и организованными выступлениями против агрессии США во Вьетнаме. Антивоенное движение продолжалось и в последующие (1970—1973) годы, вплоть до августа 1973 г., когда было прекращено финансирование военных действий в Индокитае. Однако развитие его было сложным и противоречивым.

С одной стороны, антивоенные настроения распространялись по всей стране, протест продолжал нарастать, расширялась его социальная база. Все более активное участие в движении принимали рабочий класс, черные американцы, чиканос, пуэрториканцы. Предпринимались шаги к созданию широкого демократического фронта борьбы за мир, против расизма, бедности и политических репрессий, с другой — налицо было ослабление организованных действий. Фракционная борьба и раскол в среде «новых левых», поворот части активистов к экстремизму и «подпольной городской партизанской войне», отражавшие типичную для непролетарского радикализма неустойчивость и идейную незрелость, привели к тому, что еще в 1969 г. СДО и ряд других организаций стали уклоняться от участия в антивоенной борьбе.

После выступлений 1969 г. часть либеральной буржуазии также стала отходить от участия в антивоенном движении, отказалась от его поддержки. Непоследовательность ее позиций объяснялась, в частности, разочарованием в том, что демонстрации не дали немедленных результатов, но в значительно большей степени она была обеспокоена массовым характером и растущей радикализацией движения. Либералы прилагали значительные усилия, чтобы направить антивоенный протест по традиционному пути политического лоббизма и тем самым сузить размах антивоенной борьбы.

По словам одного из видных лидеров движения, Д. Деллинджера, «самое замечательное событие в политической жизни Америки за последние 30 лет — страстное стремление значительной части населения самим участвовать в процессе принятия решений в сфере внешней политики — они (либеральные политические деятели.— *Авт.*) воспринимали как трагедию... и отчаянно стремились помешать антивоенному движению развиваться в уверенное в своих силах антиимпериалистическое движение за достижение социальной справедливости» [32]. Организационным оформлением отхода либералов от активного участия в антивоенном движении стал самороспуск Комитета вьетнамского моратория.

---

[32] *Dellinger D.* More Power Than We Know: The People's Movement Toward Democracy. N. Y., 1975, p. 44.

Трудности, с которыми столкнулось антивоенное движение в начале 70-х годов, в немалой степени определялись гибкой политикой, маневрами правящих кругов. К этому времени администрация Никсона начала как бы чередовать меры по активизации военных усилий в Юго-Восточной Азии с переговорами в Париже по мирному урегулированию, с постепенным, поэтапным выводом американских вооруженных сил. Выработалась даже своего рода схема — почти перед каждой эскалацией военных действий Никсон напоминал об уже выведенных войсках, об уменьшении числа жертв и обещал в ближайшее время вывести еще одну группу военнослужащих. Затем по горячим следам, пока еще работала инерция доверия к словам президента, проводили запланированную военную операцию. При этом никто, как признавал сам Никсон, «не питал иллюзий, что волна... поддержки может продолжаться длительное время» [33].

Сказывались и результаты репрессивных мер, предпринятых властями против демократических сил. Массовые аресты, полицейские расправы, судебные преследования активистов антивоенного движения принимали все более широкие масштабы. К 70-м годам по обвинению в уголовных преступлениях были осуждены десятки людей. Осенью 1969 г. широкое внимание общественности привлек процесс над «чикагской семеркой» — группой участников антивоенных демонстраций в августе 1968 г. во время съезда демократической партии в Чикаго.

Активистам антивоенного движения обычно выносились максимально жестокие приговоры. В их лице правящие круги видели большую опасность, чем в преступлениях уголовной мафии. По словам одного из высокопоставленных чиновников министерства юстиции, приведенных 25 мая 1971 г. в газете «Нью-Йорк таймс», «организованная преступность совершает акты насилия только ради удовлетворения своей алчности», а противники войны «отвергают принятое в обществе понимание закона и преступных действий, это люди, которые хотели бы ниспровергнуть общество, в котором мы живем».

В 1970 г. были приняты новые законы против организованной преступности, которые фактически позволили расширить преследование активистов демократических движений, объявляемых уголовными и даже «особо опасными преступниками» [34]. Этими репрессиями власти хотели запугать участников антивоенного движения и одновременно создать искаженное представление об антивоенных активистах как об уголовных преступниках.

Одновременно под напором массовых антивоенных выступлений 1968—1969 гг. правительство вынуждено было маневрировать. Именно с этих позиций и следует рассматривать принятые администрацией Р. Никсона меры, направленные на постепенное окончание американского военного вмешательства в Юго-Восточной Азии. Это политика «вьетнамизации», поэтапный, очень медленный вывод американских сухопутных войск из Вьетнама, реорганизация системы призыва — введение лотерейного принципа и сокращение нормы призыва, отставка заслужившего ненависть молодежи главы службы призыва. Не случайно и

[33] *Nixon R.* Memoirs, p. 411.

[34] Имеются в виду так называемые законы о преступности в округе Колумбия и о контроле над организованной преступностью. См.: Congressional Record, vol. 117, N 62, p. E3813.

то, что впервые Р. Никсон упомянул о полном выводе из Вьетнама американских войск в речи 3 ноября 1969 г., т. е. после октябрьского «моратория» и в предвидении ноябрьских выступлений, в той самой речи, где он апеллировал к «молчаливому большинству», которое в отличие от «горластого меньшинства» якобы полностью поддерживало политику президента во Вьетнаме. Цель Никсона была очевидна: оказать давление на колеблющихся и изолировать боевых активистов от массы американцев.

В усилия по созданию искаженного представления об антивоенном движении как о чуждом политическим традициям США внесли свою лепту и средства массовой информации, которые замалчивали антивоенные выступления и одновременно вовсю раздували отдельные эксцессы со стороны его участников, оправдывая действия полиции, агентов ЦРУ, ФБР как «самозащиту» общества от «анархизма» противников войны [35].

Однако ни внутренние трудности, переживаемые движением, ни политика правящих кругов не привели к свертыванию антивоенного протеста. В 1970 г. Р. Никсона, куда бы он ни приезжал, повсюду встречали демонстрации протеста; в Сан-Хосе (штат Калифорния) его даже забросали камнями, яйцами, овощами — «впервые в истории толпа совершила физическое нападение на президента США» [36]. Ярким проявлением стремления масс к миру стала бурная реакция на вторжение вооруженных сил США на территорию Камбоджи в конце апреля 1970 г. В Вашингтон направлялись многочисленные делегации, чтобы выразить протест непосредственно президенту и конгрессменам. Значительная группа государственных чиновников подала в отставку. В конгресс были внесены антивоенные законопроекты.

Наиболее быстрой и непосредственной была реакция студентов. Их выступления достигли особой остроты после 2 мая, когда была расстреляна антивоенная демонстрация в Кентском университете, в результате чего погибли четыре студента. Возмущение интервенцией, многократно усиленное этим убийством, а затем и убийством студентов-негров в Огасте, привело к стихийным забастовкам, прокатившимся по всей стране и остановившим занятия более чем в 500 колледжах и университетах. В течение мая 1970 г. властям пришлось 24 раза вводить части национальной гвардии на территорию учебных заведений для подавления студенческих волнений.

Забастовки продемонстрировали возросший уровень сознательности студенческой молодежи. Как правило, студенты не ограничивались требованием вывести войска из Юго-Восточной Азии, они активно высказывались против политики репрессий, настаивали на освобождении арестованных лидеров партии «Черные пантеры», других политических заключенных.

9 мая 1970 г. состоялась общенациональная демонстрация протеста, превратившая Вашингтон в «осажденный город» [37]. В тот же день десятки тысяч человек вышли на улицы Чикаго, Бостона, Детройта, Питтсбурга и других городов. Оценивая размах этих антивоенных выступлений, следует иметь в виду их стихийный характер. Это свидетельствовало о

---

[35] *Dellinger D.* Op. cit., p. 192.
[36] *Nixon R.* Memoirs, p. 493.
[37] *Kissinger H.* Op. cit., p. 511.

том, что антивоенные настроения продолжали нарастать, несмотря на все принимаемые властями меры.

Сказывалось отсутствие общенационального координирующего центра. (В большинстве бастующих университетов и колледжей занятия были досрочно прекращены и даже отменена весенняя экзаменационная сессия. Это привело к тому, что, по словам одного из руководителей антивоенной борьбы, Т. Хейдена, «активность растворилась в летних каникулах» [38].) Однако размах молодежных выступлений оказался настолько сильным, что президент Никсон вынужден был создать специальную комиссию во главе с У. Скрэнтоном для расследования волнений в кампусах, которая пришла к выводу, что они «лишь отражают и углубляют тот глубокий кризис, который существует в стране в целом». В докладе комиссии констатировалось, что «подавляющее большинство студентов выступают против войны в Индокитае», а многие считают ее «совершенно аморальной». Что же касается расстрела студенческих демонстраций, то, по мнению комиссии, «страна, вынужденная применять оружие войны против собственной молодежи, стоит на краю хаоса» [39].

Как писал известный американский историк Ф. Фонер, в мае 1970 г. «многочисленные местные отделения, некоторые национальные профсоюзы, профсоюзные штатные и местные организации, связанные с АФТ—КПП, с ОПД и независимыми профсоюзами, высказывали негодование по поводу эскалации войны и призывали к ее прекращению» [40]. С открытым письмом Никсону обратились более 450 деятелей профсоюзов Западного побережья. Они обвинили его в «прямом нарушении конституции США» и «создании кризиса доверия небывалых размеров». Авторы письма потребовали вывода американских войск из Камбоджи к 30 июня 1970 г. и «прекращения всех военных авантюр» [41]. Коммунистическая партия оценила эти факты как качественный сдвиг в позиции профсоюзного движения в отношении агрессии во Вьетнаме [42].

В конгрессе одно за другим вносились антивоенные предложения. 30 июня 1970 г. сенат одобрил поправку Ф. Черча и Дж. Купера, которая запрещала оказание военной помощи Камбодже и ведение на ее территории военных действий, тем самым «впервые ограничив действия президента в военное время» [43]. Волна протеста захватила и государственных служащих всех уровней и даже ведущих членов администрации. «Распадалась сама ткань правительства,— свидетельствовал Г. Киссинджер.— Исполнительная власть оказалась расколота, как и вся страна» [44]. Стало известно, что М. Лейрд и Р. Роджерс были против акции в Камбодже. Министр внутренних дел У. Хикел выступил с ее публичной критикой. Г. Киссинджер признавал, что, хотя Р. Никсон и «изображал полное безразличие... паническое решение вывести войска из Камбоджи было конкретным результатом общественного давления» [45].

---

[38] Ramparts, 1970, Sept., p. 27.
[39] US News and World Report, 1970, Oct. 5, p. 69.
[40] *Foner Ph.* American Labor and Indochina War. The Growth of Union Opposition. N. Y., 1971, p. 105.
[41] Can-Francisco Chronicle, 1970, May 18.
[42] *Hall G.* Our Country in Crisis — The People Must Act. N. Y., 1970, p. 3.
[43] *Nixon R.* Memoirs, p. 467.
[44] *Kissinger H.* Op. cit., p. 513.
[45] Ibid., p. 514, 516.

Еще одно мощное выступление антивоенных сил состоялось через год — в марте—мае 1971 г. И опять толчком послужили новые шаги администрации по пути военной эскалации. В феврале 1971 г. в прессе появились сообщения о бомбардировках Лаоса, которые ВВС США осуществляли на протяжении ряда лет в тайне от американского народа и конгресса. Бурную реакцию общественности на эти известия Р. Никсон квалифицировал как «бедствие»[46]. Антивоенные организации, которые к этому времени сумели в основном перестроить свою деятельность, начали подготовку к новым массовым выступлениям. В начале 1971 г. наиболее передовая часть антивоенных сил образовала новое широкое антивоенное объединение — Народную коалицию за мир и справедливость (НКМС). Наряду с пацифистскими и антивоенными в ней объединились многочисленные профсоюзные, женские организации, организации бедняков и др. В ее рядах активно сотрудничали Коммунистическая партия США и Союз молодых рабочих за освобождение, оказавшие существенное влияние на политику коалиции, ее требования, тактические формы борьбы.

Для новой коалиции было характерно понимание того, что для повышения эффективности борьбы за мир необходимо теснее связать ее с другими направлениями общедемократической борьбы. «Развитие в условиях мира может объединить Америку для ведения войны против бедности, голода, неграмотности и болезней»,— говорилось в программных документах Народной коалиции[47]. Коалиция обратилась с призывом к народу «увидеть связь между войной во Вьетнаме и властью корпораций и монополий дома, увидеть связь между расизмом и репрессиями здесь и убийством гражданского населения во Вьетнаме»[48]. Деятельность НКМС в 1971—1972 гг. свидетельствовала о том, что прогрессивная часть антивоенного движения сделала шаг вперед, сменив пацифистские лозунги общего характера на актуальные политические и социальные требования.

«Весеннее антивоенное наступление» 1971 г. вылилось в продолжительную массовую и широко представительную кампанию. В течение всего марта проводились разнообразные антивоенные выступления на местах. Огромное воздействие на настроения широкой общественности оказало выступление ветеранов вьетнамской войны. Действовавшая еще с 1967 г. организация «Ветераны Вьетнама против войны» потребовала от правительства немедленного и ничем не обусловленного вывода всех американских войск и служащих из Юго-Восточной Азии, принятия законов, ограничивающих действия американской военщины и ЦРУ в этих странах, отказа от поддержки реакционных, антинародных режимов. Одновременно ветераны выдвигали и серьезные внутриполитические требования: немедленный пересмотр системы национальных приоритетов и первоочередное удовлетворение социальных, экономических и других нужд народа, обеспечение всех ветеранов войны во Вьетнаме возможностью получить специальность или повысить квалификацию, освобождение всех заключенных, обвиняемых в отказе от службы в армии.

Большое политическое значение имело требование ветеранов немедленно провести публичное расследование военных преступлений, «совершенных против народа Индокитая в результате американской военной

---

[46] *Nixon R.* Memoirs, p. 497.
[47] Daily World, 1971, Mar. 6.
[48] Ibid.

политики в ходе ведения незаконной военной агрессии во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе, Таиланде»[49], чтобы показать «американскому народу... что военные преступления во Вьетнаме являются прямым результатом политики США»[50]. О выступлении ветеранов в апреле 1971 г. шел прямой телевизионный репортаж. Американцы увидели на экранах своих телевизоров многотысячное шествие бывших солдат в походной форме, начавшееся на Арлингтонском кладбище и двигавшееся по направлению к Капитолию. Эту драматическую демонстрацию открывала колонна инвалидов войны. Демонстрация завершилась у здания Капитолия, на ступени которого около 800 ветеранов бросили свои награды, полученные за «грязную войну» во Вьетнаме.

В массовой антивоенной демонстрации 24 апреля приняли участие более миллиона американцев — только в Вашингтоне 750 тыс. и в Сан-Франциско 250 тыс. Политический уровень требований демонстрантов был выше, чем осенью 1969 г.: наряду с немедленным окончанием войны ее участники потребовали освободить всех политических заключенных и гарантировать минимальный доход для всех семей[51].

За массовыми демонстрациями последовала еще одна волна разнообразных антивоенных выступлений, которая, по словам журнала «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт», «привнесла нечто новое в антивоенный протест»[52]. В первые дни мая в Вашингтон прибыло более 70 тыс. молодых людей. Они использовали те формы массового ненасильственного действия, которые применялись еще в октябре 1967 г. во время «похода на Пентагон», но в последующих выступлениях не получили широкого распространения. Теперь противники войны решили перекрыть доступ в районы федеральных учреждений Вашингтона, блокировав транспортные артерии города в утренние часы пик 3 и 4 мая, и с помощью таких методов, не прибегая к насилию, добиться нарушения нормального функционирования государственных учреждений, поднять социальную цену войны до уровня, неприемлемого для правителей Америки. Акции массового неповиновения отличались высокой организованностью и дисциплиной участников, которые не поддавались на полицейские провокации.

Правящие круги были не на шутку напуганы массовостью и подлинно демократическим характером майских выступлений. Численность армейских подразделений и полицейских сил, стянутых в Вашингтон, приближалась к 20 тыс.[53] Несмотря на мирный характер выступлений в Вашингтоне было арестовано около 13 тыс., подавляющее большинство из них составляли юноши и девушки до 25 лет[54]. Их не могли вместить тюрьмы и полицейские участки американской столицы; в результате на стадионе им. Кеннеди был организован импровизированный концентрационный лагерь для борцов за мир.

В те же дни антивоенные выступления прошли в Огайо, Мэриленде, Висконсине, Калифорнии, Монтане, Неваде, Орегоне, Теннесси, Виргинии, Род-Айленде, на Гавайях. Наиболее массовые и организованные выступления состоялись в Нью-Йорке, Бостоне, Сан-Франциско, Сиэтле.

---

[49] World Magazine, 1971, Apr. 17.
[50] Daily World, 1971, Apr. 14.
[51] Ibid., Apr. 27.
[52] US News and World Report, 1971, May 10, p. 21.
[53] Ibid., May 17, p. 9.
[54] Ramparts, 1971, July, p. 20.

Под давлением общественности активизировалась и антивоенная оппозиция на Капитолийском холме. За первую половину 1971 г. в конгрессе было проведено 22 голосования по резолюциям, содержавшим требования запретить финансирование военных действий в Индокитае или в целом ограничить право президента вести военные действия за рубежом.

Антивоенные протесты продолжались на протяжении всего 1971 г., но они уже не были такими массовыми. Число участников осенних демонстраций, состоявшихся во многих городах США, не превышало 10—15 тыс. В 1972 г. число массовых демонстраций и их размах продолжали снижаться. Среди наиболее значительных следует назвать выступления в Майами-Бич во время съездов республиканской и демократической партий. Новым моментом стало развертывание внешне менее эффективной, но важной повседневной работы на местах, проводимой небольшими локальными организациями и группами.

Большое значение имела реакция общественности и антивоенных организаций на факты эскалации военных действий во Вьетнаме. Возобновление бомбардировок территории ДРВ и минирование вьетнамских территориальных вод вызвали новый протест в апреле-мае 1972 г. В конце 1972 и январе 1973 г. он охватил большинство крупных городов и университетских центров США.

Сенат принимал одну антивоенную резолюцию за другой, сокращалось число сторонников правительства в палате представителей. В январе 1973 г. демократическая фракция палаты 154 голосами против 75 приняла решение запретить финансирование военных операций в Индокитае, а следом и демократическая фракция сената приняла эту резолюцию 36 голосами против 12. В мае обе палаты конгресса одобрили поправку, запрещающую финансирование военных действий в Лаосе и Камбодже. Когда президент Никсон наложил вето, лидер демократического большинства сенатор М. Мэнсфилд заявил, что сенат будет настаивать на этом запрещении «снова, и снова, и снова» [55]. Президенту пришлось пойти на уступки, и с 15 августа 1973 г. финансирование американских военных действий в Камбодже и Лаосе было прекращено.

Начало 70-х годов отмечено активным включением в антивоенную борьбу рабочего класса. Проявлением этого процесса стали попытки профсоюзных организаций разных уровней наладить прямые связи со студентами и преподавателями «для борьбы против войны и других социальных зол американского общества» [56]. Летом 1970 г. 13 крупных профсоюзов создали Национальный профсоюзный комитет за прекращение войны во Вьетнаме. Его возглавил председатель профсоюза рабочих химической промышленности Т. Бойл, вице-председатель профсоюза рабочих швейной и консервной промышленности Ч. Хойс и секретарь-казначей профсоюза рабочих автомобильной и аэрокосмической промышленности Э. Мэйзи. На протяжении 1970—1972 гг. комитет провел значительную работу по вовлечению членов профсоюзов в антивоенное движение.

В Чикаго состоялась конференция рядовых членов профсоюзов, которая стала событием для развития рабочего движения и борьбы за мир. Более 900 делегатов от 50 профсоюзов из 25 штатов представляли орга-

---

[55] Congressional Quarterly Almanac, 1973, vol. 29, p. 792.

[56] *Hall G.* Labor: Key Force for Peace, Civil Rights and Economic Security. N. Y., 1966, p. 18; *Foner Ph.* American Labor..., p. 111.

низованных рабочих ОПД, АФТ—КПП и независимых профсоюзов. Была единодушно принята декларация «За мир, против репрессий», в которой говорилось о пагубном влиянии войны на американскую экономику и содержался призыв к «немедленному прекращению войны, безотлагательному возобновлению мирных переговоров и выводу всех войск».

Серьезный резонанс вызвала конференция «Профсоюзы за мир», состоявшаяся летом 1972 г. в Сент-Луисе. Тысяча делегатов от 5 независимых и 14 входящих в АФТ—КПП профсоюзов представляла около 6 млн. человек. Среди ее инициаторов были такие видные профлидеры, как Г. Бриджес, С. Чавес, Л. Вудкок, Дж. Уэрф. Оценки американской внешней политики, требования, выдвинутые участниками конференции, свидетельствовали не только о продолжавшемся росте антивоенных настроений, но и об их радикализации.

Рассматриваемый период, по признанию Р. Никсона, был, «пожалуй, самым тревожным временем в истории вооруженных сил» США[57]. Усилился протест против призыва в вооруженные силы. Отмена отсрочек студентам, лотерейная система и некоторое снижение нормы призыва, введенные в 1969 г. с целью сбить волну антипризывного движения, вбить клин между студентами и рабочими, не достигли своей цели. В 1970-е годы под давлением снизу в конгресс были внесены предложения об отмене призыва в законодательном порядке. Призывники отказывались присягать на верность Соединенным Штатам. «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» писал, что такие люди «часто становятся энергичными антивоенными, антимилитаристскими агитаторами»[58]. Серьезное беспокойство властей вызывал и массовый протест студентов против системы подготовки офицеров резерва при высших учебных заведениях, а также против всех форм связей университетов с военно-промышленным комплексом.

Особенно напуганы были власти развитием беспрецедентного антивоенного солдатского движения, в котором активно участвовали выходцы из рабочих семей. Оно стало важным фактором подрыва шовинистических настроений среди части рабочего класса.

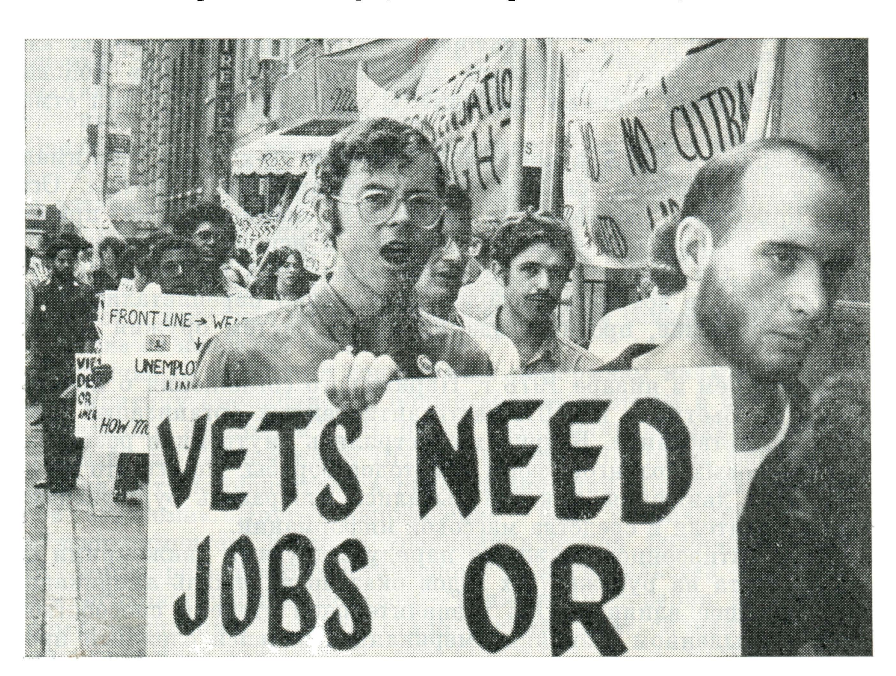
В конце 60-х — начале 70-х годов антивоенные настроения в армии получили организационное оформление. Среди антивоенных организаций в армии существовало несколько действовавших весьма энергично. Более 10 тыс. членов насчитывал Союз американских военнослужащих, имевший отделения на различных военных базах США. На ряде военных баз действовали отделения организаций «Солдаты за мир», «Объединение солдат против войны во Вьетнаме», «Движение за демократическую армию». Рос протест против войны в частях, находившихся во Вьетнаме. Все больше солдат «испытывали разочарование в войне, с которой познакомились сами,— говорилось в солдатском письме, опубликованном в подпольной газете «Джи-Ай пресс сервис».— ... Наш патриотический долг состоит в том, чтобы наши сограждане в Америке узнали, что правительство использует нас для продолжения несправедливой и агрессивной войны»[59].

Появление солдатских организаций, выдвигавших не только антиво-

---

[57] *Nixon R.* Memoirs, p. 356.
[58] US News and World Report, 1969, May 26, p. 58.
[59] GI Press Service, 1970, Jan. 16, vol. 2, N 1.

енные, но и широкие демократические требования, участившиеся случаи неповиновения приказам, нежелание участвовать в подавлении гражданских «бунтов», упадок дисциплины, дезертирство — все это свидетельствовало о начавшейся политизации американской армии. И давление со стороны антивоенного антипризывного движения, и появление антивоенной оппозиции в рядах самой армии заставили правящие круги отказаться от военного призыва и вернуться к традиционному для США способу

ДЕМОНСТРАЦИЯ БЕЗРАБОТНЫХ — ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ
В ЗАЩИТУ ПРАВА НА ТРУД (Нью-Йорк, май 1972 г.)

формирования вооруженных сил — набору добровольцев. По сути дела, это означало попытку господствующего класса создать постоянную армию из профессионалов-наемников, способную лучше выполнять задачи, возложенные на нее правящими кругами, и менее подверженную влиянию демократической, антиимпериалистической идеологии [60].

Массовый, многообразный по формам выражения протест против агрессии во Вьетнаме содействовал развитию очень важных социально-психологических сдвигов в стране: отходу от конформизма, политизации широких кругов так называемых «средних американцев», вовлечению их в антивоенное и общедемократическое движение. В апреле 1972 г. требование о выводе войск из Вьетнама поддержали уже 73% американцев [61]. Причем среди них были представители буквально всех классов и соци-

---

[60] Подробнее см.: *Ершова Е. Н.* Движение за мир, против милитаризма и войны в США. М., 1980, с. 83—107.
[61] The Gallup Opinion Index, Report N 83, 1972, May, p. 22.

альных групп — люди с различным уровнем образования и доходов, обитатели многомиллионных городов и сельские жители, протестанты и католики, молодежь и представители старшего поколения, белые и цветные, мужчины и женщины. Во всех группах не менее 68% высказались за вывод американских войск из Вьетнама.

Мощное давление со стороны антивоенно настроенных масс сказывалось и на работе конгресса. В 1969 г. в конгрессе было поставлено на голосование 5 законопроектов, направленных на скорейшее окончание войны, а в 1972 г. — уже 35[62]. В ноябре 1975 г. конгресс утвердил закон, ограничивающий право президента посылать американские войска за границу для ведения военных действий. С середины 1973 г. был отменен военный призыв.

Общественность США в конце 60-х—начале 70-х годов поднимала и другие важные вопросы, связанные с милитаризацией страны. Особое значение приобрело движение за пересмотр «национальных приоритетов», т. е. за сокращение военных расходов и использование освободившихся средств для решения неотложных социальных проблем. Выступления за сокращение военных расходов неразрывно переплетались с борьбой за разоружение, против создания новых систем оружия массового уничтожения.

С подписанием в январе 1973 г. Парижского соглашения о прекращении войны во Вьетнаме в США часть антивоенных организаций прекратила свое существование. В других обострились внутренние разногласия, шли поиски новых лозунгов, форм и методов борьбы. Но все это не означало «смерти» движения, как это пытались изобразить буржуазные общественные деятели и средства массовой информации.

Массовое антивоенное движение наряду с другими движениями социального протеста на рубеже 70-х годов оказало на жизнь американского общества большое влияние. Оно в значительной степени способствовало тому, что в обыденном сознании американцев начался сложный процесс размывания стереотипных представлений об «исключительности» Америки — «защитницы свободы и демократии», о «явном предначертании» Соединенным Штатам быть «мировым лидером». Наряду с другими международными политическими и экономическими факторами широкий размах антивоенного движения привел к тому, что империалистическая буржуазия США в эти годы в определенной мере утратила былую свободу действий, оказалась вынужденной приспосабливаться к изменившемуся соотношению сил на международной арене и внутри страны.

Движение за мир, развертываясь в условиях подъема социального протеста 60-х годов, переросло традиционный буржуазный пацифизм. Усиливались антиимпериалистические тенденции, которые все теснее переплетались с общедемократической борьбой американского народа. Тем самым антивоенная борьба в 60—70-х годах стала серьезным политическим фактором, оказавшим реальное воздействие как на нравственный климат в обществе, так и в определенной мере на политику правящих кругов.

---

[62] Congressional Quarterly Weekly Report, 1975, Apr. 26, p. 842.

3. ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕВОГО РАДИКАЛИЗМА. КОНТРКУЛЬТУРА

Кризис буржуазных ценностей, проявившийся в леворадикальном молодежном движении 60-х годов, оказался симптомом серьезной болезни американского общества. Ухудшение экономической конъюнктуры в первой половине 70-х годов и спад массового политического протеста не остановили начавшийся в «критические 60-е» процесс переоценки ценностей, хотя в новых условиях он претерпевал значительную трансформацию. 70-е годы в США отличались усложнением массового сознания и усилением его противоречивости[63].

Эволюция левого радикализма в начале 70-х годов совершалась в нескольких направлениях. Одно из них, наиболее распространенное, связано с возвращением «бунтарей после бунта» в лоно традиционного социального реформизма, представленного в 70-х годах течениями неопопулизма, консьюмеризма[64] и др., а также частично предвыборной программой либерального крыла демократической партии в 1972 г. Процесс этот протекал на своеобразной идейной основе и не означал полного отказа от наследия «новой левой».

В отличие от прошлого социальный реформизм начала 70-х годов допускал критику американской общественной системы в целом, а не только отдельных ее сторон[65]. В русле этого направления развивался характерный для Соединенных Штатов начала 70-х годов феномен «похода сквозь институты общества» в целях изменения общества изнутри, работая в «системе». Другое направление — рост утопических коммунитарных экспериментов, часто в традиционной для подобных движений в США форме религиозно-мистического богоискательства, стимулируемого новым психологическим мотивом — снижением доверия к рационалистическому мышлению, которое стало рассматриваться как идеологическое оружие правящей элиты.

Этими двумя путями не ограничивалась эволюция американских «новых левых». Часть их обратилась к теории марксизма, и в первую очередь к тем его аспектам, которые связаны с проблематикой личности.

Несмотря на спад леворадикального политического движения, влияние многих его идейных принципов на молодежь в первой половине 70-х годов продолжало возрастать[66]. Например, за то, чтобы в жизни американцев меньше подчеркивалась проблема денег, в период апогея движения в 1968—1969 гг. высказывались 73% студентов и 54% молодых ра-

---

[63] *Ladd E. C., Jr., Lipset S. M.* Anatomy of a Decade.— Public Opinion, 1980, vol. 3, N 1; *Yankelovich D.* New Rules: Searching for Self-Fulfillement in a World Turned Upside Down. N. Y., 1981 и др.

[64] Неопопулизм — левореформистское течение, соединяющее традиции фермерского популизма XIX в. с элементами идеологии «новой левой» (*Newfield J.. Greenfield J.* Populist Manifesto: the Making of a New Majority. N. Y.; Wash., 1978; *Harris F. R.* The New Populism. N. Y., 1973); консьюмеризм (от *англ.* consume — потреблять) — антимонополистическое течение в защиту рядового потребителя.

[65] *Starr P.* Rebels after the Cause.— In: New York Times Magazine, 1974, Oct. 13, p. 100; *Zaccino N., Hume E.* The Evolution of the Radical US Movement.— In: International Herald Tribune, 1975, Oct. 4—5, p. 1.

[66] Ценностные установки бунтующей леворадикальной молодежи 60-х годов получили в социологии название «новых ценностей».

бочих, а в 1973 г. этот тезис поддержали уже 80% студентов и 74% нестуденческой молодежи [67].

Показательно также изменение приоритетов трудовой деятельности и кризис ее мотиваций, характерных для американского «общества потребления». На первое место взамен материальных благ и символов престижа выдвинулся мотив содержания самого труда (в 1973 г.— 77% студенчества и 66% нестуденческой молодежи) [68]. В среде студенчества начала 70-х годов увеличилась тяга к «невыгодным», «непрестижным» профессиям, связанным с социальным обслуживанием рядовых людей, и особенно бедноты (школы, больницы и т. п.). Распространение подобных жизненных ориентаций сочеталось с критикой системы современного американского капитализма и развитием антибуржуазных тенденций в массовом сознании. Один из ведущих американских буржуазных социологов — Д. Белл в начале 70-х годов констатировал: «Если на данный момент наблюдается затишье политического радикализма, то культурный радикализм продолжает развиваться более сложными путями» [69].

Идейные и этические поиски леворадикальной молодежи выражали растущую общественную неудовлетворенность буржуазным образом жизни и образом мысли и потребность в иных ценностных ориентирах. Попытки «бунтующего поколения» создать альтернативу буржуазной культуре выразились в особом культурно-историческом феномене, получившем название контркультуры и представляющем собой комплекс социально-психологических и идейно-мировоззренческих установок [70]. Зафиксированное американскими исследователями в конце 60-х годов явление контркультуры знаменовало дальнейшее совмещение двух граней молодежного протеста — левого политического радикализма и движения хиппи. И хотя контркультура, провозгласившая своей целью «революцию посредством изменения сознания», ограничивала социальный протест сферой культуры, тем не менее ее острие направлялось против авторитарно-бюрократических тенденций современного монополистического капитализма, и прежде всего его дегуманизирующей роли.

Идейно-психологические процессы, обозначаемые понятием «контркультура», происходили одновременно во многих капиталистических странах, затрагивая главным образом молодежь, принадлежавшую по своему социальному происхождению к средним слоям. Наиболее полное развитие этих процессов было отмечено в США, где они обнаружились раньше по времени и в более четких формах.

Центральные мировоззренческие установки контркультуры связаны с утверждением абсолютной ценности личности и апологией свободы самовыражения «естественного человека» [71]. Средством достижения подлин-

---

[67] *Yankelovich D.* Changing Values in the 60's. A Study of American Youth. N. Y., 1974, p. 16, 24.

[68] *Yankelovich D.* The New Morality. A Profile of American Youth in the 70's. N. Y., 1974, p. 70, 106—107.

[69] *Bell D.* Sensibilities in the 60's.— In: Youth: Divergent Perspectives/Ed. by P. K. Manning. N. Y.; L., 1973, p. 27.

[70] Проблематика контркультуры основательно исследована в советской литературе. См.: *Замошкин Ю. А., Мотрошилова Н. В.* Некоторые современные тенденции в развитии сознания американских «новых левых».— В кн.: Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972; *Мельвиль А. Ю., Разлогов К. Э.* Контркультура и «новый» консерватизм. М., 1982 и др.

[71] В исследованиях, посвященных анализу контркультуры, эти установки получили название этики самоосуществления, или самореализации.

ной свободы сторонники контркультуры считали слияние человека со стихийными силами дикой природы («новый натурализм») и развитие «нового способа чувствования» (new sensibility), под которым подразумевалось сочетание интуитивно-мистического и непосредственно-чувственного мировосприятия. Подобные идеалы противопоставлялись техницизму западной цивилизации и господствующему в ней рационализму научного знания.

Таковы основные идейные элементы контркультуры, которые вопреки претензиям ее приверженцев на абсолютную новизну в действительности принадлежат идейно-психологической традиции иррационализма, пронизывающей историю Запада в виде сильного «подводного» течения, сосуществующего с основным рационалистическим культурным потоком и оппозиционного ему. Непосредственной идеологической основой контркультуры послужили концепции левого фрейдизма [72], изложенные в работах Г. Маркузе и Н. Брауна [73].

В прошлом умонастроения, выражавшие антирационалистические и антитехницистские тенденции духовного развития Запада, были достоянием узких кругов интеллигентской элиты, некоторых еретических христианских сект или деклассированных одиночек. В середине XX в., когда в результате научно-технической революции в условиях монополистического капитализма усилилось ощущение всестороннего подавления личности, эти установки приобрели актуальность и получили относительно массовое распространение в рамках контркультуры, главным образом в среде молодой интеллигенции.

Связанная с контркультурой весьма острая идейная полемика в США привела к возникновению на рубеже 60—70-х годов леворадикальных концепций, обосновывающих особую роль этой формы молодежного протеста в борьбе за социальные изменения. Их авторы — Т. Розак, Ч. Рейч, Ф. Слейтер и др.— утверждали, что значительная часть молодого поколения индустриально развитых капиталистических стран создает свою культуру («новое сознание»), якобы радикально отличающуюся по всем главным установкам от господствующей культуры современного буржуазного общества. По мнению теоретиков контркультуры, ее носители к концу 60-х годов образовали достаточно многочисленное «контробщество», которое стало субъектом будущих радикальных преобразований. Основным фактором социальных изменений у них выступал антагонизм не классов, а поколений, выражающийся в борьбе антагонистических типов сознания, и в наиболее крайней форме — конфликт между всем обществом и деперсонифицированным истэблишментом. Согласно Ч. Рейчу, освобождение личности означает свободу от логики разума, поскольку она используется для оправдания преступлений истэблишмента.

Утопический социальный проект Т. Розака был основан на полном отрицании позитивных сторон научно-технического прогресса, а в качестве главных средств освобождения идеологи контркультуры предлагали возврат к первобытным магическим ритуалам, опрощение, наркотики и «поп-музыку», поскольку эти последние, обостряя эмоциональное восприятие, якобы препятствуют «отупению» человека, способствующему его

[72] Одно из направлений социального фрейдизма, основанное на использовании метода психоанализа для создания теорий радикального переустройства общества.
[73] Подробнее см.: *Баталов Э. В.* Философия бунта. М., 1974; *Новинская М. И.* Студенчество США: Социально-психологический очерк. М., 1977, гл. 4.

всестороннему подчинению буржуазной общественной системе. Авторы концептуальных схем контркультуры обнаружили непонимание истинной природы репрессивных механизмов современного капиталистического общества и утопические представления о путях его радикального переустройства исключительно посредством изменения сознания и культуры.

Упомянутыми именами не ограничивался список «властителей дум» молодых приверженцев контркультуры. Среди них были также поэт-битник А. Гинсберг, писатель Н. Мейлер, проповедник «религии наркотиков» Т. Лири, а также писатель и публицист П. Гудмен, снискавший широкую популярность среди радикально настроенной молодежи.

В сочинениях Гудмена — и это, вероятно, наиболее привлекательная сторона его творчества для молодежи — содержалась развернутая критика конкретных сторон американской социальной действительности, в частности критика капиталистической урбанизации, постановки высшего образования в США и т. д.[74] П. Гудмен разрабатывал анархистские и коммунитарные социальные проекты на основе своей концепции «гештальттерапии»[75], согласно которой все формы жизни, как биологической, так и общественной, представляют собой мистическое единство организма и среды. Созданный П. Гудменом ностальгический образ целостности мира оказался созвучным тяготению молодежи к общности, ее неприятию разобщающего культа индивидуального успеха, господствующего в американской культуре.

Обладая известной концептуальной базой и имея своих идеологов, контркультура, однако, не представляла собой стройную идейно-мировоззренческую систему. Контркультура была прежде всего практическим поиском «нового образа жизни», альтернативного буржуазному. Этим понятием обозначался особый тип мировосприятия и жизненного стиля, в основе которого лежало стремление к утверждению этических ценностей, несовместимых с практикой капитализма, таких, как антипотребительство и приоритет духовности, эгалитаризм и альтруизм в качестве основы межличностных отношений и т. д. Сторонники контркультуры пропагандировали разрыв с окружающим обществом. Многие из них покидали семьи, уходили из городов и часто вовлекались в разного рода коммунитарные эксперименты (в том числе и религиозные) по созданию очагов «новой морали» и «подлинной свободы». Однако эксперименты контркультуры терпели неудачу или же заканчивались трагично.

Этическое и идеологическое творчество американской леворадикальной молодежи, направленное против господствующих буржуазных ценностей и норм, так и не смогло их преодолеть. «Тотальное отрицание» ценностей капиталистической системы, провозглашенное молодыми бунтарями, во многом оставалось чисто внешним. Более всего это проступало в особой манере поведения и одежды, наркомании и морали так называемой «сексуальной революции».

Восстав против господства пуританской морали и протестантской трудовой этики, сторонники контркультуры не видели, что сражаются с уже несуществующим врагом, не понимали, что их оружие в этой борьбе — принципиальное безделье, наркомания, нравственная распущенность, вы-

[74] *Goodman P.* Growing up Absurd. N. Y., 1960 и др.

[75] Gestalt (*нем.*) — целостный образ. Подробнее см.: *Goodwin P., Pearls Ph., Hefferline R.* Gestalt-Therapy. N. Y., 1951.

двигаемые в качестве культурных форм антибуржуазного протеста, в действительности представляют собой крайности господствующих культурных установок современной гедонистской буржуазной «цивилизации досуга». Эти стороны контркультуры были, в сущности, порождением общества, от которого «бунтующее поколение» пыталось бежать. Именно в этой части контркультура смыкалась с «массовой культурой», насаждаемой и финансируемой крупным капиталом. Характерно, что художественные приемы контркультурного авангардизма легко и быстро усваивались буржуазной «массовой культурой» и приспособлялись ею для чисто коммерческих нужд.

Родство контркультуры с буржуазной системой ценностей прослеживалось и в ее центральных, глубинных установках, связанных с принципами самореализации и абсолютной свободы «естественного человека». Вопреки претензиям на «тотальное» отрицание американской буржуазной культуры эти принципы оказались, по сути дела, лишь новыми вариантами буржуазного индивидуализма и прагматизма, культивируемых в массовом сознании американцев всем жизненным укладом общества.

В определенной мере отражая реальную потребность в новой мировоззренческой и этической системе, контркультура как на идеологическом, так и на социально-психологическом уровне оказалась несостоятельной в своих попытках эту систему создать. Она заключала в себе глубоко противоречивые, подчас взаимоисключающие, начала[76]. С одной стороны, она вызывалась к жизни сильным гуманистическим импульсом, ей были присущи напряженные духовные и этические поиски альтернативных культурно-ценностных ориентиров. С другой стороны, протест против тенденции современного капитализма к тотальной дегуманизации буржуазного общества зачастую сводился к требованию абсолютной свободы ничем не ограничиваемых инстинктов; отказ от традиционной ориентации на успех оборачивался презрением к труду; разочарование в буржуазном идеале потребительства приводило к утрате всяких позитивных идеалов; отрицание буржуазной «массовой культуры» становилось пренебрежением к высшим достижениям культуры. Внутренняя логика принципа неограниченного самоосуществления вела к изощренному эгоцентрическому варианту гедонизма и к асоциальным формам протеста. Эти противоречия контркультуры способствовали вырождению критики капиталистической рациональности в апологию мистического иррационализма, проповеди свободы и естественности — в культ вседозволенности и примитивизма.

Контркультура не смогла заполнить образовавшийся в США к середине XX в. духовный вакуум, ставший причиной резкого усиления таких пороков американского общества, как преступность и наркомания. В целом она воспринималась рядовыми американцами как явление чуждое и часто враждебное, а в начале 70-х годов утратила привлекательность даже для своих бывших сторонников. Однако, будучи реакцией на кризисные явления современного капитализма, установки контркультуры оказали определенное влияние на массовое сознание американцев. Отрицание ею потребительского идеала и напряженные поиски духовной самореализации личности положили начало сдвигам в общественной психо-

[76] В марксистской литературе отмечалось, что к контркультуре «относились явления, не только глубоко различные, но и зачастую полярные в социально-политическом и идейно-художественном плане» (Коммунист, 1983, № 3, с. 96).

логии американцев, характерным для последующего десятилетия 70-х годов. Так, «новый натурализм» контркультуры в полемически заостренной форме выдвинул одну из наиболее важных проблем современности – экологическую, которая впоследствии (конец 70-х – 80-е годы) оказалась в центре общественного интереса [77].

4. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ В БОРЬБЕ ЗА МАССЫ

Активное участие Компартии в антивоенном движении, поддержка борьбы рабочего класса и движения черного населения страны, кампания в защиту жизни Анджелы Дэвис способствовали росту авторитета партии и ее лидеров, развитию ее связей с массами, с антивоенными, молодежными, негритянскими организациями. Численность партии увеличивалась, причем главным образом за счет молодежи и рабочего класса.

18–21 февраля 1972 г. в Нью-Йорке состоялся XX съезд Компартии. На съезде присутствовали 254 делегата из 36 штатов и федерального округа Колумбия. 34% участников были моложе 30 лет, 30% делегатов – женщины, 33% делегатов составляли черные, американцы мексиканского происхождения и пуэрториканцы. В числе делегатов были металлурги, автомобилестроители, портовые, строительные рабочие, представители многих других отраслей промышленности. 123 делегата были членами различных профсоюзов. Такой состав съезда свидетельствовал об определенных переменах, происшедших в партии за период после XIX съезда КП. Во-первых, происходило омоложение партии, и, во-вторых, росла рабочая прослойка, увеличилось числе членов профсоюзов. Все это нашло отражение и в работе съезда. Ветераны партии и сами руководители отмечали боевой дух его участников, единство, сплоченность.

Подводя итоги деятельности партии за период, прошедший со времени предыдущего съезда, Г. Холл заявил, что, несмотря на трудные условия, атаки со стороны реакции, Компартия пришла к XX съезду окрепшей, качественно улучшив свою работу. Ее связи с массами стали прочнее, возросло ее участие в профсоюзном движении. Но обстановка, заявил Г. Холл, требует усиления работы по укреплению партии. Важнейшей задачей, отметил он, остается пополнение ее рядов, и прежде всего за счет рабочего класса.

Большое внимание съезд уделил идеологическим проблемам, чему был посвящен доклад Генри Уинстона. Подчеркивая необходимость активизации борьбы за единство всех трудящихся страны, выступающих против антинародной политики монополистического капитала, Г. Уинстон заявил: «Это единство возможно и необходимо лишь на основе марксизма-ленинизма – единственной научной теории, которой принадлежит будущее всего человечества». Указав на опасность мелкобуржуазной идеологии, которая отрицает авангардную роль рабочего класса в социальной революции, Уинстон подчеркнул: «Только марксизм-ленинизм исходит из того, что рабочий класс является подлинным авангардом революционной борьбы и что только рабочий класс способен покончить с капитализмом и

[77] О влиянии контркультуры на развитие «новых ценностей» американцев в 70-е годы см. также: *Yankelovich D.* New Rules.

построить социалистическое, а затем коммунистическое общество. Только рабочий класс способен обеспечить подлинную, а не фальшивую демократию, а также оказать решающую поддержку национально-освободительному движению колониальных и зависимых народов» [78].

Съезд принял главную политическую резолюцию «Путь к миру, свободе, социализму», содержавшую четкий анализ международной обстановки, изменения соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, позитивных сдвигов в советско-американских отношениях, а также внутриполитического положения в США. Значительная часть резолюции была посвящена проблемам партийного строительства. В состав нового Центрального Комитета КП США были избраны 40 человек и еще 120 человек — в состав Национального совета. Генеральным секретарем партии был вновь избран Г. Холл, Национальным председателем партии — Г. Уинстон. Съезд, рассмотрев вопрос об участии Компартии в избирательной кампании 1972 г., утвердил кандидатом на пост президента от партии Г. Холла, на пост вице-президента Джарвиса Тайнера, лидера Союза молодых рабочих за освобождение. 21 февраля съезд закончил работу.

Одним из основных пунктов внешнеполитического раздела избирательной платформы Компартии было улучшение советско-американских отношений. КП США высоко оценила итоги переговоров между политическими руководителями СССР и США в мае 1972 г. В принятом партией заявлении говорилось: «Переговоры на высшем уровне в Москве явились победой всех народов мира. На переговорах был подтвержден принцип мирного сосуществования различных социальных систем. Подтверждение этого принципа явилось шагом на пути превращения самой идеи мирного сосуществования в реальность...» [79].

Компартия в ходе избирательной кампании разъясняла массам важность улучшения советско-американских отношений для дела мира. Такая работа партии была необходима, так как противники разрядки международной напряженности после непродолжительного замешательства перешли в наступление.

Партия добилась определенного успеха в кампании по сбору подписей под петициями с требованиями о внесении кандидатов партии в избирательные бюллетени в различных штатах. В 25 штатах страны Компартия собрала 400 тыс. подписей. Однако право участвовать в выборах она получила только в 13 штатах и федеральном округе Колумбия.

Участие Компартии в избирательной кампании 1972 г. имело важное значение и для самой партии, и для деятельности всех левых сил страны. Г. Холл оценил успехи КП США в избирательной кампании 1972 г. как ее большое достижение. «Мы пробили стены бойкота, которые возвели вокруг нас органы массовой информации,— заявил он.— ... Избирательная кампания доказала, что десятки миллионов людей готовы не только прислушиваться к нашему голосу, но и серьезно взвешивать точку зрения коммунистов» [80]. Одним из важнейших итогов избирательной кампании было преодоление некоторых негативных, пессимистических настроений в среде коммунистов, у которых окрепла вера в собственные силы.

---

[78] Political Affairs, 1972, Mar., p. 19.
[79] World Magazine, 1972, June 10, p. 2.
[80] *Hall G.* The Crisis of the US Capitalism and the Fight Back. N. Y., 1975, p. 6.

Учитывая новую ситуацию, в которой теперь оказалась партия и которая сложилась внутри самой партии, декабрьский пленум ЦК КП США 1972 г. принял решение вновь ввести партийные билеты, отмененные в 1948 г., в самый разгул маккартизма, когда принадлежность к Компартии каралась суровым наказанием. Введение партийных билетов способствовало организационному укреплению партии.

Разрядка международной напряженности, улучшение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами привели к тому, что антисоветизм, антикоммунизм в стране вынуждены были несколько отступить, вследствие чего улучшились условия деятельности Компартии. Встревоженная этим реакция попыталась вновь подогреть антирадикальную истерию. Хотя сенатская комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, по существу, прекратила свою работу, тем не менее ее председатель сенатор Д. Айкорд не хотел с этим мириться. Он сумел добиться слушания дела о Компартии, которое началось 1 ноября 1973 г. Открывая заседание комиссии, Айкорд, как писала 3 ноября газета Компартии «Дейли уорлд», выразил недовольство прекращением деятельности Управления по проверке лояльности. Однако этот демарш не получил поддержки американской общественности.

5. ВЫБОРЫ 1972 г.

Избирательная кампания 1972 г. была отмечена острой политической борьбой, жаркими дебатами по поводу продолжавшейся агрессии США во Вьетнаме и внутренних социальных проблем, связанных с положением цветного населения, молодежи, женщин и т. д.[81]

В борьбе за выдвижение кандидатом от демократической партии участвовали сенаторы Дж. Макговерн, Г. Хэмфри, Э. Маски, Ф. Харрис, Х. Хьюз, Б. Бай, В. Хартке, Г. Джексон. Успешно выступивший на первичных выборах (праймериз) Макговерн добился выдвижения на съезде демократов своей кандидатуры. Это стало возможным в значительной степени благодаря осуществленным в демократической партии при его участии организационным реформам, предоставившим на съезде больше мест молодежи, женщинам. Более 80% участников впервые были делегатами съезда. Это породило серьезный конфликт в партии между сторонниками Макговерна и «старой гвардией». Некоторые видные демократы вошли в комитет «Демократы за переизбрание Никсона», возглавленный бывшим министром финансов Дж. Коннэли. Решительно был настроен против Макговерна председатель АФТ—КПП Дж. Мини. Руководство этой организации заявило о «нейтралитете» в кампании, что фактически было на руку республиканцам. Следует отметить, что ряд профсоюзов АФТ—КПП не одобрил такой позиции. Активно выступил в пользу Макговерна Л. Вудкок — лидер крупнейшего независимого профсоюза рабочих автомобильной промышленности.

Кандидат демократической партии в президенты Дж. Макговерн с самого начала кампании сделал центральной темой своих выступлений вопрос о войне во Вьетнаме. Он обещал, что, если станет президентом, немедленно отдаст приказ американским войскам о прекращении военных

---

[81] History of US Political Parties/Gen. ed. A. M. Schlesinger, Jr. N. Y., 1973, vol. 4, p. 2848—2865.

действий в Индокитае. Макговерн не раз резко критиковал сайгонский режим как коррумпированную военную диктатуру и заявлял, что вьетнамцы должны сами достичь между собой политического урегулирования.

Вьетнамская проблема была центральным, но отнюдь не единственным важным пунктом предвыборной программы, принятой съездом демократов, состоявшимся 10—13 июля 1972 г. в г. Майами-Бич (штат Флорида). В ней говорилось о необходимости существенного пересмотра национальных приоритетов, что подчеркивалось самой структурой принятой на съезде демократов официальной предвыборной платформы, отражавшей взгляды Макговерна и его сторонников. Начиналась она с разделов, посвященных внутренним проблемам: экономическим, социальным, политическим, и лишь за этим следовала внешнеполитическая часть.

Макговерн указывал на взаимосвязь между проблемами войны во Вьетнаме, ростом военных расходов и обострением социальных проблем. В ходе кампании он выступил с предложением уменьшить военный бюджет за три года на 33 млрд. долл., сократить вооруженные силы на треть. Он обещал также вывести американские войска из Индокитая и Южной Кореи, сократить их количество в Европе, приостановить ряд программ по строительству новых видов военных самолетов, ракет и т. д. Высвободившиеся средства кандидат демократов предлагал направить на решение внутренних социально-экономических проблем. Он подчеркивал, что, несмотря на объявленную Никсоном политику «вьетнамизации», американское военное вмешательство продолжается. Хотя высказывания Макговерна по вопросам советско-американских отношений порой носили противоречивый характер, тем не менее он поддержал заключенное в Москве соглашение об ограничении стратегических вооружений и высказался за продолжение переговоров по этому поводу. В платформе демократов заявлялось, что следует избежать нового раунда гонки вооружений.

Макговерн обещал добиваться ликвидации безработицы. Важное место в его платформе заняли планы реформы налогообложения, перераспределения доходов. Он обещал уничтожить налоговые привилегии как для частных лиц, так и для корпораций, провести широкую реформу налогообложения, перестроить существующую систему социального вспомоществования, установив гарантированный минимальный уровень дохода. Платформа Макговерна включала также предложения о защите гражданских свобод, о правах членов профсоюзов, женщин, детей, молодежи, мерах по вопросам образования, здравоохранения, борьбе с преступностью, охране окружающей среды.

В ходе кампании предметом острых дебатов стала проблема «басинга» — перевозок школьников на автобусах в целях установления расового баланса. Никсон и другие выступили против таких перевозок. Макговерн же расценивал их как один из необходимых инструментов в борьбе с сегрегацией. Он высказывался также в пользу амнистии после окончания агрессии во Вьетнаме для тех, кто отказался участвовать в ней по своим антивоенным убеждениям.

Макговерн рассчитывал, что его программа найдет отклик прежде всего у молодежи, национальных меньшинств, членов профсоюзов, участниц женского движения и т. д. Ряд требований, а также само словесное оформление программы демократов, выступлений Макговерна были призваны продемонстрировать, что демократическая партия откликается на веяния времени, выступает за перемены, углубление реформ.

В то же время следует подчеркнуть, что предвыборная программа Макговерна отнюдь не выходила за рамки буржуазно-либерального реформизма. Тем не менее его политические противники приложили немало усилий, чтобы представить взгляды Макговерна как слишком радикальные. Его обвиняли в пропаганде изоляционизма, в том, что он-де стремится ослабить военную мощь страны, заявляли, что его позиция по вьетнамскому вопросу равноценна капитуляции, что он слишком терпим в отношении таких проявлений социальной патологии, как наркомания, упрекали и за поддержку им «басинга» и т. д. и т. п. В официальной платформе республиканской партии прямо утверждалось, что демократическая партия «захвачена радикальной кликой» и что позиция Макговерна отражает взгляды «крайней левой».

Президент Никсон избрал главной темой своей кампании внешнеполитические проблемы. Он сделал особый упор на том, что его деятельность на посту президента уже принесла ощутимые результаты в достижении улучшения международного климата. При этом подчеркивались такие моменты, как визиты Никсона в Москву и в Пекин, как политика «вьетнамизации» войны и вывод сухопутных войск США из Вьетнама, как антиинфляционные мероприятия (введение контроля над заработной платой и ценами) и меры по укреплению внешнеэкономических позиций США.

Никсон имел за собой на выборах сплоченную республиканскую партию, и принятая ею на съезде (Майами-Бич, 21—23 августа 1972 г.) платформа полностью соответствовала взглядам и установкам президента: превозносились достижения администрации Никсона, подчеркивалось, что ей удалось восстановить в стране «здравый смысл, порядок и надежду».

В предвыборной платформе республиканцев провозглашалось стремление искать урегулирования во Вьетнаме на условиях «почетного мира», но подтверждалась позиция поддержки сайгонского режима. Предложения Макговерна о сокращении вооруженных сил США, в частности числа авианосцев и т. п., квалифицировались как непатриотичные. Большое место в предвыборной платформе республиканцев было отведено военным проблемам. Особый упор делался на модернизацию вооруженных сил США.

Специальный пункт предвыборной платформы республиканцев был посвящен отношениям с Советским Союзом. В документе съезда республиканцев говорилось, что администрация Никсона встала на «путь строительства новых отношений, основанных на реалистическом признании глубоких различий в ценностях и системах двух стран». В платформе говорилось о важном значении переговоров об ограничении стратегических вооружений. Особенно подчеркивался успех встречи на высшем уровне в Москве и важность подписанных соглашений.

В предвыборной платформе республиканцев содержалось обещание покончить с инфляцией, добиться дальнейшего сокращения безработицы, поднять реальные доходы и усилить позиции США в области внешнеэкономических отношений. Платформа поддерживала требование президента, с которым он уже обращался к конгрессу, установить твердый максимум бюджетных расходов на каждый финансовый год.

Призывая «новое большинство» сплотиться вокруг его платформы, Никсон старался подчеркнуть реалистичность своих позиций и предста-

вить Макговерна как человека, строящего воздушные замки. Содержанию платформы республиканцев, с ее упором на уже достигнутые результаты, соответствовала тактика лидера этой партии в предвыборной кампании. Никсон избрал себе роль политического деятеля, всецело поглощенного важными государственными делами и не опускающегося до мелких стычек предвыборной борьбы.

В июне 1972 г. имел место инцидент, положивший начало уотергейтскому делу,— незаконное проникновение со взломом в помещение национального комитета демократической партии в комплексе Уотергейт (г. Вашингтон). Хотя сразу же обнаружилось, что некоторые участники налета были связаны с созданным республиканцами Комитетом по переизбранию президента, Никсон и его помощники категорически отрицали какую-либо причастность к организации этой операции. На той стадии им удалось убедить общественность в своей невиновности, и уотергейтская ситуация не повлияла на исход выборов в ноябре 1972 г. Лишь позднее стали известными подлинные обстоятельства этого дела, что привело к громкому политическому скандалу и резкому обострению внутриполитической борьбы в стране.

Помимо Никсона и Макговерна, в предвыборной борьбе участвовали и представители других партий. Энергичную кампанию вела Коммунистическая партия США, а наряду с ней и ряд других демократических группировок, представлявших левое крыло политического спектра США. Известный общественный деятель доктор Бенджамин Спок был выдвинут кандидатом в президенты от Народной партии, в которой была представлена часть активистов антивоенного, студенческого, негритянского движений. Спок выступал за немедленное прекращение войны в Индокитае, за проведение ряда социальных реформ в США: установление, с одной стороны, гарантированного минимального уровня доходов для нуждающихся семей, а с другой — максимума на доходы для состоятельных американцев, введение «контроля потребителей и трудящихся над производством на местном уровне», переход к бесплатному медицинскому обслуживанию. Кандидатура Спока была зарегистрирована в 10 штатах.

Наиболее крупной организацией ультраправых, выдвинувшей своего кандидата, была Американская партия. Она возникла в 1969 г. в результате слияния нескольких ультраконсервативных групп с Американской независимой партией, кандидатом в президенты от которой на выборах 1968 г. был губернатор Алабамы Дж. Уоллес. В 1972 г. от Американской партии кандидатом в президенты стал член палаты представителей Дж. Шмиц, принадлежащий к ультраконсервативной организации «Общество Джона Берча». Шмиц выступал с крайне правых позиций, ратуя, в частности, за более жесткую линию во вьетнамском вопросе и бурно возражая против расширения торговых связей с социалистическими странами. По внутренним проблемам Шмиц выступал против участия государства в решении социальных вопросов, за свертывание социальных программ, против «басинга» и т. д.

На состоявшихся 7 ноября 1972 г. президентских выборах за Никсона голосовали 47,1 млн. избирателей (60,7%), за Макговерна — 29,1 млн. (37,5%) [82]. Анализ данных по географическим районам и слоям электората дает представление о слагаемых победы Никсона. Ранее и в инду-

[82] International Herald Tribune, 1972, Nov. 9.

стриальных, наиболее населенных штатах Северо-Востока, и в южных штатах были сильны позиции демократов. Но в 1972 г. и те и другие поддержали Никсона. Что касается такого традиционного оплота демократической коалиции, как профсоюзы, то в 1972 г. более половины их членов, принявших участие в выборах, голосовали за Никсона [83]. За Никсона подали голоса и многие демократы (лишь 60% демократов поддержали Макговерна). На другом фланге Никсону удалось привлечь на свою сторону 75% тех, кто в 1968 г. голосовал за крайне правого кандидата Уоллеса.

В то время как кандидат от республиканской партии в президенты победил с большим перевесом, выборы членов конгресса и губернаторов не принесли подобного успеха республиканцам. В сенате демократам даже удалось получить дополнительно два места. После выборов 1972 г. в сенате было 57 демократов и 43 республиканца. В палате представителей демократы потеряли 12 мест, но все еще располагали значительным перевесом: 243 демократа против 192 республиканцев [84]. Демократы получили еще один губернаторский пост, и теперь из 50 губернаторов 31 был демократ, а 19 — республиканцы [85]. Это означает, что многие избиратели голосовали за кандидата в президенты от одной партии, а в конгресс — от другой. В США, таким образом, сохранилась ситуация «разделенного правления».

Хотя Никсон на выборах добился значительного успеха, планы создания «нового республиканского большинства» не материализовались. В старой коалиции, традиционно поддерживавшей демократов, обнаружились трещины, но в конгрессе и на других уровнях власти их позиции продолжали оставаться достаточно прочными. Такая ситуация в верхних этажах государственного аппарата косвенно отражала фундаментальный факт — поляризацию общественных сил в стране. Правительству удалось приглушить голоса протеста, сбить волну антивоенного и студенческого движений. Однако страна не обрела политической стабильности. Продолжали накапливаться внутренние трудности. Всего через несколько месяцев после выборов 1972 г. США погрузились в пучину острейшего кризиса, вызванного уотергейтским скандалом.

---

[83] US News and World Report, 1972, Nov. 20, p. 14--15.
[84] *White T. H.* The Making of the President, 1972, p. 342.
[85] National Journal, 1972, Nov. 11, p. 1727.

Глава девятая

РАЗРЯДКА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И США

1. КРИЗИС ГЛОБАЛИЗМА

На рубеже 60—70-х годов во внешней политике США происходят — весьма непоследовательно и противоречиво — определенные сдвиги к реализму, прежде всего в отношениях с СССР, странами социалистического содружества. Неохотно, с опозданием Вашингтон приступил к пересмотру политического курса в духе приспособления к изменившимся условиям международной жизни и возможностям страны. Центральной проблемой была выработка администрацией Р. Никсона позиции относительно начавшегося во второй половине 60-х годов в Европе процесса ликвидации опасной напряженности между социалистическими и капиталистическими странами, вызванной политикой «холодной войны», перестройки отношений между государствами на принципах мирного сосуществования, равной безопасности и взаимовыгодного сотрудничества.

Фактором первостепенного значения, вынудившим Соединенные Штаты обратиться к поискам новых путей во взаимоотношениях с социалистическими странами, явился коренной сдвиг в соотношении сил на мировой арене в пользу народов, борющихся за социальный прогресс, демократию, национальную свободу и мир, связанный, в частности, с установлением военно-стратегического паритета между СССР и США, ОВД и НАТО. Достижение паритета упрочило позиции СССР, стран социализма и всех прогрессивных сил, опрокинуло расчеты агрессивных кругов империализма на победу в мировой ядерной войне. Укрепление единства стран социалистического содружества, их экономического, научно-технического и оборонного потенциала, усиление их международных позиций, выдвижение ими конструктивных миролюбивых инициатив вместе с возросшей ролью молодых независимых государств в мировой политике способствовали активизации тех сил на Западе, в том числе в США, которые выступали с позиций реализма.

Происходивший сдвиг, нашедший первоначально свое отражение в острых дебатах по внешнеполитическим вопросам, вызревал подспудно, по мере нарастания числа провалов американского империализма на международной арене. Но реалистические тенденции с трудом пробивали путь в Вашингтоне. Нельзя не учитывать, что в течение почти четверти века после окончания второй мировой войны политическое мышление американского истэблишмента находилось в плену преувеличенных представлений о могуществе страны, миражей «американского века». «Упоение силой» мешало видеть реальность, фиксировать глубокие изменения, происходившие в мире.

Затянувшаяся война во Вьетнаме, вызвавшая резкое обострение внутриполитических противоречий, заставила правящие круги США всерьез

заняться учетом всех количественных и качественных параметров международной обстановки. И первый вывод состоял в том, что давние расчеты Вашингтона уничтожить социализм с помощью силы, глобального антикоммунизма и интервенционизма потерпели крах. Далее, политика «мирового жандарма» чрезвычайно дорого обошлась Соединенным Штатам. Жесткая конфронтация с СССР, социалистическими странами, борьба против национально-освободительных движений, гонка вооружений подорвали те позиции, которые Соединенные Штаты занимали в первые послевоенные годы, их «лидерство» среди других капиталистических держав. В 60-е годы в капиталистическом мире возникли новые «центры силы» в лице Западной Европы и Японии, обострились противоречия между Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО, возросла самостоятельность ряда западноевропейских стран и Японии в международных делах.

Размежевание в «верхах» США в связи с очевидной эрозией «американского могущества» дополнялось недовольством «низов» — народных масс, несших бремя растущих военных расходов и имперской политики. Затянувшаяся вьетнамская авантюра, ее колоссальная материальная и моральная цена, растущие людские потери вызвали протест в стране, вылившийся в широкое движение за прекращение агрессии в Индокитае. На волне недовольства, вызванного в значительной степени внешнеполитическими причинами, произошла смена власти в Вашингтоне. Р. Никсон вошел в Белый дом, потому что обещал перемены во внешней политике, прекращение дорогостоящей и непопулярной войны.

То, что Р. Никсон, принадлежавший к числу наиболее консервативных политических деятелей, избрал путь улучшения отношений с СССР, лишний раз подчеркивает объективную обусловленность курса на ослабление международной напряженности. Никсон не изменил своей приверженности антикоммунистическим взглядам, сформировавшимся еще в атмосфере «холодной войны» [1]. Однако президент не мог не понимать, что американская монополия на ракетно-ядерное превосходство ушла в прошлое. Новое соотношение сил между социализмом и капитализмом осмысливалось в Вашингтоне в первую очередь с точки зрения соотношения военной мощи СССР и США. Во время предвыборной кампании 1968 г. Р. Никсон подчеркнул на пресс-конференции: «Я желал бы напомнить представителям печати, что в те годы (президентства Кеннеди.— *Авт.*) все профессиональные эксперты сходились на том, что превосходство Соединенных Штатов в совокупном ядерном потенциале над Советским Союзом выражалось соотношением по меньшей мере 4 : 1, а возможно, и 5 : 1. Сейчас все обстоит иначе. Разрыв ликвидирован. И больше его уже не будет...» [2].

Новая администрация не могла долее игнорировать и другой, все более очевидный факт, что агрессия США во Вьетнаме обречена на провал. Еще в начале 1968 г. Никсон (тогда еще кандидат в президенты) получил от будущего министра обороны М. Лейрда весьма пессимистическую оценку ситуации во Вьетнаме. 29 марта 1968 г. Никсон сказал в частном разговоре: «Я пришел к выводу, что у нас нет возможности выиграть войну (во Вьетнаме.— *Авт.*). Конечно, мы не можем сказать этого (от-

---

[1] *Nixon R.* Memoirs. N. Y., 1978, p. 343.
[2] New York Times, 1969, Mar. 19.

крыто.— *Авт.*). Наоборот, мы должны говорить прямо противоположное, чтобы сохранить в какой-то степени рычаг в переговорах» [3]. Следует сказать, что ощущение тупикового характера внешнеполитического курса США в целом было широко распространено в стране, охватив практически весь политический спектр общества. Так, влиятельный член конгресса США, председатель его сенатской комиссии по иностранным делам У. Фулбрайт писал в изданной в 1967 г. книге «Самонадеянность силы»: «Америка обнаруживает явные признаки опьянения силой, что в прошлом причиняло много неприятностей, ослабляло и в некоторых случаях уничтожало великие нации. Следуя подобным курсом, мы превышаем свои возможности и нарушаем долг перед миром...» [4].

В конце 60-х—начале 70-х годов в кругах академической общины США укрепляется идея об ограниченности значения силы в ядерный век [5]. Видный американский политолог Г. Моргентау заявил, что Соединенные Штаты взяли на себя глобальную ответственность, которую они «не в состоянии осуществить с каким-либо шансом на успех и которая, если бы США встали на этот путь, обернулась бы для них гибелью...» [6]. Против внешнеполитического курса Джонсона активно выступили влиятельные историки и политологи из окружения братьев Кеннеди (А. Шлезингер-младший, Дж. Гэлбрейт, Р. Гудвин и др.) [7]. В русле общественного недовольства на авансцену полемики вышла группа буржуазных специалистов по внешней политике — ревизионистов, которые резко выступили против «разрыва между принятой интеллектуальной мистификацией и социальной реальностью» [8]. Особенно важно было то, что призывы к изменению внешнеполитического курса делались на фоне широко развернувшегося в стране движения против грязной войны в Индокитае.

Выступая со схожими оценками международного положения США, различные политические силы страны приходили, однако, к различным выводам относительно роли Америки в мире конца 60-х — начала 70-х годов и внешнеполитической доктрины США. В американском господствующем классе не было единства по вопросу о конкретных путях приспособления внешней политики к международным реальностям. Внешнеполитические эксперты нового президента воспринимали изменившееся соотношение сил как конец «биполярного» мира, превратившегося в «многополярный» с различными «центрами силы». «Тупик во Вьетнаме», с другой стороны, демонстрировал для них «бессилие силы» в ядерный век. Г. Киссинджер, игравший с самого начала большую роль в формулировании внешнеполитической концепции администрации, писал накануне «смены караула» в Вашингтоне: в ядерный век «сила уже не переводится автоматически во влияние», а «политическая многополюсность делает невозможным навязывание американских схем...» [9].

---

[3] *Hodgson G.* America in Our Time. N. Y., 1978, p. 396.
[4] *Фулбрайт Дж. У.* Самонадеянность силы. М., 1967, с. 30.
[5] Great Issues of International Politics/Ed. by M. Kaplan. Chicago, 1974, p. XII.
[6] *Morgenthau H.* A New Foreign Policy for the United States. N. Y., 1969, p. 10. Подробнее о полемике в кругах американских политологов см.: *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М., 1976, с. 271—285.
[7] *Schlesinger A. M., Jr.* Robert Kennedy and His Times. N. Y., 1979, p. 797.
[8] *Kolko G.* Main Currents in Modern American History. N. Y., 1976, p. VIII.
[9] *Kissinger H.* Central Issues of American Foreign Policy.— In: Agenda for the Nation/Ed. by K. Gordon. Wash., 1968, p. 588, 589. В этой же работе Г. Киссинджер под-

Отсюда вытекал вывод: «максимизация» военной мощи Соединенными Штатами не дает желаемых результатов, цели политики не соответствуют возможностям страны. Сказанное, конечно, не означает, что новая администрация стала на путь радикального разрыва с прошлым, а внешнеполитические приоритеты США коренным образом изменились. Но налицо было определенное смещение акцентов, сделанное на основе сугубо прагматических расчетов, что тем не менее имело известное значение, поскольку символизировало начало трудного пробуждения из-под гипноза «самонадеянности силы». Следует подчеркнуть, что консервативные силы господствующего класса, в том числе те, которые составляли политическую опору Р. Никсона, считали улучшение отношений с СССР временной передышкой в конфронтации.

Сама риторика деятелей новой администрации звучала весьма многозначительно. Тема «силового превосходства» сменилась темой «равновесия», конфронтации в интересах «отбрасывания коммунизма» — «согласованной концепцией порядка». Вместе с тем администрация Никсона вовсе не намеревалась отказываться от психологической войны против СССР, других социалистических стран, подрывных акций против прогрессивных сил и движений. В преддверии президентских выборов Координационный комитет республиканской партии подчеркивал, что пропагандистские операции по своему значению все более приравниваются к традиционным инструментам внешней политики — дипломатическим, экономическим, военным [10]. Придя к власти, Никсон реорганизовал и увеличил ассигнования Информационному агентству США (ЮСИА), которое активно развернуло антикоммунистическую пропаганду. В начале 70-х годов ЮСИА имело 209 отделений в 111 иностранных государствах [11].

В речи при вступлении на пост президента, рекламируя «новый подход» в международных делах, Р. Никсон подчеркнул, что его администрация стремится к изменениям в отношениях между Востоком и Западом. В первом внешнеполитическом послании конгрессу 18 февраля 1970 г. Никсон признал: «Существующий баланс ядерной мощи диктует необходимость делать главный упор на переговоры, а не на конфронтацию» [12]. Одновременно новый президент не упускал из виду и другой конкретный лозунг, с которым он победил на выборах,— обещание выйти с минимальными потерями для американских правящих кругов из вьетнамской авантюры. Это не означало, что новая администрация решила немедленно прекратить развязанную против вьетнамского народа агрессию. Более того, 25 января 1969 г. на заседании СНБ было выдвинуто предложение о «вьетнамизации» войны, т. е. об увеличении доли участия в военных действиях марионеточного режима в Сайгоне при постепенном выводе американских войск.

черкивал: «Вьетнам означает нечто большее, чем просто провал политики. В действительности это весьма критический провал всей нашей философии международных отношений» (Ibid., p. 13).

[10] Choice for America. Republican Answers to the Challenge of Now. Reports of the Republican Coordinating Committee 1965—1969. Wash., 1968, p. 398.

[11] Современная внешняя политика США: В 2-х т./Отв. ред. Г. А. Трофименко. М., 1984, т. 2, с. 99.

[12] US Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace. A Report of President Nixon to the Congress, February 18, 1970. Wash., 1970, p. 99.

2. «АТЛАНТИЧЕСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ»

Западная Европа сохраняла первостепенное значение во внешнеполитической стратегии США, и оно не уменьшилось, а возросло с увеличением экономического и политического потенциала западноевропейских стран. Параллельно усиливались противоречия (и экономические, и политические) между США и западноевропейскими государствами. Возросшая тенденция к независимости от США проявлялась и в растущем стремлении ряда стран Западной Европы (Франции, а затем ФРГ) к восстановлению традиционных связей с Восточной Европой, к нормализации общей обстановки на континенте, что ослабляло основы, на которых в послевоенные годы строилась «атлантическая стратегия», воплощенная в НАТО,— противопоставление западной части континента восточной.

С точки зрения новой администрации НАТО в тот период переживала два серьезных кризиса. Первый — кризис «силового превосходства» блока в общемировом балансе. СССР и его союзники приблизились к паритету в военном отношении со странами НАТО. Эра «неуязвимости» США ушла в прошлое. Внутри НАТО росло недовольство его участников гегемонистскими амбициями Вашингтона. Киссинджер писал в мемуарах: «Американское стремление в 60-х годах оставаться единственным хозяином ядерного оружия в союзе (НАТО.— *Авт.*)... рассматривалось все большим числом европейских лидеров... как желание Соединенных Штатов сохранить за собой право решать, что составляет жизненные интересы всего союза» [13].

Далее, среди этих лидеров, опасавшихся, что при любых обстоятельствах Вашингтон будет ставить свои интересы выше интересов западноевропейских союзников, наиболее откровенную «проевропейскую» позицию занимал президент Франции генерал де Голль. Особый гнев Вашингтона вызывала «антиатлантическая» позиция президента Франции, которая нашла выражение в решении де Голля, принятом в 1966 г., о выходе Франции из военной организации НАТО и об удалении с французской территории баз, штабов и других объектов, не находящихся под французским контролем.

Франция первая из западноевропейских стран стала проводить политику нормализации и развития конструктивных отношений с Советским Союзом, другими европейскими социалистическими странами. В первой половине февраля 1969 г. де Голль в беседе с английским послом в Париже К. Сомсом подчеркнул: западноевропейцам необходимо освободиться от «бремени НАТО» с ее «американским господством и военной машиной» и взамен создать «концерт» наиболее крупных западноевропейских держав — Франции, Великобритании, ФРГ и Италии. Независимая позиция Франции вызвала ответные действия Вашингтона, нацеленные на то, чтобы «изолировать и наказать Францию». Однако, по оценке самих деятелей американской администрации, эти действия были безрезультатны, «поскольку некоторые европейцы были согласны с ним (с де Голлем.— *Авт.*)» [14].

---

[13] *Kissinger H.* White House Years. Boston, 1979, p. 84. См. также: *Trezise Ph.* Atlantic Connection. Prospects, Problems and Politics. Wash., 1975, p. 100.
[14] *Kissinger H.* White House Years, p. 104, 106.

Значение, которое новая администрация придавала Западной Европе, было подчеркнуто тем фактом, что именно сюда отправился в первую заграничную поездку в конце февраля 1969 г. Р. Никсон. Этот вояж президента по замыслам его организаторов должен был поднять престиж США среди их союзников по НАТО. Одновременно ставилась и внутриполитическая цель: показать общественному мнению в США, что, несмотря на растущую в Европе оппозицию американской агрессии во Вьетнаме, президента США «встречают за границей с уважением и даже энтузиазмом» [15]. Этот двойной расчет оказался тщетным: повсюду Никсона встречали антиамериканские демонстрации, да и в правительственных кругах западноевропейских стран к президенту США отнеслись весьма настороженно ввиду его репутации сторонника «холодной войны».

В западноевропейских столицах Никсона убеждали в необходимости приступить к налаживанию отношений с социалистическими странами. В Лондоне премьер-министр Г. Вильсон, хотя и отверг «проевропейскую» позицию де Голля, подчеркнув верность Англии «проатлантической» концепции, вместе с тем развивал ставший практически общим в правительственных кругах Западной Европы мотив — о необходимости западным союзникам перейти от «задач обороны» к таким позитивным целям, как «сотрудничество и мир». В Бонне Р. Никсон столкнулся с ростом недовольства американской политикой в отношении роли ФРГ в НАТО. Итальянская общественность встретила американского президента бурными демонстрациями, прошедшими под лозунгами: «НАТО вон из Италии!» и «Италия вон из НАТО!». В ходе переговоров в Риме Никсон подчеркивал желание США «консультироваться» с союзниками и в общей форме говорил о стремлении к «миру». Со своей стороны итальянский премьер-министр М. Румор высказался за скорейшее окончание войны во Вьетнаме, а также за проведение «политики примирения» с Восточной Европой.

Особое значение в Вашингтоне придавали визиту президента в Париж, поскольку, как уже отмечалось, в столице США с опаской следили за «автономистским» курсом Франции. Напряженность в отношениях между двумя странами вызывал американский подход к сотрудничеству: США стремились создать такую жесткую структуру отношений с западноевропейскими союзниками, которая исходя из идеи «партнерства» исключала бы их самостоятельные действия. Де Голль же отвергал этот подход, оставлявший западноевропейцам лишь «право на консультацию». Во время переговоров с американцами французский президент заявил о необходимости добиваться разрядки в отношениях с СССР. «Говоря о Западе, какой выбор есть у нас? — заявил он Никсону.— Здравый смысл подсказывает, что нужно добиваться разрядки...» [16] Де Голль указал также на необходимость быстрейшего окончания вьетнамской войны. Французский президент подчеркнул, что его страна не примет «американского протектората» в вопросах обороны.

Поездка по западноевропейским странам продемонстрировала Никсону растущие разногласия между Западной Европой и США по основным проблемам европейской и международной безопасности. Президент США воочию убедился, что широкие общественные слои в Западной Европе

---

[15] *Nixon R.* Memoirs, p. 370.
[16] Ibid., p. 373.

требовали от своих правительств проведения политики мирного сосуществования и сотрудничества между всеми государствами континента. Это было расценено в Вашингтоне как «серьезный вызов» Соединенным Штатам. В целом из поездки в Европу президент и его окружение вынесли следующее впечатление: если США «блокируют разрядку», они потеряют поддержку своих западноевропейских союзников, поскольку последние неизбежно активизируют контакты с Востоком самостоятельно и «без согласованной стратегии», что, как указывал Киссинджер, «изолирует» Соединенные Штаты и «подтолкнет Западную Европу к нейтрализму» [17].

Как бы враждебно ни относились к идее разрядки ее многочисленные противники в правящих кругах США, ни президент, ни его окружение не могли уже игнорировать общественное движение как в Западной Европе, так и США. В конце концов администрация Никсона пришла к заключению, что наиболее реальный способ сохранить единство в рядах НАТО — принять принцип разрядки, установив «ясные критерии» ее направленности. В Вашингтоне рассчитывали затормозить общеевропейский процесс нормализации отношений, дабы сохранить «позицию военной мощи», которая по-прежнему рассматривалась в качестве главной основы для ведения дел с Советским Союзом. Стереотипы «политики с позиции силы» глубоко укоренились в сознании американского политического истэблишмента.

3. «ДОКТРИНА НИКСОНА»

Во время визита Никсона в Западную Европу выявились и масштабы неодобрения союзниками и западноевропейской общественностью американской агрессии во Вьетнаме, да и в самом Белом доме с каждым днем все яснее понимали невозможность продолжать войну. В апреле 1969 г. в Южном Вьетнаме находилось свыше 549 тыс. американских войск и около 70 тыс. войск «союзников» США (Австралии, Новой Зеландии, Таиланда, Филиппин и Южной Кореи). Войска марионеточного правительства в Сайгоне составляли около 2 млн. солдат [18]. Однако ни расширение масштабов агрессии, ни варварские методы ведения военных действий (включая массированные бомбардировки территории Вьетнама, применение химического оружия и др.) не могли сломить волю вьетнамского народа к освобождению.

Учитывая бесперспективность вьетнамской авантюры, а также рост антивоенного движения как в США, так и за их пределами, Белый дом прибег к военно-политическому маневру, публично объявив о «вьетнамизации» конфликта. Тактика Никсона сводилась к тому, чтобы ускорить процесс укрепления и модернизации вооруженных сил сайгонского марионеточного режима, реализовать принцип: «пусть азиаты воюют против азиатов». Обученные американцами и оснащенные американским оружием, войска сайгонского режима должны были играть всевозрастающую роль в войне. В сущности, «вьетнамизация» конфликта создавала ширму, прикрывавшую интервенцию США.

---

[17] *Kissinger H.* White House Years, p. 403.

[18] *Яковлев Н. Н.* Силуэты Вашингтона. М., 1983, с. 283—284.

25 июля 1969 г. на пресс-конференции в американском офицерском клубе на о-ве Гуам Никсон, прилетевший в район Тихого океана, чтобы встретить экипаж космического корабля «Аполлон-2», изложил свою новую внешнеполитическую доктрину. Суть ее, говорил он в конгрессе 18 февраля 1970 г., «состоит в том, что США будут участвовать в обеспечении обороны и развития наших союзников и друзей, но Америка не может и не будет разрабатывать все планы, все программы, выполнять все решения и брать на себя во всем объеме оборону свободных (т. е. находящихся в сфере господства капитализма.— *Авт.*) стран мира. Мы будем оказывать помощь в тех случаях, когда в этом есть реальная необходимость и когда это будет отвечать нашим интересам... Наши интересы должны определять наши обязательства, а не наоборот» [19].

Речь, таким образом, шла не об отказе от глобализма и гегемонизма, а о стремлении «рационализировать» американские внешние «обязательства», привести их в соответствие с возможностями США, с реальностями международной ситуации, обеспечить Белому дому относительно бо́льшую свободу политического маневра. Главный акцент был сделан на распределение между США и их союзниками «бремени и ответственности» за сохранение устоев капитализма. Беседуя в марте 1971 г. с американским журналистом С. Сульцбергером, Р. Никсон подчеркнул, что провозглашенная им доктрина предназначена «именно для сохранения роли Америки в мире, а вовсе не для ее ухода из мира». И далее Никсон разъяснил, что эта «ответственность» включает не только Северную и Южную Америку, но и Европу, Средний Восток, Юго-Восточную и Восточную Азию, «многие районы, судьбы которых затрагивают мир на земле» [20].

В послании конгрессу от 18 февраля 1970 г. Никсон обозначил контуры внешнеполитической программы Вашингтона: партнерство, военная сила и переговоры. Партнерство касалось союзников, военная сила и переговоры — «потенциальных противников». Новым здесь, в сущности, был последний элемент «триады», уже выраженный в формуле «от конфронтации к переговорам» [21]. Принцип «партнерства» в политической стратегии Белого дома предполагал различные уровни: один для развитых капиталистических стран, другой — для развивающихся. Относительно западноевропейских государств «партнерство» было охарактеризовано как «зрелое», т. е. направленное на достижение общих целей стабилизации положения в Западной Европе, связи с которой были определены как «краеугольный камень» международного баланса. Разъясняя суть подхода Вашингтона, государственный секретарь У. Роджерс подчеркнул, что европейские дела «непосредственно затрагивают политические и стратегические интересы» США [22].

Таким образом, концепция «зрелого партнерства» предполагала укрепление — при помощи некоторых модификаций— блока НАТО, утверждение пошатнувшегося приоритета «атлантизма» перед «европеизмом», усиление атлантического (по сути, американского) контроля над отношениями западноевропейских стран с восточноевропейскими социалистиче-

[19] New York Times, 1970, Febr. 19.
[20] International Herald Tribune, 1971, Mar. 11.
[21] Подробнее см.: Доктрина Никсона/Под ред. Ю. П. Давыдова. М., 1972, с. 8—27.
[22] United States Foreign Policy, 1969—1970. A Report of the Secretary of State. Wash., 1971, p. 111.

скими государствами, заблокирование роста независимых тенденций во внешней политике западноевропейских стран. Не случайно «новая восточная политика» правительства Брандта—Шееля (ФРГ), так же как до этого курс де Голля на нормализацию отношений с восточноевропейскими социалистическими странами, вызывала настороженную реакцию в Вашингтоне.

В марте 1970 г. Киссинджер подготовил меморандум для президента о политике США в отношении Западной Европы. Лейтмотив меморандума — американское лидерство сохраняет определяющее значение, так же как сохраняется американское военное присутствие в Западной Европе. Вместе с тем подчеркивалось, что политика США должна быть «достаточно гибкой, чтобы удержать наших союзников от движения к Москве» [23]. В соответствии с концепцией «зрелого партнерства» Вашингтон потребовал увеличения военного и финансового вклада западноевропейских партнеров в усиление мощи этого блока. Побочная цель такого требования заключалась в попытке снизить конкурентные возможности западноевропейской экономики. Согласно новой концепции НАТО должна была выступать как координатор внешней политики входящих в нее стран. На сессии НАТО в декабре 1970 г. под давлением США европейские партнеры решили модернизировать свои вооруженные силы.

В том же послании от 18 февраля 1970 г. президент уделил большое внимание и Японии, назвав отношения с ней «ключом успеха» «доктрины Никсона» в Азии. Партнерство с Японией определялось как «равноправное и зрелое». Ударение делалось на более широком использовании военно-стратегических возможностей Японии в Тихоокеанском регионе. Стремясь заручиться поддержкой партнера со столь значительным экономическим и военным потенциалом, Вашингтон пошел на компромиссы, в частности на пересмотр статуса Японии в американо-японском союзе. 17 июня 1971 г. США подписали соглашение о возвращении Японии о-вов Рюкю и Дайго, на которых, однако, оставались американские военные базы.

Концепция «зрелого партнерства» учитывала последствия изменения экономических потенциалов Западной Европы и Японии, с тем, однако, чтобы при соответствующей корректировке политических ролей этих новых «центров силы» сохранить доминирующее положение Соединенных Штатов в капиталистическом мире. Этот расчет ясно просматривался и в более позднем послании президента конгрессу от 3 мая 1973 г., постулирующем «разделенную ответственность», «более равное партнерство», основанное на «более уравновешенном вкладе» [24]. 1973 год был объявлен Вашингтоном «годом Европы». В то же время вынашиваемые администрацией Никсона планы «новой Атлантической хартии», предложенной западноевропейским партнерам в апреле 1973 г., отводили Западной Европе, в сущности, подчиненную роль в мировых делах [25].

Давнее направление империалистической экспансии США — Латинская Америка в рассматриваемый период находилась в состоянии социального брожения. Народы латиноамериканских стран стремились покончить с политико-экономической зависимостью от северного соседа.

---

[23] *Kissinger H.* White House Years, p. 382.

[24] US Foreign Policy for the 1970's. Shaping a Durable Peace. A Report to the Congress by R. Nixon, President of the US. Wash., 1973, p. 7, 9.

[25] Современная внешняя политика США, т. 1, с. 135.

Значительно возросли авторитет и влияние социалистической Кубы. В 1968 г. в Перу и Панаме к власти пришли военные правительства прогрессивной ориентации, в 1970 г. в Чили — правительство Народного единства. В 1969 г. страны Латинской Америки приняли хартию Виньядель-Мар, ставившую задачу объединения в целях защиты национальных интересов. Специальная миссия Н. Рокфеллера, изучавшая летом 1969 г. положение в латиноамериканских странах, пришла к следующему выводу: «Если сохранятся существующие антиамериканские настроения, то можно предвидеть время, когда Соединенные Штаты окажутся в политической и моральной изоляции от некоторых или даже большинства стран Западного полушария» [26].

Учитывая все это, администрация Никсона выступила в октябре 1969 г. с политикой «нового», или «равного, партнерства» США и стран Латинской Америки. Однако при всех словесных «нововведениях» основная цель Вашингтона в данном регионе практически не изменилась. Соединенные Штаты по-прежнему исходили из доктрины панамериканизма, рассматривая страны Латинской Америки как зону своих особых интересов, как свой стратегический тыл. Концепция «нового партнерства» ставила задачу создания в регионе устойчивых проамериканских военных или полувоенных режимов, способных с «опорой на собственные силы» при поддержке США вести борьбу против освободительных, антиимпериалистических движений. В 1971 г. американская военная помощь диктаторским режимам в Латинской Америке была удвоена (с 75 млн. до 150 млн. долл.) [27]. Спецслужбы США в тесном взаимодействии с монополиями сразу после прихода к власти в Боливии прогрессивного правительства приступили к подготовке его свержения. В 1971 г. при участии ЦРУ в Боливии был организован военный переворот, у власти было поставлено реакционное правительство У. Бансера, немедленно признанное США и получившее американскую экономическую и военную поддержку.

В целях удержания Латинской Америки в сфере капиталистической экономики упор в американской стратегии был сделан на увеличение частных американских капиталовложений в регионе. В итоге резко возросла внешняя задолженность латиноамериканских стран, дефицит их платежного баланса (с 1,5 млрд. долл. в год во второй половине 60-х годов до 17 млрд. долл.— в 1974—1975 гг.) [28].

Первостепенное место в американской внешней политике в рассматриваемые годы продолжал занимать Ближний Восток. Это определялось прежде всего его военно-стратегическим положением в непосредственной близости от границ СССР, других стран социалистического содружества, на стыке важных морских и воздушных коммуникаций, его значением одного из крупнейших в мире экспортеров нефти. Стремясь к контролю над ближневосточным регионом, Вашингтон сохранял там свое постоянное военное присутствие. Корабли 6-го американского флота находились в близлежащих районах Средиземного моря; американские базы были расположены в Турции. Главным стратегическим партнером Соединенных Штатов в регионе оставался Израиль — основная ударная сила американского империализма на Ближнем Востоке. Путем альянса с Израилем США рассчитывали реализовывать свои цели на Ближнем Востоке,

[26] The Department of State Bulletin, 1969, Dec. 8, p. 507.
[27] *Селиванов В. Н.* Экспансия США в Латинской Америке. М., 1975, с. 119.
[28] Statistical Abstract of Latin America, 1974—1975. Los Angeles, 1975, p. 968.

не прибегая к непосредственному военному вмешательству. Тель-Авив получал всевозрастающую американскую экономическую и военную помощь.

На рубеже 60—70-х годов национально-освободительное движение арабских народов добилось значительных успехов. Получили независимость народы Бахрейна, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов. Борьба населения Юга Йемена за независимость завершилась в ноябре 1967 г. созданием Народной Республики Южный Йемен. В мае 1969 г. произошла революция в Судане. В Ливии в сентябре 1969 г. был свергнут проамериканский королевский режим и народ приступил к строительству новой жизни. Большие социальные перемены произошли в Ираке, Алжире и Сирии. Учитывая все это, администрация Р. Никсона в соответствии с провозглашенной доктриной значительно расширила масштабы своего вмешательства во внутриполитические процессы в странах Ближнего Востока. Особое внимание уделялось укреплению отношений с шахским Ираном и Саудовской Аравией, а также с Египтом Анвара Садата.

Создавая видимость «сбалансированного» подхода к проблемам Ближнего Востока, администрация Никсона с помощью так называемой «челночной дипломатии» (организации постоянного американского посредничества между столицами арабских государств и Израиля) пыталась добиться сепаратной сделки между Израилем и отдельными арабскими странами в ущерб законным правам палестинского народа. Подобная тактика была направлена на подрыв связей арабских государств с Советским Союзом, на ослабление антиимпериалистических, прогрессивных и укрепление консервативных арабских режимов [29].

Идею «нового партнерства» администрация Никсона распространяла и на страны Африки. В послании о внешней политике США на 70-е годы Р. Никсон призвал к «откровенному и конструктивному диалогу» с Африкой [30]. Стремясь к расширению своих позиций на Африканском континенте, Вашингтон делал упор на использование «энергии частного предпринимательства в целях экономического развития» этого региона [31]. В январе 1970 г. конгресс одобрил предложение Р. Никсона о создании «корпорации частных капиталовложений за границей» для стимулирования инвестиций частных капиталов в развивающихся странах при наличии правительственной гарантии частных займов.

Провозглашенное Р. Никсоном «новое партнерство» было не чем иным, как ширмой для неоколониалистской политики США. Эта политика преследовала две главные цели: сохранить африканские страны как аграрно-сырьевой придаток капиталистической экономики Запада, объект высокоприбыльных инвестиций США и не допустить развития стран Африки по некапиталистическому пути, воспрепятствовать росту их связей с мировой системой социализма. Несмотря на частичную национализацию в ряде африканских государств, американские инвестиции в 1970—1975 гг. возросли с 3,5 млрд. долл. примерно до 4 млрд., а объем торговли увеличился в 7 раз [32]. Одновременно США сохраняли и разви-

[29] *Примаков Е. М.* Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978, с. 274.
[30] *Possony S.* Strategy Technology. Winning the Decisive War. Cambridge (Mass.), 1970, p. 3—4.
[31] The Department of State Bulletin, 1969, June, p. 516.
[32] Современная внешняя политика США, т. 2, с. 418.

вали связи с расистскими режимами ЮАР и Родезии. В 1970—1975 гг. инвестиции США в ЮАР увеличились в 2 раза, а торговля с ней — в 3. Вопреки официальному эмбарго администрация Никсона фактически не препятствовала экспорту американского оружия в ЮАР.

В ряду корректив, внесенных администрацией Р. Никсона во внешнеполитический курс США, важное место принадлежало попыткам формирования новых отношений с КНР. Эта политика «нормализации» исходила из сочетания различных целей и расчетов — и глобальных, и региональных. На первом месте стояли соображения военно-стратегического и идеологического характера. Рассматривая Китай как важный фактор мирового баланса сил, Вашингтон рассчитывал при помощи улучшения отношений с Пекином получить рычаги воздействия на китайскую внешнюю политику, попытаться противопоставить КНР СССР, использовать «наведение мостов» с Китаем против антиимпериалистических сил и движений, в конечном счете для укрепления позиций США в регионе.

Еще летом 1969 г., во время поездки Р. Никсона по некоторым странам Азии, им было сделано ряд заявлений, призванных подтолкнуть Пекин к сближению. В Индонезии и Таиланде американский президент объявил, что США «не поддерживают» советскую идею коллективной безопасности в Азии. В августе 1969 г. находившийся в Канберре государственный секретарь Роджерс сказал, что Соединенные Штаты стремятся «открыть каналы связи» с Китаем. В декабре 1969 г. в послании президенту Пакистана Р. Никсон писал о своей «заинтересованности начать более серьезный диалог с китайскими лидерами» [33]. Параллельно Белый дом предпринял ряд дозированных жестов «доброй воли». В 1969 г. были ослаблены ограничения на поездки американских туристов в КНР, на торговлю между обеими странами. В ноябре 1969 г. Вашингтон объявил о прекращении патрулирования Тайваньского пролива силами 7-го флота США.

8 января 1970 г. в американском посольстве в Варшаве открылись переговоры США и КНР на уровне послов. В связи с этим Соединенные Штаты предприняли новый тур тактики «малых шагов». В апреле 1970 г. государственный департамент снял некоторые ограничения на выдачу лицензий на ряд предметов экспорта в Китай, а 14 апреля 1971 г. было отменено эмбарго на торговлю с этой страной. В марте 1971 г. был отменен запрет на поездки американцев в Китай. Американское правительство выразило согласие также не препятствовать восстановлению прав КНР в ООН в качестве постоянного члена Совета Безопасности при условии сохранения представительства Тайваня в Генеральной Ассамблее. Вашингтон открыто дал понять, что придерживается политики «двух Китаев». Тем не менее 25 октября 1971 г. подавляющим числом голосов Генеральная Ассамблея восстановила права КНР, исключив из ООН Тайвань. В 1971 г. в результате двух секретных поездок Г. Киссинджера в Пекин было достигнуто соглашение об официальном визите президента США в КНР.

В итоге переговоров Р. Никсона с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем 21—28 февраля 1972 г. было опубликовано так называемое Шанхайское коммюнике, в котором отмечалось согласие обеих сторон на развитие связей в области науки, техники, культуры, спорта, а также решимость

[33] *Kissinger H.* White House Years, p. 180—181, 193.

поддерживать контакты по различным каналам в целях дальнейшей нормализации отношений между двумя странами.

Курс на «нормализацию» не ликвидировал противоречий, разделяющих США и КНР. Серьезным барьером для развития американо-китайских отношений продолжал оставаться вопрос о Тайване. Характерно, что в Шанхайском коммюнике указывалось на существенные различия между КНР и США в их социальных системах и внешней политике.

Следствием «доктрины Никсона» была корректировка военно-политической стратегии: на смену «гибкому реагированию» пришло «реалистическое сдерживание». Министр обороны М. Лейрд разъяснял: «Четыре главных фактора реальной действительности, приведшие к принятию новой стратегии, таковы: стратегическая реальность, финансовая реальность, реальное положение с людской силой и политическая реальность. Стратегическая реальность включает в себя прежде всего колоссальный рост военной мощи Советского Союза, явно уступавшего нам в силе в начале 60-х годов и добившегося ныне почти что паритета» [34].

В области вооружений политическое руководство США и Пентагон сделали упор на качественном совершенствовании как ракетно-ядерного арсенала, так и обычных вооружений. Концепция «превосходства» (в ее количественном аспекте) была заменена концепцией «достаточности» вооруженных сил (особое внимание обращалось на профессионализм специалистов и техническую оснащенность войск). В связи с этим осуществлялось сокращение армии, непомерно увеличившейся в годы агрессии во Вьетнаме (с 3548 тыс. до 2100 тыс. человек). С июля 1973 г. Соединенные Штаты отказались от призыва и перешли к созданию профессиональной армии на добровольческой основе. Большое внимание стало уделяться формированию мобильных военно-морских сил, базирующихся на «островной стратегии», т. е. на принадлежащих США островах, ввиду возрастающей неопределенности с положением американских военных баз на чужих территориях, усилилось постоянное военно-морское патрулирование в Тихом и Индийском океанах, в Средиземном море.

4. ОТНОШЕНИЯ С СССР

В первых внешнеполитических заявлениях, как уже отмечалось, администрация Никсона подчеркнула намерение нормализовать отношения с СССР. Советское правительство с вниманием отнеслось к заявлению президента США относительно того, что в своей политике в отношении СССР оно будет отдавать предпочтение переговорам. Со стороны СССР было подчеркнуто, что в случае, если правительство США будет на деле проводить такую линию, Советский Союз проявит готовность искать согласования позиций как по вопросам отношений между обеими странами, так и по неурегулированным международным проблемам [35]. На сессии Верховного Совета СССР в июле 1969 г., было заявлено: хотя СССР и Соединенные Штаты разделяют глубокие социально-экономические различия, Советский Союз «всегда исходил из того, что в вопросах поддержания мира СССР и США могут находить общий язык» [36].

[34] Цит. по: Современная внешняя политика США, т. 1, с. 305.
[35] История внешней политики СССР, 1917–1975: В 2-х т. М., 1981, т. 2, с. 438.
[36] Правда, 1969, 11 июля.

Американская общественность и западноевропейские союзники настойчиво требовали от правительства США конкретных шагов для нормализации отношений между Востоком и Западом. Советские предложения об устранении напряженности между СССР и США, о прекращении гонки вооружений оказывали большое влияние на политическую атмосферу в стране. Даже консервативные органы печати США вынуждены были позитивно отнестись к курсу на разрядку. Переговоры «более настоятельны, чем когда-либо», подчеркивал журнал деловых кругов «Бизнес уик»[37]. Газета «Вашингтон стар» 9 марта 1969 г. писала: «Если искать подходящее время для разрядки, то оно наступило». За переговоры с СССР о сокращении стратегических вооружений выступали и влиятельные политические деятели, в том числе сенаторы Ф. Черч и А. Гор, бывший министр обороны К. Клиффорд, бывшие послы в Москве Дж. Кеннан, Ч. Болен, Л. Томпсон и А. Гарриман.

Никсон, рассчитывавший использовать проблему взаимоотношений между Востоком и Западом для укрепления позиций своей администрации, не мог игнорировать эти настроения. Вот почему сразу же после выборов администрация занялась «разработкой нового подхода к отношениям с Советами». Однако его основой стал так называемый принцип «увязки», который президент понимал следующим образом: улучшение отношений с Советским Союзом (включая и торгово-экономическую сферу) Соединенные Штаты ставят в прямую зависимость от «уступок Москвы», т. е. от готовности Советского Союза отказаться от своей принципиальной позиции по отношению к борьбе народов за независимость и социальный прогресс. Произвольно устанавливая связи и приоритеты международных проблем в выгодном для США порядке, Белый дом встал на путь затяжки рассмотрения наиболее важных вопросов (таких, как разоружение), от решения которых в первую очередь зависело направление развития советско-американских отношений. В целом на первом этапе деятельности администрации Никсона ее курс в отношении СССР носил непоследовательный и противоречивый характер. На словах она была за нормализацию отношений, за разоружение, на деле — топталась на старых позициях «жесткости».

Заявляя об отходе от политики конфронтации, Белый дом тем не менее не отказался от методов и приемов, характерных для этого курса. Президент и его окружение все еще исходили из основного расчета ослабить СССР, внести раскол между странами социализма. По словам американского историка Дж. Гэддиса, Никсон и Киссинджер рассматривали разрядку в качестве разновидности политики «сдерживания», ее модификации[38]. Как позднее разъяснил Никсон, политика сдерживания была задумана в отношении «монолитного коммунистического мира». В условиях конца 60-х годов администрация уже делала ставку на противопоставление одних социалистических стран другим[39]. Все эти расчеты, естественно, тормозили движение к разрядке и усиливали разногласия внутри администрации. Указывая на противоречивость принципа «увязки», представитель США на переговорах с СССР по ограничению стратегических вооружений Дж. Смит в порыве откровенности 19 марта

[37] Business Week, 1969, Mar. 2.

[38] *Gaddis J. L.* The Rise, Fall and Future of Detente.— Foreign Affairs, 1983/84, Winter, p. 359.

[39] *Nixon R.* The Real War. N. Y., 1980, p. 283, 286.

1969 г. признал, что начало переговоров ОСВ «не должно быть увязано в какой-либо „пакетной“ формуле с решением специфических международных проблем» [40]. Стремясь предупредить критику своей позиции, Белый дом усилил свой контроль над процессом выработки и осуществления внешней политики.

Правительство тормозило и развитие экономических связей с СССР. Деловые круги США давно призывали к снятию ограничений и препятствий на пути советско-американской торговли, в том числе к пересмотру дискриминационного в отношении социалистических стран закона о контроле над экспортом от 1949 г. Сенаторы У. Фулбрайт, У. Мондейл, Э. Маски и другие указывали на то, что дискриминационные меры в области экономики, неэффективные сами по себе, являются анахронизмом, что они способны лишь усилить взаимную подозрительность и напряженность в отношениях между двумя странами. Однако Белый дом стремился использовать торговлю как средство давления на СССР, как козырь в переговорах с СССР [41], что соответствовало видам военно-промышленного комплекса и крайне консервативных кругов. В декабре 1969 г. конгресс принял законопроект о регулировании экспорта, несколько ослаблявший ограничения в торговле с СССР и другими странами социализма. Но в целом советско-американская торговля искусственно поддерживалась на низком уровне: в 1970 г. ее объем составил всего 160,9 млн. руб. [42]

Между тем в США росло движение общественности в пользу разрядки, прекращения гонки вооружений и сокращения ассигнований на военные нужды. Размах движения оказывал влияние и на американский политический истэблишмент. В марте 1969 г. в Вашингтоне по инициативе группы членов конгресса США состоялась конференция, в которой приняли участие 10 сенаторов и около 40 конгрессменов, видные ученые, специалисты в области вооружений. Участники конференции опубликовали доклад, где указывалось, что Соединенные Штаты стоят перед опасностью превращения в милитаристское государство [43].

Большой отклик получила книга сенатора Фулбрайта «Пропагандистская машина Пентагона», показавшая, как американская военщина использует миф о «советской угрозе» ради увеличения военных ассигнований [44]. В конце 1968 г. профессор Принстонского университета К. Кэйсен отмечал, что ограничение и контроль над вооружениями «не только дешевле продолжения соперничества, но и безопаснее» [45]. В июле 1969 г. члены общественной организации «Конгресс за мир через закон» выступили с докладом, направленным против траты огромных средств на вооружения. Рост антивоенных настроений в стране оказывал влияние и на конгресс США. В апреле 1969 г. лидер демократического большинства в сенате М. Мэнсфилд объявил, что будет добиваться сокращения военного бюджета. В стране развивалось движение за прекращение грязной войны против народов Индокитая.

Изменение настроений в стране оказывало воздействие на позицию Белого дома и конгресса в отношении СССР. В ноябре 1969 г. преобла-

---

[40] *Kissinger H.* White House Years, p. 137.
[41] Ibid., p. 1134.
[42] История дипломатии: В 5-ти т. М., 1959—1979, т. 5, кн. 2, с. 202.
[43] Американский милитаризм, 1970. М., 1972.
[44] *Fulbright J. W.* The Pentagon Propaganda Machine. N. Y., 1970.
[45] Agenda for the Nation, p. 549—550.

дающим большинством сенат ратифицировал подписанный в 1968 г. СССР, США и Великобританией Договор о нераспространении ядерного оружия, запрещающий передачу другим государствам ядерного оружия или контроля над ним. Начались переговоры об использовании ядерных взрывов в мирных целях, об урегулировании ближневосточного конфликта, об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) и по другим проблемам. В конце 1969 г. в Хельсинки имело место обсуждение вопросов сдерживания гонки стратегических вооружений. Была достигнута договоренность, что переговоры возобновятся в Вене, а позже вновь будут перенесены в Хельсинки.

В начале 1970 г. Никсон выступил с рядом заявлений относительно нормализации отношений между США и СССР. 18 февраля президент в послании конгрессу, высказавшись в пользу переговоров с Советским Союзом, отметил необходимость взаимного сокращения войск и вооружений в Центральной Европе. Однако во всех подобных действиях президент был не впереди, а позади общественного мнения страны. 9 апреля 1970 г. сенат 72 голосами против 6 принял резолюцию, призывавшую президента выступить с предложением о немедленном прекращении развертывания систем стратегических вооружений.

Однако, обладая определенным преимуществом в стратегических вооружениях, администрация Никсона стремилась закрепить их в ущерб законным интересам СССР. Советско-американские переговоры по ОСВ шли трудно. Со своей стороны правительство СССР последовательно подчеркивало, что приветствовало бы разумное соглашение в области ограничения стратегических вооружений[46]. Вместе с тем советская сторона указала, что отвергает любые попытки с чьей-либо стороны обеспечить себе военное превосходство над СССР, подчеркнув, что ответит на них должным увеличением военной мощи, гарантирующим его оборону.

Как уже отмечалось, процесс разрядки международной напряженности, начавшийся в Европе, оказал влияние на внешнюю политику США, способствуя усилению реалистических тенденций в подходе администрации Никсона к взаимоотношениям с социалистическими странами. В конце сентября 1969 г. в результате всеобщих выборов в ФРГ к власти пришло коалиционное правительство социал-демократов и свободных демократов во главе с В. Брандтом, начавшее реализацию «восточной политики» — нормализации отношений с СССР, с восточноевропейскими социалистическими странами. Активное подключение ФРГ к разрядке дало сильный импульс общеевропейскому процессу улучшения отношений между Востоком и Западом. Новая политика Бонна вызывала тревогу в американских правительственных кругах. Белый дом был озабочен прежде всего сохранением «приоритета» НАТО в политической ориентации ФРГ. Тем не менее в Вашингтоне понимали, что попытки пресечь «восточную политику», связанные с широкомасштабным вмешательством во внутренние дела ФРГ, могут привести к ухудшению отношений с этой страной, с другими европейскими союзниками, к конфронтации с общественным мнением Западной Европы. Весьма неохотно Вашингтон снял свои возражения против нового курса Бонна.

В конце ноября 1969 г., после ратификации СССР и США Договора о нераспространении ядерного оружия, к нему присоединилась ФРГ.

---

[46] История внешней политики СССР, т. 2, с. 439.

12 августа 1970 г. в Москве был подписан договор между СССР и ФРГ, ставший важным этапом в развитии политики разрядки и сотрудничества в Европе и в мире в целом. Аналогичный договор был подписан между ФРГ и ПНР в декабре 1970 г. Правительство ФРГ признало, таким образом, политические реальности, сложившиеся в Европе после второй мировой войны, что имело важное значение не только для улучшения политического климата в Европе, но и ограничивало возможности тех кругов в США, которые делали ставку на усиление антисоветских, реваншистских тенденций в политике Бонна.

В начале 70-х годов в конструктивном духе развивались отношения между СССР и Францией. Продолжая курс, начатый де Голлем, французское правительство действовалс в плане расширения сотрудничества между обеими странами. Как заявил в сентябре 1970 г. тогдашний министр экономики и финансов Франции В. Жискар д'Эстен, советско-французское сотрудничество играло и играет первостепенную роль в необходимой разрядке между Западом и Востоком [47]. В результате визита в Советский Союз в октябре 1970 г. французского президента Ж. Помпиду был подписан протокол, по которому СССР и Франция договорились незамедлительно вступать в контакт друг с другом в целях согласования своих позиций в случае возникновения ситуаций, создающих «угрозу миру, нарушение мира или вызывающих международную напряженность» [48]. В конце 60-х—начале 70-х годов значительно выросли экономические и политические связи между СССР и Италией. Постепенно появлялись симптомы позитивных сдвигов в советско-английских отношениях.

Стало очевидным, что Вашингтону не удастся ограничить процесс разрядки на Европейском континенте. Американская внешняя политика вынуждена была приспосабливаться к новым условиям на международной арене.

Решающее значение для развития советско-американских отношений в конструктивном направлении имела активная и целеустремленная внешняя политика СССР. В Программе мира, разработанной XXIV съездом КПСС, отношениям этих двух стран уделялось большое внимание как фактору, влияющему на решение всех крупных проблем мировой политики, в том числе европейской безопасности. В резолюции съезда выражалась готовность «к развитию отношений и с Соединенными Штатами Америки, исходя из того, что это отвечает как интересам советского и американского народов, так и интересам всеобщего мира». Вместе с тем на съезде отмечалось, что «Советский Союз всегда будет решительно выступать против агрессивных действий США, против политики силы» [49]. Советская сторона неизменно подчеркивала, что реализация разрядки — процесс двусторонний, требующий реализма и встречных усилий как Востока, так и Запада.

Твердая и реалистическая позиция Советского правительства способствовала наметившемуся в 1971 г. сдвигу в переговорах об ОСВ. В мае представители СССР и США на переговорах в Вене согласились с тем, чтобы сосредоточить усилия в 1971 г. на подготовке соглашения об ограничении развертывания систем противоракетной обороны (ПРО).

[47] Правда, 1970, 8 сент.
[48] Там же, 1970, 14 окт.
[49] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 196.

В феврале 1971 г. в Москве, Вашингтоне и Лондоне был подписан Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного и других видов оружия массового уничтожения. В сентябре 1971 г. было заключено четырехстороннее соглашение между СССР, США, Великобританией и Францией по Западному Берлину, согласно которому стороны обязались способствовать устранению напряженности и предотвращению осложнений в районе Западного Берлина, а также приняли ряд конкретных мер в данном направлении. Достигнутое соглашение устранило одну из важных причин, мешавших прогрессу в других областях советско-американских отношений.

30 сентября 1971 г. в Вашингтоне были подписаны соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США и мерах по усовершенствованию линии прямой связи СССР—США [50]. 20 октября была достигнута договоренность о передаче Советским Союзом США научной информации, полученной советской автоматической станцией «Марс-3» после посадки на Марс. Это было первое соглашение подобного рода между двумя странами. Активно шли советско-американские переговоры о расширении экономических связей. Темп позитивных перемен в отношениях между СССР и США значительно возрос.

Выступая в октябре 1971 г. на пресс-конференции, президент США подчеркнул: «Если будет новая мировая война, если война будет между сверхмощными державами, то никто не выиграет. Все только проиграют... Я думаю, что мы можем признать также, что ни одна крупная держава не может получить решающего преимущества над другой... Именно по этой причине сейчас настал момент урегулировать наши разногласия, урегулировать их с учетом наших расхождений во мнениях, признавая, что они все еще очень глубоки, признавая, однако, что в настоящий момент никакой альтернативы не существует» [51]. В послании конгрессу по вопросам внешней политики 9 февраля 1972 г. Р. Никсон выразил уверенность в успешном завершении переговоров об ОСВ. Вместе с тем в послании подчеркивалось, что Белый дом стремится «поощрять такие тенденции в советской политике, которые говорят о готовности искать изменения на путях «эволюции», иными словами, способствовать «эрозии социализма». В послании также прослеживалась давняя претензия США на «ведущую роль в мировых событиях» [52].

Весной 1972 г. состоялся визит Р. Никсона в СССР. Встреча руководителей СССР и США на высшем уровне, продолжавшаяся с 22 по 30 мая, явилась важным шагом не только в двусторонних отношениях между СССР и США, но и в процессе разрядки и укрепления международной безопасности в целом. В итоге встречи был подписан документ «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», в котором подчеркивалось, что «в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования». Стороны взяли на себя обязательство избегать военной конфронтации и предотвра-

---

[50] Советский Союз в борьбе за разоружение: Сб. документов. М., 1977, с. 107—108.
[51] New York Times, 1971, Oct. 13.
[52] US Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure of Peace. A Report to the Congress by R. Nixon, President of the US. Wash., 1972, p. 3, 18—19.

тить возникновение ядерной войны, проявлять сдержанность в своих взаимоотношениях, регулировать разногласия мирными средствами [53].

Руководители СССР и США договорились о конкретных шагах по ограничению гонки вооружений: 26 мая были подписаны Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений [54]. Кроме того, были заключены соглашения о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним, о сотрудничестве в области исследования и использования в мирных целях космического пространства, охраны окружающей среды, здравоохранения, науки и техники. На встрече были определены меры по содействию развитию торговли и других экономических связей. В осуществление данной договоренности в октябре 1972 г. были заключены соглашения о торговле, кредитах, об урегулировании расчетов по ленд-лизу и некоторым вопросам морского судоходства.

Важное место в переговорах заняли вопросы разрядки в Европе. В совместном коммюнике СССР и США указали, что готовы внести «соответствующий вклад в позитивные процессы, происходящие на Европейском континенте в направлении подлинной разрядки и развития отношений мирного сотрудничества между государствами в Европе на основе принципов территориальной целостности, нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела, суверенного равенства, независимости и отказа от применения силы или угрозы ее применения» [55]. Иными словами, Соединенные Штаты выразили согласие с основными принципами мирного сосуществования, уже принятыми европейскими государствами. СССР и США пришли к соглашению относительно многосторонних консультаций, касающихся подготовки совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Выступая 2 июня 1972 г. на совместном заседании обеих палат конгресса, Р. Никсон заявил, что в итоге переговоров на высшем уровне был заложен фундамент новых взаимоотношений между СССР и США.

Развитие советско-американского диалога способствовало прогрессу и в рассмотрении вопроса о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений, в первую очередь в Центральной Европе. Было достигнуто единство мнений в том, что «любое соглашение по этому вопросу не должно наносить ущерба безопасности какой-либо из сторон» [56], т. е. был подтвержден принцип равной безопасности.

Результаты переговоров в Москве были с удовлетворением встречены демократической общественностью США. Существенно усилилась деловая активность в экономических связях с СССР. Ряд американских компаний объявили о подписании контрактов с советскими внешнеторговыми объединениями. Однако силы, враждебные разрядке,— пестрая коалиция из ультраправых политиков, военно-промышленных кругов, антикоммунистов всех мастей, использовавших «правозащитную» демагогию для вмешательства во внутренние дела социалистических государств,— встретили достигнутые договоренности в штыки. Борьба этих сил против пози-

---

[53] Правда, 1972, 30 мая.
[54] Оба соглашения вступили в силу в октябре 1972 г.
[55] Правда, 1972, 31 мая.
[56] Там же.

тивных перемен в мире приняла особо острый характер, когда встал вопрос о дополнении политической разрядки военной. Военно-промышленный комплекс требовал ужесточения позиции делегации США в вопросах ОСВ. Во время переговоров в Москве Никсону сообщили из Вашингтона, что «Пентагон почти открыто бунтует», а Объединенный комитет начальников штабов «отказывается от позиции по ОСВ, с которой он ранее был согласен» [57].

Несмотря на давление военно-промышленного комплекса, конгресс США одобрил советско-американские соглашения, подписанные в Москве. Однако сенат принял поправку сенатора Г. Джексона, в которой, по существу, содержалось требование односторонних преимуществ в области межконтинентальных ядерных вооружений.

Тем не менее импульс, данный разрядке переговорами в Москве, продолжал действовать. Переизбранный на второй срок президент Р. Никсон в речи 20 января 1973 г. подтвердил намерение США сотрудничать с Советским Союзом по вопросам сокращения вооружений и предотвращения опасных конфронтаций. В Женеве продолжались переговоры об ОСВ, на встречах в Вене была разработана процедура переговоров о сокращении войск и вооружений в Центральной Европе. С ноября 1972 г. по июнь 1973 г. в Хельсинки проходили многосторонние консультации, касающиеся подготовки общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества.

На встрече в верхах, состоявшейся в июне 1973 г., в США было подписано Соглашение о предотвращении ядерной войны, обязывающее СССР и США избегать действий, способных вызвать опасное обострение их отношений. Обе стороны приняли обязательство воздерживаться от угрозы силой или ее применения против другой стороны и ее союзников и против других стран в обстоятельствах, которые могут поставить под угрозу международный мир и безопасность. Были также согласованы Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений, ставящие задачу ускорить выработку соглашений, ограничивающих стратегические наступательные вооружения в количественном и качественном отношении. Стороны подчеркнули, что при выработке новых соглашений они будут руководствоваться признанием интересов равной безопасности друг друга, а также того, что попытки получения односторонних преимуществ несовместимы с укреплением отношений мира между СССР и США. Участники встречи в верхах рассмотрели пути и формы развития торгово-экономических связей между обеими странами в широких масштабах на долговременной взаимовыгодной основе.

Были подписаны соглашения между правительством СССР и правительством США о сотрудничестве в области сельского хозяйства, а также в области транспорта, исследования Мирового океана, о научно-техническом сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии [58]. Стороны договорились, что дальнейшие встречи на высшем уровне должны проводиться регулярно.

В то же время в США нарастала политическая кампания сил, выступавших против разрядки. Р. Никсон писал позднее в мемуарах:

---

[57] *Nixon R.* Memoirs, p. 615.
[58] История внешней политики СССР, т. 2, с. 698.

«Слияние сил, стоящих на противоположных концах политического спектра, привело к созданию диковинной коалиции... либералы и американские сионисты решили, что настало время бросить вызов... политике Советского Союза в области эмиграции... С другой стороны стояли консерваторы, которые традиционно выступали против разрядки, поскольку она противоречила их идеологической оппозиции контактам с коммунистическими странами»[59]. Поводом для формирования этой коалиции послужил направленный Р. Никсоном в апреле 1973 г. конгрессу запрос о предоставлении СССР статуса наиболее благоприятствуемой нации.

В декабре 1973 г. палата представителей конгресса США утвердила законопроект о торговой реформе с поправкой Джексона—Вэника, фактически лишавшей СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле с США, поскольку оно обусловливалось неприемлемыми для Советского Союза требованиями, представлявшими собой прямое вмешательство в его внутренние дела.

Накануне третьей встречи на высшем уровне в Москве активность сил в США, выступавших против разрядки, приняла такие масштабы, что, как писал Р. Никсон, «вероятно, самая решающая и трудная битва» этой встречи «велась не в Москве, а в Вашингтоне», где деятельность сил, противостоявших разрядке, «достигла почти лихорадочного состояния как раз в тот момент, когда я собирался ехать в Советский Союз»[60]. Они стремились сократить уровень торговли с СССР. Кроме того, эти силы ополчились против самой возможности того, чтобы третья встреча действительно увенчалась прорывом в области ограничения наступательных ядерных вооружений или хотя бы запрещением подземных испытаний ядерного оружия. Оппозиция военно-промышленного комплекса новому соглашению об ОСВ наиболее ярко проявилась на заседании Совета национальной безопасности еще 20 июня 1972 г., где министр обороны Дж. Шлесинджер отстаивал жесткую, бескомпромиссную линию Пентагона, отвергавшего любое соглашение об ОСВ, которое не обеспечивало бы подавляющего американского превосходства. Следует учитывать и то сложное положение, в котором находилась администрация Никсона в период уотергейтского скандала.

27 июня — 3 июля 1974 г. в Советском Союзе имела место третья встреча руководителей СССР и США, в результате которой был подписан Протокол к Договору между СССР и США об ограничении системы противоракетной обороны, предусматривающий сокращение количества районов размещения систем ПРО и соответственно числа ракет ПРО, а также Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия. Стороны подписали протокол к этому договору, регулирующий обмен соответствующими данными в целях обеспечения контроля национальными техническими средствами за выполнением обязательств сторон по договору и Совместное заявление о мерах, направленных на устранение опасности использования средств воздействия на природную среду в военных целях. Во время переговоров советская сторона выдвигала предложения, идущие по пути дальнейшего оздоровления международной обстановки (о выводе из Средиземного моря всех несущих ядерное оружие советских и американских кораблей и подводных лодок, о запрете

---

[59] *Nixon R.* Memoirs, p. 870.
[60] Ibid.

всех испытаний ядерного оружия и др.). Американская делегация не приняла эти предложения.

В ходе визита Никсона в СССР состоялся обмен мнениями по вопросам, относящимся к работе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, о переговорах в Вене, по проблеме мирного урегулирования на Ближнем Востоке, другим международным проблемам. В совместном коммюнике была отмечена целесообразность дополнения политической разрядки в Европе мерами военной разрядки [61].

Соглашения и договоренности, достигнутые между СССР и США в 1970—1974 гг., означали существенное продвижение по пути укрепления международной безопасности и взаимного доверия. Были выработаны основные политические принципы взаимоотношений двух держав; сделаны серьезные шаги по ограничению стратегических и обычных вооружений; достигнуты компромиссные решения по ряду сложных международных проблем, расширено торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество. В ходе переговоров был сформулирован своего рода «кодекс поведения», который должен был определять взаимоотношения обеих стран и их действия на мировой арене. Принятые совместные решения продемонстрировали не только возможность для СССР и США добиваться ощутимых результатов на пути переговоров, но и то, что в условиях ядерного века это единственно разумный и реалистический путь.

5. ПОРАЖЕНИЕ ВО ВЬЕТНАМЕ

Значительным препятствием на пути дальнейшего развития процесса разрядки оставалась американская агрессия во Вьетнаме. Провозгласив своей целью улучшение отношений с другими странами, Соединенные Штаты, проводя «вьетнамизацию», расширили одновременно масштабы военных акций в Юго-Восточной Азии. С марта 1969 г. по май 1970 г. стратегические бомбардировщики Б-52, базировавшиеся на о-вах Гуам и Окинава, предприняли массированные бомбежки районов Камбоджи, прилегающих к границам Южного Вьетнама. 18 марта 1970 г. при поддержке ЦРУ власть в Камбодже захватила проамериканская группировка Лон Нола. В мае 1970 г. американо-сайгонские войска вторглись в Камбоджу, а в январе-феврале 1971 г.— в Лаос. В Южном Вьетнаме полным ходом шла милитаризация, Пентагон обучал и снабжал современным оружием сайгонскую армию, что обходилось США около 2 млрд. долл. в год. Создание огромной марионеточной армии позволило Р. Никсону осуществлять символические выводы американских войск из Вьетнама, хотя в целом американское вмешательство в Юго-Восточной Азии не уменьшилось, а скорее увеличилось. Особенно возросли бомбардировки американскими военно-воздушными силами территории стран Индокитая, участились факты применения химических средств ведения войны и других «ответных» мер.

В 1969—1973 гг. США сбросили на Вьетнам 4,6 млн. т бомб (в 1961—1968 гг.— 2,8 млн. т) [62]. Применяя стратегию «выжженной земли», США рассчитывали запугать патриотические силы Вьетнама. По свиде-

[61] Документы и материалы третьей советско-американской встречи на высшем уровне, 27 июня — 3 июля 1974 г. М., 1974, с. 70.

[62] *Ball G. W.* Diplomacy for a Crowded World. N. Y., 1976, p. 74.

тельству сотрудников аппарата Белого дома, Р. Никсон стремился создать впечатление, что «готов пойти на что угодно», в том числе на применение ядерного оружия, дабы добиться выхода из вьетнамского конфликта на условиях, выгодных для США [63]. Продолжение вопреки предвыборным обещаниям американской агрессии в Юго-Восточной Азии вызвало новый подъем массового антивоенного движения в США. 13 мая сенаторы Ф. Черч и Дж. Купер внесли поправку к законодательству,

ПОЗОРНЫЙ ФИНАЛ. ПЛЕННЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ЛЕТЧИК, СБИТЫЙ В НЕБЕ ВЬЕТНАМА

запрещавшую финансирование военных операций США в Камбодже. Поправка была принята, как и ряд других, ограничивающих ассигнования на войну в Юго-Восточной Азии.

В марте 1972 г. патриотические силы Южного Вьетнама развернули широкое наступление против сайгонского режима, поставив его на грань краха. Поддерживая своего вассала, США начали эскалацию воздушной войны против сил Национального фронта освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ) и ДРВ. На дипломатическом уровне Вашингтон решил поставить вопрос о некоем «сдерживании ДРВ» в центр предстоящей советско-американской встречи на высшем уровне, иными словами, вновь применить принцип «увязки». В беседе с Киссинджером перед его поездкой в Москву в апреле 1972 г. Р. Никсон подчеркнул необходимость «сделать Вьетнам первым пунктом повестки дня и отказаться рассматривать любой вопрос, который захотят обсудить Советы,— особенно торговые соглашения... прежде чем они не дадут конкретные обязательства

[63] *Haldeman H.* The End of Powers. N. Y., 1978, p. 122.

помочь (США.— *Авт.*) окончить войну» (на американских условиях.— *Авт.*) [64].

Эти расчеты провалились. Не имели успеха и попытки США запугать ДРВ угрозой новых «жестких санкций». Тогда Вашингтон приступил к расширению военных операций против ДРВ, хотя в Белом доме сознавали, что планируемые новые акты агрессии против ДРВ могут привести к «протесту против бомбардировок внутри страны и срыву встречи» в верхах. Но желание любой ценой спасти сайгонский режим превалировало над всеми другими соображениями [65]. Рассмотрев подготовленные Пентагоном планы бомбардировок американской авиацией территории ДРВ, Р. Никсон остался недоволен их «ограниченностью». «Я совершенно не удовлетворен теми планами, которые военные предложили относительно воздушных операций...— писал он Киссинджеру.— Гораздо важнее сделать как можно больше...» [66]

Необоснованность расчетов Белого дома была очевидной даже для Пентагона, где поняли, что «вся военно-воздушная мощь удара и удары по Ханою—Хайфону не спасут Южный Вьетнам, если сами южновьетнамцы не способны удерживать позиции» [67]. И все же 8 мая 1972 г. на заседании СНБ Никсон объявил о решении бомбить район Ханоя и Хайфона и минировать с воздуха все порты и побережье ДРВ. На Вьетнам было брошено около 40% всей тактической и 60% всей стратегической авиации США. В конце 1972 г. американские воздушные бомбардировки ДРВ усилились.

Опасные провокационные действия Соединенных Штатов обостряли международную обстановку, но не смогли сломить национально-освободительную борьбу вьетнамского народа. На стороне народа Вьетнама стояли народы СССР, других социалистических стран, все прогрессивные силы. Еще 25 января 1972 г. СССР, другие государства — участники Варшавского Договора сделали заявление, что и впредь будут оказывать Демократической Республике Вьетнам, патриотическим силам Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи необходимую помощь и поддержку для отражения агрессии. В связи с бомбардировкой американской авиацией Ханоя и Хайфона было опубликовано заявление ТАСС, в котором подчеркивалось, что «в Советском Союзе решительно требуют прекращения американских бомбардировок и других актов войны против ДРВ. Единственный путь решения проблем Индокитая — это путь переговоров без попыток шантажа и диктата...» [68]. Подчеркивая свою решимость оказать поддержку Вьетнаму, Советское государство направило в июне 1972 г. делегацию в Ханой. В результате состоявшихся переговоров были разработаны меры по дальнейшему расширению военного сотрудничества между СССР и ДРВ [69].

Потерпев неудачу в попытках военного решения вьетнамской проблемы, правительство США было вынуждено обратиться к поискам политического урегулирования. 27 января 1973 г. после длительных переговоров в Париже представители ДРВ, Временного революционного пра-

---

[64] *Nixon R.* Memoirs, p. 587—588.
[65] Ibid., p. 602.
[66] Ibid., p. 600, 606.
[67] Ibid., p. 600.
[68] Правда, 1972, 17 апр.
[69] История внешней политики СССР, т. 2, с. 474.

вительства РЮВ, США и Республики Вьетнам подписали соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, содержащее обязательство уважать «независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама» [70]. Парижское соглашение означало большую победу вьетнамского народа, всех прогрессивных и миролюбивых сил. 21 февраля 1973 г. было подписано соглашение о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе. 18 марта 1973 г. был завершен вывод войск США из Южного Вьетнама. Многолетняя вооруженная интервенция Соединенных Штатов, принесшая неисчислимые разрушения и бедствия народам Индокитая, завершилась бесславным поражением.

Вместе с тем США не прекратили оказывать огромную военную помощь южновьетнамскому режиму, поощряя на продолжение гражданской войны. В 1973 г. США предоставили Сайгону 2,27 млрд. долл. Дополнительная американская помощь марионеточному режиму в 1973—1974 гг. составила почти 1 млрд. долл.[71] Анализируя «уроки Вьетнама», Г. Киссинджер позднее отмечал: «После горького опыта Вьетнама Америка узнала, что она не обладает мощью для того, чтобы... решать каждую проблему. Мы знаем, что наше влияние имеет пределы...» [72].

Агрессия во Вьетнаме во многом связывала свободу действий США в других частях земного шара. И тем не менее Вашингтон в ряде случаев продолжал действовать в традициях глобального интервенционизма. Когда в конце 1971 г. на Индостанском субконтиненте создалась кризисная ситуация между Индией и Пакистаном, Соединенные Штаты своей поддержкой Пакистана способствовали обострению обстановки. Вашингтон предоставил экономическую и военную помощь военному режиму Яхья-хана, пытавшемуся жестокими репрессиями подавить национально-освободительное движение в Восточном Пакистане. После начавшихся в декабре 1971 г. военных действий между Индией и Пакистаном, США объявили Индию «агрессором», приостановили оказание ей экономической помощи и направили в Бенгальский залив оперативную военно-морскую группу во главе с авианосцем «Энтерпрайз». Все это еще более ухудшало положение в регионе, усиливало конфронтацию. Однако занятые войной в Юго-Восточной Азии, Соединенные Штаты не решились на прямое военное вмешательство в индо-пакистанский конфликт. Сдерживающее воздействие оказало твердое предупреждение Советского Союза, что он не останется безучастным в случае вмешательства третьей стороны в конфликт на субконтиненте. После поражения пакистанских войск в Восточном Пакистане между Индией и Пакистаном было достигнуто соглашение о прекращении военных действий.

Стремясь предотвратить радикальные социальные сдвиги в развивающихся странах, Вашингтон оказывал поддержку реакционным силам и режимам, прибегая в ряде случаев к поддержке контрреволюционных переворотов. В результате заговора, подготовленного ЦРУ, в сентябре 1973 г. было свергнуто законное, созданное по воле народа, демократи-

---

[70] Правда, 1973, 26 янв.

[71] Vietnam. A Staff Report Prepared for the Committee on Foreign Relations, United States Senate. Wash., 1974, p. 8, 21, 25.

[72] The Department of State Bulletin, 1975, Dec. 15, p. 842.

ческое правительство С. Альенде в Чили и установлена военно-фашистская диктатура Пиночета. Делая акцент на развитие частных инвестиций и торговли в качестве рычагов усиления американского влияния в развивающихся странах, США существенно сократили им экономическую помощь (в страны Ближнего Востока — на 75%, Латинской Америки — на 25, Африки — на 8% по сравнению с первой половиной 60-х годов) [73]. Поддержка социалистических стран дала возможность развивающимся государствам изменить некоторые невыгодные для них условия экономических взаимоотношений с США, осуществлять национализацию иностранных предприятий.

Вашингтон продолжал оказывать огромную финансовую и военную помощь Израилю, проводящему экспансионистскую политику против арабских стран, и в то же время выступал против предоставления палестинскому народу права на самоопределение. В октябре 1973 г. вспыхнула четвертая арабо-израильская война, ответственность за которую, как указывалось в заявлениях Советского правительства от 8 октября 1973 г., целиком и полностью ложилась «на Израиль и те внешние реакционные круги, которые постоянно потворствуют Израилю в его агрессивных устремлениях» [74]. В ходе войны, опираясь на твердую поддержку СССР, других социалистических стран, арабские государства дали отпор Израилю, нанесли ему значительные потери. Соединенные Штаты спешно оказали помощь Израилю в размере 2,2 млрд. долл., а также поставками оружия, что вело к затягиванию войны. Одновременно Вашингтон объявил о приведении в состояние боеготовности своих стратегических сил в качестве угрозы в адрес СССР, поддерживавшего справедливые действия арабских государств.

Предпринимая энергичные и разносторонние усилия по урегулированию конфликта политическими средствами, Советский Союз поставил перед правительством США (в ходе советско-американских переговоров в Москве в октябре 1973 г. и в специальных обращениях советского руководства к президенту Р. Никсону) вопрос о совместных действиях СССР и США в направлении восстановления мира на Ближнем Востоке. 22 октября 1973 г. по инициативе СССР и США Совет Безопасности принял резолюцию, в которой воюющим сторонам предлагалось немедленно прекратить военные действия и перейти к переговорам, нацеленным на установление справедливого и надежного мира на основе резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 г.[75] В дальнейшем мирный процесс на Ближнем Востоке был заморожен Израилем и США.

В ответ на широкую поддержку Соединенными Штатами агрессивной политики Израиля ряд арабских государств—членов ОПЕК в октябре 1973 г. наложили эмбарго на поставки нефти в США и ряд других стран. Несмотря на ожесточенное сопротивление США, при поддержке социалистических государств развивающиеся страны в 1974—1975 гг. провели через ООН Декларацию и Программу действий по установлению нового международного порядка, хартию экономических прав и обязанностей государств, резолюцию, квалифицирующую сионизм как форму расизма, и др. Вашингтон категорически отказался пойти

[73] Современная внешняя политика США, т. 1, с. 268.
[74] Правда, 1973, 8 окт.
[75] История внешней политики СССР, т. 2, с. 533.

навстречу развивающимся странам, пригрозив пустить в ход силу при повторном нефтяном эмбарго. Законом 1975 г. предусматривались экономические санкции против стран, входящих в картели по типу ОПЕК или ограничивающих доступ американских компаний к их сырью.

Внешнюю политику США в период президентства Р. Никсона нельзя оценить однозначно. Придя к власти в период, отмеченный кризисом политики «холодной войны», приближением полного военного поражения во Вьетнаме, нарастанием антивоенного движения в стране, новая администрация предприняла ряд мер по нормализации отношений с СССР, другими социалистическими странами. «Потребность в изменении нашей политики,— разъяснил Р. Никсон в послании конгрессу 3 мая 1973 г.— диктовалась целесообразностью приведения ее в соответствие не только с новыми реальностями в мире, но и с новыми настроениями в Америке. Многие американцы больше не желали безоговорочно поддерживать все аспекты послевоенной роли США в мире, которая истощила наши финансовые и особенно психологические ресурсы» [76].

Переход новой администрации на позиции реализма по ряду проблем внешней политики привел к улучшению возможности и для решения глобальных проблем современности, в первую очередь для устранения угрозы ядерной войны. Однако эти возможности не были реализованы. Роковую роль в блокировании конструктивных тенденций во внешней политике США сыграло контрнаступление наиболее реакционных кругов американского господствующего класса, сделавших все, чтобы «свернуть» разрядку и вновь поставить страну на рельсы гонки вооружений и опасного противоборства в целях достижения призрачного военного превосходства над социализмом.

---

[76] US Foreign Policy for the 1970's. Shaping a Durable Peace, p. 4.

Глава десятая

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

1. СНОВА ПРИЗРАК «ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ»

У истоков современного этапа развития США лежат процессы, связанные с дальнейшим обострением противоречий капиталистической системы. Именно из США исходили импульсы мирового экономического кризиса середины 70-х годов. Явления перепроизводства стали проявляться здесь еще в конце 1973 г., т. е. всего через четыре года после начала предыдущего спада. «Своей кульминации кризис достиг в 1975 г., когда по сравнению с 1973 г. физический объем промышленного производства в мировом капиталистическом хозяйстве снизился примерно на 6%, а в его индустриальных центрах — более чем на 7%» [1].

Примечательно, что кризис 1973—1975 гг. проявился в Соединенных Штатах в гораздо более острой форме, чем в других развитых капиталистических странах. По масштабам сокращения промышленного производства, по размаху и продолжительности безработицы, по глубине фазы падения и иным показателям этот кризис превосходил все экономические катастрофы американского капитализма, начиная с кризиса 1937—1938 гг., и уступал первенство лишь «великой депрессии» 1929—1933 гг. При этом в полной мере раскрылись все те тенденции, которые лишь намечались или недостаточно четко проявились в ходе предшествующего спада 1969—1970 гг., в процессе формирования общей социально-экономической ситуации в США конца 60-х — начала 70-х годов.

Учитывая этот факт, а также то обстоятельство, что во всех спадах американской экономики последующих лет именно указанные тенденции определяли специфику кризисных ситуаций, их можно рассматривать как новые, не имеющие аналогов в прошлом черты развертывания кризиса в современных условиях. К ним необходимо отнести следующие. Во-первых, нарушение традиционной для капиталистической экономики зависимости между регрессивным развитием на стадии кризиса и движением цен. Так, до кризисов конца 60-х годов и 1973—1975 гг. свертывание производства всегда сопровождалось резким падением цен, отныне же оно сопровождается ростом цен, неконтролируемой инфляцией. Во-вторых, прежде рост безработицы и увеличение резервной армии труда, столь характерные для периодов экономического кризиса, сопровождались падением заработной платы. Кризис 1973—1975 гг., однако, не привел к падению денежной заработной платы. В-третьих, несмотря на некоторый рост промышленного производства на стадии выхода из кризиса (начиная с 1976 г.) и в последующие несколько лет, в США в це-

---

[1] *Рымалов В. В.* Подрыв вековых устоев: Противоречия мировой экономической системы капитализма. М., 1984, с. 187.

лом сохранился практически столь же высокий, как и в разгар кризиса уровень безработицы [2].

Эти особенности кризиса еще сильнее, чем в конце 60-х—начале 70-х годов, выявили несостоятельность сложившихся форм государственного регулирования экономики и лежащих в их основе кейнсианских принципов. «Инфляционная волна 70-х годов,— писал в этой связи журнал „Ньюсуик",— продемонстрировала поразительные слабости кейнсианской теории. Реальный мир уже невозможно втиснуть в старые теоретические рамки» [3].

Циклическому кризису перепроизводства 1973—1975 гг. предшествовали резкое ослабление позиций США в мировом капиталистическом хозяйстве, кризисные явления в банковской сфере, непоследовательный, с частыми зигзагами и обращением вспять правительственный курс в области кредитно-финансовой политики. Все эти явления подточили экономику США, сделали непрочным периоды ее «оздоровления». Однако непосредственными причинами кризиса середины 70-х годов стали падение платежеспособности широких масс населения, обесценение денег, рост цен.

Обычно потребительские расходы населения служили фактором противодействия кризисным тенденциям в экономике. Но в условиях инфляции 70-х годов и непрекращающегося даже в кризисной ситуации роста цен на потребительские товары, при наличии огромной армии безработных произошло небывалое в истории США по продолжительности и глубине падение реальных доходов американцев. Реальная недельная заработная плата рабочих и служащих понизилась на 1% в 1973 г. и на 5% в 1974 г., оказавшись в результате на более низком уровне, чем в 1965 г.[4] Резкое повышение цен на продовольствие и топливо в конце 1973 г. привело к уменьшению реальных потребительских расходов не только на товары длительного пользования, но и на другие виды товаров и услуг. При определенном росте номинальной заработной платы американских трудящихся за 1967—1977 гг. ее реальный уровень увеличился всего на 2,5% с учетом роста цен, налогов и обесценения денег. Именно это положение позволило журналу «Тайм» заявить, что «повышение заработной платы рабочих становится издевательством. По сравнению с 60-ми годами прирост жизненного уровня фактически оказался на нуле» [5].

Увеличение не находящей сбыта продукции и значительное уменьшение всех основных показателей совокупного спроса населения вызвали начиная с середины 1973 г. резкое падение промышленного производства в США, охватившее практически все отрасли промышленности. Индекс падения уровня производства (сравнение предкризисного максимума с кризисным минимумом; уровень 1967 г. = 100) за 1974—1975 гг. по важнейшим отраслям промышленности выглядел следующим образом: промышленное производство в целом — 131,9 и 111,7; черная металлургия — 129,8 и 87; цветная металлургия — 139,6 и 84,7; производство изделий из резины и пластмасс — 205,3 и 139,6; текстильная промышлен-

[2] Подробнее см.: *Бельчук А. И.* Экономические кризисы современного капитализма. М., 1981, с. 154—170.
[3] Newsweek, 1976, vol. 87, N 20, p. 49.
[4] Economic Report of the President, 1976. Wash., 1976, p. 205.
[5] Time, 1977, vol. 109, N 17, p. 23.

ность — 145,3 и 96,1[6] и т. д. Важно отметить то обстоятельство, что если в кризисных фазах предшествующих промышленных циклов ряд отраслей промышленности (аэрокосмическая, электронная, некоторые химические отрасли), как правило, не испытывал длительного падения производства, то в цикле, завершившемся кризисом 1973—1975 гг., такое падение произошло. Это означает, что кризис охватил как традиционные отрасли американской экономики, так и новые отрасли, порожденные научно-технической революцией.

Как и во всех предшествующих случаях, этому кризису сопутствовала волна банкротств капиталистических предприятий. В 1974—1975 гг. в стране обанкротилось свыше 21 тыс. компаний. Среди банкротов оказались не только мелкие и средние компании, но и крупные (и даже крупнейшие) железнодорожные и торговые компании, банковские корпорации. На грани банкротства балансировали лидирующие фирмы авиационной промышленности «Локхид», «Груммен», авиатранспортные компании «Трансуорлд эйрлайнз», «Пан-Американ», «Уорлд эйр». В 1974 г. потерпели финансовый крах такие крупнейшие коммерческие банки США, как «Юнайтед Стейтс нэшнл бэнк оф Сан-Диего» с депозитами в 1 млрд. долл., «Франклин нэшнл бэнк» с депозитами 4,5 млрд.

Кризисный 1974 год стал рекордным по сумме убытков, понесенных коммерческими банками: они оценивались в 2 млрд. долл. В то же время предельно острое положение сложилось в сфере финансов самих корпораций, на рынке ссудного капитала, напоминая ситуацию, предшествовавшую спаду 1969—1970 гг. Достаточно сказать, что к 1975 г. общая задолженность корпораций составила 1 трлн. долл. Это более чем в 15 раз превышало прибыли корпораций после вычета налогов. Все это делает понятным вывод ряда американских экономистов, утверждавших, что экономика Соединенных Штатов основана на долгах.

Кризис 1973—1975 гг. привел к резкому сокращению занятости и дальнейшему росту и без того значительной армии безработных. Число занятых в американском хозяйстве, равнявшееся в июле 1974 г. 86,2 млн., к марту 1975 г., упало до 84,2 млн., тогда как число полностью безработных, по официальным данным, возросло в мае 1975 г. до 8,3 млн. по сравнению с 4,5 млн. в мае 1974 г.[7] Однако на самом деле армия безработных была намного больше, поскольку официальные данные о числе полностью безработных в тот или иной момент неточно выявляли действительные масштабы этого бедствия. В течение 1975 г. 21 млн. американцев испытывали на себе давление безработицы, т. е. пребывали какое-то время без работы. Подобное «освобождение» от труда у 9,2 млн. человек продолжалось до 15 и более недель[8]. При этом безработица неодинаково затронула различные социальные категории американских трудящихся. В наибольшей степени в период кризиса 1973—1975 гг. от нее пострадали молодежь, женщины, представители национальных меньшинств, и прежде всего черные американцы. В 1977 г., уже после выхода из кризиса, общенациональный уровень безработицы оценивался в 7%, в том числе среди белых американцев он равнялся 6,2%, среди небелых — 14,2, среди молодежи (16—24 лет) — 13,1%[9].

[6] Business Statistics. Wash., 1977, p. 10, 12.
[7] Handbook of Cyclical Indicators. Wash., 1977, p. 87, 118.
[8] Monthly Labor Review, 1976, N 11, p. 47.
[9] Ecologist Quarterly, 1977, N 2, p. 45.

Многие характерные черты кризиса в США, определившие его размах и длительные последствия, вытекали не только из внутриэкономических факторов. В значительной мере они предопределялись обострением структурных противоречий мирового капиталистического хозяйства, с которым экономика США связана неразрывными узами. Структурные мирохозяйственные проблемы капитализма предстали как проявление стихийных, не поддающихся контролю и регулированию сил, хотя в предшествующие годы усилиями ведущих капиталистических стран и лидерами ТНК были созданы различные инструменты подобного регулирования (координационные и планирующие органы самих ТНК, систематические встречи глав государств ведущих капиталистических стран, «Римского клуба» и т. д.). Стало очевидно, что процесс капиталистической интернационализации производства намного опередил возможности ее государственно-монополистического регулирования на международном уровне.

Существенной особенностью кризиса перепроизводства в США стало его тесное и в то же время достаточно противоречивое переплетение как с энергетическим и сырьевым кризисами, так и с резким обострением проблем мировой валютно-финансовой системы. В основе энергетического кризиса, ускорившего наступление кризиса циклического, лежало укрепление сплоченности нефтедобывающих стран, выразившееся, в частности, в создании ОПЕК, что привело в 70-х годах к ослаблению позиций нефтяных монополий, к утрате ими контроля над мировыми ценами на нефть. Резкий рост цен на топливо и вслед за тем на электроэнергию (на 55% — в 1974 г. и на 18% — в 1975 г.) способствовал развитию инфляции и уменьшению платежеспособного спроса населения США[10]. Кроме того, увеличение мировых цен на нефть и нефтепродукты привело к образованию огромного дефицита торгового баланса (что, в свою очередь, способствовало дальнейшему ослаблению позиций доллара на мировых валютных рынках).

Бывший директор Европейского отделения Международного банка реконструкции и развития А. Караш считал, что столь же «роковую роль» в комплексе причин, приведших к кризису 1973—1975 гг., занимают и кризисные явления в мировой валютной системе, фактический развал которой начался с отменой Р. Никсоном в августе 1971 г. принципа обратимости доллара в золото, т. е. с отказа от основного положения Бреттон-Вудской системы.

Кризис 1973—1975 гг. обнажил зависимость страны от импорта, от внешнеторговой экономической конъюнктуры в целом. В 1973 г. доля импорта в потреблении марганца в США составляла 98%, кобальта — 96, цинка — 63, алюминия и олова — 86, никеля — 72, хрома — 91%[11]. За годы кризиса, как никогда прежде, обострилось соперничество развитых капиталистических стран на мировом рынке, причем США все более оказывались потесненными в ряде важных областей. Уже с 1970 г. ФРГ начинала превосходить США, а с 1978 г. Япония сравнялась с ними по объему экспорта промышленных изделий. Резко сократился золотой запас США. В 70-е годы ФРГ, а затем Саудовская Аравия и Япония обогнали Соединенные Штаты по объему золото-валютных резервов.

[10] Project Independence Report. Wash., 1974, p. 291.
[11] США — экономика, политика, идеология, 1975, № 10, с. 55.

Западноевропейские и японские монополии стали все успешнее конкурировать с американскими корпорациями, в том числе и на внутреннем рынке США.

Глубина и масштабность кризиса, сложность и разнообразие проблем, порожденных им, повергли верхушку американского общества как бы в шоковое состояние. Последовавшая затем реакция была весьма характерной. Она свидетельствовала о стремлении монополистического капитала взять инициативу по спасению американской экономики и капиталистической системы в целом непосредственно в собственные руки. Если до 70-х годов выработка экономико-политических решений осуществлялась почти целиком через аппарат правительственных органов, комиссий конгресса, многочисленных политических институтов, то с конца 60-х, и особенно с середины 70-х годов, лидеры промышленных и финансовых корпораций все чаще «напрямую» стремились контролировать определение перспективных задач страны, национальных приоритетов, притом как экономических, так и социальных. Среди непосредственных причин подобной «смены вех», было не только состояние американской экономики, социально-политическая ситуация в США, но и растущее недоверие все более широких слоев американского общества к способностям «капитанов американского бизнеса» адекватно и в интересах общества решить стоящие перед страной проблемы.

В середине 70-х годов тенденция непосредственного вовлечения монополий (и прежде всего военно-промышленного комплекса) в политическую жизнь все более приобретала черты доминирующего явления. Это нашло отражение и в увеличении лоббистских контор в Вашингтоне, и в заметном усилении «внутрифирменной» политической деятельности предпринимателей. 700 крупнейших корпораций создали собственные «комитеты политического действия». Эти организации не только стали заниматься сбором средств среди сотрудников фирмы в пользу того или иного кандидата в законодательные органы власти, но и осуществлять постоянный контакт между фирмами и партийными машинами демократов и республиканцев. Политическая пропаганда на предприятиях рассматривалась ими в качестве одного из главных направлений деятельности. Она носила и носит антирабочий, консервативный или даже открыто реакционный характер.

В США все громче стали слышны призывы к коренному пересмотру послевоенной политики государства в социально-экономической сфере. Все большую популярность начали приобретать всевозможные варианты консервативной ревизии «рузвельтовского наследия», неолиберальных принципов регулирования экономики.

2. «УОТЕРГЕЙТ»

Событие, которому суждено было стать началом крупнейшего в послевоенной истории США политического кризиса, разыгралось в ночь на 17 июня 1972 г. в Вашингтоне в административно-жилом комплексе Уотергейт. Прибывшие около 2 часов утра по сигналу охранника полицейские обнаружили в помещении, занимаемом национальным комитетом демократической партии, пятерых взломщиков, имевших при себе аппаратуру для подслушивания, а также портативную рацию, фотокамеры и

миниатюрные пистолеты со слезоточивым газом[12]. Взломщики были арестованы. Среди них оказались трое кубинских эмигрантов Б. Баркер, В. Гонсалес и Э. Мартинес и американец Ф. Стерджис, связанные с кубинскими контрреволюционерами в Майами и с ЦРУ. Пятый — Дж. Маккорд,— в прошлом служил в ФБР и ЦРУ, а в момент происшествия являлся координатором по вопросам безопасности Комитета по переизбранию президента (КРП), руководившего предвыборной кампанией Никсона.

Вскоре стало известно, что в операции были замешаны еще два человека. Один из них — Г. Хант, долгие годы служивший в ЦРУ, некоторое время работал консультантом Белого дома под началом Ч. Колсона, специального советника президента. В прошлом Хант участвовал в подготовке вторжения на Кубу, организованного ЦРУ в 1961 г. В то время Хант познакомился с Баркером. Последний, так же как и Гонсалес и Стерджис, участвовал во вторжении на Кубу. Именно Хант и вовлек в уотергейтскую операцию этих членов реакционных эмигрантских организаций. Как впоследствии сообщил Баркер, Хант посулил им, что за эту «услугу» Белый дом в будущем поможет им в борьбе за свержение революционного правительства Кубы. Стало также известно, что к организации операции был причастен Г. Лидди, бывший служащий ФБР. С конца 1971 г. он был советником КРП и весной 1972 г. перешел в качестве советника в Комитет по финансированию кампании за переизбрание Никсона. Впоследствии выяснилось, что именно Лидди отвечал за подготовку и проведение операции.

Сообщения о проникновении в штаб-квартиру демократов появились в печати на следующий день. Председатель национального комитета демократической партии Л. О'Брайен охарактеризовал это происшествие как «вопиющий акт политического шпионажа», следы которого явно вели в Белый дом. 20 июня О'Брайен официально предъявил иск КРП в размере 1 млн долл. за причиненный ущерб (позднее, в сентябре, сумма иска была увеличена истцом до 3 млн.). На следующий день председатель КРП, бывший министр юстиции Дж. Митчелл сделал заявление, в котором отмежевывался от операции в Уотергейте и утверждал, что ее участники действовали без согласия и без ведома КРП. Никсон на пресс-конференции 22 июня 1972 г. поддержал заявление Митчелла, заявив, что Белый дом не имеет отношения к происшествию. 30 июня Митчелл ушел с поста руководителя КРП, сославшись на обстоятельства личного порядка.

С середины июня и до начала ноября, когда состоялись выборы, в печати появились некоторые новые сведения о фактах политического шпионажа, финансовых махинаций и т. п. За расследование «уотергейтского дела» и связанных с ним обстоятельств взялась газета «Вашингтон пост», выделившая специально для этой цели двух репортеров — К. Бернстейна и Б. Вудворда. Ряд сведений был опубликован газетой «Нью-Йорк таймс», журналами «Тайм», «Ньюсуик» и др. Тема эта звучала и в предвыборных выступлениях демократов. Кандидат в президенты от демократической партии Дж. Макговерн говорил, что вопреки попыткам представить «уотергейт» как незначительное происшествие, это — «серьезное преступ-

---

[12] *Геевский И. А.* Мафия, ЦРУ, Уотергейт: Очерки об организованной преступности и политических нравах в США. М., 1983, с. 171—172.

ление, нити которого тянутся к аппарату республиканской партии»[13]. Однако Никсон и другие руководители республиканской партии продолжали настаивать на своей непричастности к «уотергейтскому делу». Большинство американцев в то время приняли на веру эту официальную версию.

Против семи участников уотергейтского инцидента было возбуждено судебное преследование. 15 сентября им были предъявлены обвинения в соучастии в заговоре, проникновении со взломом и незаконном подслушивании с использованием электронной техники. И хотя печать сообщала (а следствие установило) о связи некоторых участников уотергейтской акции с КРП и получении от него крупных денежных сумм, обвинительный акт не касался вопроса ни об источниках полученных подсудимыми средств, ни о целях, на которые были выделены эти деньги.

На процессе, состоявшемся 8—30 января 1973 г., представители государственного обвинения старались возложить всю вину на непосредственных исполнителей уотергейтской операции и уйти от вопроса об ответственности КРП и представителей администрации. Для сокрытия истины использовался также факт участия в операции кубинских эмигрантов, которым пытались приписать главную роль в этой истории. К. Бернстейн и Б. Вудворд отмечали: «Официальные представители Белого дома и КРП пытались направить репортеров по ложному следу. Распространялись слухи, что проникновение в Уотергейт было делом рук антикастровских кубинцев, которые хотели доказать, что демократы получают средства от Кубы»[14].

11 января 1973 г. Хант, а 15 января — Баркер, Стерджис, Мартинес и Гонсалес признали себя виновными, что освобождало их от дачи дальнейших показаний. В печати сообщалось, что они заняли такую позицию под сильным давлением, а также получив за это крупное денежное вознаграждение. 30 января суд признал виновными Лидди и Маккорда. Но вскоре атмосфера вокруг «уотергейтского дела» стала накаляться в связи с признаниями некоторых непосредственных «исполнителей».

По настоянию противников Никсона в конгрессе приступил к работе специальный комитет сената по практике президентской кампании, созданный 7 февраля 1973 г. В состав его вошли четыре демократа и три республиканца. Председателем комитета был избран сенатор-демократ от штата Северной Каролины С. Эрвин, вице-председателем — сенатор-республиканец от штата Теннесси Г. Бейкер. Еще до начала публичных слушаний в комитете Эрвина Маккорд дал показания его членам на закрытом заседании. В печать просочились также сведения о том, что Дж. Митчелл, бывший в то время председателем КРП, а до этого занимавший пост министра юстиции, лично дал согласие на операцию в штаб-квартире демократов. Выяснилось, что о готовившейся операции знали также советники президента Ч. Колсон, Дж. Дин и тогдашний заместитель председателя КРП, в прошлом сотрудник аппарата Белого дома Дж. Магрудер.

Сенатор Эрвин заявил, что намерен вызвать на заседания сотрудников Белого дома. Сначала Белый дом отказывался удовлетворить требо-

---

[13] US News and World Report, 1972, Sept. 25, p. 28.

[14] *Bernstein C., Woodward B.* All the President's Men. N. Y., 1974, p. 34.

вание Эрвина, ссылаясь на привилегию исполнительной власти, дающей право президенту и его подчиненным отказываться от явки по вызову комитета конгресса. Однако показания Маккорда, Грея, Магрудера и других, а также скандальные разоблачения в печати заставили Никсона дать согласие на то, чтобы сотрудники Белого дома давали показания в комитете Эрвина.

30 апреля Никсон заявил, что руководитель штата сотрудников Белого дома Х. Р. Холдеман, главный советник Белого дома по внутриполитическим вопросам Дж. Д. Эрлихман, советник президента Дж. Дин, министр юстиции Р. Клейндинст подали в отставку. Новым министром юстиции был назначен Э. Л. Ричардсон (до этого министр обороны). Под давлением общественности Ричардсон был вынужден поручить расследование «уотергейтского дела» независимому следователю, не подчиняющемуся министерству юстиции. Им стал известный юрист, профессор Гарвардского университета А. Кокс, занимавший один из высших постов в министерстве юстиции в правительствах Кеннеди и Джонсона.

Специальный комитет сената начал публичные слушания 17 мая 1973 г. Среди свидетелей, выступивших на публичных слушаниях, были те, кто недавно занимал высокие посты в правительстве Никсона и в КРП, в частности Митчелл, Станс, Холдеман, Эрлихман, Дин, Магрудер, Грей и др. Возникал, естественно, вопрос, был ли президент Никсон осведомлен о подготовке уотергейтской операции, а затем о попытках скрыть истину при расследовании? Магрудер утверждал, что президент ничего не знал и всецело полагался на своих помощников [15]. Однако другой советник президента — Дин заявил, что из разговора с президентом 15 сентября 1972 г. вынес убеждение, что уже в то время Никсон был хорошо осведомлен о том, что делалось его сотрудниками с целью скрыть причастность Белого дома к уотергейтской операции.

На завершающем этапе деятельности комитета Эрвина дело продолжало расследоваться судебными инстанциями, в том числе специальным следователем. Палата представителей стала рассматривать вопрос о возможности применения импичмента в отношении президента [16]. Чтобы не предварять решения других инстанций, писал в мемуарах Эрвин, его комитет в заключительном докладе, опубликованном в конце июня 1974 г., не стал выносить суждения относительно виновности президента и его сотрудников, а ограничился подробной констатацией фактов [17]. К этому времени из показаний свидетелей, из публикаций в печати получили известность основные компоненты уотергейтской истории: политический шпионаж — засылка агентов в ряды соперничающей партии, подслушивание телефонных разговоров, фабрикация ложных слухов в целях дискредитации политических противников, финансовые злоупотребления в ходе предвыборной кампании, сокрытие истины в ходе расследования.

---

[15] Presidential Campaign Activities of 1972, Hearings before the Select Committee on Presidential Campaign Activities of the United States, Senate, 93rd Congress, 1st Session. Wash., 1973, vol. 2, p. 785. (Далее: Presidential Campaign, Hearings...).

[16] Импичмент — процедура, применяемая в США для привлечения к ответственности любого гражданского должностного лица — представителя исполнительной власти, в том числе президента. Простым большинством палата представителей решает вопрос о возбуждении дела. Затем оно рассматривается сенатом, который $^2/_3$ голосов должен принять решение об отстранении от должности.

[17] '*Ervin S. J.* The Whole Truth: the Watergate Conspiracy. N. Y., 1980, p. 271, 272.

Выдвигались различные толкования целей уотергейтской операции. Говоря о мотивах, которыми была продиктована уотергейтская акция, Ф. Манкевич, в прошлом пресс-секретарь сенатора Р. Кеннеди, а в 1972 г. политический директор кампании кандидата от демократической партии сенатора Дж. Макговерна, отмечал, что Никсон и его окружение пытались сфабриковать версию, якобы антивоенные демонстрации финансируются сторонниками Макговерна, а также из-за рубежа[18]. Это подтвердил и Дж. Дин, в свидетельском показании следующим образом охарактеризовавший атмосферу, в которой стала возможной уотергейтская операция: «Для того, кто был в Белом доме и познакомился с царящей там атмосферой, уотергейтское дело было неизбежным продуктом климата, характеризовавшегося чрезмерной озабоченностью политическими последствиями демонстраций, крайним беспокойством по поводу утечек информации, неутолимым аппетитом к политическому шпионажу, невзирая на закон...»[19]. По словам Дина, Белый дом буквально был одержим идеей обнаружения информации о руководителях антивоенных демонстраций и их сторонниках, которая дискредитировала бы их лично или указывала бы на поддержку из-за границы. Белый дом также требовал сведений о «тайных» связях политических деятелей, критикующих военную политику Никсона, с руководителями антивоенного движения[20].

Американские авторы ограничиваются констатацией этих фактов и не ставят вопрос, почему Никсон продолжал настаивать на своей версии даже после того, как ЦРУ и ФБР не смогли предоставить ему подтверждающих ее доказательств. Между тем «загадки» «уотергейта» могут быть объяснимы только путем соотнесения их с главной тенденцией в охранительной политике правящих кругов США в современную эпоху.

Еще в середине 1970 г. Никсон предпринял меры по усилению координации операций по слежке за политической оппозицией и расширению их. 6 июня 1970 г. он встретился с руководителями секретных служб Э. Гувером (ФБР), Р. Хелмсом (ЦРУ), генералом Д. Беннетом (Агентство оборонной разведки, Пентагон), адмиралом Н. Гейлером (Национальное агентство безопасности). Президент предложил присутствовавшим образовать комитет во главе с Э. Гувером и подготовить рекомендации.

Была создана рабочая группа, разрабатывавшая предложения, в основу которых был положен план, предложенный Т. Хастоном, молодым сотрудником Белого дома, бывшим президентом праворадикальной организации «Молодые американцы за свободу». Рекомендации предусматривали тайное проникновение в жилища и служебные помещения, электронное подслушивание телефонных разговоров американцев и иностранных дипломатов, перлюстрацию почтовой корреспонденции, расширение слежки в университетских кампусах, а также за американскими студентами, находящимися за границей, увеличение бюджетных ассигнований и специального персонала для проведения этих операций, создание новой Межведомственной группы по внутренней безопасности в составе представителей Белого дома, упомянутых секретных агентств, а также контрразведовательных органов армии, ВВС и ВМС и т. д. Хотя формально

---

[18] *Mankiewicz F.* Perfectly Clear. Nixon from Whittier to Watergate. N. Y., 1973, p. 14.
[19] Presidential Campaign. Hearings..., vol. 3, p. 915.
[20] Ibid., p. 918.

план Хастона не был утвержден президентом, фактически он стал руководством к действию всех охранительных органов.

В декабре 1970 г. был создан Комитет по оценке разведывательной деятельности. В него вошли представители Белого дома, ЦРУ, ФБР, Национального агентства безопасности, Секретной службы, министерств юстиции, финансов, обороны. По рекомендации Никсона комитету и его штабу было поручено улучшить координацию среди разведывательных ведомств и подготавливать оценки и прогнозы по их деятельности внутри США. Комитет действовал в обстановке секретности, и данные о его деятельности не публиковались.

13 июня 1971 г. «Нью-Йорк таймс» начала публиковать выдержки из так называемых «Документов Пентагона», включавших многотомное секретное исследование министерства обороны по политике США во Вьетнаме и другие секретные материалы. Стало известно, что документы эти были переданы газете Д. Эллсбергом, бывшим сотрудником Пентагона. Публикация «Документов Пентагона», вызвавшая большой резонанс, обнажила перед всем миром, как готовилась агрессия США в Юго-Восточной Азии. Вскоре после начала публикации этих документов Никсон приказал создать в аппарате президента специальное расследовательское подразделение, задачей которого было воспрепятствовать утечке информации из Белого дома. Сотрудников этого подразделения стали называть «пламберс» (водопроводчики). Это подразделение приобрело широкую известность в ходе расследований, проводившихся комитетом Эрвина, именно потому, что его служащие принимали участие во многих тайных операциях, получивших скандальную известность. Среди них были Хант и Лидди — участники налета на штаб-квартиру демократов в Уотергейте.

Во второй половине 1971 г. администрация Никсона приступила к составлению секретных списков политических противников, которых она намерена была преследовать, используя судебные, налоговые и другие ведомства. В «списки врагов» были занесены сенаторы Э. Кеннеди, У. Фулбрайт, Дж. Макговерн, Э. Маски, У. Мондейл, ряд членов палаты представителей. в том числе все черные конгрессмены, бывший сенатор-демократ Ю. Маккарти, мэр г. Нью-Йорка Дж. Линдсей, профсоюзные лидеры, среди них руководитель профсоюза автомобильных рабочих Л. Вудкок и секретарь-казначей АФТ—КПП Л. Кирклэнд, большая группа (57 человек) представителей средств массовой информации, в том числе Дж. Рестон, Дж. Крафт и др., известные артисты Г. Пек, Д. Грегори и др., крупные бизнесмены, оказывавшие финансовую поддержку демократам, С. Мотт, А. Пиккер и др., представители юридических фирм, в прошлом занимавшие высокие государственные посты в администрациях демократов, Р. Макнамара, Р. Кларк, П. Уорнке и др., представители академических кругов Дж. К. Гэлбрейт, Д. Эллсберг, Д. Визнер и др. В эти списки были включены также целые организации: Южная конференция христианского руководства, «Черные пантеры», Комитет за разумную ядерную политику, Национальная студенческая ассоциация, Комитет политического просвещения АФТ—КПП, Национальная ассоциация по образованию, «Общее дело», Институт Брукингса, Институт политических исследований (г. Вашингтон) и др.

Большие надежды в плане подавления оппозиции возлагались на Службу внутренних доходов (ИРС). В меморандуме Холдеману Хатсон писал, имея в виду, в частности, антивоенные организации: «То, чего

мы не можем добиться в суде, судебным преследованием, чтобы ограничить активность некоторых из этих групп, ИРС может сделать административным путем... Более того, ценная конфиденциальная информация может быть получена ИРС в результате ревизий, проводимых ею на местах»[21]. В некоторых случаях, чтобы инспирировать такие ревизии, использовались анонимные письма в местное налоговое управление.

Как выяснилось при расследовании, стремясь дискредитировать политических противников, специалисты по тайным операциям из аппарата Белого дома не останавливались перед фабрикацией фальшивок. Так, для того чтобы продемонстрировать поддержку общественностью решения Никсона о минировании Хайфонской гавани в начале мая 1972 г., было инспирировано большое количество телеграмм и телефонных звонков с одобрением действий президента. Как потом стало известно, на эту операцию КРП израсходовал несколько тысяч долларов.

С приближением выборов 1972 г. активизировались секретные операции по саботажу предвыборных мероприятий кандидатов демократической партии, а также направленные на обострение разногласий в ее рядах. Во время слушаний комитета Эрвина стало известно, что летом 1971 г. сотрудники Белого дома, раздобыв бланки предвыборного комитета по избранию в президенты сенатора-демократа Э. Маски, разослали на них избирателям сфабрикованные ими письма, в которых содержались ложные обвинения в адрес других претендентов от демократической партии — сенаторов Хэмфри и Джексона.

Агентура КРП особенно активизировала деятельность перед началом первичных выборов 1972 г. Первые такие выборы были намечены на 7 марта 1972 г. в штате Нью-Гэмпшир. За две недели до этого в Нью-Гэмпшире ультраконсервативная газета «Юнион лидер» в г. Манчестере опубликовала сфабрикованное письмо от вымышленного читателя, утверждавшего, что Маски якобы использовал уничижительную кличку, говоря о гражданах франкоканадского происхождения, которых немало в Нью-Гэмпшире. Через два дня на митинге перед зданием газеты Маски выступил с заявлением, отрицавшим это обвинение. Он был так взволнован, что прослезился. Все это происходило в присутствии большого числа корреспондентов, перед объективами телекамер. Эпизод получил в средствах массовой информации широкую огласку. На Маски стали нападать за проявление излишней эмоциональности. Его предвыборной кампании был нанесен значительный ущерб.

В истории «уотергейта» важное место принадлежит и серии финансовых злоупотреблений. К 1971 г. относится один из эпизодов, который всплыл впоследствии в качестве еще одного доказательства разгула коррупции в высших эшелонах власти в Вашингтоне. В начале марта 1971 г. министр сельского хозяйства Ч. Хардин принял решение об уровне гарантированных цен для фермеров на молоко, идущее на переработку. Представители этой отрасли сельского хозяйства расценили данный уровень как низкий. Во время встречи с Никсоном и Хардином они добились повышения гарантированных цен. В благодарность за это организации фермеров-молочников внесли в предвыборный фонд Никсона 422 тыс. долл., сделав это обходным путем через 100 специально созданных комитетов. Несколько тысяч долларов из этих средств были исполь-

[21] *Chester L.* e. a. Watergate. The Full Inside Story. L., 1973, p. 86.

зованы, по сообщениям печати, на организацию грязных дел вроде незаконных обысков в помещениях политических противников, и т. д.

В результате разоблачений в печати, а также расследования специальным следователем достоянием гласности стали факты и о тайной сделке между администрацией Никсона и «Интернэшнл телефон энд телеграф компани» (ИТТ), в соответствии с которой в 1971 г. было прекращено возбужденное министерством юстиции дело о разделении ИТТ с крупной дочерней страховой компанией. ИТТ обещала внести 400 тыс. долл. в предвыборный фонд Никсона. Бывший министр Р. Клейндинст сообщил в октябре 1973 г., что Холдеман, а затем сам Никсон дали ему указания о прекращении антитрестовского преследования ИТТ по данному вопросу.

Комитет по финансированию кампании за переизбрание Никсона в 1972 г., возглавляемый М. Стансом, до этого занимавшим пост министра финансов, развил бурную деятельность и к моменту вступления в силу нового закона о финансировании избирательных кампаний (7 апреля 1972 г.) собрал внушительную сумму в размере 19,9 млн. долл. Делая крупные взносы в тот момент, некоторые корпорации рассчитывали, что их пожертвования останутся в секрете. Однако впоследствии эти факты стали достоянием гласности. Причем стало очевидно, что крупные суммы были внесены в расчете на услуги со стороны правительства. Вот лишь некоторые примеры. «Американ эрлайнс» внесла 55 тыс. долл.— в это время Управление гражданской авиации рассматривало вопрос о ее слиянии с «Вестерн эрлайнс». «Галф ойл» предоставила 100 тыс.— в тот момент совместно с несколькими другими нефтяными компаниями она была объектом расследования со стороны Федеральной торговой комиссии по обвинению в монополистической практике. Такое же обвинение было выдвинуто против известной фирмы «Гудийр», внесшей 40 тыс. Некоторые взносы были сделаны окольным путем, чтобы лучше скрыть их следы.

С периодом расследования «уотергейтского дела» совпали и другие разоблачения финансовых и прочих злоупотреблений высокопоставленных деятелей администрации. В начале августа 1973 г. стало известно, что ведется расследование против вице-президента С. Агню, обвиняемого во взяточничестве, вымогательстве и уклонении от уплаты налогов. Как выяснилось, будучи губернатором Мэриленда, а затем вице-президентом он брал взятки от строительных компаний. Как это допускает американская судебная процедура, Агню признал себя виновным лишь по менее тяжкому обвинению (неуплата налогов). 10 октября он был приговорен к трем годам условно и к штрафу в 10 тыс. долл. Агню вынужден был подать в отставку. Вице-президентом стал Дж. Форд, до этого являвшийся лидером республиканского меньшинства в палате представителей. В довершение всего осенью 1973 г. в прессе появились сообщения, что и сам Никсон, став президентом, уплатил в качестве налогов незначительную сумму, не соответствовавшую его доходам. Никсон пытался оправдаться, но после соответствующего расследования комитет не признал его доводы убедительными.

В ходе расследований обнаружились также многочисленные факты, свидетельствовавшие о том, что окружение президента участвовало в так называемом «кавер-ап», т. е. сокрытии истины. Их обвиняли в лжесвидетельстве, препятствии отправлению правосудия, попытках использовать

в этих целях ЦРУ и ФБР, подкупе обвиняемых по делу о проникновении в штаб-квартиру демократов.

Все эти обстоятельства, вскрывшиеся в результате кампании по расследованию «уотергейтского дела», еще более обострили внутриполитическую ситуацию. Масла в огонь подлило заявление А. Баттерфилда, главы Федеральной администрации по вопросам авиации, в прошлом сотрудника аппарата президента, сделанное 16 июля перед комитетом Эрвина о том, что с весны 1971 г. существовала система тайной записи разговоров президента[22]. Комитет Эрвина, специальный следователь Кокс и судья Сирика потребовали передачи им этих записей. Никсон отказывался, ссылаясь на доктрину разделения властей и на так называемую привилегию исполнительной власти. В то же время он продолжал утверждать, что не причастен ни к подготовке уотергейтской операции, ни к сокрытию истины в ходе ее расследования.

12 октября 1973 г. апелляционный суд поддержал решение судьи Сирики о выдаче записей. Президент в ответ заявил, что готов представить изложение содержания записей Сирики и комитету Эрвина и допустить сенатора-демократа Дж. Стенниса к самим записям для подтверждения правильности изложения, а специальный следователь не должен требовать дополнительно записей или других документов аналогичного характера. Кокс ответил, что такая процедура его не устраивает.

20 октября 1973 г. разыгрались события, получившие название «резни в субботнюю ночь». Президент потребовал отстранить Кокса с поста специального следователя. Министр юстиции Э. Ричардсон отказался подчиниться приказу и сам подал в отставку. Также поступил его заместитель У. Ракелсхаус. Тогда Никсон назначил исполняющим обязанности министра юстиции следующего по рангу чиновника — Р. Борка. Вслед за тем последовало увольнение Кокса.

Действия Никсона вызвали сильное недовольство. 22 октября лидеры демократического большинства в палате представителей приняли решение о рассмотрении палатой вопроса об импичменте президента. На следующий день представитель Белого дома заявил, что президент в результате событий последних дней согласился подчиниться решению апелляционного суда и представить в суд требуемые записи и документы. 1 ноября Борк назначил нового специального следователя — Л. Джаворски. Однако через неделю юрисконсульт Белого дома Ф. Базхарт заявил, что двух из девяти затребованных записей не существует. Позднее, в ноябре, было заявлено, что в записи беседы между Никсоном и Холдеманом, состоявшейся в конце июня 1972 г. (т. е. сразу после уотергейтского инцидента). имеется пропуск продолжительностью в 18 минут. Через несколько дней личная секретарша президента Р. М. Вуд заявила, давая показания в суде, что случайно стерла эту часть пленки. Впоследствии судебные эксперты установили, что эта часть пленки была стерта преднамеренно.

6 февраля палата представителей конгресса проголосовала за предоставление юридическому комитету полномочий для рассмотрения вопроса об импичменте Никсона. 19 февраля 1974 г. начался процесс в Нью-Йорке над Митчеллом и Стансом, обвиненными в сговоре с целью воспре-

---

[22] Presidential Campaign, Hearings..., vol. 5, p. 2074; Watergate: Chronology of A Crisis. Congressional Quarterly. Wash., 1975, p. 192.

пятствовать отправлению правосудия, лжесвидетельстве и т. п. 1 марта федеральное большое жюри предъявило обвинение в сговоре с целью препятствовать расследованию «уотергейтского дела» семи бывшим сотрудникам Никсона — Митчеллу, Холдеману, Эрлихману, Колсону, Мардиану, Паркинсону, Стракану. 11 апреля юридический комитет палаты проголосовал за предписание о предоставлении ему записей 42 бесед президента и потребовал представить их до 30 апреля. 30 мая юридический комитет палаты принял решение рассматривать отказ Никсона выдать записи как деяние, подлежащее импичменту.

27 июля юридический комитет палаты проголосовал за утверждение ст. 1 импичмента, обвинявшей Никсона в препятствии отправлению правосудия в «уотергейтском деле». Из 38 членов комитета «за» проголосовали 21 демократ и 6 республиканцев, «против» — 10 республиканцев. По ст. 2 — о злоупотреблении президентской властью — 29 июля «за» проголосовали все демократы и 7 республиканцев, «против» — 10 республиканцев. Итог голосования 30 июля по ст. 3 — неуважение к конгрессу, выразившемуся в отказе подчиниться предписанию комитета о выдаче записей бесед президента,— 21 — «за» и 17 — «против». «За» голосовали 19 демократов и два республиканца, «против» — 15 республиканцев и два демократа [23].

5 августа Никсон заявил, что передаст записи трех бесед 23 июня 1972 г. с Холдеманом. Он признал, что эти записи противоречили его прежним заявлениям, что он препятствовал расследованию «уотергейтского дела» по политическим соображениям и утаивал свидетельства своего участия в сокрытии истины от своих юристов и сторонников в юридическом комитете. Никсон признал в этом заявлении, что вопрос, проголосует ли за импичмент палата представителей, уже предрешен. 8 августа Никсон выступил с речью по телевидению, в которой заявил о своей отставке. Пост президента занял вице-президент Дж. Форд.

Впоследствии в мемуарах Никсон написал: «Моя реакция на проникновение в Уотергейт была полностью прагматичной. Если она была также циничной, то это был цинизм, рожденный опытом. Я участвовал в политической жизни слишком долго и видел все — от грязных трюков до фальсифицирования результатов голосования. Я не мог испытывать большого морального возмущения по поводу подслушивания в политических целях. Ларри О'Брайен мог испытывать удивление и ужас, но он знал так же хорошо, как и я, что подслушивание в политических целях применялось повсюду с тех пор, как изобретены соответствующие технические средства» [24]. Он писал далее, что в политической истории США к этому часто прибегали и демократы, что обычным явлением было подслушивание соперников своей же партии. Никсон явно пытался смягчить впечатление от уотергейтской истории. Но, по существу, он признал, что «уотергейт» — продукт американской политической системы.

Уотергейтский кризис может быть правильно понят лишь в исторической перспективе, в широком социально-политическом контексте. В нем, как в капле воды, отразилось обострение противоречий американского империализма, как внутренних, так и внешних.

В мемуарах Никсона, Киссинджера и других, а также в американ-

---

[23] Watergate: Chronology, p. 745—746.
[24] *Nixon R.* Memoirs. N. Y., 1978, p. 628.

ской литературе подчеркивается связь между войной во Вьетнаме и «уотергейтом». Причем часто это делается для того, чтобы, как писал Ф. Манкевич, оправдать «уотергейт» «эксцессами 60-х годов». По этому поводу Манкевич справедливо заметил: «Ничто не является более фальшивым и нигде аргументация Никсона не предстает столь сознательно вводящей в заблуждение, как в попытках уравнять высокую мораль борцов за гражданские права и против войны во Вьетнаме и мотивацию людей Уотергейта» [25].

Вместе с тем нельзя не отметить, что одним из последствий «уотергейта», весьма негативным, было то, что противники разрядки, включая ряд членов конгресса, использовали ослабление позиций Никсона для нападок на политику смягчения международной напряженности, в частности, под тем фальшивым предлогом, что ослабленный «уотергейтом» президент может пойти на слишком большие «уступки» Советскому Союзу [26].

Анализируя факторы, повлиявшие на возникновение уотергейтской ситуации, следует заметить, что на протяжении уже длительного периода в США явственно обозначилось явление усиления президентской власти. Глобальные претензии американского империализма только способствовали укреплению этой тенденции к авторитаризму. В ее развитии президентство Никсона знаменовало новый этап. Характеризуя этот процесс в целом как становление «имперского президентства», известный историк А. Шлезингер отмечал, что в период правления Никсона произошло ослабление роли кабинета, расширение аппарата Белого дома и усиление влияния его верхнего звена, усиление процесса сосредоточения власти в Белом доме [27].

Дополнительную остроту политической борьбе придавало то обстоятельство, что это был период «разделенного правления», когда президентом являлся республиканец, а в обеих палатах конгресса большинство принадлежало демократам. Весьма напряженными были отношения Никсона и с либеральной прессой. Она подвергалась публичным нападкам со стороны высокопоставленных представителей администрации, включая вице-президента Агню. Этим объясняется то, что часть американской печати либерального толка сыграла весьма активную роль в предании гласности различных аспектов уотергейтской истории.

Назывались и другие причины. Указывалось, что важное значение имел конфликт Никсона с федеральной бюрократией. Бывший руководитель аппарата Белого дома Холдеман отмечал, что малоизвестным широкой публике, но важным фактором, повлиявшим на уотергейтский кризис, была реорганизация государственного аппарата, которая, по его словам, привела в действие против Никсона крупнейшие центры власти в Вашингтоне. Но большинство наблюдателей признавали, что «уотергейт» был прежде всего результатом глубокого духовного кризиса американского буржуазного общества. В опубликованном сенатским комитетом в конце 1973 г. докладе, основанном на данных опроса службы Харриса по изучению общественного мнения, сообщалось, что многие из опрошен-

---

[25] *Mankiewicz F.* Op. cit., p. 91.
[26] *Мельников Ю. М.* «Уотергейт» и некоторые вопросы внешней политики США.— В кн.: Американский ежегодник, 1984. М., 1984, с. 9—27.
[27] *Schlesinger A. M., Jr.* The Imperial Presidency. Boston, 1973, p. 221.

ных высказывали озабоченность по поводу коррупции и падения морали в правительственных кругах [28].

Таким образом, на происхождение уотергейтской ситуации, на ее развитие, на борьбу политических сил вокруг «уотергейтского дела» повлияли многие факторы: война во Вьетнаме и связанный с ней подъем движений протеста внутри США, обострение партийно-политической борьбы в США, сосредоточение власти в Белом доме, конфронтация Никсона с демократическим большинством в конгрессе, со значительной частью федеральной бюрократии, с либеральной прессой, разногласия между различными группировками правящих кругов по вопросам внутренней и внешней политики и т. д. Своеобразным путем в уотергейтской ситуации преломились наиболее острые противоречия современной Америки.

3. ТРУДНЫЙ ВЫБОР

Избирательная кампания 1976 г. стала важным событием в американской политической жизни. К этому времени США переживали глубокий внутренний кризис. Сказывались последствия сильнейшего со времени «великой депрессии» экономического спада, множество острых социальных проблем (кризис городов, расизм, преступность и т. д.) стягивались в тугой узел. «Уотергейт» потряс американское общество, вызвал обострение «кризиса доверия». Двухсотлетие своего образования США встречали в отнюдь не праздничной обстановке.

И хотя война во Вьетнаме была позади, ее последствия сказались на атмосфере, в которой проходила предвыборная кампания 1976 г. В правящих кругах возникла тревога, не будет ли уход американцев из Вьетнама расценен как признак слабости США и их поворота к изоляционизму. «Вьетнамскому синдрому» (осознанию вины за причиненные народам Индокитая опустошения, за гибель миллионов мирных людей), антимилитаристским настроениям реакционные круги противопоставили шовинистическую кампанию под ура-патриотическими лозунгами в пользу нового наращивания американской военной мощи, увеличения военных бюджетов и т. п.

К середине 70-х годов давление со стороны массовых движений социального протеста несколько ослабло, однако противоречия в самой буржуазной политической системе заметно усилились: «уотергейт» придал особую остроту морально-политическим проблемам. Настроения отчуждения, недовольства и недоверия к политической системе получили повсеместное распространение, чему в немалой степени способствовали последовавшие за «уотергейтом» политические скандалы, связанные с разоблачением преступных действий ЦРУ и ФБР, подкупом компанией «Локхид» должностных лиц за рубежом (в частности, в Японии и Италии), недостойным поведением ряда конгрессменов и т. д.

Республиканская партия, находясь в меньшинстве, искала пути к восстановлению своего единства. Но в ходе предвыборной кампании ей не удалось его достигнуть. Президенту Дж. Форду, баллотировавшемуся на новый срок, был брошен вызов в рядах его собственной партии со стороны

[28] Confidence and Concern: Citizens View American Government. US Senate. Wash., 1973, pt 1, p. 29

ны влиятельного представителя консервативного крыла Р. Рейгана, который повел кампанию под лозунгами, отражавшими взгляды всех тех, кто был недоволен доктриной и практикой неолиберализма. Он выступал против «большого правительства», утверждая, что США не должны никому «уступать в военной мощи», и подкрепляя этот призыв алармистскими заявлениями о том, что СССР обгоняет США в военном отношении. Излюбленной темой его выступлений стали также яростные нападки на разрядку.

Вступление в предвыборную борьбу кандидата консервативных сил существенно повлияло на характер избирательной кампании республиканской партии, сместив политическую ось этой кампании вправо. Хотя в предвыборной кампании Форд не раз говорил о приверженности среднему курсу, тем не менее он пошел на ряд уступок правым и предпринял усилия, чтобы привлечь симпатии сторонников своего соперника. Он сделал упор на лозунг «Мир посредством силы», запросил у конгресса 113 млрд. долл. на вооружение (крупнейший к тому времени военный бюджет в истории страны), выступил за развертывание программ новых видов вооружений, таких, как стратегический бомбардировщик Б-1, подводная лодка «Трайдент» и др. Правда, в ходе предвыборной кампании Форд говорил и о необходимости дальнейшего улучшения советско-американских отношений. Однако в то же самое время американская сторона стала затягивать переговоры об ограничении стратегических вооружений. Накануне первичных выборов во Флориде — штате, где имеется большое число консервативных избирателей, Форд заявил, что исключает из своего политического лексикона термин «детант» — разрядка.

Явно были рассчитаны на одобрительную реакцию правых сил и некоторые другие предвыборные заявления Форда. В экономической сфере он выдвигал на первый план задачу борьбы с инфляцией (в отличие от либеральных демократов, считавших проблемой номер один безработицу). Форд заявил также об отрицательном отношении к новым федеральным программам стимулирования занятости. В уменьшении безработицы главную роль должен играть частный сектор — эта формула идеологов республиканизма, выдвинутая ими еще в 30-х годах, заняла прочное место в политическом арсенале современных консерваторов.

На съезде республиканской партии, состоявшемся 16—19 августа в Канзас-Сити, Форду удалось добиться своего выдвижения при первом голосовании, но с небольшим перевесом голосов. Форда поддержали 1187 делегатов, Рейгана — 1070, т. е. голоса разделились почти поровну. По предложению Форда кандидатом в вице-президенты был утвержден Роберт Доул — консервативный сенатор от штата Канзас, в 1971—1973 гг. бывший председателем национального комитета республиканской партии.

Предвыборная платформа, принятая съездом республиканцев, носила ярко выраженную консервативную окраску. В области внутренней политики центральным пунктом платформы была традиционная для консервативных республиканцев критика расширения вмешательства федерального правительства в хозяйственную жизнь. Во внешнеполитической части платформы республиканская партия признавала значение советско-американских отношений для поддержания мира, важность встречи на высшем уровне руководителей СССР и США во Владивостоке (ноябрь 1974 г.). Но эти позитивные положения документа терялись в чисто пропагандистских, бездоказательных заявлениях, искажавших политику

Советского Союза, весьма близких и по духу и по форме риторике времен «холодной войны». Особенно наглядно это отразилось в так называемой поправке о «нравственности во внешней политике», содержавшей ложные обвинения в адрес Советского Союза, включенной в платформу по настоянию правых.

В демократической партии на старте предвыборной кампании число претендентов-демократов достигало дюжины. Здесь были деятели либерального и центристского толка: Б. Бай, Э. Браун, Дж. Картер и др. Выступали и представители правого крыла: Л. Бентсен, Г. Джексон, Дж. Уоллес, причем все они, особенно Джексон, использовали предвыборную кампанию для новых нападок на политику разрядки, выступая в том же духе, что и правые республиканцы, и твердя о «наращивании советской военной мощи» и т. п. Однако в отличие от республиканцев фаворит демократов определился очень быстро. Победителем стал Дж. Картер, бывший губернатор штата Джорджия, выдвинувший свою кандидатуру одним из первых, еще в декабре 1974 г. Картер успешно выступил на первичных выборах.

К моменту открытия съезда демократов, состоявшегося 12—15 июля 1976 г. в Нью-Йорке, выдвижение Картера было предрешено. При первом голосовании 15 июля он был выдвинут кандидатом, получив подавляющее большинство голосов. Съезд утвердил предложенную Картером кандидатуру в вице-президенты либерального сенатора от штата Миннесота У. Мондейла, тесно связанного с известным деятелем демократической партии сенатором Г. Хэмфри.

Предвыборная платформа демократов исходила из традиционных либеральных установок относительно активной роли буржуазного государства в решении экономических и социальных проблем. Платформа возлагала на республиканцев вину за углубившийся «кризис доверия» к правительству и государственным институтам США. Резкой критике была подвергнута политика администрации Форда в экономической и социальной области. В ряду главных проблем в платформе демократов на первое место была поставлена безработица. «Десять миллионов людей не имеют работы сейчас, и 20—30 миллионов были безработными в течение какого-то времени за последние два года»,— говорилось в программном документе демократов [29]. Отмечалось также, что два последних экономических спада сопровождались ростом инфляции и что подобная стагфляция, т. е. сочетание стагнации и инфляции, является продуктом экономической политики республиканцев. В платформе демократов говорилось о больших масштабах недогрузки производственных мощностей, о том, что за последние пять лет темпы экономического роста в США составили лишь 1,5% в год. С политикой республиканцев платформа увязывала и огромные дефициты в бюджете США. Демократы выступали за реорганизацию государственного аппарата, осуществление реформ в области здравоохранения, государственного вспомоществования, образования, помощи городам, охраны окружающей среды и т. п.

Определяя основные принципы и приоритеты, на которых будет базироваться их внешняя политика, демократы обещали укреплять связи с западными союзниками США, восстановить американские позиции в развивающихся странах, а также искать сотрудничества с «традицион-

---

[29] Congressional Quarterly Weekly Report, 1976, July 17, p. 1913.

ными соперниками». Раздел платформы демократической партии, специально посвященный советско-американским отношениям, носил противоречивый характер, сочетая некоторые позитивные положения с заявлениями, представлявшими в ложном свете советскую внешнюю политику. С одной стороны, говорилось, что уменьшение напряженности в сфере советско-американских отношений должно быть важнейшей целью, с другой,— подхватив тезис, выдвинутый крайне правыми элементами, демократы утверждали, что в период правления Никсона—Форда СССР получил якобы односторонние уступки со стороны США.

В области ядерного разоружения и контроля над вооружениями предлагалось добиваться заключения конкретных соглашений об ограничении стратегических вооружений и уменьшить риск ядерной войны, а также договора о всеохватывающем запрещении ядерных испытаний, ставилась цель достигнуть согласия относительно уровней обычных вооружений и о взаимном и сбалансированном сокращении вооруженных сил в Европе.

Верно уловив настроения разочарования, недовольства, охватившие широчайшие слои американской общественности, подогретые «уотергейтом» и другими политическими скандалами, Картер одной из центральных тем своих предвыборных выступлений сделал критику коррупции в Вашингтоне, заявляя, что ничего общего не имеет с вашингтонской политической элитой и является «новым лицом» на американской политической сцене [30]. В многочисленных предвыборных выступлениях Картер заверял избирателей, что, если его выберут президентом, он обеспечит, чтобы правительство было честным, открытым, компетентным и т. д. [31]

В области экономики Картер выдвигал в качестве первоочередной задачи увеличение занятости. Картер признавал особую остроту проблемы безработицы среди черных американцев и молодежи в крупных городах, отмечая, что занятость среди этих категорий достигает не выше 40%. По его мнению, в данном случае было бы целесообразно осуществить программы вроде создания гражданского корпуса мелиорации и охраны лесов. Картер обещал также изменить существующую систему налогов и добиться, чтобы лица с высокими доходами платили соответственно более высокие налоги.

Другая тема, которая затрагивалась Картером, касалась проблемы энергетического кризиса. Картер утверждал, что республиканское правительство не имеет энергетической политики. Его предложения по этим проблемам предусматривали, помимо реорганизации соответствующих государственных ведомств, увеличение добычи угля и использование солнечной энергии. Картер касался в предвыборных дискуссиях и таких вопросов, как здравоохранение и социальное вспомоществование. В предложениях по этим проблемам им также выдвигалась на первый план идея реорганизации соответствующих звеньев государственного аппарата. Оппоненты Картера упрекали его в том, что предлагаемые им программы в социальной и экономической сферах приведут к росту государственных расходов и дефициту в бюджете. Однако Картер отвечал, что будет добиваться сбалансированного бюджета.

Вопросы внешней политики заняли значительное место в предвыборных выступлениях Картера. Он упрекал администрации Никсона и Фор-

---

[30] *White T. H.* America in Search of Itself. The Making of the President, 1956—1980. N. Y., 1982. p. 196.

[31] *Carter J.* Why Not the Best? N Y., 1976, p. 3—4.

да в склонности к излишней секретности, к «дипломатии одного человека», в игнорировании общественности и конгресса при разработке внешней политики. По мнению Картера, первоочередной задачей правительства США являлось укрепление отношений с союзниками США — странами НАТО и Японией. Картер в целом высказывался в пользу нормализации отношений с СССР и другими социалистическими странами, говорил о необходимости продолжения переговоров об ограничении стратегических вооружений, о сокращении войск в Европе и т. д. Вместе с тем в его выступлениях содержались необоснованные выпады против Советского Союза и восточноевропейских социалистических стран.

Надо заметить, что большое влияние на формирование внешнеполитических позиций Картера оказало его участие в деятельности так называемой «трехсторонней комиссии», созданной в 1973 г. при активной финансовой поддержке семейства Рокфеллеров. Комиссия была призвана изучить проблемы, возникавшие в отношениях между странами «треугольника» — США, Западной Европы и Японии. В комиссию вошли многие видные деятели и представители деловых кругов названных стран, а в ее исследовательские группы — видные представители академического мира. Исполнительным директором комиссии стал З. Бжезинский. С американской стороны в комиссию был включен и Дж. Картер, бывший в то время губернатором Джорджии. З. Бжезинский и некоторые другие эксперты «тройственной комиссии» вошли в группу внешнеполитических советников Картера, сформированную в апреле 1976 г.

Среди буржуазных политиков на либеральном фланге в качестве независимого кандидата выступил бывший сенатор Ю. Маккарти, антивоенная платформа которого привлекла немалое внимание на президентских выборах 1968 г. В 1976 г. он вел кампанию, подчеркивая отсутствие принципиальной разницы между двумя главными партиями и обвиняя их в игнорировании таких актуальных проблем, как продолжающийся рост милитаризма, усиление президентской власти, расточение ресурсов. Маккарти указывал на необходимость принятия эффективных мер по борьбе с безработицей. На правом фланге ряд последователей губернатора штата Алабама Дж. Уоллеса, объединенные в Американскую партию, выдвинули кандидатом Т. Андерсона.

2 ноября 1976 г. победу одержал кандидат демократической партии Дж. Картер. Он получил 40,8 млн. голосов, или 51% общего числа голосовавших. За Форда проголосовали 39,1 млн.— 48% всех голосов. Ю. Маккарти получил менее 1% голосов [32]. Хотя в выборах президента в 1976 г. участвовало несколько больше избирателей, чем предсказывали предварительные опросы, вновь обнаружилось такое характерное для американской политической жизни явление, как массовый абсентеизм. Причем эта тенденция продолжала усугубляться. Так, в 1972 г. в президентских выборах участвовало всего 55% имевших право голоса, а в 1976 г. и того меньше — 53,3%.

Выборы в конгресс также были удачными для демократов. В сенате они сохранили прежнее большинство — 62 против 38, а в палате представителей приобрели одно новое место (292 против 291 ранее). При этом продвинулся далее начавшийся ранее процесс обновления палаты, было

---

[32] *Pomper G. M.* e. a. The Election of 1976. Reports and Interpretations. N. Y., 1977, p. 58—59.

избрано 67 новых конгрессменов (палата значительно обновилась в 1974 г. после уотергейтского кризиса). Состоялись также выборы губернаторов в 14 штатах, в девяти из них победили демократы, в пяти — республиканцы.

Результаты выборов 1976 г. означали конец 8-летнего периода «разделенного правления». Однако демократы-законодатели не были в 1976 г. обязаны своим избранием Картеру, а это означало, что многие демократы в конгрессе были настроены независимо. Таким образом, хотя с приходом к власти Картера отношения между президентом и конгрессом несколько улучшились, они остались достаточно сложными.

Что касается главного итога выборов — победы Дж. Картера, то представляется важным следующее обстоятельство. В условиях сильного нажима со стороны правых после всех перипетий предвыборной борьбы от обеих партий выдвижения добились деятели умеренного, центристского толка. Причем между ними не было резких различий. По-видимому, с этим был связан и результат выборов — разрыв между соперниками оказался невелик. Все же, как отмечалось наблюдателями, избиратели предпочли умеренного либерала умеренному консерватору. Ко всему прочему сказалось то, что «уотергейт» нанес сильный удар по репутации республиканской партии. Те, кто проголосовал против Форда, выразили возмущение циничным пренебрежением конституционными принципами управления государственными делами, которое продемонстрировала администрация его предшественника, недовольство беспомощностью правительства перед экономическими трудностями. С Картером связывались надежды на обновление политической обстановки, на поворот федеральных властей лицом к обострившимся социальным проблемам.

4. «СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОПУЛИЗМ» КАРТЕРА

Победа демократов на выборах 1976 г. не привела к значительному перевесу либеральных и центристских сил над консерваторами в правящих кругах США. С одной стороны, видные представители либерального крыла демократической партии были переизбраны в конгресс, где демократы сохранили большинство. С другой — влиятельная консервативная коалиция в этом высшем законодательном органе страны обновила и консолидировала свои ряды. В свою очередь, лидер правых республиканцев Р. Рейган незамедлительно начал подготовку к борьбе за пост президента на выборах 1980 г.

На массовом уровне профсоюзы, национальные меньшинства, городские низы, поддерживавшие демократов, надеялись, что, после того как представитель этой партии сменит в Белом доме республиканца Дж. Форда, вашингтонские власти будут более восприимчивы к их нуждам. Однако, как оказалось, сам Картер намеревался проводить преимущественно центристский курс с большим уклоном в сторону консерватизма и меньшей ориентацией на либералов. Такой внутриполитический курс отражал установки в тех группировках правящих кругов США, которые содействовали приходу Картера к власти. Он неизбежно должен был вызвать недовольство и протест со стороны масс. Стремясь удержать их на своей стороне, Картер с первых дней пребывания на посту президента

продолжал следовать тактике «символического популизма», характерной для всей его политической карьеры.

В день инаугурации Картер отказался от президентского лимузина и пешком прошел путь от Капитолия до Белого дома, демонстрируя «близость к народу». Затем он упростил помпезный церемониал, сопутствующий публичным появлениям президента США, и распорядился именовать себя во всех официальных документах Джимми Картером, а не Джеймсом Эрлом Картером. Стремясь подчеркнуть свою набожность, Картер утверждал, что на посту президента он неизменно руководствуется нормами христианской морали и справедливости. «Президент-популист» время от времени разговаривал по телефону с рядовыми американцами и даже посещал их дома, а также несколько раз участвовал в собраниях горожан в маленьких городах.

За этим показным демократизмом стояло, однако, не только личное стремление Картера приобрести поддержку массового избирателя и гарантировать себе переизбрание на второй президентский срок. В середине 70-х годов правящие круги США были серьезно обеспокоены тем, что после «уотергейтского дела», краха американской политики в Юго-Восточной Азии и глубокого экономического кризиса 1973—1975 гг. в широких кругах американской общественности резко упало доверие к вашингтонским политикам. Влиятельные силы господствующего класса рассчитывали, что именно Картер сумеет восстановить престиж президентской власти. Средства массовой информации подавали Картера как «аутсайдера», прибывшего в Вашингтон с намерением потеснить позиции могущественного истэблишмента в правительственном аппарате, наполнить его, по словам Г. Джордана, ближайшего помощника Картера, «новыми лицами, новыми идеями» [33].

В действительности же после прихода Картера в Белый дом «новых лиц» на государственных постах оказалось не так уж много. Правда, при Картере видными политическими фигурами в Вашингтоне стали некоторые его сотрудники из Джорджии, которые до этого практически были неизвестны столичной элите. Так, Г. Джордан возглавил аппарат сотрудников Белого дома, а провинциальный банкир Б. Лэнс получил важный пост директора Административно-бюджетного управления. Наибольшую сенсацию вызвало назначение конгрессмена от Джорджии Э. Янга на пост представителя США в ООН. Янг — бывший сподвижник лидера движения за гражданские права М. Л. Кинга — стал первым в истории США черным американцем, назначенным на столь высокий дипломатический пост. В то же время Картер расширил представительство атлантской группировки американского бизнеса на федеральном уровне исполнительной власти, назначив, в частности, крупного юриста из Атланты Г. Белла министром юстиции.

При президенте-южанине свои политические позиции в Вашингтоне укрепили представители деловых кругов не только Джорджии, но и всего Юга США. Юрист и банкир из Далласа Р. Страусс, занимавший пост председателя национального комитета демократической партии, был назначен представителем США на международных торговых переговорах. Еще один техасец — Дж. Уайт был поставлен Картером на место Страусса в национальном комитете демократической партии. Тесно связанный

[33] *Dye Th., Ziegler H.* The Irony of Democracy. Monterey (Cal.), 1981, p. 308.

с деловыми кругами Техаса бывший президент компании «Кока-кола» Ч. Данкен стал во второй половине президентства Картера министром энергетики.

Другой отличительной чертой администрации Картера явилось включение в нее некоторых представителей демократической общественности США. Так, активный сторонник антитрестовского законодательства М. Перчук получил пост председателя Федеральной торговой комиссии. Одна из активисток движения в защиту интересов потребителей — К. Формэн стала помощником министра сельского хозяйства по контролю над качеством пищевых продуктов. Соратница видного общественного деятеля Р. Нэйдера — Дж. Клэйбрук возглавила Федеральное управление по контролю над безопасностью движения на автострадах. Пойдя на эти назначения, Картер явно стремился заручиться поддержкой слева и в то же время нейтрализовать своих потенциальных критиков, предоставив им чаще всего второстепенные посты в государственном аппарате.

Ключевые же посты в администрации Картера заняли видные представители правящей элиты. Юрист с Уолл-стрит С. Вэнс стал государственным секретарем США (в 1980 г. его сменил один из лидеров демократов в сенате — Э. Маски). На пост министра финансов был назначен сначала глава крупной корпорации «Бендикс» М. Блюменталь, преемником которого в 1979 г. стал другой видный представитель деловых кругов, председатель совета директоров компании «Текстрон» У. Миллер. Президент Калифорнийского технологического института, член директоратов компаний ИБМ и «Таймс миррор» Г. Браун, тесно связанный с научно-исследовательскими работами в области вооружений, был назначен министром обороны. Вэнс, Блюменталь, Браун никак не подходили под категорию «новых лиц» в государственном аппарате, так как все они в 60-х годы занимали влиятельные посты в составе демократических администраций Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. В 70-е годы эти деятели являлись членами «трехсторонней комиссии», в которую, как уже отмечалось, был введен также губернатор Джорджии Дж. Картер. Став президентом США, он включил в свою администрацию более 20 членов «трехсторонней комиссии», направляемой транснациональными монополиями. Таким образом, и при «популисте» Картере ведущие посты в правительстве заняли деятели, непосредственно связанные с верхушкой господствующего класса, что обеспечило преемственность промонополистической направленности государственной политики США [34].

Самыми неотложными из внутриполитических проблем, с которыми столкнулась администрация Картера в начале своего правления, стали экономические. Американская экономика все еще не оправилась от кризиса 1973—1975 гг. Рост производства шел вяло, в 1976 г. инфляция составляла 5,8%, а безработица — 7,7%. Картер получил также в наследство от администрации Дж. Форда значительные дефициты как федерального бюджета (более 66 млрд. долл.), так и внешнеторгового баланса [35].

Одной из важнейших перспективных целей своей экономической политики Картер объявил достижение сбалансированного федерального бюджета к 1981 г., главным образом за счет сокращения государственных

[34] *Зорин В. С.* Монополии и Вашингтон.— США — экономика, политика, идеология, 1978, № 7, 8.
[35] Statistical Abstract of the United States, 1981. Wash.. 1981, p. 245.

расходов. В качестве первоочередных задач новая администрация выделила повышение темпов экономического роста, сокращение безработицы и инфляции. В правительственной программе, предложенной Картером конгрессу, предусматривались новые налоговые льготы для бизнеса в целях поощрения роста капиталовложений в экономику. Одновременно администрация демократов выступила за увеличение ассигнований на создание дополнительных рабочих мест за счет расширения общественных работ, а также на организацию производственного обучения и квалификационной переподготовки для безработных.

Кроме того, администрация Картера выдвинула проект налоговой реформы, предполагавший некоторое сокращение налогового бремени на малоимущих. Это тут же вызвало оппозицию консерваторов в конгрессе. В свою очередь, Национальная ассоциация промышленников, Торговая палата США и «Круглый стол бизнеса» развернули интенсивную лоббистскую деятельность, направленную на ревизию предложенной Белым домом реформы налогообложения. Мощное давление монополий привело к тому, что в 1978 г. Картер подписал закон, в котором отсутствовало существенное сокращение подоходного налога для бедных, зато были уменьшены налоги на прибыли корпораций, введены новые налоговые льготы для бизнеса и сокращены налоги на доходы состоятельных слоев.

Правительственная политика экономического стимулирования, а еще больше — циклические закономерности капиталистической экономики содействовали определенному росту производства в США с 1977 г. до середины 1979 г. Среднегодовые темпы прироста совокупного национального продукта составили в этот период около 4%. Ощутимо выросли и прибыли корпораций. Безработица в стране сократилась до 5,8% [36]. Улучшение экономической конъюнктуры не сопровождалось, однако, понижением уровня инфляции. Опросы общественного мнения показывали, что инфляция с ее постоянным ростом цен и удорожанием стоимости жизни стала во второй половине 70-х годов главной проблемой для большинства американцев [37]. Ударяя прежде всего по малоимущим слоям, инфляция ослабляла всю экономику. Рост инфляции был связан с комплексом факторов, среди которых ведущими были огромные расходы государства на вооружения и диктат монополий в сфере ценообразования. Однако правящие круги стремились сбить нарастание инфляции за счет интересов масс. При этом лидеры американского бизнеса единодушно настаивали на том, чтобы инфляция была ограничена за счет уменьшения государственных расходов на социальные нужды, замораживания заработной платы трудящихся и сокращения правительственного регулирования сферы частного предпринимательства.

В 1978 г. президент Картер обнародовал антиинфляционную программу своей администрации. Одним из главных ее компонентов стала идея «добровольных ограничений», согласно которой частный сектор должен был воздерживаться от повышения цен на свою продукцию, а профсоюзы — от борьбы за увеличение заработной платы рабочих. При этом правительство демократов не осмелилось ввести жесткий государственный контроль над ценами и лишь предложило компаниям согласовывать свои действия с федеральным Советом по стабилизации цен и заработной

[36] The Hidden Election. Politics and Economics in the 1980 Presidential Campaign/ Ed. by Th. Ferguson, J. Rogers. N. Y., 1981, p. 141.
[37] Facts on File. 1978. N. Y., 1978, p. 679.

платы. В отношении же профсоюзов этот Совет значительно активнее использовал свои прерогативы.

Другой составной частью антиинфляционной политики администрации демократов стало сокращение расходов федерального правительства. Картер заявил по этому поводу: «Первые и самые главные усилия по борьбе с инфляцией необходимо предпринимать внутри самого правительства... Там, где государственные расходы слишком высоки, они должны быть урезаны» [38]. Вслед за этим последовало замораживание заработной платы государственных служащих. Кроме того, Белый дом приостановил выделение ассигнований на строительство стратегического бомбардировщика Б-1 и наложил вето на расходование 2 млрд. долл. для сооружения авианосца с ядерным двигателем, но тут же предложил использовать эти средства для других видов вооружений. Правом вето Картер воспользовался и тогда, когда он заблокировал утверждение конгрессом ассигнований на так называемые «водные проекты» в различных штатах — каналы, дамбы и плотины, сооружение которых администрация демократов посчитала экономически не оправданным.

Наибольшей «экономии» в государственных расходах администрация Картера рассчитывала достичь путем ограничения ассигнований на социальные нужды, о чем свидетельствовали бюджетные послания Картера конгрессу начиная уже с 1978 г. Параллельно при активном содействии Белого дома конгресс принял ряд законов, предусматривавших уменьшение федерального контроля над такими сферами американской экономики, как железнодорожный транспорт, грузовые автоперевозки, пассажирские авиалинии.

Таким образом, под флагом борьбы с инфляцией администрация Картера пошла навстречу многим требованиям монополистических кругов. Она удостоилась похвал одного из лидеров американского бизнеса, главы компании «Дженерал электрик» Р. Джоунса, который одобрил антиинфляционную программу правительства на том основании, что она направлена против «чрезмерных правительственных расходов и регулирования, которые без необходимости повышают стоимость частнопредпринимательских операций» [39]. По существу же правящие круги осуществляли наступление на важные социальные завоевания трудящихся.

Ограничивая рост социальных расходов, администрация Картера в то же время значительно увеличила ассигнования на вооружения. В период своего президентства Картер санкционировал ряд новых крупных военных программ (межконтинентальные ракеты MX, крылатые ракеты, стратегический бомбардировщик «Стелс» и др.), вызвав новый опасный виток гонки вооружений. Уже в 1978 г. военные расходы выросли в реальном исчислении на 3%, а в 1980 г.— на 5%. Тем самым администрация Картера не только обеспечила преемственность процесса ускоренного наращивания вооружений, начатого администрацией Дж. Форда, но и обогнала свою предшественницу по темпам роста военных расходов [40].

Стремительный рост военных расходов никак не способствовал успеху антиинфляционной политики администрации Картера. Если в 1977 г. среднегодовой уровень инфляции (применительно к потребительским це-

[38] Public Papers of the Presidents of the United States, Jimmy Carter, 1978, Book 1. Wash., 1979, p. 723.
[39] Facts on File, 1978, p. 806.
[40] *Катасонов Ю. В.* США: военная политика и бюджет. М., 1984, с. 83—84.

нам) составлял 6,5%, то в 1978 г. этот уровень уже поднялся до 7,7%, а в 1979 г. инфляция подскочила до 11,3% [41]. В этих условиях Федеральная резервная система с согласия Белого дома резко повысила в октябре 1979 г. учетные ставки в целях ужесточения условий кредита и ограничения денежной массы в стране. Такая жесткая финансовая политика понизила уровень инфляции и в то же время ускорила начало нового кризиса, который обрушился на американскую экономику в конце 1979 г.

Однако и политика высоких учетных ставок лишь на какое-то время задержала рост инфляции. К январю 1980 г. ее уровень достиг сверхвысокой отметки — 18,2%. В этих чрезвычайных условиях Картер решил в очередной раз сократить государственные расходы. Он пошел на пересмотр уже направленного им в конгресс проекта бюджета на 1981 финансовый год и сократил его расходную часть на 15 млрд. долл. При этом на 1 млрд. были уменьшены ассигнования министерству обороны, остальные же сокращения были проведены главным образом за счет урезывания социальных программ [42].

Ни обычные, ни «пожарные» меры администрации Картера не помогли. Правительству демократов не удалось сбить сверхвысокий уровень инфляции, присущий американской экономике на всем протяжении второй половины 70-х годов. В 1980 г. среднегодовой индекс потребительских цен еще более вырос — до 13,5% [43]. Оказалась недостижимой и другая цель экономической политики администрации Картера — сбалансировать федеральный бюджет к 1981 г. Вместо этого в последний год ее пребывания у власти бюджетный дефицит составил 59,6 млрд. долл.[44]

Наряду с высоким уровнем инфляции в экономике США углубился структурный кризис ряда отраслей. Это во многом было связано с изменением положения американской экономики в мировом капиталистическом хозяйстве. Доля США в совокупной промышленной продукции всего капиталистического мира сократилась с 41,9% в 1960 г. до 36,9% в 1975 г. Сократился и удельный вес США в общем объеме экспорта капиталистических стран: с 18,2% в 1960 г. до 12,6% к 1975 г.[45] Правда, и во второй половине 70-х годов Соединенные Штаты продолжали оставаться ведущим экономическим и финансовым центром мировой капиталистической системы. Однако в этот период конкурентная борьба между ведущими американскими, западноевропейскими и японскими монополиями еще больше обострилась, причем не только на международных рынках, но и на внутреннем рынке США.

В самом неблагоприятном положении оказались американские сталелитейные и автомобилестроительные компании, которые явно недоучли рост научно-технического потенциала своих заграничных конкурентов. Между тем импорт западноевропейских и японских фирм в США постоянно возрастал, и даже такие монополистические гиганты, как «Форд мотор», «Крайслер», «ЮС стил», столкнулись с большими трудностями в сбыте своей продукции в собственной стране. Буржуазное государство поспешило на помощь этим корпорациям, входившим в верхушку амери-

[41] Statistical Abstract of the United States, 1981, p. 469.
[42] 1980 Congressional Quarterly Almanac. Wash., 1981, p. 141.
[43] Statistical Abstract of the United States, 1981, p. 469.
[44] Ibid., p. 245.
[45] Соединенные Штаты Америки: (Современный монополистический капитализм)/ Отв. ред. А. В. Аникин, О. Н. Быков, А. И. Шапиро. М., 1982, с. 15.

канского бизнеса. Администрация Картера ввела протекционистские тарифы на импорт стали в США. Под сильным нажимом Белого дома конгресс утвердил закон об оказании правительственной помощи компании «Крайслер», оказавшейся на грани банкротства. Эти и другие меры были направлены на повышение конкурентоспособности американских монополий. Однако к исходу 70-х годов структурный кризис в сталелитейной и автомобильной отраслях экономики США так и не был преодолен.

В этот же период происходили новые важные явления в экономическом развитии различных регионов Соединенных Штатов. В то время как многие промышленные центры Северо-Востока и Среднего Запада переживали полосу экономического застоя, на Юге и Западе США происходил бум деловой активности. Наличие в этих регионах еще не использованных больших земельных площадей и крупных сырьевых ресурсов, низкие местные налоги на предпринимательскую деятельность и относительно слабые позиции профсоюзов вызвали значительный приток капиталов, перемещение многих производственных предприятий и целых компаний. За ними устремились и миграционные потоки, в результате чего уже к середине 70-х годов (впервые в истории США) на Юге и Западе стало проживать больше населения, чем на Северо-Востоке и Среднем Западе [46].

Одной из наиболее острых экономических проблем США продолжала оставаться энергетическая проблема. На протяжении всего послевоенного периода американские нефтяные монополии нещадно эксплуатировали природные ресурсы ряда развивающихся стран. К середине 70-х годов доля импорта в общем объеме нефтепродуктов, которые потребляли Соединенные Штаты, приблизилась к 50%. С другой стороны, в 70-е годы Организация стран—экспортеров нефти (ОПЕК) несколько раз повышала цены. Кроме того, во многих нефтеносных районах мира, и прежде всего на Ближнем Востоке, усилилась борьба национально-освободительных сил против засилья американского империализма. Несколько раз в 70-е годы происходили перебои в поставках нефти из арабских стран в Соединенные Штаты. Резкий скачок в мировых ценах на нефть послужил одной из причин роста дефицита федерального бюджета и торгового баланса в США, а также повышения уровня инфляции в этой стране.

Заняв пост президента, Картер объявил, что решение энергетической проблемы будет одним из важнейших приоритетов во всей политике его администрации. Правящие круги США увязывали эту задачу и с укреплением международных позиций американской экономики, и с гегемонистскими внешнеполитическими установками американского империализма. Картер 5 раз обращался со специальными посланиями к американцам по энергетической проблеме. В первом из них, в апреле 1977 г., он взял самую драматичную ноту, заявив, что, если не будут безотлагательно предприняты действия по уменьшению зависимости Соединенных Штатов от импорта нефти, «альтернативой может стать национальная катастрофа» [47]. Конкретно же его энергетическая программа включала целый комплекс мер в энергетической сфере: стимулирование увеличения нефти и угля в самих США; создание в стране крупных стратегических запасов нефти; введение мер по экономии нефти в промышленности и быту; содействие государства разработке и производству новых видов топлива, источников энергии.

[46] Statistical Abstract of the United States, 1981, p. 12.
[47] Public Papers..., Jimmy Carter, 1977, Book 1. Wash., 1977, p. 656.

Обнародование правительственной программы вызвало в США новое обострение политической борьбы вокруг вопроса о путях решения энергетической проблемы. Нефтепромышленники заявляли, что только отмена государственного контроля над ценами на нефть и газ может стимулировать их в увеличении добычи нефти в самих Соединенных Штатах. Либералы и лидеры профсоюзов, напротив, выступали за усиление правительственного контроля над деятельностью нефтяных монополий. Передовые круги американской общественности, и прежде всего Компартия США, выдвинули лозунг национализации нефтяной промышленности.

После ожесточенной борьбы в конгрессе бо́льшая часть энергетической программы администрации Картера была принята. В окончательном ее варианте доминирующей стала поэтапная отмена государственного контроля над ценами на нефть и газ. Одновременно устанавливался налог на дополнительные прибыли, которые получили от этой новой льготы нефтяные компании. Вводились также меры, поощряющие увеличение добычи угля и установку на промышленных предприятиях, транспорте и в жилых домах оборудования по сбережению топлива и энергии. Важным шагом явилось создание федеральной Корпорации по синтетическому топливу, которой выделялись солидные средства для оказания содействия частному сектору в разработке новых источников энергии и видов топлива.

Таким образом, администрация Картера сыграла активную роль в принятии долгосрочного комплекса государственно-монополистических мер, направленных на приспособление энерго-сырьевой базы экономики США к изменениям в мировом капиталистическом хозяйстве.

Экономические трудности американского капитализма во второй половине 70-х годов самым непосредственным образом повлияли на социальную политику правящих кругов страны. В условиях понижения темпов экономического роста и падения нормы прибыли в частном секторе предприниматели значительно усилили эксплуатацию трудящихся. Господствующий класс в целом все чаще переходил в новое наступление на социально-экономические завоевания профсоюзов, стремясь подорвать позиции организованного рабочего движения.

Подавляющая часть американской буржуазии стала нетерпимее относиться к сформировавшейся в послевоенный период тенденции к заметному росту социальных расходов в федеральном бюджете. По мере ухудшения экономической конъюнктуры и усиления милитаристских настроений в правящих кругах монополии все активнее требовали свертывания социальных расходов, увеличения ассигнований Пентагону, расширения налоговых льгот и других форм содействия государства частному сектору. Особенно рьяно предприниматели ратовали за ревизию политики активного государственного регулирования экономики. Таким образом, в идейно-политических установках большинства американских предпринимателей, и прежде всего монополистической верхушки, все более усиливался крен вправо.

Эти тенденции в политической философии американского бизнеса в 70-е годы сопровождались активизацией его политической деятельности [48]. Тем самым влиятельные круги монополистической буржуазии

---

[48] *Сахаров Н. А.* Предпринимательские ассоциации в политической жизни США. М., 1980, с. 99—137.

стремились усилить свое воздействие на правительственную политику и одновременно ослабить влияние на нее со стороны либералов, профсоюзов, массовых общественных движений. Самую активную лоббистскую деятельность в правительственных сферах развернул во второй половине 70-х годов «Круглый стол бизнеса». Эта организация состояла исключительно из руководителей крупнейших корпораций, которые непосредственно контактировали с влиятельными законодателями и министрами, вплоть до самого президента.

Столь же ощутимо политическое наступление деловых кругов США проявилось в ходе выборов во второй половине 70-х годов. Несмотря на то что принятое в первой половине этого десятилетия (в значительной мере под влиянием «уотергейта») законодательство установило лимиты на взносы в предвыборные фонды кандидатов, предприниматели быстро приспособились к новым формам финансирования избирательных кампаний. Они стали активно воздействовать на исход выборов (федеральных и местных) через узаконенные «комитеты политического действия». Опираясь на свою финансовую мощь, бизнес за несколько лет значительно опередил по числу этих организаций аналогичные «комитеты» профсоюзов, оказывавшие финансовую поддержку главным образом либеральным кандидатам. Так, в 1974 г. соотношение между «комитетами» компаний и профсоюзов равнялось 89 против 201, а в 1976 г.— уже 433 против 224. На выборах в конгресс в 1978 г. разрыв в числе предвыборных организаций предпринимателей и профсоюзов еще больше увеличился: первых насчитывалось 821, а вторых — только 281 [49]. Делая вклады в предвыборные фонды и республиканцев, и демократов, влиятельные группировки бизнеса упрочили свое политическое влияние в конгрессе и других органах государственной власти.

«Большой бизнес» расширил также финансирование консервативных «мозговых центров». Во второй половине 70-х годов бюджет крупнейшего из них — Американского предпринимательского института в Вашингтоне в результате увеличения взносов со стороны крупнейших корпораций вырос вдвое [50]. Эти средства были мобилизованы на обновление программных установок консерватизма и организацию широкой пропагандистской кампании для рекламирования его принципов. Поправение большей части монополистической верхушки американской буржуазии неизбежно вело ее к расширению взаимодействия с ультраправыми группировками в США. В 70-е годы в числе финансовых покровителей этих группировок оказались уже не только военно-промышленные компании и реакционно настроенные миллионеры-нувориши Юга и Запада, но и такие крупнейшие монополии, как «Дженерал электрик», «ЮС стил», «Мобил ойл», «Дженерал моторз». И хотя многие консерваторы из среды «большого бизнеса» не поддерживали полностью платформу ультраправых, и те и другие выступили единым фронтом против политики активного государственного регулирования частного сектора и многих социальных программ. Эти силы также объединились в борьбе против рабочего и демократического движений, за возврат к «холодной войне».

Получив мощную финансовую поддержку, правые создали в 70-е годы обширную сеть своих новых организаций — «Фонд наследия», «Центр по

[49] Common Cause, 1980, Oct., p. 13.
[50] Conservative Brain Trust.— New York Times Magazine, 1981, May 10, p. 65.

спасению западных демократий», «Центр за свободное общество», «Американцы против контроля профсоюзов над правительством» и многие другие. Эти хорошо организованные группы, называвшие себя «новыми правыми», повели по всей стране интенсивные идейно-политические кампании, добиваясь расширения своих позиций в массах[51]. Консерваторы и крайне правые апеллировали к рядовому американцу, глубоко обеспокоенному во второй половине 70-х годов ростом безработицы, невиданным удорожанием стоимости жизни, разгулом преступности, деградацией моральных устоев и упадком веры в политические институты[52]. Общественности внушалось, что во всех этих явлениях повинны прежде всего либералы и их социально-экономический курс. В качестве альтернативы массам преподносился консерватизм как некая конструктивная идеология и политика, способная обеспечить процветание внутри страны и непоколебимое могущество США на мировой арене. С другой стороны, консерватизм подавался как единственная сила, способная возродить в американском обществе такие «традиционные ценности», как семья, религия, мораль, рабочая этика, патриотизм.

Пытаясь переключить внимание американцев от коренных социально-экономических проблем, порожденных капиталистической системой, правые группировки разжигали политические страсти вокруг так называемых «моральных вопросов». К их числу ультраконсерваторы относили вопросы о конституционной поправке, декларирующей равноправие для женщин, о введении обязательной молитвы в школах перед началом занятий, снятии ограничений на продажу оружия, о праве на аборт и т. д.

Правые создавали в стране истерическую атмосферу «крестового похода» против их политических противников. Особенно в этом усердствовали ультраправые проповедники, которые в своих выступлениях облекали в религиозную форму самые реакционные идеи. Их сборища обильно финансировались и транслировались по телевидению на всю страну, собирая многочисленные аудитории. Претендуя на роль лидеров некоего «морального большинства», эти деятели предавали анафеме Компартию, либералов, активистов движения за мир, представителей демократической общественности и требовали «очистить Америку от подрывных элементов». От словесных призывов в духе маккартизма реакционные силы переходили к экстремистским действиям. Ку-клукс-клан в своих акциях снова вышел за пределы Юга. Участились расправы над деятелями рабочего движения, возросло число антисемитских акций и налетов на помещения прогрессивных организаций.

Первостепенное внимание консервативные и правые силы уделяли вопросу мобилизации своих сторонников в ходе избирательных кампаний. Благодаря массированной обработке общественного мнения на выборах 1978 г. им удалось добиться поражения нескольких видных либеральных сенаторов-демократов. Созданный Р. Рейганом предвыборный комитет «Граждане за республику» оказал на этих выборах мощную финансовую поддержку 400 кандидатам от республиканской партии, баллотировавшимся в различные органы государственной власти. Хотя и после этих выборов республиканцы оставались партией меньшинства, они упрочили

[51] *Плеханов С. М.* Сдвиг вправо — мнимый и реальный.— США — экономика, политика, идеология, 1979, № 12, с. 13—25.
[52] *Замошкин Ю. А.* Личность в современной Америке: Опыт анализа ценностных и политических ориентаций. М., 1980, с. 200—244.

свое положение как ведущая политическая сила всего консервативного лагеря.

Усиление пропаганды консервативных идей и активизация политической деятельности правых сил не привели к кардинальным сдвигам в настроениях американской общественности. Правда, опросы общественного мнения в США во второй половине 70-х годов показывали, что американцы в большей степени стали поддерживать увеличение военных расходов и уменьшение государственного регулирования экономики. Однако те же самые опросы свидетельствовали, что большинство американцев выступало против сокращения расходов на ряд социальных программ и за принятие конституционной поправки о равных правах для женщин [53].

Гораздо больший, чем на массовом уровне, сдвиг в сторону консерватизма произошел в правящих кругах США. Нарастание кризисных явлений в американской экономике в 70-е годы, сужение внешних позиций и углубление внутренних противоречий американского капитализма — все эти факторы обусловили поправение в целом господствующего класса. Различные группировки американской буржуазии, включая центристов и некоторую часть либералов, стали рассматривать консерватизм как более эффективную политику в преодолении этих противоречий капиталистической системы. Такая перегруппировка в господствующем классе оказала значительное воздействие и на социальную политику администрации Картера.

Белый дом действовал с большой оглядкой на рост влияния консервативных сил и настроений в стране. Сам Картер признавал, что по ряду политических позиций он был ближе к консерваторам, чем к либералам [54]. Однако он не мог не считаться со все еще влиятельным либеральным крылом своей партии. Президент-демократ вынужден был также учитывать сильное давление снизу — со стороны профсоюзов, этнорасовых меньшинств, малоимущих слоев, составлявших массовую базу демократов.

В первый же год пребывания у власти администрации Картера Белому дому и конгрессу пришлось решать проблему финансового кризиса, возникшего в крупнейшей государственной социальной программе—системе социального страхования. К середине 70-х годов в силу ряда экономических и демографических факторов фонды этой системы, образуемые за счет налоговых отчислений рабочих и предпринимателей, стали стремительно сокращаться. Администрация Картера предложила повысить налоговые отчисления (в первую очередь с предпринимателей), а также в случае высокого уровня безработицы частично финансировать социальные выплаты за счет общих бюджетных доходов. Бизнес и консервативная коалиция в конгрессе заблокировали эти предложения, и в конце концов Картер подписал в 1977 г. закон, предусматривавший быстрый рост налогов на социальное страхование, причем основное бремя налогового увеличения легло на плечи трудящихся.

В основу своей программы решения проблемы городов правительство Картера положило стимулирование федеральным правительством частного сектора с тем, чтобы тот активизировал свою предпринимательскую деятельность в городских центрах и способствовал их развитию. Город-

[53] *Broder D.* Changing of the Guard. N. Y., 1981, p. 411—412.
[54] *Carter J.* Keeping Faith. Memoirs of a President. N. Y., 1982, p. 102.

ская программа правительства демократов не предусматривала больших новых бюджетных ассигнований и в целом была расценена общественностью как явно недостаточная для преодоления острого социально-экономического кризиса городов.

Весьма активно администрация Картера действовала в сфере охраны окружающей среды, которую Картер провозгласил одной из приоритетных в своей внутриполитической программе [55]. Во второй половине 70-х годов были приняты законы, усилившие государственное регулирование условий добычи угля открытым способом и утилизации отходов химической промышленности.

Под давлением массовых общественных движений администрация Картера выступила за принятие конституционной поправки о равных правах для женщин, а также включила в свою программу введение национальной системы медицинского страхования и учреждение федерального ведомства, представлявшего интересы потребителей. Ни одно из этих предложений во второй половине 70-х годов не было проведено в жизнь из-за противодействия блока консервативных и крайне правых сил.

Таким образом, по ряду вопросов внутренней политики администрация Картера занимала, хотя и непоследовательно, весьма либеральные позиции. Однако в ключевом вопросе — в вопросе о размере расходов на социальные цели в федеральном бюджете — демократическая администрация осуществляла явный крен в сторону консерватизма. Картер пришел в Белый дом уже с концепцией о том, что вмешательство федерального правительства в социально-экономическую сферу стало непомерно большим и поэтому должно быть ограничено. В том же направлении Картера постоянно подталкивали влиятельные группировки господствующего класса, чьи интересы в конгрессе преимущественно представляла консервативная коалиция.

Большинство предложений Картера по сокращению финансирования социальных программ пришлось на вторую половину его президентства. В конце 70-х годов в правящих кругах США возобладала линия на перераспределение финансовых ресурсов государства в сторону военных расходов. К тому же дальнейший рост инфляции и переход американской экономики в кризисное состояние к концу 1979 г. склонили в пользу сокращения социальных расходов не только консерваторов, но и часть либералов. Явный поворот администрации Картера в сторону консерватизма в социально-экономической политике сопровождался ревизией курса на разрядку международной напряженности [56].

Консерваторы не смогли достичь сокращения или замораживания правительственных ассигнований на трудоустройство безработных, общественные работы, медицинскую помощь для малоимущих, жилищное строительство для бедняков. Тем не менее, однако, администрация Картера осуществляла, насколько ей позволяли рамки политики демократов, курс на уменьшение темпов роста государственных затрат на социальные программы. В результате политики «экономии» на социальных расходах положение миллионов американцев, и без того тяжелое в условиях застоя в американской экономике, еще более усугубилось.

Рабочая политика администрации Картера также была двойственной.

---

[55] Ibid., p. 20.

[56] *Кокошин А. А.* США: за фасадом глобальной политики. М., 1981, с. 146—147.

При демократах в Белом доме правительственные органы в целом активнее, чем при республиканцах, сдерживали произвол работодателей и в большей степени гарантировали профсоюзам их права. Кроме того, Картер на словах поддержал законодательную программу профсоюзов, включавшую расширение права на забастовку рабочих строительной промышленности, повышение минимума заработной платы рабочих, принятие правительством на себя обязательства содействовать уменьшению безработицы, усиление права рабочих на объединение в профсоюз. По всем этим законопроектам в конгрессе развернулась острая политическая борьба.

Наиболее ожесточенным оказалось противоборство вокруг законопроекта о реформе трудового законодательства. Предприниматели в своем натиске на организованное рабочее движение в 70-е годы стали все чаще прибегать к различным антипрофсоюзным действиям, начиная от использования различных юридических уловок и кончая неприкрытым преследованием профсоюзных активистов. Отчасти в результате этого процесс сокращения численности рабочих, объединенных в профсоюзы, в это десятилетие усилился. Для рабочего движения стало жизненно важным добиться законодательного расширения прав на образование новых профсоюзных организаций. С этой целью АФТ—КПП предприняла по всей стране интенсивную кампанию в поддержку законопроекта о реформе трудового законодательства, затратив на эти цели около 1 млн долл.

Стремясь не допустить усиления профсоюзного движения, на полную мощность заработала политическая машина «большого бизнеса». Национальная ассоциация промышленников, Торговая палата США, «Круглый стол бизнеса» объединились в единый антипрофсоюзный фронт и подключили к своей лоббистской атаке на общественность, конгресс и правительство ведущие ассоциации мелких и средних предпринимателей. Профсоюзы надеялись, что президент-демократ выступит их активным союзником в этой политической битве. Однако в ходе борьбы вокруг профсоюзного законодательства обнаружилось, что Белый дом оказал требованиям профсоюзов лишь декларативную поддержку, предпочитая уклониться от столкновения с консервативной коалицией в конгрессе и стоявшими за ней могущественными группировками американского бизнеса [57]. Пользуясь пассивностью администрации Картера, эти силы не допустили принятия законов о реформе трудового законодательства и расширении права на забастовку рабочих строительной промышленности, а закон об обязательстве государства содействовать уменьшению безработицы консерваторы выхолостили рядом поправок. В этих законодательных баталиях профсоюзы потерпели крупное поражение [58].

Другие действия администрации Картера носили открыто антирабочий характер. Правительство демократов вынудило профсоюзы согласиться на заниженный новый минимум заработной платы, а также отказаться от борьбы в конгрессе за отмену статьи 14(б) закона Тафта—Хартли, подрывающей право рабочих на организацию в профсоюз. В ходе острого трудового конфликта между горняками и владельцами шахт в 1978 г. Картер пустил в ход антипрофсоюзное законодательство для подавления забастовки шахтеров.

---

[57] *Shoup L.* The Carter Presidency and Beyond. Palo Alto (Cal.), 1980, p. 184.
[58] Ibid., p. 181.

Острую критику со стороны профсоюзов вызвала антиинфляционная программа Картера, поскольку предусматривала сокращение ассигнований на социальные нужды. К тому же правительство демократов гораздо больше преуспело в замораживании заработной платы рабочих, чем в контроле над ценами, которые постоянно росли. Наконец, антиинфляционная политика высоких учетных ставок, проводимая Федеральной резервной системой в согласии с Белым домом, ускорила начало нового экономического кризиса в США, что вызвало стремительный рост безработицы в стране.

Дрейф социальной политики администрации Картера в сторону консерватизма сопровождался повышенной дозой социальной демагогии и критической риторики в духе «символического популизма». Картер время от времени критиковал своекорыстие различных лоббистских сил, оказывавших нажим на государственные органы. В ходе дебатов вокруг энергетической программы он даже позволил себе публично обвинить нефтяные монополии, завышавшие цены на бензин и другие нефтепродукты, в ограблении масс. Летом 1979 г. Картер признал наличие глубокого социально-политического и идейного «кризиса веры» в американском обществе. Наряду с этим президент постоянно твердил о своей особой приверженности «правам человека». Однако подобные благочестивые заявления Белого дома резко контрастировали с реальным положением дел в Соединенных Штатах, где по-прежнему царило фактическое бесправие миллионов обездоленных людей [59]. Администрация демократов закрывала глаза и на полицейский террор в отношении инакомыслящих, и на тюремные застенки, в которых томились сотни политических узников, брошенных туда по сфабрикованным обвинениям, борцов за гражданские права, активистов антивоенного движения, неугодных властям вожаков рабочих организаций.

В целом усиление консервативных тенденций в социально-экономической политике при администрации Картера ухудшило положение трудящихся масс. Однако демократы на рельсах этой политики не смогли преодолеть ни кризисные явления, нараставшие в американской экономике, ни укрепить собственное положение в рамках двухпартийной системы. Шаг за шагом либерально-умеренное крыло партии постепенно сдавало свои позиции, в то время как центристы в целом стали все больше тяготеть к консерватизму. В свою очередь, консервативные и крайне правые силы, своей поддержкой укрепившие к концу 70-х годов республиканскую партию, поставили целью на выборах 1980 г. захватить Белый дом и большинство в конгрессе США.

---

[59] Look Homeward, Jimmy Carter: The State of Human Rights, USA. Prepared by: Communist Party, USA. N. Y., October, 1977.

5. УСИЛЕНИЕ РОЛИ РЕПРЕССИВНО-ПОЛИЦЕЙСКОГО АППАРАТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

«В политической области для империализма характерна тенденция к усилению реакции по всем направлениям. Там, где трудящиеся в упорной борьбе добились определенных демократических прав, государственно-монополистический капитализм ведет настойчивое, подчас искусно маскируемое наступление на эти права. В опасных для себя ситуациях он, не колеблясь, прибегает к политическому шантажу, репрессиям, террору, карательным акциям»[60]. История подтверждает правильность этого вывода, содержащегося в Программе КПСС. Классическим примером могут служить Соединенные Штаты. Обострение внутренних и внешних противоречий американского капитализма после второй мировой войны и стремление господствующего класса США к мировой гегемонии в условиях все расширяющейся борьбы народов за свободу, мир и социализм имели своей проекцией в общественной жизни страны усиление гонений на инакомыслие и травлю прогрессивных сил.

Как мы видели, особый механизм контроля за движениями социального протеста, отождествляемыми буржуазией с «внутренней крамолой», и прежде всего за рабочим движением, сложился в США в начале XX в.[61] В период первой мировой войны и последовавшие за ней годы, отмеченные резким обострением классовой борьбы в стране, репрессивно-полицейская система США в лице Бюро расследований и его дочерних организаций на местах превратилась в централизованный, разветвленный и хорошо технически оснащенный аппарат, способный оказывать мощное воздействие на различные стороны общественной жизни страны. Именно он и обеспечил в 1918—1923 гг. проведение многих антиконституционных по своему характеру карательных операций против левых сил, стоивших им тяжелых потерь.

В период «холодной войны» рост ультраконсервативных и антикоммунистических тенденций в политике господствующего класса усилился. Нарушение конституции фактически стало обычной практикой. Репрессивно-полицейский аппарат получил огромную власть. По мнению многих американских историков, Соединенные Штаты в годы «второй красной паники» уподобились гарнизонному государству[62]. Именно в этот период, отмечал известный американский исследователь Э. Теохарис, стало возможным резкое усиление роли и влияния ФБР в политическом процессе, а также наделение ЦРУ, других спецслужб особыми полномочиями по борьбе с инакомыслием и движениями социального протеста[63].

В середине 50-х годов давление изнутри и протесты мировой общественности вынудили маккартизм несколько отступить. Верховный суд США принял ряд постановлений о пересмотре наиболее одиозных пол-

---

[60] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 131.
[61] *Костин П. В.* Тайная полиция США. ФБР: прошлое и настоящее. М., 1986.
[62] *Katler S. I.* The American Inquisition: Justice and Injustice in the Cold War. N. Y., 1982.
[63] Journal of American History, 1980, Dec., p. 733.

номочий Управления по контролю над подрывной деятельностью, что привело к отмене гласного надзора за «неблагонадежными», подозреваемыми в принадлежности или в терпимом отношении к левым силам. От репрессивно-полицейской системы США потребовалась известная перестройка, которая, однако, вовсе не означала сужения масштаба ее деятельности, а предполагала выработку долгосрочных программ подавления левой оппозиции и разрушения ее организационной структуры.

В 1956 г. ФБР приступило к осуществлению «Программы контрразведки» — «Коинтелпро», которую комиссия сената, расследовавшая в начале 70-х годов деятельность спецслужб, назвала явлением «безусловно недостойным свободного общества» [64]. Следуя этой стратегии, ведомство Э. Гувера сосредоточило львиную долю своих усилий на претворении в жизнь тайного плана подрыва и уничтожения политического радикализма.

Объектом номер один была названа Компартия. Ставилась задача добиться ее развала и ликвидации путем, как говорилось в секретной директиве ФБР, «очернения в глазах американской общественности, разжигания фракционности... и стимулирования чувства разочарования среди рядовых членов» [65]. На официальном языке ФБР все это именовалось «программой разрушения». По словам министра юстиции в правительстве Р. Никсона — У. Сэксби, ФБР в рамках данной программы осуществила великое множество тайных операций (свыше тысячи), в основу которых были положены, пользуясь терминологией того же Сэксби, «отвратительные», «грязные трюки», приличествующие разве только «типично военной разведке» [66]. В ход было пущено все — от клеветы до организации террористических актов против руководящих деятелей партии руками «специалистов», завербованных среди гангстеров.

В 1961 г. в развитии «Коинтелпро» ФБР предприняло новые шаги, которые имели самые тяжелые последствия для конституционных свобод. 6 марта в ходе очередных слушаний в конгрессе по вопросам бюджета ФБР его директор Э. Гувер объявил, что федеральная полиция ведет неусыпную слежку за сотнями находящихся на «подозрении» организаций «коммунистического фронта» (к нему были отнесены и многие либеральные группы), а также за «снискавшими известность» пацифистами и другими общественными деятелями, занимавшими видное положение и якобы умышленно или неумышленно содействовавшими коммунистам. Это заявление, сделанное сразу после вступления в должность президента Кеннеди, звучало зловещим предупреждением всем, кто надеялся на преодоление последствий «холодной войны», выступал за социальные перемены и против засилья монополий. Не встретившее возражений в конгрессе само по себе, оно должно было расцениваться как официальное объявление войны поборникам гражданских свобод внутри страны и критикам интервенционистского курса во внешней политике.

Таким образом, фактически с ведома высшей законодательной власти «Коинтелпро» стала приобретать черты универсальной программы. ФБР же превращалось в некое надконституционное ведомство, по своему усмотрению устанавливающее стандарты и нормы политической благо-

[64] Цит. по: Положение в области прав человека в США. М., 1978, с. 68.
[65] US Congress. Senate. Hearings before the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. Wash., 1976, vol. 6, p. 372. (Далее: Hearings before the Select Committee...).
[66] *Ungar S. J.* FBI. Boston; Toronto, 1976, p. 33, 566.

надежности и определяющее объекты слежки и репрессий. Дальнейшие события служили тому подтверждением. 12 октября 1961 г. Э. Гувер в секретном меморандуме избранному составу высших руководителей ФБР объявил о распространении «Коинтелпро» на все другие (помимо Компартии) левые группы и оппозиционные движения, которые, как сказано было в документе, «в последние несколько лет открыто пропагандируют свою линию на местном и общенациональном уровнях путем выдвижения кандидатов на выборные должности, а также выступают в поддержку или руководят кампаниями в защиту Кубы Фиделя Кастро или в поддержку процессов десегрегации на Юге» [67].

Расширение ареала охранительных действий репрессивно-полицейского аппарата после ухода с политической сцены Маккарти во многом было связано с той автономией, которую к началу 60-х годов обеспечили для себя ФБР и ЦРУ в рамках государственной системы США. Большой знаток политической истории США, бывший советник президента Кеннеди А. Шлезингер-младший в вышедшей в 1978 г. книге писал: «...„Коинтелпро" показало всем, как поразительно независимо ведет себя ФБР в сфере, относящейся к внутренней безопасности» [68]. Сознание своей бесконтрольности и безнаказанности дало в руки репрессивного аппарата мощное средство давления, запугивания и шантажа. Концентрации скрытой от глаз общественности власти в руках привилегированной касты профессиональных охранителей содействовал ее культ, обеспеченный настойчивыми усилиями буржуазной пропаганды и политической реакции [69].

Суть и значение этих явлений могут быть правильно поняты только в контексте глобальных процессов. В обстановке растущего влияния мирового социализма классовая борьба трудящихся в капиталистических странах временами вынуждает буржуазию идти на некоторые социальные уступки. Это делается, чтобы сохранить главное — господство капитала. Однако параллельно с этим растет предрасположенность господствующего класса обезопасить свои привилегии путем установления жесткого контроля за общественными силами, бросающими ему вызов.

Именно так и проявляла себя диалектика общественно-политических противоречий современных Соединенных Штатов. Чем выше поднималась волна массовых демократических движений, социального протеста, тем глубже и основательнее становилось проникновение спецслужб во все клетки общественного организма нации. Характерно, что в своем отношении к движению демократической оппозиции ФБР и ЦРУ не делали особых различий между отдельными ее течениями: все они были отмечены клеймом «подрывных», «экстремистских», «красных». И участие в антивоенном движении, и проявление сочувствия борьбе за гражданские права черных, и просто высказывания в поддержку нормализации советско-американских отношений были отнесены ими к особо опасным разновидностям антиамериканской деятельности.

Американские авторы писали: «...во время бурных событий 60-х годов шпионские методы, ранее применявшиеся исключительно против иностранцев, были использованы против широких слоев американских граждан, занимающихся абсолютно законной деятельностью. ЦРУ зало-

[67] Hearings before the Select Committee..., p. 377.
[68] *Schlesinger A. M., Jr.* Robert Kennedy and His Times. L., 1978, p. 287.
[69] *Wise D.* The American Police State: The Government against the People. N. Y., 1976.

жило данные на 1,5 млн. американцев в один компьютер и на 300 тыс.— в другой; в течение 1969—1970 гг. управление собрало досье на 50 тыс. членов только одной Калифорнийской партии мира и свободы. Шпики ЦРУ рыскали по студенческим городкам, управление вело массированную кампанию перлюстрации почты (оно вскрыло четверть миллиона писем, отправляемых и получаемых американцами, включая корреспонденцию Джона Стейнбека и бывшего сенатора Фрэнка Черча). Аналогичным образом действовало и ФБР ...»[70].

В секретном меморандуме штаб-квартиры ФБР от 9 мая 1968 г., направленного агентам этого ведомства на местах, детально определялись мотивы, цели и средства специально спланированной общенациональной операции подавления молодежного движения и ее «ключевых активистов». Это была директива об умерщвлении молодой поросли Америки, ее воли к борьбе, веры в собственные силы, солидарность и достижимость перемен. «Наша страна,— говорилось в нем,— переживает период развала и насилия, вызванных в значительной степени лицами, принадлежащими к „новым левым". Некоторые из них настойчиво призывают к революции в Америке и к поражению Соединенных Штатов во Вьетнаме... ФБР пристально наблюдает за „новой левой"... Деятельность организации и активистов, которые пропагандируют идеи революции и незаконно бросают вызов обществу в стремлении осуществить свои требования, не только должна быть ограничена, но и пресечена... Поэтому ваш долг подойти к сложившейся обстановке с дальним прицелом, энергией и со всем вниманием. Значение новой активности (со стороны молодежи.— *Авт.*) мы не можем и не должны проглядеть»[71].

Напуганный размахом антивоенного движения и ростом радикальных настроений среди молодежи, конгресс США в конце 60-х — начале 70-х годов принял серию репрессивных законов, легализующих в числе прочего (впервые за всю историю США) подслушивание телефонных разговоров, вскрытие почтовых отправлений и тайную установку подслушивающих электронных устройств в домах американцев и в учреждениях. Такого рода действия могли совершаться ФБР даже без специального разрешения суда[72]. Повсеместно политическая полиция стала применять практику тайных взломов и проникновения в помещения, занимаемые частными лицами, общественными организациями и иностранными представительствами в целях обнаружения и похищения «улик», оправдывающих полицейские преследования и провокации[73].

Приравняв общедемократическое движение против войны и за гражданские свободы к опаснейшему антиобщественному деянию, ФБР выработало стратегический план его удушения и разгрома. Детально разработанная летом 1968 г. руководителями операции «Коинтелпро» инструкция содержала перечень специальных мер, рассчитанных на разгром движения. Наряду с уже ставшими обычными для ФБР налетами и обысками в студенческих клубах, шпионажем, разжиганием распрей в

[70] *Хинкл У., Тернер У.* Рыба красного цвета: История одной тайной войны. М., 1983, с. 17.
[71] Hearings before the Select Committee..., p. 393.
[72] Подробнее см.: *Goldstein R. J.* Political Repression in Modern America. From 1870 to the Present. Cambridge; New York, 1978, p. 442—444.
[73] Beyond the Hiss Case: The FBI, Congress, and the Cold War/Ed. by A. Theoharis. Philadelphia, 1982.

руководстве молодежных организаций, засылкой провокаторов, клеветническими кампаниями в прессе и т. д. она предусматривала проведение актов террора в отношении лидеров движения, массовые превентивные аресты его активистов, слежку за ними, поощрение наркомании в целях разложения и компрометации активного ядра движения.

Кровавое побоище, учиненное силами «порядка» над безоружными участниками антивоенной молодежной демонстрации во время съезда демократической партии в Чикаго в августе 1968 г., не было делом рук только мэра Дейли и его подручных, его заблаговременно «смоделировали» в главной квартире ФБР в Вашингтоне [74].

Антивоенное движение в США достигло кульминации весной 1971 г. и именно в это время ФБР проявило особое рвение в «раскрытии» многочисленных «антиправительственных» заговоров левых и прогрессивных сил. В сторону были отброшены все ограничения, дозволенными считались любые приемы, которые могли раздробить и ослабить движение, в ложном свете представить его цели. 8 декабря 1977 г. «Нью-Йорк таймс» писала, что руководитель программы «Коинтелпро» У. Салливэн сделал признание о получении им указания Гувера следующего содержания: «Употребить любые средства с тем, чтобы посадить за решетку радикальных бунтовщиков, возглавлявших антивоенное движение». В широком смысле значение развернутой правительством Никсона в 1971, 1972 гг. кампании против «политических врагов» состояло прежде всего в том, чтобы, используя силу и мощь репрессивного аппарата, раскрошить и рассеять демократическое движение, предотвратить возможность его дальнейшего роста и закрепления в качестве самостоятельной политической силы в общественной жизни США.

Одна из самых мрачных и, добавим, трагических страниц хроники «Коинтелпро» связана с ведением тайной войны против освободительного движения черных, войны, не знающей передышек и милосердия. Попустительство расистским линчевателям переросло в активное содействие им, а затем и в открытый террор против общественных организаций черных американцев и их лидеров. ФБР не только обеспечило прикрытие куклуксклановским погромщикам на Юге, но и непосредственно руководило из-за кулис физическими расправами над участниками знаменитых «маршей свободы» на Юге США в начале 60-х годов. Многочисленные взрывы в церквах и убийства черных американцев (в том числе детей) также осуществлялись с ведома и при прямом участии агентов ФБР, с благословения его руководства [75]. Попытки расследований преступлений решительно пресекались его директором Э. Гувером.

С конца 50-х годов, когда в стране сложился влиятельный центр негритянского протеста — Южная конференция христианского руководства во главе с выдающимся деятелем освободительного движения афроамериканцев М. Л. Кингом, ФБР окружило Кинга и его сподвижников таким «вниманием», которого удостаивалась, пожалуй, только Коммунистическая партия. Участники возглавленного Кингом широкого движения за гражданские права были объявлены «иностранной агентурой». Коретта Кинг, вдова М. Л. Кинга, выступая в мае 1978 г. в Атланте, говорила, что ФБР приравняло это движение к вторжению вражеских пол-

---

[74] *Theoharis A.* Spying on Americans: Political Surveillance from Hoover to the Huston Plan. Philadelphia, 1978.

[75] За рубежом, 1983, № 43, с. 18, 19.

чищ на территорию Соединенных Штатов[76]. В специальном докладе министерства юстиции США, представленном конгрессу в январе 1977 г., приводилось заявление У. Салливэна о том, что «в войне против Кинга не было никаких запретов»[77].

После того как негритянский лидер в начале 1967 г. перенес центр тяжести своей критики американского образа жизни на основы социального и расового неравенства в США и объявил о подготовке грандиозного общенационального «Похода бедняков на Вашингтон», руководство

КУКЛУКСКЛАНОВЦЫ ПОД ЗАЩИТОЙ ПОЛИЦИИ

ФБР разработало план «ниспровержения его с пьедестала» (так говорилось в секретном меморандуме Э. Гувера от 4 марта 1968 г., изданном накануне «Похода бедняков»). Убийство Кинга показало, что́ скрывалось за этими словами.

ФБР и полицейская система в целом прибегли к политическому геноциду в отношении леворадикальной партии «Черные пантеры»[78]. Охота на «Черных пантер» началась сразу, как только в негритянском освободительном движении оформилось самостоятельное течение, поставившее целью последовательную борьбу против угнетения черных американцев и заявившее, что оно отвергает философию ненасильственных действий и переходит к вооруженной самообороне. Согласно инструкции Гувера от 25 августа 1967 г. агентам ФБР надлежало действовать «с энтузиазмом» и «изобретательностью», не жалея сил, без колебаний и не стесняясь в выборе средств.

[76] Daily World, 1978, May 31.
[77] Ibid., 1977, Mar. 12.
[78] Только за два года (1969 и 1970) в результате полицейского террора погибли не менее 30 лидеров и активистов партии. См.: *Дэвис А.* Автобиография. М., 1978, с. 9.

Действуя в контакте с местными властями и буржуазной прессой, ФБР рассчитывало создать впечатление, что оно воюет не с политической партией, а с враждующими кланами вооруженных преступников. «Репрессии против „пантер“,— писала А. Дэвис,— отражали расистскую политику правительства США в отношении черного населения. Преступная логика этой политики означала не что иное, как геноцид. Именно таким был план правительства, которое решило разом расправиться с организациями „партии черных пантер“ по всей стране. Э. Гувер заявил, что „пантеры“ представляют „самую большую угрозу внутренней безопасности страны“. И полиция в большинстве крупных городов ополчилась на местные отделения партии» [79]. Партия «Черных пантер» не сумела противостоять этому граду смертоносных ударов. Кризис и упадок этой партии нельзя, конечно, объяснить исключительно репрессиями и террором, обрушившимися на нее, но тем не менее следует признать, что они в огромной мере содействовали ее изоляции и быстрому упадку.

После скандальных разоблачений 1971—1976 гг., после «уотергейта», в обстановке демагогической кампании в защиту «прав человека», начатой Белым домом в 1977 г., репрессивный аппарат какое-то время вынужден был вести себя более осмотрительно. Но затем произошло то, что и должно было произойти — полная реабилитация ставшей уже традиционной практики политической полиции в отношении левой и демократической оппозиции. Сначала последовали «разъяснения» министерства юстиции о допустимых пределах тайной слежки за деятельностью общественных организаций и отдельных граждан. Следующим шагом явилась публичная кампания нового руководства ФБР и ЦРУ, преследующая цель рассуждениями о «высших интересах страны» обосновать «естественное право» разведывательного сообщества оставаться вне закона и над законом.

Все развивалось по согласованному сценарию. Комиссия по расследованию деятельности ФБР, возглавленная сенатором Черчем, созданная под давлением общественности в середине 70-х годов, еще заслушивала свидетелей по делу о вопиющих нарушениях законности и злоупотреблениях ФБР, ЦРУ, другими спецслужбами, а в сенатской юридической комиссии уже готовилось новое антидемократическое законодательство, принятие которого должно было привести к легализации грязных трюков и электронной слежки за «неблагонадежными» и, следовательно, неизбежно вызвать новое расширение полномочий репрессивно-полицейского аппарата. Белый дом одобрительно отнесся к этой инициативе, заставив прогрессивную общественность однозначно оценить происходящее. «Позорное наследие Эдгара Гувера,— говорила Коретта Кинг в 1978 г.,— продолжает жить» [80]. В том же году журнал «Нейшн» писал: «Президент Картер получил известность благодаря своей критике нарушений прав человека в других странах, но у себя дома, в Америке, он движется в сторону усиления контроля федерального правительства над частной жизнью американцев» [81].

Факты показывают, что результаты шумных «проработок» ФБР и ЦРУ в комиссиях конгресса в середине 70-х годов оказались ничтожными. Даже сенатор Черч вынужден был с горечью признать безнадеж-

[79] *Дэвис А.* Указ. соч., с. 251, 260—261.
[80] Daily World, 1978, May 31.
[81] Nation, 1978, Sept. 30, p. 295.

ность всех попыток таким путем добиться перемен[82]. Принятые конгрессом формальные ограничения отдельных сторон деятельности тайной полиции ФБР легко удавалось обходить. С этой целью некоторые функции политического шпионажа и диверсий против прогрессивных сил передавались специальным подразделениям полиции на местах, частным детективным агентствам, обслуживающим, как правило, крупные корпорации, и специальным формированиям ультраправых. Создание компьютеризованной системы слежки и сбора разведывательной информации решало проблему централизации и оперативной обработки данных об активистах Компартии, рабочих и негритянских организаций, всех тех, кто был отнесен к числу «неблагонадежных». Оказавшиеся осенью 1978 г. в распоряжении американской общественности материалы показали, насколько широко после 1975 г. ФБР использовало эти новые технические возможности для модернизации системы политического сыска и методов контроля за деятельностью левой оппозиции, профсоюзов, женских, молодежных, антивоенных и других демократических общественных организаций.

Резкое увеличение удельного веса репрессивно-полицейского аппарата во всей структуре государственного управления США показывает, сколь сильно подорваны основы представительной демократии в главной стране капиталистического мира, как далеко к последней четверти XX в. зашел процесс эрозии ее идейно-политических и морально-этических устоев, каким глубоким стало противоречие между идеалами народоправия и самовластием ФБР, ЦРУ и их дочерних организаций, не признающих никаких моральных запретов, никаких правовых норм.

После очень непродолжительной заминки, вызванной разоблачениями первой половины 70-х годов, воздействие на политику правительства (и на всю общественную обстановку) тех сил, которые всегда стоят за ФБР, ЦРУ и их многочисленными добровольными помощниками, вновь возросло. Резко усилившаяся по всей стране активность Ку-клукс-клана и разного рода «патриотических», правоэкстремистских групп говорила сама за себя. Именно эти силы, представляющие монополистическую реакцию, и есть непосредственный источник угрозы для нации, угрозы невыдуманной и реальной в отличие от той, которую искусственно культивируют в сознании рядовых американцев с помощью мощного аппарата идеологического и психологического воздействия, спекулируя на страхах перед переменами, на националистических и расовых предрассудках, недоверии к миролюбию стран социалистического содружества и на антикоммунизме.

[82] Ibid., Sept. 2, p. 169.

Глава одиннадцатая

ОТХОД ОТ РАЗРЯДКИ

1. ЗИГЗАГИ ДИПЛОМАТИИ ВАШИНГТОНА

Новый президент Дж. Форд, придя к власти, заявил, что внешняя политика США в полной мере сохранит свою преемственность. Выступая в конгрессе 12 августа 1974 г., он оценил доставшееся его администрации наследие во внешнеполитической области как «выдающееся» [1]. И все же с переменами в Белом доме произошла дальнейшая консолидация противников курса на продолжение разрядки. Все активнее стали выступать те, чье имя всегда ассоциировалось с «холодной войной», антисоветизмом, доктриной силового давления в целях обеспечения за США господствующих позиций на мировой арене.

Однако новая администрация не могла полностью игнорировать мнение американской общественности, настроенной в массе своей антимилитаристски. По данным опросов в 1975 г., абсолютное большинство американцев проявляли заинтересованность в сохранении всеобщего мира, развитии сотрудничества между СССР и США в деле предотвращения ядерной войны и разоружения, равноправной и взаимовыгодной торговли. Лишь 10—15% американцев поддерживали наращивание военных расходов [2]. Консервативно-милитаристские группировки, правые силы США не могли еще развернуться полностью.

В начале 1975 г. администрация Форда считала, что международное положение США в целом является удовлетворительным. Правительство продолжало придерживаться линии предшествующей республиканской администрации, стремившейся сохранить с минимальными потерями путем приспособления к мировым реальностям глобальные позиции США.

Отношения с СССР оставались в центре политики администрации Форда [3]. Между СССР и США продолжался насыщенный политический диалог. Состоялись встречи Л. И. Брежнева с президентом США в районе Владивостока 23—24 ноября 1974 г., в Хельсинки 30 июля и 2 августа 1975 г.; восемь встреч А. А. Громыко с Г. Киссинджером. На Владивостокской встрече стороны вплотную приблизились к заключению соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), согласовали его основу — принцип равенства и одинаковой безопасности, выразили намерение «продолжать, не теряя темпа, наращивать масштабы и интенсивность совместных усилий по всем направлениям, определенным в ранее подписанных документах, с тем, чтобы процесс улучшения отношений между СССР и США развивался и дальше и чтобы он стал необратимым» [4].

---

[1] Weekly Compilation of Presidential Documents, 1974, 19 Aug., p. 1034.

[2] American Public Opinion and US Foreign Policy, 1975/Ed. by J. E. Rielle. Chicago, 1975.

[3] The Department of State Bulletin, 1976, Apr. 19, p. 514.

[4] Документы и материалы советско-американской встречи во Владивостоке. М., 1974, с. 15.

Продолжался поиск взаимоприемлемых решений по многим аспектам проблемы ослабления военной опасности и разоружения. В марте 1975 г. вступила в силу Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. В мае того же года СССР и США согласованно выступили на Женевской конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия, в августе обе стороны параллельно внесли в Комитет по разоружению в Женеве согласованные проекты Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. Осуществлялись контакты в целях содействия прогрессу общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству, его завершению на высшем уровне. Обсуждались вопросы, связанные с венскими переговорами о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, с урегулированием положения на Ближнем Востоке, проблемой нераспространения ядерного оружия, положением на Кипре.

Договорно-правовая база двустороннего сотрудничества в области науки, техники, культуры была расширена новыми соглашениями, в том числе по морскому судоходству. Летом 1975 г. СССР впервые посетили официальные делегации сената и палаты представителей США.

Яркой демонстрацией научно-технических возможностей СССР и США в подходе к задачам общечеловеческого значения явился совместный космический полет и стыковка кораблей «Союз» и «Аполлон» в июле 1975 г.

Накапливались, однако, и тревожные симптомы. С весны 1975 г. в выступлениях американского руководства участились попытки нажима на СССР.

10 апреля президент Дж. Форд заявил о недопустимости «односторонней разрядки». В конгрессе раздавались призывы к «выравниванию» разрядки, выдвигались абсурдные требования об изменении советской эмиграционной практики в качестве «платы» за предоставление СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле и кредитов по государственной линии. Советская сторона категорически отвергла эти требования. Тем не менее они были закреплены конгрессом в виде поправок Г. Джексона – Ч. Вэника, Э. Стивенсона-младшего к закону о торговле 1974 г. Это мешало нормализации двусторонних торгово-экономических отношений. Тем временем американский военно-промышленный комплекс, правые силы уже выходили на главные рубежи борьбы против разрядки, добиваясь новых усилий США в области гонки вооружений, срыва заключения соглашения ОСВ-2 на основе владивостокской договоренности. Разногласия по этим проблемам внутри политического и военного руководства США обострялись.

В политике США большое место занимала проблема Ближнего Востока. Сказывались последствия нефтяного эмбарго стран ОПЕК. Стоимость американского импорта нефти увеличилась к 1975 г. в 8 с лишним раз по сравнению с 1970 г.[5] Озабоченность Вашингтона вызывало и то, что примеру арабских государств могли последовать страны-поставщики и других видов сырья. «Эти и другие факторы... существен-

[5] A Time to Heal. The Autobiography of Gerald R. Ford. N. Y., 1979, p. 339.

но усиливали глобальные притязания монополистического капитала США, придавали им особо агрессивный характер»[6].

Администрация Форда все активнее вела американскую стратегическую игру на Ближнем и Среднем Востоке, пытаясь укрепиться в арабском мире и Иране, используя Израиль как свой военно-политический форпост. Цель Вашингтона по-прежнему состояла в том, чтобы затягивать урегулирование ближневосточного конфликта и, осуществляя посредничество между Израилем и противостоящими ему арабскими государствами, приблизить последние (в первую очередь Египет) к США. При этом в Вашингтоне учитывали, что новый военный конфликт не только не укрепит, но может даже ослабить позиции США на Ближнем Востоке. Твердая позиция СССР, последовательно выступавшего в защиту интересов арабских народов, вынуждала администрацию Форда сохранять вопросы, связанные с достижением мирного урегулирования в регионе, в повестке дня советско-американского диалога.

Интенсивно продолжалась дипломатия «малых шагов» в целях достижения на двусторонней основе сепаратных сделок между Израилем и арабскими странами по отдельным вопросам. В ходе «челночных» визитов в страны Ближнего Востока весной—летом 1975 г. Киссинджер внушал политическим лидерам Израиля, что США фактически заботятся о том, чтобы за ним сохранились оккупированные арабские территории, и стремятся сделать все; чтобы сорвать разработку всеобъемлющего плана общего урегулирования[7]. В итоге десятого тура «челночной дипломатии» 4 сентября 1975 г. Египет и Израиль подписали «Синайское соглашение» с обязательством Египта не предпринимать военных действий против Израиля. Соглашение фактически выводило Египет из фронта борьбы с израильской агрессией.

10 ноября 1975 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, осуждавшую сионизм как форму расизма. За эту резолюцию голосовало более 70 членов ООН. Произраильская позиция Вашингтона вызывала растущее возмущение в арабском мире. На арабском совещании в верхах в Рабате единственным и законным представителем арабского народа Палестины была признана Организация освобождения Палестины. Это существенно осложнило маневрирование Вашингтона вокруг ближневосточной проблемы в последующие годы.

1975 год ознаменовался важными изменениями в военной и политической обстановке в Юго-Восточной Азии. С марта 1975 г. начался развал проамериканских режимов Южного Вьетнама и Камбоджи. 30 апреля 1975 г. пал Сайгон. Власть на всей территории Южного Вьетнама полностью перешла к Временному революционному правительству. Еще раньше, 17 апреля, капитулировали ставленники США в Пномпене. 2 декабре 1975 г. Лаос был провозглашен народно-демократической республикой. В сентябре 1975 г. совет СЕАТО на сессии в Нью-Йорке принял решение о ликвидации в течение двух лет аппарата этого блока. Правительство Филиппин объявило, что пересматривает свой подход к военному присутствию США на территории страны. В июле 1976 г. американские ВВС эвакуировали последнюю базу на территории Таиланда.

[6] *Громыко А. А.* Внешняя экспансия капитала: История и современность. М., 1982, с. 353.

[7] *Shehan E.* Arabs, Israelis and Kissinger: A Secret History of American Diplomacy in the Middle East. N. Y., 1976, p. 8.

Военное присутствие США на континентальной части Юго-Восточной Азии — одном из важных плацдармов американской гегемонистской политики в послевоенный период — подходило к концу.

Финал многолетнего конфликта в Индокитае со всей очевидностью показал, что любые попытки диктовать, а тем более силой оружия навязывать свою волю другим народам несостоятельны и в конечном счете обречены на провал. Сорвалась самая крупная за послевоенный период военная попытка США навязать свою волю социализму, силам национального освобождения. Администрация Форда оказалась перед лицом быстрого ослабления позиций США в Азии, развала их военно-блоковой системы в Юго-Восточной Азии, повсеместного роста в этом регионе антиамериканских настроений.

Тем временем на юге Европы также развивалась новая для США военно-политическая ситуация. Еще 14 августа 1975 г. Греция заявила о выходе из военной организации НАТО. Под вопросом оказалось американское военное присутствие в этой стране. Резко усугублялись трудности, которые Вашингтон уже испытывал на южном фланге НАТО после апрельской (1974 г.) революции в Португалии и вспышкой конфликта между Грецией и Турцией в связи с турецкой оккупацией части территории Кипра. В ответ на решение конгресса прекратить военную помощь Турции в связи с кипрскими событиями Анкара расторгла военное соглашение с США.

Большую тревогу в американских правящих кругах вызвали июньские муниципальные выборы (1975) в Италии, когда коммунисты почти сравнялись по числу сторонников с ведущей буржуазной партией — демохристианами [8]. В сентябре того же года истек срок соглашения о военном сотрудничестве США с Испанией; судьба американских военных баз на ее территории также становилась неясной. Со смертью Франко в ноябре 1975 г. Вашингтон лишался определенности в отношении своих позиций в этой стране.

Со второй половины 1975 г. наглядно выявилось и то, что США не в силах помешать подъему национально-освободительной борьбы в Африке, прежде всего в Анголе. Прибегать здесь к открытому вмешательству администрация Форда опасалась и делала ставку на «скрытые методы» борьбы против революционно-патриотических сил во главе с А. Нето. В дополнение к десяткам миллионов долларов, которые были затрачены ЦРУ на подрывную деятельность в этой стране ранее, в январе и июле 1975 г. контрреволюционным группировкам в Анголе были предоставлены дополнительные средства. Предпринимались усилия к тому, чтобы подавить революционное движение в Анголе посредством контрреволюционной интервенции. 14 октября в Анголу с территории Намибии вторглись войска расистов ЮАР, продвинувшиеся к Луанде. В этой критической обстановке лидер ангольских патриотов А. Нето обратился к социалистической Кубе с просьбой о военной помощи. Сопротивление ангольцев, поддержанное дружественными интернациональными силами, позволило переломить обстановку и остановить войска ЮАР, создать условия для их изгнания из Анголы. 11 ноября 1975 г. была провозглашена независимость Анголы.

---

[8] *Комолова Н. П.* Гибель Альдо Моро.— Новая и новейшая история, 1981, № 3, с. 153.

Ухудшение позиций американского империализма в Индокитае, на «южном фланге» НАТО, в Африке, резкое обострение внешнеэкономических проблем в связи с «нефтяным кризисом» существенно меняли картину международного положения США, казавшегося ранее достаточно благополучным для правящих кругов страны. Обозначилась, по существу, новая полоса кризиса гегемонистской политики Вашингтона. Это имело принципиальное значение как для оценки в США итогов внешнеполитического курса республиканцев с конца 60-х годов, так и для дальнейшей эволюции американской политики, ее отхода от разрядки во второй половине 70-х годов.

Корни новой кризисной полосы для политики США уходили прежде всего в поражение в Индокитае. Ликвидация режимов американских марионеток сама по себе являлась весьма болезненным ударом для Вашингтона. Были окончательно перечеркнуты усилия пяти администраций, которые два десятилетия добивались закрепления военно-политического плацдарма США на Юго-Востоке Азии. В борьбе за этот плацдарм оказались исчерпанными все приемлемые для Вашингтона средства — и массированное военное вмешательство с привлечением свыше полумиллиона вооруженных сил США, и сочетание силового нажима и политического маневрирования, и опора на политические методы и военную помощь для обеспечения американских интересов после 1973 г. По объему затраченных усилий борьба за плацдарм в Юго-Восточной Азии занимает уникальное место в послевоенной политике Вашингтона. Теперь же эти усилия шли прахом.

Вместе с тем проблема борьбы за Юго-Восточную Азию никогда не была локальной для американского империализма. С самого начала в Вашингтоне убеждали себя в том, что эта борьба неотделима от общего контекста гегемонистской политики США и, более того, служит проверкой способности США обеспечивать всю глобальную систему их международных обязательств. Такие представления и определяли практический подход к этому региону основной части правящих кругов США в 60—70-е годы, служили ориентиром для политики республиканцев. «Поражения нельзя допустить в принципе,— внушал Р. Никсон своему ближайшему окружению, например, в марте 1972 г.— Если это произойдет, будет уничтожена внешняя политика США» [9]. Американская элита поддерживала политику Никсона—Форда—Киссинджера во многом в расчете на то, что они сумеют найти такое решение в Юго-Восточной Азии, которое исключало бы военное поражение США. Однако выявилось, что не сумели. «Внешнеполитическая иерархия США, руководившая политикой страны после второй мировой войны, испытывала нечто вроде потери самообладания после грандиозного поражения во Вьетнаме»,— признал впоследствии Г. Киссинджер [10].

Опасения того, что это поражение в Индокитае может повлечь за собой цепную реакцию подрыва позиций империализма США в глобальном масштабе, поставить под сомнение их роль в качестве лидера капиталистического мира, охватили правящие круги США с новой силой после весны 1975 г. Нарастало тревожное, напряженное ожидание — как бы не произошло худшего. В таких условиях все происходящее на «южном

[9] *Nixon R.* Memoirs. N. Y., 1978, p. 588.
[10] International Herald Tribune, 1978, May 31.

фланге» НАТО воспринималось в Вашингтоне именно как подтверждение худшего. События между тем развивались быстро.

Администрация Форда, лично Г. Киссинджер всячески старались скрыть тревогу, приуменьшить значение происходящего. Они понимали — речь идет об эффективности их международного курса в целом, поэтому столь важно поддерживать оптимизм, сдерживать волну критики. «Возникли сомнения в отношении нашей мощи и стабильности во внешних делах,— признавал в мемуарах Дж. Форд, вспоминая лето 1975 г.— ...Руководители стран НАТО упорно добивались от нас ответа — не возобладает ли у США новый изоляционистский настрой, будем ли мы соблюдать свои международные обязательства» [11].

Кризис гегемонистской политики США означал ослабление империалистических позиций США сразу по нескольким направлениям, причем на коротком историческом отрезке. Его особенности заключались также в том, что для внешней политики США это был первый кризис, происшедший в условиях развития процесса разрядки. Вот почему в сознании правящих кругов страны политической жертвой кризисной полосы 1975 г. становилась именно разрядка. В США все больше укреплялись во мнении, что развитие событий требует активизации силовой политики в целях укрепления международных позиций американского империализма. Процесс переосмысливания подхода к мировым делам растянулся в Вашингтоне на вторую половину 70-х годов.

В 1975—1976 гг. в США развернулась острая внешнеполитическая дискуссия. Все больше активизировались сторонники жесткого курса в отношении СССР, наращивания вооружений. Значительно возросла активность военно-промышленного комплекса, его представителей в обеих главных политических партиях, сионистских кругов и других реакционных группировок — всех сторонников возврата к ставке на силу, слома в пользу США сложившегося военно-стратегического равновесия в мире. С особым ожесточением они сопротивлялись завершению Общеевропейского совещания в Хельсинки, где 35 государств Европы, а также США и Канада готовились подтвердить незыблемость принципа невмешательства во внутренние дела других государств и нерушимость их территориальной целостности. Милитаристские группировки США выступали и против соглашения об ОСВ-2 на основе владивостокской договоренности. Политическую инициативу в борьбе против политики разрядки все энергичнее брали в свои руки сторонники курса на достижение военного превосходства США: П. Нитце, Ю. Ростоу, Г. Фаулер, Т. Мурер, Л. Лемнитцер и др. В ноябре 1976 г. они образовали «Комитет по существующей опасности», создав широкую коалицию правых сил [12].

Больше всего сторонников опоры на силу тревожила перспектива закрепления и дальнейшего развития политической разрядки, дополнения ее разрядкой военной, реализация обозначившихся возможностей закрепления стратегического паритета и снижения уровня военного противостояния СССР и США, Организации Варшавского Договора и НАТО на основе принципа равенства и одинаковой безопасности. Борьба за то, чтобы затормозить политическую разрядку, предотвратить развитие военной разрядки, облегчить США переход к новому этапу гонки воору-

[11] A Time to Heal, p. 285—288.

[12] Common Sense and Common Danger. Committee on the Present Danger, Nov. 1976.

жений, составила существо усилий консервативно-милитаристских сил на данном этапе. Ради обоснования необходимости перехода к новому этапу гонки вооружений и ужесточения внешнеполитического курса Вашингтона правые силы США все активнее раздували миф о «советской военной угрозе», выдвинув тезис о «кризисе американской безопасности»[13].

Военная мощь США продолжала возрастать. В стратегической области завершался процесс модернизации ракетно-ядерного потенциала: количество ядерных боеголовок США в 1970—1975 гг. увеличилось в 4,3 раза[14]. «Доктрина Шлесинджера», выдвинутая в начале 1974 г., ставила задачу создания потенциала для «избирательных» ядерных ударов по военным и экономическим объектам СССР. Это прокладывало путь к усилению агрессивности американской ядерной стратегии[15]. Военная машина США никогда не прекращала попытки нарушить советско-американский стратегический паритет.

Находясь под сильным воздействием «вьетнамского синдрома» и учитывая острую антипатию большинства населения страны к военно-политическим авантюрам за рубежом, правительство Форда не отказывалось от использования невоенных методов борьбы за империалистические интересы США. Опросы населения в США выявляли активное сопротивление американцев самой идее военного вмешательства, использования американской вооруженной силы в тех районах мира, где Вашингтон имел те или иные военно-политические обязательства. Настрой в пользу разрядки, преобладавший в общественном мнении самих США и в странах Западной Европы, способствовал тому, что 1 августа 1975 г. в Хельсинки президент Форд подписал Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Содержание американской политики с весны 1975 г. определялось в основном попытками предотвратить дальнейшее ослабление империалистических позиций США в Европе, Азии и Африке, в отношениях с развивающимися странами. Реакция Белого дома на агонию проамериканских режимов в Юго-Восточной Азии нашла отражение в планах оказать срочную военную помощь Южному Вьетнаму в размере 1 млрд. долл. Но конгресс не торопился с утверждением ассигнований. Стремясь добиться выделения требуемых сумм, президент встретился с сенатской комиссией по иностранным делам. Сенаторы в один голос высказались: «Надо уходить — и как можно скорее»[16]. 28 апреля 1975 г. президент отдал приказ о полной эвакуации американского персонала из Южного Вьетнама. Однако последующие шаги стали подтверждением решимости США «остаться» в Азии, закрепить американское военно-политическое присутствие в Северо-Восточной Азии. Еще в феврале 1975 г. Пентагон публично объявил, что район вокруг Японии и Южной Кореи является для США зоной, равноценной зоне НАТО. В июле-августе была достигнута договоренность о создании американо-японского Комитета по сотрудничеству в области обороны. В августе США официально подтвердили свои ядерные гарантии Японии. И все же Вашингтону пришлось

[13] Подробнее см.: *Арбатов А.* Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980, с. 230—234.
[14] US Congress, House of Representatives, Hearings before the Subcommittee on International Relations and Scientific Affairs. Wash., 1975, p. 9—14.
[15] *Арбатов А.* Указ. соч., с. 180—196.
[16] A Time to Heal, p. 255.

смириться с роспуском СЕАТО. США не смогли воспрепятствовать и требованиям Таиланда о ликвидации американских военных баз на его территории.

7 декабря 1975 г., выступая в Гонолулу, Форд систематизировал в так называемой «тихоокеанской доктрине» основные задачи политики США в данном регионе. Принципиально нового в доктрине ничего не было, но в этом и состояла ее суть. Администрация Форда подчеркивала, что она рассчитывает на закрепление сложившегося статус-кво. «Равновесие сил в Тихоокеанском бассейне,— отметил Форд,— является абсолютно необходимым для США и других стран этого региона»[17]. Шесть тезисов доктрины подтверждали намерение Вашингтона сохранять империалистическое присутствие США в Азии путем «сохранения мощи США», «стратегической опоры на Японию», «нормализации отношений с КНР», «заинтересованности в стабильности и безопасности Юго-Восточной Азии», «урегулирования крупных политических конфликтов» (имелся в виду прежде всего «корейский вопрос»), «развития структуры экономического сотрудничества в Азии»[18].

Пытаясь разрядить «аварийную» обстановку на «южном фланге» НАТО, Вашингтон привел в движение всю систему своих союзнических связей в Западной Европе. Американцы стремились добиться координации усилий для противодействия тенденциям, наметившимся в политике ряда стран на юге Европы. Осуществлялся массированный политический нажим на Португалию и Италию, раздувалась обстановка нетерпимости к левым силам в этих странах. Г. Киссинджер следующим образом ориентировал американских дипломатов в странах НАТО: «Укрепление коммунистических партий на Западе неприемлемо. Весомое участие коммунистов в правительствах Запада подорвет основы нашей атлантической безопасности... Если это произойдет, то станет поворотным пунктом во всех межатлантических отношениях»[19]. Дипломатия США в «треугольнике» Анкара—Вашингтон—Афины в основном сводилась к поиску компромиссных условий сохранения военно-союзнических связей с Турцией и Грецией[20].

Модернизацию политики США в отношении развивающихся стран администрация Форда повела в русле частичного учета их требований о демократизации международных экономических отношений. В сентябре 1975 г. на VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН Соединенные Штаты выступили с планом мероприятий в международной экономической области. «Модернизация», однако, оказалась поверхностной. Политической основой подхода США стала идея «взаимозависимости» интересов капиталистических и развивающихся государств. Фактически речь шла о том, чтобы подорвать консолидацию развивающихся стран на антиимпериалистической основе. США не давали удовлетворительного ответа на главные требования развивающихся стран, в частности откло-

---

[17] American Foreign Relations, 1975: A Documentary Record/Ed. by A. Adams, R. Stebbins. N. Y., 1976, p. 548.

[18] Подробнее см.: Политика США в Азии. М., 1977; Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы: В 2-х т./Отв. ред. Е. М. Жуков. М., 1978. Т. 2; США и проблемы Тихого океана: Международно-политические аспекты. М., 1979.

[19] American Foreign Relations, 1975, p. 562—564.

[20] Подробнее о политике США в Европе см.: *Давыдов В. Ф., Оберемко Т. В., Уткин А. И.* США и западноевропейские центры силы. М., 1978.

няли предложения установить взаимосвязь между динамикой цен на сырье и ростом цен на товары капиталистических государств, уклонялись от комплексных решений проблемы сырьевой торговли.

В Африке США стремились укрепить свои позиции после событий в Анголе. Усиливалась борьба черного большинства населения Зимбабве (Родезии) за передачу ему всей полноты государственной власти, росло движение за национальное освобождение народа Намибии во главе со СВАПО, нарастало сопротивление режиму апартеида в ЮАР. Вместе с тем прямая конфронтация с национально-освободительным движением мешала попыткам Вашингтона наладить диалог с развивающимися странами. В речи государственного секретаря США 27 апреля 1976 г. в Лусаке провозглашалась «общность» экономических и политических интересов США и стран Африки. Выступая перед сенатской комиссией по иностранным делам 13 мая 1976 г., Киссинджер призывал к «мирной политической эволюции» на континенте [21]. Африканским странам предлагалось экономическое сотрудничество, но при условии отказа от антиимпериалистических тенденций в их политике. Форд пытался привести африканскую политику США в соответствие с общими установками «доктрины Никсона»: администрация США стремилась развивать сотрудничество с партнерами по НАТО, координируя с ними свою политику в Африке [22].

В феврале и июне 1976 г. состоялись поездки государственного секретаря Г. Киссинджера по латиноамериканским странам, в ходе которых он рекламировал «готовность» США считаться с растущей ролью стран региона в международных делах [23]. В реальности, однако, Вашингтон не намеревался отказаться от гегемонистских целей в странах Центральной и Южной Америки. Американо-панамские переговоры относительно статуса Панамского канала явно тормозились, а к концу 1976 г. и вовсе заглохли в силу нежелания администрации США вести дело к договоренности. Правое крыло республиканцев во главе с Р. Рейганом использовало данный вопрос в предвыборной борьбе для разжигания в стране шовинистических настроений. Заморожена была и нормализация отношений с Кубой, при этом администрация ссылалась на «недопустимость» ее помощи Анголе. В условиях роста массового протеста против засилья США, особенно усилившегося в связи с участием США в контрреволюционном перевороте в Чили, дипломатия Белого дома пыталась представить Вашингтон борцом за права человека в регионе и выдвигала на первый план не политические, а торгово-экономические проблемы в отношениях со странами Латинской Америки [24].

С конца 1975 г. на внешнюю политику США начало влиять приближение предстоящих президентских выборов. Правые силы в обеих ведущих партиях сконцентрировали усилия на критике политики разрядки,

---

[21] Department of State Press Release. The United States in Africa. Statement of Secretary of State Kissinger before the Committee on Foreign Relations, May 13, 1976. Wash., 1976.

[22] Подробнее см.: *Громыко Анат. А.* Африка: трудности, проблемы, перспективы. М., 1981.

[23] American Foreign Relations, 1976: A Documentary Record/Ed. by E. Adam. N. Y., 1978, p. 64, 67.

[24] Подробнее см.: Межгосударственные отношения в Латинской Америке. М., 1977; *Вишня Г. Ф.* Латинская Америка: внешнеполитические отношения в современных условиях, 1968—1976. М., 1978.

тех внешнеполитических установок, которые так или иначе были связаны с приспособлением к мировым реальностям. Ярость правых вызывала сама идея поисков, компромиссов, достижения взаимовыгодных соглашений с СССР. Тем не менее, за исключением Рейгана, основные претенденты на президентское кресло не предлагали принципиально нового курса. На это еще летом 1975 г. обратил внимание Г. Киссинджер: «Пусть те, кто рекомендует нам жесткую риторику, прямо скажут, что именно они предлагают делать? В чем конкретно суть их альтернативы? На каком уровне они готовы поддерживать увеличение расходов на оборону, на протяжении какого периода времени и ради какой цели? Не призывают ли они к проведению политики сознательного противоборства? Сможем ли мы заручиться у любого из наших ведущих союзников поддержкой такой радикальной альтернативы? И прежде всего мы должны признать, что многие наши трудности за границей созданы нами самими» [25].

И все же под нажимом правых в предвыборную платформу республиканской партии были включены такие тезисы, как «военная сила есть путь к миру», «безопасность Америки, мир и свобода в мире должны опираться на нашу превосходящую силу» и т. д. [26]

Во внешней, и особенно военной, политике Вашингтона происходило смещение вправо. Политическое руководство США все активнее поддерживало милитаристскую шумиху о «кризисе американской безопасности». Несостоятельность этого тезиса была очевидной, поскольку сама администрация оценивала мировой военный баланс как «приемлемое равновесие сил», признавая, что «нынешний состав вооруженных сил США адекватно соответствует поставленным перед США задачам» [27]. Искусственное раздувание «кризиса американской безопасности» использовалось для обоснования курса на наращивание военной мощи, слом военно-стратегического паритета, на использование военной силы в качестве средства глобального внешнеполитического шантажа.

В 1976—начале 1977 г. правительство США предложило программу форсированной гонки вооружений, разовое увеличение бюджетных ассигнований на военные нужды на 1977/78 финансовый год в размере 6% реального роста (в постоянных ценах), ежегодное увеличение на 3% (в постоянных ценах) на последующий период до 1982 финансового года [28]. Впоследствии помощник президента Рейгана по национальной безопасности Р. Аллен подтвердил, что выполнение военной программы Дж. Форда обеспечивало бы США «систематическое и мощное усиление вооружений» [29], чего, собственно, и добивались американские правые.

Вместе с тем администрация Форда, учитывая реальные выгоды разрядки для США, не отказывалась полностью от этой политики. До конца была доведена выработка Договора между СССР и США о подземных ядерных взрывах в мирных целях, подписанного в мае 1976 г. в Вашингтоне и Москве. США не спешили с ратификацией Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия 1974 г., однако весной

---

[25] The Department of State Bulletin, 1975, Sept. 15, p. 393.
[26] Republican Convention. Text of 1976 Republican Platform. Congressional Quarterly, 1976, Aug. 21. Wash., 1976, p. 2303—2307.
[27] The Budget of the United States Government. FY 1977. Wash., 1976, p. 62.
[28] Setting National Priorities. The 1978 Budget. Wash., 1977, p. 98.
[29] Die Zeit, 1981, 11. Sept.

1976 г. стороны достигли согласия в том, что будут соблюдать порог в 150 килотонн [30]. В мае 1976 г. после обмена ратификационными грамотами вступил в силу подписанный в 1974 г. Протокол к заключенному между СССР и США Договору об ограничении систем противоракетной обороны (1972), обязывающий каждую сторону ограничиться одним комплексом системы ПРО вместо двух, как это предусматривалось в основном тексте договора. Но на заключение договора ОСВ-2 Дж. Форд так и не решился пойти. После поражения на выборах он признавал, что упустил «исторический шанс» [31].

Растущая податливость администрации Форда давлению со стороны консервативно-милитаристских сил мешала дальнейшему развитию отношений с СССР. Ниже стала их практическая отдача и в двустороннем плане, и с точки зрения конструктивного воздействия на развитие всей международной обстановки. Вашингтон пытался оказать нажим на СССР и заставить его отказаться от традиционной политики поддержки национально-освободительной борьбы народов. Развитие советско-американских отношений ставилось даже в прямую зависимость от прекращения помощи Советского Союза национально-патриотическим силам Анголы. Растущее раздражение правых сил вызывал провал надежд на использование разрядки для подрыва авторитета СССР среди развивающихся стран. По мере приближения выборов Дж. Форд и Г. Киссинджер все чаще подчеркивали намерение «жестко» вести дела с СССР, трактуя советско-американские отношения как «арену противоборства». В политическом мышлении американских верхов на передний план выдвигалась задача активизации борьбы за мировую гегемонию США [32].

2. КУРСОМ ВОЗВРАТА К ПОЛИТИКЕ КОНФРОНТАЦИИ

Демократы вернулись к власти, когда международные отношения подходили к этапу глубокой конструктивной перестройки. В центр международной жизни выдвигалась необходимость военной разрядки, углубления политической разрядки, поворота к снижению уровня военного противостояния и практическим мерам по ограничению гонки вооружений и разоружению по ряду направлений, прежде всего в области стратегических вооружений СССР и США, осуществления принятой в Хельсинки программы сотрудничества и укрепления безопасности в Европе, перестройки международных экономических отношений на принципах равноправия и т. д. Имелись большие потенциальные возможности и для прогресса в советско-американских отношениях. Да и в самих США преобладало отрицательное отношение большинства населения к милитаризму и интервенционизму.

Общественное мнение было убеждено в преимуществах политики разрядки [33], за нее в 1976—1978 гг. выступало до $^{3}/_{4}$ населения США.

---

[30] *Петросьянц А.* Положить конец испытаниям ядерного оружия.— Правда, 1983, 13 апр.

[31] *Мельников Ю. М.* Имперская политика США: истоки и современность. М., 1984, с. 82; см. также: US News and World Report, 1977, Jan. 3, p. 11.

[32] *Овинников Р. С.* Уолл-стрит и внешняя политика. М., 1980; *Петровский В. Ф.* Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М., 1980.

[33] Foreign Policy 1979, Spring, p. 79.

Более 70% американцев были за то, чтобы СССР и США вели совместные поиски «сфер сотрудничества и согласия», в особенности по ОСВ-2. В умеренно-либеральных кругах достаточно четко проявлялось понимание опасности бесконтрольной гонки вооружений. К дальнейшему развитию отношений с СССР проявляли немалый интерес деловые круги страны [34]. «Это новый мир,— говорил о международных отношениях президент Дж. Картер.— Весь мир переживает сейчас процесс глубочайшего, быстрого преобразования» [35]. Налицо было определенное замешательство правящих кругов США перед глубокими переменами в международных отношениях и внутри страны. С реальностями приходилось считаться хотя бы на словах.

В широком плане к началу президентства Дж. Картера американские верхи стояли перед дилеммой. Решиться ли на углубление политической разрядки и ее дополнение разрядкой военной? Идти по этому пути настойчиво призывал СССР. Другой путь вел к отказу от возобладавших ранее трезвых представлений о расстановке сил в мире, к активизации открытой силовой борьбы за гегемонистские цели — к линии на срыв разрядки.

В правящих кругах США все больше отдавали предпочтение второму пути. Факты показывали, что в американской верхушке усиливалось стремление преодолеть ограничения на политику агрессии, диктата и военного шантажа, которые объективно устанавливал процесс разрядки с его принципами равенства, невмешательства во внутренние дела, сотрудничества на основе взаимной выгоды.

Была и другая важная тенденция. В США нарастали представления, что «худшие» для Америки времена остаются позади. Многим казалось, что подходит к концу затяжная полоса внутренних и внешних потрясений, уходят в прошлое война во Вьетнаме, массовое антивоенное движение, длительный кризис президентской власти — «уотергейт», экономические трудности. Иными словами, настрой правящих кругов США определяло сочетание глубокого беспокойства в связи с перспективой дальнейшего ограничения гегемонистских притязаний США в условиях углубления разрядки и вместе с тем растущей самоуверенности, убежденности в том, что дела можно «поправить» на путях «решительного и твердого» укрепления мировых позиций США. Этот настрой начинали разделять и умеренно-либеральные круги. В американских верхах усиливалась тяга к политике, нацеленной на пересмотр мировых реальностей в пользу США и Запада в целом. Первая мощная волна таких настроений прошла через внешнюю и особенно военную политику Дж. Форда в конце его президентства. Тот же настрой определил и внутренние условия международной деятельности новой администрации.

Прибегая к риторике в пользу разрядки, пришедшие к власти представители демократической партии не скрывали, что им не подходит политика, которая содействует стабилизации международных отношений и опирается на «равновесие сил», прежде всего между СССР и США [36]. Главным фактором, препятствовавшим борьбе США за гегемонию, мно-

---

[34] Public Opinion, 1978. July-Aug., p. 24. *Петровская М. М.* США: политика сквозь призму опросов. М., 1982, с. 202.

[35] American Foreign Relations, 1977: A Documentary Record/Ed. by E. Adam. N. Y., 1979, p. 178.

[36] American Foreign Relations, 1976, p. 506—508.

гие видные деятели новой администрации открыто считали СССР и социалистическое содружество. Но на первых порах они не заняли жесткой линии, на чем настаивали правые силы. Администрация Картера формально признавала наличие советско-американского стратегического паритета. Особую озабоченность вызывало у нее ослабление мировой экономической роли США, усиление позиций их империалистических соперников [37]. Вашингтон весьма тревожила перспектива укрепления независимости развивающихся стран, осложнявшая для Запада доступ к сырьевым ресурсам. Как неотъемлемый элемент «национальной безопасности» США рассматривалась проблема импорта энергоресурсов [38].

Отношение к разрядке у пришедших к власти кругов, особенно на первых порах, не было одинаковым. Сторонники умеренного направления (С. Вэнс, П. Уорнке, Э. Янг, М. Шульман) считались с выгодами, которые несла разрядка самим США, особенно в сфере безопасности. Под их влиянием президент заявлял об опасности и бесперспективности бесконтрольной гонки вооружений, подтверждал наличие «множества совпадающих интересов» у США и СССР [39]. Умеренная группировка в администрации исходила из того, что США смогут изменить реальности, сложившиеся в мире, эволюционным путем и без резкого отхода от разрядки. Идея постепенного наращивания наступательных тенденций во внешней политике на тех или иных направлениях была смысловым ядром практических установок администрации Дж. Картера вплоть до ее поворота вправо в 1979—1980 гг., когда поддерживающее его крыло демократов окончательно перешло на платформу консервативно-милитаристских сил.

Администрация выдвигала на первый план задачу налаживания под эгидой США межимпериалистического сотрудничества, особенно в области экономики, активизации военно-политических связей США с НАТО и Японией. Такой подход в значительной мере явился развитием, хотя и в более активном плане, установок «партнерства», выдвинутых предшественниками Дж. Картера. На второе место в приоритетах Вашингтона ставилось усиление империалистического влияния на развивающиеся государства (Египет, Саудовская Аравия, Нигерия, Бразилия, Иран) и укрепление американских позиций в стратегически и экономически важных регионах.

На основе широкой мобилизации ресурсов империалистической системы, объединяя «Запад» и «Юг» против СССР и социалистического содружества, имелось в виду усиливать давление по линии «Запад—Восток». В той мере, в которой этой стратегии мешала позитивная база отношений СССР и США с ее принципами равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды, администрация Дж. Картера собиралась «освобождаться» от нее. Наиболее активно этот подход продвигала в

---

[37] В 1977 г. доля США в промышленном производстве несоциалистического мира уступала совокупной доле стран Западной Европы и Японии почти на 7% (Мировая экономика и междунар. отношения, 1978, № 8, с. 154). Экспорт США в 1957—1977 гг. увеличивался в 2 раза медленнее, чем экспорт других стран Запада (Industry Week, vol. 199, N 42, p. 31). Темпы роста производительности труда в США были в 4 раза ниже японских, в 3 раза ниже западногерманских. См.: *Курьеров В. Г.* Внешнеторговая стратегия США. М., 1980, с. 119.

[38] К 1977 г. доля импорта нефти во внутреннем потреблении США увеличилась почти в 4 раза по сравнению с 1973 г. См.: США — экономика, политика, идеология, 1981, № 2, с. 20.

[39] American Foreign Relations, 1977, p. 193.

администрации группировка З. Бжезинского в Совете национальной безопасности.

Основные решения и мероприятия демократов в начальный период пребывания у власти показывали, что новая администрация не только унаследовала многие негативные тенденции в политике предшественников, но и готова идти дальше. Свой международный курс Картер начал с попыток обновить политико-идеологический багаж внешней политики, развернуть борьбу за «моральное лидерство» США под флагом кампании в «защиту прав человека». Эти усилия, нацеленные прежде всего против СССР и социалистического содружества, приняли характер настоящей «психологической войны» против социализма. Демократы приняли программу форсированного наращивания вооружений, оставленную им республиканцами.

В отношениях с союзниками по НАТО правительство Картера продолжало усилия по активизации блока. В мае 1977 г. сессия Совета НАТО по инициативе США приняла решение о том, чтобы вклад каждого члена блока в натовские программы военного строительства ежегодно увеличивался на 3% (в постоянных ценах). Была принята так называемая «краткосрочная программа повышения боеготовности войск НАТО», ускорялась подготовка «долгосрочной программы». На сессии Дж. Картер впервые поставил вопрос о «модернизации» американских ядерных средств средней дальности в Западной Европе. Давался толчок событиям, которые завершились в конце 1979 г. принятием НАТО решения относительно размещения в Европе ракет «Першинг-2» и крылатых ракет.

На встрече руководителей ведущих капиталистических стран Запада в Лондоне (май 1977 г.) Соединенные Штаты выдвинули идею «трех локомотивов». «Сейчас особенно важно, чтобы США, ФРГ и Япония предприняли совместные меры к обеспечению быстрого экономического роста и контроля над инфляцией»,— пояснял ее министр финансов США М. Блюменталь[40]. От Токио и Бонна требовалось также «добровольно» сокращать актив торгового баланса к односторонней выгоде США. В области отношений с развивающимися странами на многосторонней основе в рамках диалога «Север—Юг» на Конференции по международному экономическому сотрудничеству в Париже (май-июнь 1977 г.) Вашингтон ясно продемонстрировал, что его реальная позиция далека от обещанного «конструктивного подхода». В политике США не было реалистических сдвигов ни по одному из основных элементов сырьевой проблемы, наиболее интересующей развивающиеся страны. Как и предшественники, демократы видели в диалоге главным образом способ облегчить США доступ к энергоресурсам этих стран[41].

Летом 1977 г. последовали крупные военные решения администрации. Санкционировалось оснащение основной ударной силы наземного стратегического потенциала США — ракет «Минитмен-3» разделяющимися головными частями индивидуального наведения типа «Марк-12 А» с боеголовками повышенной точности и мощности. Дж. Картер дал указание о производстве крылатых ракет большой дальности, оснащенных ядерными боеголовками. Модернизацию стратегической авиации президент счел

[40] US Congress, House of Representatives. Conduct of Monetary Policy, Hearings before the Committee on Banking, Finance and Urban Affairs. Wash. (D. C.), 1977, p. 9.

[41] *Курьеров В. Г.* Указ. соч., с. 121.

нецелесообразной, отказавшись от серийного производства бомбардировщика Б-1: крылатые ракеты считались гораздо дешевле. Дж. Картер высказался за производство нейтронного оружия. В целом развитие структуры стратегических наступательных вооружений США продолжалось по схеме, намеченной еще республиканцами. Кроме того, военное руководство США вновь стало говорить о возможности «ограниченного» ядерного конфликта [42].

В июле-августе 1977 г. руководство США конкретизировало свою политику в области отношений с СССР, разрядки и «национальной безопасности» в президентском меморандуме № 10. Долговременные установки и решения, вытекавшие из меморандума, излагались в президентской директиве № 18, в основу которой была положена весьма завышенная оценка возможностей США и Запада. Подчеркивались «огромные преимущества» США во всех областях (исключая военную, где констатировалось наличие примерного паритета). Ставилась задача всемерно использовать эти «преимущества» в советско-американских отношениях по формуле «соперничества и сотрудничества». Обе части этой формулы означали ужесточение политики США. «Соперничество» было направлено на то, чтобы ухудшить международное положение СССР и его союзников путем наращивания политического нажима, усиления военной мощи США, систематических политико-идеологических диверсий. «Сотрудничество» же мыслилось на условиях Вашингтона, хотя переговоры с СССР в области мер, относящихся к ослаблению военной опасности, не исключались.

В соответствии с директивой № 18 устанавливалось ежегодное 3%-ное увеличение военного бюджета [43]. Гонку стратегических вооружений предполагалось вести преимущественно на качественной основе, обеспечивая военно-технический задел для потенциального резкого рывка. Принималась установка на активизацию усилий США и НАТО в Европе в области количественной и качественной гонки вооружений. На первом этапе имелось в виду наращивать обычные вооружения. Впервые со времен вьетнамской войны в США брались и за наращивание специального военного потенциала для интервенций в зоне развивающихся стран — предполагалось создать мобильные силы, способные к быстрому развертыванию, для операций на Ближнем Востоке, в районе Персидского залива, в Азии.

Таким образом, внешняя политика Дж. Картера уже в начальный период пребывания у власти во многом закладывала основу для резкого поворота вправо. Весной—летом 1978 г. шаги в этом направлении были продолжены. В июне 1978 г. в речи в Аннаполисе Дж. Картер открыто поставил вопрос о возможности перехода США к политике конфронтации [44]. Тогда же он объявил о создании «сил быстрого развертывания». Выступления президента обретали все более агрессивный характер. Четко обозначилось и стремление Вашингтона объявлять различные

[42] «Задачи стратегических вооружений США, — заявил 18 сентября 1977 г. министр обороны Г. Браун, — должны подразумевать способность... реализовать ряд вариантов на выборочной основе, с тем чтобы контролировать эскалацию, по возможности ограничить ущерб и завершить обмен ударами на максимально выгодных условиях» (New York Times, 1977, Sept. 19).

[43] *Катасонов Ю. В.* США: военная политика и бюджет. М., 1984, с. 83.

[44] American Foreign Relations, 1978: A Documentary Record/Ed. by E. Adam. N. Y., 1979, p. 209.

районы мира, находившиеся в непосредственной близости от СССР, «сферами жизненных интересов» США [45]. В бюджете делался упор на усиление гонки вооружений через механизм НАТО. Ассигнования на эти цели увеличивались на 4,5% (в постоянных ценах) [46].

В мае 1978 г., когда в Нью-Йорке шла работа первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, администрация Дж. Картера на сессии Совета НАТО в Вашингтоне демонстративно навязывала союзникам обязательство наращивать военные расходы на 3% в год (в постоянных ценах) [47]. Была принята так называемая «долгосрочная оборонная программа НАТО» на 1979—1993 гг. В ближайшие годы предполагалось поставить в войска стран НАТО около 8 тыс. американских танков и бронемашин, более чем на 30% увеличить насыщенность артиллерией. Ускорялась подготовка военно-технической базы для переброски в случае «чрезвычайных обстоятельств» 150 тыс. войск США в Западную Европу, трехкратного увеличения числа американских военных самолетов и т. д. На сессии Совета НАТО в мае 1978 г. была также в принципе согласована задача развертывания в Западной Европе нового американского ракетно-ядерного оружия средней дальности [48].

Нежелание содействовать усилиям по обеспечению военной разрядки администрация пыталась прикрыть показным «радикализмом», всячески подчеркивая «активность» США на переговорах, относящихся к разоружению [49]. В Вашингтоне усиливалась борьба между сторонниками нажима на СССР (группа Бжезинского) и приверженцами более гибкого подхода. О своей же позиции Дж. Картер впоследствии писал так: «Сочетание усилий по решению региональных проблем путем переговоров и заявлений о безоговорочной приверженности контролю над ядерными вооружениями с неброским, последовательным и хорошо спланированным наращиванием нашего военного потенциала» [50].

Личные качества Дж. Картера сказывались на дипломатии Вашингтона. Из ряда его заявлений следовало, что президент США не чужд пониманию практических преимуществ укрепления американской национальной безопасности путем поисков договоренности с СССР. Но преодолеть дистанцию, отделявшую декларации от дела, Дж. Картер зачастую не хотел или не мог. В мемуарах бывший президент подтверждает, например, что завершение разработки договоренностей ОСВ-2 было связано с его «пониманием нежелания Объединенного комитета начальников штабов поддержать эти договоренности». Равным образом его сдерживала и решимость большинства республиканской оппозиции в сенате сорвать ратификацию ОСВ-2 [51].

Зигзаги Белого дома приводили к тому, что советско-американские отношения принимали все более неровный характер. Настойчивые попытки США добиться от СССР односторонних уступок в различных областях встречали твердый отпор советской дипломатии. Благодаря последовательной линии СССР на конструктивные отношения с США удавалось

---

[45] Ibid., p. 163—168.
[46] Congressional Quarterly Report, 1979, Jan., p. 109.
[47] *Катасонов Ю. В.* Указ. соч., с. 83.
[48] American Foreign Relations, 1978, p. 245—247.
[49] См., в частности: American Foreign Relations, 1978, p. 481—490.
[50] *Carter J.* Keeping Faith. Memoirs of a President. Toronto etc., 1982, p. 223.
[51] Ibid., p. 214, 222, 224, 229, 249.

достигать некоторых позитивных договоренностей по важным проблемам. В сентябре 1977 г. было достигнуто определенное сближение позиций СССР и США по ОСВ-2. В связи с истечением срока действия Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (1972) стороны сделали идентичные отдельные заявления о намерении поддерживать статус-кво и не предпринимать каких-либо действий, несовместимых с положениями этого соглашения, при условии, что другая сторона будет проявлять аналогичную сдержанность. В совместном советско-американском заявлении по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 г. указывалось на необходимость быстрейшего достижения урегулирования арабо-израильского конфликта в рамках всеобъемлющего урегулирования всех вопросов, включая обеспечение законных прав палестинского народа [52]. Были возобновлены некоторые соглашения, срок действия которых истекал. В январе-феврале 1978 г. с официальным визитом в США находилась делегация Верховного Совета СССР.

Продолжались и переговоры по ОСВ. СССР, США и Великобритания вели переговоры в целях выработки договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия. На конференции ООН по разоружению в Женеве между делегациями СССР и США продолжался обмен мнениями относительно запрещения и уничтожения химического оружия. Состоялись советско-американские встречи для обсуждения вопросов, касающихся военной деятельности обеих стран в Индийском океане, консультации о запрещении новых видов и систем оружия массового уничтожения, по проблеме ограничения международной торговли обычными вооружениями. Продвижение вперед обеспечивалось главным образом конструктивными усилиями СССР. Реальным результатом в области разоружения явилось подписание 18 мая 1977 г. в Женеве международной Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. Между СССР и США продолжался диалог по проблеме нераспространения ядерного оружия.

Однако от серьезного рассмотрения предложений СССР и государств Варшавского Договора, составивших развернутую программу перехода к военной разрядке, США уклонялись. Выявилась, в частности, полная неготовность США договориться, как это было предложено СССР в ноябре 1977 г., об одновременном прекращении всеми государствами производства ядерного оружия, продвигаясь вперед вплоть до полной ликвидации уже накопленных его запасов. Вместо этого в октябре 1978 г. Дж. Картер санкционировал производство основных компонентов нейтронного оружия, пересмотрев принятое в апреле того же года решение отложить производство этого оружия.

Подход администрации к общеевропейскому процессу выявила Белградская встреча представителей государств — участников Хельсинкского совещания. По признанию заместителя главы американской делегации А. Шерера, США вели в Белграде «политику конфронтации», сводя свои усилия к раздуванию в антисоветском и антисоциалистическом плане «проблемы прав человека». На венских переговорах 19 государств по проблеме взаимного сокращения вооруженных сил и вооружений в Цент-

[52] История дипломатии: В 5-ти т. М., 1959—1979, т. 5, кн. 2, с. 222, 223.

ральной Европе американская сторона продолжала добиваться крупных односторонних преимуществ для стран НАТО.

Даже в таких сложных условиях СССР настойчиво искал возможность обеспечить позитивное развитие отношений с США. В июне 1979 г. во время встречи на высшем уровне в Вене был подписан Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2) и другие относящиеся к нему документы. Договоренности ОСВ-2 целиком опирались на принцип равенства и одинаковой безопасности, воплощали тщательно взвешенный баланс интересов сторон. Каждая сторона обязывалась ограничить стратегические вооружения суммарным количеством, не превышающим сначала 2400 единиц, а с 1 января 1981 г.— 2250 единиц.

Положения договора шли гораздо дальше Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений 1972 г. К объектам ограничения, помимо МБР наземного базирования и БРПЛ, добавлялись тяжелые бомбардировщики, крылатые ракеты большой дальности, баллистические ракеты воздушного запуска. Количественные ограничения дополнялись качественными: впервые вводились ограничения на ракеты, оснащенные разделяющимися головными частями индивидуального наведения, на модернизацию существующих и создание новых типов стратегических вооружений. Договор предусматривал определенное сокращение стратегических наступательных вооружений. Важное значение имело Совместное заявление о принципах и основных направлениях последующих переговоров об ограничении стратегических вооружений. Стороны соглашались вести дело к значимым и существенным сокращениям количеств и качественным ограничениям стратегических вооружений. Договоренности ОСВ-2 закрепляли сложившееся между СССР и США примерное равновесие в количестве и качестве стратегических ядерных вооружений [53].

Экспансионистские тенденции в политике США вели к осложнению международной обстановки в различных районах мира [54]. В конце 1977 г. Вашингтон взял курс на то, чтобы провести под своей эгидой арабо-израильское урегулирование на сепаратной основе. Вместо всеобъемлющего и справедливого решения ближневосточной проблемы администрация занялась организацией сговора между Каиром и Тель-Авивом. Переговоры завершились встречей президента Дж. Картера, премьер-министра Израиля М. Бегина и президента Египта А. Садата 6—17 сентября в Кэмп-Дэвиде. Подписанные документы не только не содействовали справедливому ближневосточному урегулированию, но и фактически делали его невозможным. Попытки США расширить состав участников кэмп-дэвидской сделки полностью провалились. Дж. Картер с большими усилиями довел дело до сепаратного египетско-израильского «мирного» договора, заключенного в марте 1979 г. По мере ухудшения отношений с большинством арабских государств США еще больше активизировали отношения с Израилем, стремясь одновременно активизировать связи с консервативными арабскими режимами.

---

[53] Ради мира на земле: Советско-американская встреча на высшем уровне в Вене, 15—18 июня 1979 г. М., 1979.

[54] Современная дипломатия буржуазных государств. М., 1981, с. 69—70; *Примаков Е. М.* Анатомия ближневосточного конфликта М., 1978.

Тем временем США терпели крупное поражение в Иране, который Дж. Картер еще в конце 1977 г. называл «островом стабильности». Монархический Иран выступал в роли проамериканского жандарма в районе Персидского залива, всячески содействовал интересам США в отношениях со странами ОПЕК. В иранской экономике обосновалось более 500 американских фирм; капиталовложения США составляли около 12 млрд. долл. В некоторые годы Иран поглощал до 40% всего американского экспорта вооружений. В Вашингтоне не допускали и мысли, что США могут утратить позиции в стране, на которую делали столь крупную ставку шесть американских администраций. Даже в конце сентября 1978 г., когда борьба против монархического режима в Иране достигла высокого накала, военная разведка США продолжала уверять, что «шах останется у власти по крайней мере в течение ближайших 10 лет» [55].

С середины осени 1978 г. по март 1979 г. администрация Дж. Картера активно боролась за то, чтобы сохранить у власти в Иране проимпериалистические группировки. Американское вмешательство приобретало всеобъемлющий, циничный характер. Как свидетельствовал тогдашний посол США в Тегеране У. Салливэн, через посла шаха в Вашингтоне З. Бжезинский постоянно требовал от иранских властей подавить напор революционных масс при помощи армии [56]. В начале января 1979 г. в Тегеран прибыл американский генерал Р. Хайзер с инструкцией «способствовать поддержанию целостности вооруженных сил Ирана» [57]. Однако политика Вашингтона потерпела крах [58]. Антимонархическая революция 1979 г. в Иране резко осложнила расчеты Вашингтона, стремящегося воздействовать на политику стран Ближнего и Среднего Востока, на деятельность стран ОПЕК в целом. Влияние революции, по словам Дж. Картера, «ощущалось во всем районе Персидского залива» [59]. В марте 1979 г. распалось СЕНТО. В определенной мере обесценивалось целое направление американской внешней политики в 70-е годы — опора на региональные «центры силы».

В 1977—1979 гг. администрация США пыталась помешать развитию революции в Эфиопии, ослабить крепнущие связи этого государства с СССР. Задачу эту старались решить в основном при помощи Сомали. Однако развязанная Сомали война в Огадене закончилась победой вооруженных сил Эфиопии, одержанной при интернациональной поддержке СССР и Кубы.

Африканская политика Дж. Картера, многое унаследовавшая от политики его предшественников, отличалась, пожалуй, одним — попытками организовать более широкое использование в интересах США сил союзников по НАТО [60]. На юге Африки американская администрация продолжала «миротворческие» усилия, имея в виду предотвратить переход власти в Зимбабве и Намибии к силам национального освобождения. Тем не менее вопреки усилиям Вашингтона в Зимбабве в апреле 1979 г. была провозглашена независимость. Западным державам явно не удава-

---

[55] Iran: Evaluation of US Intelligence Prior to November 1978. Wash. (D. C.), 1979, p. 6.
[56] Foreign Policy, 1980, Fall, p. 179—180.
[57] Ibid., p. 184.
[58] См. документальную публикацию в: International Herald Tribune, 1980, Nov. 1, 2.
[59] *Carter J.* Keeping Faith, p. 465.
[60] American Foreign Relations, 1978, p. 314—321.

лось подорвать позиции единственного законного представителя народа Намибии — СВАПО. К последнему году президентства Дж. Картера все больше выявлялось, что Вашингтон не в силах нейтрализовать антиимпериалистические тенденции в политике многих государств Африки, ослабить их тягу к суверенной и независимой политике [61].

Свою латиноамериканскую политику демократы начали с того, что довели до конца тянувшиеся с 1964 г. переговоры о статусе Панамского канала. 7 сентября 1977 г. Дж. Картер и президент Панамы О. Торрихос в присутствии руководителей 26 стран Латинской Америки парафировали договор о нейтралитете канала. США сохраняли за собой еще на 22 года право управлять им; под полный суверенитет Панамы канал переходил бы лишь в 2000 г. В ходе ратификации договоров в конгрессе государственный секретарь С. Вэнс заявил, что они почти не связывают руки Вашингтону. «Наше право на вмешательство,— сказал он,— четкое и недвусмысленное» [62]. В марте 1978 г. в конгрессе была принята поправка, предложенная сенатором Декончини, которая «позволяла» США «использовать военную силу в Панаме» и после 2000 г. [63]

США стремились изобразить свой подход к южным соседям, и вообще к развивающимся странам, как «конструктивный». Той же задаче служила и риторическая критика Вашингтоном нарушений прав человека авторитарными режимами в Латинской Америке, которая сопровождалась демонстративным прекращением некоторым из них американской военной помощи. Белый дом старался, как это в свое время делала администрация Дж. Кеннеди, подтолкнуть правые режимы на расширение своей внутренней социально-политической базы с тем, чтобы предотвратить усиление левых сил. Действительную меру искренности американской «защиты прав человека» выявляла поддержка, оказанная Вашингтоном диктатуре Сомосы в Никарагуа. Пока режим Сомосы вел истребительную войну против населения своей страны, в Белом доме занимали позицию «невмешательства». По мере ослабления диктатуры Сомосы США переходили к попыткам «посредничества» в гражданской войне, одновременно стремились организовать коллективную интервенцию в Никарагуа под флагом ОАГ. Белый дом не добился успеха на обоих направлениях.

Конференция неприсоединившихся стран в Гаване в 1979 г. подвела своеобразный итог усилиям администрации Дж. Картера по линии отношений «Север—Юг». Вашингтону не удалось расколоть движение неприсоединения и отвлечь развивающиеся страны от острых международных проблем. Заметно увеличивался политический вес стран, выступавших за прогрессивную ориентацию во внешних и внутренних делах. Существенно расширялось их сотрудничество с СССР, социалистическим содружеством. Объединение Вьетнама в 1976 г., укрепление народной власти в Лаосе, ликвидация режима полпотовских палачей в Кампучии в 1978 г., успешная защита и укрепление народной власти в Эфиопии, Анголе, Мозамбике, победа патриотов Зимбабве, антифеодальная национально-

[61] Внешняя политика стран Африки/Отв. ред. Анат. А. Громыко. М., 1981, с. 160.
[62] US Congress, Senate Committee on Foreign Relations, Hearings on Panama Canal Treaties, 1979. Wash. (D. C.), 1979, pt. 1, p. 30.
[63] US Congress, Senate, Committee on Foreign Relations, Senate Debate on the Panama Canal Treaties. A Compendium of Major Statements, Documents, Record, Vote and Relevant Events. Wash. (D. C.), 1979, p. 404.

демократическая революция в Афганистане в апреле 1978 г., ликвидация шахской монархии в Иране в январе 1979 г., свержение антинародной диктатуры в Никарагуа в июле 1979 г.— все это срывало планы администрации США, рассчитанные на то, чтобы втянуть в орбиту США и Запада развивающиеся государства.

Картеру не удавалось добиться сдвигов в отношениях с развивающимися странами и по проблеме энергоресурсов. К лету 1979 г. импорт нефти достиг пика за 70-е годы, составив почти половину всего потребления нефти в США [64]. Стоимость ввозимой нефти после прихода демократов к власти возросла почти в 2 раза, а по сравнению с началом десятилетия — увеличилась в 17 раз. С лета 1979 г. в выступлениях Дж. Картера относительно энергетической проблемы звучали уже панические ноты. Американское военное руководство предупреждало о возрастании «угрозы» для «национальной безопасности» США [65].

Несмотря на принимаемые Вашингтоном меры, негативные для США тенденции в экономике мирового капитализма продолжали нарастать. Первой жертвой напора империалистических соперников стала «идея трех локомотивов», от которой пришлось отказаться еще в начале 1978 г. Не удавалось ликвидировать внешнеторговый дефицит США. К началу 1979 г. стоимость доллара относительно валют главных американских конкурентов упала на 20% по сравнению с началом президентства Дж. Картера [66].

Растущие противоречия между империалистическими «центрами силы» постепенно охватили все их основные экономические проблемы. Продолжала падать доля США в мировом капиталистическом экспорте промышленной продукции. США уступили здесь первое место ФРГ [67]. Доля США в совокупном экспорте высокоразвитых капиталистических стран в 1982 г. уменьшилась до 18% по сравнению с 19,3% в 1970 г. Американские валютные запасы сократились соответственно с 20,5 до 14% общих запасов капиталистического мира [68].

Таким образом, трудности США во второй половине 70-х годов еще более усиливались, охватив весь спектр международной деятельности США. И трудностей этих становилось тем больше, чем дальше руководство США отходило от политики разрядки, раскручивая новые спирали гонки вооружений. Администрация Дж. Картера пожинала теперь плоды фундаментальных просчетов, допущенных в связи с резким завышением возможностей США.

Между СССР и США, Организацией Варшавского Договора и НАТО сохранялось примерное военное равновесие, которое объективно служило интересам мира. Вашингтону не удавалось изменить это равновесие ни в глобальном, ни в европейском масштабе, ни в области стратегических ядерных вооружений, ни в области ядерного оружия средней дальности в Европе, ни в области обычных вооружений. Предупреждая о неизбежности контрмер, которые предпримет СССР в ответ на американ-

---

[64] Weekly Compilation of Presidential Documents, 1979, July 20, p. 1238.

[65] *Brown H.* Department of Defense Annual Report, Fiscal Year 1981. Wash. (D. C.), 1980, p. 26.

[66] US Foreign Policy: Future Directions. Wash. (D. C.), 1979, p. 174.

[67] The Decline of American Power (And What We Can Do About It). Boston, 1980, p. 141—142.

[68] Современный капитализм: Социально-экономический справочник. М., 1985, с. 242, 243.

ские усилия сломать военно-стратегический паритет, председатель сенатской комиссии по иностранным делам Ф. Черч подчеркивал: «С самого начала (гонки) повторение наших достижений было для СССР только вопросом времени» [69]. В июле 1979 г. уже Г. Браун, министр обороны в правительстве Дж. Картера, заявил о своих сомнениях в том, что действия США в области стратегических вооружений привели бы к появлению более благоприятного для них баланса, нежели действия, осуществляемые в рамках ОСВ-2 [70].

В правящих кругах США все сильнее давал себя знать кризис оптимистического представления о перспективе укрепления американских позиций в мире. Усиливались сомнения в том, что США способны сместить в свою пользу соотношение сил в мире постепенно, эволюционным путем. Нарастало и недовольство носителем такого подхода — администрацией Дж. Картера. Критика Белого дома по отдельным внешнеполитическим проблемам, обвинения в непоследовательности — все это соединялось в хоре, звучавшем все сильнее и громче. Проблема ослабления международных позиций США вышла на передний план внутриполитической борьбы. «Разочарование в действиях Дж. Картера,— отмечал гарвардский профессор С. Хофман,— накапливается именно потому, что его внешняя политика все больше соотносится с тем периодом, когда США доминировали в мире» [71]. В 1979—1980 гг. демократов критиковали не столько за отдельные неудачи, сколько по совокупности несостоявшихся надежд господствующего класса США на осуществление гегемонистских притязаний в 70-е годы в целом.

Один из идейных лидеров правых — Н. Подгорец в книге «Существующая опасность» составил своего рода каталог того, что в наибольшей мере вызвало недовольство правящей верхушки. На первое место выдвигалась неспособность администрации Картера обеспечить военное превосходство США, затормозить рост авторитета СССР, предотвратить сокращение географической зоны влияния мирового капитализма и рост самостоятельности развивающихся стран. Внешняя политика США в 70-е годы объявлялась «капитулянтством» [72]. Военно-промышленный комплекс усилил свои требования отказаться от политики постепенного наращивания наступательных тенденций в американской политике в пользу немедленной и безоговорочной ставки на силу.

В 1979 г. ключевой проблемой внутриполитической борьбы в США по вопросам внешней политики стала ратификация договора ОСВ-2. Речь шла о принципиальном подходе США к реальностям военного паритета: готово ли американское руководство укреплять безопасность США посредством договоренностей об ограничении гонки вооружений или же возьмет верх тяга к погоне за военным превосходством. «Дебаты по ОСВ оставляют впечатление,— обобщал английский международник Х. Булл,— что главное здесь не те или иные детали готовящегося соглашения, а сама разрядка, вопрос о том, следует ли США по-прежнему стремиться к ос-

[69] Strategic Arms Limitation Talks and Comprehensive Test Ban Negotiations. Wash. (D. C.), 1978, p. 11.
[70] US Congress, Senate. The SALT-II Treaty, Hearings before the Committee on Foreign Relations. Wash. (D. C.), 1979, pt 1, p. 117—118. (Далее: The SALT-II Treaty, Hearings...).
[71] International Herald Tribune, 1978, Aug. 5—6.
[72] *Podhoretz N.* The Present Danger. Do We Have The Will to Reverse The Decline of American Power? N. Y., 1980, p. 89.

лаблению напряженности и расширению масштабов сотрудничества со своим оппонентом или они вступят в новую фазу конфронтации»[73]. Именно так рассматривали проблему ОСВ-2 в милитаристских кругах США.

В представленном на слушаниях в сенате по ОСВ-2 обращении примерно 1700 военных деятелей США подчеркивалось, что «ратификация договора почти наверняка обречет США на проведение еще семи лет политики мира на основе доверия к русским...». Всевозможные оговорки, критика тех или иных положений договоренностей ОСВ-2 вызывались стремлением правых сил не допустить какого-либо ограничения на ведение Соединенными Штатами гонки вооружений и уж в крайнем случае обеспечить США крупные стратегические преимущества. «Мир без ОСВ,— заявил П. Нитце,— возможно, будет лучше, чем мир с ОСВ, так как это заставит Америку всерьез добиваться того, чтобы она всегда была впереди русских»[74].

Сторонникам срыва ОСВ-2 противостояли серьезные силы. До 75% опрошенных американцев выступали за ограничение стратегических вооружений совместными усилиями СССР и США. В поддержку ОСВ-2 высказались Национальный совет американо-советской дружбы, «Комитет по согласию Восток—Запад», «Американцы за ОСВ», «Американцы — сторонники демократических действий», «Женщины, боритесь за мир», Национальный центр за сокращение военных расходов, «Коалиция за новую внешнюю и военную политику», Вашингтонский центр мира, «Члены конгресса за мир через право», Национальный совет церквей, Союз обеспокоенных ученых, Федерация американских ученых и ряд других общественных организаций США. Таким образом, в США имелись немалые общественно-политические возможности для эффективного отпора нажиму правых сил.

Администрация на словах признавала огромную значимость ОСВ-2 для интересов США. «Альтернативой договору,— отмечал госсекретарь С. Вэнс,— было бы возвращение к неограниченному соревнованию в военной области с вытекающими отсюда подозрениями и страхами прежних времен, но при наличии куда более разрушительного оружия»[75]. Вместе с тем администрация защищала ОСВ-2 вяло, уступая натиску консервативно-милитаристских кругов. Это отражало общие тенденции в политике Вашингтона. Сталкиваясь с безуспешностью попыток укрепить за рубежом позиции США на путях постепенного наращивания наступательной линии, с растущим недоверием в среде самих правящих кругов к своей внешней политике, напором правых сил, наконец, с провалами во внутренней политике, правительство ускоряло движение по колее обострения международной напряженности.

В европейской политике США, используя механизм НАТО, вели энергичную разработку плана размещения в Западной Европе новых американских ракетно-ядерных средств средней дальности. Оказывая сильнейший нажим на страны Западной Европы, Вашингтон не останавливался и перед прямым обманом, заверяя в намерении добиваться ратификации сенатом договоренностей ОСВ-2. После свержения шахского режима в Иране лихорадочно велись поиски способов хоть отчасти компенсировать

---

[73] Foreign Affairs, 1979, vol. 57, N 3, p. 441—462.
[74] The SALT-II Treaty, Hearings..., pt 1, p. 93.
[75] Ibid., p. 234—235.

ослабление империалистических позиций на Среднем и Ближнем Востоке, в бассейне Индийского океана. В центр американских усилий выдвигалась задача наращивания здесь военного присутствия США. Администрация все активнее прибегала к демонстрации силовой политики в зоне Персидского залива, в бассейне Индийского океана. Формировались «силы быстрого развертывания», насчитывавшие около 100 тыс. человек.

4 ноября 1979 г. в американо-иранских отношениях начался острый кризис — сотрудники посольства США в Тегеране были взяты иранцами в качестве заложников. Народ Ирана требовал прекратить вмешательство США в дела своей страны, отказаться от поддержки ненавистного шахского режима. Проблема отношений с Ираном — наиболее напряженная для администрации Картера в последний год ее пребывания у власти — в той или иной степени затрагивала отношения США с рядом государств Ближнего Востока и Персидского залива, постоянно фигурировала в повестке дня диалога Вашингтона со своими основными союзниками. В Белом доме планировали военную операцию по возврату захваченных в посольстве американцев. Однако операция, проведенная 24 апреля 1980 г. группой спецвойск США «Делта», провалилась. Сотрудники американского посольства в Тегеране вернулись в США уже после ухода Картера из Белого дома.

Вашингтон использовал кризис в американо-иранских отношениях для наращивания политики силы и угроз в подходе к странам Ближнего Востока и Персидского залива. Особенно резко США усиливали свою подрывную деятельность против революционного Афганистана. Они добивались создания «правительства Афганистана в изгнании», готовили контрреволюционный переворот в этой стране. На афганскую территорию перебрасывались вооруженные формирования [76].

В сентябре-октябре 1979 г. Вашингтон предпринял попытку спровоцировать международный кризис вокруг Кубы. Присутствие здесь советских военных специалистов, помогавших в укреплении безопасности страны с 1962 г., внезапно было представлено администрацией как «беспрецедентный факт появления в Западном полушарии боевых частей СССР». Миф состряпали второпях — он провалился быстро, но провокация вовсю была использована в целях подрыва доверия к СССР и ухудшения советско-американских отношений.

Все больше подыгрывая правым силам, Белый дом теперь вел с ними торг главным образом о том, насколько круто наращивать военные расходы. Еще 2 августа в письме Дж. Картеру Г. Джексон, Дж. Тауэр, С. Нанн заявили от имени консервативных сил, что ратификация ОСВ-2 будет блокирована, если администрация не пойдет на увеличение военного бюджета США на 4—5% в год (в постоянных ценах). 19 сентября сенат 55 голосами против 42 потребовал от администрации обеспечить увеличение военного бюджета в 1981—1982 гг. на 5% ежегодно (в постоянных ценах).

В декабре 1979 г. администрация Дж. Картера круго повернула в сторону резкого обострения международной напряженности. Под нажимом Вашингтона сессия Совета НАТО в Брюсселе 12 декабря 1979 г. приняла решение о производстве и размещении в странах Западной Европы 572 новых американских ядерных ракет средней дальности. Решение нацели-

---

[76] Правда об Афганистане: Документы. Факты. Свидетельства. М., 1980.

вало страны НАТО на приобретение перевеса в 1,5 раза по числу носителей средней дальности, в 2 раза — по числу ядерных боезарядов. Военно-политическая линия США в НАТО как в области ядерных, так и в обычных вооружений теперь окончательно переводилась на рельсы открытой борьбы за обеспечение превосходства над СССР и его союзниками[77].

13 декабря Дж. Картер изложил основы американской пятилетней военной программы, запросив на 1981 финансовый год дополнительно почти 20 млрд. долл. В первой половине 80-х годов предусматривалось увеличение военных расходов более чем на 4,5% в год (в постоянных ценах). Речь шла об ускорении перевооружения всех компонентов стратегического наступательного оружия. «В этих предложениях,— констатировало бюджетное управление конгресса,— открыто не объявлено ни одной новой стратегической программы». Программа вооружений, осуществляемая администрацией, «уже включает в себя серию инициатив по модернизации стратегических сил, а также значительные средства на модернизацию военного снаряжения армии»[78].

Логика возвращения Вашингтона к политике открытого диктата подводила администрацию Картера к прямому отказу от принципов, которые были положены в основу договоренностей об отношениях между СССР и США, достигнутых в первой половине 70-х годов. В качестве предлога для развертывания антисоветской истерии был использован факт оказания Советским Союзом военной помощи Афганистану в соответствии с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве для противодействия необъявленной войне контрреволюционных и империалистических сил против народа этой страны. Замыслы этих сил были сорваны.

3 января 1980 г. Дж. Картер обратился к сенату с просьбой «заморозить» рассмотрение договора ОСВ-2. Под видом «санкций» предпринимались также многочисленные меры по дезорганизации механизма двусторонних отношений СССР и США: свертывание контактов по 11 межправительственным соглашениям, введение эмбарго на поставку в СССР значительной части сельскохозяйственной продукции, другие меры по подрыву торгово-экономических отношений и т. д. «Я хотел пойти как можно дальше»,— подчеркивал Дж. Картер в мемуарах[79]. В ряд важнейших приоритетов Вашингтона была поставлена цель сорвать XXII Олимпийские игры в Москве. Антисоветская направленность отразилась на всей внешней политике США в последний год президентства Дж. Картера.

Политическое обоснование поворота вправо венчала так называемая «доктрина Картера», выдвинутая в послании президента о положении страны 23 января 1980 г. В доктрине переплетались гегемонистские идеи двух доктрин времен «холодной войны» — Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра[80]. Новая доктрина демонстрировала намерение Вашингтона осуществлять вмешательство и диктат в любом регионе и в отношении любого государства. Имелось в виду также «использовать все средства, включая военную силу, в случае попыток какой-либо силы извне обеспечить себе

---

[77] *Мельников Ю. М.* Имперская политика США, с. 149.
[78] Major Issues in Considering the Fiscal Year 1981 Defense Budget. Wash. (D. C.), 1980, p. 13—14.
[79] *Carter J.* Keeping Faith, p. 475.
[80] *Павлов И.* Море бесправия — Америка: Капитализм США и дискриминация личности. М., 1981, с. 143—146.

контроль над районом Персидского залива»[81]. Доктрина отражала стремление США к экспансии в глобальном масштабе, особенно в зоне развивающихся стран, путем расширения военного присутствия и общей активизации силовой политики в районах, прилегающих к Индийскому океану, в странах Среднего и Ближнего Востока, Африки. Ставка делалась на подчинение этих стран диктату США с тем, чтобы обеспечить беспрепятственную эксплуатацию их природных ресурсов, использование их территорий в своих стратегических замыслах против мира, социализма, всех прогрессивных движений.

С 1 марта 1980 г. на базе ВВС в штате Флорида начал функционировать постоянный штаб «сил быстрого развертывания». Еще в феврале Пентагон представил развернутые планы расширения военно-технической базы американского интервенционизма: ставилась задача увеличить в 2 раза возможности стратегической военно-транспортной авиации, создать флотилии кораблей — арсеналов военной техники, которые дислоцировались бы в районах «потенциальных кризисов»[82]. Политика США в отношении развивающихся стран в 1980 г. определялась резким усилением военно-политического нажима. В ночь на новый, 1980 год администрация США, которая ранее прекратила продажу оружия Пакистану (в связи с наращиванием им усилий по созданию собственного ядерного оружия), заявила о готовности возобновить оказание Исламабаду широкомасштабной военной и экономической «помощи». Это было сделано ради превращения Пакистана в плацдарм для агрессии против Афганистана.

Переговоры в Женеве делегаций СССР, США и Великобритании о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия были прерваны в конце 1980 г. западной стороной в одностороннем порядке. Сходное положение сложилось и на переговорах о запрещении и уничтожении химического оружия — с июля 1980 г. переговоры были прерваны, и американская сторона срывала их возобновление. В области борьбы за запрещение новых видов оружия массового уничтожения, где имелась возможность завершить разработку проекта договора о запрещении разработки, производства, накопления и применения радиологического оружия, сопротивление США так и не позволило заключить соответствующий договор.

Активизация гегемонистских тенденций в политике США распространялась и на их отношения с союзниками. Растущую политическую и экономическую самостоятельность последних Белый дом стремился подавить, используя в этих целях свое военное превосходство в НАТО. Трения в отношениях с союзниками усиливались. Руководители ряда западноевропейских государств отвергли требование США не предоставлять кредиты СССР для финансирования его импорта в Западной Европе. Не получили развития и попытки администрации Дж. Картера созвать чрезвычайное совещание глав крупнейших капиталистических государств для обсуждения «положения в Афганистане». Большинство западноевропейских стран не присоединилось к бойкоту Московской олимпиады. Ни один из союзников США не поддержал полностью политику эмбарго и «экономических санкций» против СССР.

[81] New York Times, 1980, Jan. 23.

[82] *Perry W.* The FY 1980, Department of Defense Programme for Research, Development and Acquisition, February 1980. Wash. (D. C.), 1980, p. VII—63; см. также: *Brown H.* Op. cit., p. 181—182.

В докладе исследовательской службы конгресса признавались «расхождения между США и другими западными союзниками, которые, поддержав в самых общих выражениях политические аспекты санкций, не выступили в поддержку принципа экономической дискриминации, взятого за основу администрацией Картера». Суть дела, подчеркивалось в докладе, заключалась «в нежелании многих европейских руководителей возвращаться к периоду „холодной войны“», в их опасениях, что присоединение к политике экономических санкций поставит под угрозу достижения конца 60—70-х годов — смягчение напряженности в Европе и рост торговли с социалистическими странами [83].

Дипломатия США в 1976—1980 гг., выполняя «черновую работу» в интересах воинственного крыла империалистических кругов США, готовила демонтаж разрядки и осуществляла поворот США к политике неприкрытого гегемонизма и гонки вооружений. Тем самым она облегчала приход к власти правых сил, а это означало, что зловещий громадный каркас милитаристского курса страны в 80-х годах рос уже на сложившемся фундаменте [84].

Не все среди демократов отдавали себе отчет, какие всходы даст подготовленная ими почва, к какой опаснейшей угрозе миру приведет начатый дрейф, но многие из них впоследствии самокритично оценили внешнеполитическую деятельность правительства, ставшего на путь возврата к политике конфронтации, хотя прозрение началось уже после поражения на выборах осенью 1980 г. К числу главных «неудач» администрации Картера бывший государственный секретарь Э. Маски отнес усиление напряженности в отношениях с СССР. «Самой большой неудачей» назвал провал ратификации ОСВ-2 Г. Браун. Он же говорил, что администрация «сама помогла пустить договор под откос» [85].

Внешняя политика США второй половины 70-х годов раскрывала всю меру трудностей, которые испытывали США, встав на путь отхода от разрядки. Уже то, что этот отход происходил не разом, а растянулся на ряд лет, выявило огромную мощь сил, противостоящих империализму на современном этапе, прежде всего политики СССР и социалистического содружества, миролюбивых сил во всем мире. Ни до, ни после поворота вправо Белый дом на путях силы не добился решения ни одной из главных проблем, с которыми столкнулись Соединенные Штаты.

---

[83] US Congress, House of Representatives, Office of Senior Specialists, Congressional Research Service, An Assessment of the Afganistan Sanctions: Implications for Trade and Diplomacy in the 1980, April 1981. Wash. (D. C.), 1981, p. 8, 100, 104.

[84] *Павлов И.* Америка тревожных лет: Очерки внутренней жизни и внешней политики США в 70—80-е годы. М., 1984.

[85] New York Times, 1980, Dec. 7. Ретроспективную оценку политики США во второй половине 70-х годов см.: *Carter J.* Keeping Faith. Memoirs of a President. N. Y., 1982; *Brzezinski Z.* Power and Principle. Memoirs of the National Security Advisor, 1977—1981. N. Y., 1983; *Vance S.* Hard Choices. Critical Choices. Critical Years in American Foreign Policy. N. Y., 1983. Сайрус Вэнс, в частности, заключил мемуары выводами: «Соединенные Штаты и наши союзники должны продолжить диалог с Советским Союзом. Нет оправдания прекращению контактов, особенно в периоды напряженности... Мы должны пройти свою половину пути в стремлении достичь соглашений с СССР в сферах обоюдной заинтересованности. Наш мир слишком мал и для США, и для СССР, чтобы позволить себе возвратиться к холодной войне или допустить нечто худшее... Основной урок ядерной эпохи попрежнему остается в силе: две сверхдержавы и все остальные страны находятся в одной лодке и могут либо выжить вместе, либо умереть» (*Vance S.* Op. cit., p. 418, 424).

Глава двенадцатая

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

1. ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ И СТАЧЕЧНАЯ БОРЬБА

Рабочий класс и в десятилетие 70-х годов выступал как ведущая общественная сила, противостоящая монополиям [1]. Антимарксистские концепции американских буржуазных и социал-реформистских социологов о сглаживании классовых противоречий, об «интеграции» рабочего класса в капиталистическую систему были опрокинуты самой жизнью. Сдвиги в социальной структуре США свидетельствовали о продолжающемся абсолютном и относительном росте числа лиц наемного труда. В условиях дальнейшего развития научно-технической революции в ряды рабочего класса вливались «белые воротнички» — представители умственного труда, конторские служащие, работники торговли и другие, обслуживающие так называемый «общественный сектор». Волнующие эти категории трудящихся вопросы были схожи с проблемами, стоявшими перед промышленным пролетариатом: инфляция, угроза безработицы, однообразие и монотонность труда ради прибылей бизнеса. Ускорился процесс социальной дифференциации в рамках большой группы профессионально-технических работников, интеллигенции.

Число рабочих в промышленности и на транспорте составляло в 1970 г. 27,8 млн., а в 1979 г.— 32 млн. При абсолютном росте их доля в составе всего самодеятельного населения несколько сократилась — с 35,3 до 33,1% соответственно [2]. Одновременно происходило абсолютное и относительное увеличение новых категорий рабочего класса: торгово-конторских служащих, работников сферы услуг и т. д. В целом же удельный вес рабочего класса в структуре населения страны, вбирающего в себя новые отряды трудящихся, обнаружил определенную тенденцию к повышению: в 70-е годы он составлял примерно $^3/_4$ всего самодеятельного населения США, численность которого в 1978 г. достигла 100 млн.[3] В начале 80-х годов в рядах пролетариата насчитывалось 86 млн.[4]

Вопреки утверждениям буржуазных социологов о происходящем якобы стирании классовых различий и уравнении богатых и бедных, углубляющаяся научно-техническая революция вызывала все большее усиление социальной необеспеченности трудящихся и дальнейший рост поля-

---

[1] *Тимофеев Т. Т.* Империализм и пролетариат. М., 1985; *Он же.* Рабочий класс в прошлом и настоящем. М., 1984, с.76, 79—85, 109—112.

[2] Statistical Abstract of the United States, 1980. Wash., 1980, p. 394, 418.

[3] Оценка произведена путем сопоставления данных, содержащихся как в официальных изданиях министерства труда США, так и в работах советских и американских авторов. См.: Рабочий класс в социальной структуре индустриально развитых капиталистических стран. М., 1977, с. 267—309; США — экономика, политика, идеология, 1977, № 1, с. 110—111.

[4] Коммунист, 1985, № 1, с. 22.

ризации общества. «Разрыв в доходах капиталистов и наемных рабочих увеличивается,— подчеркивалось в отчетном докладе Г. Холла XXII съезду Компартии США.—Богатые становятся еще богаче, доля рабочих в национальном богатстве падает не только относительно, но и в абсолютном выражении. Это закономерно ведет к усилению классовой конфронтации в Соединенных Штатах»[5]. Таким образом, объективные процессы вели к тому, что массовая база социального протеста продолжала постоянно расширяться[6].

Жизнь опровергла и другую антимарксистскую версию, будто в силу своего высокого жизненного уровня американские рабочие перестали быть пролетариями и превратились в некий «средний класс». Неуклюжие попытки апологетов капитализма объявить пролетариат частью «среднего класса» многие в США не воспринимают всерьез. «Рабочие,— писал известный американский исследователь Эндрю Левисон,— не исчезли и не были абсорбированы в среднем классе. Классовые различия очевидны. Большинство рабочих не получают достаточно для достойной жизни, и только незначительное число рабочих могут быть всерьез названы состоятельными. Перечень главных проблем, перед которыми они стоят, огромен — от чудовищно плохих условий работы до господствующей социальной и экономической несправедливости в обществе, политике и других аспектах американской жизни»[7].

В соответствии с данными американской официальной статистики, стандартный бюджет городской семьи из четырех человек (муж, жена, двое детей школьного возраста), дающий возможность жить в условиях скромного достатка, определялся в 1977 г. в 25 202 долл. в год. Однако, как показывают те же статистические данные, только 35% рабочих семей в США имели годовой доход, приближающийся к этому уровню. В то же время доход каждой пятой рабочей семьи был ниже официально установленного стандарта, который обеспечивал необходимый прожиточный минимум. В Соединенных Штатах, самой богатой стране капиталистического мира, в 1979 г. 25,9 млн., а в 1980 г. 29,3 млн. американских граждан, или восьмая часть населения страны, жили ниже установленного «уровня бедности», иными словами, находились на грани нищеты[8].

Формально «бюджет нищеты» дает право на получение скудного государственного вспомоществования. Но, как признал министр здравоохранения, образования и социального обеспечения США в правительстве Картера Дж. Калифано, в середине 70-х годов только 11,2 млн. получали те или иные пособия по системе социального обеспечения, которые не обеспечивали минимального прожиточного уровня. По официальным данным, средний размер этих пособий в 24 штатах по крайней мере на 25% был ниже официального уровня бедности[9]. 19 млн. американцев вынуждены были прибегать к благотворительной помощи в виде бесплатных талонов на продовольствие[10]. В начале 80-х годов и этот источник существования стал недосягаем для многих нищенствующих американцев.

---

[5] Political Affairs, 1979, Oct., p. 8.

[6] *Загладин Н. В.* Страны Запада: проблемы развития рабочего движения.— Рабочий класс и соврем. мир, 1984, № 2, с. 46.

[7] *Levison A.* The Working-Class Majority. N. Y., 1974, p. 272.

[8] Правда, 1981, 23 авг.

[9] *Корионов В. Г.* США: в плену неразрешимых проблем. М., 1978, с. 120—121.

[10] *Кассирова Е. П.* США: кризис социальной политики: (Государство и социальное обеспечение). М., 1978, с. 208—211.

В 70-е годы рост дороговизны значительно обогнал увеличение расходов правительства на благотворительную помощь. В официальных правительственных отчетах экспертов, обследовавших жизнь американцев в «бедствующих районах страны», впервые за многие годы стали фигурировать данные, отражающие наличие в США хронического голода и недоедания [11]. В особенно трудном положении находились хронически безработные, чье существование поддерживалось мизерными пособиями по социальному вспомоществованию, и те престарелые американцы, которые не получали пенсий и вынуждены были довольствоваться от случая к случаю ничтожными подачками из благотворительных фондов или других источников. В конце 70-х годов в таком положении вследствие продолжительной безработицы или прекращения выплаты пособия по безработице оказалось 42% семей, живущих ниже черты бедности [12].

Проблема безработицы в США за весь послевоенный период никогда не стояла так остро, как в 70-е годы, и имела и более тяжелые социальные последствия. Масштабы безработицы расширились, она приобрела застойный характер. В это десятилетие среднегодовой уровень безработицы, по официальным данным, составил в стране около 6,2% [13].

Экономические кризисы 70-х годов привели к еще большему росту массовой безработицы. В 1975 г., по данным министерства труда США, она достигла 8,5% всего контингента рабочей силы. В последующий период, несмотря на восстановление экономики и происходивший в стране рост совокупной занятости, напряженность на рынке труда не ослабевала. В 1979 г. насчитывалось 6 млн. безработных (6%), в 1980 г.— 7,6 млн.— это только по официальным данным. Истинные цифры, по мнению руководства профсоюзов, были значительно выше — 10—12 млн. человек. В первой половине 80-х годов число потерявших работу продолжало возрастать. При этом следует учитывать, что официальные данные не дают представления о действительных размерах безработицы, поскольку не фиксируют несколько миллионов частично безработных и большую категорию людей, которые, отчаявшись найти работу, перестали регистрироваться на биржах труда.

Пособие по безработице, выплачиваемое в США по системе социального страхования (в среднем в течение 26 недель), с каждым годом заметно обесценивалось, хотя оно и в лучшие времена покрывало лишь минимальные потребности рабочих семей. В силу различного рода дискриминационных ограничений отдельные категории трудящихся были вообще лишены права на получение таких пособий. Среднее недельное пособие, получаемое безработным, составляло менее половины среднего заработка в несельскохозяйственном секторе экономики. Крупные профсоюзы добились от предпринимателей для своих членов дополнительной компенсации по линии частного страхования. Однако во время экономических кризисов 70-х годов, и особенно в период массовых увольнений, такие выплаты нередко прекращались в результате быстрого истощения фондов предприятий по безработице.

Безработица означает не только подрыв семейного бюджета, снижение жизненного уровня. Потеря работы влечет за собой тяжелые моральные и психические издержки. С массовыми увольнениями и безработицей свя-

[11] *Богданов Р. Г., Хозин Г. С.* США на пороге 80-х годов. М., 1978, с. 16.
[12] Рабочий класс и соврем. мир, 1979, № 5, с. 62.
[13] Statistical Abstract of the United States, 1980, p. 394.

заны были обострение социальных проблем, рост преступности, наркомании, самоубийств среди потерявших работу. Американцы, существующие на пособия или пенсии, в подавляющем большинстве жили на грани или за чертой бедности. Пособия, выплачиваемые в рамках как государственной, так и частной систем социального страхования, лишь в очень ограниченной степени возмещали трудящимся-пенсионерам потери трудового дохода.

Подлинным бедствием для престарелых граждан США стал непрекращающийся рост стоимости жизни. Наиболее ощутимый удар по положению пенсионеров в США нанесло вздорожание медицинской помощи, в которой пожилые люди особенно нуждались. Все это объясняет, почему резкое удорожание жизни в 70-е годы для многих семей престарелых оказалось катастрофическим. «Миллионы пенсионеров,— писал Г. Холл в 1976 г.,—вынуждены влачить жалкое существование где-то между бедностью и настоящим нищенством»[14].

Инфляция 70-х годов тяжелым бременем легла на плечи всех американских трудящихся. Потребительские цены почти удвоились, причем росли они втрое быстрее, чем в 60-х годах. Среднегодовые темпы их прироста составили 7,2% и достигли к началу 80-х годов 18% — самого высокого уровня со времени окончания второй мировой войны. Особенно серьезно на положении трудящихся сказался рост дороговизны на товары и услуги первой необходимости — продукты питания, жилье, электроэнергию и медицинскую помощь[15]. Наряду с инфляционным прессом рост стоимости жизни был вызван также усилением налогового бремени. Налоги поглощали более трети заработной платы рабочих и служащих[16].

Семидесятые годы были отмечены возросшей для всех без исключения категорий трудящихся неустойчивостью условий существования. При галопирующей инфляции рост номинальной заработной платы не мог угнаться за растущей стоимостью жизни. Реальные недельные заработки рабочих, занятых в несельскохозяйственном секторе экономики, достигшие максимума в 1972 г., затем неуклонно снижались вплоть до 1976 г.

В 1976—1977 г. имело место некоторое повышение реальной заработной платы, однако уровень 1972 г., равно как и 1973 г., достигнут не был. В последующие годы в результате нового скачка цен реальная покупательная способность заработной платы трудящихся вновь снизилась. На начало 1980 г. реальный доход, приходившийся на рабочего, сократился по сравнению с 1970 г. на 9%. Если брать период с 1973 по 1980 г., то реальная заработная плата лиц наемного труда (по официальным данным) упала на 10,5%, по данным же печати — на 15%. Такого резкого ухудшения жизненного уровня масс в США не наблюдалось со времени экономического кризиса 30-х годов. «Абсолютное снижение реальной заработной платы достигло беспрецедентных масштабов»,— отмечалось в отчетном докладе Генерального секретаря Компартии США Г. Холла XXII съезду партии[17].

---

[14] Daily World, 1976, Apr. 3.
[15] Рабочий класс и соврем. мир, 1980, № 3, с. 111—112.
[16] Классовые бои в цитаделях империализма (70-е годы)/Под общ. ред. Т. Т. Тимофеева. М., 1981, с. 30, 39.
[17] Political Affairs, 1979, Oct., p. 2—3.

Существенную роль в ухудшении положения масс сыграла так называемая стагфляция. Разрыв между доходом семьи и стандартным семейным бюджетом возрастал в угрожающих размерах. Даже президент АФТ—КПП Л. Кирклэнд в одном из выступлений в июле 1979 г. вынужден был признать: «В настоящее время покупательная способность среднего американского рабочего ниже уровня 1965 г., и рабочие отдают себе отчет в том, что едва ли следует ожидать улучшений в обозримом будущем. Инфляция не утихает, растет безработица. Страна на пороге очередного экономического спада» [18].

Неуклонное снижение уровня жизни особенно тяжело сказывается на положении негритянских рабочих, представителей других этнических групп. Экономическая дискриминация цветных американцев, несмотря на завоевания в области гражданских прав, достигнутые в 60-х годах, усиливалась. Главный бич черных — это безработица, а она постоянно увеличивалась. Даже по данным официальной статистики, процент безработных среди афро-американцев в послевоенный период был вдвое выше, чем среди белых, а в 1978 г. составил 12,6%, т. е. уже в 2,4 раза превышал соответствующие показатели для белых рабочих [19]. В полной мере сохранял свою силу традиционный расистский принцип: черных, как и других цветных, по-прежнему принимали на работу в последнюю очередь, а увольняли первыми. Более низкий, чем у белых, уровень квалификации и общеобразовательной подготовки — прямое следствие расовой дискриминации — также существенно влиял на уровень занятости черных, используемых, как правило, на тяжелых работах, с применением ручного, неквалифицированного труда.

Стагфляция больнее всего ударяла по негритянской молодежи. Наиболее активная часть трудоспособного черного населения превращается в «лишнее поколение», даже не успев вступить в трудовую жизнь. Согласно данным министерства труда США, 36,3% черных тинэйджеров (молодых людей от 16 до 20 лет), которые активно искали работу в 1978 г., остались безработными [20]. Но официальная статистика лишь частично отражает реальные размеры безработицы среди негритянской молодежи. По подсчетам негритянской организации Национальная городская лига, в 1979 г. работы не имели 60% черных тинэйджеров [21].

Во второй половине 60-х годов в результате упорной борьбы афро-американцев доход семей черных несколько возрос, однако экономические кризисы и инфляция 70-х годов отбросили его далеко назад. В 1969 г. средний доход черной семьи составлял 63% дохода белой семьи, а в 1978 г.— уже 57,1% [22].

Нищета была и осталась уделом афро-американцев. С начала 70-х годов число черных семей, получавших доходы ниже официально установленного «уровня бедности», увеличилось и в 1977 г. составило 28% всех семей афро-американцев. В 1977 г. 10 млн. из 26 млн. черных американцев жили в условиях бедности [23]. По официальным данным,

[18] AFL—CIO News, 1979, July 28, p. 2.
[19] К началу 1982 г. безработица среди афро-американских рабочих достигла 17,4%. См.: Daily World, 1982, Febr. 11.
[20] Monthly Labor Review, 1979, July, p. 58.
[21] US News and World Report, 1979, May 14, p. 65.
[22] США — экономика, политика, идеология, 1980, № 5, с. 42.
[23] Массовые движения социального протеста в США: Семидесятые годы. М., 1978, с. 102; Daily World, 1979, Apr. 19, July 27, Oct. 20; 1980, July 3.

в 1979 г. на нищету была обречена почти каждая третья негритянская семья[24].

Нормой для американского «общества равных возможностей» продолжала оставаться дискриминация женщин, роль которых в экономике страны все возрастала. В конце 70-х годов число женщин в составе рабочей силы превысило 42 млн. — 41% всего трудоспособного населения. В то же время средний доход работающей американки составлял менее 60% средней заработной платы мужчины, выполняющего ту же работу, причем этот разрыв, как отмечал еженедельник «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт», со времени принятия в 1963 г. закона, гарантирующего женщинам равную оплату за равный труд, не сократился[25]. Главная причина разрыва состояла в том, что для женщин выбор профессий, особенно квалифицированных, сильно ограничен. Несмотря на принятые в 60-х годах законы, формально запрещающие дискриминацию женщин при найме на работу и в продвижении по службе, подобная практика была широко распространена. Подавляющее большинство женщин не может найти применения своим силам и способностям вне той сферы низкооплачиваемого и малопрестижного труда, которую американские социологи окрестили «женским гетто». 75% работающих американок были заняты в 70-х годах на секретарской работе, в сфере обслуживания, а также на малоквалифицированной работе в промышленности. По другим данным, женщины составили 63% американских граждан, живущих ниже официального «уровня бедности», а безработица среди них была почти в 2 раза выше, чем среди мужского населения[26].

Рост стоимости жизни, снижение ее уровня — не единственный бич американских рабочих. Значительно обострилась в 70-е годы проблема безопасности труда и охраны здоровья. Резкая интенсификация труда, использование потогонных методов на современном высокомеханизированном и автоматизированном капиталистическом предприятии требовали от наемного работника значительно большего расхода физической и нервной энергии. На заводах компании «Форд мотор», например, рабочий «изнашивался» уже к 40 годам. Рос производственный травматизм, появлялись новые виды опасных профессиональных заболеваний, создавая повышенную угрозу для здоровья и самой жизни рабочих.

Согласно данным федерального управления безопасности труда и здравоохранения на конец 70-х годов, в США ежегодно каждый одиннадцатый рабочий пострадал от несчастного случая на производстве или профессиональных заболеваний: в результате несчастных случаев погибали 14 тыс. человек, 2,5 млн. постоянно теряли трудоспособность, 100 тыс. человек умирали от болезней, вызванных тяжелыми условиями работы, более 400 тыс. теряли здоровье и становились инвалидами из-за профессиональных заболеваний[27]. Система государственного страхования на случай производственного травматизма и профзаболеваний все еще не распространяется на 10 млн. американских трудящихся — сельскохозяйственных рабочих, домашнюю прислугу, рабочих, занятых на мелких предприятиях [28].

---

[24] Рабочий класс и соврем. мир, 1984, № 2, с. 47.
[25] US News and World Report, 1979, Jan. 15, p. 64—67.
[26] Daily World, 1979, Mar. 8.
[27] *Корионов В. Г.* Указ соч., с. 117.
[28] AFL—CIO News, 1979, Apr. 7, p. 8.

Экономическая борьба американского пролетариата в 70-е годы непосредственно была связана с теми проблемами и трудностями, с которыми он сталкивался в этот период. События минувшего десятилетия со всей очевидностью продемонстрировали решимость американского рабочего класса вести борьбу в защиту своих экономических интересов, за ограничение всевластия монополий, не полагаясь на благоволение и гуманность верхов, на согласительные процедуры и правительственный арбитраж.

Главным оружием трудящихся США в борьбе за свои права оставалась стачка. 70-е годы по числу стачек и их участников, по массовости забастовочных выступлений в стране не имеют себе равных за все послевоенные годы. Особенно резким подъемом забастовочной борьбы было отмечено начало десятилетия. Показатель числа забастовочных человеко-дней, приходящихся на одного участника забастовки, был выше, чем в предшествующие десятилетия. Средняя продолжительность одной забастовки также обнаруживает тенденцию к неуклонному увеличению: в 50-е годы — 20 дней, в 60-е — 23,4, в 70-е — 27,6 дня. Возросло число крупных стачек с участием более 10 тыс. человек. В 1970 г. состоялись 34 таких выступления. В рассматриваемый период среднегодовая доля участвовавших в них рабочих превысила показатели для 50 и 60-х годов, составив 35% общего числа бастующих [29].

Об остроконфликтном характере многих стачек свидетельствует динамика среднегодовых показателей продолжительных (30 дней и более) забастовок. Сопоставление основных параметров таких забастовок в 50 и 70-е годы показывает, что число стачек было (соответственно) 819 и 1482, их удельный вес во всех забастовках 19,4 и 28,3%, доля их участников в общем числе бастующих 27,7 и 30,6%, удельный вес забастовочных человеко-дней в общей массе потерянного в стачках рабочего времени 70,4 и 76,4%. Подобная же тенденция прослеживается также для стачек продолжительностью 90 дней и более [30]. Таким образом, происходило неуклонное нарастание упорства и напряженности стачечной борьбы.

Рабочим США противостоит сильный враг — гигантские корпорации, отвечающие на их борьбу созданием единого антипрофсоюзного фронта и выработкой общей стратегии и тактики. С конца 60-х годов быстро возрастает число заключаемых предпринимателями соглашений «о финансовой взаимопомощи», предусматривающих создание «объединенных фондов» для борьбы с забастовками. Но и профсоюзы никогда еще за послевоенный период не вели с монополиями борьбу такими крупными и объединенными силами, как в 70-е годы. Сплочение профсоюзных рядов перед лицом возросшей агрессивности корпораций проявилось прежде всего в создании коалиционных комитетов ряда профсоюзов. В 1973 г. в США действовало 77 комитетов по координации профсоюзных действий в период заключения коллективных договоров с гигантскими корпорациями-конгломератами.

Атаки монополий особенно усилились в период экономического застоя конца десятилетия 70-х годов. Стремление монополий преодолеть экономические трудности за счет трудящихся выражалось в еще большем ужесточении их позиций на переговорах о заключении трудовых

[29] Подсчитано по: Analysis of Work Stoppages, 1979. Wash., 1981, p. 7, 10.

[30] В среднегодовом исчислении. Подсчитано по: Analysis of Work Stoppages, 1950—1979. Wash., 1951—1981.

соглашений с профсоюзами. Миллионы рабочих испытывали на себе последствия наступления крупного бизнеса на жизненный уровень и профсоюзные права трудящихся, завоеванные в ожесточенных классовых битвах прошлого. Заключение и обновление многих коллективных договоров сопровождались упорными массовыми забастовками. Повсеместно в стране развернулась возглавленная Национальной ассоциацией промышленников антирабочая кампания: за создание «окружающей среды, свободной от профсоюзов». Корпорации все чаще прибегали к услугам так называемых консультативных фирм, специализирующихся на провокациях против профсоюзного движения.

Рассматриваемый период характерен и тем, что усилилось вмешательство государства в трудовые конфликты в целях ограничения масштабов выступлений трудящихся, установления над ними более жесткого правительственного контроля. Не было ни одного сколько-нибудь крупного и значительного трудового конфликта, в который прямо или косвенно не вмешивалось бы правительство, поддерживая, как правило, предпринимателей. Участились и случаи вмешательства в стачечные выступления судебных инстанций, что само по себе служит свидетельством остроты трудовых конфликтов. Для подавления забастовок власти часто прибегали к полицейским акциям. При этом, не ограничиваясь разгоном пикетчиков, они производили в ходе стачек массовые аресты. Известны многочисленные случаи гибели стачечников в результате стычек с полицией. Острые схватки полицейских с забастовщиками вспыхивали в южных штатах.

Примером могут служить действия национальной гвардии штата Виргиния в период стачки рабочих-судостроителей г. Ньюпорт-Ньюс в начале 1979 г. Крупнейшая в США судостроительная компания «Ньюпорт-Ньюс шипбилдинг» отказалась заключить коллективный договор с местным отделением профсоюза сталелитейщиков, получившим статус полномочного представителя рабочих на коллективных переговорах в результате тайных выборов под наблюдением Национального управления по трудовым отношениям. В ответ 16 тыс. рабочих компании в январе 1979 г. объявили забастовку, которая стала одной из наиболее длительных и ожесточенных. 16 апреля вошло в анналы этой стачки как «кровавый понедельник». В этот день полиция и подразделения национальной гвардии, прибывшие в Ньюпорт-Ньюс по приказу губернатора штата Дж. Дэлтона, учинили кровавую расправу над бастующими судостроителями. Полицейские с дубинками в руках нападали на пикетчиков и жестоко их избивали. Более 50 раненых участников стачки — некоторые с тяжелыми увечьями — были доставлены в госпиталь. Наряд полиции совершил рейд на штаб-квартиру местного профсоюза сталелитейщиков, которому было предъявлено обвинение в нарушении закона о праве на работу, действующего в этом штате.

В целом забастовочное движение носило экономический характер. Выдвигались требования о повышении заработной платы, расширении и гарантии занятости, улучшении условий труда. Вместе с тем в условиях роста экономической нестабильности трудящиеся добивались защиты своего жизненного уровня от инфляции, компенсации роста стоимости жизни введением «скользящей шкалы» заработной платы (ее автоматического увеличения пропорционально темпам роста инфляции). Последний вопрос стал центральным в ходе крупнейших забастовок и переговоров о

заключении коллективных договоров. В итоге 9 млн. американских рабочих — членов профсоюзов уже добились этого. Следует, однако, отметить, что в 1968—1978 гг. повышение оплаты труда согласно «скользящей шкале» компенсировало лишь 57% потерь в заработной плате, которые рабочие понесли вследствие инфляции. К тому же «скользящей шкалой» было охвачено менее 10% всех лиц, работающих по найму[31].

Антиинфляционные требования бастующих включали также повышение размеров пенсий и выплачиваемых из частных предпринимательских фондов пособий по безработице и медицинскому обслуживанию. Вместе с тем более решительно выдвигались требования гарантировать занятость, оградить рабочих от локаутов и увольнений, возвратить на работу уволенных, снизить пенсионный возраст, запретить принудительные сверхурочные работы и сократить рабочую неделю, улучшить охрану труда, расширить права профсоюзов.

В авангарде забастовочной борьбы выступали фабрично-заводской пролетариат, наемные работники ведущих в технологическом отношении и наиболее монополизированных отраслей, образующих сердцевину экономики. В то время как доля занятых в обрабатывающей промышленности в 70-е годы едва превышала четвертую часть всех наемных работников несельскохозяйственного сектора экономики, удельный вес забастовок, бастующих и потерянных человеко-дней в этом секторе в общем числе забастовок, бастующих и забастовочных человеко-дней в стране составлял в минувшем десятилетии 44%, 35,9 и 50,8% соответственно[32].

На результаты, достигнутые организованными рабочими отраслей обрабатывающей промышленности, ориентируются остальные отряды трудящихся. Здесь противоборство между трудом и капиталом отмечено многими массовыми, продолжительными, весьма упорными забастовками. В числе наиболее значительных стачечных выступлений фабрично-заводских рабочих 70-х годов можно назвать стачки рабочих автомобильной и электротехнической промышленности. Как одно из памятных событий минувшего десятилетия войдет в историю Соединенных Штатов 67-дневная стачка 350 тыс. рабочих на автомобильных заводах корпорации «Дженерал моторз». Начавшись 15 сентября 1970 г., она явилась первым общенациональным забастовочным выступлением на предприятиях крупнейшей автомобильной фирмы капиталистического мира после упорной 113-дневной борьбы, которую рабочим «Дженерал моторз» пришлось вести в 1945—1946 гг.

Автомобилестроители держались стойко, и корпорация вынуждена была пойти на уступки, в частности принять два основных требования профсоюза: о включении в договор статьи о «скользящей шкале» заработной платы и об улучшении системы пенсионного обеспечения. Характерной чертой забастовки стала ее антивоенная направленность. Так, выступая на митинге бастующих автомобилестроителей в Понтиаке, секретарь-казначей профсоюза Э. Мэйзи сказал: «Забастовка на заводах „Дженерал моторз“ вызвана войной во Вьетнаме, которая стала главной причиной инфляции. Если вы хотите добиться быстрого окончания забастовки, боритесь за окончание войны во Вьетнаме!»[33].

[31] Monthly Labor Review, 1979, June, p. 15; Daily World, 1979, Sept. 27.
[32] Классовые бои в цитаделях империализма, с. 45—48.
[33] Daily World, 1970, Oct. 15.

Успех профсоюза, сломившего сопротивление лидера «большой тройки» автомобильных корпораций, вынудил отступить также «Форд мотор» и «Крайслер», которые под угрозой забастовки заключили новое трудовое соглашение на таких же условиях, как «Дженерал моторз». Особенно упорный характер носила 28-дневная стачка 170 тыс. автомобилестроителей компании «Форд мотор» в 1976 г., проходившая в условиях резкой активизации антирабочей политики монополий и завершившаяся частичным успехом.

Силу классовой солидарности рабочих продемонстрировал успех 102-дневной забастовки 150 тыс. электромашиностроителей компании «Дженерал электрик» (конец 1969 г.— начало 1970 г.). Преодолев разногласия, разделявшие их в прошлом, 13 профсоюзов сумели сформировать действенную коалицию для ведения коллективных переговоров и руководства стачкой. Рабочие впервые добились подписания единого коллективного договора и первыми в США настояли на включении в трудовое соглашение статьи о «скользящей шкале» заработной платы. Важная победа, одержанная профсоюзной коалицией над этой мощной корпорацией, получила большой резонанс в стране. Единым фронтом выступили профсоюзные организации в этой отрасли и в 1976, 1979 гг., когда бастовали рабочие компании «Вестингауз электрик».

Как одно из самых боевых, массовых и продолжительных выступлений войдет в историю американского рабочего движения длившаяся 110 дней национальная забастовка 160 тыс. шахтеров в декабре 1977 — марте 1978 г., которые, по выражению Генерального секретаря Компартии США Г. Холла, «продемонстрировали образец стойкости и мужества в борьбе против монополистического капитала, за права рабочего класса» [34]. В ходе забастовки президент Дж. Картер объявил о намерении применить закон Тафта—Хартли, чтобы заставить горняков вернуться на работу. Но и эти угрозы не сломили волю бастующих. Действиям угольных корпораций и правительства была противопоставлена общенациональная солидарность людей труда. Свыше 250 профсоюзов сплотились в коалицию для оказания моральной поддержки и материальной помощи бастующим. Забастовка дала шахтерам ощутимые результаты, они добились повышения заработной платы и пенсий.

Высокой интенсивностью было отмечено забастовочное движение на транспорте и предприятиях связи, где темпы абсолютного увеличения числа забастовщиков и забастовочных человеко-дней значительно опережали рост числа наемных работников. По уровню стачечной активности (вовлеченности в забастовки) транспортники и связисты уступали только горнякам и строителям.

Борьба пролетариев, занятых в сфере производства, оказывала мощное влияние на характер всего американского рабочего движения. Классовые взаимоотношения в торговле, сфере услуг, финансовых и государственных учреждениях характеризовались также прогрессирующим нарастанием забастовочной борьбы. Отличительной тенденцией забастовочной борьбы американских трудящихся этого десятилетия явился небывалый рост числа стачек государственных служащих. В 70-е годы по сравнению с 50-ми число забастовок в государственном секторе увеличилось более чем в 17 раз, участников — в 60, потерянных человеко-дней —

---

[34] Ibid., 1978, June 22.

более чем в 90 раз [35]. Втягивание трудящихся непроизводственной сферы в стачечную борьбу представляет собой одно из важнейших условий для укрепления единства действий всех отрядов американского рабочего класса.

Снижение относительного удельного веса бастующих не следует истолковывать как сужение сферы конфликта и расширение сферы компромисса в трудовых отношениях. Как уже отмечалось, неуклонно нарастали упорство и напряженность стачечной борьбы. Изменение показателя вовлеченности трудящихся в стачечное движение обусловлено было главным образом происходящей сменой форм и методов экономической борьбы пролетариата. Эти сдвиги и тенденции и по сию пору еще не определились полностью и во всем объеме, арсенал новых средств и методов еще отрабатывается, но в ряде сфер и отраслей производства уже в 70-х годах наметились четкие контуры изменений.

Характерной особенностью развития забастовочного движения в 70-х годах в США явилось значительное расширение арсенала методов стачечных выступлений. В условиях все возрастающей социальной значимости труда рабочих в процессе производства в ряде случаев создается реальная возможность добиваться удовлетворения требований бастующих не посредством продолжительных стачек, а путем применения точно рассчитанных кратковременных ударов по наиболее чувствительным, «нервным центрам» производственного процесса.

Американский пролетариат чаще использовал и такие приемы и средства борьбы (подчас заимствованные из опыта трудящихся других стран), как выборочные и прерывистые забастовки, поочередная остановка работы на отдельных (как правило, ключевых) участках производства либо в разных цехах предприятия [36]. Так, серия кратковременных выборочных стачек была проведена профсоюзом рабочих автомобильной промышленности в 1976 г. на 16 заводах ведущей монополии отрасли — «Дженерал моторз». Ранее та же тактика использовалась автомобилестроителями против этой компании в 1972 г., когда прекращалась работа поочередно на 10 заводах. Орган министерства труда США «Мансли лейбор ревью» резюмировал: «Стратегия „кратковременных ударов“ — мини-стачек в данном случае вполне себя оправдывает: нанося значительный ущерб производству, она не требует от участников больших материальных жертв и не приводит к истощению забастовочного фонда профсоюза» [37].

В практике борьбы профсоюзных низов распространение получили и такие формы стачечных выступлений, как «забастовки усердия», или «работа строго по правилам», а также «согласованное замедление темпов труда» («слоудаунс»). Специфика их состояла в том, что они позволяли активно противодействовать новейшим методам капиталистической эксплуатации трудящихся, связанным с ростом интенсификации труда.

С конца 60-х годов все большее значение в стачечной борьбе трудящихся стал приобретать бойкот готовой продукции — мера, рассчитанная на срыв ее реализации и ослабление способности компании к сопротивлению. Обычно бойкот осуществляется в форме действий против магазинов, торгующих бойкотируемой продукцией (пикетирование, распростра-

[35] Подробнее о забастовочном движении государственных служащих см.: *Тарасова Н. Н.* Государственные работники США. М., 1982, с. 115—131.
[36] Auto Work and Its Discontents/Ed. by B. J. Widick. Baltimore; London, 1976, p. 92.
[37] Monthly Labor Review, 1973, Febr., p. 66—67.

нение листовок, призывающих оптовых потребителей и население отказываться от приобретения товаров или услуг данной компании, и т. п.). Бойкот в значительной мере эффективно дополнял прямые забастовочные действия. Эту тактику с успехом использовали рабочие-швейники предприятий фирмы «Фарах» в штатах Техас и Нью-Мексико в 1972 г., горняки в штате Кентукки в 1973 г. Победе бастующих рабочих «большой четверки» компаний резинотехнической промышленности США в 1976 г. в значительной мере способствовал международный бойкот, объявленный этим транснациональным корпорациям Международной конфедерацией рабочих химической промышленности. Самой ожесточенной, не имеющей равных по продолжительности и масштабам стала кампания бойкота в поддержку сельскохозяйственных рабочих [38].

В 1977 г. проводилось семь общенациональных кампаний бойкота продукции корпораций, не допускавших создания профсоюзов на своих предприятиях. Многолетнюю борьбу за профсоюзные права, за коллективный договор вели рабочие-текстильщики фирмы «Дж. П. Стивенс». Проявлением растущей классовой солидарности американских трудящихся стал День протеста 30 ноября 1978 г., когда по инициативе профсоюзов в 95 городах Соединенных Штатов и Канады прошли массовые митинги и демонстрации в поддрежку справедливых требований текстильщиков.

В 70-е годы центральное направление классовой борьбы трудящихся США — забастовочное движение существенно дополнялось и усиливалось массовыми общедемократическими течениями. Происходило сближение интересов участников стачечных выступлений и других движений социального протеста, охватывающих самые широкие массы трудящихся. В условиях массовой безработицы и непрекращающейся инфляции, усиления прямого вмешательства государства в трудовые конфликты на стороне монополий для профсоюзов становится все более очевидной необходимость активного использования политических методов борьбы за экономические и социальные требования.

Свидетельством определенной политизации экономической борьбы и обогащения ее новыми формами стали такие хорошо организованные мероприятия, как митинги, демонстрации, марши протеста, проведенные в различных городах и в столице страны. В ходе этих выступлений трудящиеся требовали принятия необходимых мер по обеспечению занятости, включая значительное расширение программ общественных работ, федеральной помощи большим городам, сокращения военных расходов, создания действенной системы здравоохранения, облегчения налогового бремени.

2. ПРОФСОЮЗЫ: ПОИСК ИДЕЙНОЙ ПОЗИЦИИ

На протяжении всех послевоенных десятилетий буржуазные аналитики предрекали «исчезновение» рабочего движения в США, растворение его в аморфных по своему характеру общественных инициативах, носящих, как правило, локальный характер и сосредоточенных на сугубо узких и частных конкретных проблемах. Изменения в структуре экономики, обострившаяся конкуренция на мировых товарных и сырьевых рын-

[38] Daily World, 1977, Dec. 10; 1979, Mar. 15.

ках, широкое применение в производстве новейших научно-технических достижений приводили этих теоретиков к выводу, что ничто не способно вернуть рабочему движению США присущие ему некогда чувство классовой особности, динамизм, бунтарский дух, понимание собственного предназначения быть гарантом завоеваний трудящихся, стремление влиять на общегосударственные дела. Курс на «классовое сотрудничество», упорно насаждаемый группой Мини в руководстве АФТ—КПП на протяжении многих лет, рекламировался как воплощение сущности и назначения современного американского тред-юнионизма, условие его успеха.

Во всех подобных рассуждениях извращенно истолковывались цели рабочего движения, его внутренний потенциал, в качестве составных компонентов которого важную роль играют стихийный почин и самодеятельность самих масс, их классовый инстинкт, энтузиазм, верность боевым традициям, их собственный политический опыт. Сколько раз в этой связи горе-прорицателям и могильщикам рабочего движения приходилось (как бы им этого ни хотелось) убеждаться в необоснованности своих прогнозов о «перерождении» и даже «вырождении» организованного рабочего движения.

Классовая борьба, справедливо подчеркивал Гэс Холл, сохраняет все свое кардинальное значение в развитии американского капитализма, а рабочему классу принадлежит главная роль в борьбе за социальный прогресс [39].

Исторический опыт убедительно свидетельствует, что рабочее движение США нельзя отождествлять с той пассивной, консервативной и даже реакционной линией, которой придерживалась профбюрократия, всецело полагавшаяся на милость капитала, «социальную инерцию», на тактику примирения с буржуазной действительностью, на сочувствие и поддержку государства. Источник жизненной силы борющегося пролетариата — в глубоком возмущении и несогласии с капиталистической эксплуатацией, в том духе борьбы с антинародной политикой правящей монополистической олигархии, которые всегда были присущи сознанию рядовых участников рабочего движения, рядовой массы. Именно эти факторы и в 70-х годах способствовали оживлению прогрессивного течения в профсоюзах США, хотя само по себе это движение членов профсоюзов, не желающих мириться с соглашательской, пассивной, конформистской политической линией профбюрократии,— явление не новое в американском тред-юнионизме. Достаточно вспомнить о таких важных эпизодах, как борьба рядовых в поддержку лозунга рабочего контроля, национализации, независимого политического действия в период первой мировой войны и в начале 20-х годов или история образования КПП в бурное предвоенное десятилетие 30-х годов. Обострение кризисных явлений, свойственных нынешней стадии ГМК, наступление монополий на права трудящихся под флагом политики «реиндустриализации» снова вызвали рост оппозиционных настроений в рабочих низах, протест и поиск эффективных ответных мер [40].

Подъем борьбы рядовых в конце 60-х — 70-е годы, по общему признанию, ослабил влияние процесса стагнации профдвижения, вызванного «холодной войной», и в определенной мере способствовал освобождению

[39] *Hall G.* For a Bigger and More Effective Communist Party.— Political Affairs, 1983, July-Aug., p. 4.

[40] Социальная психология классов. М., 1985, с. 114.

трудящихся от стереотипов чисто потребительского, приспособленческого мышления, повышению общественной активности — на разных уровнях и в разных формах — недавно еще пассивных контингентов армии труда. Левые силы сразу же высоко оценили эту тенденцию, а обширные комментарии буржуазной печати показывали, что оно не осталось незамеченным и теми, кто не испытывал к нему ни малейших симпатий. Однако внимание ведущих органов буржуазной печати объяснялось главным образом тревогой по поводу возможных перемен в верхнем эшелоне руководства АФТ—КПП и усиления на местах, в низовых звеньях разочарования и недовольства атмосферой застоя и низкого делячества, царящей среди лидеров профдвижения. Не случайно в конце 70-х годов, накануне двухгодичных съездов АФТ—КПП, лейтмотивом большинства оценок положения дел в профсоюзах в органах «большой прессы» стала тема упадка «внутренней дисциплины» в федерации и оппозиции курсу Мини.

Уход Мини осенью 1979 г. с поста президента АФТ—КПП ни для кого не был неожиданным. Даже консервативная печать объяснила это не столько ухудшением состояния здоровья престарелого профбосса, сколько давлением новых сил, сознающих ответственность за судьбы организованного рабочего движения и разочарованных концепцией «сердечного согласия» с капиталом, навязываемого им сверху много лет старыми лидерами. Особо подчеркивалось, что недовольство рядовых членов профсоюзов сложившимся положением касается не только неблагополучного состояния дел в их собственном «рабочем доме», но и затрагивает сферу «большой» политики. Газета «Вашингтон пост» писала, например, 15 октября 1978 г. о растущем недоверии со стороны рабочих к «жульнической игре в политику», ведущейся буржуазными партиями. Это еще раз подтверждало, что резкое замедление экономического роста с конца 60-х годов и кризис середины 70-х годов ослабили предрасположенность рабочих к благодушию и аполитичности, позволявшую монополистической буржуазии долгое время сравнительно легко и свободно манипулировать настроениями трудящихся масс, удерживая их под своим идеологическим влиянием.

Как мы видели, 70-е годы поставили перед рабочим движением ряд сложных, новых задач. В условиях внедрения новой техники, свертывания производства в старых отраслях, растущей хронической безработицы и черные и белые рабочие (особенно молодежь) испытывали все большую неуверенность в будущем, в судьбе своих семей. Стремительное вздорожание профессионально-технического обучения и кризис общеобразовательной школы на фоне непрерывно революционизирующегося производства все острее воспринимались ими как одно из неизбежных производных от социального неравенства. Оба эти фактора ставили рабочую молодежь в трудное положение, уменьшая возможности для адаптации в условиях быстро меняющейся экономической конъюнктуры.

Неудивительно, что поведение нового поколения рабочих, как об этом с тревогой возвестила консервативная печать, приковало к себе внимание многих руководителей корпораций. Выдвижение требования о предоставлении права на гарантированный труд в качестве важнейшей общественно-политической задачи наряду с растущим ощущением неудовлетворенности отупляющими условиями труда, его усиливающейся дегуманизацией приводило к существенному видоизменению характера

производственных конфликтов, вовлечению в их сферу таких вопросов организации и управления производством, которые буржуазное общество всегда рассматривало как незыблемую привилегию класса собственников и его менеджеров. Забастовочная борьба трудящихся все определеннее обнаруживала тенденцию к расширению диапазона социальных требований и активности различных категорий наемных работников (в частности, служащих, женщин), еще вчера либо пассивных, либо послушно следовавших за консервативными профлидерами. Данные многочисленных опросов и исследований, проведенных в 70-х — начале 80-х годов, подтверждают этот вывод [41].

Характерные для 70-х годов демографические сдвиги, смена поколений и омоложение рабочей силы вообще и профдвижения в частности (на чем делают ударение многие буржуазные аналитики) сами по себе не объясняют сути происходящих процессов в рабочем движении США. Видный деятель Компартии США Г. Грин справедливо указывал на необходимость увязывать жизненную позицию нового пополнения рабочего класса прежде всего с общими условиями, в которых проходит формирование его мировоззрения [42]. Знаменательно, что новое значительное усиление брожения в профсоюзных низах и оформление оппозиционных течений в профсоюзах совпали по времени с крупнейшим в истории американского капитализма «кризисом доверия» к буржуазным социально-политическим институтам в конце 60-х — начале 70-х годов, вызванным агрессивной войной во Вьетнаме, подрывом уверенности в экономических возможностях «общества благоденствия», его нравственной деградацией, коррупцией и злоупотреблением властью в политических верхах, упадком системы народного просвещения, ростом преступности и т. д.[43]

И старое, и новое поколения рабочего класса в одинаковой степени страдали от той линии, которую на протяжении более четырех десятилетий проводило руководство АФТ—КПП и которая вынудила американское профдвижение занять позиции глухой обороны. Дрейф по течению ничего не принес. Росли потери, сокращалась сфера влияния профдвижения, оно утрачивало былую популярность в глазах трудящихся [44]. Общий итог: к 1980 г. лишь 19,7% всей рабочей силы в США были объединены в профсоюзы [45]. Пораженческая тактика профлидеров и антипрофсоюзная практика предпринимателей, использующих широкий арсенал средств давления на организованных рабочих, создали для них исключительно опасную ситуацию.

Профсоюзное движение, как подчеркивается в документах Компартии США, вступило в критический период своего развития [46]. Яростная антипрофсоюзная кампания, ведущаяся с конца 60-х годов корпорациями под флагом восстановления в своих правах системы «открытого цеха», пользуясь поддержкой правительства и не встречая должного отпора со стороны руководства АФТ—КПП, грозила отбросить профсоюзы на по-

---

[41] *Levison A.* The Working-Class Majority. N. Y., 1974; The Changing Situation of Workers and Their Unions. A Report by the AFL—CIO Committee on the Evolution of Work, February 1985. Wash., 1985, p. 18, 19.
[42] *Грин Г.* Что происходит в американских профсоюзах. М., 1978, с. 307.
[43] Американское общественное мнение и политика. М., 1978, с. 145—291.
[44] The Changing Situation of Workers and Their Unions, p. 5, 13.
[45] Political Affairs, 1981, Febr., p. 31—37.
[46] Ibid., 1985, May, p. 22.

зиции 20-х годов. Опираясь на антирабочее законодательство, правительство и корпорации получили возможность контролировать внутреннюю жизнь профсоюзов, тем самым создавая дополнительные трудности в отправлении ими функций коллективной защиты интересов трудящихся. Картину дополнял отрицательный баланс, сложившийся к концу 70-х годов и в отношениях профсоюзов с законодателями: профдвижение, в сущности, проиграло все важные для него парламентские сражения (включая и кампанию в защиту билля Хэмфри—Хоукинса о полной занятости).

Таким образом, дальнейшее углубление общего кризиса капитализма ставило перед пролетариатом ряд сложнейших практических и идеологических проблем, решение которых невозможно без преодоления привычных догм и предрассудков, изживших себя тактических установок, приемов и методов борьбы, привитых многими годами господства «чистого и делового юнионизма». Во весь рост встал вопрос о перегруппировке сил рабочего движения, способной сообщить ему новый импульс. И 70-е годы дали определенные доказательства того, что стремление к переменам становилось не только внутренней потребностью все большего числа рабочих, но и проявилось в руководящем звене профдвижения.

Значительное оживление оппозиционных современному гомперсизму настроений в рабочих массах и усиление критики профбюрократии снизу наблюдались во второй половине 60-х годов. В некоторых профсоюзах поддержанные рядовыми членами сторонники пересмотра прежней линии добились смещения представителей профбюрократии, полностью скомпрометировавших себя прислужничеством капиталу, превративших свои выборные должности в доходный бизнес. Однако, как правило, платформа оппозиционного течения включала пункты, не идущие, в сущности, дальше традиционных «жалоб» профсоюзов (признания принципа выслуги лет, контроль за внедрением технологических новшеств и установлением системы льготных выплат и т. д.). Политическая мотивация недовольства проявлялась редко и слабо, главным образом в спорадических вспышках несогласия с откровенно реакционным внешнеполитическим курсом Исполнительного совета АФТ—КПП. Более определенно политический радикализм дал о себе знать в связи с подъемом борьбы за гражданские права черных американцев, хотя истоки его можно проследить и раньше — в протесте против маккартистских преследований, поддержке борьбы за легализацию Компартии США и т. д.

Восстания в негритянских гетто в 1967, 1968 гг., выступления против агрессии во Вьетнаме, раскрыв всю глубину социального неравенства в американском обществе и империалистическую сущность внешней политики Вашингтона, ускорили оформление левых групп в профсоюзах, особенно среди их черных членов. Только в Детройте появилось до десятка сравнительно малочисленных, но по-боевому настроенных левых групп, заявивших о желании не только положить конец расовой дискриминации на автомобилестроительных заводах, но и бороться за ликвидацию системы эксплуатации наемного труда, угнетения человека человеком, против политики милитаризации и войны.

Сложившиеся на заводах «Крайслер» и «Форд мотор» леворадикальные группы молодых рабочих вначале пошли по самому легкому пути — заимствовали свои лозунги главным образом из идейного арсенала теоретиков черного сепаратизма и национализма. Однако по ряду важных

вопросов стратегии и тактики борьбы с расовым угнетением и капиталистической эксплуатацией их руководители приходили в целом к верным суждениям, несмотря на путаницу, возникшую под влиянием скороспелых концепций мелкобуржуазных теоретиков типа С. Кармайкла, Малькольма Х., Р. Вильямса и др. Так, в программных документах черных радикалов на заводах Детройта была сформулирована (хотя и не всегда ясно и четко) идея о пролетариате как самостоятельном классе, способном выполнить великую миссию, возложенную на него историей,— служить опорой и главной силой в борьбе за общество без эксплуататоров и против эксплуататоров, свободного от расового и национального угнетения.

Бросалось в глаза, что в этих документах недвусмысленное отрицание капитализма как системы сочеталось с элементами этноцентризма и недооценкой реальных сложностей борьбы, стремлением как бы перепрыгнуть через них. Тем не менее восприятие общественных противоположностей в них было выражено уже не в расплывчатой форме («Власть черным»), а в категориях политической экономии. Акцент делался на материальные корни существующих классовых противоположностей, на необходимость ликвидации эксплуатации человека человеком и создания такого социально-экономического порядка, который обеспечил бы в конечном счете всестороннее и гармоническое развитие всех членов общества и каждого в отдельности. Руководители радикальной фракции в профдвижении Детройта были сторонниками общественной собственности на средства производства.

Идейно-организационные принципы радикального движения среди черных рабочих Детройта и ряда других промышленных центров (черных кокусов) в конце 60-х годов обнаруживали определенное сходство с платформой революционного анархо-синдикализма начала XX в., и, так же как ИРМ, им, например, не удалось до конца преодолеть влияние мелкобуржуазной идеологии и подняться до подлинного понимания исторической миссии рабочего класса, т. е. до сознания того, что он может освободить себя от ига капитала, лишь освобождая от него все общество. Сектантская позиция ИРМ, как известно, стала его ахиллесовой пятой. В свою очередь, та же позиция, взятая на вооружение черными радикалами и помноженная на этноцентризм, сразу же серьезно ослабила их влияние и ограничила ареал деятельности. Помимо этого, оба течения сближала опасная склонность абсолютизировать излюбленную тактику «прямого действия», не считаясь с меняющимися условиями, преувеличивать значение либо одной, либо другой черты капиталистического развития, не видеть взаимосвязи между ними.

Существовало и различие. Известно, например, что ИРМ в своем большинстве не уяснили себе, что классовая борьба становится последовательной, вполне развитой только тогда, когда охватывает область политики. Уоббли, уповая на «прямые действия», отвергали политическую деятельность и отрицали необходимость политической партии пролетариата. Отношение черных радикалов к политике было более сложным и меняющимся в ходе борьбы. Первоначально, в принципе признавая необходимость политической организации рабочего класса, черные кокусы в Детройте, других промышленных центрах тем не менее в самонадеянной запальчивости видели в собственном лице некий прообраз будущей партии, способной возглавить всеобщую борьбу с уг-

нетением. Они делали ставку на стихийное восстание, спонтанный взрыв и не задумывались серьезно, какими же должны быть эта партия, ее организационное строение, идейно-политические принципы, стратегия и тактика.

Однако к 1970 г. была сделана серьезная попытка предложить идею «авангардной» партии черного пролетариата [47]. Это означало, что, придя в принципе к верному выводу о необходимости развития высшей формы движения — политической, черные радикалы сползли к доведенному до абсурда ошибочному толкованию его организационных основ в виде тезиса об обособленной политической организации черного меньшинства, осуществляющей монопольное право представлять черных рабочих и их интересы.

Сама жизнь опровергла эти претензии и эту порочную стратегию, выдвигаемую от имени марксизма, но основанную на цвете кожи и на идее расовой исключительности. Довольно скоро даже многие ее горячие сторонники смогли убедиться, что, проповедуя принцип партийной обособленности, они как бы узаконивают и освящают величайшее зло — отчужденность черных и белых рабочих, ослабляющую их общее сопротивление монополистическому капиталу, мешающую вести правильное, скоординированное наступление на его позиции. Уроки кризиса партии «Черные пантеры» в условиях спада массового демократического движения, роста консервативных настроений части белого населения и усиления полицейского террора не прошли даром. Росло понимание того, что развертывание всякого движения в защиту интересов трудящихся или угнетаемых расизмом групп и национальностей требует союза со всем рабочим классом и преодоления груза политического сектантства, национализма и расового обособления.

Постигая уроки негритянских восстаний в гетто, пагубность проповеди расовой обособленности и «двух параллельных потоков» в рабочем движении, левые силы в профдвижении шаг за шагом приходили к более продуманному и лучше отвечающему условиям борьбы тактическому плану завоевания широких масс на сторону передовых социальных идеалов. Важную роль в этом сыграли Компартия США и созданный в 1970 г. Национальный координационный комитет за профсоюзные действия и демократию (КПДЛ). Их целенаправленная и пропагандистская деятельность подорвала идейное влияние псевдомарксистских, левацких элементов, поклонников революционной фразы и авантюристических эскапад. В результате идеологического возмужания левого течения в профдвижении экстремистские настроения теряли своих сторонников.

Хотя притязания революционных кокусов Детройта, где их активность в конце 60-х—начале 70-х годов была наибольшей, возглавить массовую борьбу за обновление профдвижения не оправдались, тем не менее само их появление разбудило более широкое и массовое движение. Из всех инициатив в этом смысле наиболее многообещающей оказалась та, которая увенчалась созданием Национальной коалиции черных членов профсоюзов на Учредительном съезде в Чикаго в сентябре 1972 г. С самого начала ее организаторы дали понять, что отвергают концепцию «двух потоков» и не собираются создавать сепаратной организации. Вместе

[47] W. Reuther Library, Archives of Labor History and Urban Affairs, Vertical File, League of Revolutionary Black Workers, General Policy Statement and Labor Program, 1970.

с тем исходная задача, поставленная черными кокусами,— достижение полного равноправия черных рабочих в старых профсоюзах, усиление их роли в определении политики руководства всего профдвижения США — была подтверждена. Выражение поддержки в борьбе за широкие преобразования, осуждение консерватизма также отражали известную близость идейной позиции руководителей коалиции и движения черных кокусов.

Съезд коалиции в 1978 г. сделал новый шаг вперед, выдвинув развернутую социально-экономическую платформу, включавшую требование принятия программ, способствующих облегчению трудоустройства черных и представителей других этнических групп, реформы налогообложения трудящихся, образования фондов общественных работ, более равномерного распределения занятости и государственного контроля за режимом работы предприятий. Была принята резолюция в поддержку усилий народов Африки добиться уничтожения остатков колониализма «любыми средствами, имеющимися в их распоряжении, включая и вооруженную борьбу». Съезд выступил также в защиту требования о введении государственной системы здравоохранения, поддержал законопроект о реформе трудового права и требование комплекса мероприятий, направленных на ликвидацию фактического бесправия черных американцев [48].

Само по себе движение рядовых членов профсоюзов в США никогда не было ни локальным, ни замкнутым явлением в расовом или отраслевом отношении, оно никогда не было и движением исключительно низкооплачиваемых групп «синих воротничков». Оно охватывало рабочих и служащих всех профессий вплоть до самых привилегированных. Существовала и тенденция придать движению рядовых межотраслевой и межрасовый характер, сплотить его вокруг общей платформы внутренних преобразований в профсоюзах в целях превращения их в массовые, боевые, прогрессивные демократические организации, способные нанести поражение главному врагу — монополистическому капиталу. И хотя самым большим препятствием на пути осуществления идеи единства рабочего класса США был и остается раскол в его рядах, культивируемый монополистическим капиталом, всем укладом жизни в американском обществе, к концу 70-х годов эта тенденция несколько ослабевает, а стремление к единству действий крепнет. Сильнее всего это проявилось у сталелитейщиков.

Бездеятельность и равнодушие лидеров профсоюза сталелитейщиков к судьбам рядовых рабочих (и белых, и цветных) в условиях упадка этой отрасли промышленности, отмеченного свертыванием производства, сокращением занятости, вызвали сильное брожение низов в начале 70-х годов, давшее толчок к сближению различных левых и центристских групп и фракций. Поддержанная массами кампания за избрание президентом союза представителя рядовых Эда Садловского в 1974 г. развивалась на компромиссной левоцентристской платформе. Она включала среди прочих положений и новое понимание принципов демократии, противостоящее засилью монополий в экономике и политике, и требование рабочего представительства в высших органах власти страны. Многие крупные местные отделения союза, поддержавшие Садловского, и он сам выступали за национализацию сталелитейной и нефтяной промышленности [49].

[48] Political Affairs, 1979, Febr., p. 24.
[49] Daily World, 1978, July 6, p. 1; In These Times, 1979, Oct. 23—30, p. 18.

В ведущей отрасли американской экономики — автомобилестроении в силу большей раздробленности движения рядовых, сектантских позиций лидеров многих черных кокусов, наконец, гибкой тактики уступок, которую избрало руководство профсоюза автомобильной и аэрокосмической промышленности, тенденция к сплочению развивалась медленнее и сложнее. Здесь оппозиция рядовых, миновав этап бурного подъема в конце 60-х—начале 70-х годов, вступила во второй половине 70-х годов в новую фазу параллельного развития самостоятельных течений, ни одно из которых хотя прямо и не оспаривало ведущую роль группы лидеров союза во главе с Фрейзером, тем не менее оказывало на нее серьезное давление. И на съездах союза, и в промежутках между ними эти течения выступали подчас как весьма внушительная сила, с которой исполком профсоюза был вынужден считаться. Порой они брали на себя инициативу выдвижения «пакета» экономических и политических требований, часть которых предусматривала широкие демократические преобразования политической и социальной структуры общества, ограничение господства монополий путем реализации целой системы мероприятий, включая национализацию основных отраслей экономики, внедрение демократического контроля над управлением производством, учетом и распределением.

Вообще в 70-х годах повышение уровня требований рядовых стало заметной тенденцией. Так, оформившееся в начале 70-х годов в центрах автомобильной промышленности новое течение, называвшее себя Объединенным движением национальных комитетов, на съезде профсоюза рабочих автопромышленности в 1974 г. внесло ряд важных резолюций в защиту независимого политического действия рабочих путем создания массовой рабочей партии, национализации энергетических ресурсов, организации безработных и т. д. Платформа Объединенного движения национальных комитетов, обнародованная в январе 1975 г., предусматривала ряд важных мер, нацеленных на решение проблемы номер один — растущей безработицы. Предлагалось, в частности, запретить практику увольнений и перевод заводов в другие районы, сократить рабочий день, ввести 30-часовую рабочую неделю, упразднить сверхурочную работу, и т. д. Компании, которые не могли поддерживать занятость на определенном уровне, подлежали национализации и передаче в руки рабочего самоуправления [50].

Учитывая настроения низов, руководство профсоюза автомобильной и аэрокосмической промышленности вынуждено было поддерживать некоторые требования рядовых. На съезде профсоюза в 1979 г. президент союза Д. Фрейзер критиковал нефтяные монополии и их политику цен, высказывался в пользу создания государственной энергетической корпорации, способной на равных конкурировать с частными компаниями [51]. В связи с угрозой банкротства корпорации «Крайслер» Исполком союза поставил вопрос о возможности приобретения государством контрольного пакета акций этого автомобильного гиганта [52]. Дебаты по этому вопросу отражают приливы и отливы движения за частичную национализацию как одну из форм вторжения государства в экономику в интересах

---

[50] Network. Voice of UAW Militants, 1979, Febr.-Mar., N 1.
[51] Labor Notes, 1979, July 21, p. 3.
[52] In These Times, 1979, Nov. 7—13, p. 3.

трудящихся ради спасения отраслей, оказавшихся на грани «умирания» [53].

Обострение внутренних и внешних противоречий американского капитализма во второй половине 70-х годов, перспектива углубления и умножения экономических трудностей, дальнейшая поляризация классовых интересов в стране вызывали появление новых явлений в рабочем движении США. Заметное оживление интереса рядовых рабочих к проблемам регулирования экономики, структуры федерального бюджета, перераспределения национального дохода, самоуправления на производстве, к вопросу о создании самостоятельной рабочей партии сделало их критику руководства профдвижением более социально направленной, острой и глубокой. Громче стали звучать требования о пересмотре политики либерального реформизма, нацеленной всего лишь на подновление существующей системы. Такой образ мышления все чаще признавался уже устаревшим, бесплодным, как и пассивность в сфере политики. Не случайно именно на местах на базе тред-юнионов стали возникать широкие демократические коалиции, бросающие вызов политическим машинам демократов и республиканцев и часто действующие в традициях антимонополистического движения.

Движение рядовых, или, точнее сказать, его идейно-политические и этические принципы, повлияло и на расстановку сил в верхнем эшелоне профдвижения. Развернулась борьба за обновление руководства профдвижением в угольной промышленности. Была создана организация «Шахтеры в борьбе за демократию», которая одержала победу в 1972 г., когда был свергнут прежний президент Объединенного союза горняков Тони Бойл. По инициативе союза рабочих автомобильной промышленности в октябре 1978 г. был создан так называемый Прогрессивный альянс. Стихийный почин рядовых членов профсоюзов автомобилестроителей, горняков, металлургов, водителей грузовых машин внес живую струю в застойную атмосферу в профдвижении США. Важно отметить, что его обличительный пафос был нацелен не на персональные изменения в руководящих органах крупнейших американских профсоюзов. Вопрос ставился в более широком плане, а именно о восстановлении в правах традиций боевого, прогрессивного тред-юнионизма, не отгораживающегося от политического радикализма и не чурающегося идеи достижения подлинного социального равенства.

Новый дух сопротивления, поисков и надежд, присущий движению рядовых, содействовал выдвижению новых рабочих лидеров, способных мыслить масштабами национальных проблем и не зараженных ядом антикоммунизма, возглавивших некоторые союзы. Позитивные сдвиги, отмечалось на XXII съезде КП США, произошли на всех уровнях профсоюзного движения [54].

Эта тенденция проявилась на созванной в 1978 г. по инициативе руководства профсоюза автомобилестроителей конференции в Детройте. Выступая на ней, Д. Фрейзер говорил о необходимости создания нового союза «для изменения американской политической системы путем превращения ее в более ответственную, разумную и демократическую» [55].

---

[53] Daily World, 1981, Mar. 20.
[54] Ibid., 1980, Oct. 16, p. 14; 1981, Mar. 20, p. 4.
[55] США – экономика, политика, идеология, 1980, № 2, с. 33.

Она проявилась и в изменении позиции многих крупных профсоюзов в отношении проблем внешней политики. Весной 1979 г. в поддержку возвращения к разрядке высказались Межнациональный профсоюз механиков и рабочих авиакосмической промышленности, профсоюз государственных служащих, профсоюзы работников пищевой, швейной, текстильной, автомобильной и аэрокосмической промышленности, Национальный союз горняков и др. Руководители некоторых из них входили в Исполнительный совет АФТ—КПП. Орган Компартии США писал в 1983 г.: «Сейчас внутри Исполнительного совета АФТ—КПП существует значительная группа деятелей, выступающих за мир. Самый крупный профсоюз, Межнациональный профсоюз механиков, в котором представлено много рабочих с военных предприятий, играет лидирующую роль в движении за замораживание ядерных вооружений» [56].

В 70-е годы активизируются социал-демократические группы. Правое крыло американской социал-демократии представляет организация под названием Социал-демократы США (СД США), левое крыло — Демократические социалисты США (ДС США) [57]. Основным полем деятельности для американских социал-демократов являются профсоюзы и демократическая партия. Американские коммунисты, анализируя развитие внутренних процессов в АФТ—КПП и демократической партии, отмечали, что до начала 70-х годов социал-демократы играли второстепенную роль в определении политики, которая проводилась верхушкой АФТ—КПП. Однако им удалось значительно расширить свое влияние в тех профсоюзах, которые были недовольны откровенно соглашательской политикой руководства федерации.

Во второй половине 70-х годов определенных успехов как внутри профсоюзов, так и в рамках демократической партии добились социал-демократы США из ОКДС. Эта организация стала играть заметную роль в избирательной борьбе. С 1976 г. социалистам США впервые удалось провести в конгресс США своего представителя — Рональда Делламса из Калифорнии. ОКДС усилил влияние внутри таких профсоюзов, как Межнациональный профсоюз машиностроителей и аэрокосмической промышленности, среди членов профсоюза автомобилестроителей, профсоюза служащих учреждений штатов, округов и муниципалитетов, Объединенного профсоюза сельскохозяйственных рабочих и ряда других профсоюзов.

---

[56] Political Affairs, 1983, June, p. 33.

[57] Как СД США, так и ДС США считают себя наследниками старой Социалистической партии Америки (СПА). После периода роста численности и влияния в партии в начале XX в. наступает длительная полоса расколов и разногласий, что приводит к резкому сокращению ее рядов (особенно после раскола в 1936 г.) и образованию наряду со СПА Социал-демократической федерации (СДФ). С 1936 по 1956 г. СДФ имела своего представителя в Социнтерне наряду с представителем от СПА. Формальное объединение, которое выразилось, в частности, в том, что СПА и СДФ послали общего представителя в Социнтерн, произошло в 1957 г. Тогда же СПА отказалась выставлять своих кандидатов на выборах. Закрепило это объединение их полное слияние в 1972 г. в организацию, принявшую название Социал-демократы США (СД США). В 1973 г. в СД США произошел новый раскол, после чего левое крыло под руководством М. Харрингтона создало свое объединение — Организационный комитет демократических социалистов (ОКДС). В 1982 г. ОКДС объединился с небольшой леворадикальной организацией Новое американское движение и стал называться Демократические социалисты США. Подробнее см.: *Мигранян А. М.* Эволюция социалистической партии США.— Рабочий класс и соврем. мир, 1977, № 4.

Если правые социал-демократы считают «государство всеобщего благосостояния» венцом американского развития, то сторонники ОКДС в многочисленных публикациях заявляют, что «государство всеобщего благосостояния» не представляет собой разрыва с капитализмом, является всего лишь логическим его продолжением, и требуют выхода за пределы «государства всеобщего благосостояния», выступая, впрочем, с социал-реформистских позиций. М. Харрингтон объявил на съезде ОКДС, проходившем в феврале 1979 г. в Хьюстоне, что организация превратилась в «программный центр демократических левых внутри демократической партии»[58]. На этом же съезде указывалось, что, включившись в активную борьбу за полную занятость, ОКДС в 1976 г. организовал коалицию, состоявшую из членов профсоюзов, из групп национальных меньшинств и общественных деятелей, выступающих за реформы. Эта коалиция в 1977 г. организовала движение «Демократическая повестка». Ее платформа — обеспечение полной занятости, создание государственного сектора в энергетике, ликвидация контроля частных корпораций над рынками, создание всеохватывающей государственной системы здравоохранения и ряд других мер.

Как ОКДС, так и профсоюзы, в которых сильны позиции социал-демократов, выступали за замораживание ядерного оружия, за ратификацию договора ОСВ-2 и продолжение политики разрядки международной напряженности. ОКДС активно участвовал в работе коалиции миролюбивых сил Нью-Йорка (в нее входят и коммунисты), которая организовала марш 12 июня 1982 г. под девизом «Помоги предотвратить ядерную войну». Профсоюзные лидеры, связанные с социал-демократическим движением США, М. Финли — президент Объединенного профсоюза служащих учреждений штатов, округов и муниципалитетов, У. Уинн — президент Объединенного профсоюза работников пищевой промышленности и торговли и У. Уинписинджер — президент Межнационального профсоюза механиков и работников авиакосмической промышленности выступали за замораживание ядерных арсеналов и достижение соответствующих соглашений между США и СССР.

Американские социал-демократы большое внимание уделяют пропаганде «шведской модели» социализма. ОКДС, являясь членом Социнтерна, с согласия его руководства в декабре 1980 г. организовал в Вашингтоне международную конференцию «Евросоциализм и Америка: международный обмен мнениями». В ней участвовали В. Брандт, У. Пальме, Ф. Миттеран, Ф. Гонсалес, М. Рокар, И. ден Ойл, Т. Бенн и многие другие видные деятели социал-демократии[59]. Конференция в Вашингтоне высказалась против вмешательства США во внутренние дела Никарагуа и Сальвадора и призвала активизировать действия всех миролюбивых сил для предотвращения термоядерной войны.

Социалистический идеал не стал пока ведущим элементом массового политического сознания американского рабочего класса. Тем заметнее роль движения рядовых, а также левоцентристских групп в профсоюзах, которые своей критикой капиталистической действительности узаконивают дискуссии в профсоюзах о социалистической альтернативе, содействуя одновременно и повышению общего уровня борьбы за непосредственные интересы трудящихся.

[58] Nation, 1979, Apr. 7, p. 361.
[59] Рабочий класс и соврем. мир, 1984, № 6, с. 122—123.

3. МАССОВЫЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Во внутриполитической жизни США, одном из самых крупных полиэтнических государств мира, на территории которого проживает более 100 этнических групп, национальный фактор всегда играл заметную роль. На 1980 г. из 226,5 млн. населения свыше 50 млн. составляли расовые и национальные меньшинства. Они были объектом жестокой эксплуатации со стороны капитала [60].

На современном этапе развития американского общества расово-национальная дискриминация принимает все более изощренные формы. Ожесточенные битвы с расизмом, за гражданские права, развернувшиеся в 60-х годах, принесли лишь ограниченные результаты. Политика дискриминации, жертвами которой, помимо афро-американцев, всегда были и остаются коренные жители Америки — индейцы, а также мексиканцы, пуэрториканцы, выходцы из Латинской Америки и азиатских стран, по-прежнему распространяется на различные сферы экономической, общественно-политической и культурной жизни страны. «Правящий класс США,— говорится в Новой программе Коммунистической партии США,— рассматривает эту систему угнетения как орудие получения дополнительной прибыли и как важный компонент политического и идеологического господства в нашей стране» [61].

В результате политики геноцида, проводимой властями США по отношению к коренному населению страны на протяжении многих десятилетий, из 10 млн. индейцев, населявших Североамериканский континент до его колонизации европейцами, в 1980 г. остался, включая эскимосов и алеутов, 1,4 млн.[62] В числе почти уничтоженных племен — могиканы, оттава, пекоты, наррагансетты, могауки, поканокеты и множество других. В 70-х годах в США проживало 173 индейских племени. Расселены они или в городских гетто Нью-Йорка, Чикаго, Сан-Франциско, или в оставшихся резервациях, занимающих 3% территории страны [63]. Говоря

---

[60] Statistical Abstract of the United States, 1985. Wash., 1985, p. 17. Автор книги «Этнический миф» американский социолог С. Стайнберг отмечал: «Этнический плюрализм в Америке уходит своими корнями в завоевание, рабство и эксплуатацию иностранного труда» (*Steinberg S.* Ethnic Myth: Race, Ethnicity, and Class in America. N. Y., 1981, p. 5).

[61] Новая программа Коммунистической партии США.— США — экономика, политика, идеология, 1983, № 2, с. 123. По подсчетам В. Перло, в 1982 г. сверхприбыли от эксплуатации национальных меньшинств в США составили 119 млрд. долл.: за счет черных — 85 млрд. долл., лиц испанского происхождения — 31 млрд., коренных американцев и других угнетенных народов — 3 млрд. долл. См.: *Perlo V.* Reaganism-Hooverism of the 80's.— Political Affairs, 1984, Mar., p. 7.

[62] Statistical Abstract of the United States, 1985, p. 17.

[63] Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. Cambridge (Mass.); London, 1980, p. 58. К самым крупным племенам относятся: навахо, проживающее в резервации, расположенной в пустынных областях штатов Аризона, Юта и Нью-Мексико; апачи рассредоточены в резервациях Форт Апачи и Сан-Карлос (штат Аризона); чероки сконцентрированы в штатах Северная Каролина и Оклахома; семинолы — во Флориде и Оклахоме; племена Союза ирокезов разобщены по девяти резервациям штатов Нью-Мексико, Оклахома, Висконсин и др. См.: Расы и народы. М., 1982, вып. 12, с. 228. В резервациях ветхие, жалкие жилища, практически весь жилой фонд находится в аварийном состоянии, здесь нет возможности най-

о положении коренных жителей в 60-х годах, видные американские историки пишут: «...семейный доход индейцев был на 1 тыс. долл. меньше дохода черных. Безработица — выше, чем по стране в целом, особенно в резервациях. Жизненный уровень — в 10 раз ниже общенационального. Самоубийства среди индейской молодежи совершались в 100 раз чаще по сравнению с белой молодежью»[64].

Самой большой по численности после афро-американской группы является этническая группа испанского происхождения — 14,6 млн., из них 7 млн. мексиканцев[65]. Эту этническую общность составляют потомки мексиканцев, заселявших территории, присоединенные к США после войны с Мексикой 1846—1848 гг., и иммигранты из Мексики, прибывшие сюда в начале и середине XX в. и продолжающие прибывать. Проживают американцы мексиканского происхождения в основном в юго-западных штатах США, в частности в Нью-Мексико, Аризоне, Техасе, Калифорнии, Колорадо.

По переписи 1980 г., численность другой испаноязычной группы — пуэрториканской — составила 1,8 млн.[66] Поскольку в 1952 г. о-в Пуэрто-Рико получил официальный политический статус — «свободно присоединившееся к США государство» (реально он продолжает оставаться в колониальной зависимости от Соединенных Штатов), пуэрториканцы юридически являются гражданами США, хотя фактически относятся к числу наиболее угнетенных категорий населения. Основная часть пуэрториканцев сконцентрирована в г. Нью-Йорке (более 50%) и Чикаго, немало их живет в штатах Нью-Джерси, Калифорния, Коннектикут, Массачусетс, Огайо и др.

Этнический состав населения страны представляют также 3,5 млн. выходцев из Азии и о-вов Тихого океана[67], включая китайцев — 806 тыс., филиппинцев — 774,7 тыс., японцев — 701 тыс., корейцев — 354,6 тыс., вьетнамцев — 261,7 тыс. и др.[68]

Как известно, особую остроту национальный вопрос в США приобрел в послевоенные годы, когда в результате обострения социальных противоречий резко активизировалась борьба национальных меньшинств за гражданские права. Причины, вызвавшие рост их самосознания, были те же, что и у черных американцев. Не желая мириться с положением граждан «второго», а то и «третьего сорта», представители других национальных меньшинств США выступили за повышение своего социального и политического статуса[69]. В 50—60-х годах в условиях мощного

ти работу, не хватает школ, транспорта, медицинских учреждений, широко распространены болезни.

[64] *Freidel F., Brinkley A.* America in the Twentieth Century. N. Y., 1982, p. 482.

[65] Statistical Abstract of the United States, 1985, p. 17.

[66] Immigration: New Americans, Old Questions. N. Y., 1981, p. 2.

[67] Statistical Abstract of the United States, 1985, p. 17.

[68] Statistical Abstract of the United States, 1982—83. Wash., 1982, p. 32.

[69] Американская академическая наука, до недавнего времени игнорировавшая проблему межэтнических отношений, вынуждена была признать, что возникшая в прошлом шовинистическая модель «американизации», в соответствии с которой все иммигрантские группы должны были усваивать систему ценностей господствующей англосаксонской расы, потерпела провал. См.: *Polenberg R.* One Nation Divisible. Class, Race, and Ethnicity in the United States since 1938. N. Y., 1980, p. 246. Суть американизации состояла в насильственной ассимиляции народов, не относящихся к англосаксонской расе, в уничтожении их духовного наследия и культуры.

подъема движения черных американцев стало набирать силу и движение индейцев, толчком для которого послужило принятие конгрессом в середине 50-х годов законодательства о «релокации» (переселение индейского населения в города в целях уничтожения поселений) и «терминации» (отказ федерального правительства от всех взятых на себя обязательств в отношении индейцев) [70]. В ходе своих выступлений коренные жители Америки требовали соблюдения договоров относительно их прав на определенные территории и природные ресурсы, которые были заключены в XIX – начале XX в. между правительством США и индейскими племенами; выплаты компенсации за земли, незаконно захваченные белыми; признания права на самоопределение и т. д.

Стало шириться и движение за социально-экономическое и политическое равноправие среди испаноязычных граждан мексиканского происхождения, требовавших, чтобы «их видели и слышали в США, знали об их существовании» [71]. Главными для мексиканского населения были требования, связанные с трудоустройством, здравоохранением и образованием. На первом плане находились проблемы экономические. Это объяснялось тем, что на юго-западе страны, где сконцентрировано основное мексиканское население, безработица среди цветных в середине 60-х годов была в 2 раза выше, чем среди белых [72]. Около 80% мексиканцев выполняли низкооплачиваемую тяжелую физическую работу. Подъем движения чиканос [73] преследовал также цель сохранения самобытных традиций и культуры.

Постепенно среди факторов, вызывавших рост протеста мексиканцев, важное значение стал приобретать лозунг борьбы против их политического бесправия. Как указывалось в докладе Комиссии по гражданским правам в 1968 г., участие американцев мексиканского происхождения в политической жизни страны находилось на чрезвычайно низком уровне. Число их представителей в конгрессе и в законодательных органах юго-западных штатов, за исключением штата Нью-Мексико, было небольшим, а в законодательном органе штата Калифорния они практически отсутствовали.

В нелучшем положении находились и другие представители испаноязычного населения США. Данные переписи 1960 г. засвидетельствовали, что пуэрториканцы занимали низшую ступень социальной лестницы. В Нью-Йорке, где проживало большое число пуэрториканцев, уровень безработицы среди них был особенно высоким. Большим был разрыв и в оплате труда. Ровно вдвое среднегодовой доход пуэрториканской семьи был меньше дохода семьи, представляющей белое англоязычное население. Свыше половины взрослого пуэрториканского населения не закончи-

---

[70] Подробнее см.: Государственная политика и обострение национальных противоречий в странах капитала. Киев, 1981; Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985.

[71] Immigration: New Americans, Old Questions, p. 3.

[72] The Mexican American. A Paper Prepared for the US Commission on Civil Rights. 1968. Wash., 1969, p. 38.

[73] В 60-е годы представители американцев мексиканского происхождения, активно участвовавшие в движении социального протеста, с гордостью называли себя «чиканос». Постепенно термин «чиканос» стал терять свою политическую окраску. В настоящее время в американской литературе понятия «chicano» и «Mexican American» используются как синонимы. См.: Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups, p. 697.

ло начальную школу [74]. Большинство пуэрториканцев проживало в трущобах городских гетто. Неудивительно, что со второй половины 60-х годов усиливается борьба пуэрториканцев за экономическое, политическое и социальное равенство. Она переплеталась с борьбой за независимость Пуэрто-Рико.

Движение нацменьшинств, поддержанное массовыми выступлениями демократических сил, заставило господствующий класс принять ряд конкретных мер в целях ослабления остроты расово-национальной проблемы. На основании принятых в ряде штатов законов национальным меньшинствам предоставлялось право участия в выборах, запрещалась дискриминация при приеме на работу, сегрегация в учебных заведениях. Представители индейской общины констатировали, что произошли определенные изменения к лучшему. Однако, как неопровержимо свидетельствуют факты, эти улучшения не коснулись жизни большинства коренных жителей Америки [75]. Они по-прежнему оставались лишними в своей стране.

Политика угнетения, унижения и дискриминации сохранялась и в отношении других национальных меньшинств. В 70-х годах кризисные явления в американской экономике еще более ухудшили их положение. Усилились дискриминационные меры по отношению к национальным меньшинствам в получении образования. Обнаженно и остро дала себя знать жилищная сегрегация [76].

К концу десятилетия индейцы США оставались самой обездоленной группой в экономическом отношении, процент безработицы среди них был самым высоким. Они имели самый низкий уровень образования и жили в наихудших условиях. По данным официальной статистики, в штатах Аризона и Юта, например, 65% индейского населения имели доход ниже официального «уровня бедности». Более 75% коренных американцев страдали от недоедания и связанных с ним болезней. Средняя продолжительность жизни индейца составляла 43 года, а в штатах Аляска и Аризона — 33,6 [77]. По продолжительности жизни коренные жители Америки занимали последнее, а по детской смертности — первое место в Соединенных Штатах.

В 70-е годы лозунг борьбы за выживание становится ведущим для всего организованного движения индейцев. Растет активность различных индейских политических организаций. В феврале 1973 г. члены «Движения американских индейцев» (ДАИ) поднялись против циничного попрания элементарных гражданских свобод и человеческих прав в деревне Вундед-Ни в резервации Пайн-Ридж (штат Южная Дакота), где более половины трудоспособного населения в течение длительного времени оставались без работы. К ним присоединились индейцы резерваций штатов Небраски, Северной Дакоты, Монтаны, Канзаса и Оклахомы. Заняв Вундед-Ни, восставшие объявили ее независимой от Соединенных Штатов

---

[74] The Mexican American. A New Focus on Opportunity. Testimony Presented at the Cabinet Committee Hearing on Mexican American Affairs. Al Paso (Tex.), 1967, p. 163.

[75] Дайте мне стать свободным человеком: Документальная история индейского сопротивления. М., 1984, с. 176.

[76] Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире. Киев, 1984, с. 110.

[77] *Мейер У.* Коренные американцы: Новое движение сопротивления индейцев. М., 1974, с. 48.

территорией. Они потребовали немедленного расследования сенатом деятельности Бюро по делам индейцев и нарушений договоров, заключенных правительством США с индейскими племенами, смены руководства резервацией Пайн-Ридж, замешанного в многочисленных должностных злоупотреблениях и коррупции.

Против восставших индейцев были брошены сотни полицейских, применены бронетранспортеры с пулеметами, другая военная техника. Осада Вундед-Ни была снята лишь в начале мая 1973 г., после обещания федеральных властей расследовать положение индейцев в резервации. Многие индейские борцы за гражданские права были арестованы, подвергнуты пыткам и избиениям [78]. Под руководством ДАИ в 1978 г. прошел самый мощный в истории США марш протеста индейцев — «поход на Вашингтон», участники которого требовали предоставления им равных прав и возможностей в американском обществе.

Широкую поддержку и влияние среди индейского населения, кроме ДАИ, получили и такие массовые политические организации, как Национальный конгресс американских индейцев, Национальная ассоциация председателей племен, «Американцы за равные возможности для индейцев» и др. Цель этих организаций — добиваться укрепления органов самоуправления племен, улучшения в системе образования, увеличения финансирования строительства в индейских поселениях и т. д.

Факты позволяют говорить и об усиливающейся дискриминации по отношению к испаноязычным гражданам мексиканского происхождения. По данным американской статистики, в 1979 г. разрыв в средних семейных доходах испаноязычных граждан мексиканского происхождения и неиспаноязычного происхождения составил 5077 долл. По сравнению с 1969 г. (2523 долл.) разрыв не сократился, а увеличился [79]. С низким социальным статусом большинства чиканос тесно связана и полностью сохраняющаяся в силе их дискриминация в сфере просвещения. По данным на 1970 г., 28,5% лиц испанского происхождения имели образование ниже пяти классов, в то время как аналогичные показатели для черного населения США равны 15,1%, а для белых американцев — 4,2% [80].

Неравенство американцев мексиканского происхождения во всех сферах социальной жизни явилось причиной подъема в 70-х годах массового движения чиканос. Они требовали не просто устранения наиболее вопиющих проявлений неравенства, как в 60-е годы, а принятия широкой системы мер, направленных на преодоление разрыва между положением американцев мексиканского происхождения и белых англоязычных американцев. Были использованы различные формы деятельности: парламентская и внепарламентская, экономическая и политическая борьба, массовые выступления и лоббизм в законодательных органах [81].

Высокая степень экономической эксплуатации, плохие жилищные условия и безработица оставались типичными в конце 70-х годов и для положения американцев пуэрториканского происхождения. 39% пуэрториканских семей имели доходы ниже установленного в стране «уровня бед-

---

[78] Подробнее см.: *Аверкиева Ю. П.* Борьба индейцев в Вундед-Ни.— США — экономика, политика, идеология, 1973, № 6, с. 66—68.

[79] The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1981, Mar., vol. 454, p. 118.

[80] Statistical Abstract of the United States, 1978. Wash., 1978, p. 144.

[81] Массовые движения социального протеста в США. М., 1978, с. 155.

ности». В 1977 г. только 21% пуэрториканской молодежи имел работу[82]. В борьбе за свои права пуэрториканцы организовывали забастовки, стачки и мирные демонстрации.

Усиливался полицейский пресс в отношении представителей нацменьшинств. Террор и насилие стали широко применяться повсюду, где вспыхивали очаги сопротивления. Так, на территории резервации Пайн-Ридж за три года были убиты 66 участников «Движения американских индейцев»[83]. В штате Монтана, численность коренных жителей которого составляет 3,7% всего населения штата, заключенные индейцы в тюрьмах составляют 33,3%. Соответственно в Миннесоте — 0,4 и 12,5%, в Северной Дакоте — 0,05 и 17,5%[84]. Леонард Пелтиер, Деннис Бэнкс, Ричард Мохоук и другие руководители и активисты «Движения американских индейцев» стали жертвами репрессий, они брошены за решетку и осуждены на долгие годы пребывания в тюрьме по сфабрикованным обвинениям. Движение за освобождение Пелтиера и других политических узников американских тюрем стало неотъемлемой чертой современного этапа борьбы демократических сил США.

Американский капитализм демонстрирует неспособность решить национальный вопрос[85]. Борьба национальных меньшинств США за равноправие продолжается. Общедемократическая по своему объективному характеру, она обнаруживает все больше точек соприкосновения с борьбой американского рабочего класса, с массовыми альтернативными движениями, находящимися в оппозиции к официальному внутриполитическому и внешнеполитическому курсу Вашингтона.

Динамика массовых демократических движений после поражения агрессии США во Вьетнаме, в условиях новой фазы социально-политического развития страны, отмеченной постепенным нарастанием консервативных тенденций, переключением внимания общественности на решение внутренних экономических проблем, претерпевала изменения. Происходила неизбежная и, можно сказать, традиционная для США переоценка лозунгов, организационных форм, изменялись географическая привязка, социальный состав, а нередко и политическое содержание этих движений. Они приобретали все более неоднородный характер, внешне подчас вполне вписывающийся в обычную практику политического лоббизма, подзаконной критики «верхов», хотя объективно были направлены против империалистической реакции.

В меняющемся в неблагоприятную сторону для прогрессивных сил политическом климате продолжало развиваться антивоенное движение. Его изначальные параметры — сопротивление политике военных авантюр и устранение угрозы ядерной катастрофы — остались прежними, однако в политической ориентации и повестке дня происходила определенная перестановка акцентов. Сказалась целенаправленная и организованная кампания правых, запугивание американцев «советской военной угрозой», опасностью «разрыва» между США и СССР (якобы в пользу последнего) в отношении обычных и ядерных вооружений. Правые в ложном свете

---

[82] The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1981, Mar., vol. 454, p. 103.
[83] Правда, 1985, 15 окт.
[84] *Корионов В. Г.* Указ. соч., с. 153—154.
[85] *Hall G.* A New Moment in the Struggle for Equality and Against Racism.— Political Affairs, 1985, Aug., p. 26.

представляли возникновение региональных конфликтов и растущее сопротивление народов политике империализма в различных точках планеты.

Испытывая влияние новой психологической обстановки, отмеченной натиском воинствующего шовинизма, антивоенное движение не свернуло своих знамен. Главным его лозунгом стало достижение реального разоружения, прежде всего ядерного, сокращение военных программ и военных расходов в целях перераспределения ресурсов и увеличения ассигнований на социальные нужды. В 1976 г. ряд профсоюзных, женских, религиозных и антивоенных организаций во главе с Лигой противников войны выдвинул идею Континентального похода за разоружение и социальную справедливость, маршрут которого проходил от Ванкувера до Вашингтона. Требования участников похода, начавшегося в январе 1976 г. и завершившегося в октябре того же года, встретили значительную поддержку. Они были близки всем, кто полагал, что структура федерального бюджета должна быть радикально пересмотрена в пользу ассигнований на социальные цели, на создание новых рабочих мест, улучшение образования и т. п. Конференции и референдумы, проведенные в ряде городов, свидетельствовали о популярности этой идеи [86].

Особенно показательными и важными были выступления в ее поддержку со стороны новой плеяды лидеров организованного рабочего движения. Ставшие у руководства многими крупными профсоюзными объединениями АФТ—КПП, они проявили заинтересованность в изменении внешнеполитического курса федерации, сближении ее с массовым антивоенным движением, чьи лозунги пересмотра национальных приоритетов под углом зрения увеличения помощи «районам бедствия», коренного улучшения дела профессионального обучения, борьбы с закрытием предприятий совпадали с экономической программой профсоюзов. Из этого сближения рождался феномен «коалиций действия», объединявших на местном уровне профсоюзы и общедемократическое движение за мир, целью которых являлось представление интересов тех, кто стоял на позиции признания единства борьбы за разоружение и борьбы за социальный прогресс [87].

Одной из важнейших особенностей общедемократического движения второй половины 70-х годов стало активное вовлечение в него женщин. Роль катализатора этого процесса сыграло обострявшееся на протяжении всех послевоенных лет противоречие между расширяющимися масштабами участия женщин в производственной и общественной деятельности [88] и их неравноправным положением на всех уровнях социальной жизни. Со временем процесс углубляющейся социальной обездоленности трудящихся ощущался этой категорией населения США все сильнее. Отсутствие в США развитой правовой защиты материнства и младенчества,

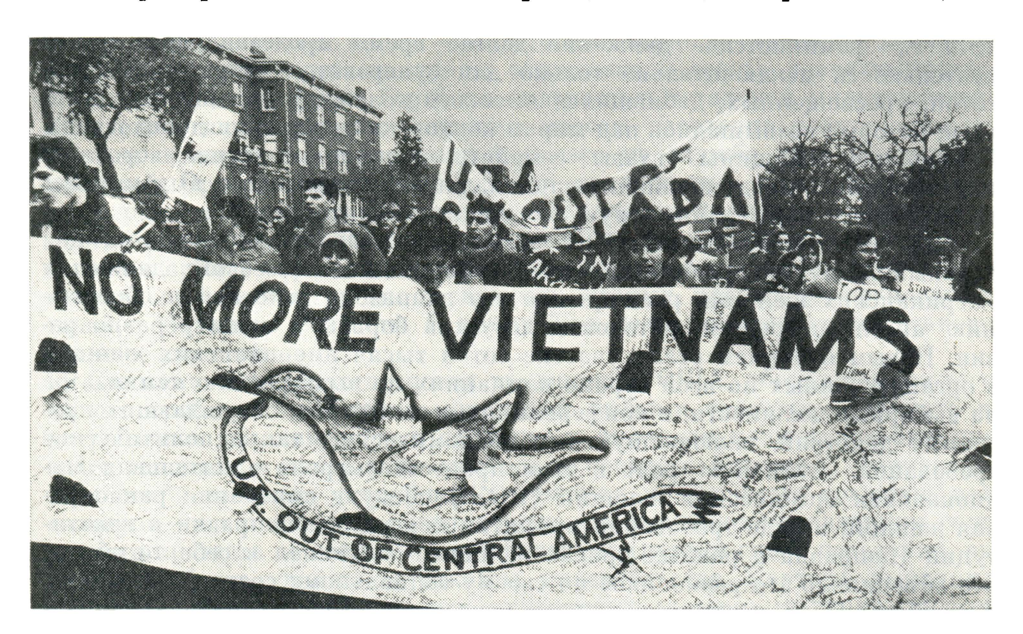
[86] *Wittner L. S.* Rebels Against War. The American Peace Movement, 1933—1983. Philadelphia, 1984, p. 293.

[87] Political Affairs, 1985, May, p. 19.

[88] Научно-технический прогресс, с одной стороны, и экономическая необеспеченность трудящихся — с другой, стимулировали потребность использования женского труда. Как следствие этого приток женщин в сферу общественного производства усилился. В середине 70-х годов работали 46% всех американских женщин. См.: Political Affairs, 1978, Mar., p. 18. В начале 80-х годов женщины составили 43% рабочей силы (в 1950 г.— 18%). Из каждых 100 человек, которые в 1970—1982 гг. присоединились к армии труда, 60 были женщины. См.: Political Affairs, 1984, Apr., p. 15.

льгот по беременности и родам по мере возрастания неустойчивости капиталистической экономики и резких структурных сдвигов делало их положение все более уязвимым.

Неравноправное положение женщин в американском обществе издавна нашло отражение и в непропорциональном представительстве их в выборных органах на всех уровнях. В середине 70-х годов женщины составляли примерно 53% населения страны, имеющего право голоса, но

ДЕМОНСТРАЦИЯ В ВАШИНГТОНЕ ПРОТИВ ВМЕШАТЕЛЬСТВА США В ДЕЛА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

занимали ничтожно малое число выборных должностей, включая федеральный конгресс. В начале 80-х годов в составе палаты представителей было всего лишь 5% женщин, две женщины входили в состав сената (из 100 его членов). Лишь 10% выборных должностей в местных и штатных органах власти были замещены женщинами.

Но непосредственной побудительной причиной, заставившей женщин США решительно встать на защиту своих прав, был позорный факт их дискриминации прежде всего в сфере трудовых отношений, а также образования и социального обеспечения. К этому следует добавить, что оплачиваемым (как правило, в минимальных размерах) отпуском в связи с рождением ребенка и не более чем на 6—8 недель могут пользоваться только 40% всех работающих женщин США[89]. Лишь в 1974 г. Верховный суд США признал неконституционной практику отказа от принятия на работу женщин, имеющих малолетних детей.

Дискриминационная практика, узаконенная обычаем, а во многих случаях охраняемая самим законом, ухудшение положения с занятостью, которое наряду с национальными меньшинствами и молодежью сильнее

[89] Political Affairs, 1984, Apr., p. 7, 17—19.

всего ударяло по работающим американкам, и осознание опасности увеличения бремени военных расходов за счет резкого сокращения социальных программ вызвали новый подъем женского движения. Он базировался на изменениях в социальном составе женского движения, становящегося более массовым и демократичным в связи с притоком в него женщин-работниц, занятых в промышленности и сфере услуг, женщин самых различных профессий и самой различной национальной принадлежности. «Для многих женщин,— писала газета „Нью-Йорк таймс" 15 июля 1977 г.,— феминистское движение долгое время представлялось полем деятельности исключительно только для суперзвезд — сверкающих красотой, просвещенных, добившихся высокого положения в обществе женщин, которые возвышались над миром конторских клерков и домохозяек... Теперь же женщины — главы семейств, женщины — „синие воротнички", женщины, представлявшие национальные меньшинства, выдвинулись на авансцену, ранее занимаемую всецело „знаменитостями"...»

1975 год, объявленный ООН Международным годом женщин, дал сильный импульс организационному оформлению массового движения американских женщин, расширению его диапазона действий и обогащению арсенала средств, методов и лозунгов борьбы в защиту равноправия. Новым явлением стало участие сотен тысяч американских женщин в организованных по всей стране кампаниях по выдвижению кандидатов на выборные должности, в конференциях и семинарах, обсуждавших программу действий, включавшую как экономические, так и политические требования. Активную роль в этом процессе сыграла влиятельная Национальная организация женщин (НОЖ). Лозунг признания равноправия женщин в виде требования принятия конгрессом поправки к конституции (поправка о равных правах женщин) воплощал в себе то общее, что объединяло это разноликое по своему социальному составу движение. В ноябре 1977 г. состоялась первая в истории США национальная конференция женщин в Хьюстоне. Около 2 тыс. делегаток, принявших в ней участие, с редким единодушием проголосовали за Национальный план действий из 25 пунктов, включая пункт о ликвидации особо жестоких форм дискриминации, практикуемой в отношении женщин, принадлежащих к национальным меньшинствам[90]. В политической практике эта программа преломилась в десятки биллей и резолюций, внесенных в конгресс и предусматривающих частичное улучшение социально-экономического положения женщин.

Несмотря на широкий размах женского «освободительного» движения, оно смогло добиться лишь ограниченных результатов. Объединенными усилиями предпринимательских ассоциаций, их лоббистов и буржуазных законодателей выдвинутая движением программа реформ оказалась в целом заблокированной. Поправка о равных правах женщин также осталась лишь благим пожеланием[91], будучи отвергнутой конгрессом в 1982 г., хотя, разумеется, борьба за ее принятие не прошла бесследно и все еще далеко не окончена.

Одним из важных последствий, связанных с бурным ростом движения за равноправие женщин во второй половине 70-х годов, был подъем на новый уровень гражданского и политического самосознания его участ-

---

[90] Ibid., 1978, Mar., p. 21.
[91] Ibid., 1984, Apr., p. 4.

ников. Наиболее ярким образом это нашло отражение в активной роли женских организаций в развернувшемся в 1977 г. национальном антиядерном движении. Более того, участие в нем женщин во многих отношениях придало ему своеобразную форму и окраску.

Кампания гражданского неповиновения и ненасильственные действия в виде организации лагерей мира вблизи территорий военных баз и предприятий, производящих ядерное оружие, требования установления жесткого контроля за атомными электростанциями в интересах защиты населения и окружающей среды — все это сближало антиядерное движение с движением сторонников охраны окружающей среды, а следовательно, расширяло общий фронт борьбы с опасностью тотальной милитаризации мышления, навязываемого широким массам населения военно-промышленным комплексом и состоявшей у него на службе пропагандистской машиной. Организация крупных акций, антивоенных по своему характеру, в рамках широкого антиядерного движения, инициатива которых во многих случаях принадлежала женщинам и экологистам, постепенно втягивала в орбиту борьбы против угрозы термоядерной катастрофы многие влиятельные слои и группы населения — ученых, врачей, церковнослужителей, работников искусств. К концу 70-х годов эта тенденция становилась все заметнее.

Снижение жизненного уровня трудящихся США, обострение экологических проблем, стремление монополий любыми средствами выжать из потребителя дополнительные прибыли и жестокая политика экономического геноцида в отношении мелкого и среднего бизнеса [92], фермерских хозяйств [93], наконец, ухудшение положения престарелых граждан, пенсионеров — все это вело к спорадически возникающим проявлениям социального протеста со стороны специфических групп и слоев населения, чьи интересы были ущемлены отказом правительства Картера выполнить обещания 1976 г. и обострением внутренних экономических трудностей.

Однако как подъем движения потребителей (консьюмеризм), так и участившиеся фермерские выступления под эгидой «Движения американских фермеров» отражали каждое по-своему качественно новый этап в развитии социальных конфликтов в стране, известное смещение их оси в сторону внутренних проблем, вовлечение в них маргинальных слоев, часто смутно сознающих свои подлинные интересы и ставящих ограниченные, локальные цели. Возрождение иллюзий в отношении возможностей буржуазного реформаторства, а также усиление влияния консервативного начала в общественной психологии создавали ситуацию, в которой целенаправленные внепарламентские массовые действия становились более затруднительными и менее результативными. Как следствие этого

[92] Только в розничной торговле в 70-х годах, не выдерживая конкуренции с монополиями, ежегодно разорялись 3—4,5 тыс. предприятий, в оптовой торговле — 0,9—1,1 тыс., в прочих услугах — 1—1,5 тыс. См.: Сфера услуг в США: новые явления и структурные сдвиги/Под ред. В. М. Усоскина, Л. С. Демидовой. М., 1985, с. 37.

[93] В 1972—1982 гг. закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию повысились на 35,7%, а на промышленные товары, приобретаемые фермерами, — в 2—2,5 раза. Резко возросла стоимость банковского кредита. В 1982 г. реальные чистые доходы фермерских хозяйств составили лишь четверть уровня 1973 г., а задолженность удвоилась. За 1975—1982 гг. разорилась 121 тыс. фермерских хозяйств. См.: Современный капитализм: Социально-экономический справочник/ Отв. ред. А. Г. Милейковский. М., 1985, с. 246. В 1950 г. в США насчитывалось 5,65 млн. ферм, а в 1979 г.— только 2,33 млн. См.: Washington Post, 1979, Dec. 29.

центр тяжести активности демократических движений все чаще перемещался в сферу парламентского действия и идейной полемики.

С каким общим итогом подошло демократическое движение к концу 70-х годов? Ответить на этот вопрос однозначно нелегко. Невозможно недооценить вклад, сделанный движением за гражданские права, в результате которого в жестокой борьбе с расизмом афро-американцы завоевали формальное равноправие. Однако от формального равенства до «равенства результатов», т. е. до фактического равенства в социально-экономической и политической сферах, как оказалось, сохраняется огромная дистанция. Расизм не только никуда не исчез, но и постоянно контратакует, все чаще одерживая победу. Увеличение с начала 70-х годов числа черных на выборных должностях (особенно на местном уровне) почти не принесло улучшения экономического положения негритянского населения. Существенными были достижения в борьбе с расовой дискриминацией в профсоюзах и других демократических массовых организациях, но руководящая роль в негритянском движении в целом вновь перешла к умеренным группировкам — Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, Национальной городской лиге.

И точно так же как в случае с движением за гражданские права спад общенационального студенческого движения — этой влиятельной в 60-х годах общественной силы — не может заслонить того факта, что накопленный им политический опыт преломился (порой не прямо, а опосредованно) в многообразных течениях за альтернативную политику курсу правящей олигархии внутри страны и на международной арене. Играющее важную роль в общественно-политической жизни современное антивоенное движение в США не отделено непреодолимой стеной от драматических событий 60-х—начала 70-х годов, в которых выдающуюся роль сыграли молодые радикалы, борцы за гражданские права. Связь и преемственность между ними — явление реальное. Однако спад молодежного авангардизма в форме массовых непарламентских действий не мог не нанести урона демократическим силам, вызвав снижение степени их воздействия на политическую обстановку.

4. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ США: НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ

Подъем забастовочной борьбы в первой половине 70-х годов, развернувшееся широко движение рядовых членов профсоюзов, рост массовых демократических движений создавали для Коммунистической партии США возможность для усиления своего влияния в массах. Активное участие Компартии в создании и работе массовых организаций способствовало росту ее авторитета. Особенно это было заметно в профсоюзах. В промышленных центрах возникают новые партийные клубы, стали выходить газеты, выпускаемые коммунистическими организациями, созданными на заводах.

Внутриполитическое положение в стране в этот период резко обострилось в связи с уотергейтским скандалом. Компартия включилась в движение за импичмент, характеризуя сложившуюся ситуацию как наиболее критическую за все послевоенное время. Вместе с тем газета «Дейли уорлд», отмечая массовость развернувшегося движения за импичмент,

считала необходимым видеть различие целей, которые ставили перед собой его участники. Реакционные круги, в том числе и правые профлидеры АФТ—КПП, заявляли коммунисты, использовав «уотергейт», обрушились на сторонников улучшения отношений между СССР и США, против заключенных соглашений между ними, а следовательно, и против разрядки международной напряженности в целом. Компартия же рассматривала «уотергейт» как закономерное проявление острого кризиса, переживаемого всей системой государственно-монополистического капитализма. «Главная задача народа,— говорилось в заявлении КП,— состоит в том, чтобы до конца разоблачить коррупцию и заговоры полицейского государства, неудержимое разрастание, подобно раковой опухоли, власти монополий, военщины и президента, что ведет к уничтожению конституции, Билля о правах, жизнеспособности и демократических стремлений нашего народа» [94].

КП США разоблачала врагов разрядки. Она предупреждала о том, что процесс разрядки наталкивается в США на огромные трудности. Уже весной 1974 г. орган Компартии США «Политикал афферс» писал: «Некоторое время силы, выступающие в США против разрядки, были разрознены... Но теперь они начинают объединяться ... Кампания против разрядки развертывается. Если народ не выступит против нее, она может привести к возвращению внешней политики США на рельсы „холодной войны“» [95].

Политизация рабочего движения США сопровождалась падением влияния антикоммунизма в пролетарской среде. На пленуме ЦК КП США, состоявшемся 29 июня — 1 июля 1974 г., Г. Холл отмечал: «Антикоммунистические настроения среди рабочих идут на убыль... Это новое явление, которое нам следует тщательно изучить. Оно открывает новые возможности в борьбе за создание профсоюзного движения, стоящего на позициях классовой борьбы, для повышения классового сознания и, конечно, для более широкого обсуждения вопроса о социализме» [96].

Компартия всегда подчеркивала необходимость борьбы за профсоюзное движение, способное последовательно отстаивать интересы рабочего класса. Ярким примером этого явились, в частности, массовые выступления трудящихся в крупных центрах страны 16 ноября 1974 г. и 26 апреля 1975 г. Это были самые крупные выступления в середине 70-х годов. Митинги, демонстрации, в которых участвовали тысячи людей, проходили под лозунгом «Работы, мира», «Покончить с безработицей». Коммунисты входили в состав местных организационных комитетов. Они шли в первых рядах демонстрантов, выступали открыто на митингах. Г. Холл высоко оценил деятельность Коммунистической партии в эти дни. Это был выход в массы, прямой контакт с массами.

26—29 июня 1975 г. в Чикаго состоялся XXI съезд Коммунистической партии США. В его работе участвовали 357 делегатов с решающим голосом и 36 — с совещательным от 38 штатов страны (примерно на 40% больше, чем на предыдущем съезде). Кроме того, на съезде присутствовало 4 представителя от братских партий и 257 гостей от различных американских и от общественных организаций и профсоюзов [97].

[94] Daily World, 1973. Aug. 18.
[95] Political Affairs, 1974, Mar., p. 9.
[96] World Magazine, 1974, July 20, p. M2.
[97] Political Affairs, 1975, Sept., p. 26—27.

Весьма показательным был социальный состав съезда. Примерно 20% делегатов являлись рабочими основных отраслей промышленности: сталелитейной, автомобильной, угольной, радиоэлектронной, железнодорожного транспорта, портовые рабочие. Журнал «Политикал афферс» отмечал, что «самым важным фактором являлось то, что на съезде проявилось полное идеологическое единство, кладущее конец фракционности, которая в течение ряда лет мешала работе партии» [98].

В отчетном докладе ЦК Холл, характеризуя обстановку в стране, остановился на развертывающейся массовой борьбе трудящихся, и прежде всего забастовочном движении рабочего класса. Он подчеркнул огромное значение разрядки международной напряженности для борьбы американских трудящихся за свои права. Рост массового движения, забастовочной борьбы, стремление к миру, выступления в пользу разрядки международной напряженности способствуют росту антимонополистических настроений среди масс. Однако, предупреждал Г. Холл, реакционные силы, стремящиеся вернуть времена маккартизма, перегруппировываются, переходят в наступление.

На съезде был вновь поднят вопрос о значении антимонополистической борьбы. В этой связи Холл заявил: «Антимонополистическая концепция.— это не какая-то выдумка, это единственно возможный реалистический ответ на вопрос о том, как покончить с господством монополий» [99]. Съезд подчеркнул первостепенную роль рабочего класса, и прежде всего его организованных отрядов, в деле создания антимонополистической коалиции. Рассматривая эту проблему как главную в переживаемый период, съезд указал на необходимость в качестве первых шагов добиваться создания левоцентристских коалиций на местах, на базе которых могла бы сложиться новая, третья массовая народная партия [100].

Съезд высоко оценил движение рядовых членов профсоюзов, большую организационную роль в котором играла Компартия, подчеркнув, что оно становится важнейшим фактором в борьбе против политики «классового сотрудничества», за превращение профсоюзов в подлинное орудие классовой борьбы. Учитывая, что не только рядовые члены, но и некоторые руководящие деятели крупных профсоюзов, в том числе и входящих в АФТ—КПП, выступили против политики «классового сотрудничества», проводившейся руководством федерации, КП США поставила вопрос о создании левоцентристского блока, призванного сыграть главную роль в будущей антимонополистической коалиции. XXI съезд подчеркнул важность самой решительной борьбы против расизма и великодержавного шовинизма. Единодушно была принята резолюция о борьбе против расовой дискриминации и политических репрессий.

XXI съезд Компартии США рассмотрел также ряд вопросов, связанных с практической деятельностью партии, в частности в связи с изменившимися условиями борьбы было решено выработать новую редакцию программы партии, утвержденной XIX съездом в 1969 г. Съезд принял резолюции о борьбе за мир и разрядку международной напряженности, о работе среди женщин, борьбе за полное равенство черных, против расистских и политических репрессий, об участии в избирательных кампа-

[98] Ibid., Aug., p. 1.
[99] *Hall G.* The Crisis of US Capitalism and the Fight Back. N. Y., 1975, p. 70.
[100] Ibid., p. 75.

ниях. Особое внимание было уделено росту численности партии, и прежде всего за счет рабочего класса.

Съезд завершился массовым митингом, проведенным 29 июня в огромном зале «Интернэшнл амфитеатр». Более 2 тыс. человек прибыли из других городов. Это были не только члены партии, но и беспартийные, представители профсоюзов, молодежь. На митинге выступили члены руководства партии Г. Холл, Г. Уинстон, А. Дэвис и другие, а также общественные и профсоюзные деятели, в том числе и беспартийные. Г. Холл подчеркивал, что XXI съезд отличался «глубиной единства», которое «отражало в целом единство всей партии. Это не было формальным единством. Это было единство, основанное на марксистско-ленинских принципах...» [101].

От съезда к съезду Компартия набирала силы, рос ее авторитет. Руководители Компартии становились желанными гостями в университетах, в профсоюзах. Особенно много приглашений поступало в адрес Г. Холла и Г. Уинстона. Общественность хотела знать позицию Компартии по всем вопросам как внутренней, так и внешней политики. Состоявшийся в начале 1976 г. пленум Центрального Комитета КП США принял решение снова участвовать в избирательной кампании и выдвинул кандидатами на посты президента и вице-президента соответственно Гэса Холла и Джарвиса Тайнера, ставшего теперь председателем нью-йоркской организации Компартии.

Избирательная платформа КП США предусматривала введение 6-часового рабочего дня, или 30-часовой рабочей недели, при сохранении прежней заработной платы, немедленное принятие мер по сокращению безработицы, резкое сокращение военного бюджета и увеличение расходов на социальные нужды, в частности на преодоление кризиса городов. Расизм объявлялся преступлением, выдвигалось требование о полной ликвидации дискриминации в заработной плате по признакам расовой, национальной принадлежности. Партия предлагала осуществить демократизацию налоговой системы, национализацию энергетики, передать ее под демократический контроль. Компартия призвала трудящихся США поддержать национально-освободительную борьбу угнетенных народов. По словам Г. Холла и Дж. Тайнера, Компартия проводила кампанию «как партия меньшинства, но с программой, отражающей интересы большинства» [102].

События показали, что политическое влияние КП США растет. Под петициями, требующими включения кандидатов от Компартии в избирательные списки, подписались 500 тыс. человек (в 1972 г.— 400 тыс.). Коммунисты добились права участвовать в выборах в 19 штатах и федеральном округе Колумбия. В борьбе за жизненные интересы народа, демократические права, социальный прогресс, за мир и социализм Коммунистическая партия играла все более заметную организующую роль. Партия активно участвовала в забастовочной борьбе рабочего класса.

Разрабатывая практические шаги, направленные на укрепление единства всех антимонополистических сил, Коммунистическая партия руководствовалась решениями XXI съезда относительно левоцентристского блока. Идея левоцентристского блока в профсоюзах как важного

---

[101] Daily World, 1975, June 30.
[102] Political Affairs, 1976, Dec., p. 2.

элемента антимонополистической коалиции рассматривалась тогда партией впервые. Наиболее полное свое развитие она получила в последующий период. Коммунистическая партия США исходила из того, что единство левых и центристских сил в профсоюзах может быть достигнуто только в совместной борьбе против наступления монополий на интересы рабочего класса, в общей работе по вовлечению в профсоюзы неорганизованных трудящихся, в выступлениях против расизма, за сокращение рабочей недели без снижения заработной платы. Необходимо поднять массу членов профсоюза на борьбу за ослабление международной напряженности, за укрепление мира во всем мире, сокращение военных расходов и за расширение сотрудничества между профсоюзами разных стран. Коалиция левых и центристских сил, подчеркивала Компартия, не может существовать без участия в ней коммунистов. В связи с этим выдвигалась задача добиваться исключения из устава АФТ—КПП и всех профсоюзов США дискриминационных антикоммунистических положений, принятых в годы «холодной войны».

Все эти вопросы были в центре внимания XXII съезда Компартии, состоявшегося 22—26 августа 1979 г. в Детройте. Его проведение совпало с 60-летием партии. Это был самый представительный съезд в истории Компартии США. На нем присутствовали 400 делегатов, прибывших из всех штатов страны, в основном промышленные рабочие, а также фермеры и представители интеллигенции. В работе съезда участвовали представители различных направлений, существовавших к тому времени в американском профсоюзном движении. Более 140 присутствовавших на съезде были черные и представители других национальных меньшинств. Почти треть делегатов — моложе 30 лет. Впервые на съезде присутствовали делегации братских коммунистических партий свыше 30 стран, посланцы национально-освободительных движений. Тепло встретили делегаты съезда представителей КПСС.

Принятые съездом документы — Главная политическая резолюция, новая Программа партии — развивали идею антимонополистической коалиции, углубляли ее содержание, предлагали конкретные шаги по претворению ее в жизнь. Антимонополистическое движение, отмечалось в резолюции, становится более широким по своему характеру; теперь оно принимает более четкую направленность. Оно направлено не просто против монополий, а против государственно-монополистического капитализма. В документах съезда центральное место отводилось анализу роли рабочего класса в антимонополистической коалиции, ее ведущей силы [103].

С конца 70-х годов международная обстановка значительно ухудшилась. Администрация Картера, пришедшая к власти в 1977 г., взяла курс на усиление напряженности, на дальнейшую милитаризацию, гонку вооружений. КП США мобилизует все силы, использует все возможности для того, чтобы сорвать гегемонистские планы американского империализма, не допустить претворения в жизнь пресловутой «новой стратегии ядерной войны».

Накануне выборов 1980 г. Гэс Холл в речи в Принстоне 27 сентября изложил избирательную платформу КП США, основные положения ко-

---

[103] The Struggle Ahead. Time for a Radical Change. Main Political Resolution of 22nd National Convention Communist Party, August 22—26, 1979. N. Y., 1979, p. 16.

торой были одобрены Главной политической резолюцией XXII съезда. Г. Холл подчеркнул, что «главный вопрос, главное связующее звено, от которого зависит решение всех остальных проблем, от которого, возможно, будет зависеть вся наша жизнь,— это вопрос войны или мира». Г. Холл предложил провести серьезную общенациональную дискуссию по вопросу о войне и мире[104]. Генеральный секретарь КП США показал опасность проводимой американской администрацией политики гонки вооружений под фальшивым предлогом защиты от мнимой «советской военной угрозы».

В ходе избирательной кампании Компартия собрала более 500 тыс. подписей под петициями о включении кандидатов партии в избирательные бюллетени. Она добилась права участия в выборах в 25 штатах. На этот раз Компартия выдвинула кандидатами на пост президента Гэса Холла, на пост вице-президента — Анджелу Дэвис.

К концу 70-х годов Компартия США прошла большой, сложный, героический путь испытаний и борьбы за интересы трудящихся масс США, против реакции, социального гнета и расовой дискриминации. Подвергаясь репрессиям и клеветническим нападкам, американские коммунисты всегда сохраняют верность марксизму-ленинизму, верность подлинному патриотизму и последовательному интернационализму, высокий дух, принципиальность и стойкость. В истории страны не было более последовательных и самоотверженных борцов за мир и мирное сосуществование народов, чем партия, выдвинувшая из своей среды Джона Рида, Чарлза Рутенберга, Уильяма Фостера, Гэса Холла и Генри Уинстона.

5. СДВИГИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Спад массовых движений социального протеста и усиление консервативных тенденций в политической жизни США 70-х годов рассматривались буржуазной наукой и публицистикой как свидетельство возвращения общественной психологии в «традиционное» русло. 70-е годы часто уподобляли 50-м, мотивируя тем, что в эти десятилетия большинство американцев сосредоточивалось на личных судьбах и индивидуальных интересах. Однако сходство это было в достаточной степени поверхностным. Из «бурных 60-х» Соединенные Штаты вышли другими.

Невысокий уровень политической активности и тенденция к уходу в частную жизнь 50-х годов проистекали во многом из преобладавших в тот период установок о превосходстве «американского образа жизни» и безупречности господствующей социально-политической системы. В 70-е годы, напротив, на уровне массового сознания происходит пересмотр этих традиционных представлений, в первую очередь под влиянием краха агрессии в Юго-Восточной Азии и «уотергейта». Общее число лиц, недовольных порядками в стране и выражавших несогласие с существующими общественными институтами — от семьи и школы до церкви, профсоюзов, правительства и партийно-политической системы,— возросло, по некоторым данным, за полтора десятилетия (середина 60-х—конец 70-х годов) примерно в 1,5 раза[105]. К концу 70-х годов под воздейст-

[104] *Hall G.* 1981. Mandate for Fight Back... N. Y., 1981, p. 1.

[105] Gallup Report, 1979—1983; Public Opinion, 1976—1983; *Gilmor R. S., Lamb R. B.* Political Alienation in Contemporary America. N. Y., 1975; Free Society and Planning: A Conversation on the Future of the Mixed Economy/Ed. by A. T. Sommers.

вием экономических кризисов все большее значение приобретают чисто материальные причины недовольства масс.

Внутренний разлад, глубокая противоречивость общественных настроений — вот наиболее характерные черты духовной обстановки в стране в конце десятилетия 70-х годов. Подводя его итоги, социологи С. М. Липсет и Э. Лэдд пришли к знаменательному выводу. «Вера в американскую судьбу,— писали они,— в то, что наша нация являет собой некую модель для остального мира, что в Соединенных Штатах непрерывно будет происходить повышение уровня жизни и уровня культуры, что мы будем жить в более эффективном обществе возрастания досуга и сокращения тяжелого труда, теперь постепенно исчезает» [106].

Поиски ценностной альтернативы буржуазному обществу, начатые в 60-х годах леворадикальным молодежным движением, к концу 70-х годов в различных формах затронули в той или иной мере весьма широкие слои населения. Они выразились в недовольстве содержанием труда, постановкой образования, социальной ролью индивида и подавлением его прав, в неудовлетворенности функционированием общественно-политических институтов на всех уровнях. Для очень многих американцев материальное потребление перестало быть превалирующей ценностной ориентацией. Ухудшение экономического положения в стране во второй половине десятилетия подвергло испытаниям новые ориентации, но отнюдь не привело к их исчезновению. В самый разгар экономического кризиса конца 70-х — начала 80-х годов доля лиц, считавших, что «доход — самое главное в работе», повысилась лишь незначительно — с 19 до 22% [107]. В тот же период подавляющее большинство (78%) заявило, что они не оставили бы работу, которая им нравится, ради более высокооплачиваемой, но менее интересной [108]. К началу 80-х годов возросло число сторонников «новой морали» (самореализация личности, равноправие женщин, либерализация семейных отношений и т. п.) [109].

Духовные искания 70-х годов неразрывно связаны со специфическим для общественных настроений этого периода явлением — развитием так называемого экологического сознания. Внимание к проблемам экологии было привлечено еще леворадикальным молодежным движением 60-х годов. Однако лишь в 70-х годах проблема охраны окружающей среды стала остро осознаваться американской общественностью. Так, в 1965 г. из 10 национальных проблем охрану окружающей среды самой важной назвали лишь 17% опрошенных, а в 1970 г.— уже 53% [110]. В 70-е годы озабоченность американцев экологическими проблемами продолжала возрастать, несмотря на экономические кризисы, рост безработицы и инфляции: в 1978 г. 59% опрошенных высказались за снижение темпов экономического роста ради охраны окружающей среды [111]. Становление экологического сознания не сводилось лишь к задачам физического сохранения человеческого рода. Большую роль в борьбе за охрану окружаю-

N. Y., 1975; *Ladd E. C., Jr., Lipset S. M.* Anatomy of Decade.— Public Opinion, 1980, vol. 3, N 1, p. 2—9.

[106] *Ladd E. C., Jr., Lipset S. M.* Op. cit., p. 2.

[107] Public Opinion, 1983, vol. 6, N 6, p. 22—27.

[108] *Yankelovich D.* New Rules. Searching for Self-Fulfillment in a World Turned Upside Down. N. Y., 1980, p. 152.

[109] Public Opinion, 1983, vol. 6, N 6, p. 22—27.

[110] Ibid., 1979, vol. 2, N 4, p. 16.

[111] Ibid., p. 17—18.

щей среды играли гуманистические аспекты, растущее признание духовной ценности гармонических отношений человека с живой природой.

Разумеется, новые социально-психологические тенденции затронули далеко не все слои американского общества. По данным Д. Янкеловича, наиболее последовательные сторонники «новых ценностей» составляли 17% работающего населения [112], хотя, как было показано, отдельные их элементы поддерживала значительно большая часть американцев. Следует также иметь в виду, что ценностные установки выражают идеальные представления людей и лишь до известной степени определяют их поведение в реальной жизни.

Распространение новых идейно-психологических ориентаций и духовные искания в США 70-х годов представляли собой сложный и противоречивый процесс. Прежде всего следует отметить внутреннюю неоднозначность самих «новых ценностей». Например, поиски нового стиля жизни и индивидуальной самореализации увеличивали приватистские ориентации массового сознания, приводили к эгоцентрическим, часто извращенным формам «новой морали» (отрицание семьи, отказ женщин от воспитания детей, требования однополых браков и т. п.). В социально-культурном контексте Соединенных Штатов новые ориентации, противопоставляемые их носителями потребительской буржуазной этике, часто оказывались лишь обновленным, приспособленным к требованиям времени вариантом буржуазных ценностей.

Одновременно начиная с 60-х годов отмечалось усилившееся тяготение американцев к преодолению индивидуализма. В 60-х годах оно проступало в молодежном бунте, но практически не вышло за его пределы. В 70-х годах исследовательская группа Д. Янкеловича выявила распространение этого феномена в большем масштабе и определила его как «тенденцию к поискам общности». Под этим термином исследователи подразумевали стремление к неформальной общности, к расширению и углублению личностных контактов. По их данным, эта тенденция показала большой рост во второй половине 70-х годов: в 1973 г. ее можно было обнаружить у 32% населения, а к началу 80-х годов — уже у 47% [113] (главным образом в обеспеченных средних слоях, более всего в среде интеллигенции). Реализовалась она в разного рода общинных экспериментах, весьма характерных и для прошлого Соединенных Штатов. Однако основная форма такого рода экспериментов в 70-е годы — создание микрообщин (примерно 10—12 человек, большей частью в сельской местности) — представляла собой еще один вариант бегства от общества. Вместе с тем рост «тенденции к поискам общности» свидетельствовал о стремлении выйти за пределы существования, замкнутого на индивидуальных интересах, и служил одним из доказательств того, что в основе приватизма 70-х годов лежала глубокая неудовлетворенность американцев действительностью, не обеспечивающей их возросших потребностей в самореализации личности [114].

В этом же русле развивались и новые религиозные движения, которые были разновидностью одной из традиционных для США форм проявления оппозиционных настроений. Именно в эту сферу перемести-

---

[112] *Yankelovich D.* New Rules, p. 59—60.

[113] Ibid., p. 251—253.

[114] In Gods We Trust: New Patterns of Religious Pluralism in America/Ed. by Th. Robbins, D. Anthony. New Brunswick; London, 1982, p. 54—55.

лись духовные искания тех американцев, которые разочаровались в других путях к осмысленной жизни и моральной определенности — как в предоставляемых американской действительностью жестких пределах социальной активности, так и во вседозволенности контркультуры.

Развитие «новых религий», зародившихся еще в 60-е годы и представлявших собой варианты мистического христианства и восточных культов, в последующем десятилетии приобрело масштабы, необычные даже для традиционного американского религиозного плюрализма [115]. Основная демографическая характеристика новых культов — молодые люди до 20 лет или несколько старше, для которых новые культы предлагали альтернативу бюрократизированным церквам и утраченным полноценным семейным контактам (не случайно большинство новых сект называли себя «семьями»). Религиозное брожение находилось в тесной связи с общим культурно-ценностным кризисом американского общества.

Сдвиг в общественном сознании не только стимулировал новые религиозные эксперименты, но и оживил традиционные мистические формы протестантизма. Соответственно менялась и социальная роль современного религиозного мистицизма: он вышел за рамки чисто персонального опыта и стал значительной социальной силой в качестве одного из механизмов приспособления личности к буржуазным ценностям американской общественной системы. Вместе с тем закрытость многих мистических культов для «непосвященных», авторитарные претензии на абсолютное знание единственного пути «спасения» превращали их в замкнутые очаги группового общения различного социально-политического характера — от фашиствующего антикоммунизма «Унификационной церкви» до утопического социализма ряда сект-коммун или причудливого мистического варианта левацкого экстремизма секты «Народный храм» [116]. «Новые религии» были в США 70-х годов одним из каналов, через который тщетно искало выход социальное недовольство.

Религиозные эксперименты 70-х годов сопровождались массовым увлечением другими формами мистицизма (оккультизм, астрология, хиромантия, колдовство и т. п.). Эти социально-психологические процессы отразили углубление кризиса буржуазного сознания, падение престижа науки и оживление традиций антиинтеллектуализма в общественной психологии.

Поиск ценностных альтернатив сопровождался во второй половине 70-х годов усилением консервативных настроений. Это обстоятельство было прежде всего обусловлено существованием в США массовых слоев (мелкой и средней буржуазии, части интеллигенции и рабочих), где по-прежнему господствовали традиционные буржуазные ценности. Перед лицом «новой морали» эти слои проявляли себя более активно, часто в воинствующей форме. Усиление консервативных и ультраправых веяний дало основание буржуазным идеологам для тенденциозного вывода о мас-

---

[115] В советской литературе об этом см.: *Митрохин Л. Н.* Религии «нового века». М., 1985; Религия в политической жизни США (70-е — начало 80-х годов)/Отв. ред. Ю. А. Замошкин, Д. Е. Фурман. М., 1985, гл. 4.

[116] Религиозная секта-коммуна авторитарно-казарменного режима, переселившаяся в тропические леса Гайяны. В декабре 1978 г. по приказу главы секты Дж. Джонса все ее члены (включая детей) одновременно совершили акт коллективного самоубийства.

совом «консервативном повороте», однозначном пересмотре опыта «критического десятилетия 60-х годов» и т. д.

В реальной жизни эти процессы характеризовались углублением противоречивости общественных настроений, их поляризацией, выражавшейся в различных формах. Так, наряду с активизацией консервативных и реакционных сил развивались массовые демократические социальные движения, такие, как борьба за мир, за равноправие женщин, за сохранение окружающей среды. Характерная для 70-х годов двойственность сознания проявилась, в частности, и в оценке роли государства. Наряду с сильными антиэтатистскими тенденциями и негативным отношением к государственно-монополистическим формам регулирования экономики развивались новые представления об ответственности государства за судьбу и благосостояние его граждан.

Воспитанные в духе почитания индивидуального успеха, американцы еще в недавнем прошлом в большинстве оценивали свои неудачи (даже в период кризиса 30-х годов) как результат личной несостоятельности. В 70-е годы они стали проявлять большую склонность возлагать ответственность за жизненные трудности на общественные институты и более всего на федеральное правительство [117]. Столь же неоднозначным стало и отношение к правительственным социальным программам: 76% высказались против увеличения затрат на их осуществление, а 37% — за их свертывание [118]. Вместе с тем более детальное рассмотрение показывает, что негативная оценка затрат на социальное обеспечение касалась в основном программ борьбы с бедностью (поскольку в связи с резким ухудшением экономической конъюнктуры они воспринимались как обременительная филантропия) и не относилась к затратам на здравоохранение (за них высказались 73%), защиту окружающей среды (73%), обеспечение занятости (63%) [119], просвещение (56%) [120].

Противоречивость, неустойчивость массового сознания проявились и в том факте, что развитие более дифференцированного и критического восприятия социальной действительности сопровождалось всплеском иррационализма и увлечением мистикой. Кризис буржуазных ценностей приводил, с одной стороны, к напряженным духовным исканиям, с другой — у значительной части американцев стал причиной душевной опустошенности и утраты всяких этических ориентиров, что резко усилило преступность, наркоманию, другие социальные болезни.

Анализ социологических опросов показывает, что «консервативная волна» 70-х годов носила в большей степени прагматический, нежели идеологический характер. Как свидетельствуют ответы на общий вопрос о желательности «консервативного пути развития» страны, доля лиц, высказавшаяся за этот путь в целом, не только не увеличилась за вторую половину 70-х годов, но и обнаружила некоторую тенденцию к снижению [121]. Американцы в большинстве были разочарованы не столько в либеральных идеях государства «всеобщего благосостояния», сколько в реальных результатах реформистской деятельности на базе неолиберальных доктрин. Ощущение беспомощности в решении социальных

---

[117] Free Society and Planning, p. 6.
[118] Public Opinion, 1981, vol. 4, N 6, p. 36.
[119] Ibid., 1982, vol. 5, N 1, p. 29.
[120] Political Behavior, 1981, vol. 4, N 2, p. 135.
[121] Business Week, 1982, Nov. 8, p. 8.

проблем часто приводило к убеждению в бесполезности коллективных политических действий, что также способствовало формированию консервативных установок.

Важной причиной развития консервативных тенденций (помимо внешнеполитических причин) послужили и характерные для второй половины 70-х годов настроения тревоги, вызванные опасностью разрушения окружающей среды и угрозой термоядерной катастрофы. Усиленные экономическими потрясениями, эти настроения породили страх перед любыми переменами, недоверие к научно-техническому прогрессу и выразились в тяготении к национальным корням и в идеализации прошлого. В такой ситуации сама природа «новых ценностей» (особенно связанных с экологической, антиэтатистской и антибюрократической проблематикой) в некоторой степени способствовала консервативной переориентации определенного числа их приверженцев.

Однако еще в большей мере «новые ценности» с их идеалом индивидуального самоосуществления содействовали добровольному уходу части их сторонников с общественно-политической арены. Эти группы стали одним из источников массового абсентеизма во время выборов. Многие политически активные в прошлом сторонники либеральных и прогрессистских политических течений как бы покинули поле боя, оставив его во власти консерваторов, которые превратились в общественного «лидера мнений», увлекая за собой колеблющиеся слои.

Эрозия традиционных жизненных и политических ценностей породила неустойчивость массовых психологических ориентиров, характерное для Соединенных Штатов 70-х годов «смятение чувств и мыслей». Под влиянием экономического кризиса этот процесс углубился и привел к повороту в общественных настроениях американцев. Ситуация политической нестабильности и идейного вакуума усиливала тяготение рядового американца к определенности и «порядку», к простоте и конкретности политических платформ в целом, даже если и не все их компоненты вызывали одобрение[122]. Подобные настроения и подготовили почву для успеха консерваторов на президентских выборах 1980 г.

Оживление консервативных тенденций массового сознания было использовано американскими буржуазными идеологами, которые во второй половине 70-х годов начали пересмотр своих доктрин, проходивший под знаком консервативного поворота в идейно-политической стратегии современного капитализма. Развивая охранительские тенденции в общественном сознании, они использовали идею возрождения неких «вечных» ценностей американизма, под которыми прежде всего подразумевались такие понятия, как «предпринимательский инстинкт» и этика индивидуального успеха. Расчленив буржуазно-демократическую формулу «свобода и равенство», консервативные идеологи сделали ударение на противопоставлении этих понятий, причем предпочтение отдавалось ими принципу свободы, интерпретируемой как свобода рыночной стихии и капиталистического предпринимательства.

Наиболее модернизированный тип консервативного мышления представлен течением неоконсерватизма[123], возникшим во второй половине

---

[122] *Frankoviz K. A.* Public Opinion Trends.— In: The Election of 1980: Reports and Interpretations. Chatham (N. J.), 1981, p. 118.

[123] Подробнее о неоконсерватизме см.: Современное политическое сознание в США. М., 1980; *Мельвиль А. Ю.* Социальная философия современного американского

70-х годов в результате идейной переориентации ведущих идеологов неолиберализма — Д. Белла, И. Кристола, Н. Глейзера, М. Новака, С. М. Липсета и др. Постулаты неоконсерватизма разрабатывались и формулировались в недрах таких консервативных центров, как Американский предпринимательский институт, Гуверовский институт по проблемам войны, революции и мира, Институт современных исследований, Джорджтаунский центр стратегических и международных исследований и т. п. Выдвигаемые неоконсерваторами положения обсуждались и пропагандировались на страницах журналов, предназначенных для сравнительно узкого круга читателей: «Комментари», «Паблик интерест», «Америкэн сколар» — и более массовых, но тесно связанных с «большим бизнесом» изданий типа «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» и др.

Неоконсерваторы подвергли критике неолиберальную социально-экономическую доктрину, безосновательно усматривая в ней развитие социалистических тенденций, содержащих угрозу принципам частной собственности. Вместе с тем, выступая против «большого правительства» и за торжество «преимущественно рыночной экономики», неоконсерваторы воздерживались от возврата к традиционному консервативному лозунгу laissez faire, предполагающему полную свободу ничем не регулируемой рыночной стихии. Неоконсерватизм не отрицал государственно-монополистического регулирования социальных и экономических процессов, однако настаивал на изменении его приоритетов и выдвижении на первый план прямой защиты интересов монополистического капитала. Создание любой ценой стимулов для капиталовложений провозглашалось в качестве ключевой задачи государственного регулирования хозяйственной жизни, решение которой, как утверждалось, автоматически повлечет за собой общий подъем благосостояния широких масс, включая и беднейшие слои.

В полном соответствии с традициями консерватизма неоконсерваторы подвергли критике буржуазно-демократический правопорядок с позиций элитизма и обоснования социального неравенства. Лозунгу «равенства результатов», выдвинутому демократическими движениями 60-х—начала 70-х годов, они противопоставили откровенно иерархический принцип «каждому в соответствии с его усилиями, властью и привилегиями, присущими каждой сфере» [124]. Антидемократические установки неоконсервативных идеологов сочетались с гегемонистскими внешнеполитическими взглядами, апологией «политики силы» и военного превосходства США в мире.

Неоконсервативный идеологический комплекс послужил фундаментом для формирования доктрин правых республиканцев, возглавляемых Р. Рейганом. Однако рейганизм вобрал в себя и другие виды консерватизма. Особенно это относилось к оживившимся во второй половине 70-х годов традиционным для США религиозно-моралистическим, мессианским тенденциям, связанным с консервативными типами американского религиозного сознания, прежде всего протестантским фундаментализмом [125].

консерватизма. М., 1980; *Гаджиев К. С.* Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии. М., 1982.

[124] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. L., 1976, p. 269.

[125] Подробнее см.: Религия в политической жизни США (70—80-е годы). М., 1985.

В качестве реакции на расшатывание моральных устоев и общее падение нравов американского общества в 70-х годах в США получили значительное распространение организации религиозных консерваторов, такие, как «Моральное большинство» во главе с телепроповедником Дж. Фолуэллом, а также «Религиозный круглый стол», «Национальная коалиция христианского действия», «Христианский голос», которые активно включались в политику, нападая на любые проявления либерализма и здравомыслия. Под лозунгом «морального оздоровления нации» они содействовали мобилизации самых отсталых, шовинистически настроенных, обычно пассивных слоев населения на поддержку консервативных политических сил. Основные темы политических выступлений религиозных консерваторов — требования запретить аборты, отменить решение Верховного суда о запрещении общей молитвы в государственных школах, заморозить поправку к конституции о равных правах женщин и яростный антикоммунизм.

Традиционный религиозно-моралистический консерватизм отличается антиинтеллектуализмом и примитивно дуалистическими, манихейскими [126] представлениями об окружающем мире. Этот тип сознания представляет собой идейно-психологическую зону наибольшего сближения, а зачастую и полного совпадения консерватизма и правого радикализма (крайне правых реакционно-шовинистических и расистских течений).

В идеологическом спектре 70-х годов праворадикальное крыло было представлено так называемыми «новыми правыми». К организациям «новых правых» примыкали «Комитет за сохранение свободного конгресса», «Американский консервативный союз» и некоторые другие. «Новые правые» активно поддерживали перечисленные требования религиозно-моралистических консерваторов, а в их идейном арсенале центральной темой оставалась тема «закона и порядка», присущая консерватизму в целом. В отличие же от неоконсерваторов «новые правые» полностью отвергали идею «государства всеобщего благосостояния» и призывали к созданию крайне реакционной формы партнерства государства и бизнеса, которое, по их мнению, должно определяться «не стремлением к обществу всеобщего благосостояния», а «прежде всего стремлением укрепить позиции корпораций и обеспечить высокие темпы экономического роста» [127]. Выдвинутая «новыми правыми» концепция «постконсервативной Америки» предусматривала дальнейший сдвиг вправо «в направлении корпоративного государства», авторитарного политического режима.

Разочарование американцев в результатах неолиберальной политики и относительно слабое развитие в массовом политическом сознании антикапиталистических идеологических традиций способствовали успеху консерваторов. Это обстоятельство было преднамеренно утрировано идеологами консерватизма и в таком виде использовано ими как доказательство якобы существующего органического соответствия предлагаемой ими программы массовым общественным настроениям. Однако реальное состояние американского общественного мнения в этот период свидетельст-

---

[126] Манихейство — религиозно-философское учение об изначальном существовании и вечном противостоянии добра и зла, света и тьмы, духа и материи жестко отграниченных друг от друга.

[127] *Phillips K. P.* Postconservative America.— In: New York Review of Books, 1982, May, p. 27.

вовало о том, что влияние консерватизма никак нельзя было назвать безраздельным и что для значительных масс населения «консервативный поворот» в большей мере выражал реакцию на утрату доверия к политике буржуазного либерализма, чем приверженность собственно консервативной политической идеологии.

6. НАТИСК КОНСЕРВАТОРОВ И ВЫБОРЫ 1980 Г.

К исходу 70-х годов вновь обострились внешние и внутренние противоречия американского капитализма. В конце 1979 г. на США обрушился очередной экономический кризис. Быстрое увеличение безработицы ухудшило положение трудящихся. К тому же потерпели провал усилия администрации Картера по сдерживанию роста инфляции в стране. Напряженной для Соединенных Штатов оставалась и энергетическая ситуация. В этот же период резко упал курс доллара на международных финансовых рынках, что ослабило внешнеэкономические позиции страны.

Неспособность правительства демократов эффективно разрешить насущные проблемы, вставшие перед страной в конце 70-х годов, вызвала острую критику в адрес Белого дома, исходившую как слева, так и справа. Профсоюзы и представители беднейших слоев населения осуждали президента, взявшего курс на урезывание расходов на социальные нужды в условиях стагфляции и роста безработицы. Либералы все резче критиковали Белый дом за отход от традиционного реформистского курса демократической партии в сторону консерватизма. В то же время консервативные и реакционные силы отвергали политический курс Картера, который представлялся им недостаточно консервативным.

Во влиятельных деловых кругах явное недовольство вызвали такие действия администрации Картера, как недостаточно большое, по их мнению, сокращение социальных расходов государства, сохранение сравнительно жесткого правительственного контроля над уровнем промышленного загрязнения окружающей среды, введение налога на сверхприбыли нефтяных компаний, определенное сдерживание дальнейшей милитаризации ядерной промышленности. Картер пошел на многочисленные уступки предпринимателям в своей социально-экономической политике, но эти действия уже не удовлетворяли бизнес, значительно поправевший к концу 70-х годов.

Интенсивной критике в американских верхах подверглась администрация Картера и по вопросам внешней политики. К концу 70-х годов в правящей элите США преобладающими стали представления о том, что международные позиции Соединенных Штатов неуклонно ослабевают, а их военная мощь становится все более уязвимой. И хотя во внешней политике администрации Картера постоянно нарастали милитаристские тенденции, империалистические круги в США склонялись к выводу о неспособности этой администрации обеспечить доминирующее положение и подавляющее военно-стратегическое превосходство Америки на мировой арене.

Все эти настроения недовольства усиливались по мере обострения политических столкновений в самой администрации Картера. Ряд ее дея-

телей выражали столь явное несогласие с курсом президента, что летом 1979 г. Картер провел основательную «чистку» высшего эшелона своего правительства. При этом он пошел на беспрецедентный шаг, к которому не прибегал ни один из его предшественников в Белом доме, заставив всех министров выйти в отставку. Затем президент принял отставку нескольких нелояльных к политике Белого дома членов кабинета, среди которых оказался, в частности, министр финансов М. Блюменталь. Позднее из-за расхождений с Картером в отставку вышли государственный секретарь США С. Вэнс и представитель США в ООН Э. Янг. В свое время, как уже отмечалось, Блюменталь, Янг и Вэнс вместе с Картером входили в состав неправительственной «трехсторонней комиссии». Однако сохранение политической общности, существовавшей между ними, оказалось уже недостаточным для единства внутри администрации Картера.

Разлад в государственной политике в США к концу 70-х годов отчетливо проявился во взаимоотношениях между Белым домом и конгрессом. Несмотря на то что в этот период и президент, и большинство законодателей в обеих палатах принадлежали к одной партии, Картеру не удалось достичь взаимодействия с лидерами демократов по ряду существенных пунктов правительственной программы. В целом он добился одобрения конгрессом значительно меньшего числа своих законодательных предложений, чем его предшественники-демократы в Белом доме.

Показателем роста в правящих кругах США негативной реакции на действия Картера на посту президента явилось изменение отношения к нему ведущих органов массовой информации. В начале его президентства «большая пресса» подавала Картера как неординарного политического деятеля, прибывшего в Вашингтон для обновления государственной политики. Однако через некоторое время столичные журналисты и телекомментаторы изменили тон. Они стали все чаще высмеивать провинциальные манеры Картера и его «джорджийской мафии», а затем, искусно используя серию политических скандалов, в которых оказались замешаны некоторые лица из ближайшего окружения президента, поставили его в положение обороняющейся стороны. Позднее Картер писал в мемуарах, что все годы пребывания в Белом доме он ощущал себя «аутсайдером» в Вашингтоне, не сумевшим найти общий язык с лидерами конгресса, влиятельными представителями столичной элиты и журналистских кругов [128].

Нарастание кризисных явлений в американской экономике и внешней политике США, неэффективность кейнсианских методов государственно-монополистического регулирования, посредством которых правительство демократов пыталось преодолеть эти явления, обусловили возникновение широко распространенного представления о Картере как о слабом президенте, неспособном проводить эффективную правительственную политику. В ноябре 1979 г., т. е. в преддверии очередных президентских выборов, деятельность Картера одобряли лишь 32% американцев [129].

На волне нараставшей критики в адрес правительства и значительного падения популярности Картера видный деятель либерального крыла демократов Э. Кеннеди объявил о выдвижении своей кандидатуры в

---

[128] *Carter J.* Keeping Faith. Memoirs of a President. N. Y., 1982, p. 127.
[129] *Dye Th., Ziegler H.* The Irony of Democracy. Monterey (Cal.), 1981, p. 313.

президенты на выборах 1980 г. Кеннеди рассчитывал убедить избирателей в том, что он является «более сильным лидером». Поначалу это ему удалось, и в опросах общественного мнения сенатор намного опережал президента по популярности. Однако с конца 1979 г. ход и соотношение сил в избирательной кампании 1980 г. существенно изменились вследствие новой вспышки в США воинствующего милитаризма и имперского шовинизма, инспирированных реакционными кругами в связи с событиями в Иране и Афганистане в конце 1979 г.

С самого начала предвыборной кампании Дж. Картер и ведущие претенденты от республиканцев Р. Рейган, Дж. Буш и Дж. Коннэли стремились превзойти друг друга в том, кто активнее будет ратовать за наращивание вооружений и проведение внешней политики США с «позиции силы». При этом Картер ставил себе в заслугу прекращение обсуждения в сенате договора ОСВ-2, замораживание научно-технических, экономических и культурных связей между США и СССР, бойкот Соединенными Штатами XXII Олимпийских игр в Москве и другие меры, направленные на резкое ухудшение советско-американских отношений.

В соответствии с расчетами Картера и руководителей его предвыборной кампании в специфической внутриполитической обстановке, сложившейся в стране в первые месяцы 1980 г., антисоветские акции президента были восприняты многими избирателями как «твердые» и «решительные». Картер на какое-то время стал восприниматься как «сильный лидер», что помогло ему несколько укрепить свои предвыборные позиции. Что касается главного соперника Картера в его собственной партии — Э. Кеннеди, который попытался занять более или менее умеренную позицию во внешнеполитических вопросах, то на него обрушился поток обвинений чуть ли не в предательстве национальных интересов США. Это предопределило победу Картера на первичных выборах в 24 штатах. Кеннеди смог опередить Картера только в 10 штатах.

Однако Картер недолго оставался лидером в предвыборных баталиях. Усиленно эксплуатируя антисоветские и милитаристские лозунги, он содействовал укреплению позиций консервативных и правых сил, группировавшихся главным образом вокруг республиканской партии. С другой стороны, в центр избирательной кампании все больше стали выдвигаться вопросы, связанные с плачевным состоянием американской экономики в год выборов, и здесь Картер и его администрация становились очень уязвимой мишенью для критики республиканцев. Популярность президента снова упала, и многие видные демократы открыто стали заявлять, что с таким непопулярным кандидатом их партия наверняка потерпит поражение на предстоящих выборах. В конце концов Картеру, имевшему контроль над партийной машиной, удалось добиться утверждения своей кандидатуры на общенациональном съезде, но на заключительный этап избирательной кампании 1980 г. демократы вышли, так и не преодолев внутрипартийный раскол [130].

Иную картину являли собой республиканцы. Они получили мощную финансовую и политическую поддержку от консервативных и правых сил, которые на всем протяжении президентства Картера постоянно наращивали свое влияние в политической жизни страны. Стратеги респуб-

---

[130] *Печатнов В. О.* Что показали выборы в США.— США — экономика, политика, идеология, 1980, № 12, с. 49.

ликанцев усиленно готовились к выборам 1980 г., полагая, что у них будет больше шансов вновь стать у кормила власти.

Претенденты на пост президента от республиканцев отличались друг от друга лишь степенью консерватизма. Главным фаворитом правого крыла этой партии с самого начала был Р. Рейган. Его основные соперники Дж. Коннэли и Дж. Буш имели репутацию консервативных центристов. Именно они на первом этапе предвыборной кампании 1980 г. получили наибольшую поддержку со стороны крупнейших американских монополий, в то время как основную финансовую базу Рейгана в тот период составляли преимущественно представители крупной немонополистической буржуазии Юга и Запада США.

В ходе первичных выборов Рейган нанес поражение своим соперникам и стал лидирующим претендентом от республиканцев. Это повлекло за собой усиление в республиканской партии ее правого крыла, которое потеснило занимавшую ранее доминирующие позиции центристскую группировку. С другой стороны, многие республиканцы-центристы к концу 70-х годов заметно поправели. Если на выборах 1968 и 1976 гг. они отвергли кандидатуру Рейгана в президенты, то теперь эта кандидатура была для них вполне приемлемой. «Большой бизнес» также в целом сделал свой выбор в пользу Рейгана. Как показал опрос среди предпринимателей, проведенный газетой «Уолл-стрит джорнэл» еще до съезда республиканцев, из числа руководителей крупнейших промышленных компаний 84% опрошенных высказались за Рейгана и только 5% — за Картера [131].

На самом съезде Рейган был единодушно утвержден лидером своей партии на выборах 1980 г. Таким образом, впервые после победы Б. Голдуотера на съезде республиканцев в 1964 г. их правое крыло добилось выдвижения кандидатом в президенты своего представителя. В пару к Рейгану был избран Дж. Буш. Этот предвыборный список закрепил объединение правых и центристов в республиканской партии на единой политической платформе. В завершающий этап избирательной кампании республиканцы вступили сплоченными и уверенными в победе над демократами.

Самой животрепещущей проблемой для американцев в год выборов было положение в экономике страны. Кризис, начавшийся в конце 1979 г., охватил в 1980 г. практически все отрасли. Ко дню выборов безработица подскочила с 5,8 до 7,5%, уровень инфляции составлял почти 10%, а реальная заработная плата рабочих сократилась на 3% [132]. Антиинфляционная программа администрации Картера и ее попытки улучшить положение дел в экономике потерпели провал.

Республиканцы постарались извлечь максимальный политический капитал из того, что год выборов совпал с углублением экономического кризиса в стране. Их кандидат Рейган постоянно вопрошал свою аудиторию на предвыборных митингах: «Спросите себя, лучше ли вы живете сейчас, чем четыре года назад?». Неизменно отрицательный ответ он использовал в качестве главного довода в пользу голосования за республиканцев на предстоящих выборах.

---

[131] Wall Street Journal, 1980, June 24.

[132] The Hidden Election. Politics and Economics in the 1980 Presidential Campaign/ Ed. by Th. Ferguson, J. Rogers. N. Y., 1981, p. 143.

Апеллируя прежде всего к рабочим, многие из которых по традиции поддерживали демократов, республиканцы в предвыборной платформе обещали «вернуть американцев на работу», обуздать инфляцию и обеспечить экономический подъем. Не скупясь на обещания, они уверяли, что в случае прихода их к власти будет оказана действенная помощь безработным. Главным же «козырем» республиканцев было предложение о значительном сокращении подоходных налогов для всех слоев американского общества. Это предложение упоминалось в их предвыборной платформе 46 раз, и в условиях экономического кризиса оно привлекло к республиканской партии немало избирателей.

Пункт о сокращении подоходных налогов в предвыборной платформе республиканцев не менял ее общей промонополистической и консервативной направленности. Одновременно республиканцы ратовали за кардинальное уменьшение социальных расходов, существенное сокращение государственного регулирования экономики, введение новых крупных льгот для предпринимателей. При этом республиканцы настаивали на своей традиционной идее о том, что только расширение свободы частного предпринимательства и «освобождение» бизнеса от многих форм государственного контроля могут вывести экономику из кризисного состояния. На выборах 1980 г. такая консервативная программа выглядела весьма привлекательной в глазах многих избирателей, которые связывали провалы демократов во внутренней политике с неэффективностью неолиберальных подходов к решению социально-экономических проблем [133].

Предвыборная полемика между демократами и республиканцами по вопросам внешней политики проходила в русле общего поворота господствующего класса США в сторону усиления милитаризма, ревизии политики разрядки и возвращения к политике «холодной войны». Республиканцы требовали еще большего увеличения военных расходов, чем администрация Картера, и в своей предвыборной платформе прямо провозгласили курс на достижение военного превосходства США над СССР [134].

Особенно рьяно республиканцы эксплуатировали драматическую ситуацию, связанную с тем, что иранские власти продолжали удерживать американских заложников в Тегеране. Избирателям постоянно внушалось, что «пораженческая политика» администрации демократов привела к «унижению и ослаблению Америки» и только такой «сильный лидер», как Рейган, способен возродить американскую мощь и «заставить все страны уважать Соединенные Штаты». Сам Рейган неоднократно заявлял в ходе избирательной кампании, что он является поборником мира, но тут же добавлял, что мир может быть сохранен только в условиях превосходства американской силы на международной арене. В целом внешнеполитическая платформа республиканцев отражала гегемонистские устремления наиболее агрессивно настроенной части американских империалистических кругов.

---

[133] Показательно, что именно на этих выборах значительного для себя успеха достигла малочисленная либертерианская партия. Ее лидер Э. Кларк, выступавший за ликвидацию всех форм государственного контроля над деятельностью предпринимателей, добился внесения своей кандидатуры в президенты в избирательные списки во всех 50 штатах.

[134] National Party Platforms of 1980/Compl. by D. Johnson. Urbana, 1982, p. 206.

На протяжении всей кампании Рейган находился в выгодной позиции критика непопулярного политического курса администрации Картера. Он сумел создать о себе впечатление как о политическом деятеле, который имеет цельную программу действий и обладает решимостью провести ее в жизнь. Картер, напротив, предстал в глазах избирателей непоследовательным политиком, которому так и не удалось перехватить у Рейгана инициативу в предвыборной кампании.

Многие американцы отказались поддержать не только Картера, но и Рейгана. Некоторые из них, неудовлетворенные выбором между правоконсервативным кандидатом республиканцев и тяготевшим к консерватизму кандидатом демократов, предпочли конгрессмена от штата Иллинойс Дж. Андерсона, который имел репутацию либерального республиканца и баллотировался на выборах 1980 г. в качестве независимого кандидата в президенты.

На левом фланге политического спектра возникла так называемая «Народная партия». Не посягая на основы капиталистической системы, эта группировка выдвинула лозунг введения общественного контроля над деятельностью монополий. Кандидатом в президенты от «Народной партии» стал известный ученый и видный деятель движения за охрану окружающей среды Б. Коммонер.

Наиболее последовательно коренные интересы американских трудящихся на президентских выборах 1980 г. выражала Компартия США, кандидатами которой были Г. Холл и А. Дэвис. Несмотря на постоянные препоны, чинимые властями, и активизацию реакционных сил в стране, коммунисты активно использовали свою предвыборную кампанию для пропаганды идей марксизма в массах, борьбы за мир, разрядку и широкие демократические преобразования в американском обществе. Особенно настоятельно коммунисты призывали к сплочению всех прогрессивных сил против растущей правой опасности в США.

Альянс консерваторов и правых поставил перед собой цель добиться не только прихода Рейгана в Белый дом, но и победы республиканцев на выборах в конгресс США. В достижении этой цели значительную роль сыграли могущественные монополии. Если раньше на выборах в конгресс они поддерживали преимущественно партию большинства, т. е. демократов, то на выборах 1980 г. $^2/_3$ всех истраченных «большим бизнесом» средств пошло на финансирование находившихся в меньшинстве республиканцев [135]. Это явилось еще одним недвусмысленным свидетельством общего поправения американской буржуазии на рубеже 70—80-х годов.

Особую политическую активность проявили многочисленные ультраконсервативные организации — «Национальный консервативный комитет политического действия», «Комитет за выживание свободного конгресса», «Клуб конгресса», «Фонд за консервативное большинство», «Фонд наследия» и др. Свою предвыборную деятельность эти организации сконцентрировали прежде всего на дискредитации либеральных и умеренных демократов, добивавшихся переизбрания в конгресс.

В день выборов Рейган получил около 51% голосов избирателей, принявших участие в голосовании, Картер — около 41, Андерсон — 6,6%. За этими цифрами стояла не только победа Рейгана, но и сокрушительное поражение Картера. Кандидат республиканцев победил в 44 штатах,

[135] Dollar Politics. Wash., 1982, p. 48.

Картер набрал большинство голосов лишь в остальных 6 штатах и округе Колумбия. Вместе с тем был зафиксирован рекордный (после выборов 1948 г.) уровень абсентеизма: лишь 54% избирателей приняли участие в голосовании на президентских выборах.

Наиболее существенный сдвиг в электорате по сравнению с президентскими выборами 1976 г. произошел среди избирателей-рабочих. В условиях все углублявшегося в 1980 г. экономического кризиса в стране большинство (правда, минимальное) «синих воротничков» отвергло находившуюся у власти администрацию демократов и проголосовало за кандидата республиканцев, обещавшего вывести экономику из кризиса, сократить безработицу и уменьшить инфляцию. Вообще на массовом уровне избиратели отдали предпочтение республиканцам в большей степени из-за недовольства демократами, а не из-за их консервативной платформы. Зато подавляющее большинство в средних слоях и высшей прослойке американской буржуазии, которое проголосовало за Рейгана, сделало это именно потому, что республиканцы намеревались проводить гораздо более консервативную политику, чем демократы.

На выборах в конгресс США демократам удалось сохранить свое большинство в палате представителей, но они лишились его в сенате. Впервые после выборов 1952 г. республиканская партия добилась установления своего контроля и над федеральной исполнительной властью, и над верхней палатой высшего законодательного органа страны. Более того, республиканцы смогли нанести поражение целой группе видных либеральных сенаторов-демократов, которые оказывали существенное влияние на политику конгресса. Не менее важным итогом выборов стало и то, что после завоевания республиканцами большинства в сенате во главе некоторых ключевых его комитетов встали правоконсервативные деятели этой партии.

Таким образом, итоги выборов 1980 г. вышли далеко за рамки смены партий у власти. Эти выборы завершили процесс поэтапной перегруппировки политических сил в США. Если в массах консерваторы и правые расширили свою базу лишь в довольно-таки ограниченных пределах, то в Белом доме и конгрессе их положение стало доминирующим. В то же время либеральные и умеренные группировки потеряли значительную часть своего влияния на государственную политику, да и весь господствующий класс в целом сдвинулся в своих идейно-политических позициях вправо. Такова была его реакция на усиление кризисных явлений в экономике мирового капитализма, ослабление международных позиций американского империализма, на рост политической нестабильности внутри страны и обострение социальных конфликтов.

III
НАУКА И КУЛЬТУРА

Глава тринадцатая
ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАУКА

1. СРЕДНЯЯ ШКОЛА

Развитие системы среднего и высшего образования в США в послевоенные десятилетия подчинялось общим закономерностям развития капиталистического общества, хотя многие его черты и особенности тесно связаны и с развитием научно-технического прогресса, предъявившим повышенные требования к уровню общеобразовательной и специальной подготовки рабочей силы, к обеспечению хозяйства страны высококвалифицированными кадрами специалистов, техников, инженеров и ученых. Стремление монополистического капитала к упрочению своего могущества, к росту его конкурентоспособности на мировом рынке вело к закреплению того зависимого положения, которое всегда занимала сфера образования в общей стратегии господствующего класса США. «Решающий голос в школьной политике,— отмечала советский исследователь З. А. Малькова,— принадлежит крупным монополиям. Их представители в конгрессе, в национальных комиссиях по выработке законов определяют стратегические планы в области образования. У них ключевые позиции в местных органах управления, и они решают вопрос о характере воспитания и обучения молодого поколения» [1].

Несмотря на децентрализованный характер системы среднего образования, служащий буржуазным политологам основным аргументом в пользу тезиса о «демократическом характере» американской средней школы, представители монополистической буржуазии занимали ключевые позиции в управлении всем школьным делом. В школьных комитетах, руководящих деятельностью основного административного звена системы среднего образования США — школьных округов, в 60-е годы около 70% мест занимали, согласно американским исследованиям, крупные предприниматели, государственные чиновники, представители высокооплачиваемой интеллигенции [2].

Будучи теснейшим образом связанной с процессом капиталистического воспроизводства и хозяйственной структурой общества, система среднего образования в США подчинена главной задаче: обеспечению его растущих потребностей в высококвалифицированной рабочей силе. Эта функция особенно четко проявилась в послевоенные годы в связи с ускоре-

---

[1] *Малькова З. А.* Современная школа США. М., 1971, с. 354.
[2] *White A. L.* School Boards: Organization and Practices. Wash., 1962, p. 24.

нием научно-технического прогресса, повышением роли науки и соответственно ростом требований к общеобразовательному уровню населения. Численность учащихся средних школ возросла с 50-х до начала 70-х годов в 2,3 раза. К 80-м годам в средних школах США обучались 47 млн. школьников, а средний уровень образования населения страны, оцениваемый в годах обучения, составлял 12,5 года (по сравнению с 8,6 года в 40-е годы) [3].

Резко возрос контингент старшеклассников: только во время «школьного бума» конца 50-х — начала 60-х годов число учащихся 10—12-х классов увеличилось более чем в 2 раза — с 6,4 млн. до 14 млн. В начале 80-х годов в старших классах обучалось более 15 млн. человек (94% молодежи 14—17 лет). По количественным показателям школьного дела — охвату населения сетью школ, проценту выпускников (в 1980 г. 74,3%) — США лидировали среди других развитых капиталистических стран, за исключением Японии [4].

Насыщение рынка труда образованными специалистами, круг знаний которых достаточно широк и выходит за рамки непосредственно выполняемых ими функций, способствует общему повышению культуры труда и возможности относительно безболезненной профессиональной переориентации в быстро меняющихся условиях научно-технического прогресса. Поэтому важнейшей задачей среднего образования должно объективно становиться всестороннее развитие учащихся. Однако в условиях капитализма данный подход сталкивается с обратной тенденцией к узкопрофессиональной, специализированной подготовке, что диктуется прагматическими интересами снижения издержек на образование. Кроме того, в идейно-политических установках господствующего класса четко прослеживается стремление воспрепятствовать «чрезмерному» росту образования трудящихся, чреватому «непредсказуемыми» социально-политическими последствиями. Неудивительно, что для послевоенной истории США характерно обострение борьбы между сторонниками «широкого» и «узкого» подходов к сфере образования.

До конца 60-х годов преобладала концепция широкого профиля обучения, что соответствовало задаче резкого повышения темпов роста средней школы. К началу же 70-х годов преобладающим стал второй, узкопрагматический подход. Немалую роль в этом сыграл экономический спад 1969—1970 гг., в ходе которого впервые за послевоенный период значительное число дипломированных специалистов пополнило ряды безработных, подорвав представление о высоком уровне образования как гарантии занятости. Следует добавить, что выдвижение в социально-политической борьбе конца 60-х—начала 70-х годов проблемы отчуждения личности в условиях капитализма было воспринято правящими кругами как определенное следствие «широкого» подхода к образованию трудящихся.

В результате на рубеже 70-х—начала 80-х годов в государственных школах были расширены формы узкоспециализированного, профессионального обучения, которые особенно укрепились в связи с ростом безработицы и обострением конкуренции на рынке труда, что предъявило

---

[3] Handbook of Labor Statistics. Wash., 1980, p. 140, 141; Statistical Abstract of the United States, 1984. Wash., 1984, p. 137, 138.

[4] *Малькова З. А.* Две школьные реформы.— США — экономика, политика, идеология, 1984, № 11, с. 32; *Она же.* Школьное образование и администрация Рейгана.— Там же, 1983, № 9, с. 37.

повышенные требования к профессиональной подготовке рабочей молодежи. В школьных программах был сделан упор на дисциплины, позволяющие выпускникам быстрее приспособиться к реальным условиям жизни и труда.

Система среднего образования в послевоенный период продолжала носить децентрализованный характер, что отличало ее от западноевропейских стран. Причем в условиях роста неоконсервативной идеологии в конце 70-х—начале 80-х годов подобное состояние школы превозносилось правящими кругами как средство обеспечения «американской демократии» в школьном деле, а поборники централизации объявлялись «адептами униформизма», препятствующими «свободной самореализации индивидуума». За этими громкими фразами стояла прежде всего забота о сохранении элитарной структуры среднего образования, предоставляющей максимальные возможности лишь выходцам из богатейших слоев общества. В силу этого структура средней школы отличается аморфностью, существованием системы государственных и элитарных частных школ, значительным разнообразием подходов к школьному делу, сроков обязательного обучения и продолжительности учебного года, профессиональных требований к педагогам, программ обучения и т. д. В большинстве штатов приняты законы об обязательном обучении школьников до 16 лет (в некоторых — до 18).

Средняя продолжительность обучения в школе возросла в послевоенные годы до 12 лет, которые подразделяются в основном на 3 этапа: начальную школу (Primary School) — с I по VI класс, в которой дети обучаются с 6 до 12 лет; неполную среднюю школу (Junior High School) — с VII по IX класс и полную среднюю школу (Senior High School) — с X по XII класс.

Финансирование (на 90%) и непосредственное руководство государственными школами осуществлялись органами штатов и школьных округов, причем между округами также имеются существенные различия (от школьного округа Нью-Йорка с 1 млн. учащихся и 1 тыс. школ до округов с 1—2 школами и числом учеников до 300).

В послевоенный период возросшие требования к школе по интенсификации ее деятельности в условиях НТР способствовали ускорению процесса концентрации школьных округов и школ. К концу 40-х годов в США была 101 тыс. школьных округов, а к концу 60-х годов число округов сократилось до 23 тыс., причем на долю крупных округов с числом учащихся более 25 тыс. приходилась треть всех учеников[5]. В 70-е годы число округов сократилось до 16 тыс. В начале 80-х годов доля крупных округов с числом учащихся более 25 тыс. возросла до 1,1% их общего числа по сравнению с 0,7% в конце 60-х годов[6].

Концентрация школьных округов и школ создала ряд благоприятных возможностей для решения новых задач, вставших перед школьной системой в условиях НТР: расширился набор изучаемых дисциплин, более гибкими стали программы учебных курсов, появились возможности для применения новейшего оборудования. В условиях научно-технического прогресса, когда постоянно обновляются требования к выпускникам школ, крупные школьные подразделения могут позволить себе разнообра-

---

[5] *Малькова З. А.* Современная школа США, с. 79.

[6] Сфера услуг в США: новые явления и структурные сдвиги/Под ред. В. М. Усоскина, Л. С. Демидовой. М., 1985, с. 196.

зие и гибкость в отношении программ обучения (что особенно характерно для X—XII классов). В крупных школах используется не только принцип выборности некоторых предметов для старшеклассников, но и выборности курсов обучения (в некоторых школах предлагается до 200 разработанных курсов). Однако плодами концентрации школьных округов и школ смогло воспользоваться лишь меньшинство учащихся, поскольку в 70—80-е годы $^2/_3$ американских школьников продолжали учиться в мелких округах и мелких школах, которые, по расчетам американских специалистов, неэффективны и в экономическом, и в учебном плане.

Наряду с обеспечением процесса капиталистического производства квалифицированной рабочей силой система среднего образования в США была призвана решать важнейшую социально-политическую задачу сохранения в неприкосновенности антагонистической системы общественных отношений. Для американского общества с его глубокими классовыми противоречиями этот принцип нашел отражение в наличии двух различных подходов к системе образования: образование для детей состоятельных родителей и для выходцев из семей бедняков.

Узкоклассовый подход буржуазии, ее стремление сохранить свои привилегии в обществе прослеживаются в самой структуре школьного образования, основной костяк которой составляют государственные (или «общественные») школы, в которых в начале 80-х годов обучалось около 90% всех американских школьников. На вершине же школьной пирамиды находится сеть привилегированных частных школ для детей состоятельных родителей.

На развитие государственных школ сильно повлияли общие региональные и демографические сдвиги, происходившие в США в послевоенные годы. Это прежде всего массовая миграция негритянского населения в 50-е годы на промышленно развитый Север страны и его концентрация в крупных городах, тогда как имущие слои обосновывались подальше от приходящих в упадок городских кварталов — в фешенебельных пригородах. Данное социально-территориальное деление отразилось и на средней школе. Появились «пригородные школы», которые размещались в светлых, просторных зданиях, оснащались новейшим оборудованием и где работали высококвалифицированные педагоги. Преподавание в подобных школах носит академический характер, так как почти все их выпускники поступают в высшие учебные заведения.

Собственно же города во все большей степени становились средоточием наименее обеспеченных и обездоленных слоев населения, расовых и этнических меньшинств. Образу жизни этих «низов» американского общества соответствовал и свой тип учебного заведения — так называемая «городская школа» со свойственными ей атрибутами — антисанитарией, размещением в старых, неприспособленных зданиях, жалким оборудованием, тесными классными комнатами, низким уровнем преподавания.

Родители учеников из «городских школ» — бедняки и безработные часто кочуют с места на место в поисках работы, поэтому сменяемость учеников очень высока — до 90% в ходе одного учебного года. Так же высока текучесть кадров преподавателей, всеми силами пытающихся пробиться в престижные «пригородные школы» с более высокой оплатой и лучшими условиями труда.

«Городская школа» — это преимущественно сегрегированная школа с преобладанием черного или цветного состава учащихся. В ряде крупных

городов доля негритянских учащихся, обучающихся в сегрегированных школах, возросла к концу 60-х годов до 80—90%. Упорная борьба поборников расового равноправия, в том числе и за равенство в обучении, столкнулась с ожесточенным сопротивлением расистов. В ходе кампании так называемого «белого бумеранга» ее организаторы утверждали, будто негритянское население получило в 60-е годы «так много преимуществ», что настала пора бороться против «дискриминации белых граждан». В результате наступления расистов, поддержанных правящими кругами, даже по свидетельству государственных органов США, «усилия по ликвидации фактических расхождений между белыми и черными учащимися были почти полностью прекращены к середине 70-х годов» [7].

Линия социального раздела пролегает не только между «городскими» и «пригородными школами», но и внутри них. С первых же дней обучения в американских школах дети подвергаются групповому тестированию, целью которого является определение так называемого «коэффициента умственной одаренности». В соответствии с ним дети распределяются по группам, и уже с начальных классов преподавание ведется на различных уровнях — для «одаренных», «середняков» и «неспособных».

По результатам тестирования в школах США сложилось, как правило, три профиля обучения — академический (для подготовки к поступлению в университеты и колледжи), общий и профессиональный.

«Селекционная работа» среди детей по принципу отбора «умственно одаренных» расширилась в США с принятием в 1958 г. закона о развитии образования в целях национальной обороны, который прямо призывал к отбору наиболее способных учащихся для создания «интеллектуальной элиты» общества, способной решать наиболее сложные задачи в условиях ускорения научно-технического прогресса. Система тестирования, по существу, смыкалась с реакционными выводами расово-антропологической школы. Ее реализация в 60—70-е годы служила еще одним проявлением господствующего в американском обществе социального неравенства. В ходе слушаний в конгрессе США в 1984 г., посвященных проблемам среднего образования, отмечалось: «Ничто так четко не совпадает с результатами тестов учащихся в средних школах, как уровень доходов их родителей: дети бедняков получают низкие баллы, а дети богатых — высокие. Такова классовая система в американских школах» [8].

«Верхний этаж» системы среднего образования США занимает привилегированная сеть частных школ, недосягаемых не только для детей бедняков, но даже и для детей из семей со средним достатком (плата за обучение составляет около 15—20 тыс. долл. в год). К началу 80-х годов в них обучалось около 10% учащихся. Бюджет этих школ на 60—70% состоит из платы за обучение, взимаемой с родителей, а также из взносов от различных частных фирм и пожертвований от выпускников. Процесс обучения в частных школах отличается высоким уровнем. Об этом свидетельствует уже тот факт, что в частных школах в среднем

[7] Hearings on Secondary Schools Basic Skills Act. Hearings before the Subcommittee on Elementary, Secondary, and Vocational Education of the Committee on Education and Labor. House of Representatives, 98th Congress, June 12, 13, 1984. Wash., 1984, p. 50.

[8] Ibid., p. 33.

приходится 5 учеников на одного учителя, тогда как в государственных школах — 24.

Но и в стратифицированной системе американского среднего образования даже среди частных школ выделяются «аристократические» учебные заведения. Их немного, но они поставляют наибольшее число абитуриентов в известнейшие университеты — Гарвардский, Йельский и другие, входящие в аристократическую «Лигу плюща». Именно из этих наследников богатейших семейств Америки, обучающихся на вершине иерархической системы среднего образования, воспитывается будущая «властвующая элита» — политики, правительственные чиновники, дипломаты, менеджеры крупнейших фирм.

Упорная борьба прогрессивной американской общественности за демократизацию системы среднего образования, центральным лозунгом которой была ликвидация частных школ, заставила правящие круги в 60—70-е годы избегать открытой поддержки этих элитарных учебных заведений. Однако в условиях наступления правых сил демагогические призывы к «плюрализму» средней школы означали открытую поддержку в начале 80-х годов именно системы частных школ, предоставление им финансовой помощи, государственных субсидий [9].

Кроме экономических и социально-политических функций, средняя школа выполняет важные идеологические задачи. Это — первое на жизненном пути юных американцев учреждение, в котором они воспитываются в духе почитания «американского образа жизни». В послевоенный период с усилением агрессивности американского империализма возросло проникновение в среднюю школу и милитаризма. Оно идет по самым различным каналам — от совместных консультаций представителей военно-промышленного комплекса и сферы образования до включения в школьные программы специальных военных дисциплин. В возрастающем числе школ велись занятия по программе подготовки офицеров запаса.

Большое значение в воспитании духа лояльности у школьников имела религия, причем религиозное воспитание проводилось как в церковных, так и в светских школах. Заметное место среди негосударственных учебных заведений занимали католические школы (особенно в крупных городах Севера и Северо-Востока), в которых религиозному обучению и воспитанию уделялось основное внимание [10]. В начале 80-х годов при поддержке правящих кругов, кичащихся своей «религиозностью», влияние религии на среднюю школу возросло. Число учащихся в церковных школах превысило 3 млн., усилились позиции религии и в светских школах. Под лозунгом «вернуть бога в школы» неоконсерваторы повели борьбу за принятие поправки к конституции, по сути дела признающей возрастающую роль церкви в светской школе.

Идеологической подготовке американских школьников уделяется повышенное внимание. В ней учитываются возрастные особенности учащихся, гибко сочетаются эмоциональные и наукообразные приемы.

Немаловажные идеологические функции выполняла разветвленная в американских школах сеть скаутских организаций, в которых в 70-е годы состояло около 7 млн. человек. Поскольку для вступления требовались денежные взносы, их основу составляли дети обеспеченных родителей.

---

[9] *Малькова З. А.* Школьное образование и администрация Рейгана, с. 34—35.

[10] В Чикаго, Буффало, Бостоне, Кливленде около 30% школьников занимаются в подобных школах. См.: *Малькова З. А.* Современная школа США, с. 106.

В конце 60-х—начале 70-х годов и последующий период коренящиеся в самой природе капитализма противоречия усугубляли кризисные явления в области среднего образования. Этот кризис достиг такой остроты, что даже некоторые буржуазные авторы заговорили о «смертельной опасности», нависшей над американской школой [11]. Одним из его проявлений стало снижение уровня и качества обучения, особенно в «городских школах». Среди закончивших неполную среднюю школу в начале 80-х годов около трети учащихся не владели основами элементарной математики и лишь 12% были знакомы с алгеброй. Исследования специальной комиссии конгресса США в 1984 г. выявили, что учебные показатели 17-летних школьников по всем без исключения предметам уступали соответствующим показателям начала 70-х годов. Не сократился также разрыв в уровне образования между белыми и черными учащимися [12].

Важной причиной подобного состояния явилась ориентация на создание «образованной элиты» общества. Этот курс, взятый в ходе перестройки системы среднего образования в конце 50-х—начале 60-х годов, привел к снижению требований к основной массе учащихся, удалению ряда важнейших предметов из школьных программ под демагогическим предлогом «неспособности» детей из беднейших семей (в особенности принадлежащих к национальным меньшинствам) овладеть знаниями в полном объеме. Положение усугублялось нехваткой средств и низким качеством преподавания в «городских школах». Кроме того, рост безработицы в 70-х—начале 80-х годов, социальная и расовая дискриминация во всех областях жизни лишали детей из бедных семей перспективы, надежды на улучшение положения в будущем и соответственно желания учиться.

Социальный скепсис, разочарование и цинизм, которые развиваются у американских школьников по мере их взросления и адаптации к «американскому образу жизни», создают питательную почву для роста правонарушений и преступности среди учащихся. Этому же способствует и сама духовная среда, окружающая их,— пропаганда в литературе, телевизионных программах, кинематографе права сильного, романтизация мира гангстеров, смакование убийств, аморализма, грабежей и нападений.

Неудивительно, что в послевоенный период прослеживается четкая тенденция к росту серьезности проступков и тяжких преступлений американских школьников вплоть до участившихся случаев нападения на преподавателей, распространения наркомании, разгула вандализма [13].

Кризис проявился также в резком замедлении в 70-х годах «и даже абсолютном сокращении контингента учащихся не только по демографическим причинам, но и за счет снижения охвата молодежи» [14]. Это связано прежде всего с отсевом из школ детей бедняков. По данным государственных органов, отсев школьников был наиболее высок в «городских школах» и в 70-е—начале 80-х годов нередко превышал в старших классах этих школ 50% учащихся [15]. Ежегодно миллионы детей из се-

---

[11] *Paynter D.* Must Our Schools Die? Portland, 1980; A Nation at the Risk: the Imperative for Educational Reform. Wash., 1983.
[12] Hearings on Secondary Schools Basic Skills Act, p. 50, 59, 60.
[13] *Casserly M., Bass S.* School Vandalism. Lexington (Mass.), 1980.
[14] Сфера услуг в США, с. 194.
[15] Hearings on Secondary Schools Basic Skills Act, p. 50.

мей бедняков бросали учебу, не получив даже элементарного среднешкольного образования.

Попытки сгладить кризисные явления в области среднего образования не дают заметного положительного эффекта прежде всего в силу отсутствия реальной заинтересованности капиталистического государства в подъеме образовательного уровня своих граждан. Конъюнктурный характер поддержки государством системы среднего образования особенно наглядно проявился в начале 80-х годов, когда правящие круги, ратуя на словах за преодоление школьного кризиса, на деле систематически урезали расходы на образование в угоду все разбухающему военному бюджету, что сильно сказалось на качественной стороне обучения [16]. В этих условиях неудивительно, что миллионы американцев не обладают элементарной грамотностью. В начале 80-х годов государственные органы признали «шокирующим» положение дел в данной области: оказалось, что в богатейшей и наиболее развитой стране капиталистического мира 26 млн. граждан не умеют читать и писать, а около 72 млн. «функционально безграмотны» (т. е. полученные ими знания не выходят за рамки их узкой специализации) [17]. Кризис системы среднего образования в США является составной частью общей проблемы роста социального расслоения, усиления социальных антагонизмов, которые сопровождали развитие американского общества в послевоенный период.

2. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ*

В послевоенный период произошел количественный рост высшей школы, расширился студенческий контингент. В 1958 г. он достиг 3,7 млн. человек, или 18,3% числа молодежи от 18 до 24 лет, что превысило показатели 1940 г. в 2,5 раза. Число вузов осталось приблизительно на довоенном уровне (около 2 тыс.), но их материальное положение улучшилось. Во второй половине 40-х — первой половине 50-х годов страна расходовала на высшее образование 3—4 млрд. долл. (около 1% ВНП) [18]. Это означало, что по сравнению с довоенным уровнем расходы к 1958 г. увеличились в 9 раз [19]. Заметно возросли затраты на усовершенствование учебного процесса, комплектование библиотек, оснащение лабораторий.

В американской системе высшего образования в послевоенные годы особенно резко выявились различия между первоклассными вузами из «Лиги плюща» и множеством откровенно слабых по составу преподавателей и материальному обеспечению колледжей. Финансовые затруднения и антиинтеллектуальная обстановка американской глубинки обрекали эти вузы на снижение требований к абитуриентам, умножение неакадемических курсов вроде «домашнее хозяйство» или «игра на гитаре», вообще на потакание примитивным вкусам потенциальных финансовых доноров и клиентов.

[16] *Малькова З. А.* Школьное образование и администрация Рейгана, с. 38.
[17] Oversight Hearing on Adult Illiteracy. Hearing before the Subcommittee on Postsecondary Education of the Committee on Education and Labor. House of Representatives, 97th Congress, December 2, 1982. Wash., 1984, p. 2.
* В подготовке к печати § 2 принимал участие И. С. Филиппов.
[18] Development of Higher Education, 1950—1967. P., 1971, p. 81, 103.
[19] Statistical Abstract of the United States, 1974. Wash., 1974, p. 133—137.

Аттестационные агентства регулярно выявляли десятки частных заведений, торгующих фиктивными степенями, и немало государственных вузов, чьи дипломы также не котировались[20]. Таковыми были многие негритянские колледжи Юга, где студенты получали чуть больше среднего образования плюс некоторые практические навыки[21]. Подобное положение вещей было вызвано не только слабой подготовкой большинства негритянских школьников и низким качеством обучения в доступных для них вузах, но еще и убежденностью многих деятелей американской высшей школы в том, что получение нормативного образования менее важно (тезис Дж. Дьюи), чем реализация индивидуальных склонностей и способностей. В рассматриваемый период был, правда, достигнут некоторый прогресс на пути десегрегации высшей школы: в 1954 г. Верховный суд подтвердил принятое им в 1936 г. решение, признавшее неконституционным расистский принцип «равного, но раздельного обучения», но вплоть до 60-х годов, когда развернулось движение за гражданские права, это решение оставалось, в сущности, на бумаге.

В целом первые 12 послевоенных лет вошли в историю высшей школы США как «мертвый сезон». Конгресс фактически блокировал обсуждение проектов реформы образования. Средства, ассигнуемые на исследования в вузах, шли по большей части на разработки в области вооружений — государственные лаборатории были после войны почти полностью свернуты и переданы университетам. Это не могло не сказаться на уровне преподавания, вообще на атмосфере, царящей в вузах. Фундаментальная наука по-прежнему не была в чести, по ряду дисциплин (особенно гуманитарных) США, как и раньше, серьезно отставали от Европы. В обстановке маккартизма резко усилились гонения на преподавателей, придерживавшихся прогрессивных убеждений[22], упала численность прогрессивных студенческих организаций, ослабла их активность.

Перестройка американской высшей школы, включая ее структуру, методы финансирования, организацию учебного процесса и научную политику, началась только в конце 50-х годов и была во многом связана с активизацией деятельности федерального правительства. До этого высшее образование не было объектом постоянного, а главное, специального внимания федеральных властей.

Событием, буквально за один день изменившим отношение Вашингтона к проблемам образования, в том числе высшего, стал запуск в октябре 1957 г. советского спутника. Отставание США в освоении космоса было воспринято в правящих кругах США как следствие отставания в образовании.

Президент Д. Эйзенхауэр заявил о том, что для военных усилий США школы приобрели экстраординарное значение[23]. Закон 2 сентября 1958 г. положил начало регулярному финансированию высшего образования со стороны федерального правительства, которое с этого момента рассматривает высшую школу как важнейший источник роста военно-технического потенциала страны.

[20] Quality of Higher Education. Chicago, 1980, p. 196—199.
[21] Negroes and Higher Education. Wash., 1978, p. 24—25.
[22] *Brubacher J. S., Rudy S. W.* Higher Education in Transition: A History of American Colleges and Universities, 1636—1976. N. Y., 1976, p. 325—327.
[23] *Conrad O., Cosand J.* The Implications of Federal Educational Policy. Wash., 1976, p. 8.

В последующие годы, особенно президентства Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, высшему образованию уделялось значительное внимание. Этому немало способствовали получившие тогда популярность экономические теории, согласно которым «прогресс в знаниях» становится все более и более важным фактором экономического роста, а потому капиталовложения в образование дают наибольший хозяйственный эффект [24]. При всемерной поддержке и даже под давлением администрации конгресс принял несколько десятков законов, результатом которых было резкое увеличение средств, выделяемых вузам из федерального бюджета. В целом же государственные затраты на высшее образование выросли с 5,3 млрд. долл. в 1958 г. до 50,2 млрд. в 1979 г., а их доля в расходной части государственного бюджета соответственно — с 2,9 до 8,8% [25]. Отдавая себе отчет в том, что одно только материальное укрепление существующих вузов или умножение их числа не решит проблемы высшей школы, федеральное правительство избрало путь существенной ее перестройки.

Частный капитал не только благословил начатую федеральными властями реформу, но и деятельно включился в ее осуществление [26]. Это выразилось прежде всего в шестикратном увеличении частномонополистических (особенно со стороны филантропических фондов) ассигнований: в 1979 г. вузы получили из этого источника 2,6 млрд. долл. против 0,4 млрд. долл. в 1958 г.[27] Типичный для прежних лет случайный характер частных дарений, за которым нередко стояло стремление укрыться от налогов, уступил место продуманным требованиям употребить предоставляемые средства на разработку конкретных научно-практических проблем, подготовку специалистов определенного профиля и даже на приобретение аппаратуры, выпускаемой данной фирмой. Стремясь лучше контролировать деятельность вузов, монополистический капитал стал настойчивее добиваться решающего голоса в их руководящих органах. Таким образом, в проведении реформы высшей школы государство и монополии с самого начала оказались партнерами [28].

Воплощенные в мерах по перестройке высшей школы идеи родились по большей части в академическом мире и неоднократно (хотя до конца 1957 г. без видимого успеха) излагались его представителями в комиссиях и подкомиссиях конгресса. В основу были положены принципы, разработанные и к тому времени уже отчасти претворенные в жизнь в таких вузах, как Гарвардский университет и Массачусетский технологический институт. Главным из этих принципов была ориентация на научные исследования и подготовку ученых. Этой цели был подчинен учебный процесс, предусматривавший индивидуальные программы обучения, акцент на самостоятельную работу студентов, их участие в научных исследованиях.

Соответственно менялась и структура вуза: к четырехгодичному колледжу, выпускавшему бакалавров, добавлялась так называемая исследовательская школа, рассчитанная на подготовку специалистов на уровне

[24] *Denison E.* The Sources of Economical Growth in the United States. N. Y., 1962.
[25] Digest of Educational Statistics, 1980. Wash., 1981, p. 27.
[26] Наиболее дальновидные представители деловых кругов начиная уже с середины 40-х годов требовали принять меры по улучшению подготовки научных кадров. См.: *Филиппова Л. Д.* Высшая школа США. М., 1981, с. 102—104, 151—152.
[27] Corporate Support of Higher Education. Trends of Development. N. Y., 1982, p. 2337.
[28] *Aptheker B.* The Academic Rebellion in the United States. Syracuse (N. Y.), 1972, p. 35; Digest of Educational Statistics, 1978. Wash., 1979, p. 131.

магистров, и, как правило, аспирантура, успешное окончание которой обеспечивало диплом «доктора философии» — «Пи-эйч-ди» (что примерно соответствует советскому диплому кандидата наук)[29]. Специализация почти полностью переносилась на эту вторую ступень университета. В первые же 4 года студент получал общее образование, включавшее знакомство с основными проблемами, методами и концепциями как естественных, так и гуманитарных наук. Такая организация университетского образования была призвана преодолеть чрезвычайно узкую специализацию большинства выпускников, что отрицательно сказывалось не только на их общей культуре, но и на способности воспринимать новые знания, работать в смежных областях, гибко реагировать на меняющиеся условия производства. По мнению многих экспертов, подобная организация учебного процесса наилучшим образом отвечала потребностям американской экономики в эпоху НТР. Именно такой исследовательский университет и был взят за образец при разработке реформы.

Растущая потребность в научных кадрах привела к концентрации лучших научных сил в исследовательских школах университетов, куда и направлялись основные средства. Но нехватка кадров средней квалификации (техников, лаборантов и т. д.) наряду с опасением упустить талантливую молодежь заставила истэблишмент расширять и первую ступень высшей школы за счет увеличения набора в уже существующие академические колледжи и особенно путем создания новых. В массе своей это двухгодичные колледжи, именуемые младшими в отличие от четырехгодичных старших. Программы большинства младших колледжей включают, помимо практических дисциплин, некоторые теоретические курсы, а потому более или менее соответствуют, а иногда (особенно в Калифорнии) даже совпадают с программами первых двух курсов старшего колледжа. Это позволяет лучшим выпускникам младших колледжей продолжить учебу на втором или третьем курсе старшего колледжа. Определенным преимуществом этой трехступенчатой системы является возможность организовать на ее основе повышение квалификации и переподготовку кадров на самых различных уровнях.

Социальная дифференциация американской молодежи всегда сказывалась на доступности высшего образования и на качестве обучения для различных прослоек молодежи. Подъем массовых демократических движений в 60-х годах, движение за десегрегацию вузов привели к определенным переменам в составе и общей численности студентов: между 1958 и 1979 гг. число их выросло в 3 с лишним раза и достигло 11,5 млн. человек, что составляет почти половину населения США от 18 до 24 лет[30].

Давление демократических сил на федеральные и местные власти повлияло и на проведение реформы высшего образования. В то же время и истэблишмент активизировал свои усилия к тому, чтобы в еще большей мере использовать высшее образование как инструмент идеологической и социальной политики. Этой цели служила, в частности, попытка реанимировать иллюзии о мнимом всемогуществе высшего образования[31].

Перестройка американской высшей школы еще не завершилась, когда

---

[29] Сфера услуг в США, с. 200.
[30] Digest of Educational Statistics, 1980, p. 85.
[31] *Sorensen T.* Kennedy. N. Y., 1965, p. 413.

она вступила в полосу кризиса. Предвестником его явились студенческие волнения 60-х годов — реакция кампусов преимущественно на общеполитические, а не корпоративные, чисто университетские проблемы. По-настоящему же кризис высшей школы наметился в 1968—1969 гг. Впервые со времен «великой депрессии» 30-х годов среди дипломированных специалистов возникла безработица. В конце 60-х годов работу не могли найти около 1% выпускников вузов; с тех пор эта цифра растет и к концу 70-х годов превышала 3,5% [32]. Экономическая эффективность расходов, связанных с получением высшего образования, упала с 11—12% в начале 60-х годов до 8% в начале 70-х. Соответственно более чем на треть сократилось различие в оплате труда выпускников высшей и средней школы. Значительно увеличились и к середине 70-х годов достигли 45—50% масштабы недоиспользования квалификации специалистов, что влекло неудовлетворенность работой и снижение производительности труда.

Несмотря на заметное расширение системы переподготовки кадров, а следовательно, пополнение вузов взрослыми людьми, в 70-х годах резко упали темпы роста студенческого контингента — до 3,5% в год по сравнению с 9,6% в предшествующее десятилетие [33]. Уменьшился интерес к научной карьере, и все большая часть студентов стала ограничиваться профессиональной подготовкой. Среди экономистов громче зазвучали голоса тех, кто оспаривал исключительную эффективность капиталовложений в высшее образование. В деловых кругах, раздраженных трудностями, неожиданно возникшими на пути развития вузов и эксплуатации их ресурсов, и ростом леворадикальных настроений в кампусах, приобрела популярность точка зрения, согласно которой государственное и — шире — общественное финансирование высшего образования, разумное в прошлом, в условиях массовой высшей школы в целом неприемлемо [34]. Отражая в общем эту позицию, Р. Никсон после вторичного избрания на пост президента в 1972 г. заявил, что считает ошибочной практику 60-х годов, когда слишком многие проблемы, в том числе проблему образования, пытались решить с помощью одного лишь увеличения федеральных ассигнований. Это заявление знаменовало поворот в политике Вашингтона, взявшего курс на сокращение или замораживание ряда федеральных программ.

Причины, вызвавшие кризисные явления в высшей школе США, многообразны. Будучи составной частью капиталистического общества, американская высшая школа неминуемо развивается по его законам и поэтому подвержена характерным для него кризисам перепроизводства и другим неизлечимым болезням. Тяжелую дань уплачивает она духовному упадку, милитаризации мышления, гонениям на свободомыслие, столь характерным для общественной атмосферы США. Анализ ведущих тенденций в развитии американской высшей школы после 1945 г. показывает, что относительное благополучие университетов и колледжей США в 50-е и 60-е годы было временным явлением, обусловленным исключительными, в общем-то тепличными, условиями начала НТР и активнейшего вмешательства федерального правительства.

---

[32] Change, 1979, Febr., p. 22.
[33] The Chronicle of Higher Education, 1976, Nov.
[34] The American Economic Review, 1970, Dec., p. 368.

Кризис доверия к высшей школе был в значительной степени связан и с неадекватной оценкой ее состояния в 60-е годы. Завораживал рост капиталовложений в высшую школу. При ближайшем рассмотрении, однако, выяснилось, что инфляция, расширение студенческого контингента, стремительное повышение стоимости образования, некоторые другие факторы во многом свели на нет впечатляющее увеличение вузовских бюджетов, так что расходы высшей школы в пересчете на одного студента с начала 30-х годов почти не изменились. Между тем требования, предъявляемые жизнью к вузам, а следовательно, и нагрузка на их бюджет сильно увеличились.

Сказались и издержки новой структуры высшей школы. Как уже отмечалось, при разработке реформы за образец были взяты лучшие, так называемые исследовательские университеты, ориентированные на науку и подготовку ученых. Реформа содействовала некоторому увеличению численности таких вузов, но главный ее результат заключался в создании многоступенчатой системы высшего образования, нацеленной на выявление способных и наилучшим образом подготовленных студентов и постепенное их сосредоточение в исследовательских школах элитарных университетов. Этот порядок еще более закрепил существующую дифференциацию качества высшего образования.

Многоступенчатая структура американской высшей школы имела еще одно слабое место — младшие колледжи. Справедливости ради следует сказать, что далеко не все младшие колледжи были безнадежно плохого качества, но, с другой стороны, имелось немало четырехгодичных вузов с крайне низким уровнем подготовки. Особенно жалкое зрелище представляют так называемые «колледжи открытых дверей», созданные в негритянских гетто больших городов и принимающие всех желающих. Считаясь иногда частью солидных университетов, эти колледжи не обеспечиваются ни сколько-нибудь достаточными средствами, ни квалифицированными преподавателями, хотя нуждаются и в том, и в другом особенно остро. Вместо того чтобы всемерно поднимать общий уровень студентов этих колледжей, не имеющих, как правило, полноценного среднего образования, им предоставляется следовать своей собственной программе, что сплошь и рядом оборачивается профанацией. Цинизм ситуации становится особенно очевидным, если учесть, что речь идет о государственных вузах, почти полностью финансируемых налогоплательщиками.

Как уже отмечалось, источники денежных поступлений американских вузов весьма разнообразны. Это разнообразие обеспечивает им в трудных ситуациях возможность для маневра, но, с другой стороны, оборачивается непостоянством и неравномерностью распределения средств по расходным статьям бюджета. И государственные, и частномонополистические ассигнования, и пожертвования отдельных лиц подвержены резким конъюнктурным колебаниям. В последние два десятилетия колебания в денежных поступлениях в фонды вузов проявляются в изменении не столько общего объема капиталовложений, сколько их структуры. Так, в середине 60-х годов больше всего средств вкладывали в научные исследования и подготовку ученых: на них приходилось 45—48% ассигнований [35]. В то же время подготовкой кадров в некоторых традиционных и потому мало-

[35] Budget of the United States Government, Financial Year 1979. Special Analysis. Wash., 1980, p. 221, 310.

престижных профессиях, например горных инженеров и врачей-терапевтов [36], пренебрегали, и это дорого стоило США. Невозможность в короткие сроки наладить в нужных масштабах подготовку таких специалистов вынудила США на протяжении 70-х годов ввозить их из-за границы.

Еще более уязвимым местом американской системы финансирования высшего образования являлась и является неравномерность распределения субсидий между вузами. «Вашингтон не тратит деньги на вузы второго сорта»,— заметил в свое время президент Калифорнийского университета в Беркли К. Керр [37]. И действительно, в середине 60-х годов из 2,5 тыс. существовавших в стране высших учебных заведений лишь 100 получали около 45% всех федеральных ассигнований, в том числе лучшие 10 — около 16% [38]. Сходным образом распределялись частные субсидии высшей школе.

Тенденция к сосредоточению средств в элитарных вузах особенно усилилась после того, как в 1972 г. был принят закон, в соответствии с которым федеральное правительство стало финансировать вузы не столько с помощью прямых «институциональных» субсидий, сколько путем предоставления субсидий студентам. Поскольку размеры этих субсидий зависят в первую очередь от величины платы за обучение, львиная доля федеральных средств досталась все тем же дорогостоящим исследовательским университетам, в большинстве своем частным. Тем самым, помимо всего прочего, произошло перекачивание средств из государственного сектора высшей школы в частный.

Официальной целью закона 1972 г. было содействие молодежи независимо от ее материального положения в получении доступа к возможно лучшему и желанному для нее образованию. Но эта цель не была и не могла быть достигнута. Государственные субсидии предоставляются преимущественно в виде льготных (из 3% годовых) займов, но в условиях быстро меняющейся экономической конъюнктуры и снижения отдачи от капиталовложений в высшее образование многие потенциальные абитуриенты не решаются брать в долг крупные суммы. Что же касается стипендий (учреждаемых федеральным правительством, местными властями и частными фондами), то их размеры мизерны. В середине 70-х годов только 4% студентов покрывали половину расходов на обучение с помощью стипендий [39]. В результате большинство абитуриентов выбирали те вузы, где стоимость обучения была ниже. Поскольку в государственных колледжах плата была в 2,5 и более раз ниже, чем в частных университетах, вопрос о том, куда попадает абсолютное большинство выходцев из малоимущих семей, был предрешен. Значительная их часть вообще не попадала в вуз: подсчитано, что в семьях, относящихся по своим доходам к нижним 20% населения, студентов было приблизительно в 6 раз меньше, чем в семьях, принадлежащих к верхним 20% [40].

---

[36] Огромный, достигший к началу 70-х годов 50—55% дефицит лечащих врачей был порожден также корыстной политикой Американской медицинской ассоциации, которая, стремясь поддержать высокий уровень доходов своих членов, всячески препятствовала расширению медицинских школ.
[37] *Kerr C.* The Uses of the University. Cambridge (Mass.), 1964, p. 50.
[38] Federal Support to Universities, Colleges and Institutions. Wash., 1975, p. 177—178.
[39] Change, 1977, Mar., p. 6.
[40] The Chronicle of Higher Education, 1977, Oct.

Еще большие контрасты наблюдаются при поступлении в высшие учебные заведения второй ступени [41].

Следует принять во внимание, что стоимость обучения в США с начала 60-х годов непрерывно росла. В начале 80-х годов стоимость обучения в престижных университетах типа Гарвардского составляла свыше 15 тыс. долл. в год, в университетах рангом ниже — от 6 тыс. до 8 тыс. [42] «Осилить» подобные затраты могли лишь выходцы из весьма состоятельных семей.

Все эти факторы, несомненно, сыграли определенную роль в развитии студенческого движения. Характерно, что студенческие выступления пошли на убыль как раз тогда (со второй половины 1970 г.), когда все более ясно стали обозначаться кризисные явления в высшей школе. В известной мере это снижение студенческой активности было обусловлено ростом безработицы среди выпускников вузов. Кроме того, реформы 60-х годов в какой-то мере решили некоторые проблемы высшей школы; временный, подчас даже иллюзорный характер этих решений выявился не сразу. Благодаря расширению сети государственных колледжей и введению квот для этнических меньшинств (в том числе и в частных вузах) был несколько приглушен вопрос о дискриминации в сфере высшего образования.

Говоря о причинах спада студенческого движения, нельзя обойти молчанием и обрушившиеся на него репрессии. Наряду с демагогической клеветой, полицейскими провокациями и административными мерами в ход было пущено специальное законодательство. В 1968—1970 гг. конгресс принял ряд законов, создававших различные препятствия предоставлению финансовой помощи учащимся, «замешанным в беспорядках» [43]. В некоторых штатах, например в Калифорнии и Мичигане, было предусмотрено сокращение ассигнований не только мятежным студентам, но и тем вузам, где имели место студенческие выступления. Бизнес также стал оказывать на вузы финансовый нажим. В этих условиях многие колледжи и университеты ужесточили свои уставы, угрожая исключением «за политическую деятельность», за непослушание и непочтительное отношение к администрации высших учебных заведений.

Одновременно истэблишмент усилил идейно-политическое воздействие на высшую школу. Этот метод борьбы с радикализацией студенчества, отстаиваемый в основном сторонниками демократической партии, хорошо сформулировал президент Йельского университета К. Брюстер: «Энергия, направленная на перемены, существует; она будет искать выход; она должна быть канализирована на достижение приемлемых результатов» [44]. Усилились попытки вовлечь студентов в «систему»; важнейшим шагом в этом направлении стала вступившая в силу с 1971 г. XXVI поправка к конституции о снижении возрастного ценза избирателей с 21 до 18 лет. Выросла государственная и частномонополистическая поддержка консервативным и «неполитическим» студенческим организациям. В университетах стали создаваться кафедры теории и практики

[41] *Новинская М. И.* Студенчество США: Социально-психологический очерк. М., 1977, с. 77—85.
[42] Washington Post, 1985, July 28, p. B2.
[43] Newsweek, 1970, Dec. 7, p. 60.
[44] Ibid., 1969, Mar. 16, p. 71.

свободного предпринимательства, активизировалась пропаганда ценностей буржуазного общества.

Однако эти меры дали лишь ограниченные результаты. Хотя студенческое движение и утратило боевые черты и напористость, свойственные ему в 60-х годах, оно отнюдь не исчезло вовсе. То же можно сказать и об общественно-политической позиции вузовских преподавателей: на фоне роста консерватизма в стране они по-прежнему в массе своей остаются одной из наиболее либерально и прогрессивно настроенных социальных групп в США.

3. НАУКА И ТЕХНИКА

В середине и второй половине XX в. в США, как и в других индустриально развитых странах, объективный процесс быстрого возрастания практической эффективности науки [45], превращение ее в непосредственную производительную силу, массовое применение таких революционизирующих научных достижений, как синтетические материалы и космические аппараты, ядерная энергия, ЭВМ и т. д., вылились в комплексный переворот в технических средствах производства — современную научно-техническую революцию. Для этой стадии в еще большей мере, чем для предыдущего периода, характерно острое противоречие между объективной социальной потребностью в развитии науки, с одной стороны, и стремлением монополий использовать научно-технический прогресс для реализации эксплуататорских, экспансионистских и антигуманных целей — с другой.

В качестве фактора, способствующего постановке научно-технического прогресса на службу милитаризму и экспансионизму, выступило формирование и увеличение мощи военно-промышленного комплекса и дальнейшее развитие государственно-монополистического капитализма. Группировки монополистического капитала, определявшие правительственную политику США в области науки, возлагали особые надежды на научные исследования, видя в них прежде всего средство наращивания военного потенциала. Огромные суммы, ассигнуемые «на науку», в действительности в значительной мере шли на ускоренное развитие новых видов стратегического ядерного оружия с целью обеспечить США одностороннее военное преимущество.

Эта тенденция имеет свои исторические корни. И в предыдущие десятилетия, особенно во время второй мировой войны, федеральному финансированию в США подлежали преимущественно исследования военного характера, и соответственно рост их федерального финансирования далеко опережал рост расходов на исследования в здравоохранении, фундаментальных областях знаний (кроме опять-таки связанных с военными целями), в гражданском строительстве и других мирных отраслях.

Так, за 1937—1953 гг. правительственные ассигнования на гражданские исследования возросли всего лишь в 3 раза, а на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) военного характера — в 140 раз [46]. В начале 50-х годов около половины всех

---

[45] В данном параграфе рассматриваются естественные науки и медицина.
[46] Государственная организация научно-исследовательской работы в США. М., 1961, с. 6.

научных работников и инженеров, занятых в лабораториях промышленных фирм, работали по правительственным военным заказам; 55% состоявших на государственной службе научных работников были заняты в министерстве обороны, Комиссии по атомной энергии (КАЭ) и Национальном консультативном комитете по аэронавтике. С 1961 по 1967 г. из 454 млрд. долл., израсходованных на НИОКР, около 210 млрд. пошло на разработку новых видов оружия [47].

Стремление правящих кругов США использовать достижения научно-технического прогресса для получения военно-стратегического превосходства над социализмом вылилось в период кратковременной монополии США в области атомного, а затем и водородного оружия в форму прямого ядерного шантажа [48].

Вторая мировая война наглядно засвидетельствовала огромную важность научных исследований, причем не только прикладных, но и фундаментальных, для развития промышленной и военной мощи. Но именно в области фундаментальных исследований 30—40-е годы наиболее явно продемонстрировали неадекватность сложившейся в США системы организации науки стоящим перед нею задачам, а также зависимость ее от притока высококвалифицированных кадров из-за рубежа.

В 1945 г. В. Буш, возглавлявший Отдел научных исследований и разработок при правительстве США, выдвинул идею создания Национального научного фонда как автономного федерального органа для поощрения фундаментальных исследований и подготовки кадров (в области естественных наук). Тем не менее эта идея не была реализована ни в 1945 г., ни в 1947 г., когда конгресс принял соответствующий законопроект, на который, однако, наложил вето президент Трумэн. В 1950 г. законопроект наконец был принят конгрессом, но в урезанном виде. Фонду был выделен бюджет всего лишь в 75 млн. долл., что не давало ему, конечно, сколько-нибудь решающего голоса в общем балансе расходов на исследования и разработки, которые превысили к этому времени 3,5 млрд. долл. в год. Параллельно был создан ряд других центров координации и развития исследований, работавших (после 1950 г.) в контакте с Национальным научным фондом и акцентировавших внимание на прикладной науке: Управление военно-морских исследований, аналогичные управления в армии и авиации, а также крупнейший (по масштабам 40—50-х годов) из подобных центров — КАЭ. Правительственным актом об атомной энергии от 1 августа 1946 г. этой комиссии были полностью переданы функции проекта «Манхэттен».

В организационном и юридическом отношении создание этого отраслевого федерального органа не представляло собой чего-то принципиально нового, поскольку структура КАЭ и ее статус в посредничестве между правительством и монополиями копировали структуру и статус существовавшего с 1915 г. Национального консультативного комитета по аэронавтике. Важно подчеркнуть, что хотя программами КАЭ предусматривалось и гражданское использование атомной энергии, тем не менее с самого начала существования эта комиссия руководствовалась положением закона об атомной энергии (1954 г.) о том, чтобы исследователь-

---

[47] Экономическая политика зарубежных государств. М., 1979, с. 63.

[48] *Noble D. F.* Forces of Production. A Social History of Industrial Automation. N. Y., 1984, p. 4.

ские программы «подчинялись все время главной цели — максимально способствовать национальной обороне» [49].

Американский историк техники Д. Ф. Ноубл писал: «... после того как „холодная война“ достигла апогея и перешла в горячую войну в Корее, дебаты вокруг судьбы послевоенной науки прекратились. Тип развития, утвердившийся в годы войны и в последующем увековеченный, вскоре стал общепризнанной рутинной практикой. Это означало, что вокруг науки еще плотнее сжалось кольцо военно-промышленного комплекса. Сильнее, чем когда-либо ранее, наука становилась привязанной к военной колеснице и зависимой от ведущих корпораций и элитарных университетов» [50].

Конец 50-х годов явился важной вехой в развитии организации науки в США. Происшедшая в этот период перестройка как органов руководства наукой, так и финансирования исследований явилась результатом признания достижений советской науки, особенно в области космических исследований. Они дали толчок жарким дебатам к проведению ряда ранее долго задерживавшихся мероприятий на общегосударственном уровне. Наблюдался рост расходов на науку с 1,4 до 2,99% (в 1964 г.) ВНП, что намного превышало как рост всего ВНП, так и общих капиталовложений в хозяйство страны. Параллельно доля государственного финансирования в общем финансировании науки увеличилась с 53 до 64%. Однако этот рост не был обеспечен соответствующей подготовкой научных кадров, поскольку в 40-х и 50-х годах при значительном ежегодном росте затрат на науку (37%) численность научного персонала, занятого в исследованиях и разработках, ежегодно росла лишь на 10% [51].

Для координации усилий в области космических программ Национальный консультативный комитет по аэронавтике был преобразован в июле 1958 г. в Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА), которому передавался также ряд функций военных ведомств в сфере космических исследований. В 1958 г., т. е. значительно позже, чем в СССР и ряде других стран, в США была создана общегосударственная служба научной информации, перед которой, помимо общих координационных и коммуникационных задач, была поставлена цель наладить оперативный перевод советских естественнонаучных и технических журналов: уже в 1959 г. объем соответствующих переводов достиг 70 тыс. страниц [52].

Существенное значение имело создание в марте 1959 г. (из представителей министерств обороны, здравоохранения, просвещения, НАСА, Национального научного фонда и КАЭ) Федерального совета по науке и технике. Директивой президента Эйзенхауэра совету было предписано рассматривать исследовательские задачи, требующие для своего решения участия нескольких ведомств или вообще носящие наиболее общий характер. Тогда же была учреждена должность специального помощника президента по науке и технике.

В начале 60-х годов к перечисленным органам управления и координации исследований и разработок прибавились новые, функции которых не были четко определены, что отражало непоследовательность государст-

[49] Государственная организация..., с. 67.
[50] *Noble D. F.* Op. cit., p. 20.
[51] *Bell D.* The Reforming of General Education. N. Y., 1966, p. 81—82.
[52] Государственная организация..., с. 8, 31.

венной научной политики. В их числе были созданное в 1962 г. Управление науки и техники, возглавлявшееся специальным помощником президента по науке и технике; управления по науке и технике в министерствах внутренних дел (с 1961 г.), торговли (с 1962 г.) и других; ряд сенатских комитетов и подкомитетов по космическим и другим исследованиям; созданный в феврале 1962 г. Национальной академией наук Комитет по правительственным связям, преобразованный в 1963 г. в Комитет по науке и государственной политике. Все эти центры наряду с уже имевшимися усиливали в своей совокупности привычную для системы научных исследований в США картину полицентризма, за которой скрывалось, однако, вполне последовательное стремление найти наиболее эффективный способ эксплуатации научного потенциала в интересах монополий [53].

В первые послевоенные десятилетия в стране ощущалась нехватка ученых и инженеров, особенно в сфере НИОКР. Созданная в 1953 г. президентская комиссия по людским ресурсам и подготовке кадров специалистов выявила недостаток бакалавров и главным образом докторов по естественным наукам, а также специалистов по техническим наукам (нехватка — 30 тыс.), врачей и т. д. К 1952 г. специалисты с высшим образованием требовались на 18,4% рабочих мест [54]. В 1960 г. лишь 56% лиц, работавших на инженерных должностях, имели высшее образование [55]. В ходе реформ в сфере образования в конце 50-х — начале 60-х годов на преодоление этих диспропорций были затрачены значительные средства.

Растущая заинтересованность монополий в выполнении научных программ университетами (в основном фундаментальных и многодисциплинарных исследований) не могла не наложить соответствующего отпечатка и на всю ориентацию научной работы в высшей школе [56]. Тем не менее в 60—70-х годах частные лаборатории в промышленности, получившие распространение еще на предшествовавших стадиях развития американской науки и техники, в рассматриваемый период по некоторым показателям вышли на первое место среди всех исполнителей НИОКР в США. Эти лаборатории к 1953 г. выполняли НИОКР ежегодно на 3,6 млрд. долл., и в них были заняты 70% общего числа исследователей и разработчиков [57]. В 1970 г. объем финансирования НИОКР частными промышленными компаниями достиг 19,2 млрд. долл., что опять-таки составило 70% общих расходов на научную деятельность в стране [58].

---

[53] С 1968 по 1975 г. доля расходов на исследования и разработки упала с 2,8 до 2,3%, причиной чего было сокращение доли федеральных расходов по данной статье с 2 до 1%, в то время как доля частного капитала в расходах на науку оставалась равной приблизительно 1% ВНП. См.: Chemical and Engineering News, 1979, July 23, p. 32; *Громека В. И.* США: научно-технический потенциал. М., 1977, с. 67—68. В 1975—1980 гг. расходы частного сектора на науку росли вдвое быстрее, чем затраты федерального правительства: ежегодный прирост составлял соответственно 6 и 3%. См.: National Patterns of Science and Technology Resources: 1982. Wash., 1982, p. 7.

[54] *Folger J., Astin H., Bayer A.* Human Resources and Higher Education. N. Y., 1970, p. 94—98.

[55] Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах. М., 1972, с. 135.

[56] *Cook F.* The Warfare State. N. Y., 1962, p. 13.

[57] Эволюция форм организации науки..., с. 118.

[58] National Patterns on Research and Development Resources, 1953—1971. Wash., 1971.

Что касается государственных лабораторий, то еще в 60-е годы было официально констатировано, что их роль в общем объеме исследований и разработок неуклонно падает [59]. К 70-м годам доля этих лабораторий в государственных бюджетных ассигнованиях на науку сократилась до 10—15%.

В послевоенный период в значительной мере по примеру европейских научно-исследовательских институтов было создано большое количество «бесприбыльных», или «некоммерческих», исследовательских фирм типа «РЭНД корпорейшен», которые, не вытеснив университеты из сферы фундаментальных исследований, в значительной мере приняли на себя консультативные и прогностические функции (в отношении как правительственных, так и частных запросов), а также проектирование комплексных программ научно-технического развития и т. п. Сходные функции в ряде случаев взяли на себя и некоторые промышленные фирмы. В 1973—1974 гг. ряд фирм добился даже такой традиционно университетской привилегии, как присуждение ученых степеней бакалавра (фирмы АТТ, ИБМ и «Ксерокс») и доктора («РЭНД корпорейшен»). Множественность форм государственно-монополистического контроля над сферой науки становилась характерной чертой организации исследований в США в послевоенный период.

Из новых форм сочетания исследовательской работы с преподаванием можно отметить и появление «мультиверситетов» (университетов, осуществляющих одновременно относительно самостоятельные исследовательские работы и подготовку специалистов), в которых наукой занимаются сами университеты, а не особые центры, созданные при них, и притом они берут на себя функции по внедрению результатов исследований в производство. Соответственно научные исследования, в том числе прикладные, стали в этих центрах основой также и учебного процесса.

Развитие получил и такой новый тип организации исследований (но одновременно и образования, а также связи исследовательской сферы с производственной), как учебно-научные комплексы. Один из таких учебно-научных комплексов был создан в течение 60-х годов в районе Далласа — Форт-Уэрта (штат Техас). Он не только стал фактически первым крупным центром науки в этом штате, но и обеспечил потребности промышленных корпораций «Тексас инструментс», «Коллинс рэдио», «Сан ойл» и других в научно-технических кадрах.

В послевоенные десятилетия заметно активизировались в сфере НИОКР «благотворительные» фонды, деятельность которых в ряде отраслей вышла за пределы США. Новый стимул развитию фондов придала их посредническая функция между монополистическим и государственным регулированием, между наукой и образованием, общественностью и наукой. Продолжался процесс сращивания правлений фондов и университетской науки. К середине 60-х годов треть попечителей 12 крупнейших фондов стали либо президентами, либо членами правлений университетов [60]. Более 80% существующих в настоящее время в США фондов основаны в послевоенный период; всего же к середине 70-х годов в США число «филантропических» организаций приблизилось к 30 тыс. с общим

[59] Pyramiding of Profits and Costs in the Missile Procurement Program. Wash., 1964, p. 1.

[60] *Овинников Р.* Внешняя политика США как орудие финансовой олигархии.— Коммунист, 1980, № 2, с. 108.

активом до 27 млрд. долл. Росту числа фондов сопутствовало сосредоточение управления ими в немногих руках. Наибольшую роль в субсидировании, а соответственно и регулировании научных и промышленных исследований приобрели фонды, принадлежавшие трем финансовым группам: Морганам (унаследовавшим и фонды Карнеги), Рокфеллерам и Фордам, которые в совокупности располагают капиталом до 10 млрд. долл.[61]

За 1954—1961 гг. численность промышленных лабораторий и их персонала выросла почти вдвое. Но приблизительно к концу этого же периода, характеризовавшегося быстрым прогрессом в области ЭВМ, космической технологии, производства новых материалов и т. п., стало ясно, что создать собственную эффективную промышленную лабораторию могут лишь крупные фирмы, с оборотом не менее 5 млн. долл. К 1979 г. 90% всего объема НИОКР, выполняемых в промышленности, оказались сосредоточенными в 400 (3%) из 13 400 компаний, имевших собственные исследовательские программы [62]. В 1976 г. 50 фирм осваивали $^4/_5$ всего объема затрат на НИОКР в промышленности [63].

По оценкам Национального научного фонда, в течение 60—70-х годов собственными программами НИОКР располагали не более 1% всех фирм, существовавших в США. Из этого 1% около 10 тыс. фирм имели менее чем по тысяче человек занятых и расходовали на упомянутые программы в среднем 160 тыс. долл. в год на одну фирму, в то время как 285 фирм с числом занятых более 10 тыс. человек каждая осваивали 84% всех ассигнований на промышленные НИОКР при средних затратах 55 млн. долл. в год на одну фирму [64]. Естественно, что возможности мелких фирм и тем более отдельных изобретателей проводить исследования не идут ни в какое сравнение с возможностями корпораций. В 60—70-е годы нашла свое дальнейшее выражение тенденция снижения доли патентов, выдаваемых индивидуальным изобретателям. В 1970 г. эта доля составляла лишь 20% по сравнению с 45% в 1945 г. (и 80% в начале века) [65].

Попытки наладить систематическое регулирование НИОКР на более высоких уровнях, предпринимавшиеся неоднократно, привели в кругах монополистической буржуазии к опасениям, что государственное регулирование даст науке больше самостоятельности, чем это желательно с точки зрения обеспечения интересов частного капитала. В правящей верхушке возникло беспокойство, что консультативный (по науке) аппарат при президенте станет, скорее, представителем научного сообщества при президенте, чем президента при научном сообществе, и будет отстаивать «академические» интересы.

Руководствуясь этой идеей, Р. Никсон попытался ликвидировать практически все достигнутое в деле государственного регулирования наукой, упразднив в январе 1973 г. научно-консультативный аппарат Белого дома, в том числе Управление науки и техники и должность помощника

[61] Там же, с. 107.
[62] Эволюция форм организации науки..., с. 166.
[63] Chemical and Engineering News, 1979, Apr. 30, p. 37. На 1978 г. 53% всех затрат на НИОКР в промышленности приходилось на 20 фирм. См.: Science and Technology Policy for the 1980s. P., 1981, p. 70. Исследования, проводимые крупнейшими корпорациями, получают и наибольший объем государственной поддержки.
[64] *Громека В. И.* Указ. соч., с. 111—112.
[65] Там же, с. 115.

президента по науке и технике. Позже (в 1976 г.) эта должность и научно-консультативный аппарат были восстановлены, поскольку попытки найти новые формы государственно-монополистического регулирования наукой, предпринятые администрацией Никсона, себя не оправдали.

Крайней неравномерностью в течение рассматриваемого периода отличалось размещение научных исследований по отдельным районам и штатам США. К 70-м годам резко выделилась по объему научных исследований Калифорния (13% всех затрат по стране на науку в университетах, 22% — на НИОКР в промышленных лабораториях и сравнимые цифры по исследованиям, проводимым другими исполнителями), оттеснившая на второе место ранее лидировавший штат Нью-Йорк. Лидерство Калифорнии в значительной мере определяется размещением в Лос-Анджелесе и других центрах Калифорнии заказов по производству космической и авиаракетной техники.

В этом случае, как и во многих других, милитаризация науки в США выступает как фактор, способствующий концентрации НИОКР в руках немногих, ожесточенно конкурирующих друг с другом монополий. Регуляторная функция государства, финансирующего крупнейшие научные и технические проекты, реализовалась в первую очередь именно в сфере НИОКР военного назначения, удельный вес которой в общем объеме выполняемых в стране исследований и разработок непрерывно повышался.

Указывая на эту взаимосвязь участия корпораций в данной сфере НИОКР и стремления государства всемерно поощрять НИОКР военного характера, Компартия США констатировала: «Даже самые крупные корпорации уже не могут финансировать научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и производить капиталовложения в масштабах, требуемых нынешним высоким уровнем развития промышленности. Они договариваются о вложении государственных средств в совместные частно-государственные программы, из которых извлекаются прибыли. Они возлагают особые надежды на операции, связанные с „холодной“ и „горячей“ войнами, требующие самых больших расходов, приносящие самые высокие прибыли и делающие возможным самое тесное сращивание крупного бизнеса с большим государственным аппаратом» [66].

Влияние милитаризации науки не ограничивалось одной лишь переориентацией исследований на «стратегические» цели: режим секретности накладывал жесткие ограничения на возможности распространения и обмена научной информацией, а слежка за научными сотрудниками и организаторами вплоть до высших уровней стала обычным явлением. Временами эти стороны американского промышленно-научного истэблишмента выступали в крайних формах, как это было, например, в период маккартизма с его шельмованием заподозренных в оппозиционных настроениях ученых (Р. Оппенгеймер), пресловутыми проверками лояльности, изгнанием из лабораторий и университетов ученых, чьи убеждения считались «опасными». Для всего послевоенного периода сохраняет свою значимость тезис известного физика и общественного деятеля Дж. Бернала о том, что в контексте государственно-монополистического контроля над наукой ограничения, связанные с «безопасностью», секретностью, гонениями на инакомыслие, представляют собой в условиях американской системы организации науки постоянно действующий фактор [67].

[66] США — экономика, политика, идеология, 1970, № 11, с. 83.
[67] *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956, с. 477.

Всего на конец 70-х годов в США было до тысячи научных и технических обществ и ассоциаций; однако из объединений по различным областям естественных и технических наук лишь немногие возникли в послевоенный период, причем в основном путем слияния или разделения уже имевшихся обществ. В целом же научные ассоциации оказались в положении пасынков, и прежде всего в отношении возможностей субсидирования исследований. Некоторое исключение составили крупнейшие академии, прежде всего Национальная академия наук, приобретшая характер полуправительственного учреждения и ставшая одним из главных консультантов по вопросам научно-технической политики. О собственно же научном статусе Национальной академии — формально главного научного учреждения США — говорит как ее бюджет, не превышающий 1% государственных ассигнований на науку, так и тот факт, что большинство американских ученых, получивших Нобелевские премии за послевоенный период, не являлись членами Национальной академии.

Вторая половина 70-х годов отмечена усилением государственного вмешательства в науку. Это была специфическая реакция правящих кругов на финансовый и экономический кризис середины 70-х годов; переход США в группу стран с относительно низкими (по сравнению, например, с рядом стран ЕЭС) темпами прироста затрат на науку; быстрое сокращение технологического разрыва (в том числе по масштабам применения ЭВМ) между США, с одной стороны, и рядом других капиталистических стран, прежде всего Японией и ФРГ,— с другой. Но, пожалуй, наиболее важным фактором послужило выдвижение новых амбициозных планов достижения военного превосходства над Советским Союзом и создания новых видов «абсолютного» оружия.

Таким образом, государственное стимулирование в этот период направлялось прежде всего на повышение эффективности затрат частного сектора в науке. Финансирование НИОКР частными компаниями и корпорациями в течение 1975—1980 гг. росло в абсолютном выражении вдвое быстрее по сравнению с соответствующими затратами правительства.

По существу, речь шла прежде всего о более эффективном государственном стимулировании НИОКР, дающих максимальную прибыль монополиям, особенно НИОКР военного назначения.

Повышение уровня этого стимулирования сочеталось с ростом роли федеральной контрактной системы, в значительной мере представлявшей собой специфичный именно для США путь развития и усиления влияния государственно-монополистического капитализма на организацию науки. Объективно этот процесс выражал растущее обобществление научного производства, но в то же время в силу капиталистического характера присвоения и организации результатов труда в сфере науки и техники федеральная контрактная система также и применительно к самым наукоемким отраслям «служит инструментом концентрации производства и централизации капитала в руках тех групп монополистической буржуазии, которые выполняют большую часть правительственных программ...» [68]. Рост роли федеральной контрактной системы в сфере ор-

---

[68] *Федорович В. А.* Американский капитализм и государственное хозяйствование. Федеральная контрактная система: эволюция, проблемы, противоречия. М., 1979, с. 87.

ганизации НИОКР способствовал дальнейшему проникновению в эту сферу «бесприбыльных» корпораций, фактически основанных на взаимодействии государственного и частного капитала при завуалированном часто под чисто научные, «культурные» и «просветительские» цели (и свободном от налогообложения) извлечении прибылей тем и другим [69].

Недостаточность традиционных «полицентрических» методов руководства наукой, особенно для решения таких проблем, как энергетический кризис, экологическая и другие проблемы, носящих комплексный, а по существу, даже глобальный характер, наиболее остро выявилась в ходе структурного кризиса середины 70-х годов. В этих условиях усилилась тенденция к более широкому привлечению государства к решению подобного рода проблем. При этом, следуя уже установившейся для военно-исследовательских заказов модели, оно брало на себя крупномасштабный риск. В 1976 г. президент Дж. Форд восстановил научно-консультативный аппарат Белого дома и добился от конгресса законодательного оформления Управления науки и техники, президентского комитета по науке и технике и ряда других центров по научной политике в системе исполнительной власти. Расширены были полномочия Национального научного фонда, которому поручалось теперь финансирование программ по поощрению нововведений в промышленности и по стимулированию сотрудничества между университетами и промышленными фирмами в выполнении комплексных научно-промышленных проектов. Это сотрудничество вылилось в создание ряда новых «исследовательских парков» (название, установившееся за крупномасштабными формами на базе университетских кампусов).

С 1976 г. началась разработка «пятилетних перспектив» для выявления наиболее актуальных национальных и глобальных проблем, подлежащих научной разработке, в том числе проблем, связанных со стимулированием развития самой науки. Расходы на НИОКР по стране в целом в 1976 г. увеличились на 4,7%, в 1977 г.— на 4,5%; они продолжали возрастать и далее, хотя и меньшими темпами (2—3% в год), причем росла и доля фундаментальных наук в этих затратах. В целом же политика США в области науки в течение всего рассматриваемого периода оставалась направленной на обеспечение прибылей наиболее привилегированных слоев господствующего класса, на достижение Соединенными Штатами военно-стратегического превосходства в мире в целях утверждения имперских интересов американского монополистического капитала.

Исследования в области технических дисциплин выполнялись в США в течение послевоенных десятилетий как непосредственно в промышленности, так и в высших учебных заведениях. Из научных обществ, сыгравших определенную роль в развитии технологии, можно упомянуть Общество промышленной математики (1949), публикации которого внесли вклад в методы использования математического аппарата в промышленных исследованиях и разработках, а также Американское ядерное общество (1954), пытавшееся в какой-то мере сдвинуть баланс исследований в ядерной области в сторону работ гражданского назначения. В 1965 г. по образцу Национальной академии наук и при участии ее представителей была основана Национальная инженерная академия, среди 25 членов-учредителей которой были как федеральные ведомства, так и моно-

[69] Подробнее см.: Там же, с. 79—80, 81, 314—317.

полистические корпорации «Дженерал электрик», «Стандард ойл», «Дюпон», «Рэйдио корпорейшен оф Америка» и др. Новая академия стала важным центром контактов между правительством и крупным капиталом.

Сложившаяся к 40-м годам в США конъюнктура в области инженерных кадров и финансирования новой технологии способствовала широкому освоению научно-технических ресурсов и достижений, в том числе зарубежных. Различные варианты импорта научно-технического потенциала в США были апробированы еще в период второй мировой войны.

Выполненное в 1978—1979 гг. экспертами ЮНЕСКО статистическое обследование выявило некоторые существенные тенденции в области использования иностранных инженерных кадров в США. За 1966—1975 гг. в США въехало около 100 тыс. исследователей и инженеров, причем $^{2}/_{3}$ составляли именно инженеры. За этот же период среднегодовой прирост научных и инженерных кадров за счет иммиграции составлял 11,5 тыс.; в 1972—1975 гг.— 6,5 тыс. Снижение объясняется поправкой к иммиграционному законодательству, согласно которой в связи с наметившейся неполной занятостью среди ученых и инженеров эти профессии были исключены из категории «важнейших» или «дефицитных».

Изучение баланса патентов как показателя эффективности прикладных исследований и разработок выявило за выбранный для сплошного обследования период 1968—1973 гг. снижение доли США в общем числе вновь патентуемых изобретений почти на 30%. В этот же период впервые за послевоенные годы зафиксирована тенденция к отставанию США по многим промышленно-техническим показателям от других капиталистических стран. Снижение доли патентов США в мировом патентном фонде сопровождалось (и в значительной мере объяснялось) соответствующим ростом доли Японии и западноевропейских стран, причем, например, патентование японских изобретений в США за эти годы выросло втрое. Признание американцами превосходства японской технологии в ряде наукоемких отраслей нашло выражение в наводнении американского рынка японскими автомобилями, телевизорами, другими высокотехничными продуктами.

За первую половину 70-х годов в США было выдано американским гражданам меньше патентов, чем за первую половину 60-х годов, и в то же время вдвое больше — иностранцам, заявившим свои патенты в США (прежде всего гражданам Японии и ФРГ). Швеция обогнала США по темпам освоения станков с программным управлением (разрыв между получением и использованием информации в конце 60-х—начале 70-х годов составил в Швеции 3,6 года по сравнению с 4,5 года в США)[70]. Между тем США все время старались сохранить свое лидерство в капиталистическом мире в области автоматизации (после 1963 г. ежегодный прирост расходов промышленных компаний на оборудование составлял почти 20%, в то время как в 50-х годах он был не выше 10—12%[71]). Из 110 крупных изобретений и открытий, сделанных за три послевоенных десятилетия в капиталистических странах, 74 принадлежали США, 18 — Великобритании, 14 — ФРГ[72].

---

[70] The Diffusion of New Industrial Processes. An International Study. L., 1974, p. 37.
[71] *Громека В. И.* Указ. соч., с. 179.
[72] Там же, с. 46.

В технологических нововведениях гражданского характера в 60—70-е годы наметилось значительное отставание США по темпам развития исследований и разработок в этой сфере от других развитых капиталистических стран. Так, по темпам роста валового внутреннего продукта на одного занятого в гражданских научно-технических областях Соединенные Штаты в этот период существенно отставали не только от Японии, но и от ФРГ, Великобритании и Франции. Согласно американским источникам, из всех технических новшеств, реализованных на мировом рынке в середине 60-х годов, более 80% имело американское происхождение, а в конце 70-х годов — менее 55%. Об относительном падении изобретательской активности в США в 70-х годах можно косвенно заключить из того, что за 1971—1976 гг. число патентов, выданных в стране гражданам США, уменьшилось на 21%, в то время как число выданных иностранцам патентов за тот же период возросло на 16% и составило в 1976 г. 37% общего числа всех выданных в США за год патентов[73].

Однако в абсолютном выражении объем технико-изобретательской деятельности и разработок в США оставался в течение рассматриваемого периода весьма значительным: в 60—70-х годах это выразилось в особенности в усиленном форсировании космических исследований, в последнее время едва ли не полностью поставленных на службу Пентагону. Своими истоками эти исследования связаны с программой создания управляемого самолета-снаряда с дельтообразными крыльями «А-4», которая, в свою очередь, была прямым продолжением проводившихся в фашистской Германии работ по ракетостроению, руководители которых (В. Дорнбергер, впоследствии вице-президент по науке компании «Белл аэросистемс»; В. фон Браун и др.) поселились в послевоенные годы в США. В 1954 г. в ходе запуска одноступенчатых ракет «Викинг» удалось достичь высоты 253 км, а затем при запуске двухступенчатой ракеты «Бампер»— 400 км при максимальной скорости 8 тыс. км/час. Это позволило надеяться на осуществление запуска искусственного спутника Земли. Однако распыление усилий между множеством конкурирующих фирм и отсутствие единого координирующего центра свели на нет все предложенные в этой области проекты.

Только после запуска первых искусственных спутников в СССР 4 октября и 3 ноября 1957 г. американцам удалось сосредоточить усилия в данной области и приступить к запуску спутников, первоначально очень малых по сравнению с советскими: запущенный 31 января 1958 г. первый американский спутник «Эксплорер-1» имел вес 14 кг. Вес первых двух советских спутников соответственно составлял 83,6 и 508,3 кг. В последующие годы США продолжали отставать от СССР по основным параметрам спутников, а также ракет в сторону Луны. 20 февраля 1962 г. в США был осуществлен запуск космического корабля «Меркури» с человеком на борту, пилотируемого Дж. Гленном. Вторая попытка (полет М. Карпентера 24 мая 1962 г.) едва не кончилась катастрофой, потому что система радиосвязи, терморегуляции в кабине и регуляции расхода топлива несколько раз выходила из строя. В этих полетах было сделано лишь по три оборота вокруг Земли; их сопоставление с советскими достижениями было явно не в пользу США.

[73] Science News, 1978, July 1, p. 6.

Все это побудило руководителей космической программы США изыскать «престижный» проект, который смог бы укрепить пошатнувшуюся репутацию американской технологии. В качестве такого проекта была выбрана высадка человека на Луну, реальное практическое значение которой было невелико (если учесть затраты и риск). К концу 60-х годов доля расходов в федеральном бюджете на этот проект возросла до 40%.

После осуществления высадки на Луне астронавта Н. Армстронга в 1969 г. и последующего свертывания этого проекта как расточительного и низкорезультативного (в дальнейших исследованиях Луны и Солнечной системы США вновь перешли к использованию автоматов, которое и признано основным направлением в данной области) доля космических исследований в бюджете правительства стала быстро падать и достигла минимума в 1974 г. В середине и второй половине 70-х годов она вновь стала возрастать.

Отчасти этот рост был связан с рассмотренными тенденциями в научной и технической политике США, но главным образом с усилившимися попытками использовать космос для милитаристских целей и получить с помощью космического ракетно-ядерного, а затем и лазерного оружия решающее военное превосходство в мире. На этой стадии военная ориентация стала неотъемлемой частью многих выполнявшихся в США космических проектов, включая полеты со сменой экипажа на орбитальной станции «Скайлэб», челночные космические корабли «Шаттл» и т. д.

К реализации космической программы ее руководители с самого начала стремились как можно шире привлечь частный капитал. Уже в июле 1962 г. концерн «Америкэн телефон энд телеграф» (АТТ) совместно с НАСА запустил спутник связи «Эрли берд», после чего в законе о спутниках связи, подписанном президентом Кеннеди в августе 1962 г., привлечение частных компаний к выполнению космической программы США получило правовое оформление. В 60—70-х годах до 80% всего объема промышленных НИОКР было непосредственно ориентировано на рынок, при этом на долю аэрокосмических разработок, которые занимали первое место, приходилось около трети всех фондов.

В то же время некоторые проведенные Соединенными Штатами в этот период космические исследования внесли определенный вклад в мировую науку благодаря полученной информации о ряде планет Солнечной системы, о строении земной атмосферы, гидросферы и т. п. В течение 70-х годов намечались также определенные сдвиги в деле обмена опытом и информацией между американскими исследователями космоса и их коллегами в СССР. В частности, возможность и плодотворность советско-американского научного сотрудничества продемонстрировал осуществленный в 1975 г. совместный полет со стыковкой на околоземной орбите космических кораблей «Союз» и «Аполлон».

В 40—50-х годах техническая база массовых коммуникаций обогатилась рядом глубоко внедрившихся в быт нововведений в области электроники, теле- и радиотехники. С 1949 г. были налажены регулярные передачи цветного телевидения по разработанной П. Гольдмарком системе последовательной передачи цветов. В 1954 г. был осуществлен переход на более совершенную систему, при которой на цветных телеприемниках можно смотреть и черно-белое изображение. Как телевидение, так и электронная вычислительная техника получили широкое применение также в космических исследованиях.

В борьбе с конкурентами и в целях сохранения позиций на международных рынках крупные фирмы нередко открывали в своих научных центрах специальные вакансии научным работникам, создавая для них более благоприятные материальные условия, чем в университетах и правительственных лабораториях. В 50-х годах работы У. Б. Шокли, Дж. Бардина и У. Браттейна, открывших транзисторный эффект в германиевых кристаллических детекторах, т. е., по существу, создавших транзисторный приемник, а позже работы Ф. Андерсона и Дж. Ван Флека по структуре магнитных полей субсидировались корпорацией «Белл телефон» и непосредственно выполнялись в ее лабораториях. Помимо прямых прибылей, корпорация получила правительственные заказы по применению этих открытий в системах противоракетной обороны, радиоэлектронных управляющих приборах и т. д. В отдельных случаях ученые приглашались на видные посты в корпорациях.

Особую известность многообразием форм использования и эксплуатации научного потенциала в своих интересах получила компания «Дженерал электрик». Более полувека (с 1905 по 1961 г.) в ней работал У. Д. Кулидж, известный изобретениями в области рентгенотехники и электроники (трубка Кулиджа), порошковой металлургии, приборостроении и др. В «Дженерал электрик» с 1954 г. работал норвежский инженер А. Живер, будущий лауреат Нобелевской премии по физике, известный открытиями в области сверхпроводимости, ионной микроскопии и т. д. Помимо запатентованных и закрепленных за фирмой в период его работы изобретений, компания получила приоритет в получении ряда правительственных заказов, связанных с применением туннельного эффекта в сверхпроводниках.

Идя некоторое время впереди западноевропейских стран по разработкам в области ядерной энергетики, США к 1968 г. стали отставать и по общим затратам на физике высоких энергий и по суммарной мощности атомных электростанций [74]. В условиях энергетического кризиса 70-х годов был разработан и начал проводиться в жизнь проект «Индепенденс» («Независимость»), целью которого явилось достичь в 80-е годы удовлетворения потребности страны в энергии за счет собственных ресурсов. Этот проект стимулировал НИОКР в области ядерной энергетики (главным образом по созданию реакторов — размножителей на быстрых нейтронах), на которые было выделено 22% всех предназначенных на «Индепенденс» средств; в области добычи, газификации и гидрогенизации угля (до 25% всех средств); в области добычи и использования нефти и газа (20%); по увеличению эффективности использования имеющихся энергоресурсов (17%, включая работы над МГД-генераторами, высокотемпературными газовыми турбинами и т. д.); по использованию термоядерных, геотермальных, солнечных и других альтернативных генераторов энергии (11%). Однако к концу 70-х годов работа над этим проектом была приостановлена, поскольку выяснилось, что первоначально предусмотренных на его выполнение 20 млрд. долл. совершенно недостаточно для реализации поставленных целей.

Многие проблемы, возникшие или разрешенные в рассматриваемый период в наиболее абстрактных отраслях знания, созрели под влиянием запросов техники или вообще практических потребностей различных

---

[74] *Масленников В. И.* США: государство и наука. М., 1971, с. 48.

сфер человеческой деятельности. В то же время в математических науках четко проявилось стремление к синтезу и интеграции различных дисциплин.

Иллюстрацией обеих этих тенденций могут служить, в частности, труды Дж. фон Неймана, уроженца Венгрии, переселившегося в США еще в довоенный период. Они выполнены в значительной мере в интересах развития вычислительной техники, но послужили одновременно для обоснования целого ряда новых и тесно взаимосвязанных математических дисциплин: теории игр, теории автоматов, математической теории надежности и др. Большое влияние на дальнейший прогресс ЭВМ оказал разработанный фон Нейманом в 1945—1946 гг. принцип хранимой программы (реализованный, впрочем, раньше в Великобритании). Важную роль сыграла его монография по вероятностной логике и синтезу надежных систем из ненадежных элементов (1956).

К концу 50-х годов (в значительной мере на основе работ У. Б. Шокли и др.) был осуществлен переход от ламповых ко «второму поколению» ЭВМ, выполненных на дискретных полупроводниках и магнитных элементах. Сфера производства ЭВМ, хотя и новая, и нетрадиционная, весьма быстро стала ареной деятельности крупнейших монополистических гигантов. Так, к концу 60-х годов более $^2/_3$ ЭВМ универсального назначения, имевшихся в капиталистическом мире, было произведено корпорацией «Интернэшнл бизнес машинс». Следует отметить, что разработка ЭВМ в США с самого начала финансировалась и организовывалась военными ведомствами. В 50-х годах эта разработка проводилась в целях создания и совершенствования водородной бомбы.

В разработке ЭВМ третьего поколения (середина 60-х—70-е годы) на интегральных схемах ведущую роль сыграли аэрокосмические и военные заказы, требовавшие миниатюризации и сверхбыстродействия вычислительных устройств. Для военных и разведывательных целей были созданы и применены и первые крупные многомашинные комплексы ЭВМ: комплекс «Сейдж» системы ПВО (1950); 15 региональных вычислительных центров ПВО, получавших информацию от радиолокационных станций (первая половина 60-х годов), а в 70-х годах — система контроля за космическим пространством «Спадатс», опирающаяся на большое число (до 1 тыс.) станций обнаружения, разбросанных по всему земному шару.

Стимулятором обширного круга теоретических и прикладных исследований послужила кибернетика — новая дисциплина, впервые систематически развитая и обобщенная в книге Н. Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948). Внеся большой вклад в математическое и теоретико-информационное обоснование процессов автоматизации, служащих неотъемлемым фактором и частью научно-технической революции, Винер в то же время отчетливо сознавал, что в условиях капитализма «магические силы современной автоматизации служат для получения еще больших прибылей или используются в целях развязывания ядерной войны с ее апокалиптическими ужасами» [75]. Из протеста против использования быстродействующих ЭВМ в чисто военных целях он отказался в 1947 г. от участия в конференции по ЭВМ, созванной командованием военно-морского флота США, и обосновал свой

[75] *Винер Н.* Творец и робот. М., 1966. с. 62—63.

протест тем, что «открытия и изобретения, сделанные учеными, попадают в руки людей, которым меньше всего можно доверять» [76].

Н. Винер получил известность также своими работами по математическому анализу, теории электрических сетей, теории вероятностей. Наряду с Винером одним из пионеров кибернетики считают К. Э. Шеннона, разработавшего математическое обоснование теории информации и доказавшего известную «теорему Шеннона» о передаче сигналов при наличии искажающих помех.

Кибернетика, равно как и такие достижения научной и научно-технической мысли, как электроника, методы программного управления и т. п., заложила основы для перехода к комплексной автоматизации, составляющей одну из характернейших черт современной научно-технической революции. Ступенью в этом направлении явился выпуск в 1956 г. станков с программным управлением.

К. Гёдель, эмигрировавший в 30-х годах из Австрии, и А. Тарский, приехавший в 1939 г. из Польши, продолжали в США свои исследования в области математической логики и теории множеств. Под их влиянием в США сложился ряд ведущих школ в математической логике, в том числе в теории моделей (Х. Дж. Кейслер, М. Морс, А. Робинсон), в исследованиях оснований теории множеств (П. Коэн, Р. М. Соловай, Д. С. Скотт), в теории доказательств. Работы К. Гёделя, С. Клини, Э. Поста и др. сыграли важнейшую роль для современной теории алгоритмов. С. Крипке разработал методы семантического исследования неклассических логик.

Успехи в области современной геометрии и топологии связаны с именами Дж. Александера, С. Лефшеца, Дж. Милнора, М. Морса, Н. Стинрода и др.; в области алгебры — С. Мак-Лейна, Д. Мамфорда, У. Ходжа, С. Эйленберга. Теория дифференциальных уравнений и динамических систем развивалась Р. Боуэном, П. Лаксом, Д. Орнстайном, С. Смейлом; теория вероятностей — Н. Винером, Дж. Дубом, У. Феллером, а также Р. Мизесом. (Мизес, иммигрировавший в 1933 г. из Германии, сделал также ряд открытий в аэродинамике, гидродинамике и прикладной механике.)

Труды А. Эйнштейна, выполненные им в послевоенный период, когда он продолжал работать в Принстоне, были посвящены попыткам создания единой теории поля. В годы маккартизма Эйнштейн неоднократно подвергался критике в американской прессе за «высказывания... о необходимости ликвидировать капиталистическую форму хозяйства и установить социалистический общественный порядок» [77]. Еще в 1948 г. он писал об «отжившем свой век капитализме» [78] и предсказывал: «Все нации ... будут благодарны России за то, что она, несмотря на величайшие трудности, продемонстрировала практическую осуществимость планового хозяйства» [79]. В последние годы жизни Эйнштейн активно выступал против ядерного оружия и поддерживал Пагуошское движение.

Эйнштейн многое сделал для улучшения положения тех ученых, которые, переехав в США в 30—40-е годы, по тем или иным причинам вы-

---

[76] Цит. по: *Зворыкин А. А.* и др. История техники. М., 1962, с. 539.
[77] *Гернек Ф.* Альберт Эйнштейн. М., 1979, с. 119.
[78] *Эйнштейн А.* Собр. научных трудов: В 4-х т./Под ред. И. Е. Тамма и др. М., 1965—1967, т. 4, с. 560.
[79] Цит. по: *Гернек Ф.* Указ. соч., с. 120.

нуждены были здесь остаться. Вклад этой группы ученых в развитие теоретической и экспериментальной физики был весьма значителен. Э. Ферми, работая с 1946 г. в Чикагском институте ядерных исследований, разработал теорию происхождения космических лучей и статистическую теорию множественного образования частиц. Во многих направлениях продвинули физические исследования представители школы Ферми: М. Гелл-Ман, один из авторов гипотезы о кварках, М. Л. Гольдбергер, М. Розенблют, Дж. Штейнберг, а также Т. Ли и Ч. Янг.

Значительным событием была предложенная в 1946 г. модель Ферми—Янга, представившая элементарные частицы как состоящие из нуклонов и антинуклонов. М. Гольдхабер в 1956 г. разработал схему классификации элементарных частиц, положив в основу три частицы: протон, нейтрон и отрицательный К-мезон. Дж. Ю. Уленбек и Н. Бломберген, переселившиеся в США из Нидерландов, получили известность, первый — в области статистической и квантовой механики, второй — работами по лазерной спектроскопии. Ю. П. Вигнер продолжал разработку фундаментальных принципов симметрии применительно к элементарным частицам. Приехавшая в США из Польши М. Гёпперт-Майер создала оболочечную модель ядра. Она была первой женщиной, получившей Нобелевскую премию по физике [80]. Перечисленные исследования составили крупный вклад в ядерную физику и ряд других отраслей физических наук и получили широкое признание.

После утраты США в 1949 г. монополии на атомное оружие продолжались попытки сосредоточить деятельность физиков на совершенствовании и производстве еще более разрушительных типов ядерных вооружений. Физики, считавшие эти попытки опасными для человечества, подвергались гонениям и отстранялись от информации о новых открытиях и разработках, как это было в 1954 г. с Р. Оппенгеймером. Другие, напротив, принесли интересы науки в жертву военно-промышленному комплексу и активно включились в выполнение директивы президента Трумэна от 31 января 1950 г. о продолжении работ над всеми видами атомного оружия, включая и водородное, или «супербомбу». В числе этих «ястребов» от науки прежде всего следует назвать Э. Теллера. Целью всех этих работ было достижение одностороннего преимущества в военной области над СССР. Но как тогда, так и позже цель эта оказалась нереальной.

---

[80] Отметим, что в рассматриваемый период, особенно с конца 40-х годов, наметилась тенденция к выезду из США (например, в Канаду, Австралию, различные европейские страны) ученых, внесших крупный вклад в развитие американского научного потенциала. Так, вернулся в Геттингенский университет астроном В. Бааде, раскрывший структуру многих внегалактических туманностей. Он выяснил, что туманность Андромеды слагается из звезд, а Крабовидная туманность содержит остаток сверхновой звезды — мощный источник радиоактивного излучения; он же в 1952 г. доказал, что ранее употреблявшуюся шкалу межгалактических расстояний необходимо удвоить. Возвратился на родину в 1949 г. бельгийский цитолог А. Клод, позже (1974 г.) удостоенный Нобелевской премии за исследования структуры и функций клетки. Возвратились в Европу Нильс Бор и ряд других ведущих участников проекта «Манхэттен». В 1951 г. покинул США один из известнейших в стране физиков-теоретиков — Д. Дж. Бом. Он продолжал свою деятельность сначала в Бразилии, а с 1957 г.— в Англии. В эти же годы из США уехал Б. Моттельсон, который затем совместно с О. Бором (сыном Н. Бора) разработал в Дании обобщенную (коллективную), а позже сверхтекучую модель ядра (эти работы в 1975 г. отмечены Нобелевской премией).

1 ноября 1952 г. на атолле Эниветок было взорвано американское термоядерное устройство мощностью в 3 мегатонны, т. е. почти стократно превосходящее обе атомные бомбы, взорванные над Хиросимой и Нагасаки. В 1954 г. на о-ве Бикини был испытан термоядерный боеприпас в виде авиабомбы. В дальнейшем в США развернулись работы над межконтинентальными баллистическими ракетами с ядерными боеголовками, тактическим ядерным оружием и различными вариантами сочетания принципов электроники, лазерных и ракетных систем в целях доставки ядерного оружия. Работы по изготовлению его новых типов, в частности нейтронной бомбы, форсировались, несмотря на выдвинутое СССР в 1977 г. предложение о взаимном отказе от производства нейтронного оружия и другие мирные инициативы СССР. В течение 60—70-х годов в США не прекращались попытки подвести геополитическую и «научную» базу под такие опаснейшие формы гонки вооружений, как военное использование глубин океана и космоса.

Для формирования квантовой электроники первостепенное значение имело создание первых квантовых генераторов-лазеров Ч. Х. Таунсом, Дж. Гордоном и Г. Зейгером в США в 1955 г. (одновременно с аналогичным достижением Н. Г. Басова и А. М. Прохорова в СССР). Таунс был также одним из первых, кто обосновал возможность создания лазера — оптического квантового генератора. В 1964 г. Ч. Таунсу, Н. Г. Басову и А. М. Прохорову была присуждена Нобелевская премия по физике за работы по квантовой электронике. В 1960 г. Т. Мейман создал рубиновый лазер, а А. Джаван, У. Беннет и Д. Гарриот — газовый лазер. Эти работы способствовали дальнейшему развитию оптики и радиофизики и нашли практическое применение в голографии, химическом синтезе, медицине и т. д.

Л. Онсагер (уроженец Норвегии) и независимо от него Р. Ф. Фейнман усовершенствовали теорию сверхтекучести. Онсагер решил также ряд проблем термодинамики необратимых процессов, а Фейнман — ряд задач, важных для математического аппарата современной квантовой электродинамики. Э. М. Пёрселл и Ф. Блох в 1946 г. провели эксперименты по обнаружению ядерного магнитного резонанса. Несколько ранее (1945) Э. М. Макмиллан (независимо от работы В. И. Векслера в СССР, 1944) выдвинул новый принцип ускорения частиц — принцип автофазировки.

Обширный цикл исследований элементарных частиц был выполнен Д. Глезером, изобретателем пузырьковой камеры, и Л. Альваресом, автором современной методики работы с этими камерами. Альварес в 1960 г. открыл «резонансы» — короткоживущие нестабильные частицы. В течение 1960—1970 гг. значительно продвинули теорию элементарных частиц Дж. Кронин и В. Фитч (открыли нарушение симметрии при распаде нейтральных К-мезонов); Б. Рихтер и С. Тинг, открывшие элементарные частицы нового типа; С. Уэйнберг и Ш. Глэшоу, создатели теории, объединившей сильные и слабые взаимодействия; Дж. Бьёркен, Дж. Дюмонд, Ф. Андерсон, Д. ван Флек и др. В области физики твердого тела значительными были открытия А. Джайевера, сотрудника исследовательского центра компании «Дженерал электрик», и Л. Эсаки (японца по происхождению, работавшего в корпорации «Интернэшнл бизнес машинс»).

В астрономических исследованиях преобладала астрофизическая тематика. Здесь также крупным был вклад ученых-иммигрантов: Х. А. Бете в 1967 г. получил Нобелевскую премию за открытие циклов термоядерных реакций, служащих источником энергии звезд; Ф. Дж. Дайсон, переселившийся в США из Великобритании в 1951 г., разрабатывал проблемы пульсаров и нейтронных звезд. Систематическое фотографирование северного неба, дающее возможность определить собственное движение самых слабых звезд, организовал в 50—70-х годах В. Лейтен, прибывший в США из Нидерландов.

Дж. А. Уилер, ученик Н. Бора, в 60—70-е годы исследовал проблемы гравитации и релятивистской астрофизики. Хронология развития Солнечной системы была систематически разработана в монографии Г. К. Юри «Планеты, их возникновение и развитие» (1952). Для познания строения и химического состава планет важными вехами послужило получение в 1965 г. снимков Марса с близкого расстояния и начало прямых исследований лунного грунта в 1969 г. Отметим, что во многих направлениях, связанных с изучением Луны, американские исследования отставали от советских: советская автоматическая станция «Луна-2» еще в 1959 г. достигла Луны, и в том же году советская станция «Луна-3» впервые сфотографировала обратную сторону поверхности Луны. Автоматическая доставка на Землю образцов лунного грунта также впервые была осуществлена советской станцией «Луна-20» (в феврале 1972 г. из труднодоступного района Луны).

Из других направлений астрономических исследований следует выделить работы К. Э. Сагана, астронома и активного общественного деятеля, исследователя планет и проблем происхождения жизни во Вселенной; в 1966 г. он в соавторстве с советским астрономом И. С. Шкловским выпустил книгу «Разумная жизнь во Вселенной».

На прогрессе химической науки отразился бурный рост этой отрасли промышленности. Однако доля США в мировом химическом производстве снижалась. Так, в 1960 г. она составляла 40% производства химических продуктов во всех капиталистических странах, вместе взятых, а в 1972 г.— только 32%. В 40-х — начале 70-х годов производство пластмасс возрастало на 11—15% в год, а в середине 70-х годов прирост был нулевым; в 1974 г. производство даже сократилось, не достигнув и в последующие годы уровня 1972 г. Соответственно снизилась и занятость научно-технического персонала в этой наукоемкой отрасли. Отчасти эти тенденции связаны со стремлением «разгрузиться» от вредных производств путем их перевода в развивающиеся страны. Господство монополий («Дюпон де Немур», «Доу кемикл» и пр.), как и в других областях, в сфере химических исследований и разработок вело к монополизации НИОКР.

Сочетание электроники и прогресса химической технологии позволило внедрить автоматизацию в нефтяной и химической промышленности раньше и шире, чем во многих других отраслях. Так, уже к началу 50-х годов были пущены в эксплуатацию полностью автоматизированные и оборудованные электронной системой управления аммиачные (завод фирмы «Спенсер кемикл») и нефтеперерабатывающие предприятия [81].

Большое практическое значение имели теоретические и эксперимен-

---

[81] *Громека В. И.* Указ. соч., с. 179.

тальные работы П. Дж. Флори в области физической химии макромолекул; исследования У. Н. Липскомба (50—70-е годы), посвященные связи «бор—водород» и приведшие к разработке методов исследования структуры боранов (бороводородов) с помощью дифракции рентгеновских лучей; работы Р. Хофмана в области теории химических реакций. В результате работ Дж. Мальма, Х. Классена и других химиков 60-х годов были получены соединения ксенона и криптона с фтором и другими элементами, что опровергло представления об абсолютной инертности «благородных газов» и подтвердило мнение о существовании соединений этих газов, высказанное ранее Л. К. Полингом на основе термодинамических соображений [82].

На стадии научно-технической революции прикладное значение в качестве производящих сил общества все в возрастающей мере стали приобретать и знания о живой природе. К таким традиционным сферам практического приложения биологии, как медицина и сельское хозяйство, прибавились исследования и разработки в области охраны окружающей среды и борьбы с ее загрязнением, угрожающим здоровью и жизни миллионов людей.

Для США эти разработки имеют критическое значение, поскольку к концу рассматриваемого периода эта страна являлась источником (по разным оценкам) до 50% и во всяком случае не менее 30% всего объема мирового загрязнения окружающей среды. Например, городские твердые бытовые отходы в 1960 г. составляли в США 86,9 млн. т, в 1978 г.— 150,4 млн. На мероприятия по охране природы Соединенные Штаты в 70-е годы тратили приблизительно по 0,8% ВНП, значительно отставая в этом отношении, например, от Японии (от 3 до 5,5% ВНП) [83]. Однако в отдельных отраслях производства проблемам борьбы с загрязнениями к 70-м годам стало уделяться значительное внимание, поскольку очевидной стала невозможность дальнейшего развития техники без одновременного природоохранного обеспечения. Так, в химической промышленности доля затрат на НИОКР в области охраны среды достигла 13,5% всех затрат на исследования и разработки.

В послании конгрессу от 30 января 1967 г. президент Л. Джонсон признал, что загрязнение среды приняло в США неконтролируемый характер и, несмотря на закон о чистом воздухе (1963), меры по охране природы не достигают цели. В 1969 г. был создан Совет по качеству окружающей среды и принят закон о политике в области охраны среды, который установил нормы допустимого выброса загрязняющих веществ в водоемы и атмосферу. Однако мероприятия в этой области не достигли

---

[82] Многие труды Л. К. Полинга, в которых методы квантовой механики применены к изучению строения молекул и природы химической связи и за которые он получил Нобелевскую премию по химии за 1954 г., выполнены в довоенный период. В 1945—1970 гг. Полинг, продолжая исследования в этих направлениях, сочетал их с активной общественной позицией. Он был автором призыва американских ученых к прекращению всех испытаний атомного оружия (1957) и подписанной 9235 учеными петиции в ООН о запрещении этих испытаний (1958). За деятельность в этой области Полингу была присуждена в 1970 г. Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» и Нобелевская премия мира за 1962 г. В 1965 г. Полинг подписал декларацию «Совесть против войны во Вьетнаме».

[83] *Седов В. И.* Богатство и бедность: классовые антагонизмы буржуазного общества. М., 1983, с. 101, 103, 117.

необходимого масштаба. Общая загрязненность всех водных ресурсов США в 70-е годы приобрела уровень в 7 раз более высокий, чем в начале столетия; в оз. Эри и ряде других водоемов Северо-Востока промышленными стоками было истреблено практически все живое. Загрязнение атмосферы, по крайней мере над третью территории страны, приобрело устойчивый характер.

НИОКР, связанные с охраной окружающей среды, считались чем-то «второсортным» и молчаливо отодвигались на задний план по сравнению, например, с аэрокосмическими проектами. На территории страны практически не осталось природных сообществ, не подвергшихся в той или иной мере разрушительному воздействию «большой технологии». Это разрушительное воздействие далеко перешагнуло границы США и уже в 50-е годы выразилось в радиоактивном загрязнении значительной части акватории Тихого океана, в загрязнении соседних с США, а нередко и отдаленных территорий Канады, Мексики сельскохозяйственными химикалиями, промышленными выбросами, отходами и т. д. В 70-е годы на самой территории США регенерировалось только 60% потребленного в стране кислорода[84]: это значит, что по крайней мере на $^2/_5$ промышленность и вообще экономика страны существовала только за счет ухудшения экологической ситуации других районов земного шара.

В течение 70-х годов американские биологи участвовали в формировании нового направления в исследованиях по охране природы: биологии охраны природы. Вклад ученых США в это направление был подытожен на конференции по биологии охраны природы в г. Сан-Диего в сентябре 1978 г., где анализу были подвергнуты причины и фазы вымирания видов и сообществ, продемонстрированы математические модели контроля над популяциями, дано биологическое обоснование размерам, расположению и режиму заповедников, национальных парков и прочих охраняемых природных угодий. В то же время выявилась ошибочная установка ряда американских специалистов в данной области, исходивших из того, что индустриальный прогресс будто бы сам по себе, независимо от социальных условий, фатально направлен против природы. В этом отношении уместно напомнить слова одного из крупнейших современных американских специалистов по ресурсам биосферы и их охране: «Экономическая система, основанная преимущественно на частном бизнесе, становится все более непригодной и неэффективной для того, чтобы распоряжаться этим жизненно важным общественным достоянием»[85], т. е. ресурсами.

Развивалась экспериментальная экологическая физиология млекопитающих (П. Моррисон, Л. Ирвинг); экологическая паразитология (Р. Хегнер); картирование растительности, в том числе с помощью спутников. Первую в мировой литературе сводку по математическим методам в экологии опубликовал в 1969 г. Э. Пилу. Все эти направления исследований способствовали более широкому обоснованию разработок и мероприятий в области охраны, консервации и использования биологических ресурсов.

Непрерывно возрастала связь медицины с теоретической биологией. В то же время при несомненных достижениях ученых США в области фундаментальных медико-биологических исследований развитие медици-

---

[84] Там же, с. 117.

[85] *Коммонер Б.* Замыкающийся круг: природа, человек, технология. Л., 1974, с. 206.

ны тормозилось социальными пороками американской системы здравоохранения. Из-за дороговизны и элитарного характера высшего медицинского образования выпуск лечащих врачей в стране, по крайней мере на протяжении первых 25 лет послевоенного периода, оставался на одном и том же уровне (7,5—8 тыс. в год) [86]. Не прекращались попытки, возведенные в 60—70-х годах в ранг своего рода национальной политики, компенсировать это усиленным привлечением более «дешевых» специалистов из-за границы, и в первую очередь из стран Азии и Латинской Америки. Так, на 1971 г. в США работали 1 тыс. таиландских и 2 тыс. южнокорейских врачей, в то время как в самих Таиланде и Южной Корее насчитывалось соответственно не более 4 тыс. и около 13 тыс. врачей [87]. Практика частнокапиталистической фармацевтической промышленности [88] неоднократно подвергалась резкой и справедливой критике в самих же США [89].

Из достижений в фундаментальной медико-биологической области следует упомянуть химико-иммунологические исследования Дж. Эдельмана; вирусологические работы Дж. Эндерса, Т. Х. Уэллера, Ф. Ч. Роббинса, а позже (60-е годы) — М. Дельбрюка (уроженца Германии, в США с 1937 г.). А. Д. Херши и др. А. Зигель и другие в 1962 г. показали, что белковая оболочка для вируса имеет гораздо меньшее значение по сравнению с нуклеиновой кислотой. Химизм проведения нервного импульса были изучен Дж. Аксельродом. Из кардиологических исследований наибольшее признание получили работы Д. Ричардса и А. Ф. Курнана, введших метод катетеризации сердца; в онкологии — работы Ф. Роуса, а также основоположника гормонотерапии рака Ч. Б. Хаггинса. Механизм действия ряда гормонов был раскрыт Э. У. Сазерлендом; ранее неизвестные варианты возникновения и распространения инфекционных заболеваний были вскрыты Б. Бламбергом и Д. К. Гайдузеком.

В области сельского хозяйства большое развитие получили исследования и разработки новых химических инсектицидов и гербицидов. В этом направлении были достигнуты значительные успехи, имевшие, однако, ту отрицательную сторону, что многие из этих препаратов, равно как и из новых химических удобрений, повышая урожайность, загрязняли конечные продукты и нередко представляли опасность для здоровья потребителей. В качестве альтернативы в 60—70-е годы все в большей мере выдвигались биологические методы борьбы с вредителями сельского хозяйства, а также селекционные мероприятия. В течение 60-х годов ряд высокоурожайных сортов зерновых культур, специально предназначен-

---

[86] Foreign Trained Physicians and American Medicine. Wash., 1972, p. 166. К середине 70-х годов, даже по правительственным подсчетам, приукрашивающим реальную картину, потребность во врачах удовлетворялась лишь наполовину или самое большее на 55%. См.: Chronicle of Higher Education, 1976, Sept. 7.

[87] Ibid., p. 49—50.

[88] Э. Кефовер в книге, написанной на основе материалов работавшей в 1950—1951 гг. под его председательством сенатской комиссии по расследованию организованной преступности, доказал широкое проникновение уголовной мафии в медицинскую и фармацевтическую промышленность, в производство пищевых продуктов и торговлю ими и т. д. См.: *Kefauver E.* Crime in America. L., 1952. Эти выводы были подтверждены Р. Кеннеди по данным позднейших расследований. См.: *Kennedy R.* The Enemy Within. N. Y., 1960.

[89] *Кук Ф. Дж.* Заговор против пациента. М., 1972.

ных для расположенных в субтропических и тропических регионах развивающихся стран, был выведен Н. Э. Борлоугом.

В послевоенные годы получила развитие бионика — «изучение биологических систем в целях создания новых технических устройств и технологических процессов» [90]. В американской научной литературе принято считать, что день рождения бионики — 13 сентября 1960 г., когда в Дайтоне начал работу симпозиум «Живые прототипы искусственных систем — ключ к новой технике». Более обоснована, однако, другая дата рождения этой дисциплины — октябрь 1952 г., когда в Академии наук СССР была создана группа по биофизике, физиологии и экологии насекомых. Перед ней была поставлена задача извлечь конструкторские идеи из биологических данных [91].

В США велись и прикладные исследования в области получения и массового производства биологического (бактериологического) оружия, привлекавшего к себе представителей военно-промышленного комплекса своей относительной дешевизной и способностью поражать людей, не уничтожая материальных ценностей. В период от начала 50-х годов до конца агрессивной войны во Вьетнаме программа биологических, а также химических исследований военного назначения выполнялась для Пентагона почти в 100 университетах в рамках более чем 300 контрактов. В 1966—1968 гг. США применяли биологическое оружие для уничтожения посевов сельскохозяйственных культур во Вьетнаме и для других военных целей. Намерение США и в дальнейшем не отказываться от этого оружия и соответствующих разработок очевидно из того, что они остались одной из стран, не ратифицировавших Женевский протокол 1925 г.

В развитии методов биологических (а косвенно и многих других, в том числе геологических, археологических и т. д.) исследований важным шагом были введенные У. Ф. Либби приемы радиоуглеродного датирования.

Теоретические и экспериментальные исследования в области биологии несколько замедлились в 40-х годах, особенно после смерти в 1945 г. трех корифеев американской биологии: Т. Х. Моргана, У. Б. Кеннона и Ф. Клементса. Начиная с 50-х годов на первый план в биологических исследованиях выдвинулась молекулярная генетика. Ее быстрому прогрессу биология в значительной мере обязана своим превращением в одного из лидеров научно-технической революции.

Исходя из доказанной в начале 50-х годов Э. Чаргаффом (австрийцем, принявшим в 1940 г. американское гражданство) видовой специфичности дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), Ф. Х. К. Крик и Дж. Д. Уотсон предложили в 1953 г. схему спирального строения молекул этого вещества — материального носителя генетической информации. Год спустя Г. А. Гамов выяснил (чисто теоретически) характер кода, с помощью которого информация фиксируется на молекулах. Его гипотеза была экспериментально подтверждена и уточнена в конце 1961 г. Ф. Криком с сотрудниками. Х. Г. Корана, уроженец Индии, впервые сумел синтезировать ген.

---

[90] *Апокин И. А.* Кибернетика и научно-технический прогресс: История и перспективы. М., 1982, с. 54.
[91] Там же, с. 55.

М. Калвин экспериментально изучил последовательность стадий в процессе фотосинтеза. Д. Бекеши, Р. Сперри и другие осуществили ряд обширных циклов исследований по физиологии, электрофизиологии органов чувств. Б. Бенасерраф и Дж. Снелл раскрыли молекулярно-генетические факторы, регулирующие структуру поверхности клеток, которая, в свою очередь, играет регуляторную роль по отношению к иммунологическим реакциям. Биоэнергетика клетки изучалась А. Ленинджером и Э. Кеннеди, выяснившим в 1944 г., что в митохондриях имеет место окислительное фосфорирование. Переселившийся в США из Канады А. Сент-Дьёрдьи выделил аскорбиновую кислоту и систематически стал изучать роль витаминов в синтезе аминокислот.

Исследование проблем биологического развития в трудах ботаников Э. Синнотта, Дж. Стеббинса, зоологов Т. Добжанского, Э. Майра, Дж. Симпсона, А. Г. Стертеванта и других способствовало объединению хромосомной генетики с проблематикой филогенеза и созданию так называемой синтетической теории эволюции. Юбилей выхода главного труда Ч. Дарвина «Происхождение видов» вызвал оживленные дебаты, в ходе которых выявилось преобладание в американской эволюционной мысли именно этого направления, т. е. синтетической теории, включившей в себя классическую генетику, молекулярную биологию и ряд разделов экологии. В Чикаго в 1959 г. была проведена конференция. Ее содержание и итоги работы, изложенные в сборнике под заглавием «Эволюция после Дарвина», представляют основательный вклад в современный дарвинизм.

Однако утверждение дарвинизма в биологической научной литературе еще не означало его внедрения в массовое преподавание. Хотя имевшие место ранее эпизоды запрета преподавания эволюционного учения в прямом виде не повторялись, в ряде штатов (например, в Калифорнии) в конце 60-х—начале 70-х годов бурно обсуждался вопрос о том, включать ли в школьные учебники по биологии библейскую «гипотезу Моисея» на равных правах с «гипотезой Дарвина». В научную литературу проникали и расистские идеи, в частности отстаивавшийся уже упомянутым У. Шокли тезис об интеллектуальном превосходстве белой расы над черной.

Исследования в области наук о Земле во многом были ориентированы на преодоление проблем, связанных с нехваткой сырьевых ресурсов. Попытки реконструировать научно-организационную базу, предпринятые в конце 50-х годов, затронули и область наук о Земле. В 1959 г. были созданы в качестве органов федерального подчинения Океанографический комитет, финансируемый более чем наполовину министерством обороны, и Комитет по наукам об атмосфере, на 95% финансируемый НАСА. В качестве большого успеха рекламировались предпринятые в 1957 и 1958 гг. походы атомной подводной лодки «Наутилус» к Северному полюсу, хотя сами по себе они не были чем-то уникальным.

В течение 60-х — начале 70-х годов неоднократно предпринимались и достигли определенного уровня усилия наладить советско-американское сотрудничество в области наук о Земле и особенно исследований Мирового океана. В частности, в 1972—1973 гг. были подписаны соглашения о совместных работах по методам и применению глубоководного бурения, стандартизации океанографической аппаратуры, изучению крупномас-

штабных взаимодействий океана и атмосферы [92]. В дальнейшем, однако, большая часть контактов была свернута по вине американской стороны.

При составлении океанографических программ США руководствовались в первую очередь стратегическими соображениями [93]. Принималась во внимание и зависимость США от иностранных поставок многих видов стратегического сырья, которые могли бы быть добыты из глубин Мирового океана: хром, марганец, олово, кобальт и др. В 1970 г. компания «Дипси венчерс» разработала систему добычи и переработки марганцевых конкреций и провела опытные работы с помощью всасывающей установки на подводном плато Блейк (глубина около 900 м). Доля нефти, полученной в США из подводных месторождений, увеличилась по отношению ко всей добытой в стране нефти за 1959—1971 гг. более чем в 4,5 раза (с 3,6 до 17%) [94]. В 1966 г. был учрежден Национальный совет по морским ресурсам и инженерной разработке. В него вошли министры (военно-морского флота, внутренних дел, финансов и др., а также государственный секретарь), председатель Комиссии по атомной энергии и директор Национального научного фонда.

Возраставшая в течение всего послевоенного периода и особенно в 60—70-х годах зависимость США от поставок импортного сырья привела к превращению их из крупнейшего экспортера минерального сырья (как это имело место в довоенный период) в «чистого» импортера ряда видов промышленного минерального сырья, в том числе стратегического. Это положение было законодательно закреплено актами от 1970 и 1980 гг. об охране ресурсов в интересах национальной безопасности. В то же время создавшаяся ситуация стимулировала геологоразведочные, буровые и т. п. работы американских экспедиций во многих отдаленных регионах земного шара. По мнению ряда экспертов, положение вещей в данной области определяется, однако, не столько в собственном смысле нехваткой или неразведанностью минеральных ресурсов США, сколько стремлением сэкономить собственные ресурсы.

Развитие естествознания и техники в США на современном этапе иллюстрирует как объективно происходящий в условиях научно-технической революции процесс превращения науки в ведущий элемент общественных производительных сил, так и противоречивость этого процесса в условиях капиталистических общественных отношений. В частности, автоматизация ведет к росту массовой безработицы и разорению более слабых конкурентов; научные исследования и разработки монополизируются крупнейшими корпорациями.

Современный научно-технический прогресс в США стоит перед острейшими экологическими проблемами, связанными с необходимостью освоения альтернативных и по возможности безотходных источников энергии. Эти проблемы могут быть успешно решены лишь при условии ограничения своеволия монополий. Отсюда многочисленные диспропорции в различных аспектах организации и проведения научных исследований в США. Ряд ученых и общественных деятелей, в том числе в самих США, с тревогой отмечают, что представители военно-промышленного комплекса захватывают ключевые позиции в системе организации науки.

---

[92] Мировая экономика и междунар. отношения, 1974, № 10, с. 8—17.
[93] *Nierenberg W.* Militarised Oceans. L., 1968, p. 119.
[94] Подробнее см.: США — экономика, политика, идеология, 1979, № 2, с. 81.

Беспрецедентная милитаризация науки, и прежде всего технических дисциплин, охватила и такие традиционно «фундаментальные» (по исследовательской ориентации) центры академической науки, как университеты.

Эти тенденции, характерные для рассмотренного периода развития американской науки, в значительной мере снижают эффективность системы научных исследований. Как писал известный американский экономист Виктор Перло, «сосредоточенность США на использовании науки в милитаристских целях привела к тому, что преимущество перед американскими получили японские и другие монополии, направлявшие на военные цели относительно небольшую часть своих научно-технических ресурсов» [95]. В то же время негативные последствия милитаристских тенденций в таком ответственном и важнейшем секторе общественной жизни, как наука, далеко выходят за национальные рамки. «Научно-техническая революция продолжается. Если в капиталистическом мире она и впредь останется под контролем наиболее реакционных империалистических кругов — военно-промышленного комплекса, потенциальная опасность для человечества будет возрастать» [96].

---

[95] Правда, 1986, 20 февр.
[96] Там же.

Глава четырнадцатая
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

1. ЛИТЕРАТУРА (ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ, ЭТАПЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ)

История литературы США в послевоенный период насыщена богатым и разнообразным творческим содержанием, острой идейно-эстетической борьбой. Сложные процессы общественно-политической и духовной эволюции главной страны капитализма сказались на своеобразии проблематики литературных произведений, оказали заметное воздействие на мировоззренческие установки их авторов. Углубление классовых антагонизмов, изменения в образе жизни различных слоев населения Соединенных Штатов и коренные перемены во внешнем мире сталкивали американских писателей с новым историческим материалом, стимулировали интенсивные поиски наиболее адекватных средств его художественного освоения. Вместе с тем относительная автономность сферы общественного сознания и значительность творческого потенциала, накопленного литературой США к середине XX в., способствовали известной устойчивости сложившихся традиций, сохранению преемственности основных идейно-эстетических тенденций.

В послевоенные годы существовавшее и прежде деление литературы США на различные идейно-эстетические уровни стало еще более подчеркнутым. В отдельную ветвь выделилась антихудожественная, нередко реакционная по своим политическим установкам «массовая беллетристика». Сложилась и определенная «промежуточная зона» между откровенным чтивом и подлинным, «серьезным» искусством. В дальнейшем мы ограничим наше рассмотрение только этим последним «слоем», который, в количественном отношении значительно уступая массовому ширпотребу, совокупностью своих типологических направлений и образует, собственно, устоявшееся понятие «американская литература».

Оценивая в общем виде эволюцию ее основных направлений, можно отметить, что в послевоенные десятилетия новые грани выявились в художественной практике американского модернизма, выдвинувшего такие примечательные явления, как группировка поэтов-битников и школа прозаиков «черного юмора». В творчестве ряда прозаиков и драматургов продолжала жить традиция натурализма, сниженный, лишенный философского обоснования вариант которого нещадно эксплуатировался «массовой беллетристикой». На некоторых стадиях современного литературного процесса ощущалось присутствие идейно-образных решений, ведущих свою родословную от мощного пласта американского романтизма XIX в. Однако, как и в межвоенное двадцатилетие, открывшее в США целую россыпь талантов, главенствующим, наиболее плодотворным началом в американской художественной литературе после второй мировой войны был реализм — правдивое, аналитическое отображение действительности в ее существенных проявлениях и внутренних закономерностях.

Резкие перепады в экономической жизни страны, острые классовые конфликты и периодически возникавшие внутриполитические кризисы, специфика послевоенных международных отношений с их борьбой между силами прогресса и империалистической реакции — все это не могло не накладывать своего отпечатка на духовный склад американской творческой интеллигенции, не сказываться на звучании художественных произведений.

В качестве важнейшего литературного жанра реалистический роман находился на стремнине творческих процессов. На протяжении 40—70-х годов XX в. действенными факторами духовной жизни страны продолжали оставаться марксистская социология и материалистическая эстетика, требующие от искусства активного отклика на насущные нужды современности. Чутко реагируя на изменения в социально-психологической атмосфере ведущей державы мирового капитализма, писатели-реалисты вместе с тем постоянно испытывали влияние со стороны различных ответвлений буржуазной философии, модных эстетических поветрий и идеологических предубеждений. История послевоенной литературы в США — это прежде всего история борьбы реализма с разного рода нереалистическими течениями, история эволюции и обогащения реалистического художественного метода.

«Развитие реалистической литературы осложнялось исключительно сильным воздействием апологетических буржуазных идей, конформизма, влиянием фрейдизма, модернистскими тенденциями» — это обобщающее суждение Я. Н. Засурского[1], распространяемое им на все содержание американской литературы XX в., как нельзя более справедливо в применении к ее послевоенной фазе. И тем не менее, несмотря на широкое распространение своего рода «современной мифологии», скрывающей подлинную суть общественной структуры и человеческих отношений в мире капитала, несмотря на растущую власть над умами господствующей системы информации и пропаганды, несмотря на весьма неблагоприятный климат в сфере академического литературоведения и литературной критики, развитие американской литературы после второй мировой войны не только не приостанавливалось, но и было ознаменовано немалыми свершениями. Послевоенные десятилетия — это и заключительный этап деятельности прозаиков, поэтов и драматургов старшего возраста, «современных классиков»; это и вступление в жизнь новых поколений, активность которых в первую очередь определила облик литературного творчества в США 40—70-х годов.

Следует признать, что выявить контуры развития художественной прозы этого периода значительно легче, нежели развития поэзии. Проблема четких разграничений в области лирики остается в значительной степени нерешенной. Причиной этому служат, во-первых, отсутствие особо выдающихся фигур, которые наподобие классиков поэзии 10—20-х годов могли бы стать глашатаями своего времени. Во-вторых, своеобразие творческого развития многих американских поэтов приводило к тому, что на разных стадиях жизненного пути они примыкали к различным направлениям и течениям. И, в-третьих, сами поэтические школы и группировки не оставались стабильными, а постоянно распадались и видоизменялись

[1] *Засурский Я. Н.* Американская литература XX века: Некоторые аспекты литературного процесса. М., 1984, с. 3.

В качестве сложившейся школы можно выделить в первую очередь «поэтов Черной горы», которые в 50-е годы на короткое время объединились в единую группу в маленьком колледже того же названия и к которым затем примкнули другие поэты. Членами этой группы, помимо композитора-авангардиста Дж. Кейджа, были поэты Р. Крили, Р. Дункан и Ч. Олсон. Ведущей фигурой был, несомненно, Олсон, который в своем программном труде сформулировал теорию стиха, освобожденного от метрических оков и основанного на ритме дыхания. Он также поставил создание и восприятие стиха в зависимость от эмоциональных и физиологических предпосылок. В журнале «Блэк маунтейн ревью» сотрудничал и известнейший представитель поэтов-битников А. Гинсберг. Обосновавшись в Сан-Франциско, уже сложившаяся группировка битников превратила в конце 50-х годов этот город в центр поэтической активности. Поэма Гинсберга «Вопль», произведения Г. Корсо и Л. Ферлингетти вызвали сильный резонанс во всей послевоенной лирике. Помимо Ле Роя Джонса, начавшего свою карьеру в качестве поэта-битника, эта группа повлияла на поэзию негритянских авторов в целом.

В 60-е годы на передний план выдвинулись так называемые «исповедальные поэты», к числу которых можно отнести Р. Лоуэлла, С. Плат, А. Секстон и В. Д. Снодграсса. Эти поэты с различной степенью субъективизма передавали в форме исповеди психические переживания индивидуума в экстремальных ситуациях. Если в стихотворном цикле Снодграсса «Игла сердца» (1960) автобиографическое еще связано с внешней действительностью — войной в Корее, то акцент на личное «я» в эмоциональных стихотворениях Секстон достигает наивысшей силы и интенсивности. Для всех этих групп и школ общим является отказ от рассудочности, формальной сложности и «учености» классической модернистской поэзии. Однако на фоне этих направлений продолжала свое существование и академическая, формалистическая лирика, важнейшими представителями которой являлись Г. Немеров и Р. Уилбер [2].

Для американского театра послевоенных десятилетий оставался актуальным давний конфликт между искусством и коммерцией, между Бродвеем и различными формами экспериментальных и более высоких по уровню театральных постановок. В области драматургического искусства наиболее выдающимися фигурами, несомненно, являлись Т. Уильямс, А. Миллер и Э. Олби. Господство театральной системы, сложившейся на Бродвее, стояло, однако, на пути новаторских тенденций и нередко вело к истощению незаурядных талантов. После того как с начала 60-х годов в творчестве Миллера и Уильямса наступила весьма продолжительная пауза, потребовался толчок из Европы, а именно — знакомство с авангардистским «театром абсурда». Эту новую фазу ознаменовали собой пьесы Э. Олби и А. Копита.

К концу 60-х годов усилились тенденции к отказу от «традиционных» постановочных принципов, возникло стремление вернуть драме бóльшую непосредственность, более широкое участие аудитории и заинтересованность в формальном эксперименте [3]. Наряду с прежним театром возникали бесчисленные маленькие студии и актерские труппы, выступавшие

---

[2] Подробнее о послевоенной американской поэзии см. вступительную статью А. М. Зверева к антологии «Поэзия США». М., 1982.

[3] Об американской драматургии 40—60-х годов см.: *Злобин Г. П.* Современная драматургия США. М., 1968.

против театрального истэблишмента, против коммерческого духа, беспроблемных произведений. Важнейший вклад в оживление американского театра внесла негритянская драматургия. Творчество «самодеятельных театров» способствовало заметной политизации драмы. Это возвращение к агитационным пьесам повлекло за собой восстановление связей между современной драмой и демократической традицией «гневного десятилетия», что наблюдалось в 60—70-е годы (хотя в гораздо более широком плане) и в ведущем жанре послевоенной литературы Соединенных Штатов — реалистическом романе.

Важнейшая веха мировой истории — рубеж 30—40-х годов ознаменовал собой в США одну из кульминаций развития художественной прозы, опирающейся на социальный анализ противоречий буржуазной действительности и внимательно прислушивающейся к прогрессивным идеям нашего времени. Художественная зоркость блестящей плеяды прозаиков США, включавшая требование защиты социальных прав и достоинства простого американца, опиралась на отстоявшиеся и представляющие ныне классическими формы реалистического изображения.

Обретение американским социальным романом эпической широты, идейно-эстетические поиски, базирующиеся на новых, почерпнутых из бурной и динамичной действительности конфликтах, попытки создания образа положительного героя с программой действий, отвечающих общественно значимому идеалу, отодвигали на второй план прозу, тяготеющую к преимущественно психологическому анализу, к рассмотрению «вечных вопросов» человеческого существования в сравнительно узких, камерных рамках повседневного, заурядного быта. Эта модификация реалистической литературы была представлена на рубеже 30—40-х годов рядом произведений, истинный масштаб которых обнаружился лишь впоследствии. В них преобладала постановка обобщенных, едва ли не метафизических проблем смысла бытия, природы чувства, назначения творчества применительно к обстоятельствам отдельно взятой личности, зачастую по тем или иным причинам оторванной от устремлений и интересов широкого мира.

Традиция субъективизированного, подчеркнуто психологического письма, вскрывающего тонкие нюансы человеческих переживаний, обусловленных в конечном счете взаимодействием с социальной средой, иначе говоря, «традиция Генри Джеймса» столь же важна для понимания многообразия современной литературы США, как и во многом отличная от нее «традиция Теодора Драйзера». Соотношение этих, до известной степени условно выделяемых типологических общностей было различным на разных этапах литературного развития. В высших своих проявлениях реализм в американской прозе и драматургии не раз демонстрировал гармоническое слияние художественного анализа человеческого духа с пониманием существенных социально-исторических связей. В первые же послевоенные годы в литературе США преобладали тенденции, вытекающие из идейно-эстетического наследия «гневного десятилетия». Именно это наследие способствовало сохранению в литературе США социалистических традиций и служило опорой для создания произведений, проникнутых духом борьбы в защиту демократических сторон американской культуры.

Магистральные пути художественной литературы в 40-е годы пролегали в первую очередь через творчество крупнейших прозаиков, поэтов и

драматургов Соединенных Штатов. Однако определенное единство их творческой позиции, зафиксированное уникальным историческим моментом конца предыдущего десятилетия, подверглось вскоре действию разрушительных сил, среди которых следует назвать глубокий кризис политических взглядов ряда примыкавших в прошлом к левым течениям писателей, а также обострившееся противоборство художественно-идеологических тенденций.

Примером стремительного творческого упадка вследствие утраты веры в передовые общественные идеалы явилась эволюция Дж. Дос Пассоса. Автор трилогии «США», новаторски раздвинувший пределы художественных возможностей реалистического метода, в считанные годы превратился в типичного буржуазного беллетриста. По сравнению с идейной несостоятельностью Дос Пассоса снижение критического накала в книгах Э. Колдуэлла было обусловлено не столько политическими, сколько эстетическими причинами. Испытывая влияние натуралистической традиции, писатель в книгах 40-х—начала 50-х годов зачастую отказывался от глубокой художественной интерпретации, предпочтя фактографию и порой откровенно фарсовую трактовку социальным обобщениям.

В целом, однако, можно говорить об определенной устойчивости социально-критических тенденций в первые послевоенные годы. Так, нападки реакционной критики на посмертно изданные романы Т. Драйзера «Оплот» (1946) и «Стоик» (1947) не смогли поколебать престиж этого ведущего представителя реалистической литературы США. Новая американская действительность оставалась средоточием острейших социальных и идейных конфликтов. Проявление важнейшего свойства литературы критического реализма — сосредоточенности на «болевых точках» национального сознания и социальных отношений — можно было обнаружить в романах С. Льюиса «Кингсблад, потомок королей» (1947), Дж. Г. Коззенса «Страж чести» (1948), У. Фолкнера «Осквернитель праха» (1948). Последняя книга особенно важна в контексте общей эволюции писателя, новые произведения которого, ведя счет потрясениям, бесповоротно уничтожившим социально-психологическое равновесие в буржуазном обществе, в то же время раскрывали и ресурсы человеческого духа, все дальше раздвигая границы его возможностей к сопротивлению.

Склонность к морализированию, зачастую ощутимому у Фолкнера, равно как и подчеркнутая публицистичность, подчас плакатность романа С. Льюиса указывали на известную дифференциацию с конца 30-х годов идейно-эстетических принципов критического реализма. Вместе с тем продолжала существовать и его основная форма — масштабный социально-психологический роман, претендующий на философское осмысление широкой совокупности современных общественных отношений. Черты этой типологической общности особенно зримы в романах Дж. Стейнбека «Заблудившийся автобус» (1947) и Р. П. Уоррена «Вся королевская рать» (1946).

В отличие от потрясших всю Америку «Гроздьев гнева» книга Стейнбека не строилась вокруг публицистически острой социальной коллизии. Однако объект социальной сатиры в «Заблудившемся автобусе» был достоин критики. Едва ли не первым из писателей США автор романа усмотрел возникновение на горизонтах нации «массифицированного общества», распространение обезличивающего стандарта. Альтернативой ему, по мнению Стейнбека, являлось возвышенное мировосприятие рабо-

чего человека Хуана Чикоя. Преемственность основных черт социально-критического подхода сочеталась у Стейнбека с обогащением реализма некоторыми дополнительными оттенками, продиктованными меняющейся социально-психологической действительностью.

Еще более рельефное отражение этот процесс получил в романе Уоррена. Многослойность, многозначимость поступка, ситуации, общего хода событий — таков стержень уорреновского мироощущения, получающего конкретное выражение в попытках центрального героя романа «Вся королевская рать» журналиста Бердена яснее представить себе жизненный путь губернатора Вилли Старка и значение его карьеры для постижения смысла современной истории. Философская насыщенность романа Уоррена свидетельствовала о дальнейшем развитии в США литературы критического реализма. Сердцевину ее по-прежнему составлял социальный анализ человеческих судеб в контексте доминирующих общественно-политических тенденций. Вместе с тем проявившийся во «Всей королевской рати» тезис известной относительности добра и зла, настойчивая перекличка политического конфликта с конфликтом в сфере морали, скептицизм в отношении жестких, нормативных оценок — все это указывало на возникновение в послевоенной литературе новых веяний.

В 40-е годы борьба между реализмом и натурализмом отличалась особым упорством, а их взаимодействие принимало сложные формы. При воспроизведении совокупности жизненных явлений художник-реалист рисует картину сцепления основных сил, формирующих облик действительности, с учетом важной роли личностного начала. Натурализм же, напротив, полностью равняется на философию жесткого социально-биологического детерминизма. В этом ключе были выдержаны некоторые ранние драмы Т. Уильямса, романы Н. Олгрена «Человек с золотой рукой» (1949), «Прогулка по джунглям» (1956), где нашла отражение одна из особенностей позитивистского канона — неверие в возможность перестройки человеческой психологии под воздействием передовых общественных идеалов, конкретного положительного примера.

Соблазн подчинить поведение героя незамысловатым социологическим формулам и вульгарно биологическим концепциям, отрицающим наличие у «простого человека» развитого аналитического сознания и восстающей против «пресса обстоятельств» воли, существовал и для многих писателей, откликнувшихся на только что завершившуюся вторую мировую войну. Однако в лучших произведениях писателей этой группы — романах «Нагие и мертвые» Н. Мейлера (1948) и «Отныне и во веки веков» Дж. Джонса (1951) — рудименты натуралистических воззрений отступали далеко на задний план перед глубоко дифференцированной картиной существенных жизненных связей. Убежденный антифашизм сочетался здесь со стремлением к социально-классовому анализу противоречий американского общества, и это особенно тесно сближало книги Мейлера и Джонса с ведущей тональностью «гневного десятилетия».

Не только антивоенный, но и, по сути, антибуржуазный пафос произведений Мейлера и Джонса был сродни позиции многих прозаиков, выступивших с произведениями, пронизанными антимаккартистским протестом. Речь идет о романах весьма разнохарактерных в плане идейных воззрений их авторов. Среди них были и несгибаемые поборники социалистических взглядов, и типичные либералы, и люди колеблющиеся, лишь на время примкнувшие к прогрессивному лагерю.

Рубеж 40—50-х годов зафиксировал известный подъем литературы, вдохновлявшейся передовыми идеалами, посвященной, по выражению критика-марксиста Ч. Гумбольдта, «делу рабочего класса и его грядущей победе» [4]. Большинство произведений этого направления было обращено к изображению действительности недавнего прошлого, отмеченного особым накалом классовых битв («Большая Среднезападная» А. Сакстона, «Железный город» Л. Брауна, «Долина в огне» Ф. Боноски и др.). Вскоре ведущей темой писателей этой ориентации сделался протест против подавления маккартистами гражданских прав личности, который они разделяли со многими представителями демократической интеллигенции. Значительное число произведений, выполненных в этом ключе, составляли романы о политических преследованиях, стилизованные под фактографическую литературу («Вашингтонская история» Дж. Дайса, «Да поможет мне бог» Ф. Джексона, «Уцелевший» К. Марзани). Более сложную структуру имели книги, продолжавшие традиции «романа воспитания» («Исступление Оуэна Мюира» Р. Ларднера-младшего, «Антиамериканцы» А. Бесси); в своеобразный жанр социального «романа об ученых» сложились произведения М. Уилсона.

Активная борьба с реакцией способствовала достижению определенной внутренней близости писателей, придерживавшихся в целом различных философских и политических убеждений. В то же время крутой идеологический водораздел пролегал между ранними работами М. Маккарти и романом Л. Триллинга «Середина путешествия» (1947), с одной стороны, и произведениями тех прозаиков и драматургов критического реализма, которые при всей порой непоследовательности своих убеждений мужественно отвергли посягательства на свободомыслие, широко практиковавшиеся реакционерами под флагом антикоммунизма.

В романе М. Маккарти «Рощи Академии» (1952) изгнание объявленного «красным» Генри Малколи из колледжа, где тот преподавал, отнюдь не вызывало у писательницы чувства негодования; объектами ее сверхутонченной иронии служили выразители всех политических верований. Совершенно иную трактовку получал аналогичный конфликт в романе М. Додд «Под лучом прожектора» (1954). Увольнение из университета профессора Майнота, поборника идеалов просвещения и гуманности, не оставляет его коллег равнодушными. С отказом подчиниться процедуре «проверок на лояльность» выступают люди разных поколений, принадлежащие к различным социальным слоям. Совместный отпор вылазкам реакции делает прочнее, по мысли Додд, связь интеллигенции с народом, с «глубокими корнями» демократической традиции в Соединенных Штатах.

Готовность к выступлению против «фантомов маккартизма» сохранялась в американской литературе и после бесславного ухода сенатора от штата Висконсин с политической арены. На протяжении всех 50-х годов антимаккартистский пафос способствовал известной внутренней близости писателей, подчас весьма чуждых друг другу по своим эстетическим принципам и философским убеждениям. Так, в написанном целиком в колеблющихся тонах, характерных для стилистики «субъективной прозы», и пронизанном философией стоицизма романе Б. Маламуда «Новая

[4] Masses and Mainstreem, 1953, Dec., p. 53.

жизнь» (1961) критика не без основания распознала «отголоски гневных пролетарских пророков — героев прозы красного десятилетия» [5].

В романах «Берег варварства» (1951) и «Олений парк» (1955) Н. Мейлеру удалось с немалым художественным эффектом воплотить антимаккартистскую тему. В первом, поднимаясь над свойственными ему одно время иллюзиями левачеcкого радикализма, писатель стремился вникнуть в перемены в интеллектуальной жизни страны, чутко отзывался на перепады и парадоксы идейно-политической борьбы. В характерах книги Мейлера можно видеть своевременно взятые из действительности типы «раскаявшегося бунтаря», агента правительственной охранки, молодого художника на идеологическом распутье. Подчеркнуто публицистичная, перенасыщенная политическими диспутами, не чуждая аллегоричности стилистика «Берега варварства» позволила выделить ряд актуальных проблем, но в то же время отрицательно сказалась на его художественности. На более прочной реалистической основе зиждился «Олений парк», по праву занявший место среди особенно бескомпромиссных и ярких антимаккартистских произведений.

Непосредственное воздействие социально-критического пафоса 30-х годов особенно явно ощущалось на раннем этапе послевоенной духовной истории Соединенных Штатов. Эти традиции играли значительную роль и в 60-е, и в 70-е годы. В промежутке же литература США испытала ряд метаморфоз, пройдя через горнило влияний со стороны различных модных эстетических и философских поветрий. Художественный поиск существенных сторон и связей действительности происходил в это время через преимущественное обращение к внутреннему миру личности, ее морально-психологическим проблемам, неразрывно, хотя и опосредованно связанным с общим социально-историческим колоритом и духом эпохи.

Преобладание в литературе 50-х годов субъективных, лирических интонаций, вызвавшее в американской критике далеко идущие выводы о «великом послевоенном сдвиге от социологии к психологии, от общественного к частному» [6], было не в последнюю очередь связано с наступлением политической реакции, с распространением конформистских настроений. Широко распространившаяся в США апологетика буржуазного общества вызывала, однако, различные формы ее художественного неприятия — от увлечения притчеобразными мотивами («Старик и море» Э. Хемингуэя, «К востоку от рая» Дж. Стейнбека, «Пистолет» Дж. Джонса) до мизантропической отъединенности от жизни у прозаиков экзистенциалистского направления («Человек-невидимка» Р. Эллисона).

Влияние конформизма нередко сказывалось и в нечеткости идейной позиции ряда писателей, что снижало меру реализма их произведений. Сравнительно с романами 40-х годов ослаблением социально-критического потенциала был отмечен роман С. Беллоу «Приключения Оги Марча» (1953), известная идилличность коснулась страниц «Семейной хроники Уопшотов» Дж. Чивера (1957). В то же время — и это необходимо подчеркнуть — давление конформизма на духовную жизнь США не смогло сколько-нибудь глубоко проникнуть в собственно эстетические «недра» реалистической прозы. Умиротворяющие, эскапистские настроения приглушили в ряде случаев разоблачительный, критический пафос творчест-

[5] Recent American Fiction. Some Critical Views/Ed. by J. Waldmeir. Boston; Houghton, 1963, p. 212.
[6] *Cowley M.* The Literary Situation. N. Y., 1954, p. 83.

ва некоторых крупных писателей, преимущественно старшего поколения, однако нормативность взглядов, свойственная правоверным и последовательным конформистам вроде Г. Вука или К. Хаули, была столь банальной и маловдохновляющей, что под ее знамена не встал, по сути, ни один из крупных прозаиков-реалистов.

Вместе с тем перестройка художественно-мировоззренческой структуры значительной части литературы США оказалась весьма основательной. Критический реализм искал новых путей, новых эстетических решений для своего выражения. Не отказываясь от острой критики, обличая и осуждая жажду наживы, социальное неравенство, эгоизм и душевную слепоту, приверженцы гуманистических воззрений не теряли веры в будущее и не отворачивались от современности. «Долг поэта, писателя... его привилегия состоит в том, чтобы, возвышая человеческие сердца, возрождая в них мужество и честь, и надежду, и гордость, и сострадание, и жалость, и жертвенность, которые составляли славу человека в прошлом, помочь ему выстоять»,— говорил У. Фолкнер в речи при получении Нобелевской премии (1950) [7].

Как следствие отмеченных перемен на протяжении 50-х годов художественная проза США во многом изменила свои очертания. На смену последовательности рассказа пришла сдвинутость, разорванность композиции. Четкость точки зрения автора, в социально-эпическом повествовании как бы стоящего за кулисами действия, сменялась либо своеобразной многофокусностью изображения, либо его откровенной субъективизацией. Сосредоточенность на духовном мире героя не была, однако, тождественна состоянию «асоциальной и аполитичной отрешенности», как об этом поверхностно судили многие буржуазные литературоведы. Не подмена социального сугубо индивидуальным (и, стало быть, поневоле случайным, непоказательным), а стремление подойти к оценке общественных перспектив через детально, с учетом противоречий человеческой психики проанализированные «частные судьбы» белых и черных американцев — вот в чем проявился художественный акцент новой фазы развития литературы Соединенных Штатов.

Наиболее активно эту модель художественного отношения к действительности отстаивали калифорнийские битники, которые противопоставили себя литературе конформизма. Но вклад битников в художественную прозу практически исчерпывался творчеством Дж. Керуака, включая повесть «На дороге» (1955) и некоторые другие, менее значительные произведения. Ополчаясь против буржуазного общества, герои Керуака, по сути, объявляли войну всякой морали уже хотя бы потому, что она накладывает «оковы обязательств» на «живущих лишь однажды» индивидуумов. Анархизм «неприкаянных душ» был прежде всего следствием их растерянности перед кажущейся монолитностью и неприступностью бастионов капиталистического строя. К тому же аналитическое начало у Керуака отличалось крайней неразвитостью; его подменял нервический эмоциональный порыв, апелляция к неразвитому «молодежному» сознанию.

Творчество битников, прозаиков и поэтов со свойственными им анархичностью, недоверием к разуму и мистифицированным преломлением социально-психологических факторов принадлежит к модернистскому на-

---

[7] Писатели США о литературе: В 2-х т. М., 1982, т. 2, с. 192.

правлению в послевоенной литературе Соединенных Штатов. Вместе с тем их «бунт» заострил внимание на весьма схожих по эмоциональной окраске, выдержанных зачастую в том же субъективизированном, лиричном, «центростремительном» ключе, но более глубоких и содержательных литературных явлениях.

В противоположность писателям, захваченным поветрием конформизма, многие дебютанты конца 40-х—50-х годов пытались обосновать моральную позицию, оппозиционную нормам и обычаям буржуазного миропорядка. Особенно показательными для данного направления можно считать такие произведения, как повесть Т. Капоте «Голоса травы» (1951), роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (1951). Явная «центростремительность» и даже камерность книги Сэлинджера, рисовавшей отдельные фрагменты современной американской действительности в преломлении через психику неврастеничного подростка, отнюдь не препятствовала выдвижению общественных проблем весьма актуального свойства. Нервический монолог Холдена Колфилда был обращен против многих негативных черт американского уклада: самодовольства, лицемерия, душевной черствости. Использование же Сэлинджером таких характерных для «субъективной прозы» изобразительных средств, как лирическая недоговоренность, ирония, эмоциональный подтекст, придавало исповедальной форме романа особую выразительность.

Идея защиты и морального возвышения личности, получившая художественное обоснование в прозе Сэлинджера, владела и другими «молодыми прозаиками» — Дж. Болдуином («Иди, вещай с горы», 1953), У. Стайроном («Сникаю во мраке», 1951), Б. Маламудом («Помощник», 1957). Не затушевывая трудностей, сопровождающих жизнь при капитализме, эти писатели не имели ничего общего с банальностью утешительной конформистской беллетристики. Мотив сочувствия к человеку проникал одно время и в творчество С. Беллоу. Его роман «Герзаг» (1964) не в меньшей степени отвечал принципам «центростремительной» поэтики, нежели «Над пропастью во ржи» Сэлинджера.

Перемены в общественно-политической обстановке в США на рубеже 50—60-х годов не прошли бесследно для литературного творчества. Логика его развития была такова, что морально-эмоциональная субъективность все чаще отступала на задний план перед потребностью в более непосредственном отображении социального бытия современных американцев. Показательной явилась эволюция ранних произведений Дж. Апдайка. Если его «Ярмарка в богадельне» (1959) содержала многие характерные черты «центростремительной» структуры, включая локальность сюжета, тонкий психологизм и стилистическое благозвучие, то в романе «Кролик, беги» (1960) социальная тема проявилась уже гораздо отчетливее. Психологическая коллизия центрального персонажа, обыкновенного рабочего парня, умело транспонировалась прозаиком в тему смутного недовольства и тревоги — состояния, владеющего всей «средней Америкой». Роман Апдайка был примечателен и с точки зрения возникавшего в нем своего рода равновесия между элементами субъективно-романтической поэтики и привлечением более «традиционных», объективизированных форм изображения, насыщением психологической по преимуществу прозы актуальным общественным содержанием.

«Центростремительная» модель, занявшая столь видное место в романе США 50-х — начала 60-х годов и принимавшая порой (например,

в «Герзаге» Беллоу) форму своего рода «субъективной эпопеи», не сводилась лишь к набору некоторых формообразующих признаков. Лежащие в ее основе индивидуализация мировосприятия, тенденция к созданию личностных миров, ставка на самораскрытие героя заметно обогащали художественную выразительность американского романа. Но, с другой стороны, ощущалась и угроза отрыва автора и его героев от живой действительности, их идейной дезориентации под воздействием теорий, фальсифицирующих подлинные закономерности общественного развития. В рамках художественного произведения сам феномен «отчуждения» личности от буржуазного общества, находившийся в послевоенные годы в центре оживленных дебатов, поддавался двоякой трактовке. Он мог либо считаться следствием господствующих в странах капиталистического Запада антигуманных отношений, либо выступать в метафизически зашифрованном иррациональном обличье. В последнем случае на роль монополиста в его истолковании в течение довольно длительного времени претендовала экзистенциалистская философия.

Необходимо подчеркнуть, что в восприятии литературных кругов США «философия существования» чаще всего не вырисовывалась строго упорядоченной системой, а была равнозначна умонастроению, проникнутому острым ощущением безысходного трагизма. Чувством безысходности в значительной мере определялось идейное звучание написанных еще в 40-е — начале 60-х годов произведений Р. Райта, П. Боулса, ранних пьес Т. Уильямса и романов С. Беллоу. Соприкасающиеся во многих отношениях с натуралистической доктриной, эти взгляды постепенно, однако, утрачивали свою популярность по мере накопления американской литературой опыта гуманистической одухотворенности.

На рубеже 50—60-х годов экзистенциализм наложил явный отпечаток на произведения таких крупных прозаиков, как У. Стайрон, Дж. Болдуин, Н. Мейлер. Вместе с тем реалистическая основа их художественного видения, стремление к отражению жизни в ее целостности и динамике развития, к познанию ее «внутреннего механизма» ограничивали сферу проявления экзистенциалистских концепций. Диалектика диспута между «Бытием» и «Ничто» преломлялась в их книгах в сложном переплетении жизнеподобных и нормативистских мотивов. При том, что эти противоречия достигали чрезвычайной остроты, «равнодействующая» возникавшего идейно-эстетического противоборства в конечном счете чаще всего склонялась к возобладанию реализма над умозрительной схематикой.

С особой силой художественной экспрессии освобождение от экзистенциалистских догм отразилось в романе Н. Мейлера «Американская мечта» (1965), где в образе нью-йоркского интеллектуала писатель постарался воплотить свой доведенный до крайности, почти до абсурда протест против медленного угасания человека в буржуазном обществе. В движении сюжета «Американская мечта» и в психологии ее героя было немало шокирующего, несуразного, что не изымало, однако, произведение из сферы реалистической эстетики. Эта принадлежность вытекала прежде всего из социальной обусловленности поступков Стивена Роджека, в котором следовало видеть не обуреваемого экзистенциалистскими комплексами патологического маньяка, а носителя столь типичного для реалистической традиции конфликта между личностью и обществом.

Преодоление соблазна экзистенциалистских истолкований служило еще одним знаком неудовлетворенности субъективно-лирическим вариан-

том художественного выражения. Уклон в индивидуалистическую замкнутость было трудно совместить с нараставшей в США под влиянием обострившихся общественных противоречий социальностью писательского поиска. С начала 60-х годов не сразу, но неуклонно происходит укрепление эпического начала, возрождается активная роль автора, имеет место широкая дифференциация жанровых форм, повышается удельный вес документа. Многогранность литературного процесса, продолжающаяся идейно-эстетическая борьба реализма с модернизмом и другими антиреалистическими течениями лишь подчеркивала главную особенность литературного процесса в США в современную эпоху — его тесное сцепление с общественно-политическим и духовным содержанием национальной жизни.

Переход от преимущественно субъективной поэтики к испытанным принципам социально-аналитического художественного исследования сопровождался резким подъемом критических настроений. Провозвестником грядущих изменений явился ряд произведений известных писателей: «Особняк» Фолкнера (1959), «Зима тревоги нашей» Стейнбека (1961), «Ближе к дому» Колдуэлла (1962), «Часы без стрелок» К. Мак-Каллерс (1961). Углублявшие традицию социально-психологического жанра книги Фолкнера и Стейнбека достойно увенчали долгую творческую карьеру их авторов; романы же Колдуэлла и Мак-Каллерс послужили как бы сигналом к активной разработке негритянской темы под новым, более критичным, чем в прошлом, углом зрения. Однако лишь с выходом в свет романа У. Стайрона «Признания Ната Тернера» (1967) проблема «негритянской революции», ее истоков и перспектив получила в литературе США художественно-философское истолкование.

В «критическое десятилетие» 60-х годов в художественной прозе и (в меньшей, впрочем, степени) в драма́тургии далеко на задний план отступала метафизическо-экзистенциалистская, а также фрейдистская проблематика, еще недавно занимавшая воображение многих писателей. Для ответа на жгучие вопросы современности творческая мысль все настойчивее обращалась к опыту критического реализма первой половины XX в. Вместе с прозаиками старшего поколения благотворное влияние реалистических традиций испытала группа литературной молодежи — Ф. Рот, Р. Прайс, Х. Ли, Дж. К. Оутс.

Вслед за повестью «Прощай, Колумбус» (1959), выдержанной в духе критики буржуазного мира с эстетических и этических позиций, Ф. Рот опубликовал роман «Она была такая хорошая» (1967) — взволнованное повествование о драматизме бытия «обыкновенных американцев», сознательно нацеленное на продолжение традиций Драйзера и С. Льюиса. Едва ли не впервые за долгое время объектом изображения становилась трудовая, демократическая среда провинциальной Америки. Как было показано в романе, внешняя благопристойность мелкобуржуазного уклада, распространившегося в послевоенные годы на образ жизни миллионов, не в состоянии заслонить собой зловещих контуров новых «американских трагедий». Одна из психологических коллизий, вытекающих из пороков социального уклада,— разрыв между идеальным представлением о назначении человека и неприглядной житейской прозой — составляла скрытую пружину развития действия.

Подчинение психологического анализа задачам социального исследования происходило и в ранних романах Оутс «Сад радостей земных»

(1967) и «Их жизни» (1969), обнаруживших самую тесную связь с идейно-художественным опытом 30-х годов. Отмеченный широким эпическим размахом, «Сад радостей земных» охватывал несколько десятилетий недавней истории Соединенных Штатов, и на его образном строе явственно сказалось влияние классиков социального романа межвоенной эпохи. Подлинный художественный эффект возникал у Оутс прежде всего там, где писательница касалась неизменно актуальной темы лишений простого народа в условиях экономических неурядиц. Негодующее эхо классической социальной прозы было слышно и в романе «Их жизни» — одном из самых ярких произведений критического реализма в послевоенной американской прозе. Ни до, ни после работы над этой книгой Оутс не удавалось столь органично слить в единое целое две стороны своей творческой самобытности — увлеченность проблемой социально-исторических судеб Соединенных Штатов и обостренный интерес к парадоксам, тайнам и «потемкам» человеческой психики.

Выросшим во времена высокой экономической конъюнктуры героям романа суждено оставаться на дне жизни в силу неизлечимой болезни духа, поразившей послевоенную Америку,— такова концепция произведения Оутс. На рубеже 50—60-х годов книги писателей старшего поколения указывали на отдельные симптомы этого недуга. В конце же десятилетия углубление общественно-политического кризиса позволило критическим реалистам выступить с более фундаментальными обобщениями.

Литературный отклик на кризисные тенденции, накапливавшиеся в различных сферах американской жизни и столь бурно проявившиеся на рубеже 60—70-х годов, получил разнообразное художественное выражение, не сводимое только к эстетике реализма. Тотальный отказ от буржуазной цивилизации декларировала и модернистская школа «черного юмора», выдвинувшая в корне отличную от реалистической идейно-эстетическую систему. Превознося этот вариант литературы абсурда, американская критика (например, редактор влиятельного ежеквартальника «Партизан ревью» У. Филлипс) утверждала, что «в наши дни буквально все приобретает приставку „анти“: антивещество, антимораль, антиидеология, антиискусство» [8]. Жизнь в послевоенной Америке, полагали «черные юмористы», мерзостна и бессмысленна, и совладать с ее хаотичностью можно лишь посредством комического гротеска, с помощью несуразности, возведенной в эстетическую категорию. В развитие этого тезиса в книгах Т. Пинчона («Радуга земного притяжения», 1973) и Дж. Хоукса («Вторая оболочка», 1964), Д. Бартельма («Белоснежка», 1967) и Дж. Барта («Козлоюноша ДЖАЙЛС», 1966) возникала полностью отличная от реалистической системы мотивировок поведения индивидуума своего рода «антивселенная», противостоящая традиционным, считающимся естественными человеческим связям. Однако действительность во второй половине XX в. представлялась «черным юмористам» именно неестественной; главным элементом их мироощущения становился «тотальный» отказ от буржуазной цивилизации, но отнюдь не во имя какого-либо иного социально-этического идеала [9].

---

[8] The American Novel Since World War II/Ed. by M. Klein. N. Y., 1969, p. 252.

[9] Подробно рассматривая произведения «черных юмористов», А. М. Зверев справедливо подчеркивал, что прозаики этого направления выступали с позиций, ти-

Неотделимые от модернизма метафизичность мышления и самодовлеющая условность изобразительных средств не предоставляли, однако, «черным юмористам» возможности пролить свет на действительные очертания затрагивавшихся в их произведениях «больных вопросов» западной цивилизации.

Следует отметить, что в ряды поборников «черного юмора» буржуазное литературоведение и по сей день зачисляет всех тех, кто прибегает в своем творчестве к условным формам, таким образом неправомерно занижая художественные возможности реализма. Между тем от правоверных «черных юмористов» необходимо отличать довольно многих писателей, в творчестве которых обращение к условности, фарсу, фантасмагории, мифологическим параллелям отвечает чаще всего сатирическим целям и в целом предстает составной частью объемного и многомерного реалистического изображения. Для прозаиков склада Дж. Хеллера и К. Воннегута тяга к парадоксу и мистификации с необходимостью вытекала из специфики осознания ими системы отношений, складывающихся в буржуазном обществе. Жизнеподобные изобразительные средства представлялись подчас недостаточными для воспроизведения всех аспектов общественных связей в искаженном, дегуманизированном мире, поэтому столь важна была роль сатирического гротеска, обнажающего подноготную социального камуфляжа.

Подсказанные опытом второй мировой войны романы «Уловка-22» Хеллера (1961) и «Бойня номер пять» Воннегута (1969) создавали гротескно-заостренную модель оппозиционных американскому истэблишменту настроений, вносили немалый вклад в антивоенное движение той поры. В отличие от присущей модернизму иррациональной зашифрованности эти произведения не утаивали от читателя источники многообразных проявлений зла в мире наживы. Свойственное Воннегуту свободное обращение со временем и пространством — нечастое, впрочем, явление среди реалистических романов США, прибегающих к использованию условных приемов. В «Уловке-22» основная система координат видимого мира сохранялась, составляя как бы общий фон для гиперболизированной художественной панорамы, концентрировавшейся вокруг образа летчика американских ВВС Йоссариана. Положительный нравственный идеал, который Хеллер в конечном счете связывал с фигурой «ненормального бомбардира», содержал в себе прежде всего резкую критику моральных и социальных язв буржуазного общества.

Эволюция в 60—70-е годы американского модернизма включала в качестве важного элемента стремление к созданию искусственных, опирающихся на «вечные сюжеты» миров, к мифологизации действительности. Однако в американской прозе воздействие мифа на реализм практически исчерпывалось одним, но показательным примером — романом Дж. Апдайка «Кентавр» (1963).

пичных для модернизма во всех его разновидностях. «На смену „бунту" Гинсберга и Керуака, — писал он, — пришло философское постижение американского опыта как совершенно абсурдного по своей сущности. На смену призывам к бегству — прямо высказанные или вытекающие из хода движения авторской мысли призывы к осмеянию всего и вся. На смену ощущению внутренней несвободы индивида — ощущение совершенной относительности норм и ценностей перед лицом высшей бессмысленности американского бытия» (*Зверев А. М.* Модернизм в литературе США: формирование, эволюция, кризис. М., 1979, с. 212).

Продемонстрированная книгой Апдайка ограниченность функциональной роли условных приемов письма лишний раз подтверждала второстепенность подобных изобразительных средств в общей палитре послевоенной художественной литературы США. Свою главную цель писатели-реалисты усматривали в выделении «генеральных линий» движения современности, в осмыслении умножающихся социально-психологических противоречий американской действительности. В нелегкой борьбе с официозными взглядами, пропагандируемыми в основном через многоликую «массовую беллетристику», а также, с другой стороны, с ультраавангардизмом контркультуры реалистическое отображение острых конфликтов современности заняло в 70-е годы важное место в идейно-художественных исканиях американской литературы.

Массовые движения рубежа 60—70-х годов всколыхнули всю страну, и уже в самом начале прошлого десятилетия американские литераторы обратились к истолкованию накопленного исторического опыта. Направленность их остро актуальных произведений свидетельствовала об убыстрившемся процессе дифференциации литературы США по идеологическому признаку. Пронизанный всеобъемлющим философским пессимизмом роман С. Беллоу «Планета мистера Саммлера» (1969) служил, по сути, косвенным оправданием конформистских настроений. Находясь в решительной оппозиции к «молодежному бунту», писатель не захотел вникнуть в смысл протеста, направленного против, согласно его же собственному выражению, «гигантских сил организованного контроля». Гораздо большая диалектичность в подходе к анализу источников развития американского общества характеризовала роман Дж. Гарднера «Диалоги с Солнечным» (1972), сочетавший жанровые черты традиционной семейной саги, трактата о нравах и теоретического диспута.

Сталкивая между собой носителей двух идеологий — шерифа в провинциальном городке и бродягу по прозвищу Солнечный, Гарднер констатировал, что провозвестник «молодежного бунта» не в состоянии различить за фасадом углубляющегося кризиса буржуазных институтов и эгоистической морали устойчивость демократических форм самосознания и общежития простых американцев. Вместе с тем эта оценка отнюдь не совпадала с основными установками делавшего в ту пору лишь первые шаги идеологического течения — неоконсерватизма. По контрасту с Беллоу Гарднер не отрицал положительного эмоционального и духовного опыта выступлений «молодых бунтарей». Призывая к диалогу между шерифом и Солнечным, писатель стремится способствовать своим талантом художника-реалиста консолидации наиболее жизнеспособных элементов американской нации.

В преддверии 200-летия образования США проблема исторических судеб американской нации пользовалась особым писательским вниманием. К этому моменту в художественной прозе все заметнее вырисовывалось стремление к охвату широких временных пластов, к философичности и эпичности. Настоятельной необходимостью становилось «обращение к истокам» — попытка, опираясь на уроки прошлого, наметить контуры мироощущения, которое могло бы сослужить полезную службу демократическим силам нации. Подспудные исторические параллели пронизывали образную структуру романов Г. Видала «Бэрр» (1973) и «1876 год» (1976), полудокументальную работу А. Хейли «Корни» (1976), но наивысший художественный результат в плане синтеза прошлого и настоя-

щего был достигнут в «Регтайме» Э. Л. Доктороу (1975) и «Осеннем свете» Дж. Гарднера (1976).

В противовес распространившемуся в 70-х годах стилю «ретро», ностальгической идеализации всего минувшего автор «Регтайма» видел в американской истории в первую очередь контрасты бедности и богатства, столкновение бесконтрольного индивидуализма с крепнущими требованиями социальной справедливости. Содержание романа, в жанровом отношении примечательного соединением традиционных повествовательных средств с приемами документалистики, получившими за последние два десятилетия широкое распространение, утверждало мысль о преемственности прогрессивных, демократических элементов общественного бытия в Соединенных Штатах. По-своему чередовал два плана изображения и Гарднер, добиваясь рельефного противопоставления двух принципиально чуждых друг другу типов действительности — уходящего своими корнями в глубь истории трудового фермерского быта и Америки наркотического угара, прожигающей духовное и моральное наследие предшествующих поколений.

Отразившееся в романах Гарднера тяготение к особой духовно-нравственной емкости художественного произведения, к насыщению его значительной философской проблематикой сделалось с середины 70-х годов одной из наиболее существенных примет американской реалистической прозы. Рядом с этим следует поставить наблюдавшееся укрепление веры в концепции изменения и развития, в идею общественного прогресса, в необходимость конструктивного подхода к насущным проблемам современности. В показательных для духовной атмосферы второй половины десятилетия произведениях Т. Моррисон («Песнь Соломонова», 1977), Дж. Херси («Ореховая дверь», 1977), Дж. Чивера («Фальконер», 1977) и других вновь отчетливо проявились две тенденции, характерные для проникнутого гуманизмом искусства на современном этапе истории Соединенных Штатов,— разоблачение пороков буржуазного общества и призыв к укреплению демократических основ национальной традиции.

Следуя в этом общем русле, реалистическая литература США характеризовалась на рубеже 70—80-х годов некоторыми новыми особенностями. Не ставя перед собой цели их детального анализа, достаточно указать на знаменательный перелом, почти одновременно происшедший в творчестве ряда крупнейших американских прозаиков-реалистов. Так, обратил на себя внимание отказ Дж. Апдайка от нарочитой камерности некоторых своих произведений, что получило веское подтверждение в его романе «Кролик разбогател» (1981), отмеченном глубоким социально-психологическим анализом сегодняшней Америки.

Во многом аналогичной явилась и эволюция Дж. Хеллера от романа «Что-то случилось» (1974) к «Великолепному Голду» (1979). После подчеркнутого микропсихологизма более ранней книги и ориентации на знакомые социологические клише писатель словно бы распахнул дверь, скрывающую за собой острые противоречия современной интеллектуальной и политической жизни. Не менее драматичный отход от сложившейся манеры продемонстрировал и К. Воннегут в «Тюремной пташке» (1979): на смену язвительной фантасмагоричности романов «Завтрак для чемпионов» (1973) и в особенности «Балаган, или Конец одиночеству» (1978), выступавшей подчас лишь своеобразным вариантом эскапизма,

пришли глубокие размышления над по-прежнему актуальными социально-политическими проблемами недавней истории Соединенных Штатов Америки.

Стремление У. Стайрона выйти в романе «Софи делает выбор» (1979) к философскому истолкованию человеческих судеб, вовлеченных в водоворот современной истории, равно как и попытка Н. Мейлера наметить в написанной на документальной основе «Песни палача» (1979) подход к развернутому социальному эпосу, было также созвучно сдвигам, коснувшимся особо чуткой к веяниям времени части американской художественной прозы. Взятый в самом общем виде пример названных произведений, рядом с которыми можно было бы поставить романы Э. Л. Доктороу «Гагачье озеро» (1980) и Дж. Ирвинга «Отель „Нью-Гэмпшир"» (1981), указывал на настойчивую тягу их авторов к более широким историческим, идеологическим, политическим обобщениям. Все ощутимее чувствовалось желание взглянуть на уже хорошо знакомые, не раз исследованные внутриамериканские проблемы в контексте тенденций и перспектив современной ситуации в целом. И это расширение исторических и географических рамок влекло за собой в ряде случаев укрупнение масштаба писательского мышления, дальнейшее обогащение идейно-эстетических возможностей литературного творчества.

Противоборство с различными течениями модернизма, продолжающееся соперничество с натурализмом, то ослабевающая, то вновь возрождающаяся перекличка с романтизмом и, наконец, тесная связь с социально-психологическим романом 20-х и особенно 30-х годов XX столетия — таковы важнейшие обстоятельства и факторы развития американской художественной литературы в послевоенную эпоху.

Нельзя утверждать, что идеи общественного служения и гуманизма целиком определяют идейно-художественный профиль того направления, что принципиально враждебно как модернизму, так и стереотипам «массовой культуры» буржуазного общества. И в произведениях значительных художников-реалистов США подчас дают себя знать и политическая предубежденность, и неоправданный пессимизм, и чрезмерное увлечение формальным экспериментом. Однако принятие демократической интеллигенцией США главного критерия гражданского подхода — ответственности перед интересами трудящихся масс способствует, несмотря на противоборствующие влияния, сохранению и укреплению в современной литературе США гуманистического миросозерцания и традиций реалистического изображения.

2. ОБЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИСКУССТВЕ

Американское искусство рассматриваемого периода развивалось в сложной общественно-политической обстановке. Сразу после войны, в первое послевоенное десятилетие, правые круги повели наступление на демократические прогрессивные силы в стране, что имело отрицательные последствия для всей художественной культуры США. В ней усилилась апология существующей социально-экономической и политической системы, откровенно консервативно-охранительные мотивы. В наиболее концентрированной форме они утверждали себя в потоке коммерческого искусства среднего уровня (которое американцы иногда

называют популярным)[10] и особенно крикливо и откровенно шовинистически — в «массовой культуре»[11].

«Большой бизнес» полностью господствует в «массовой культуре», но его давление испытывают и другие течения американской художественной культуры. Это давление многопланово и распространяется широко. Оно направляется через издательства, радио, телевидение, кино, через частные фонды и государственные учреждения, осуществляющие патронаж над художественным творчеством путем установления и выдачи субсидий, стипендий и премий. Бывают периоды, когда в отношении мастеров искусств осуществляется и прямое репрессивное давление,— так было в годы маккартизма. Однако подлинное искусство оказало противодействие политической реакции, и это стало одним из немаловажных факторов, подготовивших новый общественный демократический подъем с середины 50-х годов.

В условиях послевоенной Америки искусство, пытающееся осмыслить новые исторические явления и критически относящееся к устоям современного буржуазного общества, оказалось в своем большом потоке под влиянием философии пессимистического иррационализма и особенно ее либерального ответвления — экзистенциализма[12]. Это влияние соединилось с традиционным американским индивидуализмом, а также с приверженностью к библейско-притчевой тематике и образности, свойственным издавна американскому искусству. Существенную роль играло и увлечение фрейдистским учением психоанализа, к которому постоянно тяготеет американское искусство.

Для 50—60-х годов в очень большой мере была характерна вспышка анархизма. Это явление еще более было подчеркнуто движением контркультуры, в котором стремление к социальному в анализе явлений общественной жизни выступало в стертой, нередко противоречивой форме. Совершенно новым в искусстве США стало возникновение течения, проникнутого нигилизмом, воинствующе асоциального. Оно пережило пик своего развития во второй половине 60-х годов.

Образы и темы, отражающие верность борьбе за права и гражданские свободы, борьбе против войны и расизма, против соединенной силы «большого бизнеса», бюрократического аппарата и военщины, несло социально-критическое искусство, которое отличалось и отличается значительным интересом к общественным явлениям как таковым, стремлением выявить и отобразить характерные черты и особенности эпохи.

С начала 70-х годов, когда США оказались ввергнутыми в каскад тяжелых экономических, социальных и международных кризисов, обозначилось стремление американского искусства вновь «пережить» и осмыслить исторический опыт прошлого. Так возникла и нашла свое отражение в произведениях искусства потребность вернуться к «корням», отделить зерна от плевел, найти в прошлом США (для одних это —

---

[10] Подробнее см.: *Туганова О.* Некоторые вопросы типологии течений в культуре современного буржуазного общества.— Вопр. философии, 1977, № 8, с. 54—62.

[11] Этим термином в советской научной литературе принято обозначать поток массового стандартизированного искусства, наиболее низкопробный и наиболее сближенный с миром наживы и его институтами.

[12] *Хассан И.* После 1945.— В кн.: Литературная история Соединенных Штатов Америки. М., 1979, т. 3, с. 553—554.

XVIII и XIX вв., для других — 30-е годы XX в.) то, что может стать опорой движения вперед.

Прогрессистско-демократическое искусство, тяготеющее к социально-классовому подходу в отображении жизненных явлений, несмотря на трудности и гонения, на протяжении всех послевоенных лет продолжало развиваться и вести борьбу за свои идеалы. Говоря об этом течении в художественной культуре США, следует помнить ленинские слова относительно того, что «в *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса» [13]. Представители этого течения даже в условиях маккартизма отстаивали традиции гуманизма и интернационализма, открыто и мужественно выступали против политической реакции.

Особо следует отметить вклад в культурную жизнь страны искусствоведения марксистского направления. В 40—50-х годах вышел ряд интересных и содержательных работ писателей, публицистов и теоретиков искусства, стоящих на позициях марксизма либо близких к нему: В. Джерома «Культура в меняющемся мире. Марксистский подход» (1947) и «Овладей оружием культуры» (1951); Дж. Г. Лоусона «Скрытое наследство» (1950) и «Кинофильмы в борьбе идей» (1953); С. Финкельстайна «Искусство и общество» (1947), «Как идеи выражаются в музыке» (1952), «Реализм в искусстве» (1954) и др. Мастера культуры прогрессивно-демократического направления активно отстаивали свои философско-эстетические воззрения и в 60—70-е годы. В 1969 г. появилась антология «Нью мэссиз», содержащая публикации этого журнала марксистского направления за 1934—1940 гг.[14] Вышли в свет работы Г. Лероя, Ф. Боноски. Была написана специально для издания на русском языке книга Ф. Боноски «Две культуры» [15].

Искусство неотделимо от процессов общественного развития, от общественной мысли, от борьбы социально-классовых сил. Вместе с тем рассмотрение проблем искусства непременно предполагает и рассмотрение эстетических представлений в их эволюции — явлений и процесса также исторических и также весьма сложных. В этой связи необходимо отметить, что большое распространение и влияние в художественной культуре послевоенной Америки получили модернистское, а также постмодернистское художественные течения [16], которые во многом имеют своими истоками разновидности модернизма конца XIX — начала XX в. В них преломились критическое отношение к отдельным сторонам жизни буржуазного общества и одновременно — что и тогда, и в наше время являлось и является основной слабостью модернизма — игнорирование социально-экономических закономерностей общественного развития, а также выдвижение на первый план психологизма и подсознания либо, напротив, натуралистично преподнесенного предмета, явления.

---

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 120.

[14] New Masses. An Anthology of the Rebel Thirties/Ed. with a Prologue by J. North. N. Y., 1969.

[15] Культура и общество: Марксистская литературно-художественная критика США. М., 1976; *Боноски Ф.* Две культуры. М., 1978. Ф. Боноски — писатель и публицист, в 1968—1974 гг. возглавлял отдел культуры газеты «Дейли уорлд».

[16] *Туганова О.* Постмодернизм в американской художественной культуре и его философские истоки.— Вопр. философии, 1982, № 4, с. 122—128.

Марксистская мысль США уделяла большое внимание анализу и критике идеалистической философии эстетики[17]. В послевоенные годы американские марксисты и критики прогрессивного направления много сделали для раскрытия сложного и противоречивого характера модернизма, показали необходимость его многостороннего анализа, предостерегая против упрощенных оценок. В этом отношении они уточняли и корректировали и некоторые свои прежние суждения[18], в частности был сделан вывод о том, что и реализм может прибегать к многообразию стилевых форм. Подчеркивалось вместе с тем, что формалистический эксперимент ради эксперимента не только не обогащает искусства, но и наносит ему прямой ущерб, разрушает его[19].

3. ДРАМАТУРГИЯ И ТЕАТР

В драматургии США послевоенного времени особое направление образуют произведения, в которых центральное место занимает показ отчуждения человека, вступившего в конфликт с общественными нравами, нормами и структурами, в рамках которых проходит его существование[20]. Человек показан несчастным и мятущимся, лишенным возможности достичь взаимопонимания с другими людьми. Звучит тема постоянного (на протяжении всей истории) противостояния ищущей человеческой мысли политическому и идеологическому нажиму, осуществляемому как власть имущими, так — и это традиционный мотив американского искусства — и обывателем. «Оружие» страдающего героя — стоицизм, романтическая надежда (чаще всего становящаяся иллюзией), скепсис. Эти черты присущи творчеству крупнейших драматургов послевоенной Америки — Максуэлла Андерсона, Артура Миллера, Теннесси Уильямса, Эдварда Олби.

М. Андерсон (1888—1959) — видный представитель американской романтической драмы, приверженец принципа морального стоицизма — создал в 40—50-е годы пьесы, получившие название «трагедий ереси»: «Жанна Лотарингская» (1946), «Босоногий в Афинах» (1951). Последняя была создана уже в период разгула маккартизма. Его перу принадлежит также антирасистская пьеса «Затерянные среди звезд» (1949). В пьесах Андерсона независимый человеческий дух, свобода человеческой мысли прославлялись как силы, движущие жизнь и историю. В них звучат иронический скепсис, мрачный фатализм и одновременно романтическая патетика.

А. Миллер (р. 1915) в 1947 г. создал пьесу «Все мои сыновья», в которой развенчал «этику» погони за наживой, вывел образ хищника-бизнесмена. В пьесе «Суровое испытание» (1953, в русском переводе —

---

[17] Marxism and Alienation. A Symposium/Ed. by H. Aptheker. N. Y., 1965; *Finkelstein S.* Existentialism and Alienation in American Literature. N. Y., 1965; *Lowenfels W.* The Revolution is to be Human. N. Y., 1973.

[18] *Лоусон Дж. Г.* Заметки об американской культуре (1967).— В кн.: Писатели США о литературе. М., 1974; *Лерой Г.* Марксизм и современная литература.— В кн.: Культура и общество. М., 1976.

[19] *Гайсмар М.* Американские современники. М., 1976, с. 309.

[20] Об американской драматургии 40—60-х годов см., например: *Злобин Г. Н.* Современная драматургия США; *Ромм А.* Американская драматургия первой половины XX в. Л., 1978 и др.

«Сейлемские колдуньи») Миллер, взяв за основу сюжета процесс над «ведьмами» 1692 г., выразил протест против гонений на «инакомыслие» в США. Это была важная тема, а ее выбор говорил о том, что гражданская позиция самого автора отличалась смелостью.

Вместе с тем следует отметить, что в пьесах Миллера, написанных после войны, все сильнее звучат мотивы «всеобщей вины», «первородного греха», причем зло предстает в них не как социальное зло, но как некий метафизический и мистический абсолют (пьесы «Суровое испытание», «Смерть коммивояжера»). Пессимизм свойствен его пьесам «Вид с моста» (1955), «После падения» (1964), «Это случилось в Виши» (1965). Впрочем, это не помешало Миллеру поддержать позицию тех, кто выступал за противодействие наиболее реакционным и агрессивным тенденциям в политике правительства США. Он, например, открыто и резко осудил агрессию во Вьетнаме.

Одна из последних пьес А. Миллера — «Американские часы. Стенная роспись для театра» (1980) рассказывает о детстве и юности автора, о 30-х годах — времени тяжелейшего в истории США экономического кризиса. Герои пьесы — молодые люди, симпатизировавшие деятельности левых сил. Этой пьесой Миллер как бы возвращается к тому взгляду на мир, который был характерен для него до середины 40-х годов. Пьеса вызвала критическую реакцию «большой прессы» и очень скоро сошла со сцены. «Постановка пьесы, в которой герои не только произносят слова, но и мыслят, почти невозможна на Бродвее»,— сказал А. Миллер в интервью, данном «Литературной газете» [21].

В послевоенное время приобрел широкую известность и в США, и за их пределами Т. Уильямс (1914—1983). Сила его пьес в ярких образах людей, помещенных в критическую ситуацию. Они пытаются вернуть прошлое или построить свое будущее, отличающееся от вульгарного, низменного настоящего, но их иллюзии рушатся. Уильямс как бы продолжает лейтмотив классика американской драматургии О'Нила: человек может быть счастлив только в мире иллюзий, но мир этот рушится. В центре пьес Уильямса «Стеклянный зверинец» (1945), «Трамвай „Желание“» (1947), «В баре Токийского отеля» (1969) — одинокий человек, беззащитный, терпящий поражение в мире потребительства, насилия и жестокости, он обречен на бесплодное отчаяние. Этот центральный персонаж несет ущербные черты и в себе самом — совершает безнравственные или даже преступные поступки, находится на грани психической патологии, становится жертвой не только внешних обстоятельств, но и своих собственных слабостей, иллюзий или вины.

Стиль пьес Уильямса часто называют стилем «концентрированной жестокости» из-за приверженности драматурга к натуралистическому показу патологического насилия. Таковы пьесы «Садовый округ» (1958), «Сладкоголосая птица юности» (1959), «Бешеная мелодрама» (1966). В них царит атмосфера неврастении и увядания. Однако, рисуя ужас бытия, Уильямс рисует и «взрывчатое» сознание. Его герои не покоряются, не подчиняются нормам, навязываемым им обществом. Они всегда пытаются спасти свое достоинство, даже тогда, когда их поражение неизбежно, даже когда они сами заражаются безумием окружающего мира.

[21] Лит. газ., 1984, 14 марта, с. 15.

В глубине сюжета пьес Уильямса заложены социальные мотивы. Политический мотив звучит в пьесах «Орфей спускается в ад» (1957) и «Сладкоголосая птица юности» (1959). В них выведены образы фашиствующих политиканов. В 1975 г. Уильямс написал свою первую политическую пьесу «Красное, дьявольское, батарейное клеймо». В пьесе отражена атмосфера конца 60-х годов: героиня пытается расстроить замыслы владельцев военных концернов, действующих против интересов страны, это ей не удается, она бежит и присоединяется к группе молодых радикалов.

Западноевропейский «театр абсурда» оказал свое влияние — и немалое — на американских драматургов. Это сказалось на пьесах А. Миллера и — гораздо сильнее — на творчестве Эдварда Олби и Артура Копита — молодых драматургов, выступивших со своими пьесами на рубеже 50—60-х годов. Первые четыре короткие пьесы Олби (р. 1928) были поставлены в 1960 и 1961 гг. Затем вышла пьеса «Кто боится Вирджинии Вульф?» (1962), близкая по мотивам и художественной манере Т. Уильямсу. Ее герои ищут самоутверждения, истязая друг друга. Во многих пьесах Олби звучат мотивы исчерпанности возможностей как личности, так и общества, мотив одиночества, медленного умирания, непонимания людьми друг друга и крайнего эгоизма. Хотя Олби находится под сильным влиянием «театра абсурда», тем не менее он не привержен идее создания искусственной обобщающей ситуации-схемы. Его пьесы населены живыми людьми и реальными жизненными ситуациями.

В 60-х годах Олби считался самым крупным американским драматургом. Рядом с ним часто ставили Артура Копита (р. 1938), совершившего эволюцию от абсурда к социально-критическим мотивам. Одной из первых пьес Копита, имевшей успех, были «Индейцы» (1968). В ней драматург развенчал миф о «герое-рыцаре» Дальнего Запада. По его собственным словам, он счел необходимым сделать это после политических убийств, потрясших Соединенные Штаты в 60-х годах [22].

Весьма разнообразной была театральная жизнь (за вычетом Бродвея). Бродвей, став главным центром коммерческих театров, ориентированных на прибыль, сделал своей основной продукцией мюзиклы. Но были другие театры, ставившие произведения серьезных современных драматургов наряду с классическим репертуаром. Это, например, «Ассосиэйшн оф продюсинг артистс» в Нью-Йорке, созданная в 1960 г. Э. Раббом; «Акторс студио» в Нью-Йорке, созданная в 1947 г. Э. Казаном и Л. Страсбергом; «Арена стэйдж» в Нью-Йорке, созданная в 1949 г.; «Линкольн сентер репертори Компани» и «Паблик тиэтр» в Нью-Йорке, созданный Дж. Паппом в 1967 г. С 1954 г. Папп проводил нью-йоркские Шекспировские фестивали. Оживились региональные театры. Можно назвать «Даллас тиэтр сентер», «Акторс тиэтр» в Луисвилле, «Акторс уоркшоп» в Сан-Франциско, «Аллей тиэтр» в Хьюстоне, «Марк Тэйпер форум» в Лос-Анджелесе. Возникла Ассоциация постоянных университетских театров, которая объединила более 40 трупп — от состоящих только из профессиональных актеров до тех, что состояли из любителей-студентов.

Расцвет театральной деятельности «вне Бродвея» и «вне-вне Бродвея» падает на 60-е годы [23]. Большим успехом пользовался «Открытый те-

[22] Times, 1968, June 22, p. 21.
[23] *Brockett O. G.* History of the Theatre. Boston, 1982, p. 703.

атр», основанный в 1963 г. Питером Фельдманом и Джозефом Чайкиным и просуществовавший до 1974 г. «Открытый театр» активно вводил в свою работу ролевую теорию и теорию игр, в соответствии с которыми реальность постоянно изменяется, а люди берут на себя ту или иную роль или выходят из нее в соответствии с изменяющимися условиями, в которые они поставлены.

В «Открытом театре» драматург обычно представлял набросок пьесы, разработку сцен, положений и психологических мотивов, а актеры, отправляясь от этой основы, импровизировали. Драматург затем принимал то, что ему казалось удачным. Заметным явлением, например, была постановка пьесы Меган Терри (р. 1932) «Вьет Рок» (1966) — об ужасах войны во Вьетнаме. «Открытый театр» осуществил также постановку пьесы «Змея» (1969) Жан-Клода Ван Италли (р. 1936).

Традиции социального театра в первые послевоенные годы были продолжены в пьесах А. Лоренса (р. 1920), Л. Хелман (1905—1984), Б. Стейвиса (р. 1907). Появились пьесы, осуждавшие расизм («Дом для храбрых» А. Лоренса, 1945; «Глубокие корни» Дж. Гоу и А. Д'Юссо, 1946). Социальную и моральную деградацию мира плантаторов на Юге убедительно нарисовала драматург Л. Хелман, следуя при этом привычной для произведений литераторов Юга схеме «преступление — наказание — искупление вины» (дилогия: пьесы «Лисички» (1939) и «За лесами» (1946) — последняя в русском переводе «Леди и джентльмены»).

Творчеству Хелман соответствовала и ее гражданская позиция. Ее жизненный путь — это путь писателя-антифашиста. В 1936 г. Хелман отправилась в Испанию. Она оказала большую помощь голландскому кинорежиссеру-документалисту Иорису Ивенсу в съемках фильма «Испанская земля». Вернувшись в США, Хелман участвовала в кампании солидарности с испанскими республиканцами. В годы разгула маккартизма в США Хелман открыто выступила с осуждением неистовств реакции, и после 1951 г. ее произведения долго не появлялись на театральных подмостках, в кино и т. д. Она была лишена возможности издавать произведения под своим именем. Лишь в 1960 г. Хелман снова вернулась в драматургию: вышла в свет ее пьеса «Игрушки на чердаке», а также вновь поставлены пьесы «Лисички» и «Кандид».

Существенное значение для развития социально-критического направления имело творчество Б. Стейвиса. Его пьесы имели немалый успех, что сам Стейвис в 1978 г. назвал «одним из парадоксов современной американской культурной ситуации» [24]. Б. Стейвис — в прошлом корреспондент при интербригадах в Испании. В нескольких его пьесах рассказывается о гражданской войне в Испании и об интербригадах.

Агрессия во Вьетнаме вызвала осуждение со стороны многих представителей творческой интеллигенции США. Как результат на протяжении 60—70-х годов увидели свет пьесы, выражавшие протест против военных авантюр, против милитаризации страны и системы массовой бруталиации — превращения молодых американцев в «машины для убийства». К числу такого рода произведений принадлежали остросатирическая фарсовая комедия Ж. Фейффера «Убийство в Белом доме»; пьеса Дж. Табори «Пинксвиль» (1971), «сердитые пьесы» Д. Рейба:

---

[24] Иностр. лит., 1978, № 11, с. 256.

«Начальная подготовка Пола Хаммеля» (1971) и «Костыли и кости» (1972), пьеса Д. Берригана «Суд над Катонсвиллской девяткой» (1971).

Социального направления придерживался внебродвейский «Паблик тиэтр» Дж. Паппа (р. 1921)[25]. Именно Папп поставил пьесы Рейба «Начальная подготовка Пола Хаммеля» и «Костыли и кости». Первая из них показывает, как молодого, наивного и патриотически настроенного солдата превращают в машину для убийств. В «Костылях и костях» (в русском переводе и постановке в СССР «Как брат брату») центральный образ — слепой солдат, вернувшийся с войны во Вьетнаме. Третья пьеса Рейба — завершение трилогии — «Парашют мой, раскройся!» (1976). Время действия пьесы — самое начало войны во Вьетнаме. Через образы действующих лиц в ней показано, как велика цена, которую приходится платить нации, когда она позволяет вовлечь себя в несправедливую, агрессивную войну.

Явлением, отличающим театр 70-х годов от 50—60-х, стало то, что в нем зазвучала рабочая тема. На Бродвее был поставлен в 1978 г. спектакль по книге С. Тёркела «Работа» — репортаж о жизни 40 рабочих разных профессий в Чикаго. Основная идея спектакля в том, что быть рабочим — это честь, что американские трудящиеся сохранили верность демократическим традициям, что трудом и единством действий людей труда мир может быть изменен к лучшему. Осенью 1979 г. Папп поставил пьесу Т. Бейба «Силуэт Солт-Лейк-Сити» — о Джо Хилле, легендарном рабочем певце и профсоюзном организаторе (в связи со 100-летием со дня его рождения). В США и во многих других странах был возобновлен спектакль по пьесе Б. Стейвиса о Джо Хилле — «Человек, который никогда не умирал» (1954).

В театре «вне Бродвея» и на Бродвее в послевоенные годы были поставлены пользовавшиеся успехом пьесы ряда негритянских авторов[26]: Дж. Т. Уорда «В нашей стране» (1947) — о черных вольноотпущенниках после гражданской войны; Л. Петерсона «Сделай гигантский шаг вперед» (1953) — о жизни черных на Севере; Ч. Сибри и Г. Джона «Миссис Паттерсон» (1954) — о мечтах негритянской девочки; У. Бранча «Великолепная ошибка» (1954), рисовавшая один из эпизодов жизни Фредерика Дугласа. Видным драматургом остросоциального и гуманистического направления стала рано умершая Лоррейн Хенсберри (1930—1965). Ею были написаны пьесы «Изюминка на солнце» (1959) и «Плакат в окне Сиднея Брустейна» (1964). Первая пьеса — о мечтах обитателей черных гетто и о крахе этих мечтаний. Вторая, по сути дела, полемизирует с представлением о человеке как всего лишь бессильной игрушке обстоятельств. Человек может и должен отстаивать свой идеал, утверждать свою волю — таков лейтмотив пьесы. К числу известных негритянских драматургов, чьи пьесы ставились в послевоенные десятилетия, принадлежат также Осси Дэвис, Алиса Чайлдресс, Лофтен Митчелл, Гэс Эдвардс, Адрианн Кеннеди, Лонн Элдер, Винетт Кэррол и др.

После 1945 г. американский профессиональный театр дал много интересных режиссеров, значительным было и число талантливых театраль-

[25] В 50-е годы Папп подвергся преследованиям и был уволен «Коламбиа бродкастинг корпорейшн» за отказ сотрудничать с комиссией по расследованию антиамериканской деятельности.

[26] The Black American Writer, Poetry and Drama/Ed. by C. W. E. Bigsby. Baltimore, 1971, vol. 2, p. 122—125.

ных актеров — Ширли Найт, Джеральдина Пейдж, Дрю Снайдер, Морин Стэплтон, Элизабет Эшли, Колин Дьюхэрст, Барбара Бел Геддес, Джек Николсон, Розмари Харрис, Джина Роулендс, Ким Стэнли. На театральной сцене играли и играют многие актеры кино.

В 60-х годах в атмосфере подъема общедемократических движений развернулось движение любительских студенческих, народных, а также рабочих театров [27]. Оно продолжалось в 70-е годы. Темы пьес любительских и народных театров — жизнь и борьба американских трудящихся в прошлом и настоящем. Многие из этих пьес написаны малоизвестными авторами-любителями или являются коллективным творением. В постановках этих театров звучали мотивы борьбы против преследований инакомыслящих при маккартизме, борьбы женщин против фашизма (например, пьеса «Ткачихи» Нины Серрано и Джудит Биндер, показывающая подлинную историю двух женщин, посвятивших жизнь борьбе с фашизмом в гитлеровской Германии и в Чили), против расизма (документальная драма Н. Фентона и Дж. Блэра «Следствие по делу Бико» — о борьбе с режимом апартеида в ЮАР), против войны и агрессивной внешней политики империализма США.

4. КИНО

Американская кинопромышленность продолжала и в послевоенные годы заниматься поточным производством фильмов сентиментально-мелодраматических, развлекательных, а также фильмов, воспевающих «американский образ жизни». Продюсеров и режиссеров неизменно привлекала тема гангстеров и проницательных сыщиков. Кино- и телеэкран во второй половине 40-х и начале 50-х годов заполонили антикоммунистические и антисоветские поделки. Однако в лучших своих произведениях американское кино весьма реалистически отображало — особенно в годы подъема общественно-демократического движения — жестокие нравы мира наживы, насилия и коррупции. Сыграл свою роль — в положительном для искусства кино смысле — удар по голливудской системе, нанесенный решением Верховного суда США о разъединении владения производством и прокатом картин (1949). «Большая девятка» кинокомпаний не могла больше беспрепятственно оказывать противодействие производству и прокату фильмов, созданных вне ее студий. Импульсом для оживления деятельности кино была и возникшая после войны конкуренция с телевидением вплоть до того времени, когда Голливуд прибрал к рукам производство телевизионных фильмов.

Значительное место в современном американском кино, не относящемся к сфере массовой культуры, занимают фильмы, предупреждающие о правой опасности, и фильмы, продолжающие традиции «разгребателей грязи»: антивоенные, антимилитаристские, вскрывающие подоплеку агрессивных внешнеполитических авантюр империализма США. Мотив, предупреждающий об опасности обывательского равнодушия, дающего дорогу реакционным силам, не мог быть открыто выражен во времена маккартизма. Однако даже в эти тяжелые годы вышел в свет фильм Фрэда Циммермана (р. 1907) по сценарию Карла Формэна (р. 1914) «В самый полдень» (1952). Смысл этого фильма читался довольно ясно, он

[27] *Nathan C. J.* The Popular Theater. N. Y., 1971; Daily World, 1975, May 1.

был навеян жизненным опытом Формэна, имя которого во времена маккартизма было занесено в «черные списки».

В 1962 г. на экраны вышел знаменитый «Нюрнбергский процесс» Стэнли Креймера (р. 1913) — яркое обличение фашизма как явления, глубоко чуждого цивилизованному обществу. В 1964 г. вышел фильм «Семь дней в мае» Дж. Франкенхаймера (р. 1930) — об угрозе фашистского переворота в США. Косность, приспособленчество обывателя бичуются в фильме «Погоня» (1966) А. Пенна (р. 1922) по сценарию Л. Хелман.

Антифашистская тема и в 70-е годы в немалой степени занимала американское кино. В 1972 г. вышел антифашистский фильм Боба Фосса (р. 1927) «Кабаре» — о Германии начала 30-х годов. В фильме С. Поллака (р. 1934) «Какими мы были» (1973) рассказывается о кинодраматурге и близкой ему женщине-коммунистке. Оба они подверглись преследованиям во времена маккартизма. Мартин Ритт (р. 1920), в свое время также попавший в «черный список» маккартистов, сделал фильм «Фронт» (1976) (на экранах в СССР шел под названием «Подставное лицо»). В создании фильма участвовали несколько других кинематографистов, подвергшихся преследованиям во времена маккартизма. В фильме в яркой публицистической форме рассказывается о преследовании инакомыслящих в середине 50-х годов.

В 1977 г. на экраны вышел фильм «Джулия», снятый режиссером Ф. Циммерманом с участием актрисы Джейн Фонда и английской актрисы Ванессы Редгрейв. Эта лента была сделана по одной из глав автобиографии драматурга Лиллиан Хелман. Фильм рассказывает о героической антифашистке — подруге Хелман, погибшей в гитлеровской Германии, и о попытке Хелман спасти ее. В начале 80-х годов внимание публики привлек фильм «Фрэнсис», повествующий о судьбе актрисы, затравленной реакцией за приверженность левым взглядам. В основу фильма положена биография реального лица — известной в 30—40-х годах американской актрисы Фрэнсис Фармер. Антифашистскую тему продолжил вышедший в 1983 г. фильм А. Пакулы (р. 1928) по роману У. Стайрона «Софи делает выбор».

Немалое место в американском послевоенном кино занимали фильмы о военной угрозе, фильмы антимилитаристские. Такие фильмы составляли целое направление. Уже вышедший в 1959 г. фильм С. Креймера «На последнем берегу» (главного героя играл известный киноактер Грегори Пэк) предостерегал в отношении гибельных последствий возможной ядерной катастрофы. К жанру антивоенной сатиры принадлежат картины Стэнли Кубрика (р. 1928) «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал тревожиться и полюбил атомную бомбу» (1964) и «Уловка-22» по книге Дж. Хеллера (1970) режиссера М. Николса (р. 1913). Во второй половине 60-х—70-е годы таких фильмов появлялось все больше, что было вызвано подъемом протеста против агрессивной войны США во Вьетнаме. Эти фильмы изобличали зверства американской армии, разлад, который внесла и обострила война в американском обществе. Одним из самых серьезных критических фильмов о войне во Вьетнаме была лента «Возвращение домой» (1976) режиссера Х. Эшби (р. 1936).

Среди антивоенных фильмов, вышедших на экраны США в 70-х годах, были и такие, в которых акценты расставлены недвусмысленно. Однако вряд ли они составляли большинство. Доминировали фильмы, неод-

нозначные по своим подходам, концепциям и художественной ценности. К их числу принадлежит и фильм Ф. Копполы (р. 1939) «Апокалипсис сегодня» (1979), снятый в натуралистической манере и показывающий войну как сумасшествие, как порождение иррациональных сил [28]. В 1977 г. появился фильм «Штайнер — железный крест» режиссера С. Пекинпа (р. 1925), в котором обличение гитлеризма сочеталось с похвалой благородному герою вермахта. Это не случайный мотив, имея в виду военный союз между США и ФРГ. В том же 1977 г. вышел фильм «Слишком длинный мост», показывающий провал наступления союзников в Арденнах в сентябре 1944 г. Фильм рекламировался как антивоенный, и во многих его кадрах действительно показаны жестокости войны и тупость генералов. Однако подтекст фильма таков: если войны неизбежны, то в этом виновен сам человек, поскольку он является биологическим существом, несущим в себе агрессивную наследственность.

И все же можно сказать, что антивоенные и антимилитаристские мотивы звучат в американском киноискусстве 60—70-х годов и начала 80-х (за вычетом той его части, которая должна быть отнесена к «массовой культуре») весьма ярко и определенно. Против возбудителей страха и ненависти по отношению к Советскому Союзу был направлен фильм-комедия Н. Джюисона (р. 1926) «Русские идут! Русские идут!» (1966). Фильм режиссера Р. Споттисвуда (1913—1970) «Под огнем» (1983) рассказывает с симпатией о сандинистской революции в Никарагуа. Фильм «Пропавший без вести» (1982) — гневное обвинение силам, способствовавшим осуществлению фашистского переворота в Чили в 1973 г.

Американское кино затрагивало и тему политических нравов, господствующих в американском обществе. Так, фильм Ф. Шеффнера (р. 1920) «Самый достойный» (1964) разоблачал закулисную сторону президентских выборов. Сценарий этого фильма создал Гор Видал по мотивам написанной им пьесы. Серия политических убийств 60-х — начала 70-х годов в США также не могла не найти отклика в кино. Истории подготовки убийства президента Джона Кеннеди был посвящен, например, фильм «Исполнительная акция» (1973) Д. Миллера (р. 1909). В 1974 г. вышел на экраны острый политический фильм-памфлет Ф. Копполы (снятый им на собственные деньги) «Разговоры» — о служащем тайного сыска, специалисте по акустической электронной аппаратуре, занимающимся по долгу службы прослушиванием телефонных разговоров. Голливудские прокатные компании бойкотировали этот фильм, и он быстро сошел с экранов. Тайные операции и преступления, совершаемые ЦРУ, изобличались в фильмах «Три дня Кондора» (1975) С. Поллака и «Принцип домино» (1976) С. Креймера.

Социально-критические мотивы звучали и в некоторых других фильмах. Таковы, например, кинокартины «Вестсайдская история» (1961) Р. Вайза (р. 1914) и Дж. Роббинса (р. 1918), «Бонни и Клайд» А. Пенна (1967), «Крестный отец» (2-я серия, 1975) Ф. Копполы и др. Режиссер Ф. Коппола определил свой фильм «Крестный отец» так: «В этом фильме я хотел показать мафию как метафору Америки» [29]. Следует напомнить, что и фильм «Самый достойный» Ф. Шеффнера также давал возможность увидеть в мафии метафору истэблишмента — деятельности

---

[28] *Каграманов Ю.* Кто готовит апокалипсис.— Иностр. лит., 1985, № 8, с. 219.
[29] США — экономика, политика, идеология, 1977, № 1, с. 51.

монополий и государственного механизма. Возникает в кино и другая метафора: психиатрическая клиника — аналог «больного общества», каким видятся Соединенные Штаты многим художникам. Эта мысль заложена и в фильме М. Формана (р. 1932) «Пролетая над гнездом кукушки» (1975) по роману Кена Кизи.

Таким образом, политическая тема продолжала звучать в кино США. Художественные достоинства этого рода фильмов порой бывают весьма высоки, однако в большинстве случаев в них мистифицируются истинные причины происходящего. Лейтмотивом в них звучит, как правило, тема о том, что судьбами общества и людей распоряжаются некие скрытые, неопознанные силы, а логика преступных действий этих сил недоступна пониманию обычных людей и неподвластна их контролю и воздействию.

В 60—70-е годы в кинематографе США возник поток фильмов, отличающихся особенно мрачным, пессимистическим взглядом на жизнь. Их персонажи нередко безумны или полубезумны, тогда как в окружающем мире царит иррациональность. Человек в этих фильмах показан нередко как воплощение чудовищно жестоких инстинктов — и в этом якобы причина всех социальных зол. Крупные мастера отдали дань этому взгляду на мир. Таковы фильмы С. Креймера «Безумный, безумный, безумный мир» (1963) и «Корабль дураков» (1965) по роману К. Портер. Пессимистическую дилогию снял С. Кубрик: «2001 год: Космическая Одиссея» (1969) и «Механический апельсин» (1971). Оба фильма несут в себе мысль о том, что ничто не может побороть врожденную склонность человека к жестокости. К этому же роду кинопроизведений принадлежат появившиеся на экранах в 70-х годах фильмы-катастрофы, показывающие стихийные бедствия и всякого рода аварии: «Аэропорт» (1970) Дж. Ситона (1911—1979), «Аэропорт» (1974) Дж. Смайта (р. 1926), «Приключения Посейдона» (1972) Р. Нима (р. 1911) и др.

В лучших произведениях современного американского кино переплетаются разные линии: изобличение бездуховности и жестокости общества, преступных правителей и созданных ими учреждений, осуждение расизма.

Приметным явлением стало в первые послевоенные годы отражение жизни индейцев и черного населения страны. Правда, и раньше американское искусство изображало благородных «краснокожих», однако при этом если на экране и появлялся привлекательный образ индейца, то ему соответствовали или даже превосходили его белые герои. Послевоенный же вестерн становится, по сути дела, антивестерном [30]. Во многих фильмах этого плана стала изображаться достоверно, а не лубочно жизнь индейцев, их нравы и обычаи. Это относится прежде всего к фильмам «критического десятилетия» (60-е годы), в которых слышался протест против порочной социальной системы, превратившей в ад жизнь коренных жителей Америки. Это фильмы А. Манна (1906—1967) «Ворота дьявола» (1950), «Жестяная звезда» (1957), «Симаррон» (1960), фильм А. Пенна «Маленький большой человек» (1970), «Осень шайенов» (1964) Дж. Форда (1895—1973) и др. Режиссер Р. Нелсон (р. 1916), сделавший антивестерн «Голубой солдат» (1970), говорил, что связывает

---

[30] *Карцева Е. Н.* Вестерн: Эволюция жанра. М., 1976.

мотивы своего фильма с фактами истребления американскими солдатами мирного вьетнамского населения [31].

Антивестерны усилили линию Ф. Купера, соединявшего благородных индейцев с «аутсайдерами», бежавшими от презираемого ими общества. Но в изображении негритянских персонажей американское киноискусство, как и вообще все искусство США, пережило после второй мировой войны еще более заметные изменения, и дело не только в том, что они все чаще стали наделяться привлекательными чертами. В фильмах на негритянскую тему стала более остро ставиться расовая проблема в США. К этому ряду фильмов могут быть отнесены «Пинки» (1949) Э. Казана (р. 1909). В 1958 г. вышел фильм «Гигантский шаг вперед» — экранизация пьесы «Изюминка на солнце» Л. Хенсберри. В 1958 г. на экраны вышел фильм режиссера С. Креймера «Скованные одной цепью», сразу ставший заметным явлением в развитии негритянской темы. В этом фильме бежавшие из заключения белый и черный скованы одной цепью, что как бы символизировало неразрывность судеб черного и белого населения США. Остросоциальные темы были подняты и в фильме «Черный, как я» (1964). Герой фильма, белый, искусственно меняет цвет кожи и, путешествуя по южным штатам, на собственной судьбе познает, что значит быть черным в Соединенных Штатах [32].

Кино, конечно, не могло остаться вне влияния движения контркультуры 60-х годов. Оно даже более, быть может, чем другие сферы искусства, показывало и утверждало стиль жизни контркультуры, ее идеи и фетиши, тем самым пропагандируя их в виде некоего эталона. В таких фильмах выводились бунтари-бродяги, постоянно находящиеся «в дороге» (как и персонажи литераторов-битников, таких, как Джек Керуак). К фильмам, отразившим дух и стиль контркультуры, принадлежат, например, «Беспечный ездок» (1969) Д. Хоппера, «Ресторан Алисы» (1969) А. Пенна по сценарию А. Миллера, «Полуночный ковбой» (1969) Дж. Шлезинджера, «Выпускник» (1967) М. Николса, «Вудсток» (1970) М. Уодли. В первой половине 60-х годов фильмы, отражавшие дух контркультуры, содержали в большинстве случаев социальную критику и были в своей основе проникнуты, за некоторыми исключениями, гуманистическим содержанием. Но позже в лентах этого рода на первый план вышли герои-наркоманы, изображаемые подлинными носителями духа «молодежной революции».

Смакование насилия и откровенного эротизма стало характерной чертой и того направления, которое получило название «структуралистского кино». Философия структурализма соединялась в этом кино с художественным языком натурализма. Лента показывала в течение длительного времени — иногда несколько часов подряд — один и тот же образ, предмет, явление. Известность приобрел выступавший в этом жанре режиссер Э. Уорхол (р. 1927). Он фиксировал в своих фильмах одиночество человека, бессодержательность во взаимоотношениях людей, их жестокосердие. В фильме «Франкенштейн» (1974) Уорхола одна сцена кровопролития сменяет другую. Пропагандировалась идея показа «десенсибилизации» человека, его привыкания к недопустимому, чудовищному. Если фильмы этого направления выводили действующих лиц, то ими, как

[31] Цит. по: Вопр. киноискусства, 1975, № 16, с. 206.
[32] *Cripps Th.* Black Films as Genre. Bloomington, 1978.

правило, были люди «дна», притом изображенные вне социального контекста (например, проститутки в фильме «Девицы из Челси», 1966). В фильме «Отбросы», который сделал ученик Уорхола — П. Моррисей (р. 1939), утверждалось, что «отбросы» общества и не хотят никакой другой жизни.

Возникли и так называемые «революционные» фильмы. Однако они не столько показывали борьбу молодежи против «больного общества», против милитаризма и расизма, которая шла в стране, сколько смаковали сцены пьянства и насилия, эротические оргии и буйство наркоманов. Прославлялся терроризм, например в фильмах «Джоанна» (1968), «Майра Брэкенридж» (1970) Майкла Сарна (р. 1939). Возникло порнополитическое кино. Часто в таких фильмах звучали враждебные выпады против рабочих, против коммунистов, против мира социализма.

В 70-е годы место контркультурных фильмов в какой-то степени заняли фильмы «ретро», для которых характерны были не только ностальгия по прошлому, но и порой социальная окрашенность, гуманистичность. Эту линию в кино открыл в 1971 г. фильм П. Богдановича (р. 1939) «Последний сеанс». Следующий его фильм — «Бумажная луна» (1973), хотя несколько и превысил меру сентиментальности, все же напоминал «Огни большого города» Чарли Чаплина (1889—1977). Вслед за первыми фильмами Богдановича последовало множество фильмов, сделанных в той же манере, например фильмы «Пустоши» (1973) Т. Малика (р. 1945), «Последний наряд» (1973) Х. Эшби (р. 1936), «Американские граффити» (1973) Дж. Лукаса (р. 1945) и Ф. Копполы, «Грязные улицы» (1973) М. Скорсезе (р. 1942). Фильмы «ретро» изображали унылую жизнь в маленьких городках или же жизнь «на дороге» в 30-е годы либо на рубеже 50—60-х годов, попытки героев вырваться в «большой мир», их наивный стоицизм и одиночество. Но одновременно в этих фильмах изобличался цинизм, душевная глухота обывателя, жестокость борьбы «всех против всех».

Уже в фильмах второй половины 70-х годов усиливаются сентиментальные мотивы в противоположность «горьким» нотам, которые были свойственны фильмам 60-х годов. И, как это часто бывает в американском кино, такого рода фильмы стали появляться целыми сериями. В этой манере сделан, например, фильм Пола Мазурского (р. 1930) «Гарри и Тонто» (1974) — о скитаниях вышедшего на пенсию учителя со своим другом-котом. Сентиментален, близок к бытовой мелодраме фильм Р. Бентона (р. 1932) «Крамер против Крамера» (1979).

Следует заметить, что в 70-е годы многие независимые компании, возникшие в 60-е годы, попали в сферу влияния киномонополий, будучи вынужденными прибегнуть к их финансовой помощи. Это сказалось (и чем дальше, тем больше) на содержании кинопродукции. Но вместе с тем экономические кризисы и депрессия вновь выдвинули на первый план вопросы положения и повседневной борьбы трудящихся, в том числе рабочих. Это нашло отражение в фильмах «Группа Молли Магуайр» (1970) и «Норма Рей» (1979) М. Ритта, «Округ Харлан, США» (1976) Барбары Коппл. Документальный фильм «Округ Харлан, США», снятый прогрессивными деятелями киноискусства США и имевший большой успех в демократических кругах, рассказывал о забастовке в 1973 г. на угольных шахтах Кентукки. Кульминация фильма — гибель одного из рабочих-активистов. Ярко показана борьба между новым руководством проф-

союза и приспешниками старого профбосса, которого вынудили уйти в отставку. Г. Клэрмен, ведущий раздел искусства в журнале «Нейшн», писал в связи с выходом этого фильма: «Я рекомендую фильм всем, но особенно тем, кто не ушел с головой в эстетику или в утешения философическим пессимизмом»[33].

В 1980 г. на экраны вышел фильм «Уоббли» Д. Шаффера и С. Бэрда об «Индустриальных рабочих мира». В фильм были включены интервью с ветеранами этой организации — 80—90-летними стариками. В финансировании съемок этого фильма участвовал профсоюз автомобилестроителей[34]. А профсоюз работников больниц создал документальный фильм о забастовке текстильщиков в Лоренсе (штат Массачусетс) в 1912 г.

Несомненным завоеванием американского кино 70-х годов явилось появление ряда фильмов, отражающих борьбу левых сил. Они не одинаковы по своему политическому звучанию и художественной ценности. Среди них выделяется документальный фильм о деятельности подпольщиков во франкистской Испании «Мечты и кошмары», снятый в середине 70-х годов (до смерти Франко) ветераном интернациональной бригады в Испании в 30-е годы Эбби Ошероффом с помощью участников антифранкистского движения в Испании. Прямым отзвуком на эту тенденцию следует считать появление в начале 80-х годов фильма «Красные» режиссера Уоррена Битти о Джоне Риде (его сыграл У. Битти), вызвавший разноречивые отклики.

В американском кино работали и работают много выдающихся актеров. Имена некоторых из них всемирно известны. К их числу относятся, например, Ава Гарднер, Катарина Хепберн, Мэрилин Монро, комедийная актриса Джуди Холидэй, Берт Ланкастер, Элизабет Тейлор, Сидней Пуатье, Джек Николсон, Дастин Хофман, Марлон Брандо, создавший среди прочих своих ролей яркий образ бунтовщика. В 70-е годы он был удостоен премии «Оскара»[35] за исполнение роли в фильме «Крестный отец». Однако актер отказался от нее в знак протеста против притеснений, творимых властями в отношении индейского населения США.

5. МУЗЫКА

Большая американская симфоническая музыка, как и американская школа музыки, сформировалась в XX в. Для нее характерны широкая звуковая основа, усложненность, асимметрия, тяготение к свободной атональности, антитрадиционность, лаконизм, нарочитая (а не только идущая от народной музыки) простота и грубоватость. Свойственно американской музыке и техницистское начало. Многие из перечисленных черт не чужды и западноевропейской музыке XX в.— они во многом отражение духа времени. Однако несомненна и самобытность американской музыки, сплавленной и с европейской, и с негритянской, и с индейской музыкальной традицией и на этой основе вырабатывавшей свой собственный язык.

Негритянская традиция привнесла в американскую музыку большую экспрессивность и сильную лирическую окрашенность, вольность вырази-

[33] Nation, 1976, Nov. 6, p. 477.
[34] UAW Solidarity, 1980, Apr. 1—15, p. 19.
[35] Традиционная премия Американской академии киноискусства.

тельных элементов, иной, чем в европейской музыке [36], принцип организации звуковысотности, утрату его ведущего значения, усложненность ритма и его ключевую роль, формообразующую фрагментарность мелодики, свободную темперацию, отклоняющуюся от строгой полутоновой основы, своеобразные тембровые краски, шумовые эффекты, огромное значение импровизационности, переход музыкальных интонаций в разговорные, в выкрики (shouts), обозначающие переход в состояние крайнего возбуждения, транса [37]. В XX в., и особенно во второй его половине, американские композиторы все чаще и все шире обращаются также к музыкальному материалу и музыкальной традиции неевропейских стран. В. Конен справедливо подчеркивает, что строй музыкальной мысли американцев в большой мере вобрал в себя и «ориентальные» черты [38].

В современной американской симфонической музыке композиторами-традиционалистами можно считать А. Копленда (р. 1900), Р. Гарриса (р. 1898), В. Томсона (р. 1896), У. Пистона (р. 1894), С. Барбера (р. 1910), У. Шумена (р. 1910), П. Меннина (р. 1923), Р. Хансона (р. 1896), П. Крестона (р. 1906).

Ранние произведения В. Томсона связаны с легкожанровой эстрадой, и вместе с тем его музыка близка к наивным духовным гимнам. Влияние неоклассицизма [39] ощущается в музыке У. Пистона и П. Меннина. Обращение последнего к национальной теме выражено, например, в кантате «Рождественская повесть» (1949). Меннина увлек и Г. Мелвилл. В 1952 г. он создал кончертато «Моби Дик» по мотивам одноименного произведения. Романтические традиции получили свое развитие в творчестве Барбера, создавшего пьесы для голоса и фортепьяно на стихи английских, американских и немецких поэтов. В цикле «Песни отшельника» (1953) он обратился к текстам ирландских поэм VIII—XIII вв., которые были записаны средневековыми монахами на полях церковных рукописей. Барбер обращался и к американскому фольклору. Так, в его Скрипичном концерте ощущаются ладогармонические, ритмические и интонационные особенности индейских песен и негритянских спиричуэлс. К романтическому направлению принадлежат также Хансон и Крестон.

В творчестве американских композиторов часто звучат демократические и антивоенные мотивы. Так, С. Барбер в 1971 г. создал хоры на текст чилийского поэта Пабло Неруды. Шумен в 1976 г. создал произведение «Молодые мертвые солдаты» на слова поэта А. Мак-Лиша. К композиторам более молодого поколения традиционалистского направления принадлежит и Дж. Крэм (р. 1929). Некоторые произведения Крэм писал на основе стихов испанского поэта Гарсиа Лорки, например «Древние голоса детей» (1970), «Песни, Звуки волынки и Рефрены Смерти» (1971).

Влияние Востока отличает сочинения композитора А. Хованесса (р. 1911). В его музыке звучат армянские — идущие от народной и

---

[36] Следует, однако, отметить общие музыкально-стилистические черты в англо-кельтском и в африканском музыкальном фольклоре: нестатичность, импровизационность.

[37] *Конен В.* Пути американской музыки: Очерки по истории музыкальной культуры США. М., 1977, с. 336—337, 354, 355.

[38] *Конен В.* Рождение джаза. М., 1984, с. 263.

[39] Неоклассицизм в музыке XX в.— возрождение форм и композиционных приемов старинной музыки (преимущественно XVII—XVIII вв.). Но для неоклассицизма характерна модернизация музыкального языка и образного содержания.

церковной музыки,— и другие восточные мотивы. При этом Хованесс использовал ладовую гамму и фактуру восточной музыки в сочетании с европейским контрапунктом и строем. В его произведениях иногда упорно повторяется один и тот же звук. Цель — погружение слушателя в «некое одно состояние», что соответствует восточным мистическим учениям. Влияние музыки Востока слышится также в произведениях Ф. Гласса (р. 1937), Дж. Крэма и С. Рейча (р. 1936).

С симфонической музыкой стали сливаться блюз и джаз. Это нашло свое выражение в музыке американского композитора Дж. Гершвина (1898—1937), влияние которого на послевоенную музыкальную культуру США было весьма значительным. Тема судеб человечества звучит в опере «Месса» (1971) композитора Л. Бернстайна (р. 1918), также сплавляющей симфоническую музыку с джазовой. С появлением электронных средств в 50—60-х годах возникло и новое русло экспериментирования. В США сочинением электронной музыки занимались и занимаются В. Уссачевский (р. 1911), Дж. Кейдж (р. 1912), О. Льюэнинг (р. 1900), М. Суботник (р. 1933), Ч. Уоринен (р. 1938), Т. Райли (р. 1935), К концу 60-х годов электронная музыка стала жизненной частью всей музыкальной культуры США. Для сочинения музыки использовались даже ЭВМ, например Большой компьютер Иллинойского университета [40].

Значительное место в послевоенное время в американской музыке занял экспрессионизм, а также поиски формалистического характера и, наконец, своего рода неонатурализм, конкретность. Большое влияние оказала музыка австрийского композитора А. Шенберга (1874—1951). Созданный им додекафонный метод был одним из проявлений серийного принципа композиции. Он разрушил логическую связь гаммы, освободив ее двенадцать составляющих от взаимной субординации: каждый звук в серии стал независимым. Шенберг определил додекафонную систему как метод сочинения музыки с двенадцатью соотнесенными лишь между собой звуками. Серия заменяет лад. Оркестр представлен линеарно, полифонически — в противоположность принципу совместной игры различных групп инструментов, что характерно для жанра классического концерта. Сам Шенберг предостерегал своих последователей от чрезмерно легкомысленного отношения к творчеству на основе додекафонии. Стиль позднего Шенберга — это экспрессионизм.

Для серийной музыки характерно также то, что в свойственный американской музыке европейский инструментальный колорит интенсивно вводится иной колорит — африканский барабан, индонезийский бали-гонг, парагвайская флейта и другие экзотические инструменты. Используются также электронные инструменты и ЭВМ. Среди американских композиторов, воспринявших серийно-додекафонный метод, получили известность В. Персикетти (р. 1915), Р. Сешнс (р. 1896), М. Бэббит (р. 1916), Л. Кирхнер (р. 1919), Э. Коун (р. 1917), Г. Шуллер (р. 1925), Ч. Уоринен. К додекафонии обратился в поздний период своего творчества также А. Копленд. В США, как и в Западной Европе, серийная музыка получила особенно широкое распространение в 1947—1957 гг.

Примерно в конце 50-х годов в американской музыке утвердился алеаторический метод, который, на наш взгляд, следует считать принадле-

---

[40] Music in American Society, 1776—1976/Ed. by G. McCue. New Brunswick, 1977, p. 148—153.

жащим к потоку постмодернизма. Суть алеаторики (от лат. alea — игральная кость) в том, что принцип случайности провозглашается главным формирующим началом в процессе творчества. Композитор вводит элементы случайности, непредсказуемости в свое сочинение, а также в то, как оно будет исполнено. Для алеаторики характерно внимание к звуку как к самостоятельной, самодовлеющей единице, как к материалу для эксперимента. Алеаторика экспериментирует с «чистым» звуком, стараясь выявить его новые возможности, а также создавая новые звуки (последнее стало возможно с появлением музыки электронной).

Алеаторике свойственно строительство новых тембровых структур путем использования необычных способов игры (смычком за подставкой, подмена мундштуков в духовых инструментах, стучание клавишей, игра пальцами на струнах рояля при открытой педали). Большую роль играет в алеаторике и импровизация, причем она имеет особый характер. Это не импровизация, какую знала европейская музыка XVIII, XVII и более ранних веков, когда импровизационный элемент строго подчиняется общему замыслу, композиционному строю произведения. Это и не устная традиция фольклора Востока, который алеаторики интенсивно осваивали и использовали — эта традиция на деле далека от недетерминированности и опирается на четкую, сложившуюся на протяжении веков систему музыкального мышления, на строгие правила искусства импровизации. Импровизация в алеаторике имеет целью «выход» в сферу «подсознательного», в сферу стихийности, в состояние транса, истерии, бреда.

В начале 50-х годов в американской музыке в рамках алеаторического метода возникло крайнее направление, теоретиком которого стал композитор Дж. Кейдж. К крайнему направлению принадлежат также композиторы Эрл Браун и Мортон Фельдман (р. 1926). Сочинение Кейджа для рояля — «Музыка изменений» (1951) стало первым алеаторическим произведением, получившим широкую известность. Дж. Кейдж и М. Фельдман настаивали на принципе непредвиденного организованного беспорядка. «Идеи — это одно, а то, что случается в действительности,— это другое»,— говорил Кейдж [41]. Для его «Прелюдии к медитации» и «Сюиты для двух фортепьяно» (1948) характерны очень долгие паузы, монотонность, линеарность. Кейдж создавал и конкретную музыку, притом включал в нее звуки, «уловленные из космоса». Музыкальный звук в его коллажах иногда вовсе устранялся, вместо него появлялись «шумовые коллажи», «культурный шум».

Американская музыка в 60—70-е годы двигалась в сторону нигилистичности. «Концерты» порой сводились к скоморошьим действиям: музыканты производили инструментами различные странные манипуляции и даже разрушали их, выделывали клоунские трюки, оперировали вовсе не относящимися к музыке предметами вплоть до кухонных; наконец, производили то, что получило название «бодиворкс» (жестикулировали, гримасничали, расхаживали во время игры по сцене), и все это должно было быть понято как часть их творческого акта.

В 60-е годы некоторые американские композиторы стали включать в концерты, превращая их в хэппенинг, световые эффекты; показ слайдов, демонстрацию фильмов, телевизионных изображений; театральное дей-

[41] *Lippard L. R.* Pop Art. N. Y.; Wash., 1966, p. 24.

ствие, танец, радиопередачи, отрывки из литературных произведений; творения изобразительного искусства. Экстремистские «эксперименты» приводили также к диким звуковым оргиям, которые должны были в соответствии с намерениями композиторов воссоздать «звуковой пейзаж эпохи», передать нервозность, беспорядочность слуховых ощущений современного человека. Авангардная музыка призвана была воспроизвести шок, страх, отчаяние или же возлюбленную постмодернизмом скуку. Сольное и хоровое пение превращалось в визг, крик, свист, завывание. Ненужность самого музыкального звука напрашивалась сама собой. Появились и вовсе молчащие пьесы: номер произведения лишь объявлялся в программе. Объяснения такого рода экспериментов давались двоякие. «Все, что звучит и что молчит, есть музыка»; «Мне нечего сказать, и я об этом говорю»,— заявлял композитор Дж. Кейдж [42]. Было и другое объяснение: «молчание» должно актуализировать внутренний мир слушателя, а провоцирование коллективного протеста есть эстетическая задача и форма произведений [43].

Советский музыковед Г. Шнеерсон, характеризуя появление алеаторики, играющей такую важную роль в современной американской культуре, пишет о том, что «новая музыка» принижала роль композитора и ставила под сомнение осмысленность композиторского творчества, а также эстетическую и этическую ценность музыки» [44]. Американский композитор Дж. Итон также отмечал, что хотя «новая музыка» открыла много великолепного звукового материала, тем не менее композиторы этого направления не смогли создать музыку, которая имела бы подлинно новое и интересное лицо [45]. В конце 60-х — начале 70-х годов нигилизм и эпигонство в американской музыке дошли до предела. Именно тогда в противоположность им выявилось стремление вновь поставить в центр внимания открытое выражение человеческих чувств, образный строй, вернуться к индивидуализированной манере и к тщательной художественной отделке.

Музыкальная исполнительская культура США заслуживает весьма высокой оценки. Всемирную известность получили такие оркестры, как Бостонский, Нью-Йоркский, Филадельфийский, Чикагский, Кливлендский («Большая пятерка»), оркестр «Метрополитен опера» в Нью-Йорке, высокой репутацией среди любителей музыки пользуются и симфонические оркестры Нового Орлеана, Буффало, Сент-Луиса. Значительный вклад в музыкальную культуру внесли дирижеры С. Кусевицкий, Л. Стоковски, Р. Кубелик, Л. Бернстайн, Ю. Орманди, скрипачи И. Менухин, И. Стерн, Р. Риччи, пианисты В. Горовиц, Ван Клиберн, Б. Джайнис, певцы М. Доббс, Р. Питерс, М. Хорн.

Помимо серьезного, в американской музыке всегда большую роль играл и продолжает играть легкий жанр. Этот жанр имеет в США весьма яркое обличье. Г. Шнеерсон отмечал, что в американских джазе, мюзиклах, музыкальных фильмах, песнях, танцах заложены напористая ритмическая энергия, новизна ладо-интонационного строения, мелодики,

---

[42] Цит. по: *Hunter S.* American Art of the XXth Century. L., 1973, p. 372.
[43] *Шнеерсон Г.* Статьи о современной зарубежной музыке: Очерки. Воспоминания. М., 1974, с. 94.
[44] Там же, с. 13, 116.
[45] Music in American Society, 1776—1976, p. 150—159.

оригинальные нестандартные звучания инструментальных ансамблей, импровизационная свобода трактовки любой пьесы [46].

В 40—70-х годах XX в. джаз пережил разные фазы своего развития. В 40-е годы отошли в прошлое искусство «горячего» джаза и суинг. Широкое распространение получил стиль би-боп, или боп, а на основе бопа вырос «холодный» джаз. «Холодный» джаз [47] господствовал в 40-е и начале 50-х годов. «Холодность» его определялась тем, что в нем не было ярковыраженного пульсирующего ритма (он лишь подразумевался), не было повышенной динамики и массивной звучности. «Холодный» джаз отличался сложными и тонкими полиритмическими сочетаниями, легкими, суховатыми, прозрачными тонами, сложными красочными диссонансами. Манера игры «холодного» джаза была нарочито сдержанной, неэкспрессивной.

Возвращение к «горячему» джазу произошло с появлением рока, и это появление было результатом соединения ритм-энд-блюза и кантри (последнее — семейство родственных друг другу вокально-инструментальных жанров, сложившихся среди белого населения аграрных районов Юго-Востока и Среднего Запада). Большое место в кантри занимала музыка Юго-Востока с ее деревенской скрипкой, аппалачскими цимбалами или стальной гитарой, позже появилось банджо и возник блюзовый колорит (стиль «блюграсс»). На Юго-Западе кантри глубоко впитал испано-мексиканскую и французскую песенную традиции. Среди исполнителей кантри были широко известные в начале 50-х годов Билл Хейли и Элвис Пресли, и именно они соединили кантри с ритм-энд-блюзом. Вульгаризированная версия ритм-энд-блюза, сведенная к трем основным аккордам, тяжелому и монотонному четырехдольному биту, нескольким примитивным риффам электрогитары и нечленораздельным выкрикам вокалиста, получила название рок-н-ролла.

«Горячая» энергия рок-н-ролла соответствовала настроениям несогласия, поднимавшимся в общественной жизни, особенно среди молодежи, в середине 50-х и вплоть до конца 60-х годов. Рок стал как бы опознавательным знаком молодежного бунта, одним из его выражений и воплощений. Но увлечение роком приняло масштабы эпидемии с середины 50-х годов, особенно среди подростков (тинэйджеров). В дальнейшем этот стиль испытал влияние музыки английских «битлзов», стал сложнее, меняя со второй половины 60-х годов свою форму и содержание. Выступления рок-ансамблей все в большей мере превращались в спектакль коллажного типа. Электрическое усиление и техника звукозаписи вызывали порой звуковой шок. Усиленный звук действовал почти наркотически. Так возник «наркотический рок» (acid rock), концерты представителей которого нередко заканчивались массовой истерией и побоищами. «Рок-мотивы,— писал М. Теодоракис,— возникшие как выражение стихийного протеста молодого поколения против буржуазного образа жизни, очень скоро сами стали предметом коммерции, а значит, неотъемлемой составной частью этого образа жизни. Нейтрализация бунтарей в музыке не потребовала большого труда. Ведь между стандартами „массовой культуры" и отрешением „рокеров" от корней, от мыслей, от разума в пользу стихии

---

[46] *Шнеерсон Г.* Американская песня. М., 1977, с. 6, 163.

[47] *Nye R. B.* The Unembarrassed Muse: The Popular Arts in America. N. Y., 1970; *Конен В.* Пути американской музыки. М., 1977.

экстаза и подсознательных импульсов, по сути дела, нет существенного различия» [48].

В развитии американской музыки, особенно джаза, негритянские спиричуэлс, трудовые песни, блюзы, песни протеста составляют богатый музыкальный фонд. Музыка рождается в негритянском народе, и в импровизациях крупных музыкантов-самородков, таких, как известный саксофонист Л. Армстронг (1900—1971). К числу видных профессиональных композиторов США принадлежали Д. Эллингтон (1899—1974) и К. К. Уайт (1880—1960). В 1950 г. была впервые исполнена опера К. К. Уайта «Уанга», написанная в 1932 г. В основу этой оперы легли эпизоды из жизни вождя восставших негров на Гаити Туссена Лувертюра [49].

Большой популярностью пользуется основанный в 1969 г. Балетный театр Гарлема, с успехом выступавший во многих странах мира. Его руководитель Артур Митчелл — ученик известного американского балетмейстера Джорджа Баланчина — вырастил плеяду талантливых учеников (Лидия Абарка, Рональд Перри и др.). Особое место среди танцевальных коллективов, в которых негритянским исполнителям принадлежит ведущая роль, занимает группа «Алвин Эйли американ данс тиэтр».

Негритянское музыкальное творчество продолжает развиваться в 50—60-е годы в песнях, ораториях, кантатах, написанных негритянскими композиторами. В них четко проявились настроения социального протеста. Композитор Дэвид Бейкер сочинил кантату «Черная Америка», одна из частей которой была названа «Мученики. Малькольм, Медгар, Мартин» (имеются в виду Малькольм Икс, Медгар Эверс, Мартин Лютер Кинг). Памяти Кинга было посвящено произведение для хора Фредерика Тиллиса. С. Уондер создал песню «Счастливый день рождения», призывавшую черных добиться того, чтобы день рождения великого сына афро-американцев был объявлен национальным праздником.

В исполнительском искусстве афро-американцев в послевоенное время появилось значительное число крупных и яркоодаренных певцов, танцовщиков, музыкантов и актеров. Среди них первым должен быть назван П. Робсон (1898—1976), внесший огромный вклад в борьбу за интересы трудящихся и мир. Среди звезд первой величины американского искусства — Гарри Белафонте, певицы Леонтина Прайс, Элла Фицджеральд, «королева блюза» Бесси Смит, Билли Холидэй, балерина Донна Вуд. Певцы, получившие известность в 70—80-е годы,— М. Роач, Дж. С. Ксеррон, С. Уондер и др.

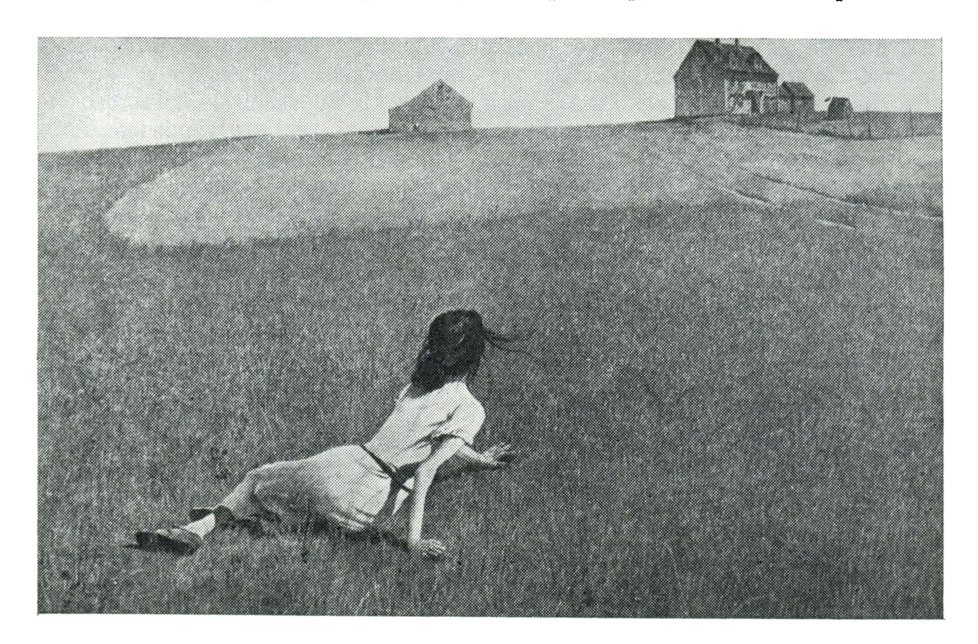
6. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО, АРХИТЕКТУРА

В изобразительном искусстве США 30-х—начала 40-х годов в целом господствовал реализм с сильными мотивами социальной критики и социального протеста. Вместе с тем еще в предвоенные и военные годы быстро происходило расширение сферы сюрреалистических и абстрактных экспериментов. Во второй половине XX в. изобразительное искусство

[48] Коммунист, 1985, № 3, с. 94.
[49] Music in American Society, 1776—1976, p. 93.

развивалось уже в русле разнообразных направлений, представляющих почти калейдоскопическое зрелище (особенно когда это касается живописи модернистского направления).

После войны в области американской живописи продолжали работать такие видные художники реалистического, гуманистического и социального направления, как Эдвард Хоппер (1882—1967); братья Мозес (1899—1974) и Рафаэль (р. 1899) Сойеры. Крупнейшим американским

ЭНДРЬЮ УАЙЕТ. МИР КРИСТИНЫ. 1948
МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА. НЬЮ-ЙОРК

художником реалистического направления является Эндрью Уайет (р. 1917). Тема Уайета — сельская Америка и по духу своему тесно связана с гуманистической традицией в американском искусстве. Человек Уайета часто надломлен жизненными невзгодами, он беден и немощен. Однако в картинах Уайета нет душевной ущербности, он увлечен показом целостного потока жизни, его герои наделены достоинством и благородством [50].

Видное место в развитии прогрессивно-демократического направления в изобразительном искусстве США занимает творчество художника Антона Рефрежье (1905—1979) [51], одного из самых крупных художников-монументалистов Нового Света. В 1946—1949 гг. он выполнил большую настенную роспись для здания почтамта в Сан-Франциско (заказ, полученный им еще от администрации Рузвельта), изобразив историю Калифорнии, борьбу простых тружеников с денежными магнатами, за честь

[50] *Чегодаев А. Д.* Искусство Соединенных Штатов Америки, 1675—1975. М., 1976, с. 74.
[51] Рефрежье Антон. Художник и время.— Коммунист, 1979, № 8; *Кареева Н. Д.* Антон Рефрежье — художник-борец.— В кн.: Западное искусство XX века. М., 1978.

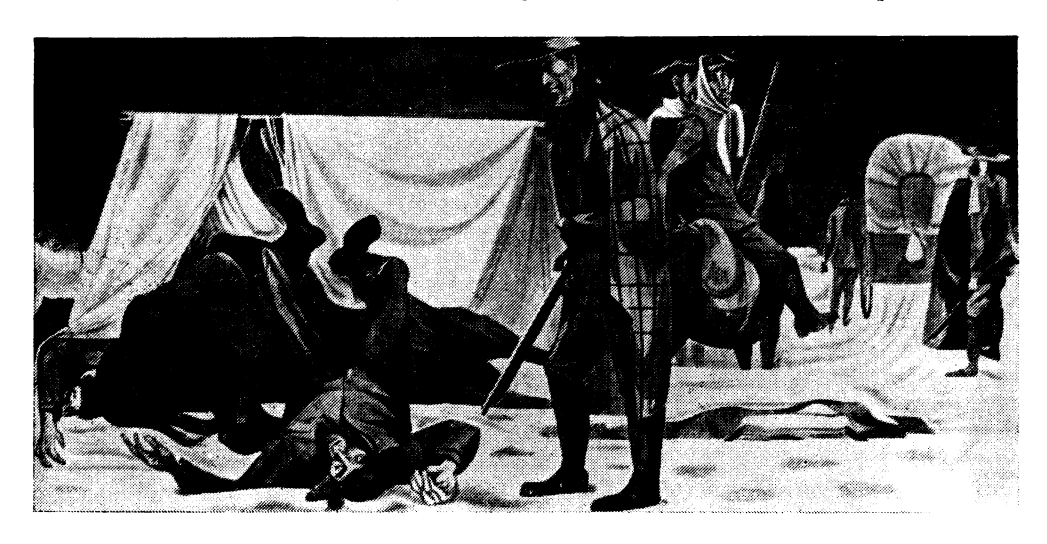
и достоинство человека. В 1953 г. в конгрессе началось слушание законопроекта об уничтожении этой росписи. Однако в результате протестов общественности г. Сан-Франциско билль не был принят. В 50—70-е годы Рефрежье создал многочисленные и яркие произведения, повествующие о борьбе негритянского народа против расизма, о героической борьбе вьетнамского народа против агрессии, революционных событиях в Чили. Он был другом Советского Союза, поборником широкого сотрудничества народов СССР и США в интересах мира и социального прогресса.

В послевоенный период мировоззренческие установки некоторых представителей «социальных реалистов» изменялись. Так, один из крупных представителей этого течения — Бен Шан (1898—1969), заявил о переходе на позиции «личного реализма» (personal realism), разъяснив, что переносит центр тяжести своего творчества на изображение свойств и настроений обычных людей. В то же время сюжеты острого социального содержания и современного звучания оставались ему близки. В своих картинах он выступал против маккартизма и угрозы войны. В 1960—1962 гг. художник создал серию картин «Счастливый дракон» (так называлось судно японских рыбаков, оказавшихся 1 марта 1954 г. под радиоактивными осадками, выпавшими при испытании американской водородной бомбы на о-ве Бикини). Бен Шан выразил в картинах и протест против войны во Вьетнаме (работы 1969 г.). К числу наиболее значительных его произведений относится плакат «Мы требуем мира».

Другой видный представитель «социальных реалистов» — художник Уильям Гроппер, так же как и Бен Шан, в своем творчестве осуждал реакционные тенденции в общественно-политической жизни США. Его называют иногда американским Домье. Картина Гроппера «Магнат» (1954) получила широкую известность — она изображает беспощадного в погоне за наживой капиталиста. В 1965 г. Гроппер создал сатирическое полотно «Диктатор». Следовавший той же традиции Дж. Тукер (р. 1935) запечатлел отчуждение человека в мире капитала, показывая дегуманизацию и стандартизацию людей в современном буржуазном обществе (картина «Метро», 1950). Художник Дж. Левин (р. 1915) отобразил деградацию нравов в обществе, где царствует чистоган, пустоту духовного мира обывателей и мещан (например, «Ночь выборов», 1954). Скульптор и график Л. Баскин (р. 1922) посвятил ряд произведений теме угрозы войны.

Реалистическое искусство понесло немалый урон от натиска многочисленных течений в живописи, отрицающих его. Однако оно продолжало жить — притом не только в работах зрелых мастеров, но и в творчестве молодых. На Дальнем Западе в конце 50-х годов появилось несколько молодых художников, в творчестве которых ярко звучали социальные и критические мотивы (Д. Парк, Р. Дибенкорн, Э. Паккард, А. Мешес, Б. Рэндолл, П. Донин, Э. Бишофф). В 70-е годы обратило на себя внимание творчество чикагского художника Роберта Гинэна (продолжателя традиции Хоппера, на чьих полотнах запечатлена Америка обездоленных людей времен «великой депрессии» 30-х годов). Главная тема творчества Гинэна — жизнь обитателей городских трущоб, безработных, нищих, как черных, так и белых. В 70-е годы художницы-женщины начали поднимать в своем творчестве темы угнетения и дискриминации женщин (например, коллаж Р. Лафолетт «Мадонна с Мэдисон-авеню»), темы мира, труда, демократического движения.

И все же главной особенностью послевоенного изобразительного искусства в США являлось выдвижение на первый план модернистского беспредметного искусства, с одной стороны, и с другой — его как бы антипода — грубо-навязчивого предметного, вещного искусства поп-арта. В 50—60-е годы именно такие работы преобладали на выставках, а искусствоведение и реклама уделяли внимание главным образом этим течениям. В послевоенное время абстракция соединилась с экспрессионизмом, дав начало течению абстрактного экспрессионизма (как это было и в музыке).

АНТОН РЕФРЕЖЬЕ. ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ НА ДАЛЬНИЙ ЗАПАД. 1947
ИЗ РОСПИСЕЙ «ИСТОРИЯ КАЛИФОРНИИ». РИНКОН-ХИЛЛСКИЙ ПОЧТАМТ. САН-ФРАНЦИСКО

В манере абстрактного экспрессионизма работали, например, В. де Кунинг (р. 1904), М. Ротко (1903—1970), Ф. Клайн (1910—1962) [52]. Абстрактные экспрессионисты заявляли, что стремятся исследовать «новые реальности». Для этого они отказались от предметности и композиции. Изобразительные формы были сведены ими к самым элементарным. Утверждалось, что линия есть форма, форма есть цвет, а цвет есть и то и другое. Доминирующая роль отводилась цвету, энергичной манере исполнения, эмоциям художника, его интуиции, а также «случаю». Творчество рассматривалось не как отображение реального мира, но как «освобождающий акт», как имеющее важное значение действие художника (отсюда и другое название абстрактного экспрессионизма — «живопись действия»).

Художественная манера абстрактных экспрессионистов была весьма разнообразной. Так, для художника Дж. Поллока (1912—1956), лидера этого направления, характерны грубый леттризм (изображение букв),

---

[52] Об абстрактном экспрессионизме см.: *Hunter S.* American Art of the XXth Century; *Wolfe T.* The Painted Word. N. Y., 1975. Отрывки из книги Т. Вольфа см.: Иностр. лит., 1976, № 5, с. 243—256.

фантасмагоричность (например, изображение «бестелесных», «астральных глаз»), темные полотна, призванные изобразить ужас, царящий в недрах хаоса. Выражая «случайность», «спонтанность» в творчестве, Поллок прибегал к методу накапывания, набрызгивания и втирания красок, что знакомо восточному народному искусству и что делали также сюрреалисты. Сторонники этого метода создавали и всякого рода конструкции, сближаясь со скульпторами.

Скульпторы — абстрактные экспрессионисты создавали произведения из стали и других металлов, из дерева, пластмасс, проволоки; создавали и подвесные, подвижные скульптуры, например стабили и мобили скульптора А. Колдера (1898—1976). Влияние сюрреализма и фрейдистско-юнгианского учения ощущалось в творчестве скульптора И. Лассау (р. 1913), создававшего геометрические скульптуры, скульптуры, напоминающие по своей форме машины, скульптуры, сходные с биологическими организмами, скульптуры-ребусы, скульптуры-шарады.

Неразгаданность, «зашифрованность», «игра» занимали важное место в творчестве абстрактных экспрессионистов, хотя порой в их произведениях звучали социальные мотивы. Абстрактный экспрессионизм стал международным течением, в котором американские художники заняли впервые в истории американского изобразительного искусства ведущее место. Однако публика в целом осталась равнодушной к этому течению.

Гораздо более сенсационным благодаря шумной рекламе стало появление в США течения постхудожнической абстракции и постстудийной скульптуры. Художники, представлявшие данное направление, определяли свое творчество как обращение к «внутренним пространствам сознания» и к «чувству бесконечности внешнего пространства»; как явление, содержащее некую мистическую тайну. В их произведениях царит атмосфера одиночества и отчужденности. Постхудожнической абстракции свойственны геометризм и выявление «чистых» («самоценных») элементов живописной конструкции: «чистого цвета», «чистой линии», самой фактуры красок и материала, на котором написана картина.

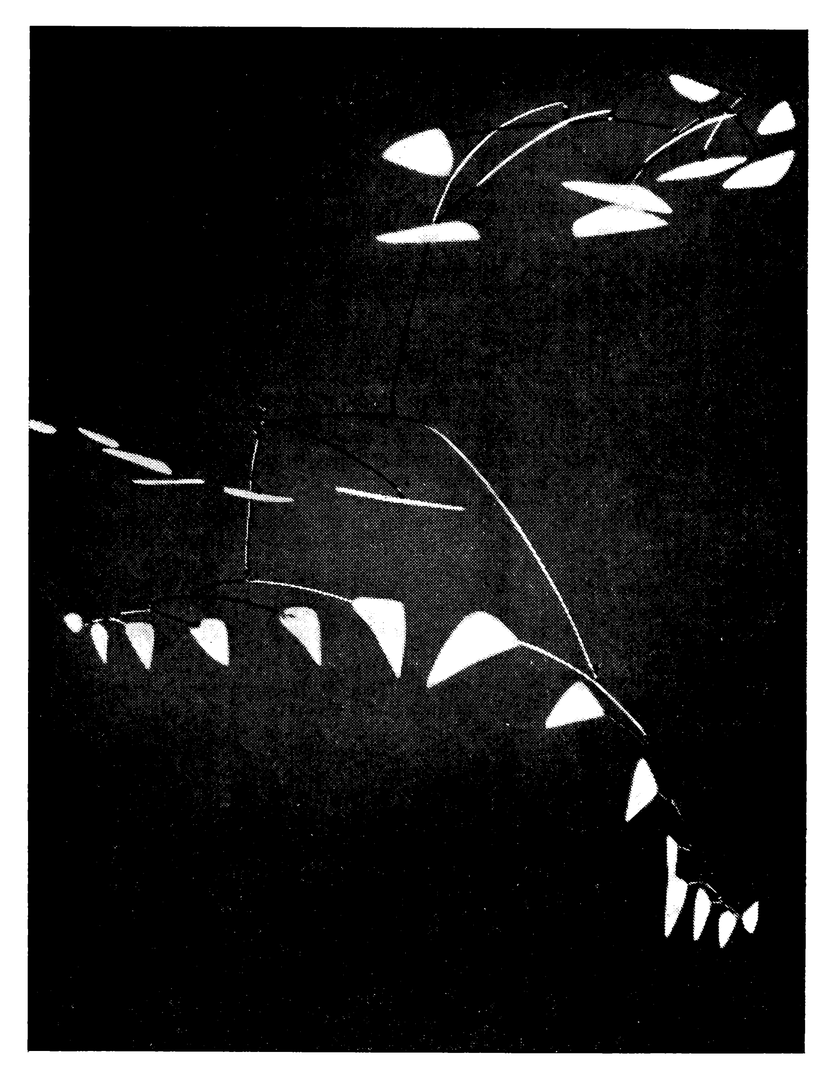
Появились монохромные (одноцветные) полотна Р. Мазервелла (р. 1915) и В. де Кунинга, начавших работать в новой манере, Ф. Клайна. Возникли «пустые», или «невидимые», полотна: «инертная», «пустая» живопись М. Ротко; черные на черном, почти невидимые монотонные структуры Э. Рейнгардта (1913—1967). Распространение получили «кроеные полотна», имеющие самую необычную форму; полотна, поверхность которых распространяется в трех измерениях (благодаря различным приделанным к ним предметам); полотна-рамы (с дырой посередине). Родилась оптическая живопись (оп-арт), за исходный взявшая тезис о том, что художественное произведение есть чистая перцепция (субъективное восприятие глаза), «перцептуальная абстракция».

Постстудийной скульптуре был свойствен минимализм (другое название — «аскетизм»): скульптор жестко ограничивал себя в выражении мыслей и чувств, воздерживался от интерпретации. Создавались скульптуры «пустой» — упрощенной геометрической формы, например работы Р. Морриса (р. 1931). Минимальная структура стремилась быть «не чем иным, как тем, что она есть». Но постстудийной скульптуре были свойственны и биоморфные и монументальные фигуры, напоминающие тотемы (Д. Смит, 1906—1965). Появилась скульптура «антиформы» — изделия из мягких, податливых материалов, которые наглядно отражают

процесс работы над ними. Скульптуры создавались из любого материала вплоть до кирпичей, сена, жиров, грязи и т. д.

Постхудожническая абстракция и постстудийная скульптура обладали некоторыми позитивными элементами. В частности, они много дали нового декоративному и оформительскому искусству, дизайну, оказались небесполезными для архитектурной мысли. Однако творческий потенциал этого направления все же был незначителен.

Другой разновидностью постмодернизма явилось конкретно-коллажное искусство — поп-арт. Художники поп-арта Дж. Джонс (р. 1930). Р. Раушенберг (р. 1925), К. Ольденбург (р. 1929), Р. Станкиевич (р. 1922), Дж. Чемберлейн (р. 1927), Э. Уорхол (р. 1930), Т. Вессельман (р. 1931),

АЛЕКСАНДР КОЛДЕР-МЛАДШИЙ. МОБИЛЬ. 1964
ГАЛЕРЕЯ ПЕРЛЕ. НЬЮ-ЙОРК

Р. Индиана (р. 1928), Дж. Дайн (р. 1935), Дж. Сегал (р. 1924), Р. Линднер (р. 1901) «вычленяли» из жизни и преподносили публике предметы быта и техники (в точных копиях либо сами эти предметы), а также мусор и отбросы (поп-арт часто называли «мусорным искусством»). Намерения художников этого течения представлялись нередко как проявление критических настроений в отношении голого потребительства, царящего в обществе. Но смысл этого был недостаточно выявлен, поэтому изделия поп-арта приобрели в глазах широкой публики репутацию разновидностей массового развлечения, прославляющего технические достижения и господствующие в американском обществе нравы, стиль работы и ценностные установки.

Поп-арт еще можно было назвать изобразительным искусством. Но появилось «изобразительное искусство», которое вовсе нельзя было назвать таковым. Так возникло, например, «земляное искусство» (Land Art), выставки которого состоялись в 1968 и 1969 гг. Мастера «земляного искусства» видоизменяли природную среду (засеивали пшеничные поля определенной геометрической формы, выкапывали гигантские рвы, пересаживали деревья и т. д.). Еще дальше пошло так называемое «концептуальное искусство» — оно декларировало возможность создания произведения, которое есть одноразовое действие и которое нельзя увидеть или которое вовсе не существовало и присутствует лишь в описаниях. Это было уже прямым разрушением изобразительного искусства.

Постепенно беспредметное искусство и поп-арт потеряли популярность, и уже в 70-х годах начались поиски новых форм возврата к реализму. Претензию на реализм, на создание «подлинных документов эпохи», а также «научных фотографических систем» заявил гиперреализм (фотореализм), получивший «права гражданства» в 1969 г., когда состоялась выставка «22 реалистов». Гиперреализм сводится к перерисовке или раскраске спроецированных на холст фотографий. В этой манере работали, например, Р. Бетчл, Г. Клоуз и Р. Эстес [53]. Никаких новых горизонтов гиперреализм, конечно же, открыть не мог. Он не вернулся к произведениям, которые имели бы образный стиль, воплощающий мысль и эмоцию художника, а между тем тяга к такого рода произведениям все нарастала, о чем свидетельствовал успех выставок работ художников-реалистов.

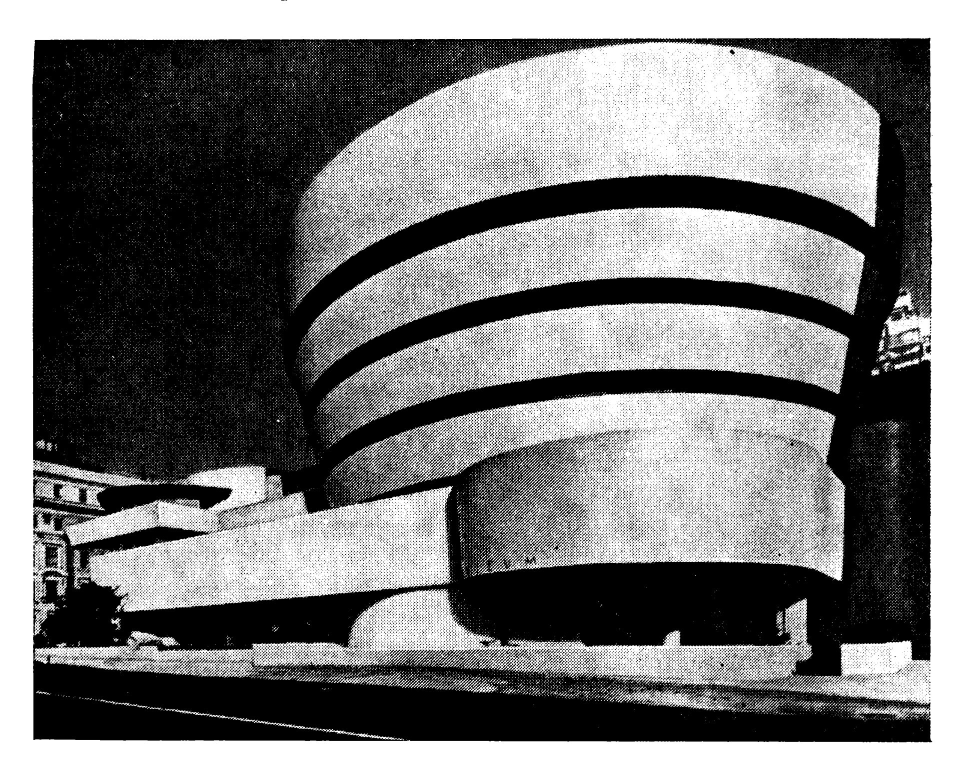
Наиболее значительной фигурой среди негритянских художников в послевоенное время оставался Чарлз Уайт. К числу ведущих негритянских художников нашего времени принадлежит и Дж. Лоуренс (р. 1917). Их картины показывают борьбу негритянского народа против рабства и расизма, легендарных лидеров этой борьбы. Уайту свойственны как реалистические образы, так и символика, аллегория. В его работах ощущается влияние Пикассо и мексиканских мастеров фресок. В 1968 г. картины Уайта экспонировались в СССР. Работы Дж. Лоуренса также отмечены социальным пафосом, особенно картины жизни и борьбы черных на Юге, их переселения на Север, трудностей приспособления к новому образу жизни в черных гетто промышленных городов. Заявили о себе как интересные мастера негритянские художники более молодого поколения: Г. Линтон и Дж. Уоткинс.

---

[53] *Турчин В.* Гиперреализм: Правдоподобие без правды.— Искусство, 1974, № 12, с. 48—53.

Острота, злободневность и наступательность свойственны многим молодым негритянским мастерам искусств. В сравнении с литературой, театром и музыкой в изобразительном искусстве черные художники проявили себя менее заметно, однако их вклад в культурную традицию США в 60—70-е годы заслуживает признания.

Архитектура — область художественной культуры, в которой американцы в большой мере сказали собственное слово, создали собственный

МУЗЕЙ ГУГЕНГЕЙМА В НЬЮ-ЙОРКЕ. 1956—1959 (АРХИТЕКТОР Ф. Л. РАЙТ)

стиль. Это выявилось в полной мере уже в первой половине XX в., но и во второй половине американская архитектура продолжала находиться на высоком уровне. В послевоенное время в архитектуре продолжали работать такие крупные основоположники американской и мировой современной архитектуры, как Ф. Л. Райт, Людвиг Мис ван дер Роэ, Эро Сааринен (1910—1961).

В послевоенное время значительными созданиями Райта стали, например, «Башня Прайса» в Бартлсвилле, штат Оклахома (1955), состоящая словно из сросшихся друг с другом и вытянутых вверх кристаллов, и Музей Гугенгейма в Нью-Йорке (1959) — лишенная окон башня, расширяющаяся кверху четырьмя все более мощными кольцами. Обе эти работы выразили стремление Райта — воинствующего антиурбаниста — создавать единственные в своем роде здания, неповторимые «живые су-

щества», что соответствовало его идеям о социально-преобразующей роли архитектуры.

Мис ван дер Роэ ввел в свою работу строгую математическую гармонию и утверждал, что архитектура должна вырастать из эстетического осмысления строительной техники. Он же выдвинул тезис «меньше есть больше»[54] (его восприняли художники-минималисты), означавший, что строгость, аскетичность и даже стандартность формы могут скрывать богатое содержание и могут разбудить творческую фантазию воспринимателя. Творчеству Мис ван дер Роэ свойственна была простота, гармония, откровенная и обнаженная ясность конструкций. В 1959 г. по проекту Мис ван дер Роэ было создано здание Сигрэм на Парк-авеню в Нью-Йорке — четырехгранная высокая башня строгих пропорций, сделанная из бронзы и розового непрозрачного стекла, отражающего солнце, небо и облака.

Для Э. Сааринена также был характерен рационалистический и геометрический стиль, упорядоченность и одновременно выразительность. К числу его наиболее значительных творений принадлежит ансамбль Технического исследовательского центра фирмы «Дженерал моторз» в Детройте (1955), а также здание библиотеки юридического факультета Чикагского университета и аэровокзал Международного аэропорта имени Джона Кеннеди близ Нью-Йорка (1962).

В первое послевоенное десятилетие померкли и были отброшены надежды на то, что архитектура способна разрешить социальные проблемы,— идея, которую проповедовал Райт, а также В. Гропиус[55]. Архитектура стала ориентироваться в очень большой мере на требования техницизма, с чем и был связан расцвет рационалистической геометрической архитектуры. Резкое усложнение городской среды 60-х годов вызвало к жизни новые формы: скульптурно-криволинейные объемы, мощную (брутальную) выразительность бетона и стекла. Это время стало временем возрождения надежд на просветительские, воспитательные возможности прекрасного. Архитекторы снова создавали здания, имеющие черты неповторимости, а периодические издания по архитектуре заполнялись проектами городов будущего[56]. Подъем демократического движения в эти годы обусловил то, что в архитектурной среде, особенно среди молодых, был выдвинут лозунг «Да здравствует архитектор — социальный миссионер!». Участились призывы возвратиться к социал-утопизму в архитектуре. Выдвигались идеи «неокоммунализма» (идеального общинного быта)[57]. Позитивное значение этих начинаний подчеркивалось их связью с лозунгом и понятием «демократии участия» — расширения и стимулирования широкой, всеобъемлющей демократической инициативы. Однако такого рода начинания слишком часто быстро затухали или носили непрофессиональный характер.

Позднее, в 70-е годы, развился стиль, отрицающий высокие эстетические требования и осознанно подчиняющий себя коммерческим целям

[54] *Forsee A.* Men of Modern Architecture. Philadelphia, 1966.
[55] *Гропиус В.* Границы архитектуры. М., 1971.
[56] *Хайт В. Л.* Социально-утопические тенденции в архитектурном сознании Запада XX века.— Вопр. философии, 1982, № 6, с. 127.
[57] *Hayden D.* Seven American Utopias. The Architecture of Communitarian Socialism 1790—1975. Cambridge (Mass.), 1976; *Хайт В. Л.* Социально-философские проблемы в современной архитектуре Запада.— Вопр. философии, 1979, № 5. с. 159—16[illegible]

запросам «среднего» потребителя [58]. Это, как утверждалось, якобы должно было способствовать восстановлению прочности нравственных устоев. Архитектор Р. Вентури (р. 1925) заявил, что необходимо мириться с существующими вульгарностью и хаосом в градостроительстве [59]. Сам Вентури в первой половине 70-х годов строил дисгармоничные, как бы нарочито неказистые здания, и этот стиль был широко усвоен деловой архитектурой. В творчестве Вентури присутствовала также «игра»: нефункциональное декорирование фасада; создание претенциозных сооружений-парадоксов, несущих настроение иронии и одновременно мелодраматического кича. В этой манере в 1979 г. в Новом Орлеане архитекторами Ч. Муром и А. Пересом создан и причудливый фонтан, детали которого взяты из арсенала классицизма, с одной стороны, и неоновой рекламы — с другой. Архитекторы Р. Светт и Б. Стайн построили «дом архитекторов» (Окленд, штат Калифорния, 1979), который отличается «нарочито антиинтеллектуальным», по выражению самих авторов, сочетанием стандартных элементов и атрибутов классицизма [60].

«Игра» и вульгарный демократизм проявились в приеме обнажения в архитектуре несущих конструкций и технических систем оборудования зданий (супертехницизм, или хай-тек — высокая техника) [61], направление, к которому принадлежат, например, архитекторы X. Шулитц и X. Харди. В хай-теке — и традиционное любование американцев достижениями техники, и ирония по адресу этого любования. Один из образцов хай-тек — громадный католический собор, построенный архитектором Ф. Джонсоном (р. 1906) в Гарден Гров (штат Калифорния) в 1980 г. Внутри он имеет вид оранжереи с обнаженными трубчатыми металлическими элементами, покрытыми светоотражающим стеклом. С внешней стороны собор похож на гигантский многогранный кристалл.

В 70—80-е годы архитектура и строительная техника в США вступили в новый этап. Прочно вошли в употребление отражающие материалы, превращающие фасады зданий в гигантские зеркала. Одно из первых «зеркальных зданий» построил, как уже сказано, Мис ван дер Роэ. Такие же здания строили архитекторы К. Рош (р. 1922), Дж. Портмэн (р. 1927) и др. Приметой современной американской архитектуры является также сочетание стремления к стилизации в духе западноевропейской архитектуры прошедших веков, вплоть до эпохи Ренессанса, с намерением сохранить исторические черты в американской архитектуре, старые здания.

В социальном отношении американская архитектура весьма разнообразна: от строительства «неповторимых», с большим размахом и фантазией сооруженных зданий, зданий коммерческих и общественных центров, научных и культурных учреждений, созданных по индивидуальному заказу вилл и коттеджей до тянущихся миля за милей однообразных застроек с однотипной главной улицей, стандартных, безликих городских кварталов.

---

[58] *Иконников А. В.* Архитектура США. М., 1979.
[59] *Venturi R.* Complexity and Contradiction in Architecture. N. Y., 1966, p. 23.
[60] *Иконников А. В.* Постмодернизм, «хай-тек» и дизайн.— США — экономика, политика, идеология, 1982, № 7, с. 42—54.
[61] *Smith C. R.* Supermannerism. New Attitudes in Post-Modern Architecture. N. Y., 1977.

7. «МАССОВАЯ КУЛЬТУРА»

«Массовая культура» США показала себя весьма искусной в осуществлении своей охранительной функции по отношению к устоям буржуазного общества, в стремлении ослабить протест против социальной несправедливости и создать настроения эскапизма, ухода от действительности, погружения в мечту, в иллюзорный, фальсифицированный мир. Эти задачи «массовая культура» выполняла и выполняет отнюдь не прямолинейно. Она делает это изощренно, учитывая веяния времени. Однако идейный ее субстрат всегда неизменен. Суть его выражается триадой: основы американской социально-экономической системы функционируют «правильно», они незыблемы, «американская система» способна всегда справиться и справляется со своими недугами.

«Массовая культура» получила мощный толчок в годы маккартизма. Ее творцы и представители настойчиво внушали американцам, что у них есть «все»: автомобиль, туризм, профессиональный спорт, развлекательная музыка, наконец, самое последнее новшество — телевизор, и, стало быть, они должны быть довольны. На экранах потоком шли фильмы, антикоммунистические и антисоветские по содержанию. Привычным стал образ вероломного, жестокого «красного», с которым сражается (и неизменно выходит победителем) разведчик-супермен «международного класса» [62].

В 1953 г. начался показ широкоэкранных фильмов и выпуск так называемых «блокбастерс» (или суперколоссов) — дорогостоящих, пышных фильмов на библейские и исторические сюжеты (например, «Бен-Гур», «Самсон и Далила», «Падение Римской империи»). Экран захватили вестерны, изображавшие бутафорский, «голливудовский» Дальний Запад; мюзиклы, восхвалявшие материальный успех и развлечения. Буквально свирепствовала «лакированная» песенная индустрия (любовные шлягеры с легко запоминающимися мелодиями). Миллионными тиражами издавались книги Г. Вука — «военного романиста», прославлявшего внешнюю политику США.

С середины 50-х и в течение 60-х годов в силу подъема демократического движения «массовая культура» в значительной мере утратила свою привлекательность в глазах американцев. Приспосабливаясь к новой ситуации, она овладевала стилем и художественными приемами контркультуры. Намеренно ставя рядом серьезное и несерьезное, критическое и развлекательное, «массовая культура» превращала конфронтацию с истэблишментом в развлечение, фарс, штамп. Активно действовал в этом плане «большой бизнес». Он покровительствовал крайностям постмодернизма и контркультуры. Музеи широко открывали двери для самых бессмысленных поделок. В создании студий «антимузыки», в устройстве фестивалей рока, проходивших в атмосфере массового помешательства, участвовали фонды Форда, Рокфеллера и др. Звездам «наркотического рока» создавали шумную рекламу.

На рубеже 60—70-х годов и в 70-е годы стали нарастать консервативные настроения в высших эшелонах власти и в среде обывателей, был усилен нажим не только на леворадикальные группировки, но и на либе-

---

[62] *Schain R. E.* Hollywood's Cold War.— Journal of Popular Film, 1974, N 4, vol. 3.

ралов. В этой связи правящими кругами были предприняты энергичные меры, призванные затруднить духовные контакты между рабочей средой и демократической интеллигенцией. Этот маневр поддержала «массовая культура». В 1970 г. вышел на экраны фильм «Джо» Дж. Эвилдсена (р. 1937). Герой этого фильма — рабочий Джо — шлет проклятия в адрес либералов, хиппи, черных, атеистов — всех тех, кто стоит за расширение социальных программ. Джо и второй герой картины — представитель «среднего класса» (рекламный агент) — в конце фильма расстреливают обитателей коммуны хиппи, взяв на себя роль своего рода «мстителей» за «совращенную» молодежь. Фильм «Джо» «открыл тему»: в 70-х — начале 80-х годов вышел ряд фильмов, в которых «одиночка», обычно мирный человек, берется за выполнение функции «наведения порядка», выступая в роли спасителя общества от бунтарей и смутьянов.

Одновременно «массовая культура» стала разрабатывать линию «примирения» молодого поколения с поколением отцов. Выражением этой тенденции явился имевший шумный успех тривиальный фильм-мелодрама «История одной любви» (1970) А. Хиллера (р. 1923). Был создан жанр сентиментально-ностальгического «ретро», с помощью которого старались вернуть американцев к «былым идеалам» (например, фильмы «Рокки» (1976) Эвилдсена, «Крамер против Крамера» (1979) Р. Бентона и др.). В 80-е годы на экраны выводят «традиционного» американского героя — предприимчивого и практичного, добродетельного и, главное, награждаемого успехом. По-прежнему во всех изделиях «массовой культуры» фигурирует американский «супермен».

Отражая в примитивном варианте возросшее влияние мистицизма, «массовая культура» наводнила рынок потоком книг и фильмов о колдунах, вампирах, призраках «с того света», о людях (в том числе и детях), одержимых нечистой силой («демонология»). Как угроза Земле показываются в кино гигантские муравьи, клопы, зеленые стручки — двойники людей, акулы-людоеды и т. д. В 1976 г. Голливуд заново отснял фильм «Кинг-Конг», впервые появившийся на экранах в 1934 г.,— фильм об огромной горилле, сеющей разрушения. Появились певцы, заявлявшие о желании ввести слушателя в «комнату ужасов», создать «рок-шоу ужасов» (например, Элис Купер).

«Массовая культура» обращается и к политическим сюжетам. Она стремится при этом пробудить и утвердить веру в то, что американская общественная система не имеет серьезных изъянов и способна преодолеть любые трудности.

Примечательно отношение «массовой культуры» к агрессивной войне во Вьетнаме. Долгое время, почти десятилетие, «массовая культура» не осмеливалась затрагивать этого сюжета после провала шовинистического фильма Дж. Уэйна (1907—1979) «Зеленые береты» (1968). С конца же 70-х годов на экран широким потоком шагнула продукция, прославлявшая милитаризм и «цивилизаторскую» миссию американской военщины. Таков фильм «Ребята из третьей роты» (1978) С. Фьюри (р. 1933). Отнюдь не случайным совпадением было появление всей этой продукции с разработкой новых военных программ и кампанией по искоренению «вьетнамского синдрома». С начала 80-х годов снова резко возросло число поделок «массовой культуры», настойчиво внушавших американской публике враждебность к странам социализма, страх перед мифической «советской военной угрозой».

Примечательна позиция «массовой культуры» по отношению к негритянскому движению. В конце 60-х годов в фильмах Голливуда и телевидения (а не только на экранах независимых киногрупп) появились угрюмые черные герои, отвергавшие идеи «расовой гармонии». Но «массовая культура» придала особый колорит этим героям. Чаще всего они изображались склонными к жестокости и садистским проявлениям, например фильм М. Ван Пиблса (р. 1932) «Шикарная песня славного Суитбека» (1971). На экранах замелькали преуспевающие черные — обладатели шикарных машин, особняков и роскошных женщин. Таким образом, формула «секс и насилие», супергерой и успех повторялась теперь в «черном варианте». Белого американца запугивали образом «воинствующего черного», а черного — соблазняли материальным преуспеванием. Черный-герой становился уже и охранителем системы: появились негры-супергерои-детективы, шпионы (например, фильмы «Шэфт» (1971), «Суперфлай» (1972) и др.).

Одна из важных целей, преследуемой «массовой культурой» США путем насыщения ее продукции насилием и глумлением над достоинством,— воспитать людей, воспринимающих бесчеловечность как норму. К тому же порноиндустрия в американском кино после второй мировой войны стала важной коммерческой отраслью. Насилие и секс помогают завладевать сознанием потребителей «массовой культуры», ослабляя и убивая их стремление глубже вглядеться в окружающий мир, в обостряющиеся социальные проблемы. Все это отражает наличие тенденций упадка в буржуазной культуре, застойного духовного нездоровья общества.

Опасность американской «массовой культуры» кроется в ее существе, а также в том, что во второй половине XX в. определенно выявилось стремление правящих кругов США придать ей высокий ранг. Широко используя технические средства, «массовая культура» оказывает все более сильное противодействие демократическим традициям и стремлениям к высоким эстетическим критериям. «Массовая культура» опасна также и в том отношении, что ее экспансии по всему миру покровительствуют «большой бизнес» и пропагандистско-идеологические ведомства правительства США. По размаху эта экспансия не знает себе равных среди промышленно развитых капиталистических стран. Политику в области массовых коммуникаций называют в правительственных сферах США «четвертым измерением» международных отношений, и «массовая культура» в рамках этого измерения используется как ударное пропагандистское оружие [63].

---

[63] В советской научной литературе имеется ряд серьезных работ, посвященных анализу и критике «массовой культуры» США. См., например: *Карцева Е.* Идейно-эстетические основы буржуазной «массовой культуры». М., 1976; *Анастасьев Н.* Как стать кумиром: (Массовая беллетристика в США).— Иностр. лит., 1982, № 9; *Караганов А.* Киноискусство в борьбе идей. М., 1982; *Кукаркин А.* Буржуазная массовая культура. Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес. М., 1985.

Глава пятнадцатая

ОБЩЕСТВЕННЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

1. СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

В августе 1945 г. институт Гэллапа провел очередной опрос среди населения США об отношении к Советскому Союзу. На вопрос: «Можно ли доверять России и сотрудничать с ней в послевоенный период?» — 54% ответили утвердительно, 30% дали отрицательный ответ и 16% не имели определенного мнения по этому вопросу, причем среди образованной части населения число ответивших «да» достигло 71% [1]. Это и понятно: за годы совместной борьбы против гитлеровского фашизма, в разгром которого Советский Союз внес решающий вклад, рост симпатий к советскому народу в США стал распространенным явлением [2]. Творцы политики «холодной войны» стремились путем раздувания мифа о «советской военной угрозе», клеветы на общественный и государственный строй СССР, нагнетания военного психоза подорвать эти настроения. Однако сторонники жесткого курса по отношению к СССР в правящих кругах США, развернувшие разнузданную кампанию антисоветизма, не смогли добиться полного успеха. Традиции боевого сотрудничества, стремление к взаимопониманию были живы.

В первых рядах тех, кто выступал за продолжение политики сотрудничества с СССР, шла прогрессивная общественность в лице американских обществ дружбы с СССР, в деятельности которых принимали участие левые силы и коммунисты: Национальный совет американо-советской дружбы (НСАСД) в Нью-Йорке, Чикагский совет американо-советской дружбы, Американо-русский институт в Сан-Франциско, Американо-русский институт в Лос-Анджелесе. В заявлении НСАСД в этой связи говорилось: «Сознавая опасность кампании по дискредитации СССР, проводимой определенными кругами и нацеленной на подрыв дружественных отношений между двумя странами, Национальный совет американо-советской дружбы принимает этот вызов и в противовес ему выдвигает программу расширения своей деятельности, которую можно назвать „Операция дружба“. Эта программа черпает силы из убеждения, что дружба между США и СССР является краеугольным камнем для сохранения мира» [3].

И хотя почва для продолжения линии на укрепление общественных контактов между обеими странами в первые послевоенные годы сохраня-

---

[1] The Gallup Poll. Public. Opinion. N. Y., 1978, vol. 1 (1935—1948), p. 523—524.
[2] *Byrnes J.* Speaking Frankly. N. Y., 1947, p. 71.
[3] Soviet Russia Today, 1946, Aug., p. 11. НСАСД был создан в Нью-Йорке в 1943 г., в том же году — Чикагский совет, АРИ в Сан-Франциско — в 1933 г., АРИ в Лос-Анджелесе — в 1946 г. и позже назван Общество культурных связей «США—СССР».

лась, ибо многие американцы оставались сторонниками развития и улучшения американо-советских отношений [4], деятельность НСАСД, Американо-русского института в Нью-Йорке [5] и других организаций прогрессивной и демократической общественности сталкивалась со все большими трудностями и препятствиями, чинимыми противниками сотрудничества с СССР. Уже в августе 1945 г. пресса Херста начала наступление на НСАСД, Американо-русский институт в Нью-Йорке и другие организации прогрессивной общественности, обвинив их в том, что они являются организациями «коммунистического фронта», а следовательно, представляют «угрозу» для национальной безопасности США. Вскоре по указанию министра юстиции США Т. Кларка НСАСД и другие организации прогрессивной общественности, выступившие за сохранение американо-советского сотрудничества, были занесены в список «подрывных» организаций со всеми вытекающими из этого последствиями [6].

В этих условиях мужественные и стойкие представители прогрессивной общественности США — председатель НСАСД Говард Мелиш, ее исполнительный директор Ричард Морфорд, президент АРИ в Сан-Франциско ученый-биолог Холланд Робертс, публицист и общественный деятель Корлис Ламонт, президент Американской ассоциации научных работников, ученый-биолог Гарри Грундрест, журналист Джессика Смит, писатель Альберт Кан, художник Антон Рефрежье и многие другие, не убоявшись преследований, клеветы и равнодушия, настойчиво боролись против разгула антисоветизма.

Весной 1948 г. около 300 тыс. американцев выступили с письмами протеста против фильма «Железный занавес», в котором советские люди были изображены как враги американского народа [7]. Опираясь на изъявление доброй воли рядовых американцев, прогрессивные силы продолжали свою благородную деятельность. Генеральная линия в вопросе об отношении к СССР была сформулирована в заявлении НСАСД, сделанном в 1948 г.: «...мы верим, что можно найти путь к мирному сосуществованию двух систем. Мы убеждены, что такой путь отвечает высшим интересам нашей страны. Национальный совет американо-советской дружбы отвергает тезис о том, что война неизбежна, и посвящает себя делу объединения усилий общественности Соединенных Штатов и Советского Союза во имя мира без войн» [8].

Объективная почва для достижения лучшего взаимопонимания между народами обеих стран сохранялась. Данные опросов общественного мнения свидетельствовали, что, несмотря на дезинформацию и запугивание, большинство американцев сохраняли свою веру в достижимость доб-

[4] По данным опросов общественного мнения, в 1947 г. 74% опрошенных высказались за продолжение сотрудничества и отметили важность поддержания дружественных отношений с СССР. См.: The Gallup Poll. Public Opinion(1935—1948). N. Y., 1978, vol. 1, p. 649.

[5] Американо-русский институт в Нью-Йорке был создан в 1925—1926 гг. по инициативе прогрессивной и демократической общественности. Располагая уникальной по своим масштабам библиотекой книг и периодических изданий о Советском Союзе, АРИ в Нью-Йорке вел большую работу по распространению правдивой информации о жизни в СССР. Под нажимом маккартистов был закрыт в 1951 г.

[6] *Parks J. D.* Culture, Conflict and Coexistence. Jefferson (N. C.), 1983, p. 131.

[7] Ibid., p. 129.

[8] The First Fifty Years. N. Y., 1967, p. 180.

рососедских отношений с СССР. В 1948 г. на вопрос: «Следует ли президенту Трумэну созвать международное совещание с участием СССР для выработки более эффективных мер по поддержанию мира?» — 63% опрошенных ответили утвердительно [9].

Даже в самые тяжелые годы «холодной войны» общественные и культурные связи между двумя странами не были полностью заморожены. 4 июня 1950 г. в Москву на празднование 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина прибыл видный американский общественный деятель и артист Поль Робсон. Десять дней, проведенные Робсоном в СССР, встречи с советскими людьми, теплый прием, оказанный ему советскими зрителями, произвели на него неизгладимое впечатление. «Я уезжаю из СССР,— говорил он,— с душевным подъемом, у меня словно выросли крылья, влекущие меня к новой, еще более напряженной борьбе за мир. Я увожу с собой из Москвы новые идеи и новые чувства и хочу сказать: я был, есть и буду преданным и искренним другом Советского Союза» [10].

В том же 1950 г. Советский Союз посетил известный американский художник участник I Всемирного конгресса сторонников мира в Париже Рокуэлл Кент. Следует отметить, что поездки в СССР американцев — участников I Всемирного конгресса сторонников мира П. Робсона и Р. Кента, как и факт самого участия в конгрессе многих видных американцев, убедительно свидетельствовали, что усилия правых в поддержку политики «холодной войны» не дают того эффекта, на который они рассчитывали. В 1950 г. обращение НСАСД к президенту Трумэну сохранить мир подписал 1 млн американцев, а в 1951 г. по инициативе АРИ в Сан-Франциско с большим успехом прошел фестиваль мира под девизом «Два народа, одна дружба», показав популярность идеи сохранения и расширения культурного сотрудничества между двумя народами [11].

В тесном контакте с АРИ в Сан-Франциско действовал Американо-русский институт в Лос-Анджелесе. Ему удалось к 1951 г. наладить выпуск ежемесячного бюллетеня, который информировал общественность о событиях в СССР. В условиях почти полного отсутствия информации о жизни в СССР бюллетень АРИ в Лос-Анджелесе и печатные издания других обществ дружбы с СССР выполняли благородную миссию пропагандистов достижений советской экономики, науки, культуры, их значения для прогресса человечества.

Начиная с 1953 г. происходит постепенное оживление советско-американских общественных и культурных связей. И вновь, как и прежде, Советский Союз был инициатором возобновления контактов. В апреле 1953 г. СССР посетила группа американских журналистов. Многие из них затем признали, что их представления о жизни в СССР не соответствовали действительности. В сентябре того же года поездку по Советскому Союзу совершили редакторы ряда университетских газет, в конце 1953 г. СССР посетила группа студентов американских университетов [12].

Гораздо сложнее обстояло дело с поездками советских граждан в США. Официальный Вашингтон заявлял, что инициатива СССР, направленная на возобновление советско-американских контактов, есть не что

[9] The Gallup Poll. Public Opinion, vol. 1, p. 730.
[10] Цит. по: *Зимянин В.* Поль Робсон. М., 1985, с. 191.
[11] Two Peoples — One Friendship, San Francisco, 1951, p. 4—5.
[12] *Parks J. D.* Op. cit., p. 136.

иное, как новая, более тонкая форма коммунистического «проникновения», и препятствовал таким визитам. В мае 1953 г. группа советских шахматистов, получив приглашение принять участие в матче шахматистов в Нью-Йорке, обратилась за визами, однако американская сторона выдвинула такие условия их пребывания в США, что поездка не могла состояться [13]. В 1954 г. СССР посетили известный журналист Э. Хьюз и писатель К. Даниэль [14]. Тогда же по Советскому Союзу совершили поездку представители американской пацифистской организации Комитета американских друзей на службе общества (квакеры), подчеркнувшие необходимость диалога между двумя странами на всех уровнях во имя сохранения мира.

Позиция официального Вашингтона вызывала все большее недовольство в широких кругах общественности. За более конструктивный подход выступили влиятельный либеральный общественно-политический журнал «Нейшн», орган деловой Америки «Уолл-стрит джорнэл», газета «Нью-Йорк таймс» и многие другие органы печати [15].

23 апреля 1955 г. в Вашингтоне состоялось открытие конференции организации «Американские ветераны встречи на Эльбе», которая была посвящена десятилетию встречи советских и американских солдат накануне окончания войны в Европе. Подчеркнув исторический характер этой встречи солдат союзных армий, вместе боровшихся против фашизма в годы второй мировой войны, участники конференции в Вашингтоне высказались за оздоровление американо-советских отношений. Выступившие на конференции высоко оценили инициативу руководителя организации американских ветеранов Дж. Половского и подчеркнули важность американо-советского сотрудничества в деле решения многих актуальных международных проблем. В адрес конференции поступили приветственные письма и телеграммы от многих американцев [16].

Следует отметить, что организаторы конференции в Вашингтоне планировали провести ее совместно с советскими ветеранами — участниками исторической встречи на Эльбе и направили в СССР соответствующее приглашение, которое с благодарностью было принято. Однако госдепартамент США отказал группе советских ветеранов во въездных визах. В ответ на это американские ветераны приняли приглашение советских ветеранов принять участие в праздновании 10-летия победы над фашистской Германией и прибыли в СССР 8 мая 1955 г. В совместном обращении, принятом на торжественном заседании 11 мая в Москве, ветераны двух стран подчеркнули: «Мы, советские и американские ветераны, участники исторической встречи двух союзных армий на реке Эльбе в 1945 году, собравшись в Москве по случаю десятой годовщины этого знаменательного события, торжественно заявляем, что мы не забыли дружественного союза, сложившегося в период военных лет. Встреча наших войск на Эльбе останется в истории человечества символом дружбы, доброй воли и взаимного уважения наших народов. Сегодня, как и десять лет назад, мы заявляем о своей решимости трудиться для дела дружбы между американским и советским народами, за установление мира во всем мире» [17].

---

[13] Ibid., p. 134, 138.
[14] Ibid., p. 137.
[15] Ibid., p. 143.
[16] Правда, 1955, 12 мая.
[17] Там же.

В 1957 г. крупный промышленник Сайрус Итон выступил с предложением о проведении встречи ученых СССР, США и других стран мира для поиска путей к ослаблению международной напряженности и предотвращения ядерной войны. Встреча состоялась в Пагуоше (Канада) в июле 1957 г. и положила начало регулярным контактам советских и американских ученых. В итоговом заявлении конференции подчеркивалось, что ее участники достигли высокой степени единодушия в отношении того, что человечество должно устранить нависшую угрозу ядерной войны [18].

Весть о выдающихся достижениях советской науки и техники — запуске первых искусственных спутников Земли — была воспринята прогрессивной Америкой как еще одно доказательство высокого уровня развития, достигнутого Советской страной, как свидетельство огромного таланта и трудолюбия советского народа, неисчерпаемых возможностей социализма, того, что политика «холодной войны» не отвечает подлинным интересам американского народа и делу мира на земле.

Американцы были буквально потрясены блестящими научно-техническими достижениями СССР. Слово «спутник» прочно вошло в словарь американцев. Интерес к СССР резко возрос. В ноябре 1957 г. 60% американцев высказывались за встречу руководителей США и СССР и обмен студентами, 47% — за развитие туристического обмена и 46% — за развитие торгово-экономических отношений между двумя странами. Наибольшую поддержку все четыре позиции получили среди интеллигенции — от 51 до 83% [19]. Осуществленный Советским Союзом прорыв в космос стал катализатором развернувшихся в США общенациональных дебатов о дальнейших путях американской политики, в центре которых неизбежно оказались вопросы об изменении в военном балансе сил между СССР и США. Сделав далеко идущие выводы из анализа возникшей ситуации, многие реалистически мыслящие ученые, общественные и политические деятели США к исходу 50-х годов приходили к мысли, что Соединенным Штатам надо отказаться от отвергнутой жизнью политики, основанной на стратегии с «позиции силы» [20].

В январе 1958 г. между СССР и США было подписано первое двухгодичное соглашение об обменах в области науки, техники, образования и культуры [21]. Вступление в силу нового соглашения было ознаменовано важными событиями в культурной жизни обеих стран. В Москве, Ленинграде, других городах СССР была открыта и имела большой успех выставка произведений Р. Кента. Сам художник, все еще лишенный правительством США заграничного паспорта, не мог присутствовать на этой встрече советских людей с его искусством. Лишь в последующие годы, после того как 26 июня 1958 г. Верховный суд США признал, что государственный департамент не имел юридического права отказывать американским гражданам в заграничных паспортах по политическим мотивам, Р. Кент, П. Робсон, исполнительный директор НСАСД Ричард Морфорд и многие другие представители прогрессивной общественности США получили возможность посетить Советский Союз. «Теперь, когда у меня появилась такая возможность, я буду счастлив принять участие

[18] *Бузуев В., Павличенко В.* Пагуош — это мир. М., 1960, с. 56.
[19] The Gallup Poll. Public Opinion. N. Y., 1978, vol. 2 (1949—1958), p. 1527—1528.
[20] *Вельтов Н.* Успехи социализма в СССР и их влияние на США. М., 1971, с. 60.
[21] Современная внешняя политика США: В 2-х т. М., 1984, т. 2, с. 158.

в культурном обмене между нашими народами»,— заявил корреспонденту ТАСС П. Робсон в июне 1958 г. накануне своей поездки в Советский Союз [22].

Оживление советско-американских контактов по государственной линии во второй половине 50-х годов создавало благоприятные условия и для развития связей по линии общественности. В 1958—1959 гг. продолжали развиваться контакты советских и американских ученых в рамках Пагуошских конференций. Состоялись еще четыре конференции, т. е. по две конференции в год. В них приняли участие видные советские и американские ученые А. В. Топчиев, Н. Н. Боголюбов, А. П. Виноградов, Е. А. Коровин, Е. К. Федоров, С. И. Вавилов, Л. Сцилард, Дж. Визнер, Л. Полинг и др. Участники дискуссий были единодушны в том, что необходимо прекратить гонку вооружений, не допустить новую войну. Они призывали отказаться от политики «холодной войны», уменьшить напряженность в международных отношениях, неуклонно расширять сотрудничество и укреплять взаимное доверие.

В целом встречи участников пагуошского движения продемонстрировали ответственный подход и стремление ученых к координации усилий в деле использования научных и технических открытий только в мирных целях. Свидетельством тому были выступления ученых СССР и США о необходимости безотлагательного прекращения испытаний ядерного оружия. Идею такого соглашения поддержала научная общественность Москвы 14 октября 1958 г. Вслед за тем, в ноябре 1959 г., Федерация американских ученых обратилась к правительству США с призывом как можно скорее достигнуть такого соглашения с СССР, «пока еще не слишком поздно» [23].

Общественная атмосфера в США вокруг возобновления американо-советского диалога постепенно менялась к лучшему. То, о чем раньше из опасения попасть в списки «неблагонадежных» говорили лишь с глазу на глаз, стало выноситься на широкое обсуждение в университетских аудиториях, клубах, церковных общинах. В дискуссии о проблемах мира и международной безопасности вовлекались все более широкие слои ученых, деятели культуры, бизнесмены.

Осенью 1960 г. в США в Дартмутском колледже [24] г. Хановера (штат Нью-Гэмпшир) состоялась первая встреча представителей советской и американской общественности, посвященная обсуждению вопросов советско-американских отношений. Она положила начало важному диалогу [25]. Эти встречи показали, что различия в подходах к решению обсуждавшихся вопросов не означают отсутствия взаимной заинтересованности в поисках выхода из тупика «холодной войны», в улучшении советско-американских отношений и обеспечении надежного мира. Комментируя итоги встречи, газета «Нью-Йорк таймс» 11 ноября 1960 г. в редакционной статье «В поисках мира» отмечала, что на «мрачном фоне

---

[22] Цит. по: *Зимянин В.* Указ. соч., с. 211.

[23] *Бузуев В., Павличенко В.* Указ. соч., с. 87.

[24] В дальнейшем встречи получили название Дартмутских — по имени колледжа, где состоялась первая из них.

[25] Идея проведения встречи родилась во время поездки в СССР в 1959 г. Нормана Казинса, одного из руководителей американской общественной организации Комитет за разумную ядерную политику, созданной в 1957 г. и выступившей за изменение политики США в области ядерных вооружений.

международной напряженности появился маленький, но потенциально важный луч света».

Вторая Дартмутская встреча состоялась в СССР, в Крыму, в мае 1961 г. В ходе ее была рассмотрена роль общественности США и СССР в сохранении мира. Участники встречи высказались за достижение соглашения на переговорах о прекращении ядерных испытаний, которые велись между СССР, США и Великобританией с 1958 г. В дискуссиях

ПОЛЬ РОБСОН В МОСКВЕ. 1958

приняли участие драматург А. Е. Корнейчук, композитор В. И. Мурадели, писатель Б. Н. Полевой, кинорежиссеры С. И. Юткевич и С. А. Герасимов, академики И. И. Артоболевский и Е. К. Федоров, председатель Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) Н. В. Попова, председатель правления издательской фирмы «Энциклопедия Британника» У. Бентон, писатель С. Чейз, историк Дж. Ф. Кеннан, помощник директора центра по изучению международных проблем Массачусетского технологического института У. Ростоу и многие другие.

25 апреля 1961 г. в Торгау (ГДР) состоялась встреча американских и советских ветеранов второй мировой войны — участников встречи советских и американских войск на Эльбе. Встреча в Торгау у мемориала павшим в борьбе с фашизмом была организована Советским комите-

том ветеранов войны (СКВВ) и американской организацией ветеранов «Руки дружбы», созданной в 1960 г. в целях развития и укрепления дружественных контактов между ветеранами двух стран.

Заметную роль в развитии связей между советской и американской общественностью сыграли активисты женского демократического движения США. Первые после длительного перерыва, вызванного «холодной войной», контакты женской общественности двух стран состоялись в ходе второй Дартмутской встречи. Тогда была достигнута договоренность о проведении встречи женщин обеих стран в США в конце 1961 г. С американской стороны ее инициатором выступила американская секция Международной женской лиги за мир и свободу (МЖЛМС) — женская пацифистская организация, созданная в 1916 г., с советской — ССОД. Встреча состоялась в Брин-Море (штат Пенсильвания) в ноябре 1961 г. Ее участники единодушно высказались за развитие и расширение контактов между общественностью двух стран [26]. В последующие годы, за исключением 1965—1969 гг., т. е. в годы агрессии США во Вьетнаме, встречи женской общественности двух стран проводились на регулярной основе.

Большое значение для развития общественных и культурных связей двух стран имело создание в СССР в августе 1961 г. новой общественной организации — Института советско-американских отношений (ИСАО). Президентом ИСАО был избран известный советский ученый академик Н. Н. Блохин, который возглавляет Общество «СССР—США» и по сей день [27].

Для тех американцев, кто в трудных условиях «холодной войны» отстаивал идею мирного сосуществования и сотрудничества с СССР, эта инициатива советской общественности имела огромное значение. «Создание Института в такое трудное и критическое время,— писали в ИСАО активисты АРИ в Сан-Франциско,— еще раз подчеркивает мужественное стремление Советского Союза к ослаблению международной напряженности, который настойчиво протягивает руку дружбы и взаимного сотрудничества всем народам. Мы считаем, что этот шаг во многом будет способствовать устранению тех подозрений и недопонимания, которые так рьяно культивировались сторонниками „холодной войны" в американском народе в послевоенный период» [28]. В адрес ИСАО поступали письма от отдельных лиц и различных организаций с выражением солидарности с целями ИСАО и заинтересованности в развитии конструктивного диалога между СССР и США.

О желании сотрудничать с ИСАО в развитии американо-советских общественных и культурных связей заявили Национальный совет американо-советской дружбы, Американо-русский институт, Чикагский совет американо-советской дружбы, Федерация американских ученых, Комитет за разумную ядерную политику, Американцы за демократическое действие, Ассоциация молодых христиан, американская секция МЖЛМС, движение «Женщины, боритесь за мир» и многие другие общественные организации США самых различных политических направлений. В общей сложности за развитие контактов и сотрудничество с советской общест-

---

[26] Saturday Review, 1962, Mar. 24, p. 220.
[27] В 1976 г. ИСАО переименован в Общество «СССР—США».
[28] Архив ССОД, 1961, оп. 11/4, д. 100, л. 7.

венностью к августу 1962 г. выступило около 40 общественных, научных, молодежных, религиозных, женских и творческих организаций США.

В широких кругах американской общественности развивалась и крепла тенденция, противодействующая стремлению правых сил к сохранению атмосферы «холодной войны» и антисоветизма. Огромным успехом у американцев пользовались советские выставки «Детские книги и иллюстрации», состоявшиеся в мае—августе 1960 г. в Нью-Йорке, Денвере и Кливленде, «Медицинское обслуживание и медицинское оборудование» — в сентябре—ноябре 1961 г. в Чикаго и Миннеаполисе, «Художественное и техническое творчество детей» — в январе—апреле 1962 г. в Нью-Йорке, Миннеаполисе и Вашингтоне.

Реакция в США пыталась использовать Карибский кризис (1962 г.) для нагнетания антисоветских настроений. Однако состоявшаяся 21—27 октября 1962 г. третья Дартмутская встреча, хотя и выявила различия в оценке международных событий, тем не менее единодушно высказалась за продолжение дискуссий и за урегулирование конфликта мирным путем [29]. События октября 1962 г. еще более усилили озабоченность американцев угрозой ядерной войны и побудили многих из них к новым акциям в защиту мира. «Мы как народ медленно пробуждаемся из состояния овечьей апатии последних лет»,— писал в те дни известный американский публицист Фрэд Кук [30]. В декабре 1962 г. на вопрос: «Верите ли вы, что мирное решение разногласий между Россией и Западом возможно?» — 63% опрошенных ответили утвердительно [31].

Подписание в Москве Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой в августе 1963 г. было воспринято большинством американцев в целом с чувством глубокого удовлетворения и еще более укрепило их веру в то, что американо-советское сотрудничество возможно. 63% опрошенных американцев высказались за ратификацию сенатом этого договора [32].

Общественность США приветствовала такое развитие советско-американских отношений. Участники четвертой Дартмутской встречи, состоявшейся в июле 1964 г. в Ленинграде, единодушно высказались за принятие дальнейших мер в области ограничения гонки вооружений, за мирное урегулирование всех спорных вопросов и поиск путей улучшения американо-советских отношений, за развитие научного, культурного и торгово-экономического сотрудничества.

В США возрастал интерес к достижениям советской культуры. В 1965 г. с большим успехом прошли гастроли Московского художественного академического театра им. А. М. Горького, артистов Ленинградского академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова, балетной труппы Государственного академического Большого театра, симфонического оркестра Московской филармонии под управлением Е. Светланова, Государственного академического ансамбля народного танца под руководством И. Моисеева, выставки произведений народного художника СССР П. Корина, советской детской игрушки и детского творчества в СССР. Тысячи жителей США присутствовали на выступлениях совет-

---

[29] Saturday Review, 1962, Nov. 10, p. 24.
[30] *Cook F.* The Warfare State. N. Y., 1962, p. 355—356.
[31] The Gallup Poll. Public Opinion. N. Y., 1978, vol. 3 (1959—1971), p. 1799.
[32] Ibid., p. 1837, 1849.

ских артистов, посетили советские выставки, наблюдали за выступлениями советских и американских спортсменов.

Президент АРИ в Сан-Франциско Х. Робертс писал в январе 1966 г., что успех всех этих мероприятий «явился еще одним свидетельством роста понимания в Америке необходимости культурного обмена, дружбы и мира между нашими народами» [33].

В это же время в СССР были организованы выставки американских художников Э. Паккарда, Б. Рэндолла и А. Рефрежье, выступления артистов Американского театра балета, солистов нью-йоркского театра «Метрополитен опера» Дж. Хайнса и Л. Омара, Кливлендского симфонического оркестра, скрипачей Дж. Фукса и С. Харта, выдающегося пианиста Вана Клиберна, на экранах демонстрировался ряд произведений выдающихся американских кинематографистов — Элиа Казана, Стэнли Креймера и др.

Дальнейшее расширение американской агрессии во Вьетнаме во второй половине 60-х годов затруднило развитие советско-американских общественных и культурных контактов, привело к их свертыванию. В силу неблагожелательной позиции вашингтонских властей были приостановлены Дартмутские встречи, встречи женщин двух стран. В значительной мере был сокращен объем советско-американских культурных обменов, предусмотренных ранее межправительственным соглашением. Серьезно обеспокоенная таким развитием событий демократическая общественность США искала пути к восстановлению и продолжению советско-американского диалога. Важную и полезную инициативу в то тревожное время проявили американские квакеры, осудившие попытки Вашингтона чинить препятствия контактам общественности двух стран [34]. В 1966 г. в СССР состоялась первая встреча советской и американской общественности, организованная ИСАО и квакерской пацифистской организацией — Комитетом американских друзей на службе общества. Эта встреча дала толчок к возобновлению регулярных контактов общественности двух стран в целях обсуждения и поиска путей преодоления опасного ухудшения советско-американских отношений и ослабления международной напряженности.

Осенью 1967 г. американская прогрессивная общественность торжественно отметила 50-летие Советского государства. Главным событием программы юбилейных мероприятий был симпозиум «Первые 50 лет», который состоялся по инициативе НСАСД в крупнейших городах США: Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе. В обсуждении вопросов советско-американских отношений, итогов социально-экономического развития СССР, системы образования при социализме, развития советской науки, культуры и техники приняли участие видные ученые и общественные деятели, представители творческой интеллигенции. Серьезное внимание было уделено проблемам американо-советского торгово-экономического сотрудничества [35].

Подключение представителей деловых кругов к движению общественности за мир и развитие американо-советского сотрудничества было важным признаком меняющихся настроений в стране. Американские бизнесмены, не связанные с производством вооружений, были обеспокоены

[33] Архив ССОД, 1966, оп. 9, д. 39, л. 17.
[34] Проблемы британской истории. М., 1982, с. 142.
[35] Архив ССОД, 1968, оп. 9, д. 69а, л. 226.

отрицательным воздействием милитаристской политики правительства на экономику страны и положение США на мировых рынках. Важная роль среди них принадлежала С. Итону и А. Хаммеру, чьи активные выступления в пользу развития американо-советских отношений в духе добрососедства и сотрудничества сыграли заметную роль в расширении числа сторонников контактов двух стран в деловых кругах США.

В период разрядки международной напряженности наблюдалось оживление советско-американских общественных и культурных связей. С 13 по 18 января 1969 г. состоялась пятая Дартмутская встреча, ее участники единодушно высказались за безотлагательное начало советско-американских переговоров по вопросу об ограничении стратегических вооружений и о сокращении военных расходов, за мир и безопасность на международной арене.

Заметным событием, давшим толчок восстановлению советско-американских контактов и общественных связей, стала первая национальная конференция «Мирный вызов», организованная в марте 1969 г. в Нью-Йорке. В ней приняли участие представители 70 крупнейших общественных организаций США разной политической ориентации. В качестве наблюдателей присутствовало более 2 тыс. человек. Среди ораторов были сенаторы Дж. Макговерн, У. Фулбрайт, А. Крэнстон, Дж. Кларк, представители университетских и деловых кругов и т. д. Они говорили о необходимости ратифицировать Договор о нераспространении ядерного оружия и особо подчеркивали возможность достижения советско-американских договоренностей в переговорах об ограничении стратегических вооружений, намеченных на конец 1969 г. в Хельсинки [36].

Вторая национальная конференция «Мирный вызов» состоялась в мае 1970 г. в Нью-Йорке, на которой было представлено около 150 общественных организаций и около 50 фирм США, в том числе: Американская ассоциация женщин с университетским образованием, Американский совет молодых политических лидеров, Федерация американских ученых, Комитет за мировое развитие и всеобщее разоружение, Институт международных проблем, Комитет учителей за мир во Вьетнаме, Объединенная методистская церковь, Комитет американских друзей на службе общества, Национальная студенческая ассоциация, Международная женская лига за мир и свободу, движение «Женщины, боритесь за мир», Национальный совет женщин США, Национальный совет американо-советской дружбы, компании «Америкэн эйрлайнз», «Контрол дейта», «Истерн эйрлайнз», «Пан-Америкэн» и многие другие. Всего в конференции участвовали 3 тыс. человек. Присутствовала и делегация советской общественности, в том числе вице-президент Академии наук СССР академик М. Д. Миллионщиков, директор Института США и Канады АН СССР академик Г. А. Арбатов и др. Лейтмотивом большинства выступлений была мысль о необходимости покончить с «холодной войной» и обеспечить продвижение по пути сотрудничества между СССР и США в области разоружения, охраны окружающей среды, научного и культурного обмена, а также в области торговли [37].

Этот же тезис прозвучал и на шестой Дартмутской встрече, состоявшейся в Киеве с 12 по 16 июля 1971 г., которая подчеркнула значение

[36] The First National Convocation on the Challenge of Building Peace. N. Y., 1969, Mar. 8.
[37] New Dimensions, 1970, July 3, p. 2.

регулярных контактов и переговоров между США и СССР для улучшения политического климата и решения неурегулированных вопросов[38]. Солидарность с этой позицией выразили и участники третьей встречи женской общественности США и СССР (август 1971 г.).

В начале 70-х годов в США с успехом выступили солисты Большого театра, Государственный Омский русский народный хор, пианист Владимир Крайнев, скрипачи Валерий Климов и Леонид Коган, на кинофестивалях в различных городах США демонстрировались советские фильмы. В СССР гастролировал американский балет на льду «Холидей он айс», ансамбль современного танца под руководством Элвина Эйли, певица Луис Маршалл, пианист Джон Браунинг.

Состоявшиеся в первой половине 70-х годов советско-американские встречи на высшем уровне, в результате которых были подписаны важные советско-американские документы, были с удовлетворением встречены демократической общественностью США. Достигнутые соглашения, углубляющие разрядку, вселяли оптимизм и надежды на укрепление доверия между народами обеих стран[39]. Как показали опросы, подавляющее большинство американцев одобрили советско-американские переговоры на высшем уровне[40].

Эти настроения отчетливо проявились и в ходе седьмой и восьмой Дартмутских встреч, состоявшихся в 1972 и 1974 гг. В итоговом документе восьмой Дартмутской встречи говорилось, что ее участники «рассматривают разрядку напряженности не как временный и удобный тактический ход, а как постоянно действующий и необходимый механизм мира во всем мире. Разрядка — это процесс, посредством которого обе страны наряду с другими странами мира могут эффективно урегулировать еще ожидающие своего решения проблемы в отношениях между ними»[41].

В целях закрепления наметившейся в США положительной тенденции к укреплению и расширению советско-американских общественных связей в Вашингтоне 10 июля 1974 г. состоялось учредительное собрание Комитета по американо-советским отношениям (в 1977 г. он был переименован в Комитет за согласие между Востоком и Западом). В исполком комитета вошли видный ученый Дж. Гэлбрейт, крупный бизнесмен президент «Пепсико, инк.» Д. Кендалл, бывший помощник президента Кеннеди Дж. Визнер, известный американский актер К. Дуглас, президент Дьюкского университета Т. Сэнфорд, сенатор Ю. Маккарти, бывший дипломат и историк Дж. Кеннан, обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Г. Солсбери, видный профлидер Л. Вудкок и др., всего 70 человек.

Вопреки усилиям врагов разрядки общественные и культурные связи между США и СССР и во второй половине 70-х годов оставались на сравнительно высоком уровне. Используя значительный потенциал в общественном сознании в пользу разрядки, накопленный в предыдущие годы, заметно активизировалась и расширила свою деятельность прогрессивная общественность США. Несколько выросла социальная база движения, представляемая НСАСД, расширилась его география. Были вос-

[38] Правда, 1971, 28 июля.
[39] New World Review, 1973, vol. 41, N 3, p. 25.
[40] Американское общественное мнение и политика. М., 1978, с. 234—235.
[41] Новое время, 1974, № 21, с. 30.

становлены прекратившие существование в годы «холодной войны» отделения НСАСД и созданы новые. Вырос и расширился обмен связей между НСАСД и ССОД. Он стал проводиться на регулярной основе, в соответствии с планами сотрудничества между НСАСД и Обществом «СССР—США», обновляемыми каждые три года. Всего в конце 70-х годов в США насчитывалось более 100 общественных, научных и культурных организаций, выступающих за развитие американо-советских отношений[42], объединяющих самые широкие круги общественности страны.

В рамках культурного обмена в 1979 г. в США гастролировали шесть крупнейших советских художественных коллективов и 39 солистов, в том числе симфонический оркестр Московской филармонии, балетная труппа Большого театра, оркестр русских народных инструментов, цирковая группа, большая группа артистов (85 человек) с концертной программой «Танцы народов СССР», камерный оркестр Литовской ССР, квартет им. Бородина.

Большой интерес у американцев вызвали организованные в США в 1977—1979 гг. выставки «Советская женщина», «Спорт в СССР», «История русского костюма», «Русская и советская живопись», «Сокровища музеев Московского Кремля», «Сибирь научная» и др. В эти же годы по соглашению между Министерством культуры СССР и Комитетом межуниверситетских связей северо-западных штатов США в Миннеаполисе и Вашингтоне был организован фестиваль русской культуры, в рамках которого экспонировались выставки изобразительного и прикладного искусства, книг, в театрах шли пьесы русских и советских авторов. В свою очередь, в СССР в 1977—1979 гг. были организованы выставки «Американские художники-реалисты», «Античное искусство из коллекции музея „Метрополитен"», «Фотография в США» и др. В Советском Союзе выступили эстрадная группа США «Би-Би-Кинг и его ансамбль», джазовая группа «Гейтмаус Браун шоу», джазовый оркестр «Презервейшн холл».

Значительное место в культурном обмене между двумя странами занимают литературные связи. В общем выпуске зарубежных переводных изданий, вышедших в СССР за последние 30 лет, литература США занимает ведущее место. По числу названий произведения авторов США составляют более 15% всей переводной зарубежной литературы. Это является свидетельством глубокого интереса советских людей к американской литературе. Основную часть книг составляют издания по естественным наукам и технике (около 60%). На долю художественной литературы приходится 25% по названиям и более половины по тиражам. Всего за послевоенный период книги американских авторов в СССР издавались свыше 7 тыс. раз тиражом около 204 млн. экземпляров. Широкой популярностью в СССР пользуется творчество Дж. Лондона, Марка Твена, Т. Драйзера, О. Генри, Ф. Купера, Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Р. Брэдбери, Дж. Сэлинджера, К. Воннегута, М. Уилсона и многих других выдающихся американских писателей и драматургов. В 1980 г. в СССР начато издание Библиотеки литературы США, рассчитанной на 45 томов[43]. Возросло и число книг советских авторов, переводимых в США (особенно в области науки и техники). В реферативном виде издавалось около

---

[42] Organizations Involved in Soviet-American Relations. Wash., 1983.
[43] Иностр. лит., 1986, № 3, с. 241.

190 советских научно-технических журналов. Получили устойчивое развитие контакты между писателями двух стран.

В конце 70-х годов в США влияние противников американо-советского сотрудничества, требующих его ограничения и свертывания, значительно возросло. Ревнители этой линии, используя печать, радио и телевидение, развернули широкую антисоветскую кампанию, в частности под тем предлогом, что они будто бы более выгодны СССР, чем США. Под давлением справа администрация Картера повела дело к свертыванию этих контактов. В январе 1980 г. президент Картер заявил, что США прекращают реализацию согласованных с СССР мероприятий по культурному обмену. Одним из первых шагов администрации США в духе этого решения был фактический запрет на проведение уникальной художественной выставки из собраний музеев СССР, которая была подготовлена по просьбе компании «Контрол дейта» и на протяжении двух лет должна была демонстрироваться в пяти городах США. В начале 1980 г. были прекращены все виды культурных обменов, резко сократился объем научных обменов.

Однако в широких общественных кругах США этот курс не получил ожидаемой поддержки. В начале 80-х годов в США появился ряд новых общественных организаций и движений, выступивших за сотрудничество с СССР в области предотвращения угрозы ядерной войны. Социальный спектр их участников был очень широким — от представителей левой и прогрессивной общественности до умеренных консерваторов. Так, большая группа американских ученых-медиков обратилась с открытым заявлением «Опасность: ядерная война» к главам государств СССР и США, в котором они выступили за запрещение ядерного оружия и ликвидацию ядерных арсеналов[44]. Эта гуманная и благородная инициатива американских ученых-медиков встретила понимание и горячую поддержку в СССР. Крупнейшие советские ученые-медики немедленно откликнулись на обращение своих американских коллег и высказались за объединение усилий в борьбе против ядерной угрозы. Первая встреча советских и американских врачей состоялась в декабре 1980 г. в Женеве. Ее участники — академик Е. И. Чазов, академик М. И. Кузин, профессор Б. Лаун, доктор Д. Мюллер и другие, исходя из понимания особой ответственности врачей за сохранение жизни и здоровья людей, высказались за предотвращение ядерной войны.

Призыв советских и американских ученых-медиков получил широкую поддержку в США. «Большинство простых американцев,— заявили участники советско-американской встречи, организованной в США общественной организацией „Диалог граждан США и СССР“ в 1981 г.,— осуждают воинственную антисоветскую позицию нынешней администрации США, стремятся к установлению и укреплению отношений дружбы и взаимопонимания с советским народом, считая, что совместные усилия общественности двух стран могут внести значительный вклад в борьбу против гонки вооружений и угрозы ядерной войны»[45].

История советско-американских общественных и культурных связей за послевоенный период является убедительным свидетельством того, что они играют весьма важную роль в деле ознакомления народов двух

[44] Милитаризм и разоружение. М., 1984, с. 328.
[45] Правда, 1981, 1 нояб.

стран с жизнью и деятельностью друг друга, содействуя созданию атмосферы доверия, столь необходимой для строительства отношений между странами на основе добрососедства и взаимовыгодного мирного сотрудничества. Эти связи в значительной степени способствуют накоплению потенциала доброй воли между двумя народами, достижению взаимопонимания при решении конфликтных и кризисных ситуаций, отсутствие которого в ядерный век может привести к непоправимым последствиям для всего человечества.

2. НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

После окончания второй мировой войны советско-американские контакты в области науки вступили в новый этап своего развития, характеризующийся прежде всего расширением их рамок. Начавшаяся в середине 50-х годов научно-техническая революция, вызвавшая гигантский прогресс науки и техники, в основу которого легли открытия в области атомной энергии, теоретической и экспериментальной физики, ракетной техники, автоматики и электроники, исследований Мирового океана, химии, космического пространства, окружающей среды, некоторых проблем геологии и биологии, определила основные направления научных связей между двумя странами. Выражением стремления ученых обеих стран к укреплению контактов между ними в условиях послевоенного мира стала посвященная 220-летию юбилейная сессия Академии наук СССР, состоявшаяся 16—24 июня 1945 г. в Москве и Ленинграде. В ней приняли участие ряд видных американских ученых, представлявших почти все главные научные центры США.

Однако развязанная правящими кругами США «холодная война» затормозила развитие международных связей ученых двух стран. Свыше 10 лет советские и американские ученые были лишены возможности непосредственно встречаться и обсуждать интересовавшие их проблемы. На поездки ученых США в Советский Союз был наложен запрет. Лишь после состоявшейся в августе 1955 г. в Женеве первой международной конференции ученых по мирному использованию атомной энергии, на которой советские ученые доложили о некоторых важнейших достижениях в этой области, вызвавших большой интерес американских ученых, возобновились советско-американские научные контакты. В мае 1956 г. ряд американских ученых приняли участие в организованной Академией наук СССР конференции по физике высоких энергий, в том же году начались визиты советских ученых в США.

Важной вехой на пути укрепления контактов ученых двух стран стало их сотрудничество при проведении Международного геофизического года (МГГ), начавшегося 1 июля 1957 г. В период МГГ советские и американские ученые, как и ученые других стран, проводили комплексные научные исследования глубинных физических процессов на Земле, в атмосфере и в космосе. В результате были созданы мировые центры данных в Москве и Вашингтоне, собирающие результаты наблюдений по всему комплексу геофизических исследований [46].

В январе 1958 г. в Москве между правительствами СССР и США было подписано первое двухгодичное соглашение об обменах в области

---

[46] Ежегодник Большой Советской Энциклопедии, 1958. М., 1958, с. 420—423.

науки, техники, образования и культуры. Предусматривалось его продление на очередные двухгодичные периоды. Несмотря на ограниченность связей, которые могли быть установлены в рамках соглашения, оно сыграло положительную роль [47]. Это было первое в истории советско-американское межправительственное соглашение, послужившее правовой основой для развития сотрудничества советских и американских ученых. На основе соглашения от 28 января 1958 г. между АН СССР и Национальной академией наук США (НАН) в 1959 г. было подписано соглашение об обмене учеными в области естественных наук. В 1961 г. был принят рабочий документ об обмене учеными по общественным наукам между АН СССР и Американским советом познавательных обществ [48]. Эти соглашения предусматривали взаимное ознакомление с работами в различных областях науки и техники, чтение лекций, проведение семинаров и научных исследований.

В 1962 г. между Академией наук СССР и Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства США было заключено соглашение о сотрудничестве в использовании космического пространства в мирных целях [49]. В последующие годы АН СССР установила и расширила связи с другими научными организациями США: Американским химическим обществом — по химическому катализу, Национальным научным фондом — по глубоководному бурению, Управлением по энергетическим исследованиям и разработкам (ЭРДА) — по энергетике [50].

Большое значение для развития советско-американских контактов в области науки имела вторая международная конференция ученых по мирному использованию атомной энергии, состоявшаяся в сентябре 1958 г. в Женеве [51]. Внимание участников конференции, особенно членов американской делегации, привлек доклад академика А. П. Александрова о создании первого в мире атомного ледокола «Ленин». Живой интерес вызвал также доклад академика Л. А. Арцимовича о научных исследованиях в СССР в области термоядерного синтеза. Это была новая международная проблема, поставленная еще в 1956 г. академиком И. В. Курчатовым в прочитанной им лекции в Харуэлле во время поездки в Англию [52]. В октябре 1959 г. делегация видных американских ученых и инженеров во главе с председателем Комиссии по атомной энергии США Дж. Маккоуном подробно ознакомилась с атомным ледоколом «Ленин». Интерес американских ученых к научному прогрессу в Советском Союзе многократно усилился после того, как 12 апреля 1961 г. в космос поднялся Юрий Гагарин — гражданин Советского Союза.

Советско-американское научное сотрудничество приобретало новые формы. Проводились двусторонние встречи, симпозиумы, совместно обсуждались проблемы математики, метеорологии, радиоастрономии и т. д. В более широких масштабах стали осуществляться взаимные поездки ученых. В 1963 г. Академию наук СССР посетили президент НАН США

---

[47] США — экономика, политика, идеология, 1972, № 11, с. 4.
[48] Вестн. Академии наук СССР, 1977, № 6, с. 106.
[49] СССР—США: экономические отношения/Отв. ред. Е. С. Шершнев. М., 1976, с. 407.
[50] Вестн. Академии наук СССР. 1977, № 6, с. 106.
[51] Ежегодник Большой Советской Энциклопедии, 1959. М., 1959, с. 463, 464.
[52] Там же.

Ф. Сейтц и президент американского Совета познавательных обществ Ф. Буркхард.

Однако агрессия американского империализма против Демократической Республики Вьетнам и провокационная кампания, поднятая в США антисоветскими кругами, серьезно осложнили развитие советско-американского научного сотрудничества. Климат разрядки способствовал его оживлению. В 1970 г. АН СССР провела ряд важных международных и национальных мероприятий, которые привлекли большое внимание американских ученых и продемонстрировали их заинтересованность в участии в этих мероприятиях. На официальном заседании Комитета по исследованиям космического пространства (КОСПАР), состоявшегося в Ленинграде, присутствовали 173 американских ученых, на VII международном симпозиуме по химии природных соединений — 97 человек, на конференции по физике высоких энергий — 95, на XIII международном конгрессе историков — 234, на V международном конгрессе по экономической истории — 73 человека. Продолжалась работа по совместному изданию советско-американского труда «Основы космической биологии и медицины». В мае 1970 г. с краткосрочным визитом Академию наук СССР посетил президент Национальной академии наук США Ф. Хэндлер. В ходе его встречи с президентом АН СССР М. В. Келдышем были обсуждены проблемы расширения сотрудничества между двумя академиями.

В течение 1972—1974 гг. между правительствами СССР и США был подписан ряд соглашений о сотрудничестве в области науки и техники, в которых важная роль отводилась как советским, так и американским ученым. Был создан и специальный механизм, призванный содействовать выполнению этих соглашений,— Смешанная советско-американская комиссия по научно-техническому сотрудничеству [53], а также рабочие группы, в задачу которых входила выработка конкретных программ и их осуществление. Были определены направления научного сотрудничества в следующих областях: энергетика (в том числе научные исследования и разработки в таких областях, как магнитогидродинамика, термоядерный синтез, атомная энергетика и атомные реакторы, солнечная энергия, геотермическая энергия, передача энергии, использование вторичного тепла, повышение экономической эффективности электростанций); применение вычислительных машин в области управления; научные исследования в области сельского хозяйства; водные ресурсы; научные исследования в области химического катализа, производство веществ микробиологическим способом; охрана окружающей среды; исследования и использование космического пространства в мирных целях; здравоохранение; исследование Мирового океана [54].

Особенно большое место в сотрудничестве СССР и США в области науки занимали связи Академии наук СССР с Национальной академией наук США. В октябре 1972 г. США посетила делегация АН СССР во главе с президентом Академии наук СССР академиком М. В. Келдышем [55]. За всю историю научных связей между Америкой и Россией, США и СССР это был первый визит президента Академии в США. Есте-

---

[53] США — экономика, политика, идеология, 1972, № 11, с. 10, 11.
[54] Там же, с. 12; Вестн. Академии наук СССР, 1977, № 6, с. 107.
[55] Вестн. Академии наук СССР, 1973, № 10, с. 57.

ственно, обе стороны придавали этому визиту важное значение, рассматривая его как знаменательное событие в деле дальнейшего развития советско-американского научного сотрудничества. В подписанном 4 октября 1972 г. протоколе о состоявшихся переговорах обе стороны с удовлетворением отметили, что программа обмена учеными выполняется успешно. В июне 1973 г. Академию наук СССР посетила делегация ученых НАН США во главе с ее президентом Ф. Хэндлером [56]. В 1974 г. Соединенные Штаты посетила делегация Академии наук СССР во главе с вице-президентом АН СССР академиком Ю. А. Овчинниковым [57].

Важной вехой вошел в историю советско-американских отношений в области науки 1975 год. В июле этого года был успешно осуществлен первый в истории международный полет пилотируемых космических кораблей «Союз» и «Аполлон», послуживший яркой иллюстрацией благотворного влияния процесса разрядки на взаимовыгодное научное и техническое сотрудничество двух стран. 7 октября 1975 г. в Москве, а затем в Ленинграде проходила юбилейная сессия Академии наук СССР, посвященная 250-летию ее основания. В торжествах приняла участие делегация видных ученых США; многочисленные научные учреждения США прислали свои приветствия.

В течение 1976—1977 гг. научные связи Академии наук СССР с научными организациями США продолжали развиваться, охватывая при этом все новые области научных знаний. К ним относятся изучение проблем радиоинтерферометрии на сверхдлинной базе, физики твердого тела, новых направлений в биологии, экспериментальной психологии и др. Получили дальнейшее развитие совместные работы в рамках межправительственной программы сотрудничества, прежде всего в области физики, химического катализа, МГД-преобразования энергии, охраны окружающей среды.

Вторая сессия межправительственной советско-американской комиссии по сотрудничеству в области энергетики, состоявшаяся в Москве в декабре 1977 г., специально отметила эффективную работу советских и американских ученых в области МГД-преобразования энергии. Были сделаны полезные шаги в области совместной разработки проблем теоретической физики, в деле изучения Мирового океана [58].

Активная роль в научных контактах с США в области общественных наук принадлежит таким учреждениям Академии наук СССР, как Институт США и Канады, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт всеобщей истории, Институт международного рабочего движения и др. Соответствующие соглашения сделали возможным взаимные визиты ученых для работы в архивах и библиотеках, выступлений с лекциями и т. п. В рамках сотрудничества в области исторической науки проводились регулярные коллоквиумы для обсуждения актуальных проблем истории обеих стран. В 1980 г. вышло в свет на русском и английском языках идентичное издание в СССР и США «Россия и США: становление отношений, 1765—1815 гг.».

Связи советских и американских ученых осуществлялись по различным каналам: в рамках межакадемических и межправительственных со-

---

[56] Там же, с. 58.
[57] Там же, 1977, № 6, с. 107, 108.
[58] Там же, 1978, № 10, с. 113.

глашений, по линии министерств и ведомств обеих стран, межправительственных и неправительственных международных организаций, участия в международных конгрессах и симпозиумах и т. д. Только по линии Академии наук СССР в 1977 г. в США выезжало более 500 советских ученых, в то же время более 700 американских ученых были приняты в академических учреждениях СССР [59].

На состоявшейся в феврале 1979 г. в Москве VI сессии смешанной советско-американской комиссии по научно-техническому сотрудничеству была дана положительная оценка по итогам совместных усилий в ряде отраслей и направлений науки и техники, таких, как химический катализ, электрометаллургия, микробиология и др.[60] Важное значение и взаимовыгодность дальнейшего развития советско-американских научно-технических связей подчеркивали и многие политические руководители США [61].

Произошедшее по вине империалистических кругов США ухудшение советско-американских отношений в конце 70-х годов отрицательно сказалось и на состоянии научных контактов между двумя странами. Под разными надуманными предлогами американская сторона начала проводить их свертывание. Правые все решительнее выступали за превращение кампании «в защиту прав человека» в средство дискредитации советско-американского научно-технического сотрудничества, в инструмент давления на правительство и конгресс в целях его прекращения [62]. В результате был нанесен урон прогрессу мировой науки, а в политическом плане — взаимопониманию между народами обеих стран, этой важнейшей предпосылке сохранения мира в ядерный век.

---

[59] Там же, с. 114.
[60] США — экономика, политика, идеология, 1979, № 6, с. 99.
[61] Там же, 1978, № 10, с. 23.
[62] Там же, с. 19, 20.

ИСТОРИОГРАФИЯ

1. АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРАКТИКА КОНКРЕТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сужение сферы господства капитализма после окончания второй мировой войны означало углубление его общего кризиса. Идеи марксизма-ленинизма еще раз подтвердили свою истинность в общественно-политической практике человечества, их влияние на умы людей во всем мире возросло. Перед буржуазной исторической мыслью США, превратившихся в результате войны в главный оплот империализма, господствующий класс поставил задачу: создать такое историческое видение мира, которое оправдывало бы и обосновывало дальнейшее существование буржуазного общества, служа противовесом учению марксизма-ленинизма о классовой борьбе, о смене общественно-политических формаций, о неизбежности победы более передового общественного строя — социализма над капитализмом. Одновременно преследовалась цель подорвать и свести на нет окрепшее в предвоенные и военные годы социально-критическое направление, опиравшееся на идейное наследие историков-«прогрессистов», значительное влияние на которое оказали марксистские исследования в области истории, философии, экономики, права.

Сотрудничество СССР и США в рамках антигитлеровской коалиции содействовало изменению отношения американцев к первой стране социализма, существенно ослабило воздействие навязанных реакционной пропагандой антикоммунистических и антисоветских вымыслов и предубеждений. Решающая роль СССР в победе над фашизмом внушала глубокое уважение к Советской стране, что нашло отражение в американском обществоведении. В ряде исследований видных историков (М. Лазерсона, Ф. Р. Даллеса, Г. Фишера), изданных в первые послевоенные годы, подчеркивалась мысль о том, что Советский Союз, одержав победу над самой бесчеловечной силой современности — фашистской Германией, проявил себя в качестве величайшей демократической и преобразующей силы. Уверенность в благоприятных перспективах советско-американских отношений выражалась на страницах многих книг, выходивших в свет в годы войны и первые послевоенные годы. Они свидетельствовали о возросшем интересе американцев к Советскому Союзу, его истории и культуре.

Однако уже в конце 1945 г. появились первые признаки изменения идейно-политического климата в стране. Рост консервативных и откровенно реакционных тенденций в политике господствующего класса США сказался и на буржуазной исторической науке. Методологические установки «прагматистского презентизма» или «субъективистско-релятивистско-презентистской школы» были использованы в первую очередь для перестройки буржуазной историографии в реакционно-консервативном

духе. На заседании Американской исторической ассоциации (АИА) в декабре 1946 г. были представлены доклады, пересматривающие в духе консерватизма многие важные проблемы истории США и мировой политики: о роли Т. Джефферсона в буржуазной революции XVIII в. (утверждалось, что он был не революционером, а «просвещенным либералом»); о роли народных масс в истории США (не они-де, а магнаты «большого бизнеса» являются ее главными творцами); о внешней политике Советского Союза (ее уподобляли политике «царской России», раздувая миф о «советской военной угрозе») и т. д.[1] Под сомнение ставилась идея исторического прогресса: она объявлялась субъективной категорией, зависящей от личности историка, его склонности к оптимизму или пессимизму[2]. В лучшем случае прогресс признавался как общая идея развития, но мыслился как разновидность плавного, поступательного движения, без скачков и революционных изменений в базисе и надстройке общества, причем высшим достижением «прогресса» объявлялись «американский образ жизни», «американская демократия», «американская цивилизация».

Так определилась начавшаяся смена вех в американской буржуазной историографии. Уверенность «прогрессистских» историков 30-х годов в возможности и необходимости социальных реформ сменялась скептицизмом в отношении их целесообразности. Убеждение в созидательной роли народных масс в истории, творческой силе социальных движений вытеснялось преувеличенным интересом к эволюции правительственных институтов и правительственной политики (особенно — внешней), «разумно» определяемой и направляемой сверху представителями правящей «элиты». На авансцену истории выводился «большой бизнес», который один из его апологетов — профессор истории Нью-Йоркского университета Т. Кокрэн назвал передовым отрядом наступающего со всех сторон индустриализма. Кокрэн откровенно призывал к переписыванию истории в интересах монополий[3].

Отход от традиций «прогрессистской» историографии[4] выразился в том, что на первый план вышли представители апологетической историографии, которые видели свою главную задачу в том, чтобы вытравить из сознания американцев идеи социальной критики и социального протеста, создать привлекательный образ «единой Америки», якобы призванной стать лидером в послевоенном мире. Историков призывали включиться в «холодную войну», дав ей идеологическое и историческое «обоснование»[5].

---

[1] American Historical Review, 1947, Apr., vol. 52, N 3, p. 599—601.

[2] *Fay S.* The Idea of Progress.— American Historical Review, 1947, Jan., vol. 52, N 2, p. 231, 243, 246.

[3] Предлагалось, в частности, заменить изложение истории «по президентам» («президентский синтез») подходом к ней с точки зрения «созидательной деятельности» монополий. См.: Cochran Th. C. The «Presidential Synthesis» in American History.— American Historical Review, 1948, July, vol. 53, N 4, p. 756; *Фурсенко А.* История бизнеса на службе монополий.— Вопр. истории, 1963, № 10.

[4] *Мальков В. Л.* К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии.— В кн.: Критика современной буржуазной и реформистской историографии/Под ред. А. А. Искендерова. М., 1974, с. 103—106.

[5] Этот социальный заказ был сформулирован профессором Пенсильванского университета К. Ридом в декабре 1949 г. в президентском докладе перед АИА. В нем говорилось о конце «века либерализма» в исторической науке, о необходимости для историков «занять воинственную позицию... Тотальная война, — подчеркивал

22 декабря 1950 г. в беспрецедентном обращении к АИА Трумэн призвал ее членов включиться в борьбу «против угрозы коммунистической агрессии», помогать правительству проводить политику американского верховенства в мире [6].

Откликом на подобные призывы стало оформление в эти годы направления в историографии, исповедовавшего так называемую теорию «консенсуса», или «согласия». Эта «теория», одним из авторов которой был либеральный историк Р. Хофстедтер, постулировала гармонию американского общества, отрицала глубину и значение социальных конфликтов, изгоняла из истории все связанное с ее взрывчатой стороной — массовые движения протеста, забастовки трудящихся, конфликт сил прогресса с силами реакции [7].

Среди консервативных историков школы консенсуса выделялась фигура Д. Бурстина. Свое литературное дарование и щедрую природную фантазию он употребил на создание рекламного труда об этапах эволюции «американского духа», воплотившегося в истории страны. Книга Бурстина сыграла существенную роль в появлении многочисленных, реакционных по духу работ, авторы которых открыто провозглашали консервативные взгляды на события и процессы социально-политического развития США в первые два десятилетия после второй мировой войны.

К созданию этого труда, как пояснял Д. Бурстин, его подтолкнула полемика в правящих кругах в связи с развернувшейся «интеллектуальной борьбой» против Советского Союза. Каким должно быть идеологическое оружие США в этой борьбе? — так ставился вопрос. С одной стороны, выражалось мнение: чтобы сплотить «монолитный Запад в противовес монолитному Востоку» необходимо выработать «философию демократии», основанную на единстве европейского и американского идейного наследия. Однако, по мнению Бурстина, демократия США «уникальна», ей свойствен особый «дух», порожденный американской почвой [8]; в отличие от европейской американской истории, утверждал он, присущи «преемственность и законность», отсутствие революционных потрясений и веры в «искусственные догматы». Ее фундамент был раз и навсегда заложен «отцами-основателями», давшими стране единственно «ортодоксальное американское кредо». Бурстин на деле оправдывал маккартизм (на словах он его осуждал), изображая как стихийное проявление подлинно «американского» сознания, сопротивляющегося попыткам привить систему взглядов, отличную от «ортодоксальной» [9].

Несколько иным было обоснование «идеологической войны» против революционной «ереси», изложенное в книге другого консервативного историка, Л. Харца, «Либеральная традиция в Америке». В ней Харц заявлял, что, поскольку в условиях «общего кризиса нашего времени», начавшейся «холодной войны» и «мировой вовлеченности» США выступают как «главная страна в борьбе против коммунистической революции», за «изоляцию марксизма», им необходимо иметь «социальное учение для противопоставления притягательной силе коммунизма во всех

он, — горячая ли, холодная ли, втягивает всех» (American Historical Review, 1950, Jan., vol. 55, N 2, p. 283—284).

[6] American Historical Review, 1951, Apr., vol. 56, N 3, p. 711.

[7] О Р. Хофстедтере см. т. 1 данного издания, с. 641—642.

[8] *Boorstin D. J.* The Genius of American Politics. Chicago, 1953, p. 3—5, 185—187.

[9] Ibid., p. 6—13, 18—19, 181.

частях света...»[10]. Призывая к выработке «новых фундаментальных категорий», Харц, как и Бурстин, ставил на первое место «уникальность» и «целостность» американского исторического опыта, якобы свободного от революционных потрясений и классовой борьбы, но «аргументировал» он это тем, что США не пережили стадии феодализма, а являются буржуазной страной «изначально» с преобладанием «среднего класса».

Утверждению нового подхода к истории в соответствии с теорией «согласия» содействовало и влияние американской буржуазной социологии, в которой в 50-х годах одержала верх концепция структурного функционализма. Общество трактовалось как система взаимозависимых частей, находящихся в состоянии равновесия. Конфликты же расценивались как отклонения в нормальном функционировании общества, как проявления его патологии. Особенное влияние на буржуазную историографию оказали работы Т. Парсонса, которые, по мнению американского историка Б. Стерншера, представляли собой «социологический аналог» теории «консенсуса»[11].

Свою лепту в становление консервативных взглядов внесли также представители политической науки (в частности, Р. Даль) и так называемой политической социологии (С. Липсет и др.), для которых тенденциозно подобранные примеры из современной истории США служили подтверждением «однородности» американского общества, его «исключительности» по сравнению с раздираемыми классовыми конфликтами европейскими странами. Известный социолог Д. Белл считал возможным в конце 50-х годов в этой связи объявить даже о наступлении «конца идеологии». Он возвестил «триумф конформизма» в общественном сознании Запада и пытался на этом основании обосновать вывод об «утрате влияния» идей марксизма-ленинизма на ход исторического развития[12].

Объединенными усилиями буржуазных историков, социологов и политологов (как консерваторов, так и значительно поправевших либералов) складывался новый «образ Америки» — экономически процветающего оплота «демократизма», «классового мира» и «прав человека». И все это писалось в период разгула маккартизма, когда из школ и вузов изгонялось свободное слово, когда голос честных ученых заглушался шовинистическими здравицами в честь «американской системы» и консерватизма. Появилась плеяда авторов, воспевавших жандармскую роль, которую взяли на себя США в капиталистическом мире, и с позиций яростного антирадикализма нападавших на любые проявления критической мысли. Распространение реакционных идей в исторической науке, являясь прямым порождением маккартизма, в свою очередь, питало и укрепляло последний, снабжая «аргументами» тех, кто выступал против историков прогрессивного направления и либералов.

Этому содействовала и беспринципная в целом позиция самих историков-либералов. За редким исключением, большинство из них заняло

[10] *Hartz L.* The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought since the Revolution. N. Y., 1955, p. 5, 25, 236, 283—286, 302—305.

[11] *Sternsher B.* Consensus, Conflict and American Historians. Bloomington; London, 1975, p. 29.

[12] *Bell D.* The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Glencoe, 1960. «В социологии, — писал по этому поводу профессор Гарвардского университета С. Хантингтон, — школа „конца идеологии"... способствовала тому, чтобы с иных методологических позиций дополнить и подтвердить тезис школы консенсуса» (Political Science Quarterly, 1974, Mar., vol. 89, N 1, p. 11).

колеблющуюся, непоследовательную позицию. В том, что в 50-е годы сумела так прочно утвердиться историография «консенсуса», немалую роль сыграли историки-либералы (например, А. М. Шлезингер-младший), оказавшиеся, по существу, на поводу у сил реакции в своем дрейфе вправо в годы «холодной войны», который привел их к фактическому единению с консерваторами на общей платформе «американской исключительности» и антикоммунизма.

В духе политического фольклора эпохи «холодной войны» либералы разработали и пропагандировали теорию «трансформации» американского капитализма. Согласно их точке зрения, в ходе «капиталистической революции двадцатого века» [13] он якобы превратился в «народный капитализм» [14], в котором ведущую роль играет не собственник-миллионер, а «новые группы управляющих» — выходцы из «среднего класса». На этот последний и перекладывалась ответственность за эксцессы политической реакции как на проявление (согласно концепции Р. Хофстедтера и Д. Белла) «поиска статуса» («статусной политики») со стороны рвущихся к власти представителей «среднего класса» [15]. Логика этой идеи приводила прямым путем к установлению генетической связи маккартизма с демократическими движениями конца XIX в. и 30-х годов XX в. [16]

Нельзя не отметить вместе с тем, что часть историков-либералов осуждали маккартизм как измену демократическим ценностям американской революции XVIII в. «Унизительно воспевать бунтовщиков прошлого — Джефферсона и Пейна, Эмерсона и Торо — и в то же время затыкать рот мятежникам сегодняшнего дня»,— писал профессор Колумбийского университета Г. С. Коммаджер [17]. М. Кэрти, охарактеризовав маккартизм как «особо ядовитую форму антиинтеллектуализма, ставшего орудием демагогов», призвал американских историков встать на защиту свободы мысли [18]. Против маккартизма выступали и другие видные ученые и деятели культуры, но их голос тонул в потоке славословий «американскому образу жизни» и экономической мощи США [19].

В целом же, включившись, как и консерваторы, в «войну идеологий» [20] на стороне антикоммунизма, либералы с этих позиций освещали

---

[13] *Berle A.* The Twentieth Century Capitalist Revolution. N. Y., 1954, p. 39.

[14] *Salvadori M.* The Economics of Freedom. American Capitalism Today. L., 1959, p. 10.

[15] *Hofstadter R.* The Age of Reform. From Bryan to F. D. R. N. Y., 1955; *Idem.* The Paranoid Style in American Politics. N. Y., 1967; The Radical Right/Ed. by D. Bell. N. Y., 1955; *Bell D.* The End of Ideology.

[16] Концепция Белла—Хофстедтера позднее была убедительно опровергнута в работах представителей радикальной историографии 60—70-х годов. См.: *Rogin M. P.* The Intellectuals and McCarthy. The Radical Spectre. Cambridge, 1967. Э. Теохарис, например, называл эту концепцию «неисторичной», игнорирующей конкретные условия «холодной войны», которая породила настроения антикоммунизма и антисоветизма. См.: *Theoharis A.* The Rhetorics of Politics in the Truman Era, 1945—1950.— In: Politics and Policies of the Truman Administration/Ed. by B. Bernstein. Chicago, 1970, p. 300—310.

[17] Цит. по: *Aptheker H.* History and Reality. N. Y., 1955, p. 143.

[18] American Historical Review, 1955, Jan., vol. 60, N 2, p. 259—282.

[19] Двойственность к противоречивость позиции либералов особенно рельефно просматриваются на примере работ видного историка А. М. Шлезингера-младшего. См.: *Кунина А. Е.* Дилеммы американского либерализма: Круг идей Артура Шлезингера-младшего.— Мировая экономика и междунар. отношения, 1968, № 8, с. 142—149.

[20] *Wish H.* Society and Thought in Modern America. N. Y.; L., 1952, p. 577.

и проблемы послевоенной внешней политики США. Концепции американского гегемонизма получили отражение в работах школы «политических идеалистов»[21]. Ее представители (Д. Перкинс, Ф. Танненбаум, Т. Мюррей, Д. Фосдик) усматривали «исключительность» США в том, что во внешней политике они якобы неизменно следуют требованиям высокой морали. Соединенным Штатам, утверждали они, чужды экспансионистские устремления. В конкретных исследованиях американских историков данного направления оправдывалась агрессивность американского империализма, развязанная им «холодная война» против социалистических стран, подавление национально-освободительного движения.

В ходе «холодной войны» «политические идеалисты» последовательно уходили все дальше вправо. От отдельных изъявлений — в годы второй мировой войны — дружеских симпатий к Советскому Союзу и поддержки идей международного сотрудничества они перешли к призывам к антикоммунистическому «крестовому походу». Так, в 1944 г. Д. Перкинс писал: «Наше отношение к СССР основывается на твердом убеждении сохранить дружбу, приобретенную в военные годы»[22]. Но уже в начале 50-х годов он оправдывал проводимую США политику с «позиции силы». «Аргументы» в пользу «холодной войны», основанные на ложном толковании фактов, варьировались. Одни говорили о «естественной» враждебности США к России; другие — об «исконном» стремлении русских к «мировому господству». Общей для «политических идеалистов» была пропаганда тезиса о «миролюбии» США и исходящей якобы от СССР «коммунистической угрозе». Ответственность за «холодную войну» перекладывалась на Советский Союз, который голословно обвинялся в «агрессивности», «подозрительности», «нежелании» подлинного сотрудничества с бывшими союзниками[23].

В 50-х годах дальнейшее развитие получила и так называемая школа «политического реализма», сложившаяся в предыдущем десятилетии. Развивая идеи ранних идеологов американского экспансионизма (А. Мэхэна, Дж. Фиска, Дж. Барджесса, Б. Адамса), ее представители ставили во главу угла своей политической теории тезис о решающей роли силы в международных отношениях. «Центральная концепция моей политической теории,— подчеркивал признанный глава „политического реализма“ Ганс Моргентау,— заключается в силе»[24]. Политика, утверждал он, «есть столкновение интересов, разрешаемое через борьбу за силу»[25]. Главный же источник силы государства, по глубокому убеждению теоретиков «политического реализма», составляет военный потенциал. «Военная мощь — тот фундамент, на котором строится позиция страны относительно других государств. Если этот фундамент слаб и хрупок, все остальное обречено быть столь же немощным и нетвердым»,— отмечал Моргентау[26].

---

[21] *Кунина А. Е., Марушкин Б. И.* Миф о миролюбии США. М., 1960; *Елецкий А. Г.* Сущность «политического идеализма».— В кн.: Американская историография внешней политики США, 1945—1970/Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1972.

[22] *Perkins D.* America and Two Wars. Boston, 1944, p. 79.

[23] *Марушкин Б. И.* История и политика: Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969, с. 324—376.

[24] *Morgenthau H.* Politics in the Twentieth Century: Vol. 1—3. Chicago, 1962, vol. 1, p. 48.

[25] Ibid., vol. 3, p. 90.

[26] Ibid., vol. 2, p. 151.

«Политические реалисты» возражали против моралистского подхода «политических идеалистов». «Холодная война», по мнению «реалистов», не столкновение абстрактных сил «добра» и «зла», а развитие традиционного «силового конфликта» между двумя великими державами, выступающими в защиту собственных национальных интересов [27]. Ориентируясь на союз с СССР, писали они, США опрокинули сложившийся в мире «баланс сил» и проглядели «преемственность экспансионизма» во внешней политике царской России и СССР, который после войны обернулся против США [28].

Уверовав в атомную монополию США и считая военную мощь фундаментом внешней политики государства, «политические реалисты» доказывали необходимость агрессивного курса (концепция «массированного возмездия») в отношении СССР. Однако по мере изменения соотношения сил в мире в пользу социализма некоторые из них были вынуждены скорректировать свои взгляды. Уже в 1954 г. Дж. Кеннан, влиятельный представитель «политического реализма», один из авторов политики «сдерживания коммунизма», признал, что «советская проблема не может быть решена с помощью войны» [29], и призвал к использованию более гибких средств осуществления целей США на международной арене.

Тем не менее проповедь достижения мирового господства США путем «тотальной войны» с Советским Союзом с применением атомного оружия сохранялась на вооружении у правого крыла школы «политического реализма» (У. Кинтнер, Дж. Догерти, С. Поссони, Р. Такер, Р. Страус-Хюпе). США, писали в 1950 г. Страус-Хюпе и Поссони, «не должны отказываться от использования атомного оружия первыми» [30]. То же продолжали твердить они и в 1959 г.: конечной целью США должно быть уничтожение коммунистической системы [31]. Ракетно-ядерный удар, который с этой целью предпримут США, заранее объявлялся представителями этого направления «справедливым» [32].

Однако, несмотря на засилье реакции, и в 50-х годах не прекращалась борьба прогрессивных сил за гражданские свободы, свободомыслие, объективное освещение событий. Десятилетие, отмеченное в буржуазной историографии как торжество «согласия», на деле характеризовалось дальнейшим углублением социальных и политических противоречий, накоплением взрывчатого материала в недрах американского общества, подспудными, но все чаще прорывавшимися наружу выражениями протеста, острыми критическими выступлениями прогрессивной общественности.

Не могла заглушить реакция и голоса американских историков-марксистов, разоблачавших подлинное лицо империализма США, его реакционную внутреннюю и внешнюю политику. Одна за другой в 50-х годах выходят в свет работы У. З. Фостера, Ф. Фонера, В. Перло,

---

[27] *Яковлев А. Н.* Pax Americana. Имперская идеология: истоки, доктрины. М., 1969; США: политическая мысль и история/Под ред. Н. Н. Яковлева. М., 1976 и др.

[28] *Morgenthau H.* In Defense of the National Interest: A Critical Examination of American Foreign Policy. N. Y., 1951; *Halle L.* The Cold War as History. N. Y., 1967.

[29] *Kennan G.* Realities of American Foreign Policy. Princeton, 1954, p. 81.

[30] *Strausz-Hupe R., Possony S.* International Relations in the Age of Conflict between Democracy and Dictatorship. N. Y., 1950, p. 142—143.

[31] *Strausz-Hupe R.* e. a. Protracted Conflict. N. Y., 1959, p. 252, 406.

[32] *Tucker R. W.* The Just War. Baltimore, 1960, p. 16.

Г. Аптекера[33], подвергших глубоко аргументированной критике теории «американской исключительности», «улучшенного», «гуманного» капитализма и т. д. Они убедительно показали, что социальные антагонизмы в США неизбежно будут принимать все более острый характер по мере дальнейшего углубления общего кризиса капитализма. В их работах была раскрыта классовая сущность внешнеполитического курса правящих кругов США, направленного на достижение мировой гегемонии.

2. ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИИ США В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Важнейшей особенностью развития США с начала 60-х годов стал мощный подъем массового демократического движения против расизма, за гражданские права черного населения, против роста милитаризма и агрессивной внешней политики правительства. Массовые движения протеста, в которых принимали активное участие представители прогрессивной общественности, в значительной мере способствовали изменению политического климата в стране, пробили брешь в душной атмосфере конформизма. «... Получившие огласку факты о нищете и расизме, движение за гражданские права черных, критика интервенции на Кубе и во Вьетнаме вдребезги разбили многие представления 50-х годов, заставили интеллектуалов вновь пересмотреть историю США»,— отмечалось в сборнике статей молодых радикальных историков[34].

Растерянность перед лицом происходящих в мире перемен, методологическая несостоятельность, неспособность постичь глубинные причины подъема революционных, национально-освободительных, демократических движений во всем мире и в самих США, провалов американской внешней политики, а также, не в последнюю очередь, субъективистское толкование последствий научно-технической революции — все это повлияло на общее состояние буржуазной историографии США. В сфере методологии в буржуазной исторической науке США боролось несколько философских школ (прагматизм, экзистенциализм, неокантианство и др.), однако наиболее влиятельным становится неопозитивизм, для которого характерно распространение на историю формально-логических, дедуктивных методов исследования.

Конкретно неопозитивистская ориентация проявилась в увлечении количественными методами, попытках переноса в историю методик, применяемых в антропологии, социологии, психологии. Это имело определенное положительное значение: расширился круг источников, подробному анализу (в частности, путем использования электронно-вычислительных машин) было подвергнуто имущественное положение различных слоев общества, состав электората в ходе президентских выборов и др. Однако в целом неопозитивистская методология уводила в сторону от широких

---

[33] *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953; *Он же.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955; *Фонер Ф.* История рабочего движения в США. М., 1949. Т. 1; *Аптекер Г.* Лауреаты империализма: Монополистический капитал переписывает историю Америки. М., 1955; *Перло В.* Империя финансовых магнатов. М., 1958 и др.

[34] Towards a New Past. Dissenting Essays in American History/Ed. by B. J. Bernstein. N. Y., 1968, p. IX.

обобщений, вела к необоснованному и неоправданному дроблению исторического процесса, препятствовала познанию свойственных ему объективных закономерностей. Все эти методологические пороки в полной мере сказались на сформировавшемся после войны «модернистском» направлении в буржуазной историографии внешней политики США [35].

На фоне духовного бунтарства и усиления социально-критической мысли 60-х годов еще яснее обнажилась несостоятельность основных концепций, утвердившихся в американской буржуазной историографии на протяжении предыдущего десятилетия. Рушилось с помпой воздвигнутое здание консенсуса: острейшие социально-политические конфликты 60-х годов опрокинули его, наглядно продемонстрировав глубокое несоответствие консервативных теоретических конструкций реальной действительности [36]. Консенсус, констатировали его критики, оказался «фальшивым стереотипом», противоречащим «самому духу истории» [37]. С позиций «согласия» никак нельзя было объяснить бурный всплеск массовых движений социального протеста в США, который буквально потряс хваленое «гармоничное» общество в 60-х годах [38].

Правящие круги США, столкнувшись с фактом упадка влияния скомпрометированных постулатов, были кровно заинтересованы в разработке концепций, которые в удовлетворительной для них форме интерпретировали бы происходящие в мире революционные процессы, нарастание социальных конфликтов в самих США. Вот почему в 60-х годах буржуазная историческая мысль США выдвигает взамен обанкротившегося консенсуса новую схему — схему «конфликта», который объявлялся универсальным ключом к пониманию исторического развития США [39]. Конфликту, рассматриваемому внеисторически — через призму заимствованных из социологии, психологии, биологии «конфликтологических» схем, приписывалась теперь «конструктивная цель»; он был призван содействовать процессу «социальной интеграции» [40].

---

[35] «Стремление во что бы то ни стало подогнать сложные внешнеполитические задачи под математические решения нередко искажает действительные проблемы...» — отмечает советский исследователь В. Ф. Петровский. Так, безрезультатными оказались попытки применить «теорию принятия решений» (разработанную Р. Снайдером, Дж. Модельским) к анализу предпосылок агрессии США против КНДР, Карибского кризиса 1962 г. и других проблем. См.: *Петровский В. Ф.* Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976, с. 119, 134.

[36] «В это взрывчатое десятилетие, — отмечали историки „нового левого" направления, — США очень мало походили на образец безусловного успеха» (Beyond Liberalism: The New Left Views American History/Ed. by I. Unger. Waltham, 1971, p. XIV).

[37] *Higham J.* Writing American History. Bloomington, 1970, p. 139, 159.

[38] Несостоятельность концепции «гармонического баланса» в американском обществе одним из первых показал Райт Миллс, раскрыв ее антидемократическую, консервативную направленность: «Если рассматривать все явления как часть „плавного процесса", то тем самым исключаются внезапные нарушения ритма и революционные взрывы, столь характерные для нашего времени. Культивируется аполитичность: внимание фиксируется на мелочах, политическая же система в целом или вовсе не анализируется, или же расценивается как вполне устоявшаяся, не подлежащая изменениям структура» (*Mills Ch. W.* The Sociological Imagination. N. Y., 1959, p. 86—88).

[39] «Почти внезапно,— писал социолог Ч. Маклеланд,— невнимание к теории и феномену конфликта сменилось повышенным интересом... Исследования конфликтов начинают предприниматься повсеместно...» (Journal of Conflict Resolution, 1962, Mar., vol. 6, N 1, p. 88).

[40] Journal of Conflict Resolution, 1960, Sept., vol. 4, N 3, p. 355—374.

При всем многообразии «конфликтологических» исследований в 60-х годах их связывала общность подхода: «конфликты» в американском обществе в противоположность марксизму-ленинизму рассматривались в них как проявление неантагонистических процессов, обходились проблемы классовой борьбы. Такой подход характерен и для предпринимавшихся в 60-х годах в США попыток создания общеисторических концепций, направленных против марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. Распространение получает, в частности, модель «индустриального общества», предложенная первоначально французским социологом Р. Ароном, а на американской почве развитая У. Ростоу в книге «Стадии экономического роста» (она была снабжена претенциозным подзаголовком «Некоммунистический манифест») [41]. Двигателем прогресса, источником перехода от одной стадии развития общества к другой в ней объявлялась научно-техническая революция — единственная признаваемая У. Ростоу «революция». Полностью игнорируя производственные отношения и классовую борьбу, Ростоу утверждал, что главным показателем уровня зрелости общества является его научно-технический потенциал.

Надуманная схема Ростоу преследовала совершенно конкретную классовую цель: послужить альтернативой марксистско-ленинской теории о революционной смене социально-экономических формаций и затушевать вопрос об антагонистическом характере противоречий современного капитализма, о непримиримости классовых интересов буржуазии и пролетариата.

В историографии влияние теории У. Ростоу проявилось в виде концепции «модернизации», повторявшей мысль о научно-технической революции как «единственной революции», в результате которой из недр «традиционного» общества возникает «современное индустриальное общество» [42]. В рамки этой схемы укладывались концепции об «исчезновении» рабочего класса, превращении его в «средний класс» [43], о «технологической революции» как основной движущей силе национально-освободительного движения, и т. п.

Выдвижение концепции «индустриального общества» свидетельствовало об определенной перестройке во взглядах буржуазных историков. Согласно новой модели США уже не изображаются как явление «исключительное». Их отличие от первой страны социализма трактуется не как принципиальная несовместимость («свободный мир» в противовес «тоталитаризму»), а как временный перевес по уровню технико-экономических показателей. Такая метаморфоза сама по себе свидетельствовала о глубоком кризисе буржуазной общественной мысли, о ее неспособности доказать абсолютные «преимущества» капитализма, объяснить достиже-

---

[41] *Rostow W.* The Stages of Economic Growth: A Non-communist Manifesto. Cambridge (Mass.), 1960.

[42] *Black C.* The Dynamics of Modernization. N. Y., 1966; *Tipps D. C.* Modernization Theory and the Comparative Study of Societies. A Critical Perspective.— Comparative Studies in Society and History, 1973, vol. 15, p. 199—227.

[43] «Добрые времена, новые методы производства и рост просвещения, — писал историк Дж. Гэррати, — способствовали расширению среднего класса в Америке, ускоряли процесс ликвидации классовых различий» (*Garraty J. A.* The History of the United States. L., 1968, p. 863). То же утверждал С. Сличтер: в индустриальном обществе, по его мнению, «классовые градации, естественно, становятся все более неразличимы» (*Slichter S.* Potentials of the American Economy. N. Y., 1961, p. 18).

ния реального социализма, ставшие особенно наглядными для миллионов людей в связи с запуском первого искусственного спутника Земли [44] и полетом в космос Ю. А. Гагарина.

На фоне острых социальных конфликтов 60—70-х годов и изменившихся теоретических установок все большее число буржуазных историков США ставят под сомнение тезисы об «уникальности» исторического опыта США, «однородности» американского общества, «плавности» и «линейности» его исторического развития [45]. «Утверждение о том... будто демократия „присуща" обстановке в США, является голословным»,— писал историк Л. Хартшорн [46], указывая на необходимость выдвижения новых концепций. В 1968 г. с критикой концепции консенсуса выступил и Р. Хофстедтер. Консенсус, писал он, не дает возможности постигнуть истоки «расовых, этнических, религиозных конфликтов, которыми насыщена наша история», «глубоких и тревожных кризисов», пережитых почти каждым поколением американцев начиная с 1789 г. Настало время, заявил Хофстедтер, «обратиться к оценке роли конфликтов в американской жизни» [47], составляющих в ней «постоянное явление» [48].

Вместе с тем Р. Хофстедтер предостерегал от «возврата к позиции прогрессистских историков» [49], что означало стремление сохранить (в модифицированном виде) некоторые тезисы об «исключительности» американской истории: «демократизме» американского капитализма, «специфическом» характере конфликтов в истории США. Историки-либералы утверждали, что последние не были классовыми, как в Европе, а сводились к столкновениям между представителями крупного и мелкого бизнеса, между государственными деятелями, «защищавшими интересы общественности», и членами «добровольных ассоциаций», представлявшими «интересы частных лиц», и т. д. Что же касается «проявлений радикального протеста» со стороны рабочих, то, как утверждалось, они благодаря «умелому маневрированию» правительства и профсоюзной верхушки всегда успешно разрешались к обоюдному согласию.

Модифицированная схема консенсуса, выдвинутая в 60-х годах усилиями историков-либералов, кратко формулировалась как «конфликт и консенсус» [50] и состояла в том, что неожиданные «вспышки насилия» время от времени прорывают ткань «политической стабильности», отличающей американское общество. В практике конкретных исследований этот подход отразился в большем внимании к проблемам экономической

---

[44] С помощью теории «единого индустриального общества», писал историк Л. Халле, найден ответ на «вызов, который был брошен научными и техническими успехами России в связи с запуском первого спутника» (New York Times Book Review, 1961, Apr. 10, p. 3).

[45] В изданном в 1969 г. историографическом сборнике эти тезисы расцениваются как дань «абстрактному детерминизму», лишенному исторического обоснования. См.: Pastmasters: Some Essays on American Historians/Ed. by M. Cunliffe, R. Winks. N. Y., 1969, p. 235.

[46] *Hartshorne T. L.* The Distorted Image: Changing Conceptions of the American Character since Turner. Cleveland, 1968, p. 160.

[47] *Hofstadter R.* The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington. N. Y., 1968, p. 73, 458, 463.

[48] *Hofstadter R.* Political Parties.— In: The Comparative Approach to American History/Ed. by C. Vann Woodward. N. Y., 1968, p. 207.

[49] *Hofstadter R.* The Progressive Historians, p. 463.

[50] *Dahl R. A.* Pluralist Democracy in the United States. Conflict and Consensus. Boston, 1967; *Sternsher B.* Op. cit.

и социально-политической истории США, рабочему, негритянскому, антиимпериалистическим движениям [51].

Важнейшее явление в развитии американской историографии 60-х годов, когда страну охватил «дух мятежа» [52],— становление радикальной историографии, представители которой, сформировавшись в лоне движения «новых левых», заявили об отходе от апологетических концепций предыдущего десятилетия [53]. Принципы нового направления были заложены в работах профессора Висконсинского, а затем Орегонского университета В. Э. Вильямса и его учеников. По инициативе Вильямса с 1959 г. начал издаваться журнал «Стадиз он зе лефт», в котором, помимо его собственных, печатались статьи Г. Колко, Л. Гарднера, С. Линда и других молодых историков, содержавшие резкую критику апологетической историографии как по вопросам внутренней, так и внешней политики США.

Формулируя кредо левого крыла историков-радикалов, Дж. Лемиш, преподаватель Рузвельтовского университета в Чикаго (впоследствии был уволен из университета за политическую деятельность), заявил о необходимости писать историю «снизу вверх», с точки зрения угнетенных и эксплуатируемых масс [54]. «„Новые левые" историки,— подчеркивал И. Унгер, редактор сборника их работ,— придают значение вопросу о классах в Америке. Они считают, что историки истэблишмента ошибаются, отрицая наличие классового расслоения и классовой борьбы в нашем прошлом» [55].

По словам Унгера, «редкое мужество и честность» приходилось проявлять историкам-радикалам, чтобы отстоять свои взгляды по узловым проблемам американской истории в противовес укоренившимся мифам «бесконфликтной» истории. Они подхватили и развили выводы социально-критического направления в общественной мысли США о господстве монополий в экономике и политике США, показывая несостоятельность попыток либералов обосновать теорию «государства всеобщего благоденствия» [56]. Резкой критике были подвергнуты в их работах и концепции

---

[51] *Davis L. E.* e. a. American Economic Growth: an Economist's History of the United States. N. Y., 1972; *Zieger R. H.* Madison's Battery Workers, 1934—1952. Ithaca (N. Y.), 1977; *Мальков В. Л.* К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии, с. 131.

[52] Новая программа КП США.— США — экономика, политика, идеология, 1970, № 12, с. 70, 73, 85, и др.

[53] Новое направление не было однородным, что отразилось в наименовании («молодые радикалы», «новые левые историки», «новый ревизионизм»). Различие во взглядах по конкретным вопросам истории означало отсутствие единства в среде радикалов, но общей была критика в адрес консенсусной историографии. «Хотя (эти историки.— *Авт.*), — писал один из их представителей, — не создали нового синтеза, а лишь наметили ряд подходов и интерпретаций, они подчеркивают происходившую в прошлом идеологическую борьбу в большей степени, чем это делали историки 50-х годов» (Towards a New Past, p. X).

[54] *Болховитинов Н. Н.* Современная американская историография: новые течения и проблемы.— Новая и новейшая история, 1969, № 6, с. 116—129.

[55] Beyond Liberalism, p. 15.

[56] «Власть корпораций и погоня за прибылью, — подчеркивал Г. Зинн, — всегда была реальней любых лозунгов о „государстве всеобщего благосостояния"... Послевоенные годы не принесли никаких коренных перемен в традиционном для Америки распределении дохода, при котором одна пятая часть населения — верхи — получают в десять раз больше дохода, чем другая пятая часть — низы» (*Зинн Г.* Послевоенная Америка. М., 1970, с. 111, 117).

«равных возможностей», «социальной мобильности», выдвинутые буржуазной апологетикой после второй мировой войны. Восхваление «американской системы», писали радикальные историки, привело к тому, что историки—либералы и консерваторы — не сумели разглядеть происходящие на их глазах общественно-политические процессы, не увидели зарождение таких явлений, как «негритянская революция», «бунт» молодежи и другие массовые движения протеста 60-х годов.

Во многих исследованиях новой плеяды историков негритянской проблеме, вопросам борьбы против господствующего в США расизма уделялось заметное внимание. Активизация движения негритянского протеста породила так называемые «черные исследования» — работы по истории негритянского народа, написанные историками-афроамериканцами. Центрами таких исследований становятся университеты Фиска, Говарда и др. Возникшие в эти годы специальные научные организации, занимающиеся негритянской проблематикой, приступили к созданию серии трудов, в которых история афро-американцев впервые рассматривается как органическая часть истории США. В работах, изданных под эгидой Ассоциации по изучению истории и жизни черных, ярко показана освободительная борьба негритянского народа на всем протяжении истории США, осуждается расизм [57]. Большое значение имело переиздание работ У. Дюбуа. Историки-радикалы рассматривали «негритянский мятеж» 60-х годов как «крупнейшее движение социального протеста послевоенной Америки» [58].

Значительный вклад внесли радикальные историки и в изучение истории американского рабочего движения после второй мировой войны [59]. В работах Дж. Вейнстейна, Дж. Грина, Д. Монтгомери, М. Дубовского были подвергнуты критике профбюрократия, реформистская политика лидеров АФТ—КПП, исследовались социально-экономические и идеологические истоки левых идейно-политических течений в рабочем движении [60]. Их заслугой является привлечение новых источников, позволяющих показать роль движения рядовых в американских профсоюзах и влияние социалистических идей на эволюцию классового сознания рабочих. Они часто обращались к «устной истории», интервьюировали ветеранов массовых демократических движений, для того чтобы получить свидетельства рядовых участников событий. Решительно опровергая концепцию о «бесконфликтной» истории США [61], радикальные историки

[57] Understanding Negro History/Ed. by D. W. Hoover. Chicago, 1968; *Дементьев И. П.* Основные направления и школы в американской историографии послевоенного времени.— Вопр. истории, 1976, № 11, с. 81—82.

[58] *Zinn H.* SNCC: the New Abolitionists. Boston, 1965, p. 1—15; *Lomax L.* The Negro Revolt. N. Y., 1963; Allen R. Black Awakening in Capitalist America. An Analytic History. Garden City, 1970; Twentieth Century America: Recent Interpretations/Ed. by B. Bernstein, A. Matusow. N. Y., 1969.

[59] *Согрин В. В.* Американская «радикальная» историография рабочего и социалистического движения в США.— В кн.: Американский ежегодник, 1982. М., 1982.

[60] *Montgomery D.* To Study the People: the American Working Class.— Labor History. 1980, vol. 21, N 4.

[61] Представление, будто «США являются страной, отличающейся ненасильственными действиями и особым умением добиваться социальных изменений посредством мирных парламентарных реформ», Г. Зинн называет «фундаментальным недоразумением». См.: *Zinn H.* Violence and Social Change in American History.— In: Violence in America: a Historical and Contemporary Reader/Ed. by Th. Rose. N. Y., 1970, p. 70—80.

серьезное внимание уделяли массовым движениям, спонтанным проявлениям протеста.

В. Э. Вильямс, Г. Алпровиц, Д. Горовиц, Г. Колко подвергли пересмотру устоявшиеся догмы и мифы буржуазной историографии о происхождении «холодной войны» [62]. Как показано в их исследованиях, последняя была вызвана не «агрессивностью Москвы» и не «принципиальной невозможностью» мирного сосуществования, а явилась прямым порождением экспансионистской внешнеполитической стратегии правящих кругов США [63]. Убедительное опровержение тезисов официальной историографии содержалось в обстоятельном двухтомном исследовании профессора университета Вандербилта Д. Флеминга, показавшего, что реальная угроза миру исходила именно от Соединенных Штатов [64].

Эта линия в оценке происхождения «холодной войны» была продолжена в начале 70-х годов в насыщенных фактами, аргументированных работах Л. Гарднера, Э. Теохариса, С. Амброза [65]. Она оказала определенное влияние и на историков, придерживавшихся весьма умеренных взглядов [66]. Ответная реакция со стороны консерваторов не заставила себя ждать. Уже в 70-х годах появляются первые попытки опровержения системы взглядов радикальной историографии. В 1971 г. выходят в свет книга Р. Такера, а в 1973 г.— Р. Мэддокса, содержавшие критику радикалов и повторявшие затасканные тезисы о «советской угрозе» и якобы «оборонительной» политике США. Радикалов бездоказательно обвиняли в «фальсификации источников» [67].

Радикальные историки разоблачали легенды о внешнеполитическом альтруизме США, их «оборонительных» целях в прошлом и настоящем. Ими была показана подоплека позорной войны американского империализма во Вьетнаме: не пресловутая «коммунистическая угроза», а стремление обеспечить США господствующие экономические позиции и подавить национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии. Этот тезис был убедительно раскрыт в книгах В. Э. Вильямса, Г. Колко,

---

[62] *Williams W. A.* The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1959; *Idem.* Contours of American History. Chicago, 1966; *Alperowitz G.* Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. N. Y., 1966; *Kolko G.* The Roots of American Foreign Policy. Boston, 1969.

[63] Развязывая «холодную войну», писал В. Э. Вильямс, «американские лидеры не руководствовались страхом перед русской экспансией... Об этом говорят их официальные заявления, отрицающие возможность нападения со стороны России» (*Williams W. A.* The Tragedy of American Diplomacy, p. 179—180). Развивая эту мысль, Горовиц писал: «Вся ортодоксальная концепция, изображающая американскую политику в отношении Советского Союза в качестве оборонительной, терпит крах, если внимательно изучить основные события» (*Horowitz D.* The Free World Colossus: A Critique of American Foreign Policy in the Cold War. N. Y., 1965, p. 258).

[64] *Fleming D. F.* The Cold War and Its Origins, 1917—1960: Vol. 1, 2. Garden City (N. Y.), 1961.

[65] «Ответственность за развязывание холодной войны падает в основном на США»,— подчеркивал Л. Гарднер, ученик В. Э. Вильямса (цит. по: Interpretations of American History. Patterns and Perspectives since 1865: Vol. 1, 2/Ed. by G. N. Grob, G. A. Billias. N. Y., 1978, vol. 2, p. 39); см. также: *Theoharis A.* The Yalta Myth: an Issue in US Politics, 1945—1955. N. Y., 1970; *Gardner L. C.* Architects of Illusion. Men and Ideas in American Foreign Policy. Chicago, 1970; *Ambrose S.* The Rise to Globalism: American Foreign Policy since 1938. L., 1978.

[66] Containment and the Cold War. American Foreign Policy since 1945/Ed. by T. Paterson. Reading (Mass.), 1973; *Rose L.* Dubious Victory: The US and the End of World War II. Kent, 1973; Reflections on the Cold War/Ed. by L. Miller. Philadelphia, 1974.

[67] *Maddox R.* The New Left and the Origins of the Cold War. Princeton, 1973, p. 10—11.

Р. Барнета и др. Война во Вьетнаме, отмечалось в сборнике работ радикалов, «отражала намерение США предотвратить социальные изменения и утвердить свою гегемонию всюду, где это было возможно» [68].

По словам видного историка-марксиста Г. Аптекера, историки-радикалы опровергли многие доселе «незыблемые» доктрины американской немарксистской историографии. Давая общую оценку их исследованиям, он писал: «В лучших работах этого направления отвергаются элитарные концепции классической американской историографии и настойчиво проводится мысль, что так называемые молчаливые народные массы, рабочие и другие производители материальных благ, эксплуатируемые и угнетенные... являются-таки людьми, которых историк должен изучать в первую очередь» [69].

Следует вместе с тем обратить внимание на эклектичный характер методологии радикальной историографии. На многих работах лежит печать модернизации прошлого, субъективизма в оценке отдельных событий (например, осуждение демократических движений за недостаточную революционность), недооценки реформ, направленных на улучшение положения трудящихся масс, непонимания исторической роли рабочего класса.

В трактовке внешней политики у историков данного направления преобладает экономический детерминизм, что выражается в стремлении сводить все сколько-нибудь значительные события к внешнеэкономической экспансии. Историки-радикалы склонны также переоценивать свое значение, приписывая себе приоритет в постановке ряда проблем, которые на самом деле были поставлены марксистами еще в 30—40-х годах [70]. Тем не менее достаточно четко проявившийся в их работах критический подход получил большой общественно-политический резонанс.

Радикальные историки стремились утвердиться и на организационном уровне, создав ряд объединений и групп. Начиная с 1968 г. они приняли активное участие в деятельности Американской исторической ассоциации, бросив вызов ее консервативному руководству [71]. В 1970 г. на 85-м годичном собрании Ассоциации по инициативе радикалов были приняты резолюции об отзыве американских войск из Вьетнама, об академической свободе, в защиту историков, ставших жертвами гонений на инакомыслие в США.

Симптомом перемен явилась и критика правительственной политики со стороны либералов, многие из которых осудили агрессию во Вьетнаме. С протестом против грязной войны выступил в 1967 г. А. М. Шлезингер-младший, отвергший официальные доводы в ее защиту. Война во

---

[68] Beyond Liberalism, p. 312.

[69] *Aptheker H.* Cold War and the New Historians.— Political Affairs, 1971, Aug., p. 92.

[70] *Дементьев И. П.* Историография США, 1945—1975.— В кн.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки/Под ред. И. С. Галкина. М., 1977, с. 463—490.

[71] *Романов И. З.* Новые веяния в Американской исторической ассоциации.— Вопр. истории, 1970, № 9; *Кантор Р. Е.* «Новые левые» в Американской исторической ассоциации.— Там же, 1971, № 9; *Он же.* «Уолл-стрит джорнэл» об американских историках-радикалах.— Там же, 1972, № 6; *Он же.* 86-е и 87-е годичные собрания Американской исторической ассоциации (1971 и 1972 гг.).— Там же, 1973, № 11; *Гаджиев К. С.* Некоторые проблемы современной американской «новой левой» историографии.— В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977.

Вьетнаме, заявил он, нанесла серьезный ущерб престижу США, привела к их изоляции даже от самых близких союзников [72].

Разочарование в «общих схемах» наподобие теории «единого индустриального общества», на поверку не соответствовавшей действительности, привело в 70-х годах к падению их влияния. Одновременно проявляется повышенное внимание к методам исторического исследования. Фактически оно стало вытеснять интерес к методологии, к историческому объяснению. Углубляющийся разрыв между накоплением фактов и их интерпретацией было предложено преодолеть путем еще более тесного сближения со смежными науками и использования их «новейших» методов и приемов исследования [73].

Обращение к методам социальных, а также естественных наук имело место в американской буржуазной историографии и прежде. Отличие оформившегося в 60—70-х годах междисциплинарного подхода состояло не только в использовании новейших методов и приемов социологии, этнографии, демографии, антропологии, психологии, математической статистики, лингвистики [74], но и в стремлении к интеграции буржуазной исторической науки с теми науками, методы которых используются. На этой почве сформировалась так называемая «новая научная история», базирующаяся на количественных методах исследования и обработке собранных данных с помощью ЭВМ [75].

Согласно принятой в США классификации, «новая научная история» подразделяется на «новую социальную», «новую экономическую», «новую политическую» и «новую урбанистскую» историю. К ним примыкают демографические исследования, работы по истории семьи и так называемых «малых групп». В рамках «социальной» истории [76] с помощью количественных методов анализируются различные частные аспекты социальной жизни, некоторые этнические проблемы (история черных, американцев мексиканского происхождения и др.), демографическая структура общества, процессы урбанизации, история борьбы за равноправие женщин, система образования и т. д. Но они рассматриваются вне общего контекста классовой структуры американского общества и классовой борьбы [77]. В лексиконе исторических сочинений все реже стали встре-

[72] *Schlesinger A. M., Jr.* The Bitter Heritage: Vietnam and American Democracy. L., 1967.

[73] *Болховитинов Н. Н.* Современная американская историография: новые течения и проблемы; *Гаджиев К. С., Сивачев Н. В.* О междисциплинарном подходе в современной буржуазной историографии США.— Новая и новейшая история, 1977, № 6, с. 64—82.

[74] *Colish M.* The Mirror of Language. N. Y., 1968; *Lewis I. M.* History and Social Anthropology. N. Y., 1968; Psychoanalysis and History/Ed. by B. Mazlish. N. Y., 1963.

[75] *Benson L.* Toward the Scientific Study of History: Selected Essays. Philadelphia, 1972; The New History. Trends in Historical Research and Writing since World War II/Ed. by W. Laqueur, G. I. Mosse. N. Y., 1967; *Landes D. S.* e. a. History as Social Science. Englewood Cliffs (N. J.), 1971.

[76] Interpretations of American History, vol. 2, p. 20—21; *Clubb J. M.* The «New» History as Applied Social Science: A Review Essay.— Computers and the Humanities, 1975, vol. 9, N 2.

[77] Например, профессор Йельского университета Д. Аптер, сконструировав искусственные модели «радикализации и обуржуазивания», приходит к реакционному выводу о том, что революционный потенциал американского общества образуют «буржуазные радикалы», рабочие же представляют собой «функционально избыточный» слой населения, «склонный к консерватизму и разрушениям» (Journal of Interdisciplinary History, 1971, Winter, vol. 1, N 2, p. 272).

чаться понятия «революция», «мятеж», «протест». Внимание фиксируется на иных категориях — «стабилизация», «приспособление», «адаптация» [78].

В рамках «новой социальной истории» сформировалось направление «новой рабочей истории» [79]. Ее ведущими представителями являются историки-радикалы Г. Гатмэн, С. Тернсторм, Д. Монтгомери, М. Дубовский и др. [80] Выступая против институционального подхода висконсинской школы, они проявляют интерес к истории «забытого простого человека» — рядовых рабочих, рядовых членов профсоюзов, но формирование их бытия и сознания рассматривается вне рамок классовой структуры общества. На первый план выдвигается влияние семьи, этнической группы, религиозной общины, школы и т. д.

Уже одно только выдвижение новых проблем само по себе имеет положительное значение. Оно потребовало обращения к массовым типам источников — переписям, налоговой документации и т. п. Эти источники обрабатываются с помощью математических методов, ЭВМ [81]. Представители «новой рабочей истории» смогли собрать и в определенной степени систематизировать данные, характеризующие (по конкретным географическим регионам и в определенных хронологических рамках) некоторые аспекты социальных структур, социально-психологические процессы в рабочей среде, социальную мобильность.

При этом отчетливо выступает ведущая направленность многих подобных исследований, в которых обходится вопрос об определяющей роли производственных отношений, а проблемы классовой борьбы отодвигаются на второй план. По словам профессора П. Старнса, главного редактора «Журнала социальной истории», «новая рабочая история» свою задачу видит в том, чтобы «изучать рабочих в ситуациях, не связанных с протестом, и независимо от рабочего движения, а иногда и в оппозиции к нему» [82]. Очевидно, что подобная ориентация резко ограничивает возможность объективного исследования рабочего движения, во многом обесценивает значение полученных выводов.

Формальная, нарочито объективистская методика используется и в «новой политической истории», в фокусе которой анализ данных об избирательных кампаниях как по отдельным штатам и округам, так и в масштабе всей страны. Конечно, эти данные проливают дополнительный свет на функционирование партийно-политического механизма [83]. Все

[78] The Past before Us. Contemporary Historical Writing in the United States/ Ed. by M. Kammen. Ithaca, 1980, p. 93, 110.

[79] *Krueger Th.* American Labor Historiography. Old and New: A Review Essay.— Journal of Social History, 1971, vol. 12, N 2; *Hobsbawm E. J.* Labor History and Ideology.— Ibid., 1974, vol. 7, N 3; *Montgomery D.* To Study the People: the American Working Class.— Labor History, 1980, vol. 21, N 4.

[80] *Gutman H.* Work, Culture and Society in Industrializing America. N. Y., 1976; *Montgomery D.* Workers' Control in America. Studies in the History of Work, Technology and Labor Struggles. L., etc. 1979. См. также: Political Affairs, 1986, Jan., p. 40.

[81] *Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В.* Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке.— История СССР, 1976, № 5.

[82] *Stearns P. N.* Toward a Wider Vision: Trends in Social History.— In: The Past before Us, p. 214. 217–218.

[83] *Bogue A. G.* The New Political History in the 1970's.— In: Ibid., p. 231—251; *McRee D., Jr.* Issues and Parties in Legislative Voting: Methods of Statistical Analysis. N. Y., 1970; American Political Behavior: Historical Essays and Readings/Ed. by L. Benson e. a. N. Y., 1973; «Новая политическая история» в США: анализ концепций и методов: Реферативный сб./Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 1985.

дело, однако, в том, что представители указанного направления сосредоточивают свое внимание на «политическом поведении» законодателей и масс населения и трактуют его в духе буржуазной бихейвиористской социологии. Ограничиваясь чисто внешним описанием, они не раскрывают классовой принадлежности избирателей или парламентских представителей, уходят от анализа причин, определяющих их политическую линию, не дают объективной картины функционирования государственной машины.

Высокую активность проявила «новая экономическая история»[84]. Использование математических методов дало определенные результаты при изучении современного промышленного развития США, состава рабочей силы, процессов, характерных для современной сельской Америки и т. д. Но и здесь отсутствие научной методологии лишает исследователей возможности в полной мере использовать потенциал количественных методов, раскрыть фундаментальные процессы в истории США, осмыслить американское общество как конкретно-историческую целостность. Это обстоятельство отмечали и некоторые видные американские историки, указывающие на неспособность «экономических историков» соединить математические и статистические методы с историческим синтезом[85].

Одним из крупных направлений является «психоистория», базирующаяся на применении метода психоанализа к истории. «Психоистория» занимает видное место в современной американской буржуазной историографии. Акцентируя внимание на бессознательных, иррациональных началах в поведении человека, представители «психоистории» (Р. Лифтон, Э. Эриксон, Б. Мазлиш, П. Левенберг) пытаются обосновать вывод об иррациональности всего исторического процесса. В такой интерпретации личность оказывается стоящей над обществом. Для большинства работ представителей «психоистории», претендующих на создание «подлинно научной истории» человеческого общества в противовес марксизму-ленинизму, характерна реакционная направленность[86].

Субъективизм в использовании логико-математических и иных междисциплинарных методик, наносящих прямой ущерб историческому синтезу, особенно ощутим в сфере истории международных отношений и внешней политики, где «модернисты» оспаривают первенство у «традиционных» школ («политических идеалистов» и «политических реалистов», позиции которых в конце 60—70-х годов заметно сблизились)[87]. В рамках «модернистского» направления насчитывается множество «школ» (12 по подсчетам профессора Йелского университета Б. Рассетта). Среди них — школы интеграции, международного конфликта, теории игр, имита-

---

[84] *Aydelotte W.* Quantification in History. Reading (Mass.), 1971; The Reinterpretation of American Economic History/Ed. by R. W. Fogel, S. L. Engerman. N. Y., 1971; The Dimensions of the Past: Materials, Problems and Opportunities for Quantitative Work in History/Ed. by V. R. Lorwin, J. M. Price. New Haven, 1972.

[85] *Higham J.* Op. cit., p. 165.

[86] *Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Гульбин Г. К.* Американская буржуазная «психоистория». Критический очерк. Томск, 1985.

[87] *Мурадян А. А.* О «модернистском» и «традиционалистском» направлениях.— В кн.: Американская историография внешней политики США, 1945—1970, с. 110—134; Современные буржуазные теории международных отношений: Критический анализ/Отв. ред. В. И. Гантман. М., 1976; Современные внешнеполитические концепции США/Отв. ред. Г. А. Трофименко. М., 1979.

ционного и системного анализа, политического торга и др.[88] «Школы» эти отличаются друг от друга конкретными приемами и методами анализа (формально логический, математический, бихейвиористский и т. д.), но общим для них является использование позаимствованных из точных наук абстрактных схем и моделей, создающих видимость строгой объективности, «надклассовости». Характерно для них и обилие модных наукообразных терминов.

Несмотря на острую полемику между сторонниками «традиционных» подходов и «модернистами», в толковании конкретных проблем всегда проявляется общность их классового подхода. Это особенно четко прослеживается в работах, освещающих различные аспекты послевоенной внешней политики США, советско-американских отношений в период разрядки напряженности в начале 70-х годов[89].

Начало 70-х годов было отмечено острой полемикой среди буржуазных специалистов в области истории международных отношений. Наиболее реалистически мыслящие исследователи высказывали трезвые суждения, в той или иной степени учитывавшие изменения в соотношении сил на мировой арене. Проводилась, в частности, мысль, что в условиях ядерного паритета военная сила утратила для США свою абсолютную «политическую целесообразность». Дж. Кеннан, видный представитель традиционной школы «политического реализма», аргументировал этот тезис двумя соображениями: военное могущество США уравновешивается таким же военным потенциалом Советского Союза; с помощью оружия, как убедительно продемонстрировала война во Вьетнаме, «Соединенным Штатам не удастся навязать неядерным державам свою волю»[90]. Однако позиция сторонников разрядки была достаточно противоречивой[91]. Признавая в ряде случаев необходимость дальнейшего углубления разрядки, они обставляли это признание рядом надуманных оговорок.

Активизировалось в это время и правое крыло буржуазной историографии, представители которого развернули широкую кампанию против разрядки[92]. Сторонники «жесткого курса» требовали применения против СССР и других социалистических стран «рычагов давления»: наращивания военного потенциала США, использования в подрывных целях экономических и научных связей, сплочения Запада на антикоммунистической основе, отказа от курса на разрядку. Переход от конфронтации к сотрудничеству в отношениях между США и СССР они предлагали заменить «ограниченным конфликтом» в рамках треугольника СССР — Китай — Запад (под словом «Запад» подразумевались США, Западная Европа, Япония). Двусторонние же отношения США — СССР, по мнению этой группы авторов, определяются военно-политической борьбой, кото-

---

[88] *Russett B.* Methodological and Theoretical Schools in International Relations. New Haven, 1969.

[89] *Кокошин А. А.* О буржуазных прогнозах развития международных отношений. М., 1978.

[90] *Kennan G.* After the Cold War: American Foreign Policy in the 1970's.— Foreign Affairs, 1972, vol. 51, p. 4.

[91] *Аппатов С. И.* США и Европа: общие проблемы американской континентальной политики: Критический анализ буржуазной историографии США. М., 1979, с. 129—203; *Подлесный П. Т.* Американские концепции развития отношений с СССР. М., 1980.

[92] Detente: an Evaluation. Wash., 1974, p. 1.

рую Вашингтон должен непременно вести с «позиции силы», используя средства «психологической войны» [93].

Со второй половины 70-х годов в буржуазной историографии явственно проявился общий сдвиг в сторону консерватизма [94]. В исследованиях о послевоенной внешней политике США вновь, как это было в 50-х годах, усилились мотивы вульгарной апологетики американского внешнеполитического курса, участились выступления против разрядки международной напряженности. Так, профессор университета штата Огайо А. Хэмби превозносил США как «оплот западной демократии», защищающий мир от «тоталитарной угрозы»; достижения же разрядки он объявлял «псевдособытием» и «иллюзией». В изданном в 1976 г. труде Хэмби поставил перед собой цель реабилитировать «благодетельную имперскую политику» США, незаслуженно якобы пострадавшую от критики со стороны радикальных историков-«ревизионистов» [95].

Вновь оживились «политические идеалисты», выступившие с тезисом об «отсутствии империализма» в США, об их «миролюбии». Так называемое «имперское» поведение США, писал в 1976 г. Дж. Слейтер, профессор университета штата Нью-Йорк в г. Буффало, обусловлено «экспансионистским идеализмом». По его мнению, США никогда якобы «не стремились к господству преднамеренно», а приклеенный им «ярлык» империализма «представляет собой удобный миф», поскольку-де внешняя политика современных США является «оборонительной» [96].

Во второй половине 70-х годов многие буржуазные историки (не только правого толка, но и либералы), поддерживая правительственный курс, пытались найти историческое «обоснование» для имперских притязаний США. Избегая слова «разрядка» (в употребление вошло выражение «послеразрядка» — post-detente [97]), они пустились в рассуждения о «продолжении напряженности иными средствами», призывали к «игре с позиции силы» в отношении СССР [98]. Профессор университета Джонса Гопкинса Р. Осгуд, например, осуждая «излишнюю осторожность», порожденную «вьетнамским синдромом», вновь (как и в 1960 г.) [99] оправдывал ограниченную (ядерную и неядерную) войну в интересах «сдерживания СССР» [100]. Делались попытки повысить действенность

---

[93] The Soviet Empire: Expansion and Detente. Critical Choices for Americans/Ed. by W. E. Griffith. Lexington (Mass.); Toronto, 1976, vol. 9, p. 8, 304, 399—401. В духе милитаризма и антисоветизма были выдержаны многие работы, вышедшие в конце 70-х годов под грифом Пенсильванского института внешнеполитических исследований, Центра стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете, Гуверовского института войны, мира и революции и других центров.

[94] Симптоматичным является рост числа так называемых «советологических» центров, расширение их тематики. См.: *Марушкин Б. И.* Советология: расчеты и просчеты. М., 1976.

[95] *Hamby A. L.* The Imperial Years. The United States since 1939. N. Y., 1976, p. 389—391.

[96] *Slater J.* Is US Foreign Policy «Imperialist» or «Imperial»? — Political Science Quarterly, 1976, Spring, vol. 94, p. 424—427, 435.

[97] Defending America. Towards a New Role in the Post-Detente World. N. Y., 1974.

[98] *Gati Ch., Gati T.* Debate over Detente. N. Y., 1977, p. 58; *Stanley T.* The Continuation of Tension by other Means. N. Y., 1977, p. 12—13.

[99] *Осгуд Р.* Ограниченная война. М., 1960.

[100] *Osgood R.* Limited War Revisited. Boulding, 1979, p. 4—5.

«морального фактора» во внешней политике США путем объявления последней инструментом борьбы за «права человека» [101].

Вместе с тем не прекращалась деятельность и видных буржуазных ученых, изучающих международные отношения, внешнюю политику США с позиций трезвого учета реальностей современного мира [102]. Именно с этих позиций выступили в 1979 г. такие видные исследователи, как Дж. Кеннан, Дж. Гэлбрейт, Ф. Нил, С. Писар, авторы получившей широкую известность книги «Разрядка или катастрофа» [103].

Последовательную линию в борьбе за мир, социальную справедливость, против агрессивной политики США проводят в своих работах американские историки-марксисты. В них на основе ленинской теории империализма дается глубокий анализ новых явлений в экономике и политике американского империализма после второй мировой войны.

Проблемы общего кризиса капитализма, рост агрессивности американского империализма, сложные процессы в рабочем и демократическом движениях США глубоко и всесторонне проанализированы в многочисленных трудах и выступлениях Гэса Холла [104]. Широкое признание научной общественности получили труды Дж. Морриса, Ф. Фонера, Г. Грина по истории американского рабочего и профсоюзного движения; Г. Уинстона, К. Лайтфута, Дж. Джексона — о негритянском освободительном движении [105]. Крупным событием в прогрессивной историографии США стало опубликование «Истории американского народа» Г. Аптекера, завершение подготовленной им четырехтомной документальной истории черных в США [106]. В 1975 г. Аптекер выступил с новой книгой по истории негритянского народа, в которой разоблачаются реакционные концепции буржуазной историографии [107].

Труды американских историков-марксистов оказывают заметное влияние на развитие историографии в США. Большая роль в этом отношении принадлежит созданному в 1964 г. Американскому институту марксистских исследований, возглавляемому Г. Аптекером. По его словам, последние годы в США наблюдается знаменательное возрождение интереса к марксизму. «Даже в официальных академических изданиях... —

---

[101] *Thompson K. W.* The Moral Imperatives of Human Rights: a World Survey. N. Y., 1980; *McDougal M. S., Lasswell H. D., Lungchu Chen.* Human Rights and World Public Order. New Haven, 1980.

[102] Профессор Мичиганского университета Г. Якобсен, указывая на растущую связь и взаимозависимость народов, отмечал повсеместное «широкое и глубокое согласие в отношении необходимости предотвратить ядерную катастрофу» (*Jacobsen H. K.* Networks of Interdependence. N. Y., 1979, p. 419).

[103] Detente or Debacle? N. Y., 1979.

[104] *Холл Г.* Революционное рабочее движение и современный империализм. М., 1974; *Hall G.* The Big Stakes of Detente. N. Y., 1974.

[105] *Моррис Дж.* Основные проблемы рабочего движения США. М., 1961; *Foner Ph. S.* American Labor and the Indo-China War. N. Y., 1971; *Idem.* Organized Labor and the Black Worker, 1619—1973. N. Y., 1974; *Уинстон Г.* Стратегия борьбы черного населения. М., 1975; *Лайтфут К. М.* Восстания в гетто за освобождение негров. М., 1972; *Джексон Д.* Революционные тенденции в мировой политике и борьба черных американцев. М., 1978.

[106] *Аптекер Г.* Колониальная эра. М., 1961; *Он же.* Американская революция, 1763—1863. М., 1962; *Aptheker H.* Early Years of the Republic. From the End of the Revolution to the First Administration of Washington (1783—1793). N. Y., 1976; A Documentary History of the Negro People in the United States: Vol. 1—4/Ed. by H. A. Aptheker. N. Y., 1951—1974.

[107] *Аптекер Г.* История афро-американцев: Современная эпоха. М., 1975.

отмечал Г. Аптекер в 1983 г.,— сплошь и рядом встречаются ссылки, порой основательные, на Маркса и марксистские исследования. В некоторых случаях ученые, в чьих работах отразилось влияние Маркса (такие, как В. Э. Вильямс, Ю. Дженовезе, Г. Лернер), пользуются серьезным профессиональным авторитетом» [108].

Об «интенсивном интересе», который вызывает в США марксистско-ленинская интерпретация истории, пишут многие американские историки, что нашло отражение в дискуссиях в рамках ведущих профессиональных организаций историков США. В 1980 г. профессор Корнеллского университета М. Каммен, ответственный редактор подготовленного по заданию Американской исторической ассоциации коллективного исследования об историографии США в 70-х годах, писал: «Марксистский подход к американской истории привлекает внимание ученых ввиду несостоятельности вариантов обобщающего либерального синтеза, предложенных „прогрессистской" школой Бирда и школой консенсуса... Отсутствие интегрирующей концепции... порождает проблемы для многих ученых, читающих общий курс истории и пытающихся создать приемлемое обобщение». Между тем марксистский подход, отмечал Каммен, «предлагает целостное объяснение истории США в ее совокупности». Этот подход, как считает профессор Калифорнийского университета У. Боусма, «дает стимул к более высокой степени обобщения» [109].

3. ИЗУЧЕНИЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИИ США В СССР

В 1945—1980 гг. советские историки проявили большой интерес к научному осмыслению новых явлений, связанных с усилением роли США в капиталистическом мире, превращением американского империализма в цитадель международной реакции, его претензиями на мировое господство. Перед советскими американистами стоит задача «наступательно, аргументированно раскрывать антинародный, бесчеловечный характер империализма, его эксплуататорскую сущность» [110].

Изучение истории США послевоенного периода приняло широкий размах и развивалось по многим направлениям, охватывая как внутреннюю, так и внешнюю политику [111]. За последние годы значительно по-

---

[108] *Aptheker H.* Marxism and Social Sciences in the US.— Political Affairs, 1983, June, p. 21.

[109] The Past before Us, p. 25, 80. См. также: *Shaw W. H.* Marx's Theory of History. Stanford, 1977; *Seliger M.* The Marxist Conception of Ideology: a Critical Essay. N. Y., 1977; *Berger M.* Engels, Armies and Revolution: the Revolutionary Tactics of Classical Marxism. Hamden (Conn.), 1977; *Rader M.* Marx's Interpretation of History. N. Y., 1979; The Left Academy. Marxist Scholarship on American Campuses/Ed. by B. Ollman, E. Vernoff. N. Y., 1982; The Promise of American History: Progress and Prospects/Ed. by S. I. Kutler, S. N. Katz. N. Y., 1982.

[110] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 165.

[111] *Фураев В. К.* Советская историография классовой борьбы в США в новейшее время.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967; *Кунина А. Е.* Новые исследования советских историков о внешней политике США.— Новая и новейшая история, 1972, № 6; *Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980; *Севостьянов Г. Н.* Некоторые итоги исследовательской работы советских историков-американистов (1976—1980).— Новая и новейшая история, 1981, № 1.

высился научно-теоретический и профессиональный уровень изданных трудов, расширилась тематика исследований, совершенствовалась методика работы с источниками. Специализация по отдельным направлениям способствует более углубленному освещению социально-экономических проблем послевоенной истории США, рабочего и общедемократических движений, внешней политики и дипломатии США. Этому содействует и расширение междисциплинарных связей советских историков.

О повышении теоретического уровня советской американистики свидетельствует рост числа обобщающих работ. В них послевоенное развитие США рассматривается на фоне углубления общего кризиса капитализма; освещается борьба трудящихся за гражданские права, проблемы рабочего, негритянского, молодежного и антивоенного движений, раскрываются причины усиления агрессивности американского империализма [112].

В трудах советских ученых прослеживаются основные тенденции развития государственно-монополистического капитализма в США, социальной структуры американского общества, анализируются особенности классовой борьбы на отдельных исторических этапах. На конкретных исторических фактах показано обострение в условиях государственно-монополистического капитализма конфликта между возросшими производительными силами и капиталистическими производственными отношениями; усиление внутренней нестабильности экономики, ее милитаризация, рост социального неравенства, усложнение механизма эксплуатации трудящихся капиталом [113].

Специальные исследования посвящены истории рабочего класса, основным тенденциям американского рабочего движения. Важной вехой стал выход в свет «Истории рабочего движения в США в новейшее время», в которой изложение доводится до 1980 г.[114] В ряде работ освещены структурные сдвиги в составе рабочего класса, порожденные научно-технической революцией. При этом авторы развенчивают легенды буржуазной историографии об «исчезновении» рабочего класса, «интеграции» его в новом «среднем классе». Показано, что частичные уступки со стороны капиталистов, которые трудящимся удается вырвать в результате классовой борьбы, сочетаются с прямым наступлением на их жизненный уровень [115].

Неизменное внимание историков привлекает изучение деятельности Коммунистической партии США, борьбы коммунистов за идейное освобождение рабочего класса от влияния буржуазной идеологии. Анализи-

---

[112] Очерки новой и новейшей истории США: В 2-х т./Отв. ред. Г. Н. Севостьянов М., 1960; *Яковлев Н. Н.* Новейшая история США, 1917—1960. М., 1961; *Лан В. И.* США в военные и послевоенные годы. М., 1978; *Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф.* Новейшая история США, 1917—1972. М., 1980.

[113] *Зорин В. С.* Доллары и политика Вашингтона. М., 1964; *Далин С. А.* США: послевоенный государственно-монополистический капитализм. М., 1972; *Мельников А. Н.* Современная классовая структура в США. М., 1974; *Шлепаков А. Н.* США: социальная структура общества и его национальный состав: Исторический очерк. Киев, 1976; *Сивачев Н. В.* США: государство и рабочий класс. М., 1982; США: военное производство и экономика/Отв. ред. Ю. И. Бобраков, В. А. Федорович. М., 1983; *Тимофеев Т. Т.* Империализм и пролетариат. М., 1985.

[114] История рабочего движения в США в новейшее время: В 2-х т. М., 1970—1971; История рабочего движения в США в новейшее время, 1965—1980. М., 1983.

[115] *Тимофеев Т. Т.* Пролетариат против монополий: Очерки по проблемам классовой борьбы и общедемократических движений в США. М., 1967; *Вайнштейн Г. И.* Американские рабочие: сдвиги в общественном сознании. М., 1977.

руется борьба Коммунистической партии против правого и «левого» оппортунизма, вопросы идейного и организационного укрепления партии, ее творческого подхода к развитию марксистско-ленинской теории. Вышло немало книг, посвященных жизни и деятельности выдающихся деятелей американского рабочего и коммунистического движения [116].

Тщательному и многостороннему анализу были подвергнуты процессы, происходящие в современном профсоюзном движении США [117].

Бурному подъему общедемократических движений в 60—70-х годах посвящены монографии, подготовленные институтами США и Канады и Международного рабочего движения АН СССР. В них исследуются содержание, классовый характер, политическая направленность массового социального протеста во всем разнообразии его форм и методов, показано расширение социальной базы демократической борьбы в США, включение в нее молодежи, женщин, индейцев, цветного населения [118]. Весьма интенсивно велось исследование положения и борьбы черных американцев за гражданские права [119]. Все большее место в исследованиях советских историков занимает борьба американского народа за мир, против милитаризма и войны [120].

Важное направление советских исследований — раскрытие классовой сущности империалистического государства США, анализ приемов и средств, используемых монополистическим капиталом для укрепления своего классового господства, в частности возрастание роли политической полиции, карательных органов в системе государственных институтов США [121]. Подробно изучается механизм функционирования империа-

[116] *Фураев В. К.* Боевой путь американских коммунистов. 1919—1969. Л., 1969; *Гречухин А. А.* Борьба Коммунистической партии США за единство своих рядов (1927—1972). М., 1975; *Григорьев И.* Уильям Фостер. М., 1975; *Быков В.* Уильям Фостер — борец за дело рабочего класса. М., 1979; *Лапицкий М. И.* Сын трудовой Америки. М., 1980; *Мостовец Н. В.* Человек несгибаемого мужества: (Очерк жизни и деятельности Национального председателя Коммунистической партии США Г. Уинстона). М., 1982.

[117] *Керемецкий Я. Н.* США: профсоюзы в борьбе с капиталом. М., 1970; *Андросов В. П.* Профсоюзы США в условиях государственно-монополистического капитализма. М., 1971; *Лапицкий М. И.* США: роль профсоюзов во внутриполитической жизни. М., 1973; *Попов А. А.* Государство и профсоюзы. М., 1974; *Савельева И. М.* Профсоюзы и общество США в XX в.: Критика буржуазно-реформистских концепций. М., 1983.

[118] США: проблемы внутренней политики/Под ред. В. С. Зорина. М., 1971; США: студенты и политика. Американское студенчество в демократическом движении в 60—70-е годы/Отв. ред. В. С. Зорин, Л. А. Салычева. М., 1974; *Новинская М. И.* Студенчество США: Социально-психологический очерк. М., 1977; Массовые движения социального протеста в США: Семидесятые годы/Отв. ред. И. А. Геевский, Л. А. Салычева. М., 1978; США: обострение социальных противоречий и массовые демократические движения/Отв. ред. Н. В. Мостовец. М., 1980. См. также: *Фурсенко А. А.* Критическое десятилетие Америки: 60-е годы. Л., 1974.

[119] *Тимофеев Т. Т.* Негры США в борьбе за свободу: Негритянское движение в США после второй мировой войны. М., 1957; *Королева А. П.* 20 миллионов против Джима Кроу: (Негритянское движение в США на современном этапе). М., 1967; *Нитобург Э. Л.* Черные гетто Америки. М., 1971; *Геевский И. А.* США: негритянская проблема. Политика Вашингтона в негритянском вопросе (1945—1972 гг.). М., 1973; *Иванов Р. Ф.* Черные пасынки Америки. М., 1978; и др.

[120] *Мостовец Н. В.* Прогрессивные силы США в борьбе за мир. М., 1951; *Висков С. И.* Антивоенная коалиция народов. М., 1954; *Ершова Е. Н.* Движение за мир, против милитаризма и войны в США (1965—1978). М., 1980.

[121] *Никитин В. А.* США: правый экстремизм — угроза демократии. М., 1971; *Геевский И. А.* Мафия, ЦРУ, Уотергейт: Очерки об организационной преступности и политических нравах в США. М., 1980; *Сахаров Н. А.* Предпринимательские ассо-

листического государства США. Изданы книги о структуре и полномочиях конгресса, его роли в формировании внутренней и внешней политики США. Отмечается, в частности, возрастание в конце 60-х годов влияния, особенно во внешней политике, верхней палаты конгресса — сената, отразившее усиление оппозиционных настроений и реакцию в правящих кругах на подъем массовых движений в стране[122].

Заметно повысился интерес исследователей к анализу деятельности демократической и республиканской буржуазных партий, с помощью которых монополистический капитал США осуществляет свой политический контроль над массами. Изучаются конкретные методы, тактические приемы партийной верхушки в отношении массовых движений социального протеста в целях ослабления этого движения, привлечения на свою сторону избирателей. Прослеживается также влияние, оказываемое требованиями масс на формирование политики партий и их лидеров[123]. Специфические приемы и методы, применяемые этими лидерами в ходе политической борьбы, наиболее ярко вырисовываются в биографических исследованиях, написанных в интересной и увлекательной форме[124].

С пристальным вниманием советские историки следят за кризисными процессами в американской буржуазной идеологии, которые особенно остро проявились начиная с 60-х годов. Показателем дифференциации и поляризации буржуазной идеологии являлись установки леворадикальных групп, стремившихся вырваться за пределы господствующей системы ценностей. Конструктивные черты их воззрений, как и мелкобуржуазная ограниченность, проанализированы в ряде работ советских историков. Было также отмечено усиление идеологии консерватизма с конца 70-х годов, принявшей некоторые специфические формы[125].

Малоисследованные вопросы истории американской культуры в послевоенный период стали в последние годы предметом новых работ, посвященных проблемам литературы, искусства, архитектуры, музыки. Выходят в свет также комплексные исследования об американской культуре[126]

До последнего времени недостаточно внимания уделялось роли религии в общественной жизни США. Этот недостаток особенно остро ощущался в связи с расширением антивоенного движения в США, в котором значительную роль играют религиозные пацифистские организации. С другой стороны, религиозные группы, примыкающие к правым дви-

---

циации в политической жизни США. М., 1980; *Кокошин А. А.* США: за фасадом глобальной политики. М., 1981; *Костин П. В.* Тайная полиция США: ФБР в прошлом и настоящем. 2-е изд. М., 1986.

[122] *Громыко Анат. А.* Конгресс США: (Выборы, организация, полномочия). М., 1957; *Попова Е. И.* Американский сенат и внешняя политика. М., 1978.

[123] *Печатнов В. О.* Демократическая партия США: избиратели и политика. М., 1980.

[124] *Громыко Анат. А.* 1036 дней президента Кеннеди. М., 1968; *Яковлев Н. Н.* Преступившие грань. М., 1970; *Иванян Э. А.* Белый дом: президенты и политика. 2-е изд. М., 1979.

[125] США: политическая мысль и история/Отв. ред. Н. Н. Яковлев. М., 1976; *Замошкин Ю. А.* Личность в современной Америке: Опыт анализа ценностных и политических ориентаций. М., 1980; *Баталов Э. Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982; США: консервативная волна. М., 1984; *Гаджиев К. С.* Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии. М., 1982.

[126] *Мельвиль А. Ю., Разлогов К. Э.* Контркультура и «новый» консерватизм. М., 1981; *Туганова О. Э.* Некоторые характерные черты американской культуры.— США — экономика, политика, идеология, 1983, № 6, с. 30—40.

жениям, являются проводниками реакционных взглядов. Эти и другие проблемы проанализированы в работах, изданных в конце 70-х — начале 80-х годов [127].

Как видим, изучение внутренних проблем развития американского общества в послевоенные годы ведется широким фронтом. Наряду с этим важное место в советской историографии новейшей истории США занимают вопросы внешней политики. Советские ученые внесли большой вклад в разоблачение агрессивной сущности американского империализма, его планов завоевания мирового господства, раскрыли особенности экспансионизма США в современных условиях. На обширном фактическом материале они убедительно показали, что ответственность за нагнетание международной напряженности в послевоенные годы падает целиком на правящие круги США. Важнейшие теоретические положения содержатся в фундаментальном труде А. А. Громыко [128].

Советскими учеными всесторонне проанализированы глобальная империалистическая стратегия США, влияние на нее научно-технической революции, новейшие внешнеполитические и военно-стратегические концепции, роль военно-промышленного комплекса [129]. Значительное внимание уделяется доктринам, идеологическим основам внешней политики США [130]. Политика Вашингтона в отношении Советского Союза, восточноевропейских социалистических стран, стратегия антикоммунизма также получили свое освещение в работах советских авторов [131].

Подробно исследуются региональные направления внешней политики США, особенности политики в отношении стран Западной Европы, Азии, Африки, Латинской Америки. При этом советские историки стремятся,

---

[127] *Великович А. Н.* Религия и церковь в США. М., 1978; *Фурман Д. Е.* Религия и социальные конфликты в США. М., 1981.

[128] *Громыко А. А.* Внешняя экспансия капитала: История и современность. М., 1982.

[129] *Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; *Трофименко Г. А.* Стратегия глобальной войны. М., 1968; *Он же.* США: политика, война, идеология. М., 1976; *Пядышев Б. Д.* Военно-промышленный комплекс США. М., 1974; *Журкин В. В.* США и международно-политические кризисы. М., 1975; *Мельников Ю. М.* От Потсдама к Гуаму: Очерки американской дипломатии. М., 1974; *Он же.* Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона, 1945—1980. М., 1981; *Агафонова Г. А.* Совет национальной безопасности США. М., 1977; *Громыко Анат. А.* Внешняя политика США: уроки и действительность, 60—70-е годы. М., 1978; Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции/ Отв. ред. Г. А. Арбатов, В. В. Журкин, В. П. Павлюченко/М., 1979; *Овинников Р. С.* Уолл-стрит и внешняя политика. М., 1980; *Арбатов А. Г.* Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980; США: военно-стратегические концепции/ Отв. ред. Р. Г. Богданов, М. А. Мильштейн, Л. С. Семейко. М., 1980; *Загладин Н. В.* Антисоветизм в глобальной стратегии империализма США. М., 1981; Современная внешняя политика США: В 2-х т./Отв. ред. Г. А. Трофименко. М., 1984.

[130] *Яковлев А. Н.* Идейная нищета апологетов «холодной войны». М., 1961; *Он же.* Идеология американской «империи». М., 1967; *Он же.* Pax Americana. Имперская идеология: истоки, доктрины. М., 1969; *Он же.* От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века. М., 1984; *Арбатов Г. А.* Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970; *Мельников Ю. М.* Внешнеполитические доктрины США. М., 1970; *Кунина А. Е.* Идеологические основы внешней политики США. М., 1973; *Петровский В. Ф.* Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М., 1980.

[131] *Марушкин Б. И.* История и политика; *Орлик И. И.* Политика западных держав в отношении восточноевропейских социалистических государств (1965—1975). М., 1979; *Егорова Н. И.* Советско-американские отношения послевоенного периода в буржуазной историографии США. М., 1981; *Степанова О. Л.* «Холодная война»: историческая ретроспектива. М., 1982.

с одной стороны, показать обострение противоречий между буржуазными государствами, а с другой — отразить попытки империалистических держав координировать свою экономическую, политическую и идеологическую стратегию в целях создания общего фронта борьбы против социализма, против всех революционных, освободительных движений.

Показателем возросшего уровня советской исторической американистики является усиление внимания к проблемам американской буржуазной историографии, изучение ее основных направлений и течений. Значительное место анализу современной историографии США уделено как в коллективных трудах, так и в монографических исследованиях [132].

Бесспорным фактом, таким образом, является широкое развитие советских исследований по истории США послевоенного периода. Всесторонний анализ обширного фактического материала, накопленного на основе привлечения разнообразного круга источников, позволил советским историкам с марксистско-ленинских позиций установить характерные черты развития США на отдельных этапах углубления общего кризиса капитализма. В многочисленных коллективных трудах и индивидуальных монографиях прослеживаются на примере США как общие черты, присущие миру капитализма, так и особенности американского империализма, наиболее отчетливо проявляющиеся в наши дни. Комплексное изложение фактов истории позволяет судить о глубоком несоответствии между объективным явлением — постоянным сужением сферы господства капитализма в современном мире и подкрепляемыми милитаристскими угрозами претензиями США на мировое лидерство.

Наряду с этим в советских исследованиях отмечается неоднозначность происходящих в США социально-политических процессов, обострение внутренних конфликтов, подъем массовых демократических движений, выступающих против империализма, его политики агрессии и угнетения. Уроки истории подводят к выводу, что сдвиг вправо оси американской политической жизни, наметившийся с конца 70-х годов, нельзя считать необратимым, что в США существует и неоднократно брал верх потенциал сил мира, выступающих за мирное сосуществование государств с различными социальными системами, за плодотворное советско-американское сотрудничество.

---

[132] *Кунина А. Е., Марушкин Б. И.* Миф о миролюбии США. М., 1960; *Дементьев И. П., Мальков В. Л., Наджафов Д. Г.* Историография США (1945—1964).— В кн.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки/Отв. ред. И. С. Галкин. М., 1968; Американская историография внешней политики США, 1945—1970; Американская историография внутриполитических проблем США в послевоенный период/Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1974; *Дементьев И. П.* Теория «американской исключительности» в исторической мысли США.— Вопр. истории, 1986, № 2, с. 81—102.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Четырехтомная «История США» была задумана как труд, освещающий развитие американской нации от основания первых английских колоний в Северной Америке и до начала 80-х годов нашего столетия. Преследовалась цель дать по возможности полное представление об историческом пути буржуазного общества в США, последовательных стадиях его эволюции — от становления капиталистических отношений и революционной войны за независимость до превращения США в цитадель империализма, его метрополию, заявившую о своих притязаниях на мировую гегемонию и объявившую зоной своих «жизненных интересов» целые регионы и континенты.

Исследуя общие закономерности и особенности социально-экономической истории США, различные аспекты их внутренней и внешней политики, материальной и духовной культуры, авторы стремились решать эту многомерную научную проблему прежде всего путем раскрытия роли народных масс в судьбах страны, путем проникновения в диалектику классов и классовых отношений, дающую единственно подлинное и свободное от искажений выражение сложных и противоречивых тенденций общественного развития. Важнейшее методологическое значение в этом смысле имела мысль В. И. Ленина, который отмечал: «Мы полагаем, что об исторических событиях надо судить по движениям *масс* и классов в целом, а не по настроениям отдельных лиц и группок» [1]. Требование научного анализа всего комплекса явлений и процессов, относящихся к предмету исследования, диктовало вместе с тем строгий учет главных факторов (как объективных, так и субъективных), определяющих реальные условия социального бытия масс, которые «могут развивать (или, наоборот, парализовать) самостоятельную и сознательную деятельность этих творцов истории» [2].

Предпринимая попытку создания многотомного обобщающего труда по истории США, его авторы исходили из того, что само переживаемое нами время со свойственными ему революционными сдвигами, противоречиями и нарастающей в силу обостряющихся общечеловеческих проблем тенденции к взаимозависимости, взаимосвязанности стран мирового сообщества [3] делает во всех отношениях актуальным осуществление поставленной задачи. Авторы руководствовались также убеждением, что углубленное рассмотрение панорамы истории американского общества с позиций марксизма-ленинизма — подлинно научного мировоззрения — необходимо не только специалистам-историкам, но и широким кругам читателей, стремящимся основательнее понять природу и характер явлений и процессов в жизни современных Соединенных Штатов, протекающих в условиях обостряющегося общего кризиса капитализма и новой фазы в соревновании двух общественно-политических систем. Многие

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 85.
[2] Там же, т. 2, с. 540.
[3] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 7, 21.

ведущие тенденции во внутренней и внешней политике государственно-монополистического капитализма США, в экономике и сфере духовной жизни американского общества, свойственных ему классовых и национальных отношениях уходят корнями в прошлое, вырастают из прошлого, образуя с ним подчас единое, нерасторжимое целое.

Исторический анализ позволяет составить более точное представление о динамике американского капитализма как системы и в рамках последовательно сменяющих друг друга фаз, ступеней развития — от самых ранних до современных. Развиваясь изначально в благоприятных условиях и захватив после первой мировой войны лидирующее положение среди капиталистических стран, капитализм США удерживал его благодаря превращению в центр финансовой эксплуатации остального капиталистического мира, благодаря огромным прибылям, давшим возможность вести массовое обновление основного капитала, рационализировать производство. Вторая мировая война позволила Соединенным Штатам не только преодолеть последствия разрушительной «великой депрессии», но и выдвинула их на роль страны, не имеющей равных по экономическому потенциалу конкурентов в мировом капиталистическом хозяйстве. Однако в 70-е годы американская гегемония в капиталистическом мире была поставлена под вопрос.

Переплетение кризисных явлений в экономическом развитии США с конца 60-х годов и усиление позиции их конкурентов не означали, что экономика США утратила способность к росту и даже в отдельные периоды к весьма значительному увеличению темпов этого роста. Последние десятилетия показывают, что американский капитализм в широких размерах овладевает достижениями научно-технического прогресса, использует новые формы международного разделения труда, форсирует радикальные структурные сдвиги в производстве. Однако все свидетельствует о том, что определяющим в его общеисторической динамике является движение через обострение глубинных противоречий (и прежде всего антагонизма между трудом и капиталом, между монополиями и обществом) к закату.

Изучение социально-классовой структуры американского общества в процессе ее изменений и истории классовой борьбы в цитадели капитализма еще раз подтверждает тот фундаментальный факт, что взгляд на это общество, практически доминировавший в буржуазном сознании США в 40—50-е годы и утверждавший иллюзию неограниченной способности американского капитализма устранить перегородки между классами и поддерживать всю иерархическую систему «социального порядка» в стабильном состоянии, не имеет под собой никакого основания. Этот вывод подтверждают и действительные тенденции развития американского капитализма в новых условиях компьютеризации и внедрения информационных систем. Жизнь опровергает утопии буржуазной апологетики о возможности трансформации американского капитализма в некое идеальное состояние, где агентом «социальных изменений» будет техника и где будет устранена сама почва для столкновений и конфликтов в системе классовых отношений. Классовые противоречия буржуазного общества в США не только никуда не исчезли, но напротив, все обостряются. В основе этого неустранимого процесса — расширение сферы капиталистической эксплуатации, связанной с эгоистическим использованием капиталом достижений научно-технического прогресса.

Еще события XIX в. показывали, что американский капитализм в своих притязаниях на преобладающее влияние в Западном полушарии воспринял многое из принципов системы рабства, длительное время существовавшей в США и наложившей серьезный отпечаток на все стороны развития американского общества. Естественная тенденция рабовладельческой системы к экспансионизму проявлялась, по словам известного историка-марксиста Г. Аптекера, всегда сильно и определенно. «Она способствовала,— писал он,— ускорению войны с Мексикой в 1840-е годы — войны мало популярной за пределами южных штатов. Намного позднее она привела к пиратским нападениям на Никарагуа, к заявлению трех американских дипломатов в Европе, что Куба должна принадлежать Соединенным Штатам, а не Испании; к финансировавшейся американским правительством морской экспедиции через Амазонскую долину Бразилии с целью определить возможности ее превращения в базу обширной рабовладельческой империи» [4].

Перефразировав слова К. Маркса, можно сказать, что расширение с опорой на силу внешнеполитической экспансии США сделалось признанной целью их национальной политики в эпоху империализма. Война против Испании была только началом, открыв качественно новый этап американской экспансии в военное и мирное время путем экспорта капитала и бесцеремонного вмешательства во внутренние дела других стран на всех континентах, путем открытых захватов и слегка закамуфлированных под миссию «свободы» интервенционистских акций, путем широкой неоколониалистской политики и подавления национального духовного наследия суверенных народов поделками американской «массовой культуры». Мессианство — характерная черта идеологии правящих кругов США, выражающая веру в историческое предназначение Америки, в непогрешимость и абсолютную правомерность их экспансионистских устремлений, накладываясь на природу империализма, воплотилось после второй мировой войны, как отмечается в новой редакции Программы КПСС, в политику гегемонизма, диктата, навязывания неравноправных отношений с другими государствами, поддержки репрессивных антинародных режимов, дискриминации неугодных США стран [5], сделавших выбор в пользу независимости и коренных социальных преобразований.

Нельзя не видеть также, какое сильное негативное воздействие на развитие буржуазной демократии США имели институт рабства, расизм во всех его проявлениях, культ богатства и наживы, засилье двухпартийной системы и весь комплекс условий, внутренних и внешних, материальных, правовых и идеологических, благоприятствующий стремительному возвышению олигархических группировок крупного капитала, всегда ставивших свои узкокорыстные интересы превыше всего, включая и интересы собственного народа. Развитие государственно-монополистического капитализма в США после второй мировой войны, сопровождаясь интенсивным процессом бюрократизации, в особо значительных размерах вело к извращению и фактическому отказу от принципов, провозглашенных в конституции США. Этому, в свою очередь, способствовало последовательное сужение реальных прав и свобод американских тружеников, выхолащивание традиционных нормативных актов за счет возвышения

---

[4] *Aptheker H.* The Unfolding Drama. N. Y., 1979, p. 89.

[5] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 132.

плутократии и облеченного буржуазией охранительными функциями разветвленного механизма контроля за поведением американцев и их образом мыслей.

Если без познания прошлого нельзя понять современности, то не менее верно и другое: современность помогает постижению многих явлений и процессов прошлого (притом не только близкого, удаленного от текущих событий на кратчайшую историческую дистанцию, но нередко бывает и самого далекого). Так, рассмотрение современных идеологических установок и гегемонистского курса правящих кругов США позволяет лучше судить, где лежат истоки перехода к широкомасштабной экспансии монополистического капитала США на мировой арене и милитаризации внешней политики Вашингтона. То же можно сказать и в отношении опыта широкого антивоенного движения, ставшего приметной чертой американской действительности нашего времени. Знание его сильных и слабых сторон может служить ключом к пониманию природы сложных и многообразных импульсов, способствовавших зарождению в конце XIX в. традиции антиимпериализма в общедемократическом движении США.

«История США» хронологически завершается 1980 г. Чем было последнее пятилетие для Соединенных Штатов? Каково его место в истории страны? Как преломились в событиях 80-х годов ведущие тенденции экономического, социально-политического и духовного развития США, генезис которых прослеживается еще на стадии перехода от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму и тесно связан с обострением всех противоречий буржуазного общества после второй мировой войны? Обоснованность такой постановки вопроса очевидна, коль скоро функцией исторического исследования является установление с опорой на открытые марксизмом объективные закономерности движения общества реальной причинно-следственной связи между событиями. этими составляющими продолжающихся процессов, пронизывающих как предшествующие состояния, так и настоящее. Вот почему, не предвосхищая конкретного анализа последнего периода, представляется все же целесообразным осветить в общих чертах основные тенденции в историческом развитии Соединенных Штатов Америки первой половины 80-х годов.

В экономике страны, подтверждая циклический характер ее развития, после фазы неустойчивого роста второй половины 70-х годов, с весны 1980 г. начался новый кризис, который по своим последствиям оказался едва ли не самым глубоким за весь послевоенный период. Падение производства продолжалось вплоть до декабря 1982 г., а снижение производства в целом составило 12,4%. Самые серьезные потрясения настигли автомобильную промышленность (здесь выпуск продукции сократился на 61%), черную и цветную металлургию (на 50%), производство бытовых приборов (на 30%) и т. д. Вследствие двух тяжелых экономических кризисов (1973—1975 гг. и 1980—1982 гг.) среднегодовые темпы роста промышленного производства в 1974—1982 гг. составили всего 0,7% против 4,7% в 1951—1973 гг.[6]

Фаза подъема наступила в момент, когда ведущие американские бур-

---

[6] Современный капитализм: Социально-экономический справочник/Под общ. ред. А. Г. Милейковского. М., 1985, с. 245.

жуазные экономисты констатировали «самоочевидное интеллектуальное и политическое банкротство обеих главных политических партий» [7] — их попыток справиться со стагфляцией, которая, как отмечалось в президентском послании о положении страны (1984), «ослабила дух страны и подорвала ее богатство» [8]. По темпам прироста промышленного производства США довольно быстро снова вышли на одно из первых мест в капиталистическом мире. В 1983 г. доля США в капиталистическом промышленном производстве возросла и составила 36,7%. Заметно укрепили свои позиции американские транснациональные корпорации, чьи прямые зарубежные капиталовложения в 1983 г. увеличились до 226,2 млрд. долл.[9]

Оживление совпало с углублением «реиндустриализации» (и добавим — частично было вызвано ею), структурной перестройкой экономики, а вместе с тем и с переходом на новые принципы государственно-монополистического регулирования, в наибольшей мере отвечающим интересам крупного капитала. Этот переход выразился в замене модели развития, основанной на кейнсианских методах государственно-монополистического регулирования и социального маневрирования, моделью, ориентированной на резкое снижение уровня государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, сокращение невоенных государственных расходов, а также на проведение особого рода финансовой политики. Суть этой политики состоит в снижении налогообложения имущих слоев и корпораций, отмене правил, регулирующих рост их прибылей, в прямом субсидировании «большого бизнеса» за счет казны и, наконец, почти полном предании забвению антитрестовского законодательства [10].

Ставя себе в заслугу определенное улучшение основных показателей хозяйственного развития США после 1983 г., республиканцы прибегали к игре на контрастах. Указывалось, в частности, что 70-е годы были «десятилетием растущих проблем и ослабления уверенности», в то время как правление «великой старой партии» якобы «изменило американскую историю» [11]. Опровержением этого наигранного оптимизма служат экономические данные и сделанные на их основании многими авторитетными американскими экспертами выводы, учитывающие развитие долговременных тенденций.

И в самом деле, республиканцы обещали избавить федеральный бюджет от дефицита уже в 1984 финансовом году. Вместо этого США столкнулись с эскалацией бюджетного дефицита (1980 г.— 80 млрд. долл.; 1985 г.— свыше 200 млрд. долл.) [12], что никогда не являлось признаком здоровья экономики. В мае 1985 г. США установили еще один «рекорд»: впервые после 1914 г. в результате постоянного роста торгового дефицита они вновь стали страной-должником. Дефицит торгового баланса в 1985 г. составил 150 млрд. долл.[13] За этим стоит резкое сокращение американского экспорта — еще одно свидетельство неблагополучия, готового в любой момент взорваться неконтролируемыми для США осложне-

[7] *Rostow W. W.* The Barbaric Counter-Revolution. Cause and Cure. Austin, 1983, p. 51.
[8] Цит. по: США — экономика, политика, идеология, 1984, № 5, с. 63.
[9] Там же, 1985, № 10, с. 17, 18.
[10] Political Affairs, 1984, Mar., p. 8, 9.
[11] США — экономика, политика, идеология, 1984, № 5, с. 63.
[12] Washington Post, 1985, July 30, p. 118.
[13] Правда, 1986, 12 мар.

ниями на международном валютном рынке со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Множество опасностей таит в себе и быстрое увеличение за последние годы государственного долга США. К началу 1986 г. в первую очередь из-за щедрых расходов на гонку вооружений и предоставления крупных налоговых льгот монополиям он достиг астрономической цифры — 2,08 трлн. долл. (в начале 80-х годов — 935 млрд. долл.)[14], т. е. около половины ВНП. Это означает, что Соединенные Штаты живут не по средствам, в долг, а между тем расчеты на то, что снижение налогов вызовет бурный экономический рост, не оправдались. Такое положение вызывает тревогу у некоторых ведущих экономистов США разных направлений, несмотря на внешнее улучшение положения дел и радужные правительственные прогнозы[15].

Наиболее полное воплощение и идеологическое обоснование экономическая политика республиканской администрации получила в принятом по инициативе президента Рейгана в 1981 г. законе о налогах в целях экономического оздоровления, в основу которого легли принципы консервативной программы «нового начала для Америки». Само название закона отражало намерение пришедшего к власти правого крыла монополистической буржуазии провести перестройку управления экономикой, своего рода генеральную его ревизию, по масштабам эквивалентную реформам «нового курса», но отличную от них во всем остальном[16].

Пу́гало «правительственного вмешательства» было использовано с тем расчетом, чтобы оправдать усиление эксплуатации трудящихся корпорациями, удвоившими и утроившими свои прибыли, и развязать им руки для борьбы с организованным рабочим движением и более слабыми конкурентами. Неудивительно, что процесс концентрации производства и капитала в форме поглощений и слияний во всех сферах экономики — от банковского дела до сферы услуг и сельского хозяйства — получил дополнительный импульс. Активы 50 крупнейших американских банков выросли с 1971 по 1982 г. в 4 раза — с 314 млрд. до 1356 млрд. долл.[17], причем одним из источников роста финансового могущества крупнейших банков за последние годы стало банкротство их более мелких «сородичей» (в 1970 г. в США прекратило существование 10 банков, в 1983 г.— 48, а в 1985 г.—120[18]).

«Сверхконцентрация» экономической мощи в руках все более сужающейся прослойки общества, контролирующей источники национального богатства страны, ее ресурсы, а вследствие этого и подчинение государственной машины монополиям, зашла необычайно далеко[19]. Этому процес-

[14] Там же, 17 мар.

[15] П. Уолкер — председатель Федеральной резервной системы заявил в конце 1985 г.: «Сегодня мы можем позволить себе роскошь быть озабоченными в отношении буквально всего» (Newsweek, 1986, Mar., 3, p. 37). Дж. Гэлбрейт высказался еще более определенно, указав на параллель между 20-ми годами и нынешним состоянием экономики США, а также на сходство в подходе к ней президентов К. Кулиджа и Р. Рейгана. В основе этого подхода, сказал Гэлбрейт, лежит идея о том, «что все идет превосходно» (Ibid.).

[16] *Leuchtenburg W. E.* In the Shadow of FDR. From Harry Truman to Ronald Reagan. Ithaca; London, 1985, p. 209—235.

[17] Современный капитализм, с. 124.

[18] Newsweek, 1986, Mar. 3, p. 37.

[19] *Мироу К., Маурер Г.* Паутина власти: Международные картели и мировая политика. М., 1984, с. 382.

су содействовало то особое место, которое заняли в структуре американского бизнеса фабриканты оружия, извлекшие максимум выгоды из исключительно благоприятной для них обстановки внутри страны после победы консерваторов. Их благополучие и виды на наверстывание «потерянного» за минувшее десятилетие, прошедшее под знаком поражения во Вьетнаме, поддерживались выдвинутой новой администрацией программой «довооружения» в целях достижения военного превосходства над СССР.

«Перманентная военная экономика», о чем писал в 50-х годах Р. Миллс и что многими долгое время воспринималось всего лишь как обычная метафора, стала общепризнанным явлением хозяйственного развития США. Приведем лишь некоторые данные. С конца второй мировой войны и до прихода к власти Р. Рейгана (1945—1980) Соединенные Штаты затратили на военные приготовления 5,2 трлн. долл. (в ценах 1980 г.) [20]. В соответствии с программой «довооружения», предложенной президентом Рейганом, США собирались добавить к этой цифре около 2 трлн. долл. в 1981—1986 гг.[21]

Обращает на себя внимание тревожный факт стремительного, буквально скачкообразного увеличения ассигнований на гонку вооружений в условиях, когда экономика США погружалась в кризисное состояние, испытывая одновременно влияние структурных диспропорций, огромного государственного долга, роста дефицита федерального бюджета и платежного баланса и т. д.[22] В 1980 г. ассигнования Пентагону составили 141 млрд. долл., в 1984 г.— в 2 раза больше, а в 1986 финансовом году ему отпущено 302,5 млрд. долл.[23] С 1980 по 1985 г. ассигнования на военные НИОКР увеличились в США на 250%, тогда как на науку в целом — лишь на 75% [24]. Это означает, что около трети бюджетных ассигнований шло на подготовку войны. Минуло время, когда стыдились признавать, что гонка вооружений, помимо преследуемых внешнеполитических «выгод» (всегда речь шла прежде всего о достижении военного превосходства над СССР и подрыве его экономики), сулит еще и обеспечение экономической стабильности в самих Соединенных Штатах: в ряде ведущих отраслей выполнением таких заказов было занято до 40—50% рабочей силы.

Беспрецедентную в условиях мирного времени эскалацию военного бюджета в первой половине 80-х годов в Соединенных Штатах стали называть самой крупномасштабной за весь период после второй мировой войны переброской федеральных ресурсов с гражданских на военные цели [25]. Но военные заказы на новейшее вооружение обернулись не только золотым дождем для военно-промышленного комплекса, испытывавшего беспокойство за свои прибыли в период разрядки, но и дальнейшей концентрацией политического могущества в руках у альянса милитаристских группировок, в котором (что само собой разумеется) решающее слово принадлежит военно-промышленным концернам.

---

[20] *Boorstein E.* What's Ahead?.. The USA Economy. N. Y., 1984, p. 24.
[21] Правда, 1983, 27 июня.
[22] Экономический цикл в США (70 — начало 80-х годов)/Отв. ред. Р. М. Энтов. М., 1985, с. 58, 59.
[23] Правда, 1986, 15 мар.
[24] Коммунист, 1986, № 6, с. 91.
[25] *Бугров Е. В.* Военно-промышленный комплекс США — угроза миру. М., 1983, с. 4.

Говоря об изменениях в структуре современного государственно-монополистического капитализма в США, важно иметь в виду, что тесные контакты Пентагона и других правительственных ведомств с их крупнейшими поставщиками военного снаряжения привели к превращению частной военной индустрии в сектор американской экономики с особо высоким уровнем монополизации, к перерастанию их взаимоотношений в нерасторжимое партнерство, отличающееся особой устойчивостью и многообразием связей, а также масштабностью взаимодействия в производственной, научно-технической, финансовой, административно-организационной и других областях. Рост этой сферы «финансового процветания», достигаемый за счет постоянного прилива государственных средств, имеет своим следствием распространение опасного социально-психологического синдрома, питающего настроения в пользу расширения военного производства и поддержания международной напряженности.

Легко понять, что в этих условиях процесс приспособления политики Вашингтона к узкокорыстным интересам военно-промышленного комплекса приобретает черты качественно нового явления. Суть его, как признает «Нью-Йорк таймс», выражается в том, что влияние милитаризма на обстановку внутри страны «возросло сверх самых худших ожиданий» [26]. Джером Визнер, крупнейший американский ученый и бывший советник президента Кеннеди по научным вопросам, полагает в связи с этим, что речь должна уже идти не о локализации злокачественного роста бизнеса на орудиях смерти, а о предотвращении общего заражения национальной культуры. «Сейчас уже,— писал он,— вопрос стоит не о контроле над военно-промышленным комплексом», а «скорее о том, чтобы не дать Соединенным Штатам превратиться в страну полностью милитаризованной культуры» [27].

Рост экономического и политического могущества крупнейших американских монополий прямым образом сказался на сдвигах в соотношении классовых сил. Опираясь на постоянную поддержку правительства, монополистический капитал в изменившейся для него в благоприятную сторону общественной атмосфере предпринял широкое наступление на экономические позиции трудящихся и на их социальные права. Это выражается и в прямом диктате, ликвидации уступок, сделанных в предшествующие периоды под нажимом массового рабочего движения, и во внедрении новых, все более изощренных методов и форм эксплуатации наемного труда.

Ярким примером того, как сводятся на нет добытые в трудной борьбе успехи рабочих в сфере их экономических прав, является быстрое размывание системы страхования по безработице. Так в 1958 г. страховку получали 54% безработных, в 1975 г.—43, в 1982 г.—33, а в конце 1983 г.— 23% [28]. Характеризуя сложившуюся ситуацию в области социальных прав, Г. Холл писал: «Терпит неудачи борьба за гражданские права и равенство, за интеграцию в школах и улучшение жилищных

---

[26] Цит. по: Правда, 1985, 27 дек.

[27] New York Times, 1985, Aug. 12, p. A-17.

[28] Проблемы мира и социализма, 1984, № 12, с. 78. Данные американской статистики показывают, что фактически ничего не изменилось и в деле оплаты труда женщин. Как это было и в 50-х годах, последние получали в 1983 г. за равный труд не более 65% заработной платы мужчин.

условий, за избирательные права и „положительные действия“»[29] (т. е. за систему мер, с помощью которых можно смягчить последствия расовой дискриминации черных и цветных граждан США).

В целом в социальной области на всех практически уровнях более гибкий либерально-реформистский курс, направленный на достижение «социального компромисса», уступил место (в который раз!) жесткому курсу в плане выбора приемов и методов решения всего комплекса обостряющихся проблем американского капитализма на его нынешней стадии. Предпочтение отдается формуле «равенства возможностей», пресловутой «твердости», бесцеремонному отказу считаться с рецептами буржуазного реформизма, грубому и циничному нажиму в отношении тех передовых общественных сил, которые противостоят этой политике. Так реализуется в условиях современных Соединенных Штатов характерная тенденция в развитии внутренних противоречий капиталистического мира, проявляющаяся в давлении «реакции по всем линиям — во внутренней и внешней политике, экономике и культуре, в использовании достижений человеческого гения»[30].

Администрация Рейгана в течение первого срока пребывания у власти, воспользовавшись разочарованием широких слоев населения в результатах предшествующей деятельности федерального правительства и конгресса, осуществляла весьма далеко идущие контрреформы в социальной области. Действуя в русле тех установок, которые были выдвинуты идеологами крупного бизнеса на рубеже 70—80-х годов, она подвергла радикальному пересмотру (в целях полной ликвидации или сокращения) свыше 200 доставшихся «в наследство» от прежних времен социальных программ. Сократилась доля социальных расходов в ВНП[31].

Сдвиг вправо во всей социальной политике господствующего класса проявился и в том массированном наступлении, которое, скоординировав свои усилия, повели на опорные позиции рабочего движения монополистический капитал и правительство. Никогда еще с момента принятия закона Тафта—Хартли профсоюзы США не сталкивались со столь тотальными, расчетливо спланированными и пропагандистски подготовленными подрывными действиями против самих устоев их существования с использованием правительственных служб, судебной системы и законодательной власти. В результате под угрозу была поставлена не только возможность профсоюзов с достаточной эффективностью представлять экономические интересы организованных в них рабочих, но и перспектива сохранения реального права трудящихся на коллективную защиту от произвола капитала.

Непосредственным результатом этого фронтального натиска было заметное снижение уровня организованности рабочего класса и рост материальной необеспеченности многочисленных категорий трудящихся. С 1980 по 1984 г. уровень профессиональной организованности американских трудящихся (сюда не входят сельскохозяйственные рабочие) упал с 23 до 18,8%. К середине 80-х годов 90 млн. американских рабочих оставались вне профсоюзов[32], а это означает, что труднее становится бороться против снижения зарплаты, ухудшения условий труда, массовых

---

[29] Проблемы мира и социализма, 1983, № 9, с. 5.
[30] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 13.
[31] *Попов А. А.* Государство «всеобщего благоденствия»? М., 1985, с. 55.
[32] Political Affairs, 1985, May, p. 12; 1986, Jan., p. 7.

увольнений и «миграции» предприятий в районы, где нет профсоюзов. Недостаточная массовость профсоюзного движения прямо и косвенно увеличивает тяготы безработицы, которая за последние 4,5 года составляла в среднем почти 9% общей численности рабочей силы. Существующая в США дискриминационная практика и еще невысокая активность профсоюзов в борьбе с ее проявлениями привели к тому, что доля безработных среди цветного населения США в последние 7 лет вдвое и более превышала уровень безработицы среди белых [33].

От складывающегося в стране соотношения сил между основными антагонистическими классами американского общества зависит и перераспределение доходов внутри его структуры. Последние годы еще рельефнее обнажили ведущую тенденцию в развитии классового расслоения, которую американская буржуазная пропаганда начиная с 50—60-х годов всячески старалась представить утратившей всякое значение путем распространения мифа об «уравнении массового потребления» и о создании социально и политически интегрированного общества без «марксистских классов» и «классовой борьбы». Важнейшие проявления этой тенденции имеют двоякий характер. С одной стороны, это понижение реальной заработной платы американских трудящихся в 70-е — начале 80-х годов, относительное ухудшение положения американских трудящихся, выражающееся в повышении нормы эксплуатации, катастрофическое снижение доходов фермеров (с 43 млрд. долл. в 1979 г. до 19 млрд. в 1982 г.) [34], рост числа американцев, чей материальный достаток ниже официально установленной «черты бедности», уменьшение доли социальных расходов в ВНП. С другой — рост капиталистических прибылей, богатства тех немногочисленных семей, которые находятся на вершине социальной лестницы.

«Какими бы методами измерения ни пользоваться,— писал журнал „Форчун“ в конце 1983 г.,— степень неравенства в доходах между богатыми и бедными американскими семьями возрастает» [35]. Статистика подтверждает этот вывод. Средний доход американской семьи с середины 70-х годов сокращался вплоть до 1983 г. и лишь затем в условиях экономического оживления и подъема начал расти. В 1984 г. он превысил уровень 1980 г., но оставался ниже 1972 г. При этом, как показывают исследования, богатые американцы увеличили свои доходы на 9%, американцы же со средним доходом — на 1%, а доходы малоимущего населения снизились на 8%. Число бедняков, т. е. тех, чьи доходы находятся ниже «черты бедности», увеличилось на 6 млн.: с 29 млн. (13% всего населения) в 1980 г. до 35 млн. (15,2%) в 1984 г.[36] Один процент самых состоятельных семей Америки «владеет богатствами, почти в полтора раза превышающими совокупное богатство 80 процентов семей, находящихся в нижней части имущественной пирамиды» [37].

«Прогресс» социального неравенства за последние годы проявился в росте многомиллионной армии бездомных людей, упадке городских кварталов, где проживают малоимущие семьи, умножении массовых выселе-

---

[33] Коммунист, 1984, № 14, с. 91, 92.
[34] Political Affairs, 1985, May, p. 38.
[35] Цит. по: США — экономика, политика, идеология, 1984, № 4, с. 16.
[36] Коммунист, 1984, № 14, с. 95; США — экономика, политика, идеология, 1985, № 5, с. 57.
[37] Цит. по: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 14.

ний, в городах-«призраках» с почти полностью безработным трудоспособным населением, ставшим жертвой «реиндустриализации», в разорении фермерства, в сохранении *фактически* бесправного положения национальных меньшинств, новой вспышке расизма как в форме полицейских погромов, так и в более «утонченном» виде. О том же свидетельствуют растущая преступность, снижение уровня образования в школах, где учатся дети из малоимущих семей. Авторитетная негритянская организация Национальная городская лига в докладе «Положение черной Америки — 1986» констатирует: «...бедность и безработица среди негров находятся на самом высоком уровне с начала 60-х годов... По-прежнему широко распространена расовая дискриминация, воедино сочетающаяся с классовым гнетом... В стране все еще упорно сохраняется сегрегация...» [38].

Мартин Лютер Кинг мечтал «взойти на гору», с которой он увидел бы Америку расового равенства и социальной справедливости. Эта мечта остается недостижимой, причем речь идет не только о черных американцах. Опубликованный в начале 1986 г. доклад Гарвардского университета и специальной исследовательской группы врачей констатирует, что по крайней мере в половине американских штатов существуют «очаги голода», их становится все больше. По этим данным, в 1985 г. примерно 20 млн. американцев хронически недоедали. Даже Белый дом вынужден был признать, что «в войне с бедностью в Америке победила бедность» [39].

Социальный опыт последних лет оказал противоречивое воздействие на развитие рабочего и массового демократического движения. Груз антикоммунистических предрассудков, ежечасно воссоздаваемых пропагандистской машиной монополий, подъем консервативных, националистических настроений и скоординированная антипрофсоюзная политика предпринимателей и правительства создали дополнительные трудности для деятельности левых, прогрессивных сил. Продолжает сказываться и то, что значительная часть трудящихся поверила в пропаганду правых о возможности решения накопившихся острейших социально-экономических проблем на основе той программы, которую выдвинуло консервативное крыло республиканской партии. Маневры правительства, встревоженного приобретшим в начале 80-х годов широкий размах антиядерным движением в США и странах Европы, в сочетании с политикой репрессий в какой-то момент привели к снижению уровня массовых антивоенных выступлений, к организационной разобщенности антимилитаристских, антиимпериалистических сил. Однако реакции, маскирующейся под «стопроцентный» патриотизм и проповедующей «миролюбие» через наращивание военной мощи, не удалось достигнуть всех поставленных ею целей.

Объективная логика событий, проявление тяжелых социальных последствий научно-технического прогресса в условиях перестройки капиталистической экономики, ударяющих по жизненным интересам самых разных слоев трудящихся, наконец, более основательное осознание организованным рабочим движением и массами его рядовых членов того, что несет им засилье политической реакции,— все это активизирует силы сопротивления в рабочем классе. Растет авторитет и влияние Компартии,

---

[38] Цит. по: Правда, 1986, 29 янв.
[39] Там же, 14 февр.; People's Daily World, 1986, Aug. 12.

мужественно ведущей борьбу со всеми проявлениями апатии и пораженчества. Новый импульс получила животворная тенденция, воплощенная в движении рядовых членов профсоюзов, в возросшей боеспособности местных отделений профсоюзов и их территориальных объединений (в городах и штатах), в постановке (хотя и не всегда последовательной) многими профсоюзами и их руководителями с классовых позиций вопроса о сути нынешней внутренней и внешней политики США [40]. По ряду ключевых проблем экономики и политики меняется в позитивном плане позиция АФТ—КПП: сказывается давление снизу в пользу отказа от обезоруживающей профсоюзы концепции «классового партнерства».

Боевые традиции классовой борьбы американского пролетариата были продолжены манифестациями против антирабочей политики администрации в День солидарности, проведенный профсоюзами в сентябре 1981 г. Признаком осознания необходимости для профсоюзов играть более самостоятельную роль в национальной политике было беспрецедентное решение руководства АФТ—КПП в преддверии президентских выборов 1984 г. поддержать собственного кандидата (в данном случае У. Мондейла), хотя съезд демократической партии еще не сделал свой выбор [41].

Отражением нарастающих прогрессивных тенденций в профдвижении были активизация стачечной борьбы, а также содержание и тон дискуссии проходившего в октябре 1985 г. очередного съезда АФТ—КПП. Форум профсоюзного руководства заявил об оппозиции антирабочей политике республиканской администрации и выразил осуждение деятельности ультраправых сил в стране. Резолюции, принятые съездом, обнаружили четкую антимонополистическую направленность. Делегаты, представлявшие более половины членов АФТ—КПП, поддержали идею замораживания ядерных вооружений. Эта линия получила подтверждение в последующих решениях руководящих органов профсоюзного движения [42].

Кумулятивное действие наметившихся сдвигов в рабочем движении с разной силой ощущалось в деятельности многочисленных демократических организаций, представляющих ту часть широкой американской общественности, которая выступает за мир и социальный прогресс, против милитаризма, угрозы ядерной войны, правой опасности и наступления на социальные завоевания трудящихся. Потенциал этих новых движений на уровне «корней травы», охватывающих широкие массы людей во всех пластах американского общества, вплоть до самых глубинных, огромен и, как показывает опыт истории, способен обеспечить реальный вклад в достижение общественного прогресса. Было бы неверно, однако, недооценивать имеющиеся трудности, хотя динамика борьбы за демократические альтернативы указывает на поступательный характер развития, на возможность формирования новых коалиций антимонополистической, антиимпериалистической ориентации. Ярким примером может служить многомиллионная манифестация в поддержку бедняков и бездомных, названная «Рука об руку через Америку», состоявшаяся в конце мая 1986 г.

Говоря о внешнеполитическом курсе Вашингтона после прихода к власти в 1980 г. республиканцев, нельзя не видеть связь между обострением внутренних противоречий государственно-монополистического

---

[40] Daily World, 1986, Mar. 27, p. 4-D, 7-D, 13-M.
[41] США — экономика, политика, идеология, 1984, № 5, с. 24, 25.
[42] Political Affairs, 1986, Jan., p. 5—17; Daily World, 1986, Mar. 6, p. 17-D.

капитализма и решимостью реакционно настроенных кругов господствующего класса США искать выход из многочисленных кризисных ситуаций на путях форсирования милитаризации экономики и подчинения национального политического мышления имперским амбициям.

Важнейшее значение имело и изменение в соотношении сил в мире, характерные черты которого определились в 70-х годах, когда стало ясно, что империализм утратил перевес сил над социализмом. «Историческим достижением социализма,— отмечается в новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза,— явилось установление военно-стратегического паритета между СССР и США, Организацией Варшавского Договора и НАТО. Оно упрочило позиции СССР, стран социализма и всех прогрессивных сил, опрокинуло расчеты агрессивных кругов империализма на победу в мировой ядерной войне. В сохранении этого равновесия — серьезный фактор обеспечения мира и международной безопасности» [43].

В числе главных факторов должны быть названы успехи социализма в экономическом соревновании с капитализмом. Доля социалистических стран в мировом производстве за последние 25 лет увеличилась с 36 до 40%, а объем промышленного производства в СССР вырос с 30 до 80% уровня США. В 1963 г., по данным международных экспертов, доля государств социалистического содружества в мировой условно чистой продукции обрабатывающей промышленности составляла 15,2, а в 1984 г.— уже 24,9%. За этот же период доля промышленно развитых капиталистических стран сократилась с 77 до 63,5%. К середине 80-х годов динамично развивающиеся страны социалистического содружества обеспечивали более половины прироста всемирного индустриального потенциала [44].

Все более серьезное сопротивление встречает гегемонистский курс американского империализма со стороны народов освободившихся стран. Процесс социально-экономических преобразований в жизни народов, составляющих большинство человечества и полных решимости отстоять право самим, без вмешательства извне решать свою судьбу, приобрел необратимый характер. Борьба народов, которые еще вчера в Вашингтоне рассматривали как некие «неодушевленные» объекты империалистического грабежа, смыкаясь с общей антиимпериалистической борьбой, с конца 70-х — начала 80-х годов поднялась на новую ступень. Демократический процесс ширится, углубляется, подрывая позиции США и скомпрометированных связями с ними социально-классовых сил.

Наконец, нельзя не отметить и возникшие новые осложнения в системе взаимоотношений трех основных центров современного империализма — США, Западной Европы и Японии. Изменения в балансе сил и здесь обнаружили весьма неблагоприятную тенденцию для гегемонистских устремлений американского капитализма. В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза констатируется: «Экономическое, финансовое, технологическое превосходство над ближайшими конкурентами, которым США располагали вплоть до конца 60-х годов, подверглось серьезному испытанию. Западной Европе и Японии удалось кое в чем потеснить американ-

[43] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 127.
[44] Коммунист, 1986, № 7, с. 95.

ского патрона. Они бросают вызов Соединенным Штатам и в такой традиционной сфере американской гегемонии, как новейшая техника»[45]. Сталкиваясь с ужесточением внешнеэкономической конкуренции, правящая олигархия США испытывает ностальгию по прошлому, когда она не ощущала тревоги относительно монопольного положения своей страны на мировых рынках, а американские товары служили в качестве мирового стандарта.

Ответ на многие проблемы, поставленные развитием внутренних и внешних противоречий американского империализма, дальнейшим углублением общего кризиса капитализма, администрация Р. Рейгана и активно поддерживающие ее консервативные и правые силы увидели в возврате к военно-силовой политике и к пресловутой доктрине «американской исключительности». Обосновывающая превосходство «американской системы» и объявляющая врагами Соединенных Штатов все государства, которые не разделяют подобного убеждения, эта доктрина давала в руки реакционных сил, мечтавших о социальном реванше в глобальном масштабе, сильнодействующее средство для культивирования в стране шовинистических настроений и подавления рационального суждения в отношении полицентризма мирового сообщества, чувства реализма в оценке возможностей США перекроить мир по их образу и подобию. Антикоммунизм и антисоветизм составляют ядро той вновь поднятой на щит политической философии международных отношений, с которой республиканская администрация вышла на мировую арену, бросив вызов идее разрядки, принципам добрососедства и сотрудничества.

Тенденция в сторону сползания к новому раунду жесткой конфронтации в советско-американских отношениях, проявившаяся еще в деятельности предшествующей администрации, воплотилась в начале 80-х годов в серии внешнеполитических акций Вашингтона, враждебных Советскому Союзу и демонстративно порывающих со сложившейся в 70-х годах практикой дипломатического диалога и контактов между двумя странами, совместного обсуждения международных проблем на основе признания взаимной заинтересованности сторон в их конструктивном решении. Ради подхлестывания военной истерии в ход был пущен миф о «советской угрозе». «Крестовый поход» против коммунизма и разного рода санкции, объявленные президентом Рейганом, имели, разумеется, своей целью не только устрашение социалистических стран, Советского Союза, они призваны были также служить ширмой для прикрытия вмешательства во внутренние дела стран, внешняя политика которых была неугодна Соединенным Штатам, а также в качестве средства нажима на передовые, прогрессивные силы в несоциалистической части мира, борющиеся с капиталом и выступающие за мир, против войны.

Добиваться «крушения коммунизма», способствовать «постепенной эволюции советского строя в сторону его изменения» — такова едва ли не главная цель внешней политики США, как она видится многим американским «ястребам». Их не смущает, что все это звучит в наше время анахронизмом и имеет еще меньше шансов на успех, чем расчеты американских политиков прошлого вроде Р. Лансинга, Б. Колби, Г. Гувера, пытавшихся в первые годы существования Советской страны удушить ее с помощью военной интервенции, дипломатической и экономической

[45] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 15.

блокады. Уроки истории с трудом усваиваются господствующим классом США.

Утверждая о необходимости для США сделать грубую силу средством решения международных разногласий, администрация Р. Рейгана положила в основу своей программы «биполярное вúдение мира», как его сформулировал еще Г. Трумэн. Социализм, исходя из такой теории существования «двух миров», представляет собой самую большую опасность для цивилизованного мира, «ошибку его эволюции», ради исправления которой хороши и допустимы любые средства.

Концепция американского мессианства, идея «богом избранного народа», создавшего последнее убежище «цивилизации и свободы», которые получили широкое хождение в США благодаря целенаправленной деятельности мощной пропагандистской машины правящих кругов, используются для придания видимости законности принципу нанесения «упреждающих ударов» за рубежом якобы в целях «борьбы с терроризмом» либо в порядке «наказания» за действия, которые в Вашингтоне трактуют как направленные против «жизненных интересов» США. Особенно опасный смысл приобрели в этой связи утверждения официальных представителей США о том, что во Вьетнаме американцы утратили «правильную цель» из-за «неправильной» и «слишком боязливой» военной политики.

Никогда бесперспективность попыток одной ядерной державы диктовать свою волю всем остальным членам мирового сообщества не выглядела столь очевидной, как в наше время, властно требующее нового подхода к проблемам международных отношений. Тем не менее с первых дней пребывания у власти администрация Рейгана настаивала на своем «праве» единолично (даже без согласования с союзниками), не считаясь с мнением мирового сообщества, принимать решения по важнейшим внешнеполитическим вопросам, затрагивающим интересы других стран, и по собственному выбору использовать имеющиеся в ее распоряжении средства.

Игнорируя объективные факторы, действительно обусловливающие нарастание революционных процессов на разных континентах, представляя дело так, будто любые узлы противоречий и региональные конфликты есть порождение соперничества между Востоком и Западом, Советским Союзом и США, Вашингтон бесцеремонно устанавливает, какие правительства «законны», а какие «незаконны», какому Белый дом разрешает остаться у власти, а какое приговорено им к свержению. С приходом в Вашингтоне консерваторов к власти Центральная Америка, Ближний и Средний Восток, многие независимые государства Юга Африки стали объектом американского экономического и силового давления, прямых вооруженных акций, ультиматумов, тайных подрывных операций.

В ряду первых «полем глобального боя» нынешней администрации США с «международным терроризмом и коммунизмом» оказался Сальвадор. Вмешавшись во внутренние дела этой страны, где развернулась борьба восставших масс против продажного олигархического режима, США стали на сторону последнего. С 1981 г. наемная армия Пентагона — никарагуанские «контрас» — ведет контрреволюционную войну против законного правительства страны. В 1983 г. мир убедился, как далеко может увести официальный Вашингтон интервенционистский

синдром, став свидетелем вторжения США на Гренаду и возвращения на штыках американских солдат марионеточных правителей на этот крохотный карибский остров. США используют свою военную мощь против национально-патриотических сил Ливана, стремясь запугать арабские страны, заставить их отказаться от борьбы за справедливое урегулирование конфликта на Ближнем Востоке. С каждым годом расширялось вмешательство американского империализма и во внутренние дела Афганистана в форме поддержки контрреволюционных банд, ведущих необъявленную войну против революционного народа этой страны. США поощряют и акты агрессии расистского режима ЮАР против Анголы, Мозамбика, Зимбабве, других независимых государств в южной части Африки.

В сущности, как отмечалось многими наблюдателями, в середине 80-х годов Белый дом провозгласил новую агрессивную внешнеполитическую доктрину, цель которой «узаконить» экспорт контрреволюции. Опаснейшим шагом в реализации доктрины «нового глобализма», полностью игнорирующей общепринятые нормы международного права, были варварские налеты американской авиации на Ливию весной 1986 г. и угрозы повторить такого рода действия против других стран, которые занесены Белым домом в «черный список» пособников «международного терроризма».

«Если смотреть на вещи в широком международном контексте,— говорил, имея в виду эти события, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев,— то преступление против Ливии, как и упорное продолжение ядерных испытаний, нагнетание угроз в отношении Никарагуа нельзя рассматривать изолированно. Все это — проявление общего курса американской администрации, милитаристская, агрессивная направленность которого обнаружилась в эти дни с полной очевидностью» [46].

Линия администрации республиканцев в области военной политики полностью отражала позиции правых сил в стране, добивавшихся для США «активной руководящей роли» в мире. Намеченную обширную программу создания новых видов оружия массового уничтожения стали называть «второй половиной программы администрации по возрождению Америки».

Вашингтон форсировал размещение на территории своих европейских союзников американских ядерных ракет первого удара. США отказались возобновить переговоры по Договору о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия и ратифицировать советско-американский договор об ограничении подземных ядерных испытаний [47]. Начав в ноябре 1981 г. в Женеве переговоры о заключении промежуточного соглашения по ракетам средней дальности, США повели дело на их затягивание. В 1983 г. в США в надежде возродить былое американское преимущество были обнародованы планы, связанные с подготовкой «звездных войн», т. е. перенесения гонки вооружений в космическое пространство. Претворение этой исключительно опасной программы означало бы, что Вашингтон сознательно пошел на то, чтобы сорвать ведущиеся переговоры и перечеркнуть существующие соглашения об ограничении вооружений. Все эти шаги подвинули мир к грани, за которой человече-

[46] Правда, 1986, 19 апр.
[47] Современная внешняя политика США: В 2-х т. М., 1984, т. 1, с. 413.

ство может оказаться в обстановке абсолютно бесконтрольной гонки вооружений, стратегического хаоса, опаснейшего подрыва стабильности и связанного с этим риска термоядерной катастрофы.

Между тем, сознавая всю меру ответственности за безопасность человечества и следуя принципиальной политике мира и сотрудничества, Советский Союз выступил с рядом важных, конструктивных инициатив, включая предложение о возобновлении диалога и о начале новых переговоров по всему комплексу ядерных и космических вооружений. Одобрительный отклик, который получили эти инициативы в широких кругах мировой общественности, обеспокоенность союзников США курсом Вашингтона на жесткую конфронтацию с Советским Союзом, недвусмысленно выраженные настроения самих американцев в пользу прекращения опасного сползания к ядерной катастрофе вынудили администрацию США изменить тон и пойти на возобновление контактов на высшем уровне.

В целом в 1984 и 1985 гг. в поведении Вашингтона на международной арене ощутились элементы реализма. Белый дом был вынужден хотя бы отчасти считаться с опасным развитием международной обстановки. Позитивная тенденция проявилась на женевской встрече Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с президентом США Р. Рейганом в ноябре 1985 г. Хотя на ней не удалось найти решения узловых вопросов, связанных с прекращением гонки вооружений, достигнутые в Женеве договоренности были обнадеживающим шагом к лучшему прежде всего в советско-американских отношениях. Важным итогом встречи было принятое 21 ноября 1985 г. «Совместное советско-американское заявление», в котором, в частности, говорилось:

«Признавая различия в общественно-политических системах СССР и США и в их подходах к международным проблемам, оба руководителя вместе с тем достигли лучшего понимания позиций друг друга. Они согласились о необходимости улучшения советско-американских отношений и оздоровлении международной обстановки в целом. В этой связи обе стороны подтвердили важность постоянного диалога, отражающего их серьезное стремление искать точки соприкосновения по существующим проблемам...

Обсудив ключевые вопросы безопасности, стороны, сознавая особую ответственность СССР и США в деле сохранения мира, заявляют, что ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей. Признавая, что любой конфликт между СССР и США мог бы иметь катастрофические последствия, они также подчеркнули важность предотвращения любой войны между ними — ядерной или обычной. Они не будут стремиться к достижению военного превосходства» [48].

После советско-американской встречи в верхах в мире возродились надежды на договоренность о возможности затормозить, остановить и повернуть вспять губительное накопление все новых и новых видов оружия массового уничтожения. Прекращение Советским Союзом в одностороннем порядке ядерных испытаний летом 1985 г. при условии присоединения к этому решению и США могло положить начало движению к полному и всеобщему запрещению испытаний ядерного оружия и сок-

---

[48] Советско-американская встреча на высшем уровне. Женева, 19—21 ноября 1985: Документы и материалы. М., 1985, с. 13, 14.

ращению его арсеналов. 15 января 1986 г. Советский Союз предложил тщательно продуманный и всесторонне сбалансированный, конкретный и ясный план ликвидации до конца нынешнего столетия оружия массового уничтожения и сокращения других вооружений до пределов необходимой обороны. XXVII съезд КПСС своим призывом к всеобщей и равной безопасности народов и новыми конкретными предложениями вселяет в миллионы людей веру в возможность сохранить мир на планете, в возможность гарантировать человечеству благоприятные условия для развития в XXI в.

Однако Вашингтон отреагировал на это антисоветской пропагандистской кампанией, подземными ядерными взрывами в Неваде, развертыванием программы милитаризации космоса (СОИ), заявлениями об отказе США соблюдать Договор по ПРО и Договор ОСВ-2, активизацией имперской политики «неоглобализма». Те силы в США, которые всегда выступали против выравнивания международных отношений, как показали многие факты, сохраняют контроль в коридорах власти Вашингтона. Но им противостоит — и в самих США и за их пределами — растущее стремление миллионов людей, придерживающихся самых разных политических убеждений, к миру без оружия и войн.

Ядерный век требует нового политического мышления, признания необходимости исходить в международных отношениях, в вопросах войны и мира не из узко понятых интересов, противопоставляющих страны друг другу, а из общих для них интересов и стремлений. Будут ли США в состоянии учитывать доминирующие исторические тенденции современности или же останутся в стороне от них, на этот вопрос ответит будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том второй.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1.

Энгельс Ф. О концентрации капитала в Соединенных Штатах.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19.

Энгельс Ф. Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19.

Энгельс Ф. Рабочее движение в Америке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.

Энгельс Ф. Президентские выборы в Америке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22.

Ленин В. И. Успехи американских рабочих.— Полн. собр. соч., т. 22.

Ленин В. И. Итоги и значение президентских выборов в Америке.— Полн. собр. соч., т. 22.

Ленин В. И. После выборов в Америке.— Полн. собр. соч., т. 22.

Ленин В. И. Обнищание в капиталистическом обществе.— Полн. собр. соч., т. 22.

Ленин В. И. В Америке.— Полн. собр. соч., т. 22.

Ленин В. И. Русские и негры.— Полн. собр. соч., т. 22.

Ленин В. И. «Научная» система выжимания пота.— Полн. собр. соч., т. 23.

Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос.— Полн. собр. соч., т. 23.

Ленин В. И. Под чужим флагом.— Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полн. собр. соч., т. 27.

Ленин В. И. Письмо к американским рабочим.— Полн. собр. соч., т. 37.

Ленин В. И. Письмо к рабочим Европы и Америки.— Полн. собр. соч., т. 37.

Ленин В. И. Ответ на вопросы корреспондента американской газеты «The Chicago Daily News».— Полн. собр. соч., т. 39.

Ленин В. И. Беседа с корреспондентом американской газеты «The World» Линкольном Эйром.— Полн. собр. соч., т. 40.

Ленин В. И. Обществу друзей Советской России (в Америке).— Полн. собр. соч., т. 45.

ДОКУМЕНТЫ КПСС, КП США, МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО И КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ, ВЫСТУПЛЕНИЯ И ТРУДЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КПСС, КП США

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 3. 1930—1954. М., 1954; Ч. 4. 1954—1960. М., 1960.

Материалы XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961.

Материалы XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966.

Материалы XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971.

Материалы XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976.

Материалы XXVI съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1981.

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969. Прага, 1969.

Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1985.

Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля 1986 г. М., 1986.
Советско-американская встреча на высшем уровне, Женева, 19—21 ноября 1985 г.: Документы и материалы. М., 1985.
XVI Национальный съезд Коммунистической партии США (9—12 февраля 1957 г.). М., 1958.
XVII Национальный съезд Коммунистической партии США (10—13 декабря 1959 г.). М., 1961.
Вехи боевой истории: 60 лет Коммунистической партии США. М., 1983.
Уинстон Г. Стратегия борьбы черного населения. М., 1975.
Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1953.
Холл Г. Революционное рабочее движение и современный империализм. М., 1974.
The People versus Monopoly. Program of the Communist Party USA, 1960. N. Y., 1960.
New Program of the Communist Party USA. N. Y., 1970.
New Program of the Communist Party. The People versus Corporative Power. N. Y., 1982.
Winston H. Class, Race and Black Liberation. N. Y., 1977.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Cornell University, School of Industrial and Labor Relations.
M. P. Catherwood Library. Labor-Management Documentation Center.
Philip Taft Papers.
Dwight D. Eisenhower Library.
Central files; James P. Mitchell Papers.
Harry S. Truman Library. Manuscript Division.
H. S. Truman Papers;
C. M. Clifford Papers;
G. Nourse Papers.
John F. Kennedy Library.
T. Sorensen Papers;
W. Heller Papers;
R. F. Kennedy Papers.
Library of Congress.
R. A. Taft Papers.
Lindon B. Johnson Library.
White House Central Files.
National Archives. Washington (D. C.) Department of Labor. Office of Secretary.
James P. Mitchell Papers.
Princeton University. Mudd Library.
Adlai E. Stevenson Papers.
Walter Reuther Library. Archives of Labor History and Urban Affairs.
Wisconsin State Historical Society.
D. Richberg Papers;
E. E. Witte Papers.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, СБОРНИКИ

Документы внешней политики СССР. М., 1957 —.Т. 1 —.
Советский Союз глазами американцев, 1917—1977: Документы и материалы/Отв. ред., сост. И. М. Краснов. М., 1979.
Советский Союз в борьбе за разоружение: Сб. документов. М., 1977.
American Foreign Policy: Current Documents. Wash., 1950—1980.
American Government Annals. N. Y., 1960—1980.
Annual Reports of the Council of Economic Advisers. Wash., 1947—1980.
Analysis of Work Stoppages, 1949—1980. US Department of Labor. Wash., 1950—1981.
The Cold War: Origins and Developments. Hearings before the Subcommittee on Europe. Committee on Foreign Relations. US Congress. Wash., 1971.
Congress and the Nation, 1945—1964. A Review of Government and Politics. Wash., 1965.

Congress Investigates. A Documented History, 1792—1974: Vol. 1—5/Ed. by A. M. Schlesinger, Jr. N. Y.; L., 1975.
Congressional Quarterly, 1945—1980.
Congressional Record. Proceedings and Debates. Wash., 1945—1980.
A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941—1949. Wash., 1950.
«Dropshot». The United States Plan for War with Soviet Union in 1957/Ed. by A. Brown. N. Y., 1978.
Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945—1950/Ed. by T. Etzold, J. Gaddis. N. Y., 1978.
Department of State Bulletin, 1945—1980.
A Documentary History of the Negro People in the United States: Vol. 1—3/Ed. by H. Aptheker. N. Y., 1951—1974.
A Documented History of the United States/Ed. by R. D. Heffner. N. Y., 1976.
Documents of American History: Vol. 1, 2/Ed. by H. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973.
Economic Reports of the President. Wash., 1947—1980.
Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1945—1954. Wash., 1960—1985.
National Party Platforms, 1840—1972/Compl. by D. B. Johnson, K. H. Porter. Urbana, 1973.
The Negroes in the United States. Their Economic and Social Situation. US Department of Labor. Bureau of Labor Statistics. Wash., 1966.
The New Left Memorandum Prepared for the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act. US Senate. Committee on Judiciary. Wash., 1970.
The Pentagon Papers, as publ. by New York Times. N. Y., 1971.
Public Papers of the Presidents of the United States.
Harry S. Truman, 1945—1953: Vol. 1—8. Wash., 1961—1966;
Dwight D. Eisenhower, 1953—1961: Vol. 1—8. Wash., 1958—1961;
John F. Kennedy, 1961—1963: Vol. 1—3. Wash., 1962—1964;
Lyndon B. Johnson, 1963—1969: Vol. 1—10. Wash., 1965—1970;
Richard-M. Nixon, 1969—1972: Vol. 1—4. Wash., 1971—1974;
Gerald R. Ford, 1974—1977: Vol. 1—6. Wash., 1975—1979;
Jimmy Carter, 1977—1981: Vol. 1—9. Wash., 1977—1982.
Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders. N. Y., 1968.

БУМАГИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ТРУДЫ СОВРЕМЕННИКОВ СОБЫТИЙ

Acheson D. A Democrat Looks at His Party. N. Y., 1955.
Anderson J. Confessions of a Muckraker: The Inside Story of Life in Washington during the Truman, Eisenhower, Kennedy and Johnson Years. N. Y., 1979.
Carter J. Keeping Faith. Memoirs of a President. N. Y., 1982.
Dulles J. F. War or Peace. N. Y., 1957.
Eisenhower D. Mandate for Change, 1953—1956. L., 1963.
Fulbright J. W. The Crippled Giant. N. Y., 1973.
Harriman A. America and Russia in a Changing World. A Half-Century of Personal Observation. N. Y., 1971.
Humphrey H. H. War on Poverty. Toronto, 1964.
Johnson L. B. The Vantage Point. Perspectives on the Presidency, 1963—1969. N. Y., 1971.
Kennan G. F. Memoirs: Vol. 1, 2. Boston; London, 1967, 1972.
Kennedy J. F. The Burden and the Glory. L., 1964.
Kennedy R. F. Thirteen Days. A Memoir of the Cuban Crisis. N. Y., 1969.
Kissinger H. White House Years. Boston, 1979.
Kissinger H. Years of Upheaval. Boston, 1982.
Murphy R. Diplomat among Warriors. N. Y., 1967.
Nixon R. M. Memoirs. N. Y., 1978.
The Papers of Adlai E. Stevenson: Vol. 1—8/Ed. by W. Johnson. Boston, 1972—1979.
US President. The State of the Union Messages of the Presidents, 1790—1966: Vol. 1—3/Ed. by F. Israel. N. Y., 1966—1967.
Truman H. Memoirs: Vol. 1, 2. Garden City (N. Y.), 1955—1956.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, СПРАВОЧНИКИ

The American Workers' Fact Book, 1956—1959. US Department of Labor. Wash., 1957—1960.
Current Population Reports, 1950—1980. Wash., 1951—1981.
Dictionary of American Biography: Vol. 1—23/Ed. by A. Johnson, D. Malone, H. E. Starr. N. Y., 1928—1973.
Encyclopedia of American History/Ed. by R. B. Morris, J. Morris, N. Y., 1982.
Facts on File, 1950—1980.
The Gallup Opinion Index. Princeton, 1960—1980.
Handbook of Labor Statistics, 1948—1980. Wash., 1948—1980.
Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975.
The Negro Handbook. Chicago, 1967.
Statistical Abstract of the United States, 1945—1980. Wash., 1945—1980.

ПРЕССА И ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Правда, 1945—1980.
Известия *.
Коммунист, 1955—1980.
Проблемы мира и социализма, 1970—1986.
Вопросы истории *.
Американский ежегодник, 1971—1986. М., 1971—1986.
Мировая экономика и международные отношения *.
Новая и новейшая история *.
США — экономика, политика, идеология *.
American Federationist, 1945—1986.
American Historical Review *.
Business Week, 1946—1980.
Crises, 1957, 1963.
Daily Worker, 1945—1958.
Daily World, 1967—1986.
International Herald Tribune, 1960—1980.
Journal of American History *.
Labor History, 1969, 1975.
Labor Today, 1963—1980.
Monthly Labor Review, 1945—1986.
New York Times *.
Newsweek *.
Political Affairs, 1945—1986.
Progressive, 1968—1980.
Radical America, 1968—1980.
Ramparts, 1965.
Time *.
US News and World Report *.
Washington Post *.

* За отдельные годы.

ЛИТЕРАТУРА

Арбатов Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма. М., 1970.
Андросов В. П. Профсоюзы США в условиях государственно-монополистического капитализма. М., 1971.
Аптекер Г. История афро-американцев: Современная эпоха. М., 1975.
Богданов Р. Г. США: военная машина и политика. М., 1983.
Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.
Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960.
Гаузнер Н. Д. Научно-технический прогресс и рабочий класс США. М., 1968.
Гаджиев К. С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии. М., 1982.
Геевский И. А. США: негритянская проблема: Политика Вашингтона в негритянском вопросе (1945—1972). М., 1973.
Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции/Отв. ред. Г. А. Арбатов, В. В. Журкин, В. И. Павлюченко. М., 1979.
Грин Г. Что происходит в американских профсоюзах. М., 1978.
Громыко Анат. А. Внешняя политика США: уроки и действительность, 60—70-е годы. М., 1978.
Джексон Д. Революционные тенденции в мировой политике и борьба черных американцев. М., 1978.
Дэвис А. Автобиография. М., 1978.

Егорова Н. И. Советско-американские отношения послевоенного периода в буржуазной историографии США. М., 1981.
Ершова Е. Н. Движение за мир, против милитаризма и войны в США (1965—1978 гг.). М., 1980.
Журкин В. В. США и международно-политические кризисы. М., 1975.
Замошкин Ю. А. Личность в современной Америке: опыт анализа ценностных и политических ориентаций. М., 1980.
Золотухин В. П. Фермеры и Вашингтон. М., 1968.
Иванян Э. А. Белый дом: президенты и политика. 2-е изд., М., 1979.
История внешней политики СССР, 1917—1980:/Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева: В 2-х т. М., 1981. Т. 2.
История дипломатии: В 5-ти т./Под ред. А. А. Громыко. М., 1959—1979. Т. 5, кн. 1, 2.
Керемецкий Я. Н. США: профсоюзы в борьбе с капиталом. М., 1970.
Кинг М. Л. Есть у меня мечта...— Избранные труды и выступления. М., 1970.
Кислова А. А. Социальное христианство в США. М., 1974.
Кокошин А. А. США: за фасадом глобальной политики. М., 1981.
Кунина А. Е. Идеологические основы внешней политики США. М., 1973.
Лайтфут К. М. Восстания в гетто за освобождение негров. М., 1972.
Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978.
Лапицкий М. И. США: роль профсоюзов во внутриполитической жизни. Вторая половина 60-х—начало 70-х годов. М., 1973.
Маклярский Б. И. «Великое общество»: декларации и действительность. М., 1969.
Мальков В. Л. «Новый курс» в США: Социальные движения и социальная политика. М., 1973.
Манькин А. С. История двухпартийной системы США. М., 1981.
Марушкин Б. И. История и политика: Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969.
Массовые движения социального протеста в США: Семидесятые годы/Отв. ред. И. А. Геевский, Л. А. Салычева. М., 1978.
Международные отношения после второй мировой войны: В 3-х т./Глав. ред. Н. Н. Иноземцев. М., 1962—1965.
Мельников А. Н. Современная классовая структура в США. М., 1974.
Мельников Ю. М. Имперская политика США: истоки и современность. М., 1984.
Митрохин Л. Н. Негритянское движение в США: идеология и практика. М., 1974.
Михайлов Б. Я. Конгресс производственных профсоюзов США, 1935—1955: (Из истории американского рабочего движения). М., 1959.
Моррис Дж. Основные проблемы рабочего движения США. М., 1961.
Мостовец Н. В. Рабочее движение в США после второй мировой войны. М., 1957.
Новинская М. И. Студенчество США: Социально-психологический очерк. М., 1977.
Никитин В. А. США: правый экстремизм — угроза демократии. М., 1971.
Петровский В. Ф. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М., 1980.
Печатнов В. О. Демократическая партия США: избиратели и политика. М., 1980.
Подлесный П. Т. СССР и США: 50 лет дипломатических отношений. М., 1983.
Политическая жизнь в США: (Проблемы внутренней политики)/Под ред. В. И. Лана. М., 1966.
Попов А. А. США: государство и профсоюзы. М., 1974.
Проблемы и противоречия американской экономики/Под ред. Е. С. Шершнева. М., 1978.
Ржешевский О. А. Война и история: (Буржуазная историография США о второй мировой войне). 2-е изд. М., 1984.
Современная внешняя политика США: В 2-х т./Отв. ред. Г. А. Трофименко. М., 1984.
Современные внешнеполитические концепции США/Отв. ред. Г. А. Трофименко. М., 1979.
Современное политическое сознание в США. М., 1980.
Согрин В. В. Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975.
Согрин В. В. Мифы и реальности американской истории. М., 1986.
Соединенные Штаты Америки: (Современный монополистический капитализм)/Отв. ред. А. В. Аникин, О. Н. Быков, А. И. Шапиро, М., 1982.
США: обострение социальных противоречий и массовые демократические движения/Отв. ред. Н. В. Мостовец. М., 1980.
США: проблемы внутренней политики/Под ред. В. С. Зорина. М., 1971.
США: политическая мысль и история/Отв. ред. Н. Н. Яковлев. М., 1976.
США: студенты и политика/Отв. ред. В. С. Зорин, Л. А. Салычева. М., 1974.

Тимофеев Т. Т. Рабочий класс в центре идейно-теоретического противоборства. М., 1979.
Тимофеев Т. Т. Империализм и пролетариат. М., 1985.
Трофименко Г. А. США: политика, война, идеология. М., 1976.
Фулбрайт Дж. У. Самонадеянность силы. М., 1976.
Фурсенко А. А. Критическое десятилетие Америки: 60-е годы. Л., 1974.
Хансен Э. Послевоенная экономика США. М., 1966.
Яковлев А. Н. От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века. М., 1985.
Яковлев Н. Н. Новейшая история США, 1917—1960. М., 1961.

Adams J. G. Without Precedent: The Story of the Death of McCarthyism. N. Y.; L., 1983.
Alexander C. Holding the Line: The Eisenhower Era, 1952—1961. Bloomington, 1975.
Allen R. L. Black Awakening in Capitalist America. An Analytic History. Garden City, 1970.
Ambrose S. E. Eisenhower. N. Y., 1983.
America and Russia. From Cold War Confrontation to Coexistence/Ed. by G. R. Hess. N. Y., 1973.
American Militarism/Ed. by E. Knoll, J. N. McLadden. N. Y., 1970.
The American Negro Reference Book/Ed. by Y. Dawis. Englewood Cliffs (N. J.), 1966.
American Political Behavior: Historical Essays and Readings/Ed. by L. Benson, A. Bague. N. Y., 1973.
American Politics: The People and the Polity. Boston; Toronto, 1982.
Antidemocratic Trends in Twentieth Century America/Ed. by R. L. Delorme, R. G. McImnis. Reding (Mass.), 1969.
Ash R. Social Movement in America. Chicago, 1972.
Ball G. W. Diplomacy for a Crowded World. An American Foreign Policy. N. Y., 1976.
Bell D. The End of Ideology. Glencoe, 1960.
Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. L., 1976.
Berry F. M., Blessingame J. W. Long Memory: The Black Experience in America. N. Y., 1982.
Beyond Containment. US Foreign Policy in Transition/Ed. by R. W. Tucker, W. Watts. Wash., 1973.
Beyond Liberalism: The New Left Views American History/Ed. by I. Unger. Waltham (Mass.), 1971.
Beyond the Welfare State/Ed. by I. Howe. N. Y., 1982.
Bohlen Ch. Witness to History, 1929—1969. N. Y., 1973.
Broder D. Party's Over. The Failure of Politics in America. N. Y., 1972.
Brody D. Workers in Industrial America: Essays on the Twentieth Century Struggle. N. Y., 1980.
Brubacher J., Rudy W. Higher Education in Transition. A History of American Colleges and Universities, 1636—1968. N. Y., 1968.
Burns J. Government by the People. Englewood Cliffs, 1975.
Caldwell L., Diebold W. Soviet-American Relations in the 80s. N. Y., 1981.
The Carter Years: the President and Policy Making/Ed. by M. G. Abernathy e. a. L., 1984.
Chomsky N. American Power and the New Mandarines. N. Y., 1968.
Cochran B. Harry Truman and the Crisis Presidency. N. Y., 1973.
Collier P., Horowitz D. The Kennedys. L., 1984.
Containment and the Cold War. American Foreign Policy since 1945/Ed. by T. Paterson. Reading (Mass.), 1973.
Cook D. Presidents of the USA. Newton Abbot, 1981.
Davidson J. W., Lytle M. H. The United States: A History of the Republic. Englewood Cliffs (N. J.), 1981.
Dellinger D. More Power Than We Know: The People's Movement Toward Democracy. N. Y., 1975.
Demause L. Reagan's America. N. Y.; L., 1984.
Donovan R. Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman, 1945—1948. N. Y., 1977.
Dorman M. Witch Hunt. The Underside of American Democracy. N. Y., 1976.
Dugger R. On Reagan: the Man and His Presidency. N. Y., 1983.
Dutton F. G. Changing Sources of Power. American Politics in the 1970s. N. Y., 1971.

Labor and American Politics/Ed. by Ch. Rehmus, D. McLaughlin. Ann Arbor (Mich.), 1967.
Ladd E., Hadley G. Transformations of the American Party System. Political Coalitions from the New Deal to the 1970s. N. Y., 1978.
Lader L. Power on the left: American Radical Movements Since 1946. N. Y.; L., 1979.
La Feber W. America, Russia and the Cold War, 1945—1971. N. Y., 1972.
Larkin O. Art and Life in America. N. Y., 1960.
LeBlanc H. L. American Political Parties. N. Y., 1982.
Lens S. The Military—Industrial Complex. Kansas City (Mo), 1970.
Leuchtenburg W. E. In the Shadow of FDR. From Harry Truman to Ronald Reagan. Revised edition. Ithaca, 1985.
The Liberal Future in America. Essays/Ed. by Ph. Abbott, M. B. Levy. Westport (Conn.); London, 1985.
Link A. S. American Epoch. A History of the United States since the 1890s: Vol. 1–4. N. Y., 1967.
Lippman W. The Cold War. N. Y., 1947.
Lomax L. The Negro Revolt. N. Y., 1963.
Lubell S. The Future of American Politics. N. Y., 1955.
Maddox R. The New Left and the Origins of the Cold War. Princeton, 1973.
Marxism and Alienation. A Symposium/Ed. by H. Aptheker. N. Y., 1965.
Mattloff M. American Military History. N. Y., 1972.
Meier A., Rudwick E. CORE: A Study in the Civil Rights Movements, 1942—1968. Urbana, 1975.
Miller W. A. New History of the United States. N. Y., 1975.
Mills C. W. The Power Elite. N. Y., 1956.
Montgomery D. Workers' Control in America. L. etc., 1979.
Mooney P., Bown C. Truman to Carter. A Post-War History of the United States of America. L., 1979.
Morgenthau H. A New Foreign Policy for the United States. N. Y., 1969.
Morris Ch. R. A Time of Passion: America, 1960—1980. N. Y., 1984.
The Negro and the American Labor Movement/Ed. by J. Jacobson. Garden City (N. Y.), 1968.
The New Left: A Documentary History/Ed. by M. Teodori. N. Y., 1969.
Paterson T. G. Soviet-American Confrontation. Postwar Reconstruction and the Origins of the Cold War. Baltimore; London, 1973.
Paths of American Thought/Ed. by A. M. Schlesinger, Jr., M. White. Boston, 1963.
Patterson J. America's Struggle Against Poverty, 1900—1980. Cambridge (Mass.), 1981.
Phillips C. The Truman Presidency. The History of a Triumphant Succession. N. Y. 1966.
Reeves Th. C. The Life and Times of Joe McCarthy: a Biography. L., 1982.
Reich Ch. The Greening of America. N. Y., 1970.
Ross E. R. Kennedy: Apostle for Change. N. Y., 1969.
Saving American Capitalism. A Liberal Economic Program/Ed. by S. E. Harris. N. Y., 1950.
Scammon R. M., Wattenberg B. J. The Real Majority. N. Y., 1970.
Schlesinger A. M., Jr. The Imperial Presidency. Boston, 1973.
Sorensen T. C. Kennedy. N. Y., 1965.
Taft Ph. The A. F. of L. from the Death of Gompers to the Merger. N. Y., 1959.
Terkel S. Working. N. Y., 1974.
Twentieth Century America: Recent Interpretations/Ed. by B. Bernstein, A. Matusow. N. Y., 1969.
Ulam A. The Rivals, America and Russia since World War II. N. Y., 1971.
The Vietnam Legacy/Ed. by A. Lake. N. Y., 1976.
Violance in America: a Historical and Contemporary Reader/Ed. by Th. Rose. N. Y., 1970.
White Th. H. America in Search of Itself: the Making of the President, 1956–1980. N. Y., 1983.
Williams W. A. The Roots of the Modern American Empire. N. Y., 1969.
Woodson C. G., Wesley Ch. H. The Negro in Our History. Wash., 1962.
The Wounded Generation: America after Vietnam/Ed. by A. D. Horne. Englewood Cliffs (N. J.), 1981.
Yarmolinsky A., Foster G. D. Paradoxes of Power: The Military Establishment in the Eighties. Bloomington, 1983.
Zinn H. A People's History of the United States. N. Y., 1980.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

II

УГЛУБЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

ИСТОРИЯ США

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

1945 — 1980

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории Академии наук СССР

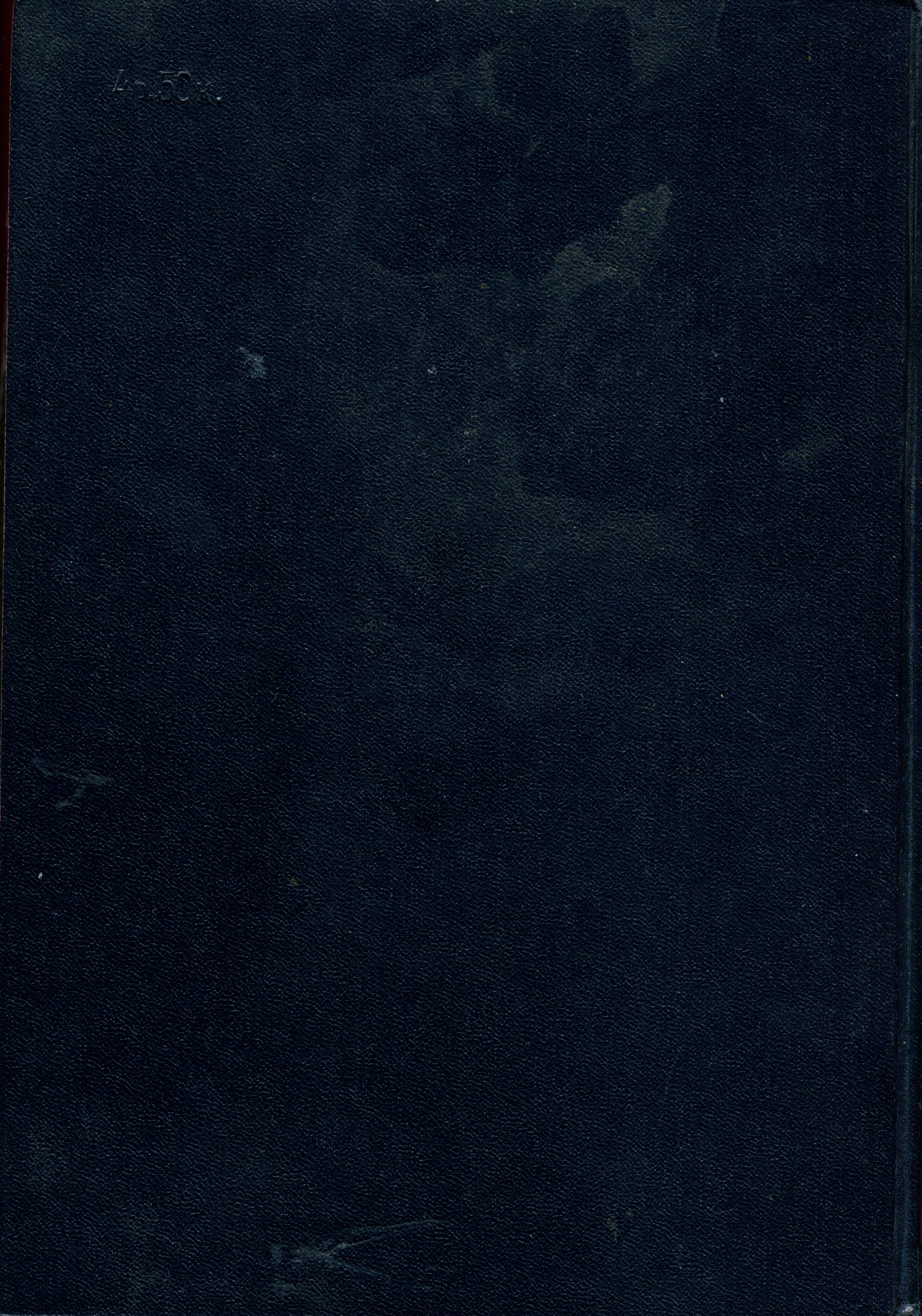
Редактор Р. Е. КАНТОР. Редактор издательства Л. И. БЕЛЕНЬКАЯ
Художник Е. А. МИХЕЛЬСОН. Художественный редактор Н. Н. ВЛАСИК
Технический редактор В. Д. ПРИЛЕПСКАЯ
Корректоры В. А. АЛЕШКИНА, Ю. Л. КОСОРЫГИН, Е. В. ШЕВЧЕНКО

ИБ № 31950

Сдано в набор 13.06.86. Подписано к печати 4.09.86. Т-13858. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая
Усл. печ. л. 60,22. Усл. кр. отт. 61,51. Уч.-изд. л. 64,7.
Тираж 30000 экз. Тип. зак. 2716 Цена 4 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

4 р. 50 к.